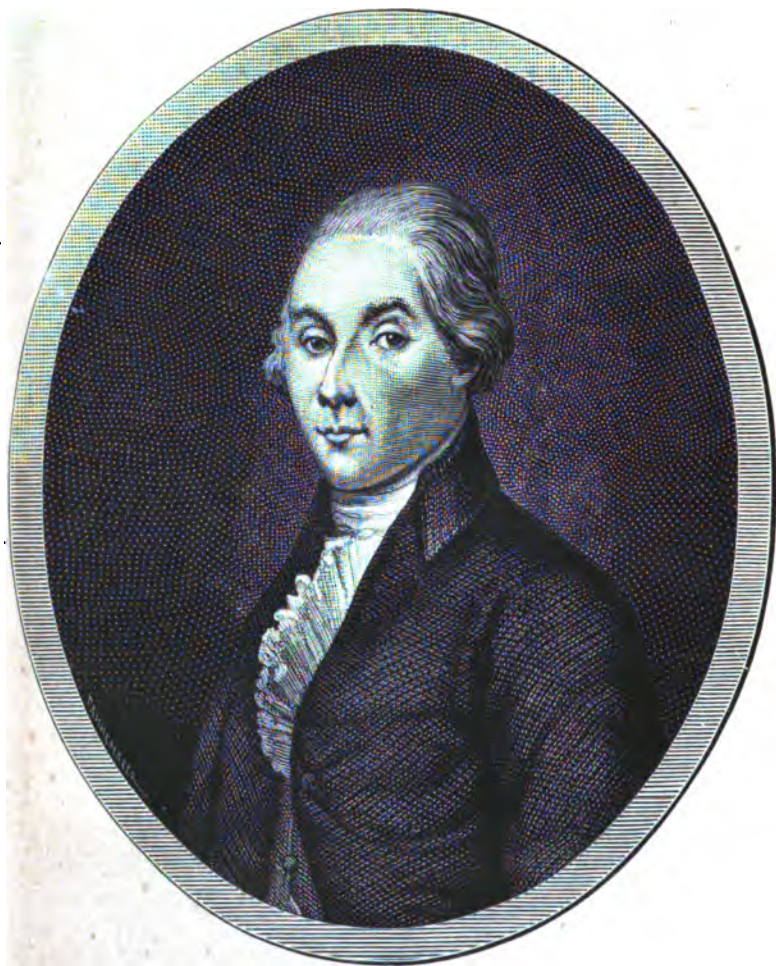


А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Съ гравированнаго портрета Алексѣева. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 ФЕВРАЛЯ 1883 Г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

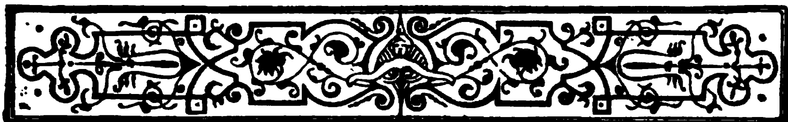
ТОМЪ XII

1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1883

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ И ІЮНЬ 1883 ГОДА.)



АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ.

(Литературная характеристика).

«Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого-же мы будемъ помнить?» (Пушкинъ. 1823 г. Письмо къ Бестужеву. «Рус. Арх.» 1866 г., стр. 1209).

«Картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться въ-слѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ». (Пушкинъ. 1833 г. «Мысли на дорогѣ. VIII. Мѣдное». Соч. П-на, изд. 1881 г., V, стр. 227).

«Путешествіе въ Москву... есть... очень посредственное произведеніе, не говоря даже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны». (Пушкинъ. 1836 г. «Александръ Радищевъ». Соч. Пушкина. V, стр. 358).

«Въ ней (т. е. въ книгѣ Радищева) есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній». (Тамъ же, стр. 359).

«Не можемъ въ немъ не признать... политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». (Тамъ же, стр. 354).

«Вслѣдъ Радищеву восславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

(Пушкинъ. 1836 г. Одинъ изъ варіантовъ «Памятника» См. кн. «А. С. Пушкинъ. I. М. 1881 г.» Прилож.).

РИВЕДЕННЫЕ эпиграфы изъ Пушкина показываютъ, какъ противорѣчивы и неясны были разновременныя и даже одновременныя воззрѣнія великаго писателя на Радищева. Эти колебанія мысли поэта служатъ прекраснымъ выраженіемъ неясности взглядовъ русскаго общества и русской литературы на автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ у насъ борются восторженныя симпатіи къ нему съ несочувственнымъ

на него взглядомъ; до сихъ поръ совершенно не выяснена мѣра вліянія на него иностранныхъ идей, съ которыми онъ освоился во время своего ученія за-границей; до сихъ поръ остается въ тѣни вопросъ—было ли въ немъ и его сочиненіяхъ что̀-нибудь народное, русское.

Попытаемся внести нѣкоторый свѣтъ въ этотъ открытый вопросъ объ извѣстномъ писателѣ, не вдаваясь, впрочемъ, въ подробное изслѣдованіе его жизни и литературной дѣятельности.

Сочиненія Радищева замѣчательны не только по своей печальной судьбѣ, но и потому еще, что въ нихъ мы видимъ выраженіе самыхъ противуположныхъ и даже противорѣчащихъ идей. Воспитанникъ германскаго университета, знакомый близко со всею мудростью XVIII-го вѣка и увлеченный ею, Радищевъ былъ въ то-же время коренной русскій человѣкъ въ душѣ. Не было въ екатерининскую эпоху ни одного писателя, въ дѣятельности котораго замѣчалось бы такое необыкновенное смѣшеніе разнородныхъ направленій, въ душѣ котораго уживались бы такъ странно идеи, заимствованныя изчужа съ инстинктами и мыслями непосредственнаго русскаго человѣка, уживались не сливаясь въ одно стройное міросозерцаніе и не уступая мѣста другъ другу, а какъ-то постоянно борясь, безъ всякаго перевѣса въ ту или другую сторону, причемъ объ этой борьбѣ не зналъ (т. е. не сознавалъ ее ясно) самъ носившій ее въ душѣ [1]).

Главное изъ сочиненій Радищева—«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ сочиненіи этомъ есть изумительныя противорѣчія, чрезвычайныя странности, которыя и служатъ, конечно, причиной неяснаго пониманія личности Радищева и которыя, по всей вѣроятности, также были главной причиной опалы на него. Но объ этомъ послѣ. Прежде всего остановимся на главномъ содержаніи «Путешествія».

Книга эта есть собственно рядъ публицистическихъ статей о различныхъ предметахъ: о литературѣ, цензурѣ и, главнымъ обра-

---

[1]) Главныя сочиненія о Радищевѣ и матеріалы для его біографіи:

«Рус. Вѣстн.» 1858 г. № 23. «А. Н. Радищевъ». Ст. сына его Павла, съ примѣчаніями Лонгинова.

«Библіогр. Зап.» 1859 г. № 17. Ст. Лонгинова «Рус. студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ проэктѣ Радищева».

«Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей». 1865 г., кн. 3.

«Архивъ кн. Воронцова». Кн. V и XII.

«Вѣстн. Евр.» 1868 г. № 5. Ст. А. Н. Пыпина «Крыловъ и Радищевъ». Тамъ же № 7. Ст. А. П-на объ изданіи «Путешествія» въ 1868 г. Шигинымъ.

Изслѣдов. В. Е. Якушкина «Судъ надъ рус. писателемъ въ 18 в. Къ біографіи Радищева» («Рус. Старина». 1882 г., сент.).

Предполагавшееся изданіе сочиненій Радищева подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872 г.

зомъ, о крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ. Отдѣльныя главы сочиненія носятъ названія различныхъ станцій между Петербургомъ и Москвою.

Радищевъ яркими, и можетъ быть нѣсколько грубыми и рѣзкими, чертами рисуетъ тяжелое, безотрадное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ: непомѣрность ихъ труда, безправіе ихъ, бѣдность, жестокость помѣщиковъ.

Участь помѣщичьяго крестьянина гораздо тяжелѣе судьбы крестьянина государственнаго. Въ главѣ «Любань» Радищевъ разсказываетъ, что видѣлъ крѣпостныхъ, работающихъ на помѣщика шесть дней, а на себя только въ праздникъ.

«Сравнилъ я (говоритъ онъ) крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что хочетъ ихъ господинъ. Одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы»[1].

Въ главѣ «Вышній Волочекъ» авторъ обращается къ своему читателю:

«Не потомъ-ли, не слезами-ли и стенаніемъ утучнялись нивы, на которыхъ хлѣбъ выросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ классовъ родившихся на нивѣ, казенной называемой, или по крайней мѣрѣ на нивѣ оброкъ своему помѣщику платящей. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна лежащаго въ житницѣ дворянской. На немъ почили скорбь и отчаяніе, на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ Своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ» (стр. 271).

Въ этой-же главѣ разсказывается о помѣщикѣ, который лишилъ крестьянъ и «малаго участка» земли для того, чтобы они постоянно работали только нанего.

«Варваръ! (восклицаетъ Радищевъ) не достоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кто его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ и считаемъ, чтобы полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтобъ одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи?» (стр. 275).

Въ «Черной Грязи» Радищевъ видѣлъ свадьбу, совершаемую противъ воли брачущихся, по самовластію помѣщика.

«И сіе называется (восклицаетъ онъ) союзомъ божественнымъ! и богохуленіе сіе остается на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!» (стр. 417).

Въ главѣ «Мѣдное» (къ которой сочувственно отнесся Пушкинъ) Радищевъ повѣствуетъ о томъ, какъ продавался домъ дворянина и вмѣстѣ съ домомъ 6 человѣкъ крестьянъ, между которыми были:

«старикъ лѣтъ 75, унесшій на плечахъ изъ строю раненаго своего господина и сдѣлавшійся потомъ дядькою своего молодаго барина; старуха 80 лѣтъ,

---

[1]) «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». 1790 г. въ Санктпетербургѣ. Стр. 18.

кормилица матери своего молодаго барина; молодица 18 лѣтъ, обезчещенная господиномъ, которая держала на рукахъ младенца, плодъ обмана и насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго отца».

Радищевъ указываетъ на то, что крестьяне, какъ онъ выражается, «мертвы въ законѣ», имъ запрещено жаловаться на помѣщиковъ. Въ мѣстечкѣ «Едрово» путешественникъ слышалъ разсказъ, какъ во время пугачевскаго бунта крестьяне тащили на судъ Пугачева помѣщика, омерзившаго 60 дѣвицъ.

«Глупые крестьяне! (говоритъ онъ) вы искали правосудія въ самозванцѣ! но почто вы не повѣдали сего законнымъ судіямъ вашимъ! Они бы предали его гражданской смерти и вы бы невинны осталися. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, если близкій взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнилъ и далъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе. Но крестьяне въ законѣ мертвы» (225).

Эту-же мысль авторъ развиваетъ въ главѣ «Пешки»:

«Помѣщикъ въ отношеніи крестьянина (поясняетъ онъ) есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ» (стр. 414).

Для полноты картины крестьянской жизни Радищевъ, въ той-же главѣ «Пешки», описываетъ курную избу и рисуетъ бытъ крѣпостнаго человѣка. Пушкинъ отнесся къ этому какъ къ каррикатурѣ, и былъ правъ въ томъ смыслѣ, что авторъ «Путешествія» впалъ въ преувеличеніе, обобщивши частный, мѣстный фактъ. Но признать этотъ фактъ ложью, конечно, нельзя.

«Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно всю утварь крестьянской избы (говоритъ Радищевъ). Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ по немъ скользило. Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ, по крайней мѣрѣ, поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимой и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустые шти); деревянная чашка и кружкй тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотать воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества».

«Звѣри алчные, піявицы ненасытныя! (заканчиваетъ Радищевъ негодующимъ восклицаніемъ эту печальную картину). Что крестьянину мы оставляемъ? то, чего отнять не можемъ, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ... Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но сколько способовъ отъяти ее у него постепенно; съ одной стороны почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная» (стр. 412—414).

Какъ неизбѣжный и необходимый выходъ изъ невозможнаго положенія, созданнаго крѣпостнымъ правомъ, Радищевъ предлагаетъ въ главѣ «Хотиловъ» проэктъ освобожденія крестьянъ. Онъ указываетъ на грозящую Россіи безъ этой мѣры возможность народныхъ возмущеній; онъ напоминаетъ пугачевскій бунтъ.

«Прельщенные грубымъ самозванцемъ (говоритъ онъ про возмутившихся тогда крестьянъ) текутъ ему во слѣдъ и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе» (стр. 261).

Какой-же это проэктъ Радищева? Какіе онъ указываетъ пути освобожденія?

Императрица Екатерина думала, что Радищевъ хотѣлъ возмущенія крестьянъ. На справедливость такого подозрѣнія повидимому намекаетъ мысль, мимоходомъ высказанная въ главѣ «Мѣдное», что свободы крестьянъ можно ждать не отъ помѣщиковъ, а отъ самой тягости порабощенія.—Но не эта мысль (притомъ же не совсѣмъ и ясная) проведена въ проэктѣ, далекомъ отъ революціонныхъ стремленій.

Радищевъ ждалъ и желалъ освобожденія крестьянъ силою верховной власти; онъ былъ увѣренъ, что наши государи понимали необходимость освобожденія и желали его.

«Мудрые правители нашего народа (говоритъ онъ), истиннымъ подвизаемы человѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старалися положить предѣлъ стоглавому сему злу (т. е. рабству). Но державные ихъ подвиги утщетилися извѣстнымъ тогда гордымъ своими преимуществами въ государствѣ нашемъ чиносостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ» (стр. 240).

Замѣчательно, что и противъ дворянства, враждебнаго, по его мнѣнію, освобожденію, Радищевъ не хотѣлъ дѣйствія одной силы; онъ пытается повліять на «сердце дворянина».

Онъ, какъ увидимъ, придавалъ большое значеніе въ жизни человѣка чувству; въ предисловіи къ своему «Путешествію» онъ гоговоритъ, что книга его написана именно съ цѣлью (и прибавимъ—съ надеждою, а можетъ быть и съ увѣренностію) повліять на сердце помѣщиковъ.

«Неужели мы будемъ чужды (обращается онъ въ проэктѣ къ своимъ собратьямъ по сословію) ощущенію человѣчества, чужды движеніямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердецъ, любви чужды братнія, и оставимъ на глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношеніе дальнѣйшаго потомства треть цѣлую общниковъ нашихъ, сограждамъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжелыхъ узахъ рабства и неволи?»

Онъ называетъ «звѣрскимъ» обычаемъ порабощать себѣ подобныхъ, говоритъ, что обычай этотъ родился въ знойныхъ странахъ Азіи и недостоинъ насъ, славянъ, сыновъ славы; онъ восприиятъ нами, когда мы поражены были «мракомъ невѣжества», но къ стыду прошедшихъ вѣковъ, къ стыду нынѣшняго разумнаго времени, удержался и до сего дня.

Крѣпостное право вредно не только для крестьянина, но и для помѣщиковъ:

«Нѣтъ ничего вреднѣе (пишетъ Радищевъ), какъ всегдашнее на предметы рабства воззрѣніе. Съ одной стороны родится надменность, а съ другой—робость».

Радищевъ полагалъ, что освобожденіе крестьянъ, имѣющее совершиться волею верховной власти, должно быть соединено съ земельнымъ надѣломъ.

«Колико мы удалились (читаемъ въ проэктѣ) отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но работая ниву чуждую зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго!» «Кто-же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея? (стр. 245).

Освобожденіе, по мысли друга Радищева (отъ лица котораго предлагается проэктъ), должно быть выполнено не разомъ, а съ нѣкоторою постепенностью, чтобы не быть насильственнымъ, потому что «вышняя власть не достаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно». Автору проэкта хочется, значитъ, чтобы дворянство участвовало въ освобожденіи не однимъ своимъ противодѣйствіемъ. Путь правительственныхъ мѣропріятій предлагается такой: прежде всего надо остановить дальнѣйшее развитіе рабства, для чего должно раздѣлить крестьянъ на сельскихъ и домашнихъ (т. е. дворовыхъ) и запретить «поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы», подъ страхомъ освобожденія. Затѣмъ надо дозволить крестьянамъ вступать въ бракъ не испрашивая на то согласія господина. Далѣе, слѣдуетъ признать собственностью крестьянъ «удѣлъ земли ими обработываемой» и «надлежитъ крестьянину судиму быть равными ему». Потомъ, какъ послѣдній шагъ передъ полнымъ и обязательнымъ освобожденіемъ, должно крестьянину «дозволить пріобрѣтать землю и вольность, платя господину за отпускную извѣстную сумму». Наконецъ законодатель уничтожитъ совершенно рабство; Радищевъ влагаетъ въ уста его будущее восклицаніе: «Изчезни варварское обыкновеніе, разрушься власть тигровъ!»

Такова сущность мыслей Радищева о крѣпостномъ правѣ и его уничтоженіи. Автору настоящей статьи могутъ возразить, что въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» есть идеи другаго рода, не вяжущіяся съ приведенными положеніями и выписками, идеи революціоннаго характера, которыя и были, вѣроятно, главною причиною осужденія книги. Возраженіе это будетъ въ значительной мѣрѣ справедливо, и авторъ уже оговорился, что книга Радищева исполнена странныхъ противорѣчій. Но объ этихъ противорѣчіяхъ рѣчь впереди. Прежде всего надо выяснить одинъ порядокъ мыслей разбираемаго писателя.

Передъ нами теперь опредѣленный взглядъ Радищева на крѣпостное право и его проэктъ освобожденія крестьянъ. Спрашивается: этотъ взглядъ и этотъ проэктъ навѣяны иностранными идеями, освободительной философіей XVIII-го вѣка, съ которой Радищевъ былъ знакомъ? или явились изъ глубины русской души нашего писателя, изъ его наблюденій надъ русской дѣйствительностью?

Едва ли слѣдуетъ колебаться въ отвѣтѣ. Можно признать, конечно, основательнымъ замѣчаніе г. Алексѣя Н. Веселовскаго въ его книгѣ «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», что Радищеву однимъ изъ поводовъ «къ рѣзкимъ обличительнымъ картинамъ стариннаго помѣщичества и крестьянскаго безправія» послужило сочиненіе аббата Рейналя «Исторія обѣихъ Индій» (только это, разумѣется, не единственный поводъ, какъ думаетъ г. Веселовскій); можно признать, что на внѣшнюю форму «Путешествія въ Москву», на юморъ и чувствительность его повліяло «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Но основы взгляда Радищева на освобожденіе крѣпостныхъ людей, на путь этого освобожденія, очевидно, не заимствованы изъ Европы (Самъ г. Веселовскій, при всемъ своемъ западничествѣ, ставитъ Радищева выше Стерна и Рейналя). Корифеи французской литературы XVIII-го столѣтія, выразители мысли своей эпохи думали совсѣмъ иначе объ этомъ дѣлѣ, чѣмъ нашъ писатель.

Радищевъ хотѣлъ освобожденія волею верховной власти и притомъ съ надѣломъ землею (т. е. того, что̀ дѣйствительно и совершилось въ наши дни).

Вольтеръ въ своемъ сочиненіи, присланномъ въ Петербургское Вольное Экономическое Общество на конкурсъ по вопросу о поземельной собственности крестьянъ [1]), говоритъ, что дворянъ не слѣдуетъ принуждать къ освобожденію рабовъ, а надо предоставить это дѣло на ихъ волю, на ихъ усмотрѣніе; и во всякомъ случаѣ (утверждаетъ онъ) въ государствѣ должно быть сословіе, все богатство котораго состоитъ лишь въ рукахъ предназначенныхъ для работы.

Радищевъ предлагалъ начать освобожденіе тотчасъ же, считая рабство опаснымъ. Руссо (въ своемъ проэктѣ освобожденія въ «Considérations sur le gouvernement de Pologne») напротивъ выражалъ мысль, что освобожденіе опасно и что слѣдуетъ рабовъ прежде приготовить образованіемъ къ принятію вольности, слѣдуетъ прежде «освободить души» крестьянъ, а потомъ уже тѣла.

Интересно, что въ проэктѣ Радищева, въ его мысляхъ вообще о крѣпостномъ правѣ есть нѣкоторое сходство съ запиской Ю. Ѳ. Самарина «О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ», запиской, которая играла такую большую роль въ дѣйствительной жизни. Не говоря уже объ основныхъ положеніяхъ реформы, сходство замѣчается и въ подробностяхъ. Самаринъ развивалъ мысль, что крѣпостное право вредно не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ; мы видѣли у Радищева намекъ на то-же. Самаринъ доказывалъ, что оброчное положеніе легче

---

[1]) «Отеч. Зап.» 1880 (?) г. №№ 10—12. Ст. В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II-й».

барщиннаго; то-же говорилъ Радищевъ. Самаринъ предлагалъ начать реформу съ остановленія дальнѣйшаго развитія крѣпостнаго права, между прочимъ съ запрещенія переводить крестьянъ съ земли во дворъ; мы видѣли то-же у Радищева (Славянофилы отказались, впрочемъ, потомъ, какъ извѣстно, отъ постепенности въ реформѣ). Разумѣется только, что то, что у Самарина развито глубоко и подробно, у Радищева является лишь въ видѣ намековъ, порой довольно неопредѣленныхъ.

Несмотря на все вышесказанное, несомнѣнно, однако, что Радищевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ иностранныхъ идей. Какъ извѣстно, онъ былъ въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія посланъ, вмѣстѣ съ Кутузовымъ, Ушаковымъ и другими молодыми людьми, въ Лейпцигскій университетъ «для обученія на казенномъ иждивеніи».—Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, именно въ «Житіи Ушакова» [1]), Радищевъ разсказываетъ, что нѣкто Ѳ. возбудилъ въ немъ страсть къ чтенію, давъ книгу Гельвеція «О разумѣ» (De l'esprit):

«Мы читали... сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной мыслить научалися».

Конечно, послѣ Гельвеція принялись наши юноши и за другихъ философовъ XVIII-го вѣка.—Вліяніе этихъ мыслителей, и свѣтлой, и темной стороны ихъ ученія (преимущественно послѣдней), очень замѣтно во всѣхъ сочиненіяхъ Радищева. Это вліяніе (кромѣ дѣйствія на «Путешествіе въ Москву» названныхъ выше сочиненій Стерна и Рейналя) сказывается: въ скептицизмѣ нашего писателя, въ педагогическихъ его идеяхъ, въ проводимой имъ теоріи эгоизма, въ цинизмѣ и т. д.

Скептицизмъ выразился и въ философскомъ сочиненіи Радищева «О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи», и, можетъ быть, еще сильнѣе въ «Путешествіи»: съ сомнѣніемъ смотритъ здѣсь нашъ авторъ на Ветхій Завѣтъ, на церковное преданіе, на древнюю исторію.—Въ главѣ «Торжокъ» онъ высказывается враждебно противъ вселенскихъ соборовъ и противъ духовенства.

«Священнослужители (говоритъ онъ) были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ человѣческій... они подстригали ему крылие, да не обратитъ полетъ свой къ величію и свободѣ» (стр. 306).

Вселенскіе соборы «у истины отнимали сильную опору—различіе мнѣній, прѣнія и невозбранное мыслей своихъ изрѣченіе».

«Мучитель Константинъ, Великимъ названный, слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавшему Аріево ученіе проклятію, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на сожженіе, а того, кто оныя книги имѣть будетъ, на смерть. Импе-

---

[1]) Полн. Собр. соч. Радищева, 1806—1811 гг., т. V.

раторъ Өеодосій II проклятыя книги Несторія велѣлъ всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ то же положено о писаніяхъ Евтихія. Въ Пандектахъ Юстиніановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя рѣшенія. Несмысленные! не вѣдали, что истребляя превратное или глупое истолкованіе Христіанскаго ученія и запрещая разуму трудиться въ изслѣдованіи какихъ-либо мнѣній, они останавливали его шествіе... Кто можетъ за то поручиться, что Несторій, Арій, Евтихій и другіе еретики быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы вселенскіе соборы не были созваны, чтобы Декартъ родиться могъ десять столѣтій прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!» (стр. 312—313).

Какъ духовныя лица, такъ и древніе цари и вожди племенъ представляются Радищеву сознательными обманщиками людей (иногда обманывающими съ доброй цѣлью, иногда съ дурной). Въ древности, во времена грубости народовъ, главнѣйшее, почти исключительное значеніе имѣлъ (говоритъ онъ) внѣшній блескъ.

«Нума могъ грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что нимфа Егерія наставляла его въ его законоположеніяхъ... Магометъ могъ прельстить скитающихся Аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей приялъ скрыжали заповѣдей на горѣ среди блеску молній. Но нынѣ буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій» (Гл. «Выдропускъ», стр. 285).

Въ главѣ «Путешествія» — «Крестьцы» изображена сцена разставанія отца съ сыновьями, и въ ней Радищевъ высказываетъ свой взглядъ на воспитаніе. Взглядъ этотъ во многомъ близокъ къ воззрѣніямъ Руссо. Здѣсь проводится мысль, что человѣкъ долженъ самъ доходить до познаній, а воспитатель можетъ лишь помогать ему въ этомъ, указывая умственные пути.

«Во младенчествѣ и отрочествѣ (говоритъ отецъ дѣтямъ) не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или мыслями чуждыми, не отягощалъ памяти вашей излишними предметами. Но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ пріобрѣли нетвѣрдя (sic), какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока якова. Слѣдуя сему правилу доколѣ силы разума не были дѣйствующи, не предлагалъ я вамъ понятія о Всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетеся разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога...» (стр. 171—172).

Въ одномъ только Радищевъ отступилъ отъ воспитательной теоріи Руссо: онъ признаетъ полезнымъ обучать дѣтей музыкѣ.

Вліяніе Руссо сказалось и во взглядѣ нашего писателя на чувство: сердце человѣка (читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ «Путешествія», въ гл. «Любань») есть «первенственное уложеніе». Онъ придаетъ «страстямъ» первостепенное значеніе въ жизни человѣка; не надо отстраняться отъ страстей:

«Корень страстей благъ, и основанъ на нашей чувствительности самой природой. Когда чувства наши, внѣшнія и внутреннія, ослабѣваютъ и притуп-

ляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Онѣ благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нея же уснулъ бы онъ въ бездѣйствіи» (стр. 178).

Чувство утѣшаетъ человѣка въ его скорбяхъ и даетъ ему счастье.

«Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду»,

говоритъ Радищевъ въ посвященіи своего «Путешествія» А. М. Кутузову. Въ этомъ посвященіи авторъ объясняетъ самый фактъ написанія «Путешествія» своею вѣрою въ силу и значеніе чувства: онъ думалъ, какъ уже сказано выше, возбудить чувство жалости въ помѣщикахъ, и тѣмъ способствовать облегченію тяжкой участи крестьянъ.

Не изъ Руссо, конечно, но несомнѣнно изъ европейскихъ философовъ заимствовалъ Радищевъ и свою теорію эгоизма. Всего ярче и сильнѣе высказана эта теорія въ вышеупомянутой главѣ «Крестьцы».

«Когда я угощаю пришельца (читаемъ мы здѣсь), когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу лижущему мою десницу,—ихъ ли ради сіе дѣлаю? Отраду, увеселеніе или пользу въ томъ нахожу мою собственную» (стр. 164—165).

Даже воспитаніе, даваемое человѣкомъ дѣтямъ своимъ, выходитъ изъ эгоистическихъ побужденій. Эгоизмъ руководитъ всѣми дѣйствіями и поступками нашими.

Наконецъ, у писателей матерьялистовъ научился Радищевъ тому цинизму, который сильно проявился въ его жизни въ молодости, а потомъ перешелъ и въ сочиненія.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ сказка, которую онъ озаглавилъ «Бова, повѣсть богатырская стихами» [1]). Сочиненіе это не сохранилось до нашего времени вполнѣ. Написано было его 11 пѣсенъ и начата 12-я, а до насъ дошло лишь—вступленіе, 1-я пѣснь и планъ всей повѣсти. Содержаніе сочиненія взято изъ народныхъ сказокъ; но къ народу авторъ относится въ немъ пренебрежительно. Впрочемъ видно, что онъ знакомъ съ русскими сказками, слыхалъ даже, можетъ быть, о старшихъ богатыряхъ (такъ, напримѣръ, Полканъ не совѣтуетъ Бовѣ сражаться съ нимъ, какъ въ былинахъ Святогоръ Ильѣ Муромцу); и въ одномъ мѣстѣ повѣсти пробивается совсѣмъ ужъ не западный взглядъ на такъ-называемую «честь», на point d'honneur:

«Кто знаетъ сколь строги законы чести (иронически говоритъ Радищевъ [2]), тотъ знаетъ, что рыцарскихъ правилъ ослушаться было нельзя. Да и нынѣ, когда свинья тебя толкаетъ рыломъ, то тяни вонъ шпагу и колись, такъ честь повелѣваетъ».

Но главное содержаніе повѣсти, духъ ея составляетъ не народность, а беззастѣнчивый цинизмъ, подобнаго которому не мо-

---

[1]) «Собр. соч. Радищева», М. 1806—1811 гг. Ч. I.

[2]) Тамъ же, стр. 15.

жеть и представить современная литература. Особенно грязны повѣствованія о любви старухи-стряпухи, о похожденіяхъ Мелетрисы и Бовы и т. д.—Радищевъ самъ въ своемъ сочиненіи указываетъ — кому онъ слѣдовалъ въ цинизмѣ: его сказка есть подражаніе «Орлеанской дѣвственницѣ» Вольтера:

«О Вольтеръ, о мужъ преславный!

(восклицаетъ нашъ писатель).

Еслибъ можно Бовѣ было
Быть похожу и кое-какъ
На Жанету, дѣвку храбру,
Что воспѣлъ ты; хоть мизинца
Ея стоить;—еслибъ можно,
Чтобъ сказали: Бова только
Тоща тѣнь ея,—довольно!
То бы тѣнь была Вольтера,
И мой образъ изваянный
Возгнѣздился бъ въ Пантеонѣ».

Въ своемъ сочиненіи «Житіе Ушакова» [1]) Радищевъ разсказываетъ, что этотъ его товарищъ умеръ заграницей отъ развратной жизни, убитый болѣзнью, которая была «неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій». Къ подобной жизни «пріучило его юныя чувства обращеніе въ большомъ свѣтѣ». Нравы тогдашняго европейскаго общества, гармонировавшіе съ матерьялистической философіей времени, подѣйствовали соблазняющимъ образомъ не только на Ушакова, но и на Радищева. Въ жизнеописаніи своего погибшаго товарища Радищевъ высказываетъ и свои взгляды на любовь, на молодость; эти взгляды оказываются такими же чувственными, какъ воззрѣнія Ушакова.—Въ «Путешествіи» Радищевъ сокрушается о своемъ прежнемъ развратѣ. Нѣкоторые намеки показываютъ, что этотъ развратъ до женитьбы доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Бурная, безнравственная жизнь привела Радищева къ дурной болѣзни (Императрица Екатерина въ своихъ замѣчаніяхъ на «Путешествіе» не преминула указать на это обстоятельство). Радищевъ высказываетъ горькое сожалѣніе о томъ, что, быть можетъ, болѣзнь эта перешла отъ него къ дѣтямъ и была причиной ранней, безвременной смерти горячо-любимой жены. Въ главѣ «Яжелбицы» мы читаемъ такое его обращеніе къ дѣтямъ:

«О чада души моей!.. колико согрѣшихъ предъ вами. Блѣдное ваше чело есть мое осужденіе... согрѣшихъ предъ вами, отравивъ жизненные ваши соки, до рожденія вашего, и тѣмъ уготовилъ вамъ томное здравіе и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрѣшилъ и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ източаяся въ веселіи преселился въ чистое ея тѣло и отравилъ непорочные ея члены» (стр. 200—201).

[1]) Соч. Радищева, т. V. Также: Осмнадц. вѣкъ, кн. I (2-е изд., 1869 г.), стр. 228.

Слова эти—покаянный вопль души, чистосердечное сокрушеніе; но, несмотря на это, слѣды привычки къ безнравственной жизни, къ цинизму замѣтны и въ «Путешествіи»: слишкомъ ужь освоился Радищевъ съ жизненнымъ матерьялизмомъ. Такъ, въ главѣ «Подберезье» мы видимъ яркое выраженіе циническаго пристрастія автора къ чувственнымъ удовольствіямъ. Говоря о мартинистахъ, которымъ, какъ мистикамъ, онъ, скептикъ, конечно не могъ сочувствовать, Радищевъ, между прочимъ, выражается:

«Нѣтъ, мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того, что въ томъ нахожу не малое услажденіе чувствъ. И покаюсь тебѣ, какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвочкою и усну упоенный сладострастьемъ въ объятіяхъ ея, нежели зарывшись въ Еврейскія или Арабскія буквы, въ цыфири или Египетскіе іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованій, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ Витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность и душенька моя набродится до сыта» (стр. 93).

Таковы идеи и чувства, развившіяся въ душѣ Радищева подъ иностранными вліяніями. Эти вліянія, какъ видимъ, были сильны.

Но тѣмъ не менѣе, Радищевъ оставался кореннымъ русскимъ человѣкомъ, и, на-ряду съ приведенными воззрѣніями, мы видимъ у него чисто русскія мысли, инстинкты и стремленія.

Скептикъ, отрицающій соборы, онъ, однако, съ торжествомъ заявляетъ, въ главѣ «Хотиловъ», о превосходствѣ православія надъ другими вѣроисповѣданіями:

«Неизвѣстны намъ (т. е. русскимъ), говоритъ онъ, вражды, столь часто людей раздѣлявшіе за ихъ исповѣданіе, неизвѣстно намъ въ ономъ и принужденіе» (стр. 237).

Человѣкъ ума трезваго и здраваго, человѣкъ вѣрующій, Радищевъ одинаково строго относится и къ суевѣрію, и къ вольнодумству. Въ католицизмѣ онъ видѣлъ гордость и суевѣріе; прямымъ послѣдствіемъ протестантства, его окончательнымъ развитіемъ считалъ онъ отрицаніе вѣры. Если и не такъ опредѣленно формулировалъ онъ подобную мысль, то, по крайней мѣрѣ, ясный намекъ на нее виденъ въ слѣдующихъ словахъ главы «Подберезье» (гдѣ говорится о движеніи идей въ исторіи):

«Христіанское общество въ началѣ было смиренно, кротко», потомъ «вознесло главу, устранилось своего пути, вдалося суевѣрію». «Лютеръ началъ преобразованіе... стало изчезать и суевѣріе; истина нашла любителей, попрала огромный оплотъ предразсужденій, но недолго пребывала въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности. Дошедъ до краевъ возможности вольномысліе возвратится вспять. Сія перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію. Разверни новѣйшія таинственныя творенія, возмнишь быти во времена схоластики и словопрѣній» (стр. 95).

Въ древней Руси, къ простому народу, къ его понятіямъ и нравамъ, къ народной поэзіи Радищевъ относится сочувственно.— Въ одной изъ первыхъ же главъ «Путешествія» («Тосна») онъ

подсмѣивается надъ хвастовствомъ породою.—Въ жизни и нравахъ нашихъ предковъ онъ видитъ демократическія начала, признаваніе вреда наслѣдственности дворянства.

«Вводя нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши (читаемъ мы въ главѣ «Выдропускъ», въ проэктѣ уничтоженія придворныхъ чиновъ) непослѣднимъ способомъ почли къ тому умаленіе права дворянства. Полезно въ государствѣ въ началѣ своемъ, личными своими заслугами, ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностью, и сладкій при насажденіи, его корень произвелъ, наконецъ, плодъ горькій» (стр. 278).

(Надо, впрочемъ, замѣтить, что довольно неясно — о чемъ именно говоритъ здѣсь Радищевъ).

На простой народъ нашъ писатель смотритъ съ симпатіей. Онъ указываетъ въ народномъ характерѣ кротость, незлобіе. Онъ умѣлъ подмѣтить, что крестьянка, жалуясь на голодъ, произноситъ укоризны помѣщику безъ гнѣва (гл. «Пешки», стр. 411—412). На терпѣливость и выносливость народа онъ тоже обратилъ вниманіе: «русскій народъ очень терпѣливъ и терпитъ до самой крайности» (гл. «Зайцово», стр. 129).—Нравственное и семейное чувства въ народѣ выше, сильнѣе, чѣмъ въ образованномъ классѣ, по мнѣнію Радищева (гл. «Едрово»); онъ глубоко сочувствуетъ народной любви къ семейной жизни. Въ немъ и самомъ сильно семейное начало: мы видѣли это выше въ его горькихъ сѣтованіяхъ о своемъ быломъ развратѣ, увидимъ далѣе въ философскомъ сочиненіи «О человѣкѣ»; то-же сказывается всюду, напримѣръ, въ «Эпитафіи Аннѣ Васильевнѣ Радищевой», гдѣ онъ тоскуетъ о женѣ и питаетъ себя надеждой загробной жизни, въ которой соединится съ нею. «Эпитафія» оканчивается стихами:

«Тронись, любезная, стенаніями друга!
Се предстоитъ тебѣ въ объятьяхъ твоихъ чадъ!
Не можешь коль прейти свирѣпыхъ смерти вратъ,
Явись хотя въ мечтѣ, утѣши тѣмъ супруга!»

Радищевъ не закрываетъ, однако, глазъ и на темныя стороны народной жизни: съ порицаніемъ говоритъ онъ о народномъ суевѣріи, о неровныхъ (въ отношеніи лѣтъ) бракахъ; мрачными и комическими чертами рисуетъ онъ купеческіе нравы.

Надо, впрочемъ, сказать, что порою писатель нашъ смотритъ на народъ какъ бы сквозь иностранныя очки. Такъ, Пушкинъ подмѣтилъ навѣянную, по его мнѣнію, «Вертеромъ» сантиментальность въ гл. «Клинъ», гдѣ идетъ рѣчь о слѣпомъ старикѣ, поющемъ стихъ объ Алексіѣ, Божьемъ человѣкѣ: крестьяне плачутъ, а Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ, восклицая: «О природа, колико ты властительна!» [1]).—Сочувствуя вообще простымъ людямъ (какъ мы видѣли), Радищевъ вдругъ въ одномъ

[1]) Соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. V, стр. 223—224.

мѣстѣ «Путешествія» выражаетъ высокомѣрное отношеніе къ народу, удивляясь вѣрности слова, даннаго крестьянкой:

«Крестьянка вѣрна пребывала въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно» («Зайцово», стр. 129).

Такая двойственность въ отношеніяхъ къ народу объясняется вообще непримиренной двойственностью въ душѣ писателя.

Воспитанникъ французской мысли, Радищевъ, однако (и это опять-таки свидѣтельствуетъ о его русской душѣ), смотритъ на Францію безпристрастно. Онъ смѣется надъ современной ему модой въ русскомъ обществѣ брать дѣтямъ гувернеровъ-французовъ. Онъ не ослѣпленъ и французской революціей (хотя, какъ увидимъ, и увлекся ею отчасти):

«Нынѣ (говоритъ онъ), когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, цензура во Франціи не уничтожена». «Народное собраніе, толико же поступая самодержавно, какъ доселѣ ихъ государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной отдали подъ судъ за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія» («Торжокъ», стр. 337).

Очень интересенъ взглядъ Радищева на самодержавіе, на царскую власть у насъ. Онъ находитъ, что

«Въ самодержавномъ правленіи она одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна» («Спасская Полѣсть», стр. 59).

Мы видѣли, что освобожденія крестьянъ Радищевъ ждалъ именно отъ царской власти. Но эта власть крѣпка лишь тогда, по его мнѣнію, когда основана на любви подданныхъ, на предоставленіи имъ свободы мысли: робкія правительства боятся за себя.

«Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности истинной любви, общаго блага возникъ, не утвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно; не возлюбится ли любящій искренно?» («Торжокъ», стр. 298).

Въ другой главѣ («Спасская Полѣсть») странница Прямовзора совѣтуетъ царю:

«Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вдали отъ тебя не тебя любятъ, но любятъ отечество......не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своея позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодѣи, затмѣвающіе очи твои» (стр. 73).

Конечно, изъ всего этого не вполнѣ ясно воззрѣніе Радищева на царскую власть; но однако можно, кажется, предполагать, что когда Радищевъ писалъ приведенныя слова, передъ нимъ рисовался идеалъ царя въ духѣ древней Руси (какъ по крайней мѣрѣ объясняется взглядъ на царскую власть древняго русскаго человѣка славянофилами).

Радищевъ вообще стоялъ за свободу мысли и слова. Свои соображенія по этому предмету онъ сгруппировалъ въ главѣ «Путе-

шествія»—«Торжокъ», гдѣ мы встрѣчаемъ разсужденія о цензурѣ и исторію ея. Иныя мысли нашъ писатель высказываетъ здѣсь отъ себя, другія заимствовалъ изъ Гердера.

«Ценсура (говоритъ онъ) сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отъ чего нерѣдко бываютъ кривыя ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ калѣка» (стр. 290).

«Послушаемъ Гердера», предлагаетъ Радищевъ, и приводитъ изъ нѣмецкаго писателя, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ областяхъ истинны, въ царствѣ мысли и духа, не можетъ ни какая земная власть давать рѣшеній, и не должна; не можетъ того правительство, менѣе еще ценсоръ, въ клобукѣ ли онъ или съ тямлякомъ. Въ царствѣ истины онъ не судія, а отвѣтчикъ, какъ и сочинитель. Исправленіе можетъ только совершиться просвѣщеніемъ; безъ главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога... Чѣмъ государство основательнѣе въ своихъ правилахъ... тѣмъ менѣе можетъ оно позыбнуться и страстися отъ дуновенія каждаго мнѣнія... тѣмъ болѣе благоволитъ оно къ свободѣ мыслей... Губители бываютъ подозрительны... Явной мужъ, творяй правду и твердый въ правилахъ своихъ, допуститъ о себѣ глаголъ всякій... Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, дабы могъ объяти мнѣнія всѣхъ» (стр. 291—292).

«Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, да дастся судъ по формѣ» (стр. 294).

Свободу религіозной мысли Радищевъ основывалъ на уваженіи къ религіи, на увѣренности въ силѣ истины, на идеѣ, что вѣра не нуждается въ земномъ матерьяльномъ покровительствѣ.

«Если (говоритъ онъ) безумецъ въ мечтаніи своемъ не токмо въ сердцѣ, но громкимъ гласомъ речетъ «нѣсть Бога»; въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздается громкое и поспѣшное ехо «нѣсть Бога, нѣсть Бога». Но чтожъ изъ того. Ехо, звукъ, ударитъ въ воздухъ, позыблетъ его и изчезнетъ. На разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую; на сердцѣ же никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ него. Но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится; урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ?» (стр. 296).

Радищевъ разсуждаетъ далѣе, что у насъ, на Руси, «аѳеистовъ», т. е. заблуждающихся въ метафизикѣ, очень мало, во всякомъ случаѣ несравненно менѣе, нежели раскольниковъ, заблуждающихся «въ трехъ пальцахъ». Если же послѣднимъ, по ихъ множеству, дозволяется «служеніе», то

«для чего не дозволять всякому заблужденію быть явному. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ» (стр. 297).

Говорятъ обыкновенно, что всѣ эти идеи о свободѣ мысли и совѣсти Радищевъ взялъ изъ иностранной литературы, изъ иностранной жизни. Богъ вѣсть! Самъ онъ, какъ мы видѣли, отсутствіе принужденія въ вѣрѣ указывалъ именно у насъ на Руси, въ православіи. Его идеалъ царя, на-сколько можно объ этомъ идеалѣ догадываться, заключалъ въ себѣ представленіе о самодержавіи,

основывающемся на свободѣ мысли и слова подданныхъ.—Идея о свободѣ слова и совѣсти, во всякомъ случаѣ, не менѣе русская, чѣмъ иноземная. Не даромъ она всегда была однимъ изъ основныхъ положеній славянофильства.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что въ душѣ Радищева жили самыя противорѣчивыя воззрѣнія: на-ряду съ идеями скептической философіи XVIII-го столѣтія мы видимъ у него взгляды непосредсвенно-русскаго человѣка, инстинктивно, а порой и сознательно любящаго особенности своей земли и своего народа.

Скептикъ—и православно вѣрующій человѣкъ, приверженецъ теоріи эгоизма—и въ то же время способный понимать и цѣнить народное незлобіе и терпѣніе, циникъ—и нѣжный, любящій семьянинъ, въ немъ все это уживалось, перепутывалось и боролось. И едва ли онъ самъ вѣдалъ о такой борьбѣ.

Яркое выраженіе противорѣчій видимъ мы и въ его интересномъ философскомъ сочиненіи: «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи» [1]). Сочиненіе это написано было въ Сибири, въ Илимскомъ острогѣ. Оно составлено на основаніи многихъ философскихъ трактатовъ (Радищевъ ссылается самъ на Гиббона, Лейбница, Руссо, Локка, Ньютона, Гельвеція); но въ немъ есть и собственныя мысли нашего писателя. Скептицизмъ перемѣшивается здѣсь съ сердечными чаяніями вѣрующаго человѣка, горячо любящаго своихъ дѣтей.

Сочиненіе и написано Радищевымъ для дѣтей, чтобы дать имъ истинное понятіе о духовности человѣка; оно вызвано изъ души семейнымъ чувствомъ автора. Въ началѣ онъ обращается къ дѣтямъ съ такими словами:

«Въ необходимости лишиться можетъ быть навсегда надежды видѣться съ вами, я уловить хочу, пускай неясность и неочевидность, но хотя правдоподобіе или же токмо единую возможность, что нѣкогда и гдѣ—невѣдаю, облобызаю паки друзей моихъ и скажу имъ (какимъ языкомъ—теперь не понимаю): люблю ихъ по прежнему!»

Сочиненіе раздѣляется на четыре книги. Первая посвящена разсмотрѣнію человѣческой природы, способностей души человѣка. Что касается познавательной способности, то Радищевъ, слѣдуя Локку, думаетъ, что намъ нельзя проникнуть въ сущность вещей, что человѣкъ можетъ достовѣрно знать только о томъ, что «принадлежитъ чувствамъ». Взглядъ же автора на чувство матерьяленъ (можетъ быть безсознательно для него самого). Начало чувства и начало мысли, по опредѣленію Радищева, «находятся въ тѣлесности». Напримѣръ, любовь онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Полн. собр. соч. Радищева. т. II.

«Какъ кусокъ хлѣба, тобою поглощенный, превратится въ органъ твоея мысли, тако любовь, пріявъ начало въ тѣлесности, въ дѣйствіи своемъ столько же далеко отстоитъ отъ начала своего, какъ кусокъ снѣдаемый, отъ дѣйствія мозга въ мысленной силѣ» (стр. 14—15).

Опредѣляя различіе чувства любви у человѣка и у животнаго, Радищевъ недалекъ отъ взгляда Вольтера и матерьялистовъ-философовъ на любовь, какъ на чувство совершенно матерьяльное.

Во второй книгѣ философскаго трактата нашъ писатель, слѣдуя своимъ педагогическимъ воззрѣніямъ, что не надо «отягощать разсудка» юношества «готовыми размышленіями», а должно предоставлять молодымъ людямъ до всего доходить самимъ, приводитъ мнѣнія деистовъ и ихъ доказальства смертности души. Это обстоятельство, равно какъ, вѣроятно, и содержаніе первой книги сочиненія побудили Пушкина сказать про разсужденіе «О человѣкѣ»: «Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще видѣнъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма [1])».

Вотъ доводы деистовъ, приводимые Радищевымъ: различіе между духомъ и матеріей (говорятъ эти мыслители) только кажущееся, въ дѣйствительности его не существуетъ; оно происходитъ просто отъ различнаго объясненія однѣхъ и тѣхъ же причинъ. Защитники противорѣчія между тѣломъ и духомъ утверждаютъ, что «вещественность» не можетъ мыслить и чувствовать, а духъ не имѣетъ свойствъ матеріи, т. е. не занимаетъ пространства, не имѣетъ образа, не имѣетъ свойствъ дѣлимости, твердости и инерціи («бездѣйствія»). Но деисты, опровергая эти взгляды, говорятъ, что надо отнять отъ вещества раздѣлимость безъ конца и твердость (вмѣсто послѣдней существуютъ силы притяженія и отталкиванія), а потомъ и бездѣйствіе (ибо въ природѣ ничего нѣтъ въ бездѣйствіи). Такимъ образомъ за матеріей останутся: непроницаемость, протяженность, образъ (т. е. опредѣленная протяженность) и движеніе. Но всѣ эти свойства есть и у «мысленности»: она непроницаема, ибо мысленности двухъ головъ не въ одномъ мѣстѣ; она протяженна и имѣетъ образъ, ибо у нея есть опредѣленное мѣсто—мозгъ. Съ другой стороны—свойства духа: жизнь и чувство есть и въ матеріи,—гдѣ огонь тамъ и жизнь, а чувство находится въ родственномъ отношеніи съ электричествомъ.

Свое изложеніе идей деистовъ о душѣ Радищевъ оканчиваетъ словами:

«Доводы ихъ суть блестящи и, можетъ быть, убѣдительны. Возвѣся по силѣ нашей обѣ противоположности, я вамъ оставлю избирать, любезные мои, тѣ, кои наиболѣе имѣютъ правдоподобія или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный васъ, о друзья мои, послѣдую мнѣнію, утѣшеніе вливающему въ душу скорбящую» (стр. 117).

---

[1]) Соч. Пушкина, т. V (изд. 1881 г.), стр. 357.

Т. е. ему утѣшительно думать, что человѣкъ, лишенный на землѣ «утѣхъ», возродится въ будущей жизни «на радость и на воздаяніе добродѣтели».

«Ужель гонители Сократа на равную съ нимъ участь осуждены, ужель ничтожество есть жребій всѣхъ добродѣтельныхъ и злощастныхъ?» (стр. 193—194).

Подобныя мысли суть выраженія непосредственной сердечной вѣры Радищева, жившей въ его душѣ вопреки скептицизму и наклонности къ матерьялизму.

Третья книга сочиненія заключаетъ въ себѣ (въ противоположность второй) доказательства безсмертія души. Радищевъ раздѣляетъ эти доказательства на нѣсколько родовъ. Первый родъ онъ называетъ метафизическимъ: скачковъ въ природѣ (разсуждаетъ онъ) не бываетъ, въ ней все—непрерывная цѣпь; какъ ночь и день смѣняются между собою, такъ смерть и жизнь; если въ жизни есть зародышъ смерти, то въ смерти заключается, вѣроятно, зародышъ жизни.

Другое доказательство нашего безсмертія Радищевъ выводитъ изъ «восходящей постепенности» всѣхъ существъ, отъ камня до человѣка, который «познаетъ уже первую всему причину». Въ этой постепенности развитія міра остановка невозможна: одной стороной связанный съ низшей природой, человѣкъ другой стороной своей долженъ быть связанъ съ міромъ духовъ, и душа наша умереть не можетъ, а будетъ продолжать свое движеніе по пути усовершенствованія.

О безсмертіи свидѣтельствуютъ затѣмъ, по мнѣнію Радищева, «чувственные доводы»: мысль есть нѣчто отдѣльное отъ чувства (вопреки Гельвецію); она сравниваетъ получаемое чувствами и не только создаетъ понятія, но и повелѣваетъ ими, т. е. человѣкъ можетъ творить. При покоѣ внѣшнихъ чувствъ, во время сна мы, однако, живемъ мыслью; лунатикъ, чувства котораго находятся въ бездѣятельности, вождается душою. Мысль можетъ въ одну минуту вмѣстить происшествія цѣлыхъ столѣтій. О безсмертіи души говорятъ также: наше самопознаніе, отличающее насъ отъ животныхъ, и даръ рѣчи, слово, которое «есть нѣчто живое, до тѣла нашего вовсе не касающееся; слово идетъ въ душу, звукъ въ ухѣ исчезаетъ» (стр. 211).

Наконецъ, четвертый рядъ доводовъ Радищева (онъ особенно интересенъ) основывается на мысли, что власть души надъ тѣломъ превышаетъ власть тѣла надъ душою. Душа можетъ причинять болѣзнь и излечивать ее; человѣкъ можетъ преодолѣвать недугъ: Руссо больной не перестаетъ писать и работать. Человѣкъ въ состояніи забывать свою тѣлесность; Радищевъ указываетъ на примѣры самоотверженія, на Курція, на христіанскихъ мучениковъ, на дикарей, смѣло смотрящихъ въ глаза смерти. Но самое замѣчательное, что онъ приводитъ здѣсь въ пользу своей мысли, это указаніе на два выдающихся явленія человѣческой жизни: «пустын-

ножительство», аскетизмъ, и платоническая любовь. Пустынножители (говоритъ нашъ писатель) умерщвляютъ свою плоть, хотя

«умерщвленіе страсти совершенное есть уродство: ибо противорѣчитъ цѣли естественной; но есть явное и сильное доказательство власти души надъ тѣлесностью. Если бы и душа была тѣлесности дѣйствіе и произведеніе организаціи, то примѣры толикаго безумія не могли быть никогда. И се видишь, что и въ самомъ отчужденіи разсудка душа дѣйствуетъ въ слѣдствіе особыхъ правилъ и не тѣлесно» (стр. 79—80).

«Возьмемъ въ примѣръ, продолжаетъ нашъ авторъ, наитѣлеснѣйшую изъ страстей, любовь. Кто не не знаетъ, что любовь платоническая на землѣ есть бредъ, что источникъ и цѣль любви суть тѣлесны? Но вообрази себѣ все, что человѣкъ любви ради подъемлетъ; пройди примѣры многочисленные, гдѣ любовь, отдѣляяся своего начала, гдѣ цѣль свою теряя изъ виду, даетъ душѣ влюбленной (ей! душа влюбленная есть) столь силу превосходную, энергію толико божественную и плоти отчужденную, что любовь тогда становится мысленна. А дабы убѣдиться, что страсть есть дѣйствіе и дѣйствіе ея (т. е. души) единственное, то сколь скоро тѣло становится части причастно, то страсть исчезаетъ. Изъ сего судить можемъ, чѣмъ предметъ страсти менѣе вещественъ есть, тѣмъ она живѣе быть можетъ и продолжительнѣе» (стр. 80—81).

Замѣчательно въ выписанныхъ словахъ, что, приводя въ доказательство безсмертія души могущественные доводы, указывая на аскетизмъ и на духовную любовь и, очевидно, въ глубинѣ сердца сочувствуя этимъ явленіямъ человѣческой жизни и безсознательно понимая ихъ, Радищевъ въ то-же время называетъ аскетизмъ «уродствомъ», безразсудствомъ, платоническую любовь—бредомъ, и съ спокойной увѣренностью утверждаетъ, какъ нѣчто неподлежащее сомнѣнію, что источникъ и цѣль любви тѣлесны, что вообще естественная цѣль человѣка—въ тѣлесномъ бытіи. Удивительное противорѣчіе религіознаго человѣка съ возвышенными стремленіями въ глубинѣ души—и скептика, подчиняющагося матеріалистической философіи своего времени. Удивительное, притомъ, непониманіе въ себѣ этого противорѣчія.

Таковъ и былъ Радищевъ вездѣ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Онъ громоздилъ противорѣчія на противорѣчія, самъ того не сознавая и не видя. Таковъ онъ и въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву».

Въ четвертой книгѣ своего философскаго трактата Радищевъ высказываетъ догадки о будущей жизни человѣка послѣ земной смерти. Онъ думаетъ, что эта жизнь будетъ выше земной, потому что въ природѣ все стремится къ усовершенствованію, и душа наша, къ тому же еще сдѣлавшись свободнѣе по разрушеніи тѣла, будетъ совершенствоваться въ загробномъ мірѣ.—Что касается вопроса о возмездіи, то нашъ писатель предполагаетъ, что и добродѣтель и порокъ получатъ возмездіе въ самихъ себѣ:

«Почто искать намъ рая, почто нисходить намъ въ адъ, одинъ въ сердцѣ добродѣтельнаго, другой живетъ въ душѣ злыхъ» (стр. 140).

Обратимся, наконецъ, къ неразъ уже упомянутымъ противорѣчіямъ главнаго сочиненія Радищева—«Путешествія». О нѣкоторыхъ изъ нихъ было говорено выше; остается сказать о важнѣйшемъ.

Мы видѣли, что освобожденія крестьянъ Радищевъ ждалъ отъ верховной власти; мы видѣли его общій взглядъ на самодержавіе, на царскую власть на Руси. Все это показываетъ, что авторъ «Путешествія» былъ далекъ отъ революціонныхъ замысловъ и стремленій.—А между тѣмъ въ томъ же «Путешествіи» онъ напечаталъ оду «Вольность», въ которой выражается сочувствіе революціи, воспѣвается кровавый бунтъ. Параллельно съ этимъ черезъ книгу проходитъ рядъ отдѣльныхъ выраженій, повидимому, свидѣтельствующихъ о враждебномъ отношеніи автора къ царской власти; напримѣръ, въ «Словѣ о Ломоносовѣ» (въ гл. «Черная Грязь») мы встрѣчаемъ мысль, что самая лестная похвала для человѣка: «се исторгнувшій громъ съ небеси и скиптръ изъ рукъ царей». Есть въ книгѣ выраженія еще болѣе рѣзкія.

Конечно, императрица Екатерина была недовольна и проэктомъ Радищева освобожденія крестьянъ, и его картинами быта крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ (она въ это время уже отказалась отъ былыхъ своихъ замысловъ освобожденія крѣпостныхъ людей, или, по крайней мѣрѣ, улучшенія ихъ участи); но должно быть наибольшее ея негодованіе возбудили именно вышеуказанныя выходки противъ царской власти. Выходки эти чрезвычайно странны, потому что совершенно не вяжутся, не имѣютъ ничего общаго съ основною идеей всего сочиненія, съ его главнымъ содержаніемъ. Онѣ объясняются податливостью Радищева на различныя вліянія. Воспитанникъ философіи XVIII-го вѣка, онъ невольно отозвался сочувствіемъ на идеи и кровавые факты французской революціи, не замѣчая, что все это совсѣмъ не согласуется со многими коренными его убѣжденіями.

Не замѣтила этого или не обратила на это вниманія и императрица Екатерина. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ (7-го іюля 1790 г.), что она назвала Радищева бунтовщикомъ хуже Пугачева. Въ своихъ замѣчаніяхъ на его книгу императрица говоритъ, что онъ имѣлъ намѣреніе взбунтовать крестьянъ. Это, конечно, ошибка, такого намѣренія у Радищева не было; но императрица была права, сказавши, что она видитъ въ его сочиненіи вліяніе французской революціи. Радищевъ самъ подалъ поводъ Екатеринѣ сказать, что онъ «не любитъ царей и поэтому придирается къ нимъ». Императрица даже «усумнилась (какъ она выразилась), не сдѣлана ли ему мною какая обида».

Въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи Радищевъ говоритъ (и вѣроятно искренно), что «дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости почерпнулъ» онъ «читая разныхъ писателей и ни съ ка-

кимъ другимъ намѣреніемъ, какъ чтобы прослыть хорошимъ писателемъ» (стр. 268).

Отданный подъ-судъ, Радищевъ былъ приговоренъ уголовною палатой къ смертной казни. Приговоръ о немъ, какъ о дворянинѣ, повергнутъ былъ на благоусмотрѣніе государыни, и она замѣнила казнь ссылкою въ Сибирь.

Проѣздомъ черезъ Тобольскъ Радищевъ написалъ стихи:

«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду».

Онъ правъ, конечно, говоря, что пострадалъ за истину (какъ пострадалъ за нее же черезъ два года другой, болѣе замѣчательный писатель и человѣкъ—Новиковъ). Но это еще вопросъ—приговорилъ ли бы его судъ къ смертной казни, если бы въ его книгѣ было одно только дѣло и не было «дерзновенныхъ выраженій»?

«Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь дерзка, смѣла и сумасбродна»,

выразился (говорятъ) Державинъ.

Что особенно странно въ «Путешествіи» Радищева, что особенно поражаетъ съ психологической точки зрѣнія, это—какъ онъ рѣшился выпустить въ свѣтъ книгу съ вышеуказанными «неприличной смѣлости» (какъ онъ самъ опредѣлилъ) выраженіями о царской власти? Какъ онъ не догадался, что эти выраженія несомнѣнно повредятъ не только ему и его сочиненію, но и задуманному имъ доброму дѣлу—облегченію участи крестьянъ?

Пушкинъ говоритъ про Радищева [1]), что можетъ быть онъ самъ «не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ». «Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ; не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить?» «Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ

[1]) Соч. изд. 1881 г. т. V «Александръ Радищевъ», стр. 354, 355, 359.

принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви».

Удивляясь поступку Радищева, великій поэтъ, со свойственнымъ ему глубокимъ психологическимъ чутьемъ, между прочимъ высказалъ и такую мысль: если «перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства . . . если подумаемъ—какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумашедшаго».

Нечаянно высказанная геніальнымъ писателемъ догадка, быть можетъ, и поясняетъ все дѣло. Не былъ ли Радищевъ, этотъ «фанатикъ», поступившій, очевидно, очертя голову, непостижимо опрометчиво, не былъ ли онъ человѣкомъ одержимымъ маніей?

Наклонность къ маніи у него несомнѣнно была. Такъ, можно замѣтить, что его всю жизнь преслѣдовала idée fixe—постоянная мысль о самоубійствѣ. Пушкинъ, разсказавъ о сочиненіи Радищева «Житіе Ушакова» и упомянувъ, что Радищевъ не согласился дать яду умирающему товарищу, молившему объ этомъ, говоритъ: «но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій».—И въ самомъ дѣлѣ, въ «Путешествіи» Радищевъ не разъ говоритъ о самоубійствѣ; онъ даже рекомендуетъ его дѣтямъ. Въ главѣ «Крестьцы» онъ совѣтуетъ сыну:

«Если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнѣтенія, тогда вспомни, что ты человѣкъ, вспомни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти отъ тебя тщатся,—умри» (стр. 191).

«Если будешь совершать злыя дѣла, и, вспомня обо мнѣ, не поколеблешься,—«се сталь, се отрава», «умри на добродѣтель» (стр. 192). Въ другой главѣ, разсказывая о насильственной свадьбѣ крестьянина, совершонной по самовластію помѣщика, Радищевъ съ горечью замѣчаетъ, что молодой новобрачный былъ слабъ духомъ—не умѣлъ умереть.

Самъ Радищевъ окончилъ жизнь, если основываться на показаніи его сына, самоубійствомъ. Освобожденный Павломъ изъ заточенія и опредѣленный императоромъ Александромъ I на службу въ Комиссію составленія законовъ, онъ однажды испугался возможности повторенія ссылки, испугался даже безъ достаточныхъ основаній, вслѣдствіе только словъ графа Завадовскаго: «эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по-прежнему! или мало тебѣ было Сибири? [1])». Этотъ испугъ и разрѣшился отравленіемъ—Радищевъ выпилъ большой стаканъ крѣпкой водки.

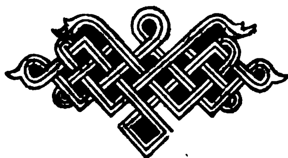
---

[1]) Соч. Пушкина, т. V, стр. 357.

Русскій человѣкъ, съ инстинктивно жившими въ немъ народными чувствами и воззрѣніями, Радищевъ въ то-же время былъ увлеченъ идеями философіи XVIII-го вѣка. Но у него не хватило силы примирить въ себѣ противоположныя начала, привести ихъ къ гармоническому единству. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно изъ этихъ началъ не сдѣлалось и преобладающимъ въ его душѣ. Мало того—онъ даже не сознавалъ въ себѣ ихъ борьбы, и жилъ въ ихъ непримиренномъ противорѣчіи какъ въ туманѣ, путаясь и мѣшаясь на каждомъ шагу. Человѣкъ даровитый и искренній, онъ былъ одною изъ скорбныхъ жертвъ великой переходной эпохи, эпохи начала сліянія нашихъ старыхъ народныхъ основъ жизни съ пришедшими къ намъ съ Запада новыми для насъ идеями.

А. Незеленовъ.

4-го янв. 1883 г.



ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ [1].

(Разсказъ изъ семейной хроники).

XXIII.

ДУШЕВНО-БОЛЬНЫХЪ вдругъ страстно возбужденныхъ для достиженія какой нибудь цѣли, всегда есть какая-то логика. Они дѣйствуютъ въ такомъ состояніи какъ будто по заранѣе и по строго обдуманному плану, ничего не забывая для удачнаго совершенія всего, что представила и намѣтила имъ больная фантазія. Они дѣйствуютъ даже гораздо логичнѣе людей, вполнѣ обладающихъ умственными своими силами. Но, кажется, такъ и быть должно: для послѣднихъ, для душевно здоровыхъ людей, дальній горизонтъ, гдѣ стоитъ цѣль задуманнаго ими дѣйствія, не такъ ярко освѣщенъ, какъ у тѣхъ несчастныхъ, да притомъ цѣль эту могутъ очень затмѣвать, иногда и совсѣмъ зазастить, различныя привходящія соображенія. По крайней мѣрѣ, такъ не разъ я замѣчалъ на моемъ долгомъ вѣку (и близко я могъ это замѣчать...). Такъ было въ то время, до котораго я дошелъ теперь въ разсказѣ, и съ несчастнымъ дядей моимъ Іоасафомъ Николаевичемъ П—вымъ.

По всей вѣроятности, во весь путь отъ Волчьихъ—Воротъ до Михѣева (разстояніе—верстъ въ шесть или семь), ему представлялось только одно то, что особенно поразило его въ послѣднихъ словахъ Марины. Въ словахъ этихъ упоминался старый, сдавна ему

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XI. Стр. 495—525.

ненавистный домъ, о которомъ онъ часто думывалъ, все не додумываясь до чего-то рѣшительнаго, потому что смутная мысль его еще не была освѣщена огнемъ страстнаго возбужденія и съ ней могли бороться соображенія не вполнѣ угасшаго разсудка. И вотъ, при внезапной роковой встрѣчѣ съ любимой женщиной, довольно было одного ея указанія, что именно въ этомъ домѣ наругались надъ ней безжалостно—и прежняя недодуманная мысль вдругъ встала уже во всей своей силѣ въ чрезвычайно яркомъ освѣщеніи. Сообразить ее со всѣми, или хоть нѣкоторыми обстоятельствами, къ ней соприкасающимися, представить себѣ хоть на нѣсколько минутъ послѣдствія, какія должны были произойти отъ исполненія этой мысли, конечно, онъ былъ уже совсѣмъ не въ состояніи. Зато, повторяю, всѣ поступки его во время катастрофы были какъ будто разсчитаны съ полной точностью и предусмотрительностью.

Онъ проскакалъ прежде всего не къ господскому дому, а на деревню, у окна первой же избы крѣпко постучался кнутовищемъ и прокричалъ во весь голосъ:—Эй, вы! всѣ, всѣ, и старый, и малый! бѣгите на гумна! скорѣй на гумна! и съ тѣмъ же крикомъ поскакалъ по всей деревнѣ, приказывая и старому и малому бѣжать на загуменья.

Невообразимое смятеніе охватило михѣевцевъ, которые на ту пору всѣ были дома. Имъ вспало на мысль, что, должно быть, на гумнахъ начался пожаръ отъ топки какого нибудь овина. Мужчины, женщины, дѣти,—мужчины молча и крестясь, женщины и дѣти съ воплями, съ рыданьями,—всѣ побѣжали стремглавъ куда приказывалъ баринъ.

Но на гумнахъ, когда осмотрѣлись, пожара нигдѣ не оказалось.

— Что за притча! толковали въ толпѣ:—разомъ успокоившейся. Знать, это почудилось барину. Да отколь онъ вдругъ взялся?

Однако, хоть и успокоились, но всѣ не расходились по домамъ, ждали, что, вотъ, баринъ подъѣдетъ, объяснитъ причину тревоги. Толпа оборотилась въ сторону господской усадьбы, откуда ожидали появленія барина.

А онъ не оттуда появился.

Отъ послѣдней въ деревнѣ избы, что была супротивъ мельницы, онъ проскакалъ опять вдоль всей улицы и выскакалъ къ загуменьямъ по дорогѣ отъ сосѣдней деревни Зарудни.

— Ну, теперь... громко, но задыхающимся отъ волненія голосомъ, заговорилъ онъ, подъѣхавъ къ толпѣ:—забирай... забирай каждая семья... и старый, и малый!.. Забирайте солому съ гуменъ!.. И таскай, таскай живо, къ господскому дому...

Всѣ очень хорошо слышали приказаніе, но никто и не двинулся исполнять его. Какой-то особенный страхъ снова охватилъ всю толпу.

— Что-жъ вы!.. Ослушаться, что-ль, вздумали?.. Такъ я васъ

заставлю!.. О! я заставлю!.. грозно вскрикнулъ баринъ, быстро соскакивая съ лошади.

— Батюшка, Есафъ Николаичъ, подойдя осторожно, сказалъ староста, человѣкъ пожилой и разумный: — коли ужъ вашей милости угодно, для какой ни-на-есть потребы, — мы ни-за-чѣмъ не постоимъ... Нешто мы можемъ ослушаться?.. Извольте приказать, сколько соломы надобится, — мы въ складчину и привеземъ, по копнѣ тамъ, что-ли, со двора придется,

— Молчи, молчи, мошенникъ! возразилъ Іоасафъ Николаевичъ,—какая тамъ складчина!.. По копнѣ со двора привезти... А мнѣ надо всю, всю солому!.. И сейчасъ надо, чтобы обкладывать домъ... Больше, больше соломы!.. и отовсюду, кругомъ обложить!.. Чтобы до тла сгорѣлъ! чтобъ и головешки не осталось!..

— Батюшка! чтой-то вы вздумали?.. Да нешто можно?.. Вѣдь тамъ таперича...

Но староста не успѣлъ договорить своего возраженія,—Іоасафъ Николаевичъ съ-размаху ударилъ его кнутомъ и затѣмъ еще нѣсколькихъ, кто попался подъ руку, ударилъ.

Вся толпа разомъ кинулась въ-разсыпную.

Но мужики, по инстинкту повиновенія барской волѣ да и потому также, что староста закричалъ, чтобы слушались барина, — тотчасъ же кинулись къ омётамъ соломы и стали теребить ихъ, впрочемъ, не очень-то спѣшно; зато всѣ бабы и ребятишки, какъ будто сговорились, попрятались — кто въ половняхъ, кто въ овинахъ, кто въ травѣ подъ плетнями.

Іоасафъ Николаевичъ безумно и, по-истинѣ, грозно метался между мужиками, все крича и приказывая, чтобы скорѣй, скорѣй несли солому. Онъ и еще разъ ударилъ старосту, чтобы тотъ поспѣшнѣе распоряжался, онъ билъ и другихъ... Однако, дѣло шло медленно. Несмотря на угрозы обезумѣвшаго (какъ всѣмъ было замѣтно) барина, несмотря на побои, имъ наносимые, мужики «работали» очень неловко: они набирали то слишкомъ большія, то слишкомъ малыя охапки, и изъ-за этого сильно промежъ себя перекорялись. А староста, какъ ни усердно хлопоталъ, подъ барскимъ глазомъ, о выполненіи чуднаго приказанія, успѣлъ-таки шепнуть молодому, прыткому малому, чтобы поспѣшалъ къ барынѣ доложить ей обо всемъ. Ползкомъ и крадучись подъ изгородями, малый увернулся-таки съ загуменьевъ.

Но Надежда Ивановна знала, чтó происходитъ: сначала съ мельницы ей дали знать о пріѣздѣ Іоасафа Николаевича и о томъ, что онъ весь народъ сгонялъ на гумна, потомъ одна изъ бабъ деревенскихъ примчалась прямо съ загуменьевъ и разсказала, что баринъ приказываетъ солому таскать къ хоромамъ, что хоромы онъ хочетъ спалить безпремѣнно, что старосту и всѣхъ, кто только попадется ему подъ руку, бьетъ «смёртнымъ боемъ».

— Обезумѣлъ! обезумѣлъ совсѣмъ!.. отцовская болѣзнь... сумасшествіе началось!.. въ страшномъ волненіи и рыдая, восклицала горемычная старушка-мать.

— И, матушка-сударыня, стали успокоивать ее по-своему взмыкавшіяся дворовыя женщины, а особенно умница Елизарьевна: — тутъ дѣло-то какъ есть простое: не отъ лихой болѣзни, не отъ сумасшествія, а въ отместку за поганую солдатку-Маринку; ужъ навѣрнякъ изъ-за этого! Должно-быть, въ Коломну пробралась, аль на дорогѣ его встрѣла, да и нажалилась... А на счетъ той болѣзни напрасно изволите безпокоиться.

На бѣду старушка очень вслушалась въ эти «утѣшенія».

— Можетъ... и такъ... Да!.. это можетъ статься!.. порѣшила было она.

Но материнское сердце все-таки не хотѣло вѣрить, чтобы сынъ родной могъ посягать изъ-за той твари на такое страшное дѣло.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричала она,—нѣтъ, нельзя тому быть!.. Это онъ въ разстройствѣ душевномъ, въ безпамятствѣ сумасшествія... Да и не знаетъ же,—ни отъ кого не слыхалъ, что я въ дому, что ужъ вернулась изъ поѣздки...

— Ахъ, матушка! возразилъ прикащикъ Петръ Леонтьевъ, которому прежде всѣхъ удалось выслушать докладъ прыткаго малаго, посланнаго старостой, — а вотъ, посланный сказываетъ, что староста говорилъ Есафу Николаичу: «какъ, молъ, это возможно, чтобы хоромы сжечь, тамъ, молъ, маменька ваша...» — а Есафъ Николаичъ, грѣшнымъ дѣломъ, тутъ же и изсѣкъ старосту кнутомъ дополусмерти.

— И постромки у лошади обрѣзаны, — на пристяжной прискакалъ,—такъ знать, телѣжка гдѣ нибудь покинута... добавилъ и свое соображеніе посланный отъ старосты.

— Ну, и виднехонько, что встрѣча на дорогѣ была, окончательно рѣшила Елизарьевна.

Страшная истина предстала предъ старухой во всемъ грозномъ видѣ.

— О, Матерь Божія! прошептала Надежда Ивановна и безъ чувствъ упала на уголъ подножной скамейки, отчего разсѣкла себѣ голову до крови. Но это, можетъ быть, спасло ее отъ внезапной смерти.

Елизарьевна тотчасъ пустилась распоряжаться.

— Выносите барыню черезъ заднія сѣни въ садъ! Выносите скорѣе! взмыкалась она. — Чего еще смотрѣть? скорѣй, лишь бы успѣть отъ бѣды схорониться! того-гляди, блажной дитятко хоромы запалитъ, мать загубитъ!.. Вонъ по боковой аллеѣ, черезъ калитку, да на лужокъ и къ лавамъ... а черезъ лавы — въ Макшеево, къ батюшкѣ, къ отцу Осипу... Хоша и зазорно передъ чужими людьми, да какъ быть-то!

— Да ужли волю ему дадуть на все такое! возразилъ кучеръ Петръ Леонтьевъ, человѣкъ смысломъ простой, но характеромъ гораздо потверже своего старшаго брата, прикащика,— можно вѣдь и унять, хоша онъ и баринъ...

— Точно, точно... ну, какъ-таки... началъ было и прикащикъ.

— А какъ сюда вернется, да на барыню бросится!.. Всего можно ждать... Не вязать же его станете... закричала Елизарьевна.

— Несите, несите меня изъ дому!.. Такова воля Божія!.. проговорила очнувшаяся Надежда Ивановна, и это положило конецъ препирательствамъ по поводу распоряженій Елизарьевны.

Старушку вынесли на креслѣ въ садъ, а тамъ, для скорѣйшаго препровожденія въ село Макшеево, помѣстили ее въ садовую телѣжку, и оба Леонтьичи со всевозможной для нихъ поспѣшностью повлекли свою злополучную барыню изъ родной усадьбы, на которую и не довелось уже ей больше взглянуть...

А тѣмъ временемъ безумная мысль не загасла въ Іоасафѣ Николаевичѣ; напротивъ того, она разгорѣлась какъ будто еще сильнѣе. То было уже полное изступленіе не чрезмѣрнаго гнѣва, не яростной злобы, а изступленіе всей силы душевной передъ картиной грознаго разрушенія ненавистнаго стараго дома, какую постоянно представляла несчастному распаленная его фантазія.

Михѣевцы, мужики бывалые, народъ толковый, ничѣмъ отъ господъ своихъ неутѣсненный и въ разсудкѣ несбитый, невольно покорялись-таки этому изступленію.

Омёты разобрали и солому начали сносить на барскій дворъ. Но по инстинктивной предосторожности, мужики складывали свои охапки все въ одно мѣсто, около самыхъ воротъ, и поодаль отъ строенія.

А вообще «чуднàя» работа шла весьма медленно, несмотря на то, что баринъ мыкался, бѣгалъ безпрестанно отъ гуменъ до воротъ господскаго двора и оттуда опять на гумна, бѣгалъ, все крича на народъ, все торопя, чтобы скорѣй, скорѣй сносили солому. И вотъ, логичность въ его распоряженіяхъ вдругъ какъ-то нарушилась: онъ не замѣтилъ, что солома сваливается несогласно его приказанію.

Когда снесли съ гуменъ уже послѣднія охапки, въ Іоасафѣ Николаевичѣ опять произошло чтò-то особенное. Быстро, быстро сталъ онъ расхаживать по двору и разсуждать самъ съ собою. Хотѣлъ ли онъ понять, сообразить, припомнить чтò нибудь,—ужъ Богъ его знаетъ.

Но главная мысль все-таки въ немъ дѣйствовала.

— Припирайте теперь всѣ ставни кольями!.. двери тоже наружныя!.. Надо, чтобъ все тамъ сгорѣло... приказалъ онъ, наконецъ, мужикамъ.

И, оглянувшись, тутъ только онъ замѣтилъ, что солома сложена далеко, у самыхъ воротъ. Онъ чрезвычайно удивился этому: ему

вообразилось, что солома была на мѣстѣ, какъ онъ приказывалъ, а кто-то велѣлъ оттащить ее къ воротамъ.

— Какъ же это?.. Кому бы такъ вздумалось?.. твердилъ онъ въ недоумѣніи, обращаясь ко всѣмъ, всѣхъ спрашивая;—но должны же знать... А я тутъ былъ и не видалъ, не видалъ...

Мужики и выбравшіеся на дворъ поголовно дворовые упорно молчали. Всѣ боялись отвѣчать. У всѣхъ было на мысли, что баринъ-то совсѣмъ рехнулся. И невольно припоминался всѣмъ покойникъ баринъ, горемычный Николай Михайловичъ.

— Да надо же непремѣнно, нельзя иначе... Слышите? никакъ нельзя!.. Я приказалъ... ставни, двери... Но прежде солому, солому подъ самыя стѣны... И давно бы дѣло было кончено... Понять не могу... не дождавшись отвѣта, опять заговорилъ Іоасафъ Николаевичъ и уже замѣтно ослабѣвшимъ голосомъ.

Но въ эту самую минуту взобравшійся на высокую березу мужичёнко Линьковъ закричалъ громко:

— Баринъ! а баринъ! гляньте-ко-ся!.. Маменька-то ваша ужъ за лавами... Вона тащутъ ее въ Макшеево прикащикъ Левонтьичъ да кучеръ Петруха!

— Матушка?.. Матушка?.. Да развѣ тутъ она была? прошепталъ несчастный, и вдругъ, какъ бы очнувшись, кинулся къ лошади, на которой пріѣхалъ, вскочилъ на нее, и стремглавъ поскакалъ по направленію къ селу Макшееву, крича во весь голосъ, какъ будто зовя кого-то въ-догонку.

XXIV.

— Господи!.. да что-жъ такое еще будетъ?.. заговорили въ толпѣ мужиковъ, находившихся подъ общимъ впечатлѣніемъ недоумѣнія и ужаса.

— Убьетъ барыню!.. убьетъ! кричали дворовыя женщины.

Шумъ и смятеніе были неизобразимые на барскомъ дворѣ. Шумъ и смятеніе еще больше усилились, когда вскорѣ послѣ отъѣзда барина прибѣжали на дворъ деревенскія бабы и ребятишки. Мужики кричали и спорили, бабы вопили, и всѣ не знали, что̀ дѣлать...

А виновникъ всей этой сумятицы несся къ селу Макшееву, но несся уже не такъ быстро, какъ отъ Волчьихъ-Воротъ до Михѣева: лошадь его была чрезвычайно утомлена прежней бѣшеной скачкой, да и тутошняя дорога представляла особыя препятствія.

Разстояніе отъ михѣевской господской усадьбы до Макшеева было очень близко, не болѣе какъ версты полторы; но это въ направленіи, доступномъ лишь для пѣшеходовъ, которые у мельницы, черезъ старую ея плотину (теперь плотина въ иномъ мѣстѣ), по «лавамъ» надъ пролётомъ для спуска изъ главнаго пруда излишней воды, могли пробираться до приходскаго села прямо лугами; а

такъ какъ черезъ «лавы» (два длинные бруса, на-перевѣсѣ надъ пролётомъ, зыбко гнувшіеся даже подъ пѣшеходами) уже никакъ нельзя было переѣхать, и такъ какъ, притомъ, рѣка вверху отъ плотины была глубиною не меньше трехъ аршинъ, то всѣмъ ѣдущимъ въ телѣгахъ и верхомъ приходилось спускаться въ самомъ Михѣевѣ до нижняго отъ запруды теченія рѣки, гдѣ уже легко было проѣхать въ бродъ; такимъ образомъ, разстояніе до села Макшеева, по проселочной плановой дорогѣ, удлинялось ровно вдвое. Впрочемъ, верховымъ, по переѣздѣ брода, можно было ѣхать тоже лугами, но по очень дурной сначала дорогѣ, черезъ рытвины и ямы на берегу рѣки, образовавшіяся оттого, что здѣсь постоянно брали землю для запруживанія плотины.

Спѣша въ-догонку за матерью, Іоасафъ Николаевичъ пытался было вплавь перебраться черезъ рѣку, выше мельничной запруды, но лошадь, какъ ни понукалъ онъ ее, не пошла въ глубокую воду. Онъ вынужденъ былъ переѣхать рѣку въ бродъ, а затѣмъ поѣхалъ черезъ тѣ рытвины и ямы и тутъ свалился таки однажды съ спотыкнувшейся лошади. Все это задержало его; «но пѣшій конному не товарищъ»—Іоасафъ Николаевичъ только на полверсты, не болѣе, не настигъ Леонтьичей, которые, какъ ни спѣшили, должны были, изъ предосторожности, везти очень медленно одноколесную садовую телѣжку со свернувшейся въ ней комочкомъ старой барыней.

Луговая равнина доставляла Леонтьичамъ полную возможность еще издали замѣтить погоню за ними взбалмошнаго барина. Завидѣвъ его, они быстро, какъ только могли, стали поспѣшать въ село. И въ разъ имъ обоимъ пришло въ голову, о чемъ на ходу они и сообщили другъ другу, что ужъ нельзя теперь искать пристанища для барыни у макшеевскаго священника, что надо добираться прямо къ церкви, а тутъ — тотчасъ же ударить въ набатъ. Слышала ли этотъ уговоръ Леонтьичей Надежда Ивановна— неизвѣстно: она, все время какъ везли ее въ телѣжкѣ, молчала, закрывъ глаза.

Подоспѣвъ, наконецъ, къ церкви и видя, что баринъ все ближе подскакиваетъ, Леонтьичи ударили въ набатъ.

Пришлось макшеевскимъ крестьянамъ встревожиться также, какъ и михѣевцамъ: даже больше должны были они всполошиться, потому что «набатный бой» могъ начаться только изъ-за пожарнаго случая. Весь народъ макшеевскій, съ двухъ улицъ села, расположенныхъ угломъ, стремглавъ кинулся изъ избъ, съ дворовъ, съ задворьевъ — туда, откуда несся зловѣщій звонъ. Когда Іоасафъ Николаевичъ подскакивалъ тоже къ церкви, тамъ была огромная толпа. Весь сбѣжавшійся людъ—мужики и бабы, старъ и младъ, обступилъ сразу узнанныхъ михѣевскую барыню и ея дворовыхъ, которые все продолжали звонить и звонить.

О причинѣ набатнаго боя народъ не сталъ разспрашивать Леонтьичей. Онъ какъ-то сразу догадался, что страшный звонъ — изъ-за чужой бѣды. Но отъ этой чужой бѣды никто и не подумалъ отстрониться. Всѣ тѣсной стѣною сдвинулись вокругъ доброй сосѣдней барыни и готовы были оборонить ее отъ нападенія человѣка, котораго всѣ сразу же узнали.

Несчастный человѣкъ подъѣхалъ, наконецъ, вплоть къ толпѣ. Голова его измученной лошади коснулась плеча какого-то старика, а тотъ, сердито глядя на михѣевскаго барина, силился отстрониться отъ такого сосѣдства, что, однако, трудно было сдѣлать въ тѣснотѣ. Нѣсколько минутъ стояла тишина, ничѣмъ невозмущаемая, такъ какъ набатъ вдругъ прекратился.

Блѣдный какъ мертвецъ, съ потускнѣвшими, дико-вращающимися глазами, озирался вокругъ себя Іоасафъ Николаевичъ и незамѣтно было, чтобы онъ собирался заговорить — онъ какъ будто совершенно недоумѣвалъ, гдѣ находится и что̀ тутъ происходитъ.

Но вотъ старушка раскрыла глаза, словно только что пробудилась.

— Приподымите меня... приказала она Леонтьичамъ.

Ее приподняли. Опираясь дрожащими руками на плечи пригнувшихся своихъ служителей и не глядя на сына, который, сидя на лошади, могъ бы быть видѣнъ ей, она прерывистымъ отъ волненія, но все-таки твердымъ голосомъ сказала окружавшему ее народу:

— Вы... чужіе люди... христіане православные!.. Ну, вотъ, знайте же всѣ... сынъ посягнулъ на жизнь матери!.. хотѣлъ сжечь ее въ родительскомъ дому!.. Сынъ мой единственный!.. Вскормила, любила его... И во всемъ ослушался, до всего дошелъ... Ну, и кто жъ будетъ здѣсь его судить, какъ не я?.. Будь же ты проклятъ, мой единый сынъ!.. Будь же проклятъ и самый домъ...

И она не договорила. Голова ея опустилась. Безсильно опустились руки и все тѣло. Отъ внезапности ли этого, отъ потрясенія ли, произведеннаго проклятіемъ, Леонтьичи не сдержали ее — какъ-то вдругъ отнялись ихъ руки,—и она упала какъ бездыханный трупъ въ телѣжку.

Но и толпа макшеевцевъ потрясена была страшно проклятіемъ. Услышавъ его, она вся разомъ охнула, простонала. Затѣмъ, снявъ шапки, всѣ перекрестились—и мгновенно грозно повернулись лицомъ къ проклятому сыну.

Тогда вдругъ протиснулся къ нему старшій Петръ Леонтьевъ.

— Баринъ!.. баринъ... уѣзжайте!.. ради Христа Спаса!.. крикнулъ онъ, задыхаясь и дрожа какъ отъ самой злой лихорадки.

XXV.

Онъ отъѣхалъ, не сказавъ ни слова, не оглянувшись назадъ.

Какое впечатлѣніе произвело на него все происшедшее, конечно,

никто изъ свидѣтелей сцены не могъ тогда подмѣтить уже изъ-за собственнаго своего волненія. Но думается мнѣ: врядъ ли особенно сильно онъ былъ потрясенъ. Чрезвычайное передъ тѣмъ напряженіе души должно было неминуемо ослабить ея чувствительность ко всему, что являлось теперь со стороны, — какъ бы ни было внезапно и страшно это явленіе. Конечно, онъ не могъ не слышать проклятія матери, не могъ не видѣть, съ какой грозою отнесся къ нему чужой народъ; но все это подѣйствовало на него только оглушающимъ, такъ сказать, образомъ.

Оттого, вѣроятно, онъ ѣхалъ по лугу такъ тихо, все шагомъ. Глядя издали, можно было подумать, что онъ просто гуляетъ тутъ. Лошадь, которою онъ уже не правилъ, шла по своей волѣ, сама направляясь къ домашнему стойлу. Но неподалеку отъ лавъ, она остановилась пощипать травы. Іоасафъ Николаевичъ не попрепятствовалъ ей въ этомъ.. Онъ только слѣзъ съ сѣдла, прошелъ къ лавамъ и усѣлся при самомъ входѣ, надъ нижнимъ прудомъ, имѣвшимъ форму круглой котловины и прозванномъ михѣевцами «омутомъ» по причинѣ его чрезвычайной глубины.

Темная глубь омута не приманила къ себѣ несчастнаго,—должно быть, потому что прежде его подошла лошадь къ водѣ верхняго пруда и стала пить, что какъ-то привлекло его вниманіе, и оттого онъ помѣстился на лавахъ спиною къ омуту. Такъ было и кстати: легкая прохлада тянула съ широкаго верхняго пруда, освѣжая измученную его голову, вечерняя заря тихимъ свѣтомъ своимъ тоже успокоивала...

Но надо возвратиться къ михѣевской усадьбѣ.

Тамъ мужики и дворовые слышали набатный звонъ въ селѣ Макшеевѣ и тотчасъ же догадались, что не пожаромъ этотъ звонъ вызванъ, что это поспѣвшіе раньше барина Леонтьичи ударили въ набатъ, созывая тамошній народъ для защиты Надежды Ивановны. Михѣевцы не могли видѣть макшеевской толпы, такъ какъ церковь заслонена была для нихъ крестьянскими постройками одной изъ улицъ села; но возвращеніе барина по лугу было хорошо видно всѣмъ, кто взобрался на большія березы господскаго двора.

Староста, по степенности своей не взлѣзавшій на дерево и остававшійся посередь двора, услышавъ отъ наблюдавшихъ, что баринъ усѣлся на лавахъ, надъ омутомъ, сталъ было посылать двухъ-трехъ человѣкъ изъ дворовыхъ и мужиковъ, чтобы шли туда, на всякъ случай,—«а то, добавилъ онъ,—какъ бы, помилуй Богъ, не юркнулъ въ самый омутъ... Вишь, онъ чудной какой-то!»

Но Елизарьевна направила распорядительность старосты въ другую сторону.

— И, что ты это? къ чему бы такъ-то? сказала она,—да коли и случилось бы, ну, и Господь съ нимъ! вѣдь не кто бы туда толкнулъ... Да и ничего-таки тамъ и не случится... А ты вотъ

лучше подумалъ бы насчетъ этой самой соломы... Ужели такъ и оставить ее здѣсь, на виду? Воротится, увидитъ, пожалуй, опять блажить начнетъ; а какъ не увидитъ, ну, авось и такъ дѣло обойдется: вѣдь чего не видишь, про то не бредишь. Ну, и мало-ль еще что: надо подумать тоже и объ насъ обо всѣхъ: показываться ли на глаза-то ему...

Совѣты умницы Елизарьевны, дѣйствительно, были довольно благоразумны. Староста внялъ имъ и немедленно началъ распоряжаться.

Относить солому на гумна было бы слишкомъ долго, да притомъ слѣдовало раздѣлиться ею по всей справедливости, а для этого требовалось уже гораздо больше времени: посему порѣшили общимъ совѣтомъ оттащить солому, покуда, за избы дворовыхъ. Такъ и сдѣлали, съ необыкновенной поспѣшностью, общимъ трудомъ, въ которомъ много помогали бабы и ребятишки. Затѣмъ дворъ начисто подмели, чтобы не видать было и малѣйшихъ остатковъ соломы. Наконецъ, порѣшили тоже: не расходиться мужикамъ съ барскаго двора, но на виду у барина отнюдь не оставаться, а всѣмъ, какъ деревенскимъ мужикамъ, такъ и дворовымъ, припрятаться по разнымъ угламъ, только поближе къ хоромамъ.

— А какъ же быть, когда баринъ кликнетъ кого къ себѣ?— спросилъ кто-то изъ дворовыхъ.

— Какъ быть-то?—отвѣчалъ раздумчиво староста,—ну, да тамъ видно будетъ, какъ вернется... Авось либо и очнется на вѣтру...

Въ эту минуту подъѣхалъ Макарка.

Тотчасъ же сообщили ему, что молъ съ бариномъ и ни вѣсть какая диковина подѣялась, хоромы хотѣлъ спалить, а въ хоромахъ-то была старая барыня, для того солому велѣлъ натаскать и тутъ старосту и еще кой-кого кнутомъ обсѣкъ; барыню успѣли-таки увезти Левонтьичи, въ Макшеевѣ въ набатъ били и, надо быть, Богъ помиловалъ, тамошній народъ не допустилъ до чего нибудь худого: со двора видать было, какъ баринъ ѣхалъ оттуда полегоньку, а теперь онъ сидитъ на лавахъ, надъ самымъ омутомъ. Но сообщеніемъ этихъ новостей не ограничились. Дворовые да и мужики стали было разспрашивать Макарку: какъ было дѣло въ дорогѣ? Съ чего такого прискакалъ баринъ словно бѣшеный? Почему самъ онъ, Макарка, вернулся верхомъ, а не въ телѣжкѣ?

Малый, однако, ничего не отвѣтилъ. Онъ проворно увернулся отъ сборища къ своей лошади, которая стояла еще у воротъ, вскочилъ на нее и съѣхалъ со двора, крикнувъ своимъ:

— Лѣшіе вы, какъ есть! Барина покинули надъ омутомъ!

Перебравшись черезъ рѣку въ бродъ, онъ поѣхалъ берегомъ по рытвинамъ и ямамъ, а скоро пѣшкомъ, крадучись съ всевозможной осторожностью и ведя лошадь въ поводу, сталъ подходить къ барину.

Любовь добраго малаго къ барину проявилась тутъ въ полной силѣ.

Неподалеку уже отъ лавъ онъ остановился и подумалъ: какъ бы не испугать барина внезапнымъ своимъ появленіемъ? Лошадь Іоасафа Николаевича, мирно пощипывавшая траву, дала Макарушкѣ возможность предотвратить перепугъ. Онъ сталъ потихоньку подгонять ее къ лавамъ. И въ самомъ дѣлѣ, движеніе лошади опять-таки привлекло вниманіе барина. Онъ приподнялъ голову и оглянулся въ сторону, гдѣ заслышалъ лошадиный топотъ.

Въ ту же минуту подошелъ Макарушка.

— Милый баринъ... промолвилъ онъ дрожащимъ отъ подступавшаго рыданья голосомъ. — Что жъ вы это здѣсь?.. да какъ же такъ...

И больше онъ не смогъ говорить.

Іоасафъ Николаевичъ всталъ со своего мѣста, но вставая, сильно пошатнулся и, можетъ быть, упалъ бы навзничъ въ омутъ, если бы Макарушка не успѣлъ подхватить его подъ руку.

— Спать такъ хочется... прошепталъ онъ.

Вѣрный слуга подвелъ было его къ лошади, чтобы усадить на нее. Но нечего было и думать объ этомъ: Іоасафъ Николаевичъ едва-едва держался на ногахъ. Сбѣгать на барскій дворъ да позвать мужиковъ на помощь малый не рѣшился: какъ было оставить барина въ такомъ положеніи, тутъ на лугу, опять-таки поблизости отъ этого страшнаго омута?

Но онъ не рѣшился вести Іоасафа Николаевича и ближайшей дорогой, чрезъ зыбучія лавы. Онъ повелъ его по лугу, обходя ямы и рытвины; велъ очень долго, и было ему это почти не подъ силу, потому что Іоасафъ Николаевичъ, съ трудомъ передвигавшій ноги, тяжело поналегъ ему на плечо.

— Какъ же теперь черезъ рѣку?.. А никакъ не смогу перенести... подумалъ Макарушка,—вотъ, развѣ подождать... Авось либо понадъѣдетъ хоть чужой человѣкъ, тогда подсадимъ въ телѣгу и подвеземъ на барскій дворъ.

Но проѣзжихъ не было.

У самой рѣки Іоасафъ Николаевичъ какъ-то вырвался изъ рукъ Макарушки и, припавъ къ водѣ, съ жадностью сталъ пить. Это видимо освѣжило его.

— Спать, спать... повторилъ онъ, приподнявшись отъ воды.

Макарушка опять повелъ его, но теперь гораздо скорѣе, такъ какъ Іоасафъ Николаевичъ шелъ уже тверже и не такъ тяжело на него опираясь.

— Дверь! дверь въ переднихъ сѣняхъ!.. закричалъ предусмотрительный малый, и это было очень кстати: слышно было, что кто-то отперъ сѣнную дверь.

Макарушка ввелъ барина прямо въ его комнату. Не раздѣваясь,

кинулся Іоасафъ Николаевичъ въ постель и чрезвычайно скоро впалъ въ глубокій и, какъ замѣтно было, полный видѣніями, сонъ.

— Слава Богу! угомонился таки... говорили дворовые.

Но и они и деревенскіе мужики долго-долго не расходились съ отдаленнаго уголка усадьбы и шли промежъ нихъ безконечные толки и споры все о происшествіяхъ этого злополучнаго дня. Помянулъ я тутъ про ихніе споры не даромъ: во взглядахъ дворовыхъ и михѣевскихъ мужиковъ на тѣ происшествія была значительная разница.

XXVI.

Уже вечеръ совсѣмъ начался, когда Макарушка, удостовѣрившись, что баринъ хоть и тяжело, но непробудно спитъ, вышелъ изъ его комнаты.

Дворовые и крестьяне, въ числѣ которыхъ и теперь было много женскаго люда, опять обступили баринова «камардина», какъ, въ насмѣшку, прозвали Макарку въ дворнѣ, и опять пристали къ нему съ прежними разспросами, все о томъ: что̀, дескать, было съ бариномъ по дорогѣ изъ Коломны. Макаркѣ, по особымъ его соображеніямъ, отнюдь не хотѣлось бы разсказывать; но и совсѣмъ отнѣкиваться незнаніемъ никакъ было нельзя; онъ и отвѣчалъ сначала обиняками: «А мнѣ, молъ, не слѣдъ калякать про барскія дѣла, да и инымъ прочимъ, кажись, тоже не слѣдъ... Ну, и чай, сами видѣли, что пріѣхалъ баринъ верхомъ, вскачь, благимъ матомъ, сердитый-пресердитый,—стало быть, было съ чего такъ раскипятиться... А больше—про что̀ еще говорить!»

Такія рѣчи возбудили общее негодованіе.

Всѣхъ болѣе напускалась на малаго балованная любимица барыни, лихая Елизарьевна. Но и прочіе его ругали. Наконецъ, степенный староста толково сталъ уговаривать его, что повиненъ онъ безпремѣнно дать отвѣтъ «міру» обо всемъ: «какъ-же, молъ, при эдакихъ дѣлахъ, что̀ вотъ теперича стряслися, какъ же міру-то не знать про нихъ досконально?»

— А что̀ мнѣ міръ? строптиво возразилъ Макарушка:—я человѣкъ дворовой. Передъ самимъ бариномъ, да передъ барыней тоже я завсегда должо̀нъ быть въ отвѣтѣ, а больше какъ есть ни передъ кѣмъ. Эка важность—міръ!.. Вотъ вамъ и весь сказъ.

— Погоди, погоди, малый, погодите и вы всѣ, вмѣшался старый болтунъ, выѣздной лакей Надежды Ивановны:—ну, какъ же, братецъ ты мой, супротивъ всѣхъ вздумалъ ты идти? Это ты не съ той ноги пошелъ! Хоша міръ деревенскій дворнѣ не указъ, да дворня-то много значитъ... Тутъ, малый, ужасти были! ну, такъ какъ же ты?..

Вся толпа заволновалась и во много голосовъ заговорила:

— Ужь и точно: ужасти были ужастенныя...

— Бѣда тутъ всѣхъ донимала!..

— А вѣдь изъ-за той бѣды пришлось бы всѣмъ отвѣчать...

— Знамо: сами, молъ, солому таскали!..

— Ахъ, ты, Господи!.. за чужіе-то грѣхи!.. изъ-подъ палки, изъ-подъ кнута!..

— Вотъ, тутъ и промышляй за себя!..

— Да что-жь такое: а не дойдти-ль до дворянскаго предводителя?..

— И то, ребятушки: чай, самой барынѣ не въ моготу справиться, надо быть, больнёхонька теперича...

— Вотъ, усадьбу покинула,—у чужихъ людей пріютится; можетъ, въ Рязань для леченья отвезутъ,—ну, и жди-пожди, когда домой вернется...

— А намъ-то какъ быть?.. Пропадать, что ли, изъ-за этихъ ужастенныхъ дѣловъ!..

— Эхъ, ужь вы! началъ унимать староста, когда всѣ вдоволь наговорились:—ну, и чего больно взбѣленилися? Проспится,—авось и опять ничего... Онъ же завсегда тихохонекъ нравомъ былъ... Знамо, дѣла—какъ сажа бѣла, а все же: какъ тутъ ни торопись, никуда не доспѣешь...

— Вишь-ты, староста-умникъ! сердито возразили дворовые: — въ околёсицу тоже пустился не хуже нашего Макарки... А намъ-то первымъ приходится пропадать!

— Эко-ся! проспится, ну, и авось ничего, авось, молъ, не вспомнитъ!..

— А коли и не вспомнитъ про хоромы и ужь не придумаетъ, чтобы ихъ спалить, такъ безпремѣнно примется разбирать: какъ было дѣло съ Маринкой треклятой...

— Ну, вотъ, изъ-за этого-то и жди тутъ!..

— Да что-жь это объ той лиходѣйкѣ Макарка ничего не сказываетъ! завопила Елизарьерна.—Староста! допроси его толкомъ!..

— Допроси! допроси! закричали и многіе.

Но Макарка былъ уже совсѣмъ наготовѣ отвѣчать. Онъ хорошо вслушался во всѣ рѣчи толпы,—рѣчи, ему крайне неполюбившіяся, и надумался насчетъ того, какимъ способомъ надобно тутъ изловчиться, чтобы барина-то оборонить.

— Ну, и допрашивайте, сказалъ онъ:—коли міръ требуетъ, я супротивъ него не пойду... и про чтò самому мнѣ вѣдать, про то я готовъ, только по порядку спрашивайте.

— Видѣлъ баринъ Маринку? началъ староста.

— Что-жь, точно видѣлъ.

— Чай, не въ Коломнѣ же постромки у бариновой лошади об-

рѣзаны, самъ онъ и ты, оба верхомъ пріѣхали, стало быть, встрѣча на дорогѣ была: гдѣ-жь Маринка вамъ встрѣлася?

Но Макаркѣ не захотѣлось обстоятельно отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Ужь сказано: видѣлъ баринъ Маринку, а гдѣ видѣлъ, вѣдь, все равно,—и чего тутъ еще добиваться, отвѣчалъ смѣтливый малый.

— Не все это равно, замѣтилъ староста:—ну, да покуда такъ тому дѣлу и быть... Чтò-жь Маринка говорила? Жалилась, аль нѣтъ?

Макарка не утерпѣлъ—усмѣхнулся.

— Право слово, инда смѣхъ разбираетъ, сказалъ онъ. — Бабёнка вся, какъ есть, избитая, одёжа на ней изодрана, коса обрѣзана,—важно постаралися... Коли-бъ и сама не стала жалиться, все же было бы виднехонько... Да что тамъ,—знамо, жалилась.

— На кого-жь больше?.. И чтò такое говорила-то?.. спѣшно стали спрашивать вмѣшавшіеся въ допросъ всѣ дворовые, особенно женщины.

— Говорила про то многонько, говорила, что прогнали, избили немилосердно, наругалися вдоволь... А чтобы на кого указывала— того я не слыхалъ.

— Ахъ, она тварь! ахъ, она вѣдьма проклятая!.. раскричались-было дворовыя женщины; но староста мигомъ унялъ ихъ, опять принялся за допросъ, начавъ его на этотъ разъ какъ-то неловко, можетъ быть, вслѣдствіе перерыва со стороны дворовыхъ.

— Стало быть, на дорогѣ Маринка встрѣлася?

— Стало быть, на дорогѣ.

— Знамо; да ты, малый, не путай... Что-жь баринъ молвилъ на жалобныя-то рѣчи?

— Ничего не молвилъ, обрубилъ постромки у пристяжной, да и ускакалъ.

— Ну, а гдѣ теперича Маринка?

— Этого не знаю.

— Врешь ты это, малый... опять замѣтилъ задумчиво староста и, затѣмъ, надумался сдѣлать только еще одинъ вопросъ:

— Гдѣ-жь ты телѣжку барскую покинулъ?

— Въ Мостищахъ, у Савелья, отвѣчалъ на угадъ Макарка.

Староста замолчалъ, не вымолвивъ, по окончаніи допроса, ни малѣйшаго о немъ заключенія. И все сборище позамолкло на нѣсколько минутъ. Какъ видно было, всѣ думали очень трудную думу, и оказалось тотчасъ-же, что думали не въ ладъ. Первые прервали молчаніе деревенскіе мужики.

— Пораскинешь разсудкомъ, неладно выходитъ. Ну, для чего было наругательство, побои тоже, изъ того-то и бѣда, замѣтилъ

старый мужикъ, какъ староста степенный и на деревнѣ всѣми почитаемый.

Не понравилась сильно эта рѣчь дворовымъ: всѣ они, а пуще всѣхъ Елизарьевна, просто взбѣленились. На перебой, и мужикамъ и самимъ себѣ, кричали они неистово:

— Вѣдь, сама барыня прогнать велѣла Маринку...

— А она нейдетъ! а она драться стала! тутъ-то что сдѣлаешь?..

— Когда бы надоть всѣмъ заодно, выдать насъ хотятъ!...

— Инда сами насъ однихъ виноватятъ!..

— А кто солому къ хоромамъ таскалъ? кто хоромы подпалить собирался?..

Переходы начались большіе. Староста, наконецъ, собрался крѣпко унять ихъ, но вдругъ изъ за него вывернулся тутъ Макарка и очень удачно.

— Вотъ, вы допрашивали, громко подалъ онъ голосъ, все допрашивали меня о такомъ дѣлѣ, что̀ и само виднёхонько, а про главное дѣло словно позабыли. Какъ бы, кажись, не освѣдомиться на счетъ Макшѣева? А никто ничего не знаетъ, присылки же оттоль не было... Того же гляди, не все-то и тамъ ладно...

— А вѣдь, и то, и точно, заговорили въ толпѣ. Это—маху дали: точно, надо бы справиться. Староста! какъ-же это такъ?

Староста слегка ухмыльнулся себѣ въ бороду, взглянулъ мелькомъ на Макарку и качнулъ головой: онъ понялъ хитроватую уловку малаго, не хотѣвшаго, чтобы его стали передопрашивать, и должно быть, уловка эта была ему на руку.

— Можно и спосылать въ Макшѣево, сказалъ староста, оно и точно, не будетъ ли какого приказу отъ барыни? При томъ разѣ про все и узнается. Можетъ и то, добавилъ онъ, можетъ, барыня толкомъ скажетъ на счетъ того, какъ быть всѣмъ теперича, то-ись, съ бариномъ. А безъ приказу отъ самой барыни нешто можно что-нибудь затѣвать? Коли міръ скажетъ, я сейчасъ-же пошлю.

Все сборище, даже дворовые, нашли, что староста дѣло говоритъ. Только Елизарьевна отнеслась къ этому съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Кто же въ Макшѣево пойдетъ? Ужь не Макарку ли пошлете? спросила она.

— Мнѣ самому никакъ неслѣдъ, отвѣчалъ староста, надо и тутъ остаться на всякъ случай. А отчего бы и не Макарку отправить? Путать ему тамъ нечего. Онъ же долж́онъ барынѣ досконально доложить и про то, какъ въ Коломнѣ дѣло было,—вѣдь, баринъ не даромъ туда ѣздилъ и не даромъ такъ долго тамъ оставался; ну, и про встрѣчу съ Маринкою. Барынѣ-то Макарка все, какъ есть, разскажетъ. Я и то смѣкаю, можетъ, Макарка и оченно барынѣ понадобится, не стала бы посылать его за лекаремъ для себя? Вы какъ, ребята, думаете?

Весь міръ опять одобрилъ и эти рѣчи старосты. А Макарка еще разъ надумалъ выловчиться передъ міромъ.

— А какъ придется, можетъ, и въ Коломну за лекаремъ, сказалъ онъ старостѣ, то какъ-же отсюдова? Ужли таки пѣшкомъ?

— Можно и такъ, поѣзжай теперича верхомъ; а тамъ, коли приказъ будетъ, чтобы въ Коломну, поѣдишь или въ коляскѣ, или въ бричкѣ, чтоль. Только тогда, для опасности въ дорогѣ, надо будетъ ѣхать съ тобою еще кому-нибудь, пора-то ночная, отвѣчалъ староста, подумавъ.

Все улаживалось наилучшимъ образомъ для Макарки, какъ именно онъ желалъ. Но хорошо, что онъ не вмѣшивался въ дальнѣйшіе переговоры насчетъ посылки его въ Макшѣево и предполагаемой поѣздки въ Коломну, а то, пожалуй, дѣло и разладилось бы: Елизарьевна очень возставала противъ «непутеваго баловня». И нешто нѣкого другого послать? кричала она. А то, вишь, на Макарку обнадежилися! А Макарка навретъ тамъ, наболтаетъ съ три короба!

Разсудительный староста отвелъ ее въ сторонку.

— А здѣсь-то, у барина, чай, гораздо похуже будетъ, какъ примется Макарка болтать, сказалъ онъ. И есть таки объ чемъ, нелегкая дернула промолвиться, что надо жалиться дворянскому предводителю. По крайности теперича не должонъ баринъ про это знать.

Затѣмъ споровъ уже не было, и Макарка отправился въ Макшѣево, куда на свѣжей и лучшей лошади изо всѣхъ барскихъ пріѣхалъ очень скоро.

Первымъ дѣломъ онъ направился къ дому священника. Уже потому, что у воротъ, подъ окнами, было не мало народу, стариковъ, а больше бабъ, онъ догадался, что барыня осталась тутъ ночевать, не перебралась, какъ онъ думалъ было, къ ближайшимъ сосѣдямъ, Змѣевымъ.

Стоявшіе у дома священника люди разговаривали промежь себя, но очень тихо, шопотомъ. Стало быть, барыня-то больна, опять догадался Макарка.

Онъ слѣзъ съ лошади, подошелъ къ макшѣевцамъ и, осторожно отозвавъ въ сторонку одного изъ стариковъ, спросилъ его:

— Тутъ, чтоли, наша барыня?

— А знамо, тутъ. Куда-жъ ей дѣватся теперича? Ослабѣла, совсѣмъ таки больнешенька. На рукахъ къ батюшкѣ перенесли.

— А Левонтьичи наши гдѣ?

— Младшій-то Петруха ѣздилъ на поповой лошади за барышней вашей, въ Аѳонасьево, да вишь ты, барышня съ тамошними господами въ Раменки въ гости поѣхала. Петрухѣ надо бы въ Раменки прямо, а онъ сюда вернулся. Батюшка инда побранилъ его да и велѣлъ опять ѣхать въ Раменки. Ну, а у васъ то что? И ужь

баринъ вашъ! надѣлалъ дѣловъ! Нашъ народъ, колибъ онъ не отъѣхалъ, да что и говорить... Тебѣ, малый, не послать ли вашего прикащика? Пускай онъ тебѣ поразскажетъ, а намъ индо жутко.

— Пошли, пошли прикащика, дѣдушка.

Старый Леонтьичъ скорехонько вышелъ и тотчасъ пустился было въ разспросы о томъ, что дѣлается въ Михѣевѣ? Но Макарка уклонился отъ всякихъ подробностей; сказалъ только, что у насъ, молъ, все благополучно, а баринъ почивать легъ и почиваетъ спокойно.

— Почивать улегся, почиваетъ спокойно! возразилъ на это прикащикъ. А ты знаешь ли? вѣдь барыня-то... вѣдь, она прокляла его при всемъ народѣ!

Онъ вымолвилъ это съ ужасомъ, дрожа и крестясь. Ужасъ охватилъ и Макарку.

— За что же? за что?.. Господи! да нешто можно! Нешто онъ таковскій!..

— Ужь грѣхъ такой вышелъ... При всемъ мірѣ, при народѣ! И народъ-то чужой. Самому тяжко и на людей взглянуть. А и то, малый, ты вотъ спрашиваешь за что? А онъ же хоромы хотѣлъ спалить! Барыня повѣрила, что и ее хотѣлъ загубить.

— Да быть сего не можетъ! Нешто онъ таковъ человѣкъ! Это кто-жь могъ ей сказать? Охъ, да я бы его на части разорвалъ!

— Грѣхъ такой вышелъ... ну, вотъ, и поди-жь ты! повторилъ прикащикъ, совсѣмъ растерявшись отъ пылкихъ рѣчей малаго. И сама теперича мечется, какъ не своя, мучится и не приведи Господи! А что̀ дальше-то будетъ? Вотъ, барышня пріѣдетъ. Отецъ Осипъ, его дома не было, какъ бѣда случилася, такъ и онъ говоритъ, что безпремѣнно надо прошеніе подать, отписать про все, «какъ же, молъ, такое дѣло укрыть?» Вѣдь, онъ строгой жизни человѣкъ, отецъ Осипъ.

Послѣдніе слова Леонтьича произвели большое впечатлѣніе на Макарку. Онъ увидалъ новую и еще значительнѣйшую, чѣмъ со стороны михѣевской дворни, опасность для барина.

— Ну, такъ вотъ что, Петръ Левонтьичъ, сказалъ онъ, ужь коли барыня такъ-то заболѣла и оченно мучится, надо живо смахать за лекаремъ въ Коломну. Благо я на лошади, къ свѣту и лекарь можетъ сюда поспѣть. Въ Михѣевѣ, тоже всѣ мекаютъ, что надо за лекаремъ: «навѣрнякъ, молъ, барыня больна», затѣмъ и меня послали.

— Поѣзжай съ Богомъ, извѣстно надо лекаря, отвѣчалъ прикащикъ, только, малый, не подождать ли барышни? сейчасъ должна пріѣхать.

— Какъ тутъ ждать? и единой минутки мѣшкать нельзя.

Макарка быстро вскочилъ на лошадь и, не слушая больше Леонтьича, который опять началъ было что̀-то говорить, вскачь отправился въ Михѣево.

XXVII.

Макарка не заѣхалъ въ михѣевскую господскую усадьбу, хотя мысль объ опасности пути въ позднюю ночную пору, черезъ такія «нехорошія» мѣста, какъ Волчьи-Ворота, и очень побуждала его заѣхать. Но онъ все-таки рѣшился пробраться до Коломны въ одиночку, для того, чтобы не было докучнаго свидѣтеля объясненій его съ Михайлою Николаичемъ Г-вымъ, на помощь котораго барину, въ теперешнее трудное для него время, онъ уже начиналъ разсчитывать съ невольнымъ довѣріемъ. Съ величайшей и вовсе ненужной осторожностью проѣхалъ онъ черезъ свою деревню, но въ ней тогда было особенно тихо уже потому, что всѣ взрослые мужики остались на всю ночь на барскомъ дворѣ.

Макаркѣ, по его тонкимъ разсчетамъ, хотѣлось вернуться въ Михѣево, вмѣстѣ съ Михайлою Николаичемъ, какъ можно раньше по-утру; уже поэтому, да и ради путевыхъ опасностей, онъ ѣхалъ очень спѣшно, а попалъ въ городъ только къ-свѣту: вышла задержка имъ непредвидѣнная — живой мостъ былъ разведенъ, по Москвѣ-рѣкѣ проходили съ Оки барки нагруженныя сѣномъ.— Подъѣзжая, наконецъ, къ воротамъ знакомаго постоялаго двора, онъ замѣтилъ, что Михайло Николаичъ не спитъ: черезъ окна его комнаты видѣнъ былъ огонь отъ двухъ горѣвшихъ свѣчей.

Удивился хозяинъ, увидавъ малаго.

— Чтò ты такъ спозаранку?—спросилъ онъ.

— Отъ барина письмо есть къ питерскому,—нашелъ нужнымъ соврать Макарка.

— Что-жь такъ-то: вчерась-утрёшкомъ простилися, а ужъ къ вечеру обсылка понадобилась?.. Ужъ и мудрены господа про всякъ случай, — замѣтилъ хозяинъ, которому, какъ человѣку весь свой вѣкъ живущему «на людяхъ», до всего было дѣло.—А питерскій-то вашъ,—продолжалъ онъ:—больно поздно спать ложится,—хоша, опосля васъ, никуда изъ горницы не выходилъ да и незамѣтно было, чтобы, сидя дома, къ рюмочкѣ часто дотрогивался: за-полночь, выходилъ я посмотрѣть все ли благополучно на дворѣ, такъ и видать было, черезъ растворенную отъ него дверь, что у него свѣчи горятъ.

— Да онѣ и теперича горятъ.

— Ой ли?.. Ну, это, братецъ ты мой, совсѣмъ не годится. Пожалуй, пожаръ надѣлаетъ... И съ чего не спится-то ему,—Господь его вѣдаетъ?

Въ эту минуту, шибко послышался стукъ тяжелаго экипажа по мостовой. Макарка выглянулъ за ворота, — и проворно спрятался опять за нихъ: экипажъ былъ ему знакомый, — изъ Аѳа-

насьева, отъ Змѣевыхъ, а на козлахъ, рядомъ со змѣевскимъ кучеромъ, сидѣлъ младшій Петръ Леонтьевъ.

— Чтò ты спрятался, словно испужался?—спросилъ дворникъ.

— Ничего не испужался,—отвѣчалъ Макарка:—посмотрѣлъ,—чужая какая-то бричка громыхаетъ, ну, и чего больше-то глазѣть.

Затѣмъ, пошли они на верхъ, къ горницѣ занимаемой Михайлою Николаичемъ. Онъ, точно, не спалъ: лишь только раздались шаги идущихъ по скрипучимъ ступенямъ лѣстницы, Г—въ, полуодѣтый и въ сапогахъ, вышелъ отомкнуть дверь въ сѣнную стекольчатую галлерею.

— Я такъ и ждалъ,—сказалъ онъ, увидавъ Макарку:—иди-ко, иди скорѣе. А ты, хозяинъ, убирайся къ себѣ, — ты мнѣ не нуженъ и дѣлать твоей милости тутъ нѣчего.

И онъ безцеремонно заперъ дверь передъ носомъ хозяина.

— Ну,—продолжалъ онъ, сурово смотря на Макарку:—разсказывай мнѣ все по порядку. Слышишь? все, все, безо-всякой утайки!.. Такъ надо, чтобы все было, какъ на ладонкѣ. Да и не вздумай соврать, — меня не обманешь, я подмѣчу, что врешь, задамъ тотчасъ же знатную таску.

Но на этотъ разъ, таски не пришлось отвѣдать малому. И самъ онъ разсказывалъ, и на вопросы отвѣчалъ такъ обстоятельно, что Михайло Николаичъ остался видимо доволенъ имъ и даже слегка похвалилъ за смѣтливость.

И про все разспросилъ Михайло Николаичъ, но больше спрашивалъ, — чтó очень замѣтилъ малый, — о мѣстѣ, гдѣ пріютилась Маринка послѣ встрѣчи и о тамошнихъ людяхъ, а особенно о томъ: чтò и какъ говорили Михѣевцы про намѣреніе Іоасафа Николаевича сжечь домъ, какъ понимали всѣ поступки барина при этомъ, а также про угрозы дворовыхъ насчетъ жалобы предводителю дворянства. — Макарка, подконецъ своего разсказа, упомянулъ, что и отецъ Осипъ проговаривалъ о жалобѣ. — Надо и попу тутъ мѣшаться!—сказалъ, съ явной досадою, Михайло Николаичъ—и опять похвалилъ малого за то, что этого обстоятельства тоже не забылъ.

Несмотря на эти похвалы, самимъ Г—вымъ Макарка былъ очень не доволенъ, конечно, только про себя.

«Ну, какъ же, — подумалъ онъ: — обо всѣхъ спрашивалъ и переспрашивалъ, а о братѣ родномъ только выслушалъ отъ меня, а больше ни словечка...»

Однако, онъ ошибся въ этомъ заключеніи. Подумавши нѣсколько, Г—въ спросилъ коротко:

— Такъ, спитъ?

Макарка понялъ, что вопросъ объ Іоасафѣ Николаевичѣ.

— Почиваютъ-съ оченно крѣпко, я побылъ довольно, — отвѣчалъ онъ.

— И не раздѣваясь лёгъ, ты говоришь!.. Тотчасъ заснулъ?

— Точно такъ-съ. Только сначала, метались больно...

Михайло Николаичъ замолчалъ, отошелъ къ окну — и задумался.

— А проснется,—проснется, о чемъ, прежде всего вспомнитъ?..— вдругъ спросилъ онъ шопотомъ.

Макарка не рѣшился отвѣчать: онъ опять догадался, что, на этотъ разъ, загадочный вопросъ вовсе не къ нему обращенъ.

— Но тамъ видно будетъ... Только поспѣшить надо... — промолвилъ Г—въ, видимо все разсуждая съ самимъ собою. — Помнится, продолжалъ онъ, оборотившись, наконецъ, къ Макаркѣ: — помнится, въ Макѣево ѣзжалъ отсюда лекарь-нѣмецъ Павелъ Андреичъ: живъ онъ, или ужъ померъ?

— Еще живы-съ. Только я сейчасъ видѣлъ, что змѣевская бричка проѣхала, ужъ это вѣрно за Павломъ Андреичемъ. А съ кучеромъ сидѣлъ и нашъ кучеръ Петръ Леонтьевъ.

— А!.. Ну, такъ сбѣгай къ хозяину и разспроси: есть ли здѣсь другой докторъ? хорошъ ли и гдѣ живетъ? Доложишь мнѣ обстоятельно. Потомъ бѣги, и чтобъ Егорка, на самой лучшей тройкѣ, черезъ полчаса здѣсь былъ. Досадно, пожалуй изъ-за лекаря задержка выйдетъ.

Однако, задержки не вышло. Оказалось у хозяина, что вчерашней ночью пріѣхалъ въ Коломну изъ Егорьевска и остановился тутъ же на постояломъ дворѣ, тамошній уѣздный лекарь. Макарка въ-попыхахъ прибѣжалъ извѣстить объ этомъ; Михайло Николаичъ обрадовался.

— Вотъ, это какъ сонъ въ руку, сказалъ онъ.—Бѣги-жъ теперича самымъ скорымъ бѣгомъ къ Егоркѣ. А я толконусь къ егорьевскому этому.

Когда пришла егоркина тройка, егорьевскій лекарь былъ уже въ комнатѣ Г—ва.

Я зналъ этаго замѣчательнаго и нелѣпаго, по теперешнему опредѣленію, человѣка. Но нѣкогда, даже несовсѣмъ давно, у насъ иначе называли такихъ людей, и не одинъ простой народъ называлъ, а и тогдашняя «интеллигенція».

Мнѣ было семь лѣтъ. Отецъ мой умиралъ въ Егорьевскѣ отъ горловой чахотки, внезапно развившейся. Въ это тяжкое для нашей семьи время, Дементій Арефьичъ (такъ звали того «чудака»; фамиліи же его не помню), уже не состоявшій на службѣ уѣзднымъ врачемъ, много заботился о матери моей, которая только-что родила моего младшаго брата. Отца онъ не лечилъ; отецъ былъ на рукахъ у военнаго, артиллерійскаго доктора, имѣвшаго отличную репутацію и, конечно, однюдь не пособившаго отъ злой болѣзни.

Я очень помню Дементья Арефьича, его физіономію, его одежду, и все, что̀ про него говорили въ нашемъ околоткѣ.

Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, довольно малаго роста, казавшійся почти тучнымъ, по причинѣ широкихъ своихъ плечъ и, вообще, очень коренастаго тѣлосложенія. Огромная голова его, съ торчащими вверхъ волосами пепельнаго цвѣта, голубоватые и нѣсколько робкіе глаза, блѣдное лицо, изрытое оспою, кроткая улыбка, все мнѣ памятно, все какъ будто и теперь еще вижу. Онъ носилъ довольно странный костюмъ; всегда одинъ и тотъ же, зеленый, съ краснымъ, стоячимъ воротникомъ, камлотовый, двухбортный сюртукъ, застегнутый только на верхнюю и нижнюю пуговицы, о сохранности которыхъ онъ и заботился усердно, ради чего въ одномъ борту, снаружи сюртука воткнуты были двѣ большія иголки и висѣлъ мотокъ небѣлёныхъ нитокъ; обувь его была тоже необычная въ чиновничьемъ кругу: простые, огромные коты; затѣмъ еще одна подробность: верхней одежды и даже шапки я никогда на немъ не видалъ.

Онъ былъ слабый, пьющій человѣкъ, и, кажется, не запоемъ, а постоянно предавался этой, столь горькой и столь пагубной у насъ слабости.

Но всѣ, кто его зналъ, отзывались о немъ съ состраданіемъ и отнюдь не пренебрежительно. Всѣ знали, что онъ сохранялъ неизмѣнными во всей силѣ не только кротость добросердечнаго отъ природы нрава, но и твердость, прямоту разума, хотя внѣшній образъ жизни этаго человѣка, конечно, по причинѣ вышеуказанной его слабости, вдругъ принялъ угловатую, жесткую, странно бьющую въ глаза своеобразность. И такъ велико было общее сочувствіе къ нему, что, съ полнѣйшимъ довѣріемъ, прибѣгали къ помощи его, какъ доктора, и относились къ совѣту его, какъ человѣка. Онъ лечилъ тоже своеобразно, весьма рѣдко предписывая средства противъ болѣзни, находящіяся въ аптекѣ (впрочемъ, тогда и аптеки въ Егорьевскѣ не было), а указывая самыя простыя, извѣстныя и въ народной медицинѣ. Онъ былъ посвященъ почти во всѣ семейныя тайны окрестныхъ помѣщичьихъ домовъ и умѣлъ по большей части улаживать въ примирительномъ духѣ очень трудныя дѣла. Къ нему обращались за врачебной и духовной помощью не одни помѣщики или городскіе чиновники, но и купцы, мѣщане, крестьяне, даже строптивые, угрюмые егорьевскіе раскольники, и ни отъ кого не бралъ онъ за свои послуги ни малѣйшаго вознагражденія. Но жилъ онъ, такъ сказать, на счетъ общественный, ибо не имѣлъ постоянной квартиры, своего собственнаго, хотя бы и нанятаго угла, нисколько тоже не заботился о ежедневномъ своемъ пропитаніи: наставалъ Божій день, и, послѣ ночлега въ какомъ нибудь чужомъ уголкѣ, Дементій Арефьичъ тотчасъ отправлялся въ церковь, тамъ, среди нищей братіи, выстаивалъ утреню и раннюю обѣдню, а затѣмъ, бродилъ повсюду вплоть до ночи, случайно находя себѣ и пищу и пріютъ для сна и отдыха, гдѣ попало, въ домѣ ли, въ сѣ-

нихъ ли, въ сараѣ ли. Вскорѣ, послѣ начала «страннической» его жизни, стали подавать ему милостыню копѣечками, большими тогдашними пятаками, а то и кусками хлѣба, и онъ принималъ все это съ благодарностью, и никогда, какъ замѣчено было, милостыня, ему подаваемая, не употреблялась на покупку зелена-вина, а раздавалась имъ украдкой (и совершенно напрасно такъ, ибо всѣ про то знали) нищей братіи, которой въ маленькомъ Егорьевскѣ всегда въ то время было преизобильно. Впрочемъ, упомянувъ про зелено-вино, я долженъ сказать тоже, что оно легко доставалось Дементью Арефьичу и даромъ: всякъ, къ кому онъ былъ вхожъ, зная его слабость, подносилъ ему рюмочку, угощалъ его до-сыта; онъ же никогда не напивался совсѣмъ до-пьяна, и только, по большой разговорчивости, можно было подмѣтить, что онъ выпилъ. Вообще, онъ былъ всегда очень серьёзенъ, и, несмотря на его чудачество, всѣ обращались съ нимъ тоже серьёзно. Его, даже въ глаза, звали «юродивымъ», но это отнюдь не въ насмѣшку, а потому, что онъ добровольно принялъ ту форму жизни, которую называли тогда «юродствомъ Христа-ради». Добавлю ко всему этому, что еще за время моего дѣтства, Деменьтій Арефьичъ вдругъ куда-то исчезъ изъ Егорьевска. Вѣроятно, юродническую жизнь свою онъ окончилъ въ какомъ нибудь отдаленномъ монастырѣ.

Таковъ былъ егорьевскій лекарь, къ помощи котораго для своего брата обратился Михайло Николаичъ Г—въ. Впрочемъ, въ то время, должно быть, онъ нисколько не походилъ на юродиваго, иначе Макарушка непремѣнно замѣтилъ бы это.

На ту пору (и лишь на ту), Макарка былъ очень доволенъ Михайлою Николаичемъ, ибо сразу понялъ его распорядительность, его заботливость о братѣ. Ему понравился и этотъ егорьевскій лекарь, такъ кстати подвернувшійся и съ такимъ вниманіемъ выслушивавшій все, что̀ разсказывалось ему объ Іоасафѣ Николаевичѣ. И было чего слушать: Михайло Николаичъ касался весьма многаго, разсказывалъ даже о душевной болѣзни Николая Михайловича П—ва и объ образѣ жизни п—скаго семейства за то время, и изъ послѣднихъ происшествій въ Михѣевѣ онъ ничего не скрылъ передъ докторомъ, который, вѣроятно, и наводилъ на такой подробный разсказъ своими вопросами. Макарка не засталъ всего разговора, къ тому же, за разными хлопотами насчетъ немедленнаго отъѣзда изъ Коломны, довелось ему выслушивать урывками; но многое что̀ онъ подслушалъ о своемъ баринѣ показалось ему чѣмъ-то совсѣмъ новымъ и чрезвычайно важнымъ. Къ послѣднему же заключенію всего болѣе—привели его восклицанія доктора, неразъ имъ повторенныя:—Да, да! говорилъ докторъ:—этотъ несчастный молодой баринъ больной, очень больной человѣкъ... И къ этому онъ прибавлялъ еще какое-то слово насчетъ болѣзни, котораго Макарка и не понялъ и никакъ не могъ припомнить.

Лошади были готовы, всѣ вещи уложены въ повозку, а отъѣздъ, которымъ, сначала, такъ спѣшилъ Г—въ, послѣдовалъ очень нескоро. Изъ-за разговоровъ, все объ Іоасафѣ Николаевичѣ, такъ долго затянулось дѣло. Наконецъ, Егорка-ямщикъ, сильно соскучившійся ждать, рѣшился напомнить объ отъѣздѣ — и былъ прогнанъ изъ комнаты, крѣпко обруганный Г—вымъ. Можетъ быть, и еще нескоро бы отправились въ путь; но, вотъ, прогремѣлъ тяжелый экипажъ по улицѣ, Михайло Николаичъ глянулъ въ окно и увидалъ, что въ экипажѣ сидитъ какой-то пожилой господинъ, а на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, трясется Леонтьичъ-младшій.

— Ну, оно и кстати, — сказалъ, нахмурясь, Михайло Николаичъ: — это нѣмецъ отправился лечить ту старуху. Теперь, пора и намъ. — А впрочемъ, съ полчаса, все-таки, надобно погодить, — пускай тѣ побольше впередъ уѣдутъ.

Онъ велѣлъ позвать хозяина-дворника, очень щедро разсчитался и нѣсколько времени все подшучивалъ надъ нимъ. Шутки были такія веселыя, забавныя; хозяинъ, довольный своимъ постояльцемъ, смѣялся съ большою охотою и даже степенный докторъ улыбался, но самъ шутникъ не смѣялся: синіе глаза его горѣли, и быстро, какъ будто сердито оглядывали всѣхъ, а густыя брови были насуплены. Не смѣялся и Макарка. Ему была непріятна эта веселость «питерскаго оборотня».—«Потѣшается... нашелъ время... а тамъ и Богъ знаетъ что̀ дѣется...» — печально думалъ онъ о своемъ баринѣ.

Наконецъ, тронулись въ Михѣево.

Погода стояла ненастная, дождь моросилъ не переставая. Дорога была очень дурна. Но лихая тройка Егоркина могла бы и по такой дорогѣ скакать вплоть до Михѣева, да Михайло Николаичъ велѣлъ ѣхать потише; легкой рысцою.—Онъ продолжалъ разговаривать съ докторомъ, все о больномъ.

— И вы думаете, спросилъ онъ, между прочимъ, своего спутника:—вы думаете, что мы застанемъ его спящимъ?

— Должно быть, что еще спитъ,—отвѣчалъ докторъ:—утомленъ чрезъ мѣру душой и тѣломъ,—утомленъ такъ давно. Вы же говорили, что безсоница у него, въ Коломнѣ, была замѣтна; стало быть, если уже заснулъ, то можетъ проспать очень долго. Да, да!.. и хорошо было бы, если-бъ, проснувшись, васъ перваго увидалъ. Надо, чтобы не вспомнилъ онъ вдругъ что̀ произошло, надо отвлечь какъ-нибудь его память въ сторону...

Макарка, навостривши уши, на этотъ разъ слышалъ весь разговоръ; но онъ не понялъ словъ егорьевскаго лекаря насчетъ пробужденія Іоасафа Николаевича.—«А для чего-жь бы нужно, чтобы баринъ память потерялъ?» — подумалъ онъ подозрительно. Но подозрѣніе его еще усилилось, когда докторъ добавилъ:

— Съ такими больными — мы сами не знаемъ что̀ дѣлать, го-

ворю вамъ откровенно и сущую правду. Это — больные необыкновенные, по истинѣ, чудные... Вотъ и теперь, все зависитъ отъ случая... Ну, и надо стараться—предупредить. Главное, чтобы не сразу, отнюдь не сразу, опомнился! Знаете ли: если бы внезапное чтò-нибудь,—какая-нибудь тревога вдругъ пробудила его, къ примѣру говорю, даже пожаръ, что ли, хотя голова его была наполнена именно этимъ,—нѣтъ нужды, было бы кстати...

— Я понимаю...—сказалъ, подумавъ, Г—въ.

«Чтò-жъ это они затѣяли?.. Чтò затѣяли?..» — соображалъ про себя Макарка — и никакъ не могъ сообразить. Но его смутная подозрительность достигла высшей степени, когда стали подъѣзжать къ Волчьимъ-Воротамъ.

— А туда вы не заѣдете теперь? спросилъ Михайло Николаичъ доктора.

— Какъ хотите, пожалуй... Но, вѣдь, это задержка будетъ, а нужно къ больному поспѣшить. Да и полагаю, что туда можно послѣ, отвѣчалъ докторъ.

— Ну, а я непремѣнно хочу заѣхать. Загляну только,—чтобы одно обстоятельство провѣрить.—Макарка! помнится, ты говорилъ, что къ угольщикамъ будетъ налѣво, и дорога все прямая?

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ малый, и опять, съ чрезвычайной тоскливостью, подумалъ: чтò же такое еще затѣвается съ этимъ заѣздомъ, явно, къ Маринкѣ?..

Передъ въѣздомъ въ Волчьи-Ворота, Г—въ велѣлъ остановиться, досталъ изъ своего ящика пару пистолетовъ—и пересѣлъ на верховую лошадь Макарки, которая была привязана сзади телѣги.

— Егорка!—приказалъ онъ ямщику:—теперь, даже не рысцой, а шагомъ поѣзжай. Я скорёхонько догоню.

Затѣмъ, за Волчьими-Воротами, по дорожкѣ ему указанной, онъ углубился въ лѣсъ.

И нескоро догналъ онъ тройку, по крайней мѣрѣ, такъ показалось Макаркѣ, вѣрное сердце котораго не переставало предчувствовать какую-то новую бѣду...

Усѣвшись въ повозку, Г—въ сказалъ доктору:

— Она, точно, больна. Жаръ большой, — горячка, что ли. Но тамошняя старая вѣдьма увѣряетъ, что—ничего, пройдетъ. И надобыть, пройдетъ: живучи такія... Испугались-было меня, хоть въ лѣсъ бѣжать, да я денегъ далъ. Для нихъ деньги пуще всего.

— Отчего-жъ однѣ деньги?—задумчиво замѣтилъ докторъ.

— Ребенокъ вы, что ли?—возразилъ Г—въ:—Да вотъ чтò значатъ деньги: лишь только я сталъ отсыпать цѣлковики, гляжу: съ палатей лѣзетъ мужичина, ко мнѣ шагъ было сдѣлалъ, а самъ смотритъ на меня, — знаю какъ смотрятъ въ такомъ разѣ. — «Э, думаю, ножъ у него въ карманѣ»—и крикнулъ, взведя пистолетъ на него, чтобъ онъ ни съ мѣста. Послушался-таки, я же велѣлъ

ему тотчасъ убираться изъ избёнки, да какъ онъ уже растворялъ дверь, крикнулъ ему, чтобы не смѣлъ онъ и вовсе туда навѣдываться: «лѣсъ, молъ, кругомъ-то хорошій, есть гдѣ и такъ схорониться; а нето, молъ, скручу я тебя шельмеца пуще самого капитанъ-исправника...»—Я и старой колдовкѣ строго-на-строго велѣлъ не пускать его.

— И вы не боялись, послѣ того, по лѣсу возвращаться?—спросилъ докторъ.

— Чего бояться?.. Въ одиночку я со всякимъ слажу и безъ этихъ собачекъ, что̀ громко лаютъ,—и онъ указалъ на свои пистолеты; а коли было бы четверо-пятеро человѣкъ да и собачки перестали бы лаять, такъ я на ихнемъ инструментѣ, на ножахъ, смогу ладно поиграть.

Егорьевскій лекарь, съ особымъ любопытствомъ, посмотрѣлъ на него...

Передъ Михѣевомъ, Михайло Николаичъ велѣлъ Егоркѣ подвязать колокольчикъ и даже не въѣзжать на дворъ господской усадьбы.

XXVIII.

«Глухою, словно вотъ разоренною» показалась Макаркѣ эта усадьба, хотя старая, неприглядная, но, обыкновенно, людная и оживленная.

И въ самомъ дѣлѣ, за однѣ сутки, подѣялось съ ней что̀-то особенное и очень нехорошее: у створчатыхъ воротъ одна половинка была совсѣмъ поломана, а другая висѣла неладно на нижней петлѣ,—видно, мужики, таскавшіе солому, привели ворота въ такой безпорядокъ; ставни у оконъ хоромъ, по бо̀льшей части, были закрыты и даже кольями приперты; весь домъ казался съ давнихъ поръ нежилымъ; да и во дворѣ съ дворней, въ которой считалось свыше двадцати человѣкъ обоего пола, не было замѣтно ни малѣйшаго движенія; даже собаки куда-то подѣвались.

Михайло Николаичъ направился съ докторомъ и Макаркою къ заднему крыльцу дома—и тамъ вдругъ наткнулся на цѣлую толпу. Всѣ взрослые дворовые и нѣсколько мужиковъ деревенскихъ стояли у крыльца, какъ будто выжидая чего-то. Вѣроятно, всѣ эти люди выбрались сюда изъ дворовыхъ избъ, какъ только замѣтили приближеніе къ усадьбѣ коломенской тройки.

— А! и староста тутъ... Ну, староста, какъ же у васъ: все ли благополучно?—отрывисто спросилъ Г—въ.

— Грѣха таить нѣчего... не такъ-то у насъ благополучно...—отвѣчалъ староста, глядя нѣсколько въ сторону.

— То-то, умники-Михѣевцы! чуть было не спроказили за-одно съ человѣкомъ, у котораго отъ лихой болѣзни голова не въ порядкѣ... Чѣмъ бы поуспокоить его, поразговорить какъ-нибудь или,

въ томъ разѣ, коли ничего съ нимъ не подѣлаешь, съ глазъ отъ него бѣжать въ разсыпную, а они, умники, довели дѣло, какъ есть, до бѣды!

Староста оглянулся на всѣхъ, съ замѣтнымъ недоумѣніемъ, какъ бы испрашивая совѣта: что̀ же отвѣчать на такія задирательныя рѣчи? Но всѣ молчали, потупившись. Ничего не вымолвилъ и староста, хотя ему очень хотѣлось отвѣтить «супротивъ» этаго человѣка, про котораго, за прежнее его житье, не добромъ помнили въ Михѣевѣ, который и теперь, изъ-за недоброй какой-то мысли, норовитъ обвиноватить людей ни въ чемъ непричинныхъ.

— Слышалъ я и про то, — продолжалъ Михайло Николаичъ, къ досадѣ и смущенію Макарки:—слышалъ и то, что вы же, умники, надумывались жаловаться на больного, несчастнаго вашего барина... Отъ васъ станется!.. А вотъ, попробуйте!.. Попробуйте, мошенники, галманы!..

И послѣднія слова произнесъ онъ съ чрезвычайною силою, грозясь на всѣхъ.

— Помилуйте! что вы это?—прервалъ его докторъ: — можетъ быть братецъ вашъ еще спитъ... Разбудите его,—нехорошо будетъ. Успокойтесь, ради Бога!

— Ну, хорошо, хорошо... Я еще поговорю съ ними, какъ надо...— хриплымъ отъ волненія полушопотомъ сказалъ Г—въ—и тотчасъ, затѣмъ, спросилъ старосту:—Спитъ Есафъ Николаичъ?

— Кажись спитъ,—робко отвѣчалъ староста.

— Кто тамъ съ нимъ?

— Елизарьевна тамъ. Она больше навѣдывается.

— А вотъ я пугну мерзкую бабу... Всѣ здѣсь оставайтесь. Никто не смѣй уходить!

И вмѣстѣ съ докторомъ и Макаркою онъ пошелъ въ домъ.

Темно, холодно, глухо и жутко было въ комнатахъ.—Докторъ шелъ на цыпочкахъ за Г—вымъ, шепча ему, что надо, какъ можно осторожнѣе подходить къ спальнѣ Іоасафа Николаевича. У двери спальни сидѣла Елизарьевна съ чулкомъ въ рукѣ. Увидавъ подходящихъ къ ней, она чинно приподнялась съ мѣста.

— Вонъ отсюда! — опять довольно громко крикнулъ Михайло Николаичъ.

— Баринъ почивать изволитъ... Можетъ, что понадобится... Ну, и какъ же мнѣ...—пустилась было въ возраженія балованная, упрямая женщина.

Михайло Николаичъ шибко толкнулъ ее въ сосѣднюю комнату. Елизарьевна во весь скрипучій свой голосъ заохала. Докторъ, крайне смущенный, повторяя: «ради Бога! ради Бога, тише!»—кинулся затворять за нею дверь. Быстро это произошло — и опять все стихло.

Г—въ, докторъ и Макарка нѣсколько минутъ стояли непод-

вижно, прислушиваясь: нѣтъ ли какого движенія въ спальнѣ Іоасафа Николаевича. Но оттуда ничего не было слышно.

Осторожно отставивъ отъ двери кресло, на которомъ только что возсѣдала Елизарьевна, Г—въ и докторъ вошли въ спальню. Хотѣлъ было войти и Макарка, но Михайло Николаичъ не дозволилъ ему.

И долго простоялъ малый, прислонившись къ двери спальни, затаивъ въ себѣ дыханіе, чтобы лучше прислушаться. Тоскливо онъ ждалъ, что вотъ-вотъ заговорятъ тамъ, а можетъ и позовутъ его. Но тамъ было тихо и тихо—и невольно стало приходить ему на умъ: ужъ не умеръ ли баринъ? Притомъ, одна неотвязная мысль еще больше смущала, пугала его, мысль о томъ: «Какія же тутъ затѣи питерскаго оборотня?» — А что есть у этого человѣка «затѣи» — Макарка былъ убѣжденъ въ этомъ вполнѣ. Подозрительны казались ему всѣ его дѣйствія, даже и то, что онъ «пугнулъ такъ всѣхъ—старосту, мужиковъ и дворовыхъ».

«Ну, и къ чему было пугать? — думалъ и соображалъ онъ: — Лучше бы поласковѣй обошелся, особенно со старостой и съ деревенскими, эти ужъ наврядъ собрались бы жалиться,—вотъ, другое дѣло—дворовые, знамо, крѣпко они боятся быть въ отвѣтѣ передъ бариномъ за Маринку... А вотъ, какъ пугнулъ-то, пожалуй, и мужики шарахнутся... Эхъ! оплошалъ я, — послушался питерскаго оборотня, положился во всемъ на него: онъ-то, молъ, поможетъ!— у него-жь на умѣ и не-вѣсть что... Коли любилъ бы брата,—такъ-ли бы жалѣлъ его?.. И зачѣмъ заѣзжалъ къ Маринкѣ?.. Да и зачѣмъ въ Коломну-то пожаловалъ?.. Инда ровнёхонько ничего тутъ не разберешь!..»

Подавленъ онъ былъ путаницей тяжелыхъ своихъ мыслей до того, что небольшой шумъ, вдругъ раздавшійся у Іоасафа Николаевича, привелъ его въ величайшій страхъ, и чуть было не кинулся онъ бѣжать изъ комнаты. Нѣсколько минутъ онъ не могъ даже прислушаться къ разговору въ спальнѣ, а тамъ говорили, и довольно громко. Но, наконецъ, онъ-таки прислушался.

— Ахъ, нѣтъ-же нѣтъ!.. Не надо, не надо!.. Онъ — чужой человѣкъ...—говорилъ Іоасафъ Николаевичъ,—и такимъ страннымъ, жалобнымъ голосомъ.

— Но—пойми же! Это — докторъ. Слышишь ли Есафъ? это— докторъ, который полечитъ тебя... Ты болѣнъ... Скрывать не станемъ, у тебя горячка... Ты ужъ нѣсколько дней въ бреду, въ безпамятствѣ. Я и привезъ доктора, возражалъ ему Г—въ.

— Докторъ?.. Нѣтъ! онъ чужой человѣкъ... Да и зачѣмъ мнѣ докторъ?.. О, Господи! да всѣ вы дайте же мнѣ... Вы, господинъ!.. прошу васъ, оставьте меня!.. сейчасъ же уйдите!..

— Успокойтесь! я уйду, тихо сказалъ егорьевскій лекарь и вышелъ изъ спальни.

— Ты хуже самой привередливой бабёнки!.. Ты, съумашедшій!.. Кликуша, что-ль?.. кричалъ безъ всякаго удержу Г—въ. Я привезъ доктора!.. Вѣдь, лечиться, лечиться надо!.. Ты знаешь ли?.. знаешь ли?.. О! я готовъ тебя...

И слышно было, что онъ даже ногами затопалъ.

— Братъ! Миша!..—проговорилъ Іоасафъ Николаевичъ, не кричи такъ, ты мнѣ мѣшаешь, лучше вышелъ бы и ты... Ахъ, оставьте меня!.. Я хочу припомнить...

— Ну, такъ я лечить тебя буду!.. вскричалъ Г — въ, и такъ страшно, что Макарка весь затрясся отъ сильнѣйшаго испуга, а лекарь сталъ креститься и шептать словно молитву.

— Слушай, слушай, что̀ скажу, продолжалъ Г — въ медленно, сначала, довольно тихо, но потомъ все громче и громче. Нечего тебѣ вспоминать: ты былъ въ горячкѣ... безъ памяти былъ долго, ну, и какъ припо̀минать бредъ, вздоръ всякій?.. Теперь, ты очнулся... И вотъ что: коли ты въ состояніи подняться, — вставай сейчасъ же!.. Поѣзжай къ Маринѣ, авось этимъ спасешь... Она больна при смерти!..

Странное что̀-то послышалось въ спальнѣ: не то заглушаемые насильно и все-таки рѣзко прорывающіяся вопли и стоны, не то рыданія и не одного, какъ будто человѣка. И вдругъ, выбѣжалъ изъ спальни Г—въ, чрезвычайно блѣдный, разстроенный, раздраженный; онъ дышалъ трудно, какъ отъ тяжелой, только что выдержанной борьбы. Докторъ хотѣлъ было идти къ Іоасафу Николаевичу, но Г—въ остановилъ его.

— Незачѣмъ туда — сказалъ онъ глухимъ голосомъ: уймется и такъ... А хочетъ кликушею быть, ну и пускай...

— Вы очень неосторожно сказали ему о той женщинѣ — замѣтилъ докторъ.

— А чтожъ... подумалось, только такъ и можно унять... Вѣдь припомнить собирался... возразилъ Г—въ.

Въ спальнѣ разомъ стихло и въ дверяхъ показался Іоасафъ Николаевичъ. Безобразенъ и поразительно дикъ былъ весь видъ его: платье въ крайнемъ безпорядкѣ, волосы всклокочены, воспаленное лицо, глаза же совершенно тусклые, безжизненные, прямо на одну точку устремленные, какъ у слѣпого.

— Ѣхать... ѣхать сейчасъ... прошепталъ онъ.

— Батюшка!.. баринъ милый!.. началъ было Макарка, стремглавъ кинувшись къ барину.

Но Г—въ съ силою оттолкнулъ его.

— Хорошо. Сейчасъ и поѣдемъ. Я самъ провожу тебя, сказалъ Г—въ, обратившись къ брату. Макарка! живо двухъ лошадей осѣдлать. Да чтобъ черезъ пять минутъ было готово... Постой! лошадей подвести къ переднему крыльцу... (Затѣмъ, онъ шепнулъ на ухо Макаркѣ, чтобы всѣ ставни потихоньку были отворены и

чтобы никто изъ сборища у задняго крыльца не смѣлъ показываться на глаза барину). А вы, докторъ, продолжалъ онъ:—вы сейчасъ же отъѣзжайте въ Коломну на Егоркиной тройкѣ, видите, вамъ тутъ дѣлать нечего съ вашими аптечными снадобьями (Но и доктору онъ успѣлъ шепнуть, чтобы Егорка ѣхалъ шажкомъ, а въ деревнѣ Поповкѣ остановился бы и подождалъ: «тамъ, молъ, видно будетъ, чтò нужно дѣлать»).

Усадивъ брата въ кресло, спиной къ окну, Михайло Николаичъ распоряжался насчетъ отъѣзда твердо, спокойно, какъ будто ничего особеннаго не произошло тутъ. Посреди этихъ распоряженій, онъ нѣсколько разъ подходилъ то же къ брату и заговаривалъ съ нимъ. Но тотъ ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ въ какомъ-то оцѣпененіи; безжизненные глаза по-прежнему были устремлены на одну точку; и только по нервной дрожи въ рукахъ, по нервному безпрерывному движенію губъ, можно было предполагать, что онъ ждетъ чего-то съ нетерпѣніемъ.

Докторъ вышелъ вмѣстѣ съ Макаркою. На заднемъ крыльцѣ онъ на мгновеніе остановился и проговорилъ какъ бы самому себѣ:

— Можетъ, онъ правъ... И чтò бы я могъ сдѣлать?..

Черезъ четверть часа (а не такъ скоро, какъ приказывалъ Г—въ), съѣхали съ н—скаго двора: сначала, Егоркина тройка съ егорьевскимъ докторомъ; потомъ Іоасафъ Николаевичъ съ Г—вымъ, оба верхами, и первый изъ нихъ, замѣтно было, едва держался въ сѣдлѣ. Поэтому, всадники ѣхали чрезвычайно тихо и тройка на много ихъ опередила.

Макарушка долго глядѣлъ имъ вслѣдъ, до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ скрылись изъ виду. Тутъ лишь и прорвалась его тоска: онъ горько-горько заплакалъ.

Но впереди предстояло ему и еще много печали.

С. Славутинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ[1].

—

XLI.

Къ исторіи цензуры въ 1862 году.

Въ статьѣ моей, «Цензурная реформа въ 1862 году»[2], я не коснулся нѣкоторыхъ распоряженій и мѣръ по цензурному вѣдомству, состоявшихся въ этомъ году, потому что онѣ нѣсколько отдалялись по своей сущности отъ главной цѣли моего историческаго очерка. Между тѣмъ, эти распоряженія и мѣры имѣютъ своего рода интересъ для исторіи нашей печати, а потому настоящею главою я дополняю мою вышеупомянутую статью.

Извѣстно, что въ Россіи не было рекрутскихъ наборовъ въ продолженіе семи лѣтъ, т. е. со времени крымской войны до 1862 года. Крестьянское населеніе имперіи отдохнуло отъ этой повинности, въ то время отбывавшейся преимущественно имъ, такъ что этотъ семилѣтній періодъ долго составлялъ своего рода эпоху въ народной памяти. Необходимость рекрутскаго набора въ 1862 году, уже въ началѣ этого года, обратила вниманіе цензуры на статьи, касавшіяся этого предмета. Такъ, еще 5-го мая, цензурнымъ комитетамъ сообщена была слѣдующая резолюція военнаго министра, переданная къ соображенію и руководству тогдашняго военнаго цензора, генералъ-маіора Штюрмера: «предполагается произвести рекрутскій наборъ въ настоящемъ году и въ послѣдующихъ годахъ для образованія полнаго резерва арміи. Между тѣмъ во всѣхъ журналахъ

[1]) См. «Историч. Вѣстн.», т. XI, стр. 526—557.
[2]) См. «Вѣстникъ Европы», май и іюнь 1882 г.

и газетахъ, не исключая и «Русскій Инвалидъ» [1]), постоянно проводятся мысли о безполезности многочисленной арміи и вредѣ, который происходитъ отъ рекрутскихъ наборовъ въ отношеніи увеличенія народонаселенія и развитія хлѣбопашества и промышленности. Сознавая всю справедливость этихъ выводовъ, полагалось бы, однако же, полезнымъ, если правительство признаетъ необходимымъ содержать, укомплектовывать армію, появленіе подобныхъ статей въ печати воспретить».

Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, счелъ необходимымъ также сдѣлать распоряженіе относительно появленія статей о рекрутскомъ наборѣ и, вслѣдствіе его отношенія къ министру народнаго просвѣщенія, послѣдній, 15-го мая, разослалъ слѣдующій циркуляръ по цензурному вѣдомству: «г. министръ внутреннихъ дѣлъ, увѣдомляя меня, что въ настоящемъ году и въ послѣдующихъ годахъ, для образованія полнаго резерва арміи, предполагается произвести рекрутскій наборъ, обратилъ вниманіе мое на помѣщеніе во всѣхъ нашихъ журналахъ и газетахъ статей, въ коихъ постоянно проводится мысль о безполезности многочисленной арміи и о вредѣ, который происходитъ отъ рекрутскихъ наборовъ, въ отношеніи увеличенія народонаселенія и развитія хлѣбопашества и промышленности. Имѣя въ виду, что предполагаемый рекрутскій наборъ вызывается необходимостью и что статьи, возбуждающія противъ него неудовольствіе, были бы положительно вредны, я полагаю нужнымъ, согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, воспретить появленіе подобныхъ статей въ печати».

По резолюціи военнаго министра, возбудившаго вопросъ о подобныхъ статьяхъ, предписано было гражданскимъ цензорамъ ихъ не запрещать, но представлять на предварительное одобреніе военному цензору, между тѣмъ какъ послѣдующія распоряженія министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія установили безусловное воспрещеніе появленія такого рода разсужденій, хотя военный министръ и «сознавалъ справедливость ихъ выводовъ».

Манифестъ о рекрутскомъ наборѣ въ 1862 году появился въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» 7-го сентября и на другой день былъ перепечатанъ, принятымъ порядкомъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Сѣверной Пчелѣ». Между тѣмъ, 8-го сентября праздновался день тысячелѣтія Россіи и совершено было открытіе въ Новгородѣ сооруженнаго тамъ памятника этому знаменательному событію. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ такую перепечатку газетами въ день 8-го сентября безтактною, и, отношеніемъ 11-го сентября,

[1]) Въ то время газета «Русскій Инвалидъ» издавалась полковникомъ Николаемъ Григорьевичемъ Писаревскимъ, на основаніи особаго условія съ военнымъ министерствомъ, почти на правахъ частнаго изданія. Съ 1-го іюня 1862 г. неоффиціальная часть «Русскаго Инвалида» составила особую газету «Современное Слово», окончательно запрещенную 24-го мая 1863 года.

«покорнѣйше просилъ министра народнаго просвѣщенія обратить вниманіе на помѣщеніе во всѣхъ петербургскихъ газетахъ, кромѣ «Сѣверной Почты» [1]), манифеста о рекрутскомъ наборѣ въ тѣхъ именно нумерахъ, которые вышли 8-го сентября». Въ отвѣтъ на это замѣчаніе министру внутреннихъ дѣлъ препровождено было представленіе, сдѣланное по этому поводу министру народнаго просвѣщенія предсѣдателемъ петербургскаго цензурнаго комитета: «Высочайшій манифестъ о рекрутскомъ наборѣ появился не во всѣхъ, а только въ двухъ газетахъ, подчиненныхъ цензурному комитету, а именно въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Находя весьма безтактнымъ напечатаніе сего манифеста въ день тысячелѣтія Россіи, я замѣтилъ объ этомъ редакторамъ сихъ газетъ, которые отозвались, что они не полагали предосудительнымъ перепечатывать въ своихъ газетахъ оффиціальный актъ, напечатанный въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» 7-го сентября».

Если высшее правительство не нашло безтактнымъ утвердить и обнародовать манифестъ о рекрутскомъ наборѣ наканунѣ дня тысячелѣтія Россіи, то почему «наблюдательная цензура», т. е. министерство внутреннихъ дѣлъ, нашло необходимымъ обратить вниманіе общей цензуры на перепечатку этого правительственнаго акта частными газетами 8-го сентября?

Въ мартѣ 1862 года послѣдовала отмѣна спеціальныхъ цензуръ, въ томъ числѣ и военной [2]), причемъ, непосредственно за отмѣною, возникъ вопросъ о томъ, какими правилами руководствоваться общимъ цензорамъ при разсмотрѣніи статей военнаго содержанія. Вслѣдствіе того, 19-го апрѣля 1862 года, состоялся слѣдующій циркуляръ (№ 2-й) министра народнаго просвѣщенія по цензурному вѣдомству: «по случаю извѣстной отмѣны, въ мартѣ сего года, нѣкоторыхъ спеціальныхъ цензуръ, считаю нужнымъ сообщить для руководства нижеслѣдующее извлеченіе изъ предписанія, даннаго г. военнымъ министромъ [3]), 7-го текущаго апрѣля, главному редактору «Военнаго Сборника» [4]), генералъ-маіору Менькову: «На осно-

---

[1]) Газета министерства внутреннихъ дѣлъ, которая была начата изданіемъ съ 1-го января 1862 года.

[2]) 25-го января 1858 года, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія, А. С. Норова, послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи «довѣренныхъ чиновниковъ отъ министерствъ для разсмотрѣнія статей о предметахъ современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій». Цѣль этой мѣры было облегчить печати сужденіе о государственныхъ вопросахъ, а между тѣмъ она сдѣлалась еще большимъ стѣсненіемъ для литературы.

[3]) Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, впослѣдствіи графомъ.

[4]) Пунктомъ IV высочайшаго повелѣнія, 8-го марта 1862 года, постановлено было «не подвергать вовсе разсмотрѣнію общей цензуры всѣ изданія правительственныхъ учрежденій и губернскія вѣдомости». Къ числу такихъ изданій былъ отнесенъ «Военный Сборникъ», но не «Русскій Инвалидъ», такъ какъ послѣдняя газета, какъ сказано уже, издавалась Н. Г. Писаревскимъ на основаніи особаго договора съ военнымъ министерствомъ.

ваніи высочайше утвержденнаго преобразованія цензурнаго управленія, назначенныя отъ разныхъ вѣдомствъ довѣренныя лица для пересмотра статей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, книгахъ и во всѣхъ вообще сочиненіяхъ, касающихся этихъ вѣдомствъ, отмѣнены. Съ упраздненіемъ спеціальной цензуры, всѣ военныя изданія правительственныхъ учрежденій должны, на будущее время, лежать на отвѣтственности военнаго министерства. На основаніи сего, веденіе редактируемаго вами журнала «Военный Сборникъ» я возлагаю на личную отвѣтственность вашего превосходительства предъ военнымъ министерствомъ, какъ въ отношеніи выбора статей, согласно высочайше утвержденной для журнала программы, такъ направленія и духа онаго. До появленія общихъ цензурныхъ постановленій, для составленія которыхъ, по высочайшей волѣ, образована особая комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія, я не нахожу возможнымъ дать вамъ точныхъ и опредѣлительныхъ правилъ, на основаніи которыхъ долженъ быть веденъ редактируемый вами журналъ, и ограничусь въ настоящее время указаніями лишь на главнѣйшія изъ оныхъ. Въ редактируемомъ вами журналѣ не должны быть допускаемы: 1) Статьи, оскорбительныя для чести русскаго войска. 2) Статьи, могущія поколебать понятіе и уваженіе къ дисциплинѣ; мнѣнія, подрывающія уваженіе подчиненныхъ къ лицамъ начальствующимъ, ослабляющія довѣріе къ правительству. 3) Въ статьяхъ, относящихся до арміи и военной администраціи вообще, не допускать ничего противнаго тому значенію, которое наша армія имѣетъ по закону въ государствѣ; ничего могущаго ослабить уваженіе публики къ нашему военному сословію и никакихъ предосудительныхъ сравненій съ иностранными порядками, не согласными съ установленною формою нашего правленія. Статьи, обсуждающія правительственныя учрежденія или предположенія, могутъ быть допускаемы на страницахъ «Военнаго Сборника» только такія, которыя, будучи проникнуты истиннымъ знаніемъ дѣла, съ должною умѣренностію и приличіемъ указывая на недостатки учрежденій, были бы изъяты отъ всякихъ указаній на личности и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагали бы разныя мѣры къ устраненію существующаго зла. 4) Въ статьяхъ политическихъ избѣгать всякаго рода неприличныхъ преній, отклоняющихся отъ цѣли и предмета, избранныхъ для обсужденія. 5) «Военный Сборникъ», какъ журналъ, издаваемый по волѣ правительства, долженъ неуклонно слѣдовать высочайше утвержденной для журнала программѣ. 6) Въ сомнительныхъ случаяхъ и затрудненіяхъ къ напечатанію замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи статей спеціальныхъ и не спеціальныхъ, ваше превосходительство должны испрашивать всякій разъ моего особаго разрѣшенія».

Отмѣна спеціальныхъ цензуръ въ 1862 году не устранила, однако, вмѣшательства военнаго министерства, подобно другимъ

вѣдомствамъ, въ дѣла цензуры, какъ то видно изъ разныхъ отношеній ихъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Такъ, 17-го іюля, военный министръ препроводилъ къ министру народнаго просвѣщенія слѣдующее отношеніе, которое было сообщено послѣднимъ цензурному вѣдомству для руководства цензорамъ и для непремѣннаго съ ихъ стороны исполненія: «Нѣкоторыя изъ предназначенныхъ къ напечатанію въ Москвѣ рукописей доставляются, сколько мнѣ извѣстно, на предварительное разсмотрѣніе въ С.-Петербургъ. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время одобрена была къ печати членомъ петербургскаго цензурнаго комитета, генералъ-маіоромъ Штюрмеромъ, доставленная изъ Москвы рукопись о полковомъ письмоводствѣ. Другія же и болѣе важныя военныя статьи допускаются къ печати прямо московскою цензурою. Изъ числа такихъ статей помѣщена, въ № 17-мъ «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», «Мѣстное военное управленіе», въ которой авторъ доказываетъ безполезность комендантскихъ управленій во всѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ крѣпостей, и съ тѣмъ вмѣстѣ предлагаетъ упразднить въ Москвѣ комендантское управленіе и ордонансъ-гаузъ. Статьи подобнаго рода могутъ имѣть вредное вліяніе, распространяя въ публикѣ и въ военномъ сословіи поверхностные или превратные взгляды на военныя учрежденія. Еще вреднѣе могутъ быть тѣ статьи, въ которыхъ авторы, въ разныхъ видахъ литературныхъ статей, проводятъ идеи, противныя основнымъ началамъ военной дисциплины, безъ которой ни въ какомъ государствѣ армія не можетъ существовать. Иногда, подъ формою разсказа или повѣсти, выставляются отношенія между подчиненными и начальниками въ такомъ свѣтѣ, что чтеніе подобныхъ статей, на которыя молодые офицеры кидаются съ жадностію, колеблетъ въ легкомысленныхъ юношахъ всякое довѣріе къ начальству, всякое чувство служебнаго долга и приличія. Считая долгомъ отстранять отъ военнаго вѣдомства столь вредное на него внѣшнее вліяніе, и имѣя въ виду, что гг. цензора обращаютъ весьма мало вниманія на подобныя попытки нашей современной литературы подкопаться подъ самыя основанія воинскаго благоустройства и порядка, иногда не понимая даже, въ чемъ можетъ состоять погубное вліяніе этого рода статей, я обращаюсь къ вамъ съ убѣдительнѣйшею просьбою принять какія либо дѣйствительныя мѣры, по собственному вашему усмотрѣнію, для огражденія интересовъ военнаго вѣдомства отъ указываемаго мною вреднаго вліянія тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя печатаются внѣ Петербурга и чрезъ это избѣгаютъ строгаго просмотра генералъ-маіора Штюрмера».

Такимъ образомъ, несмотря на отмѣну спеціальной военной цензуры, она была возстановлена въ лицѣ «члена петербургскаго цензурнаго комитета», генералъ-маіора Штюрмера, то есть такого же военнаго цензора и, по увольненіи его, мѣсто это было занято уже

въ послѣдніе годы другимъ лицомъ, также военнымъ. Въ 1863 и 1864 годахъ, во время возстанія и военныхъ дѣйствій въ привислянскомъ краѣ, всѣ статьи, касавшіяся до всякаго рода событій въ Царствѣ Польскомъ, не говоря уже о военныхъ, посылались на предварительное разсмотрѣніе къ генералъ-маіору Штюрмеру, независимо отъ одобренія ихъ общею цензурою. Такъ была возстановлена спеціальная цензура, вызванная отношеніемъ военнаго министра, отъ 17-го іюля, и уже 31-го августа министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было распоряженіе, «чтобы важнѣйшія рукописи и сомнительныя статьи военнаго содержанія, посылались на разсмотрѣніе изъ кіевскаго комитета въ петербургскій цензурный комитетъ, въ составѣ котораго находится цензоръ, принадлежащій къ военному вѣдомству».

24-го мая, министръ народнаго просвѣщенія писалъ военному министру: «во исполненіе высочайшаго повелѣнія, имѣю честь препроводить у сего, на усмотрѣніе вашего превосходительства, статью, неодобренную московскимъ цензурнымъ комитетомъ къ печати, подъ заглавіемъ: «По поводу статьи Г. И. З—ій», «Два слова о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ войскахъ», помѣщенной въ № 76-мъ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ 1862 году министру народнаго просвѣщенія неоднократно приходилось, въ силу высочайшихъ повелѣній, препровождать къ министрамъ или къ главнымъ начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ статьи, запрещенныя къ печати цензурою, а между тѣмъ, по своему содержанію, могшія оказать пользу тому управленію, до котораго онѣ касались, по своимъ указаніямъ или по раскрытіямъ злоупотребленій. Сверхъ того, вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ войскахъ далъ поводъ, въ началѣ 1862 года, къ слѣдующему эпизоду. Въ «Военномъ Сборникѣ» появилась статья князя Виттенштейна, въ которой онъ защищалъ необходимость и пользу тѣлесныхъ наказаній въ нашихъ войскахъ. На эту статью появился протестъ 106 офицеровъ, который и былъ напечатанъ въ № 85-мъ «Сѣверной Пчелы», 29-го марта. Но, еще до появленія въ печати этого протеста, статья князя Виттенштейна обратила на себя вниманіе, потому что 28-го марта министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующій запросъ предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета: «Государю императору угодно знать, который князь Витгенштейнъ авторъ статьи о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ войскахъ, помѣщенной въ «Военномъ Сборникѣ». По справкамъ оказалось, что это свѣтлѣйшій князь Эмилій Зайнъ-Виттенштейнъ-Берлебургъ, флигель-адъютантъ, полковникъ знаменитаго нижегородскаго драгунскаго полка. Вслѣдъ затѣмъ, 29-го марта, по цензурному вѣдомству состоялось распоряженіе: «не допускать къ печати протеста 106-ти офицеровъ противъ статьи князя Виттенштейна, напечатаннаго сегодня въ «Сѣверной Пчелѣ». На другой день, 30-го марта, я получилъ слѣдующее письмо: «По волѣ государя импера-

тора, прошу прислать мнѣ неотлагательно подлинное письмо 106-ти офицеровъ по поводу статьи князя Витгенштейна, напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ». Статсъ-секретарь Головнинъ, 30-го марта 1862 года». Высочайшая воля была немедленно мною исполнена. Въ заключеніе этого дѣла, 4-го апрѣля послѣдовало слѣдующее отношеніе военнаго министра къ министру народнаго просвѣщенія: «Въ № 85-мъ газеты «Сѣверная Пчела», 29-го марта, напечатанъ протестъ редактору «Военнаго Сборника» отъ 106-ти офицеровъ, съ изъявленіемъ неудовольствія за напечатаніе въ журналѣ статьи «Кавалерійскіе очерки», заключающей въ себѣ, между прочимъ, защиту тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ. Того же числа напечатана въ № 69-мъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» корреспонденція изъ Варшавы, въ которой нѣкто Алексѣй Телятниковъ, отъ имени всего общества офицеровъ западнаго инженернаго корпуса, проситъ редакторовъ газеты стать посредниками между ними и студентами и увѣдомить: къ кому могутъ быть высланы деньги, собранные офицерами по подпискѣ для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ. Такъ какъ протестъ 106-ти офицеровъ не согласенъ съ порядкомъ службы и требованіями дисциплины и закона, воспрещающаго всякое дѣйствіе скопомъ или заговоромъ, а г. Телятниковъ, въ служебномъ порядкѣ, не можетъ представлять собою общества офицеровъ западнаго инженернаго округа и отъ имени всѣхъ офицеровъ просить редактора газеты о посредничествѣ между ими и студентами, ибо собранныя деньги могли быть отправлены по назначенію или чрезъ начальство, или прямо въ редакцію, то я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, не изволите ли признать возможнымъ, чтобы редакторы газетъ и журналовъ не помѣщали въ нихъ протестовъ и писемъ, присылаемыхъ обществами офицеровъ или отъ имени всего общества».

Какъ сказано выше, не къ одному военному министру препровождались, въ 1862 году, запрещенныя цензурою статьи. Такъ, 10-го августа этого года, министръ народнаго просвѣщенія сообщалъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода: «Государь императоръ, одобривъ распоряженіе московскаго цензурнаго комитета, недозволившаго напечатать статью «Церковные сборы», высочайше повелѣть соизволилъ: препроводить оную къ вашему превосходительству на усмотрѣніе. Во исполненіе таковой высочайшей воли, имѣю честь сообщить вамъ вышеозначенную статью». Столь же любопытно и слѣдующее отношеніе, отъ 28-го іюня, министра народнаго просвѣщенія къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ обратить вниманіе вашего превосходительства на слѣдующее мѣсто статьи «Судьба русскаго народнаго образованія», помѣщенной въ № 6-мъ «Православнаго обозрѣнія»: «и когда духовенство видитъ, что законодательство сначала, можетъ быть, и намѣренно, а затѣмъ и безсознательно, слѣ-

дуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностію проводитъ такое правило: духовное лицо православнаго исповѣданія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее, чѣмъ лица свѣтскія или лица духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ, къ какому заключенію приходитъ духовенство? Къ тому, безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось преданнымъ священнымъ началамъ своей родины. Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?»

Точно также, во исполненіе высочайшей воли, министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ, 4-го октября, слѣдующее распоряженіе по петербургскому цензурному комитету: «Государь императоръ, усматривая изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ нѣкоторыхъ господъ министровъ, что въ управляемыя ими министерства поступили разныя свѣдѣнія, представленія и доносы о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, существующихъ въ амурскомъ и приамурскомъ краѣ и что подобнаго рода свѣдѣнія и доносы, въ формѣ литературныхъ статей, поступали даже въ редакціи нѣкоторыхъ издаваемыхъ правительствомъ журналовъ, изволилъ изъявить высочайшую волю, дабы, по случаю прибытія въ Петербургъ исправляющаго должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, генералъ-маіора Корсакова, всѣ подобнаго рода свѣдѣнія, доносы и литературныя статьи были сообщены ему съ тѣмъ, чтобы онъ, разсмотрѣвъ ихъ, внесъ въ сибирскій комитетъ мнѣніе свое, какъ о справедливости и основательности всѣхъ описываемыхъ безпорядковъ и злоупотребленій, такъ и о томъ, какими именно средствами можно бы было прекратить и устранить ихъ на будущее время, если они дѣйствительно существуютъ. Во исполненіе таковой высочайшей воли, покорнѣйше прошу ваше превосходительство, доставить мнѣ имѣющіяся въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ статьи по вышеизложенному предмету, недопущенныя къ печати, для отправленія оныхъ къ генералъ-маіору Корсакову, буде же ихъ нѣтъ въ комитетѣ, то увѣдомить меня о томъ».

Главное управленіе цензуры, закрытое въ мартѣ 1862 года, вслѣдствіе преобразованія цензурнаго вѣдомства, успѣло въ этомъ году сдѣлать только слѣдующія распоряженія по подчиненнымъ ему комитетамъ: «въ свод. зак. (изд. 1857 г.) т. XIV уст. ценз., въ ст. 61-й сказано: имена сочинителей могутъ быть не печатаемы подъ статьями журналовъ и газетъ, если они сего желаютъ, но съ тѣмъ, чтобы имя автора было извѣстно редакторамъ и непремѣнно цензурѣ и чтобы редакторъ, по первому требованію правительства, объявлялъ имя и мѣст жительство автора, подъ опасеніемъ за

неисполненіе сего наказанія по ст. 310-й улож. о наказан.». Вслѣдствіе возникшаго въ цензурѣ недоразумѣнія, кого должно разумѣть въ вышеозначенной статьѣ подъ словомъ «правительство», главное управленіе цензуры входило въ сношеніе съ г. главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, и, соотвѣтственно отзыву статсъ-секретаря барона Корфа, нужнымъ считаетъ пояснить по цензурному вѣдомству, для руководства, что подъ словомъ «правительство» въ ст. 61 цензурнаго устава должно разумѣть то судебное мѣсто, которому былъ предъявленъ искъ обиженнаго анонимною статьею лица и что необходимыя для производства дѣла свѣдѣнія это мѣсто можетъ требовать отъ редактора повременнаго изданія непосредственно или посредствомъ полиціи. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, при надобности въ имени автора, главное управленіе цензуры предлагаетъ комитету руководствоваться правиломъ, что имена сочинителей, неподписавшихся подъ своими статьями, или выставившихъ подъ ними подпись вымышленную, могутъ быть объявляемы властямъ административнымъ не иначе, какъ главнымъ управленіемъ цензуры». Отъ 11-го февраля, главное управленіе сдѣлало слѣдующее предложеніе цензурнымъ комитетамъ: «Въ нѣкоторыхъ газетахъ, какъ-то въ «Сѣверной Почтѣ» и въ «Сѣверной Пчелѣ», появились въ послѣднее время статьи, въ которыхъ обсуживаются вопросы, касающіеся значенія устройства удѣльныхъ имѣній, равно разсматриваются источники доходовъ и предметы расходовъ по вѣдомству департамента удѣловъ. Г. министръ императорскаго двора, сообщая объ этомъ, проситъ сдѣлать распоряженіе, чтобы цензорами различныхъ повременныхъ изданій, по принятому порядку, были сообщаемы къ нему, для предварительнаго просмотра, тѣ статьи, въ которыхъ, прямо или косвенно, будутъ разсматриваться предметы, входящіе въ кругъ вѣдомства ввѣреннаго ему министерства. Вслѣдствіе сего, принять нужныя мѣры къ исполненію изъясненнаго ходатайства генералъ-адъютанта графа Адлерберга». Главное управленіе цензуры, по тому же предмету, сдѣлало еще дополнительное разъясненіе 15-го марта: «Министръ императорскаго двора, генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ, находитъ, что разборъ въ газетныхъ статьяхъ доходовъ, расходовъ и распредѣленій по удѣльному вѣдомству не можетъ быть допущенъ, ибо удѣльныя имущества составляютъ частную собственность членовъ императорской фамиліи».

Вопросъ объ объявленіи имени авторовъ былъ поднятъ въ цензурѣ для охраненія ихъ отъ ненужнаго любопытства административныхъ властей, особенно провинціальныхъ и въ этомъ смыслѣ надобно понимать и разъясненіе, сдѣланное II-мъ Отдѣленіемъ собственной канцеляріи, хотя съ толкованіемъ ею слова «правительство» и нельзя согласиться. Поэтому въ послѣдующей редакціи

означеннаго закона, нынѣ дѣйствующаго, имена авторовъ предписано объявлять только по требованію «судебныхъ мѣстъ и министра внутреннихъ дѣлъ».

Въ 1862 году были неоднократные случаи разрѣшенія къ печатанію отдѣльныхъ статей въ повременныхъ изданіяхъ только съ высочайшаго соизволенія, вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ докладовъ о томъ министра народнаго просвѣщенія [1]). Такъ, 17-го февраля, государь императоръ разрѣшить соизволилъ напечатать предназначенную для газеты «День» статью «Два сосѣда изъ Бѣлоруссіи», съ замѣчаніемъ къ ней редакціи. 2-го марта министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета, что «доставленную имъ сомнительную статью: «Очеркъ исторіи соціализма и коммунизма», я имѣлъ счастіе представить государю императору съ объясненіемъ редактора журнала «Русскій Міръ». Государь императоръ соизволилъ разрѣшить напечатать упомянутую статью и ея продолженіе». 2-го іюня министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ, что «государь императоръ, обративъ вниманіе на статью о возмутительныхъ воззваніяхъ, помѣщенныхъ въ № 113 газеты «Наше Время» [2]), изволилъ отмѣтить собственноручно, что статью сію его императорское величество признаетъ дѣйствительно благонамѣренною, о чемъ имѣю честь сообщить для свѣдѣнія и руководства». 13-го іюня цензурные комитеты получили слѣдующее новое сообщеніе отъ своего министра: «Государь императоръ, обративъ вниманіе на статью, помѣщенную въ послѣднемъ нумерѣ «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника» и начинающуюся словами «Наши заграничные refugiés», изволилъ, между прочимъ, отмѣтить: «Весьма хорошая статья». Затѣмъ, 30-го іюня по петербургскому комитету сдѣлано было слѣдующее распоряженіе: «Не пропускать ни одной статьи противъ замѣтки Каткова на Герцена, не показавъ предварительно предсѣдателю комитета», а чрезъ нѣсколько дней послѣ того, именно 5-го іюля, министромъ народнаго просвѣщенія сообщено было къ руководству петербургскаго и московскаго цензурнымъ комитетамъ слѣдующее: «Государь императоръ, обративъ вниманіе на разсужденія, помѣщенныя въ № 26-мъ «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника» о мѣстныхъ и центральныхъ представительныхъ собраніяхъ и объ орденскихъ капитулахъ, собственноручно написать изволилъ: противъ первыхъ разсужденій: «Вся эта длинная диссертація о представительствѣ весьма ясно высказываетъ цѣль, и потому подоб-

---

[1]) См. гл. V «Изъ моихъ воспоминаній» «Истор. Вѣстн.», январь 1882 г., стр. 119.

[2]) Эта газета издавалась въ Москвѣ Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ, подъ его редакціею. Онъ замѣнилъ ее потомъ газетою «Русскія Вѣдомости».

ныхъ статей не слѣдуетъ впредь пропускать», а противъ вторыхъ разсужденій: «Нахожу подобныя сужденія совершенно излишними». Точно также, 8-го іюня, сообщено было министромъ петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ, что «государь императоръ, обративъ вниманіе на статью объ остзейскихъ нѣмцахъ, напечатанную въ № 34 газеты «День», вслѣдствіе статьи о славянофилахъ, помѣщенной въ «Рижской Газетѣ» («Rigasche Zeitung»), соизволилъ собственноручно отмѣтить: «Эту полемику желательно бы прекратить. Пользы она никакой принести не можетъ, а только еще болѣе возбудитъ обоюдныя нареканія». Такую высочайшую волю имѣю честь сообщить для свѣдѣнія и руководства» [1].

Многія статьи, которыя цензура затруднялась пропустить въ печать, особенно касавшіяся спеціальныхъ вопросовъ, близкихъ тому или другому вѣдомству, были разрѣшаемы министромъ народнаго просвѣщенія, по сношеніи имъ съ другими министерствами.

Но на подобныя разрѣшенія требовались, однако, въ 1862 г., не недѣли, какъ прежде, а сутки, иногда же два, три дня. Очевидно, для ускоренія такихъ разрѣшеній, употреблялись непосредственныя сношенія министра съ министромъ, безъ посредства разныхъ канцелярій. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія слѣдующее распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, отъ 19-го апрѣля, по петербургскому цензурному комитету: «Возвращая при семъ рукопись, подъ заглавіемъ: «Послѣднее слово о земскихъ банкахъ въ Россіи», имѣю честь увѣдомить, для предложенія къ руководству цензорамъ комитета, что съ отмѣною, на основаніи высочайшаго повелѣнія, объявленнаго правительствующему сенату, 10-го истекшаго марта, о преобразованіи цензурнаго управленія, назначенныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ для просмотра статей, касающихся этихъ вѣдомствъ, заключенію гг. министровъ могутъ подлежать отнюдь не самыя рукописи, которыхъ они не найдутъ времени читать сами, а только категорически выраженныя цензурными комитетами мысли или тенденціи автора, кои иногда, по новости проявленія ихъ въ публику, могутъ возбуждать сомнѣніе цензоровъ: не противны ли они видамъ подлежащихъ вѣдомствъ». 20-го же января министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было слѣдующее предложеніе цензурнымъ комитетамъ: «Въ № 15-мъ газеты «Сѣверная Почта» напечатано оффиціальное извѣстіе о томъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ опубликована въ общее свѣдѣніе государственная рос-

---

[1]) При этомъ кстати замѣтить, что тогдашняя газета министерства внутреннихъ дѣлъ, «Сѣверная Почта», обидѣлась, когда въ газетѣ «День», въ полемикѣ между этими двумя газетами, она была названа г. Аксаковымъ «оффиціальною газетою», несмотря на, что она, на основаніи высочайшаго повелѣнія 8-го марта, была изъята изъ общей цензуры, въ качествѣ изданія правительственнаго мѣста.

пись доходовъ и расходовъ на 1862 годъ. Мѣра сія, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчена полнымъ сочувствіемъ и признательностью всего образованнаго общества, но весьма вѣроятно, что самая роспись вызоветъ со стороны лицъ, незнакомыхъ близко съ нашими финансами, разные вопросы и недоумѣнія, которыя могутъ повести къ печатнымъ осужденіямъ нѣкоторыхъ статей дохода и расхода. Признавая, съ одной стороны, неумѣстнымъ, чтобы подобныя порицанія появлялись въ печати, а съ другой, весьма желательнымъ, чтобы вопросы и недоумѣнія разъяснялись для публики по возможности въ скорѣйшемъ времени, я прошу объявить гг. цензорамъ неотлагательно, чтобы всѣ статьи по поводу государственной росписи, которыя будутъ заключать какія-либо порицанія оной, не дозволялись къ печати, но немедленно посылать оныя прямо министру финансовъ, отъ котораго будетъ зависѣть: 1) разрѣшить къ печати, и 2) въ то же время публиковать необходимыя разъясненія».

Въ 1862 году послѣдовало разрѣшеніе многимъ лицамъ получать запрещенныя цензурою иностранныя книги и періодическія изданія. До того времени, притомъ только съ 18-го декабря 1850 года, высочайше дозволено было «безусловно запрещенныя иностранныя книги получать предсѣдателю и членамъ государственнаго совѣта, министрамъ и главноуправляющимъ (на правахъ министровъ), съ подпискою никому не выдавать этихъ книгъ». Въ это дозволеніе не были включены, однако, заграничныя періодическія изданія, запрещенныя цензурою или невнесенныя въ списокъ ихъ, издаваемый ежегодно газетною экспедиціею петербургскаго почтамта. Эти разрѣшенія въ 1862 году давались уже разнымъ лицамъ, каждый разъ съ высочайшаго соизволенія по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія. Такъ, отношеніемъ главнаго начальника III-го Отдѣленія собственной канцеляріи, шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта князя Василія Андреевича Долгорукова, отъ 20-го февраля, министръ народнаго просвѣщенія былъ увѣдомленъ, что «государь императоръ соизволилъ высочайше разрѣшить генералъ-адъютанту князю Суворову [1]) выписывать изъ-заграницы запрещенныя книги и повременныя изданія или журналы». Но, съ упраздненіемъ главнаго управленія цензуры, права и обязанности котораго, въ силу указа 8-го марта 1862 года, были возложены на министра народнаго просвѣщенія, къ нему перешли и всеподданнѣйшіе доклады по этому предмету, подлежавшіе прежде вѣдѣнію шефа жандармовъ. Такъ, по докладу министра народнаго просвѣщенія, «государь императоръ высочайше соизволилъ, въ 17-й день марта, на предоставленіе генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній и областей права получать изъ-заграницы

---

[1]) Тогдашнему с.-петербургскому военному генералъ-губернатору.

книги и періодическія изданія на иностранныхъ языкахъ безъ цензурнаго разрѣшенія, только для личнаго ихъ употребленія»; затѣмъ, 5-го апрѣля, высочайше разрѣшено было «лицамъ, которыя занимаютъ должность управляющаго морскимъ министерствомъ, получать безъ разсмотрѣнія цензуры всѣ вообще книги и періодическія изданія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, издающіяся заграницею», а 15-го сентября такое же точно разрѣшеніе дано было «товарищу министра народнаго просвѣщенія, директору департамента этого министерства, попечителямъ учебныхъ округовъ и предсѣдателямъ цензурныхъ комитетовъ» [1]).

Побудительною цѣлью ходатайствъ о подобныхъ разрѣшеніяхъ было преимущественно желаніе имѣть возможность на законномъ основаніи читать «Колоколъ», «Полярную Звѣзду» и другія изданія и сочиненія русскихъ эмигрантовъ.

До чего доходило прежде преслѣдованіе иностранныхъ книгъ въ Россіи, можно лучше всего видѣть изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ данныхъ, которыя также доказываютъ, какъ мало запретительныя мѣры достигали цѣли, чтобы недозволенныя книги не обращались въ множествѣ въ публикѣ.

Въ началѣ 1849 года, шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, князю Ширинскому-Шихматову, что слѣдствіе, произведенное надъ Петрашевскимъ и его сообщниками, обнаружило, что въ Россіи обращается очень много запрещенныхъ иностранныхъ книгъ, причемъ только въ Петербургѣ у одного книгопродавца ихъ было захвачено болѣе 2.500. Императоръ Николай Павловичъ, обративъ на это обстоятельство особое вниманіе, приказалъ графу Орлову войдти въ соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Л. А. Перовскимъ, о принятіи мѣръ къ прекращенію подобныхъ злоупотребленій. Графы Орловъ и Перовскій составили съ этою цѣлію слѣдующія предположенія: 1) «отнять у университетовъ и ученыхъ обществъ право получать иностранныя книги, неодобренныя цензурою», на томъ соображеніи, что «отъ ученыхъ людей запрещенныя книги, или вредныя мысли изъ этихъ книгъ, могутъ переходить и къ другимъ лицамъ»; 2) принять болѣе строгія мѣры, относительно раскупорки тюковъ съ иностранными книгами и, между прочимъ, производить ее на-границахъ въ таможняхъ, причемъ книги, неодобряемыя къ ввозу внутрь страны, сожигать». Императоръ Николай Павловичъ одобрилъ предположенныя двумя министрами мѣры, но съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ графу Орлову снестись по этому предмету съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ и съ главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ, графомъ Блудовымъ. Графъ Блудовъ возсталъ противъ сожженія запрещенныхъ

[1]) О такомъ же дозволеніи пяти редакторамъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ см. «Историческій Вѣстникъ» 1882 года, т. VII, стр. 118.

книгъ. Въ своемъ отвѣтѣ графу Орлову, онъ писалъ: «сожиганіе книгъ было бы мѣрою и ненужною и весьма неблаговидною. Такая публичная казнь книгъ, эстамповъ и друг., ни въ какое время и ни въ какой странѣ не производила полезнаго дѣйствія. Притомъ, германскіе книгопродавцы присылаютъ сюда большею частію книги на комиссію, слѣдовательно до самой ихъ распродажи онѣ составляютъ собственность не русскихъ подданныхъ. Наказывать ли послѣднихъ за неисполненіе правилъ, которыхъ они, можетъ быть, не знаютъ или не поняли? и не поведетъ ли сіе къ непріятнымъ объясненіямъ и разсчетамъ съ другими правительствами»? Князь Ширинскій-Шихматовъ, со своей стороны, замѣтилъ, что для людей, спеціально занимающихся какою-либо наукою, необходимо слѣдить за всею безъ исключенія ея литературою, за всѣми возникающими въ ней мыслями, какъ здравыми, такъ и ложными; что же касается до осмотра иностранныхъ книгъ въ таможняхъ, то онъ видѣлъ въ этой мѣрѣ только новыя затрудненія и новые расходы. Благодаря заступничеству графа Блудова, «омаровскія» мѣры графа Орлова и графа Перовскаго не были приведены къ осуществленію.

Въ 1862 году, сверхъ вышеприведенныхъ облегченій по выпискѣ иностранныхъ книгъ, многія изъ нихъ, до того вполнѣ запрещенныя, были дозволены къ продажѣ въ публику.

Въ томъ же году дано было впервые разрѣшеніе на продажу газетъ отдѣльными нумерами на улицахъ. Газеты наши стали продаваться нумерами только съ 1858 года, но такая продажа производилась исключительно въ конторахъ редакцій. Ранѣе 1858 года, газеты можно было получать только по подпискѣ. 22-го мая 1862 года, министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, что «со своей стороны я не нахожу препятствія къ дозволенію статскому совѣтнику Максимову открыть продажу газетъ отдѣльными нумерами въ окрестностяхъ Петербурга, въ мѣстахъ дачнаго расположенія жителей, а также въ Петербургѣ у пароходныхъ пристаней и у гостиннаго двора». Владиміръ Ивановичъ Максимовъ первый завелъ также продажу газетъ нумерами по желѣзнымъ дорогамъ. Его контора помѣщалась у Синяго моста въ томъ домѣ, гдѣ теперь редакція газеты «Petersburger Herold». Г. Максимовъ, не имѣя конкурентовъ, нажилъ себѣ капиталъ отъ этой операціи и удалился изъ Петербурга въ свое имѣніе въ западныхъ губерніяхъ [1]).

22-го же мая, два генералъ-губернатора, виленскій и петербургскій, получили замѣчанія по поводу дозволенныхъ ими статей къ печати. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, 26-го апрѣля, сообщилъ министру народнаго просвѣще-

---

[1]) О разрѣшеніи всѣмъ газетамъ печатать частныя объявленія, данномъ 12-го мая 1862 г., мною уже было сообщено. См. «Истор. Вѣстн.» 1882 г., т. VII, стр. 119.

нія: «Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», въ № 26, 10-го марта (стр. 204 и 205), помѣщенъ цѣликомъ, въ переводѣ на польскомъ языкѣ, отвѣтъ графа Росселя лорду Карнарвону, въ засѣданіи верхней палаты, о нынѣшнемъ положеніи Польши. Въ отвѣтѣ этомъ, между прочимъ, графъ Россель: 1) говоря о гимнахъ, пѣтыхъ поляками въ Варшавѣ по церквамъ, выразился, что гимны эти возвышаютъ народный духъ, воспламеняютъ поляковъ къ сохраненію знамени народности, выражаютъ тоскливое ожиданіе той минуты, въ которую пробьетъ часъ независимости; 2) неодобрительно отозвался о дѣйствіяхъ варшавскаго правительства противъ возмутительныхъ манифестацій, выразившихся въ Варшавѣ, въ уличныхъ скопищахъ и въ пѣніи гимновъ по церквамъ, прибавивъ, что дѣйствія эти имѣли пагубныя послѣдствія, усилили и возвысили народный духъ (поляковъ), и 3) объяснилъ, по дошедшимъ до него слухамъ, о какихъ-то совѣтахъ графа Велепольскаго русскому правительству, относительно учрежденія въ царствѣ польскомъ національнаго гражданскаго управленія, выразивъ въ заключеніе надежду, что въ недальнемъ будущемъ поданный маркизомъ Велепольскимъ совѣтъ будетъ услышанъ. Признавая, съ своей стороны, допущеніе такихъ извѣстій въ печати in extenso, особенно на польскомъ языкѣ, неудобнымъ, по тому уваженію, что они заключаютъ въ себѣ такія подробности, которыя могутъ только еще болѣе развивать и усиливать въ читателяхъ раздраженіе, къ сожалѣнію и безъ того существующее, и повести къ возбужденію неосновательныхъ надеждъ на измѣненіе существующаго порядка, я имѣю честь сообщить о семъ на ваше усмотрѣніе». Эти замѣчанія «наблюдательной цензурной власти» были доложены государю императору министромъ народнаго просвѣщенія, который и препроводилъ, послѣ своего доклада, слѣдующее отношеніе, отъ 22-го мая, къ генералъ-адъютанту Назимову, тогдашнему виленскому военному, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору: «государь императоръ, въ слѣдствіе замѣчанія министра внутреннихъ дѣлъ объ упущеніи по цензурѣ, состоявшемъ въ пропускѣ въ № 26-мъ за сей годъ «Виленскаго Вѣстника» цѣликомъ отвѣта графа Росселя лорду Карнарвону, касательно нынѣшняго положенія Польши, усматривая, что статья сія разрѣшена къ печати вашимъ высокопревосходительствомъ, повелѣть мнѣ соизволить написать вамъ, милостивый государь, что его императорское величество удивляется пропуску вами помянутой статьи и надѣется, что впредь вы будете осмотрительнѣе. Высочайшую волю сію, выраженную въ собственноручной резолюціи государя императора, имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству».

Замѣчаніе отъ высочайшаго имени петербургскому военному генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту князю Суворову, было сдѣлано также 22-го мая, но значительно мягче, а именно: «г. министръ внутреннихъ дѣлъ (писалъ министръ народнаго просвѣще-

нія), обращая вниманіе мое на неодобрительное, по его мнѣнію, общее направленіе журнала «Вѣкъ», указалъ, въ числѣ другихъ предосудительныхъ статей, незаслуживающихъ цензурнаго одобренія, на помѣщенную въ № 14-мъ означеннаго журнала статью, подъ заглавіемъ: «с.-петербургскіе городскіе выборы» [1]). Усмотрѣвъ же, изъ доставленнаго мнѣ г. предсѣдателемъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета отношенія вашей свѣтлости къ тайному совѣтнику Цеэ, что статья эта, предварительно дозволенія къ печати, находилась на вашемъ разсмотрѣніи, и что вы не встрѣчали препятствій къ ея напечатанію, я счелъ долгомъ о семъ, для оправданія цензора, довести до свѣдѣнія государя императора. Во исполненіе послѣдовавшаго по сему случаю, въ 21-й день текущаго мая, высочайшаго повелѣнія, имѣю честь сообщить вашей свѣтлости о вышеизложенномъ замѣчаніи статсъ-секретаря Валуева, касательно статьи «с.-петербургскіе городскіе выборы».

Повидимому, замѣчаніе, сдѣланное 22-го мая генералъ-адъютанту Назимову отъ высочайшаго имени, не осталось безъ вліянія, если только ходъ событій, во второй половинѣ 1862 года въ привислянскихъ и въ западныхъ губерніяхъ, не измѣнилъ его взгляда на положеніе дѣлъ въ ввѣренномъ ему краѣ. По крайней мѣрѣ, въ декабрѣ этого года, генералъ-адъютантъ Назимовъ писалъ къ шефу жандармовъ, князю Долгорукову [2]): «Въ № 310-мъ «Сѣверной Пчелѣ», подъ рубрикою «Польская Хроника», помѣщено извѣстіе о фактѣ, совершившемся въ Ковенской губерніи [3]). Извѣстія подобнаго рода о различныхъ случаяхъ и событіяхъ, происходившихъ въ западныхъ нашихъ провинціяхъ, уже не разъ появлялись въ столбцахъ «Сѣверной Пчелы» подъ указанною выше рубрикою. Государь императоръ, во время посѣщенія Литвы въ 1860 году, ясно и положительно соизволилъ выразить взглядъ свой на этотъ край въ словахъ: «здѣсь не Польша, а Россія»! обращенныхъ къ дворянству, имѣвшему счастіе представляться его императорскому величеству. Въ духѣ этого августѣйшаго изреченія дѣйствуетъ и правительство, стараясь пресѣчь злонамѣренныя усилія польской пропаганды, клонящіяся къ уничтоженію въ этомъ краѣ національности и къ насильному полонизированію народа, никогда не принадлежавшаго къ польскому племени. Съ цѣлію положить предѣлъ столь незаконному вторженію поляковъ въ область чуждаго имъ элемента, учреждаются повсемѣстно въ краѣ школы русской грамотности, а историческія изысканія неопровержимыми фактами убѣждаютъ гласно и печатно,

---

[1]) Статья эта принадлежала Н. Серно-Соловьевичу.

[2]) Письмо это 12-го декабря препровождено было министру народнаго просвѣщенія, сообщившему его цензурному вѣдомству.

[3]) Извѣстіе о сборѣ денегъ по частной подпискѣ въ пользу дѣтей покойнаго поэта Сырокомли.

что западная Русь никогда не была Польшею и не имѣетъ съ нею ничего общаго. При такомъ положеніи дѣла, столь неосторожный поступокъ со стороны редакціи «Сѣверной Пчелы» подаетъ польской партіи поводъ заявлять свои притязанія на западно-русскія провинціи, ссылаясь въ этомъ случаѣ на то, что сами русскіе относятъ оныя къ Польшѣ. Какъ ни маловажно, повидимому, подобное обстоятельство, встрѣчающееся въ русской газетѣ, но въ сущности оно даетъ въ руки враговъ русской народности въ этомъ краѣ оружіе—защищать свои мнимыя права и упрекать правительство въ отнятіи у нихъ того, что̀ признаетъ ихъ собственностью русская газета, служащая въ нѣкоторой степени отголоскомъ общественнаго мнѣнія въ Россіи. Разсматривая съ этой точки зрѣнія характеръ отдѣла въ «Сѣверной Пчелѣ», польской хроники, и полагая неумѣстнымъ помѣщеніе въ этомъ отдѣлѣ статей, подобныхъ приведеннымъ выше, я почитаю долгомъ представить это обстоятельство вниманію вашего сіятельства и покорнѣйше просить, не признаете ли возможнымъ обязать редакцію «Сѣверной Пчелы», чтобы на будущее время, подъ рубликою польской хроники, не были помѣщаемы свѣдѣнія, факты и вообще предметы, относящіеся до западнаго края Россіи».

Какая разница между мартовскою статьею «Виленскаго Вѣстника» и письмомъ въ декабрѣ къ шефу жандармовъ по поводу одной рубрики въ петербургской газетѣ!

Въ 1862 году существовала въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Александра Ѳедоровича Голицына (предсѣдателя комиссіи прошеній, скончавшагося 12-го ноября 1864 года), слѣдственная коммисія по поводу появившихся возмутительныхъ прокламацій, напечатанныхъ въ тайныхъ типографіяхъ и соприкосновенныхъ съ ними умысловъ. 10-го октября князь Голицинъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ отношеніемъ по поводу одного извѣстія, появившагося въ издававшейся тогда провинціальной газетѣ «Кіевскомъ Телеграфѣ»: «высочайше утвержденная въ С.-Петербургѣ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, слѣдственная комиссія, въ исполненіе даннаго ей высочайшаго повелѣнія принимать самыя строгія и рѣшительныя мѣры, для предупрежденія и пресѣченія вредныхъ и опасныхъ намѣреній и дѣйствій злоумышленниковъ, почла своимъ долгомъ неослабно слѣдить за всѣми обстоятельствами, которыя могутъ возбудить такую дѣятельность. Въ этомъ отношеніи комиссія обратила вниманіе на періодическія изданія и убѣдилась, что помѣщаемыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ статьи много способствуютъ къ волненію умовъ, а неумѣстными выраженіями, вселяя недовѣріе къ правительству, ослабляютъ и чувство того почтительнаго благоговѣнія, какое русскіе искони привыкли имѣть къ своему государю и его фамиліи. Такъ, напримѣръ, въ № 73-мъ газеты

«Кіевскій Телеграфъ», 23-го сентября 1882 года, напечатана статья, въ которой авторъ разсказываетъ о распространенныхъ будто бы въ Россіи, въ волынской губерніи, четырехъ возмутительныхъ записках, и, подъ предлогомъ порицанія ихъ, объясняя содержаніе сихъ записокъ, съ явною цѣлью сдѣлать ихъ болѣе извѣстными, выражается такимъ образомъ: а) въ одномъ мѣстѣ: «далѣе идетъ страшная путаница, пересыпанная безпощадною бранью, изъ которой можно понять одно, что поляки не видятъ никакихъ милостей отъ царя и что онъ меньше далъ имъ, чѣмъ отнялъ. Что же онъ у нихъ отнялъ?» и т. д. б) Въ другомъ мѣстѣ говорится, что одна изъ упомянутыхъ записокъ начинается такъ: «недавно варшавскія газеты перепечатали отзывъ великаго князя Константина Николаевича къ полякамъ, выхваляющій оказанныя имъ государемъ милости» и проч. Кромѣ того, въ томъ же нумерѣ газеты, сообщается, что неизвѣстный проѣзжій въ мѣстечкѣ Ямполѣ, глуховскаго уѣзда «бросилъ множество экземпляровъ какой-то бумаги, должно быть неприличнаго содержанія, потому что одинъ изъ тамошнихъ священниковъ тотчасъ собралъ ихъ и уничтожилъ». Въ дѣлахъ III-го Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи не имѣется никакихъ свѣдѣній о появленіи означенныхъ записокъ и о брошенныхъ въ мѣстечкѣ Ямполѣ бумагахъ. Поэтому нужно полагать, что изложенное въ приведенныхъ статьяхъ составляетъ вымыселъ, но вымыселъ вредный по своему направленію и возмутительный по своему изложенію. Вслѣдствіе сего, комиссія почла нужнымъ потребовать, чрезъ подлежащее начальство, отъ редактора газеты «Кіевскій Телеграфъ» объясненія объ основаніяхъ, служившихъ ему данными для помѣщенія означенныхъ статей въ этой газетѣ. Для предупрежденія же на будущее время возбуждаемыхъ подобными статьями толковъ и превратныхъ о правительствѣ сужденій, комиссія полагала бы статьи этого рода допускать къ печатанію не иначе, какъ по разсмотрѣніи ихъ вашимъ превосходительствомъ и съ вашего разрѣшенія, о чемъ и представляла на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе. Его императорское величество, на всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ, собственноручно написать соизволилъ: «предоставить распоряженію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія». Высочайшую волю сію имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, къ исполненію и вмѣстѣ съ тѣмъ препровождая при семъ упомянутый выше нумеръ газеты «Кіевскій Телеграфъ», покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать, истребовавъ отъ редактора этой газеты, согласно заключенію комиссіи, объясненіе, доставить таковое въ оную, съ возвращеніемъ приложеній».

Объясненіе отъ редактора «Кіевскаго Телеграфа» заключалось въ томъ, что упомянутыя въ его газетѣ возмутительныя бумаги и прокламаціи дѣйствительно существовали. Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Въ 1862 году, преобразованіе цензурнаго управленія возбудило въ нѣкоторыхъ лицахъ ложную увѣренность въ возможности безнаказанно спекулировать безнравственными изданіями, въ разсчетѣ на падкость на такого рода книги извѣстной части публики. Появились летучіе листки: «Петербургская Клубничка», «Бубенчикъ», «Щелчекъ», «Клубничка» и проч. Разрѣшеніе въ этомъ году уличной продажи газетъ и книгъ въ разносъ способствовало распространенію ихъ въ публикѣ. Митрополитъ петербургскій и министерство внутреннихъ дѣлъ обратили на нихъ вниманіе. Вслѣдствіе того, по поводу «Бубенчика», министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было, 6-го августа, слѣдующее распоряженіе по петербургскому цензурному комитету: «Въ изданномъ въ Петербургѣ г. Шмитановскимъ листкѣ, подъ названіемъ «Бубенчикъ», въ числѣ другихъ статей, напечатано прошеніе звонаря Тычкина на имя кіевскаго полицiймейстера, въ которомъ заключается юмористическій разсказъ о томъ, какъ проситель, напившись пьянымъ, заснулъ и во время сна съ него сняли всю его одежду. Въ прошеніи этомъ, написанномъ языкомъ, подходящимъ къ языку церковно-славянскому, помѣщены въ нѣсколько измѣненномъ видѣ выраженія, заимствованныя изъ св. Писанія. Преосвященный Исидоръ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, нашелъ неумѣстнымъ употребленіе такихъ выраженій въ подобныхъ юмористическихъ разсказахъ. Вслѣдствіе увѣдомленія о семъ, полученнаго мною отъ г. с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, я покорнѣйше прошу сдѣлать цензору, одобрившему къ печатанію означенную статью, за неосмотрительность его въ настоящемъ случаѣ, замѣчаніе». Министръ внутреннихъ дѣлъ, со своей стороны, прислалъ слѣдующее отношеніе, отъ 5-го декабря, министру народнаго просвѣщенія: «Въ недавнее время вышелъ въ свѣтъ и продается въ здѣшней столицѣ, по 10 к. за экземпляръ, новый летучій листокъ, подъ названіемъ «Петербургская Клубничка». Листокъ этотъ наполненъ описаніемъ безнравственныхъ и грязно-отвратительныхъ сценъ. Самъ издатель сознается, что разсказы его грязны, а стихотворенія сальны (стр. 4, столб. 2). Настоящій листокъ, по крайне неблагопристойному и развратному содержанію своему, можетъ имѣть весьма вредное вліяніе на нравственность читателей, особенно изъ низшихъ классовъ общества, которымъ онъ доступенъ по дешевизнѣ своей. А потому, находя, что изданіе это, на основаніи ст. 3 п. в, т. XIV Уст. Ценз., подлежало безусловному запрещенію со стороны цензуры, я имѣю честь сообщить о семъ вашему превосходительству на благоусмотрѣніе». Поэтому по петербургскому цензурному комитету послѣдовало, 7-го декабря, слѣдующее распоряженіе: «Листки и брошюры, подобные «Бубенчику», «Щелчку», «Клубничкѣ» и т. п., дозволять къ печати не иначе, какъ съ дозволенія цензурнаго комитета». Сверхъ того, 18-го де-

кабря, министръ народнаго просвѣщенія прислалъ слѣдующее отношеніе петербургскому цензурному комитету: «Усматривая, что въ послѣднее время стали появляться, съ разрѣшенія цензуры, въ высшей степени безправственныя изданія, какъ, напримѣръ, напечатанный въ Петербургѣ листокъ, подъ заглавіемъ «Петербургская Клубничка» и что для этой же цѣли употребляются объявленія о книгахъ, повидимому, научнаго содержанія, наполненныя цинизмомъ и самымъ грязнымъ развратомъ, какъ, напримѣръ, пропущенное петербургскою цензурою въ сентябрѣ сего года объявленіе о книгѣ «Гигіена и физіологія брака» и дозволенное въ октябрѣ въ Москвѣ объявленіе о той же книгѣ, разосланное при разныхъ періодическихъ изданіяхъ, я прошу ваше превосходительство сдѣлать строгое замѣчаніе цензору с.-петербургскаго комитета [1]), который не исполнилъ въ настоящемъ случаѣ правилъ цензурнаго устава и сообщить мнѣ его фамилію». Этимъ однако дѣло не кончилось и, распоряженіемъ по петербургскому цензурному комитету, 21-го декабря, цензоръ Де-Роберти былъ уволенъ отъ службы за одобреніе къ напечатанію листка «Петербургская Клубничка».

Къ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, по поводу разныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ 1862 года, принадлежатъ также и слѣдующія. Такъ, 17-го ноября, онъ писалъ министру народнаго просвѣщенія: «Въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ («Сѣверная Пчела», № 284, «Военный Сборникъ», № 4 и друг.), помѣщено объявленіе объ изданіи въ 1863 году газеты «Современное Слово». Издатель оной развиваетъ свои тенденціи и принципы довольно положительно и обѣщаетъ выяснить ихъ съ еще большею опредѣлительностью при ожидаемой имъ большей свободѣ прессы. Направленіе этой газеты, судя по принципамъ, которыми издатель намѣренъ руководствоваться, едва ли будетъ такимъ, какое можетъ быть допущено въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ подъ цензурою, такъ и безъ цензуры. Издатель очевидно стремится къ тому порядку вещей, который возможенъ вполнѣ только въ странахъ, имѣющихъ представительный образъ правленія и для достиженія этой цѣли не боится ни сотрясеній, ни толчковъ, ни скачковъ, а болѣе опасается мирнаго и нечувствительнаго хода реформъ». 17-го декабря, министръ народнаго просвѣщенія получилъ слѣдующее сообщеніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ: «Въ № 268 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ фельетонной статьѣ, подъ заглавіемъ «Отцы и дѣти», говорится о томъ, что, по случаю высочайше утвержденнаго положенія, 4-го іюля 1861 года, о питейномъ сборѣ, всѣ служившіе по питейной части, въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, уволены отъ службы и оставлены безъ куска хлѣба— совершенно несправедливо. Въ заключеніе статьи, авторъ, выстав-

[1]) Цензоръ Егоръ Егоровичъ Волковъ.

ляя жалкую участь мелкихъ чиновниковъ вообще, прибавляетъ, что они тотъ же крѣпостной людъ, но не имѣющій ни кола, ни двора. Такъ какъ настоящая статья послужила поводомъ къ множеству толковъ и порицаній насчетъ дѣйствій довѣренныхъ лицъ правительства и можетъ возбудить ропотъ въ означенномъ классѣ чиновниковъ, то, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, подобныхъ статей не слѣдовало бы допускать къ печати». Передъ тѣмъ, 12-го іюня, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія: «Въ № 120 «Русскаго Міра», статья «Объ отношеніяхъ правительства къ литературѣ въ Россіи и другихъ европейскихъ государствъ» имѣетъ предметомъ чисто политическій трактатъ, потому что (по мнѣнію автора) законы о печати идутъ всегда въ параллели съ политическимъ устройствомъ страны (стр. 413). Переходя къ Россіи, авторъ находитъ «общину, съ равноправіемъ каждаго изъ членовъ ея, единственною основною формою для развитія русской жизни» (стр. 412). Далѣе значится: «политическою жизнью можетъ жить только самъ народъ; иначе все, что возникнетъ независимо отъ народа, сверху его, все это будетъ существовать его же силами, эксплуатируя ихъ не только безъ пользы, но и съ явнымъ вредомъ для него»... «Главною и единственною задачею нашего правительства, въ отношеніи къ внутреннему управленію страною, мы считаемъ: вызвать къ дѣйствію нравственныя силы народа; силы эти никому неизвѣстны, ни правительству, ни литературѣ, но присутствіе ихъ чувствуется инстинктомъ и прошедшая исторія наша доказываетъ, что народъ былъ когда-то способенъ и къ самоуправленію, и къ самосознанію, и къ самохраненію. Съ тѣхъ поръ, какъ абсолютная власть крѣпко замкнулась въ самое себя отъ всякаго общежитія съ народомъ, сдѣлалось невозможнымъ никакое проявленіе самобытныхъ силъ народа, но онѣ не вымерли въ немъ, это доказывается и настоящимъ; только нужно пробудить ихъ и открыть имъ широкій путь для свободнаго движенія. Однимъ словомъ, правительство должно войти въ непосредственную связь съ народомъ, съ обществомъ». Еще далѣе, авторъ разрѣшаетъ вопросъ, какимъ образомъ народъ долженъ быть призванъ къ обсужденію своихъ собственныхъ дѣлъ и къ заявленію предъ правительствомъ своихъ потребностей легальнымъ путемъ. Находя всѣ эти разсужденія противорѣчащими § 1-му высочайше утвержденныхъ, 12-го мая 1862 года, временныхъ правилъ для руководства по цензурѣ, имѣю честь сообщить о томъ на ваше благоусмотрѣніе». 21-го сентября, министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету: «Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ, что, при внимательномъ наблюденіи за періодическими изданіями нашими, оказывается, что встрѣчающіяся въ нихъ иногда неблагонамѣренныя статьи не всегда заключаютъ въ себѣ открыто вредныя идеи;

напротивъ, онѣ приводятся не въ буквальномъ смыслѣ. Писатели съ вреднымъ направленіемъ прикрываютъ свое ученіе обыкновенно или столь прозрачными покровами, сквозь которые не трудно понять ихъ стремленіе, или обращаются къ аналогическому и, такъ сказать, параллельному изложенію. Такимъ образомъ, въ настоящее время почти во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ обращаетъ на себя вниманіе отдѣлъ иностранныхъ извѣстій. Подъ этою рубрикою систематически проводятся такія стремленія и идеи, которыя бы, при самой снисходительной цензурѣ, не могли быть пропущены въ другихъ отдѣлахъ газетъ и журналовъ. Самыя революціонныя теоріи народностей и какое бы то ни было движеніе противъ всѣхъ возможныхъ правительствъ находятъ тамъ не только сочувствіе, но и одобреніе. Статсъ-секретарь Валуевъ, находя такое положеніе слишкомъ анормальнымъ, слишкомъ разительнымъ, чтобы оно могло быть терпимо, и, полагая, что, при существующей у насъ силѣ печатнаго слова и при томъ уровнѣ цивилизаціи, на которомъ стоитъ большинство нашихъ читателей, тѣ ложныя понятія и злонамѣренныя заблужденія, въ какія вводится такими статьями масса читающей публики, очень вредны, считаетъ нужнымъ, чтобы цензоры обращали вниманіе на всѣ вышеизложенныя обстоятельства и не иначе пропускали подобныя статьи, какъ по зрѣломъ убѣжденіи, что мысли и разсужденія, въ нихъ выраженныя, не противорѣчатъ кореннымъ основаніямъ нашего государственнаго устройства. О семъ имѣю честь увѣдомить, для предложенія петербургскому цензурному комитету къ руководству». Черезъ мѣсяцъ министръ внутреннихъ дѣлъ вновь обратилъ вниманіе министра народнаго просвѣщенія на политическій отдѣлъ газетъ, въ слѣдующемъ отношеніи своемъ, отъ 24-го октября: «Въ № 98-мъ «Современнаго Слова», статья подъ заглавіемъ «Слово и дѣло», доказывая, что конституція необходима всякому образованному государству, и, выставляя преимущество конституціоннаго образа правленія предъ монархическимъ неограниченнымъ, по содержанію своему, колеблетъ въ читателяхъ довѣріе къ основнымъ формамъ нашего государственнаго устройства и такимъ образомъ возбуждаетъ чувство недовольства самимъ правительствомъ,—настоящая статья, а равно полное сочувствіе, высказываемое почти въ каждомъ нумерѣ «Современнаго Слова» (въ политическомъ обозрѣніи) ко всѣмъ, гдѣ бы они ни были, событіямъ, клонящимся къ ниспроверженію существующаго порядка, явно показываютъ, что редакція этой газеты приняла, повидимому, за правило, при каждомъ удобномъ случаѣ, проводить въ публику противуправительственныя идеи. А потому я долгомъ считаю сообщить вашему превосходительству о столь вредномъ направленіи означенной газеты, покорнѣйше прося, не изволите ли признать нужнымъ внушить цензору этой газеты, чтобы, при пропускѣ назначаемыхъ къ помѣщенію въ

оной статей политическаго содержанія, онъ дѣйствовалъ съ надлежащею осмотрительностью». Вслѣдъ затѣмъ, именно 26-го октября, предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета сдѣлалъ слѣдующее представленіе министру народнаго просвѣщенія: «Въ слѣдствіе замѣченныхъ мною въ газетѣ «Современное Слово» неумѣстныхъ разсужденій о кандидатурѣ его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго на греческій престолъ, сдѣлалъ я цензору, за пропускъ этой статьи, строгое замѣчаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ цензированіе этой газеты передано мною на будущее время г. цензору, генералъ-маіору Штюрмеру».

Въ заключеніе очерка цензурной дѣятельности въ 1862 году приводимъ слѣдующія распоряженія, состоявшіяся въ этомъ году: 11-го февраля министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ цензурнымъ комитетамъ, что «государь императоръ, замѣтя въ № 5-мъ сатирическаго журнала «Гудокъ» неприличное изображеніе императора французовъ и короля сардинскаго, высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить, для зависящаго исполненія, непремѣнную волю его величества, чтобы каррикатурныя изображенія царствующихъ государей не допускать въ печати». 7-го мая состоялись по цензурному вѣдомству слѣдующія два циркулярныя распоряженія министра народнаго просвѣщенія: 1) «Государь императоръ, имѣя въ виду, что многія лица, коимъ въ разное время разрѣшено было изданіе газетъ и журналовъ, до сего времени не воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, 5-го сего мая, высочайше повелѣть соизволилъ: считать эти изданія несостоявшимися и предоставить упомянутымъ лицамъ вновь обратиться въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбами о разрѣшеніи означенныхъ изданій». 2) «Государь императоръ, имѣя въ виду, что статьи въ періодическихъ изданіяхъ и сомнительныя мѣста въ книгахъ разрѣшаются весьма часто не одними цензорами, но или предсѣдателями цензурныхъ комитетовъ, или комитетами, или министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, въ 5-й день сего мая, высочайше повелѣть соизволилъ: впредь не печатать въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ имянъ цензоровъ, одобрившихъ оныя, а печатать одобреніе по слѣдующей формѣ: «одобрено цензурою, число, мѣсяцъ, годъ и мѣсто» [1]).

19-го мая министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету: «Обративъ вниманіе мое на появившіяся въ послѣднее время въ періодическихъ изданіяхъ статьи, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ обвиняются, а въ другихъ оправдываются студенты с.-петербургскаго университета въ бывшихъ въ Петербургѣ безпорядкахъ, я имѣю честь покорнѣйше

---

[1]) Съ марта 1864 года эта форма была замѣнена словами «дозволено цензурою».

просить, ваше превосходительство, предложить петербургскому цензурному комитету, чтобы такія обвиненія и оправданія допускались впредь къ печати только въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ». Вслѣдъ затѣмъ, 28-го мая, состоялось по цензурному вѣдомству новое распоряженіе по этому предмету, а именно: «Государь императоръ, имѣя въ виду, что появляющіяся въ послѣднее время въ періодическихъ изданіяхъ въ большемъ числѣ статьи, въ которыхъ авторы обвиняютъ или оправдываютъ студентовъ по поводу безпорядковъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ и въ другихъ университетскихъ городахъ, и что эти статьи возбуждаютъ только раздраженіе и не содѣйствуютъ къ водворенію порядка, высочайше повелѣть соизволилъ: прекратить печатаніе подобныхъ статей».

7-го сентября министръ народнаго просвѣщенія объявилъ цензурнымъ комитетамъ слѣдующее распоряженіе: «Государю императору угодно было выразить мнѣ лично, что въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ появляются неумѣстныя похвалы дѣйствіямъ Гарибальди. Имѣя въ виду, что между дѣйствіями италіанскихъ агитаторовъ и злоумышленными попытками въ Россіи и въ Польшѣ сказывается явная связь, считаю нужнымъ сообщить о такомъ замѣчаніи его величества для надлежащаго руководства». 18-го октября министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ петербургскому цензурному комитету: «Въ № 215-мъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатана статья объ обществѣ возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, подъ заглавіемъ: «Два слова по поводу распространенія христіанства на Кавказѣ». По этому случаю, вслѣдствіе личныхъ объясненій моихъ съ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, я покорнѣйше прошу, ваше превосходительство, во-первыхъ, всѣ статьи, касающіяся помянутаго общества, которыя будутъ представлены въ цензуру, прежде разрѣшенія къ печати, доставлять ко мнѣ и, во-вторыхъ, обращать особенное вниманіе на всѣ вообще статьи, относящіяся къ кавказскому краю [1]) и при малѣйшемъ сомнѣніи въ пользѣ, которую онѣ могутъ приносить, присылать ихъ тоже ко мнѣ». Передъ тѣмъ, 14-го сентября, министръ сообщилъ тому же комитету, что «въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ высочайшее утвержденіе особаго знака (въ родѣ ордена) для ношенія членами общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Предваряя о семъ ваше превосходительство, прошу васъ объявить гг. цензорамъ, что государю императору не угодно, чтобы были допущены въ печати какія-либо порицанія или насмѣшки надъ этимъ установленіемъ, цѣль коего весьма по-

---

[1]) До уничтоженія спеціальныхъ цензуръ въ мартѣ 1862 года, всѣ статьи, касавшіяся Кавказа, посылались на предварительный просмотръ въ канцелярію кавказскаго комитета, гдѣ ихъ цензировалъ тогда статсъ-секретарь В. П. Бутковъ, управлявшій дѣлами комитета.

леана». Сверхъ того, 18-го же октября состоялось еще слѣдующее распоряженіе по цензурѣ: «Въ запискахъ ученыхъ обществъ и въ книгахъ ученаго содержанія могутъ нерѣдко появляться статьи, неудобныя для помѣщенія въ газетахъ и въ литературныхъ журналахъ. Почему я покорнѣйше прошу, ваше превосходительство, обратить особенное вниманіе на то, чтобы перепечатка изъ подобныхъ статей и сообщеніе о нихъ разрѣшались въ газетахъ и журналахъ не иначе, какъ съ большою осмотрительностью».

XLII.

Къ исторіи газеты „Голосъ“.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», я сообщилъ два документа, относящіеся къ исторіи газеты «Голосъ». Вотъ еще два документа, имѣющіе отношеніе и къ этой газетѣ и къ нашей печати вообще. Изъ нихъ видно также, что столкновеніе нашей печати съ академіею наукъ возникло не въ послѣдніе годы, а двадцать лѣтъ тому назадъ.

19-го ноября 1863 года, непремѣнный секретарь императорской академіи наукъ препроводилъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія слѣдующее отношеніе: «По порученію вашему, прочитавъ въ десятой книжкѣ «Современника» (1863 года) страницы, посвященныя насмѣшкамъ надъ академіею наукъ, я долгомъ считаю, при возвращеніи этой книжки, изложить мысли, возбужденныя во мнѣ чтеніемъ этой статьи. Статья «Современника» носитъ на себѣ характеръ большей части статей, появляющихся въ фельетонныхъ отдѣлахъ этого журнала, т. е. отличается недобросовѣстностью и глумленіемъ, которое можетъ только возбуждать презрѣніе во всякомъ благомыслящемъ человѣкѣ. Возражать на такія статьи нельзя тому, кто имѣетъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства; тѣмъ менѣе можетъ возражать на такія выходки академія, высшее ученое сословіе въ государствѣ, которое можетъ вести ученый споръ, но не должно становиться на одну доску съ балаганными шутами. Всякій, конечно, согласится, что заставлять академію публично оправдываться противъ пасквилей безъименныхъ фельетонистовъ значило бы унижать достоинство академіи и науки. Нѣкоторые наши журналы до того мало дорожатъ истиною, просвѣщеніемъ и общимъ благомъ, до того превратились въ мелочныя лавочки, торгующія скандаломъ, что вести съ ними споръ нѣтъ никакой возможности. Притомъ, никакъ нельзя ожидать, чтобы какимъ нибудь возраженіемъ со стороны академіи на направленныя противъ нея нападки можно было бы положить конецъ этимъ нападкамъ. Напротивъ, такіе журналы, какъ «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Го-

лось» и нѣкоторые другіе, были бы очень рады появленію какой бы то ни было полемической статьи въ защиту академіи для того, чтобы имѣть поводъ еще желчнѣе напасть на нее. Что это не простое предположеніе, я долженъ вамъ напомнить, что «Голосъ», съ самаго своего основанія [1]), началъ швырять грязью въ академію, и если уже рѣчь зашла объ этомъ предметѣ, то не могу скрыть отъ васъ, что такое направленіе «Голоса» возбуждаетъ странное чувство въ академіи, ибо извѣстно, что эта газета находится въ особыхъ отношеніяхъ къ министерству народнаго просвѣщенія, получаетъ отъ него пособіе и служитъ ему оффиціознымъ органомъ, въ которомъ помѣщаются изъ перваго источника разныя communiqués министерства. Позвольте мнѣ быть откровеннымъ и спросить, что̀ можетъ думать академія, встрѣчая подобныя на нее нападки въ газетѣ, которая, повидимому, должна была бы въ своихъ сужденіяхъ объ одномъ изъ главныхъ учрежденій вѣдомства министерства соображаться съ видами и желаніями сего министерства. Прибавлю къ этому одно обстоятельство: г. редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса» до того мало скрываетъ свою программу «delenda Academia», что въ послѣднемъ засѣданіи географическаго общества, по окончаніи чтеній, среди довольно многочисленнаго кружка членовъ, слѣдовательно весьма публично и весьма категорически, объявилъ, что его цѣль—уничтожить академію и что онъ постоянно будетъ помѣщать бранныя статьи противъ нея. Что г. Краевскій злобствуетъ на академію — это очень понятно; но съ какою цѣлью цензура одобряетъ въ печать всякую брань на академію — это трудно себѣ объяснить».

Чрезъ три дня, 22-го ноября, послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ министра народнаго просвѣщенія:

«Вполнѣ справедливо, что фельетонныя статьи нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ отличаются недобросовѣстностью и что академіи наукъ не слѣдуетъ вступать въ споры съ подобными статьями; но тѣмъ не менѣе справедливо, что съ каждымъ днемъ печатное слово и въ особенности періодическая пресса пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе вліянія на наше общество, а это вліяніе обусловливаетъ сочувствіе общества и къ ученымъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ вамъ весьма хорошо извѣстно съ какими трудностями сопряжено усиленіе средствъ академіи наукъ между прочимъ оттого, что ученая дѣятельность академіи подвергается въ теченіе многихъ лѣтъ порицаніямъ, которыя остаются безъ всякаго опроверженія и потому производятъ невыгодное впечатлѣніе даже на самыхъ безпристрастныхъ читателей, мало знакомыхъ съ дѣятельностью академіи. Посему я остаюсь при томъ убѣжденіи, что, не входя ни въ какую полемику съ фельетонными статьями, и особенно съ статьями, от-

[1]) Газета «Голосъ» стала выходить съ 1-го января 1863 года.

личающимися неприличнымъ тономъ, непремѣнный секретарь академіи обязанъ всѣми мѣрами знакомить общество съ учеными трудами и характеромъ дѣятельности этого учрежденія и съ тѣмъ значеніемъ, которое оно имѣетъ въ ученомъ мірѣ. Для сего недостаточно ученыхъ записокъ академіи, которыя читаются весьма немногими спеціалистами, но необходимо печатать по временамъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи въ той или другой формѣ. Упорное молчаніе и презрѣніе къ общественному мнѣнію и къ періодической прессѣ приносятъ академіи положительный вредъ и о бездѣйствіи непремѣннаго секретаря по сему предмету сожалѣютъ самые искренніе его доброжелатели.

«Затѣмъ я долженъ указать вамъ на нѣкоторыя совершенно ошибочныя ваши предположенія.

«Вы говорите, что направленіе газеты «Голосъ» возбуждаетъ странное чувство въ академіи, ибо извѣстно, что эта газета находится въ особыхъ отношеніяхъ къ министерству народнаго просвѣщенія, получая отъ него пособіе, и служитъ ему оффиціознымъ органомъ, въ которомъ помѣщаются изъ перваго источника разныя «communiqués» министерства. Мнѣ, извѣстно, что газета «Голосъ» никакого пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія не получаетъ и оффиціознымъ органомъ ему не служитъ, а получаетъ разныя свѣдѣнія или «communiqués», какъ вы называете, наравнѣ съ другими газетами, которыя желаютъ подобными свѣдѣніями пользоваться; особыя отношенія этой газеты къ министерству заключаются въ томъ, что, по представленію министерства народнаго просвѣщенія, г. Краевскому разрѣшено было издавать газету «Голосъ», въ слѣдствіе того, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» переданы были г. Коршу безъ соблюденія тѣхъ обыкновенныхъ условій приличія, на которыя имѣлъ полное право прежній редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Вы спрашиваете, что можетъ думать академія, встрѣчая нападки въ газетѣ, которая должна была бы въ своихъ сужденіяхъ объ одномъ изъ главныхъ учрежденій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія сообразоваться съ видами и желаніями сего министерства. Отвѣтъ на это весьма простъ: министерство народнаго просвѣщенія не стѣсняетъ свободы ни одной газеты и ни отъ одной не требуетъ, чтобы она сообразовалась съ видами и желаніями сего министерства, полагая, что полная независимость печатныхъ органовъ всего полезнѣе для успѣховъ просвѣщенія.

«Въ заключеніе вы говорите, что трудно себѣ объяснить, съ какою цѣлью цензура одобряетъ въ печать всякую брань на академію. Жалобы на снисходительность цензуры весьма неожиданны и странны со стороны ученаго секретаря высшаго ученаго въ имперіи учрежденія, такъ какъ полная свобода печатнаго слова всего полезнѣе для преуспѣянія науки, не требующей никакихъ охранитель-

ныхъ мѣръ. Цензура должна защищать религію, нравственность и политическія учрежденія государства, но ни въ какомъ драконовскомъ законодательствѣ не встрѣчается постановленія, которое обязывало бы цензуру запрещать осужденія или порицанія ученыхъ трудовъ и занятій ученыхъ учрежденій, кои въ подобной опекѣ не нуждаются».

Пав. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

МЕНШИКОВЪ И ВИДѢНІЕ МОНАХА ПОРФИРІЯ.

(1720—1721.)

I.

ВЪ СЕЛѢ Будищѣ[1]) церковный колоколъ сзывалъ православныхъ къ вечернѣ... Лѣниво звонилъ пономарь, смотря съ колокольни на улицу. Мало шло людей въ церковь—только старухи, да больные, да дряхлые старики...

Отошла вечерня, старики и старушки потихоньку побрели по домамъ. Послѣдними вышли изъ церкви священникъ Данило Афанасьевичъ, жена его Марья Леонтьевна и ктиторъ церкви Зубашенко. Къ нимъ присоединилась торговая женка, вдова Афросинья Наумовна, продававшая и въ церкви, и на дому у себя свѣчи и ладонъ... Хотя это и было своего рода корчемство церковное, но священникъ не доносилъ на Афросинью Наумовну; ее особенно любили всѣ жители, а попадья Марья Леонтьевна была ей задушевный другъ.

— А что, батюшка, Данило Афанасьевичъ, заговорила торговка священнику,—не посѣтишь ли сегодня мою убогую хатку, коли милость будетъ...

— Благодарствуемъ, Афросинья Наумовна,—съ радостью пошелъ бы, да сегодня некогда, дома дѣла есть съ ктиторомъ, да и

---

[1]) Въ 1720 г. оно было въ Кіевской губерніи—теперь Полтавской, Гадячскаго уѣзда, въ 18-ти верстахъ отъ города, при рѣчкѣ Фіялкѣ. Жителей 2.036 душъ (См. «Географическій словарь Россійской Имперіи» Семенова).

отецъ, батько Афанасій Даниловичъ, что-то недомогаетъ; одного неладно оставить, а вотъ вмѣсто меня пусть идетъ Марья Леонтьевна, а ты, Афросинья Наумовна, за меня и честь ей приложи...

— А и безъ тебя Марьѣ Леонтьевнѣ всегда честь у насъ въ домѣ приложена, отвѣчала торговка.—Пойдемте, матушка, пожалуйте...

— Да гостей, чай, у тебя много будетъ, а при гостяхъ мнѣ неладно быть, Наумовна,—вѣдь всякій день жду освобожденія... Ходить ужъ трудно стало, только въ церковь и брожу...

— Нѣтъ, матушка Марья Леонтьевна, никого не будетъ.

Данило Афанасьевичъ пошелъ домой, а попадья Марья Леонтьевна къ торговкѣ.

Скромная хата торговки стояла недалеко отъ церкви, особнякомъ. Хата была какъ бы въ саду—кругомъ деревья, огорожена плетенымъ заборомъ; входъ былъ со двора, на дворѣ сарай съ поднавѣсомъ, въ которомъ помѣщались лошадь, корова, телѣга и сани-розвальни. За сараемъ, почти на выгонѣ, небольшой огородъ. Давно ужъ, лѣтъ съ двадцать, живетъ въ этой хатѣ Афросинья Наумовна. Овдовѣла она лѣтъ съ десять, а мужъ ея былъ пришлый, гулящій человѣкъ, пріѣзживалъ прежде въ Будище торговать разнымъ краснымъ товаромъ на возу, а потомъ и совсѣмъ переселился съ Афросиньею Наумовною и купили они хату у бѣднаго безземельнаго хлопца на выселкѣ... Послѣ смерти мужа, вдова Афросинья Наумовна продолжала торгъ, выѣзжая изъ Будища за краснымъ товаромъ то въ Глуховъ, то въ Нѣжинъ, то въ Гадячъ, и непремѣнно одинъ разъ въ годъ въ Кіевъ—откуда привозила разныя «святыя вещи»: образки, масла, свѣчи, ладонъ, хлопчатую бумагу отъ мощей...

Вмѣстѣ съ товаромъ привозила она своимъ друзьямъ и разныя вѣсти. Старики и молодые любили навѣщать Афросинью Наумовну и слушать разсказы ея о томъ, гдѣ что̀ она видѣла, что̀ слышала.

А вѣстей въ то время по Малороссіи и не оберешься... То король польскій, да прусскій, хотятъ нарушить миръ съ царемъ русскимъ, да, побратавшись съ шведскимъ королемъ, отнять у москалей вольную казацкую Малороссію... То запорожцы собираются соединиться съ турками, да съ шведами, чтобъ выхватить Малороссію отъ москалей; Орликъ [1]), бывшій генеральный писарь Мазепы, бѣжавшій въ Швецію, то и дѣло посылаетъ изъ Стокгольма тайкомъ посланцевъ въ Запорожье, сулитъ прежнее, вольное казачество...

---

[1]) Орликъ, писарь гетмана Мазепы, бѣжалъ съ нимъ, потомъ находился при Карлѣ XII, послѣ при немъ въ Стокгольмѣ съ женою и дѣтьми. Изъ Швеціи Орликъ удалился во Францію, гдѣ оставилъ послѣ себя потомство (Бантышъ-Каменскій).

А вѣсти домашнія, внутреннія, еще сильнѣе затрогиваютъ любопытство будищенцевъ. Вѣсти эти не радостныя, а тяжелыя. Царь Петръ прислалъ по веснѣ своего ближняго друга, свѣтлѣйшаго князя Меншикова, войско набирать изъ дворянъ, копейщиковъ, рейтаръ, воротниковъ; разбиралъ князь ихъ и въ службу версталъ; не щадилъ и подбунчужныхъ, а подбунчужные люди сильные, все родня гетману и старшинѣ... Нелюбы москали, тяжелы, а молчатъ хлопцы, покоряются...

— Милости просимъ, Марья Леонтьевна, говорила старуха торговка, вводя попадью въ свою хату.—Милости просимъ! давно, голубушка, не была ты у меня, и вѣдь какъ люблю тебя, Богъ видитъ мою душу... Любуша! подавай-ка медку, да полпива, угостимъ дорогую гостью.

Любуша-работница принесла питье, и кромѣ того разныя лакомства.

— А жаль, Марья Леонтьевна, что батюшка Данило Афанасьевичъ, сожитель твой, не пошелъ къ намъ.

— Не пеняй на него, Афросинья Наумовна, ему истинно некогда. Ктиторъ Зубашенко самъ назвался сегодня по вечерни придти толковать о церковныхъ дѣлахъ... истинно нельзя мужу отлучиться, а къ тому еще и старикъ, тесть мой, эти дни больно захворалъ, тоже одного оставить грѣшно... онъ и здоровый-то точно больной—все охаетъ, все тоскуетъ...

— Да о чемъ, матушка, тосковать-то ему? Кажись, не приходилось бы Бога гнѣвить. Живетъ въ довольствѣ, въ почетѣ отъ жителей и на васъ съ Афанасьемъ Даниловичемъ не насмотрѣться бы ему, а вотъ, Богъ дастъ, и внучекъ на свѣтъ явится, отвѣчала улыбаясь Наумовна.

— Не объ домѣ, Наумовна, тоскуетъ онъ. Пошли Господи ему здоровья, ужъ такъ ласковъ ко мнѣ, такъ доволенъ... а другая тоска залегла на душѣ у него... вѣдь, чай, ты слышала: у него былъ еще сынъ въ казакахъ, держалъ руку Мазепы и убитъ въ Батуринѣ... вотъ съ тѣхъ поръ и тоскуетъ. Какъ загруститъ и начнетъ ходить по хатѣ и говоритъ про себя громко: «худо, худо, жить на свѣтѣ вольному казачеству; погибла въ Батуринѣ вольность казаческая, гнетутъ вольность; пропала, говоритъ Малороссія, пропала безповоротно. Злодѣй Меншиковъ! Охъ! Господи!» да такъ вотъ иногда цѣлый день все охаетъ, и по-часту и ночи не спитъ, тоскуетъ или молится. Грѣшно же оставить его, ну вотъ Данило Афанасьевичъ и сидитъ съ нимъ; другой разъ попытается молвить, что, дескать, грѣшно унывать, что, дескать, время переходящее, что лучше, дескать, жить подъ царемъ русскимъ, чѣмъ подъ гетманами, да подъ старшиною, они все для себя тянутъ и народъ раззоряютъ, а царь и милости пошлетъ, а чѣмъ Меншиковъ виноватъ? исполнилъ волю царскую,—кабы Батуринъ не раззорилъ

такъ и вся Малороссія была бы въ смущеніи... Ну, иной разъ старикъ и промолчитъ, вздохнетъ, да и проговоритъ тихо: «Его святая воля! Судьбы Его неисповѣдимы!» а въ другой разъ такъ вскочитъ, да подниметъ кулаки, да и закричитъ на мужа: «пошелъ вонъ! пошелъ къ своему чорту, къ своему Данилычу! Я у тебя его со стѣны въ печку брошу...» да закричитъ такъ, что страшно! только, слава Богу, скоро проходитъ эта горячность и опять начнетъ только охать... Жаль старика! больно страдаетъ.

— Да какъ же это въ печку?

— А ты, видно, забыла, Наумовна, что у насъ есть картина: персона, изображеніе свѣтлѣйшаго; больно хорошо изображена, печатная и, говорятъ, схожая, а подарилъ моему мужу братъ мой, Тимофей, школьный ученикъ изъ Кіева, да ты, вѣдь, и привезла мнѣ ее изъ Кіева... помнишь!

— Помню, помню, матушка.

— Братъ писалъ, что картина дорогая, печатана за моремъ; старикъ-то въ злобное время и грозитъ разорвать персону князя, да и въ печку?

— А что, вправду сказать, Марья Леонтьевна, сказала торговка, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ ее не подслушали, вправду сказать, коли не прямой злодѣй Меншиковъ, а ужъ больно недобрый человѣкъ, а все отъ того, что въ немъ вѣры-то истинной нѣтъ...

— Какъ нѣтъ вѣры, Афросинья Наумовна, говорятъ богобоязливый и въ церковь часто ходитъ, и всенощныя и утренніе на дому у него поютъ...

— Видѣла, матушка, видѣла сама своими глазами, что молится и къ церкви прилеженъ, да все это лицемѣріе, а въ душѣ сатана сидитъ... на устахъ-то молитва, а въ сердцѣ злоба! Отъ кого теперь тягости народу? Все отъ него. Кто царя научаетъ? Онъ, матушка! а коли послушать слова его, да посмотрѣть—просто благодѣтель, святой человѣкъ! Вотъ какъ былъ нонѣшнею весною въ Малороссіи, все разъѣзжалъ по деревнямъ и самъ, матушка, разспрашивалъ: «а сколько, голубчики, сходитъ съ души податей»?— А десять рублей, говорятъ ему. «Господи, какая тягость», говоритъ онъ хлопцамъ, да и вздыхаетъ и къ небу руки возводитъ. «Представлю, говоритъ, царю объ льготѣ, представлю...» а самъ въ Почепѣ что сдѣлалъ? замежевалъ земли вольныя казацкія, а жалобщиковъ-то въ кандалы, да въ ссылку.

— Да когда же ты, Наумовна, видѣла князя? Ты мнѣ не сказывала...

— Не пришло, видно, къ рѣчи, моя голубушка, а видѣла его злодѣя, своими очами, вотъ какъ тебя теперь вижу...

— Разскажи, Наумовна...

— Изволь, поразскажу. Вотъ, въ прошлый великій постъ, ѣздила я въ Нѣжинъ, въ Благовѣщенскій монастырь, на богомолье,

да кстати и товару кое-что прикупить. Вотъ, какъ теперь помню, на четвертой недѣлѣ великаго поста, въ воскресенье, весь городъ засуетился! Въ народѣ смущеніе—ѣдетъ-де свѣтлѣйшій князь! всѣ такъ и бѣгаютъ по улицамъ. Выѣхалъ Нѣжинскій казацкій полкъ, а впереди самъ полковникъ Толстой и команду кричитъ: «Сотня! за мной, встрѣчать свѣтлѣйшаго съ трубами и литаврами!» Всѣ поскакали. Куда? спрашиваетъ народъ. Въ Комаровку. Ночью прискакалъ казакъ и разсказалъ: «князь ночуетъ въ Комаровкѣ, а до рѣки Десны провожали его Черниговскій полкъ съ полковникомъ Полуботкомъ, тоже съ знаменами, трубами и литаврами; тутъ князь на поромѣ переправился, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ Комаровку. За двѣ версты до Комаровки встрѣчалъ Нѣжинскій полкъ. Завтра, говоритъ казакъ, князь утромъ будетъ въ Нѣжинѣ». Такъ и было; утромъ, въ понедѣльникъ, началась скачка по городу—и казаки-то, и драгуны-то царскіе, а какъ началъ подъѣзжать къ городу, запалили изъ пушекъ; пріютилась и я на улицѣ къ заборчику,—вотъ онъ скачетъ верхомъ, а за нимъ все генералы, да офицеры... на всѣ стороны кланяется, а народъ безъ шапокъ, какъ царя встрѣчаетъ и гетманамъ не было такого почета... У дворца сошелъ съ коня, поклонился народу и ушелъ въ покои... Чрезъ три дня, въ Благовѣщенье, народъ повалилъ въ Благовѣщенскій монастырь; говорили: князь тамъ будетъ къ празднику; вышло такъ! Пріѣхалъ, только отслушалъ часы, а къ обѣднѣ былъ, говорятъ, у Архистратига Михаила. Послѣ обѣдни поѣхалъ онъ къ нѣжинскому полковнику и у него обѣдалъ... Пили, говорятъ, за здравіе царя и гетмана и нѣжинскаго полковника и все палили изъ пушекъ до самыхъ вечеренъ... Правда, говорили въ народѣ, коли который день въ церковь не пойдетъ, такъ у него на дому вечерня и утреня и свои пѣвчіе... Такъ! кажись, и богомоленъ, а на дѣлѣ-то выходитъ другое... Говорю тебѣ: на устахъ молитва, а въ сердцѣ злоба и вотъ какъ оно оказалось...

Съ этими словами торговка подошла къ кіоту, который былъ въ переднемъ углу хаты и, перекрестясь, вынула изъ нижняго ящика какую-то бумагу, приговаривая довольно тихо, но такъ, что Марья Леонтьевна слышала слова: «Господи, помоги, укрѣпи раба твоего страдальца отца Порфирія!

— Какого отца Порфирія?

— А вотъ все узнаешь, Марья Леонтьевна,—и съ этими словами торговка сдвинула къ одной сторонѣ стоявшее на столѣ угощенье и развернула передъ попадьею большой листъ бумаги; на немъ было нарисовано чернилами: въ срединѣ мужская голова, во кругъ головы сабли и мечи, на правой сторонѣ въ верхнемъ углу листа ноги, на лѣвомъ руки; внизу что-то въ родѣ висѣлицы и два полумѣсяца; между ними крестъ. Внизу же надпись: «Видѣніе іеромонаха Порфирія въ январѣ 1720 года».

— Что это такое? вскрикнула Марья Леонтьевна,—голова, руки и ноги какъ будто отрубленныя... Господи! и сабли, и мечи... вотъ диковинное дѣло! не разберешь, голубушка Наумовна, что это изображаетъ...

— А изображаетъ сокровенная, тайная... отвѣчала Наумовна... Не всякому и откровеніе Богъ посылаетъ... да люди-то злы и грѣховны... Господь и на небѣ знаменія свои являетъ намъ въ назиданіе, а злымъ это и нелюбо, что Господь народу ихъ обличаетъ... Да, матушка Марья Леонтьевна, это видѣніе... истинное было на небѣ, а толковать-то его и страшно, и опасно, а видѣвшій-то пострадалъ за истину...

— Чудное дѣло, говорила попадья, разсматривая рисунокъ и проводя пальцами по фигурамъ.—Вотъ въ срединѣ голова.

— Да, хлопческая, отрубленная, отвѣчала Наумовна.

— А съ боку-то чьи мечи, сабли...

— А драгуны-то царскіе...

— А ноги-то, да руки?

— А сколько порубили нашихъ подъ Батуринымъ... Упокой Господи, ихъ душу, страдальцевъ!

— А это что за перекладина? Словно висѣлица...

— Да она и есть висѣлица... Говорятъ, въ Глуховѣ на площади недавно поставили...

— Да когда же такое чудо видѣлъ іеромонахъ Порфирій? гдѣ? разскажи, Наумовна.

— А вотъ, Марья Леонтьевна, въ прошломъ году, послѣ Богоявленія Господня, въ Спасскомъ монастырѣ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, этотъ богоугодный человѣкъ, чернецъ монастырскій, Порфирій прозваніемъ, шелъ въ хлѣбню... Вдругъ на небѣ что-то засіяло, да задвигалось; смотритъ и видитъ чудное видѣніе. Испугался отецъ Порфирій—кинулся въ хлѣбню, кричитъ монахамъ: «братіе! идите смотрѣть видѣніе, страшное видѣніе». Монахи выбѣжали, да имъ не было благодати... видѣніе пропало... а на томъ мѣстѣ только было посвѣтлѣе.—Гдѣ видѣніе? Какое видѣніе? спросили монахи.—«А вотъ пойдемте, братіе, я намалюю вамъ въ келіи на стѣнѣ». Пошли монахи за нимъ въ келію, отецъ Порфирій и намалевалъ имъ вотъ что видишь, матушка, на бумагѣ.

— Чудное дѣло! Афросинья Наумовна — а вѣдь оно къ чему нибудь...

— Да! вотъ разгадай волю Божію!.. Монахи-то побѣжали къ намѣстнику, объявили ему, какъ было дѣло... Намѣстникъ пришелъ въ келью, къ Порфирію, посмотрѣлъ, ахнулъ, да и велѣлъ срисовать на бумагу — отецъ Порфирій былъ иконописецъ... Онъ и срисовалъ для намѣстника, а молва-то разнеслась, и другіе иконописцы списывали со стѣны, давали знакомымъ, такъ и пошло въ народѣ... Все бы ничего, да намѣстникъ-то отдалъ рисунокъ

архимандриту, а архимандритъ гетману — ну, вотъ тутъ и пошло злодѣйство: гетманъ боится князя Меншикова — и отправился прямо къ нему: вотъ говоритъ какое видѣніе монахъ въ Спасскомъ монастырѣ видѣлъ. Ну, князь-то и вразумился противъ кого такое явленіе, да и закричалъ на гетмана: «какое это явленіе? Плутъ, мошенникъ монахъ! пришли его ко мнѣ...» Гетманъ гонца за отцемъ Порфиріемъ; привезли отца Порфирія къ гетману; гетманъ его къ Меншикову. Вотъ, матушка моя, тутъ и оказалось, какое оно княжеское богомоліе и какая христіанская душа у него... Въ воскресенье, на пятой недѣлѣ великаго поста, привели старца Порфирія къ князю, а князь былъ у обѣдни. Отвезли въ караульню... пріѣхалъ князь — доложили, что дескать привезли монаха отъ гетмана. «Подай его сюда»! закричалъ князь и глаза-то, говорятъ, загорѣлись у него, какъ пламень огненный, сатанинскій.—Привели.

— А какое ты видѣніе видѣлъ на небѣ? спросилъ князь.

Отецъ Порфирій и началъ разсказывать: вотъ, дескать, послѣ Богоявленія, въ какое число не помню, вышелъ я изъ церкви и увидѣлъ на небѣ видѣніе; вызывалъ, говоритъ, изъ хлѣбной монаховъ, да ужъ поздно, потомъ нарисовалъ на стѣнѣ у себя въ кельи мѣломъ это видѣніе, а потомъ списалъ на бумагу... вотъ, говоритъ, и рисунокъ моей руки... а послѣ, говоритъ, и намѣстникъ и архимандритъ видѣли и иконописцы многіе списывали и со стѣны, и съ рисунка.

— Обманщикъ ты, плутъ ты, закричалъ на него князь,—а кто были монахи въ хлѣбнѣ?

— Монахъ Іезекіилъ, да служка монастырскій Грицко, говоритъ ему отецъ Порфирій.

— Вотъ, сударыня моя, богомольный князь и за ними послалъ въ монастырь, а про отца Порфирія закричалъ: «подъ караулъ, да сковать!» — Привезли Іезекіиля да Грицка — самъ опять ихъ разспрашиваетъ.—«Вызывалъ, говорятъ они, насъ отецъ Порфирій видѣть явленіе на небѣ, да опоздали, а рисовалъ онъ на стѣнѣ видѣніе и всѣ иконописцы рисовали и знакомымъ раздавали».—«Ладно, говоритъ имъ, князь—убирайтесь домой, дураки. Отпустить ихъ! А съ плутомъ мы справимся»...

— Узнали, матушка, объ этомъ богобоязливые нѣкоторые люди въ Нѣжинѣ и попытались положить гнѣвъ князя на милость, черезъ жену его, княгиню—она, вотъ ужъ вправду сказать, христіанка милостивая — сколько давала бѣднымъ, и все черезъ дѣтскую нянюшку Варвару Михайловну, да тихомолкомъ я сама къ бабушкѣ-то ходила — старушка добрая, простая... поднесла медку... «Нѣтъ! говоритъ,—здѣсь съ княземъ не сладишь; кабы въ Питерѣ или въ Москвѣ, такъ я бы вразумила его, а здѣсь и не подходи къ нему, больно разсердили межеваньемъ въ Почепѣ».

— Что же сдѣлалъ онъ съ отцомъ Порфиріемъ? спросила попадья.

— А вотъ онъ и написалъ грамоту къ владыкѣ черниговскому Антонію: явился-де чернецъ Порфирій, іеромонахъ Спасскаго монастыря, что въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, въ важномъ государственномъ дѣлѣ...

— Ахъ, Господи! вскрикнула попадья,—да какое же это государственное дѣло! Видѣніе на небѣ!

— А ты слушай, Марья Леонтьевна, то ли еще; пишетъ князь къ владыкѣ: «явился іеромонахъ Порфирій въ государственномъ важномъ дѣлѣ и подлежитъ розыску,—прошу, пишетъ, ваше архіерейство, лишить его іерейскаго и монашескаго чина! А ты, владыко, и вели разстричь Порфирія». Да не на такого напалъ... Владыка-то святой человѣкъ, и своихъ не даетъ въ обиду, онъ и написалъ князю: «не могу, говоритъ, разстричь безъ постановленія семи соборовъ».—Разсердился князь, разсвирѣпствовалъ и написалъ прямо къ царю: такъ говоритъ и такъ, монахъ Порфирій вымыслилъ видѣніе, будто видѣлъ на небѣ, нарисовалъ это видѣніе, а въ немъ противныя сумнѣнія противу царя русскаго и волненіе оттого народу; хочу пытать его, да черниговскій владыка не даетъ... Ну, и царь-то осерчалъ и прислалъ гонца—взять по царскому приказу монаха Порфирія въ Петербургъ, взяли, отвезли, говорятъ въ народѣ, прямо въ Преображенское, тамъ уже некому его защитить. Господи! помоги ему вытерпѣть мученіе—вѣть пытать будутъ...

— Господи! за что же пытать? чѣмъ же виноватъ онъ, что видѣлъ! говорила вздыхая попадья Марья Леонтьевна.

— Да видѣніе-то не въ угоду князю Меншикову, вѣдь онъ гонитъ, да губитъ народъ малороссійскій, отъ него на насъ вотъ эти сабли, мечи, да висѣлицы, да рубленыя ноги, руки и голова, говорила торговка, показывая на рисунокъ—вотъ за это и страдаетъ теперь отецъ Порфирій, въ темницѣ, да и пытать еще будутъ.

— Избави его, Господи, отъ мученій, проговорила, перекрестившись, Марья Леонтьевна.—Ну, Наумовна, коли разсказать это тестю моему, отцу Афанасью, да онъ изорветъ въ клочки персону князя Меншикова.

— Зачѣмъ старика злобить, а вотъ, коли хочешь, покажи сожителю своему рисунокъ и разскажи... дѣло-то истинное, не вымышленное...

— Спасибо, Наумовна, давай, голубушка, снесу, покажу мужу... Да ужъ и домой пора... Ну, чудеса! Наумовна... Господи! какія чудеса!

— Только смотри, Марья Леонтьевна, возврати листъ, многіе спрашиваютъ, иные и списываютъ, да и примѣняютъ къ настоящимъ временамъ, а говорю тебѣ—въ этомъ видѣніи сокровенныя, тайныя судьбы Божіи...

— Возвращу, Наумовна, съ благодарностью.

Собесѣдницы разстались и Марья Леонтьевна понесла мужу

драгоцѣнный рисунокъ. Она застала еще ктитора, бесѣдующаго съ ея мужемъ о церковныхъ дѣлахъ.

— А поздненько загостилась у Наумовны, сказалъ ей мужъ.

— Да и мы поздненько засидѣлись, сказалъ вставая ктиторъ Зубашенко.—Прощай, батько Данило Афанасьевичъ, а что, Марья Леонтьевна, скоро ждешь освобожденія? спросилъ онъ съ улыбкою попадью,—мы на крестинахъ повеселимся, за здравіе новорожденнаго выпить... сынка надо, Марья Леонтьевна.

— А какъ воля Божія будетъ, отвѣчала Марья Леонтьевна,—а коли Богу угодно будетъ совершить все благополучно, милости просимъ...

Послѣ ухода ктитора, старикъ Афанасій Даниловичъ удалился къ себѣ, а Марья Леонтьевна разсказала мужу все, что слышала отъ Наумовны, показала рисунокъ и передала мужу требованіе Наумовны, чтобы рисунокъ былъ ей скорѣе возвращенъ.

— А жаль, что она не подарила тебѣ, Марья Леонтьевна, эту диковинку... Во истину необыкновенное дѣло! такое видѣніе! въ такія времена! знаешь что, Марья Леонтьевна, я срисую, давай листъ бумаги; отецъ спитъ, а завтра некогда, да при немъ и опасно, еще болѣе раздражится.

Марья Леонтьевна и Данило Афанасьевичъ перешарили всѣ углы, всѣ ящики, отыскивая бумаги,—нигдѣ ни листа не нашли...

— Какъ же быть? на чемъ списать видѣніе? а списать надо. Знаешь что, Марья Леонтьевна? Не нравилось князю видѣніе отца Порфирія, а судьба-то какъ нарочно велитъ списать видѣніе на его персонѣ, другой бумаги чистой нѣтъ, чудное дѣло!—и съ этими словами, Данило Афанасьевичъ снялъ со стѣны портретъ Меншикова и на оборотной сторонѣ срисовалъ довольно вѣрно видѣніе Порфирія, потомъ опять повѣсилъ портретъ на стѣну.

Всю ночь Марья Леонтьевна пробредила отсѣченными головами руками и ногами...

II.

Прошло три мѣсяца, и, въ началѣ января 1721 г., Марья Леонтьевна подарила старика Афанасія Даниловича внучкомъ. На крестины новорожденнаго сына явились приглашенные: ктиторъ Зубашенко, дьячекъ, пономарь, полковой писарь и три казака, друзья старика Афанасья Даниловича. Изъ женщинъ была только Наумовна.

Мужъ Марьи Леонтьевны весело встрѣчалъ гостей своихъ, но отецъ его былъ очень мраченъ. Здороваясь съ своими друзьями казаками, онъ обнимался молча, жалъ имъ руки и, отходя къ окну, посматривалъ все на улицу, какъ будто кого-то ждалъ...

— Что это, Марья Леонтьевна, съ старикомъ-то? спросила Наумовна шепотомъ хозяйку.

— У обѣдни былъ, а послѣ обѣдни въ алтарѣ все толковалъ съ какимъ-то казакомъ, пріѣзжимъ изъ Глухова; въ церковь пришелъ онъ веселый, а вышелъ съ казакомъ, видишь, какой нахмуренный.

— А какой же это казакъ?

— Видно, старый знакомый. Выходя изъ церкви, на паперти, при мнѣ Афанасій Даниловичъ просилъ его къ намъ на трапезу: вѣрно его и ждетъ, что въ окно все смотритъ.

Какъ разъ въ это время Афанасій Даниловичъ вскрикнулъ: «идетъ, идетъ! ну, вотъ порасскажетъ—послушайте новостей».

— Спасибо, что вѣренъ слову, Маркочъ,—сказалъ старикъ, обнявши прибывшаго гостя, И началъ знакомить гостя съ собесѣдниками—:это нашъ ктиторъ.... вотъ господинъ писарь.... все люди свои...

Каждый поочереди обнялся съ пріѣзжимъ.

— Пора и за трапезу, сказалъ старикъ.

Сѣли за столъ; начались заздравныя чаши—первая за старика Афанасья Даниловича, потомъ за Данила Афанасьевича съ Марьею Леонтьевною, за каждаго изъ собесѣдниковъ... Пили довольно...

Всѣ лица разгорѣлись, а особенно раскраснѣлась Наумовна...

— А за новорожденнаго, виновника радости этого дня, и забыли, закричала Наумовна.—Дай Богъ ему счастья и здравія и долголѣтія.

— Правда! правда, Наумовна, отвѣчалъ старикъ Афанасій Даниловичъ,—за здравіе новорожденнаго! дай Богъ ему счастія, только будетъ ли счастье? Не сулитъ настоящее хорошаго въ будущемъ, и думать-то о будущемъ не хочется...

— Ну, что это, батько Афанасій Даниловичъ, все у тебя нерадостное, да нерадостное, кабы у меня внукъ родился, кабы я въ молодости была, то плясать бы пошла.

— Все бабье дѣло! отвѣчалъ старикъ,—какое веселье, вотъ послушаете, какая еще бѣда грозитъ... Ну, Маркочъ, разсказывай—всѣ друзья, лишнихъ людей нѣтъ, сору за порогъ не вынесутъ, сказалъ старикъ, обращаясь къ гостю-казаку.

— Да небольно весело разсказывать, Афанасій Даниловичъ, время такое опасное, все идетъ къ какой-то смутѣ; на насъ и то царь смотритъ съ подозрѣніемъ, а Орликъ еще началъ смущеніе.

— Какъ это было? разсказывай, Маркочъ.

— Въ Глуховѣ вѣрный человѣкъ мнѣ сказывалъ вотъ что: на вербной недѣлѣ пріѣзжали къ запорожцамъ въ Сѣчь изъ шведской земли посланцы отъ Орлика, прозваніемъ Нахимовичъ съ челядникомъ да съ хлопцомъ, и сказалъ: «привезъ я къ вамъ письмо отъ Орлика». Ну, письмо въ радѣ передъ всѣми читали публично; вотъ и списокъ у меня съ письма Орлика, сказалъ казакъ.

— Читай, Маркочъ, читай... закричалъ старикъ Афанасій Даниловичъ. Казакъ началъ:

«Уже два раза передъ тымъ писалъ до вашего войска, да тыя письма всѣ не доходили, а теперь въ третій разъ посылаю до васъ

и желаю васъ къ себѣ въ соединеніе, понеже теперь четыре короли, а пятый цесарь, злошившися купно, имѣютъ идти войною на московскаго государя». Потомъ Нахимовичъ говорилъ запорожцамъ, что онъ ѣдетъ съ такими же письмами и къ хану крымскому, чтобъ и его поднять на московскаго царя и «когда, говорилъ Нахимовичъ, я вернусь отъ крымскаго хана, тогда я къ вамъ съ комисарами и съ грошми и съ клейнотами до васъ въ Сѣчу вновь будемъ и, давши вамъ немалую плату, съ собою васъ затягать будемъ». Задумались Запорожцы. «Ну, что же паны молодцы?» спросилъ Нахимовичъ. Вотъ кошевой атаманъ Иванъ Милашевичъ и собралъ кругъ, да и сказалъ: «Паны молодцы! вотъ видите, объ насъ и другіе государи стараются, только я вамъ объявляю, что хотя и клейноты будутъ, то кто хочетъ, пусть идутъ куда хотятъ изъ Запорожья, а я ни съ мѣста не подвинусь и неподымусь никуда; пусть-де хоча дерутся или мирятся, намъ до того дѣла нѣтъ, намъ надобно сидѣть тихо, а кому надобны будемъ, тѣ насъ сыщутъ!» На этомъ и покончили и Нахимовичъ на вербной недѣлѣ поѣхалъ къ хану крымскому. Потомъ вернулся, а запорожцы-то проузнали, что ханъ ему отказалъ. «Безъ воли солтана, своего царя турецкаго, не пойду, говорилъ ханъ, и не пущу никого, у насъ теперь миръ съ монархомъ московскимъ». Нахимовичъ опять съ рѣчью къ запорожцамъ, а они ему единогласно въ радѣ сказали: «будетъ съ насъ уже и того, что и такимъ временемъ насъ прельщали когда отступили отъ царя и поклонились королю шведскому. Теперь мы не пойдемъ, и каждому не позволимъ изъ насъ идти до коварнаго измѣнника Орлика». Съ этимъ отвѣтомъ и поѣхалъ Нахимовичъ въ Польшу.

— И честно сдѣлали, сказалъ Данило Афанасьевичъ.—Дорого намъ стоитъ гетманъ Мазепа съ Орликомъ, мало что ли крови нашей пролито за нихъ, да еще все подъ гнѣвомъ царскимъ.

— Царскій гнѣвъ—воля Божія, отвѣчалъ старикъ отецъ его, всякій покоряется, не въ этомъ дѣло, а вотъ бѣда, когда близкіе-то къ царю несправедливо сердце царское на гнѣвъ воздвигаютъ.... Вотъ и теперь такіе близкіе, какъ князь Меншиковъ, обрадуются и скажутъ царю: «Орликъ вѣдь изъ Малороссіи къ запорожцамъ посылалъ мутить, такъ и за Малороссіей надо смотрѣть», а что̀ смотрѣть, какъ смотрѣть? А вотъ, скажетъ царю,—бери казацкое войско въ Россію, да посылай больше драгунъ кормить въ Малороссію—вотъ тебѣ и плоды орликовскаго дѣла...

— Да оно такъ и сбывается, перервалъ Маркочъ...—велѣно нарядить двѣнадцать тысячъ изъ Малороссіи полковъ въ Россію на канальное дѣло [1]), да въ Кіевъ—крѣпость строить...

[1]) Въ декабрѣ 1720 г., двѣнадцать тысячъ казаковъ отправлено изъ Малороссіи на Ладожскій каналъ для работъ. Во время дороги и на мѣстѣ умерло изъ нихъ въ короткое время 2.461 челов.

— А все кто научаетъ царя противъ Малороссіи? закричалъ старикъ...—Все злодѣй Меншиковъ.

— Ты больно коришь его, Афанасій Даниловичъ, онъ вѣрный слуга царскій, храбрый полководецъ... возразилъ ктиторъ Зубашенко.

— Нѣтъ! говорю справедливо! Злодѣй, говорю, Малороссіи...

— Ну такъ говоришь, а въ душу его не ходилъ.... отвѣчалъ Зубашенко.

— Душу свою и злодѣйство онъ самъ открылъ, да не теперь, а больно давно...

— Вона, и давно, да ты это почему знаешь? спросилъ Зубашенко, любившій спорить, особливо подпивши.

— Да, давно! Слушайте. Лѣтъ съ пятнадцать тому былъ царь въ Кіевѣ. Гетманъ Мазепа пригласилъ царя къ себѣ на обѣдъ, ну, вѣстимо, и съ другомъ царскимъ Данилычемъ. Подпили по обыкновенію крѣпко, у Меншикова тоже зашумѣло въ головѣ; подошелъ онъ къ гетману, сѣлъ къ нему на лавку и не видѣлъ, что сзади стояли наши старшины, съ-пьяну-то и говоритъ на ухо гетману, да громко, намекая на старшинъ: «пора приниматься за этихъ враговъ». Мазепа-то и пьянъ да уменъ, и говоритъ ему на ухо, да тоже громко: не пора. А Меншиковъ ему опять: «теперь лучшее время, когда здѣсь самъ царское величество съ главною арміей». А Мазепа ему опять въ отвѣтъ: «опасно будетъ, не конча одной войны съ непріятелемъ, другую начинать, внутреннюю». Вотъ тутъ-то, по пословицѣ: «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», и выдалъ себя Меншиковъ—да и говоритъ Мазепѣ: «ихъ ли, враговъ, опасаться и щадить?» Вотъ онъ и не щадитъ всю Малороссію...

— Ну, ужъ больно на него нападаешь! замѣтилъ Зубашенко.—Смотри, какой бравый на портретѣ...

— А я такъ видѣть его персону не могу... Данило! закричалъ старикъ, обращаясь къ сыну,—сними персону Меншикова со стѣны... съ глазъ долой злодѣя... Сними, брось въ чуланъ... Нѣтъ! давай, я его изорву въ клочки,—и съ этими словами старикъ вскочилъ изъ-за стола и бросился къ портрету князя Меншикова. Но Зубашенко предупредилъ его и успѣлъ сорвать портретъ со стѣны прежде старика.

— Да полно дурить... на-что рвать? Данило Афанасьевичъ, отдай мнѣ его, закричалъ Зубашенко,—больно люблю картины. Ну, подари для праздника...

Данило Афанасьевичъ молчалъ.

— А возьми его къ бѣсу! закричалъ старикъ.—Только смотри! принесетъ онъ тебѣ бѣду! говорю тебѣ, принесетъ!

Зубашенко былъ совершенно пьянъ и вскорѣ не простясь ушелъ съ портретомъ изъ горницы.

Въ это время Марья Леонтьевна шепнула Наумовнѣ:

— А на портретѣ-то видѣніе отца Порфирія, мужъ нарисовалъ его!

— Быть бѣдѣ, матушка Марья Леонтьевна. Видѣніе-то отца Порфирія, говорятъ въ народѣ, хранить надо; оно приноситъ въ домъ счастіе, отъ этого и списываютъ.

III.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1722 г., Меншиковъ, проводя Петра Великаго на Марціальныя воды, остался въ Москвѣ и занимался приготовленіями къ отъѣзду царя въ персидскій походъ, на Кавказъ. Много было заботъ князю, но болѣе всего озабочивали его собственныя дѣла, особенно дѣло о почепскомъ межеваньи. Городъ Почепъ былъ пожалованъ Меншикову еще въ 1709 г., «въ уваженіе понесенныхъ имъ трудовъ въ бытность непріятеля въ Малороссіи и знаменитыхъ его побѣдъ» (Бант.-Камен., т. IV, стр. 36). Въ 1719 г., послана была Царская грамота къ гетману Скоропадскому, по прошенію Меншикова, объ отмежеваніи земель къ Почепу («Дѣла Малороссіи»; св. 43 «Москов. Арх. мин. иностр. дѣлъ»). Меншиковъ послалъ отъ себя довѣренннаго своего дьяка Лосева, который примежевалъ въ пользу князя земли нѣкоторыхъ казацкихъ слободъ. При производствѣ межеванья дѣлались страшныя насилія: Лосевъ разъѣзжалъ съ драгунами по сосѣднимъ слободамъ для собиранія понятыхъ, въ числѣ которыхъ были и священники; ихъ привозили насильно, подъ арестомъ, съ солдатами, подъ битьемъ палками заставляли расписываться въ межевыхъ книгахъ. Меншиковъ, въ бытность свою въ Малороссіи въ 1720 году, самъ поѣхалъ на межеванье, и когда одинъ понятой старожилъ сказалъ ему, что земля Баклановской казацкой сотни неправильно отмежевывается къ Почепу, то князь ударилъ его тростью два раза и расшибъ ему до крови голову (Малор. дѣла; кар. 44, д. 39). Скоропадскій послалъ жалобу къ Петру съ особенными депутатами-казаками. Меншиковъ оправдывался, отговаривался незнаніемъ того, что дѣлаетъ дьякъ Лосевъ, и просилъ задержать депутатовъ и допросить ихъ въ Петербургѣ; по связямъ своимъ съ Макаровымъ и Толстымъ, онъ надѣялся пустить въ ходъ тѣ пристрастные допросы, которые вынуждали отказываться отъ правды; но Петръ I не согласился на просьбу его и въ 1721 г. отвѣчалъ ему изъ Риги: «А вамъ къ лучшему оправданію, что же пишете о почепскомъ дѣлѣ, и о томъ лучше обождать, пока назначенная персона изъ сената по указу подлинно тамъ (т. е. въ Малороссіи) освидѣтельствуетъ, и ежели по свидѣтельству не правы явятся челобитчики, то тогда еще вящшему наказанію за неправдивое челобитье подлежать будутъ, а въ

Петербургѣ и допрося ихъ свидѣтельствовать же будутъ послѣ [1])».

Понятно, что при такой обстановкѣ дѣла, Меншиковъ былъ раздраженъ противъ гетмана Малороссіи и при всякихъ дѣлахъ по этому краю относился къ нимъ съ особенною недоброжелательностію.

27-го февраля 1722 года, князь въ своемъ кабинетѣ слушалъ доклады довѣреннаго своего секретаря Алексѣя Яковлевича Волкова. Волковъ, еще въ 1703 г., служилъ при Меншиковѣ въ военно-походной канцеляріи, сопровождалъ его во всѣхъ его походахъ, а въ 1718 г. посылаемъ былъ Меншиковымъ и въ Парижъ, во время путешествія Петра за-границу, чтобы вѣрно знать, что дѣлаетъ Петръ, и слѣдить за тѣми жалобами на князя и доносами, которые посылались Петру и за-границу.

Волковъ читалъ громко разныя донесенія. Князь, умѣвшій подписывать только свое имя и фамилію, диктовалъ резолюціи. Докладъ кончился.

— Кто въ передней? спросилъ князь.—Есть какіе просители?

— Просителей нѣтъ, ваша свѣтлость, а пріѣхалъ синодскій совѣтникъ Ипатьевскаго монастыря, архимандритъ Гавріилъ, съ какимъ-то попомъ изъ Малороссіи, съ бумагою отъ синода.

Меншиковъ нахмурилъ брови.

— Еще доносъ какой нибудь, еще какая нибудь мерзость.

— Ни какъ нѣтъ, ваша свѣтлость. Этотъ попъ, изволите помнить, пасквиль начертилъ на персонѣ вашей свѣтлости.

— А! видѣніе монаха! Намеки на насилія, на злодѣйства. Ну, а что̀ съ монахомъ сдѣлали въ Тайной? Помню, какъ же, помню! Антоній и разстригать не хотѣлъ, надо, видишь, семь вселенскихъ соборовъ... Ну, что же съ монахомъ?

— Сосланъ въ Соловецкій монастырь неисходно.

— А что, сознался, что совралъ, выдумалъ? Пытали?

— За старостію не пытали, а повторилъ на допросахъ, что точно видѣлъ.

— А ты вѣришь, что видѣлъ? спросилъ Меншиковъ Волкова, не спуская съ него своего пытливаго глаза.

Волковъ молчалъ.

— А ты вѣришь? повторилъ Меншиковъ.

— Да не смѣю какъ сказать, ваша свѣтлость. А изволите помнить, слышаніе колоколовъ въ Хутынскомъ монастырѣ — вѣдь и государь, и вы изволили вѣрить—подобное же непостижимое дѣло.

— Ты дуракъ! рѣзко оборвалъ Меншиковъ.

---

[1]) Впослѣдствіи, всѣ противузаконныя дѣйствія Лосева въ пользу и по настоянію Меншикова были обнаружены; Меншиковъ повинился передъ Петромъ и присужденъ былъ къ уплатѣ казакамъ всѣхъ собранныхъ съ нихъ денегъ въ 1710 году, а земли, неправильно примежеванныя къ Почепу, были отобраны.

Въ это время изъ спальни въ дверь кабинета кто-то постучался.

— Кто тамъ? войди.

Въ кабинетъ вошла старуха, нянька дѣтей князя, Варвара Михайловна.

Въ то время, какъ князь Меншиковъ слушалъ докладъ секретаря, Варвара Михайловна, прежняя дѣвушка княгини, а теперь престарѣлая бабушка-нянюшка княжескихъ дѣтей, сидѣла у постели больной княгини и занимала ее разными разсказами.

— А такія ли чудеса бываютъ, матушка-княгиня, вѣдь у Господа Бога нѣтъ ничего невозможнаго, все его святымъ промысломъ живетъ и все предназначается; грѣхамъ нашимъ Богъ волю даетъ, а по грѣхамъ и наказуетъ, а поволитъ его святая воля, кто ему угоденъ такъ и отъ грѣха-то предупредитъ. Да вотъ я тебѣ скажу, матушка, Богъ благословилъ тебя съ княземъ, тебя за доброту, а его за благочестіе, да за то, что совѣтами твоими смиряется и не одинъ разъ имѣсто зла добро дѣлаетъ, вотъ за это матушка и теперича, какъ я тебѣ разсказываю, Богъ послалъ на помощь попадью-то изъ Малороссіи.

— Да ты знала ее развѣ, когда мы были тамъ?

— Никогда, матушка. А видишь какое дѣло—все Божье провидѣніе! Какъ мы были съ тобою въ Нѣжинѣ, пришла ко мнѣ какая-то тамошняя торговка, принесла медку, яичекъ, да курицу, просила, нельзя ли де умилостивить князя Александра Даниловича за одного монаха; видѣлъ этотъ монахъ видѣніе на небѣ, а наклеветали на монаха, что онъ вымыслилъ это видѣніе въ опороченіе князя; я было и хотѣла поговорить тебѣ, да слышала, что князь говоритъ, что малороссы всѣ плуты, да мошенники, и не взялась и отказалась... Вотъ эта торговка изъ одного села съ попадьею, она попадью-то и научила въ бѣдѣ ея отыскать меня и просить помочь ей... Вѣдь о твоихъ благодѣяніяхъ, черезъ мои грѣшныя руки, узнали во всей Малороссіи, узнали, что и князь тебя слушаетъ,—вотъ она по наученью торговки и пришла ко мнѣ.

— А разскажи, Михайловна, я запамятовала, въ чемъ бѣда ея, да и сонъ-то, что она видѣла.

— Вотъ, видишь, матушка-княгиня—монахъ-то, за котораго просила въ Нѣжинѣ торговка, былъ иконописецъ—онъ видѣніе свое, какое оно страшное, съ отрубленными головами, да руками и ногами нарисовалъ на бумагѣ, а другіе списали, да и начали раздавать въ народѣ, и пошла молва: у кого есть въ домѣ видѣніе, тому будетъ благодать. Вотъ и попадья дала списать мужу видѣнье, а онъ по недостачѣ бумаги и начертилъ это видѣніе на персонѣ князя, а персона-то была заморская на бумагѣ и мужъ-то попадьи больно уважалъ князя и все хвалился этою персоною.

— Ну, гдѣ же тутъ бѣда, бабушка?

— А вотъ, пришла бѣда. Родила попадья сына, на крестинахъ, какъ всѣ подпили, ктиторъ ихъ церкви, большой охотникъ до картинъ, и попросилъ у попа: подари, докажи дружбу, подари персону великаго князя свѣтлѣйшаго. Попъ и отдай ему, а у ктитора въ домѣ стояли на квартирѣ драгуны; не угодилъ имъ что-то ктиторъ, поссорились они, а драгуны-то и донесли по начальству, что у ктитора на персонѣ князя нарисованы волшебныя заклинанія. Вотъ его и съ персоною отправили къ князю Трубецкому, который командовалъ тамъ драгунами, а князь допросилъ ктитора, а ктиторъ и сказалъ, что персона-де отъ попа. Трубецкой донесъ князю Александру Даниловичу, а потомъ скоро указъ изъ синода: прислать попа въ синодъ. Прислали, ну теперь и судятъ.

— За что же судятъ, бабушка? Неужто какое тутъ волшебное заклинаніе?

— Ну, вотъ, поди—все подъяческіе промыслы. А сидитъ въ тюрьмѣ, допрашиваютъ, а дѣти остались на призрѣньи у стараго дѣда—еще это слава Богу, а бѣдная попадья такъ воемъ и плачетъ; надо бы помочь, матушка, вѣдь князя вездѣ послушаютъ, а надо... вѣдь сонъ, что попадья видѣла, знаменателенъ.

— А разскажи-ка его, бабушка.

— Вотъ, говорила она мнѣ третьяго дни,—вижу я храмину.... половина-то свѣтлая, точно солнце, а другая темная, какъ черный уголь. Въ срединѣ стоитъ нашъ князь Александръ Даниловичъ, а у него въ ногахъ мужъ ея, попъ. У князя въ рукахъ мечъ надъ головой попа; съ свѣтлой стороны стоитъ ангелъ, весь въ бѣломъ съ золотыми крылами, а съ темной стороны дьяволъ, какъ его пишутъ—съ рогами и съ огненнымъ языкомъ. Дьяволъ подталкиваетъ князя: убей, говоритъ, его, князь поднимаетъ мечъ, а ангелъ его и не допускаетъ; раза три князь поднималъ мечъ, да ангельская сила не допускаетъ. Вдругъ видитъ, на мѣстѣ ангела женщина и вырвала у князя мечъ; дьяволъ провалился и она услышала, какъ князь громко воскликнулъ: «спасибо, отъ грѣха спасла»,—съ этимъ и проснулась.

— Чудный сонъ! сказала княгиня,—надо бы помочь бѣднымъ, да какъ—не придумаешь.

— А вотъ что, матушка. Попадья задобрила въ синодѣ подъячаго... онъ обѣщалъ ей, какъ будетъ рѣшеніе, въ тотъ же день онъ ей скажетъ, а я ей велѣла бѣжать ко мнѣ и сказать, чѣмъ рѣшили—пока бумаги будутъ писать, пройдетъ время, а ты князя попросишь.

— Ладно, бабушка, попробуемъ.

Въ это время вбѣжала въ комнату кормилица.

— Варвара Михайловна! Попадья пришла, больно, говоритъ, нужно видѣть тебя.

Черезъ нѣсколько минутъ, Варвара Михайловна возвратилась опять къ больной княгинѣ и стала на колѣняхъ у постели.

— Матушка-княгиня, ангелъ княгиня, спаси погибающаго.

— Что случилось?

— Попа привезли изъ синода на судъ князя. Синодъ отдалъ его головою князю.

— Да какъ же быть? я не могу встать съ постели, а время уходитъ.

— А вотъ что, перекрести меня, матушка, на доброе дѣло— перекрести, я пойду просить сама князя, вѣдь не въ первый это разъ.

Княгиня перекрестила старушку, и она пошла въ кабинетъ къ князю.

— Что тебѣ надо, Варвара Михайловна? спросилъ удивленный князь. Вѣрно, хуже княгинѣ?—и съ этими словами хотѣлъ идти въ спальню.

— Нѣтъ, Александръ Даниловичъ—Богъ милостивъ, княгинѣ лучше, только встать еще не можетъ, а прислала меня сказать тебѣ, чтобы ты сегодня грѣха не положилъ на душу и не казнилъ безпомощныхъ за безуміе.

— Теперь мнѣ нѣкогда, Варвара, скажи, меня ждетъ архимандритъ изъ синода съ дѣломъ; покончу, приду къ княгинѣ.

— Объ этомъ-то синодскомъ дѣлѣ и проситъ княгиня, отвѣчала старуха.

— Это еще что такое, въ синодское дѣло мѣшается! Ступай къ себѣ, Варвара, ступай—закричалъ сердясь Меншиковъ.

— А я не пойду, Александръ Даниловичъ, вотъ не пойду, не дамъ твоей душѣ тѣшиться.

— Съ-ума сошла, Варвара, ступай...

— Ты съ-ума сошелъ, Данилычъ, закричала старуха,—ты не хочешь слышать гласа Божія, спасающаго тебя. Да, въ этомъ дѣлѣ гласъ Божій, и я пришла къ тебѣ возвѣстить его.

Суевѣръ-Меншиковъ остолбенѣлъ.

— Съ-ума сошла, Варвара, что съ тобою сдѣлалось?

— А вотъ что, отвѣчала старуха, и разсказала сонъ попадьи.

Меншиковъ задумался.

— Много ты неправды и горя учинилъ въ Малороссіи; вспомни почепское межеванье,—вѣдь изъ народа мнѣ многіе разсказывали, а попъ изъ Малороссіи, помысли, князь Александръ Даниловичъ, да прости и попа и старуху. Съ этими словами Варвара поклонилась князю въ ноги.

— Ну, что дѣлать? спросилъ Меншиковъ секретаря.

— На милость законъ не писанъ, ваша свѣтлость.

— Ты у меня, Варвара, и память вышибла, сказалъ кротко Меншиковъ,—не помню, зачѣмъ этого попа я требовалъ.

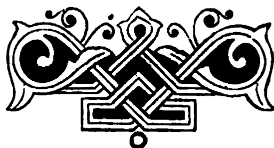
— За рисунокъ видѣнья монаха Порфирія на картинѣ вашей свѣтлости. Ваша свѣтлость изволили просить синодъ: для страху другихъ за такое дерзновеніе попа этого, что онъ авторъ того воровства, пристойно наказаньемъ штрафовать, а вашей свѣтлости за его таковое поруганіе надлежащую сатисфакцію учинить, отвѣчалъ Волковъ, читая бумагу.

— Воровство, дерзновеніе! ворчала старуха,—охъ вы, подъяческія строки.

— Ну, полно, старуха, ступай и скажи княгинѣ, чтобъ она не безпокоилась и благодари её за доброе дѣло.

27-го февраля 1722 года, синодскій совѣтникъ школъ и типографіи проректоръ, Ипатьевскаго монастыря архимандритъ Гавріилъ, возвратился въ присутствіе синода и объявилъ, что онъ посланъ былъ синодомъ къ князю Меншикову съ попомъ Даниломъ Аѳанасьевымъ, съ объявленіемъ отъ синода, что попъ за вину его посланъ къ его свѣтлости головою, что онъ представлялъ попа его свѣтлости и его свѣтлость изволилъ святѣйшій правительствующій синодъ благодарить, а попа въ оной винѣ простить.

Г. Есиповъ.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1].

III.

Италія.—Путь въ нее.—Первое впечатлѣніе.—Миланъ и его оживленный видъ.—Историческія воспоминанія. — Непріятность съ авторомъ и скорый отъѣздъ въ Генуя.—Различный характеръ итальянскихъ областей и ихъ центровъ. — Тоскана и Флоренція.—Значеніе ихъ въ исторіи итальянской культуры. — Свободная жизнь въ Италіи и контрастъ съ нею въ Папской Области.—Таможенный досмотръ въ Чивитавеккіи.—Сцена въ вагонѣ на пути въ Римъ.—Римъ папскій и Римъ нынѣшній. — Жизнь художника и ученаго въ томъ и другомъ. — Мое римское общество. — Прусскій археологическій институтъ. — Необходимость русскаго института въ Римѣ. — Путешествіе пѣшкомъ по древней аппіевой дорогѣ отъ Рима до Альбано.—Возвращеніе во Флоренцію.—Встрѣча съ Бакунинымъ.—Венеція при австрійцахъ. — Итальянская и германская расы. — Возвращеніе въ Россію и первыя впечатлѣнія.

ТО не любитъ Италіи? Кто не хотѣлъ бы побывать въ этомъ прелестнѣйшемъ уголкѣ міра, съ его голубымъ небомъ, мягкимъ климатомъ, роскошною растительностью, очаровательными пейзажами, тысячелѣтними городами, многочисленными памятниками богатѣйшей исторической жизни, неоцѣненными собраніями художественныхъ произведеній древняго и новаго времени? Кого не манитъ къ себѣ эта дивная страна, полная очарованія въ природѣ и жизни, страна, производящая великихъ людей уже въ теченіе двухъ тысячелѣтій съ половиной, считающая геніевъ науки и искусства десятками, два раза разогнавшая въ Европѣ тьму невѣжества, бывшая матерью всей западно-европейской гражданственности? Тысячу разъ эту чудную страну воспѣвали поэты, изображали художники, опи-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XI, стр. 575—600.

сывали путешественники, и всѣ выражали удивленіе и къ природѣ, и къ памятникамъ, и къ творчеству, и къ жизни Италіи.

Для меня эта очаровательная страна, которую еще Виргилій считалъ лучшею страною въ мірѣ по климату, по красотѣ, по разнообразію и богатству естественныхъ произведеній, имѣла особенное значеніе. Въ ней, въ ея исторіи, въ остаткахъ ея древней культуры, въ ея музеяхъ и библіотекахъ, въ ея географіи и топографіи, заключа̀лся осно̀вной матеріалъ моихъ научныхъ занятій. Увидѣть своими глазами семь холмовъ, на которыхъ поднялъ въ древности свою голову гордый Римъ, посмотрѣть на вѣчный городъ и его окрестности съ вершины Яникула, подняться на Капитолій, спуститься съ него въ долину, каждый аршинъ которой тѣсно связанъ съ исторіей великаго города или, лучше, съ всемірной исторіей, такъ какъ здѣсь, въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, занятомъ римскимъ форумомъ, въ теченіе столѣтій рѣшались судьбы государствъ и народовъ, взглянуть на Палатинъ, гдѣ начался городъ Ромула и гдѣ онъ состарился въ эпоху императоровъ, пройти нѣсколько миль по аппіевой дорогѣ, посѣтить древнѣйшіе города Лаціума и земли сабинянъ, походить по помпейскимъ улицамъ— одного этого было достаточно, чтобъ запастись драгоцѣнными свѣдѣніями на всю жизнь и пріобрѣсти для своего представленія о римской древности точки опоры, какихъ не можетъ дать никакая книга, никакой курсъ ученѣйшаго изъ профессоровъ того или другого нѣмецкаго университета. Для человѣка, занимающагося классическою древностью, не посѣтить Рима и Италіи значитъ то же, что̀ для современнаго политика никогда не видать большихъ государственныхъ центровъ и смотрѣть на ходъ государственной машины и общественныхъ движеній изъ какого-нибудь Галле или Нѣжина. Между тѣмъ, до шестидесятыхъ годовъ русскіе филологи, отправляясь заграницу, обыкновенно ограничивались нѣмецкими университетами, полагая, что римская древность съ ея безчисленными вещественными остатками, съ ея памятниками, сохранившимися на своей собственной почвѣ и въ той же топографической обстановкѣ, также хорошо видна въ Лейпцигѣ, какъ и въ самомъ Римѣ, и что знакомство съ нею даже лучше можетъ быть достигнуто въ Іенѣ или Гёттингенѣ, чѣмъ въ Италіи. Это было большое заблужденіе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ между прочимъ и то, что для многихъ изъ русскихъ филологовъ до сихъ поръ вся древняя культура кажется заключающеюся въ грамматикахъ Цумпта и Кюнера, равно какъ и то, что всякій независимый отъ нѣмецкихъ очковъ взглядъ на науку о древности или на способъ ея изученія считался между нашими филологами дикою ересью. Мнѣ не хотѣлось повторять ошибки своихъ предшественниковъ, и я, прослушавши два семестра въ нѣмецкихъ университетахъ, рѣшился отправиться въ Италію. Это было въ августѣ 1863 года.

Италію, какъ извѣстно, отдѣляютъ отъ остальной Европы съ сѣвера Альпы. Чтобъ перевалить черезъ эти горныя громады было и тогда не мало путей, хотя теперь ихъ еще больше. Теперь есть желѣзный путь и черезъ Тироль, и черезъ Сенъ-Готардъ, а тогда можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ только или черезъ Австрію на Тріестъ, или изъ Франціи черезъ Монъ-Сени. По совѣту Фабруччи, профессора итальянскаго языка въ берлинскомъ университетѣ, я взялъ путь на Куръ и Шплюгенъ (Via Mala) нетолько какъ болѣе прямой путь изъ Берлина, но и какъ самый интересный. Онъ идетъ по восточной Швейцаріи въ тѣхъ мѣстахъ, откуда Рейнъ беретъ свое начало, и приводитъ къ Комскому озеру, которое путешественникъ переплываетъ на пароходѣ, чтобы вступить въ богатѣйшую и культурную часть Италіи, въ Ломбардію.

Страна, которую отъ остальной Европы загораживаютъ Альпы, совсѣмъ не то, что̀ Германія или Австрія, не говоря уже о сѣверѣ Европы, даже не то, что̀ Франція. Тамъ не только другая природа, но и другіе города, иначе построенные дома, другіе нравы, другая общественная жизнь, другія одежды. Италія представляется человѣку, только-что перевалившему черезъ Альпы, особымъ міромъ, какого онъ еще нигдѣ не встрѣчалъ и никогда не встрѣтилъ бы, если бы оставался по сю сторону Альповъ. Первое впечатлѣніе этого новаго міра—необыкновенно пріятно. Оно похоже на то, какъ когда мы изъ холода и мрака внезапно попадаемъ въ хорошо нагрѣтую и ярко освѣщенную комнату, или когда изъ неуютной комнаты приходимъ въ удобно и со вкусомъ меблированную гостиную, или когда послѣ пасмурной погоды гуляемъ въ роскошномъ саду, согрѣваемомъ теплымъ весеннимъ солнцемъ. По крайней мѣрѣ таково было впечатлѣніе, которымъ былъ охваченъ я съ той минуты, когда раннимъ утромъ сталъ слѣдить съ палубы парохода за мелькающими виллами и селеніями береговъ Комскаго озера, и которое сопровождало меня вплоть до самаго Рима, или, точнѣе сказать, до Чивитавеккіи.

Маршрутъ мой по вступленіи на почву Италіи былъ такой: Миланъ, Генуя, Флоренція и Римъ. Въ вѣчный городъ ведутъ, какъ извѣстно, всѣ дороги, но избранный мною путь въ то время, когда желѣзнодорожная сѣть въ Италіи была еще, можно сказать, въ зародышѣ, былъ не только самый удобный, но и весьма интересный. Онъ знакомилъ меня съ богатѣйшею и культурнѣйшею частью Апеннинскаго полуострова—Ломбардіей, онъ приводилъ меня къ лигурійскому берегу съ его гордой красой, Генуей, онъ былъ соединенъ съ плаваніемъ по Средиземному морю, онъ вводилъ меня въ самое сердце Тосканы, древней Этруріи, и затѣмъ уже въ Лаціумъ. Конечно, проѣхать черезъ Ломбардію, Лигурію, Тоскану до Рима еще не значитъ пріобрѣсти достаточное понятіе объ Италіи, гдѣ всякая область живетъ своею, исторически уна-

слѣдованною жизнью, имѣетъ свои нравы, свои вкусы, свои преданія, своихъ замѣчательныхъ людей, свои памятники, свое искусство, свою политику; но все-таки видѣть Миланъ, Геную, Ливорно, Флоренцію, прежде чѣмъ поселиться въ Римѣ, на первый разъ было достаточно для знакомства съ Италіей, достаточно для того, чтобы убѣдиться, какъ въ этой странѣ все, и природа, и люди, носятъ какую-то особую облагороженную форму, какъ все живущее здѣсь дышетъ полною грудью, смотритъ весело, движется граціозно, чтобы убѣдиться своими глазами, сколько въ ней накопленной вѣками культуры, сколько на каждомъ шагу исторіи, сколько памятниковъ искусства, составляющихъ удивленіе міра, сколько солнечнаго свѣта въ природѣ, сколько полноты жизни въ человѣкѣ.

Миланъ былъ первый городъ, въ которомъ я встрѣтился лицомъ къ лицу съ жизнью итальянскаго народа на его собственной почвѣ. Какое это было очаровательное впечатлѣніе! Я тогда, т. е. около двадцати лѣтъ тому назадъ, былъ молодъ и воспріимчивъ. Миланъ же тогда все еще проводилъ, такъ сказать, свой медовый мѣсяцъ освобожденія отъ австрійскаго владычества. Несмотря на жаркое время года (августъ), столица Ломбардіи кипѣла жизнію. Кофейни были полны народа; въ нихъ или, лучше, подлѣ нихъ подъ тентомъ стоялъ шумъ и говоръ; слышны были то тамъ, то сямъ горячіе политическіе споры. Италія была далеко еще не вся освобождена: не только Римъ и Венеція были исключены изъ веселаго пира національной жизни, но и знаменитый сѣверный четвероугольникъ крѣпостей находился въ рукахъ Австріи. Венеціанскіе и мантуанскіе эмигранты постоянно напоминали о томъ, что національное дѣло Италіи ждетъ продолженія, требуетъ новой борьбы. Миланъ былъ полонъ этими эмигрантами, что̀ и придавало жизни кофеенъ особенное оживленіе. По вечерамъ, по Корсо Виктора-Эммануила, главной улицы города, тянулся, направляясь къ общественному саду, длинный рядъ роскошныхъ экипажей, запряженныхъ статными и хорошо содержимыми лошадьми и управляемыхъ кучерами въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ черныхъ фракахъ и цилиндрахъ, молодцами самаго джентльменскаго вида. Тутъ въ первый разъ я встрѣтился почти съ общераспространенною въ Италіи любовью къ лошадямъ и къ хорошей упряжи. Тутъ же въ первый разъ предстала предо мной красота итальянскихъ женщинъ, которою Миланъ издавна славился. Еще Фабруччи, берлинскій профессоръ, о которомъ я упоминалъ выше, совѣтовалъ мнѣ остановиться въ Миланѣ именно для того, чтобы полюбоваться на рядъ красавицъ, сидящихъ въ изящныхъ экипажахъ и разговаривающихъ съ увивающимися вокругъ ихъ колясокъ молодыми и блестящими кавалерами. И вотъ я смотрю на этихъ красавицъ, на эти типическія лица, положимъ не римскаго, но несомнѣнно итальянскаго, столь симпатичнаго намъ типа. Разсматривая типъ ломбардскихъ женщинъ, я невольно пе-

реношусь въ исторію и говорю себѣ, что въ образованіи этого типа участвовала кровь этрусковъ, галловъ, главныхъ обитателей Цизальпинской Галліи, какъ называлась Ломбардія въ республиканскую эпоху древняго Рима, далѣе—кровь латинянъ, отчасти готовъ и лонгобардовъ и даже, быть можетъ, славянъ, еще въ глубокой древности, по мнѣнію нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ, составлявшихъ часть обитателей долины рѣки По.

Исторія въ Италіи осаждаетъ путешественника на каждомъ шагу, на всемъ протяженіи полуострова, отъ Комскаго озера до Сицилійскаго пролива. Легко сказать, просуществовать двѣ съ половиной тысячи лѣтъ, сколько, напримѣръ, прожилъ Миланъ, который, однако, еще далеко уступаетъ въ своей древности Падуѣ! Да и какъ просуществовать! Вѣдь еще въ классической древности Миланъ (Mediolanum) принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ городовъ Италіи. Онъ былъ главнымъ центромъ италійской торговли съ сѣверными народами и славился своею образованностью, своими учебными заведеніями. Еще Виргилій, тоже уроженецъ Цизальпинской Галліи, приходилъ сюда искать высшаго образованія. Здѣсь воспитался знаменитѣйшій изъ римскихъ историковъ—Титъ Ливій. Въ первые вѣка христіанства, въ Миланѣ выступаетъ во всей полнотѣ своей дѣятельности величественная фигура Амвросія, прозваннаго Медіоланскимъ. Въ средніе вѣка, Миланъ является во главѣ городовъ, отстаивающихъ свободу Италіи противъ притязаній германскихъ императоровъ. Въ эпоху Возрожденія онъ является центромъ Ломбардской школы искусства, имѣя во главѣ своихъ художниковъ Леонарда-да-Винчи. Въ новое время, это — могущественный центръ шелковой промышленности и важнѣйшій центръ политической жизни въ Сѣверной Италіи. Какой судьбѣ не подвергался этотъ городъ вмѣстѣ съ страной, во главѣ которой онъ стоялъ постоянно! Завоевывали его римляне, готы, лонгобарды, германскіе императоры, находился онъ также подъ владычествомъ французовъ, испанцевъ, австрійцевъ, опять французовъ, опять австрійцевъ, отъ которыхъ избавился лишь въ концѣ 1859 года. Какой длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ прошелъ по исторіи этого города, а онъ стоитъ все цвѣтущимъ и богатымъ и, по прежнему, представляетъ собой важнѣйшее средоточіе торговли, промышленности и образованности въ Сѣверной Италіи.

Въ такомъ городѣ есть что̀ посмотрѣть и есть чѣмъ заняться. Для моихъ научныхъ занятій наибо̀льшій интересъ представляла знаменитая Амвросіевская (Ambrosiana) библіотека, заключающая въ себѣ, кромѣ печатныхъ книгъ, до пятнадцати тысячъ греческихъ и римскихъ рукописей и между ними нѣсколько палимпсестовъ чрезвычайно важнаго значенія. Но я былъ въ Миланѣ проѣздомъ и потому занятія въ библіотекѣ необходимо было отложить до другого раза. Достаточно было осмотрѣть достопримѣчательно-

сти города и побывать разъ-другой въ палаццо Брера, въ тамошнемъ эрмитажѣ. Городъ я осматривалъ въ обществѣ одного франкфуртскаго банкира, съ которымъ познакомился дорогой. Онъ былъ съ женой и свояченицей; въ коляскѣ оставалось четвертое мѣсто незанятымъ, и разчетливый банкиръ былъ радъ, что оно не пропадало даромъ. Я же, съ своей стороны, былъ тоже радъ, болѣе всего тому, что могъ провести нѣсколько часовъ дня, такъ сказать, въ семействѣ. Мы вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ катались по городу, вмѣстѣ осматривали церкви и музеи. Такъ я провелъ четыре дня, не думая еще оставлять пріятнаго и интереснаго города, какъ вдругъ вся пріятность и интересъ пропали, и я принужденъ былъ внезапно оставить Миланъ и ѣхать въ Римъ, сокращая, по возможности, пребываніе въ тѣхъ городахъ, на остановку въ которыхъ думалъ посвятить не менѣе недѣли въ каждомъ. Меня обокрали въ отелѣ, разрѣзавши сакъ-вояжъ и вынувши изъ находившейся тамъ дорожной сумки всѣ деньги, какія были въ монетѣ. Къ счастію, переводъ на Римъ, взятый мною въ Берлинѣ, остался не тронутымъ.

Какъ нужно не много, чтобъ заставить человѣка перейти изъ счастливаго настроенія въ самое отвратительное! Пришлось разомъ махнуть рукой и на Бреру, и на Giardini publici, и на Тайную вечерю Леонардо-да-Винчи, и думать только о томъ, чтобы добраться до Рима. Я не хотѣлъ, однако, простить содержателю отеля («Trois Suisses») произведеннаго надо мной воровства и отправился въ полицію, какъ это было ни тяжело для человѣка, который до тѣхъ поръ не только въ чужомъ, но и въ своемъ государствѣ никогда не имѣлъ никакихъ объясненій съ полицейскими властями. Въ добавокъ, я въ то время почти совсѣмъ не говорилъ по-итальянски. Какъ бы то ни было, я съѣздилъ въ префектуру, далъ нужныя показанія и, получивъ отъ принявшаго меня тамъ лица, вѣжливаго и очень разсудительнаго человѣка, увѣренія, что «полиція исполнитъ свою обязанность», я тотчасъ же двинулся на желѣзную дорогу и уѣхалъ въ Геную.

Въ Гордой Генуѣ, въ Genova la Superba, какъ столица Лигуріи себя величаетъ и величается другими, я пробылъ самое короткое время. Былая соперница Пизы и Венеціи, Генуя утратила, какъ и онѣ, свое политическое могущество, но въ то время, какъ Пиза поросла травой и славится больше всего своей кривой колокольней, да противочахоточнымъ климатомъ зимой, а царица Адріатики съ каждымъ днемъ приходитъ въ бóльшій и бóльшій упадокъ, она осталась главнымъ портовымъ городомъ Италіи и могущественнымъ проводникомъ всемірной торговли. Городъ, конечно, стóитъ того, чтобъ взглянуть на него. Его несравненная гавань, славившаяся еще въ отдаленной древности, по прежнему наполнена кораблями всѣхъ мореплавательныхъ народовъ; его

стиснутое между горами и моремъ положеніе оригинально и представляетъ превосходную панораму; видъ нерѣдко десяти-этажныхъ, громоздящихся отъ моря все выше и выше въ гору, зданій, какъ нельзя болѣе оправдываетъ старое прозвище Гордой Генуи. Но мнѣ собственно дѣлать въ этомъ купеческомъ городѣ было нечего. Городъ, несмотря на многочисленное населеніе, не великъ, и, чтобы осмотрѣть его весь, съ внѣшней стороны, не требуется больше одного дня, а для того, чтобы осматривать его дворцы и картинныя галлереи, у меня не было охоты въ виду того, что иначе мнѣ пришлось бы сократить свое пребываніе во Флоренціи, представляющей, какъ для ученаго и художника, такъ и для простого туриста, несравненно больше достопримѣчательностей. Къ тому же Генуя, какъ приморскій и торговый городъ, заключаетъ въ своемъ характерѣ много космополитическаго. Еще Дантъ въ своемъ «Адѣ» говоритъ о разноплеменномъ составѣ населенія и о разнообразіи въ обычаяхъ этого города. Распространеніе французскаго языка между тамошнимъ населеніемъ такъ велико, что мнѣ показалось даже удивительнымъ. Это распространеніе французскаго языка на Лигурійскомъ берегу Средиземнаго моря тѣмъ спасительнѣе для иностранцевъ, что мѣстный діалектъ итальянскаго языка для нихъ является чистою тарабарщиною. Генуэзцы знаютъ, какъ далекъ ихъ языкъ отъ общаго языка полуострова, и потому на вопросъ, какимъ языкомъ они говорятъ, всегда отвѣчаютъ: genovese (по-генуэзски).

Утомившись ходить по крутымъ улицамъ города, я зашелъ въ ресторанъ невысокаго разбора. Поваренокъ, которому я что-то заказалъ, поразилъ меня бойкостью французской рѣчи.

— Вы французъ? спрашиваю я.

— Нѣтъ, я савояръ.

— Давно живете здѣсь?

— Четыре года.

— Вы хорошо говорите по итальянски?

— Совсѣмъ не говорю, господинъ!

— Какъ же вы тутъ говорите?

— По-генуэзски.

Такъ и вся масса лигурійскаго населенія говоритъ не по итальянски, а по-генуэзски.

Одинъ изъ пароходовъ итальянской компаніи Рубаттино, не помню какой, перевезъ меня при значительной качкѣ, заставившей меня первый разъ въ жизни испытать морскую болѣзнь, въ теченіе какихъ-нибудь девяти часовъ, изъ Генуи въ Ливорно, изъ Лигуріи въ Тоскану или, по древнему, въ Этрурію. Италія составляетъ теперь, конечно, единое политическое и національное тѣло, но путешественникъ никогда не долженъ забывать, что каждая отдѣльная область въ Италіи болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ от-

дѣльной народности, которая въ древности отличалась отъ другихъ и языкомъ, и гражданскими учрежденіями, и религіознымъ культомъ, а иногда и совершенно особымъ племеннымъ происхожденіемъ. Существованіе рѣзкихъ народныхъ особенностей въ разныхъ частяхъ Италіи и обусловливало отдѣльное политическое ихъ существованіе и мѣшало государственному объединенію Италіи до самаго послѣдняго времени. Но эта разность племеннаго происхожденія населенія разныхъ частей Италіи, равно какъ и продолжительное существованіе ихъ политической независимости, и дѣлаютъ Италію страной, особенно интересною. Въ Италіи, что ни областной центръ, то своя исторія, свои нравы, свои великіе люди, своя архитертура, своя школа живописи, свое нарѣчіе, и ни одинъ изъ этихъ городовъ не считаетъ себя хуже другого, напротивъ, каждый смотритъ на другой свысока, находя у себя все лучше и считая свои права на общее уваженіе наибольшими. Венеція, Миланъ, Туринъ, Генуя, Флоренція, Неаполь, Палермо—все это столицы, изъ которыхъ каждая гордится своей исторіей и блескомъ, не желая уступить въ красотѣ, славѣ и значеніи другой. Всѣ онѣ склоняются лишь предъ однимъ Римомъ, въ сравненіи съ историческимъ величіемъ котораго всѣ они провинціальные города, хотя и не такіе, какъ Суздаль, Владиміръ или Тверь были въ свое время передъ Москвою, а теперь передъ Петербургомъ. Вотъ почему была такая настоятельная нужда, чтобы Римъ былъ объявленъ столицей Италіи: никакой другой городъ не могъ сдѣлаться законнымъ центромъ новаго королевства и скрѣпить своими руками итальянское единство.

Но въ то время, когда я пріѣхалъ первый разъ во Флоренцію, столица королевства находилась еще въ Туринѣ и лишь годъ спустя она была перенесена па берега Арно, затѣмъ лишь, чтобы черезъ шесть лѣтъ окончательно утвердиться въ Римѣ. Флоренція тогда была лишь главнымъ городомъ Тосканы, недавно переставшимъ быть столицею великаго герцогства. Въ ней не было тогда тѣхъ многочисленныхъ новыхъ домовъ, которые возникли въ період 1864—1870 гг., когда городъ Данта, Козьмы Медичи и Савонаролы вдругъ сдѣлался столицей Италіи, и которые теперь остаются пустыми, но она была тогда исключительно городомъ, какимъ его создалъ періодъ средневѣковой борьбы гвельфовъ съ гибелинами и особенно эпоха Возрожденія. Трудно вообразить себѣ что-нибудь типичнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательнѣе этихъ итальянскихъ Аѳинъ, какъ справедливо называется Флоренція по своей роли въ исторіи итальянской образованности, по своему художественному виду и по массѣ произведеній древняго и новаго искусства, открытыхъ здѣсь для общаго наслажденія. Это не городъ, а какая-то игрушка, какой-то изящный предметъ роскоши, которымъ нельзя не любоваться и въ которомъ жизнь для человѣка съ развитымъ умомъ и вкусомъ не-

обыкновенно пріятна. Что это за изящныя или за оригинальныя зданія, что за церкви, что за площади, что за мостовыя, что за сады! Какая бездна исторіи на улицѣ, сколько монументальныхъ зданій, самыхъ краснорѣчивыхъ свидѣтелей временъ минувшихъ, сколько произведеній искусства на открытомъ воздухѣ! Я былъ съ 1863 года пять разъ во Флоренціи и всегда проводилъ въ ней время съ истиннымъ наслажденіемъ, но въ первый разъ я былъ буквально очарованъ и городомъ, и его музеями, и прелестью его интеллигентной жизни. Быть можетъ, я никогда не писалъ такихъ восторженныхъ писемъ друзьямъ, какъ изъ этого города и въ это блаженное время, когда жизнь съ ея тяжестями и суровыми испытаніями была еще впереди и когда видъ Тиціановой Венеры «съ собачкой» или Венеры Медичейской въ музеѣ Uffizi или возможность любоваться на мадонну della Sedia или на мадонну Мурильо во дворцѣ Питти заставляли забывать все на свѣтѣ. Я жилъ не далеко отъ знаменитой площади della Signoria, гдѣ находится Uffizi, и въ первые дни своего пребыванія во Флоренціи почти не выходилъ изъ этого неоцѣненнаго музея, гдѣ собрана такая бездна произведеній древняго искусства и гдѣ находится небольшая восьмиугольная зала, именуемая трибуной. Въ этой трибунѣ, посреди которой стоитъ извѣстная всему міру статуя медичейской Венеры, найденная въ Адріановой виллѣ въ Тиволи, и въ которой собрано все, что есть лучшаго изъ самаго лучшаго въ цѣломъ музеѣ, я больше всего проводилъ время своего посѣщенія музея, сюда я во время своихъ экскурсій по городу забѣгалъ иногда на нѣсколько минутъ любоваться—скажу откровенно, почти исключительно двумя вещами—статуей Венеры и Тиціановой Венерой «съ собачкой». Восторгъ свой, быть можетъ нѣсколько излишній, я, кажется, всего живѣе въ то время высказалъ въ письмѣ къ Н. М. Благовѣщенскому, своему бывшему профессору, а потомъ гонителю...

Тосканцы въ основѣ своей—не латинское племя. Это потомки древнихъ этрусковъ, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ еще остается не разгаданнымъ. Это былъ народъ древній, культурный, народъ, любившій мореплаваніе, искусство, религіозныя церемоніи. Онъ былъ образованнымъ народомъ въ то время, когда Римъ находился еще въ младенчествѣ. Онъ долго велъ затѣмъ борьбу съ римскимъ могуществомъ и уступилъ ему лишь послѣ окончательнаго истощенія. Вмѣстѣ съ подчиненіемъ Риму, онъ сталъ мало по малу латинизоваться, сталъ усвоивать латинскій языкъ и письменность, хотя и не могъ утратить своихъ племенныхъ особенностей. Эти особенности сохранились и до сихъ поръ, отчасти и въ языкѣ, въ произношеніи гортанныхъ звуковъ съ придыханіемъ (ch вмѣсто c), но они сохранились и въ нравахъ и наклонностяхъ, напр. въ расположеніи къ просвѣщенію, которое отличало древнихъ этрусковъ, большихъ любителей письменности еще съ древ-

нихъ поръ своего существованія. Ни одна область Италіи не произвела столько замѣчательныхъ людей, какъ Тоскана. Въ ней началось возрожденіе и въ ней оно дошло до своего лучшаго цвѣта. Она дала начало итальянской литературѣ, она, эта этруская страна, создала письменный языкъ Италіи, она же дала наибольшую массу знаменитыхъ ученыхъ, писателей, поэтовъ, художниковъ. Дантъ, Микель-Анджело, Маккіавелли, Галилей—стоитъ только назвать эти четыре имени, чтобы понять, что такое Тоскана для Италіи. Одного изъ этихъ именъ было бы достаточно для прославленія на вѣки города, его произведшаго, какъ въ древности достаточно было имени Виргилія для прославленія Мантуи, имени Ливія для славы Падуи, а тутъ ихъ цѣлыхъ четыре, сопровождаемыхъ въ добавокъ цѣлыми серіями именъ филологовъ, художниковъ, писателей, такими именами, какъ Лоренцо Валла, Пико-ди-Мирандола, Полиціанъ, Джотто, Доменико Гирландайо, Фра Бартоломео, Андреа-дель-Сарто, Боккаччо, Гвичардини и многими другими, также извѣстными всему образованному міру. Понятно, что мысль устроить у себя пантеонъ знаменитыхъ людей Италіи пришла въ голову Флоренціи, а не другому городу. Столица Тосканы сознаетъ, что ей въ этомъ отношеніи нечего бояться соперничества съ великими людьми другихъ мѣстъ Италіи, чтобъ можно было не дать имъ гостепріимства въ своей знаменитой церкви Santa Croce. Сколько разъ я былъ въ этомъ древнемъ флорентійскомъ храмѣ, строившемся полтора столѣтія и расписанномъ фресками Джотто! У насъ въ послѣднее время развелось не мало людей, которые удивляются тому, что мы съ такимъ уваженіемъ говоримъ о великой культурѣ Запада. Люди эти, очевидно, понятія не имѣютъ о суммѣ ума и таланта, внесенной въ жизнь человѣчества представителями западной культуры. Какъ я желалъ бы, чтобъ такіе поклонники неразумной самобытности хоть однимъ глазомъ взглянули на слѣдующіе одинъ за другимъ или стоящіе одинъ противъ другого монументы великихъ людей въ Santa Croce! И у нихъ онѣмѣлъ бы языкъ при видѣ этихъ гигантовъ поэзіи, науки, искусства и мысли, этихъ Дантовъ, Галилеевъ, Микель-Анджело, Маккіавелли... На кенотафѣ великаго флорентійскаго политика и безсмертнаго автора сочиненій «Государь» и «Разсужденія на первую декаду Т. Ливія» стоитъ латинская надпись: Tanto nomini nullun par elogium (для такого имени нѣтъ равносильной похвалы). Вѣдь правда?.. А сколько такихъ именъ у Италіи!

Флоренція стоитъ на этрусской землѣ, но сама она городъ не этрусскій, а римская колонія въ Этруріи. Въ ея музеяхъ собрана масса памятниковъ жизни и культуры древнихъ этрусковъ. Памятники эти—гробницы, вазы, разнообразные предметы домашняго и общественнаго быта, съ надписями на этрусскомъ языкѣ и безъ надписей—извлечены, главнымъ образомъ, изъ развалинъ и некро-

полей древнихъ этрусскихъ городовъ, каковъ некрополь древнѣйшаго города—Тарквиніи (нынѣ Корнето). Важнѣйшіе изъ этихъ городовъ были расположены по близости къ морю, въ той части Тосканы и бывшей папской области, которая носитъ названіе Маремиъ. Эта полоса Италіи, теперь пустынная и нездоровая отъ болотъ, въ старину была цвѣтущею и плодородною, благодаря обширной системѣ этрусскаго дренажа и высокаго состоянія земледѣлія. При всемъ своемъ желаніи ѣхать въ Римъ этимъ путемъ, гдѣ прежде находились города: Популонія, Ветулонія, Руселлы, Коза, Тарквиніи, далѣе Цере и Альсій, сдѣлать мнѣ это было очень трудно. Теперь въ этихъ мѣстахъ идетъ желѣзная дорога, а тогда надо было ѣхать съ извощикомъ (веттуриномъ), что въ такихъ мѣстахъ было весьма не безопасно. Да кромѣ того, въ августѣ тамъ уже господствуетъ во всей силѣ malaria, и мнѣ схватить лихорадку, отъ которой въ это время бѣгутъ и мѣстные жители, было совсѣмъ не желательно. Я предпочелъ отправиться изъ Ливорно на французскомъ пароходѣ въ Чивитавеккію, откуда уже шла желѣзная дорога до Рима.

Однимъ изъ условій привлекательности путешествія по Италіи, двадцать лѣтъ назадъ, было чувство, что находишься въ свободной странѣ, гдѣ тебя не безпокоятъ никакія полицейскія придирки и гдѣ ты кругомъ видишь гражданъ, думающихъ, говорящихъ и дѣйствующихъ безъ малѣйшаго опасенія, однимъ словомъ—гражданъ вполнѣ свободнаго государства. Это чувство, которое такъ пріятно охватываетъ русскаго, какъ только онъ переступитъ западную границу, теперь онъ испытываетъ рѣшительно во всѣхъ странахъ западной Европы; но не такъ было назадъ тому два десятилѣтія. Въ Пруссіи и Австріи тогда еще требовались паспорты не только на границѣ, но и въ гостинницахъ. По пріѣздѣ, напр., въ Берлинъ паспортъ не только прописывался въ полиціи, но и отбирался у пріѣзжаго и возвращался ему изъ Polizeipraesidium только при его выѣздѣ изъ города. Австрія въ то время еще и не была страною конституціонною и управлялась еще бюрократически-полицейскимъ способомъ. Во Франціи царствовала наполеоновская диктатура. Такъ какъ я Бельгію, Швейцарію и южную Германію лишь проѣзжалъ по желѣзной дорогѣ, то и выходило, что я въ первый разъ наслаждался пребываніемъ въ свободномъ государствѣ (если исключить недѣльное пребываніе въ 1862 г. въ Гейдельбергѣ) только съ пріѣзда своего въ Италію. Ни паспортовъ на границѣ, ни паспортовъ въ гостинницѣ; печать свободная до того, что ежедневно можно было встрѣтить въ клерикальныхъ или въ республиканскихъ газетахъ прямую брань на короля и тѣмъ болѣе на всесильнаго тогда Наполеона III; бодрое настроеніе населенія, гордящагося своими политическими правами; отсутствіе всякаго поли-

цейскаго самоуправства: все это придавало моему путешествію по Италіи особую пріятность.

Но едва я успѣлъ войти во вкусъ жизни свободнаго гражданина, какъ вдругъ вся эта прелесть миновала. Она миновала съ той минуты, какъ пароходъ, на которомъ я совершилъ переѣздъ изъ Ливорно въ Чивитавеккію, остановился въ гавани этого древняго города. Послѣ пріятнаго мореплаванія при тихой погодѣ въ виду разныхъ острововъ, выступающихъ изъ моря то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, между которыми наибольшимъ была Эльба, мы вдругъ очутились въ папскихъ владѣніяхъ. Долго мы ждали на палубѣ парохода, пока не подъѣхалъ къ нему папскій чиновникъ; долго мы ждали потомъ, когда чиновникъ отобравши у насъ паспорты, уѣхалъ на берегъ, позволенія высадиться на твердую землю. Наконецъ высадились. Тутъ въ нѣсколькихъ палаткахъ работала таможенная и полицейская канцелярія. Сначала потребуютъ пассажировъ въ одну палатку, спросятъ нѣсколько байоковъ, дадутъ какую-то бумажку въ руки и посылаютъ въ другую палатку; тамъ производится та же операція. Я ровно ничего не понималъ въ этой процедурѣ, но платилъ деньги и переходилъ изъ одной палатки въ другую безпрекословно. Хотѣлось отдохнуть, закусить, а затѣмъ ѣхать дальше. Не тутъ-то было. Послѣ долгой паузы начался таможенно-полицейскій досмотръ. И какой досмотръ! Внимательно разсматривалась каждая книга, каждая картина, каждая визитная карточка. У меня въ саквояжѣ находилась книга Ренана «La vie de Jésu», только-что тогда вышедшая и купленная мною въ Берлинѣ передъ самымъ отъѣздомъ. Я читалъ ее дорогой и еще не успѣлъ кончить. Видя, какъ осматриваютъ моихъ сосѣдей и какъ внимательно относятся къ картинамъ и книгамъ, я понялъ, что дѣло плохо, что, пожалуй, увидѣвъ у меня Ренана, не пустятъ и въ Римъ, гдѣ эту книгу уже успѣли занести въ знаменитый индексъ. Пришлось прибѣгнуть къ хитрости и книга была спасена, такъ какъ весь саквояжъ остался неосмотрѣннымъ. Но какъ за то тщательно перебиралъ чиновникъ мои книги, лежавшія въ чемоданѣ! Къ счастію, книги тамъ были все латинскія, отчасти греческія и нѣмецкія, и полицейскій агентъ св. престола видимо понималъ въ нихъ очень мало. Но вдругъ я замѣтилъ новую для себя опасность: въ альбомѣ, среди другихъ карточекъ, находилась карточка Мадзини, купленная мной еще въ Петербургѣ, въ пассажѣ. Чиновникъ, перебирая фотографіи, разомъ остановился и сталъ всматриваться. Но карточка была плохая, а Мадзини, на ней изображенный былъ молодой юноша лѣтъ двадцати. Чиновникъ видимо колеблется, признать ли эту карточку опасною, показываетъ своему коллегѣ, совѣтуется съ нимъ, смотритъ на меня и, по видимому рѣшивъ про себя, что это сходство портрета съ Мадзини случайное, начинаетъ перебирать другія карточки. Наконецъ, я отдѣ-

лался. Слава тебѣ, Господи! Но ревизія багажа происходила такъ долго, что утренній поѣздъ въ Римъ, съ которымъ мы должны были ѣхать, ушелъ и намъ пришлось ждать три часа другого поѣзда. Во всѣхъ этихъ непріятностяхъ меня утѣшало сознаніе, что есть на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, одно государство, въ которомъ, право, не лучше, чѣмъ въ Россіи. Впослѣдствіи, живя въ Римѣ я принужденъ былъ не разъ сознаться, что Россія въ сравненіи съ папскою областью, можетъ быть названа почти свободнымъ государствомъ.

Поѣздъ изъ Чивитавеккіи въ Римъ везетъ три часа (теперь курьерскій поѣздъ проѣзжаетъ это пространство въ 2 часа). Не зная еще устройства дороги, я взялъ билетъ второго класса. Но оказалось, что второй классъ тутъ соотвѣтствуетъ нашему третьему. Въ вагонѣ не было почти никого, кромѣ французскихъ солдатъ, которые вели себя самымъ развязнымъ образомъ. Мнѣ эта чрезмѣрная развязность защитниковъ Рима отъ итальянцевъ начинала уже надоѣдать, какъ вдругъ передъ самымъ отходомъ поѣзда торопливо входитъ въ вагонъ духовное католическое лицо, браня кого-то по-польски; за нимъ входитъ повязанная платкомъ простая баба, которая сердито отвѣчаетъ ему также по-польски. Поѣздъ тронулся. Между духовнымъ лицомъ и бабой начинается крупная брань изъ-за какихъ-то денегъ, требуемыхъ бабой. Сцена эта привлекаетъ общее вниманіе. Французскіе солдаты отпускаютъ кучу остротъ и хохочутъ до упаду. Ссора на минуту пріостанавливается, но затѣмъ возгорается съ полнымъ ожесточеніемъ. Ссорящіеся, очевидно, не подозрѣваютъ присутствія человѣка, до нѣкоторой степени понимающаго предметъ разговора.

— Вы откуда, батюшка? вдругъ спрашиваю я по-русски, обращаясь къ католическому священнику.

Тотъ такъ и обомлѣлъ. Собравшись съ духомъ, онъ на чистомъ русскомъ языкѣ, съ нѣкоторою, впрочемъ, примѣсью польскаго акцента, сталъ упрекать меня въ томъ, что я раньше не заявилъ ему о себѣ, и затѣмъ сообщилъ, что онъ изъ Житоміра, ѣздилъ въ Іерусалимъ вмѣстѣ съ этой дурой, которая все требуетъ отъ него денегъ, на нее же израсходованныхъ, и теперь возвращается въ Россію.

— Не имѣете ли какихъ извѣстій изъ дома? Спокойно ли тамъ (въ то время польское возстаніе было въ самомъ разгарѣ)? спрашиваю я, чтобы продолжить разговоръ.

— Все слава Богу, отвѣчаетъ ксёндзъ. Развѣ что-нибудь случилось?

— Да вѣдь въ Польшѣ теперь возстаніе, замѣчаю я.

— Что вы! быть не можетъ! Это все врутъ французы, рѣшительнымъ тономъ возражаетъ мой собесѣдникъ.

— Чего врать! Объ этомъ пишутъ и въ русскихъ газетахъ.

Разговоръ на эту тему былъ видимо непріятенъ польскому кзёндзу и онъ сталъ разсказывать о своемъ путешествіи, при чемъ горько жаловался на французовъ.

— А по правдѣ сказать, прибавилъ онъ въ заключеніе, нѣтъ страны лучше Россіи.

— Какъ такъ, батюшка?

— Да такъ, что у насъ во всемъ порядокъ, всякій знаетъ свое мѣсто, а у этихъ французовъ порядка никакого, чистая анархія.

Мой собесѣдникъ видимо хитрилъ и разговоръ нашъ прекратился. Баба оказалась говорящею также хорошо по-русски.

Между тѣмъ поѣздъ шелъ по совершенно выжженной солнцемъ и малолюдной мѣстности, наводившей на душу уныніе, и, не доѣзжая нѣсколькихъ миль до Рима, остановился. Всѣхъ пассажировъ высадили изъ вагоновъ и заставили идти въ близь лежащій сарай, въ которомъ продержали не менѣе четверти часа. Я рѣшительно не понималъ, что это значило. Кажется, это былъ сдѣланъ для насъ легкій карантинъ, такъ какъ въ сараѣ пахло какимъ-то непріятнымъ запахомъ. У меня сильно разболѣлась голова и я, раздосадованный всѣми приключеніями этого дня со времени пріѣзда въ Чивитавеккію, началъ-было уже жалѣть о томъ, что рѣшился ѣхать въ страну, управляемую папою. Мнѣ казалось, что разныя стѣсненія, уже испытанныя мною въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, не обѣщаютъ ничего хорошаго для моей жизни въ вѣчномъ городѣ, въ который я стремился съ замираніемъ сердца, и что я не проживу тамъ долго. Но я ошибался. Я пріѣхалъ въ Римъ 26-го августа 1863 года, а выѣхалъ изъ него 26-го февраля 1864 года, проживши тамъ ровно шесть мѣсяцевъ.

Папскій Римъ и Римъ нынѣшній, который я посѣтилъ спустя тринадцать лѣтъ послѣ первой поѣздки, два города, по физіономіи народной жизни почти совершенно различные. Въ теперешнемъ Римѣ на улицахъ шумъ, давка, движеніе всякаго рода. Папскій Римъ — это былъ гробъ среди окружавшей его жизни на сѣверѣ и югѣ Италіи. Въ немъ царствовали тишина и безмолвіе, словно въ монастырѣ или на кладбищѣ. Тогда можно было пройти все Корсо изъ конца въ конецъ по срединѣ улицы, не встрѣтивъ ни одного экипажа, тогда какъ теперь нерѣдко приходится обходить эту улицу, если не желаешь потерять лишній часъ времени и продираться черезъ толпу, какъ черезъ дикую лѣсную чащу деревьевъ и кустарниковъ. Теперь отъ однихъ криковъ газетчиковъ стонъ стоитъ на улицѣ; тогда газетъ на улицѣ никакихъ не продавалось, а въ кофейняхъ не было другихъ свѣтскихъ газетъ на итальянскомъ языкѣ, кромѣ двухъ римскихъ, изъ которыхъ одна, «Giornale di Roma», была оффиціальною, а другая — «Osservatore Romano»—была оффиціозною. Въ то время и въ карнавальный сезонъ, когда наѣзжала въ Римъ толпа иностранцевъ, не было ни-

какого особеннаго оживленія: въ самомъ карнавалѣ римское населеніе, уступая требованію революціоннаго комитета, не принимало, можно сказать, никакого участія. Внѣ же карнавальнаго сезона, когда и туристовъ было не обильно, исключая пасхальнаго времени, тишина римской жизни была поразительная.

Но странное дѣло! для людей, для которыхъ посѣщеніе Рима не было предметомъ простого любопытства, а вызывалось потребностью занятій, жилось въ прежнемъ Римѣ, несмотря на отсутствіе въ немъ всякой политической жизни, необыкновенно пріятно. Я зналъ тамъ русскихъ художниковъ, которые, проживши пять, шесть и болѣе лѣтъ на своей via Felice, не могли безъ ужаса думать объ оставленіи Рима, между тѣмъ, какъ теперь русскій художникъ въ Римѣ становится уже рѣдкостью. Прежде такой художникъ жилъ себѣ въ Римѣ, какъ дома. Утромъ онъ занимался въ своей студіи; когда съ крѣпости св. ангела раздавался пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій полдень, онъ его явственно слышалъ, клалъ на мѣсто свою палитру и отправлялся въ ресторанъ Lepre обѣдать. Затѣмъ онъ шелъ къ себѣ домой отдыхать или заходилъ тутъ же на via Condotti, въ Caffé Greco, сборный пунктъ художниковъ всѣхъ странъ, выпить чашку кофе и поискать въ кучѣ писемъ адресованнаго на его имя; далѣе, часа въ четыре вечера онъ отправлялся спокойнѣйшимъ шагомъ на Pincio, пошляться кругомъ тамошняго сквера и послушать папскую или французскую музыку; оттуда онъ спускался опять въ Caffè Greco или въ Caffè San-Carlo поболтать и посмѣяться съ знакомыми, которыхъ въ продолженіе дня еще нигдѣ не встрѣтилъ. Болѣе спокойнаго и беззаботнаго житья, какъ житье русскаго художника въ папскомъ Римѣ, трудно было себѣ и представить. Теперь не то. Теперь художникъ уже не видитъ такого раздолья и прежнее патріархальное житье для него уже невозможно. Теперь онъ вѣроятно уже и пушки не слышитъ отъ шума и грохота экипажей, и на via Felice уже не достанетъ съ такою легкостью квартиры, и на Пинчо не можетъ уже гулять разгильдяемъ среди массы экипажей и натиска гуляющей публики; и у Lepre появился совсѣмъ другой слой посѣтителей, и Caffè Greco стало уже черезчуръ полно, и Caffè di Roma уже совсѣмъ не то, что предшествовавшее ему Caffè San-Carlo. Всюду масса народа, вездѣ бьетъ волна жизни, чуждой спокойному настроенію, какое требуется для художника.

То же можно сказать и про ученаго. Прежде для человѣка, пріѣхавшаго изучать римскія древности, не было въ Римѣ другого дѣла, какъ посѣщеніе древнихъ памятниковъ, развалинъ и музеевъ; перестань онъ заниматься своимъ дѣломъ, онъ сошелъ бы съ ума отъ скуки. А теперь дѣло другое: теперь въ Римѣ есть политическая жизнь, есть парламентъ, масса газетъ, какія угодно развлеченія; теперь можно и не все время посвящать раскопкамъ,

музеямъ, да развалинамъ. Не знаю, какъ себя чувствуютъ въ нынѣшнемъ Римѣ филологи и археологи, не видавшіе папскаго Рима, покончившаго свое существованіе 20-го сентября 1870 года, но я не скажу, чтобы мнѣ жилось въ 1877 году въ вѣчномъ городѣ пріятнѣе, чѣмъ какъ я жилъ въ немъ въ 1863 году. Римъ, конечно, остался и теперь историческимъ Римомъ, какимъ онъ останется и всегда, несмотря ни на какія новыя сооруженія, выростающія какъ грибы въ верхнихъ частяхъ города, и для изслѣдователя древности онъ представляетъ теперь даже больше матеріала, какъ и больше средствъ къ книжнымъ занятіямъ (открыто больше библіотекъ для общественнаго употребленія); но замѣчательно, что, уѣзжая изъ Рима въ февралѣ 1877 года, я оставилъ его спокойно, тогда какъ, прощаясь съ пріятелями въ февралѣ 1864 года, я покидалъ Римъ съ чувствомъ самаго глубокаго сожалѣнія: шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ мною тогда среди семи холмовъ, на которыхъ развилъ свою мощь городъ Ромула, принадлежатъ, конечно, къ счастливѣйшимъ моментамъ моей жизни.

Я жилъ въ Римѣ частью въ обществѣ русскихъ художниковъ, которыхъ тогда тамъ было не мало, частью въ обществѣ капитолійскихъ нѣмцевъ, но всего болѣе въ обществѣ одного американца, по фамиліи Пэка (Peck). Съ нимъ я познакомился и близко сошелся еще въ Боннѣ, гдѣ мы вмѣстѣ слушали лекціи Ричля и Отто Яна. Мы жили съ нимъ рядомъ, рядомъ и сидѣли на лекціяхъ. Держась одинаково далеко отъ общества нѣмецкихъ студентовъ, мы привыкли часто быть вмѣстѣ, разговаривать, прогуливаться. Разставаясь въ Боннѣ (онъ уѣзжалъ въ Парижъ, а я въ Берлинъ), мы сговорились пріѣхать осенью 1863 года въ Римъ и, не переписываясь другъ съ другомъ, съѣхались почти въ одно и то же время. Сколько мнѣ общество этого друга доставило пріятныхъ минутъ, и сказать трудно. Занимаясь однимъ и тѣмъ же предметомъ, мы часто вмѣстѣ осматривали музеи и развалины, вмѣстѣ ходили по окрестнымъ вилламъ, вмѣстѣ совершали экскурсіи по римской кампаньѣ и вмѣстѣ ѣздили на недѣлю въ Неаполь. Иногда онъ вводилъ меня въ общество американцевъ; иногда я вводилъ его въ общество русскихъ. Наши художники — Мартыновъ, Щедринъ, Чистяковъ и нѣкоторые другіе знали хорошо моего пріятеля и не одинъ разъ брали его съ собой за городъ, гдѣ мы у крестьянъ пробовали молодое вино и смотрѣли на національные танцы. Я же познакомилъ его съ нѣкоторыми членами капитолійскаго археологическаго института, съ которыми онъ впрочемъ нисколько не сблизился.

Этотъ капитолійскій археологическій институтъ, такъ называемый «Институтъ археологической корреспонденціи», основаніе которому было положено французами, находится въ вѣдѣніи прусскаго правительства, которое и даетъ средства на его содержаніе.

Въ то время директоромъ института былъ Бруннъ (послѣ мюнхенскій профессоръ), а секретаремъ Генценъ. Къ числу его, такъ сказать, служебнаго персонала, принадлежало нѣсколько молодыхъ нѣмецкихъ филологовъ, въ числѣ которыхъ былъ и сдѣлавшійся впослѣдствіи очень извѣстнымъ археологомъ г. Гельбигъ, красивый молодой человѣкъ, женившійся на одной русской аристократкѣ. Для насъ, русскихъ ученыхъ, для которыхъ посольства почти не существуютъ и которые не имѣемъ ничего подобнаго тѣмъ пріютамъ, какъ этотъ нѣмецкій институтъ или французская Школа, открытая по образцу аѳинской École d'Athènes, капитолійскій институтъ былъ въ то, по крайней мѣрѣ, время истиннымъ благодѣяніемъ. Тамъ мы находили людей, къ которымъ можно было обратиться за совѣтами и указаніями, тамъ къ нашимъ услугамъ была превосходная библіотека, совмѣщавшая въ себѣ все то, что̀ нужно для изученія Рима въ археологическомъ, историческомъ и топографическомъ отношеніяхъ. Пользованіе этой библіотекой было до крайности просто и свидѣтельствовало о нравахъ, не представляющихъ себѣ ничего подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Стоило мнѣ явиться къ Брунну и отрекомендоваться лицомъ, занимающимся римскою древностью (правда, о моемъ пріѣздѣ онъ былъ уже предувѣдомленъ заранѣе), и я получилъ право пользоваться библіотекой. Но какъ пользоваться? Всякій разъ, когда мнѣ нужна была та или другая книга, я поднимался на Капитолій, бралъ у служителя Брунна ключи отъ библіотеки, отыскивалъ въ шкафахъ нужную мнѣ книгу, расписывался въ полученіи ея и бралъ ее съ собой, никого не спрашивая. Затѣмъ запиралъ библіотеку и ключи относилъ въ квартиру Брунна. Такъ пользовались библіотекой и всѣ, кто имѣлъ право входа въ нее, т. е. въ сущности всякій пріѣзжій ученый. Гдѣ вы встрѣтите у насъ что̀-нибудь похожее на такое довѣріе къ личности ученаго? И не было никакихъ злоупотребленій? спроситъ читатель.—Да, почти не было. Я самъ задалъ такой вопросъ Брунну, и онъ указалъ мнѣ только на покойнаго теперь Ампэра, извѣстнаго французскаго ученаго, автора превосходной «Histoire Romaine à Rome», какъ на человѣка, который изъ нѣсколькихъ сочиненій вырѣзалъ рисунки. Но въ такихъ превосходныхъ учрежденіяхъ, какъ капитолійскій институтъ, люди, стоящіе во главѣ, предпочитаютъ пострадать когда-нибудь отъ злоупотребленій одного или другого не совсѣмъ добросовѣстнаго лица, чѣмъ стѣснять людей честныхъ и умѣющихъ дорожить оказываемымъ имъ довѣріемъ.

Кстати, позволю себѣ хоть при этомъ случаѣ заявить печатно мысль, которую я давно развиваю разнымъ интересующимся дѣломъ лицамъ, объ учрежденіи министерствомъ народнаго просвѣщенія какого нибудь учрежденія въ родѣ капитолійскаго института или французской École de Rome. Двадцать тысячъ рублей у

насъ совершенно безслѣдно пропадаютъ на содержаніе какой-то учительской семинаріи въ Лейпцигѣ, тогда какъ для русскихъ молодыхъ ученыхъ и художниковъ, никогда не переводящихся въ Римѣ, нѣтъ тамъ никакого пристанища. Пріѣзжаютъ молодые люди въ Римъ и долго бродятъ тамъ, словно въ лѣсу, безъ совѣта и указанія, безъ научныхъ пособій, которыми бы можно было пользоваться, какъ своими собственными, безъ рекомендаціи, безъ протекціи, въ которой на берегахъ Тибра бываетъ иногда большая надобность. Будь же тамъ какой-нибудь пунктъ, въ который русскій ученый или художникъ могъ бы прямо направиться для пріобрѣтенія первоначальнаго руководства и пособій къ занятіямъ — какое это было бы благодѣяніе! Я имѣлъ честь еще недавно бесѣдовать на эту тему съ настоящимъ министромъ народнаго просвѣщенія, И. Д. Деляновымъ. Но, кажется, теперь не такое время, когда можно надѣяться на принятіе мѣры, польза которой, при постоянной посылкѣ заграницу для усовершенствованія въ наукѣ учительствующихъ или профессорствующихъ филологовъ, во сто разъ очевиднѣе пользы отъ какой-то лейпцигской семинаріи.

Я прожилъ въ Римѣ шесть мѣсяцевъ. Русскихъ въ это время перебывало много на берегахъ Тибра, но ученыхъ почти совсѣмъ не пріѣзжало. Поэтому я былъ необыкновенно радъ всякому соотечественнику, который являлся въ вѣчный городъ не для того только, чтобы зайти въ одинъ-другой музей, проѣхаться къ форуму, палатину и колизею, пожалуй, еще спуститься въ катакомбы св. Каллиста, заглянуть въ соборъ св. Петра, да прогуляться по Пинчо, и затѣмъ уѣхать дальше, унося съ собой о Римѣ воспоминаніе, какъ о грязномъ и до крайности скучномъ городѣ: я былъ радъ всякому, кто понималъ историческое значеніе великаго города и его роль въ судьбахъ человѣчества, кто понималъ, что передъ его глазами— памятники гораздо болѣе, чѣмъ двухтысячелѣтней исторіи, кто въ нихъ искалъ не курьёза только, а смысла прошедшаго и наставленія на будущее. Но такихъ было мало, всего меньше между проживавшими въ то время въ Римѣ художниками, которые, нерѣдко живя по нѣскольку лѣтъ въ Римѣ, интересовались едва ли не менѣе его исторіей, чѣмъ самые обыкновенные туристы. По временамъ это отсутствіе интереса къ знакомству съ тѣмъ, что̀ находится подъ бокомъ и что̀ такъ велико по своему содержанію и значенію, меня рѣшительно ставило въ тупикъ. Ну, да это вопросъ щекотливый... А дѣло въ томъ, что я былъ несказанно обрадованъ пріѣзду въ Римъ одного изъ товарищей по главному педагогическому институту и по петербургскому университету, А. Л. М—ва, который былъ командированъ заграницу для изученія исторіи. Хотя спеціальностью его была средняя исторія, но онъ далеко не брезговалъ и древнею. Мы тотчасъ же рѣшили совершить пѣшкомъ путешествіе по Аппіевой дорогѣ (древней) отъ Рима до Аль-

бано. О путешествіи этомъ мы съ Пэкомъ давно думали, но двоимъ оно было въ нѣкоторомъ отношеніи неудобно. Древняя Аппіева дорога, вымощенная огромными плитами, отъ древности во многихъ мѣстахъ сильно разщелившимися, въ настоящее время, въ разчищенной своей части, доступна только для пѣшеходовъ и чрезвычайно пустынна. По ней на нѣкоторомъ разстояніи отъ Рима не ходитъ никто, кромѣ записныхъ любителей древности, да можетъ быть еще любителей чужихъ кармановъ. По крайней мѣрѣ въ то время было безопаснѣе по такому пути совершать походъ втроемъ, чѣмъ вдвоемъ. А путешествіе это представляло необыкновенный интересъ. Почти на всемъ своемъ протяженіи до Альбано Via Appia, называвшаяся въ древности царицей дорогъ (regina viarum), усѣяна остатками древности. Сначала идутъ большіе монументы, между которыми первое мѣсто занимаетъ носящій названіе гробницы Цециліи Метеллы, затѣмъ разныя развалины, и наконецъ просто осколки разныхъ урнъ, вазъ, плитъ, архитектурныхъ фризъ, надписей и т. д. Теперь, говорятъ, многое изъ этихъ обломковъ убрано какъ соръ, а въ 1863 году ихъ было великое множество. Въ древности Аппіева дорога была усѣяна нескончаемымъ рядомъ виллъ, храмовъ, гробницъ, особенно гробницъ, такъ какъ римляне любили, чтобъ ихъ прахъ почивалъ подлѣ большихъ дорогъ, и не скупились на подобные памятники, стараясь придавать имъ иногда гигантскіе размѣры.

Отъ Рима до Альбано по древней Аппіевой дорогѣ будетъ по меньшей мѣрѣ двадцать одна верста. Пройти такое разстояніе пѣшкомъ хотя и подъ ноябрьскимъ солнцемъ, было бы не шутка даже въ томъ случаѣ, если бы весь трудъ заключался въ ходьбѣ; но пройти съ гидами въ рукахъ, постоянно останавливаясь, разсматривая то тѣ, то другія развалины, постоянно переносясь въ исторію, разбирая надписи, стараясь запомнить послѣдовательность находящихся на пути памятниковъ и ихъ характеристическія особенности, это значило утомить себя въ самой сильной степени. Мы употребили на это путешествіе семь часовъ и дошли до Альбано, буквально едва волоча ноги, отставши одинъ отъ другого на цѣлыя версты и умирая отъ жажды. Другой разъ такой прогулки я не хотѣлъ бы сдѣлать, но та, которая была сдѣлана, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ лучшимъ моимъ римскимъ воспоминаніямъ.

Когда мнѣ пришла пора покинуть Римъ, я направился снова на Флоренцію, проѣхавши въ этотъ разъ отъ Чивитавеккіи въ дилижансѣ черезъ Мареммы до желѣзной дороги, которая въ это время уже надвигалась на римскую область со стороны Тосканы. Послѣ Рима Флоренція не была для меня привлекательна въ прежней степени, но все-таки это былъ единственный городъ, который былъ въ состояніи чувствительнымъ образомъ смягчить для меня

тяжесть разлуки съ классической почвой Рима. Къ тому же, этотъ разъ у меня во Флоренціи были еще библіотечныя занятія. Въ знаменитой Bibliotheca Laurentiana я знакомился въ то время, между прочимъ, съ единственною рукописью, въ которой сохранились первыя шесть книгъ Тацитовой «Лѣтописи», равно какъ и съ нѣкоторыми другими списками историческихъ сочиненій великаго историка. Занятія этого рода (чтеніе древнихъ рукописей) были для меня еще новыми и доставляли бездну удовольствія. Наконецъ, имѣло свое значеніе и то, что съ пріѣздомъ въ Тоскану я снова очутился на свободной политической почвѣ, гдѣ можно было читать что̀ угодно и наблюдать надъ политическимъ и религіознымъ движеніемъ, которое меня интересовало въ высокой степени.

На этой свободной политической почвѣ жилъ въ то время между прочимъ знаменитый Бакунинъ.

Однажды возвращаясь къ обѣду въ свою гостинницу на Piazza di Santa Maria Novella, я нашелъ у себя карточку одного знакомаго русскаго художника, на которой было написано карандашемъ, что онъ приходилъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Бакунинымъ и что Бакунинъ проситъ меня сегодня къ себѣ вечеромъ. Приглашеніе было для меня интересно, и я рѣшился имъ воспользоваться. Часовъ въ семь вечера художникъ зашелъ ко мнѣ, и мы отправились.

— Я только-что отъ Дольфи, началъ Бакунинъ, обращаясь къ художнику, въ то время какъ я, послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій, съ любопытствомъ разсматривалъ высокую, широкоплечую, съ огромной головой и длинными съ просѣдью волосами фигуру русскаго революціонера. Дольфи, булочникъ по профессіи, былъ главою мадзинистскаго комитета во Флоренціи и назывался на языкѣ флорентинскихъ республиканцевъ capo del popolo (народнымъ главою или вождемъ).

Начались разговоры. Подошелъ и сынъ Герцена, тогда уже поселившійся во Флоренціи. Бакунинъ говорилъ тономъ рѣшительнымъ, не допускающимъ возраженія. Но мало по малу у насъ завязался споръ, который, разгораясь все больше и больше, несмотря на присутствіе жены Бакунина, молодой и довольно еще красивой женщины польскаго типа, дошелъ до нотъ уже весьма громкихъ. Бакунинъ доказывалъ необходимость раздробленія Россіи не помню на сколько частей, но во всякомъ случаѣ такого раздробленія, что не только Финляндія, прибалтійскія провинціи, Царство Польское, Бессарабія, Кавказъ совсѣмъ отдѣлялись отъ Россіи, но и Малороссія, и Сибирь, и кажется даже Новгородская область составляли по его плану, независимыя части, связанныя впрочемъ между собой федеративными узами. Я указывалъ своему собесѣднику на то, что, разсуждая такимъ образомъ, онъ идетъ, очевидно, противъ хода русской исторіи, которая тысячу лѣтъ стремилась къ единству, къ возможному сплоченію своихъ частей, а не къ раздѣле-

женію, и что, идя такимъ путемъ, онъ обрекаетъ свою дѣятельность на безплодіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я убѣждался, что Бакунинъ революціонеръ не столько по убѣжденію, сколько по ремеслу, и что онъ не можетъ внушить къ себѣ сочувствія ни въ одномъ спокойно и сколько-нибудь зрѣло разсуждающемъ человѣкѣ. Дошло до того, что мой собесѣдникъ сталъ подтрунивать надо мной за то, что я думалъ, по пріѣздѣ въ Россію, защищать магистерскую диссертацію и искать профессуры. Я говорилъ ему, что съ его стороны чистое сумасшествіе думать, что всякій образованный человѣкъ непремѣнно долженъ быть революціонеромъ и разсуждать по эмигрантски. Къ одиннадцати часамъ мы разстались очень недовольные другъ другомъ. Я далъ себѣ слово никогда больше не видѣть Бакунина и сообщилъ объ этомъ по выходѣ на улицу, какъ художнику, такъ и сыну Герцена, которые не принимали почти никакого участія въ нашемъ спорѣ. Затѣмъ я вспомнилъ, какъ, за годъ передъ тѣмъ, одинъ изъ русскихъ ученыхъ, бывшій прежде въ большой дружбѣ съ Герценомъ и Огаревымъ, разсказывалъ мнѣ про свою встрѣчу съ Бакунинымъ въ Парижѣ. Они также много спорили, не знаю о чемъ, но доспорили до того, что когда стали расходиться и Бакунинъ сказалъ до свиданія, то собесѣдникъ его рѣзко замѣтилъ ему: «я увижу васъ развѣ на висѣлицѣ». Замѣчаніе это было черезчуръ жестоко, но послѣ своей бесѣды съ знаменитымъ русскимъ анархистомъ я понималъ, что онъ можетъ довести собесѣдника до такой рѣзкости. Съ покойнымъ Герценомъ я никогда не встрѣчался, но отъ всѣхъ, кто мнѣ разсказывалъ о немъ, слышалъ, что бесѣда его оставляла весьма пріятное впечатлѣніе. Никто ничего подобнаго не говорилъ мнѣ о Бакунинѣ.

Отправляясь далѣе на сѣверъ, я взялъ направленіе на Венецію. Венеція тогда еще находилась въ рукахъ Австріи. Жалко было смотрѣть на царицу Адріатики, наводненную австрійскими солдатами, досадно было, катаясь по Большому Каналу, видѣть на балконахъ дворцовъ развѣшенное бѣлье притѣснителей благороднаго населенія города св. Марка. Но за то пріятно было видѣть этотъ систематическій протестъ населенія противъ иноземнаго владычества. Гуляетъ народъ по площади патрона своего города (Piazza di San Marco): но является туда австрійская музыка, и онъ уходитъ. Сидятъ въ кофейнѣ австрійскіе офицеры: отворяетъ итальянецъ дверь, видитъ ненавистные ему мундиры и тотчасъ же поворачиваетъ назадъ. Такъ вездѣ и во всемъ, пока не пробилъ и для угнетенной Венеціи часъ освобожденія.

Изъ Венеціи я направился на Вѣну. Читатель не можетъ представить себѣ, какъ тяжело мнѣ было покидать итальянскую землю, разставаться съ этимъ благороднымъ народомъ, у котораго такъ много ума, вкуса, граціи въ рѣчи и тѣлодвиженіяхъ и, въ добавокъ къ тому, такъ много человѣчности. Какъ груба въ сравненіи

съ нимъ казалась мнѣ нѣмецкая раса, какъ дико звучалъ въ вагонахъ ея говоръ для ушей привыкшихъ къ благороднымъ звукамъ итальянской рѣчи! Вѣна, этотъ городъ фальшиваго блеска, о которомъ столь многіе русскіе говорятъ съ восторгомъ, показалась мнѣ отвратительною. Къ тому же это было время, когда на мѣстѣ нынѣшняго Ринга были развалины сламываемой крѣпости. Я не пробылъ въ этомъ невыносимомъ для меня городѣ и сутокъ и отправился далѣе, сначала въ Берлинъ, а оттуда въ Россію. Признаюсь, что послѣ двухлѣтняго странствія по чужимъ землямъ я переступалъ русскую границу съ особенно пріятнымъ чувствомъ. Я съ наслажденіемъ вслушивался въ родную рѣчь таможенныхъ служителей и чиновниковъ въ Вержболовѣ. Мнѣ казалось, что эта рѣчь сдѣлалась какъ-то мягче и люди какъ-то деликатнѣе прежняго. Но жестокая грусть охватила меня, когда тронулся поѣздъ и передъ глалами сталъ мелькать рядъ лачугъ, называемыхъ домами въ русскихъ деревняхъ. «Какая разница!» воскликнула сидѣвшая противъ меня нѣмка, обращаясь къ своему мужу. Я горѣлъ отъ стыда и досады. Разница въ культурѣ и внѣшнемъ благообразіи съ тѣмъ, что̀ осталось по ту сторону границы, дѣйствительно была чрезмѣрно велика. Бѣдность страны, недостатокъ хорошаго управленія и невѣжество народа сказывались на каждомъ шагу. Я долго не могъ свыкнуться съ этимъ убогимъ видомъ своей родины.

В. Модестовъ.

ОБРАЗОВАНІЕ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

(По поводу двадцатипятилѣтія русскихъ женскихъ гимназій.)

I.

19-го апрѣля настоящаго года минетъ двадцать пять лѣтъ со дня открытія первой женской гимназіи въ Россіи. Этотъ день имѣетъ значеніе не только для одного заведенія, но, вообще, онъ долженъ быть внесенъ въ исторію образованія русской женщины.

Маріинская женская гимназія въ Петербургѣ съ первыхъ же дней обнаружила, какая сильная была потребность въ небогатыхъ семьяхъ образовывать дочерей наравнѣ съ сыновьями. Она была первымъ призывомъ всѣхъ городскихъ сословій къ образованію женщины и будущихъ матерей семействъ, а слѣдственно и къ нравственному возвышенію русской семьи, безъ чего нельзя было ожидать и усовершенствованія общественной нравственности. Чуть не всѣ города въ Россіи откликнулись на этотъ призывъ, и вотъ быстро гимназія за гимназіей стали открываться по губерніямъ, и чтобъ сказать, сколько ихъ теперь, долго пришлось бы пересчитывать. Этотъ фактъ нужно признать однимъ изъ крупныхъ фактовъ за послѣднее царствованіе, вотъ почему на немъ и слѣдуетъ остановиться, когда уже протекло четверть столѣтія.

Чтобы лучше оцѣнить его, необходимо хоть бѣгло взглянуть, гдѣ и какъ до того времени могла образовываться русская женщина. Для этого мы не станемъ углубляться во времена отдаленныя, а возьмемъ за исходный пунктъ 1764 годъ, также знаменательный въ исторіи образованія русской женщины. 5-го мая того года императрицею Екатериною II былъ подписанъ указъ сенату

о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ: «Для пользы всего государства, говорится тамъ, учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества на казенномъ иждивеніи; равное имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли мы учредить такое же воспитаніе... Повелѣваемъ сенату разослать (уставъ) по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, каждый изъ дворянъ могъ дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ препоручить сему отъ насъ учрежденному воспитанію».

Такимъ вызовомъ сопровождалось основаніе перваго женскаго института въ Россіи, который скоро сталъ слыть подъ именемъ Смольнаго монастыря, а на оффиціальномъ языкѣ Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ.

Идеальная система воспитанія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ была выработана извѣстнымъ Бецкимъ, который увлекъ императрицу блестящею мыслію воспитать или, лучше, создать новую породу людей. Такое воспитаніе возлагалось на государство и для его пользы, такъ какъ русская семья признана неспособною выполнить государственныя требованія. Она должна была уступить свои права государству, если хотѣла видѣть своихъ дѣтей хорошо воспитанными и образованными. Государство же имѣло возможность воспользоваться опытами лучшихъ европейскихъ педагоговъ и самыми лучшими воспитательными теоріями, чтобы приготовить себѣ честныхъ гражданъ и нравственныхъ отцовъ и матерей для будущей новой семьи. Строго была соображена вся программа государственнаго воспитанія съ шести до восемьнадцати-лѣтняго возраста [1]). Во весь этотъ періодъ дѣти не должны были видѣть своей семьи, чтобы ея вліяніе какъ-нибудь не заронило дурныхъ сѣмянъ тамъ, гдѣ должны были сѣяться только хорошія.

Основанія нравственнаго воспитанія какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ полагались однѣ и тѣ же; разница между ними была въ научномъ образованіи, которое для дѣвочекъ не считалось важнымъ и отодвигалось на второй планъ. Весь воспитательный періодъ дѣвочки раздѣляли на четыре класса или возраста; каждому назначалось по три года. Въ первомъ возрастѣ (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ) для ученья назначались катехизисъ, россійскій и иностранные языки, ариѳметика, рисованіе, танцованіе, музыка вокальная и инстументальная, шитье и вязанье всякаго рода; во второмъ возрастѣ (отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ) къ этому прибавлялась географія съ исторіей и нѣкоторая часть экономіи или домостроительства; въ третьемъ (отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ) прибавлялось

---

[1]) Въ мужскихъ заведеніяхъ даже до 21 года, т. е. до времени совершеннолѣтія.

чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, часть архитектуры и геральдики. Этимъ собственно и заканчивалось все ученье. Геральдика является въ ряду наукъ, какъ необходимая для развитія чувства чести въ благородномъ званіи, конечно, уже по вліянію западно-европейскихъ примѣровъ. Ариѳметикѣ давалась очень невидная роль: предписывалось обучать этой наукѣ благородныхъ дѣвицъ съ тою единственною цѣлью, чтобы «впредь содержать въ добромъ порядкѣ домашнюю экономію». Въ четвертомъ возрастѣ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ) назначалось дѣвицамъ «повторять свое ученіе почти одною практикою». Бо̀льшую же часть времени онѣ должны были употреблять на другія занятія: «дежурить понедѣльно по хозяйству, вести записку расходамъ, договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать разсчетъ и при себѣ производить платежъ, опредѣлять цѣну всякому товару по его качеству, смотрѣть, чтобъ во всемъ наблюдаемъ былъ совершенный порядокъ и чистота». Кромѣ того, по двѣ дѣвицы должны были каждый день дежурить въ другихъ классахъ-какъ помощницы учительницы: «и отъ сей практики навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось».

Въ основаніе умственнаго развитія полагалось болѣе чтеніе, чѣмъ научныя познанія, которыя даже не опредѣлялись никакими программами. Для занятій съ воспитанницами назначались учительницы во всѣхъ классахъ. Учителя или мастера допускались только для такихъ наукъ, для которыхъ учительницы не сыщется. Имъ тогда назначались опредѣленные часы. Учительницы же вмѣстѣ съ надзирательницами должны быть всегда при дѣтяхъ «отъ утра до вечера». Онѣ были въ полномъ подчиненіи начальницы и правительницы (помощницы начальницы). Общее ихъ вниманіе должно быть направлено преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Инструкціи по этой части были составлены очень подробно и съ большою предусмотрительностью, такъ что и въ наше время выдержатъ педагогическую критику. Локкъ и Фенелонъ дали много матерьяла для этихъ инструкцій. Начальницамъ говорилось: «хотя благоразуміе и искусство будутъ непремѣннымъ основаніемъ всѣхъ поступковъ начальницы, однако же надлежитъ соединять ихъ съ кротостію, а наипаче съ непринужденною веселостью. И сіе вперять или сообщать и прочимъ госпожамъ, а особливо молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустію или задумчивостью назваться можетъ». Правительницѣ рекомендовалось имѣть крайнее раченіе о чистотѣ и учтивости. Главными ея качествами должны были быть—умѣренность, кротость и благоразуміе. Строгость въ обращеніи съ благородными дѣвицами

вообще не допускалась: «Напрасно и не по важности вины употребляемая строгость бываетъ обыкновенно поводомъ къ преступленію, совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ уныніе питомца». Учительницамъ предписывалось болѣе всего учить благонравію: «благоразумными и искусно къ слову приведенными разговорами при всякомъ случаѣ удобнѣе вперять въ мысли молодыхъ дѣвицъ благонравіе и вкоренять оное въ нѣжныя сердца, и всякій пунктъ наставленія о чемъ бы ни было, довольный способъ къ нравоученію подать можетъ. Стараться, чтобы дѣвицы не привыкали излишне важничать или унылый видъ являть. Паче всего наставлять ихъ въ основаніяхъ благоразумія, добронравія, благопристойности, благородной, а не принужденной учтивости и всѣхъ добродѣтелей... Чтобы отъ самаго юношества и до возраста пріучаемы были къ добродѣтелямъ, учтивости, ласковымъ и пріятнымъ разговорамъ не только съ равными, но и съ самыми послѣдними, какого бы званія кто ни былъ. Чрезъ такое доброе поведеніе и поступки при первомъ ихъ въ свѣтъ вступленіи учинятся онѣ отличными въ обществѣ» [1]).

Подъ словомъ общество здѣсь нужно разумѣть свѣтскія собранія, переродившіяся петровскія ассамблеи, гдѣ при общихъ удовольствіяхъ сближались между собою благородные люди обоихъ половъ и гдѣ женское вліяніе должно было смягчать грубость мужской натуры. Только въ такомъ обществѣ русская образованная женщина пока и могла имѣть значеніе, и естественно, что къ этому именно само собою и направилось все воспитаніе благородныхъ дѣвицъ. «Для бо́льшей привычки къ честному обхожденію, говорится въ инструкціи, т. е., чтобъ придать дѣвицамъ надлежащую, но приличную смѣлость въ поведеніяхъ, необходимо установить должно въ семъ Обществѣ по праздничнымъ или воскреснымъ днямъ собранія для пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ лицъ съ дозволенія начальницы. Сіи собранія назначены будутъ одно для концерта, дѣвицами составленнаго, другое для какой ни есть драматической или пасторальной игры, ими же представляемой, а третіе для обыкновенныхъ собраній. При всѣхъ оныхъ дѣвицы двухъ послѣднихъ классовъ (отъ 12-ти до 18-ми лѣтъ) хозяйствуютъ и стараются показать всѣмъ надлежащее удовольствіе, будучи украшеніемъ и пріятностію оныхъ, дабы чрезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, какое честной природѣ и доброму воспитанію особливо приличествуетъ, т. е. не имѣть застенчивости и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться».

Въ интересахъ свѣтскаго общества обращалось и особенное вниманіе на развитіе остроумія въ дѣвочкахъ: «буде которая дѣ-

[1]) Полн. собр. закон. Рос. Имп., т. XVI, № 12154.

вица сдѣлаетъ остроумное примѣчаніе, то съ дозволенія имѣетъ она о томъ сообщить всему классу, ибо изрядное и кстати сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію».

На практикѣ, дѣйствительно, должно было все свестись къ воспитанію благонравной свѣтской барышни, такъ какъ иного идеала женщины не могла и вызывать среда, основанная на табели о рангахъ. Это же свѣтское общество заявляло также свои требованія на французскій языкъ, по которому и судило о степени образованія русскаго человѣка. Французская рѣчь въ свѣтскомъ разговорѣ сдѣлалась необходимостью. Французская рѣчь и хорошее воспитаніе у большинства слились въ одно и то же понятіе. Ясно, что въ силу этихъ требованій французскій языкъ долженъ былъ выдвинуться передъ всѣми другими предметами и въ воспитаніи благородныхъ дѣвицъ. Онъ сдѣлался роднымъ языкомъ въ этомъ маленькомъ совсѣмъ особенномъ мірѣ, изъ котораго хотѣли создать особую породу людей. Для этого съ самыхъ малыхъ лѣтъ удаляли дѣтей отъ вліянія семьи, но въ то же время сами не могли избѣжать вліянія среды, и создалось совсѣмъ особенное воспитаніе, какого никогда себѣ не представляли ни Локкъ, ни Фенелонъ.

Но нельзя упрекнуть императрицу Екатерину, что она думала только о воспитаніи дворянскихъ дочерей. Съ основаніемъ академіи художествъ она мечтала образовать особое свободное сословіе, приравнивая его къ французскому tiers état; но для полноты необходимо было ввести въ это сословіе и женщинъ, воспитанныхъ подобнымъ же образомъ. 13-го января 1765 года императрица подписала новый указъ: «для пользы общества требуется, чтобы всякаго чина и женскій полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ особливо отдѣленномъ строеніи, учредить училище для малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанскаго званія) подъ управленіемъ главной начальницы и правительницы (Общества благородныхъ дѣвицъ)... дабы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвелось новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли».

Такимъ образомъ явилось мѣщанское отдѣленіе при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Главныя основанія физическаго и нравственнаго воспитанія и тамъ полагались тѣ же. Принимались только шестилѣтнія дѣвочки и воспитывались до восемнадцатилѣтняго возраста. Раздѣлялись онѣ такимъ же образомъ на четыре класса. Обучались Закону Божію, русскому и иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, танцамъ, рукодѣлью, музыкѣ и пѣнію, если къ нимъ оказывались способности. Кромѣ

того, пріучались «къ домостроительству», т. е. къ хозяйству, и въ четвертомъ классѣ должны были быть «употребляемы ко всякимъ женскимъ рукодѣльямъ и работамъ, т. е. шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять». Отсюда видно, что въ этомъ отдѣленіи воспитывались дѣвицы для трудовой жизни, и при выпускѣ назначалось имъ давать такія же «преимущества и вольности», какія получали воспитанники академіи художествъ. Кромѣ того, при пріемѣ на каждую воспитанницу полагалось по 50 руб. въ сохранную казну, и черезъ 12 лѣтъ при выпускѣ они выдавались ей съ накопившимися процентами. Эта сумма еще увеличивалась выручкою отъ продажи работъ воспитанницъ въ училищѣ. При продажѣ требовалось строгое разсмотрѣніе: «чѣмъ превосходнѣе чье искусство, чѣмъ тщательнѣе какая вещь выработана, тѣмъ большую похвалу и цѣну оная заслуживала бы, и имѣть вѣрную запись, кѣмъ именно какая вещь сдѣлана, чтобы при выпускѣ въ раздѣлѣ подлежащей ихъ части избѣгнуть всѣхъ сомнительныхъ споровъ».

«Черезъ 12 лѣтъ по окончаніи воспитанія, значилось въ уставѣ, однѣ могутъ быть выпускаемы въ замужество по ихъ состоянію за достойныхъ жениховъ; другія по желанію вступаютъ въ службу при училищѣ благородныхъ дѣвицъ на урочные годы съ договоромъ и платою. Прочія же могутъ остаться еще три года, не въ числѣ классныхъ, а для отвращенія праздности получать отъ училища только покой, дрова и свѣчи; въ остальномъ же довольствоваться за плату отъ собственныхъ трудовъ. Черезъ три года выпускаются на волю съ аттестатомъ»... [1]).

Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ послужило образцомъ для другихъ женскихъ институтовъ, о распространеніи которыхъ заботилась уже императрица Марія Ѳеодоровна. Такъ, въ 1797 году, она открываетъ въ Петербургѣ на собственныя средства сиротское училище на 50 бѣднѣйшихъ сиротъ мѣщанскаго сословія, вскорѣ затѣмъ названное Маріинскимъ институтомъ. Въ 1798 году, она же основываетъ въ Петербургѣ училище для дѣвицъ обер-офицерскаго званія, а въ 1802 году—такое же училище въ Москвѣ. Оба они въ послѣдствіи были названы училищами ордена св. Екатерины, или Екатерининскими институтами. Въ 1804 году, она уже устроиваетъ при московскомъ Екатерининскомъ училищѣ особое отдѣленіе—мѣщанское, подобное тому, какое уже было при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ. Въ 1807 году, оно было названо Александровскимъ.

Въ 1814 году приказано было въ петербургскомъ мѣщанскомъ отдѣленіи имѣть пятьдесятъ мѣстъ для дочерей военныхъ офице-

[1]) Полн. собр. закон. Рос. Имп., т. XVI, № 12323.

ровъ ниже полковничьяго чина, не изъ дворянъ, и пятьдесятъ мѣстъ для дочерей чиновниковъ гражданской и придворной службы ниже 8-го класса, со включеніемъ камердинеровъ императорской фамиліи, не имѣющихъ штаб-офицерскаго чина, также для дочерей учителей, аптекарей, лекарей, художниковъ безъ чиновъ, священниковъ, дьяконовъ и купцовъ. Большинство изъ дѣвицъ, выпускаемыхъ изъ этого отдѣленія, поступали въ семейства въ качествѣ гувернантокъ, отъ которыхъ требовался только нѣкоторый навыкъ во французскомъ разговорѣ. Находили ли онѣ себѣ какія другія мѣста для трудовой жизни, намъ неизвѣстно.

Императрица Марія Ѳеодоровна въ своихъ заботахъ о женскихъ институтахъ замѣтила, что въ институтскомъ воспитаніи дѣвицъ не достаетъ семейнаго начала, и старалась ввести или усилить его; но оно никогда не могло войти въ свою силу: Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ видано семейство, состоящее изъ ста дѣтей; гдѣ могла найтись мать такого огромнаго семейства, раздѣляющая поровну свою любовь между всѣми? Понятно, что подобная семья должна назваться неестественною, искусственно, или даже болѣе, насильственно составленною, слѣдственно и воспитаніе не могло вестись естественно подъ прикрытіемъ такой странной семьи. Оно только ставило начальницъ и воспитательницъ въ ложное положеніе, требуя отъ нихъ такихъ чувствъ, какихъ у нихъ не могло быть, отчего и въ отношеніяхъ самихъ воспитанницъ къ воспитательницамъ являлось много фальшиваго, что мѣшало правильному нравственному развитію.

Какъ бы то ни было, но институтское воспитаніе давало то, что соотвѣтствовало тогдашнему идеалу барышни, оно стало привлекать родителей-помѣщиковъ, которые, живя въ своихъ помѣстьяхъ, не имѣли возможности воспитывать своихъ дочерей согласно съ этимъ идеаломъ. Дворянство стало на свои средства основывать женскіе институты въ разныхъ провинціальныхъ центрахъ; всѣ они поступали въ то же вѣдомство, въ какомъ находились институты столичные. Только благодаря женскимъ институтамъ, у насъ долгое время поддерживалось и распространялось женское образованіе. Черезъ нихъ, съ одной стороны, въ дворянскія семьи вносился нѣкоторый свѣтъ и смягченіе нравовъ, грубѣвшихъ въ условіяхъ крѣпостной жизни; съ другой стороны, удовлетворялась возраставшая съ каждымъ поколѣніемъ потребность въ гувернанткахъ, большинство которыхъ являлось изъ воспитанницъ женскихъ институтовъ. Конечно, исторія нашего образованія безпристрастно оцѣнитъ труды ихъ, и выставитъ на видъ заслуги этихъ скромныхъ и часто унижаемыхъ труженицъ.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ было обращено на женскіе институты особенное вниманіе. Они были значительно преобразованы. Цѣль женскаго воспитанія была опредѣлена «въ образо-

ваніи добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ». Съ этою цѣлью положено было соображать и учебную часть, «чтобы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, ума и сердца воспитанницы могли приготовляться къ будущему важному ихъ значенію». Съ другой стороны выставлялось на видъ, что «образованіе свыше состоянія учащихся не всегда для нихъ полезно, а иногда обращается имъ во вредъ». Задача состояла согласовать средства съ цѣлью, не выпуская въ то же время изъ вида и состояніе будущихъ женъ и матерей. Нельзя при этомъ не вспомнить, что въ ту пору воспитаніе и въ мужскихъ заведеніяхъ спеціализировалось согласно съ государственными потребностями: съ дѣтства воспитывали военныхъ офицеровъ, чиновниковъ высшаго и низшаго разряда, инженеровъ, строителей, моряковъ и проч. и никому не казалась странною такая спеціализація. Конечно, если бы и въ то время стали основывать воспитательныя заведенія для образованія добрыхъ мужей и полезныхъ отцовъ семействъ, то такая задача, можетъ быть, показалась бы не совсѣмъ опредѣленною и исполнимою, но въ отношеніи женщины подобная спеціализація представилась самою естественною и простою. Ее даже легко связали съ государственными потребностями, такъ какъ государство не можетъ и задаваться другими задачами. Было высказано, что хорошія жены и добрыя матери семействъ суть твердыя опоры престола и благоденствія государства. «Чѣмъ болѣе укрѣплены добродѣтели, тѣмъ легче управленіе государственное: кому же распространять область добра, какъ не женщинѣ, супругѣ, матери дѣтей, которая часто одна своимъ примѣромъ и нравственнымъ вліяніемъ можетъ облагороживать цѣлое семейство. Вотъ политическое ея назначеніе; исполненіе сихъ священныхъ обязанностей и лучше и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ». Женщина косвеннымъ образомъ введена была также въ общій табель о рангахъ, съ которымъ и связалось ея воспитаніе: оно должно было соотвѣтствовать извѣстному рангу. Задача была крайне трудная: съ одной стороны невозможно было угадать, кто изъ воспитывающихся дѣвочекъ выйдетъ въ свое время замужъ и сдѣлается матерью, потому что жизнь не всѣхъ женщинъ приводитъ къ этой чредѣ; съ другой стороны трудно было предвидѣть, въ какой рангъ каждая поступитъ по своемъ замужествѣ, такъ какъ у насъ переходъ женщины изъ одного состоянія въ другое, ничѣмъ не былъ затрудненъ, и слѣдовательно легко могло случиться, что воспитанная для одного состоянія съ замужествомъ переходила въ другое, значитъ, воспитаніе давало ей не то, что̀ потомъ оказывалось нужнымъ. Задача большая провести строго въ воспитаніи женщины идеалъ жены и матери, если надъ нимъ не поставить идеалъ женщины-человѣка. Но это послѣднее понятіе, какъ и высшее понятіе о человѣкѣ, несвязанное съ чиномъ и званіемъ, еще смутно представлялись въ рус-

скомъ обществѣ. Они не могли быть руководителями въ воспитаніи. Для насъ кажется очень просто: воспитать женщину какъ человѣка и она будетъ хорошей женою, и хорошей матерью, если ей придется выйти замужъ; если же нѣтъ, то она найдетъ себѣ трудъ по душѣ, и не будетъ считать себя несчастною. Но не то выйдетъ, какъ скоро начнутъ специализировать воспитаніе, въ особенности по тѣмъ чувствамъ, какія должны проявляться въ зрѣлые годы, и то въ зависимости отъ извѣстнаго положенія. Такое воспитаніе сведется къ однимъ словамъ, фразамъ, отвлеченной морали, которая, какъ извѣстно, легко заучивается, но никогда не воспитываетъ. И вотъ къ какой морали свелось и у насъ намѣреніе воспитывать только женъ да матерей: «женщина, какъ созданіе нѣжное, назначенное природою быть въ зависимости отъ другихъ, должна знать, что ей суждено не повелѣвать, а покоряться мужу, и что строгимъ лишь исполненіемъ обязанностей семейныхъ она упрочитъ свое счастіе и пріобрѣтетъ любовь и уваженіе, какъ въ кругу семейномъ, такъ и внѣ онаго».

При специализаціи женскаго воспитанія, и самое образованіе женщины должно было рѣзко отличиться отъ образованія въ мужскихъ заведеніяхъ. Въ инструкціи высказывалось слѣдующее: «По предназначенію женщины не для службы государственной или общественной, подобно мужчинѣ, не для ученаго поприща, а для круга семейнаго и самое воспитаніе и образованіе дѣвицы должно быть направлено къ иной цѣли, чѣмъ воспитаніе юноши». Согласно съ этимъ преподавателю исторіи предписывалось обращать вниманіе на всѣ случаи исторіи, когда женщины представляли высокіе примѣры добродѣтели, патріотизма и самоотверженія супруги и матери. Точно также преподавателю вмѣнялось въ обязанность, указывать «на важность значенія дворянства въ Россіи, исключительно имѣющаго право владѣть крестьянами, коихъ участь ему ввѣрена и для которыхъ помѣщикъ долженъ быть отцомъ, а помѣщица матерью».

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что учебная программа въ новомъ Положеніи значительно была расширена передъ прежнею, хотя и приноровлена къ специальной цѣли. Конечно, французскій языкъ остался на первомъ планѣ; онъ, по старому, долженъ былъ сдѣлаться вторымъ роднымъ языкомъ воспитанницъ. Въ инструкціи о немъ замѣчено: «употребленіе языка французскаго введено съ самаго учрежденія заведеній; на немъ говорятъ всѣ начальницы, инспектрисы и классныя дамы, и для лицъ женскаго пола онъ сдѣлался языкомъ обычнымъ, какъ бы офиціальнымъ. Симъ только способомъ достигается результатъ, что въ столь короткое время воспитанницы, при поступленіи въ заведеніе, едва умѣющія читать, пріобрѣтаютъ навыкъ говорить свободно и правильно». Но требуя совершеннаго знанія французскаго языка, какъ обычнаго,

новая программа взяла подъ свое покровительство и отечественный языкъ, которымъ не очень дорожили при образованіи русской женщины. «Отечественный языкъ долженъ быть извѣстенъ каждому русскому во всей полнотѣ, высказываетъ инструкція; но какъ къ сожалѣнію правильное изученіе онаго, въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, доселѣ еще недостаточно развито, то надобно стараться, чтобы будущее поколѣніе исправило сей важный недостатокъ и стыдилось бы не знать своего языка родного, тогда какъ малѣйшая ошибка на языкѣ французскомъ почитается знакомъ необразованности».

Согласно принятымъ основаніямъ, женскія учебныя заведенія были раздѣлены на разряды. Къ первому разряду отнесены Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, оба Екатерининскіе института въ Петербургѣ и Москвѣ, Патріотическій институтъ и десять провинціальныхъ институтовъ благородныхъ дѣвицъ. Изъ нихъ въ особыя условія поставлено было «Воспитательное общество» такъ какъ курсъ въ немъ былъ распредѣленъ на 9 лѣтъ; въ прочихъ же только на шесть и на семь. На него посмотрѣли, какъ на высшее заведеніе, почему и учебная его программа была составлена въ болѣе обширномъ объемѣ, чѣмъ другія. Туда положено было принимать дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, или внесенныхъ въ пятую и шестую часть дворянской родословной книги. Въ Екатерининскіе институты могли поступать дочери кавалерственныхъ дамъ, и лицъ, имѣющихъ чины не ниже маіора или надворнаго совѣтника, или внесенныхъ въ третью, пятую и шестую части дворянской книги. Патріотическій институтъ назначался исключительно для дочерей лицъ военнаго званія. Учебная программа въ этихъ институтахъ была нѣсколько сокращеннѣе, но и въ ней предполагалось образованіе, приличное дворянству. Програмы же втораго разряда заведеній сокращены во многомъ, такъ какъ имѣлось въ виду, что оттуда дѣти возвращались въ семейства съ ограниченными средствами къ существованію, почему для нихъ нужно было оставить болѣе времени на изученіе искусствъ и рукодѣлій. Къ этому разряду отнесены пять институтовъ столичныхъ и три провинціальныхъ. По званію отцовъ въ столичныя заведенія втораго разряда могли поступать: въ петербургское и московское Александринскія училища дочери лицъ отъ чина полковника и колежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, равно протоіереевъ, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, или дочери дворянъ внесенныхъ въ третью часть дворянской книги не свыше однако же чиновъ подполковника и колежскаго совѣтника, въ петербургское и московское Елисаветинскія училища—дочери оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, и не иначе, какъ пенсіонерками, дочери штабъ-офицеровъ, медиковъ, учителей и художни-

ковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ, равно православныхъ священнослужителей, евангелическихъ пасторовъ и купцовъ. Здѣсь мы не касаемся сиротскихъ заведеній, куда помѣщались сироты военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; равно заведеній третьяго разряда, гдѣ назначалось самое элементарное образованіе вмѣстѣ съ рукодѣльемъ, главнымъ средствомъ будущаго обезпеченія воспитанницъ[1]).

Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что дворянамъ и чиновнымъ лицамъ и отчасти избраннымъ изъ другихъ сословій дана была возможность образовывать своихъ дочерей, но на одномъ только условіи — удалить ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ своихъ семей, и лишить ихъ семейнаго вліянія. Уступая необходимости, большинство ихъ соглашалось на это; но тутъ встрѣчалось другое затрудненіе: институты не могли представить столько вакантныхъ мѣстъ, сколько было желающихъ занять ихъ. Такъ напримѣръ, въ 1851 году, въ Общество благородныхъ дѣвицъ баллотировалось 168 дѣвочекъ на 84 вакансіи, въ Александровскомъ училищѣ баллотировалось 605 дѣвочекъ на 85 вакансій. Потерпѣвшія неудачу должны были искать образованія въ частныхъ пансіонахъ; но очень не многія изъ этихъ заведеній могли назваться педагогическими заведеніями; большая же часть изъ нихъ заводилась иностранками съ спекулятивной цѣлью и была ниже всякой критики. Если въ женскихъ институтахъ многое приносилось въ жертву французскому языку, то тамъ всѣмъ жертвовали ему. При томъ же и услугами ихъ могли пользоваться только семьи достаточныя. Люди же съ ограниченными средствами должны были довольствоваться самымъ элементарнымъ образованіемъ своихъ дочерей.

На помощь имъ создался новый типъ женскихъ учебныхъ заведеній—женская гимназія.

II.

Мысль о такихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя бы нѣсколько соотвѣтствовали существовавшимъ тогда мужскимъ гимназіямъ, мелькала въ головахъ у многихъ лицъ средняго класса, которыя задумывались надъ вопросомъ объ основательномъ образованіи своихъ дочерей. Отцы и матери, которые не могли или не рѣшались помѣщать ихъ въ институтъ, не находили себѣ выхода, не зная, гдѣ обучать подростающихъ дочерей и въ то же время не имѣя силъ помириться съ мыслію оставить ихъ при элементарномъ или модномъ пансіонскомъ образованіи. На эти сердечныя желанія многихъ родителей отозвался предпріимчивый и энергиче-

---

[1]) Хроника вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Гл. IV—XI.

скій человѣкъ, имя котораго теперь принадлежитъ исторіи — Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій. Въ то время онъ былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ женскомъ институтѣ и профессоромъ педагогіи въ Педагогическомъ институтѣ. Въ этомъ же институтѣ онъ получилъ и воспитаніе, спеціально приготовившись для педагогической дѣятельности, которую потомъ и началъ въ с.-петербургской Ларинской гимназіи въ качествѣ преподавателя русской словесности. Еще не настало время для его безпристрастной біографіи; но теперь можно только сказать, что, не смотря на всѣ недостатки характера, въ которыхъ его въ свое время винили, онъ былъ человѣкъ замѣчательно свѣтлаго ума, съ рѣдкимъ педагогическимъ талантомъ, умѣвшій увлекать своихъ слушателей и привязывать къ себѣ дѣтей. Кромѣ того, у него былъ даръ организатора дѣла, даръ, какимъ, какъ извѣстно, не очень отличается большинство нашихъ дѣятелей.

Въ 1857 году, у Вышнеградскаго созрѣлъ планъ такого женскаго учебнаго заведенія, куда небогатыя семьи могли бы посылать своихъ дочерей для основательнаго образованія, не чувствуя тягости вносить за это значительную плату. Въ концѣ того же года онъ представилъ въ совѣтъ Павловскаго института свои соображенія о возможности открыть при томъ же институтѣ особые классы для приходящихъ дѣвицъ, которыя бы посѣщали ихъ изъ своихъ семей и слушали бы уроки по институтской программѣ. Помѣщеніе для этихъ классовъ онъ предполагалъ найти въ одномъ изъ частныхъ домовъ, ближайшихъ къ институту. Чтобы не испугать цифрою расходовъ, онъ не назначалъ никакого особаго жалованья институтскому начальству, которое, полагалось, будетъ завѣдывать этими классами. Надзоръ за ученицами имѣлось въ виду поручать двумъ класснымъ дамамъ института съ годичною платою въ 100 руб.; а институтскіе преподаватели соглашались заниматься съ ученицами за плату, какая окажется возможною по средствамъ открытыхъ классовъ; они же должны были содержаться сборомъ за ученье, не свыше 36 рублей въ годъ съ каждой ученицы. Вышнеградскій просилъ только 1.500 руб. единовременно, для первоначальнаго обзаведенія и на наемъ квартиры на первый годъ. Нисколько не сомнѣваясь, что классы быстро наполнятся ученицами, онъ надѣялся, что всѣ расходы потомъ будутъ покрываться собственными средствами.

Изъ мѣстнаго совѣта проектъ его перешелъ въ существовавшій тогда главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній при IV Отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ разсмотрѣли этотъ вопросъ и нашли удобнѣе открыть отдѣльное женское училище для приходящихъ.

Въ качествѣ инспектора классовъ Павловскаго института, Вышнеградскій лично зналъ покойнаго принца Петра Георгіевича Оль-

денбургскаго, попечителя всѣхъ женскихъ институтовъ, имѣлъ къ нему доступъ и, своимъ умѣньемъ убѣждать, склонилъ его на свою сторону. Принцъ горячо поддерживалъ мысль Вышнеградскаго, который и не замедлилъ составить новый проектъ самостоятельнаго женскаго училища. Онъ былъ представленъ на усмотрѣніе государя Александра Николаевича, и затѣмъ по его волѣ былъ разсмотрѣнъ въ главномъ совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній.

Совѣтъ призналъ необходимость распространять женское образованіе въ кругу лицъ недостаточныхъ, живущихъ своимъ трудомъ, и чтобы облегчить ихъ заботы о лучшемъ воспитаніи дочерей, видѣлъ вѣрное къ тому средство въ открытіи такихъ заведеній, гдѣ бы дѣвочки могли пріобрѣтать основательныя познанія въ наукахъ и искусствахъ, не отрываясь отъ своихъ семействъ.

Положено было для образца устроить женское училище на слѣдующихъ основаніяхъ: оно будетъ состоять подъ покровительствомъ императрицы Маріи Александровны и называться ея именемъ— Маріинское женское училище, подчиняясь главному совѣту. Ближайшее завѣдываніе училищемъ ввѣряется, по назначенію государя, особому попечителю; а для непосредственнаго наблюденія за обученіемъ дѣвицъ назначаются начальникъ и главная надзирательница съ утвержденія государыни, назначеніе же прочаго педагогическаго персонала утверждается попечителемъ.

Къ обученію допускаются дѣвицы всѣхъ свободныхъ состояній. Комплектъ опредѣляется въ 250 ученицъ; но допускается и большее число, если окажутся средства для открытія параллельныхъ классовъ. Для полнаго учебнаго курса полагается семь постепенныхъ классовъ, а время уроковъ назначается отъ 9 часовъ утра до $2^1/_2$ ч. Предметы ученія раздѣляются на обязательные и необязательные; первые—Законъ Божій, отечественный языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика, пѣніе, чистописаніе, рисованіе и рукодѣліе; послѣдніе—языки французскій, нѣмецкій, музыка и танцы.

Обучавшіяся всѣмъ предметамъ, какъ обязательнымъ, такъ и не обязательнымъ, пользуются преимуществами, предоставленными воспитанницамъ институтовъ, т. е. правами домашнихъ учительницъ; награды же за благонравіе и успѣхи даются имъ на основаніи общихъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ женскихъ заведеній. Годовая плата за обученіе всѣмъ обязательнымъ предметамъ опредѣляется въ 25 руб. съ ученицы, а за обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ, равно танцованію берется особо по 5 руб. за каждый предметъ; слѣдовательно за всѣ предметы полагается ежегодная плата въ 40 руб. Что же касается до музыки, то за каждый урокъ платится по 1 рублю. На содержаніе всего училища было вычислено 11.500 руб. Для покрытія этихъ расходовъ совѣтъ полагалъ употребить сумму, которая будетъ собираться съ

ученицъ, до 8.700 р. въ годъ, и 3.000 р. изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній въ ежегодное пособіе училищу. На жалованье начальнику училища назначалось всего только 500 руб.; но, чтобы побудить его привлекать возможно большее число учащихся и черезъ то усилить матеріальныя средства заведенія, ему предоставлялось изъ остатковъ отъ годовыхъ расходовъ училища получать вознагражденія по 4 рубля съ каждой ученицы.

Всѣ эти основанія Совѣтъ полагалъ принять въ видѣ опыта на три года и уже послѣ этого срока имѣлъ въ виду составить полный уставъ заведенія.

Представляя свое заключеніе государю, совѣтъ просилъ опредѣлить начальникомъ заведенія извѣстнаго познаніями по части педагогики, инспектора классовъ Павловскаго института, профессора Вышнеградскаго, который составилъ первоначальный проектъ объ учрежденіи училища.

15-го марта 1858 года, государь утвердилъ представленіе главнаго совѣта, а черезъ недѣлю былъ назначенъ попечителемъ учрежденнаго Маріинскаго женскаго училища предсѣдатель главнаго совѣта—принцъ Ольденбургскій.

Не замедлилъ дѣломъ Н. А. Вышнеградскій. Со всею своею энергіей онъ приступилъ къ организаціи взлелѣянной имъ мысли. Въ одинъ мѣсяцъ у него было все готово для открытія четырехъ классовъ, подобранъ весь педагогическій персоналъ изъ лицъ хорошо ему извѣстныхъ, не смотря даже на такое время года, когда болѣе или менѣе извѣстные преподаватели не имѣютъ лишнихъ часовъ для новыхъ уроковъ. Но всѣ они прониклись его идеей, всѣ поняли, какое важное новое дѣло начинается, и всѣ готовы были помогать ему. 15-го апрѣля, было объявлено о пріемѣ дѣтей въ Маріинское училище, а въ день его открытія, 19-го апрѣля, въ спискѣ поступившихъ ученицъ числилось уже 162 дѣвицы—ясное доказательство, какая сильная потребность чувствовалась въ подобныхъ заведеніяхъ. При открытіи училища присутствовала императрица Марія Александровна, что, конечно, вызвало въ публикѣ особенное къ нему довѣріе. Назначенный комплектъ 250 ученицъ въ самое короткое время былъ наполненъ—пришлось думать о параллельныхъ классахъ.

Такой наплывъ дѣтей заставилъ позаботиться и о другихъ мѣстностяхъ столицы, откуда, по отдаленности, дѣти не могли ежедневно посѣщать Маріинское училище. Тогда государыня разрѣшила объявить, что родители, живущіе въ другихъ частяхъ города, могутъ заявлять начальнику училища свое желаніе помѣщать дочерей въ подобныя же заведенія въ частяхъ ихъ мѣстожительства. Къ половинѣ августа мѣсяца такихъ заявленій насчитывалось уже 213; изъ коломенской части—80, съ Васильевскаго острова—93, съ Пе-

тербургской и Выборгской стороны—40. Вслѣдствіе этого 23-го августа принцъ Ольденбургскій получилъ согласіе императора открыть три новыя училища—Коломенское, Василье-островское и Петербургское, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и Маріинское. Начальникомъ ихъ былъ назначенъ также Н. А. Вышнеградскій.

Такъ какъ Маріинское училище стало образцомъ для прочихъ подобныхъ же заведеній, открытію которыхъ не предполагалось никакого препятствія, то оказалось необходимымъ составить для него правила внутренняго порядка. Надъ этимъ дѣломъ также потрудился Вышнеградскій. 26-го февраля 1859 г. онъ представилъ проектъ правилъ попечителю училищъ, который и утвердилъ ихъ. Нельзя не признать, что они написаны рукою опытнаго педагога, притомъ хорошо знакомаго съ недостатками тогдашнихъ женскихъ институтовъ, недостатками, которые онъ хотѣлъ устранить отъ новыхъ заведеній. Главное отличіе въ ихъ управленіи отъ институтскаго заключается въ томъ, что во главѣ заведенія тамъ ставится не начальница, а начальникъ-педагогъ, слѣдовательно лицо, получившее спеціальное педагогическое образованіе, которое такъ важно въ правильномъ веденіи учебнаго и воспитательнаго дѣла и которое спасаетъ отъ многихъ неисправимыхъ ошибокъ. На начальника училища возлагалась обязанность ближайшимъ образомъ вникать во всѣ части училищной жизни и давать имъ стройное, согласное съ цѣлью училища, направленіе. Ему подчинялись всѣ прочія лица, не исключая главной надзирательницы, которая должна быть только ближайшей его помощницею. Такая опредѣленная постановка начальственныхъ лицъ устранила множество недоразумѣній, споровъ, притязаній, разногласій и даже ссоръ, по существу личныхъ, но имѣющихъ очень вредное вліяніе на воспитаніе дѣтей, особенно, когда одно изъ этихъ лицъ хочетъ управлять на основаніи не педагогическихъ выводовъ, которые ему нисколько не знакомы, а только соображеній своего собственнаго ума.

Кромѣ этого, самимъ преподавателямъ указывается дѣятельность болѣе широкая, чѣмъ простое даваніе уроковъ. Они названы сотрудниками начальника училища во всемъ, что относится къ нравственному и умственному образованію дѣтей. Прежде отъ нихъ этого не требовали. Здѣсь важно то, что за учебнымъ предметомъ и за преподающимъ лицомъ признана нравственная сила, которая главнымъ образомъ и должна воспитывать въ школѣ. При такой постановкѣ науки и преподавателя въ классѣ является возможность разрабатывать науку въ педагогическомъ смыслѣ, примѣнять ее къ воспитательному дѣлу, и слѣдовательно двигать впередъ самую школу. Безъ этого учителя не имѣютъ права называться наставниками. Ихъ у насъ и не было; не было и настоящаго педагогическаго поприща, а были только чиновники въ учительской службѣ. Но вотъ къ какой дѣятельности призываютъ ихъ

«Правила»: «наставники убѣдительнѣйше приглашаются давать такое направленіе своему преподаванію, чтобы имъ не только обогащался умъ, но и развивалось, облагороживалось чувство, утверждалась въ добрѣ воля. И въ мужчинахъ одно только знаніе безъ облагороженнаго и развитаго чувства мало имѣетъ цѣны, а въ женщинахъ рѣшительно пагубно: оно дѣлаетъ ихъ сухими, надменными эгоистками, не способными къ добросовѣстному искреннему отправленію тихихъ семейныхъ обязанностей».

Надзирательницы (авторъ «Правилъ» намѣренно избѣгаетъ названія классныхъ дамъ), какъ и наставники приглашаются «Правилами» непремѣнно помогать одни другимъ для достиженія полнаго и стройнаго образованія дѣтей. Заслуживаютъ вниманія и слова педагога, въ чемъ должна и не должна выказываться помощъ надзирательницы, которая отличена отъ классной дамы «Когда начался урокъ, то главнымъ хозяиномъ въ классѣ дѣлается учитель: все вниманіе дѣтей должно быть устремлено на его слова и дѣйствія; а потому надзирательницы, какъ главная, такъ и младшая, хотя и приглашаются присутствовать при урокахъ, но никакъ не должны позволять себѣ дѣйствій, нарушающихъ тишину класса и развлекающихъ вниманіе дѣтей, а потому было бы неумѣстно, если бы надзирательницы во время урока начали ходить по классу, входить въ него и выходить, дѣлать замѣчанія дѣтямъ, ибо все это развлекаетъ вниманіе дѣтей и препятствуетъ успѣху ученія; если они замѣтятъ въ поведеніи дѣтей что́ либо неприличное, то могутъ сказать объ этомъ послѣ урока, развѣ усмотрѣно будетъ такое дѣйствіе, которое рѣзко нарушаетъ приличіе и потому должно быть немедленно прекращено. Но такихъ дѣйствій трудно ожидать отъ дѣвочекъ».

Всѣ эти слова вызваны прежними наблюденіями педагога. Они же внушили ему и слѣдующія строки: «Въ классѣ во время урока долженъ господствовать строгій порядокъ. Но сіе понятіе часто понимается совершенно превратно. Истинный педагогическій порядокъ класса состоитъ не въ мертвой тишинѣ и не въ однообразномъ неподвижномъ положеніи дѣтей; какъ то, такъ и другое, бубучи несвойственно живой природѣ дѣтей, налагаетъ на нихъ вовсе не нужное стѣсненіе, крайне утомляетъ ихъ, разрушаетъ довѣрчивое дѣтское отношеніе между наставниками и ученицами. Ни мало не нарушается педагогическій порядокъ класса, если ученица, уставъ сидѣть совершенно прямо, обопрется на спинку своего стула, если она нѣсколько разъ перемѣнитъ положеніе рукъ и ногъ, скромно и кстати засмѣется по поводу того, что говоритъ наставникъ, прерветъ рѣчь его или отвѣтъ своей подруги выраженіемъ своего недоумѣнія, лишь бы все это дѣлалось въ формѣ, согласно съ природою дѣтскаго возраста и требованіями нравственнаго приличія. Классъ долженъ, сколько возможно больше, походить на семью;

тѣмъ полнѣе будетъ это сходство, тѣмъ ближе будетъ и классъ къ своей истинной цѣли. А въ благоразумныхъ семействахъ никогда не требуютъ, чтобы дѣти сидѣли неподвижно и однообразно, чтобы они не смѣли смѣяться или обратиться къ старшимъ съ вопросомъ по поводу того, что̀ кажется имъ непонятнымъ. Уничтоженіе семейнаго элемента въ общественныхъ училищахъ убиваетъ природную живость дѣтей, омрачаетъ Богомъ дарованную имъ веселость, истребляетъ довѣрчивость и любовь къ наставникамъ и наставницамъ, къ училищу, къ самому ученью—въ натурахъ энергическихъ образуетъ характеры скрытные, недовѣрчивые, разрушительные, въ натурахъ мягкихъ — ничтожные, совершенно безличные».

На всѣ эти слова мы должны смотрѣть, какъ на протесты той укоренившейся рутины, которая господствовала въ большей части тогдашнихъ школъ, и если теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ, не мѣшаетъ многимъ прочитать ихъ очень внимательно для собственнаго руководства, то тѣмъ болѣе тогда они были новостью для огромнаго числа офиціальныхъ педагоговъ. Прибавимъ еще нѣсколько строкъ, протестующихъ противъ тогдашнихъ порядковъ: «Истинно-педагогическій порядокъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ дѣти постоянно и неуклонно были заняты тѣмъ, что̀ составляетъ предметъ объясненій наставника... Нѣкоторые наставники имѣютъ вредное обыкновеніе при началѣ урока вызывать нѣсколько учениць на средину класса и у нихъ исключительно спрашиваютъ о предметѣ изложенія, оставляя всѣхъ остальныхъ безъ всякаго вниманія. Другіе наставники имѣютъ привычку не приходить въ классъ, разговаривать нѣсколько времени съ надзирательницею, отнимая чрезъ то у дѣтей часть и безъ того непродолжительнаго времени. Всѣ эти и подобныя имъ дѣйствія ослабляютъ дѣятельность дѣтей, невольно вовлекаютъ ихъ въ разсѣяніе и слѣдовательно нарушаютъ истинный и педагогическій порядокъ класса, а потому никакъ не должны быть допускаемы».

Дѣлая учителя главнымъ распорядителемъ въ классѣ ученицъ во время урока, «Правила» возлагаютъ на него всю отвѣтственность за порядокъ класса. Такимъ образомъ классныя надзирательницы получаютъ самостоятельное значеніе только во время свободное отъ уроковъ; тогда должно чувствоваться ученицами нравственное ихъ вліяніе. Имъ, равно какъ и главной надзирательницѣ, вмѣняется въ обязанность заступать мѣсто отсутствующихъ наставниковъ, также упражнять въ ученьи или рукодѣльи тѣхъ дѣтей, которыя не обучаются какому либо иностранному языку, во время уроковъ этого языка. Это заставляетъ обращать особенное вниманіе на выборъ надзирательницъ: онѣ должны быть такія лица, которыя, по своему образованію, могли бы въ случаѣ нужды заниматься съ дѣтьми по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ жен-

скаго образованія. Лишенныя права прерывать чтеніе и объясненія преподавателей, равно и дѣлать имъ какія либо замѣчанія, онѣ въ то же время обязываются доводить до свѣдѣнія начальника училища о всемъ, что по ихъ понятію, оказывается въ изложеніи преподавателя несовмѣстно съ цѣлью училища и съ характеромъ женскаго образованія. Дальнѣйшее распоряженіе зависитъ вполнѣ уже отъ самого начальника.

Поставленныя на такихъ педагогическихъ основаніяхъ, женскія училища получили возможность правильно развиваться въ тѣсномъ единеніи съ семьею, которая приглашалась помогать школѣ своимъ содѣйствіемъ.

Открытіе женскихъ училищъ пошло чрезвычайно быстро. Петербургъ подалъ примѣръ и другимъ городамъ. Въ концѣ 1858 года, виленскій военный генералъ-губернаторъ и попечитель виленскаго учебнаго округа, Назимовъ, просилъ позволеніе учредить въ губернскихъ городахъ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ и Минскѣ подобныя же заведенія, какъ петербургское Маріинское женское училище для приходящихъ дѣвицъ. Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній призналъ учрежденіе открытыхъ женскихъ училищъ мѣрою, служащею къ распространенію женскаго образованія и исходатайствовалъ согласіе императрицы Маріи Александровны взять и эти заведенія подъ свое покровительство. Въ ихъ программу введенъ былъ и польскій языкъ; плата за ученье обязательнымъ предметамъ назначена была по 15 руб. въ годъ, за обученіе каждому изъ иностранныхъ языковъ и танцованію по 3 руб. и за музыку по соглашенію съ родителями не свыше 50 копеекъ за урокъ. Кромѣ того разрѣшено было отпустить изъ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній въ пособіе четыремъ названнымъ училищамъ до 12.000 рублей.

Все это показываетъ, съ какимъ сочувствіемъ и довѣріемъ тогда относились правительственныя лица къ новымъ заведеніямъ. Въ первую половину 1859 года открыто было женское училище въ Вышнемъ Волочкѣ съ содержаніемъ на мѣстныя средства, и разрѣшено было открыть по такому же заведенію въ Кіевѣ и Саратовѣ.

11-го ноября 1860 года, было основано въ Петербургѣ пятое женское училище—Вознесенское [1]).

III.

Въ то же самое время министерство народнаго просвѣщенія соображало о способахъ женскаго образованія въ губернскихъ и уѣзд-

[1]) Хроника вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Гл. XIII.

ныхъ городахъ. Еще въ 1856 году 5-го марта, министръ Норовъ представилъ государю докладъ о мѣрахъ и предположеніяхъ по устройству народнаго образованія. Въ немъ, между прочимъ, замѣчено, что до тѣхъ поръ обширная система народнаго образованія у насъ имѣла въ виду только одну половину народонаселенія—мужской полъ. Женскія же заведенія, покровительствуемыя высочайшими особами, предназначены только для одного сословія—дворянъ и чиновниковъ. Между ними лица средняго сословія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ лишены были средствъ дать своимъ дочерямъ необходимое образованіе. Отъ этого, говорится въ докладѣ, безъ сомнѣнія, зависитъ какъ развитіе въ народныхъ массахъ истинныхъ понятій объ обязанностяхъ каждаго, такъ и всевозможныя улучшенія семейныхъ нравовъ и вообще всей гражданственности, на которыя женщина имѣетъ столь могущественное и неотразимое вліяніе. Министръ находилъ, что учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большихъ селеніяхъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества, и довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія, обнимая собою всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній и обоихъ половъ [1]).

На этотъ докладъ министра Норова императоръ Александръ Николаевичъ отозвался сочувственно и приказалъ приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ, на первый разъ въ губернскихъ городахъ, женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіямъ [2]), по мѣрѣ способовъ, которые могутъ представиться.

Тогда министръ потребовалъ отъ попечителей учебныхъ округовъ необходимыя свѣдѣнія и соображенія, и между прочимъ о томъ, есть-ли какіе мѣстные способы, чтобы покрывать предстоящіе расходы. Въ то же время черезъ министра внутреннихъ дѣлъ онъ приглашалъ дворянство и городскія сословія принять участіе въ настоящемъ дѣлѣ какъ указаніемъ своихъ потребностей, такъ и добровольными приношеніями.

По полученіи разныхъ свѣдѣній, въ министерствѣ было составлено положеніе о женскихъ училищахъ для приходящихъ. По курсу преподаванія они должны были раздѣляться на училища перваго и втораго разряда, преслѣдуя, впрочемъ, одну и ту же цѣль: сообщить ученицамъ то религіозное, нравственное и умственное образованіе, которое должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ будущей матери семейства. Полный курсъ ученія въ первомъ разрядѣ назначался шестилѣтній, во второмъ—трехлѣтній. Въ училищѣ перваго разряда учебные предметы дѣлились

[1]) Сборн. постановл. нар. просв., томъ III.

[2]) Въ то время существовали только мужскія гражданскія гимназіи.

на обязательные и необязательные; къ первымъ относились Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и понятія объ измѣреніяхъ, географія, исторія, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, чистописаніе и рукодѣлія. Предметы необязательные составляли языки французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе. Въ курсъ училища втораго разряда включены Законъ Божій, краткая русская грамматика, русская исторія и географія сокращенно, первыя четыре правила ариѳметики надъ простыми и именованными числами, чистописаніе и рукодѣлье.

Главное правленіе училищъ признало весьма важнымъ дать новымъ училищамъ характеръ частныхъ заведеній для того, чтобы упростить способы ихъ устройства и управленія, и тѣмъ содѣйствовать ихъ скорѣйшему развитію. Способы могутъ быть назначаемы не только отъ правительства, но и отъ разныхъ вѣдомствъ, сословій или отъ частныхъ лицъ. Правительство, назначая пособіе училищу, должно имѣть въ виду лишь благо жителей, открывая имъ способы образовывать своихъ дѣтей, а потому и отказывалось помѣщать для безплатнаго обученія соразмѣрное число ученицъ, тогда какъ это право предоставлялось всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ, которыя бы сдѣлали пожертвованія на устройство училища.

Отвѣтственность за училище возлагается «Положеніемъ» на начальницу, которая выбирается изъ лицъ, имѣющихъ право на открытіе училищъ и заслужившихъ полное довѣріе и одобреніе губернатора, губернскаго директора училищъ или директора мѣстной гимназіи, также обывателей города обоего пола, пользующихся общимъ уваженіемъ. Назначенное на училище содержаніе выдается ей по третямъ года впередъ въ безотчетное ея распоряженіе. Ею же назначается и размѣръ платы за ученіе, но не свыше 35 р. въ годъ въ перворазрядныхъ училищахъ и 25 р.—во второразрядныхъ. Иностранные языки и нѣкоторыя искусства преподаются за особую плату по соглашенію родителей съ начальницею училища. Плата также поступаетъ въ безотчетное ея распоряженіе. Не иначе какъ по соглашенію съ нею опредѣляются и увольняются преподаватели; но опредѣленіе и увольненіе гувернантокъ и наставницъ вполнѣ зависитъ отъ нея. Директоръ училищъ или мѣстной гимназіи, а въ городахъ, гдѣ нѣтъ гимназіи, штатный смотритель предсѣдательствуетъ въ педагогическомъ совѣтѣ, который разрѣшаетъ вопросы, касающіеся учебной части. Кромѣ того, начальствомъ учебнаго округа выбирается попечительница изъ почетныхъ дамъ того же города.

«Положеніе» было утверждено 30-го мая 1858 года. Оно было сочувственно встрѣчено многими городами: дворянскія и городскія общества, также частныя лица стали предлагать пожертвованія на учрежденіе женскихъ училищъ въ разныхъ городахъ имперіи. Нѣ-

которыя же изъ нихъ открывались при пособіи отъ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Отсюда возникъ вопросъ, къ какому вѣдомству отнести ихъ зависимость. 17-го іюня 1859 года управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія оберъ-форшнейдеръ Мухановъ испросилъ высочайшее повелѣніе: открытымъ женскимъ училищамъ, учрежденнымъ и учреждаемымъ въ городахъ на счетъ частныхъ лицъ и разныхъ обществъ, состоять въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, не исключая и тѣхъ, которыя будутъ пользоваться августѣйшимъ покровительствомъ императрицы; тѣ же, которыя получаютъ средства на содержаніе отъ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, состоять въ вѣдомствѣ этого совѣта подъ покровительствомъ принца Ольденбургскаго. Такимъ образомъ, управленіе женскими училищами въ губерніяхъ на второй же годъ раздѣлилось. Вновь открытыя тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Витебскѣ, Орлѣ, Псковѣ поступили уже въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія.

Въ то же время стали поступать въ министерство представленія отъ попечителей учебныхъ округовъ и отъ губернаторовъ, что они затрудняются вполнѣ примѣнять «Положеніе» къ учреждаемымъ училищамъ. «Положеніе» не допускало къ участію въ завѣдываніи училищемъ мѣстныхъ сословій и обществъ, которыя давали средства на ихъ содержаніе, предоставляя безотчетное распоряженіе хозяйствомъ училища, выборъ должностныхъ лицъ и назначеніе платы за ученіе, одной начальницѣ. Между тѣмъ, право выбора начальницы принадлежало не обществу, и потому не всякая начальница пользовалась неограниченнымъ довѣріемъ общества. Главное правленіе училищъ послѣ двухлѣтняго опыта нашло, что такой порядокъ угрожаетъ училищамъ лишеніемъ необходимой матеріальной поддержки со стороны общества и на будущее время можетъ охладить общественное рвеніе къ открытію новыхъ училищъ. Чтобы устранить такое неудобство, сдѣланы были въ «Положеніи» нѣкоторыя перемѣны. Кромѣ педагогическаго совѣта въ каждомъ училищѣ учрежденъ былъ особый попечительный совѣтъ изъ пяти непремѣнныхъ и двухъ выборныхъ членовъ. Къ первымъ причисляются попечительница училища, уѣздный предводитель дворянства, предсѣдатель педагогическаго совѣта, городской голова и начальница. Выборные члены—одинъ изъ дворянъ или чиновниковъ и одинъ изъ купечества; ихъ выбираетъ попечительный совѣтъ. Не имѣя вполнѣ власти административной, совѣтъ принимаетъ непосредственное участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ и наблюдаетъ за нравственностью и матеріальною частью училища. Кромѣ того, чтобы самыя училища возвысить въ общественномъ мнѣніи, испрошено было высочайшее согласіе, чтобы всѣмъ женскимъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія состоять подъ покровительствомъ императрицы.

Новое «Положеніе» утверждено было при министрѣ Ковалевскомъ 10-го мая 1860 г. въ видѣ опыта на три года.

17-го февраля 1862 года, было найдено, что отъ разнообразія условій, при которыхъ учреждались и учреждаются женскія училища, необходимо въ «Положеніи» вновь сдѣлать нѣкоторыя перемѣны. Онѣ должны были не только удовлетворять мѣстнымъ требованіямъ, но и служить сильнымъ поощреніемъ для частныхъ лицъ и обществъ распространять, учреждать и поддерживать женскія училища, въ которыхъ, по выраженію министра просвѣщенія, такъ нуждаются различныя мѣстности обширной имперіи. Вслѣдствіе такого представленія, министерству народнаго просвѣщенія было разрѣшено отступать отъ «Положенія» 10-го мая 1860 года въ тѣхъ статьяхъ, которыя не касаются сущности самаго «Положенія», но необходимы по мѣстнымъ нуждамъ.

Назначеннаго трехлѣтняго опыта оказалось мало, чтобы окончательно составить такое положеніе о женскихъ училищахъ, которое, не стѣсняя развитія ни одного изъ нихъ, заключало бы вмѣстѣ съ тѣмъ общія основанія, примѣнимыя одинаково ко всѣмъ училищамъ.

Въ эти опытные годы было представлено въ министерство просвѣщенія не мало замѣчаній по вопросу о лучшемъ устройствѣ женскихъ училищъ. Такимъ образомъ, прежнее «Положеніе» было оставлено въ силѣ еще на два года [1]).

Между тѣмъ, истекли опытные годы для женскихъ училищъ, учрежденныхъ въ вѣдомствѣ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1861 году, совѣтъ призналъ, что училища быстрымъ своимъ развитіемъ доказали, на сколько глубоко общество сочувствуетъ воззрѣнію правительства на настоящій способъ образованія женскаго пола, и что такое успѣшное развитіе этихъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія указываетъ на необходимость особенной поддержки ихъ до окончательнаго развитія, когда они, прочно утвердившись, получатъ возможность сами обезпечивать свое существованіе. При этомъ также пришлось сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ «Уставѣ» къ вопросу о подчиненіи этихъ училищъ. На основаніи «Положенія» 1860 года о главномъ управленіи учрежденій императрицы Маріи, Главному совѣту оставлена одна власть совѣщательная по дѣламъ законодательнымъ и хозяйственнымъ; наблюдательная же и распорядительная ввѣрена главноуправляющему IV Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи; вслѣдствіе этого высшему его управленію должны были подчиниться и училища для приходящихъ дѣвицъ.

Что касается размѣра платы за обученіе дѣвицъ, то Главный совѣтъ призналъ, что она должна быть въ зависимости отъ боль-

[1]) Сборн. пост. минист. нар. просв., т. III, № 507.

шей или меньшей степени достатка мѣстныхъ жителей, почему и предоставлялось ея назначеніе или измѣненіе попечителямъ училищъ.

Чтобы училища могли пользоваться трудами людей способныхъ и готовыхъ посвятить имъ свое время, было нѣсколько увеличено жалованье служащему педагогическому персоналу. Оказалось нужнымъ увеличить размѣры пособій и училищамъ. Такъ, на наемъ квартиръ для пяти петербургскихъ училищъ, вмѣсто опредѣленныхъ первоначально 7.500 руб., требовалось 14.550 руб., такъ какъ значительная прибыль ученицъ требовала и расширенія помѣщеній, не говоря уже объ общемъ вздорожаніи квартиръ въ Петербургѣ. По указаніямъ опыта признано возможнымъ во всѣхъ пяти училищахъ считать нормальное число учащихся въ 1.150. На этомъ основаніи общій сборъ съ ученицъ по 40 руб. за каждую исчисленъ въ 46.000 руб., а штатъ опредѣленъ былъ въ 88.500 руб., значитъ, потребовалось ежегоднаго пособія изъ суммъ вѣдомства въ 42.500 руб. или въ 36 руб. на ученицу; но такъ какъ до этого времени уже производилось пособіе ежегодно въ 17.300 руб., то приходилось доплачивать 25.000 руб. Необходимость въ такомъ пособіи основывалась на томъ, что при учрежденіи этихъ училищъ назначеніе небольшой платы за ученье открывало въ нихъ доступъ большинству дѣтей недостаточныхъ семействъ и развивало въ ихъ кругу желаніе дать дѣтямъ основательное образованіе. Главный совѣтъ находилъ, что возвышеніе платы могло бы повредить училищамъ, которыя только входили въ періодъ полнаго своего развитія, охладивъ проявившееся въ обществѣ стремленіе къ образованію дѣтей.

9-го января 1862 года, уставъ и штатъ были утверждены въ видѣ опыта на три года.

Въ томъ же году попечитель виленскаго учебнаго округа представилъ въ Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, что новыя женскія училища смѣшиваются многими, незнакомыми съ ихъ программами, съ другими низшими училищами, и что въ обществѣ уже начинаетъ утверждаться за ними названіе гимназій. Въ виду этого попечитель ходатайствовалъ для отличія этого рода заведеній отъ другихъ дозволить назвать ихъ офиціально **женскими гимназіями**. На этотъ докладъ 10-го ноября послѣдовало высочайшее разрѣшеніе: училища для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи именовать **женскими гимназіями** [1]).

Къ концу 1864 года число женскихъ гимназій этого вѣдомства достигло уже семнадцати: къ прежнимъ присоединены Рязанская, Симбирская, петербургская-Рождественская, Минская, Могилевская и Царскосельская.

[1]) Хроника вѣдомства императрицы Маріи, 1878.

Между тѣмъ и въ Москвѣ министерство народнаго просвѣщенія открыло два женскія училища перваго разряда. Въ то же время и отъ вѣдомства императрицы Маріи тамъ же назначено было основать женское училище, подобное петербургскимъ. Такъ какъ по цѣли и по программамъ они почти не отличались, то, чтобы устранить вредное между ними соперничество, признано было за лучшее соединить ихъ подъ однимъ управленіемъ. Послѣ продолжительной переписки между обоими вѣдомствами, наконецъ, въ февралѣ 1865 года, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе принять вѣдомству императрицы Маріи оба министерскія женскія училища, которыя и были преобразованы въ гимназіи. По образцу штата петербургскихъ гимназій былъ проектированъ и штатъ московскихъ. Доходъ съ нихъ составлялъ тогда 17.979 руб. и по штату на ихъ содержаніе пришлось приплачивать вѣдомству 24.391 руб. [1]).

Всѣ открываемыя женскія гимназіи въ особенности въ столицахъ быстро наполнялись. Въ 1873 году, въ Петербургѣ отказано было въ пріемѣ до 500 дѣвицамъ; вслѣдствіе чего, 30-го октября 1873 года, по случаю открытія памятника императрицѣ Екатеринѣ II-ой, было разрѣшено, въ память основательницы женскаго воспитанія въ Россіи, открыть новую женскую гимназію подъ именемъ Екатерининской.

Между тѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составлялось новое «Положеніе» о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Въ маѣ 1870 года, оно было внесено въ государственный совѣтъ. Въ своемъ представленіи министръ народнаго просвѣщенія говоритъ, что, желая дать женскимъ училищамъ дальнѣйшее развитіе, соотвѣтственное дѣйствительнымъ ихъ потребностямъ, министерство подвергло гласному обсужденію вопросъ о женскихъ училищахъ. Замѣчанія, представленныя разными мѣстами и лицами, преимущественно совѣтами университетовъ и гимназій, были сведены вмѣстѣ. Затѣмъ было предложено попечителямъ учебныхъ округовъ, на основаніи этихъ данныхъ, представить окончательныя соображенія, какія еще измѣненія было бы полезно сдѣлать въ «Положеніи» о женскихъ училищахъ. Всѣ попечители, кромѣ дерптскаго, виленскаго и отчасти кіевскаго, были согласны, что за женскими училищами необходимо сохранить характеръ открытыхъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ для всѣхъ сословій съ переименованіемъ ихъ въ женскія гимназіи и прогимназіи. При этомъ предоставить и на будущее время содержаніе тѣхъ и другихъ преимущественно мѣстнымъ земствамъ, сословіямъ и обществамъ и изыскать болѣе дѣйствительныя мѣры, какъ для поддержанія уже существующихъ, такъ и для открытія новыхъ. По заявленію министра, до сихъ поръ денежныя средства женскихъ учи-

---

[1]) Хроника вѣдомства императрицы Маріи 1878.

лицъ были весьма недостаточны, а увеличивать плату за ученье было бы не желательно, потому что такая мѣра повела бы къ уменьшенію числа учащихся и превратила бы женскія гимназіи въ привилегированныя заведенія, доступныя только для дѣтей богатыхъ родителей, или привела бы къ совершенному ихъ закрытію, по недостатку средствъ, что всего вѣрнѣе. Въ виду этого министръ находилъ, что для поддержанія и дальнѣйшаго развитія женскихъ гимназій необходимо назначить во многихъ мѣстахъ пособіе отъ казны, причемъ онъ указывалъ на женскія училища въ Германіи и Швейцаріи, гдѣ они также получаютъ пособіе отъ правительства и, только благодаря этому, могутъ съ успѣхомъ развиваться.

По новому «Положенію» и попечительный совѣтъ гимназій сталися на другихъ основаніяхъ. Опытъ показалъ, что прежніе совѣты очень часто составлялись изъ членовъ, не имѣющихъ вѣрныхъ взглядовъ на воспитаніе и даже совершенно равнодушныхъ къ дѣлу; даже если бы составъ совѣта случайно былъ и удачный, то все же онъ не могъ быть представителемъ всѣхъ мѣстныхъ сословій при училищѣ. Найдено было гораздо справедливѣе и полезнѣе для дѣла, чтобы въ члены попечительнаго совѣта выбирали тѣ сословія и общества, насчетъ которыхъ содержатся гимназіи, со включеніемъ въ него предсѣдателя педагогическаго совѣта и начальницы гимназіи, какъ представителей учебной и воспитательной части, непосредственно управляющихъ заведеніемъ. Предсѣдателя должны выбирать себѣ изъ своей среды сами члены попечительнаго совѣта.

Новое «Положеніе», хотя и сохранило за начальницей гимназіи непосредственное управленіе, но во всѣхъ дѣлахъ по учебной и воспитательной части она вполнѣ подчинена предсѣдателю педагогическаго совѣта.

Въ соображеніяхъ, представленныхъ государственному совѣту, привлекаетъ особенное вниманіе тогдашній правительственный взглядъ на призваніе женщины въ обществѣ: На женщинѣ, по вліянію ея на семейство, лежитъ обязанность воспитывать, отъ неисполненія которой или отъ дурнаго исполненія страдаетъ все общество и все государство, и страдаютъ тѣмъ опаснѣе, что зло здѣсь проникаетъ повсюду и совершенно незамѣтно подтачиваетъ основы общественной и государственной жизни. Но, чтобы женщина получила возможность исполнять добросовѣстно эту святую обязанность, для того мало ей одного желанія, а надобно дать ей и средства и умѣнье воспитывать. Отсюда ясна важность для каждой женщины, будущей матери семейства, какого бы званія она ни была, пріобрѣсти не только знаніе, но и ознакомиться съ главными условіями воспитательнаго искусства, т. е. важность въ извѣстной степени педагогическаго образованія. Но если примѣнить этотъ во-

просъ къ воспитывающимся въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ, то такое образованіе становится необходимымъ. Большинство воспитанницъ въ нихъ составляютъ дѣти лицъ недостаточнаго состоянія, и будущность ихъ ничѣмъ не обезпечена. Образованіе составляетъ для нихъ единственный капиталъ, который можетъ спасти ихъ отъ нищеты въ будущемъ, если имъ не выпадетъ на долю безбѣдная семейная жизнь; капиталъ этотъ обращается въ большинствѣ случаевъ на педагогическую дѣятельность въ званіи гувернантокъ или домашнихъ учительницъ. Понятно послѣ этого, что особое педагогическое приготовленіе для такихъ лицъ дѣлается не только полезнымъ, но и необходимымъ и спасетъ ихъ въ будущемъ отъ многихъ промаховъ, которые неизбѣжны въ лицахъ, берущихся за непривычное для нихъ дѣло. Въ числѣ разныхъ поприщъ, которыя могли бы открыться для женскаго труда, одно изъ самыхъ главныхъ всегда будетъ воспитательное; обращеніе къ нему значительнаго числа женщинъ было бы, при недостаткѣ въ учителяхъ, большею помощью для нашего образованія [1]).

Въ виду этого въ новое «Положеніе» о женскихъ гимназіяхъ былъ внесенъ слѣдующій пунктъ: «женскія гимназіи состоятъ изъ семи классовъ съ годичнымъ для каждаго класса курсомъ; но для приготовляющихся къ педагогической дѣятельности можетъ быть учрежденъ при женскихъ гимназіяхъ еще восьмой дополнительный классъ, также съ годичнымъ, а гдѣ окажется возможнымъ и съ двухгодичныхъ курсомъ ученія».

Въ «Положеніи» о спеціальныхъ испытаніяхъ 22-го апрѣля 1868 года, предоставлено право на званіе домашнихъ учительницъ окончившимъ полный курсъ въ женскихъ училищахъ перваго разряда, при которыхъ существуютъ педагогическіе курсы. Руководствуясь этимъ основаніемъ, и новое «Положеніе» о женскихъ гимназіяхъ предоставляло право домашнихъ наставницъ окончившимъ общій и дополнительный курсъ въ женскихъ гимназіяхъ съ особымъ отличіемъ, и право домашнихъ учительницъ—получившимъ свидѣтельство объ окончаніи общаго и дополнительнаго курса вообще съ успѣхомъ. Наконецъ, окончившимъ курсъ въ первыхъ низшихъ классахъ гимназіи или прогимназіи по достиженіи 16-тилѣтняго возраста и послѣ полугодичнаго исполненія обязанностей помощницы учителя или учительницы при какомъ либо начальномъ училищѣ, предоставлено право на званіе первоначальныхъ учительницъ и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ.

«Положеніе» о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія было высочайше утверждено 24-го мая 1870 года. Такимъ образомъ, русская гимназія стала повидимому

---

[1]) Сборникъ Постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. IV, стр. 1637—163.

прочно: она явилась, какъ отзывъ на крайнюю общественную потребность въ повышеніи уровня женскаго образованія, чѣмъ и объясняется быстрое распространеніе заведеній этого рода по всей русской землѣ.

IV.

Не смотря на то, что къ образованію русской женщины отнеслись съ такою заботою и теплотою два вѣдомства, соревнуя другъ другу въ такомъ важномъ дѣлѣ, русская женская гимназія не всѣми была привѣтствована съ такимъ же сочувствіемъ и сердечнымъ участіемъ. И у нея оказались враги. Одни были недовольны тѣмъ, что женская гимназія сдѣлана не сословнымъ заведеніемъ для одного чиновнаго класса, и не могли примириться съ мыслью, что генеральская дочка должна сѣсть на одну скамейку съ дочерью какого-либо лавочника; другіе винили гимназію, что она не даетъ настоящаго образованія, потому что не научаетъ говорить по-французски; третьимъ не нравилось, что многія гимназистки не довольствуются только тѣмъ, что̀ имъ даетъ гимназія, а по окончаніи курса ищутъ новыхъ познаній и пристращаются къ наукѣ. Раздавались и болѣе нелѣпыя обвиненія, сопровождаемыя разными клеветами. Слышались и злорадства при какомъ-нибудь случайномъ фактѣ, заслуживающемъ порицанія. Являлись скороспѣлыя обобщенія и затѣмъ неумолимыя обвиненія. Но мы не намѣрены опровергать всѣ вины, какія взводились на женскую гимназію; не намѣрены и превозносить ее, такъ какъ не находимъ ее на той высотѣ развитія, на какую она могла бы стать послѣ двадцатипятилѣтняго существованія. Многія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали ей правильно развиваться, хотя въ началѣ она и была поставлена на основахъ вполнѣ педагогическихъ, которыя обѣщали ей хорошую будущность. Она явилась во время памятное для русской педагогіи, то время, когда начиналось оживленіе въ русскомъ педагогическомъ мірѣ, при сознаніи прежней несостоятельности въ воспитательномъ дѣлѣ, когда начиналось исканіе новыхъ способовъ образованія при новомъ идеалѣ. Всякая спеціализація въ воспитаніи была осуждена; было признано разумнымъ и возможнымъ только воспитаніе человѣка, воспитаніе, достоинство котораго зависитъ отъ той высоты, на какую поставленъ идеалъ человѣка. Женская гимназія, принявъ этотъ принципъ, уничтожила вопросъ о существенномъ отличіи образованія женщины и мужчины. Оба эти понятія связались въ одномъ понятіи «человѣкъ», которое, допуская нѣкоторыя физіологическія различія въ обоихъ полахъ, не допускаетъ нравственнаго или умственнаго превосходства одного надъ другимъ. Отсюда и образованіе того и другого должно было сблизиться, подчинивъ себѣ тѣ воспитательныя спеціализаціи, ка-

кими задавались прежде какъ въ отношеніи мужчины, такъ и женщины. Не могъ пострадать идеалъ жены и матери отъ того, что возвысился идеалъ женщины какъ человѣка; напротивъ, онъ много выигралъ отъ того, что сдѣлался опредѣленнѣе, понятнѣе, доступнѣе, такъ какъ его усвоивала себѣ образованная женщина. Семья непремѣнно должна была выиграть отъ такого направленія образованія. Чтобы воспитывать и образовывать дѣтей не для себя, а для дѣятельной жизни нужно имѣть передъ собою высшій идеалъ, т. е. идеалъ человѣка, независимо отъ его внѣшняго положенія, а чтобы имѣть его, необходимо въ самомъ себѣ чувствовать стремленіе къ высшимъ интересамъ жизни. Сближеніе двухъ половъ въ общихъ духовныхъ интересахъ жизни должно непремѣнно поднять нравственный уровень не только семьи, но современемъ и самаго общества. Вотъ за что̀, главнымъ образомъ, мы и цѣнимъ русскую женскую гимназію: она положила тому начало. Она—фактъ замѣтный въ исторіи нашего образованія и будетъ еще замѣтнѣе въ будущемъ.

Съ другой стороны, если качество и количество труда имѣютъ значеніе въ обществѣ и даже государствѣ, возвышая ихъ нравственно и обогащая матеріально, то и здѣсь женской гимназіи нельзя отказать въ извѣстной долѣ заслуги. Она неоспоримо усилила и расширила въ обществѣ женскій трудъ, введя его въ такія сферы, о которыхъ прежде не могла и думать женщина.

Если женскіе институты въ свое время приготовляли для русскихъ семей гувернантокъ, что̀ было также большою заслугою, то женскія гимназіи настолько развивали въ своихъ ученицахъ любовь къ труду, что, оставивъ мѣсто своего образованія, онѣ добровольно, усиленно, даже съ большими лишеніями, стали искать себѣ основательной подготовки для учительской дѣятельности въ школахъ, и, наконецъ, успѣли заявить себя съ самой лучшей стороны на этомъ поприщѣ. Онѣ явились добросовѣстными труженицами не только въ элементарныхъ классахъ женскихъ гимназій, но и въ городскихъ и даже сельскихъ училищахъ, въ то время, когда у насъ была сознана сильная потребность въ школахъ. Безъ нихъ пришлось бы довольствоваться мало-образованными и плохо подготовленными учителями, которые на первыхъ же порахъ уронили бы школьное дѣло. Онѣ нашли себѣ широкое поприще тамъ, гдѣ прежде едва влачилъ свое существованіе бѣдный, забитый школьный учитель. Онѣ возвысили эту сферу дѣятельности качественностью своего труда и указали дорогу и другимъ молодымъ дѣвушкамъ, получившимъ образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Если бы только одна сфера педагогической дѣятельности обогатилась женскимъ трудомъ, то и тогда можно было бы сказать много сочувственнаго о заведеніяхъ, развившихъ любовь къ труду.

Но женскій трудъ внесенъ и въ другія сферы, о которыхъ мы не будемъ здѣсь говорить.

Изъ всего нами сказаннаго выводится то, что женская гимназія удовлетворила потребностямъ русской жизни; но къ этому мы прибавимъ, что не считаемъ ея организацію вполнѣ конченною. Если она можетъ гордиться тѣмъ, что привлекала вниманіе иностранныхъ педагоговъ, которые нарочно пріѣзжали въ Россію знакомиться съ нею, то это налагаетъ на нее обязанность еще болѣе поработать надъ собою въ предѣлахъ педагогическихъ требованій, которымъ она была не всегда вѣрна. Она не есть сколокъ съ какого-либо иноземнаго учрежденія, а развилась сама собою въ ту эпоху, когда въ русской средѣ трудъ былъ объявленъ свободнымъ, и жизнь стала развиваться при новыхъ условіяхъ. Если подражать ей некому, то она должна выработать свое на чисто-педагогической почвѣ и согласно съ природными силами женщины, Это ея настоящая задача.

Въ заключеніе же скажемъ, что тотъ, кто первый положилъ камень въ основаніе русской женской гимназіи, заслуживаетъ почета. Позаботилась ли петербургская Маріинская женская гимназія пріобрѣсти хотя портретъ Николая Алексѣевича Вышнеградскаго? Есть ли хотя въ одной изъ открытыхъ имъ гимназій стипендія въ его память?

В. Стоюнинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ БѢШЕНСТВО [1].

Здѣсь человѣка берегутъ
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ.
Пушкинъ.

РАНЦУЗСКАЯ литература одновременно передала намъ въ русскихъ переводахъ два любопытныя произведенія, поражающія, между прочимъ, чрезвычайною сходственностію явленій, одновременно наблюдаемыхъ теперь у насъ и во Франціи. Мы разумѣемъ вопервыхъ, послѣднюю повѣсть Альфонса Додэ «Евангелистка» и вовторыхъ, критическій этюдъ Каро «Современная критика и причины ея упадка». Въ повѣсти представлены великосвѣтскія проповѣдницы, изъясняющія Евангеліе въ томъ духѣ, въ какомъ изъясняютъ его у насъ русскіе послѣдователи лорда Редстока; въ живомъ критическомъ этюдѣ Каро представлены ужасающія знаменія безпримѣрнаго упадка критики, причемъ указаны и осязательныя причины этого несчастнаго для литературы явленія. Французскія проповѣдницы, по наблюденіямъ Додэ, причиняютъ обществу тотъ вредъ, что съ одной стороны экзальтируютъ пылкія души и доводятъ ихъ до полнаго равнодушія къ семьѣ и ко всѣмъ житейскимъ обязанностямъ, внѣ которыхъ нѣтъ прямого и честнаго исполненія призванія человѣка, а съ другой—привѣчаютъ различныхъ плутовъ и лѣнтяевъ, которые прикидываются «увѣровавшими въ спасеніе Христомъ», ибо послѣ этого только для нихъ открывается возмож-

---

[1]) «Современная критика и причины ея упадка», этюдъ Е. Каро, члена французской академіи, переводъ И. Майнова. Москва, 1883 г.

ность жить на легкомъ хлѣбѣ, пансіонерами у проповѣдницъ. Дѣвушка, въ разсказѣ Додэ, бросаетъ мать, ни во что считаетъ заботу о ея старости и идетъ въ проповѣдницы, думая, что такимъ путемъ она лучше всего исполнитъ свой христіанскій долгъ и воздастъ самую совершенную жертву Творцу за всѣ предоставленныя ей способности. Этому Додэ противупоставляетъ простую, будничную церковность и находитъ, что даже и она, все-таки, лучше этой вѣры, ибо не вымогаетъ, по крайней мѣрѣ, такихъ нечеловѣческихъ жертвъ, какъ пренебреженіе семейными обязанностями. Рядомъ съ этимъ обрисованы мошенники, плуты и лѣнивцы, которые притворствуютъ и за то кормятся.

Совершенно тѣ же самые плоды даетъ великосвѣтское проповѣдничество и у насъ. Сходство до такой степени велико, что если бы перемѣнить имена и мѣсто дѣйствія, то повѣсть казалась бы списанной съ нашего общества великосвѣтскихъ проповѣдниковъ и проповѣдницъ, у которыхъ тоже есть и разлученныя дѣвушки и бездѣльничающіе лѣнтяи и даже ненаказанные преступники, защищаемые и покрываемые большими связями проповѣдницъ.—Такое же огромное сходство являетъ и этюдъ члена французской академіи Каро, представляющій ужасное положеніе литературы, пребывающей безъ критики, благодаря чему теперь ни одинъ писатель не можетъ быть поставленъ «на подобающемъ мѣстѣ».

Въ послѣднемъ случаѣ, сходство положеній еще сильнѣе: тутъ уже даже самыя слова скорби и желаній тожественны. Читая этюдъ Каро, мы припоминаемъ многимъ въ нашей литературѣ извѣстное событіе, какъ года три тому назадъ одинъ изъ нашихъ романистовъ былъ столь сильно озабоченъ отысканіемъ «своего мѣста», что даже готовъ былъ предпринять для этого на свой счетъ спеціальное критическое изданіе (дѣло не состоялось только за несогласіемъ А. П. М. быть редакторомъ). Вообще, и у французовъ, и у насъ, писатели жаждутъ не похвалъ, а просто указанія имъ «своего мѣста», но и у насъ, и у французовъ, такое желаніе оказывается, повидимому, совершенно невозможнымъ.

Почему же именно такъ?

Изслѣдованіе Каро даетъ на это очень мѣткіе отвѣты, которые поражаютъ своимъ сходствомъ съ тѣмъ, что должны бы признать у себя и мы.

Онъ говоритъ слѣдующее:

«Не особенно отдалено отъ насъ время, — лѣтъ двадцать тому назадъ, когда появленіе всякаго значительнаго произведенія было въ своемъ родѣ литературнымъ событіемъ; едва родившись на свѣтъ, оно становилось предметомъ внимательнаго и прилежнаго изученія; его судили обдуманно, порицали или хвалили, судя по достоинству. Въ каждой, сколько нибудь значительной газетѣ, лите-

ратурная критика имѣла такое же отведенное ей мѣсто, какое теперь дается критикѣ только театральной». Какъ будто театральное искусство важнѣе и нужнѣе литературы. «Критики того времени были оракулами здраваго смысла, разума и науки; они устанавливали общественное мнѣніе по отношенію къ новымъ произведеніямъ».

У насъ это, пожалуй, кончилось съ Бѣлинскимъ и потому, стало быть, наше оскудѣніе «здравымъ смысломъ» въ критикѣ началось ранѣе, чѣмъ во Франціи. Добролюбовъ и Писаревъ были очень читаемы, но «оракулами здраваго смысла и разума» они разумѣется не были.

Люди съ критическими дарованіями, по мнѣнію Каро, однако, не перевелись во Франціи,—они есть, но они «все болѣе и болѣе покидаютъ литературу и безпощадно тратятъ свой умъ на унизительную борьбу современной политики». Любовь къ чистой литературѣ не соединяетъ ихъ, какъ было прежде, а напротивъ, «политика создала между ними рознь». — Нынѣшняя критика—«это своего рода гражданская война между интеллигенціями и нѣтъ безпощаднѣе этой войны. Нѣтъ болѣе великодушія и деликатности былаго времени.—Политика со всѣми ея несправедливостями и предубѣжденіями всецѣло перенесена въ литературу, радушіе и благотворное значеніе которой она глубоко искажаетъ. Можно заранѣе сказать какая судьба ожидаетъ какую книгу сообразно съ окраской той или другой газеты». Каро называетъ это «стачками, выдающими всю наглость партій и безразсудство страстей». «Этому бѣшенству литературнаго отлученія соотвѣтствуетъ манія апоѳеозовъ. Каждая изъ политиканствующихъ сектъ, гдѣ царитъ анаѳема на таланты», чувствуя неловкость упражняться въ сплошныхъ ругательствахъ, приходитъ къ мысли завести себѣ своего литературнаго фаворита. Съ этою цѣлью отыскиваютъ какого нибудь одного писателя «для восхваленій, дутость которыхъ скоро дискредитируетъ ихъ цѣну». Конечно, это скоро себя дискредитируетъ, но для фаворита, — если онъ не брезгливъ, — все-таки кое-какое положеньишко устроено. «Не менѣе похвалъ» фавориту дискредитируетъ себя и «литературная брань талантовъ, незанесенныхъ въ списки газеты». Публика недоумѣваетъ: за что̀ поносятъ писателя, произведенія котораго дарятъ ей чистое удовольствіе. Бранчивыя статьи о такомъ человѣкѣ въ началѣ «вызываютъ въ слушателяхъ какое-то мучительное вниманіе, но потомъ утомляютъ ихъ и вскорѣ производятъ на нихъ впечатлѣніе непріятнаго крика, мѣшающаго думать и разговаривать»... Это еще добрый знакъ, и мы съ радостію можемъ сказать, что и наше общество наконецъ до этого чувства уже дожило: литературная брань, «производящая впечатлѣніе непріятнаго крика», огромному большинству уже несомнѣнно опосты-

дѣла, и держится только благодаря невниманію критиковъ къ тому, что выражается въ общественномъ вкусѣ и сознаніи. Но передъ этимъ прошелъ долгій періодъ, когда публику старались сбить съ толку какъ только возможно, и въ значительной мѣрѣ въ этомъ преуспѣвали. Исторія литературы не по забудетъ имена извѣстныхъ въ этомъ родѣ мастеровъ и заслуженно запишетъ ихъ имена на чорную доску. Они слишкомъ смѣло и нагло сдѣлали свое дѣло и пожнутъ плоды своихъ посѣвовъ въ то время, когда «здравый смыслъ и разумъ» получатъ бо̀льшее право.

Каро сообщаетъ тоже поражающія сходствомъ свѣдѣнія о личномъ составѣ газетныхъ редакцій.

«Нѣтъ болѣе ни стойкости въ званіи журналиста, ни одареннаго талантомъ и призваніемъ. Прежде газеты редактировались или талантливыми, или—чѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать,—достойными людьми. Теперь все перемѣнилось». — На этотъ счетъ, по справедливости говоря—у насъ дѣло кажется еще не такъ худо, но въ дальнѣйшемъ оно представляется совершенно такъ же, какъ рисуетъ Каро. Прежде, «чтобы быть принятымъ въ журнальную дружину, сотруднику надо было имѣть особенныя качества ума и извѣстную образовательную силу, которыя свидѣтельствовали бы о значеніи и пользѣ писателя. Каждый изъ редакторовъ въ своей мѣрѣ раздѣлялъ коллективный авторитетъ газеты. Статьи вырабатывались подъ однимъ импульсомъ. На писателяхъ лежала отвѣтственность за ихъ личный талантъ и за общій характеръ газеты. Присутствіе писателя,—его личность чувствовались въ газетѣ и свобода мнѣній сотрудника была солидарна—какъ это и должно быть для всякаго порядочнаго писателя. — Теперь не требуется ни одной изъ этихъ предосторожностей и только въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ газетахъ, сохранившихъ еще въ себѣ уваженіе, остался этотъ прежній строй дисциплины. Во всѣхъ другихъ газетахъ не существуетъ уже никакой спеціальности въ знаніи или въ проявленіи способностей,—никакихъ иныхъ достоинствъ, кромѣ успѣха передовой статьи или покровительства вліятельнаго капиталиста».

Въ этомъ случаѣ мы даже опередили или превзошли Францію, ибо у насъ, вмѣсто хорошо подготовленныхъ по спеціальностямъ писателей, появился и занялъ твердую позицію новый, ни въ одной еще литературѣ неизвѣстный, литературный типъ. У насъ теперь пользуются извѣстностію такъ называющіеся «прирожденные публицисты», главное достоинство которыхъ состоитъ въ неодолимой беззастѣнчивости писать безпрестанно и о чемъ ни попало.

Во Франціи Каро тоже знаетъ такихъ «съ болѣзненной потребностью безпрестанно писать», но тамъ—это юноши около восемнадцати лѣтъ. У насъ же есть таковые мужи лѣтъ зрѣлыхъ, уже

успѣвшіе наполнить газетную письменность плодами своей «прирожденной публицистики», при совершенномъ отсутствіи дарованій,—если нѐ считать за дарованіе безконечную говорливость.

Публицистами, по словамъ Каро, во Франціи теперь нерѣдко являются и «репортеры», и у насъ тоже самое,—только у насъ смѣшеніе гуще, такъ что даже и не различишь гдѣ кончается репортеръ, и гдѣ начинается публицистъ. Самъ же себя каждый репортеръ не только считаетъ, но и рекомендуетъ всегда «публицистомъ». Въ значительной долѣ случаевъ репортеръ и правъ.

Теперь о рецензентахъ.

Лучшая сдобь для рецензіи у французовъ полагается въ видѣ «скандальнаго анекдота объ авторѣ», но какъ не о всякомъ авторѣ есть скандальные анекдоты, то господа̀ рецензенты ихъ сочиняютъ и безъ всякой церемоніи лгутъ на писателей. Такихъ рецензентовъ Каро называетъ «импровизаторами прессы». Читать книгу этимъ господамъ недосужно, трудно, да и напрасно: газеты не помѣстятъ плодъ серьезнаго, усидчиваго труда. Это какъ двѣ капли воды тоже и у насъ.

Критики также не пренебрегаютъ репортерствомъ: они собираютъ сплетни объ авторахъ и въ этого рода трудахъ совсѣмъ «превращаются въ репортеровъ» Но когда дѣло доходитъ до кружковаго фаворита, тогда является другое: ими, такъ сказать, цацкаются, и носясь съ этими цацами критики «породили одну изъ новыхъ болѣзней нашего вѣка — фетишизмъ». Дѣлается это очень коротко намъ извѣстнымъ способомъ: критики избираютъ обыкновенно какого нибудь любимаго автора, по преимуществу изъ не ясно высказывающихся, и только имъ однимъ и восхищаются. Это происходитъ у нихъ отъ безпокойнаго сознанія, что надо же и имъ что̀ нибудь хвалить, и вотъ они думаютъ прослыть знатоками, превознося на каждомъ шагу своего фаворита, пока имъ не удастся выдать его за великаго писателя. «Его не критикуютъ, ему только кадятъ. Онъ выше всякихъ похвалъ. Онъ уже не человѣкъ, а богъ, и о немъ говорятъ съ легкимъ и покойнымъ выраженіемъ экстаза». Это идолопоклонничество портитъ окончательно критика, портитъ и писателя: «Онъ, какъ и подобаетъ богу, дѣлается нечувствителенъ ко всякой другой похвалѣ, кромѣ абсолютнаго поклоненія; всякая критика въ немъ уже возбуждаетъ презрѣніе. Изъ всѣхъ литературныхъ привычекъ это идолопоклонство—самая погубная и самая преступная».

Къ этому мы уже не можемъ сказать ничего: мы точно видимъ, точно слышимъ и чувствуемъ нѣчто свое, съ чего это какъ будто живымъ списано... Да, и у насъ усердно натворили себѣ въ волю и божковъ и великихъ учителей, и кадили имъ, и присѣдали и... не краснѣя до сихъ поръ вспоминаютъ объ ихъ легкихъ «экстазахъ», и втихомолку сами смѣются надъ юродствами, до которыхъ

ими были доведены люди дѣйствительно даровитые, но исковеркавшіеся въ «экстазахъ».

Всѣмъ этимъ гг. критики, по мнѣнію Каро, создали себѣ во Франціи «гигантское фіаско»; и ихъ по правдѣ сказать не жалко. Зло, которое они причинили или старались причинить «для здраваго смысла» слишкомъ тяжко, чтобы остаться безъ всякаго наказанія. «Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ собираетъ прахъ».

Но Каро не оправдываетъ и общество, которое, по его мнѣнію, тоже «въ значительной степени виновно въ этой перемѣнѣ литературныхъ нравовъ. Оно имѣетъ ту прессу, которой достойно». Партійная, недобросовѣстная, легкомысленная и легковѣсная критика, неспособная ничего выяснить и оцѣнить, «это (по мнѣнію члена французской академіи) есть достойная кара обществу, которое вызываетъ и терпитъ такую критику, и пятно той прессѣ, которая живетъ ею, покуда не умретъ». А смерть такой литературы члену французской академіи представляется неизбѣжною: эта литература умретъ «какъ умираютъ отъ неизбѣжнаго и медленнаго яда».

Къ обществу, по отношенію методы литературной критики, Каро примѣняетъ извѣстное изрѣченіе Монтескье о законахъ: «Чего стоитъ человѣкъ, того стоитъ и метода».

Но любопытны также еще нѣкоторые вопросы.

«Всегда ли тщательно старались сохранить литературное дарованіе во всей его чистотѣ и изяществѣ?» спрашиваетъ Каро. Для насъ этотъ вопросъ, конечно, даже странно было бы и предлагать. Ни о какомъ подобномъ стараніи «тщательно сохранять дарованія» у насъ не можетъ быть и рѣчи: беречь ихъ у насъ даже не въ обычаѣ. Ближе другой вопросъ: «гдѣ же пауза успокоенія» для истерзаннаго и замученнаго писателя, которому не дали ничего и даже не дали подобающаго ему мѣста»?... Гдѣ въ самомъ дѣлѣ эта пауза?

Каро знаетъ «въ своей націи» людей, которые могутъ еще «не обезкураживать талантливаго писателя», и онъ уговариваетъ «тружениковъ не бросать свои перья въ этомъ глубокомъ молчаніи современной критики, ибо ихъ слушаютъ, читаютъ и судятъ и, когда они того стоятъ, восхищаются ими». Пусть «печать въ горячкѣ и въ увлеченіи кумовствомъ лишена безпристрастія, справедливости и свободы», но все-таки талантливому писателю еще есть для кого трудиться, именно «для настоящей публики и истинныхъ судей». «Они еще существуютъ; ихъ даже гораздо болѣе, чѣмъ полагаютъ, и они встрѣчаются въ разныхъ кругахъ общества: они не пишутъ, но ихъ слушаютъ, и они достигаютъ того, что ставятъ каждую вещь на подобающее ей мѣсто. Они, не писавши статей, воздаютъ должное истиннымъ талантамъ и разрушаютъ дутыя репутаціи желающихъ торжествовать посредствомъ

хитрости и силы, почти всегда кончають торжествомъ надъ этими эфемерными побѣдами, которыя иначе заставили бы усумниться въ здравомъ смыслѣ націи». Это, по увѣреніямъ Каро, «одна изъ самыхъ симпатичныхъ прелестей литературной жизни, чувствовать вблизи себя, вдали, кругомъ, невидимую толпу неизвѣстныхъ друзей, вѣрныхъ вашему призванію».

Такъ это представляется во Франціи, но такъ ли оно у насъ? Есть ли на долю нашего «талантливаго писателя» хоть это поэтическое, невѣсомое утѣшеніе, способное поддержать и укрѣпить его на скорбномъ поприщѣ? О, да; мы думаемъ, что оно несомнѣнно есть, и если оно въ Россіи скуднѣе, то все-таки изнемогающій писатель нашъ можетъ и долженъ писать въ высказанномъ г. Каро убѣжденіи, что «время, при помощи разума, который никогда совершенно не упразднится, возстановляетъ на подобающемъ мѣстѣ каждое произведеніе и каждаго автора».

Тутъ разомъ имѣемъ и утѣшеніе, и отвѣтъ, для всѣхъ, кто до сихъ поръ тоскуетъ, что ему «не указано подобающее мѣсто». Оно будетъ указано современемъ, «послѣ паузы», которая для нашихъ даровитыхъ писателей теперешней поры минетъ конечно не прежде, чѣмъ минетъ для нихъ всякій личный интересъ въ этой жизни... Мѣсто каждому будетъ указано post mortem...

Это разсужденіе наводитъ мысли грустныя, но въ то же время и прекрасныя, мысли способныя еще вдохновлять усталыхъ и ободрять начинающихъ. Большинство русскихъ писателей работаютъ безъ всякой надежды на «паузу». Это самоотреченіе и самозабвеніе — утѣшительны. Въ семьѣ литературной живы, значитъ, еще святыя преданія, жива вдохновительная сила самоотреченія, ведущая избранниковъ тѣмъ тернистымъ путемъ, который умѣли благоразумно обойти даже разсчетливые репортеры и отважные «прирожденные публицисты». Чтобы выносить тяжкую роль, которую влачитъ писатель среди наглаго, жуирующаго и самомнящаго ничтожества газетной письменности, конечно надо имѣть душевное мужество и горячую любовь къ искусству, и общество должн радоваться, что оно еще имѣетъ такихъ людей.

Если же наши параллели между Россіей и Франціей надо дополнить тѣмъ, что у насъ писателю еще хуже, чѣмъ во Франціи, ибо нашъ писатель своей «паузы» даже еще и намѣтить не въ состояніи, то тѣмъ болѣе чести тѣмъ, чья ноша тяжеле и чья дорога идетъ круче въ гору.

Для благородной души въ этомъ есть несомнѣнное утѣшеніе,— все же остальное—надо уступить... «репортерамъ».

Н. Лѣсковъ.

ПОСЛѢДНІЙ ГОДЪ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ.

(По запискамъ Вьель-Кастеля.)

Вторая имперія и ея дѣятели.—Сочиненія объ этой эпохѣ.—Горасъ де Вьель-Кастель.—Искренность его бонапартизма.—Значеніе «Записокъ».—Печальное положеніе Франціи.—Причина составленія «Записокъ».—Безкорыстіе и самолюбіе автора.—Начало 1851 года.—Пререканія президента республики съ національнымъ собраніемъ.—Французскіе дипломаты.—Неудачныя назначенія чиновниковъ.—Префектъ де-Романъ.—Посланникъ Лавалетъ.—Журналистъ Веронъ.—Дамы этой эпохи.—Чернь, уважающая памятники.—Кюстинъ и Ламартинъ.—Генералы Перро и Куртажи.—Современные иконоборцы.—Триполійскій бей.—Страсть къ орденамъ.—Семейство Бонапарте.—Принцъ Канино.—Продажность журналистовъ.—Экспедиція въ Мидію.—Жюль-Жаненъ.—Ученые.—Лабордъ и Рошетъ.—Неизбѣжность государственнаго переворота.—Приготовленія къ нему.—Рѣшимость бонапартистовъ.—Буржуазія и военщина.—Свирѣпые приказы.—Подавленіе возстанія.—Франція тридцать лѣтъ тому назадъ и теперь.—Близокъ ли новый переворотъ?

Исторія второй имперіи извѣстна намъ почти со всѣми подробностями. Начиная съ минуты ея возникновенія изъ крови защитниковъ права и законности, 2-го декабря 1851 года, до 3-го сентября 1871 года, когда она погибла въ крови защитниковъ родины отъ иноземнаго вторженія. Почти всѣ фазисы этой траги-комедіи описаны уже со всѣми тайными причинами, содѣйствовавшими такому безпримѣрному униженію и паденію страны, какое еще никогда не выпадало ей на долю, въ теченіи вѣкового ея существованія. Горсть авантюристовъ, заговорщиковъ, проходимцевъ всякаго рода, владѣвшихъ Франціею въ теченіи девятнадцати лѣтъ, имѣла такое разстлѣвающее вліяніе на духъ и нравственность французовъ, что слѣды позорнаго имперіалистскаго режима отзываются и на современной республиканской Франціи. Еще съ первыхъ годовъ

существованія имперіи стали появляться сочиненія, описывавшія ея закулисную, скандальную сторону. Ихъ называли памфлетами, пасквилями, до тѣхъ поръ, пока самые строгіе историки не убѣдились, что дѣйствительные подвиги имперіалистовъ далеко превосходили цинизмомъ и распущенностью то, что̀ разсказывалось о герояхъ этихъ кровавыхъ и скандальныхъ хроникъ. Мы имѣли случай недавно ознакомиться съ непривлекательными картинами первыхъ годовъ имперіи въ запискахъ начальника полиціи Клода. Разсказы эти многимъ казались преувеличенными, неправдоподобными, несмотря на то, что они не сообщали ничего новаго, а только освѣщали нѣкоторыя стороны событій, подготовленныхъ заговорщикомъ 2-го декабря и его достойными сообщниками. Но на дняхъ явились записки, не только подтверждающія во всѣхъ подробностяхъ сцены заговора противъ республики, но и рисующія героевъ этого заговора еще въ болѣе отталкивающемъ видѣ. Любопытнѣе всего, что авторъ этихъ записокъ, не говоря уже о его ни кѣмъ незаподозрѣнной правдивости, самъ принадлежитъ къ числу жаркихъ приверженцевъ имперіи и императора. Но такова сила правды, что, не смотря на все пристрастіе къ учрежденіямъ и героямъ цезаризма, авторъ только-что вышедшихъ записокъ почти невольно обнаруживаетъ всю непривлекательную сторону этихъ героевъ. Графъ Горасъ де-Вьель-Кастель принадлежитъ къ старинной французской фамиліи. Младшій братъ его, баронъ Шарль Вьель-Кастель служилъ долго по дипломатической части, былъ секретаремъ посольства въ Испаніи и Австріи, но, при основаніи имперіи, не сочувствуя ей, вышелъ въ отставку. Онъ написалъ много историческихъ изслѣдованій и двадцать томовъ замѣчательной «Исторіи Реставраціи». Въ 1873 году онъ былъ выбранъ въ члены французской академіи. Старшій братъ его, родившійся въ 1797 году, въ противоположность своему брату, съ молодыхъ лѣтъ былъ жаркимъ бонапартистомъ. Поэтому, когда въ 1851 году возникла вторая имперія, онъ увидѣлъ въ этомъ волю провидѣнія, національный реваншъ и привязался къ Наполеону III совершенно искренно и безкорыстно. Ничего не прося для самого себя, онъ не искалъ никакихъ мѣстъ, хотя чувствовалъ, что онъ гораздо выше многихъ, стоящихъ во главѣ правленія. Но онъ не допускалъ, чтобы за искреннюю приверженность къ наполеонидамъ слѣдовало требовать награды. Его забывали, не заботились объ немъ, интриганты оттѣсняли его; онъ не выказывалъ неудовольствія, не хотѣлъ назойливостью или низкопоклонствомъ пробивать себѣ дорогу, гнушался ремесломъ придворнаго льстеца, не заботился даже о собственныхъ выгодахъ и приписывалъ это своей лѣнивой натурѣ. Занималъ онъ въ администраціи самое невидное мѣсто—секретаря въ луврскомъ музеѣ. Графъ Горасъ былъ ученымъ, литераторомъ и артистомъ. Въ молодые годы онъ писалъ звучные стихи, былъ

друженъ съ Альфредомъ Мюссе и поддерживалъ поэта въ самыя тяжелыя минуты его жизни. Потомъ онъ издалъ нѣсколько романовъ изъ жизни высшаго французскаго общества: «Сен-жерменское предмѣстье», «Провинціальное дворянство», «Сесилія де Варель», «Жераръ де Стольбергъ», «Предмѣстье Сент-Оноре» и др. Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій по Италіи, Греціи, Египту, онъ издалъ нѣсколько историческихъ этюдовъ, какъ «Марія Антуанета и французская революція» и др. Капитальное сочиненіе, стоившее ему семнадцати лѣтъ усидчиваго труда и ста тысячъ франковъ, потраченныхъ на изданіе—«Собраніе костюмовъ, оружія и мебели, какъ пособіе для французской исторіи». Наконецъ, онъ составилъ превосходный каталогъ луврскаго музея.

Его культъ Наполеона вскорѣ же столкнулся съ печальной и грязной дѣйствительностью. Графъ продолжалъ поклоняться своему идолу, но не могъ не видѣть, что пьедесталъ его загрязненъ и сильно колеблется въ основаніи. Во всѣхъ правительственныхъ мѣрахъ онъ видѣлъ разсчетъ мелкаго эгоизма, а не интересъ Франціи. Онъ понималъ, что власть, не заботящаяся о благѣ народа, готовитъ себѣ неизбѣжную гибель. Совѣты его принимались съ неудовольствіемъ и пренебреженіемъ. Интриганты, видя его превосходство и ненавидя графа за его честный и независимый образъ дѣйствій, старались повредить ему во мнѣніи императора. Чувствуя, что ему не подъ силу бороться съ проидохами, позорящими имперію, Горасъ Вьель-Кастель сдѣлался мизантропомъ и сталъ вести дневникъ печальнымъ событіямъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ, не желая въ нихъ быть дѣйствующимъ лицомъ; онъ хорошо зналъ всѣхъ приближенныхъ императора и характеризовалъ ихъ въ общихъ чертахъ и въ подробностяхъ. Портреты вышли схожи, но непривлекательны. Такимъ образомъ, составились «Записки», появляющіяся теперь въ печати. Онѣ слишкомъ рѣзки, но вездѣ правдивы. Онъ описываетъ только то, что̀ видѣлъ, повторяетъ то, что̀ слышалъ, безъ всякой задней мысли. Случается ему и ошибаться, но если онъ замѣтитъ это, то немедленно возстановляетъ истину. Не его вина, если ему приходится большею частью разсказывать анекдоты, рисовать часто скабрезныя сцены. Нерѣдко приходится ему, по поводу важныхъ правительственныхъ мѣръ, замѣчать, что онѣ ведутъ къ погибели имперіи и что его совѣты, при подобныхъ случаяхъ, оставляются безъ вниманія. Тогда онъ клеймитъ негодованіемъ и сарказмами эту безумную камарилью, этихъ высокопоставленныхъ сановниковъ, бездарныхъ или безчестныхъ, умѣющихъ только эксплуатировать, грабить, льстить и компрометировать. Печати зажали ротъ; администрація, идя путемъ мертвящей рутины, думаетъ, что она одна составляетъ всю страну, что вся Франція существуетъ только для чиновниковъ. Префекты разыгрываютъ роль безконтрольныхъ сатраповъ и управляютъ провинціей по своему произ-

волу; духъ наживы и спекуляціи преобладаетъ въ провинціи; министры скрываютъ отъ главы страны настоящее положеніе дѣлъ, желанія гражданъ; докладываютъ ему только о томъ, что̀ имъ выгодно, обманываютъ его самымъ пошлымъ образомъ, роютъ другъ другу подкопы, интригуютъ, агитируютъ, безцеремонно расхищаютъ казну. Всѣ думаютъ только о себѣ; никто не заботится о благѣ родины. Все это ясно представляютъ «Записки» Вьель-Кастеля, выгораживающія только самого Луи-Наполеона изъ этой стаи коршуновъ, рвущихъ на части достояніе страны. Графъ-бонапартистъ забываетъ въ этомъ случаѣ поговорку, принадлежащую его же націи: «tel maitre—tel valet».

Мы извлекаемъ изъ «Записокъ» Вьель-Кастеля все, что̀ ново или малоизвѣстно. При передачѣ сомнительныхъ фактовъ постараемся провѣрить ихъ свидѣтельствомъ другихъ лицъ, писавшихъ о той же эпохѣ. Во Франціи «Записки» встрѣчены были съ неудовольствіемъ публикою и журналистикою, такъ какъ онѣ сообщали объ извѣстныхъ дѣятеляхъ имперіи и республики много неблагопріятныхъ свѣдѣній. Отзывы парижскихъ газетъ объ этой книгѣ—очень сухи и сдержанны. Самое появленіе ея черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ смерти автора (Вьель-Кастель умеръ въ 1864 году) доказываетъ, что наслѣдники его не безъ причины медлили опубликованіемъ «Записокъ». Ждали, конечно, чтобы побольше дѣятелей того времени сошло съ политической сцены. До сихъ поръ только выпустили два тома и въ нихъ помѣщены только событія, относящіяся къ основанію имперіи и первому году ея существованія. Въ короткомъ предисловіи авторъ сознается, что его заставило писать—самолюбіе. «Когда меня не будетъ, говоритъ онъ, дѣти мои могутъ спросить: отчего нашъ отецъ занималъ только второстепенное мѣсто, въ то время, когда столько дураковъ блистали на первомъ планѣ? Былъ ли онъ глупѣе ихъ?.. Я хочу убѣдить ихъ въ противномъ». «Я никогда не находилъ, говоритъ онъ дальше, чтобы стоило труда сдѣлаться придворнымъ льстецомъ, для полученія орденовъ... Въ книгѣ моей я оцѣниваю по достоинству мнимыхъ великихъ людей и смѣюсь надъ ними, съ высоты собственнаго своего величія. Я не принадлежу, однако, къ непонятымъ людямъ и если ничего не имѣю, то потому, что лѣнился просить о чемъ нибудь для себя». И въ то время, когда онъ истратилъ столько лѣтъ и такую значительную сумму на изданіе «Собранія костюмовъ», онъ былъ только секретаремъ въ музеѣ, гдѣ вся обязанность его состояла въ записываніи преній, въ которыхъ онъ не участвовалъ. А между тѣмъ, Леонъ де Лабордъ, ничего не понимающій ни въ искусствѣ, ни въ исторіи, сдѣланъ былъ хранителемъ луврскихъ музеевъ эпохи среднихъ вѣковъ и возрожденія.

Способъ изложенія «Записокъ» отрывистый, лишенный всякой

систематичности, форма ихъ—обыкновенный дневникъ, гдѣ событія записываются иногда часъ за часомъ. Обо многихъ лицахъ авторъ говоритъ такъ, какъ будто всѣ знаютъ ихъ прошедшее и настоящее. Для русскихъ читателей въ такихъ случаяхъ придется пояснять многое изъ другихъ источниковъ, но само собою разумѣется, что мы приведемъ полную характеристику только выдающихся лицъ, дѣла которыхъ останутся достояніемъ исторіи. Тамъ, гдѣ авторъ говоритъ объ одномъ и томъ же лицѣ въ разныхъ главахъ «Записокъ», мы соединимъ въ одно цѣлое его замѣчанія.

Дневникъ начинается съ послѣднихъ чиселъ января 1851 года. Въ послѣдній день этого мѣсяца Вьель-Кастель записываетъ незначительный случай, доказывающій, однако, что раздраженіе противъ президента республики, Луи-Наполеона, было сильное въ національномъ собраніи и должно было неминуемо привести къ разрыву между властью законодательною и исполнительною. Собраніе назначило комисію для обревизованія конскаго завода въ Сен-Клу. Ближайшая дорога къ заводу шла черезъ паркъ дворца, отведеннаго для президента. Сторожъ не пропустилъ комисію черезъ паркъ.—Но мы представители народа! замѣтили ему.—Тѣмъ болѣе не пропущу! отвѣчалъ сторожъ. «Незнаю, чѣмъ кончится это дѣло, прибавляетъ авторъ, но мы живемъ въ эпоху, когда маленькія причины производятъ большія послѣдствія. Бѣдная страна!» О французскихъ дипломатахъ той эпохи авторъ говоритъ: «одна треть изъ нихъ—фаты, другая—глупцы, третья—малоспособные и продажные люди». Въ Неаполѣ былъ посланникомъ скрипачъ, въ Лиссабонѣ—писатель мелодрамъ, во Франкфуртѣ—учитель, въ Берлинѣ—плохой адвокатъ, гуляка, умѣвшій только отлично играть въ домино. Въ Италіи посланникъ баронъ Бургоэнъ вздумалъ, для скрѣпленія узъ двухъ націй романской расы, обратиться къ директору испанскаго музея съ просьбою—снять слѣпокъ съ скелета мастодонта, хранящагося въ музеѣ, для помѣщенія его въ Луврѣ. Но директоръ отвѣчалъ, что въ музеѣ не мастодонтъ, а анаплотерій, и что съ его скелета нельзя сдѣлать слѣпка. Всего комичнѣе портретъ посланника въ Китаѣ—Торшона де Лагрене. Въ 1830 году этотъ воспитанникъ іезуитовъ носилъ четки и ладонки съ мощами, читалъ священныя книги и былъ секретаремъ посольства въ Россіи, гдѣ женился на придворной дамѣ. Въ Китай онъ былъ отправленъ для заключенія комерческаго трактата, и когда трактатъ былъ подписанъ, онъ потребовалъ передъ отъѣздомъ, чтобы ему дали въ награду—хрустальную пуговицу, высшій орденъ китайцевъ. Комисаръ богдыхана Линъ увѣрялъ его, что этотъ знакъ отличія дается только мандаринамъ за службу родинѣ и что для пріобрѣтенія его нужно выдержать экзаменъ; Лагрене отвѣчалъ, что онъ не уѣдетъ безъ ордена и дѣйствительно остался еще полгода въ Китаѣ, что̀ стоило французскому правительству лишнихъ 1.500.000 франковъ. Наконецъ,

Линъ вздумалъ послать ему — стеклянное ожерелье, какое носятъ мировые судьи въ Китаѣ и посланникъ удовольствовался этой балаболкой, стоившей, однако, Франціи полтора милліона.

3-го февраля, въ Національное собраніе было внесено предложеніе—увеличить содержаніе президента республики. Большинствомъ ста голосовъ слишкомъ, предложеніе было отвергнуто. Отдѣльные города, какъ Ліонъ, Лиможъ, и торговыя учрежденія предложили собрать по подпискѣ сумму, въ которой отказало собраніе. Президентъ напечаталъ замѣтку въ «Монитерѣ», что онъ благодаритъ подписавшихся, но не принимаетъ ихъ приношенія. Авторъ возстаетъ въ особенности противъ назначенія Луи-Наполеономъ новыхъ префектовъ и другихъ должностныхъ лицъ. Всѣ эти назначенія болѣе или менѣе неудачны. Въ то время, когда въ Національномъ собраніи составлялся заговоръ для учрежденія новой директоріи изъ Кавеньяка, Ламорисьера, Шангарнье, Тьера и Берье, президентъ выбиралъ на значительныя должности самыхъ ничтожныхъ лицъ. Своимъ возвышеніемъ они обязаны были интригамъ и женщинамъ. Такъ, префектъ Густавъ-де-Романъ, человѣкъ безъ убѣжденій, хотя и писалъ въ журналахъ, получилъ мѣсто не черезъ свою жену—племянницу князя Элима Мещерскаго, которую онъ похитилъ, а черезъ покровительство г-жи Данремонъ, сентиментальной блондинки, вдовы генерала, убитаго подъ Константиною. Она вышла во второй разъ за Вига, министра внутреннихъ дѣлъ, но бракъ этотъ сохранялся въ тайнѣ, потому что, еслибъ онъ былъ объявленъ, она лишилась бы пенсіи, полученной ею за геройскую смерть ея мужа. И такое вліятельное лицо, какъ министръ, не хотѣлъ сдѣлать бракъ свой гласнымъ для того, чтобы жена его не потеряла 6.000 франковъ пенсіи! Віель-Кастель находилъ, что этотъ поступокъ погубитъ имперію, которая готовилась возродиться. Онъ не предвидѣлъ, что вся имперія будетъ состоять изъ подобныхъ лицъ и подобныхъ поступковъ. Еще скандальезнѣе было назначеніе посланникомъ въ Константинополь Лавалета. Въ 1830 году, у этого человѣка не было ни гроша, но онъ женился на вдовѣ американскаго банкира, любовницѣ министра финансовъ, пріобрѣлъ этою женитьбою и картежною игрою до двухсотъ тысячъ франковъ, получилъ мѣсто генеральнаго консула въ Александріи, потомъ былъ выбранъ депутатомъ, купилъ акціи «Journal des Débats», сдѣлался приверженцемъ Луи-Наполеона и выпросилъ себѣ мѣсто посланника въ Турцію. Назначенію этому много содѣйствовалъ Веронъ, пользовавшійся расположеніемъ Луи-Наполеона. Этотъ мѣщанинъ-дворянинъ девятнадцатаго вѣка, бывшій лекарь, директоръ оперы, журналистъ, представляетъ одинъ изъ любопытныхъ типовъ того времени. Толстый, съ огромной головой на короткой шеѣ, курносый, съ отвислыми щеками, круглымъ животомъ, онъ выучился на сценѣ разыгрывать въ жизни

роль гуляки эпохи регентства. Острякъ дурного тона, циникъ, дерзкій на словахъ, хвастливый и честолюбивый, увѣшенный разными орденами, онъ пользовался благосклонностью знаменитой Рашели, которая однако не дешево ему стоила. И этого человѣка боялись министры. Однажды онъ явился къ Леону Фоше и сказалъ, что Рашель не можетъ исполнять условій, заключенныхъ ею съ французскимъ театромъ—она утомляется, играя три раза въ недѣлю, и «я пришелъ сказать вамъ, прибавилъ Веронъ: надо, чтобы она играла не больше двухъ разъ». Министра взбѣсило такое нецеремонное требованіе и онъ отвѣчалъ: «Я не нуждаюсь въ указаніяхъ и буду отстаивать права театра». «Тогда вы услышите обо мнѣ», сказалъ Веронъ, уходя—и на другой же день, въ своей газетѣ «Le Constitutionnel», началъ отдѣлывать министра. Всѣ министры часто обѣдали у этого циника, и онъ не стѣсняясь объявлялъ, что это ему очень надоѣдаетъ. Онъ давалъ роскошные пиры въ своемъ замкѣ въ Отейлѣ, гдѣ принималъ гостей со своими четырьмя прихлебателями: бывшимъ префектомъ Ромье, журналистомъ Малитурномъ, мужемъ Тальони—Вуазеномъ и финансистомъ Мильо. Послѣ обѣда Веронъ игралъ въ кребсъ съ избранными гостями. У него были льстецы и поклонники, которымъ онъ доставлялъ выгодныя мѣста. Въ «Шаривари» рисовали на него карикатуры. Это ему не нравилось; онъ доставилъ редактору хорошее мѣсто, и журналъ перестаалъ его преслѣдовать въ то время, когда осыпалъ насмѣшками президента Національнаго собранія, министровъ и духовенство. У него часто играли въ азартную игру trente et quarante и въ игрѣ участвовалъ префектъ полиціи Карлье, который запрещалъ эту игру въ Парижѣ, а игравшихъ въ нее громили въ газетахъ и преслѣдовали судомъ. У Мольера была служанка Лафоре, перешедшая въ потомство; у Верона его служанка Софія играла важную роль въ его салонѣ, бесѣдовала съ гостями, громко заявляла: «мы недовольны правительствомъ и докажемъ это въ хорошей статьѣ». Веронъ презиралъ людей и говорилъ, что лучше готовъ имѣть дѣло съ мошенникомъ, который на все пригоденъ, чѣмъ съ честнымъ человѣкомъ, который совѣтуется со своей совѣстью. Но Веронъ все-таки умный человѣкъ, несмотря на всѣ его недостатки. И за нимъ ухаживалъ не только Луи-Наполеонъ но и графъ Шамборъ, видѣвшійся съ Верономъ въ 1849 году и увѣрявшій, что появленіе его на тронѣ Франціи возстановитъ миръ и добрыя отношенія къ иностраннымъ государствамъ, на что Веронъ отвѣчалъ ему «помѣстите въ вашей программѣ дешевое управленіе, уменьшеніе косвенныхъ налоговъ, если не совершенное уничтоженіе ихъ, сокращеніе чиновниковъ — и всѣ будутъ хвалить васъ». По возвращеніи изъ этого путешествія, Веронъ явился къ президенту республики и тотъ сдѣлалъ ему легкій упрекъ за визитъ къ графу Шамбору. Веронъ сослался на свои услуги, оказанныя Луи-На-

полеону и доказывалъ, что имѣетъ право на его благодарность. Тотъ согласился съ этимъ, и Веронъ въ доказательство потребовалъ мѣсто префекта въ Алжирѣ для своего приближеннаго Латура-де-Мезере, только-что осыпавшаго графа Шамбора увѣреніями въ преданности, во время путешествія со своимъ патрономъ. Правда, этотъ плохой журналистъ былъ уже однажды подпрефектомъ въ Лимузинѣ, но долженъ былъ уѣхать оттуда, такъ какъ тамъ одинъ гражданинъ хотѣлъ убить его за оскорбленіе дочери. Мезере продолжалъ и въ Алжирѣ вести безпутную жизнь. Веронъ былъ всю жизнь окруженъ подобными личностями сомнительной нравственности. Такъ, изъ его постоянныхъ собесѣдниковъ Жильберъ-де-Вуазенъ жилъ постоянно на счетъ женщинъ. Танцовщица Марія Тальони, вышедшая за него замужъ, скоро разошлась съ нимъ. Ему дали мѣсто правительственнаго комисара при итальянскомъ театрѣ. «Добродѣтель на этомъ свѣтѣ всегда получаетъ свою награду»! прибавляетъ Вьель-Кастель. Изъ друзей Верона, Сент-Анжъ былъ шулеръ и ходили слухи, что онъ ускорилъ смерть своей матери, торопясь получить ея наслѣдство. Но Веронъ горячо отстаивалъ своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ Дидье, подпрефектъ въ Сен-Дени, былъ перемѣщенъ префектомъ въ Оранъ. Но онъ не хотѣлъ уѣхать изъ Франціи, и въ газетѣ «Constitutionnel» начались нападки на Персиньи, знаменитаго автора «предостереженій», переживших только въ одной странѣ изобрѣтеніе этой удобной системы. Веронъ воспользовался положеніемъ своей офиціозной газеты и началъ распространять въ ней тревожные слухи о намѣреніяхъ президента республики, приводилъ даже текстъ готовящихся прокламацій. Къ нему отправили для переговоровъ секретаря президента Мокара, Веронъ не принялъ его, и, чтобы умилостивить расходившагося журналиста, Дидье оставили во Франціи.

Дамы этого страннаго общества, изображенныя Вьель-Кастелемъ, ничуть не лучше мущинъ. Вотъ, виконтеса Сен-Марсъ, извѣстная въ литературѣ подъ именемъ графини Дашъ. Она начала свое поприще съ романовъ и фельетоновъ, потомъ начала вести собственный романъ съ Роже де Бовуаромъ, княземъ Элимомъ Мещерскимъ, Александромъ Дюма и пр. и пр. Оставивъ Францію, она вышла за сына господаря Валахіи, но скоро разошлась съ нимъ и, вернувшись въ Парижъ, должна была, для добыванія средствъ къ существованію, приняться опять за романы и фельетоны. Выйдя замужъ за полковника Сен-Марса, она сдѣлалась бонапартисткою, хотя полковникъ служилъ у Шангарнье. Но когда этотъ генералъ отдалъ приказъ по войскамъ стрѣлять въ Луи-Наполеона, если онъ изъ Елисейскаго дворца отправится въ Тюльери, Сен-Марсъ сообщилъ объ этомъ приказѣ президенту и перешелъ на его сторону. Маркиза Гуадальказаръ, рожденная д'Антрегъ, испанская грандеса перваго класса, была любовница Фердинанда VII, рус-

скаго посланника въ Мадридѣ, де-Лагарда, французскаго посланника въ Испанiи Лагранжа, секретаря при посольствѣ и другихъ. Эта женщина, несмотря на то, что ей было далеко за пятьдесятъ, танцовала качучу и болеро и воображала, что еще плѣняются ея устарѣлыми прелестями. Она играла въ свое время и политическую роль, такъ какъ Фердинандъ VII посылалъ ее въ 1823 году къ Людовику XVIII просить объ отправленiи въ Испанiю французской армiи.—Вьель-Кастель видитъ большое сходство своей эпохи съ византiйскою имперiей. Онъ говоритъ, что во Францiи его времени процвѣтаютъ всѣ пороки восточной и западной римской имперiи и что паденiе Рима не научило ничему современныхъ французовъ. Честолюбцы стараются захватить власть, а варвары поднимаются не на границахъ страны, а внутри ея. Онъ убѣжденъ, что всѣ послѣднiя революцiи происходили только отъ неудовлетвореннаго самолюбiя интригантовъ, не имѣющихъ твердыхъ убѣжденiй и вѣрящихъ только въ самихъ себя. Революцiю 1830 года произвели Шатобрiанъ и роялисты, 1848—Тьеръ и орлеанистская буржуазiя. Въ обѣ эти революцiи варвары производили такiя же опустошенiя, какъ гунны и вандалы. Ламартинъ сказалъ, что французская чернь замѣчательна своимъ уваженiемъ къ памятникамъ искусства. Между тѣмъ она уничтожила картинныя галереи Нёльи и Палерояля, отбивала носы и руки у статуй, выкалывала глаза портретамъ, разбивала дорогiя вазы изъ оникса и горнаго хрусталя, рвала въ клочки драгоцѣнныя книги, рисунки и рукописи. Въ 1830 году изъ галереи Лувра было украдено на полтора милiона драгоцѣнныхъ камней и украшенiй; въ 1848 году ограбили Тюльери, Палерояль, Нёльи, домъ Ротшильда и частныя зданiя; у лорда Сеймура украли серебро и рѣдкое оружiе. Вьель-Кастель не былъ свидѣтелемъ комуны, что̀ бы сказалъ онъ объ ея подвигахъ!

Странную исторiю разсказываетъ онъ, между прочимъ, о маркизѣ Кюстинѣ, написавшемъ книгу о Россiи въ 1839 году. Послѣ смерти своей первой жены, онъ ухаживалъ за дѣвицею Дюрасъ и та была не прочь выйти за него. Однажды ея мать давала вечеръ, на который былъ приглашенъ и знаменитый Гумбольдтъ. Въ салонной бесѣдѣ баронъ упомянулъ о томъ, что онъ можетъ узнать характеръ человѣка по его почерку. У госпожи Дюрасъ было въ карманѣ письмо Кюстина и она подала его Гумбольдту, прося сказать свое мнѣнiе. Тотъ углубился въ созерцанiе почерка и, основываясь на формѣ и очертанiи буквъ, сталъ утверждать, что письмо это принадлежитъ человѣку въ высшей степени безнравственному и лживому. Дюрасъ не вышла за Кюстина, и Гумбольдтъ оказался правъ, такъ какъ вскорѣ весь большой свѣтъ убѣдился въ грязныхъ наклонностяхъ распутнаго маркиза и продолжалъ принимать его только потому, что онъ былъ аристократъ

и получалъ полтораста тысячъ годового дохода. Авторъ особенно не благоволитъ къ Ламартину и возмущается тѣмъ, что въ это время издатели его сочиненій давали ему большой обѣдъ, а поэтъ на этомъ обѣдѣ сказалъ рѣчь, въ которой старался доказать, что въ наше время писатели гораздо выше, благороднѣе своихъ предшественниковъ. Прежде Корнели, Расины и Буало были льстецами королей и вельможъ для того, чтобы заслужить извѣстность. Нравственное достоинство человѣка и писателя страдало отъ этого. Теперь писатель свободенъ; ему нѣтъ надобности льстить ни царямъ, ни вельможамъ. «Расинъ преклонялся передъ Людовикомъ XIV, говоритъ Віель-Кастель; онъ не болѣе, какъ жалкій льстецъ. Ламартинъ восхваляетъ издателей Гослена и Дидо — онъ великій человѣкъ!» И этотъ великій человѣкъ за деньги продалъ воспоминанія своей молодости и первой любви. Чтобы покрыть долги, произведенные его расточительностью, онъ началъ наскоро составлять пустыя книги, исторіи, путешествія и проч. Немногимъ лучше авторъ отзывается и о Викторѣ Гюго, причисляетъ его къ старымъ якобинцамъ, надѣвавшимъ на себя маску крайнихъ революціонеровъ, чтобы ихъ не заподозрили красные.

Очень часто у автора проскакиваетъ убѣжденіе, встрѣчающееся у всѣхъ революціонеровъ, что революціи происходятъ отъ слабости правительства. Генералъ Перро увѣрялъ его, что въ революцію 1848 года на барикадѣ улицы Сент-Онере было чрезвычайно мало инсургентовъ, съ которыми правительство могло бы легко справиться, если бы не потеряло головы,—какъ будто одна только эта барикада была причиною возстанія. Перро командовалъ въ это время Венсенскою крѣпостью. Инсургенты задумали захватить хранившіеся въ ней въ большомъ количествѣ военные снаряды. Съ этой цѣлью толпа инсургентовъ направилась къ крѣпости, выставивъ впередъ женщинъ и дѣтей. Подъ прикрытіемъ этихъ беззоружныхъ и слабыхъ существъ, они надѣялись пробраться въ цитадель и захватить арсеналъ. Но Перро направилъ заряженныя пушки на толпу и оставивъ ворота отпертыми, объявилъ, что, какъ скоро чернь покажется у воротъ, онъ откроетъ огонь. Въ 1850 году генералъ Куртижи командовалъ въ Венсенѣ и получилъ приказаніе, если поднимется предмѣстье св. Антонія, немедленно направить на него огонь артиллеріи, а если инсургенты двинутся къ цитадели, выслать противъ нихъ кавалерію, которая вогнала бы ихъ въ предмѣстье. «Дай Богъ, прибавляетъ авторъ, чтобы междоусобная война не вспыхнула въ нашъ печальный вѣкъ. Она будетъ ужасна, она не пощадитъ нашихъ монументовъ; наши библіотеки и музеи будутъ преданы грабежу и огню. Уваженіе къ памятникамъ чуждо современному поколѣнію. Мы живемъ въ эпоху новыхъ иконоборцевъ, разрушающихъ, какъ въ Византійской имперіи, статуи, церкви и монументы! У черни нѣтъ никакой рели-

гіи прошедшаго. Во Франціи тридцать пять милліоновъ жителей и нѣтъ общества!»

По поводу жалкаго положенія внѣшней политики въ ту эпоху и непомѣрной уступчивости передъ притязаніями Англіи, Вьель-Кастель замѣчаетъ, что эта уступчивость существовала и во времена монархіи. Такъ, еще въ началѣ 1848 года, одинъ французскій путешественникъ, долгое время жившій въ Африкѣ, въ Триполійскомъ регентствѣ, вошелъ въ близкія сношенія со степными кочевниками, которые обѣщали ему за незначительное вознагражденіе охранять караваны, отправлявшіеся изъ Константины въ Тимбукту. Такимъ образомъ Франція, обезпечивъ свои пути сообщенія, могла бы безопасно проникнуть въ центръ Африки. Но Гизо не согласился послать незначительные подарки предводителямъ кочевниковъ и триполискому бею, потому что сношенія съ ними не понравятся Англіи. Англійское министерство, видя, однако, расположеніе триполискаго бея къ Франціи, задумало смѣнить его и выхлопотало у Порты назначеніе на мѣсто бея другого лица, которое, вооружившись фирманомъ султана и англійскими субсидіями, начало войну противъ бея. Но тотъ защищался съ такою энергіею, что, не надѣясь побѣдить, его пригласили на свиданіе для переговоровъ и, во время ихъ, преспокойно зарѣзали бея, конечно, съ согласія Англіи. Авторъ смѣется также надъ страстью французовъ къ орденамъ. Такъ, родственникъ Луи-Наполеона, Бачіоки, носилъ четырнадцать разныхъ иностранныхъ крестовъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ всѣ чиновники непремѣнно были кавалерами какого-нибудь ордена, въ крайнемъ случаѣ, навѣшивали себѣ на шею тунисскіе нишамы. У Верона были ордена Изабеллы Католической и Карла III. Звѣзда послѣдняго ордена такъ велика, что водевилистъ Сен-Жоржъ, также получившій ее, совѣстился носить звѣзду на фракѣ и повѣсилъ ее у себя надъ каминомъ, какъ комнатное украшеніе. Греческій орденъ Христа Спасителя былъ даже у еврея Ротшильда. Орденами былъ увѣшанъ и одинъ изъ русскихъ богачей, женатый на родственницѣ Луи Наполеона. Вьель-Кастель отзывается объ немъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Наглый со своими льстецами и паразитами, этотъ скиѳъ былъ низокъ въ сношеніяхъ со всѣми, кто выше его; съ женою своею онъ обращался отвратительно: во Флоренціи на ея глазахъ велъ интригу съ герцогинею Дино; а когда узналъ, что жена его хотѣла все разсказать государю, чтобы избавиться отъ негодяя мужа, онъ валялся у нее въ ногахъ, чтобы только она молчала и простила ему. Хорошъ былъ также генеральный консулъ Новой Гренады, также увѣшанный орденами и пойманный въ мошенничествѣ, во время игры въ ландскнехтъ. Этотъ представитель американской республики долженъ былъ возвратить свой выигрышъ и оставить Парижъ.

Не смотря на то, что проекты бонапартистовъ сохранялись

втайнѣ, въ одномъ изъ клубовъ Сент-Антуанскаго предмѣстья, каждый вечеръ одинъ изъ республиканскихъ ораторовъ передавалъ своимъ единомышленникамъ планы и замыслы партіи Луи-Наполеона. Это былъ простой прикащикъ моднаго магазина и, въ то же время, счастливый обожатель г-жи Калерджи, фаворитки принца Жерома Бонапарте. Принцъ, во время интимныхъ бесѣдъ съ г-жею Калерджи, не считалъ нужнымъ скрывать отъ нея проектовъ своей партіи, а она, въ свою очередь, передавала ихъ прикащику-республиканцу. Любопытны отзывы автора о семействѣ Бонапарте. Онъ говоритъ прямо, что вся родня президента, за весьма малыми исключеніями, очень неблаговидна (ignoble) и очень много вредитъ ему. Маршалъ Жеромъ, гуляка (polisson) во время имперіи, теперь старый негодяй, тотчасъ послѣ декабрьскаго переворота, недовольный тѣмъ, что его не выбрали президентомъ въ кабинетѣ, выразилъ свое недовольство въ грубыхъ и неприличныхъ терминахъ и напечаталъ эти фразы въ итальянскихъ газетахъ. Президентъ выслалъ его изъ Парижа, а сына его отправилъ въ Лондонъ и приказалъ имъ полгода не возвращаться въ Парижъ. Сыновья Луціана, по словамъ автора, настоящіе разбойники, отъ которыхъ всего можно ожидать. Петръ и Антоній должны были бѣжать изъ Италіи, потому что убили сторожа, поймавшаго ихъ въ браконьерствѣ. Принца Канино Бонапарте, бывшаго президента римской республики, подозрѣвали въ убійствѣ министра Росси. По его приказанію открыли огонь противъ дворца, гдѣ скрывался папа. 7-го іюня онъ обѣдалъ съ вице-президентомъ республики въ кафе д'Орсе; ему сказали, что какой-то молодой человѣкъ желаетъ съ нимъ переговорить. Принцъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ нужнымъ безпокоить себя для людей, которыхъ не знаетъ. Когда они, кончивъ обѣдать, вышли съ Буле-де-ла-Мертомъ изъ кофейной, къ нимъ подошелъ молодой человѣкъ и спросилъ, кто изъ нихъ принцъ Канино? Тотъ отвѣчалъ. Тогда молодой человѣкъ сказалъ: «Вы — убійца и мерзавецъ, а я сынъ графа Росси», и плюнулъ ему въ лицо. Они дрались на дуэли, ничѣмъ, однако, не кончившейся. Принцъ Канино продолжалъ посѣщать Луи-Наполеона, и въ то же время подкапывался подъ него и даже вступилъ явно въ заговоръ противъ президента. Генералъ Бараге д'Ильеръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ ему: «Жаль, что мы не встрѣтились съ вами въ Римѣ, принцъ, когда я командовалъ войсками, осаждавшими городъ. Я бы васъ велѣлъ разстрѣлять, какъ собаку!»

Нынѣшній глава и представитель наполеонидовъ, принцъ Наполеонъ, сынъ Жерома, по словамъ Вьель-Кастеля, «величайшій негодяй» и разыгрываетъ въ отношеніи къ Луи-Наполеону роль Филиппа Орлеанскаго передъ Людовикомъ XVI. Онъ имѣлъ помѣщенія въ отелѣ Инвалидовъ, но былъ выгнанъ оттуда за то, что

принималъ въ своей квартирѣ всѣхъ проститутокъ Парижа и республиканскихъ клубистовъ.

Сильно возстаетъ Вьель-Кастель и противъ Виктора Гюго, называя его трусомъ, говоря, что въ немъ соединяется гордость сатаны и сердце тряпичника и утверждая, что онъ вымолилъ у герцогини орлеанской, чтобы его сдѣлали пѣромъ Франціи. Авторъ разсказываетъ также скандалезную исторію связи поэта съ женою живописца Біара, которая приговорена была къ годичному заключенію въ тюрьмѣ.

Онъ рисуетъ также непривлекательныя характеристики журналистовъ Вильмесана, Фіорентино и Мориса — этихъ пасквилянтовъ, спекулировавшихъ скандаломъ и до того загрязнившихъ свою репутацію, что Рокепланъ, директоръ оперы, давая взятку Морису за то, чтобы тотъ не осыпалъ въ печати ругательствами управленія оперою, подалъ ему билетъ въ тысячу франковъ не руками, а каминными щипцами! Знаменитый пѣвецъ Дюпре за то, что прислалъ Морису пятьсотъ франковъ, а не тысячу, какъ тотъ просилъ, былъ обруганъ въ «Театральномъ Курьерѣ» самымъ площаднымъ образомъ. Впрочемъ, хорошъ былъ и самъ Рокепланъ, заставлявшій ангажированныхъ имъ актрисъ расписываться въ полученіи жалованья и не выдававшій имъ первый годъ ни копѣйки, по принятому обычаю. Взятки процвѣтали, впрочемъ, не въ одномъ театрѣ. Леонъ Фоше испросилъ у національнаго собранія значительную сумму на археологическое и научное изслѣдованіе древней Мидіи, куда долженъ былъ отправиться какой-то невѣдомый міру ученый Мольтъ. Къ нему министръ вздумалъ назначить помощникомъ дѣйствительно ученаго Сольси, но тотъ отказался на отрѣзъ отъ этого порученія, напомнивъ министру, что Мидія (древнее названіе нынѣшняго Туркестана), наполнена разбойничьими племенами, между которыми не смѣютъ показываться даже ихъ единовѣрцы—турки.

Бралъ взятки и знаменитый Жюль Жаненъ, если не деньгами, то натурою съ артистовъ и драматурговъ. Когда Дюпати выбрали членомъ академіи, Жаненъ написалъ противъ него рѣзкую статью, наполненную личными и неприличными выходками. Академикъ явился на другой день лично къ журналисту. «Господинъ Жаненъ! сказалъ онъ ему:—вы злоупотребили вашимъ правомъ критика и сдѣлали это не только безъ снисхожденія, но и безъ всякой справедливости. Вы осмѣиваете то, чего я никогда не говорилъ и приписываете мнѣ нелѣпости, которыхъ вовсе нѣтъ въ моихъ сочиненіяхъ. Еслибы дѣло касалось только одного меня, я никогда не сталъ бы возражать на выдумки вашего остроумія, но у меня есть сынъ, кирасирскій капитанъ, очень добрый, но и очень горячій молодой человѣкъ, особенно щекотливый въ вопросахъ, касающихся его отца, котораго онъ очень любитъ. Мой капитанъ теперь въ Шартрѣ; онъ

прочтетъ вашу статью и пріѣдетъ въ Парижъ требовать за нее удовлетворенія. Увѣряю васъ, что я не желалъ бы этого и, сообщая вамъ объ этомъ, думаю оказать вамъ услугу. Предупреждаю, чтобы вы остерегались этого визита». Рѣчь эта критику, конечно, пришлась не по сердцу; онъ сталъ извиняться, оправдываться и кончилъ страннымъ признаніемъ: «Но вѣдь эта статья не моя, хоть и подписана мною». «И все-таки мой капитанъ обратится къ тому, кто подписалъ статью», отвѣчалъ Дюпати. На другой же день, въ «Journal des Débats» явилась статья, въ которой Жюль Жаненъ опровергалъ самого себя, говоря, что былъ обманутъ ложными указаніями на сочиненія новаго академика, которому, ближе ознакомясь съ нимъ, онъ отдавалъ полную справедливость за его прекрасное произведеніе. Капитанъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Парижъ съ намѣреніемъ обрубить уши фельетонисту, но, прочтя его вторую статью, съ такимъ лестнымъ отзывомъ объ академикѣ, явился съ признательностью къ Жанену и благодарилъ его за справедливость. Вьель-Кастель увѣряетъ, что фельетонистъ бралъ взятки и съ авторовъ, и съ актеровъ. За благосклонные отзывы о первомъ представленіи большихъ пьесъ ему платили авторы отъ шести до восьми тысячъ франковъ, а молодыя и хорошенькія актрисы, для того, чтобы избѣжать слишкомъ рѣзкихъ отзывовъ объ нихъ, должны были ухаживать за этимъ обрюзглымъ сатиромъ и льстить ему. Немногимъ лучше были и ученые писатели. Леонъ де-Лабордъ былъ сдѣланъ членомъ института за то только, что составлялъ каталоги, а такъ какъ онъ былъ совершенный невѣжа въ исторіи искусства, его сдѣлали хранителемъ луврскаго музея, вѣроятно, въ надеждѣ, что онъ тамъ чему нибудь научится. У него было также множество иностранныхъ орденовъ, до которыхъ французы большіе охотники, хотя не каждому удается получить ихъ. Такъ, Рауль Рошетъ, написавъ сочиненіе о расписныхъ греческихъ вазахъ, представилъ его прусскому королю, принявшему холодно академика, но благосклонно его произведеніе. Рауль Рошетъ ждалъ довольно долго присылки какого нибудь ордена или табатерки съ брильянтами и, наконецъ, отправился къ Гумбольдту просить его ходатайства по этому дѣлу. Король однако, несмотря на докладъ Гумбольдта, велѣлъ пріобрѣсти четыре экземпляра книги Рошета и далъ ему за нихъ деньги, но не орденъ.

О переворотѣ 2-го декабря, Вьель-Кастель сообщаетъ мало подробностей, между которыми новыхъ почти вовсе не встрѣчается. Кризисъ долженъ былъ непремѣнно послѣдовать за чрезвычайно натянутымъ положеніемъ дѣлъ. Вражда между президентомъ и національнымъ собраніемъ не могла окончиться иначе, какъ катастрофой. Собраніе почти открыто собиралось посадить Луи-Наполеона въ Венсенскую крѣпость. Онъ приготовлялся разогнать собраніе, съ которымъ невозможно было управлять страной. Въ то же время

обѣ враждующія стороны увѣряли въ своемъ уваженіи къ конституціи, а генералы бонапартистской партіи утверждали, что всѣ эти увѣренія лицемѣріе. «Президентъ не могъ управлять Франціею иначе, какъ нарушивъ конституцію, и потому долженъ былъ сдѣлать это прямо и открыто. Страна будетъ всегда на сторонѣ того, кто выкажетъ смѣлость и противъ того, кто будетъ слабъ и нерѣшителенъ». Бонапартисты были большею частью народъ рѣшительный; они теряли не много, почти ничего не имѣя, если бы переворотъ не удался, но выигрывали все: власть, значеніе, богатство, почести. Вожаки заговора: Сент-Арно, Морни, Мопа, Флери, Маньянъ, Леспинасъ были по-уши въ долгахъ и охотно пошли бы даже на болѣе рискованное предпріятіе. Представители въ народномъ собраніи были большею частью люди бездарные, самолюбивые, проводившіе время въ пустыхъ преніяхъ, когда надо было дѣйствовать. Каждый заботился только о своихъ личныхъ выгодахъ. Шангарнье, досадуя на то, что онъ не игралъ никакой роли, хлопоталъ о сліяніи легитимистовъ съ орлеанистами. Онъ хотѣлъ быть военнымъ диктаторомъ, Тьеръ-президентомъ. Толковали объ учрежденіи директоріи. Бонапартисты хотѣли сначала дѣйствовать открыто, окружить собраніе пятью преданными имъ полками. Военный министръ долженъ былъ взойти на трибуну и объявить представителямъ народа, что всѣ они плѣнники. Лишивъ ихъ такимъ образомъ возможности обнародовать постановленія, сдѣлали бы между ними выборъ и, оставивъ надежныхъ, разогнали безпокойныхъ. Собраніе издало 12-го ноября декретъ, по которому войска обязаны были исполнять всѣ требованія президента собранія. Декретъ этотъ разосланный по всѣмъ казармамъ, былъ разорванъ и уничтоженъ по приказанію военнаго министра. Послѣ преній объ отмѣнѣ закона 21-го мая (о всеобщей подачѣ голосовъ), отвергнутаго большинствомъ только шести голосовъ, главные коноводы собранія, стоявшіе за отмѣну, чувствовали, что ихъ попытка къ уничтоженію популярнаго закона не пройдетъ имъ даромъ. Базъ, Шангарнье, Тьеръ и ихъ приверженцы ждали, что ихъ арестуютъ; квесторы провели ночь въ палатѣ, гдѣ уснули, положивъ подлѣ себя пистолеты; префектъ полиціи предлагалъ въ ту же ночь арестовать всѣхъ выдающихся членовъ движенія и отправить ихъ съ спеціальнымъ поѣздомъ въ Гавръ, а оттуда, посадивъ на корабли, увезти въ Америку. Онъ отвѣчалъ за все, лишь бы только объявили Парижъ въ осадномъ положеніи. Луи-Наполеонъ не согласился на эту мѣру. Все зло Вьель-Кастель приписываетъ тому, что во главѣ правленія стоитъ буржуазія, невѣжественная и гордая. Но онъ не скрываетъ, что военщина и въ особенности бонапартистскіе генералы поступали грубо и нагло съ народными представителями, во время переворота. Такъ, генералъ Форе, арестуя депутата Пискатори, на его замѣчаніе о незаконности поступка сказалъ: «еще одно

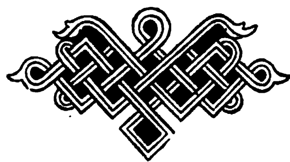
слово — и я всажу вамъ въ брюхо мою шпагу!» Въ числѣ извѣстныхъ уже приказовъ — разстрѣливать всѣхъ, кто будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, «Записки» упоминаютъ и о приказѣ — казнить всякаго, кто при осмотрѣ дома окажется не принадлежащимъ къ его жильцамъ. На основаніи этого варварскаго предписанія, Канроберъ разстрѣлялъ множество несчастныхъ, въ домахъ, близъ которыхъ воздвигались барикады. Хотя вооруженное возстаніе было также скоро подавлено въ провинціяхъ, какъ и въ Парижѣ, буржуа трусили явно подписываться подъ приглашеніемъ вручить Луи-Наполеону десятилѣтнее президентство въ республикѣ и требовали секретной баллотировки. Число убитыхъ на парижскихъ барикадахъ Вьель-Кастель считаетъ въ двѣ тысячи — что̀ слишкомъ мало. Иностранныя державы были очень довольны переворотомъ Луи-Наполеона. Пальмерстонъ прислалъ ему горячія поздравленія (Этого же Пальмерстона Вьель-Кастель называетъ геніемъ зла, который готовъ зажечь весь міръ, чтобы погрѣть себѣ руки). Газета «Indépendance belge» была запрещена за то, что печатала извѣстія о барикадахъ. «Times» враждебно относилась къ государственному перевороту. Легитимисты утверждали, что тайная полиція во многихъ мѣстахъ подстрекала къ возстанію, чтобы усмиреніе было безпощадное. Леона Фоше выслали изъ Франціи за смѣлое письмо къ Луи-Наполеону, котораго княгиня Багратіонъ публично назвала палачомъ. Вьель-Кастель, конечно, въ восторгѣ отъ его «подвига» и утверждаетъ, что въ департаментахъ противъ него возстали одни соціалисты, позволившіе себѣ всякія неистовства. Въ своемъ поклоненіи передъ преступникомъ 2-го декабря авторъ доходитъ даже до того, что восторгается кондотьеромъ — Леспинасомъ, разогнавшимъ палату народныхъ представителей, котораго даже начальникъ полиціи, Клодъ, представилъ въ настоящемъ отвратительномъ видѣ (см. «Записки Клода», «Историческій Вѣстникъ», т. IX, стр. 190). «Записки» Вьель-Кастеля оканчиваются горькими строками, обращенными къ Франціи. Сказавъ, что буржуазія должна погибнуть, потому что въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ она привела страну къ пропасти, авторъ смѣется и надъ страстью бонапартистовъ къ сенаторскимъ окладамъ и камергерскимъ мундирамъ. «Бѣдная французская нація! говоритъ онъ: тщеславная проститутка (въ подлинникѣ употреблено еще болѣе сильное, простонародное слово), всегда торопящаяся нарумяниться для послѣдняго посѣтителя. Галуны, ордена, чины — вотъ что̀ для нея замѣняетъ «panem et circenses» римлянъ». Прощаясь съ 1851 годомъ, Вьель-Кастель прибавляетъ: «Ступай, жалкій и несчастный годъ, погрузись въ бездну вѣковъ со всею своею свитою позора и бѣдствій! Съ тобою умеръ парламентскій режимъ. Увлеченія соціалистовъ покрыли тебя кровью; ты заставилъ насъ желать диктатуры, отказаться отъ свободы, дошедшей до злоупотребленій.

Жалкій годъ, безумная нація, что выйдетъ изъ подготовленнаго тобою... Люди, мѣсяцъ тому назадъ называвшіе Луи-Наполеона кретиномъ, прославляютъ его, какъ великаго человѣка, легитимисты ведутъ вредную оппозицію, орлеанисты выходятъ изъ себя, подавленные республиканцы не отказываются отъ мысли о мщеніи. Франція не излечилась отъ своей болѣзни».

Эти послѣднія слова, сказанныя тридцать два года назадъ, вполнѣ справедливы и въ наше время, не смотря на то, что въ теченіи этихъ лѣтъ Франція пережила такія эпохи, какъ позорную имперію, иноземное вторженіе, сопровождавшееся гибелью десятковъ тысячъ людей и милліоновъ народнаго благосостоянія—и страшное господство комуны. И теперь, въ двѣнадцатый годъ третьей республики, политическое положеніе страны такъ же непрочно, какъ и въ послѣдній годъ второй республики. Точно также, послѣ странной, неожиданной смерти человѣка, воплощающаго въ себѣ всѣ лучшія стороны республиканизма, отощавшіе бонапартисты стараются снова привить къ Франціи растлѣвающую язву имперіализма, неисправимые легитимисты теперь чуть не силой тащать на престолъ св. Людовика одряхлѣвшаго «чудотворнаго ребенка» (l'enfant du miracle); орлеанисты подкапываются подъ всякое законное учрежденіе страны, измельчавшіе и отъѣвшіеся республиканцы грызутъ другъ друга, издаютъ нелѣпые законы и всякій мѣсяцъ мѣняютъ своихъ министровъ, какъ въ Турціи.

Развѣ все это не ведетъ къ новому перевороту, который, конечно, не обойдется безъ жертвъ и потерь? Развѣ не оправдываются слова Вьель-Кастеля, что этой «великой, безумной» (grande folle) Франціи черезъ нѣсколько лѣтъ нужны кровавые спектакли, какъ Испаніи ея бои быковъ?

Вл. Зотовъ.



КАРТИНЫ РЕВОЛЮЦІИ [1].

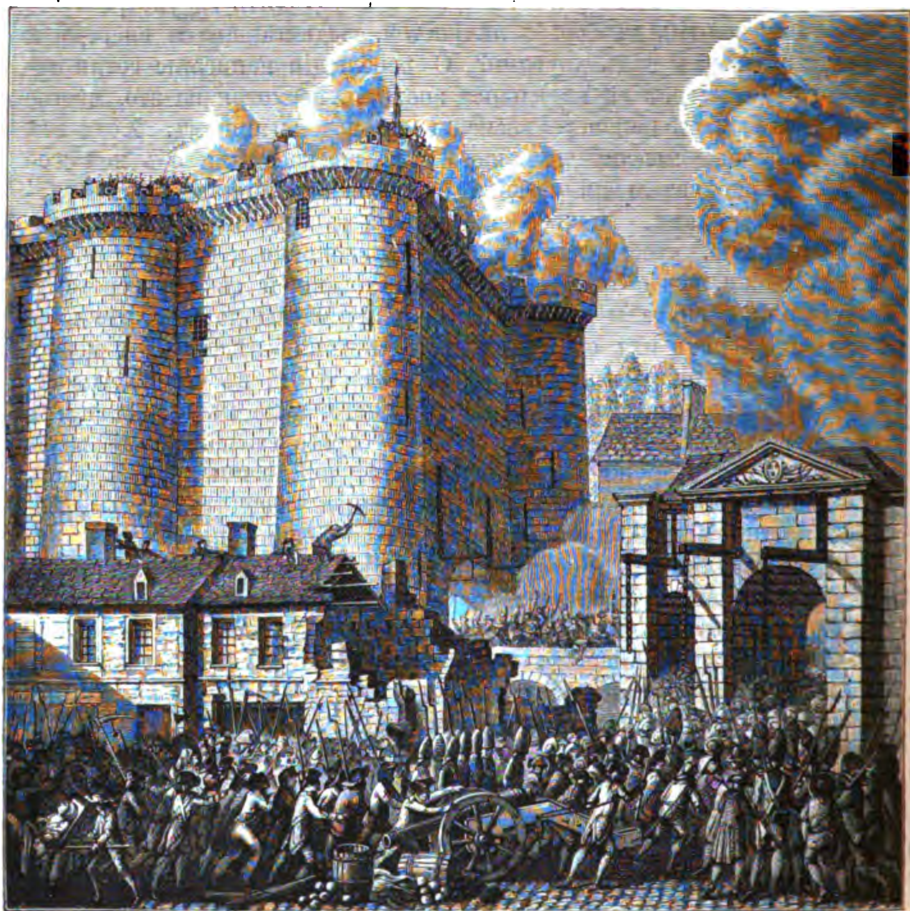
ЕРЕЗЪ ПЯТЬ лѣтъ наступаетъ второе столѣтіе со времени такъ называемой «великой французской революціи». Съ тѣхъ поръ было во Франціи еще нѣсколько большихъ и маленькихъ революцій. Каждая изъ нихъ уничтожала господствующій образъ правленія: республику, монархію Бурбоновъ и Орлеановъ, имперію; наконецъ, послѣдняя, самая грозная и кровопролитная, уничтожила всякое правительство, ставя на мѣсто его господство анархіи, нелѣпую организацію комуны. Но ни одинъ изъ этихъ общественныхъ переворотовъ не оставлялъ послѣ себя такихъ глубокихъ, неизгладимыхъ слѣдовъ, какъ первая революція 1789 года. Это было дѣйствительно крупное, міровое явленіе, въ конецъ потрясшее и опрокинувшее основы, на которыхъ держался старый режимъ, отозвавшееся во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Важности вліянія этого событія не отрицаютъ даже его враги и антагонисты. Урокъ, данный имъ всему человѣчеству и отдѣльнымъ націямъ, такъ великъ, что приверженцы его считаютъ каждый шагъ на пути современнаго прогресса прямымъ послѣдствіемъ этого переворота, а противники его приписываютъ ему всѣ бѣдствія и неустройства нашего времени. Какъ въ эпоху энциклопедистовъ, во всѣхъ несчастіяхъ народа видѣли вину Вольтера и Руссо, такъ и теперь виною всѣхъ неурядицъ является французская революція. Благонамѣренные историки, желающіе держаться строгой справедливости въ своихъ изысканіяхъ, до сихъ

[1]) «La revolution, 1789—1882; par Charles d'Héricault. Appendices par Emm. de Saint-Albin, Victor Pierre et Arthur Loth. Paris. Librairie de D. Dumoulin et C-ie, 5, rue des Grands-Augustins.» 1883.

поръ не могутъ разобраться въ массѣ событій, берущихъ свое начало отъ этой революціи, не могутъ рѣшить: принесла она больше вреда или пользы? Многіе свѣтлые умы нашего времени видятъ въ ней только однѣ темныя стороны, тогда какъ другіе въ самыхъ кровавыхъ, мрачныхъ эпизодахъ ея—обвиняютъ не ея принципы, а страсти честолюбцевъ и фанатиковъ, непонявшихъ эти принципы, или злоупотреблявшихъ ими. Но какъ опредѣлить злоупотребленіе въ борьбѣ партій, въ борьбѣ личностей, выдвигавшихся впередъ и бравшихъ верхъ надъ другими? О революціи написаны сотни томовъ, изучены всѣ ея отдѣльныя эпохи и, несмотря на это, многое еще остается въ ней неразъясненнымъ, недоказаннымъ. Хотя всѣ замѣчательные мыслители нашего вѣка высказывали объ ней свое мнѣніе — окончательная оцѣнка ея значенія принадлежитъ будущимъ историкамъ. Мы все еще слишкомъ близки къ этому міровому событію, чтобы судить объ немъ спокойно и безпристрастно. Къ тому же долгіе годы реакціи, слѣдовавшей за переворотомъ, затемнили и спутали многіе факты и принципы до того, что надо снова провѣрять ихъ основанія, изучать ихъ послѣдствія. А между тѣмъ, современная жизнь не останавливается и, въ своемъ водоворотѣ, влечетъ насъ къ упроченію будущаго, а не къ изъисканіямъ въ прошедшемъ. Цивилизаціи грозитъ борьба съ новымъ врагомъ, стремящимся разрушить уже не одни государственныя учрежденія, а основы всего, чѣмъ держится современное общество: семьи, собственности, религіи, науки, искусства. Керосинъ комунаровъ, динамитъ нигилистовъ грозитъ бо̀льшимъ вредомъ и бо̀льшимъ зломъ, чѣмъ гильотина и нойяды террористовъ. Немудрено, что опасенія за будущее отклоняютъ насъ отъ изслѣдованій прошедшаго.

Извѣстно, что «легендамъ» революціи, превознесеніямъ ея нанесенъ сильный ударъ такимъ талантливымъ изслѣдователемъ, какъ Тэнъ (Les origines de la France contemporaine, 3 volumes, 1876—80). Это изслѣдованіе значительно пошатнуло почву подъ панегиристами революціи даже во Франціи и дало новое направленіе работамъ по исторіи революціонной эпохи, на основаніи новыхъ документовъ и новой провѣрки документовъ старыхъ. Рядомъ съ изслѣдованіями дѣйствительно учеными и извѣстными, являются, разумѣется, и скоротечныя компиляціи, написанныя односторонне, съ цѣлью провести ту или другую идею. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ и книга, полное заглавіе которой приведено нами въ примѣчаніи, недавно вышедшая въ Парижѣ и посвященная описанію революціи отъ 1789 по 1882 годъ. По мнѣнію автора этой книги, малоизвѣстнаго и малодаровитаго писателя Шарля д'Эрико — во Франціи еще продолжается революція, начавшаяся чуть не сто лѣтъ тому назадъ. Даже пятнадцать лѣтъ царствованія «законныхъ монарховъ» онъ не исключаетъ изъ революціонной эпохи, такъ какъ она была полна заговорами «ли-

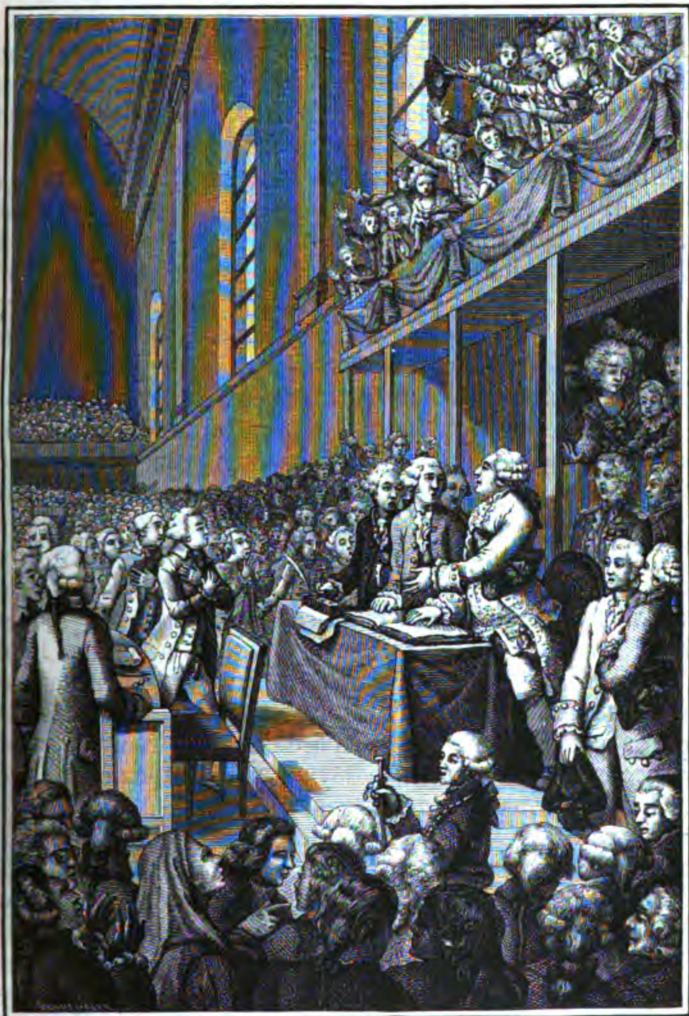
бераловъ», какъ Кузенъ, Казиміръ Перье, Дюпенъ и др., обществами масоновъ, принесшихъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ «мнимоопасное» общество іезуитовъ. Революція, по мнѣнію д'Эрико, прекратится только тогда, когда на престолъ сядетъ Генрихъ V. Въ ожиданіи этого событія, авторъ представляетъ всю исторію Франціи по-



Взятіе Бастиліи.

слѣдняго времени въ самомъ печальномъ видѣ, а въ революціи не видитъ ничего кромѣ ужасовъ и преступленій. По его мнѣнію, правленіе Бурбоновъ было самое благодѣтельное, блистательное—и переворотъ 1789 года, ровно ничѣмъ не вызванный, былъ явленіемъ ненормальнымъ, ненужнымъ, преступнымъ. Свои сужденія авторъ подкрѣпляетъ большею частію цитатами изъ сочиненій такихъ же сторонниковъ добраго стараго времени, епископовъ, министровъ, даже

политическихъ ренегатовъ, какъ Талейранъ и Фуше. Но книга эта, слабая и односторонняя какъ историческая компиляція, является однимъ изъ лучшихъ сборниковъ рисунковъ, относящихся къ революціи. Мы не знаемъ другого изданія, которое, при сравнительно неболь-



Людовикъ XVI въ Національномъ Собраніи 4 февраля 1790 года.

шомъ объемѣ (445 страницъ), заключало бы въ себѣ столько чрезвычайно интересныхъ картинъ, воспроизводящихъ сцены, типы, портреты, карикатуры той эпохи, бо́льшею частью исполненныя ея современниками. Богатство подобныхъ рисунковъ придаетъ книгѣ огромное значеніе въ художественномъ отношеніи, и, какъ

образчикъ ихъ, мы помѣщаемъ нѣсколько оттисковъ съ политипажей этого сочиненія. Они не принадлежатъ къ лучшимъ рисункамъ, но мы выбрали ихъ потому, что они подходятъ къ формату «Историческаго Вѣстника». Кромѣ того, мы присоединяемъ къ нимъ еще два рисунка изъ сочиненія «Нашъ Вѣкъ» именно: портретъ Людовика XVI-го и картину, изображающую королеву Марію-Антуанету въ темницѣ. Въ книгѣ, о литературномъ значеніи которой мы не считаемъ нужнымъ распространяться послѣ сказаннаго уже нами, помѣщено, кромѣ того, много гравюръ на металлѣ и хромолитографій, весьма замѣчательныхъ и рѣдкихъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ только о рисункахъ, взятыхъ для нашего изданія:

Бастилія, со времени ея основанія въ XIV столѣтіи, постоянно укрѣплялась. О значеніи ея, какъ крѣпости, можно судить по тому, что ровъ, окружавшій ея стѣны, былъ въ 26 метровъ ширины и 8 глубины. Какъ государственная тюрьма, она оставила самыя печальныя воспоминанія. Въ ней были подземные казематы на глубинѣ почти семи метровъ и подъ крышею, въ родѣ венеціанскихъ piombi; была даже деревянная клѣтка, куда Людовикъ XI посадилъ вердюнскаго епископа. Въ Бастилію сажали по простымъ письмамъ съ печатью (lettres de cachet), гдѣ имя осужденнаго вписывалось на бланкѣ. Судьба его зависѣла совершенно отъ произвола губернатора, получавшаго 60,000 ливровъ годового содержанія, кромѣ разныхъ незаконныхъ доходовъ. Никто не зналъ ни имени заключенныхъ, ни причины ихъ заключенія; тюремщики обращались съ ними возмутительно. Воздухъ и свѣтъ проходили въ тюрьмы сквозь узкую отдушину въ стѣнахъ пяти метровъ толщины и черезъ тройныя желѣзныя рѣшетки. Для народа Бастилія была всегда эмблемою произвола и беззаконнаго гнета, и немудрено поэтому, что первымъ дѣломъ возбужденнаго парижскаго населенія было разрушеніе этой крѣпости.

Третья французская республика сдѣлала офиціальнымъ народнымъ праздникомъ день 14-го іюля, въ который была взята Бастилія въ 1789 году. Гравюра Дюплеси Берто изображаетъ это событіе. Подъ нею, въ книгѣ д'Эрико, три цитаты: Мармонтеля: «Бастилія не была взята силою, говорилъ Эли, одинъ изъ сражавшихся, она сдалась прежде, чѣмъ ее атаковали»; Тэна: «она капитулировала, на основаніи обѣщанія, что никому не сдѣлаютъ вреда» и самого автора: «Де-Лоне, губернаторъ Бастиліи, маіоръ Ломъ, де-Флессель, купеческій старшина и др. были убиты побѣдителями и головы ихъ носили на пикахъ». Въ текстѣ говорится, что о взятіи этой крѣпости революціонеры распространили завѣдомо ложныя свѣдѣнія, что въ дѣйствительности это было только «разрушеніе памятника, единственнаго по своему искусству и истребленіе важныхъ документовъ», что въ Бастиліи было всего семь заключен-

Людовикъ XVI.

ныхъ: три сумасшедшихъ и четыре фальшивыхъ монетчика, что крѣпость была простымъ арестнымъ домомъ исправительной полиціи, а знаменитые «lettres de cachet», по которымъ сажали въ Бастилію, «готовились уничтожить съ общаго согласія и изъ-за нихъ не стоило дѣлать столько шума». Въ Бастиліи было всего 82 инвалида и 32 швейцарца, посланныхъ въ подмогу; изъ 15-ти старыхъ пушекъ сдѣланъ былъ также всего одинъ выстрѣлъ. Осаждало крѣпость нѣсколько тысячъ человѣкъ, и до 50-ти тысячъ зѣвакъ обоего пола смотрѣли на это зрѣлище. Послѣ четвертаго требованія губернаторъ сдался; у осаждающихъ убито не болѣе сорока человѣкъ, и то большею частью выстрѣлами своихъ же братьевъ, разрывомъ одной пушки; часть была задавлена подъ обрушившимся подъемнымъ мостомъ. Таковъ разсказъ д'Эрико, требующій поправокъ, хотя въ главныхъ чертахъ сходный съ разсказомъ Тэна, который выбралъ подробности взятія Бастиліи изъ современныхъ этому событію мемуаровъ, изъ описаній очевидцевъ и даже участниковъ взятія крѣпости. Разнузданность и отсутствіе какого бы то ни было порядка въ Парижѣ, масса пришлаго голоднаго населенія, возбужденіе политическихъ страстей — все это способствовало событію 14-го іюля. Послѣдствія его дѣйствительно были огромны, и вотъ выставляется легенда, которая живетъ почти сто лѣтъ и будетъ жить, несмотря на разоблаченія историковъ, несмотря на показанія очевидцевъ и участниковъ событія. Съ десяти часовъ утра и до пяти вечера осаждавшіе стрѣляютъ по пустому въ стѣны, имѣвшія 40 футовъ вышины и 30 толщины; какая-то шальная пуля убиваетъ на башнѣ инвалида; осажденные совсѣмъ не отвѣчаютъ; губернаторъ Бастиліи, по первому требованію, велитъ убрать пушки; онъ заставляетъ солдатъ поклясться, что они не станутъ стрѣлять, если не будетъ произведено на нихъ нападенія; онъ приглашаетъ къ завтраку первую депутацію и позволяетъ депутату городской думы осмотрѣть всю крѣпость; онъ не препятствуетъ ни однимъ выстрѣломъ взять первый мостъ. Онъ велитъ стрѣлять только въ крайности, когда пришлось защищать второй мостъ, да и тутъ предупреждаетъ осаждавшихъ, что велитъ стрѣлять. Стратегія осаждавшихъ была самая дѣтская. Раздавались совѣты каменьщиковъ, плотниковъ, пивоваровъ, разумѣется, не имѣвшіе никакого военнаго значенія. Кому-то показалось, что схватили дочь губернатора: стали кричать, что необходимо ее сжечь, чтобы заставить отца ея сдать крѣпость. Подожгли одинъ изъ переднихъ корпусовъ зданія, наполненный соломою, и такимъ образомъ проложенъ былъ путь. Гарнизонъ, прекрасно гарантированный отъ всякой опасности, не хотѣлъ стрѣлять, да и былъ смущенъ видомъ громадной толпы. Осаду вели 800—900 человѣкъ, но вся площадь Бастиліи и всѣ окружающія ея улицы были полны народа и любопытныхъ; въ толпѣ, въ заднихъ рядахъ

Марія-Антуанета въ Тамплѣ.

ея, были даже элегантныя дамы, пріѣхавшія въ каретахъ и оставившія свои экипажи неподалеку. Гарнизону казалось, что вышелъ противъ него весь Парижъ. Въ общей сумятицѣ всѣ потеряли голову. Швейцарцы стрѣляли въ народъ; среди него оказались убитые и раненые, и это возбуждало еще больше осаждавшихъ. Благодаря бреши, произведенной пожаромъ, они ломились въ крѣпость, угрожая взорвать ее, если она не сдастся. Гарнизонъ самъ опустилъ подъемный мостъ, по которому осаждавшіе бросились въ крѣпость. Губернаторъ Де-Лоне не хотѣлъ сдаваться и рѣшился взорвать крѣпость на воздухъ: съ фитилемъ въ рукѣ онъ бросился къ бочкамъ съ порохомъ. Унтеръ-офицеры Ферранъ и Бекаръ штыками отогнали губернатора и спасли тысячи народа, вторгнувшагося въ самую крѣпость, подъ предводительствомъ Эли, офицера полка королевы, Мальяра, Гюллена, бывшаго впослѣдствіи генераломъ и графомъ имперіи, гренадеровъ Арно, Марсо, Сантерра, Росиньоля, доктора Субербіеля, аббата Фоше и другихъ лицъ, игравшихъ потомъ значительную роль въ революціи. Началась свалка. Никто никого не слушался; великодушные порывы мѣшались съ злобою и «герои, по словамъ Тэна, не могли остановить убійцъ». Толпа, напиравшая сзади, била кого попало и ломала все. Она щадитъ швейцарцевъ, которые стрѣляли въ нее, принимая ихъ за узниковъ и обрушивается на инвалидовъ, которые впустили ее въ крѣпость; Бекеру, помѣшавшему губернатору взорвать крѣпость, отсѣкаютъ кисть руки саблей, потомъ прикалываютъ его шпагой, вѣшаютъ трупъ его и торжественно несутъ его руку по Парижу, ту руку, которая спасла тысячи народа и цѣлый парижскій кварталъ. Убиваютъ пять офицеровъ, трехъ солдатъ, инстинкты крови разгораются. Де-Лоне, раненаго въ плечо, повели въ ратушу; дорогой его били, драли за волосы; вокругъ него говорили, что его надо повѣсить, привязать къ хвосту лошади. «Убейте меня», кричитъ онъ въ отчаяніи и, вырываясь, даетъ ударъ ногою въ животъ повару, который держалъ его. Толпа тогда поручаетъ повару совершить «патріотическій подвигъ» и отсѣчь голову Де-Лоне. Тотъ совершаетъ этотъ подвигъ и голову губернатора носятъ торжественно по Парижу.

Второй рисунокъ изображаетъ засѣданіе Національнаго Собранія 4-го февраля 1790 года, въ которомъ Людовикъ XVI-й произнесъ рѣчь, напоминавшую обо всемъ, что онъ сдѣлалъ для уничтоженія злоупотребленій и для блага народа. Въ этой рѣчи онъ обѣщалъ поддерживать конституціонную свободу и приглашалъ всѣхъ къ согласію, которое одно только могло доставить успѣхъ работамъ Собранія. Рѣчь эта часто прерывалась рукоплесканіями, а когда онъ оставилъ залу, депутаты произнесли передъ трибуной гражданскую присягу: быть вѣрными націи, закону, королю и всѣми силами поддерживать конституцію, декретированную собраніемъ и

принятую королемъ. Всѣ эти обѣщанія не остановили, однако дальнѣйшаго хода революціи.

Картина, изображающая Марію-Антуанету въ темницѣ, порт-

Марія-Антуанета въ темницѣ.

реты королевы въ послѣдніе дни ея заключенія, сына ея, невинной жертвы бурной эпохи, и его тюремщика, башмачника Симона, напоминаютъ намъ печальную и возмутительную драму

Тампля. Королева, на гравюрѣ той эпохи, изображена въ траурѣ, который она не снимала со времени смерти своего мужа. Черты лица ея сохраняютъ отпечатокъ перенесенныхъ ею страданій, прибавляетъ д'Эрико. Волосы ея посѣдѣли до срока. 2-го августа 1793 года, ее перевели изъ Тампля въ тюрьму Консьержери, откуда она пошла на гильотину. На судѣ королева держала себя съ достоинствомъ, отвѣты ея были смѣлы и мужественны, и въ нихъ она часто возвышалась до истиннаго краснорѣчія. Печальная судьба ея и трагическій конецъ заставляютъ позабыть ея ошибки и заблужденія. Республика могла бы ограничиться изгнаніемъ женщины, перенесшей въ жизни такой страшный переворотъ, лишившій ее мужа, дѣтей, трона, величія, счастія. Вожди революціи не послушались голоса человѣколюбія и справедливости и безполезно пролитая ими кровь возбудила противъ нихъ новыхъ враговъ, новыхъ мстителей. Всякое насиліе возбуждаетъ отпоръ и отмщеніе.

Людовикъ XVII.

Не менѣе печальна была судьба ея сына, ни въ чемъ неповиннаго ребенка, разлученнаго съ матерью, когда ему было восемь лѣтъ, и отданнаго «на воспитаніе» башмачнику Симону. Портретъ Симона снятъ съ натуры художникомъ Габріэлемъ; Симонъ, 57-ми-лѣтній зажиточный членъ комуны получалъ съ женою, во время его пребыванія въ Тамплѣ, по 750-ти ливровъ (франковъ) въ мѣсяцъ. Д'Эрико представляетъ этого башмачника извергомъ рода человѣческаго, который подвергалъ несчастнаго ребенка всевозможнымъ униженіямъ и даже истязаніямъ. Насколько тутъ правды, какъ и въ разсказахъ Бошена о необыкновенномъ, раннемъ развитіи ребенка, которому онъ посвятилъ цѣлую книгу (Louis XVII, sa vie, son agonie, sa mort, два тома, 2-е изданіе, 1867) — трудно сказать. Исторія этого царственнаго ребенка окружена легендами и такою таинственностію, что самую смерть его въ 1795 г. отрицали и разсказывали о его бѣгствѣ, о его жизни изгнанникомъ; являлись даже самозванцы, выдававшіе себя за Людовика XVII. По всей вѣроятности, преувеличенія есть и въ характеристикѣ Симона, какъ звѣроподобнаго человѣка, и въ характеристикѣ его воспитанника, какъ необыкновенно развитаго мальчика. Д'Эрико, напримѣръ, разсказываетъ, что однажды, шестилѣтній ребенокъ влѣзъ въ саду въ розовый кустъ. Наставникъ замѣтилъ ему, что онъ можетъ исколоть себѣ лицо и руки терніями. «Но тернистый путь ведетъ къ славѣ!» отвѣчалъ ребенокъ. Для шестилѣтняго мальчика это слишкомъ умно и мало вѣроятно. Но дѣло не въ развитіи мальчика, а въ томъ, что его отдали на воспитаніе грубому и не-

образованному башмачнику, точно нельзя было найти другого воспитателя. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о какой-то злой и насмѣшливой мстительности революціи: казнивъ отца и мать, она отдала ни въ чемъ неповиннаго ребенка на руки человѣку, которому, конечно, ни одинъ изъ дѣятелей второй революціи не поручилъ бы воспитанія не только своего сына, но и сына кого бы то ни было изъ «гражданъ». Злобная насмѣшка надъ несчастіемъ, надъ павшимъ величіемъ — насмѣшка безчеловѣчная, а если ее распро-

Симонъ-башмачникъ.

страняютъ и на ребенка, то никакого, даже самаго отдаленнаго, оправданія ей подыскать нельзя.

Послѣдній рисунокъ представляетъ Ларошжакелена, во главѣ вандейцевъ идущаго противъ республиканской арміи. Подъ картиною, написанною живописцемъ Бланомъ, приведены слова, съ которыми вождь обратился къ своему войску, когда его избрали главнокомандующимъ, не смотря на то, что ему былъ 21 годъ: «если я пойду впередъ, слѣдуйте за мною, если я отступлю—убейте меня, если я умру—отмстите за меня!» Но, не смотря на свою необыкновенную храбрость, молодому роялисту пришлось отступать не разъ передъ республиканскими полками. Одерживая повременамъ

Ларошжакеленъ и шуаны.

незначительныя побѣды, но чаще разбиваемый превосходными и дисциплинированными непріятельскими силами, онъ палъ, наконецъ, въ мартѣ 1794 года, въ незначительной стычкѣ, застрѣленный республиканскимъ солдатомъ.

ПОДДАНСТВО ПРУССІИ ПОЛЬШѢ ВЪ БЫЛУЮ ПОРУ.

Вслѣдствіе хода политическихъ событій въ Европѣ, оказывается нынѣ чрезвычайно странное явленіе, а именно - главнѣйшими поборниками германскаго единства и самыми могущественными представителями нѣмецкой народности выступаютъ пруссаки, т. е. онѣмечившіеся славяне, которые, съ небольшимъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ, признавали надъ собою верховное господство несуществующей нынѣ польской республики или Рѣчи-Посполитой. Польскій художникъ г. Матейко недавно воскресилъ на полотнѣ память о прежнемъ подданствѣ Польшѣ владѣтелей нынѣшней Пруссіи изъ гогенцоллернъ-бранденбургскаго дома — прямыхъ предковъ императора германскаго Вильгельма I-го.

На картинѣ своей огромнаго размѣра, польскій живописецъ изобразилъ тотъ моментъ, когда 10-го апрѣля 1525 года, князь или герцогъ прусскій Альбрехтъ бранденбургскій, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великій магистръ тевтонскаго ордена, стоя на колѣнахъ передъ величаво-сидящимъ на креслѣ королемъ польскимъ Сигизмундомъ I-мъ, приноситъ ему вѣрноподданническую присягу, а въ лицѣ его и Рѣчи-Посполитой.

Разумѣется, живопись сама по себѣ — какъ бы ни оставалась она вѣрна историческимъ сказаніямъ—не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Представляя какое-либо отдѣльное событіе, или точнѣе сказать, одинъ только какой-нибудь отрывочный моментъ изъ этого событія, она не выясняетъ ни его причинъ, ни его послѣдствій,

ни важности того значенія, какое оно имѣло въ исторіи. Между тѣмъ, разсмотрѣніе вопроса о прежней подвластности Пруссіи Польшѣ заслуживаетъ вниманія не только въ отношеніи этой послѣдней, но и всего славянства.

Картина Матейки вызвала особый историческій очеркъ. Онъ напечатанъ въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Hołdy pruskie podług źródeł dziejowych opisał Cesar Biernacki», т. е. «Голдовничество Пруссіи; составилъ по историческимъ источникамъ Цесарь Бернацкій». Мы находимъ возможнымъ употребить здѣсь слово «голдовничество», такъ какъ въ старинной русской письменности, встрѣчается слово «голдовникъ» въ смыслѣ подручника, т. е. вассала, подчиненнаго сюзерену; тѣмъ болѣе, что слово это употреблялось у насъ въ частности для опредѣленія зависимыхъ отношеній князя прусскаго и герцога курляндскаго къ королю польскому.

I.

На пространствѣ, ограниченномъ съ сѣвера Балтійскимъ моремъ и впаденіемъ въ него Нѣмана, съ востока и юга царствомъ Польскимъ въ настоящемъ его составѣ, а съ запада — устьемъ Вислы, жили нѣкогда родственные, по происхожденію, съ поляками, пруссаки или пруссы, которыхъ соединяли съ Польшею языкъ и обычаи, но которые оставались въ язычествѣ, послѣ того, какъ Польша приняла христіанство. Болеславъ Великій, король польскій, присоединилъ этотъ край къ своимъ владѣніямъ и принялъ титулъ короля прусскаго. Такой же титулъ носилъ и Болеславъ Кривоустый.

Пруссаки, однако, были противъ господства у нихъ поляковъ и причиною этому было то, что они не хотѣли покориться требованіямъ церкви — соблюдать посты и платить въ пользу ея десятину. Не нравилось имъ также и единоженство, требуемое христіанствомъ. Хотя христіанство по временамъ и водворялось между пруссами, но вскорѣ послѣ того оно вновь должно было уступать свое мѣсто язычеству. Безпрестанныя попытки королей польскихъ водворить въ Пруссіи христіанство ожесточали обитателей этой страны противъ Польши, которая и принуждена была испытывать ихъ опустошительныя нападенія. Изъ желанія избавиться отъ такихъ бѣдствій, и по предложенію силезскаго князя Генриха Бородатаго, а также епископа краковскаго, Гинтера, Конрадъ I-й, князь мазовецкій, призвалъ, въ 1228 году, въ Пруссію изъ Германіи тевтонскихъ рыцарей, которые, при содѣйствіи польскихъ владѣтельныхъ князей, покорили своей власти все Поморье. Такимъ образомъ, сами поляки, въ лицѣ своихъ верховныхъ правителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, передали первоначально

славянскій край подъ господство воинственныхъ нѣмецкихъ пришельцевъ.

Нѣмцы воспользовались такою оплошностію поляковъ и стали переселять въ прусскіе города и деревни своихъ единоплеменниковъ. Они начали строить въ Пруссіи грозные замки и возводить укрѣпленія, такъ что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ туземцы сдѣлались подчиненными германскихъ выходцевъ. Тогда короли польскіе обратились къ иной политикѣ и силились вытѣснить нѣмцевъ изъ Пруссіи силою оружія. Съ своей стороны, и неонѣмеченные еще въ-конецъ пруссаки пытались свергнуть съ себя тяжкое иноплеменное иго. Обстоятельства поблагопріятствовали имъ въ этомъ случаѣ: Польша, соединившись съ Литвою и частью Руси, сдѣлалась сильнымъ государствомъ, могла съ достаточною надеждою на успѣхъ бороться съ нѣмецкими рыцарями-крестоносцами, или такъ-называвшимися «кжыжаками», отъ слова «кжыжъ»—крестъ [1]).

При восшествіи своемъ на польскій престолъ, великій князь литовскій Ягелло далъ торжественное обѣщаніе исторгнуть Пруссію изъ-подъ власти господствовавшихъ тамъ нѣмцевъ. Онъ вступилъ съ ними въ борьбу и 10-го апрѣля 1410 года одержалъ надъ нѣмецкими рыцарями знаменитую побѣду подъ Грюневальдомъ. Но знаменитая побѣда не освободила пруссаковъ отъ ига нѣмцевъ, и тогда сами пруссаки задумали достигнуть этого своими собственными силами, разсчитывая, впрочемъ, до нѣкоторой степени и на помощь со стороны Польши. 14-го марта 1440 года, пруссаки составили въ городѣ Квидынѣ союзъ, задачею котораго было возстановленіе въ Пруссіи польской народности, подавленной нѣмцами. Представителемъ этого союза было братство подъ названіемъ «рыцари Ящерицы». Въ составъ его вступали и шляхтичи, и горожане.

Такой образъ дѣйствій пруссаковъ былъ объявленъ со стороны нѣмцевъ государственною измѣною, и главные члены братства были призваны къ отвѣту въ имперскій германскій судъ, который и приговорилъ ихъ къ жестокимъ наказаніямъ. Но рыцари «Ящерицы» воспротивились власти нѣмцевъ и отправили пословъ къ королю польскому Казиміру-Ягелончику, съ просьбою принять подъ его покровительство всѣ прусскія земли, съ условіемъ, чтобы при этомъ были сохранены права, вольности и преимущества жителей всѣхъ сословій. 24-го февраля 1454 года, они объявили въ Краковѣ, что пруссаки желаютъ окончательно соединиться съ ихъ общимъ отечествомъ—Польшею, а 6-го марта того же года особые

[1]) У насъ принято при произношеніи такихъ польскихъ словъ, въ которыхъ находятся буквы «rz» выговаривать букву г, и писать, напримѣръ, «кржыжъ», «ржондъ», тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ буква r вовсе не произносится, а «rz» произносятся мягко—какъ русская буква «ж».

послы отъ имени всей прусской земли принесли королю польскому присягу на вѣрность и послушаніе. Съ своей же стороны, Казиміръ нетолько подтвердилъ всѣ прежнія права пруссаковъ, но и предоставилъ имъ право выбирать короля, пользоваться самоуправленіемъ, имѣть отдѣльную казну и свое собственное войско, которое обязано было дѣйствовать только въ предѣлахъ Пруссіи. Феодальное право, введенное въ Пруссію нѣмцами, было уничтожено.

Эти распоряженія короля Казиміра вовлекли Польшу въ войну съ тевтонскими рыцарями, длившуюся около 13-ти лѣтъ и окончившуюся миромъ, заключеннымъ въ Торунѣ, 19-го октября 1466 года, между Казиміромъ и великимъ магистромъ ордена Людвигомъ фонъ-Эрлихгаузеномъ. Въ силу этого договора, часть Пруссіи перешла подъ непосредственную власть Казиміра, а другая осталась во владѣніи ордена, который, однако, принужденъ былъ признать надъ собою верховное господство королей польскихъ. При этомъ было постановлено, что великій магистръ ордена и его преемники обязуются, спустя десять мѣсяцевъ, по избраніи ихъ въ санъ великаго магистра, являться къ королю для выполненія передъ нимъ, отъ своего имени, а также и отъ имени своихъ комтуровъ и за всѣ земли прусскія, присяги на вѣрность съ добавленіемъ, что они не будутъ ни подъ какими предлогами уклоняться отъ этого долга и не примутъ увольненія отъ присяги даже и въ такомъ случаѣ, если бы это было предложено имъ королемъ по собственному его желанію. Въ возмездіе за это, было предоставлено великому магистру фонъ-Эрлихгаузену, а также и его преемникамъ первое мѣсто подлѣ короля, по лѣвой его рукѣ. Слѣдовавшіе за фонъ-Эрлихгаузеномъ великіе магистры тевтонскаго ордена: Генрихъ Рейссъ-фонъ-Плауенъ, Генрихъ Рафле-фонъ-Рихтенбергъ, Мартинъ Трухсессъ-фонъ-Ветцшаузенъ и Янъ фонъ-Тифенъ въ точности исполняли условія торунскаго договора и приносили королю польскому вѣрноподданническую присягу въ установленный для того срокъ. Совершенно иначе сталъ держать себя въ отношеніи къ нему преемникъ фонъ-Тифена—Фридрихъ, герцогъ саксонскій. Будучи избранъ великимъ магистромъ, онъ нетолько не являлся къ королю для принесенія передъ нимъ присяги, обязательной для каждаго новоизбраннаго великаго магистра, но даже замышлялъ отнять у Польши ту часть Пруссіи, которая досталась ей по торонскому договору и которая прежде принадлежала ордену.

II.

Подданство Пруссіи Польшѣ имѣло большое значеніе для всего славянскаго міра. Это понимали и современники торунскаго договора, который обезпечивалъ за поляками господство по берегамъ

Балтики, вслѣдствіе чего Польша могла имѣть вооруженную морскую силу и вести непосредственно отъ себя торговлю на собственныхъ своихъ корабляхъ. По этому, преемники короля Казиміра усиливались удержать подъ своею властью великихъ магистровъ тевтонскаго ордена, а съ своей стороны и рыцари не отваживались отречься отъ принятаго орденомъ подданства Польшѣ, которая, какъ казалось, могла окончательно покорить ихъ силою своего оружія.

Когда пришла въ Кролевецъ (Кенигсбергъ) вѣсть о смерти въ Германіи великаго магистра Фридриха саксонскаго, то собравшійся орденскій капитулъ назначилъ для выбора новаго предводителя рыцарей съѣздъ въ Гейлизенбейлѣ на 31-е декабря 1510 года. На этомъ съѣздѣ былъ избранъ Альбрехтъ бранденбургскій изъ гогенцоллернскаго дома, въ виду того, что онъ можетъ не только пріобрѣсти расположеніе императора римско-нѣмецкаго, но и будетъ угоденъ королю польскому Сигизмунду I-му, съ которымъ онъ былъ въ близкомъ родствѣ. Независимо отъ этого, представлялось еще и то удобство, что Альбрехтъ зналъ хорошо поляковъ и говорилъ по-польски такъ, какъ будто онъ былъ природный полякъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, орденскій съѣздъ постановилъ не только увѣдомить короля о смерти Фридриха, но и увѣрить Сигизмунда, что при предстоящемъ выборѣ новаго великаго магистра съѣздъ будетъ сообразоваться съ желаніемъ его величества.

Хотя Сигизмундъ и настаивалъ, чтобы Альбрехтъ принесъ ему вѣрноподданническую присягу, но Альбрехтъ подъ разными вымышленными предлогами уклонялся отъ исполненія своей обязанности. Къ отказу отъ присяги подговаривали его императоръ и нѣмецкіе князья, которымъ было крайне непріятно, что собратъ ихъ долженъ быть подручникомъ славянскаго государя. Въ такомъ же смыслѣ дѣлали ему внушенія и рыцари, и нѣмцы. Онъ обманывалъ короля своею мнимою преданностію. Дѣлая видъ, будто собирается ѣхать въ Польшу, онъ, между тѣмъ, искалъ надежной для себя противъ нее помощи. Такъ проходилъ годъ за годомъ и, наконецъ, терпѣніе дяди-короля истощилось.

Въ первыхъ числахъ декабря 1519 года, король, пріѣхавъ въ Торунь, потребовалъ къ себѣ своего вассала для принесенія обязательной присяги. Король велѣлъ объявить великому магистру, что настоящее приглашеніе будетъ послѣднее, и, за тѣмъ, когда великій магистръ пренебрегъ этой угрозой, Сигизмундъ двинулъ свои войска во владѣнія ордена, и поляки произвели тамъ страшное опустошеніе. Увидѣвъ, что угроза дяди приведена въ исполненіе, Альбрехтъ, 5-го іюня 1520 года, пріѣхалъ въ Торунь и «поцаловалъ съ покорностью руку короля», бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько разъ. Король рѣшительно объявилъ ему, что онъ, великій магистръ, долженъ принести вѣрноподданническую присягу. Альбрехтъ былъ

уже готовъ исполнить это требованіе, но, получивъ въ то время утѣшительное для себя извѣстіе о томъ, что къ нему прибудетъ вооруженное подкрѣпленіе изъ Даніи и Германіи, прекратилъ съ королемъ всякіе переговоры. Король, разгнѣванный этимъ, не далъ ему прощальной аудіенціи и только сказалъ: «пускай уѣзжаетъ». Послѣ этого война возобновилась съ новою силою.

Начавшіеся во время этой войны переговоры тянулись очень долго и пріостановились на томъ, что самъ Альбрехтъ долженъ будетъ явиться въ Краковъ для личныхъ объясненій съ королемъ. Альбрехтъ долженъ былъ принять это тяжелое для него условіе, и 2-го апрѣля 1525 года, онъ, какъ великій магистръ, въ рыцарскомъ одѣяніи, съ чернымъ крестомъ на мантіи, выѣхалъ въ Краковъ и былъ тамъ встрѣченъ съ почетомъ. Когда же онъ уговорился окончательно съ королемъ, то былъ составленъ особый договоръ, въ силу котораго Альбрехтъ былъ признанъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ Пруссіи подъ верховною властію короля польскаго.

Въ договорѣ этомъ встрѣчаются статьи, объусловливающія принесеніе присяги. Въ нихъ говорится, что князь или герцогъ прусскій приноситъ ее королю польскому, какъ верховному своему повелителю, и что онъ будетъ оказывать королю такое повиновеніе, какое вообще обязаны соблюдать ленные владѣтели, что маркграфъ Георгъ, и за себя, и за своихъ братьевъ допущены будутъ прикоснуться къ ленному знамени, а другіе маркграфы договорятся объ этомъ въ теченіе года письменно съ приложеніемъ своихъ печатей. Далѣе было сказано, что, по прекращеніи мужскаго потомства упомянутыхъ четырехъ маркграфовъ, Пруссія со всѣми городами и замками возвращается къ коронѣ польской и, наконецъ, что на сеймахъ и торжествахъ герцогъ прусскій будетъ занимать послѣ короля первое мѣсто.

На слѣдующій день по заключеніи этого договора, т. е. 10-го апрѣля 1525 года, герцогъ Альбрехтъ торжественно исполнилъ передъ королемъ свою вѣрноподданническую присягу въ такомъ порядкѣ:

На краковскомъ рынкѣ, передъ ратушею было устроено, на богато-украшенномъ помостѣ, великолѣпное сѣдалищѣ подъ золотою и багряною сѣнью. На этотъ помостъ взошелъ король Сигизмундъ съ короною на головѣ и въ накинутомъ на плечо золототканномъ плащѣ, унизанномъ жемчугомъ и разными драгоцѣнными камнями. Короля сопровождали: примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій, и восемь епископовъ, среди ихъ находился также и посолъ короля венгерскаго, ученый аббатъ, Янъ Статилій. Свита королевская состояла изъ значительнаго числа воеводъ, каштеляновъ и иныхъ сановниковъ, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ. Въ ней находились также рыцари, шляхтичи и представители городовъ. Передъ королемъ несли знаки его достоинства: корону, мечь и державу. Короля окружали тысячи панцерниковъ.

Вскорѣ послѣ прибытія короля, явились послы Альбрехта, уполномоченные отъ ордена, а также шляхта и представители городовъ земли прусской, всѣ они были нѣмцы. Во главѣ ихъ находился епископъ Ергардъ, произнесшій рѣчь, въ которой онъ упоминалъ объ окончившійся войнѣ и просилъ о возвращеніи Пруссіи мира и спокойствія. Затѣмъ епископъ и всѣ сопровождавшія его лица стали передъ королемъ на колѣна и просили, чтобъ онъ предоставилъ избранной ими особѣ достоинство герцога прусскаго.

На рѣчь эту подканцлеръ королевскій, епископъ Петръ Томицкій, отвѣчалъ такъ:

«Именитые, вельможные, знатные и благородные мужи! Его величество съ удовольствіемъ видитъ состоявшееся примиреніе между нимъ и герцогомъ Альбрехтомъ, маргграфомъ бранденбургскимъ, своимъ племянникомъ, и орденомъ. Раздоръ между родственниками былъ настолько же неумѣстенъ, насколько былъ и пагубенъ для блага христіанства. Если же вы послѣ того такъ настойчиво и такъ покорно просите, чтобы прусскія земли, города, замки и мѣстечки его королевское величество отдалъ во владѣніе герцогу Альбрехту, маркграфу бранденбургскому, то его величество, желая добра христіанству и по чувству пріятства къ дому аншпахъ-бранденбургскому, соизволяетъ склониться на вашу просьбу, надѣясь, что послѣ того упрочится миръ, а самъ герцогъ Альбрехтъ, макграфъ бранденбургскій, будетъ въ отношеніи его величества и его королевства поступать такъ, какъ это надлежитъ истинному герцогу и вѣрному вассалу въ отношеніи своего верховнаго повелителя».

Отвѣтъ этотъ послы Альбрехта поспѣшили передать ему, и онъ тотчасъ же прибылъ верхомъ на площадь, въ сопровожденіи съ одной стороны маркграфа Георга, а съ другой—князя лигницкаго Фридриха и, спѣшившись съ коня, подошелъ къ королевскому сѣдалищу и просилъ, чтобы король пожаловалъ его, Альбрехта, герцогомъ прусскимъ.

На просьбу герцога отвѣчалъ подканцлеръ Томицкій отъ имени короля. Рѣчь Томицкаго заслуживаетъ вниманія потому, что она указываетъ на зависимое отъ Польши положеніе Пруссіи. Подканцлеръ говорилъ такъ:

«Объявляемъ всенародно. Свѣтлѣйшій герцогъ! Сколь много договоровъ и войнъ происходило между предшественниками его величества и магистрами нѣмецкаго ордена Приснодѣвы Маріи за право владѣть прусскими землями и послѣ уступокъ и большихъ жертвъ, установился вѣчный миръ, въ силу котораго магистръ и орденъ обязаны приносить присягу королевству польскому и королю польскому и признавать ихъ за своихъ наслѣдственныхъ повелителей. Миръ этотъ былъ, однако, нарушенъ предмѣстникомъ вашей свѣтлости, что вызвало войну между его королевскимъ величествомъ и вашею свѣтлостію и король тѣмъ неохотнѣе началъ ее, что привелось ему вести ее съ близкимъ своимъ родственникомъ, но теперь, когда, по милости Божіей, война кончилась и всѣ недоразумѣненія устранены, а ваша свѣтлость такъ покорно явились передъ его королевское величество и просите его, какъ истиннаго наслѣдника и обладателя всѣхъ прусскихъ земель, объ отдачѣ вамъ на ленномъ правѣ тамошнихъ областей, городовъ, мѣстечекъ и замковъ—его величество, принимая прежде всего къ сердцу благо христіанства, которое такъ долго обуреваемо было раздорами государей христіанскихъ, а также уважая желаніе святѣйшаго отца (Климен-

та VII), его цесарскаго величества (Карла V) и наияснѣйшаго Людвика, короля венгерскаго и чешскаго, своего возлюбленнаго племянника, и другихъ государей, своихъ родственниковъ, которые такъ часто, и на письмѣ, и устно, черезъ своихъ пословъ, просили его, а также желая явить свое покровительство и свою благосклонность бранденбургско-анппахскому дому, охотно, съ согласія сената, отдаетъ вамъ, на ленномъ правѣ, упомянутыя земли на тѣхъ условіяхъ, какія постановлены въ договорѣ на счетъ этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ его величество уповаетъ, что ваша свѣтлость и родъ вашъ за такое благодѣяніе и милость его величества будете признательны и станете служить его величеству и королевству польскому, какъ то подобаетъ князьямъ и родственникамъ».

Выслушавъ, стоя, эту рѣчь, Альбрехтъ высказалъ королю свою благодарность за оказанную ему милость и принесъ присягу въ ненарушимой вѣрности королю польскому. Затѣмъ онъ, маркграфъ Георгъ и князь Фридрихъ преклонили колѣна предъ королемъ, который вручилъ первому изъ нихъ знамя изъ бѣлой шелковой ткани съ изображеніемъ чернаго орла съ золотою короною на головѣ и съ золотымъ ободкомъ кругомъ крыльевъ, а на груди у орла была буква S, на память о первомъ верховномъ повелителѣ Пруссіи—королѣ польскомъ Сигизмундѣ.

При врученіи Альбрехту леннаго знамени, самъ король сказалъ, что онъ, внимая просьбѣ Альбрехта и его подданныхъ, отдаетъ ему въ владѣніе земли прусскія и надѣется, что Альбрехтъ и весь его родъ будутъ памятовать о такой королевской милости.

Альбрехтъ, продолжая стоять на колѣняхъ, положилъ руку на евангеліе лежавшее раскрытымъ на колѣняхъ короля, причемъ съ одной стороны примасъ, а съ другой коронный канцлеръ придерживали на евангеліи пальцы присягавшаго королю владѣтеля Пруссіи. Самъ же Альбрехтъ громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующую присягу:

«Я, Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій, а также въ пруссахъ штетинскихъ, померанскій, кашубскій, славянскій и пр. князь, бургграфъ, норымбергскій и владѣтель Ругіи, обѣщаюсь и клянусь предъ Всемогущимъ Богомъ, что съ этого мгновенія я навсегда буду вѣрнымъ, покорнымъ и послушнымъ, со всѣми моими подданными, духовными и свѣтскими, наияснѣйшему и милостивѣйшему государю Сигизмунду, королю польскому, и его потомкамъ, а также и коронѣ польской такъ, какъ подобаетъ это ленному владѣтелю, охраняющему миръ, и согласно тому, что̀ установлено въ договорѣ. Въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ и святое евангеліе».

Послѣ этой присяги, король взялъ въ руку государственный мечъ и ударивъ имъ стоявшаго на колѣнахъ Альбрехта произнесъ трижды установленныя обычаемъ слова: «перенеси этотъ ударъ, но не болѣе», и затѣмъ надѣлъ ему на шею тяжелую золотую цѣпь. Послѣ Альбрехта, король посвятилъ въ рыцарское званіе всѣхъ его вельможъ, трехъ князей, а также многихъ шляхтичей, какъ польскихъ, такъ и прусскихъ.

Торжество это закончено было молебствіемъ и королевскимъ пиромъ; послѣ чего Альбрехтъ получилъ отъ дяди богатые подарки

и, кромѣ того, Сигизмундъ назначилъ ему пожизненное содержаніе по 4.000 червонцевъ въ годъ.

III.

Въ виду бѣдственнаго положенія тевтонскаго ордена Альбрехтъ сложилъ съ себя санъ великаго магистра, отрекся отъ принятыхъ имъ нѣкогда монашеско-рыцарскихъ обѣтовъ, отступилъ отъ католичества, и перешелъ въ лютеранство. Польскій сенатъ и король польскій согласились на все это. Въ слѣдующемъ году, Альбрехтъ, какъ уничтожившій принесенный имъ прежде обѣтъ безбрачія, вступилъ въ бракъ съ принцессою Доротеею, дочерью короля датскаго, а Сигизмундъ I-й съ своей стороны объявилъ Альбрехта наслѣдственнымъ герцогомъ прусскимъ подъ верховною властью Польши.

Сдѣлавшись наслѣдственнымъ владѣтелемъ Пруссіи, Альбрехтъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ сталъ утверждать тамъ протестантизмъ. Католическіе епископы очень охотно уступили свои свѣтскія права, говоря, что обязанность ихъ проповѣдывать народу слово божіе, по примѣру апостоловъ, а не управлять народомъ. Замѣчательно, что въ Пруссіи, по введеніи лютеранскихъ обрядовъ, богослуженіе стали отправлять на польскомъ языкѣ. Въ 1541 году, Альбрехтъ принялъ такъ называемое «аугсбургское вѣроисповѣданіе» и основалъ въ Кролевцѣ гимназію, въ видѣ лютеранскаго училища, а за тѣмъ гимназія эта была обращена въ университетъ, причемъ однако привилегію этому учрежденію выдалъ не римско-нѣмецкій императоръ, а король польскій Сигизмундъ II-й Августъ, преемникъ Сигизмунда I-го. Въ то же время Альбрехтъ выражалъ свое особое сочувствіе Польшѣ. Такъ, онъ завелъ польскую типографію, въ которой печатались сочиненія на польскомъ языкѣ, безплатно распространяемыя въ народѣ. Другая, то же польская типографія, при денежномъ пособіи со стороны Альбрехта, была открыта въ Елькѣ.

Альбрехтъ былъ человѣкъ ученый и въ особенности занимался онъ военными науками. Онъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ книжку подъ заглавіемъ: «Von der Kriegs-Ordnung oder der Kunst Krieg zu führen.»

Мы считаемъ излишнимъ говорить объ этомъ сочиненіи по существу, но относительно его встрѣчается одна частность, имѣющая политическое значеніе. Узнавъ о сочиненіи Альбрехта, Сигизмундъ-Августъ захотѣлъ прочесть эту книжку. Тогда Альбрехтъ, желая, чтобы сочиненіе его было вполнѣ достойно вниманія со стороны такого высокаго читателя, принялся передѣлывать и улучшать свое сочиненіе и проработалъ надъ этимъ три года. Въ письмѣ къ королю, сопровождавшемъ посылку къ нему этой книги, Альбрехтъ, подписавшійся «вѣрноподданнымъ герцогомъ» писалъ: «за тѣмъ,

какъ прежде просилъ, такъ и теперь я прошу, чтобы ваше величество соизволили быть и оставаться нашимъ милостивымъ королемъ и государемъ, а я съ съ своей стороны обѣщаюсь заслуживать вашу благосклонность изо всѣхъ моихъ силъ моею покорностію передъ вашимъ величествомъ».

Письмо это было написано 10-го сентября 1555 года.

По смерти первой своей жены Доротеи принцессы датской, не имѣвшей дѣтей, Альбрехтъ вступилъ во второй бракъ съ Анною-Маріею, принцессой брауншвейгской, отъ которой было у него нѣсколько человѣкъ дѣтей. Подъ старость онъ былъ такъ отягченъ недугами, что не въ состояніи былъ заниматься дѣлами своего государства. Ихъ захватили въ свои руки вельможи, и въ Пруссіи возникли такіе безпорядки, что для устраненія ихъ были туда, въ 1566 году, отправлены польскіе коммисары, которые и постановили надъ виновными суровые приговоры.

Альбрехтъ умеръ въ 1568 году.

IV.

По смерти Альбрехта I-го, котораго обыкновенно называютъ «Старшимъ», въ управленіе Пруссіею, подъ властію Польши, вступилъ его единственный сынъ, Альбрехтъ II-й Фридрихъ, родившійся въ 1552 году отъ Анны брауншвейгской. Такъ какъ онъ былъ еще несовершеннолѣтній, то предполагалось дать ему въ опекуны герцога мекленбургскаго Іоганна Альбрехта, женатаго на старшей сестрѣ Альбрехта I-го. Прусскимъ нѣмецкимъ вельможамъ удалось устроить это, такъ какъ подъ ихъ вліяніемъ Альбрехтъ оставилъ завѣщаніе въ пользу упомянутаго опекуна, и тѣмъ самымъ уничтожилъ свое прежнее завѣщаніе, утвержденное уже королемъ Сигизмундомъ I-мъ. Но польскіе коммисары не допустили привести въ исполненіе новое завѣщаніе покойнаго герцога, послѣ погребенія котораго былъ созванъ въ Гейлизенбергѣ прусскій сеймъ для обсужденія вопроса объ опекѣ и объ исполненіи вѣрноподданической присяги Польшѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Альбрехтъ II-й принялъ эту присягу въ Люблинѣ 9-го іюля 1569 года, по закрытіи происходившаго тамъ сейма, на которомъ было постановлено окончательное соединеніе Литвы, Польши и Руси въ одно федеральное государство.

При этой присягѣ, къ ленному знамени прикасались, кромѣ Альбрехта II-го, не только послы Георга, маркграфа анспахскаго но и Іоахима II-го, курфирста бранденбургскаго, въ знакъ того, что уполномочившіе ихъ государи имѣютъ право на наслѣдованіе Пруссіи подъ верховною властью короля польскаго. Обрядъ этой присяги описалъ подробно современный историкъ Гванини, быв-

шій его очевидцемъ. Упомянутый обрядъ въ главныхъ чертахъ сходствовалъ съ тѣмъ, о которомъ мы уже писали и который про исходилъ въ Краковѣ при принесеніи присяги Альбрехтомъ I-мъ въ 1525 году.

7-го іюля 1572 года, умеръ Сигизмундъ-Августъ. По поводу его смерти, герцогъ прусскій отправилъ въ Польшу соболѣзновательное письмо, въ которомъ выразилъ свою покорность передъ сенатомъ Рѣчи-Посполитой, оплакивалъ смерть короля и просилъ, чтобы его допустили участвовать въ выборѣ новаго короля. Ему отвѣчали, что относительно послѣдней просьбы ему слѣдуетъ обратиться къ избирательному сейму.

Въ началѣ 1573 года, въ Варшавѣ собрался сеймъ, который долженъ былъ предшествовать избирательному сейму, туда же пріѣхало и прусское посольство, чтобы хлопотать о подтвержденіи правъ, предоставленныхъ прусскимъ землямъ, а также и о полученіи голоса на избирательномъ сеймѣ. Посламъ отвѣчали, что разрѣшеніе перваго вопроса, т. е., вопроса объ особыхъ правахъ Пруссіи будетъ зависить отъ новаго трона.

Только по прошествіи двухъ лѣтъ со времени смерти Сигизмунда-Августа, былъ избранъ 13-го декабря 1573 года на польскій престолъ седмиградскій князь Стефанъ Баторій-де-Сомліо. Между тѣмъ Альбрехтъ-Фридрихъ желалъ видѣть польскимъ королемъ эрцъ-герцога австрійскаго Максимиліана, а совѣтники или опекуны Альбрехта-Фридриха, въ то время, когда Стефанъ, какъ король, находился уже въ Краковѣ, писали польскимъ вельможамъ, что пруссаки не хотятъ имѣть своимъ верховнымъ государемъ никого иного, кромѣ Максимиліана, и совѣтовали, чтобы Баторій уступилъ польскій престолъ габсбургскому дому.

Заявленіе это не имѣло однако никакого значенія. И когда прусскіе сановники узнали, что Стефанъ, короновавшись въ Краковѣ, ѣдетъ въ Кенигсбергъ, то изъявили передъ нимъ покорность. Кромѣ того, въ то время, когда Стефанъ осаждалъ Данцигъ, многіе нѣмецкіе князья, а именно: курфирсты саксонскій и бранденбургскій, ландграфъ гессенскій и князья померанскіе просили Стефана о назначеніи опеки надъ Пруссіею и ея герцогомъ, находившимся въ болѣзненномъ состояніи. Король согласился на это подъ слѣдующимъ условіемъ: чтобъ маркграфъ Георгъ-Фридрихъ, въ качествѣ опекуна, выплатилъ Польшѣ 200,000 злотыхъ дани, принесъ бы въ Варшавѣ вѣрноподданическую присягу и управлялъ бы герцогствомъ прусскимъ, только какъ опекунъ, и притомъ не на основаніи какого либо права, но лишь по милости королевской. Требовалось также, чтобъ всѣ правительственныя и общественныя должности были розданы исключительно природнымъ пруссакамъ, а не нѣмцамъ, и чтобы опекунъ оберегалъ особу герцога. На случай же, еслибы этотъ послѣдній выздоровѣлъ и имѣлъ бы потом-

ство,-то онъ и оно должны вступить въ непосредственное управленіе герцогствомъ прусскимъ. Если же бы Альбрехтъ-Фридрихъ умеръ не оставивъ дѣтей, то опекунъ его, маркграфъ Георгъ-Фридрихъ, безъ принесенія вторичной присяги, можетъ принять герцогскій титулъ и сдѣлаться владѣтелемъ Пруссіи.

Георгъ согласился на эти условія и, 26-го февраля 1578 года, принесъ королю Стефану, въ Варшавѣ, на площади передъ церковью бернардиновъ, вѣрноподданическую присягу. Это была уже четвертая присяга, принесенная королямъ польскимъ ленными владѣтелями Пруссіи. Король подалъ Георгу ленное знамя, а послы курфирста бранденбургскаго прикоснулись къ этому знамени, въ знакъ того, что уполномочившіе ихъ князья могутъ, въ извѣстномъ случаѣ, сдѣлаться, подъ верховною властью Польши, герцогами прусскими. Польскіе историки укоряютъ Стефана Баторія за то, что онъ назначилъ въ опекуны больному Альбрехту-Фридриху маркграфа Георга, вмѣсто того, чтобъ присоединить Пруссію къ непосредственнымъ владѣніямъ польской короны. Впрочемъ, такую ошибку, сдѣланную Стефаномъ, усматривали и его современники и двое сеймовыхъ пословъ составили протестъ противъ назначенія Георга опекуномъ, а также и противъ принятія имъ въ этомъ званіи вѣрноподданнической присяги. Пруссаки были такъ недовольны назначеніемъ Георга, что вызывались платить королю ежегодно по 100,000 венгерскихъ злотыхъ, если онъ для управленія Пруссіею пришлетъ кого нибудь изъ польскихъ сенаторовъ. Опасенія этихъ пословъ со временемъ оправдались. Георгъ сталъ распоряжаться въ Пруссіи самовластно. Онъ отказался ввести тамъ новый григоріанскій календарь на томъ основаніи, что починъ этого дѣла исходилъ отъ папы и, сверхъ того, онъ запретилъ пруссакамъ, вопреки дѣйствовавшему у нихъ уставу, обращаться съ жалобами на рѣшенія мѣстныхъ судовъ къ судамъ королевскимъ. Стефанъ не могъ, однако, обуздать своего непослушнаго вассала, и «Польша, озаренная тогда блескомъ побѣдъ надъ внѣшними непріятелями, не имѣла средствъ, чтобы поддержать свою власть въ подчиненномъ ей государствѣ»—замѣчаетъ съ грустью одинъ изъ польскихъ историковъ.

Описанія четвертой присяги, т. е., присяги маркграфа Георга, какъ герцогскаго опекуна, не сохранилось. Надобно, однако, полагать, что она была исполнена съ чрезвычайною торжественностью. Это видно изъ росписи произведенныхъ по означенному случаю расходовъ. Такъ, по вычисленію, сдѣланному г. Бернацкимъ, оказывается, что сѣдло, приготовленное для короля, для выѣзда на эту присягу, стоило 67.200 нынѣшнихъ злотыхъ, не считая въ этой суммѣ цѣнности тѣхъ дорогихъ камней, которыми оно было украшено.

V.

Избранный по смерти Баторія, на сеймѣ въ Варшавѣ, 19-го сентября 1587 года, король польскій Сигизмундъ III универсаломъ своимъ, отъ 20-го января 1605 года, созвалъ чрезвычайный сеймъ и въ числѣ важныхъ дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію этого сейма, король упомянулъ и о томъ, что послѣ смерти Георга, маркграфа бранденбургскаго, слѣдуетъ установить новую опеку надъ помѣшаннымъ герцогомъ прусскимъ Альбрехтомъ-Фридрихомъ. Между тѣмъ, стремленіе Георга къ независимости отъ Польши проявилось довольно ясно. Онъ предполагалъ женить своего сына на Аннѣ сестрѣ короля, и чтобъ заслужить благоволеніе Сигизмунда III далъ ему милліонъ червонцевъ на расходы во время войны со шведами. Когда же разнеслась вѣсть, что король черезъ сестру свою, Анну, хочетъ породниться съ австрійскимъ домовъ, то Георгъ измѣнилъ свою политику въ отношеніи къ Сигизмунду.

Когда Георгъ-Фридрихъ умеръ, то опекуномъ герцога и временнымъ правителемъ Пруссіи король назначилъ маркграфа бранденбургскаго Іоахима-Фридриха, а послѣ смерти и этого послѣдняго, въ 1608 году, на сеймѣ 1611 года Пруссія отдана была въ управленіе Яну-Сигизмунду, маркграфу и курфирсту бранденбургскому, на новыхъ условіяхъ, обезпечивавшихъ верховное право Польши надъ этою страною. Такъ, право наслѣдованія герцогскаго достоинства было ограничено только мужскимъ потомствомъ упомянутаго Сигизмунда и его братьевъ, съ тѣмъ, что, въ случаѣ пресѣченія ихъ поколѣній, Пруссія должна возвратиться къ польской коронѣ. Владѣтель Пруссіи обязанъ былъ платить въ королевскую казну 30,000 червонцевъ ежегодной дани и, кромѣ того, опредѣленный поземельный сборъ. Была также ограничена и судебная власть герцога прусскаго, такъ какъ стороны, недовольныя приговорами прусскихъ судовъ или личнымъ рѣшеніемъ герцога, удержали право приносить жалобы королю.

Послѣ того, въ 1618 году, когда не осталось уже никакой надежды, чтобы Альбрехтъ II выздоровѣлъ отъ помѣшательства, инвеститура на герцогство Пруссіи была дана временному его правителю, курфирсту бранденбургскому Яну-Сигизмунду. Для принятія инвеституры онъ отправился въ Варшаву и, увидѣвъ приближавшагося къ нему короля, первый сошелъ съ коня и обнялъ колѣна Сигизмунда въ знакъ покорности передъ нимъ, какъ передъ своимъ верховнымъ повелителемъ.

Вѣрноподданническая присяга Яна-Сигизмунда была исполнена съ большою торжественностью, въ Варшавѣ, на площади, передъ бернардинскимъ монастыремъ, куда король пришелъ изъ замка.

Янъ Сигизмундъ женился на единственной дочери помѣшаннаго Яна Альбрехта, Аннѣ, и, по смерти своего тестя, въ 1618 году получилъ, съ согласія короля и Рѣчи-Посполитой, герцогство прусское въ потомственное владѣніе.

VI.

Шестая и послѣдняя вѣрноподданническая присяга Пруссіи Польшѣ, была принесена передъ королемъ Владиславомъ IV, герцогомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ. Для утвержденія своего въ званіи герцога, онъ отступился въ пользу Польши отъ 100.000 злотыхъ ежегоднаго дохода съ пилавскаго порта. Съ нимъ вмѣстѣ присягнули, въ 1641 году, Польшѣ и другіе члены бранденбургскаго дома, имѣвшіе право на владѣніе Пруссіею въ силу прежнихъ договоровъ съ Рѣчью Посполитой. По поводу этой присяги были объявлены, впрочемъ, такъ только для виду, протесты двухъ воеводъ брестскаго и иновлоцлавскаго.

Свѣдѣній объ этой присягѣ не находится ни въ «Volumina Legum», ни въ «Дипломатическомъ Сборникѣ», но разсказъ о ней встрѣчается въ «Запискахъ» князя Альбрехта-Станислава Радзивилла, по латынѣ, изданномъ въ 1839 году въ переводѣ на польскій языкъ.

Подъ числомъ 5-го октября 1641 года Радзивиллъ пишетъ:

«Еще вчера дано было знать о пріѣздѣ въ Варшаву курфирста бранденбургскаго и на встрѣчу ему отправились король и королевичъ Казиміръ, верхами, въ сопровожденіи сенаторовъ за городской валъ. Сюда же пріѣхали и лица, сопровождавшія курфирста. Они были въ траурѣ по случаю смерти отца Фридриха Вильгельма. Передъ ними вели подъ уздцы 24 коней; за тѣмъ слѣдовали драгуны, а за драгунами прусская шляхта, бароны и графы. Наконецъ, появился и самъ курфирстъ, юноша 21 года, скромный и привѣтливый. Завидѣвъ короля, онъ первый сошелъ съ коня; это сдѣлали и его вельможи, а также и король съ королевичемъ Казиміромъ и два маршала. Мы же всѣ остановились, сидя на коняхъ. Курфирстъ сказалъ королю небольшое привѣтствіе на нѣмецкомъ языкѣ, король отвѣчалъ ему съ своей стороны и за тѣмъ, они, сѣвъ на коней, поѣхали далѣе. Королевичъ ѣхалъ рядомъ съ курфирстомъ, за ними слѣдовалъ король. Когда подъѣхали къ той улицѣ, которая вела въ Уяздово, король, простившись съ курфирстомъ, отправился въ замокъ, а королевичъ Казиміръ, въ сопровожденіи воеводы русскаго, князя Острожскаго, а также Сенявскаго и Лаща, проводили курфирста до Уяздова, откуда въ полночь вернулись къ королю.

«6-го октября, десять польскихъ коммисаровъ сошлись у коронного канцлера съ четырьмя коммиссарами курфирста для переговоровъ относительно ленной зависимости Пруссіи. Мы не хотѣли

предъявлять никакихъ новыхъ условій, но только желали возобновить прежнія: во первыхъ, чтобы католической вѣрѣ была предоставлена бо̀льшая свобода; во вторыхъ, чтобы ветхій костелъ былъ исправленъ; въ третьихъ, чтобы не было дозволено строить подлѣ нашего костела помѣщеніе для кальвинскаго собранія; въ четвертыхъ, чтобъ была ограничена свобода гоненій, направленныхъ противъ католичества; въ пятыхъ, чтобъ лучше былъ устроенъ пилавскій портъ и королю былъ доставленъ большій надъ нимъ надзоръ; въ шестыхъ, чтобъ пилавскій губернаторъ, который присягалъ на вѣрность курфирсту, принялъ бы такую же присягу королю и республикѣ. На это коммиссары курфирста отвѣчали намъ, что достаточно ужь того, что самъ курфирстъ присягнетъ въ вѣрности королю и что за тѣмъ нѣтъ надобности еще и губернатору дѣлать то же самое. Въ такомъ же смыслѣ отвѣчали намъ и относительно мемельскаго губернатора.

«Мы указали на неопредѣленность того, что въ присягѣ, приносимой жителями Пруссіи курфирсту, было выражено: «Tamquam hereditario Domino», т. е. наслѣдственному государю, мы пояснили, что только одинъ король польскій считается наслѣдственнымъ государемъ Пруссіи. Мы предложили замѣнить это выраженіе слѣдующимъ: «Tamquam hereditario feodali Domino», т. е., какъ наслѣдственному зависимому государю, и коммисары согласились на это. Затѣмъ они отправились къ курфирсту, а мы къ королю.

«7-го октября мы покончили наши переговоры съ коммисарами курфирста, который около полудни пріѣхалъ въ Варшаву и ожидалъ въ домѣ архіепископа того времени, когда наступитъ пора присяги. При королѣ находились два каштеляна, а двое воеводъ должны были сопровождать его. Въ это время король облачался въ торжественное одѣяніе. Подскарбій коронный, хотя еще и слабый послѣ болѣзни, принесъ московскую корону [1]), скипетръ и державу и роздалъ эти регаліи сенаторамъ. Въ три часа пополудни, король сѣлъ на тронъ, поставленный у воротъ за̀мка. Его величество былъ окруженъ придворными и дворянами.

«Сенаторы, въ числѣ двухсотъ человѣкъ, сѣли на свои кресла въ установленномъ для того порядкѣ; правильно расположенное пѣхотное войско было разставлено на площади. Королева смотрѣла на эту церемонію изъ окна. Лишь только король расположился на тронѣ, какъ отъ курфирста пріѣхали четыре посла: маршалъ, бургграфъ и два совѣтника, которые, преклонивъ колѣна, просили

[1]) Московская корона или такъ называемая шапка Мономаха была въ 1612 году взята поляками въ Москвѣ и отвезена въ Варшаву. Поэтому художники наши допускаютъ неточность, представляя на картинахъ, изображающихъ избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова, поднесеніе ему царскаго вѣнца, въ замѣнъ котораго, по указанной выше причинѣ, былъ ему поднесенъ только царскій посохъ. Е. К.

короля, чтобы его величество допустилъ ихъ государя до подданнической присяги. Король изъявилъ на то свое согласіе черезъ канцлера.

«Ровно въ 4 часа, курфирстъ пріѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи пышной свиты, онъ сошелъ съ коня у ступеней трона, и его взяли подъ руки два маршала. Курфирстъ два раза поклонился королю и, приблизившись къ трону, сталъ на колѣни и произнесъ довольно длинную рѣчь на латинскомъ языкѣ, которая отличалась хорошимъ произношеніемъ. Курфирсту отвѣчалъ канцлеръ коронный. Послѣ того, курфирстръ принесъ присягу надъ евангеліемъ, которую прочиталъ канцлеръ. Исполнивъ присягу, онъ снова благодарилъ короля за оказанное ему, курфирстру, благодѣяніе, а по окончаніи этого, король приподнялъ его съ колѣнъ и посадилъ рядомъ съ собою. Затѣмъ, послы обоихъ князей, принадлежавшихъ къ бранденбургскому дому, прикоснулись къ ленному знамени. При этомъ, однако, воеводы брестскій, куявскій и иновлоцлавскій, слѣдуя установившемуся издавна обычаю, предъявили протестъ противъ отдачи Пруссіи во владѣніе бранденбургскаго дома. Протестъ былъ обращенъ къ королю и Рѣчи-Посполитой. При упомянутомъ торжествѣ знамя несъ хорунжій краковскій, за небытностію хорунжаго короннаго, а мечъ держалъ новый коронный мечникъ Яблоновскій, за что̀ и тотъ и другой получили по 1.000 талеровъ. Король посвятилъ въ рыцари только одного и послѣ этой церемоніи его величество отправился въ свои покои, а курфирста мы проводили въ Казиміровскій дворецъ, гдѣ онъ пошелъ въ комнаты королевы съ инфантой Анной-Екатериной, дочерью Сигизмунда III и сестрою короля Владислава. Королева встрѣтила его въ дверяхъ и они очень дружески поздоровались между собою. Въ это время дали знать, что обѣдъ готовъ, и тогда курфирстъ и королевичъ, взявши королеву подъ руки, подвели ее къ столу. За обѣдъ сѣли въ такомъ порядкѣ: курфирстръ, король, королева и королевна, но такъ, что среднія мѣста заняли король и королева. На концѣ стола, подлѣ курфирста, сѣлъ королевичъ Казиміръ, а напротивъ, подлѣ королевны, королевичъ Карлъ. Банкетъ былъ, однако, очень неудаченъ: кушанья подавали медленно, да и были они уже застылыя. Самъ король жаловался на безвкусіе блюдъ. Банкетъ, однако, продолжался до 11-ти часовъ, послѣ чего курфирста проводили въ Уяздово, а мы отправились на отдыхъ почти голодные.

«8-го октября, курфирстъ, въ свою очередь, задалъ королю банкетъ въ Уяздовѣ.

«9-го октября, около 9-ти часовъ, я пріѣхалъ къ курфирсту, въ Уяздово, вмѣстѣ съ подканцлеромъ великаго княжества литовскаго и застали уже у курфирста короннаго подканцлера. Курфирстъ встрѣтилъ насъ на лѣстницѣ и поздоровался съ нами. Къ нему пріѣхали также послы отъ войска, чтобъ поздравить его съ благо-

получнымъ прибытіемъ въ Варшаву, а также съ принесеніемъ присяги. За обѣдомъ электоръ посадилъ меня возлѣ себя по правой рукѣ, а подканцлера по лѣвой, потомъ уже сѣли прочіе гости. Онъ пользовался особымъ правомъ, присвоеннымъ князьямъ священной римской имперіи, и потому, когда пили за здоровье короля или за его здоровье, то онъ снималъ шляпу, чего, однако, не дѣлалъ, когда пили за здоровье другихъ гостей. После обѣда, мы въ каретѣ проводили курфирста въ королевскій замокъ, гдѣ въ тотъ вечеръ была представлена комедія, подъ названіемъ «Разсказы объ Энеѣ», представлена она была съ большою пышностію. Послѣ представленія, курфирстъ остался у короля, чтобъ провести съ нимъ вечеръ, а затѣмъ зажжены были потѣшные огни на одномъ изъ острововъ Вислы, но король остался не совсѣмъ доволенъ этою забавою. Только въ 3 часа ночи курфирстъ вернулся къ себѣ въ Уяздово.

«10-го октября были розданы подарки курфирста: королю драгоцѣнный перстень и 40,000 злотыхъ, королевѣ 20,000 и брилліантовый уборъ; королевнѣ алмазное украшеніе, и канцлеру коронному 5,000 злотыхъ. Вечеромъ курфирстъ пріѣхалъ въ замокъ на танцы, которые продолжались до 2-хъ часовъ пополуночи. Королевна была очень весела, разсчитывая, что плѣнитъ курфирста, но онъ уѣхалъ не простившись съ нею».

Танцами молодаго курфирста бранденбургскаго, одного изъ предковъ будущихъ королей прусскихъ, и не сбывшимися мечтами королевны польской о бракѣ съ нимъ, оканчиваются польскія сказанія о прежней подвластности Пруссіи Польшѣ; для которой вскорѣ наступила иная, тяжелая пора.

Фридрихъ-Вильгельмъ, называемый обыкновенно «великимъ курфистомъ» былъ основателемъ королевства прусскаго. Въ силу вестфальскаго договора, прекратившаго тридцатилѣтнюю войну, въ 1648 году, и распредѣлившаго сравнительно съ прежнимъ, иначе владѣнія государей въ средней Европѣ,—Фридрихъ Вильгельмъ присоединилъ къ Пруссіи часть восточной Помераніи, а также два епископства: магдебургское и гальберштадтское, обращенныя изъ владѣнія духовенства въ секуляризованныя княжества. За тѣмъ, во время вторженія шведовъ въ Польшу, въ 1655—1660 годахъ, онъ соединился съ королемъ шведскимъ Карломъ X, опустошавшимъ Польшу, и за отступленіе отъ этого союза получилъ отъ короля польскаго, Яна-Казимира, въ 1657 году, въ силу велавскаго договора, увольненіе отъ подданства Польшѣ и тѣмъ самымъ утвердилъ независимость Пруссіи, какъ самостоятельнаго государства. Римско-нѣмецкій императоръ Леопольдъ I, за услуги, оказанныя ему Фридрихомъ-Вильгельмомъ, возвелъ герцогство прусское на степень королевства, а сынъ великаго курфирста принялъ уже лично, 18-го января 1701 года, королевскій титулъ съ именемъ

Фридриха I. Такимъ образомъ, прежніе вассалы Польши, курфирсты бранденбургскіе, изъ гогенцоллернскаго дома, обратились въ королей прусскихъ и собственно приняли тотъ титулъ, который въ отдаленныя времена носили короли польскіе, считавшіеся верховными государями прежней, еще славянской Пруссіи.

Сводя все сказанное нами въ общій итогъ, нельзя не признать, что политика Польши въ отношеніи Пруссіи велась во вредъ Рѣчи-Посполитой, которая, довольствуясь тщеславностью вѣрноподданической обрядности со стороны владѣтелей Пруссіи, не принимала рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію противъ онѣмеченія Пруссіи и допущенія въ ней протестантизма. Даже въ первоначальномъ утвержденіи въ Пруссіи господства нѣмцевъ оказываются виновными польско-мозовецкіе князья, призвавшіе тевтонскихъ рыцарей для покоренія Пруссіи, населенной славянскимъ, и при томъ близко родственнымъ полякамъ, племенемъ. Династическія отношенія имѣли также въ этомъ случаѣ вредное вліяніе, такъ какъ послабленія владѣтелямъ Пруссіи дѣлались, между прочимъ, и вслѣдствіе родственныхъ связей королевско-польскаго дома съ домомъ бранденбургскимъ. Кромѣ того, Польша не воспользовалась разгромомъ тевтонскаго ордена подъ Грюневальдомъ и не отняла у него той части Пруссіи, гдѣ уже утвердились нѣмецкіе рыцари, какъ пришлые завоеватели. Другою весьма важной ошибкой со стороны Польши было допущеніе секуляризаціи духовныхъ владѣній и обращеніе ихъ въ ленныя княжества, въ силу чего вся подвластная Польшѣ Пруссія переходила сплошно въ наслѣдственную собственность бранденбургскаго дома, который не встрѣчалъ уже себѣ сильныхъ соперниковъ въ лицѣ владѣтельныхъ римско-католическихъ епископовъ. Къ ошибочнымъ дѣйствіямъ польской политики въ отношеніи Пруссіи должно причислить еще и назначеніе опекуна надъ слабоумнымъ герцогомъ прусскимъ Альбрехтомъ-Фридрихомъ, тогда какъ его недугъ представлялъ Польшѣ самый удобный случай для утвержденія въ Пруссіи полнаго господства Польши, тѣмъ болѣе, что и сами пруссаки желали имѣть у себя правителемъ кого-либо изъ польскихъ сенаторовъ.

Отдѣленіе Пруссіи отъ Польши отозвалось также крайне-невыгодно и на условіяхъ экономическаго быта послѣдней, такъ какъ Польша, вслѣдствіе такого отдѣленія, была отрѣзана отъ береговъ Балтійскаго моря и лишилась такимъ образомъ возможности вести самостоятельную морскую торговлю.

Е. Карновичъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

WIEDEMANN. GESCHICHTE DER REFORMATION UND GEGENREFORMATION IM LANDE UNTER DER ENNS. BD. III. PRAG. 1882 (Видеманъ. Исторія реформаціи и контръ-реформаціи въ странѣ подъ Эннсомъ. Т. III. Прага. 1882).

ПРИВЕДЕТЪ читателя, безъ сомнѣнія, въ немалое смущеніе заглавіе книги, о которой идетъ рѣчь. Очень вѣроятно, что онъ начнетъ перебирать свой запасъ историческихъ знаній и припоминать, что̀ бы могло случиться замѣчательнаго въ странѣ подъ Эннсомъ. Передъ его умственнымъ взоромъ пройдутъ фигуры Лютера, Меланхтона, Ѳомы Мюнцера, Карла V, Максимиліана Баварскаго, пронесутся Лейпцигъ Вормсъ, Аугсбургъ, въ которыхъ розыгрались отдѣльные акты реформаціонной драмы, но ни съ однимъ изъ этихъ именъ не оказывается въ связи «страна подъ Эннсомъ». Мы попросимъ читателя не утруждать себя далѣе припоминаніемъ. Ничего замѣчательнаго въ странѣ подъ Эннсомъ не произошло, и мы потому именно и останавливаемся на указанной книгѣ. Ничего замѣчательнаго въ странѣ подъ Эннсомъ не произошло, а между тѣмъ человѣкъ пишетъ третій томъ почти въ 700 страницъ по исторіи реформаціи въ этой странѣ, вотъ фактъ, на который мы хотимъ обратить вниманіе, такъ какъ онъ ярко характеризуетъ положеніе современной историографіи.

Мы привыкли съ школьной скамьи дѣлить явленія жизни, вошедшія въ сознаніе современниковъ и потомства, т. е. сдѣлавшіяся достояніемъ исторіи, на замѣчательныя и незамѣчательныя. Къ первой категоріи мы относимъ такія явленія, которыя возбужда-

ютъ въ насъ чувство удивленія, гнѣва, сочувствія и т. п. своей рѣзкой противоположностью массѣ обыденнаго, ко второй всѣ тѣ, которыя не обладаютъ этими признаками. Составитель историческаго учебника изъ массы матеріала, представляемаго обширными курсами и спеціальными монографіями, зачастую выбираетъ сообщенія о томъ, что такой-то государь ломалъ подковы, гнулъ оловянныя тарелки, и въ двухъ строкахъ характеризируетъ политическій строй и экономическое развитіе древнихъ германцевъ; историкъ пишущій для публики, съ любовью останавливается на подвигахъ героизма, на чудовищахъ разврата и жестокости; не довольствуясь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое факты производятъ сами по себѣ, онъ стремится усилить его своимъ изложеніемъ, подчеркиваетъ детали, прикрашиваетъ, выбрасывая за бортъ все то, что не въ состояніи повліять на чувства чителя. Объясненіе такого отношенія къ фактамъ читающей публики и историковъ нужно искать въ прошломъ исторіографіи. Было время, когда тотъ только фактъ сохранялся въ сознаніи современниковъ и передавался потомству, который дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ или на чувства массы и входилъ въ содержаніе народнаго преданія — саги, пѣсни, или на чувства отдѣльнаго человѣка и входилъ въ содержаніе хроники, мемуаровъ; все то, что не возбуждало сильныхъ ощущеній, проходило незамѣченнымъ предъ глазами общества. Греческая исторія групируется около **замѣчательныхъ** фигуръ Кодра, Солона, Калисѳена, Мильтіада, Аристида, Ѳемистокла, Перикла, Алкивіада, Демосѳена; тысячи однообразныхъ фактовъ, въ которыхъ выражались политическія, соціальныя, экономическія отношенія той или другой эпохи, фактовъ образующихъ сѣренькій фонъ, на которомъ выступаютъ эти замѣчальныя фигуры, не вошли въ сознаніе современниковъ, и историкъ получаетъ представленіе о нихъ по какой-нибудь случайно уцѣлѣвшей доскѣ съ надписью. То же должны мы сказать и относительно римской, даже значительной части средневѣковой исторіи. Правда, что сумма матеріаловъ, рисующихъ положеніе массы общества, народа, возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ новому времени, но весь этотъ матеріалъ идетъ еще на то, чтобы освѣтить условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать той или другой замѣчательной личности (Карлъ Великій, Гуго Капетъ, аббатъ Сугерій). Качество и количество матеріала, надъ которымъ оперируетъ мысль изслѣдователя въ области древней и средневѣковой исторіи, который, такъ или иначе, входитъ въ сознаніе читающей публики, создаютъ нѣчто въ родѣ потребности останавливаться въ исторіи только на замѣчательномъ, **индивидуальномъ**, игнорируя обыденное, общее. Подъ вліяніемъ тѣхъ же условій создается другое явленіе, имѣющее рѣшительное вліяніе на характеръ историческаго изслѣдованія. Изслѣдователь, ищущій въ исторіи фактовъ, въ которыхъ бы выражались состоя-

ніе общества и совершающіеся въ немъ измѣненія, пріобрѣтаетъ вслѣдствіе скудости матеріала наклонность третировать, какъ нѣчто чрезвычайно драгоцѣнное, каждый лоскутъ бумаги или пергамента, на которомъ сохранился какой нибудь счетъ, жалоба, дарственная запись, и дѣлать, на основаніи подобнаго клочка, заключенія о той или другой сторонѣ жизни цѣлаго общества. Съ тенденціями подобнаго рода приступаютъ обыкновенно и къ изслѣдованіямъ въ области новой исторіи, но условія измѣняются. Слѣды конкретныхъ явленій жизни, въ которыхъ выражаются отношенія, составляющія содержаніе текущей жизни, остаются не въ одномъ только сознаніи человѣка; они остаются въ формѣ бумагъ, протоколовъ въ архивѣ. Здѣсь нѣтъ мѣста выбору между замѣчательнымъ и незамѣчательнымъ; архивъ безстрастно принимаетъ въ себя матеріальные слѣды самыхъ разнообразныхъ житейскихъ отношеній, онъ подбираетъ слѣдъ, оставленный чудовищнымъ преступленіемъ (въ формѣ обвинительнаго акта, приговора и т. п.), на равнѣ со слѣдомъ, который въ той же формѣ оставляетъ мелкая кража. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе архивъ замѣняетъ мѣсто сознанія въ качествѣ элемента, хранящаго въ себѣ слѣды совершившихся явленій общественной жизни, тѣмъ полнѣе отражается въ немъ пестрая вереница явленій, въ которой выражается жизнь и развитіе человѣчества. Предъ этимъ всепоглощающимъ и всесохраняющимъ чудовищемъ останавливается изслѣдователь, привыкшій относиться, какъ къ драгоцѣнности, къ каждому лоскутку писанной бумаги, воспроизводить почти цѣликомъ все его содержаніе. Что̀ предприметъ онъ въ виду этой подавляющей массы матеріала? Книга Видемана отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Авторъ занялся исторіей реформаціи въ Австріи и погрузился въ изученіе огромнаго матеріала въ видѣ консисторіальныхъ актовъ и подобныхъ архивныхъ документовъ. Въ результатѣ получился трудъ, въ которомъ исторіи реформаціи въ одномъ епископствѣ (нассаускомъ) посвящается томъ въ 700 страницъ, въ одномъ деканатѣ даннаго епископства около 100 страницъ, въ одномъ приходѣ даннаго деканата по нѣскольку страницъ. Въ разбираемомъ III-мъ томѣ изложена исторія реформаціи болѣе чѣмъ въ 300 приходахъ нассаускаго епископства. Какой характеръ имѣетъ изложеніе этой исторіи по приходамъ, читатель пойметъ изъ слѣдующихъ отрывковъ: «Въ приходѣ Вальдгаузенъ послѣднимъ католическимъ пасторомъ былъ Георгъ Мейсснеръ, человѣкъ честнаго поведенія. Въ 1580 г. визитаторамъ въ Горнѣ въ качествѣ вальдгаузенскаго пастора представился Николай Кеппишъ и сообщилъ слѣдующее: родился въ 1544 г. въ Визенталѣ, выучился по-латыни и по-гречески въ Іоахимсталѣ подъ руководствомъ Каспара Эбергарда, въ 1565 г. сдѣланъ проповѣдникомъ въ Рабенфельдѣ, въ 1573 г.—пасторомъ въ Вальдгаузенѣ. Кеппишъ жаловался на одного человѣка, который 12 лѣтъ не хо-

дилъ къ вечернѣ»... «Въ 1580 г. представился визитаторамъ въ Горнѣ въ качествѣ пастора Аллентшвента Георгъ Треферъ и показалъ: родился въ 1540 г. въ Кроаціи, въ Тройѣ, учился въ Лайбахѣ, Тиролѣ и Каринтіи, въ 1562 г. его посвятилъ въ священники епископъ Гуркскій, хотя онъ никогда не былъ папистомъ. Жаловался на упадокъ церковнаго зданія и получилъ въ отвѣтъ приказаніе усердно катехизировать каждое воскресенье послѣ полудня»! «Въ 1580 г. представился въ качествѣ пастора прихода св. Михаила Тебингеръ и сообщилъ: родился... учился... посвященъ. Жаловался на двухъ человѣкъ, которые не ходили ни къ вечернѣ, ни на проповѣдь»... Что получится, если въ такомъ родѣ будетъ составлена исторія приходовъ всѣхъ тѣхъ странъ, которыя были охвачены реформаціоннымъ движеніемъ? Архивы Австріи, Швейцаріи, Германіи, Франціи, Голландіи дадутъ матеріалъ для десяти тысячъ томовъ, подобныхъ написанному Видеманомъ. Но для кого будутъ написаны эти томы? Современная публика не будетъ читать, потому что она привыкла требовать отъ историческoй книги интереса, возбужденія чувствъ, спеціалистъ-историкъ можетъ быть попробуетъ прочитать нѣсколько такихъ томовъ, но впервыхъ, онъ все-таки прочтетъ только нѣсколько, такъ какъ цѣлой человѣческой жизни не хватитъ на прочтеніе тысячъ томовъ, подобныхъ Видемановскому, во вторыхъ, никакая самая чудовищная память не удержитъ всей массы заключающихся въ нихъ конкретныхъ фактовъ, въ третьихъ, человѣкъ, 10—100 тысячъ разъ воспринявшій однородныя впечатлѣнія: родился тамъ-то, учился тамъ-то и т. д., придетъ въ состояніе хроническаго гипноза. Въ концѣ-концовъ, книги останутся не прочитанными, если только любители не составятъ обществъ съ цѣлью совмѣстнаго вылавливанія изъ этихъ томовъ болѣе или менѣе пикантныхъ замѣчательныхъ фактовъ и сведеній ихъ во-едино. Положеніе представляется трагическимъ относительно будущаго, когда чудовище-архивъ будетъ давать милліоны бумагъ для одного года, можетъ быть даже мѣсяца. Не десятки, а сотни тысячъ томовъ будутъ лежать безъ читателей, поглощая непроизводительно капиталы, трудъ, умъ, такъ какъ нужны будутъ ассоціаціи изъ сотенъ, тысячъ людей, рѣшающихся пожертвовать своей жизнью, отказаться отъ наслажденій мышленія ради одного только усвоенія колоссальной груды конкретныхъ явленій. Гдѣ выходъ для историка изъ подобнаго положенія? Что такое отношеніе къ историческому матеріалу ненормально, не соотвѣтствуетъ условіямъ и должно прекратиться, этотъ выводъ продиктуетъ гелертеру жизнь и продиктуетъ въ неумолимой формѣ: не найдется людей, которые стали бы тратить деньги на печатаніе книгъ, которыхъ никто не читаетъ. Но прежде чѣмъ такой приговоръ судьбы будетъ произнесенъ, потратится масса труда на безплодную для науки и цивилизаціи работу перепеча-

тыванія въ географическомъ и хронологическомъ порядкѣ архивнаго матеріала. А между тѣмъ, предотвратить эту безплодную трату умственныхъ силъ такъ легко. Нужно только обратить вниманіе на то, что съ измѣнившимися условіями отраженія общественныхъ явленій измѣняются и задачи изслѣдованія. Архивъ пересоздаетъ исторію. Исторія, слагающаяся изъ фактовъ, сохранившихся въ отраженномъ видѣ въ сознаніи человѣка, въ концѣ-концевъ всегда остается повѣствованіемъ, повѣствованіемъ о замѣчательномъ, индивуальномъ. Исторія, слагающаяся изъ матеріаловъ, которые даетъ архивъ, не можетъ, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, ни остаться повѣствованіемъ, ни оперировать надъ индивидуальнымъ. Ея матеріалъ слагается изъ фактовъ, которые при малѣйшемъ вниманіи къ ихъ природѣ, представляются обладающими общими признаками, распадаются на категоріи. Уже при чтеніи книги, подобной Видемановской, индивидуальныя признаки явленій сглаживаются и образуются предоставленія о такомъ-то количествѣ доносовъ и нехожденіи въ церковь, напримѣръ, о такомъ-то количествѣ пасторовъ, перешедшихъ отъ католицизма къ лютеранству, при чемъ изъ памяти исчезаютъ имена доносчиковъ и отступниковъ, чувствуется потребность распредѣлить этотъ матеріалъ въ однородности, въ таблицы, найти въ этой грудѣ матеріала средства для количественнаго опредѣленія силы отдѣльныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ ходъ реформаціи въ данной мѣстности. Историческое изслѣдованіе надъ архивнымъ матеріаломъ должно удовлетворять потребностямъ подобнаго рода. Оно должно оперировать не надъ единичными явленіями, а надъ группами однородныхъ явленій, не описывать ихъ, не повѣствовать, а изслѣдовать отношенія между ними, говорить цифрами объ измѣненіяхъ, совершающихся въ состояніи общества, о факторахъ этихъ измѣненій и ихъ относительной силѣ. Только въ этой формѣ обильный архивный матеріалъ можетъ войти въ сознаніе общества, сдѣлаться достояніемъ исторической науки.

И. Смирновъ.

Biographisches Schriftsteller Lexicon der Gegenwart von Franz Bornmüller (Біографическій лексиконъ писателей настоящаго времени, Фр. Борнмюллера. Одинъ томъ въ 800 страницъ убористаго текста въ два столбца).

Во Франціи уже много лѣтъ издается «Словарь современниковъ» (Dictionnaire des contemporains) Вапero, извѣстный всякому библіографу. Въ 1881 году появилось пятое изданіе этого замѣчательнаго труда, пополняемаго, конечно, при каждомъ новомъ выпускѣ въ свѣтъ и, въ то же время, сокращаемаго, такъ какъ лица умершія нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, исключаются изъ новыхъ изданій. Подобные словари существуютъ и на нѣмецкомъ языкѣ, но, несмотря на признанную всѣми точность и добросовѣстность нѣмцевъ въ серьезныхъ трудахъ, всѣ подобныя сочиненія слабѣе словаря Ваперо, хотя этотъ французскій писатель обращаетъ преимущественно вниманіе на своихъ соотечественниковъ, и въ біографіяхъ иностранныхъ дѣятелей у него нерѣдко встрѣчаются большіе пробѣлы и промахи. Въ концѣ прошлаго года Борнмюллеръ составилъ словарь извѣстнѣйшихъ современниковъ въ области національной литературы всѣхъ народовъ, съ біографическимъ указаніемъ на главнѣйшіе труды этихъ писателей. Это весьма почтенный и полезный трудъ, хотя и здѣсь авторъ отдаетъ предпочтеніе своимъ соотечественникамъ, отводя имъ болѣе мѣста въ своемъ словарѣ, чѣмъ иноземцамъ. Но, во всякомъ случаѣ, біографіи иностранныхъ писателей составлены также добросовѣстно, хотя и не такъ полно. Авторъ только самъ съузилъ свою задачу, помѣстивъ въ словарѣ далеко не всѣхъ писателей, но преимущественно беллетристовъ и представителей народной литературы. Къ нимъ присоединены еще историки и писатели по исторіи культуры вообще, искусствъ и литературы. Изъ ученыхъ лицъ въ словарѣ нашли мѣсто только такія, которыя популяризовали научныя истины или вліяли на развитіе массъ. Поэтому всѣ спеціальные, техническіе и теоретическіе труды и ихъ представители вовсе не упоминаются въ словарѣ, гдѣ однако же помѣщены всѣ знаменитости науки, какъ Дарвинъ, Фохтъ, Вирховъ, Молешотъ, и философіи, какъ Штраусъ, Шопенгауеръ, Гартманъ, Фейербахъ, Бюхнеръ и др. Авторъ не держится также строго современности, и въ его словарь включены не только лица, умершія не ранѣе 1870 года (этотъ терминъ упоминаетъ онъ въ предисловіи), но и за нѣсколько лѣтъ до этого срока. Такъ, у него помѣщена біографія Шопенгауера, умершаго еще въ 1860 году. Что касается до русскихъ писателей, у Борнмюллера ихъ гораздо меньше, чѣмъ въ «Біографическомъ словарѣ современныхъ писателей» 1881 года Анджело де-Губернатиса (Dizionario biografico degli scrittori contemporanei) и въ этомъ отношеніи нѣмецкій словарь далеко уступаетъ итальянскому. Біографіи нашихъ соотечественниковъ у Борнмюллера хотя и коротки, но не заключаютъ въ себѣ большихъ пробѣловъ; приведены въ переводѣ названія главныхъ трудовъ Гончарова, Тургенева, Островскаго; ихъ біографіи также какъ Алексѣя и Льва Толстыхъ, Салтыкова, Герцена, Чернышевскаго, Даля, Полонскаго и др. Біографія г. Данилевскаго уже слишкомъ подробна; Сологубъ показанъ еще въ живыхъ; Н. Д. Хвощинская упомянута подъ псевдонимомъ Крестовскаго, причемъ, вмѣсто ея всѣмъ извѣстной фамиліи, названо никому неизвѣстное имя ея покойнаго мужа; главный романъ ея названъ «Der grosse Bär», литературное поприще она начала вовсе не повѣстью «Анна Михай-

ловна». Подобные мелкіе промахи попадаются еще кое-гдѣ, но это не мѣшаетъ труду Борнмюллера быть весьма замѣчательнымъ. Русскія біографіи составлены, какъ сказано въ предисловіи, д-ромъ Константиномъ Юргенсомъ въ Петербургѣ. По другимъ языкамъ у составителя словаря показано еще десять сотрудниковъ. Въ концѣ книги помѣщенъ также алфавитный перечень всѣхъ болѣе употребительныхъ псевдонимовъ писателей разныхъ національностей.

В. З.

Die Katakomben. Die altchristlichen Grabstätten. Ihre Geschishte und ihre Monumente dargestellt von Victor Schultze (Катакомбы, древнехристіанскія мѣста погребенія, ихъ исторія и памятники. В. Шульце).

Въ послѣднее время, когда Римъ сдѣлался столицею не одного папства, а итальянскаго королевства, правительство короля Италіи обратило особенное вниманіе на раскопки въ вѣчномъ городѣ, и послѣднія работы по этой части внесли много новаго въ область исторіи, археологіи и искусства древняго Рима. Весьма любопытныя открытія были сдѣланы и въ катакомбахъ, этой подземной усыпальницѣ христіанскаго Рима, и, еще въ 1881 году, одинъ изъ усердныхъ послѣдователей Росси, тридцать лѣтъ работавшаго въ катакомбахъ, Теофиль Роллеръ, издалъ сводъ всѣхъ этихъ открытій подъ названіемъ: «Les catacombes de Rome. Histoire de l'art et des croyances réligieuses pendant les premiers siècles du christianisme». Сочиненіе это, богатое содержаніемъ, грѣшитъ несистематичностью общаго плана, а мѣстами и произвольнымъ толкованіемъ надписей и символическихъ изображеній. По отношенію къ исторіи искусства, трудъ Роллера болѣе относится къ области догматики, чѣмъ къ эстетической оцѣнкѣ произведеній искусства. Всѣхъ этихъ недостатковъ чужда вышедшая въ концѣ прошлаго года книга доцента лейпцигскаго университета Шульце. Это самое полное и подробное сочиненіе по этой части, превосходно систематизированное, отличающееся совершеннымъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ предвзятыхъ тенденцій. Авторъ начинаетъ съ исторіи и литературы раскопокъ въ катакомбахъ, упоминая обо всѣхъ сочиненіяхъ, изданныхъ по этому предмету, но не представляя ихъ критической оцѣнки. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію сущности древнехристіанскаго погребенія, излагаетъ воззрѣнія на него народа и духовенства, устройство мѣстъ погребенія и управленія ими, погребальные обряды, наконецъ, подробно описываетъ катакомбы, ихъ положеніе, архитектурныя детали и переходитъ къ произведеніямъ древнехристіанскаго искусства, которыми украшались катакомбы.

Это самая обширная часть сочиненія, гдѣ излагаются иконографія, символическій и историческій циклы, основанія живописи и скульптуры той эпохи, олицетворенія символовъ, наконецъ, описаны золотые сосуды найденные въ катакомбахъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ о внутреннемъ убранствѣ гробницъ, домашней утвари, разныхъ инструментахъ, употребляемыхъ въ обыденной жизни и при занятіи ремеслами, о сосудахъ для храненія крови, объ амулетахъ, туалетныхъ принадлежностяхъ, даже объ игрушкахъ. Слѣдующій отдѣлъ посвященъ надписямъ, по отношенію къ ихъ содержанію, хронологіи, техники и почерку письма. Въ послѣднемъ, шестомъ отдѣлѣ книги описаны отдѣльныя мѣста древнехристіанскихъ погребеній въ Мелосѣ, Александріи, Кирене, Джирдженти, Наро, Палацуоло, Палермо, Кастелламаре, Прато, Неаполѣ и другія римскія кладбища, кромѣ катакомбъ. Послѣднею описана подземная погребальница въ Фюнфкирхенѣ въ Венгріи, открытая въ 1780 году, съ рисунками древнехристіанской живописи на стѣнахъ. Это единственный памятникъ такого рода катакомбъ найденный по сю сторону Альпъ, принадлежащій, судя по рисункамъ, IV-му вѣку по Р. X. Въ текстѣ книги помѣщены 53 рисунка, изображающіе внутренность катакомбъ, ихъ расположеніе, найденные въ нихъ предметы, снимки съ надписей и т. п. Сверхъ того, приложенъ указатель собственныхъ именъ и предметовъ. Вообще, кромѣ свода всего, что̀ извѣстно объ этомъ предметѣ, сочиненіе Шульце заключаетъ въ себѣ много новаго о древнемъ искусствѣ и археологіи, такъ какъ авторъ имѣлъ случай на мѣстѣ дѣлать новыя открытія, особенно въ катакомбахъ Сициліи, и многіе спорные вопросы по этой части рѣшены имъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, а выводы представлены съ строгою историческою критикою. Книга въ 352 страницы, изданная въ Лейпцигѣ, замѣчательна и въ типографскомъ отношеніи.

В. З.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Мазепа. Историческая монографія Н. И. Костомарова. Москва, 1883 г.

Новый трудъ нашего неутомимо-плодовитаго, маститаго историка, прежде своего выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, печатался въ московскомъ ежемѣсячномъ журналѣ «Русская Мысль». Онъ безспорно долженъ быть отнесенъ, по своимъ достоинствамъ, къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій въ нашей исторической литературѣ за послѣднее время. Достоинства трудовъ г. Костомарова хорошо извѣстны и давно оцѣнены критикой. Огромная эрудиція, строгая научность изслѣдованія, блестящая талантливость изложенія и, въ особенности цѣнный въ историкѣ, глубокій критическій анализъ—вотъ обычныя качества монографій г. Костомарова; ими отличается и его новая книга о Мазепѣ, представляющая, сверхъ того, богатый вкладъ въ нашу литературу по новизнѣ и обилію матеріаловъ, трудолюбиво извлеченныхъ авторомъ изъ сокровищъ нашихъ архивовъ и впервые имъ опубликованныхъ въ печати.

До сихъ поръ у насъ о Мазепѣ хотя писалось много и хотя эта историческая фигура—одна изъ наиболѣе запечатлѣвшихся въ народной памяти въ характеристическомъ образѣ, преданнаго анаѳемѣ, измѣнника; но такой полноты свѣдѣній о немъ и такаго яркаго, всесторонняго освѣщенія его личности, какія даны въ книгѣ г. Костомарова, положительно не было.

Прежде всего, и всего, конечно, важнѣе въ интересѣ исторіи—вопросъ, какимъ образомъ Мазепа пришелъ къ измѣнѣ Россіи въ рѣшительный моментъ ея гигантской борьбы съ Карломъ XII:—руководили-ли имъ широкія національно-политическія задачи, или—одно личное честолюбіе и политическое своекорыстіе, въ видахъ достиженія короны независимаго государя независимой Малороссіи?

Этотъ вопросъ, очень мало разъясненный до сихъ поръ и разнорѣчиво рѣшаемый, занималъ главнымъ образомъ и г. Костомарова. Почтенный историкъ отвѣтилъ на него категорически въ отрицательномъ смыслѣ, безпощадно осудивъ и Мазепу, и его замыселъ.

«Гетманъ Мазепа, говоритъ онъ въ заключеніи, какъ историческая личность, не былъ представителемъ никакой національной идеи. Это былъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ слова. Полякъ по воспитанію и пріемамъ жизни, онъ перешелъ въ Малороссію и тамъ сдѣлалъ себѣ карьеру, поддѣлываясь къ московскимъ властямъ и отнюдь не останавливаясь ни передъ какими безнравственными путями. Самое вѣрное опредѣленіе этой личности будетъ если скажемъ, что эта была воплощенная ложь. Онъ лгалъ передъ всѣми, всѣхъ обманывалъ—и поляковъ, и малороссіянъ, и царя, и Карла, всѣмъ готовъ былъ дѣлать зло, какъ только представлялась ему возможность получить себѣ выгоду или вывернуться изъ опасности. Онъ воспользовался существовавшимъ у малороссіянъ желаніемъ сохранить автономію своей страны и свою національность, и обманывалъ старшинъ, будто у него планъ — пріобрѣсть для Украины самостоятельность. Но на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ его тайный договоръ съ Лещинскимъ, онъ думалъ отдать Украину подъ власть Польши»... «Онъ и не могъ добиваться передъ королями шведскимъ и польскимъ независимости Украинъ: Станиславъ, какъ польскій король, не могъ и не долженъ былъ отрекаться отъ наслѣдственныхъ правъ Рѣчи-Посполитой на Украину; притомъ, самъ Мазепа зналъ хорошо, что народъ, ненавидѣвшій его, не будетъ повиноваться новой династіи, которая должна-бы начаться съ него, Мазепы»... «Что онъ только обманывалъ своихъ малороссійскихъ соумышленниковъ призракомъ независимости, а на самомъ дѣлѣ собирался ввергнуть ихъ со всею страною въ рабство—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и Петръ, обличавшій въ томъ Мазепу передъ всѣмъ малороссійскимъ народомъ, былъ совершенно правъ»... «Ясно, что Мазепа не измѣнилъ бы царю Петру, если бы не показалось ему, что, такъ сказать, акціи царя падаютъ, а акціи Карла подымаются»... «Въ такихъ-то обстоятельствахъ эгоистъ-гетманъ не задумался измѣнить своему благодѣтелю и, конечно, думалъ, что онъ совершаетъ актъ мудрой и проницательной политики. Но не прошло и мѣсяца, какъ Мазепа увидалъ, что онъ ошибся. И большинство казаковъ, и весь малороссійскій народъ—все пошло не за него, а противъ него».

Это было, дѣйствительно, такъ; но позволяемъ себѣ думать, что почтенный историкъ едва ли правъ, отказывая Мазепѣ и его политикѣ въ малѣйшемъ присутствіи «національной идеи». Несомнѣнно, что Мазепа въ той или другой долѣ, былъ выразителемъ этой идеи, хотя—выразитель онъ былъ неудачный, шедшій кривыми путями и неспособный стать народнымъ героемъ—творцомъ независимости своей родины. Намъ кажется, что къ истинному пониманію шага, сдѣланнаго Мазепой, и всего образа его дѣйствій, слѣдуетъ подойти отъ предварительнаго рѣшенія двухъ существенно-важныхъ въ данномъ случаѣ вопросовъ: во-первыхъ, существовала-ли, или нѣтъ въ средѣ малороссійскаго народа идея политической независимости и, во-вторыхъ, если существовала дѣйствительно, то въ какой степени она была осуществима, сообразно съ условіями исторической необходимости?

Что идея эта, дѣйствительно, существовала—этого нѣтъ нужды доказыва ь, да и самъ г. Костомаровъ ея не отрицаетъ.

«Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы въ тѣ времена народъ малороссійскій питалъ какую-то привязанность къ Русской державѣ и къ соединенію съ «москалями»; напротивъ, мы на каждомъ шагу натыкаемся, такъ сказать, на факты взаимнаго недружелюбія и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народъ малороссійскій не сознавалъ своей народной личности и не желалъ національной независимости. Много было условій, дѣлавшихъ возможнымъ отпаденіе малороссіянъ отъ вѣрности къ русскому царю. И однако, вышло не то. Народъ интинктивно почуялъ ложь въ тѣхъ призракахъ свободы, которые ему выставляли. Онъ уже и прежде лучше самого Петра и его министровъ раскусилъ своего гетмана, считалъ его ляхомъ, готовымъ измѣнить царю съ тѣмъ, чтобы отдать Украину въ рабство Польшѣ»...

Вотъ въ этомъ-то пунктѣ и возбуждается въ читателѣ сомнѣніе: точно-ли у Мазепы не было другой цѣли и другой задачи, какъ только отдать свою родину въ рабство Польшѣ? Если даже допустить, что онъ дѣйствовалъ изъ однихъ узкихъ, эгоистическихъ видовъ и что онъ питалъ симпатіи къ полякамъ, то нельзя понять, какая выгода была для него лично отдавать Малороссію Польшѣ тогда, какъ онъ отлично зналъ ея тогдашнее политическое разстройство и безсиліе, зналъ, что малороссійскій народъ ненавидитъ поляковъ и встрѣтитъ возобновленіе ихъ владычества надъ собою открытой враждой? Наконецъ, какая надобность была для него лично мѣнять русское подданство на польское, когда на первое онъ не могъ пожаловаться, по отношенію къ себѣ, широко пользуясь довѣріемъ, милостями и благодѣяніями русскаго правительства? И, наконецъ, какъ допустить въ осторожномъ, умномъ и разсчетливомъ старикѣ легкомысленное обольщеніе благосклонностью польскаго короля Станислава Лещинскаго, который у себя дома, въ королевствѣ, былъ скитальцемъ, непризнаннымъ большинствомъ поляковъ, и бѣгалъ съ одного мѣста на другое, укрываясь отъ преслѣдованій противниковъ?.. Въ книгѣ г. Костомарова есть прямое указаніе, что Мазепа, когда Лещинскій обратился къ нему съ соблазнами, безъ церемоніи «обличалъ суетность его обѣщаній вольностей малороссійскому народу», напоминалъ жестокости поляковъ въ Украинѣ и отказывалъ Станиславу во всякомъ кредитѣ, какъ такому странному королю, который «самъ не болѣе, какъ невольникъ шведскаго короля».

Правда, впослѣдствіи, рѣшившись на измѣну Россіи, Мазепа началъ сношенія съ Лещинскимъ и поляками, обольшая ихъ возвращеніемъ Малороссіи въ подданство Польшѣ; но самъ же г. Костомаровъ говоритъ, что въ данномъ случаѣ, онъ обманывалъ ихъ такимъ же точно образомъ, какъ обманывалъ всѣхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что поляки и ихъ несчастный король были нужны ему только какъ союзники, какъ лишняя поддержка въ критическую минуту для достиженія задуманнаго плана. Обѣщаніе подданства полякамъ было, разумѣется, не болѣе, какъ приманка, ни къ чему серьезно не обязывавшая и отъ которой, потомъ, когда пришло-бы дѣло до разсчета, можно было такъ или иначе отдѣлаться. Мазепа въ этомъ случаѣ поступалъ классически, и его торгъ съ поляками — вовсе не единственный въ своемъ родѣ примѣръ въ исторіи Малороссіи. Вѣдь, и великій Богданъ Хмѣльницкій не стѣснялся торговать подданствомъ, смотря по обстоятельствамъ, то съ поляками, то съ турками, то съ Москвою. Но когда онъ, напримѣръ, предлагалъ Малороссію въ подданство турецкому султану, то, безъ сомнѣнія, ни-

кому не могло придти въ голову, будто онъ желаетъ закабалить свою родину въ турецкую неволю. Это была только политика, и мы не видимъ основаній думать, чтобы Мазепа только о томъ и помышлялъ, только къ тому и стремился, чтобы «отдать Украину въ рабство Польшѣ».

И по логикѣ вещей, и по историческимъ обстоятельствамъ, ясно, что планъ его, безспорно внушенный эгоистическимъ честолюбіемъ, но опиравшійся на стремленіи народа къ независимости, могъ имѣть цѣлью никакъ не польское подданство, а—созданіе малороссійской короны. И нужно сказать, что для этой задачи Мазепа выбралъ моментъ, казавшійся наиболѣе подходящимъ и удачнымъ.

Россія была ослаблена и истощена борьбою со шведами и внутренними неурядицами, господствовала повсюду увѣренность, что героическій Карлъ разгромитъ ее окончательно; Польша, давно уже обезсиленная и разстроенная, раздиралась внутренними междоусобицами и не обнаруживала никакихъ признаковъ силы, достаточной для активной, вліятельной роли въ международныхъ отношеніяхъ; побѣдоносный шведскій король искалъ войны для войны. Онъ представлялъ удобнѣйшее орудіе для достиженія задуманнаго Мазепою плана. Союзъ съ нимъ обѣщалъ полное освобожденіе отъ владычества Россіи, которое, въ данномъ случаѣ, не могло замѣниться шведскимъ. Съ этой стороны шведскій союзъ не представлялъ никакой опасности. Было очевидно, что шведы не могутъ остаться въ Малороссіи и не могутъ даже въ помыслѣ имѣть притязаніе овладѣть Малороссіей, отдѣленной отъ ихъ государства огромнымъ пространствомъ и моря, и суши. Словомъ, лучшей, удобнѣйшей оказіи для созданія самостоятельнаго малороссійскаго государства нельзя было представить, что, безъ сомнѣнія, и увлекло Мазепу, вмѣстѣ съ его единомышленниками, на путь открытой измѣны Петру.

«И однако, вышло не то», какъ говоритъ г. Костомаровъ. Планъ Мазепы постыдно разрушился; но—была-ли это только случайность и игра фортуны, капризно повернувшейся вдругъ спиною подъ стѣнами Полтавы къ воинственному шведскому королю, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ его союзнику, малороссійскому гетману?

То, что кажется случайнымъ вблизи и на простой глазъ, съ точки зрѣнія историческаго глазомѣра представляется послѣдовательнымъ, естественнымъ звеномъ въ цѣпи событій, вліяющихъ на судьбы государствъ и народовъ. Малороссія, ни по внутреннему своему укладу, ни по составу своей національности, ни по своему внѣшнему историко-географическому положенію, не могла образоваться въ самостоятельное и независимое государство, какимъ она никогда и не была, строго говоря. Судьба ея была поставлена въ тѣсную зависимость отъ сосѣднихъ съ нею, болѣе сильныхъ и вполнѣ сформировавшихся въ политическомъ отношеніи, одноплеменныхъ, самостоятельныхъ государствъ: Польши и Россіи. Естественно-историческимъ путемъ она должна была, въ концѣ-концовъ, быть поглощенной кѣмъ нибудь изъ нихъ двухъ, и—какъ извѣстно—обладаніе Украиной составляло существенную кость вѣковой кровавой борьбы между Россіей и Польшей. Отъ исхода этой борьбы зависѣлъ вопросъ—кѣмъ будетъ поглощена Малороссія? Исторія рѣшила споръ въ пользу Россіи, и—Малороссія на вѣки вѣчные должна была считаться съ нею еще и потому, что помимо правъ завоеванія, Россія имѣла несравненно болѣе Польши правъ на симпатіи малороссіанъ, на основаніи близкаго этнографическаго родства, единства вѣры, единства историческаго прошлаго и его преданій.

Но это—конечный, безповоротный выводъ исторіи, до котораго народы приходятъ, обыкновенно, путемъ длинныхъ испытаній и уроковъ.

Теперь, конечно, ни въ одной благоустроенной головѣ малоросса не можетъ найти мѣсто идея о полической самостоятельности Малороссіи, какъ обособленнаго государства; но во времена Мазепы идея эта еще не казалась эфемерной и волновала горячія головы многихъ малороссіянъ-патріотовъ. Вытекала она не изъ политическаго идеализма, а прежде всего изъ горькаго опыта. Народъ малороссійскій имѣлъ, какъ извѣстно, свои идеалы «вольности» и выработалъ кое-какія формы своей государственной конституціи, основанной на правахъ народа. Безъ сомнѣнія, онъ не хотѣлъ поступиться ими и—это тѣмъ болѣе, что зависимость какъ отъ польскаго, такъ и отъ московскаго правительства, поочередно имъ испытанная, одинаково не представляла въ себѣ ничего заманчиваго. Тяжело было малороссамъ подъ польскимъ владычествомъ, не легко чувствовали они себя и подъ московскимъ. Естественно было, при такихъ условіяхъ, бродить идеѣ объ освобожденіи, о созданіи мечтательнаго казацкаго государства, и—явись въ роли выразителя этихъ мечтаній и вождя народнаго личность болѣе чистая, болѣе талантливая и героическая и, главное, болѣе популярная въ народѣ, чѣмъ Мазепа, рѣшеніе вопроса о независимости Малороссіи могло-бы затянуться...

Г. Костомаровъ очень вѣрно замѣтилъ, что малороссійскій народъ инстинктивно покоряясь исторической необходимости, отказался отъ идеи независимости, сознавая безплодность борьбы изъ-за нея съ Москвою, и отлично понявъ, что не Мазепѣ, съ его криводушіемъ и лживостью, освободить его. «Народъ остался вѣренъ царю, говоритъ почтенный историкъ, даже не изъ какой-либо привязанности, не изъ благоговѣйнаго чувства къ монарху, а просто оттого, что изъ двухъ золъ надо было выбирать меньшее. Какъ-бы ни тяжело было ему подъ гнетомъ московскихъ властей, но онъ по опыту зналъ, что гнетъ польскихъ пановъ сталъ-бы для него тяжелѣе. Подъ русскою властью по крайней мѣрѣ оставалось для него всегда духовное утѣшеніе—вѣра его отцовъ, которую никакъ уже не могли-бы попирать «москали», какъ-бы ни относились они ко всѣмъ остальнымъ народнымъ правамъ. Этого одного ужъ было достаточно».

Тѣмъ не менѣе, нельзя, намъ кажется, не признать, что въ попыткѣ Мазепы проявилось не одно лишь только его личное своекорыстіе, какъ полагаетъ г. Костомаровъ, но, въ извѣстной степени, и тлѣвшее въ малороссійскомъ народѣ или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой его части старое стремленіе къ національной и политической независимости. Какъ бы тамъ ни было, но въ этой попыткѣ сказалась, какъ-бы, лебединая пѣсня этой независимости — правда, фальшиво и хрипло, старческими устами спѣтая, однако-жъ, мотивы-то ея несомнѣнно шли изъ глубины народной груди. Вѣдь нельзя-же отрицать того факта, что у Мазепы было немало единомышленниковъ и что среди нихъ находились горячіе патріоты, сознательно и самоотверженно несшіе свои головы подъ поднятымъ старымъ гатманомъ знаменемъ свободы. Ихъ не нужно забывать при оцѣнкѣ совершоннаго Мазепой шага.

Мих. Н—евичъ.

Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности. Профессора М. Кояловича. Спб. 1883 г.

Эта брошюра составляетъ воспроизведеніе, съ нѣкоторыми дополненіями, рѣчи, произнесенной профессоромъ Кояловичемъ въ засѣданіи славянскаго благотворительнаго общества. Какъ попытка въ сравнительно-немногихъ словахъ характеризовать историческую сущность русской культуры, брошюра представляетъ несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что по своимъ идеямъ чужда духа исключительности, который бы подрывалъ довѣріе къ ней въ обыкновенномъ читателѣ. Не ограничиваясь внѣшнимъ ростомъ первоначальнаго русскаго этнографическаго ядра, авторъ подробно останавливается на внутреннихъ культурныхъ свойствахъ, выработанныхъ русскою жизнью: такъ, онъ очерчиваетъ русскую земельную общину со сходкой и міромъ, — артельную форму въ торговыхъ и промышленныхъ корпораціяхъ,—вѣчевую форму въ исторической жизни. Одно и то же начало проникаетъ эти разновидности формъ—начало братства, дружества, человѣчности.

Въ политической жизни Россіи, это начало готово было выразиться еще рельефнѣе. Обозрѣвая событія русской исторіи, г. Кояловичъ останавливается на величавой личности Владиміра Мономаха, по почину котораго дѣлалась попытка къ образованію «общерусскаго вѣча съ вѣчевымъ властнымъ княземъ во главѣ». Такъ объясняетъ авторъ приглашеніе Мономаха черниговскому Олегу прибыть въ Кіевъ и положить совѣтъ о русской землѣ «предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людми градскыми»... Въ попыткѣ съѣздовъ княжескихъ лежало зерно будущаго союза русскихъ князей, еслибы тому не помѣшало нашествіе татарское. Видоизмѣнивъ форму культурнообщественнаго участія народа, оно усилило единое монархическое начало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилось начало народное, хотя въ измѣненномъ видѣ: московскіе цари стали созывать земскіе соборы, сыгравшіе видную роль въ русской исторической жизни.

Не обойденъ молчаніемъ въ брошюрѣ почтеннаго профессора и щекотливый вопросъ о культурномъ отношеніи русской народности къ другимъ народностямъ, населяющимъ территорію Россіи. «Существуетъ упорное мнѣніе и среди иноземцевъ, и среди русскихъ, говоритъ авторъ, что можно сдѣлать русскому народу снисходительную уступку, допустить, что онъ можетъ имѣть культурную миссію на востокѣ; но на западѣ онъ, по этому мнѣнію, проявляетъ одно варварство, безсиленъ передъ своими инородцами, болѣе его культурными, и долженъ подчиняться ихъ вліянію». Профессоръ Кояловичъ энергически возстаетъ противъ такого взгляда и напоминаетъ любопытное явленіе, мало подмѣчаемое печатью,—именно, что Россія держитъ свои сѣверозападныя и западныя окраины не одними только матеріальными, но и культурными силами. Исключая изъ своей исторіи тѣ страшные пути насилій по отношенію къ инородцамъ, какіе были усвоены въ западной Европѣ, ассимилируя своихъ инородцевъ болѣе всего путемъ этнографическаго смѣшенія, Россія, по наблюденію автора, притягиваетъ къ себѣ «верхніе, пришлые слои нашихъ сѣверозападныхъ окраинъ—шведовъ, балтійскихъ нѣмцевъ, поляковъ». Такое утвержденіе г. Кояловича, можетъ показаться на первый взглядъ парадоксальнымъ. У насъ ли не говорится о сепаративныхъ стремленіяхъ нашихъ окраинъ за послѣднее время: находятся публицисты, которые предвидятъ, что Польша и Остзейскій край и Финляндія ждутъ не дож-

дутся, при первой возможности, ускользнуть изъ состава Россіи. Между тѣмъ, подобныя тенденціи могутъ быть свойственны развѣ отдѣльнымъ индивидуумамъ, не проникнутымъ жизнью края. Суть же дѣла въ томъ, что этимъ окраинамъ можетъ быть заманчива только болѣе полная автономія, безъ отторженія отъ Россіи, «въ которой они находятъ такія громадныя выгоды: государственныя, торговыя, промышленныя, что, въ сравненіи съ этими выгодами, для нихъ совершенно ничтожны блага ихъ родинъ, въ случаѣ ихъ полной отдѣльности или даже отторженія отъ Россіи». На нашихъ глазахъ, изъ этихъ самыхъ окраинъ множество отдѣльныхъ личностей находятъ для себя выгоднымъ устремляться не за границу, а именно внутрь Россіи для житья, для промысловъ. Если это замѣчено относительно высшихъ классовъ, то по отношенію къ простому народу такое движеніе проявлялось еще болѣе. Скажутъ: это исключительно матеріальное воздѣйствіе Россіи, благодаря ея внѣшнему простору. Но существуетъ и культурное, обстоятельно изложенное у автора и сообразное съ общимъ характеромъ нашей культурности. Это — защита слабыхъ отъ произвола сильныхъ, охрана туземнаго населенія отъ пришельцевъ. Не повторяя слишкомъ извѣстныхъ примѣровъ такого отношенія въ западныхъ окраинахъ, напомнимъ здѣсь только Кавказъ, гдѣ многочисленныя племена русская власть охраняетъ отъ незаконнаго преобладанія одного надъ другимъ и всѣхъ ихъ отъ злоупотребленій мѣстныхъ князьковъ, хановъ. Въ средней Азіи дѣломъ Россіи было освобожденіе рабовъ и преобладающее значеніе земледѣльческихъ племенъ надъ военными. Человѣчность — такова, по мысли автора, основная черта русскихъ отношеній къ инородцамъ.

Къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ на практикѣ, и общія хорошія начинанія, вносимыя всюду русской народностью, нерѣдко парализуются дѣйствіями мелкихъ агентовъ и промышленниковъ, поставленныхъ въ непосредственныя отношенія къ инородцамъ. Это не умаляетъ, конечно, общаго культурнаго характера отношеній Россіи къ инородцамъ, но заставляетъ желать поправокъ и порядка въ подробностяхъ.

Въ связи съ хорошимъ свойствомъ русской культуры находится вопросъ, слишкомъ часто дебатируемый въ журналистикѣ, но—по существу своему—безплодный, вопросъ о европейскихъ началахъ и вліяніяхъ въ русской культурности, въ противоположность началамъ русскимъ, народнымъ. Эта противоположность совершенно мнимая, такъ какъ вѣрность основнымъ началамъ русской народности вовсе не тождественна съ китайскою замкнутостью, съ восточнымъ презрѣніемъ къ чуждой цивилизаціи. Профессоръ Кояловичъ, въ разбираемой брошюрѣ, вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «мы не должны и не можетъ устраняться отъ общенія съ другими культурными народами Европы, отъ усвоенія себѣ историческихъ опытовъ жизни старыхъ цивилизованныхъ народовъ». Изъ ихъ цивилизаціи слѣдуетъ исключать лишь національныя особенности, удерживая себѣ общіе результаты, добытые культурой, не повторяя также чужихъ ошибокъ.

Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ мы не согласны съ тѣми мѣстами книжки г. Кояловича, гдѣ авторъ коснулся, такъ называемыхъ, русскихъ латинянъ. Если въ старомъ русскомъ знамени народность и вѣра были слиты нераздѣльно, то такое единеніе давно отжило свой вѣкъ и вообще возможно только въ государствахъ съ преобладающимъ теократическимъ характеромъ. Съ Петра Великаго и дальше государственное наше знамя, становится чисто

свѣтскимъ; если нашимъ раскольникамъ и старообрядцамъ не даны еще одинаковыя права съ прочими иновѣрными обывателями русскаго государства, то это уже непослѣдовательно. Старообрядческіе выходцы за границу, сохранили русскую народность, какъ нельзя лучше. Русскіе католики вызвали въ самое послѣднее время въ печати оживленное къ себѣ вниманіе и занимаютъ видную страницу въ исторіи русскихъ переговоровъ съ Римомъ. Привнесеніе подобныхъ составныхъ частей въ составъ русской народности, вредитъ ли ея культурнымъ задачамъ? Нисколько, потому что, по мѣрѣ гражданскаго развитія общества, неизбѣжно становится болѣе и болѣе признаваемою та простая истина, что вѣра на тотъ или другой образецъ и даже самое невѣріе — составляютъ дѣло совѣсти каждаго и къ государственному характеру страны, къ культурнымъ особенностямъ народности, не имѣютъ отношенія.

Если мы теперь переживаемъ, какъ выражается авторъ, время новаго собиранія русской земли, уже не областнаго въ предѣлахъ русскаго племени, а этнографическаго и культурнаго въ предѣлахъ русскаго государства, то такое собираніе тогда лишь дастъ правильный ходъ дальнѣйшему русскому культурному движенію, когда оно явится выразителемъ взаимнаго ассимилированія всѣхъ лучшихъ культурныхъ свойствъ, какія найдутся въ народностяхъ, подвластныхъ рускому государству. Если при этомъ не забудутся древне-русскія формы, олицетворяющія собою начало братства и человѣчности, то чисто-русская культурная сила получитъ отъ соединенія съ хорошими культурными свойствами другихъ племенъ еще болѣе полное развитіе.

Н. С. К.

Статьи для публики, по вопросамъ историческимъ, политическимъ, общественнымъ, философскимъ и проч. В. И. Модестова. Спб. 1883.

Наука и жизнь перестали враждовать между собою въ сравнительно недавнее время. Еще недалека отъ насъ эпоха, когда ученый считалъ для себя униженіемъ сходить съ высоты своего величія къ интересамъ обыденной жизни. Если мы помнимъ еще то время, когда каждый поэтъ

..... боговъ языкомъ пѣлъ,
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ,

то тѣмъ болѣе мужъ науки не могъ снизойти до того, чтобы говорить о своемъ предметѣ языкомъ простыхъ людей, заниматься тѣмъ, что въ данную минуту интересуетъ обыкновенныхъ смертныхъ. Ученые чаще поэтовъ повторяли: «odi profanum vulgus et arceo», а этотъ vulgus profanum смотрѣлъ на нихъ какъ на людей не отъ міра сего и не прикасался къ ихъ твореніямъ, потому что ничего и не уразумѣлъ бы въ нихъ. Даже спустя долгое время послѣ того, какъ энциклопедисты популяризовали самые отвлеченныя и техническія научныя истины, нѣмецкіе философы продолжали излагать свои міровоззрѣнія такимъ языкомъ, что, по выраженію Гейне, «волосы отъ умственнаго напряженія поднимались дыбомъ на самыхъ плѣшивыхъ головахъ». Теперь, адепты «великой тайны», arcana maxima, снисходятъ до того къ «толпѣ непросвѣщенной», что возвѣщаютъ истины науки со страницъ журналовъ и летучихъ воедневныхъ листковъ, разъясняютъ массѣ ея интересы,

даже становятся выразителями надеждъ и стремленій большинства. Въ наше время, наряду съ такими популяризаторами науки, какъ Дарвинъ, Фохтъ, Молешотъ, Бюхнеръ, Вирховъ, не рѣдкость встрѣтить ученаго—реформатора, ученаго — публициста, освѣщающаго «злобу дня» свѣточемъ отвлеченныхъ знаній. Къ разряду такихъ людей принадлежитъ и авторъ разбираемой нами книги. Онъ началъ свое писательское поприще, какъ ученый и знатокъ римскаго міра. Его исторія римской литературы отъ письменности въ періодъ царей и до вѣка Августа включительно, его этюды Тацита, Сенеки, Плавта, Горація, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ по этой части. Основательно знакомый съ классическою филологіею, онъ не ограничивалъ своихъ изслѣдованій древнимъ міромъ, а изучалъ и позднѣйшія эпохи. Такъ его очерки провансальской поэзіи заслуживаютъ полнаго вниманія не только историковъ словесности, но и всей публики, открывая ей малоизвѣстную область богатой литературы и гармоническаго языка, которому историческія событія помѣшали сдѣлаться господствующимъ во Франціи. Недовольствуясь извѣстностью знатока классическаго и романскаго міра, профессора римской словесности, В. И. Модестовъ, по прибытіи въ Петербургъ, сдѣлался педагогомъ и публицистомъ. Это была эпоха, когда въ нашихъ школахъ началъ усердно насаждаться классицизмъ. Близко изучившій всѣ прелести латинизма, г. Модестовъ вздумалъ доказывать, что исключительное преобладаніе его въ русской средней школѣ нисколько не желательно ни по духу, ни по историческому складу нашего народа, выработавшему въ теченіи вѣковъ свою самостоятельность, чуждую римской цивилизаціи. Г. Модестовъ въ своихъ статьяхъ и своихъ воззрѣніяхъ вовсе не былъ врагомъ классицизма, напротивъ признавалъ за нимъ высокое образовательное значеніе, но совѣтовалъ только употреблять его въ мѣру. Какъ всегда бываетъ съ лицами, старающимися найти средній путь между двумя крайними воззрѣніями, г. Модестовъ не угодилъ ни тѣмъ, ни другимъ представителямъ противоположныхъ ученій и, при первомъ же столкновеніи съ суровою дѣйствительностью, потерялъ свою профессорскую каѳедру. Онъ однако же не подчинился господствующему вліянію ультраклассицизма и съ прежнею стойкостью, приносящею ему честь, продолжалъ бороться за народныя и логическія основы «школьнаго дѣла» въ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу. Поэтому нельзя не пожелать возможно большаго распространенія книги, хотя изъ девяти, помѣщенныхъ въ ней, статей не всѣ относятся къ злобѣ дня: школьному и университетскому вопросу, украинофильству, Скобелеву, процессу австрійскихъ русиновъ. Остальныя четыре статьи не болѣе какъ разборы книгъ, по поводу которыхъ авторъ приводитъ свои сужденія, всегда основательныя, выраженныя прямо и ясно, чуждыя уступчивости, доктринерства, хотя мѣстами впадающія въ докторальный тонъ и излишнее самомнѣніе. Г. Модестовъ—одинъ изъ выдающихся ученыхъ публицистовъ нашего времени, но объ этомъ слѣдуетъ говорить только критикѣ. Тонъ статей его, вслѣдствіе злоключеній автора, отзывается также мѣстами, раздраженіемъ и пессимизмомъ. Такъ, называя г. Каткова «гибелью Россіи», авторъ представляетъ современное положеніе вопроса объ образованіи уже въ слишкомъ мрачномъ видѣ. «Кому изъ нашихъ дѣятелей, говоритъ онъ, приходитъ въ голову дѣлать что-нибудь ради дѣйствительной пользы и справляться съ общественнымъ мнѣніемъ? Теперь вѣдь мода на мѣры репрессивныя, ограничительныя, карательныя. Онѣ къ тому же несравненно проще мѣръ созидательныхъ, животворящихъ, оплодотворяющихъ; онѣ согласнѣе съ нашими нравами и

съ преданіями московской самобытности, онѣ, наконецъ, превосходно разсѣкаютъ гордіевы узлы всякихъ затрудненій. Но наука государственнаго управленія не такъ проста, какъ храбро заявляютъ горластые Кассаньяки московской печати, говорящіе о «настоящей европейской школѣ», а думающіе «по-азіатски». Настоящее представляется г. Модестову «дикимъ лѣсомъ, въ которомъ мы теперь безнадежно блуждаемъ и путь изъ котораго закрывается для насъ съ ожесточеніемъ корыстолюбивыми поклонниками азіатчины»...

В. З.

Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки Алексѣя Веселовскаго. Москва. 1883.

Изслѣдовать западное вліяніе въ новой русской литературѣ—задача, которой хватило бы на доброе число лѣтъ доброму числу работниковъ, а у насъ между тѣмъ, въ относительно короткое время, одинъ г. Алексѣй Веселовскій успѣлъ написать по этому предмету рядъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» и уже издать ихъ отдѣльной книгой.

Характерную черту этой книги составляетъ то, что почтенный авторъ смѣшалъ въ своемъ изслѣдованіи двѣ нѣсколько различныя задачи. Съ одной стороны, онъ задался цѣлью доказать существованіе въ русской литературѣ западнаго вліянія, доказать то, въ чемъ, по правдѣ сказать, никто никогда и не сомнѣвался, потому что и до сего времени излюбленное чтеніе русской публики составляютъ переводные романы. Самые взрывы охранительнаго негодованія противъ запада, въ родѣ книги г. Страхова «Борьба съ Западомъ», показываютъ, что западное вліяніе всегда признавалось его противниками. Вторую задачу книги г. Веселовскаго составляетъ диффирамбъ западному вліянію, для чего онъ воспользовался отраженіями этого вліянія на примѣрахъ блестящихъ представителей русской литературы.

А между тѣмъ, какой еще необъятный міръ въ области западнаго вліянія на русскую литературу не вошелъ въ обзоръ г. Веселовскаго. Правда, что плоды этого вліянія давно уже забыты, но въ свое время романы Зинаиды Р—вой (Е. А. Ганъ)—этой русской Жоржъ-Зандъ 40-хъ годовъ—были излюбленнымъ чтеніемъ цѣлаго поколѣнія, и все это писалось по западнымъ шаблонамъ. Точно также мы не находимъ у г. Веселовскаго даже упоминанія о князѣ Шаховскомъ, который переполнилъ русскій репертуаръ десятками пьесъ, черпая ихъ содержаніе преимущественно изъ западныхъ литературъ. Наконецъ, еще и по сей день, среди нашего сѣраго люда, расходится не малое число различныхъ Гуаковъ, Милордовъ, Георговъ и Францылей, которые составляютъ самыя непосредственные плоды западнаго вліянія. Мы не говоримъ уже о письмовникѣ Курганова, представляющемъ собой любопытный фактъ, вполнѣ заслуживающій вниманія изслѣдователей культурныхъ и литературныхъ вліяній.

Мы не высказываемся ни за, ни противъ западнаго вліянія, считая этотъ вопросъ болѣе или менѣе празднымъ; но, чтобы уяснить себѣ воззрѣнія автора, посмотримъ, твердъ ли онъ самъ въ своей вѣрѣ въ благотворность западнаго вліянія. Въ отвѣтъ на это приведемъ сдѣланную г. Веселовскимъ характеристику либерализма въ вѣкъ Екатерины: «Свободный полетъ мысли умалялся

иногда у людей, даже далеко не бездарныхъ, до грошеваго вольнодумства, безпечно касавшагося одной лишь поверхности вещей, до циническихъ прибаутокъ и грозно-радикальныхъ, но въ сущности совершенно несерьезныхъ, заявленій, придававшихъ человѣку безъ большого труда ореолъ свободомыслія въ полу-грамотномъ обществѣ. Или-же наконецъ ходячій запасъ либерально звучащихъ фразъ и безсознательное томленіе по французской цивилизаціи затверживались людьми, совершенно неспособными понять настоящій смыслъ современнаго движенія» (стр. 49).

Миновалъ вѣкъ Екатерины, миновалъ и слѣдовавшій затѣмъ краткій, но тяжелый періодъ; наступилъ просвѣтъ Александровской эпохи — и вотъ что пишетъ теперь о ней современный историкъ культуры и мысли:

«И съ довѣрчивостью плохо образованныхъ людей русское общество начала XIX столѣтія гостепріимно приманило къ себѣ всѣхъ и все, плохо разбирая оттѣнки и направленія (стр. 111)». Характеризуя затѣмъ «всѣхъ и все», что̀ пришло къ намъ съ запада въ Александровскую эпоху, г. Веселовскій восклицаетъ: «какая пестрая смѣсь западныхъ увлеченій, всѣхъ родовъ наполняетъ эту треволненную жизнь (стр. 112)».

Вотъ этою-то «треволненною»—какъ ее называетъ г. Веселовскій—жизнью, если только она хотя отчасти явилась результатомъ западныхъ вліяній, конечно, восхищаться не приходится.

Кстати, замѣтимъ, что слогъ г. Веселовскаго не всегда чистъ и ровенъ, и недостатокъ этотъ еще рѣзче бросается въ глаза, вслѣдствіе склонности автора къ излишней риторикѣ. Какъ примѣръ послѣдней, приводимъ заключительныя слова характеристики Лермонтова: «Передъ нами только блестящее начало, великолѣпный входъ въ святилище, которое навѣки останется для насъ замкнутымъ, и по всему этому великолѣпному порталу пестрыми гирляндами вьются цвѣты чужеземной поэзіи, оттѣняютъ его пріятныя формы, придаютъ имъ не бывалое разнообразіе».

Вообще, трудъ г. Алексѣя Веселовскаго требуетъ, по нашему мнѣнію, еще многихъ поправокъ и дополненій, чтобы сдѣлаться книгой, которая представляла бы безпристрастный и вполнѣ выдержанный обзоръ всѣхъ западныхъ теченій, какія, такъ или иначе, вторгались въ русскую литературу.

Е. Г.

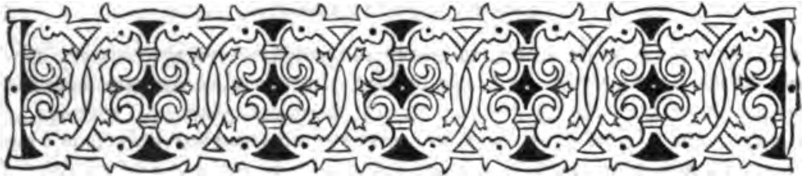
Коллегія въ древнемъ Римѣ. Опытъ по исторіи римскихъ учрежденій, Юліана Кулаковскаго. Кіевъ, 1882 г.

Изслѣдованіе г. Кулаковскаго относится къ области спеціально ученыхъ монографій по римскимъ древностямъ. Авторъ избралъ своею задачею — разсмотрѣніе того института въ древне римской жизни, который извѣстенъ подъ именемъ collegium. Это учрежденіе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ самыя раннія времена римской исторіи, первоначально представляло не что̀ иное, какъ общество лицъ, соединенныхъ между собою заботой объ отправленіи какого нибудь культа. Съ теченіемъ времени большая часть греческихъ коллегій получила значеніе и характеръ магистратуры. Помимо, такимъ образомъ, первоначальнаго своего значенія исключительно религіознаго, collegia явились одною изъ формъ общественной жизни. Авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на

этомъ послѣднемъ видѣ римскихъ коллегій, избравъ его предметомъ своего изслѣдованія. Разумѣется, что, при оцѣнкѣ сочиненія съ такимъ спеціально научнымъ характеромъ, на первомъ планѣ является вопросъ о степени ученой подготовки автора и большей или меньшей обширности матеріала, который онъ успѣлъ собрать.

Предисловіе г. Кулаковскаго къ его книгѣ даетъ намъ отвѣтъ на эти вопросы, знакомя насъ въ то же время ближе съ тѣми цѣлями, которыя онъ намѣтилъ въ своемъ изслѣдованіи. «Исходнымъ пунктомъ», говоритъ онъ, «были для меня занятія римской эпиграфикой. Въ изученіе этой вѣтви науки о древнемъ мірѣ, я вошелъ во время моего пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ я имѣлъ счастье прослушать послѣдній курсъ, читанный Моммзеномъ, съ профессорской каѳедры въ зимній семестръ 1878—79 года». «Мнѣ хотѣлось между прочимъ», продолжаетъ далѣе авторъ, «порѣшить на основаніи всего, нынѣ находящагося въ обладаніи науки матерьяла, давно поставленный, но весьма спорный и трудный вопросъ о томъ, въ какой степени ремесленныя общества, существовавшія у римлянъ, могутъ быть сближены съ тѣми, которыя подъ именемъ цеховъ получили такое широкое развитіе въ городскихъ общинахъ средневѣковой Европы». Послѣ тщательнаго изслѣдованія вопроса, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что «мы вправѣ признать для послѣднихъ вѣковъ римской имперіи организацію промысловыхъ людей города Рима, довольно близкой къ цеховому строю, господствовавшему въ городскихъ общинахъ западной Европы въ средніе вѣка». Предоставляя болѣе подробный разборъ изслѣдованія г. Кулаковскаго спеціально ученымъ изданіямъ, посвященнымъ филологіи или наукѣ древностей, мы скажемъ вообще, что сочиненіе его, доказывающее въ немъ близкое знакомство съ дѣломъ и добросовѣстное отношеніе къ нему, составляетъ пріятное явленіе въ нашей ученой литературѣ.

Д. Л—въ.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

СТОРІЯ искусства въ древнемъ Египтѣ—Перро и Шипье, появилась въ англійскомъ переводѣ В. Армстронга (A History of Art in Ancient Egypt. London. Chapman and Hall). Англійскій переводъ изданъ гораздо изящнѣе французскаго оригинала (въ книгѣ болѣе 600 рисунковъ). Изложеніе основано на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ западныхъ египтологовъ, что обусловливаетъ ясное пониманіе и представленіе религіозныхъ идей древняго Египта и непосредственно съ ними связаннаго художественнаго творчества.

Доказать этрусское происхожденіе римскаго права ставитъ своей задачей французскій археологъ Казати (Fortis Etruria: Origine Etrusque du droit romain, par Ch. Casati. Paris 1883). Въ виду того, что самая исторія этрусковъ извѣстна только по смутнымъ извѣстіямъ римскихъ историковъ, Казати обращается къ археологическимъ матерьяламъ. Между прочимъ, на основаніи многихъ надписей, Казати доказываетъ несостоятельность того мнѣнія, что слово Lucumo обозначало у этрусковъ царя. По изслѣдованіямъ Казати это не что иное, какъ собственное имя, изъ котораго произошло и римское имя Lucius.

Извѣстный знатокъ римскихъ древностей Густавъ Буассьеръ (Boissière) издалъ обстоятельное изслѣдованіе въ двухъ небольшихъ томахъ о «Римскомъ Алжирѣ» (Algérie romaine). Авторъ, будучи ректоромъ Алжирской академіи, лучше всякаго другого лица могъ выполнить этотъ трудъ, богатый фактами и указаніями (изд. Hachette).

Извѣстный французскій дипломатъ и писатель баронъ де-Гюбнеръ выпустилъ въ свѣтъ монографію о Сикстѣ Пятомъ (2 т. изд. Hachette); авторъ воспользовался для своего труда многими неизданными дипломатическими до-

кументами, извлеченными изъ архивовъ парижскаго, вѣнскаго, флорентинскаго, ватиканскаго и др.

Частныя и политическія отношенія императора Карла IV къ Франціи послужили темой для работы молодого нѣмецкаго ученаго Готтлоба (Dr. Adolf Gottlob, Karl's IV private und politische Beziehungen zu Frankreich. Innsbruck. 1883. M. 2, 50). Готтлобъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на годахъ юности Карла IV; здѣсь же Готтлобъ ищетъ объясненія позднѣйшей политики этого государя, указывая при этомъ на сложившіяся тогда же отношенія его къ королю Франціи Карлу V.

Третьимъ томомъ закончилось солидное сочиненіе Борели—Исторія города Гавра (Histoire de Havre, par Borély); въ трудѣ этомъ собрано не мало документовъ, проливающихъ новый свѣтъ на положеніе протестантовъ, вслѣдъ за отмѣною Нантскаго эдикта.

Вышелъ третій и послѣдній томъ «Исторіи Франціи при Мазаринѣ» (L'Histoire de France sous le ministère de Mazarin, par M. Chéruel, ed. Hachette). Въ этомъ томѣ много интересныхъ подробностей относительно такихъ фактовъ французской исторіи, какъ взятіе Дюнкирхена, бракъ короля, реставрація Стюартовъ; трудъ Шерюэля заканчивается описаніемъ болѣзни и смерти Мазарина.

Къ свѣдѣнію лицъ, занимающихся военной исторіей, указываемъ новую біографію маршала де-Вобана (Le maréchal de Vauban (1633—1707), par le général baron Ambert. Tours, 1883, gr. in—8 de 352 p.—Prix 3 fr. 25). Генералъ Амберъ опирается въ своей работѣ на богатое фактами изслѣдованіе Жоржа Мишеля, но высказываетъ при этомъ и свой личный, оригинальный взглядъ на жизнь и дѣятельность знаменитаго военнаго инженера. Въ пятой и послѣдней главѣ своего сочиненія генералъ Амберъ разбираетъ экономическія идеи де-Вобана, написавшаго, какъ извѣстно, проектъ королевской десятины. Проектъ проникнутъ глубокой любовью ко французскому народу и горячимъ желаніемъ искоренить несправедливости и улучшить финансовое положеніе Франціи; проектъ этотъ навлекъ на автора неудовольствіе Людовика XIV, и только смерть спасла маршала де-Вобана отъ заключенія въ Бастилію за тайное напечатаніе своего сочиненія.

Извѣстный знатокъ исторіи Шотландіи А. Г. Милларъ (A. H. Millar) въ скоромъ времени издастъ «Исторію Робъ-Роя» (герой романа Вальтеръ-Скотта), написанную на основаніи подлинныхъ документовъ и иныхъ свѣдѣній болѣе частнаго характера.

Въ Америкѣ, у Appleton'a, выходитъ въ новомъ изданіи «Исторія Соединенныхъ Штатовъ» Банкрофта. Восьмидесяти-трехъ-лѣтній авторъ подвергнулъ свой трудъ значительной передѣлкѣ, и вмѣсто прежнихъ 12 томовъ названное сочиненіе будетъ состоять изъ шести.

Мемуары Меттерниха, переписка Талейрана, новѣйшія изслѣдованія о семьѣ Мирабо и нѣкоторыя другія работы послѣдняго времени, относящіяся

къ исторіи XVIII и XIX в., послужили темой для историческихъ и критическихъ очерковъ Альбера Сореля (Essais d'histoire et de critique sur Metternich, Talleyrand, Mirabeau etc., par Albert Sorel. Paris, E. Plon, 1883, in—12 de 295 p.—Prix 3f г. 50). Между прочимъ А. Сорель останавливается на подробностяхъ семилѣтней войны и даетъ живыя характеристики императрицъ Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Очень полезную книжку для всѣхъ начинающихъ заниматься исторіей и знакомыхъ съ англійскимъ языкомъ представляетъ «Руководство исторической литературы» Адамса (A Manual of Historical Literature. By C. K. Adams); въ немъ указано, чтò можно найти у каждаго историка, при чемъ слѣдуетъ и характеристика этого послѣдняго. Какъ-бы дополненіемъ книги Адамса можетъ служить тоже новое сочиненіе Бауэна «Описательный каталогъ историческихъ романовъ и новостей (H. C. Bowen, A descriptive Catalogue of Historical Novels and Tales).

Въ книгѣ «Россія и русскіе» (La Russie et les russes. Indiscretions de voyage, par Victor Tissot. Paris, Dantu, 1883, gr. in—18 de 562 p. —Prix 3 fr. 50), Викторъ Тиссо, со свойственною этому писателю развязностью, толкуетъ о нашемъ духовенствѣ, о еврейскомъ вопросѣ, о нигилистахъ и о другихъ вопросахъ нашей современности, причемъ считаетъ гр. Толстого министромъ иностранныхъ дѣлъ. Но особенное невѣжество французскій путешественникъ проявилъ по части нашей исторіи. Олегъ у него оказывается братомъ Рюрика, Аскольда и Дира убилъ Игорь, а царевна Софья Алексѣевна фигурируетъ подъ именемъ Наталіи.

Не безъизвѣстный въ русской наукѣ и литературѣ, итальянскій ученый Анжело де-Губернатисъ предпринялъ изданіе «Всеобщей исторіи литературы» (Angelo de Gubernatis, Storia universale della letteratura, I томъ. Storia del teatro dramatico. 598 стр. II томъ, часть I, Florilegio drammatico, teatro orientale, antico e christiano. 401 стр.; часть II — Florilegio drammatico, teatro moderno. Стр. 402 — 775. Milano, 1883). Предпринимая этотъ громадный трудъ, де-Губернатисъ ставитъ своей задачей дать законченное, систематическое обозрѣніе каждаго отдѣльнаго литературнаго рода, сравнивая при этомъ образцы всѣхъ странъ и народовъ. Вышедшіе томы заключаютъ въ себѣ исторію драмы и обширную хрестоматію образцевъ драматической поэзіи. Оцѣнивъ по достоинству новый трудъ де-Губернатиса, нѣмецкая критика упрекаетъ итальянскаго ученаго за излишній патріотизмъ, который заставилъ его львиную долю своего изложенія (болѣе 200 стр.) отвести исторіи итальянской драмы, тогда какъ образцы англійской и нѣмецкой драмы занимаютъ по 15—20 стр. Нечего говорить о томъ, что драма русская, польская, вмѣстѣ съ драмой у ново-грековъ, сербовъ, румынъ, чеховъ и венгровъ излагаются всего страницахъ на полуторастахъ. За то де-Губернатисъ не обошелъ молчаніемъ ни японской, ни китайской драмы, ни даже драматической поэзіи ацтековъ и толтековъ Мексики и Гватемалы. Что касается научныхъ построеній, которыя нашли себѣ мѣсто въ трудѣ де-Губернатиса, то обращаютъ на себя вниманіе сдѣланныя имъ сравненія между драмой античнаго міра и драмой востока, при чемъ итальянскій ученый прослѣдилъ соприкосновеніе индійской драмы съ вліяніемъ буддизма съ одной стороны и эллинской образованности съ другой.

Извѣстный французскій филологъ Бенуа (Benoist), которому принадлежитъ критическое изданіе Виргилія, представилъ въ Парижскую академію надписей работу «О предполагаемыхъ интерполяціяхъ въ текстѣ Горація»; разсмотрѣвъ послѣдовательно взгляды на этотъ предметъ разныхъ ученыхъ, отъ Бентлея до Мадвига включительно, Бенуа высказывается за подлинность дошедшаго до насъ текста, исключая развѣ одной пьесы (Carmina IV, 8).

Цѣлая область средневѣковой литературы, извѣстная подъ именемъ латинской поэзіи, волею историческихъ судебъ оказалась достояніемъ духовной литературы, не смотря на то, что такіе отцы церкви, какъ Аполлинарій, Сидоній, Эннодій, Сальвіанъ писали свои панегирики, поэмы и другія произведенія, согласно всѣмъ литературнымъ традиціямъ античнаго міра. Въ настоящее время полныя собранія сочиненій авторовъ этой эпохи издаются Вѣнской академіей наукъ. Послѣдній томъ этого изданія (Corpus scriptorum ecclesiasticorum editum consilio et impensis Academiæ litterarum Caesareæ Vindobonensis) заключаетъ въ себѣ Полное собраніе сочиненій Сальвіана (Salviani Presbyteri Massaliensis opera omnia racensuit et commentario critico instruxit Franciscus Pauly. Corp. scr. vol. VIII. Вѣна 1883).

Значительная часть эпическихъ пѣсенъ французскаго народа (chansons de gestes) относится между прочимъ къ циклу Вильгельма, герцога Тулузскаго, прозваннаго Коротконосымъ (по преданію, половину носа ему отрубили сарацины). Напомнить о пѣсняхъ этого цикла взялъ на себя трудъ Феликсъ Бренъ, сдѣлавшій переводъ отрывковъ изъ цикла о Вильгельмѣ (Les voeu de Vivien, fragments de Guillaume, traduits par Felix Brun.—1 vol. Paris 1883).

Новая біографія Джонатана Свифта, написанная извѣстнымъ историкомъ англійской литературы г. Крейкомъ (The Life of Jonathan Swift. By Henry Craik. London, Murray), представляетъ хорошій комментарій къ сочиненіямъ знаменитаго сатирика-юмориста. Фактическихъ данныхъ авторъ даетъ какъ разъ столько, сколько нужно, чтобы не затемнить еще болѣе разные спорные вопросы относительно жизни и дѣятельности Свифта; такъ, даже говоря о бракѣ Свифта и Стеллы и разрѣшая этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, Крейкъ помѣстилъ свои подробныя на этотъ счетъ соображенія внѣ текста, въ особомъ прибавленіи.

Фридрихъ Шпильгагенъ, еще недавно столь популярный среди русскихъ читателей нѣмецкій романистъ, выступилъ съ изслѣдованіемъ по теоріи и техникѣ романа (Friedrich Spielhagen Beiträge zur Theorie und Technik des Romans. Leipzig 1883. M. 6). Въ книгѣ своей знаменитый беллетристъ развиваетъ свое ученіе объ объективности, которую онъ считаетъ необходимымъ условіемъ истиннаго романа.

И. С. Никитинъ нашелъ своего популяризатора въ нѣмецкой литературѣ въ лицѣ г. В. Гольдшмидта, помѣстившаго въ «Magasin fur die Literatur» небольшую статью о воронежскомъ поэтѣ и переводъ «Жены ямщика». Біографическій очеркъ составленъ достаточно обстоятельно, а переводъ извѣ-

стнаго стихотворенія весьма удовлетворителенъ, передаетъ характеръ подлинника, и только въ немногихъ мѣстахъ не выдержанъ никитинскій размѣръ.

Указатель къ періодическимъ изданіямъ, составленный Пулемъ (An Index Periodical Literature. By W. Fr. Poole. 3-d ed.) и доведенный до 1882 г., представляетъ драгоцѣнное пособіе для всѣхъ нуждающихся въ справкахъ среди безчисленныхъ англійскихъ журналовъ; 2,884 столбца «Указателя» содержатъ въ себѣ до 170,000 указаній, расположенныхъ по-предметно.

Генрихъ Лисицкій, авторъ извѣстнаго сочиненія о маркизѣ Александрѣ Велепольскомъ, выпустилъ въ свѣтъ, въ двухъ томахъ, новую монографію, предназначенную, повидимому, служить какъ бы дополненіемъ первой. Это—біографія друга и сотрудника маркиза, Антона Сигизмунда Гельцеля, довольно извѣстнаго польскаго ученаго. Гельцель издалъ «Памятники польскаго законодательства» и одно время былъ профессоромъ краковскаго университета. Гельцель не мало участвовалъ и въ политической жизни австрійской Польши. Между прочимъ составлялъ извѣстный галиційскій адресъ 1860 г. къ австрійскому императору, но въ составъ членовъ депутаціи, принятой министромъ Шмерлингомъ, не вошелъ. При началѣ конституціонной жизни Галиціи, Гельцель занималъ видное положеніе и, засѣдая въ галиційскомъ сеймѣ, былъ выбранъ делегатомъ въ государственный совѣтъ въ Вѣну. Въ апрѣлѣ 1861 г., онъ съѣздилъ на нѣсколько дней въ Варшаву, гдѣ тогда восходила звѣзда Велепольскаго и разыгрывалось броженіе умовъ. Гельцель не согласился на предложеніе маркиза быть его сотрудникомъ въ царствѣ Польскомъ, но вернувшись въ Галицію, внимательно слѣдилъ за происходящимъ въ Варшавѣ, предугадывая печальное направленіе дѣлъ. Послѣ покушенія на жизнь великаго князя-намѣстника, Гельцель старался въ Краковѣ вызвать протестъ съ выраженіемъ негодованія на это злодѣйство, но протестъ былъ подписанъ только однимъ Любомирскимъ. Послѣднимъ политическимъ трудомъ Гельцеля была брошюра: «Письма польскаго дворянина къ нѣмецкому публицисту. Въ брошюрѣ этой, обращенной къ федералисту Шуэелькѣ, Гельцель разбираетъ внутреннее положеніе, партіи и стремленія Галиціи, вопросы русинскій и еврейскій и развиваетъ программу политики съ точки зрѣнія консервативной, которой онъ былъ усерднымъ поборникомъ.

Новый трудъ Лисицкаго не вызвалъ много разборовъ. Только газета «Часъ» посвятила ему нѣсколько статей. По отзыву ея, монографія о Гельцелѣ страдаетъ чрезмѣрнымъ индивидуальнымъ, портретнымъ характеромъ героя книги, и мало обращаетъ вниманія на фонъ эпохи и другихъ современниковъ Гельцеля.

Варшавскій университетъ можетъ уже составлять исторію своего существованія. Какъ матеріалъ для этой будущей исторіи, можно указать вышедшую не такъ давно въ Краковѣ книжку нѣкоего Александра Краушара Семилѣтіе главной школы варшавской (1862 — 69). Главнымъ образомъ авторъ разсматриваетъ положеніе науки права и характеризуетъ преподаваніе юриспруденціи и дѣятельность молодыхъ юристовъ изъ главной школы. Въ исторической части книги авторъ припоминаетъ дѣятельность варшавской школы права, основанной еще министромъ Феликсомъ Лубенскимъ во вре-

мена варшавскаго герцогства, потомъ касается существовавшаго уже въ эпоху царства Польскаго — александровскаго университета, который могъ похвалиться именами Мацѣевскаго, Шанявскаго, Скарбека, и юридическомъ классѣ при гимназіи, говоря о юридическихъ курсахъ, основанныхъ въ Варшавѣ въ 1840 году и упраздненныхъ вслѣдствіе событія 1846 года. Въ университетахъ петербургскомъ и московскомъ учреждены были затѣмъ каѳедры польскаго законодательства для студентовъ-поляковъ: тутъ встрѣчаются имена Спасовича, Чайковскаго, Губе и другихъ. Послѣ этого бѣглаго очерка авторъ переходитъ къ подробной характеристикѣ дѣятельности основанной въ 1862 г. главной школы и ея результатовъ для теоретическаго и практическаго развитія мѣстной юриспруденціи. Тщательностью этой картины и своими политическими выводами книжка Краушара обратила на себя немалое вниманіе польской публицистики, несмотря на свою односторонность.

Литература мемуаровъ не особенно процвѣтаетъ среди поляковъ, хотя при ихъ привязанности къ своей родной сторонѣ можно бы ожидать противнаго. Такія жалобы высказываетъ одна польская газета по поводу малаго вниманія къ Запискамъ Богуславы Маньковской, дочери генерала Домбровскаго, новая тетрадь которыхъ, недавно вышедшая въ Познани, заключаетъ въ себѣ разсказъ о событіяхъ 1831 и начала 1832 годовъ. Предъидущіе выпуски этихъ записокъ Маньковской касаются героической эпохи Польши, временъ Костюшки и т. п. Печатаніе такихъ книжекъ на ряду съ извѣстнымъ равнодушіемъ къ нимъ со стороны извѣстной части молодаго поколѣнія, указываетъ на существованіе двухъ теченій въ современной польской интеллигенціи: одно стоитъ за изученіе и воспроизведеніе польской старины, другое — за общечеловѣческіе политическіе и общественные идеалы.

Сознаніе родства съ другими славянскими народностями вызываетъ, хотя не часто, отклики въ польской литературѣ, съ непремѣннымъ политическимъ оттѣнкомъ. Къ такого рода произведеніямъ должно отнести Письма о Кроаціи графа Адама Сапеги. Эта книжка не прошла незамѣченною, какъ благодаря имени автора, играющаго политическую роль въ жизни Галиціи, такъ и благодаря поводу ея появленія на свѣтъ, торжеству освященія каѳедры въ Дяковарѣ прошлою осенью. На этомъ торжествѣ присутствовалъ и Сапега съ сыновьями и зятемъ и изложилъ въ особомъ памфлетѣ свои взгляды и впечатлѣнія. Тутъ находится апологія извѣстнаго архіепископа Штроссмайера, главнаго двигателя латинской цивилизаціи среди своихъ соотечественниковъ, миссія которыхъ состоитъ въ распространеніи этой цивилизаціи между южными славянами. Проекты соглашенія между православными сербами и католиками-кроатами даютъ поводъ титулованному автору напомнить о согласіи и патріотизмѣ и среди поляковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Стихотворное посланіе К. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу.

Помѣщаемое здѣсь стихотворное посланіе Батюшкова къ Тургеневу, писанное собственною рукою поэта, находится въ собраніи автографовъ русскихъ замѣчательныхъ людей, принадлежащемъ П. Я. Дашкову. Стихи эти были напечатаны въ сочиненіяхъ Батюшкова, изд. 1834 года, но безъ приписокъ въ прозѣ, безъ обозначенія фамиліи Попова и съ нѣкоторыми другими незначительными измѣненіями, а потому мы считаемъ не лишнимъ перепечатать ихъ вновь безъ всякихъ отступленій отъ подлинника.

ЕЙ, ЕЙ.—IMPROMPTU!

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ,
Сберегъ для дружбы кроткій нравъ,
Для дѣлъ—характеръ честный дѣдовъ;
О ты, который при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ, или счастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье;
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь;
Но бѣднаго услыша стонъ
Ушей не затыкаешь:
Услышь мой вѣрный доброхотъ
Поэта смирнаго моленье:
Доставь крупицу отъ щедротъ

Сиротамъ двумъ на прокормленье!
Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами:
Лишь дайте имъ! промолви—въ мигъ
Онѣ очутятся съ рублями.
Но кто онѣ? скажу точь въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою.
Онѣ: вдова и дочь,
Чета забытая судьбою!
Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ Поповъ
Царя усердный воинъ.
Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ.
Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ груднымъ ребенкомъ. И одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣдство...
Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!..
Имъ добры люди помогли:
Согрѣли, накормили,
И, словомъ, какъ могли
Сиротокъ пріютили.
Прекрасно! славно! спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай. Мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.
Враги нахлынули рѣкою...
Съ землей сравнялася Москва...
И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою...
А между тѣмъ все дочь растетъ
И нужды съ нею подрастаютъ.
День за днемъ все идетъ, идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ.
Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы разцвѣтаетъ,
И стала... Грація точь въ точь:
Прелестный взоръ, глаза большіе,
Румянецъ Флоры на щекахъ,
И кудри льняно-золотыя
На алебастровыхъ плечахъ...
Что слово молвитъ, то пріятство!
Что не надѣнетъ—все къ лицу!
Краса—(увы!) ея богатство
И все приданое къ вѣнцу!
А крохи нѣтъ насущна хлѣба!!!
Тургеневъ! другъ нашъ! ради неба,
Приди на помощь красотѣ,
Несчастію и нищетѣ.
Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу

За чье здоровье... умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечный!

Вдова Попова, урожденная Молчанова, подала прошеніе въ сословіе Призрѣнія раззоренныхъ непріятелемъ (чрезъ князя С. М. Голицына 27-го апрѣля 1816 г.).—Сдѣлайте что нибудь для нея—вы, который...

Да не забудьте моего Медема, и если можно, попросите Трощинскаго.

Не могу больше писать прозою. Одышка беретъ.

К. Батюшковъ.

Москва, октября 14, 1816.

При семъ прилагаю о Поповой записку ко мнѣ Анны Львовны Пушкиной, чтобъ болѣе васъ растрогать. Василій Львовичъ живъ. Враги его распустили было слухъ о преждевременной его кончинѣ и музы готовились оплакать своего старосту. Но онъ явился подобно солнцу, разсѣвающему черныя тучи,—и поѣхалъ обѣдать въ клубъ на дрожкахъ. Всѣ ахнули. Мнимый мертвецъ кушалъ по старому и заплатилъ за обѣдъ 3 руб. 70 коп. съ обыкновенною щедростью.

Сообщено П. Я. Дашковымъ.

Письма графа А. И. Шувалова къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ [1]).

1.

Всепресвѣтлѣйшая самодержица,

Государыня всемилостивѣйшая!

Всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доношу, ихъ императорскія высочества благодатіею Божіею находятся въ добромъ здоровьѣ: вчерась послѣ полудни изволили проѣзжаться въ Перово.

Апрѣля 19-го, 1754 г.

2.

Ихъ императорскія высочества изволили пробудиться благодатіею Божіею всеблагополучно и послѣ обѣденнаго кушанья до Солнечной станціи отправиться изволятъ.

Деревня Черная. 11-го мая, 1754 г.

3.

Ихъ императорскія высочества послѣ полудни въ половинѣ десятаго часа на Черную Грязь по благости Божіей прибыли благополучно и откушавъ, изволили пойти опочивать въ добромъ здоровьѣ; завтрѣ съ помощею Божіею послѣ обѣденнаго кушанья до села Пешекъ изволятъ ѣхать, гдѣ и ночевать изволятъ.

Черная Грязь. 11-го мая, 1754 г.

P. S. Василій Ивановичъ Суворовъ сюда пріѣхалъ послѣ полуночи во 2-мъ часу.

---

[1]) Послѣдніе четыре письма относятся ко времени возвращенія двора изъ Москвы въ Петербургъ, въ 1754 году. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна была въ это время беременна, и императрица, безпокоясь о ней, поручила графу А. И. Шувалову, сопровождавшему великую княгиню, доносить съ дороги о состояніи ея здоровья.

4.

Ихъ императорскія высочества благостью Божіею находятся въ добромъ здоровьѣ и вашему императорскому величеству приносятъ всенижайшій поклонъ. 17-го числа изволили ихъ высочества въ Твери дневать, затѣмъ что его высочество былъ слабъ въ своемъ здоровьѣ и докторы разсуждали, что оное сдѣлалось отъ простуды, но помощію Господнею на другой день изволилъ находиться въ прежнемъ здоровьѣ и обѣденное кушать изволили у архіерея на загородномъ, въ городѣ-же находящемся, дворѣ, послѣ же полудни изъ Твери отправилились благополучно въ село Медное прибыли.

Село Медное. 19-го мая 1754 г.

5.

Ихъ императорскія высочества благодатію Господнею находятся въ добромъ здоровьѣ, вчерась изъ Новгорода пріѣхали въ село Подберезье благополучно и сегодня далѣе въ путь отправятся; уповаю на будущей недѣлѣ и въ Петербургъ прибыть изволятъ, а куда ваше императорское величество соизволите приказать ихъ высочествамъ пріѣхать, повелѣнія всеподданнѣйше ожидаю.

Село Подберезье. 2-го іюня, 1754 г.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

СМѢСЬ.

Конкурсъ на сочиненіе о Жуковскомъ. 24-го декабря 1882 года, отпущено въ распоряженіе академіи наукъ 1.000 рублей на выдачу преміи за лучшее сочиненіе о В. А. Жуковскомъ, въ память исполнившейся 29-го января 1883 г. годовщины столѣтія со дня рожденія этого писателя. Нынѣ президентъ академіи сообщилъ слѣдующія предположенія академіи объ основаніяхъ для присужденія этой преміи: 1. Содержаніе сочиненій о Жуковскомъ можетъ быть троякаго рода: а) обстоятельное критическое разсмотрѣніе произведеній Жуковскаго въ связи съ его жизнію; б) полное разсмотрѣніе, какъ въ литературномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніяхъ, какого нибудь отдѣла переводовъ Жуковскаго въ связи съ подлинниками (наприм. его заимствованій изъ Шиллера или изъ древне-классическаго міра); в) полное разсмотрѣніе трудовъ Жуковскаго со стороны языка и слога. 2. Сочиненія представляются въ отдѣленіе русскаго языка и словесности въ рукописи или въ печати. 3. Премія присуждается отдѣленіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть къ участію въ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій пригласить и постороннихъ литераторовъ. 4. Срокомъ конкурса для представленія сочиненій о Жуковскомъ назначается 1-е мая 1885 года.

Памятникъ въ Петропавловскѣ. Только теперь Морская оффиціальная газета сообщаетъ объ открытіи 24-го августа прошлаго года, въ Петропавловскѣ, памятника павшимъ воинамъ при отраженіи англо-французовъ въ 1854-мъ году. Не говоря уже о томъ, что можно было бы и раньше, чѣмъ черезъ четверть вѣка слишкомъ, собрать средства для этой цѣли—самая постановка памятника, по словамъ газеты, «не могла бы состояться за недостаточностью мѣстныхъ средствъ, если бы командиры клипера «Вѣстникъ« и крейсера «Африка» не оказали дѣятельнаго участія, а команда съ этихъ судовъ усиленно неработала продолжительное время и безвозмездно надъ постановкою памятника, привезеннаго на пароходѣ «Камчатка». Кромѣ того, командами этихъ судовъ была устроена дорога отъ города къ памятнику. Послѣ панихиды въ соборѣ по воинамъ, павшимъ въ петропавловскомъ бою, крестный ходъ отправился къ памятнику, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ;

потомъ всѣ переправились въ шлюбкахъ на тотъ пунктъ, отбитіемъ отъ котораго непріятеля была завершена побѣда 24-го августа. Въ то время, когда наши суда производили салютные выстрѣлы, стоявшая на рейдѣ частная англійская яхта также расцвѣтилась флагами. Праздникъ кончился обѣдомъ устроеннымъ на холмѣ, у памятника, для судовыхъ командъ и жителей Петропавловска».

Новое изданіе сочиненій Батюшкова. Братъ покойнаго поэта, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, приступаетъ къ новому, полному изданію сочиненій этого даровитаго предшественника Пушкина. Это, по счету, будетъ третье изданіе. Первыя два, вышедшія еще при жизни поэта, но уже въ то время, когда въ немъ погасла искра не только таланта, но и разума, далеко не полны. Особенно плохо Смирдинское изданіе 1850 года, хоть и оно составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. П. Н. Батюшковъ намѣренъ напечатать всѣ письма поэта, все, что касается его жизни, и проситъ имѣющихъ какія либо свѣдѣнія о немъ доставлять по адресу: Петербургъ, Гагаринская набережная, № 4. Все присланное примется съ благодарностью и возвратится въ цѣлости.

† Въ Баден-Баденѣ скончался канцлеръ, свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Многолѣтней дѣятельности князя посвящена отдѣльная замѣтка въ этомъ же № «Историческаго Вѣстника». Мы можемъ прибавить къ ней только то печальное обстоятельство, подтверждаемое иностранными органами печати и перешедшее въ наши газеты, что кончина нашего сановника если не послѣдовала отъ отравленія, то была ускорена имъ. Одни видятъ въ этомъ событіи случайность, другіе — умышленное преступленіе. Достовѣрно, что внутренности покойнаго были подвергнуты химическому анализу и въ нихъ констатировано присутствіе минеральнаго яда. Говорятъ, что князь самъ просилъ оставить причину его смерти безъ изслѣдованія и что въ этомъ темномъ дѣлѣ замѣшана женщина. Ожидаютъ разъясненія отъ судебнаго слѣдствія, если оно будетъ обнародовано, а теперь объ этомъ идутъ въ обществѣ и въ печати сильные толки.

† Еще болѣе толковъ возбудила смерть Льва Савича Макова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, застрѣлившагося въ ночь перваго великопостнаго дня. Примѣры самоубійствъ правительственныхъ лицъ не часты и въ Западной Европѣ, а у насъ, въ прошлое царствованіе, наложили на себя руки только два директора департаментовъ того же министерства: сначала Сенявинъ, нанесшій себѣ смертельную рану бритвою и выбросившійся изъ окна своей квартиры, потомъ Гвоздевъ, раздавленный локомотивомъ на рельсахъ, куда онъ положилъ свою голову. Офиціальная газета «Правительственный Вѣстникъ» не только не говоритъ ни слова о причинахъ самоубійства, но игнорируетъ самый фактъ смерти бывшаго министра. Изъ разсказовъ другихъ газетъ выяснились пока обстоятельства, предшествовавшія этому событію и неопровергнутыя офиціально. Въ министерствѣ произведена ревизія спеціальныхъ суммъ, о которыхъ не отдавался отчетъ государственному контролю. При ревизіи обнаружена растрата суммъ пожертвованныхъ однимъ изъ земствъ. Отвѣчать за эти суммы долженъ былъ бывшій правитель канцеляріи министра г. Перфильевъ, надъ которымъ наряжено слѣдствіе и который, по газетнымъ извѣстіямъ, также покушался на самоубійство. Какая доля отвѣтственности падаетъ въ этомъ случаѣ на его начальника-министра—неизвѣстно и окажется только по слѣдствію; результаты его вѣроятно будутъ опубликованы. При описаніи смерти Л. С. Макова, газеты приводятъ, между прочимъ, слѣдующую характерную подробность: покойный оставилъ на столѣ евангеліе отъ Іоанна, раскрытое на страницѣ, оканчивающейся стихомъ 20-мъ: «всякій дѣлающій худыя дѣла ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы». Если бы Маковъ любилъ свѣтъ, онъ прибѣгнулъ бы не къ самоубійству, а къ самообличенію, что при-

несло бы гораздо больше пользы родинѣ. Покойный быстро сдѣлалъ свою карьеру. Онъ былъ сначала блестящимъ офицеромъ, потомъ усерднымъ чиновникомъ, ревностнымъ исполнителемъ министерскихъ приказаній. Его собственное, весьма кратковременное управленіе министерствомъ ознаменовалось въ особенности—циркуляромъ, разъяснявшимъ крестьянамъ, что никакіе новые земельные надѣлы немыслимы, и послѣ котораго крестьяне еще болѣе стали разсчитывать на эти надѣлы, — да учрежденіемъ знаменитыхъ урядниковъ, объ уничтоженіи которыхъ начали появляться петиціи тотчасъ же за введеніемъ ихъ въ губерніяхъ. Еще кратковременнѣе было его управленіе министерствомъ почтъ и телеграфовъ, уничтоженнымъ вслѣдъ за его увольненіемъ. Въ послѣднее время онъ былъ членомъ государственнаго совѣта и только что назначенъ предсѣдателемъ комисіи для устройства еврейскаго вопроса.

† 5-го марта, въ засѣданіи вольнаго экономическаго общества по отдѣлу статистики и политической экономіи происходилъ докладъ объ общинѣ и пониженіи выкупныхъ платежей. Секретарь общества, Алексѣй Ивановичъ Ходневъ, возражалъ докладчику и, по окончаніи своей рѣчи, умеръ тутъ-же, въ засѣданіи, отъ аневризма. Онъ родился въ 1818 году, воспитывался въ педагогическомъ институтѣ и до 1855 года былъ професоромъ въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень доктора физики и химіи. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ читалъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, блестящія публичныя лекціи по химіи и технологіи и вступилъ въ члены экономическаго общества, гдѣ былъ сначала предсѣдателемъ отдѣленія по вспомогательнымъ сельскому хозяйству наукамъ (въ 1859 году), затѣмъ редакторомъ «Трудовъ вольнаго экономическаго общества» и наконецъ, въ 1860 году, его секретаремъ. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ всѣ труды свои этому обществу и каждое трехлѣтіе выбирался вновь въ секретари огромнымъ большинствомъ. Дѣятельный и трудолюбивый, онъ участвовалъ во всѣхъ комисіяхъ и отдѣленіяхъ, не пропускалъ ни одного засѣданія, поддерживалъ сношенія общества со всѣми учеными и административными учрежденіями, составлялъ протоколы общихъ собраній, писалъ годовые отчеты, доклады по разсмотрѣнію разныхъ сочиненій и изобрѣтеній, статьи въ журналы и пр. Въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ экономическое общество обязано ему своимъ оживленіемъ и процвѣтаніемъ. Въ 1865 году, онъ составилъ замѣчательную «Исторію общества» къ празднованію его столѣтняго юбилея и въ 1882 году избранъ почетнымъ членомъ общества. Кромѣ того онъ много работалъ какъ членъ ученыхъ комитетовъ министерствъ народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ и техническаго комитета при главномъ интендантскомъ управленіи. Изъ ученыхъ трудовъ его важнѣйшіе: «Курсъ технической химіи» (2 части, 1856 г.), «Курсъ физіологической химіи» (Харьковъ 1847 г.), «Химическая часть товаровѣдѣнія» (1859 г.). Отдѣльныя статьи этого изслѣдованія съѣстныхъ припасовъ и напитковъ издавались по частямъ брошюрами въ 1861 году, «Руководство къ селитровậренію» (1858 г.), «Протоколы собраній льноводовъ въ 1877 г. (1878 г.), «Физикохимическія изслѣдованія почвы чернозема» (1879 г.).

† 2-го марта, умеръ въ Варшавѣ 46-ти лѣтъ ординарный професоръ варшавскаго университета Викентій Васильевичъ Макушевъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей славянства. Еще студентомъ петербургскаго университета 2-го курса онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе о бытѣ древнихъ славянъ. Степень магистра онъ получилъ въ 1867 году за диссертацію «Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника», напечатанную въ «Запискахъ академіи наукъ» того же года. За это сочиненіе онъ былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, для изученія славянскихъ нарѣчій. Тамъ, въ особенности въ итальянскихъ архивахъ, онъ отъискалъ новые любопытные памятники по исторіи славянскихъ племенъ Подъ названіемъ «Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матерьялы для

славянской исторіи» онъ описалъ флорентинскій архивъ (Записки академіи наукъ 1870, т. XVI). Отдѣльно имъ изданы «Задунайскіе и адріатическіе славяне» (1867), гдѣ особенно подробно изложено пробужденіе литературной дѣятельности въ Черногоріи; «Письма о литературномъ и политическомъ состояніи хорватскаго королевства» (1868), «Историческіе памятники южныхъ славянъ» (Варшава, 1874) «Изъ чтеній о старочешской письменности» (Воронежъ, 1879). Особенно важно его изданіе «Monumenta historica Slavorum meridionalium, vicinorumque populorum», первый томъ котораго вышелъ въ Варшавѣ, въ 1874 году, а второй изданъ въ январѣ нынѣшняго года сербскимъ обществомъ въ Бѣлградѣ. Это — извлеченія изъ архивныхъ документовъ Генуи, Мантуи, Милана, Палермо и Турина, значительно разъясняющія темныя стороны исторіи Сербіи, Босніи, Герцеговины, Албаніи и Турціи. Есть тутъ нѣсколько документовъ относящихся и къ исторіи Польши. Жаль только, что къ этому цѣнному вкладу въ исторіи славянскаго міра не приложено предисловія, которое уясняло бы значеніе памятниковъ лицамъ мало знакомымъ съ источниками южнославянской исторіи. Отсутствіе указателя также составляетъ пробѣлъ въ этомъ изданіи.

† 8-го марта, умеръ въ Петербургѣ писатель и издатель Николай Васильевичъ Гербель, 57-ми лѣтъ. Еще въ Нѣжинскомъ лицеѣ онъ писалъ стихи и, по окончаніи курса, поступилъ въ военную службу въ изюмскій гусарскій полкъ, былъ въ венгерскомъ походѣ, потомъ, выйдя въ отставку, занялся исключительно литературой. Обладая обезпеченнымъ состояніемъ, онъ могъ проводить время въ праздности, а, между тѣмъ, трудился неутомимо надъ изданіемъ разныхъ сборниковъ и христоматій, доставившихъ ему извѣстность и матерьяльныя выгоды. Его «Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей» выдержало пять изданій (послѣднее въ двухъ томахъ 1875—76 г.). Въ двухъ изданіяхъ вышло «Полное собраніе сочиненій Шекспира (1876 — 77) и Байрона (4 тома, 74 — 77). Собраніе сочиненій Гете вышло въ 1878 — 79 годахъ въ десяти томахъ. «Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» (1875 г.) и «Нѣмецкіе поэты» (1877 г.) — замѣчательные сборники хорошихъ переводовъ и біографій. Еще важнѣе въ этомъ родѣ сборники «Поэзія славянъ» (1873 г.), гдѣ помѣщены въ переводѣ лучшія произведенія всѣхъ славянскихъ племенъ, и «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» (второе изданіе 1880 года) съ 129-ью біографіями извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова, и 780 пьесъ и отрывковъ. Кромѣ того онъ издалъ собраніе сочиненій Гофмана, Шевченки (три изданія), Гребенки, Дружинина, исторію Нѣжинскаго лицея, изюмскаго полка. Самъ онъ много переводилъ и писалъ стихами и въ концѣ прошлаго года издалъ два тома «Собранія стихотвореній», не отличающихся, впрочемъ, ни изящностью стиховъ, ни вѣрностью оригиналамъ въ переводныхъ пьесахъ. Но какъ издатель и неутомимый библіографъ онъ оставилъ послѣ себя добрую память въ исторіи литературы.

† 4-го марта, въ Лондонѣ, умеръ глава и основатель общества «Интернаціонали» извѣстный агитаторъ Карлъ Марксъ, на 70-мъ году. Онъ происходилъ изъ еврейскаго семейства и родился въ прирейнской Пруссіи, получилъ образованіе въ берлинскомъ и бонскомъ университетахъ, въ послѣднемъ читалъ лекціи какъ докторъ философіи. Какъ редакторъ «Рейнской газеты», выходившей въ Кельнѣ, онъ возбудилъ противъ себя преслѣдованія правительства за рѣзкія политическія и соціальныя статьи. Когда газета была остановлена, Марксъ сталъ издавать во Франціи «Франконѣмецкія записки». Высланный и оттуда, онъ началъ писать соціалистическія статьи въ Брюселѣ и, въ 1848 году, обнародовалъ «манифестъ комунистской партіи», принятый международнымъ конгресомъ рабочихъ въ Лондонѣ. Послѣ этого онъ вернулся въ Кельнъ, попытался издавать новую революціонную газету, но, принужденный снова бѣжать во Францію и высланный изъ Парижа, по-

селился окончательно въ Лондонѣ, гдѣ въ 1864 году учредилъ международную асоціацію рабочихъ, извѣстную подъ названіемъ интернаціонали. Уставъ ея, выработанный Марксомъ, былъ принятъ женевскимъ конгресомъ соціалистовъ въ 1866 году. Управляя обществомъ, онъ продолжалъ заниматься научными изслѣдованіями и напечаталъ въ 1869 году свой главный трудъ «Капиталъ», гдѣ изложено основаніе его теоріи. Сочиненіе это переведено, хотя и далеко не вполнѣ, на русскій языкъ. Марксъ признавалъ единственнымъ хозяиномъ трудъ, а капиталъ—только избыткомъ рабочаго времени, теряемымъ рабочими. Эта мысль гораздо рельефнѣе формулирована и проведена Родбертусомъ, а Марксъ, возстававшій противъ ученія всѣхъ соціалистовъ, повторяетъ во многомъ идеи Оуэна и Прудона. Какъ разрушитель, онъ замѣчателенъ по силѣ діалектики, но не создалъ самъ никакихъ твердыхъ основъ для организаціи труда. Во время парижской комуны, онъ требовалъ невмѣшательства членовъ интернаціонали въ борьбу. На соціалистскомъ конгресѣ въ Гагѣ, въ 1872 году, союзъ окончательно раздѣлился на двѣ партіи и господствующая, съ Марксомъ въ главѣ, признавъ необходимость власти, исключила изъ интернаціонали Бакунина и его сторонниковъ, не признающихъ никакой власти и составившихъ отдѣльный «союзъ соціалистской демократіи». Въ частной жизни Марксъ, какъ Прудонъ, былъ типомъ мирнаго гражданина.

† Въ Аѳинахъ умеръ государственный дѣятель Греціи Кумундуросъ, бывшій нѣсколько разъ президентомъ кабинета министровъ. Отецъ его, во время турецкаго владычества, былъ княземъ Спарты, единственной части Греціи, за которою турки признавали нѣкоторую независимость. Кумундуросъ родился въ 1818 году и былъ сначала адвокатомъ. Политическая дѣятельность его началась въ 1856 году, когда онъ былъ избранъ членомъ палаты депутатовъ и вслѣдъ затѣмъ—призидентомъ ея. При частыхъ перемѣнахъ министерствъ въ Греціи онъ много разъ получалъ министерскій портфель и становился въ главѣ кабинета. Одинъ изъ лучшихъ друзей короля Георга, онъ былъ въ послѣдній разъ министромъ-президентомъ съ конца мая 1880 по мартъ 1882 года. Управленіе его было либеральное и ввело много полезныхъ реформъ, хотя не отличалось энергіей и стокойстью. Вся страна приняла участіе въ траурѣ по покойномъ. Похороны его были торжественныя.

† 15-го марта, въ Сан-Ремо, умеръ, на 49-мъ году, одинъ изъ выдающихся педагоговъ, Владиміръ Васильевичъ Никольскій. Дѣятельность его началась въ 1860 году, въ петербургской духовной семинаріи. Въ эту же семинарію онъ поступилъ изъ дома своего отца, дьякона пригородной церкви. Перейдя оттуда въ духовную академію онъ получилъ тамъ степень магистра и сдѣлался, такимъ образомъ, преподавателемъ въ той семинаріи, гдѣ получилъ воспитаніе. Изъ сухого предмета своихъ лекцій—патристики (ученіе объ отцахъ церкви) онъ съумѣлъ сдѣлать живое, увлекательное преподаваніе. Кромѣ того, онъ читалъ въ семинаріи лекціи по русской исторіи и латинскому языку—и пріобрѣлъ самое горячее расположеніе своихъ слушателей, какъ блестящимъ чтеніемъ, глубокими познаніями, такъ и гуманнымъ отношеніемъ къ учащимся. Такимъ же успѣхомъ сопровождались его лекціи и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ былъ преподавателемъ: въ училищѣ Правовѣденія, Николаевскомъ институтѣ, Комерческомъ училищѣ, на педагогическихъ курсахъ при Александровской женской гимназіи и въ нѣкоторыхъ частныхъ пансіонахъ. Вездѣ опытный педагогъ и краснорѣчивый лекторъ привлекалъ къ себѣ глубокое сочувствіе, возбуждая въ своихъ слушателяхъ любовь къ добру и истинѣ. Въ послѣднее время онъ занималъ каѳедру русской словесности въ духовной академіи и въ Александровскомъ лицеѣ. Сверхъ того онъ былъ инспекторомъ этого лицея, гдѣ, между прочимъ, по его мысли основана «Пушкинская библіотека», въ которой сосредоточены, въ настоящее время, всѣ изданія и главныя переводы сочиненій нашего поэта и другіе предметы, какъ рисунки, альбомы и т. п., относящіеся къ его эпохѣ. Отдѣльныхъ сочиненій покойный

не оставилъ, но въ нашихъ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщено нѣсколько замѣчательныхъ его статей педагогическаго, литературнаго и ученаго содержанія. Болѣзнь дыхательныхъ органовъ, отъ которой онъ напрасно искалъ облегченія въ тепломъ климатѣ, свела его въ преждевременную могилу, куда онъ сошелъ сопровождаемый искреннимъ сожалѣніемъ всѣхъ лицъ знавшихъ этого прекраснаго человѣка, замѣчательнаго педагога и скромнаго хотя блестяще-образованнаго ученаго.

Представитель внѣшней политики прошлаго царствованія.

На политическомъ горизонтѣ Европы погасла звѣзда первой величины. Въ Баденѣ скончался на 86-мъ году канцлеръ Русской имперіи, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, болѣе четверти вѣка руководившій внѣшнею политикою Россіи. Каково бы ни было мнѣніе объ этой политикѣ дипломатіи и общества, покойный, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ къ числу передовыхъ, выдающихся личностей послѣдняго времени. Заслуги его въ дѣлѣ служенія отечеству—неоспоримы, дарованія — несомнѣнны. На дипломатическомъ поприщѣ онъ обнаружилъ рѣдкое умѣнье, если не управлять обстоятельствами, то справляться съ ними. Какъ человѣкъ, онъ былъ въ высшей степени симпатиченъ, привлекалъ всѣхъ своимъ обращеніемъ, любезностью, остроуміемъ и почти не имѣлъ враговъ даже между дипломатами государствъ, непріязненно расположенныхъ къ его отечеству. Россія преклонялась передъ своимъ канцлеромъ и его «русской политикой», Австрія осыпала его похвалами, канцлеръ сосѣдней имперіи называлъ его своимъ другомъ, хотя не совсѣмъ подружески отнесся къ нему на берлинскомъ конгресѣ; Франція отзывалась о немъ съ полнымъ сочувствіемъ; Италія прислала ему знаки высшей степени своихъ орденовъ, раздаваемыхъ въ рѣдкихъ случаяхъ; Испанія сдѣлала его грандомъ первой степени; Англія, отъ имени органа большинства образованнаго мнѣнія, газеты «Times», заявила, что смерть князя Горчакова, образуетъ въ средѣ интелектуальныхъ интересовъ «брешь, подобную той, которую нанесло бы нашимъ привязанностямъ удаленіе друга». «Times» признаетъ также, что канцлеръ былъ однимъ изъ людей рѣдкихъ въ какой бы то ни было странѣ, которые кладутъ свой отпечатокъ на дѣла націи и «почти» могутъ вліять своею личностью на событія эпохи. Все это совершенно справедливо—не забывая только слова «почти», не безъ основанія употребленнаго осторожнымъ органомъ лондонскаго Сити. Дѣйствительно, мы не можемъ въ настоящее время судить, до какой степени въ направленіи внѣшней политики Россіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе выразились личные взгляды князя Горчакова, въ какой мѣрѣ онъ долженъ былъ уступать постороннимъ вліяніямъ и даже общественному мнѣнію, какъ ни слабы его проявленія въ Россіи. А что онъ принужденъ былъ дѣлать подобныя уступки — доказываетъ послѣдняя война съ Турціей. Приверженецъ мира съ первыхъ лѣтъ управленія иностранными дѣлами, онъ долженъ былъ, увлеченный силою обстоятельствъ, признать необходимость этой войны и даже отвѣчать за ея послѣдствія, неудовлетворившія общимъ ожиданіямъ, стиснутыя въ узкія рамки берлинскаго трактата. Какая доля упрековъ въ этомъ случаѣ должна пасть на нашего канцлера—мы не знаемъ, да и вообще не настало еще время произносить приговоръ о его политической роли. И самъ дѣятель, и его дѣла—еще слишкомъ близки къ намъ, чтобы сдѣлать вѣрную оцѣнку ихъ. Но что князь Горчаковъ былъ, во всякомъ случаѣ, крупнымъ явленіемъ въ общеевропейской жизни—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. У насъ, изо всѣхъ министровъ прошлаго царствованія, онъ пользовался большимъ расположеніемъ не только интелигентнаго общества, но и простого русскаго люда, а любовь народная не пàдаетъ на людей недостойныхъ, и никакой высокій постъ, никакое заигрываніе съ популярностью, не заставятъ уважать человѣка, пренебрегающаго общественнымъ мнѣніемъ.

Политика князя Горчакова была не исключительно «національная» политика, какъ привыкли въ послѣднее время называть самомнѣніе и

самовосхваленіе, проявляющееся въ странномъ обособленіи русскаго народа отъ всякаго европейскаго вліянія и въ пригнетеніи чуждыхъ національностей. Русскій канцлеръ, блестяще и солидно образованный, понималъ необходимость общенія своей родины съ цивилизованными европейскими державами, необходимость заимствованія отъ нихъ всего, что̀ пріобрѣтено ими на поприщѣ развитія всѣхъ отраслей знаній, общественнаго прогреса и государственныхъ учрежденій. Но, въ то же время, онъ не подчинялся указаніямъ Европы въ системѣ управленія, не дѣйствовалъ въ интересахъ иноземныхъ воззрѣній и, въ этомъ отношеніи, его «русская» политика далеко не походила на политику его предшественника—Нессельроде. Какъ ни странно явленіе, что политика страны идетъ въ разрѣзъ съ ея выгодами, но мы видѣли, какъ Россія шла на помочахъ австрійскаго вліянія, слѣпо преклоняясь передъ Меттерниховской системой и продолжая дѣйствовать въ ея духѣ даже тогда, когда эта система пала, осужденная всею Европою, и довела насъ до венгерской войны, полнаго изолированія и, наконецъ, до явной коалиціи противъ насъ трехъ державъ и тайной—со стороны той же Австріи, которую мы только что спасли отъ распаденія. Противъ вражды этой державы, не рѣшавшейся открыто примкнуть къ коалиціи, князю Горчакову пришлось бороться въ 1853 году на вѣнской конференціи, и здѣсь онъ оказалъ огромныя услуги родинѣ, отстаивая всѣми средствами дипломатической изворотливости ея интересы отъ ненависти, тайныхъ подкоповъ и темныхъ замысловъ коалиціи. Въ два года этой тяжкой, непрестанной борьбы, князь Горчаковъ закалился какъ дипломатъ, но страдалъ, какъ русскій, видя необходимость, послѣ неудачной войны, заключить невыгодный миръ. Онъ и тутъ старался смягчить тяжелыя условія мира, войдя въ сношенія съ Морни, который могъ прямо дѣйствовать на Луи-Наполеона. «Но утомленіе и недовѣріе, преобладавшіе въ Петербургѣ, говоритъ «Journal de S.-Pétérsbourg» [1]), не позволили осуществиться этой попыткѣ. Князь Горчаковъ долженъ былъ подчиниться приказаніямъ, предписывавшимъ ему принять ультиматумъ державъ. Онъ, однако, отказался подписать свое имя подъ трактатомъ, противъ котораго протестовалъ его патріотизмъ».

«Россія не сердится, она сбирается съ силами» («La Russie ne boude pas, elle se recueille»), такими словами князь Горчаковъ опредѣлилъ свою програму, вступивъ въ управленіе иностранными дѣлами. Россія, увлеченная историческимъ ходомъ расширенія своихъ предѣловъ, разрослась слишкомъ скоро и слишкомъ широко. Ей недоставало времени укрѣпить и объединить свои завоеванія, развить свои внутреннія силы, а, между тѣмъ, она увлекалась симпатіями къ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ на Востокѣ и это вовлекало ее въ новыя войны, возбуждало опасенія и вражду въ Европѣ. Князь Горчаковъ, избѣгая всѣхъ поводовъ къ нарушенію мира, прежде всего заботился объ интересахъ Россіи, а не славянства или византизма. Это не мѣшало ему отстаивать дѣло справедливости вездѣ, гдѣ оно нарушалось, возставать противъ произвольныхъ дѣйствій Пальмерстона въ Греціи, въ Персіи, въ Черномъ морѣ. Онъ скоро понялъ, что отъ Луи-Наполеона нельзя ждать ни серьезной политики, ни прямодушнаго союза и твердо отстранилъ его вмѣшательство въ польскія дѣла 1863 года, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ слишкомъ отписываясь отъ притязаній Франціи, Англіи и Австріи. Полное сочувствіе, которое этотъ образъ дѣйствій встрѣтилъ въ нашемъ обществѣ, доказало иностраннымъ державамъ, что въ этомъ дѣлѣ противъ нихъ не только русское правительство, но и весь русскій народъ. «Journal de St.-Pétérsbourg» приводитъ слова, произнесенныя княземъ въ самый острый моментъ кризиса лорду Непиру и герцогу Монтебелло. Бесѣдуя съ ними у окна, изъ котораго видна была площадь Зимняго дворца, Горчаковъ сказалъ: «Вы видите этотъ дворецъ и эти памятники. Флоты ваши

---

[1]) Изъ статей о князѣ Горчаковѣ, появившихся во всѣхъ русскихъ газетахъ, замѣчательнѣе всѣхъ очеркъ дипломатической карьеры князя, помѣщенный въ нашей французской газетѣ, считающейся, какъ извѣстно, органомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Мы приведемъ еще нѣсколько любопытныхъ отзывовъ этой газеты, во всякомъ случаѣ, близко знакомой со взглядами покойнаго канцлера и сужденіями объ немъ нашего министерства.

могутъ бомбардировать, сжечь, разрушить все это—Россія останется совершенно равнодушной и вы никогда не сломите ея сопротивленія». И, между тѣмъ, та же газета говоритъ, что князь Горчаковъ поддерживалъ въ Польшѣ систему Велепольскаго. Князь относился къ Польшѣ точно такъ же, какъ Гладстонъ къ Ирландіи. «Не изъ честолюбія, эгоизма или жестокости Англія и Россія продолжаютъ удерживать подъ своимъ владычествомъ враждебныя имъ національности, а изъ государственныхъ видовъ. Англія знаетъ, что независимая Ирландія будетъ вѣчнымъ брандеромъ, которымъ воспользуются враги Англіи для нападенія на нее. То же самое было бы и съ Польшею по отношенію къ Россіи». Но прежде всего, князь Горчаковъ склонялся къ примирительнымъ мѣрамъ, которыя всегда предпочтительнѣе карательныхъ.

Канцлеръ не могъ помѣшать объединенію Германіи, хотя сосѣдство съ огромной воинственной имперіей грозитъ намъ въ будущемъ большими затрудненіями. Онъ старался спасти Данію, отстаивалъ существованіе германскаго союза, но въ борьбѣ Австріи и Пруссіи за гегемонію долженъ былъ стать на сторону послѣдней державы, съ которой насъ соединяла традиціонная дружба и родственныя отношенія, тогда какъ Австрія только удивляла своею неблагодарностью. Нельзя было помѣшать и столкновенію Германіи съ Франціею, но, можетъ быть, дѣйствуя въ соглашеніи съ остальною Европою, можно было умѣрить нѣсколько притязанія побѣдителя. Вопросъ этотъ рѣшится, когда будутъ извѣстны всѣ дипломатическіе переговоры 1870—1871 года. Россія воспользовалась этою войною, чтобы уничтожить условія парижскаго мира, связывавшія ея дѣйствія даже внутри своихъ границъ—и имя князя Горчакова заблестѣло новою славою при этомъ уничтоженіи, отвѣчавшемъ общимъ желаніямъ. Въ виду недружелюбныхъ отношеній Англіи, Россія заняла твердый постъ въ Средней Азіи, скрѣпила пріязненныя связи съ Сѣвероамериканскими Штатами. Принужденный управлять внѣшнею политикою страны и во время войны 1877 года, которой онъ противился до послѣдней минуты, канцлеръ могъ разсчитывать на нейтралитетъ Европы только въ случаѣ непродолжительности войны и объявленія, что Россія не имѣетъ въ виду уничтожить турецкую имперію и занять Константинополь. Поэтому, когда послѣ первыхъ неудачъ, происшедшихъ отъ того, что мы, для успокоенія Европы, должны были занять Болгарію незначительными силами, войска наши дошли съ побѣдою почти до Константинополя и заключили санстефанскій миръ, Европа поспѣшила замѣнить его берлинскимъ трактатомъ. Что̀ долженъ былъ перенести маститый канцлеръ во время переговоровъ объ этомъ трактатѣ, можно представить себѣ, зная настроеніе главныхъ его составителей: Бисмарка, Биконсфильда, Андраши. Князь Горчаковъ, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, одно утѣшеніе: возсоединеніе части Бессарабіи, отторгнутой парижскимъ трактатомъ, уничтожало окончательно условія этого ненавистнаго трактата.

Катастрофа 1-го марта нанесла тяжелый ударъ князю-канцлеру. Силы его слабѣли, хотя умственныя способности оставались, попрежнему, свѣтлы. На слѣдующій годъ, онъ оставилъ управленіе иностранными дѣлами и съ тѣхъ поръ жилъ за границей. 12-го января онъ писалъ изъ Бадена своему пріятелю: «Я не согласенъ съ мыслью мудреца Горація, что пріятно смотрѣть изъ тихой пристани на бурныя волны. Если я тѣломъ не въ Петербургѣ, то мои мысли и сердце мое не оставляли его. Они сосредоточиваются на императорѣ и Россіи, которыхъ я желалъ бы видѣть неразрывно связанными. Это девизъ всей моей жизни».

О свѣтлыхъ, вполнѣ гуманныхъ, прогрессивныхъ взглядахъ князя Горчакова на всѣ явленія гражданской и общественной жизни—излишне было бы упоминать. Такъ, онъ всегда благосклонно относился къ печати и никогда не преслѣдовалъ появлявшихся въ ней даже завѣдомо ложныхъ сужденій объ немъ самомъ и его политикѣ. Другого и нельзя было ожидать отъ воспитанника царскосельскаго лицея и товарища Пушкина.

ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА".

Въ виду сочувственнаго вниманія многихъ подписчиковъ нашего изданія къ литературнымъ трудамъ **Н. С. Лѣскова,** у насъ напечатаннымъ, мы думаемъ, что доставили бы своего рода удобство нашимъ читателямъ, давъ имъ возможность сходно пріобрѣсть другія произведенія г. Лѣскова, имѣющія тоже полубытовый—полуисторическій характеръ. 'Къ числу такихъ произведеній слѣдуетъ отнести: 1) НЕКУДА—романъ въ трехъ частяхъ; 2) СОБОРЯНЕ—романическая хроника въ пяти книгахъ; 3) СМѢХЪ и ГОРЕ—сатирическіе очерки 60-хъ годовъ; 4) ТРИ ПРАВЕДНИКА—очерки и 5) СКАЗЪ О ТУЛЬСКОМЪ КОСОМЪ ЛѢВШѢ И О СТАЛЬНОЙ БЛОХѢ.

НЕКУДА—стоитъ въ продажѣ 3 р., СОБОРЯНЕ—3 р. СМѢХЪ и ГОРЕ—1 р. 50 к., ТРИ ПРАВЕДНИКА—1 р. 50 к. и БЛОХА 50 к., а всѣ вмѣстѣ—9 рублей 50 копѣекъ.

По нашимъ отношеніямъ къ автору, онъ, исключительно для подписчковъ «Историческаго Вѣстника», дѣлаетъ со всѣхъ названныхъ книгъ уступку на цѣлую треть цѣны. Такимъ образомъ, подписчики «Историческаго Вѣстника», адресуясь въ контору нашего журнала, могутъ получать:

НЕКУДА, вмѣто 3 рублей . . . . за 2 рубля
СОБОРЯНЕ, вмѣсто 3 рублей . . . . » 2 »
СМѢХЪ и ГОРЕ, вмѣсто 1 р. 50 к. . . . » 1 рубль
ТРИ ПРАВЕДНИКА, вмѣсто 1 р. 50 к. . . » 1 »
и СТАЛЬНУЮ БЛОХУ, вмѣсто 50 к. . . . » 25 коп.

А всѣ эти пять сочиненій вмѣстѣ за шесть рублей, но только съ тѣмъ, чтобы выписка производилась непремѣнно черезъ контору «Историческаго Вѣстника», С.-Петербургъ, Невскій прос. № 58, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

подѣйствовали на измученное сердце бѣднаго баронета. Смерть въ этомъ видѣ представляетъ для насъ нѣчто успокаивающее и отрадное. Человѣкъ, удрученный бѣдствіями и нравственными противорѣчіями, которыя со всѣхъ сторонъ скопляются вокругъ него, какъ грозныя тучи, радостно привѣтствуетъ смерть и видитъ въ ней единственный возможный для него исходъ. Онъ думаетъ о ней, какъ о далекомъ другѣ, невидимое присутствіе котораго даетъ ему силы переносить жизнь.

Баронетъ задумчиво смотрѣлъ на мраморное изображеніе своей жены. Она была совсѣмъ такая въ послѣдніе дни своей жизни! Такая же прекрасная, спокойная и блѣдная! сказалъ онъ съ глубокою грустью, какъ бы разсуждая самъ съ собой.—Совершенно такъ были сложены руки, когда она связала меня обѣщаніемъ... Я далъ обѣщаніе и это настолько успокоило мою бѣдную Люси, что она почти не чувствовала приближеніе смерти и улыбалась среди страданій. На ея долю выпало немного счастливыхъ дней; въ послѣдніе годы болѣзнь не оставляла ее. Душа ея постепенно разставалась съ тѣмъ, что она любила; только тяжелая забота о будущности дѣтей и мужа поддерживала ея силы и связывала съ жизнью... Вражда уже созрѣла тогда и распространилась въ воздухѣ, какъ зараза; распря между королемъ и парламентомъ все болѣе и болѣе усиливалась, проникла въ семьи и, наконецъ, раздѣлила весь англійскій народъ на двѣ непріязненныя партіи. Хотя всѣ наши друзья измѣнили королю, но Люси оставалась вѣрна ему и молилась за него до послѣдней минуты своей жизни. Мрачное предчувствіе умирающей овладѣло ею. За нѣсколако дней до ея смерти герольды принесли извѣстіе, что король окружилъ себя въ Роттингемѣ преданными ему лордами и кавалерами и первый началъ борьбу, поднявъ знамя съ королевскимъ гербомъ и надписью: «Отдайте Кесарево Кесарю!» Въ этотъ день была сильная буря; вѣтеръ сорвалъ королевское знамя. Тогда рѣшено было до окончанія битвы поставить его на другой сторонѣ холма, гдѣ стѣна защищала бы его отъ вѣтра; но почва была настолько камениста, что всѣ попытки вырыть болѣе или менѣе глубокую яму оказались напрасными и люди должны были попеременно придерживать его цѣлыми часами, чтобы оно не упало. Когда Люси услыхала объ этомъ, то сильно огорчилась и сказала: «ничья рука не въ состояніи будетъ удержать его, Господь противъ этого». Въ тотъ же день вечеромъ неожиданно явился къ намъ этотъ человѣкъ... Не заставляйте меня... Я не въ состояніи произнести его имя у этой могилы. Онъ явился вооруженный съ головы до ногъ въ великолѣпномъ одѣяніи, какъ демонъ искуситель, съ полной увѣренностью, что ему удастся совратить меня съ истиннаго пути. Онъ объявилъ мнѣ, что семь графствъ соединились противъ короля, что все готово къ возстанію и въ Кембриджѣ составился комитетъ, который поручилъ ему

пригласить меня присоединиться къ нимъ... Какова дерзость! Онъ осмѣлился сдѣлать мнѣ подобное предложеніе, мнѣ!... Я былъ возмущенъ до глубины души и не стѣсняясь высказалъ ему свое негодованіе. Тогда онъ потребовалъ, чтобы я сохранилъ нейтралитетъ. Это окончательно взбѣсило меня; я не помнилъ себя отъ ярости... Жена была въ сосѣдней комнатѣ и слышала нашъ разговоръ; она все еще любила его; сердце ея не могло отрѣшиться отъ того, что нѣкогда было дорого ей! Господь избавилъ ее отъ новаго горя; ей не суждено было увидѣть, до какихъ крайностей дошелъ этотъ человѣкъ!

— Оливеръ! крикнула она.

Мы вошли въ ея комнату. Люси протянула ему руку и сказала слабымъ голосомъ:

— Ты долженъ исполнить мою послѣднюю просьбу, Оливеръ! Обѣщай мнѣ, что каковъ бы ни былъ исходъ затѣяннаго тобою предпріятія, ты не сдѣлаешь никакого вреда этому дому и пощадишь моего мужа и дѣтей.

— Клянусь спасеніемъ моей души, воскликнулъ лицемѣръ, что я исполню ваше желаніе, моя дорогая кузина! Только онъ также долженъ дать обѣщаніе—не поднимать руки противъ парламента и не вредить дѣлу, которому онъ не сочувствуетъ.

— Обѣщаешь ли ты это? спросила умирающая такимъ тономъ, что противорѣчіе казалось мнѣ невозможнымъ.

— Я даю обѣщаніе, сказалъ я; — но подъ условіемъ, чтобы меня не принуждали измѣнить королю. Въ тотъ день, когда особа помазанника Божія подвергнется опасности, я буду считать себя свободнымъ отъ своего обѣщанія.

— Разумѣется! отвѣтилъ онъ.—Но вы можете быть спокойны, кузенъ, никто не помышляетъ объ этомъ...

Онъ подалъ руку умирающей и немедленно уѣхалъ изъ замка. Въ тотъ же день съ Чильдерлейской башни снято было королевское знамя.

ГЛАВА XIII.

Гдѣ добродѣтель наказана и порокъ торжествуетъ.

Разсказъ баронета былъ неожиданно прерванъ сильными ударами въ церковную дверь.—Вы видите, сказалъ онъ священнику,— они дошли до послѣдней крайности. Иначе быть не можетъ! Кто отвергаетъ порядокъ, установленный Богомъ, тотъ отступился отъ самого Бога. Пустите меня! Пустите меня! Я не могу долѣе оставаться здѣсь.

— Нѣтъ, я никогда не допущу до этого! возразилъ Гевитъ и, отстранивъ рукой баронета, поспѣшно отворилъ дверь и вышелъ самъ на паперть. За нимъ виднѣлась полутемная церковь; солнце ярко освѣщало его лицо и стройную фигуру.—Что вамъ нужно? спросилъ онъ разсвирѣпѣвшую толпу, которая тотчасъ же обступила его.—Зачѣмъ вы хотите нарушить миръ Божьяго храма?

— Богъ папистовъ и идолопоклонниковъ—не нашъ Богъ! Только ложные боги блестятъ и свѣтятся! воскликнулъ Пикерлингъ, указывая своимъ приверженцамъ на открытую церковь, гдѣ полуденное солнце, просвѣчивая сквозь пестрыя стекла оконъ, осыпало огненными искрами металлическія и каменныя украшенія стѣнъ.— Очистите святыню! Разрушьте гнѣздо идолопоклонниковъ! Возстаньте, сыны Господни! Поднимите свои мечи на защиту истинной вѣры! Теперь Чильдерлейскій замокъ и церковь въ нашихъ рукахъ!

Еще минута и деревенская церковь вѣроятно подверглась бы полному разоренію отъ руки фанатиковъ; но въ это время за ихъ спиной раздался громкій повелительный голосъ:

— Прочь отсюда! Чильдерлей-гаузъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ Кромвеля!

Кавалеристы, приставшіе къ шайкѣ Пикерлинга подъ вліяніемъ его краснорѣчія, оторопѣли, услыхавъ этотъ голосъ. Они выстроились и отдали честь. Это былъ Франкъ Гербертъ, который неожиданно появился среди площади на взмыленной лошади.—Кто этотъ человѣкъ? спросилъ онъ, указывая на мельника.—По какому праву онъ принялъ на себя роль начальника и осмѣливается склонять парламентскихъ солдатъ къ нарушенію дисциплины?

Мельникъ видимо смутился при этихъ словахъ. Онъ снялъ съ головы свою пирамидальную войлочную шляпу и, подойдя къ полковнику, сказалъ:

— Эти благочестивые люди также какъ и я были убѣждены, что вы посланы къ намъ съ той цѣлью, чтобы выслушать наши просьбы и оказать намъ помощь...

— Но развѣ благочестивые люди должны прибѣгать къ топорамъ, чтобы заставить себя выслушать! прервалъ его Гербертъ.

— Въ писаніи сказано: возразилъ мельникъ—«съ мечами»...

— Молчать, крикнулъ Гербертъ;—я уже довольно слышалъ объ этомъ!

Затѣмъ, онъ подозвалъ кавалеристовъ и прочелъ имъ бумагу, которую вынулъ изъ кармана. Это было форменное предписаніе самого Кромвеля, чтобы «ни одинъ изъ солдатъ парламентской арміи, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, не осмѣливался вступать въ замокъ и владѣнія Чильдерлейскаго баронета съ какою либо непріязненною цѣлью».

Гербертъ, окончивъ чтеніе, поднялъ листъ бумаги надъ своей

головой, чтобы всѣ могли видѣть твердый и крупный почеркъ генерала и его гербовую печать, на которой былъ изображенъ левъ съ кольцомъ въ правой лапѣ и девизомъ: Dies et «ingenium».

Такого рода листы, называемые «protections», на языкѣ того времени, не составляли рѣдкости, такъ какъ несмотря на упорство, съ какимъ велась междоусобная война, замѣтно было извѣстное рыцарство въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, которыя какъ будто хотѣли показать этимъ, что взялись за оружіе только въ силу печальной необходимости. Между борцами обѣихъ партій были лучшіе люди государства, уважавшіе другъ друга за честность и умъ; изъ нихъ многіе были нѣкогда друзьями и сосѣдями. Хотя рѣшеніе распри въ данный моментъ зависѣло отъ острія ихъ шпагъ, преданія прошлыхъ дней были настолько сильны въ нихъ, что они старались по возможности сохранить семьямъ прежнихъ друзей имущество, котораго они должны были лишиться вслѣдствіе суровыхъ законовъ войны. Мемуары и хроники того времени переполнены описаніемъ случаевъ, какъ вліятельный человѣкъ въ парламентѣ отклонилъ тѣмъ или другимъ способомъ секвестръ, наложенный на имѣніе убитаго или беззащитнаго роялиста; не мало было и такихъ примѣровъ, когда предводитель королевскихъ войскъ доказывалъ своими поступками, что партизанскій фанатизмъ не убилъ въ немъ чувства прежней дружбы. Подобное великодушіе вполнѣ понятно со стороны народной арміи: по мѣрѣ того, какъ выростала ея сила отъ сознанія внутренной твердости и увеличивалась самоувѣренность, благодаря блестящимъ одержаннымъ побѣдамъ, у ней могло явиться чувство забвенія обидъ и всепрощенія относительно враговъ, которыхъ она больше не боялась. Совсѣмъ при иныхъ условіяхъ находилось королевское войско, ослабленное раздорами и отсутствіемъ дисциплины. Часть его была въ рукахъ королевы, которая дѣлала распоряженія, живя въ Парижѣ, другая была подчинена пфальграфу Рупрехту; но никто не признавалъ властелиномъ короля, такъ какъ имъ управляли тѣ или другіе любимцы, и безнадежное колебаніе было его нормальнымъ состояніемъ. Въ описываемое время, вѣсы королевской милости склонились на сторону принца Рупрехта, который пользовался безграничнымъ вліяніемъ въ придворномъ оксфордскомъ лагерѣ. Онъ былъ племянникъ короля, храбрый рубака, но плохой полководецъ. Ничто не связывало его съ землей, по которой онъ проводилъ свою кавалерію, и съ врагами, противъ которыхъ онъ направлялъ войско. Болѣе, чѣмъ кто либо, онъ способствовалъ отчужденію страны отъ интересовъ несчастнаго короля; въ современныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ много разсказовъ объ его жестокости относительно побѣжденныхъ и плѣнныхъ. Между тѣмъ, народная армія хотя и преслѣдовала съ безпощадною строгостью всякія излишества, но никогда не увлекалась местью. Новый человѣкъ внесъ въ нее новые

элементы. Пощада врагамъ, уваженіе къ собственности, неприкосновенность личности и свобода совѣсти — таковы были принципы, провозглашенные Кромвелемъ. Они обаятельно дѣйствовали на массу. «Съ евангеліемъ въ одной рукѣ и шпагой въ другой, онъ покорилъ Англію!», какъ выразился о немъ Вольтеръ.

Кавалеристамъ не показалось страннымъ, когда Франкъ Гербертъ прочелъ имъ бумагу, въ которой, личность Чильдерлейскаго баронета, его замокъ и имущество были объявлены подъ непосредственнымъ покровительствомъ Кромвеля. Они молча опустили свои сабли, не выразивъ ни малѣйшаго неудовольствія.

Въ это время Гербертъ, стоявшій спиной къ церкви повернулъ свою лошадь, чтобы очистить дорогу небольшой группѣ людей, слѣдовавшей за носилками Мануэллы, которую онъ далеко оставилъ за собой, услыхавъ шумъ на деревенской площади. Взглядъ его случайно упалъ на священника, все еще стоявшаго въ церковныхъ дверяхъ. Яркая краска выступила на его лицѣ.

— Боже мой, ты ли это Гевитъ!—воскликнулъ онъ съ радостной улыбкой. Дорогой другъ, сколько лѣтъ мы пе видѣлись съ тобой.

Священникъ давно узналъ его по голосу.

Они были товарищами по старой лондонской школѣ «Merchant Taylors», гдѣ воспитывались многіе великіе люди Англіи. Оба тогда горячо любили другъ друга. Это была одна изъ тѣхъ юношескихъ привязанностей, которая продолжается всю жизнь, не смотря на разницу общественнаго положенія и убѣжденій, и кончается только смертью. Какое значеніе можетъ имѣть въ этомъ случаѣ долгая разлука! При встрѣчѣ, подъ грудой пепла, насыпаннаго жизнью, опять поднимается старое пламя, разцвѣтаютъ прежнія розы, которыя такъ довѣрчиво извивались около старыхъ сѣрыхъ стѣнъ, въ наши юношескіе годы, расточали все великолѣпіе своихъ красокъ въ полдень, вечеромъ повѣряли свои тайны проносившемуся вѣтру и каждое утро распускались вновь вѣчно свѣжія и юныя, покрытыя серебристой росой. Въ этомъ собственно и заключается для насъ очарованіе первой дружбы и первой любви, что мы вносимъ въ нихъ свѣжесть нашихъ ощущеній, нетронутыхъ жизнью.

Они не видѣлись съ того дня, какъ разстались въ школѣ. Все перемѣнилось съ тѣхъ поръ: разгорѣлась межоусобная война и произошелъ окончательный разрывъ между обѣими партіями. Франкъ Гербертъ всталъ на сторону парламента и обнажилъ свою шпагу за права народа, его нравственную и политическую свободу; священникъ непоколебимо стоялъ за божественное право короля и эпископальную англійскую церковь, и готовъ былъ защищать ихъ до послѣдней капли крови. При такихъ условіяхъ могло ли быть еще какое либо соглашеніе между ними? Что соединяло ихъ теперь?

Франкъ Гербертъ первый протянулъ священнику свои покры-

тыя сталью руки, и прежніе школьные товарищи, по старому, заключили другъ друга въ объятія.

— Я былъ увѣренъ что ничто не разлучитъ насъ!—сказалъ Гербертъ.

— Если бы это даже случилось, возразилъ взволнованный священникъ, то, рано или поздно, мы бы опять сошлись другъ съ другомъ.

Пикерлингъ съ неудовольствіемъ отошелъ отъ нихъ.

— Вы видите, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ приверженцамъ, Саулъ и Амалекъ заключили между собой союзъ. Это не предвѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ; я начинаю вѣрить въ правдивость слуховъ, дошедшихъ до насъ изъ Лондона. Ковенантъ скоро окончитъ свое существованіе, а эти солдаты совсѣмъ не такіе, какими мы воображали ихъ! Что же касается Оливера, то онъ обманулъ насъ...

— Тише! ради Бога! воскликнули въ одинъ голосъ нѣсколько пуританъ. Они могутъ услышать тебя!

Но опасное слово было произнесено. Одинъ изъ кавалеристовъ подошелъ къ Пикерлингу и положилъ ему на плечо свою руку, окованную сталью.

Это былъ юноша съ блѣднымъ преждевременно исхудалымъ лицомъ и съ большими выразительными глазами, въ которыхъ просвѣчивала мрачная непоколебимая твердость.

— Ты смѣешь отзываться такимъ образомъ о человѣкѣ, на котораго мы возлагаемъ лучшія наши надежды! сказалъ онъ спокойнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ. Горе тебѣ и твоей душѣ! Развѣ ты забылъ что̀ сказано въ священномъ писаніи: «побѣждающій облечется въ бѣлыя одежды; и не изглажу имени его изъ книги жизни и исповѣдаю имя его предъ Отцемъ Моимъ и предъ Ангелами его...»

Онъ замолчалъ. Товарищи окружили его.—На него сошелъ духъ пророчества; онъ началъ проповѣдь! говорили между собой кавалеристы.

Франкъ Гербертъ также присоединился къ нимъ; но и онъ не рѣшился прервать проповѣдника.

Это былъ сынъ его арендатора, юно̀ша слабаго тѣлосложенія, мечтательный отъ природы. Со времени своего поступленія въ армію, онъ былъ охваченъ распространеннымъ въ то время мистическимъ ученіемъ, основаннымъ на пророчествахъ Даніила, тѣмъ болѣе, что между кромвелевскими солдатами было довольно много милленаріевъ. Они ожидали скораго исполненія словъ пророка и были убѣждены, что послѣ уничтоженія четырехъ баснословныхъ животныхъ, означавшихъ, согласно толкованію, четыре царства, наступитъ пятое—настоящее царство Божіе, которое будетъ продолжаться тысячу лѣтъ и въ которомъ Іисусъ Христосъ будетъ единымъ вла-

дыкой. Но это царство должно было возникнуть съ паденіемъ Карла I, злобнаго и нечестиваго короля, противъ котораго они вели войну. Въ Кромвелѣ они видѣли человѣка «избраннаго святыми», призваніе котораго состояло въ томъ, чтобы приготовить міръ ко второму пришествію. Это ученіе въ большинствѣ случаевъ имѣло неотразимую силу на людей признававшихъ его; распѣвая псалмы, они радостно шли на смерть съ твердымъ убѣжденіемъ, что по ихъ трупамъ пережившіе войдутъ въ «царствіе». Они не признавали священническаго сана, такъ какъ у нихъ священникомъ могъ быть всякій, на кого находило наитіе свыше. Всѣ храмы были для нихъ безразличны, какъ богатыя эпископальныя церкви, такъ и пресвитеріанскія съ ихъ бѣлыми обнаженными стѣнами. Они мечтали о раздѣлѣ собственности, уничтоженіи различія между богатыми и бѣдными, объ евангельскомъ равенствѣ и братской любви. Относительно своихъ политическихъ убѣжденій, они были республиканцами и въ то же время индепендентами въ церковномъ смыслѣ. Епископальная церковь была разрушена, но пресвитеріанство грозило замѣнить свергнутую тиранію прелатовъ деспотизмомъ синода; ни съ той, ни съ другой стороны не было терпимости. Поэтому индепенденты, не смотря на свои мрачныя суровыя фигуры, представляли до извѣстной степени отрадное явленіе, такъ какъ они признавали, что всякое искреннее убѣжденіе свято, и что къ нему слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ. Великія слова, сказанныя Кромвелемъ въ Палатѣ Общинъ по поводу сектантства, господствовавшаго въ его арміи, должны быть записаны золотыми буквами на знамени свободы совѣсти: «Пресвитеріане и индепенденты, сказалъ онъ, одинаково проникнуты духомъ молитвы и вѣры, и по ихъ убѣжденію всѣмъ должно быть предоставлено право существованія и свободнаго слова. Въ этомъ у нихъ нѣтъ разногласія и всѣ они солидарны. Горе тѣмъ, кто думаетъ иначе! Истинное единство можетъ быть только при этихъ условіяхъ...»

Хотя Франкъ Гербертъ не сочувствовалъ лжеученію милленаріевъ и вообще былъ довольно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ, но изъ уваженія къ Кромвелю относился снисходительно къ сектантамъ, тѣмъ болѣе, что особенно дорожилъ молодымъ проповѣдникомъ. Несмотря на слабое здоровье, молодой фанатикъ мужественно выступилъ на защиту родины, покинувъ стариковъ родителей, невѣсту и богатую арендаторскую ферму. Гербертъ чувствовалъ особенное состраданіе, когда онъ видѣлъ юношу послѣ проповѣди: онъ изнемогалъ отъ усталости; его впалые щеки были покрыты густымъ румянцемъ, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Локіеръ, сказалъ онъ, обращаясь къ юношѣ, ты напрасно принимаешь къ сердцу слова этого человѣка, мы накажемъ его другимъ, болѣе дѣйствительнымъ способомъ!

— Полковникъ, отвѣтилъ этотъ, ничто не должно казаться намъ маловажнымъ, когда вопросъ идетъ о служеніи Тому, Кто говоритъ моими устами.

Гербертъ подозвалъ мельника и, смѣривъ его съ головы до ногъ недовольнымъ взглядомъ, спросилъ: кто ты и какъ тебя зовутъ?

— Я чильдерлейскій мельникъ, сэръ,—отвѣтилъ смиренно Пикерлингъ съ низкимъ поклономъ. Смѣю увѣрить вашу милость, что я богобоязненный человѣкъ и никому не дѣлаю зла...

— Мы уже слышали эти рѣчи и не придаемъ имъ никакого значенія, отвѣтилъ Гербертъ. Но такъ какъ ты хотѣлъ отклонить моихъ солдатъ отъ данной имъ клятвы къ повиновенію начальству и, вдобавокъ, самовольно собралъ и привелъ сюда этихъ людей... то, по нынѣшнимъ военнымъ законамъ, ты будешь присужденъ къ висѣлицѣ!

Мрачно выслушали пуритане слова Герберта.

— Это уже не первый разъ, угрюмо ворчали они, что насъ заставляютъ молчать подобнымъ способомъ. Оказывается, что мы не въ лучшемъ положеніи, нежели были наши отцы! Ихъ подвергали жестокимъ казнямъ, ссылали въ отдаленныя пустыни, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ... Мы думали, что гнѣвъ Божій, наконецъ, обратился противъ нашихъ враговъ и что наступила наша очередь...

— Ваша очередь! воскликнулъ запальчиво Гербертъ. Кто вамъ далъ право посягать на жизнь и имущество вашихъ сосѣдей, составлять заговоръ противъ здѣшняго владѣльца! Это вы называете вашей очередью! Если было время, когда васъ преслѣдовали, ссылали, казнили, то вы хотите примѣнить тотъ же способъ дѣйствій къ другимъ. Въ этомъ заключается ваше ученіе!..

— Да, мы будемъ преслѣдовать, жечь желѣзомъ, подвергать казнямъ и изгнанію нашихъ враговъ, возразилъ одинъ пуританинъ, выдвигаясь изъ толпы. Мы будемъ дѣлать это не потому, что съ нами поступали тѣмъ же способомъ, но для прославленія имени Господа нашего. Подобно тому, какъ нѣкогда священники эпископальной церкви, эти высокомѣрные служители тираніи ставили насъ къ позорному столбу за то, что мы отстаивали чистоту евангелія, мы будемъ привязывать къ позорному столбу тѣхъ, которые гнѣвятъ Бога, говоря о скоромъ пришествіи Спасителя и страшномъ судѣ. Мы стоимъ за ковенантъ, который торжественно заключенъ между обѣими церквами...

Между кавалеристами послышался ропотъ, нѣкоторые изъ нихъ невольно схватились за оружіе. Но одного взгляда Герберта было достаточно, чтобы удержать ихъ отъ дальнѣйшихъ проявленій неудовольствія.

— Намъ толкуютъ о парламентѣ!—продолжали товарищи оратора; но если такъ будетъ впредь и благочестивые люди будутъ

по старому подвергаться насилію, то скоро эта образцовая армія съ своими начальниками возьметъ верхъ надъ парламентомъ и генералъ сдѣлается властелиномъ Англіи...

— Я считаю безполезнымъ вступать съ вами въ пренія, возразилъ Гербертъ, и предупреждаю васъ, что по вашимъ деревнямъ будутъ разставлены отряды моихъ кавалеристовъ, можетъ быть это убѣдитъ васъ, насколько разумны и преступны произнесенныя вами слова. Что же касается этого человѣка, добавилъ онъ, указывая на мельника, то его ждетъ достойное наказаніе!..

Вниманіе Герберта было привлечено баронетомъ, который вышелъ изъ церковныхъ дверей, чтобы встрѣтить приближавшуюся группу людей. Онъ горячо обнялъ своихъ дѣтей и сказалъ съ своей обычной добродушной улыбкой, что «ему остается благодарить Бога за ихъ благополучное возвращеніе, и что теперь одинъ изъ худшихъ дней его жизни кажется ему не такимъ ужаснымъ».

— Послѣ Бога, мы должны благодарить этого джентльмена за наше спасеніе, сказала Оливія, указывая на Франка Герберта, который въ это время подошелъ къ нимъ. Въ ея голосѣ и взглядѣ выразилась глубокая признательность, которую она чувствовала къ своему новому знакомому.

Баронетъ молчалъ. Ему были хорошо извѣстны ненавистные цвѣта и значки парламентской арміи, но въ то же время онъ ясно сознавалъ, что обязанъ сохраненіемъ жизни, дѣтей и имущества тому, кто носилъ ихъ. Въ душѣ его происходила тяжелая борьба между естественнымъ чувствомъ благодарности и боязнью измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Такого рода противорѣчія встрѣчаются въ каждой единичной жизни, но принимаютъ трагическій характеръ среди обстоятельствъ, не допускающихъ примиренія. Наружность красиваго статнаго юноши располагала баронета въ его пользу. Ему нравилось открытое чистосердечное выраженіе лица Герберта и его скромныя манеры, такъ какъ онъ, повидимому, старался скорѣе избѣгнуть благодарности, нежели ожидалъ ея, хотя имѣлъ полное право требовать, чтобы баронетъ не отличалъ друзей отъ недруговъ въ данный моментъ и имѣлъ бы мужество отдать ему справедливость. Но сэру Товію казалось постыднымъ и унизительнымъ принимать благодѣянія отъ человѣка, который несъ знамя парламента и былъ неумолимымъ врагомъ короля.

Гербертъ не далъ ему времени прійти къ какому либо рѣшенію. Онъ вѣжливо поклонился баронету и попросилъ его послѣдовать за нимъ на средину площади, гдѣ мельникъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

— Сэръ, сказалъ Гербертъ, этотъ человѣкъ называетъ себя вашимъ арендаторомъ?

— Да, это мельникъ Пикерлингъ! Къ сожалѣнію, онъ получилъ по наслѣдству мельницу, которая поставлена на моей землѣ и отда-

валась въ ленъ его предкамъ сотни лѣтъ, чуть ли не съ того времени, какъ выстроенъ мой замокъ. Да поможетъ мнѣ Господь, я, кажется, ничѣмъ не заслужилъ ту непріязнь, съ какой онъ относится ко мнѣ...

— Вѣроятно наслѣдственное пользованіе мельницей было неразрывно связано съ взаимнымъ обязательствомъ вѣрности, какъ все, что перешло къ намъ отъ временъ рыцарства?—спросилъ Франкъ. Онъ, вѣроятно, принесъ вамъ клятву въ вѣрности!

— Разумѣется и самымъ торжественнымъ образомъ, какъ это было всегда въ обычаѣ между землевладѣльцемъ и арендаторомъ. Въ день своего водворенія на мельницѣ, онъ подалъ мнѣ обѣ руки и сказалъ: «Съ этого дня я принадлежу вамъ душой и тѣломъ и буду вѣрно служить вамъ за полученный отъ васъ участокъ земли насколько это не будетъ въ ущербъ вѣрности, въ которой я клялся другому и высшему господину, моему королю»!

Баронетъ намѣренно возвысилъ голосъ при послѣднихъ словахъ и добавилъ: вѣдь это, какъ вамъ извѣстно, старое juramentum homagii et fidelitatis!

Легкая тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Герберта. Но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и сказалъ спокойнымъ тономъ:

— Этотъ человѣкъ нагло нарушилъ данную клятву, поднявъ оружіе противъ своего леннаго господина. Власть не должна допускать подобныхъ вещей, хотя, вслѣдствіе печальнаго стеченія обстоятельствъ, она находится въ разладѣ съ другой властью государства и никто не можетъ сказать заранѣе, каковъ будетъ исходъ борьбы. Но въ Англіи еще существуетъ правосудіе и права отдѣльныхъ личностей останутся неприкосновенными. Судъ можетъ утвердить или отмѣнить мое рѣшеніе, тѣмъ неменѣе, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, я произношу именемъ парламента предварительный приговоръ, по которому Пикерлингъ лишается права пользованія мельницей; а вы, сэръ, можете назначить кого нибудь другого на его мѣсто.

— Да поможетъ мнѣ Господь!—возразилъ баронетъ, кому же могу я передать мельницу, какъ не Мартину Бумпусу!

Эти слова вызвали громкіе крики радости со стороны поселянъ. Всѣхъ ихъ болѣе или менѣе тривожила боязнь лишиться своего добраго господина, а теперь они видѣли, что онъ облеченъ такою же властью, какъ и прежде. Къ тому же вполнѣ одобряли выборъ, сдѣланный баронетомъ, и столпились около Мартина съ поздравленіями.

Бумпусъ представлялъ собой довольно жалкую фигуру въ эту минуту, несмотря на удовольствіе, сіявшее на его лицѣ: посохъ его былъ сломанъ; краска сошла со лба и щекъ. Не помня себя отъ радости, онъ указалъ на майское дерево, стоявшее на прежнемъ мѣстѣ, и громко воскликнулъ: — Не теряйте мужества друзья мои

Господь да сохранитъ баронета Чильдерлей! Затѣмъ, обращаясь къ краснощекой дочери Гринторна, онъ шепнулъ ей на ухо:

— Ну, Ганна, кто могъ ожидать этого! Пожалуй скоро устроимъ нашу свадьбу!

— Какъ тебѣ не стыдно, Мартинъ, говорить о подобныхъ вещахъ! отвѣтила она вполголоса, скромно опуская глаза, но въ то же время крѣпко пожала ему руку.

Мельникъ почти равнодушно выслушалъ свой приговоръ; онъ готовился къ смерти, и поэтому былъ очень доволенъ, что отдѣлался такой дешевой цѣной, тѣмъ болѣе, что не считалъ мельницу окончательно потерянной для себя.

— Подожди немного! сказалъ онъ показывая кулакъ своему смертельному врагу Бумпусу. Ты скоро запоешь другую пѣсню; достанется и твоему господину!

Бумпусъ не удостоилъ отвѣтомъ благочестиваго мужа; между тѣмъ какъ пуритане, схвативъ послѣдняго подъ руки, поспѣшно увели его въ предупрежденіе дальнѣйшей ссоры.

— Уйдемъ скорѣе отсюда! говорили они вполголоса, обращаясь къ своему пострадавшему брату. Мы устроимъ тебя не хуже прежняго. По крайней мѣрѣ намъ теперь извѣстно, чего можно ожидать отъ этой образцовой арміи и ея примѣрныхъ генераловъ!..

— Да, хороши, нечего сказать! возразилъ съ негодованіемъ мельникъ, когда онъ очутился на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ деревни и никто изъ враговъ не могъ разслышать его словъ. Неужели вы думаете, что этимъ дѣло кончится! Нѣтъ я не допущу, чтобы безбожники радовались нашему униженію. Гдѣ же послѣ этого справедливость! Награждаютъ людей, которые въ заговорѣ съ кавалерами и даютъ имъ средства бѣжать въ Оксфордъ! а насъ, которые съ опасностью жизни взялись за оружіе, чтобы остановить беззаконіе, гонятъ изъ дому, лишаютъ послѣдняго крова! Но вооружимся терпѣніемъ!... продолжалъ ораторъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе и грозя кулакомъ шествію, которое въ это время поднималось по холму въ замокъ въ сопровожденіи носилокъ. Желалъ бы я знать, откуда взялась эта дѣвушка: изъ Вавилона или Рима; но она въ недобрый часъ переступитъ порогъ Чильдерлійскаго дома; неизбѣжная гибель ожидаетъ всѣхъ ихъ!.. Пойдемте братья! я взялъ посохъ и послѣдовалъ за вами, чтобы представить мое дѣло на совѣтъ праведныхъ. Господь сказалъ своему избраннику Іакову: «Я съ тобой, и сохраню тебя вездѣ, куда ты ни пойдешь и возвращу тебя въ сію землю...»

ГЛАВА XIV.

Друзья.

Франкъ Гербертъ былъ отраслью боковой линіи знатной фамиліи Гербертовъ Пемброкъ и Монгомери, многіе представители которой прославились въ исторіи Англіи въ качествѣ военачальниковъ, государственныхъ людей, философовъ, поэтовъ и мыслителей. Родъ этотъ, развѣтвляясь все болѣе и болѣе, распространялся отъ юго-запада Англіи до сѣвернаго Уэльса и такъ называемыхъ «среднихъ графствъ». Религіозныя несогласія очень рано разъединили эту семью, какъ и многія другія въ Англіи; къ этому скоро примѣшалась борьба парламента съ королевской властью. Дѣдъ и отецъ Франка Герберта, умершіе до начала войны, были протестанты и ярые приверженцы парламента; въ этихъ традиціяхъ сложился умъ и характеръ юноши. Въ Кембриджѣ Франкъ воспитывался съ молодымъ Бокингемомъ, который по матери былъ его близкимъ родственникомъ, и между ними завязались пріятельскія отношенія. Но прочная дружба была немыслима между этими двумя противоположными натурами: строгими, нравственными принципами и серьезнымъ характеромъ одного и суетнымъ легкомысліемъ другого. Рано или поздно они должны были разойтись въ разныя стороны, еслибы даже война не разъединила ихъ. Теперь оба принадлежали къ двумъ враждебнымъ лагерямъ, и это былъ наилучшій исходъ для подобныхъ случайныхъ отношеній, которыя въ большинствѣ случаевъ приводятъ къ мелочнымъ личнымъ ссорамъ.

Франкъ Гербертъ, выражаясь языкомъ того времени, принадлежалъ къ «круглоголовымъ», хотя это названіе вовсе не подходило къ нему, такъ какъ густые каштановые волосы окаймляли его лицо. Само собою разумѣется, что этимъ онъ навлекалъ на себя недовѣріе фанатиковъ партіи, соблюдавшихъ всѣ внѣшніе признаки пуританизма. Въ тѣ, давно минувшія времена, когда эта мрачная секта, которой Англія обязана своей свободой, впервые должна была связать религіозную опозицію съ политической и черезъ это преобразовалась въ партію, наиболѣе ревностные представители ея, мужчины и женщины, старались выдѣлиться изъ остальной массы особымъ покроемъ платья, манерами и языкомъ. Эта разница всего болѣе выказывалась въ своеобразномъ способѣ, какимъ они стригли себѣ волосы. Въ пренебреженіи, съ какимъ всѣ относились къ нимъ, они видѣли извѣстное мученичество, которое хотѣли навлечь на себя тѣмъ или другимъ способомъ. Поэтому каждый пуританинъ, какое бы ни было его положеніе въ свѣтѣ, званіе или состояніе, считалъ своимъ долгомъ такъ коротко

обстричь себѣ волосы, чтобы уши оставались открытыми. Нѣкоторыя и особенно духовныя лица доходили до такой крайности, что совершенно выбривали себѣ головы въ кружокъ и оставляли только небольшіе клочки волосъ, чтò придавало имъ комическій видъ и навлекло на нихъ насмѣшливую кличку «круглоголовыхъ». Но для нихъ это былъ отличительный признакъ религіозныхъ убѣжденій и какъ бы соблюденіе религіознаго обряда.

Но эти времена давно прошли. Только угнетенная партія можетъ нуждаться въ наружныхъ признакахъ, по которымъ ея представители узнаютъ другъ друга; но если перевѣсъ на ея сторонѣ и она становится господствующей, то подобныя внѣшнія отличія должны быть отброшены, такъ какъ они при этомъ условіи лишены всякаго смысла. Франкъ Гербертъ при своемъ развитомъ вкусѣ считалъ пуританскую стрижку нелѣпымъ ребячествомъ и, къ соблазну фанатиковъ, носилъ волосы по модѣ королевскихъ приверженцевъ.

Равнымъ образомъ, онъ не находилъ нужнымъ говорить на ихъ жаргонѣ—въ носъ гнусливымъ тономъ «святыхъ избранниковъ», какъ величали себя пуритане. Франкъ, какъ и всѣ болѣе дальновидные энергичные люди того времени, чуждые предразсудковъ, предвидѣлъ революцію, которая должна быть послѣдствіемъ междоусобной войны, и сознавалъ, что существуютъ болѣе серьезныя и высокія цѣли, нежели тѣ, которыя преслѣдовали фанатики при своей ограниченности и деспотизмѣ. Рознь, возникшая въ великой партіи, которая такъ единодушно выступила на защиту родины, проявилась сначала въ мелочныхъ и, повидимому, незначительныхъ фактахъ. Великій человѣкъ, ратовавшій за свободу личности въ своемъ отечествѣ, не могъ требовать, чтобы она находилась подъ гнетомъ внѣшности и формы. Его армія и штабъ, болѣе чѣмъ когда либо сплоченные строжайшей дисциплиной, мало по малу отрѣшились отъ мрачнаго однообразія въ одеждѣ и одѣлись въ пурпуръ, золото и яркіе цвѣта, которые такъ могущественно дѣйствуютъ на фантазію простыхъ солдатъ. Самъ Кромвель, болѣе чѣмъ кто нибудь, держался того мнѣнія, что можно любить отечество и свободу и быть истинно добрымъ и благочестивымъ человѣкомъ, не порывая связи съ жизнью и остальнымъ обществомъ.

Хотя Франкъ Гербертъ не былъ ни поэтомъ, ни писателемъ, какъ многіе изъ его предковъ, но съ увлеченіемъ читалъ поэтовъ и особенно историковъ. Въ послѣднее время онъ преимущественно изучалъ Тацита и посвящалъ этому чтенію тѣ немногіе часы, которые были въ его распоряженіи въ короткіе промежутки между военными дѣйствіями. Въ исторіи римскихъ междоусобныхъ войнъ онъ искалъ утѣшенія въ бѣдствіяхъ своей родины, среди которыхъ закинула его судьба. Нерѣдко по вечерамъ, наканунѣ битвъ

сидя у бивуачнаго огня, онъ думалъ о тихомъ уютномъ замкѣ своихъ предковъ, тѣнистыхъ старыхъ деревьяхъ парка и ясной зеркальной поверхности пруда. Въ дни своей ранней юности, онъ мечталъ провести тутъ всю жизнь среди книгъ, природы и близкихъ людей; теперь это желаніе было тѣмъ сильнѣе, что дѣйствительность все болѣе и болѣе отдаляла эту мечту. Чтеніе Тацита поддерживало въ немъ мужество и вселяло надежду на лучшую будущность для своей родины; примѣръ великой римской республики указывалъ ему въ чемъ заключается спасеніе государства и счастье народа.

«Vir magnus, quantum licebat», говорилъ Гербертъ, повторяя слова своего любимаго писателя, сказанныя имъ въ описаніи жизни Агриколы [1]), который былъ великимъ человѣкомъ, насколько вообще можно быть великимъ при такой безграничной монархіи, какакой была римская имперія. Знакомство съ классиками и другими историческими сочиненіями, а равно и собственныя размышленія привели Герберта къ глубокому убѣжденію, что человѣкъ можетъ достигнуть полнаго проявленія своихъ природныхъ способностей и нравственнаго величія только тамъ, гдѣ личность его совершенно ограждена закономъ отъ всякаго произвола и гдѣ ему нечего опасаться какихъ либо случайностей.

Но не эти размышленія занимали Герберта въ тотъ моментъ, когда онъ вошелъ въ уютную комнату приходскаго священника. Онъ проводилъ баронета и его дочь до воротъ замка и здѣсь простился съ ними. Одну минуту рука молодой дѣвушки довѣрчиво лежала въ его рукѣ; затѣмъ она еще разъ кивнула своей бѣлокурой головой и исчезла подъ мрачной аркой, возвышавшейся на другой сторонѣ моста.

Кто станетъ оспаривать, что подобныя минуты имѣютъ иногда рѣшающее вліяніе на нашу дальнѣйшую судьбу. Сердце Герберта болѣзненно сжалось; имъ овладѣло такое тяжелое чувство одиночества и безпомощности, что онъ готовъ былъ броситься вслѣдъ за Сильвіей; и только неожиданное появленіе сторожа заставило его опомниться и отойти отъ воротъ.

Почти машинально сошелъ онъ съ холма, на которомъ стоялъ замокъ, и повернулъ на дорогу ведущую въ домъ священника. Послѣдній видимо ожидалъ его, такъ какъ при входѣ дорогого гостя поспѣшно положилъ книгу, которую держалъ въ рукахъ, и радушно привѣтствовалъ его.

— Какъ хорошо у тебя въ этой комнатѣ! воскликнулъ Гербертъ. Я охотно провелъ бы здѣсь всю мою жизнь!..

---

[1]) Агрикола римскій полководецъ род. въ 40 г. послѣ Р. Х. † въ 96 г., тесть Тацита, который составилъ описаніе его жизни. Императоръ Веспасіанъ назначилъ Агриколу правителемъ завоеванной имъ Великой Британіи, но Домиціанъ лишилъ его этой должности.

Гербертъ говорилъ совершенно искренно, такъ какъ домашняя обстановка священника произвела на него самое пріятное впечатлѣніе и успокоительно подѣйствовала на его возбужденные нервы. Убранство комнаты было крайне просто; въ ней не было ни педантичнаго порядка и никакихъ лишнихъ украшеній; все было на своемъ мѣстѣ и вездѣ простота соединялась съ изяществомъ и комфортомъ, на сколько послѣдній былъ доступенъ для священника гонимой церкви. Двѣ стѣны до самаго потолка были заняты полками книгъ, которыя составляли лучшее и единственное развлеченіе Гевита. Они заставляли его забывать о печальной дѣйствительности и давали возможность жить мечтательной жизнью, чуждой противорѣчій и борьбы. Хотя у него было свое глубокое затаенное горе, но онъ молча выносилъ его; и поэтому врядъ ли печальное лицо священника поражало простодушныхъ поселянъ, которые привыкли обращаться къ своему пастырю за совѣтомъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Онъ никому не отказывалъ въ своей помощи и всегда съ искреннимъ сочувствіемъ относился къ чужому страданію, но при первой возможности снова возвращался въ уединеніе своей тихой комнаты, къ своимъ любимымъ книгамъ. Сюда пришелъ онъ и сегодня, какъ только утихъ шумъ на церковной площади и его присутствіе оказывалось лишнимъ; но около дома все еще слышался топотъ лошадей и говоръ кавалеристовъ, ожидавшихъ приказа, чтобы двинуться въ путь. Лучи вечерняго солнца проникая въ окно, обращенное къ западу, наполняли комнату золотистымъ свѣтомъ и отражались на корешкахъ книгъ, покрывавшихъ стѣны, такъ что взглядъ Герберта невольно остановился на нихъ.

Старые товарищи обнялись; затѣмъ священникъ подвелъ посѣтителя къ скамьѣ и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Изъ окна открывался прекрасный видъ на холмъ, покрытый лѣсомъ, на вершинѣ котораго виднѣлась башня Чильдерлейскаго замка.

— Мирная жизнь среди полей, вдали отъ многолюдныхъ городовъ, всегда была конечною цѣлью моихъ желаній! сказалъ Франкъ, указывая на окно.—Посмотри, какъ свѣтитъ солнце, зеленѣютъ луга! Живущіе здѣсь люди могли бы наслаждаться полнымъ безмятежнымъ счастьемъ! Но кто поручится, что не сегодня-завтра сюда явятся войска; суровый солдатъ не пощадитъ этого весенняго великолѣпія и равнодушно растопчетъ молодую траву и ростки хлѣбныхъ зеренъ, посѣянныхъ съ такимъ трудомъ... En quo discordia cives perduxit miseros!.. Вотъ печальные результаты всякихъ междоусобныхъ войнъ!

— Значитъ ты также желаешь мира? спросилъ священникъ.

— Было бы преступленіемъ не желать прекращенія этой несчастной войны!—возразилъ Гербертъ.

— Но развѣ тебя не радуетъ торжество партіи, къ которой ты принадлежишь и слава одержанныхъ ею побѣдъ?

— Хороша слава, которая подноситъ лавры покрытые траурнымъ крепомъ! воскликнулъ Гербертъ. Въ междоусобной войнѣ не можетъ быть рѣчи о торжествѣ; никакія побѣды не могутъ радовать насъ, и мы подчиняемся только горькой необходимости.

— Я опять узнаю тебя въ этихъ словахъ Франкъ! сказалъ священникъ, дружески пожимая руку своему школьному товарищу.

Гербертъ всталъ съ мѣста и безпокойно большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Тебѣ, быть можетъ, это покажется страннымъ, сказалъ онъ, останавливаясь передъ окномъ и бросивъ задумчивый взглядъ на холмъ и башню Чильдерлейскаго замка, но съ самаго утра, когда я вошелъ въ лѣсъ и въ эту деревню, гдѣ увидѣлъ тебя и... горячее желаніе мира опять проснулось во мнѣ сильнѣе, чѣмъ когда либо... Я желалъ бы знать... зачѣмъ намъ суждено было встрѣтиться тамъ...

Франкъ Гербертъ произнесъ послѣднія слова съ видимымъ усиліемъ, лицо его приняло печальное озабоченное выраженіе.

Священникъ только отчасти понялъ слова Герберта.

Если желаніе мира такъ сильно въ вашей партіи, какъ ты говоришь, сказалъ онъ, то, что мѣшаетъ вамъ дать его нашей родинѣ, которая подверглась такимъ тяжелымъ испытаніямъ. Теперь это въ вашей власти.

— Pax samnitica, pax infida, pax incerta! — воскликнулъ Франкъ съ горькой усмѣшкой, кто можетъ желать подобнаго мира!..

— Но развѣ ты не помнишь, возразилъ священникъ, великія слова, сказанныя Цицерономъ по поводу междоусобной войны, что «наихудшій миръ, лучше самой законной войны»—Iniquissimum pacem justissimo bello antefero. Великій римскій гражданинъ предвидѣлъ печальный исходъ борьбы для своей родины.

— Но развѣ твоя партія желаетъ мира? — спросилъ Франкъ. Возможно ли вести съ вами какіе либо переговоры, когда вашъ король нѣсколько разъ заявлялъ публично, что «нѣтъ никакой надобности держать слово, данное бунтовщикамъ».

— Если чьи либо слова могутъ быть истолкованы двоякимъ способомъ, замѣтилъ священникъ, то джентльменъ даетъ имъ то значеніе, которое наиболѣе сообразно съ его честью. Король, заключивъ перемиріе, отнесется совершенно иначе къ вашей партіи, и бранное слово «бунтовщика» потеряетъ тотъ смыслъ, какой ему придаютъ теперь.

Гербертъ недовѣрчиво покачалъ головой.—Я не хочу огорчать тебя, такъ какъ тебѣ дорогъ человѣкъ, котораго называютъ англійскимъ королемъ. Но какое значеніе можетъ онъ имѣть для насъ! Развѣ онъ не нарушилъ тысячи разъ своихъ клятвъ, съ того момента, какъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ присутствіи всего парламента утвердилъ своею подписью прошеніе о правахъ,

(petition of rights), обезпечивающее свободу Англіи, а затѣмъ втайнѣ отрекся отъ него. Наконецъ, наступилъ многознаменательный день, когда онъ заодно съ арміей составилъ заговоръ противъ своего парламента; къ счастью заговоръ этотъ былъ обнаруженъ благодаря измѣнѣ одного изъ его военачальниковъ, что и послужило поводомъ къ бѣгству короля и сигналомъ къ междоусобной войнѣ... Но не станемъ больше говорить объ этомъ. Я знаю, что ты не раздѣляешь моего взгляда.

— Дѣйствительно, наша распря не можетъ быть окончена словами, отвѣчалъ священникъ.—Зачѣмъ стану я отвѣчать на обвиненія твоей партіи или повторять то, что говорятъ противъ васъ королевскіе приверженцы. Время споровъ и словесныхъ преній давно прошло; но среди невыразимыхъ бѣдствій междоусобной войны, разгара страстей, изъ разоренныхъ городовъ, опустошенныхъ земель слышишь общій вопль о мирѣ. Всѣ жаждутъ мира, не говорю о безчисленномъ множествѣ людей, лишенныхъ крова и бѣжавшихъ изъ своихъ ограбленныхъ замковъ, домовъ и хижинъ... Меня лично не пугаютъ потери, которыя ожидаютъ насъ. Я поклоняюсь непреложнымъ принципамъ и знаю, что они вѣчны. Но мнѣ казалось болѣе разумнымъ и гуманнымъ, если бы каждая партія признала законность существующихъ фактовъ и не старалась преждевременно уничтожать то, что должно пасть само собой въ силу естественнаго хода вещей.

Гербертъ засмѣялся злобнымъ смѣхомъ.—Я не знаю ни одного примѣра въ исторіи, сказалъ онъ, гдѣ бы привилегированные люди добровольно отказались отъ своего титула или отъ которой нибудь изъ присвоенныхъ ими прерогативъ!

— Противъ этого я не стану спорить, такъ какъ ты совершенно правъ. Но развѣ мы для того изучаемъ исторію, чтобъ повторять ее? Неужели наша участь—вѣчно подражать прошлому! Мы стоимъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, и мнѣ кажется наступило время выйти на новый путь. Готовятся великія перемѣны! Мы не можемъ вернуться назадъ къ нашей исходной точкѣ и должны волей-неволей двигаться впередъ. Когда отдаленный шумъ оружія долетаетъ до стѣнъ моей уединенной комнаты, въ моемъ воображеніи рисуются картины будущаго. Въ тѣ времена, когда новыя идеи зарождаются среди хаоса бродячихъ элементовъ, Господь посылаетъ своего избранника, воплощающаго въ себѣ человѣческую личность въ полномъ и широкомъ значеніи этого слова. Онъ неожиданно указываетъ удивленному міру его задачи, говоритъ ему, чего онъ хочетъ, предписываетъ то, чтò онъ долженъ дѣлать. Смущеніе, овладѣвшее массой, не подавляетъ его всеобъемлющаго и могучаго ума. Онъ не слѣдуетъ за общественнымъ мнѣніемъ, а составляетъ его. Мелочныя, школьныя различія партій становятся смѣшными передъ величіемъ этого человѣка. Его соотечественники сначала не замѣчаютъ его, затѣмъ борятся съ нимъ орудіемъ презрѣнія или на-

смѣшки, попеременно называютъ его мечтателемъ, идеалистомъ, дикаремъ, попирающимъ права другихъ людей; и, въ концѣ концовъ, преклоняются пристыженные передъ геройствомъ этого человѣка. Въ подобномъ признаніи исчезаютъ всякія различія между партіями; ими же созданные предразсудки разлетаются, какъ карточные домики. Затѣмъ наступаетъ продолжительный свѣтлый моментъ, когда людьми овладѣваетъ блаженное чувство братскаго единенія. Всѣ съ восторгомъ привѣтствуютъ того, котораго повидимому выбрало само Провидѣніе, чтобы онъ вывелъ свой народъ на новый славный путь и запечатлѣлъ на челѣ столѣтія печать своего генія... У Англіи есть такой человѣкъ! Это...

Это Кромвель!—воскликнулъ Гербертъ. Только о немъ могъ ты говорить такимъ образомъ! Что можетъ разъединять насъ, когда мы сходимся во взглядѣ на этого геніальнаго человѣка!

— Все!—возразилъ грустнымъ тономъ священникъ. Одна только любовь къ родинѣ соединяетъ насъ неразрывной связью. Ты идешь по прямому пути, который открытъ передъ тобой. Но обрати вниманіе на мои слова и обдумай ихъ. Быть можетъ, они впослѣдствіи не покажутся тебѣ такими дикими, какъ теперь, и ты захочешь содѣйствовать тому, что я предложу тебѣ. У меня одна надежда: это свиданіе короля съ Кромвелемъ.

— Свиданіе короля съ Кромвелемъ! — повторилъ машинально Гербертъ, взглянувъ съ удивленіемъ на своего друга.

— Да, я не отрекаюсь отъ своихъ словъ, продолжалъ спокойно священникъ. Король никогда не видалъ Кромвеля и слышалъ о немъ насмѣшливые и презрительные отзывы людей, не имѣющихъ никакого понятія объ его нравственной высотѣ, громадномъ могуществѣ и значеніи. Я знаю, что это крайнее средство; но имѣемъ ли мы право быть разборчивыми при настоящемъ положеніи дѣлъ.

— Это невозможно!—воскликнулъ Гербертъ.

Въ эту минуту, среди торжественной вечерней тишины, раздался на площади протяжный звукъ трубы.

— Они садятся на коней; я долженъ послѣдовать ихъ примѣру! сказалъ Гербертъ. Война призываетъ меня; теперь не время предаваться золотымъ мечтамъ о счастьи и мирѣ. Дорогой другъ, мнѣ тяжело разстаться съ тобой послѣ такого короткаго свиданія, но солдатъ долженъ повиноваться долгу, а не влеченію сердца... Милое видѣніе должно исчезнуть также внезапно, какъ оно явилось предо мною... Это была одна мечта... я долженъ уѣхать!

Онъ подошелъ къ окну и задумчиво смотрѣлъ на весенній ландшафтъ, озаренный золотистыми лучами заходящаго солнца; вдали на высотѣ холма виднѣлся Чильдерлейскій замокъ, окруженный зеленью деревъ. На красивомъ мужественномъ лицѣ молодаго кавалериста выразилась тяжелая внутренняя борьба. Онъ видимо колебался, затѣмъ, пересиливъ себя, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по

комнатѣ и остановился передъ столомъ, за которымъ сидѣлъ священникъ.

— Еще одно слово, сказалъ онъ вполголоса, какъ бы изъ боязни, что его могутъ подслушать; — передай дочери баронета, что я никогда не забуду нашей встрѣчи, чтѐ бы ни случилось въ будущемъ... но мы не властны надъ нимъ и надъ нашимъ сердцемъ...

— Оливіи?—спросилъ священникъ съ невольнымъ удивленіемъ.

— Да, Оливіи; это имя будетъ всегда дорого мнѣ!..

— Но зачѣмъ ты не останешься здѣсь, хотя бы на сегодняшній вечеръ; ты бы могъ самъ сказать ей это.

Нѣтъ, сегодня вечеромъ мы должны соединиться на дорогѣ къ С. Ивсъ съ отрядомъ кромвелевскаго полка, которымъ командуетъ Клейполь. Ты кажется знаешь его? Онъ изъ Нортемптона; это отличный юноша! Говорятъ Кромвель хочетъ выдать за него свою вторую дочь Елизавету.

Гербертъ произнесъ эти слова мимоходомъ, не придавая имъ никакого значенія; но сердце священника замерло при этихъ словахъ; лицо его покрылось смертельною блѣдностью; губы задрожали. Но это продолжалось одну секунду; онъ снова овладѣлъ собою; между тѣмъ, влюбленный юноша, былъ такъ занятъ своими мыслями, что не замѣтилъ внезапной перемѣны, которая произошла съ его другомъ.

— Сдѣлай одолженіе, окажи мнѣ небольшую услугу, продолжалъ Гербертъ, потому что, Богъ знаетъ, увидимся ли мы опять съ нею... Столько храбрыхъ людей было убито на моихъ глазахъ, что я не имѣю права думать, что составляю счастливое исключеніе... Мнѣ хотѣлось бы чтѐ нибудь оставить на память Оливіи... Передай ей эту книгу отъ моего имени; можетъ быть, она доставитъ ей нѣкоторое удовольствіе...

Священникъ взялъ изъ рукъ Герберта маленькую книгу, переплетенную въ бархатъ съ красивымъ золотымъ бордюромъ, и обѣщалъ передать ее по назначенію.

Затѣмъ они молча обнялись; священникъ проводилъ своего друга до воротъ, выходившихъ на деревенскую площадь.

Солнце скрылось за противоположнымъ лѣсомъ, но въ яркомъ отблескѣ его лучей, на зубцахъ Чильдерлейскаго замка Франку мерещилась изящная бѣлокурая головка лѣсной королевы.

Въ долинѣ начинало смеркаться. Священникъ сидѣлъ одинъ у открытаго окна и держалъ въ рукахъ книгу, которую Франкъ далъ ему для Оливіи.

На заглавномъ листѣ, были напечатаны слѣдующія слова:

Стихотворенія Джона Мильтона. Лондонъ. А. Д. 1645.

Часть II.

ГЛАВА I.

Лагерь роялистовъ.

Теперь мы оставимъ на время почтеннаго баронета и его семью, а равно и Франка Герберта, который, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на зубцы Чильдерлейскаго замка, двинулся въ путь съ своими драгунами, и попросимъ читателя послѣдовать за нами въ незнакомую для него мѣстность въ графствѣ Лейстеръ. Цѣлый мѣсяцъ прошолъ со времени описанныхъ нами сценъ. Здѣсь, въ прелестныхъ долинахъ Бардонъ Гилля, также цвѣтутъ розы; великолѣпные луга покрываютъ своей блестящей изумрудной зеленью берега рѣкъ; тутъ же беретъ начало и рѣка Эвонъ, обязанная своей славой Шекспиру, и которая постепенно направляется къ Уорвикширу и Стратфорту. Но, въ іюнѣ 1645 года, врядъ ли кто либо изъ англичанъ думалъ о розахъ и великомъ поэтѣ.

Всего меньше думалъ о нихъ одинокій всадникъ, ѣхавшій по большой дорогѣ изъ Маркетъ-Герборо въ Лейстеръ, главный городъ графства того же имени. Приглядѣвшись ближе, мы узнаемъ нашего стараго знакомаго—сэра Гарри Слингсби, съ которымъ мы разстались въ Лонгстовскомъ лѣсу, въ моментъ его ссоры съ молодымъ герцогомъ Бокингемомъ.

Онъ уже не въ крестьянскомъ платьѣ, и лошадь его твердо ступаетъ по землѣ, занятой роялистами. Лейстеръ въ рукахъ короля; его величество живетъ тутъ, и королевская армія расположена по близости.

Но герцогъ Бокингемъ не сопровождаетъ почтеннаго кавалера. Въ тотъ день, когда благодаря любовной исторіи съ «искательницей приключеній», какъ Слингсби назвалъ Мануэллу, письмо королевы едва не попало въ руки враговъ, они разстались съ непріязнью. Бокингемъ изъ ребяческаго упрямства поворотилъ свою лошадь въ противоположную сторону и сказалъ своему спутнику, что «во всякомъ случаѣ, надѣется раньше его быть въ королевскомъ лагерѣ, чтобы приготовить ему тамъ хорошій пріемъ».

— Убирайся куда хочешь! — сказалъ сквозь зубы Слингсби.— Не велика бѣда, если ты попадешь въ руки непріятеля; чѣмъ меньше будетъ такихъ молодцовъ, какъ ты, въ королевскомъ лагерѣ, тѣмъ лучше.

Въ виду важнаго возложеннаго на него порученія, сэръ Гарри соблюдалъ возможную осторожность во время дороги и больше думалъ о безопасности ввѣренныхъ ему депешъ, нежели о собственной особѣ. Онъ отдыхалъ днемъ въ замкѣ того или другого кавалера, преданнаго королю, и ѣхалъ ночью подъ прикрытіемъ темноты: этимъ способомъ ему удалось пробраться изъ Бедфордшира въ Бокингемское графство, а оттуда въ Оксфордширъ. Но когда онъ, послѣ шестидневнаго путешествія, подъѣхалъ къ Оксфорду, гдѣ онъ надѣялся по прежнему застать королевскій дворецъ въ Christchurch-College, то ему сказали, что его величество только что оставилъ городъ и направился къ сѣверо-западу, такъ какъ пришло извѣстіе, что парламентская армія, подъ предводительствомъ Ферфакса, приближается съ юго-востока. Теперь храброму Слингсби предстояло или быть запертымъ въ Оксфордѣ, въ случаѣ если непріятель будетъ блокировать городъ, или попасть въ руки враговъ, что̀ было еще хуже.

Желая избѣгнуть того и другого, онъ поѣхалъ еще медленнѣе, хотя его путешествіе и до этого не отличалось особенной быстротой. Цѣлыми сутками приходилось ему выжидать удобной минуты, чтобы двинуться въ путь, подобно кораблю, ожидающему попутнаго вѣтра. Между тѣмъ, военныя приготовленія мятежной арміи принимали все болѣе и болѣе грандіозные и угрожающіе размѣры. Онъ могъ бы многое разсказать объ этомъ, такъ какъ изъ различныхъ «священническихъ норъ», которыя теперь сдѣлались чуть-ли не главнымъ мѣстомъ его пребыванія, ему нерѣдко приходилось видѣть многое, что̀ происходило около него, иногда даже больше, нежели онъ могъ желать этого по чувству чести. Въ былыя времена, онъ наравнѣ съ другими кавалерами надсмѣхался надъ непріятельской арміей, потому что не имѣлъ о ней никакого понятія. Роялисты утверждали, что «бунтовщики» и «поджигатели» парламента, какъ они называли индепендентовъ, потому и настояли на томъ, чтобы ни одинъ народный представитель, засѣдающій въ парламентѣ и занимающій правительственную должность, не могъ

одновременно командовать арміей, чтобы отстранить отъ кормила правленія лордовъ и военачальниковъ, носившихъ фамиліи знатныхъ англійскихъ родовъ, какъ Робертъ Деверё, графъ Эссексъ, Эдуардъ Монтегъ, баронъ Кимбольтонъ и Виконтъ Манчестеръ, и избавиться такимъ образомъ отъ единственныхъ великихъ генераловъ, какіе были въ Англіи. Этотъ билль, названный «актомъ добровольнаго отреченія» особенно служилъ поводомъ для всевозможныхъ шутокъ въ королевской арміи; придворные кавалеры подсмѣивались надъ ловкостью «болотнаго» лорда (какъ они называли Кромвеля), который съумѣлъ обойти рѣшеніе парламента, такъ что послѣдній по прежнему предоставлялъ ему командовать арміей. Такимъ образомъ, говорили они, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ образовалась «новая образцовая армія», состоящая изъ «толстоголовыхъ» мужиковъ и проповѣдующихъ ремесленниковъ. Побѣда непріятеля при Морстонмурѣ, по ихъ мнѣнію, могла быть объяснена тѣмъ, что въ то время въ кромвелевской арміи было много наемныхъ европейскихъ солдатъ и старыхъ служакъ. «Но теперешняя нищенская армія не нюхала пороха; она состоитъ изъ подмастерьевъ и сыновей арендаторовъ, которые не могутъ жить мирно; и еще недавно, ихъ главнокомандующіе Ферфаксъ и Кромвель поколотили другъ друга палками!..»

Такъ говорили и думали роялисты, на основаніи самыхъ неправдоподобныхъ слуховъ. Но сэръ Гарри перемѣнилъ мнѣніе о непріятельской арміи, такъ какъ имѣлъ случай близко познакомиться съ нею во время своихъ невольныхъ рекогносцировокъ, когда ему приходилось пробираться ночью сквозь цѣпи ея постовъ. Онъ мысленно рѣшилъ не скрывать истины отъ короля, если судьба дастъ ему возможность явиться передъ его величествомъ.

Теперь онъ приближался къ цѣли своего путешествія. Была пятница, 13-е іюня; всадникъ уже не имѣлъ надобности скрываться и ѣхалъ, какъ мы уже говорили, по большой дорогѣ, такъ какъ его конь ступалъ по королевской землѣ и кругомъ расположились королевскія войска. Онъ миновалъ передовые посты; передъ нимъ былъ Маркетъ-Герборо, главная квартира принца Рупрехта, а на двухъ-часовомъ разстояніи отсюда—Лейстеръ, гдѣ стояла пѣхота.

Сэръ Гарри подъѣхалъ къ небольшому лѣсу, за которымъ открывался широкій видъ на окружающую мѣстность; вдали можно было различить небольшой городокъ. Насталъ вечеръ, солнце почти скрылось за лѣсомъ; но верхушки и стволы деревьевъ были ярко освѣщены его пурпуровыми лѣтними лучами.

Въ это время изъ лѣсу раздался смѣхъ, пѣніе и топотъ лошадиныхъ копытъ. Хотя почтенный кавалеръ зналъ, что здѣсь ему нечего опасаться встрѣчи съ непріятелемъ, но все-таки, изъ предосторожности, счелъ нужнымъ остановиться; лошадь его также

навострила уши. Между тѣмъ, пѣніе приближалось и стало настолько ясно, что сэръ Гарри окончательно успокоился. Это была шуточная пѣсня, сочиненная въ насмѣшку надъ парламентской арміей; а никто не могъ пѣть ее, кромѣ роялистовъ. Сэръ Гарри ускорилъ шагъ своей лошади; онъ думалъ съ удовольствіемъ о встрѣчѣ съ друзьями, хотя въ то же время ему было непріятно видѣть, что роялисты такъ легко относятся къ непріятелю, которымъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало пренебрегать.

«March, march, pinks of election», пѣли веселые голоса. Громко раздавался по лѣсу игривый мотивъ пѣсни, которая, подъ названіемъ «марша Давида Лесли», была настолько популярна въ лагерѣ роялистовъ, что удержалась до послѣдняго времени и встрѣчается во многихъ сборникахъ стихотвореній.

Сэру Гарри была знакома эта пѣсня, въ которой заключались намеки на «побѣды» черного маргграфа Монроза въ шотландскихъ горахъ и выражалась надежда на скорое соединеніе горцевъ съ королевскими войсками. Приверженцы короля заранѣе предвкушали побѣду надъ «откормленными каплунами» и «святошами», какъ они называли пресвитеріанъ, связанныхъ ковенантомъ (союзомъ) съ парламентской арміей. При этомъ въ пѣснѣ было изображено, какъ стоявшіе на сѣверѣ враги, подъ начальствомъ Лесли, помчатся во всю прыть, когда издали, на границѣ Англіи и Шотландіи, покажутся «голубые шапки клановъ».

Но тутъ пѣніе прекратилось, и изъ лѣсу показалась толпа всадниковъ; впереди всѣхъ ѣхалъ принцъ Морицъ, младшій братъ принца Рупрехта, соучастникъ его военныхъ дѣйствій и любовныхъ приключеній и такой же вѣрный приверженецъ своего дяди, короля. Третій братъ ихъ, курфирстъ Карлъ Людвигъ, лишенный своихъ владѣній (такъ какъ имперское войско заняло Пфальцъ), оставался нейтральнымъ между королемъ и парламентомъ, чтобы въ удобную минуту принять сторону того, кто въ состояніи будетъ возвратить ему наслѣдственныя его земли, потому что въ большинствѣ случаевъ у сверженныхъ принцевъ вырабатывается особый кодексъ приличій и чести.

Принцъ Морицъ съ своими спутниками возвращался съ послѣобѣденной прогулки, на которую они отправились верхами. Пользуясь удобнымъ случаемъ, они посѣтили сосѣднія деревни, гдѣ любезничали съ красивыми дочерьми арендаторовъ и крестьянъ и веселились отъ души, какъ настоящіе доблестные кавалеры.

— Если не ошибаюсь, это сэръ Гарри Слингсби!—воскликнулъ принцъ Морицъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ, которые въ свою очередь узнали почтеннаго джентльмена и привѣтствовали его громкими криками.

Слингсби почтительно поклонился принцу и отвѣтилъ на поклонъ его веселыхъ товарищей.

— Объясните пожалуйста, спросилъ принцъ, куда вы спѣшите и зачѣмъ?

— Я долженъ немедленно явиться къ его величеству и передать ему депеши изъ Парижа.

Король давно ждетъ ихъ, но только мнѣ кажется, что вы пріѣхали поздно! — замѣтилъ принцъ, съ добродушной улыбкой, закручивая кверху свои усы.

— Какимъ образомъ? спросилъ озадаченный кавалеръ.

— Какъ будто вы не знаете?—возразилъ принцъ. У васъ была какая-то ссора съ его свѣтлостью герцогомъ Бокингемомъ. Онъ пріѣхалъ сюда восемь дней тому назадъ, или нѣтъ, — четырнадцать. А вы знаете пословицу: кто пріѣхалъ послѣдній, тотъ всегда оказывается виноватымъ!

— Но я надѣюсь, спросилъ Слингсби взволнованнымъ голосомъ, что не обратили вниманія на болтовню легкомысленнаго мальчишки, и...

— Не горячитесь мой милый сэръ! Вы забываете, что отецъ молодого герцога, былъ величайшимъ другомъ...

— Тѣмъ болѣе, молодой герцогъ долженъ былъ...

— Дайте мнѣ договорить сэръ Гарри; молодой герцогъ Бокингемъ пользуется большой милостью его величества... Ну, да, Богъ съ нимъ!—воскликнулъ со смѣхомъ принцъ. Мы вѣдь всегда были съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ, мой почтенный сэръ. Помните тотъ день, когда мы гнались на лошадяхъ за бѣгущей толпой, состоящей изъ всякаго сброда до городскихъ воротъ Ридинга. Еслибы намъ позволили тогда ѣхать дальше и послѣдовали за нами, то быть можетъ, король былъ бы теперь въ своемъ лондонскомъ дворцѣ, а не въ жалкой деревушкѣ Льюбенгемѣ, близь Лейстера. Вотъ осталось и на вашу долю, старый дружище! добавилъ принцъ, протягивая сэру Гарри рогъ съ виномъ. Глотокъ хорошаго сента лучше всего подкрѣпитъ ваши силы. Не даромъ говорится въ пѣснѣ.

Хвала тебѣ нашъ мудрый Аристиппъ
Твоя наука—чаша стараго вина...

Эти строфы старой студенческой пѣсни были громко пропѣты веселымъ принцемъ, который прибавилъ къ нимъ еще пару куплетовъ. Онъ выучилъ эту пѣсню въ Оксфордѣ и часто пѣлъ ее вмѣстѣ съ студентами, которые во время пребыванія королевскаго двора въ городѣ, бросивъ всѣ занятія, расхаживали съ рапирами по улицамъ и позволяли себѣ всякія безчинства, какъ въ трезвомъ, такъ и въ пьяномъ состояніи.

Сэръ Гарри ѣхалъ молча, печально понуривъ голову, между тѣмъ, какъ принцъ всячески старался развлечь его пѣніемъ и разговорами. Наконецъ лѣсъ кончился, и они увидѣли передъ со-

бой небольшой городокъ Маркетъ-Герборо, уже погруженный въ вечерніе сумерки. Мѣстами зажигались огни. Всюду мелькали военные мундиры, драгуны и кирасиры расхаживали взадъ и впередъ съ своими длинными саблями, гремѣвшими по мостовой. Горожане и солдаты громко перебранивались между собой; слышны были женскіе голоса, звавшіе на помощь.

— Ну, этому не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія; повѣрьте, что онѣ совершенно довольны своей судьбой! замѣтилъ со смѣхомъ принцъ Морицъ, и пропѣлъ по этому поводу новую пѣсню, только что сочиненную сэромъ Феншау, секретаремъ принца Рупрехта.

Всѣ трактиры, мимо которыхъ имъ приходилось проѣзжать, были переполнены народомъ; даже на подоконникахъ сидѣли посѣтители. Громкій говоръ голосовъ смѣшивался съ апплодисментами, бряканьемъ оловянныхъ кружекъ и постукиваньемъ костей на игорныхъ столахъ. На площади стоялъ караулъ. Онъ отдалъ честь принцу Морицу. Подъ сводами открытыхъ галерей большаго дома, выходившаго окнами на площадь, виднѣлись королевскія знамена и штандарты и между ними богато вышитое знамя, посланное королевой, съ короной посрединѣ, окруженной восемнадцатью золотыми лиліями. На другой сторонѣ площади, въ лучшемъ трактирѣ городка, помѣщалась главная квартира принца Рупрехта. Стоявшіе у воротъ солдаты доложили принцу Морицу, что главнокомандующій выѣхалъ на охоту съ своей свитой и неизвѣстно когда вернется. Въ эту пору года запрещено стрѣлять дичь; но кавалеры не обращали на это вниманія, такъ какъ имъ необходимо было развлечься чѣмъ нибудь среди скуки лагерной жизни.

Принцъ Морицъ предложилъ своимъ спутникамъ присоединиться къ охотникамъ, которые должны были находиться въ недалекомъ разстояніи отъ города. Сэръ Гарри отказался отъ этого предложенія подъ предлогомъ усталости и отправился одинъ въ общую залу трактира, гдѣ спросилъ себѣ кружку вина. Но вино оставалось нетронутымъ; онъ сидѣлъ у стола подперевъ голову рукой и мрачно смотрѣлъ на противоположную стѣну, не замѣчая окружавшей его обстановки. Онъ достигъ цѣли своего долгаго опаснаго путешествія, но сердце его не предвидѣло ничего хорошаго въ будущемъ. Не стало многихъ его друзей; лучшіе и самые умные изъ нихъ были убиты или сдѣлались жертвой жалкой интриги. Сошелъ со сцены храбрый и честный лордъ Фальклендъ! Онъ самъ искалъ смерти и нашелъ ее въ одной изъ послѣднихъ несчастныхъ битвъ. Утромъ этого дня Фальклендъ торжественно одѣлся какъ бы собираясь на праздникъ. «Если меня убьютъ, сказалъ онъ подъ вліяніемъ грустнаго предчувствія, то я не хочу, чтобы мой трупъ былъ найденъ въ грязномъ бѣльѣ». Враги были опечалены его смертью не менѣе друзей. Его отыскали только на третій день, подъ грудой убитыхъ,

съ раздробленнымъ вискомъ... Лордъ Кларендонъ гдѣ-то скитался теперь въ западныхъ графствахъ съ принцемъ Уэльскимъ; лордъ Дерби съ своей супругой Луизой, урожденной де-ла-Тремуль, сидѣлъ въ плѣну на островѣ Мэнѣ, въ ожиданіи мученической смерти, которая скоро должна была постигнуть его въ родномъ городѣ Больтонъ-ле-Муръ. Здѣсь ему пришлось умереть на эшафотѣ, воздвигнутомъ на развалинахъ его собственнаго замка Летомъ-гауза...

Эти и многіе другіе печальные образы и картины проносились въ головѣ почтеннаго кавалера, одиноко сидѣвшаго въ большой пустынной залѣ. Странные намеки, сдѣланные легкомысленнымъ принцемъ, внушали ему серьезныя опасенія. Чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ яснѣе становилось для него, что принцъ Рупрехтъ будетъ смотрѣть съ недовѣріемъ на каждый шагъ королевы, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, и постарается отстранить тѣхъ, которые будутъ дѣйствовать именемъ королевы. Сэръ Гарри имѣлъ и до этого много случаевъ убѣдиться, какіе мелочные интересы занимали Карла I-го, среди великихъ міровыхъ событій, которыя совершались вокругъ нихъ.

Въ это время съ улицы раздались громкіе звуки военной музыки. Возвращались охотники въ обществѣ красивыхъ амазонокъ, въ которыхъ не было недостатка въ лагерѣ роялистовъ. Тутъ была и прекрасная графиня Ричмондъ, сестра Бокингема, выразившая желаніе сопровождать своего супруга на оходу, хотя злые языки говорили, что это было сдѣлано для принца Рупрехта; затѣмъ леди Изабелла Тэйнъ, леди д'Обиньи, остроумная Кэтъ, мужъ которой былъ убитъ три года тому назадъ, что однако не имѣло никакого вліянія на ея остроуміе и красоту. Въ длинныхъ амазонкахъ, съ хлыстами въ рукахъ вошли они въ общую залу трактира, которая неожиданно наполнилась цвѣтомъ англійскаго стариннаго дворянства. Что за блескъ молодости и красоты! Сколько храбрости и какая полнота жизненныхъ силъ сказывалась въ надменной готовности всѣхъ этихъ господъ смѣяться надъ опасностью, и въ то же время сколько легкомыслія и честности! Гордо держали онн свои головы, хотя было не далеко то время, когда многіе изъ нихъ должны были пасть на плахѣ, а другіе погибнуть отъ непріятельскихъ пуль. Дерзкая отвага виднѣлась на лицахъ. «Жизнь — маскерадъ и веселая перемѣна декорацій!—казалось, говорили они. — Вчера танцовали мы въ вуайтголлѣ, пировали въ парадныхъ залахъ, украшенныхъ Рубенсомъ. Всѣ мы были въ богатыхъ платьяхъ, перьяхъ, бриллiантахъ, рвали розы въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ, катались по Темзѣ въ великолѣпно убранныхъ лодкахъ. А теперь мы говоримъ вмѣстѣ съ королемъ: poverty's a royal thing! Что можетъ быть лучше бѣдности. Господь да хранитъ короля!»

Непреклонно стояло большинство ихъ передъ неумолимой судьбой; съ пренебреженіемъ относились они къ непріятелю, который

могъ уничтожить ихъ, но не унизить. Всѣ эти изящныя аристократическія личности спокойно шли на поле битвы, на встрѣчу неизвѣстной будущности, хотя, быть можетъ, темница и смерть ожидали ихъ. Они живутъ и до сихъ поръ на полотнѣ Ванъ-Дика въ старинныхъ англійскихъ замкахъ; ихъ грустныя улыбающіяся лица, съ оттѣнкомъ легкой ироніи и твердой рѣшимости, разсказываютъ намъ печальную пережитую ими повѣсть; живописецъ, придавъ это выраженіе ихъ лицамъ, какъ будто предвидѣлъ ожидавшую ихъ будущность. Изящныя женщины, воспитанныя для удовольствія и наслажденій жизни въ роскошныхъ замкахъ, раздѣляли опасности и суровую жизнь мужчинъ. Музы послѣдовали за ними въ лагерь, актеры обоихъ театровъ столицы и поэты, Тутъ былъ и Ричардъ Ловеласъ, пѣвецъ любви, извѣстный красавецъ того времени, вѣрный королю и возлюбленной своего сердца, который пріѣхалъ сюда какъ бы для того, чтобы видѣть послѣдніе проблески великолѣпія старой Англіи и затѣмъ умереть въ одинокомъ заключеніи и нищетѣ. Онъ разстался съ предметомъ своей любви, миссъ Люси Зегверель, воспѣтой имъ подъ именемъ Льюкасты, чтобы раздѣлить участь короля; но въ прощальныхъ стихахъ, обращенныхъ къ дорогому существу, выразилась тяжелая, происходившая въ немъ борьба, когда ему пришлось отказаться отъ любви и счастья. Это стихотвореніе, переложенное на музыку, сдѣлалось любимымъ романсомъ приверженцевъ Карла I-го; и даже въ ту минуту, когда большая зала квартиры главнокомандующаго наполнялась пестрой толпой, пѣсня любви раздавалась въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, такъ какъ игра на арфѣ и пѣніе были въ большомъ ходу между роялистами:

Передъ войной Льюкастѣ.

«Милая, не упрекай меня въ жестокости,
«Если я, покинувъ святыню
«Твоей цѣломудренной любви,
«Обратился къ войнѣ и славѣ.

* * *

«Новая владычица призываетъ
«Полчища всадниковъ въ поле;
«Рука мой, повинуясь роковой судьбѣ,
«Будетъ нести отнынѣ шпагу и щитъ.

* * *

«Оставляя тебя, я не измѣнилъ тебѣ,
«Сердце мое изнывало при разлукѣ съ тобою,
«Тебя ли не любилъ я милая,
«Но честь призываетъ меня на поле брани!

* * *

Послѣдніе, отставшіе охотники вошли въ залу. Между ними былъ Георгъ Виллье, герцогъ Бокингемъ и его младшій братъ

Францисъ Виллье, шестнадцатилѣтній юноша, который былъ еще красивѣе и одаренъ выдающимися умственными способностями. Подъ руку съ герцогомъ Георгомъ шла графиня Дизаръ, которая была, если не самая красивая, то во всякомъ случаѣ самая привлекательная и остроумная изъ всѣхъ дамъ, послѣдовавшихъ за Карломъ I-мъ, въ дни его несчастія. Лицо ея при нѣжныхъ и правильныхъ очертаніяхъ было всегда оживлено милой граціозной улыбкой. Бѣлоснѣжный цвѣтъ лица и розоватый румянецъ щекъ придавалъ еще большую прелесть ея глубокимъ темнымъ глазамъ; между тѣмъ, какъ во всѣхъ ея движеніяхъ, въ тонѣ голоса и ямочкѣ на подбородкѣ, проглядывала неистощимая веселость, обаятельно дѣйствовавшая на окружающихъ. Она не относилась серіозно къ жизни; но въ ней было много самообладанія, и поэтому она безгранично властвовала надъ своими поклонниками. Въ правой рукѣ она держала хлыстъ съ золотымъ набалдашникомъ; маленькія изящно обутыя ноги выглядывали изъ подъ длинной приподнятой амазонки.

Графиня Дизаръ рано вышла замужъ за стараго сэра Ліонелля Тольмаха, который ни въ чемъ не стѣснялъ ее при жизни и даже съумѣлъ умереть во-время. Графскій титулъ принадлежалъ ей по праву; Карлъ I-й, еще будучи принцомъ Уэльскимъ, далъ дворянство ея отцу, своему бывшему воспитателю, а дочери его—графскій титулъ.

— Скажите, пожалуйста, милордъ, какія вѣсти получили вы отъ прекрасной миссисъ Киркъ? спросила она младшаго Виллье, который шелъ слѣва рядомъ съ нею. Я не понимаю, какъ можете вы такъ долго выносить разлуку съ своей возлюбленной?

Графиня сдѣлала этотъ вопросъ шутливымъ тономъ. Всѣ въ лагерѣ подсмѣивались надъ мечтательной любовью шестнадцатилѣтняго Франциса Виллье къ одной дамѣ, которая пользовалась нѣкоторою извѣстностью въ анналахъ того времени подъ именемъ Цирцеи. Ходили слухи, что она оказывала предпочтеніе болѣе существенной склонности принца Морица и не особенно дорожила платонической любовью молодаго лорда. Между тѣмъ, Францисъ Виллье привязался къ ней съ горячностью первой любви, которая преимущественно избираетъ предметомъ своего невиннаго поклоненія особу болѣе зрѣлаго возраста. Всѣмъ было извѣстно, что передъ выступленіемъ королевской арміи изъ Оксфорда, онъ похитилъ голубой бантъ изъ волосъ своей Цирцеи и добросовѣстно носилъ его на своемъ сердцѣ. Онъ прикоснулся къ банту рукой и продекламировалъ послѣднія слова пѣсни къ Льюкастѣ:

«Тебя ли не любилъ я милая,
«Но честь призываетъ меня на поле брани!

Графиня улыбнулась, и еще ближе прильнула къ рукѣ герцога Георга, который быстро и увѣренно велъ ее сквозь тѣсную

толпу дамъ, съ длинными шлейфами, и кавалеровъ въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ. Хотя Георгъ не носилъ съ собой ленты на память о своей возлюбленной, но образъ Мануэллы еще не окончательно стушевался въ его сердцѣ. Впослѣдствіи онъ не заслужилъ особенно хорошей репутаціи, такъ какъ отличался непостоянствомъ въ любви и въ политическихъ убѣжденіяхъ; но въ данный моментъ ему было всего девятнадцать лѣтъ, и поэтому естественно, что воспоминаніе о прекрасной израильтянкѣ еще не успѣло изгладиться изъ его памяти въ четыре недѣли. Приэтомъ любовь его «не была лишена пикантности», какъ выразилась прекрасная графиня Дизаръ, которой Бокингемъ повѣрилъ свою тайну.

Графиня помнила молодую дѣвушку, домъ ея родителей и тотъ вечеръ, когда въ присутствіи королевы труппа странствующихъ актеровъ играла трагедію: «Ромео и Джульетта». «Дочь д'Акосты была тогда красивымъ ребенкомъ, съ прелестными черными глазами!» — сказала графиня, взглянувъ кокетливо на Бокингема своими темными выразительными глазами, которые засвѣтились алмазными искрами. Мысль, что молодая бѣглянка желаетъ пріѣхать къ ней, забавляла ее. «Я ничего не имѣю противъ этого, добавила она; быть можетъ благодаря ея присутствію, мы пріобрѣтемъ притягательную силу, въ которой отказала намъ судьба».

Приэтомъ Дизаръ подняла голову съ гордымъ сознаніемъ своей красоты и откинула назадъ роскошные локоны своихъ темныхъ волосъ съ такимъ граціознымъ жестомъ, что Бокингемъ невольно воскликнулъ:

— Вы графиня болѣе, чѣмъ кто-нибудь можете оцѣнить постоянство моего сердца и глубину моей любви, если идя подъ руку съ вами я еще могу думать о другой.

Этотъ комплиментъ былъ принятъ съ благосклонной улыбкой.

— Но я желала бы знать, продолжала Дизаръ съ видимымъ колебаніемъ, говорите только правду... вы похитили эту дѣвушку или... она увлекла васъ?

— Клянусь святымъ Георгомъ, что я самъ не знаю этого! Вы требуете, миледи, чтобы я говорилъ правду, и я готовъ исполнить ваше желаніе. Сначала мнѣ казалось, что мои признанія въ связи съ другими благопріятными обстоятельствами произвели извѣстное впечатлѣніе на прекрасную еврейку; но когда мы остались съ ней вдвоемъ въ этой проклятой комнатѣ, на чердакѣ Чильдерлейскаго замка, то она прямо объявила мнѣ, что не любитъ меня. Какъ вы думаете, миледи, чему я долженъ больше вѣрить: желаніямъ моего сердца или словамъ этой недоступной красавицы?

— Вы спрашиваете меня объ этомъ, милордъ? — воскликнула Дизаръ, пожимая плечами. Насколько мнѣ приходилось видѣть, судьба женщины всегда въ рукахъ мужчины.

Въ этихъ словахъ былъ легкій оттѣнокъ ироніи, и если бы герцогъ былъ менѣе занятъ своими мыслями, то, вѣроятно, замѣтилъ бы, что она думаетъ совершенно противное. Ея гордый ротъ и глаза, казалось, говорили: ваша судьба въ моихъ рукахъ! каждый изъ васъ почувствуетъ мою силу, если я захочу этого!

Но она не сочла нужнымъ сообщить свои размышленія и сказала: вы мужчины властелины міра, и, по моему мнѣнію, милордъ, если вамъ не удастся побѣдить сердце прекрасной еврейки, то вы сами будете въ этомъ виноваты.

— Мудрость говоритъ вашими устами, миледи! воскликнулъ Бокингемъ. Каждое ваше слово для меня законъ!

— Безхарактерный дуракъ! подумала графиня. Всякая, сколько-нибудь умная и честолюбивая женщина превратитъ тебя въ своего раба и будетъ водить за носъ!

Но такъ какъ не принято сообщать подобныхъ мыслей въ свѣтскомъ разговорѣ, то графиня добавила вслухъ: — Браво герцогъ, вы также любезны, какъ всегда! Знаете ли, мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы прекрасная еврейка очутилась при нашемъ дворѣ! Изъ этого можетъ выйти презабавная исторія!..

Герцогъ Бокингемъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Вся его личность сіяла высокомѣріемъ юности; самодовольство выражалось въ смѣлыхъ, сѣрыхъ глазахъ, въ улыбкѣ красиваго рта. Роскошные каштановые волосы опускались локонами на большой кружевной воротникъ, покрывавшій половину груди и плечи. На его коричневой, бархатной одеждѣ блестѣла алмазная орденская звѣзда, пожалованная ему Генріетой-Маріей; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ испанскую шляпу, украшенную перомъ. Графиня Дизаръ шла рядомъ съ нимъ, слегка опираясь на его правую руку; но когда они дошли до средины залы, Бокингемъ неожиданно остановился и положилъ руку на позолоченную рукоятку своей сабли, какъ бы ожидая нападенія.

— Что съ вами милордъ? спросила графиня.

— Не стоитъ говорить объ этомъ! отвѣтилъ со смѣхомъ Бокингемъ. Я увидѣлъ моего почтеннаго друга, сэра Гарри Слингсби.

Этотъ также замѣтилъ герцога и всталъ съ своего мѣста. Хотя онъ былъ годами старше герцога и поведеніе послѣдняго въ Лонгстовскомъ лѣсу глубоко оскорбило его; но ему казалось неумѣстнымъ сводить частные счеты среди кровавой междоусобной войны, отъ которой зависѣла участь ихъ общаго отечества. Поэтому, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ пошелъ на встрѣчу герцогу и хотѣлъ первый подать ему руку примиренія.

Но Бокингемъ не отвѣтилъ ему на поклонъ и повернулъ спину глубоко оскорбленному человѣку.

Слингсби остановился въ недоумѣніи.—Неужели, пробормоталъ онъ голосомъ дрожащимъ отъ гнѣва и стыда, дошло до того, что

человѣкъ, состарѣвшійся на королевской службѣ, долженъ выносить оскорбленія отъ какого-нибудь мальчишки!

Онъ перешелъ на другую сторону залы. Немногіе знакомые ему джентльмены въ толпѣ придворныхъ видимо избѣгали встрѣчи съ нимъ, между тѣмъ, какъ около герцога и графини Дизаръ образовалась группа кавалеровъ и дамъ, которые чему-то громко смѣялись.

Герцогъ разсказывалъ имъ, въ шутливомъ тонѣ, свое приключеніе съ Слингсби. По его словамъ, грубый, неблаговоспитанный дворянинъ позволилъ себѣ, относительно его, такія вещи, которыя не можетъ выносить ни одинъ порядочный человѣкъ и, что на гербѣ Бокингемовъ будетъ неизгладимое пятно, если онъ позволитъ кому-нибудь, относительно себя, подобное обращеніе.—Въ виду этого, добавилъ герцогъ, я хотѣлъ потребовать удовлетворенія отъ дерзкаго дворянина, но король воспротивился этому, такъ какъ считаетъ такія ссоры неумѣстными въ нашемъ лагерѣ. Затѣмъ, когда я подробно разсказалъ всю исторію его величеству, онъ объявилъ, что сэръ Гарри Слингсби будетъ удаленъ отъ двора...

Въ это время, слуга отворилъ настежъ двери сосѣдней комнаты: главный начальникъ королевскаго войска, выслушавъ доклады командировъ отдѣльныхъ полковъ, велѣлъ объявить, что онъ къ услугамъ всѣхъ, кому угодно его видѣть по какимъ-либо дѣламъ.

Сэръ Гарри приказалъ слугѣ доложить принцу о своемъ желаніи переговорить съ нимъ.

Принцъ Рупрехтъ, вмѣсто того, чтобы потребовать къ себѣ сэра Гарри, самъ неожиданно появился въ дверяхъ, отдѣлявшихъ его комнату отъ залы, и въ тотъ же моментъ смолкли разговоры, смѣхъ, шумъ и шелестъ шаговъ. Наступила глубокая тишина; взоры всѣхъ придворныхъ устремились на королевскаго любимца.

Принцъ Рупрехтъ былъ въ красномъ мундирѣ своего полка. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести. Полудѣтское лицо, изображенное Ванъ-Дикомъ, приняло болѣе суровое и жесткое выраженіе среди бурь военной жизни; изящная рука, которую обезсмертилъ живописецъ, съ того времени несчетное число разъ обагрялась кровью. Но въ большихъ, ясныхъ глазахъ все еще просвѣчивало добродушіе, которымъ онъ, преимущественно, расположилъ къ себѣ сердца солдатъ. Между тѣмъ, сильно изогнутый орлиный носъ и рѣзко очерченныя полныя губы ясно указывали, что этотъ смѣлый искатель приключеній, при всей своей личной храбрости, можетъ погубить дѣло, которому онъ служитъ, вслѣдствіе свойственной ему безумной удали и самонадѣянности.

— Сэръ Гарри Слингсби? спросилъ онъ, едва отвѣтивъ на поклонъ почтеннаго кавалера. Я требую именемъ короля, чтобъ

вы сперва отдали мнѣ привезенныя вами депеши, а затѣмъ вашу шпагу.

Судорожно сжались кулаки несчастнаго кавалера, къ которому были обращены эти слова въ присутствіи толпы придворныхъ.

— Чѣмъ я заслужилъ подобный позоръ? спросилъ Слингсби дрожащимъ голосомъ. Я всегда честно носилъ шпагу и привезъ сюда депеши съ опастностью жизни!..

— Ваши вопросы совершенно неумѣстны, сэръ! сухо замѣтилъ принцъ. Вы должны повиноваться королю!

Мысли путались въ головѣ несчастнаго кавалера; ноги отказывались служить ему. Наконецъ, онъ настолько овладѣлъ собою, что отстегнулъ шпагу и, взявъ ее въ руки, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Эта шпага вѣрно служила королямъ Англіи; она принадлежала моимъ предкамъ и я надѣялся передать ее моимъ потомкамъ. Но его величество рѣшилъ иначе; онъ можетъ переломить эту шпагу, но никто не рѣшится упрекнуть въ невѣрности того, кто носилъ ее!

Съ этими словами Слингсби подалъ свою шпагу принцу Рупрехту, который, взявъ ее, спросилъ:

— Гдѣ же депеши сэръ?

— Прошу извиненія у вашей свѣтлости! Моя шпага принадлежитъ королю, но депеши поручены мнѣ ея величествомъ.

Принцъ Рупрехтъ стиснулъ зубы отъ нетерпѣнія и досады, при мысли, что королева, несмотря на свое изгнаніе, становится на его дорогѣ.

— Депеши адресованы королю, продолжалъ Слингсби рѣшительнымъ тономъ, и я долженъ отдать ихъ въ руки его величеству!

Неизвѣстно чѣмъ кончилась бы эта сцена, потому что нельзя было поручиться, что принцъ при своемъ вспыльчивомъ характерѣ не употребитъ насилія. Но въ эту минуту съ улицы послышался какой-то странный шумъ, и вслѣдъ затѣмъ, по мостовой раздались удары копытъ множества лошадей. Караульные отдавали честь королю; громко проносились по пустынной площади слова команды офицеровъ.

На городской башнѣ пробило двѣнадцать часовъ ночи.

Въ залѣ была мертвая тишина; всѣ стояли въ нѣмомъ ожиданіи.

Всадники остановились у воротъ и сошли съ лошадей. Двери залы были отворены настежъ. Появился отрядъ молодыхъ нобельменовъ въ богатыхъ мундирахъ, составлявшихъ лейбъ-гвардію короля, и всталъ у входа въ строевомъ порядкѣ. Этотъ, такъ-называемый «золотой эскадронъ», сформированный изъ высшаго дворянства страны, находился подъ начальствомъ лорда Дигби, кото-

Корона или шапка Владиміра Мономаха большаго наряда.
Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

КОРОНОВАНІЕ ГОСУДАРЕЙ.

I.

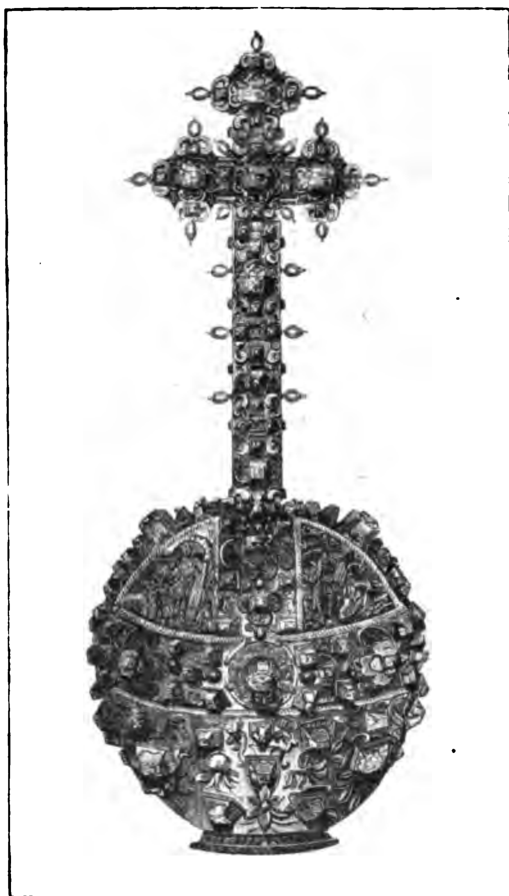
Видимыми знаками или эмблемами верховной власти нынѣшнихъ европейскихъ государей считаются: корона, скипетръ, держава, престолъ и порфира. Съ тремя первыми изъ этихъ эмблемъ до такой степени соединилось понятіе о лицѣ государя и о самомъ государствѣ, что названіями этихъ предметовъ очень часто замѣняется понятіе о самой верховной власти, такъ что во всѣхъ европейскихъ языкахъ выраженія: «назначеніе отъ короны», «находиться подъ скипетромъ» или «державой» и «служить престолу» сдѣлались весьма употребительными. Въ Австрійской имперіи, напримѣръ, коронными землями называются области, имѣвшія нѣкогда своихъ особыхъ государей, короны которыхъ и теперь составляютъ своего рода націо-

нальную святыню. Особенную историческую извѣстность получили короны: «желѣзная», такъ названная отъ вдѣланнаго въ нее гвоздя, принадлежавшаго, по преданію, къ числу тѣхъ гвоздей, которыми былъ распятъ Христосъ. Съ обладаніемъ этою короною соединялось понятіе о правѣ владычества надъ Италіей. Извѣстны также: корона святаго Стефана, съ которою связано такое же понятіе по отношенію къ Венгріи, и корона святаго Венцеслава, принадлежавшая древнимъ самостоятельнымъ королямъ чешскимъ и хранящаяся въ столицѣ Чехіи—въ Прагѣ, въ тамошней соборной сокровищницѣ за семью печатями. Она представляетъ такую рѣдкость, которую почти невозможно видѣть: открытіе той каплицы, гдѣ она хранится, допускается только съ особаго разрѣшенія царствующаго государя. Чрезвычайно большимъ почетомъ пользовалась еще корона, которую возлагали на себя во Франкфуртѣ-на-Майнѣ римско-нѣмецкіе императоры, до уничтоженія Наполеономъ, въ 1806 году, Священной Римской или Германской имперіи. Нынѣ корона эта находится, безъ всякаго употребленія, въ Вѣнѣ, въ такъ-называемой «шатцъ-камерѣ».

У насъ древнѣйшею короною или «царскимъ вѣнцомъ» считается такъ-называемая «шапка Мономаха», хранящаяся нынѣ въ Москвѣ, въ Оружейной Палатѣ. О появленіи у насъ этой регаліи въ одной лѣтописи сообщается, что она была прислана великому князю Кіевскому Владиміру Всеволодовичу Мономаху императоромъ византійскимъ Алексѣемъ Комненомъ и что она принадлежала прежде дѣду Владиміра, по матери, Константину Мономаху, что привезшій въ Кіевъ эту шапку Эфесскій митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ ею, какъ царскимъ вѣнцомъ, Владиміра Мономаха, и что великій князь заповѣдалъ по смерти его вѣнчать кого либо ею на царство до тѣхъ поръ, пока на Руси не будетъ могущественный самодержецъ.

Къ этому лѣтопись добавляетъ, что царская «утварь» была прислана императоромъ въ знакъ его уваженія къ великому князю. Слѣдуя такому сказанію лѣтописи, и историки наши придаютъ упомянутой присылкѣ такое же значеніе, тогда какъ, по понятіямъ того времени и по обычаямъ византійскаго двора, такая присылка имѣла совершенно иной смыслъ. Въ такой посылкѣ выражалась подчиненность или, по крайней мѣрѣ, приниженность того лица, которое ее принимало, передъ тѣмъ лицомъ, которое ее дѣлало. Право посылки королевскихъ коронъ предоставлялось на западѣ папамъ и римско-нѣмецкимъ императорамъ. Они раздавали ихъ отъ себя государямъ, въ видѣ милости. Такъ, императоръ римско-нѣмецкій Оттонъ III далъ, въ 1000 году, королевскую корону польскому князю или герцогу Болеславу I. Великій князь литовско-русскій Витольдъ ожидалъ отъ папы присылки королевской короны, которою и хотѣлъ короноваться въ Дрогичинѣ.

Восточные императоры присвоивали себѣ такое же право: они утверждали въ достоинствѣ верховныхъ правителей тѣхъ государей, которые или были имъ подвластны, или заискивали ихъ милости, и присылали имъ знаки верховной власти, считая самихъ себя если не повелителями ихъ, то хоть покровителями. Впослѣд-



Держава.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

ствіи турецкіе султаны посылали изъ Царьграда, въ видѣ особаго пожалованія, такіе знаки верховной власти покореннымъ, или искавшимъ ихъ покровительства государямъ. Такъ, въ 1602 году, султанъ Ахметъ прислалъ королевскую корону Бокчаю, объявившему себя княземъ Трансильваніи и желавшему быть подручни-

комъ Турціи. Корона эта, хранящаяся нынѣ въ Вѣнѣ, замѣчательна тѣмъ, что считается «московскимъ» издѣліемъ.

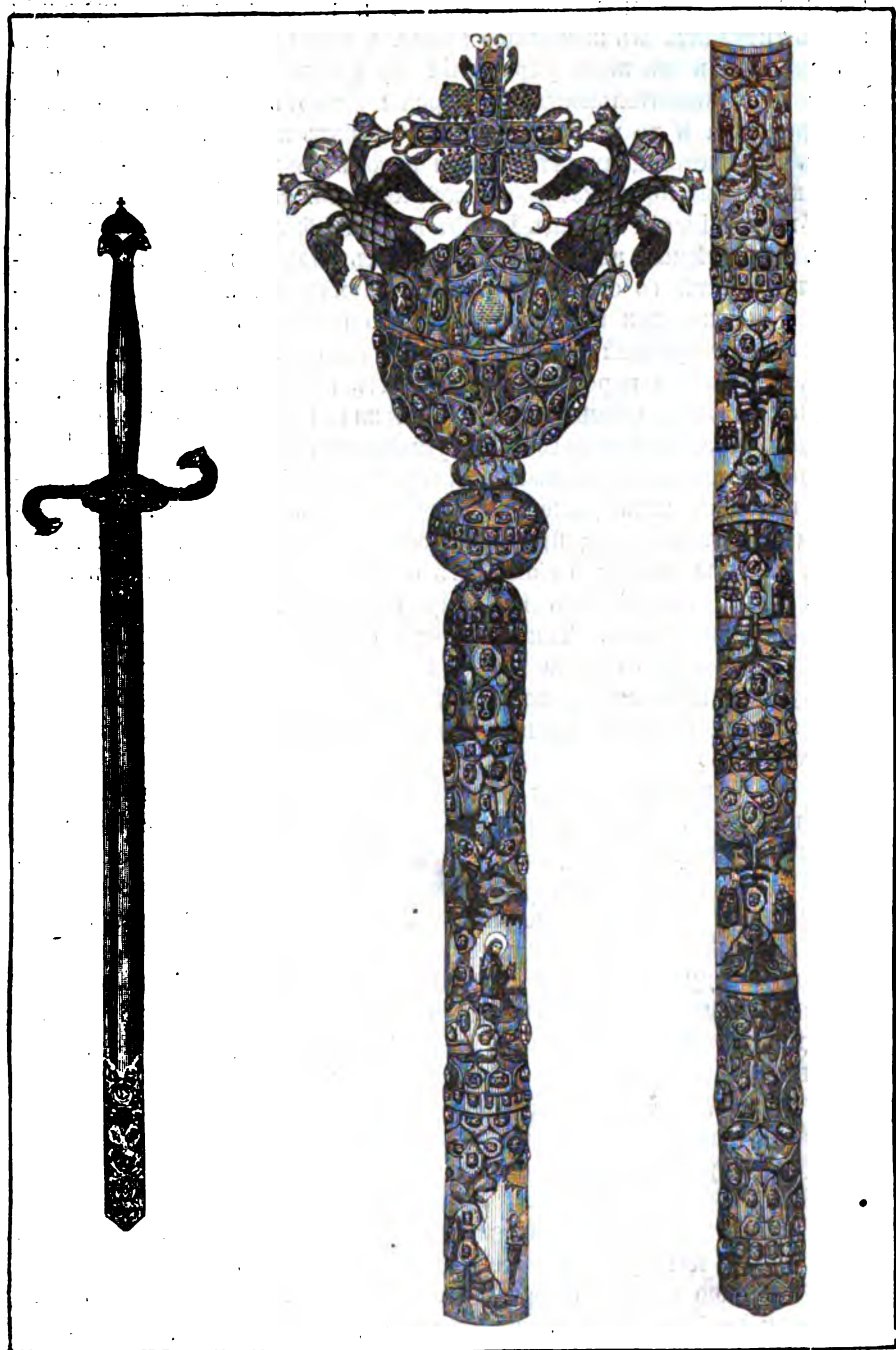
Подобное значеніе имѣла, по всей вѣроятности, и присылка изъ Константинополя царской утвари Владиміру Мономаху. Подтвержденіемъ такой догадки служитъ то обстоятельство, что, несмотря на нахожденіе царской утвари въ столицахъ великихъ князей русскихъ, она не только не употреблялась, но о ней даже не упоминается ни разу въ лѣтописяхъ до 1498 года. Въ это время ее можно было выставить на показъ, такъ какъ византійскихъ императоровъ уже не существовало, и пожалованіе ея однимъ изъ нихъ великому князю русскому не могло теперь напоминать о томъ неравенствѣ, какое существовало между восточнымъ кесаремъ и первенствующимъ русскимъ княземъ.

Въ составъ царской утвари, присланной Владиміру Мономаху изъ Царьграда, входили еще: «бармы», скипетръ и держава, и всѣмъ этимъ предметамъ было усвоено названіе «мономаховы». Кромѣ того, были тогда же присланы изъ Царьграда животворящій крестъ и «гривна» на цѣпи изъ «аравійскаго злата», а также «крабійца» или сосудъ для мvра.

Въ частности, бармами назывались иконы, бывшія на большой «діадимѣ» или на широкомъ златотканомъ платнѣ, составлявшемъ ожерелье и вмѣстѣ съ тѣмъ оплечья, въ видѣ закругленной перелины. Онѣ назывались «святыми» и отличались отъ бармъ «меньшихъ нарядовъ» тѣмъ, что на этихъ послѣднихъ не было иконъ. На иконахъ, составлявшихъ бармы Мономаховы, были первоначально изображенія: Спасителя, Богоматери, Іоанна Крестителя и святыхъ, но какихъ именно — въ прежнихъ описаніяхъ не говорится. Хотя въ «Степенной Книгѣ» ничего не сказано о скипетрѣ и о державѣ, но уже въ самомъ старинномъ описаніи коронаціоннаго обряда упоминается о скипетрѣ или посохѣ, а въ послѣдующее время, въ началѣ XVI-го вѣка, упоминается и о державѣ или «державномъ яблокѣ».

II.

Торжественное возложеніе на голову особеннаго убора сперва у древнихъ грековъ, а потомъ и у древнихъ римлянъ, считалось особымъ почетомъ, причемъ самымъ употребительнымъ уборомъ былъ вѣнокъ, преимущественно лавровый; а такъ какъ вѣнокъ по-латынѣ «corona», то это названіе и распространилось впослѣдствіи на головныя украшенія государей, а съ тѣмъ вмѣстѣ корона сдѣлалась эмблемою власти, а потомъ и почетнаго званія. Въ средневѣковой геральдикѣ, сверхъ коронъ императорскихъ и королевскихъ, стали появляться еще короны: герцогскія, княжескія, маркграфскія, графскія, баронскія и дворянскія, а тамъ, гдѣ были ти-



Скипетръ и Государственный мечъ.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

тулы маркизовъ и виконтовъ — еще и короны, соотвѣтствующія этимъ титуламъ. Въ настоящее время, короны употребляются только въ гербахъ и въ видѣ украшеній на предметахъ различнаго обихода; въ дѣйствительности же короны имѣютъ только императоры и короли, да и то не всѣ. Такъ, не имѣютъ коронъ, соотвѣтствующихъ ихъ настоящему титулу, императоръ германскій и король италіанскій. Нѣкоторые изъ государей, какъ-то: Наполеонъ III и императоръ австрійскій Францъ-Іосифъ вовсе не были коронованы по ихъ сану, и послѣдній изъ нихъ коронованъ только королемъ венгерскимъ, вмѣстѣ со своею супругою. Германскій императоръ Вильгельмъ короновался въ Кенигсбергѣ, только какъ король прусскій.

Короны государей бываютъ чрезвычайно разнообразныхъ формъ. Такъ, «желѣзная корона» состоитъ изъ простаго золотаго обруча; корона королей французскихъ состояла изъ такого же обруча, верхняя окраина котораго была украшена лиліями. Описать форму короны римско-нѣмецкихъ императоровъ—чрезвычайно трудно. Корона венеціанскихъ дожей была сдѣлана въ видѣ рога, выдавшагося остріемъ впередъ; прочія королевскія короны, въ общемъ ихъ видѣ, сходны между собою. Онѣ обыкновенно состоятъ изъ золотыхъ дугъ, сведенныхъ въ одну верхушку, съ поставленнымъ надъ нею крестомъ. Такой формы была и корона великаго магистра державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго или Мальтійскаго, которую принялъ императоръ Павелъ и надѣвалъ въ подобающихъ случаяхъ, и которая хранится нынѣ въ Москвѣ, въ Оружейной Палатѣ.

Первая императорская россійская корона была приготовлена для коронаціи императрицы Екатерины I; она была сдѣлана по образцу вѣнцовъ, употребляемыхъ у насъ при бракосочетаніяхъ. Впослѣдствіи, образцомъ для императорской короны послужила корона византійскихъ императоровъ, составленная изъ двухъ золотыхъ продолговатыхъ полушарій, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго золотою же дугою, надъ которой поставленъ крестъ. Такая форма короны знаменовала раздѣленіе Римской имперіи на двѣ части: западную и восточную. Всѣ короны бываютъ украшены драгоцѣнными камнями, болѣе или менѣе высокой стоимости и рѣдкаго достоинства. Особенною формою отличается папская корона «тіара», состоящая изъ трехъ вѣнцовъ въ ознаменованіе папскаго сана, какъ римскаго епископа, вселенскаго патріарха и свѣтскаго государя.

Коронаціи государей представляютъ соединеніе двухъ торжествъ: религіознаго и государственнаго. Въ первомъ изъ этихъ торжествъ существенною частью бываетъ мvропомазаніе, при которомъ призывается особенная благодать Святаго Духа на помазуемаго государя. По ученію нашей церкви, не признающіе такой благодати подлежатъ анаѳематствованію и отлученію. Въ праздникъ право-

славія, совершающійся въ первое воскресеніе великаго поста, въ чинѣ «Послѣдованія», установленнаго на этотъ случай, между прочимъ провозглашается: «Помышляющымъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію и при помазаніи дарованія Святаго Духа къ прохожденію великаго сего званія на нихъ не изливаются: и тако дерзающымъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну—анаѳема!»

Въ римско-католической церкви, признаётся такая же особая благодать за таинствомъ мѵропомазанія государей, и замѣчательно,

Государственное знамя или панирь.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

что государственная церковь (states-church) въ Англіи, отвергнувъ таинство мѵропомазанія, удержала силу его собственно для королевской власти въ такомъ значеніи, въ какомъ содержатъ это таинство церкви православная и католическая. Скипетръ принадлежитъ къ древнѣйшимъ символамъ власти. Онъ заимствованъ отъ пастушескаго посоха и употреблялся еще, какъ почетный знакъ, у древнихъ грековъ, потомъ у римлянъ, а затѣмъ и въ христіанской церкви. Впослѣдствіи, онъ былъ усвоенъ и христіанскими государями. У насъ посохъ считался издревле главнымъ знакомъ верховной власти и, въ 1613 году, царскій посохъ былъ поднесенъ,

вмѣсто мономаховой шапки, новоизбранному царю Михаилу Өедоровичу Романову. За тѣмъ, европейскіе государи замѣнили длинные посохи укороченными жезлами, получившими общее названіе скипетровъ. У королей французскихъ скипетръ замѣнился такъ называемой «main-de-justice»—высокимъ, гладкимъ позлащеннымъ жезломъ, на концѣ котораго находилась сдѣланная изъ слоновой кости поднятая вверхъ рука. Такой посохъ имѣлъ и Наполеонъ I при двухъ своихъ коронаціяхъ: императоромъ французскимъ въ Парижѣ и королемъ Италіи въ Миланѣ.

Къ древнѣйшимъ регаліямъ верховной власти принадлежитъ еще и держава, т. е. шаръ или глобусъ, или такъ называвшееся у насъ въ старину «яблоко». О появленіи у насъ этой регаліи мы скажемъ впослѣдствіи.

Длинная одежда, въ видѣ мантіи, считалась всегда почетнымъ убранствомъ, и это объясняется тѣмъ, что въ такой одеждѣ, при скрытіи тѣхъ или другихъ недостатковъ стана, человѣкъ представляется сановитѣе, и самая одежда, распущенная внизу, какъ будто придаетъ видъ устойчивости. Судя по греческому названію царской мантіи «порфира», надобно полагать, что первоначально она была багрянаго цвѣта, а потому и по-славянски она называлась «багряницей»; греческое же названіе «порфирогенетъ» переводилось «багрянородный». О порфирѣ упоминается уже въ описаніи старинныхъ коронацій русскихъ государей; но неизвѣстно, изъ какой ткани, на какомъ подбоѣ, какого цвѣта и какого покроя была, въ этомъ случаѣ, порфира. Приготовленная же для коронаціи Екатерины I порфира была сдѣлана изъ золотой парчи, усѣянной двуглавыми орлами и подбитой горностаемъ. Подбой этотъ былъ подражаніемъ западу, гдѣ горностаевый мѣхъ считался нѣкогда принадлежностью одежды исключительно только владѣтельныхъ особъ, чему первый примѣръ подали короли французскіе, подбившіе и опушившіе свою мантію горностаемъ. Порфиры или мантіи на западѣ дѣлались преимущественно изъ бархата пурпуроваго цвѣта. Въ такой же мантіи, подбитой горностаемъ, съ шнурами и кистями изъ золота и усѣянной вышитыми по ней черными одноглавыми орлами, короновался королемъ прусскимъ нынѣшній германскій императоръ Вильгельмъ и его супруга королева Августа. Мантія королей французскихъ была изъ лазореваго бархата, усѣянная вышитыми серебряными лиліями. Наполеонъ I, желая приблизиться къ Бурбонамъ, приказалъ сдѣлать для своей императорской коронаціи мантію темно-лазореваго цвѣта, усѣянную золотыми пчелами, очень похожими по рисунку на королевскія бурбонскія лиліи. Изображеніемъ пчелъ была украшена и итальянско-королевская его мантія, съ тою разницею, что бархатъ былъ зеленаго цвѣта. Короны при императорскомъ короновавіи онъ не

Старинный тронъ.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

надѣвалъ, а замѣнилъ ее золотымъ лавровымъ вѣнцомъ, въ подражаніе римскимъ кесарямъ.

Изъ коронаціонныхъ мантій, особеннаго вниманія, и по древности, и по искусной работѣ, заслуживаетъ мантія прежнихъ римско-нѣмецкихъ императоровъ. Она была сдѣлана въ 1033 году, въ Палермо, арабскими художниками-ткачами и, не смотря на свою древность, донынѣ еще очень хорошо сохранилась. Видѣть ее можно въ Вѣнѣ, въ императорской сокровищницѣ. По покрою она совершенно сходна съ мантіями, носимыми нашими архіереями; но на спинѣ она раздѣляется на двѣ части шелковою вышивкою, напоминающею по рисунку своему верхушку пальмоваго дерева. На остальномъ пространствѣ этой мантіи находятся разныя вытканныя цвѣтными шелками символическія фигуры, значеніе которыхъ не разгадано донынѣ. На подолѣ мантіи вытканы, также шелками, арабскія надписи куфическими письменами.

Къ знакамъ верховной власти государей, принадлежитъ еще престолъ, обыкновенно называемый «трономъ», хотя собственно это послѣднее слово въ церемоніальномъ нашемъ языкѣ употребляется только для означенія всего помоста, на который ставится престолъ. Понятіе о почетномъ возвышенномъ сѣдалищѣ, существовало въ самой глубокой древности и у всѣхъ народовъ. Понятіе же о царскомъ престолѣ утвердилось въ христіанскомъ мірѣ вмѣстѣ съ понятіемъ о Богѣ, о престолѣ котораго упоминается очень часто и въ священномъ писаніи, и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Всѣ государи, не исключая второстепенныхъ, да, кажется, и третьестепенныхъ германскихъ владѣтелей, имѣютъ въ своихъ дворцахъ тронныя залы, въ которыхъ на особомъ возвышеніи, подъ балдахиномъ, поставленъ престолъ или богато-убранное кресло. При коронаціяхъ употребляются обыкновенно престолы болѣе великолѣпной отдѣлки и замѣчательные по своей древности. У насъ въ этихъ случаяхъ употребляются три престола: царя Ивана IV, царя Михаила Ѳеодоровича, или тахъ называемый «персидскій» престолъ, присланный въ подарокъ этому государю персидскимъ царемъ Аббасомъ, и престолъ царя Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, существуетъ еще престолъ двумѣстный, сдѣланный изъ серебра для одновременнаго коронованія царей Ивана и Петра Алексѣевичей. Коронаціонные престолы, украшаются обыкновенно драгоцѣнными камнями, а также литыми изъ золота фигурами и рѣзными украшеніями. Самымъ замѣчательнымъ, по своему, почти баснословному богатству, считается находящійся въ Индіи престолъ великаго Могола.

Къ числу регалій, знаменующихъ верховную власть, принадлежатъ еще во многихъ государствахъ: большая государственная печать, государственное знамя, государственный мечъ и государственный щитъ. У насъ всѣ эти регаліи только носятъ въ торже-

ственныхъ процессіяхъ, но онѣ остаются безъ всякаго употребленія, а щита даже и не носятъ при коронаціяхъ, а носятъ его только при погребеніи государя. При коронаціи, русскіе государи не опоясываются мечемъ, какъ это дѣлалось, напримѣръ, при коронаціяхъ римско-нѣмецкихъ императоровъ и королей польскихъ,

Тронъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

и соблюдается донынѣ при коронаціи королей венгерскихъ, которые, по совершеніи обряда, въѣзжаютъ верхомъ на конѣ на вершину холма и тамъ машутъ мечемъ во всѣ четыре стороны, знаменуя тѣмъ, что они будутъ отражать врага, съ какой бы стороны онъ ни наступалъ на королевство св. Стефана.

Ношеніе при упомянутомъ торжествѣ печати, знамени или такъ называемаго «панира»—отъ нѣмецкаго слова «panier»—а также и меча было введено у насъ только при третьей императорской коронаціи, т. е. при коронаціи императрицы Елизаветы Петровны.

При коронованіи нѣкоторыхъ государей употреблялась особая для этого одежда. Такъ, императоры римско-нѣмецкіе надѣвали, при совершеніи этого обряда, особую древнюю тафтяную срачицу и поверхъ ея далматикъ, а также башмаки и перчатки, украшенные драгоцѣнными камнями, поясъ и стулу, въ родѣ архіерейскаго омофора. У королей французскихъ была тоже особая коронаціонная одежда, состоявшая изъ туники, далматика, мантіи и унизанныхъ жемчугомъ башмаковъ; а въ числѣ носимыхъ при коронаціи регалій были и золотыя шпоры.

Надобно полагать, что и русскіе государи имѣли собственно для коронаціи особую одежду, отличавшуюся, вѣроятно, покроемъ отъ обыкновеннаго ихъ одѣянія, и при томъ болѣе великолѣпную. Изъ императоровъ же въ особомъ царскомъ нарядѣ, въ далматикѣ, короновался одинъ только Павелъ Петровичъ, приказавшій впослѣдствіи, при подданствѣ Грузіи Россіи, заготовить для себя такую одежду, какую носили цари грузинскіе.

Къ предметамъ коронаціоннаго убранства русскихъ государей принадлежитъ въ настоящее время и брилліантовая цѣпь ордена Андрея Первозваннаго, возлагаемая на себя государемъ передъ облаченіемъ въ порфиру.

При коронаціи нѣкоторыхъ государей употребляется утварь, имѣющая особое значеніе по своей древности, или составляющая особую святыню. Такъ, при коронаціи русскихъ государей употребляется крестъ съ частицею животворящаго креста, присланною Владиміру Мономаху, а также присланная ему же «крабійца» или яшмовый сосудъ, принадлежавшій нѣкогда кесарю Августу, «обладавщему всею вселенною». Собственно чаша эта была пиршественная. Она сдѣлана изъ яшмы, украшена драгоцѣнными камнями, а на крышѣ ея находится змій, свернувшійся въ кольцо, въ стоячемъ положеніи. Для вливанія мура при коронаціи королей французскихъ служилъ обдѣланный въ золото и украшенный драгоцѣнными камнями горшокъ, который, по преданію, былъ принесенъ голубемъ, влетѣвшимъ въ церковь при крещеніи короля франковъ Хлодовика. Одна изъ святынь при коронаціи римско-нѣмецкихъ императоровъ есть земля, обагренная кровью перваго христіанскаго мученика—св. Стефана. Ковчежецъ этотъ хранится нынѣ въ Вѣнѣ, и въ прежнее время только одинъ императоръ и притомъ лишь одинъ разъ въ жизни, въ день своего коронованія, могъ открыть этотъ ковчежецъ и посмотрѣть содержимое въ немъ.

III.

Обрядъ коронаціи составляетъ особое торжество, предшествующее вездѣ мѵропозанію.

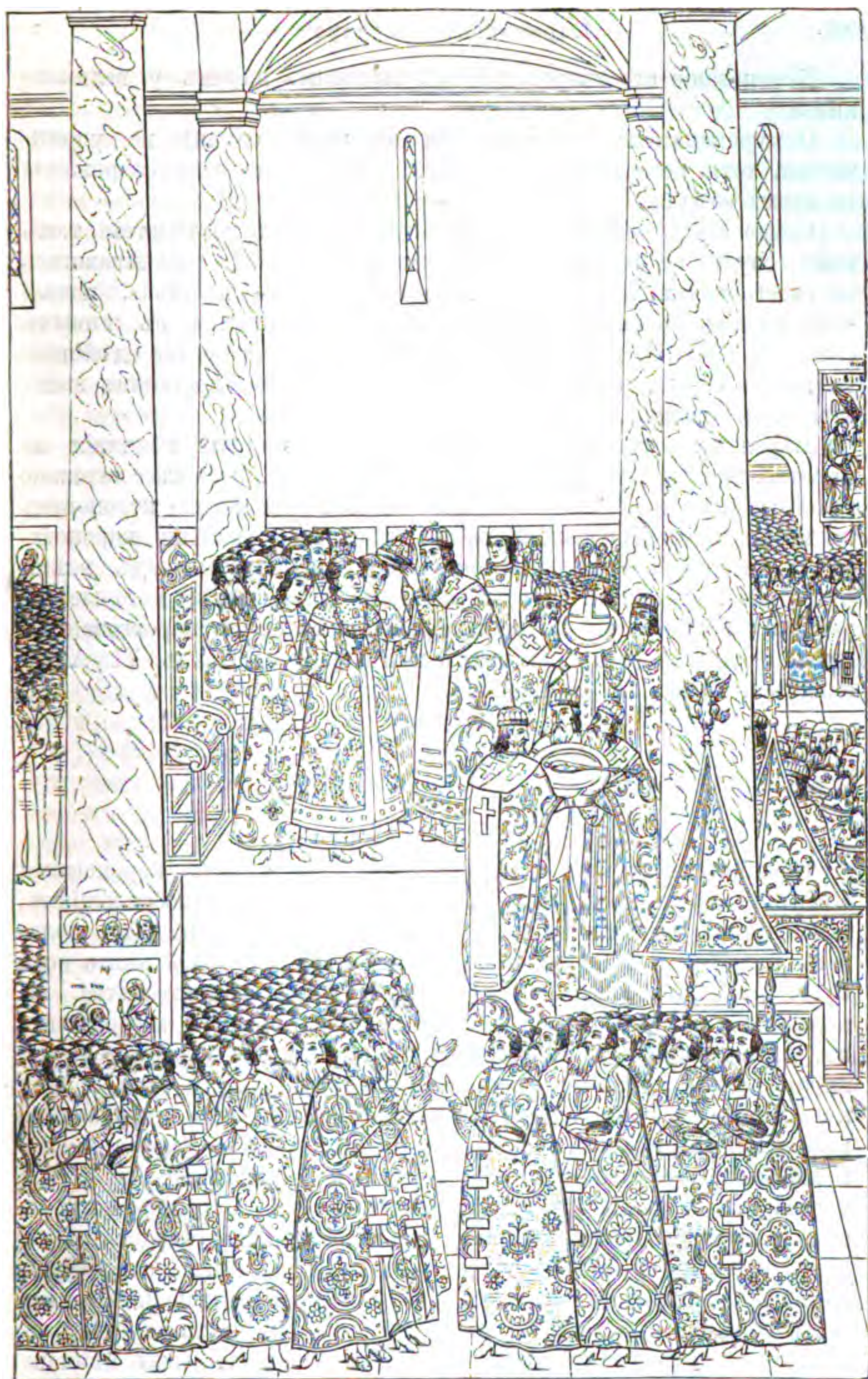
О первомъ изъ такихъ обрядовъ упоминается въ первый разъ при коронаціи царя Ѳедора Ивановича, а первое коронованіе на великое княженіе «володимірскаго, московскаго и новгородскаго» было коронованіе князя Дмитрія Ивановича, родного внука великаго князя Ивана III Васильевича. Оно происходило 3-го февраля 1498 года въ Москвѣ. Въ ту пору московскій дворъ, вслѣдствіе брака великаго князя съ Софіей Ѳоминишной Палеологъ, а также вслѣдствіе наплыва въ Москву грековъ, придерживался обычаевъ императорско-византійскаго двора. Поэтому и самая мысль о коронаціи или «вѣнчаніи на царство» могла возникнуть подъ вліяніемъ грековъ. Политическая же цѣль, которую имѣлъ при этомъ великій князь, заключалась въ томъ, чтобы упрочить наслѣдіе московскаго престола въ прямомъ нисходящемъ своемъ потомствѣ по праву первородства, предоставивъ, такимъ образомъ, старѣйшинство племяннику передъ его дядями.

Коронованіе князя Дмитрія совершилось въ Успенскомъ соборѣ, и послѣ того храмъ этотъ былъ постоянно мѣстомъ совершенія такого священнодѣйствія, не смотря на то, что впослѣдствіи первенствующею столицею Россіи сдѣлался Петербургъ, и что во время упомянутой коронаціи были другіе города, имѣвшіе старѣйшинство передъ Москвою. Не говоря уже о Кіевѣ и Новгородѣ, Владиміръ-на-Клязмѣ имѣлъ въ историческомъ отношеніи преимущество передъ Москвою, что̀ и выразилось при самомъ вѣнчаніи Дмитрія, такъ какъ великое княженіе владимірское и въ этомъ случаѣ упоминалось прежде московскаго. Нѣчто подобное можно встрѣтить и въ другихъ государствахъ. Такъ короли французскіе не короновались въ своей столицѣ, Парижѣ, но въ Реймсѣ, въ уваженіе того, что тамошніе епископы были преемниками святаго Реми, крестившаго короля Хлодовика, перваго изъ французскихъ государей принявшаго христіанство. Только Наполеонъ I короновался императоромъ въ соборѣ Парижской Богоматери. Короли прусскіе коронуются не въ Берлинѣ, но въ Кенигсбергѣ, короли шведскіе не въ Стокгольмѣ, а въ Упсалѣ; короли польскіе—сперва въ Гнѣзнѣ, а потомъ въ Краковѣ, и только Лещинскій и Понятовскій короновались въ Варшавѣ. Императоры римско-нѣмецкіе ѣздили сперва для коронаціи въ Римъ, а потомъ, когда такія поѣздки представляли много затрудненій, обрядъ ихъ коронованій, совершался во Франкфуртѣ; а какъ короли Италіи, они короновались въ Миланѣ.

Въ Успенскомъ соборѣ для коронаціи князя Дмитрія былъ устроенъ помостъ съ тремя сѣдалищами: для великаго князя, для его внука и для митрополита, а близь этого мѣста лежали на столѣ бармы и шапка Мономаха.

При всѣхъ коронаціяхъ чрезвычайно важное значеніе имѣло возложеніе короны на вѣнчаемаго государя. Въ католической церкви такое дѣйствіе присвоивали себѣ папы, а отъ нихъ оно перешло и къ первенствующему архіепископу, совершавшему этотъ обрядъ, въ ознаменованіе того, что церковь можетъ раздавать короны государямъ. Не отвергая, конечно, божественнаго происхожденія своей верховной власти, западные государи, мало по малу, отклоняли, однако, такую мысль, возлагая на себя корону сами. Такъ стали дѣлать короли французскіе, а потомъ и императоры римско-нѣмецкіе.

У насъ, при упомянутомъ первомъ коронованіи, явно выразилось то ограниченное политическое значеніе, какое имѣло духовенство. Понятіе объ этомъ значеніи составилось изъ отношеній духовенства восточной церкви къ византійскимъ императорамъ. Въ Византіи, въ противоположность Западу, духовенство покорствовало передъ верховною властью и не стремилось вовсе къ тому, чтобы раздавать короны государямъ. Поэтому, при первой же коронаціи, подробности которой дошли до насъ, выразилась мысль, что въ такихъ случаяхъ духовенство исполняетъ только религіозную обязанность, не касаясь политической стороны дѣла. Такъ, Иванъ III, объявивъ въ соборѣ митрополиту, что онъ благословляетъ своего внука Дмитрія, по случаю смерти отца Дмитріева, которому онъ, слѣдуя обычаямъ, предоставилъ еще прежде великое княженіе, просилъ, чтобы митрополитъ далъ Дмитрію свое благословеніе. Тогда митрополитъ, вставъ со своего сѣдалища, положилъ руки на голову Дмитрія и прочелъ молитву, въ которой молилъ Господа, чтобы Онъ съ любовію воззрѣлъ съ высоты своего жилища на раба своего Дмитрія и сподобилъ его помазаться елеемъ радости и принять свыше силу, вѣнецъ и скипетръ царствія. По прочтеніи этой молитвы, два архимандрита поднесли митрополиту бармы, а онъ передалъ ихъ великому князю, который уже самъ возложилъ ихъ на своего внука. Послѣ другой молитвы, прочитанной митрополитомъ, ему поднесли, также архимандриты, шапку Мономаха, а онъ поднесъ ее великому князю, который и надѣлъ ее на Дмитрія. Затѣмъ было пропѣто многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ и принесены имъ поздравленія, по окончаніи которыхъ началась литургія, а послѣ нея Дмитрій, сопутствуемый дядями и боярами, ходилъ, имѣя на плечахъ бармы, а на головѣ шапку Мономаха, въ соборы Михаила Архангела и Благовѣщенскій, для поклоненія гробамъ своихъ предковъ и мощамъ чудотворцевъ. При выходѣ изъ соборовъ онъ былъ осыпаемъ золотыми и серебряными деньгами.



Вѣнчаніе на царство царя Михаила Ѳеодоровича.

Факсимиле рисунка, находящагося въ «Книгѣ объ избраніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича».

Коронованіе это сопровождалось пышнымъ пиромъ у великаго князя.

О мvропомазаніи и причащеніи въ этомъ случаѣ не упоминается, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, таинства эти были совершаемы во время обѣдни.

Самое совершеніе этого обряда осталось безъ послѣдствій, такъ какъ, спустя съ небольшимъ два года, Иванъ III, разгнѣвавшись на своего внука, лишилъ его великокняжескаго престола, назначивъ своимъ преемникомъ старшаго изъ оставшихся въ живыхъ сыновей, Василія, и тѣмъ самымъ какъ бы уничтожилъ дѣйствительность обряда, совершоннаго надъ Дмитріемъ, поставивъ выше этого свою волю.

Вѣроятно, вслѣдствіе такой недѣйствительности вѣнчанія на царство, надъ преемникомъ Ивана, Василіемъ IV, не было совершено такого обряда; но сынъ послѣдняго былъ торжественно коронованъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, и съ того времени коронованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мvропомазаніе совершалось надъ всѣми русскими государями, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые не успѣли совершить его по кратковременности своего царствованія, а именно: царь Ѳедоръ Борисовичъ и императоры Иванъ VI Антоновичъ и Петръ III Ѳедоровичъ.

IV.

Обыкновенно у насъ полагаютъ, что при своемъ коронованіи Иванъ IV принялъ титулъ царя, но по нѣкоторымъ соображеніямъ, такое мнѣніе едва-ли можно считать вѣрнымъ, и надобно полагать, что Иванъ IV короновался, только какъ великій князь всея Руси. На такую мысль наводятъ слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ, уже послѣ своей коронаціи Иванъ просилъ вселенскихъ патріарховъ признать за нимъ царскій титулъ и утвердительную на то грамоту получилъ лишь въ 1561 году. Между тѣмъ трудно предположить, чтобы онъ самъ и короновавшій его митрополитъ рѣшились утвердить священнымъ обрядомъ такое новое право, признать которое зависѣло отъ другихъ первосвятителей восточной церкви. Во вторыхъ, Иванъ IV называлъ себя и безъ коронаціи не только вообще царемъ, но и «царемъ нѣмецкимъ», слѣдовательно, вопросъ о титулѣ былъ вопросъ особый. Въ третьихъ, самое свое право на царскій титулъ онъ основывалъ не на исполненіи надъ нимъ священнодѣйствія, но на другихъ обстоятельствахъ, а именно на томъ, что прародитель его Владиміръ Мономахъ былъ вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ; что онъ, Иванъ, покорилъ два царства, казанское и астраханское — что было уже послѣ его коронаціи—и нако-

нецъ, на томъ, что онъ происходилъ отъ Августа-Кесаря, обладавшаго всею вселенною. Въ виду всего этого, надобно полагать, что коронованіе Ивана IV и принятіе имъ царскаго титула были два, независимыя одно отъ другаго событія. Въ первомъ случаѣ онъ вообще освящалъ свою верховную власть, какъ великій князь всея Руси, а царемъ онъ сталъ именоваться, помимо совершенія этого обряда, подобно тому, какъ это сдѣлалъ впослѣдствіи Петръ I, принявшій новый «императорскій» титулъ, не подтвердивъ его вторичнымъ церковнымъ обрядомъ, такъ какъ онъ еще и прежде былъ вѣнчанный и помазанный государь.

О коронаціи Ивана IV дошли до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія, нежели о коронаціи Дмитрія, а именно, свѣдѣнія о сборѣ бояръ въ столовой великокняжеской палатѣ, а другихъ чиновъ—передъ нею, въ сѣняхъ; о торжественномъ приносѣ «царской утвари» въ Успенскій соборъ съ казеннаго двора; о предшествіи великому князю на пути въ соборъ его духовника, кропившаго путь святою водою; объ устройствѣ въ соборѣ двухъ сѣдалищъ: одного для государя, а другаго для митрополита Макарія; о служеніи молебновъ Богородицѣ и чудотворцу Петру, митрополиту. Не смотря, однако, на эти подробности, и въ этомъ случаѣ не упоминается о мνропомазаніи, а также ни о державѣ, ни о поученіи митрополита, ни о рѣчи царя, обращенной къ святителю.

«Вѣнчаніе на царство», въ полномъ значеніи этихъ словъ, впервые было совершено только надъ преемникомъ и сыномъ Ивана IV, царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Оно происходило 31-го мая 1584 года, уже послѣ признанія восточными патріархами царскаго титула за русскими государями, и при этомъ самое вѣнчаніе было совершено по особой книгѣ царскаго вѣнчанія греческихъ царей. Книга эта, какъ разсказываетъ князь Курбскій, была прислана въ Москву константинопольскимъ патріархомъ, вмѣстѣ съ утвердительною грамотою на царскій титулъ, так что теперь происходило, такъ сказать, законное вѣнчаніе на царство. Кромѣ того, коронація Ѳедора совершалась по соборной грамотѣ, утвердившей въ точности весь порядокъ священнодѣйствія, такъ что она донынѣ служитъ основаніемъ для исполненія этого торжественнаго обряда.

Для коронованія царя Ѳедора Ивановича Успенскій соборъ былъ «вельми украшенъ». Въ немъ, между прочимъ, былъ устроенъ «царскій чертогъ», отдѣланный червленнымъ сукномъ. Подлѣ чертога былъ поставленъ налой съ «царскою утварью», а на «чертожномъ мѣстѣ» находились два «стула», одинъ для государя, а другой для митрополита Діонисія. Отъ помоста къ алтарю былъ разостланъ красный бархатъ. Около налоя стояли бояре и стерегли, чтобы кто-нибудь не прикоснулся къ царской утвари.

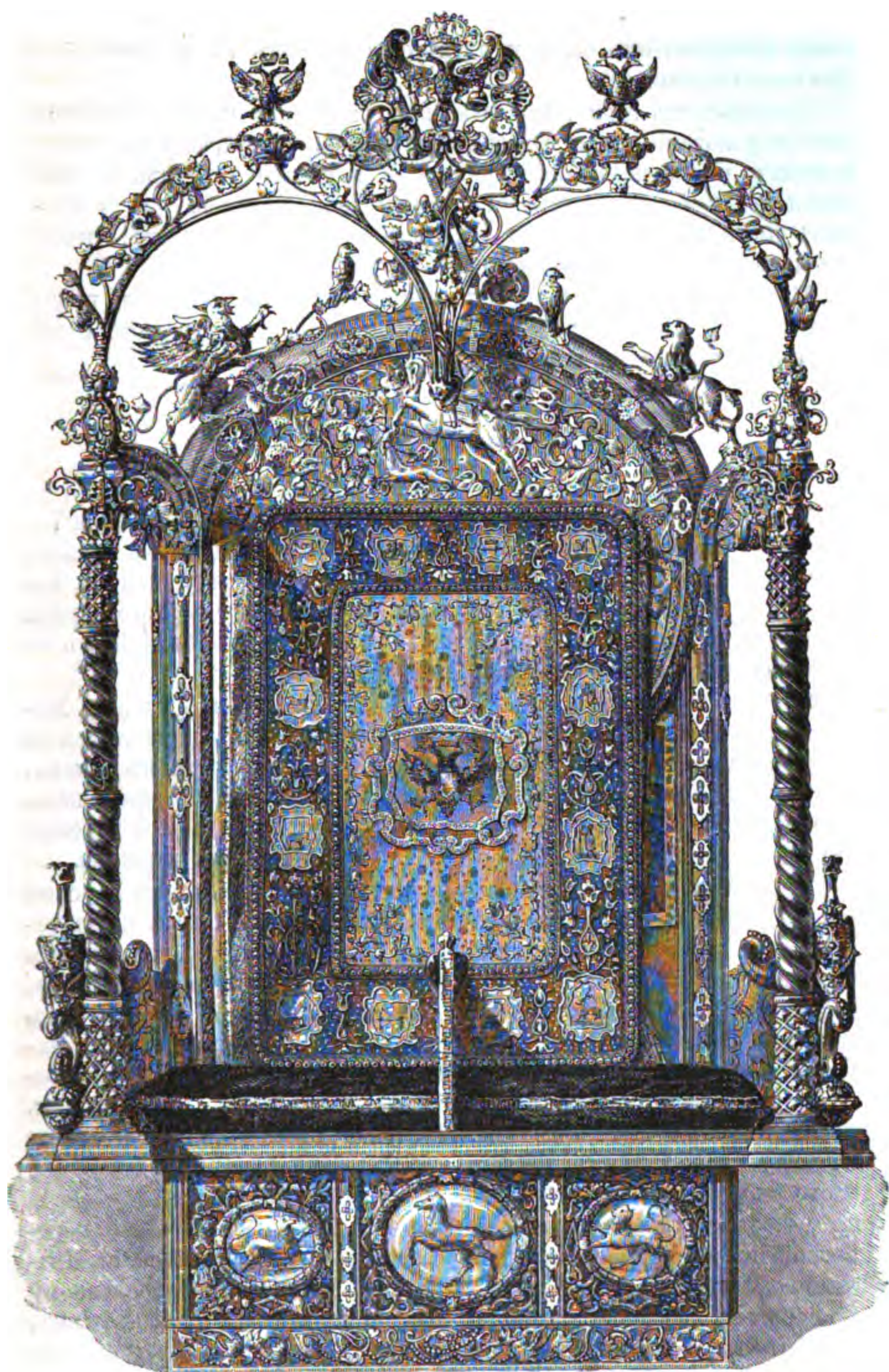
На этотъ разъ и бармы, и шапку возложилъ на набожнаго царя митрополитъ; онъ же вручилъ ему и скипетръ, т. е. царскій по-

сохъ. Послѣ того, митрополитъ и архіепископы, взойдя на помостъ, поклонились царю, а онъ отвѣтилъ имъ «малымъ поклономъ». Пропѣто было затѣмъ многолѣтіе, и принесено государю поздравленіе поклономъ всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ. Послѣ херувимской, митрополитъ возложилъ на царя цѣпь изъ «аравійскаго» золота. Передъ причастіемъ двое архимандритовъ, посланные митрополитомъ, приблизились къ царю, поклонились ему ниже пояса и отошли отъ него, а государь отправился къ царскимъ вратамъ, и у нихъ митрополитъ помазалъ его мvромъ «на челѣ, на очію, на ушію и на персехъ и на плещу и на обою руку на дланяхъ и на другую страну», отеръ его «вамбахомъ», т. е. губкою и пріобщилъ его.

Царское мvропомазаніе, какъ таинство, установленное самимъ Богомъ, восходитъ, по ученію церкви, еще ко временамъ царей израильскихъ. Поэтому оно совершается по одинаковому чину въ церквахъ: восточной, западной и государственной англиканской. Молитвы при этихъ случаяхъ читаются одинаковаго содержанія, только съ нѣкоторыми весьма небольшими измѣненіями. Въ католическихъ государствахъ обрядность нѣсколько измѣняется. Такъ, напримѣръ, короли польскіе во время чтенія молитвъ, предшествовавшихъ мvропомазанію, лежали на полу, распростершись крестомъ на разостланномъ коврѣ, а весь священствовавшій клиръ становился около нихъ на колѣняхъ. По прочтеніи молитвъ, первенствовавшій въ служеніи архіепископъ, сидя въ своихъ креслахъ, помазывалъ мvромъ стоявшему передъ нимъ на колѣняхъ королю правую руку до самаго локтя, правое плечо, между плечами и чело. Императоръ Николай Павловичъ, при коронаціи въ Варшавѣ по католическому обряду, не ложился, а, стоя на колѣняхъ, прочелъ только молитву, сходную съ той, какую читаютъ колѣнопреклоненно и русскіе государи при ихъ вѣнчаніи императорами всероссійскими, и былъ помазанъ только на челѣ.

Императоры римско-нѣмецкіе, короли французскіе и короли венгерскіе слушали читаемыя передъ помазаніемъ молитвы не распростертыми на землѣ, но только стоя на колѣняхъ.

Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшему разсказу о коронаціи царя Ѳедора Ивановича, замѣтимъ, что шествіе въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій совершалось въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оно было совершено его отцомъ; что обшивку царскаго помоста, устроеннаго внѣ собора, позволено было народу ободрать на память о происходившемъ торжествѣ; что одежда участвовавшихъ въ этомъ торжествѣ сановниковъ поражала присутствовавшихъ на немъ иностранцевъ своимъ богатствомъ. Одинъ изъ иностранцевъ, англичанинъ Горсей, разсказываетъ, что царское одѣяніе, вслѣдствіе множества золота и драгоцѣнныхъ камней, вѣсило не менѣе 200 фунтовъ, и что шесть князей держали хвостъ царской мантіи. По его же разсказу, скипетръ, употребленный при коронаціи царя Ѳедора Ивановича, былъ сдѣланъ изъ рога единорога и усѣянъ драгоцѣн-



Тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

2*

ными камнями; онъ былъ купленъ еще Иваномъ IV и стоилъ 7000 фунтовъ стерлинговъ.

Добавимъ къ этому, что соборная грамота, по которой совершилось коронованіе царя Өедора Ивановича, постановляетъ, между прочимъ, чтобы принявшій священное помазаніе государь не омывался послѣ того впродолженіи восьми дней, и чтобы онъ «сотворилъ пиръ честенъ и великъ», и въ заключеніи добавляетъ: «нищіе же паче довольно учреждаеми бываютъ».

Коронація Өедора Ивановича сопровождалась военнымъ празднествомъ на Дѣвичьемъ Полѣ, а также разными наградами и милостями, оказанными преступникамъ.

V.

Послѣдующею коронаціею была коронація избраннаго царя Бориса Өедоровича Годунова. Совершилась она въ день тогдашняго новолѣтія, 1-го сентября 1598 года, по тому же чину, какъ и коронація предшествовавшаго государя. Но особенность этого обряда заключалась въ томъ, чте его впервые совершалъ бывшій въ то время патріархъ всероссійскій Іовъ.

Затѣмъ слѣдовала коронація невѣсты Лже-царя Дмитрія, Марины Мнишекъ. Коронація эта, не признаваемая дѣйствительною со стороны церкви, какъ таинство, достигнутое посредствомъ обмана, замѣчательна не только тѣмъ, что коронованіе было совершено надъ лицомъ женскаго пола, но что въ этомъ случаѣ въ числѣ царской утвари упоминается въ первый разъ о «яблокѣ» или державѣ.

Несомнѣнно, что такой новый появившійся у насъ знакъ царской власти былъ занесенъ изъ Польши. Шаръ, какъ знакъ владычества надъ землею, употреблялся еще у римлянъ. Онъ встрѣчается уже на монетахъ временъ Августа, но у язычниковъ, вмѣсто креста, ставилось надъ нимъ изображеніе богини побѣды. Въ упомянутомъ значеніи стали употреблять шаръ и римскіе императоры, подъ названіемъ «globus», а отъ нихъ знакъ этотъ перешелъ къ римско-нѣмецкимъ императорамъ, а потомъ и къ королямъ. Къ намъ онъ перешелъ съ польскимъ названіемъ «jabłko»—«яблоко» съ прибавкою къ нему слова «державное» или «самодержавное». Впослѣдствіи же слово «яблоко» было замѣнено словомъ «держава».

1-го іюня 1606 года, совершилось въ Успенскомъ соборѣ коронованіе втораго избраннаго царя всея Россіи—князя Василія Ивановича Шуйскаго. Оно было исполнено по чину, установленному упомянутою соборною грамотою, но, по современнымъ извѣстіямъ, торжество это не отличалось особенною пышностію.

Родоначальникъ новаго царственнаго дома, Михаилъ Θедоровичъ Романовъ, былъ вѣнчанъ на царство 17-го іюля 1613 года. Такъ какъ патріарха въ то время въ московскомъ государствѣ не было, то обрядъ коронованія былъ совершонъ старѣйшимъ изъ русскихъ первосвятителей—митрополитомъ казанскимъ Ефремомъ, который и возложилъ на государя бармы и шапку Мономаха. Для этого торжества было устроено въ соборѣ «великое чертожное мѣсто», и все оно, какъ и ступени, ведшія къ нему, было обито краснымъ сук-

Сосудъ и стручецъ для св. мvропомазанія.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Елизаветы Петровны».

номъ; пространство отъ этого мѣста до царскихъ дверей было застлано такимъ же сукномъ, а по сукну разостланы были ковры и камки. По обѣимъ сторонамъ этой постилки были разставлены скамьи для духовенства, покрытые золотыми персидскими коврами, бархатомъ, золотистымъ атласомъ и сукнами. На самомъ «чертожномъ мѣстѣ» было устроено «царское мѣсто», называвшееся потомъ обыкновенно «персидскимъ престоломъ», украшенное драгоцѣнными камнями, съ подножкой—или иначе съ «приступцемъ»—покрытой золотистымъ бархатомъ. По лѣвой сторонѣ чертожнаго мѣста былъ поставленъ «стулъ» съ золотистою бархатною подушкою для митрополита. Отъ устроеннаго теперь царскаго мѣста и до обыкновеннаго такого же мѣста, а также и до царскихъ дверей поверхъ краснаго сукна были разостланы такъ называемые «пути» или «дороги» изъ гладкаго краснаго бархата.

Противъ чертожнаго мѣста, близь амвона, нѣсколько вправо, поставили два налоя одинаковой величины, а передъ ними—третій, нѣсколько ниже. Всѣ они были обтянуты золотистымъ атласомъ, а сверху на нихъ были положены драгоцѣнныя пелены, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Здѣсь должна была размѣститься «царская утварь».

Наканунѣ дня коронованія во всѣхъ кремлевскихъ соборахъ, а также во всѣхъ московскихъ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ, было отслужено всенощное бдѣніе, а утромъ слѣдующаго дня благовѣстъ и перезвонъ возвѣстилъ жителямъ Москвы объ имѣющемъ быть въ этотъ день торжествѣ царскаго вѣнчанія.

На разсвѣтѣ государь вышелъ изъ постельныхъ хоромъ въ «золотую среднюю палату», гдѣ ожидали его одѣтые въ богатое платье бояре, тогда какъ окольничіе и думные люди стояли въ сѣняхъ передъ золотою палатою. Изъ этой палаты царь послалъ своего духовника, протопопа Благовѣщенскаго собора, за царскимъ «саномъ» или «чиномъ», хранившимся на казенномъ дворѣ. Съ протопопомъ пошли новопожалованный бояринъ, знаменитый князь Пожарскій, царскій казначей и двое дьяконовъ.

Когда царскій «санъ» былъ принесенъ, то государь приложившись къ животворящему кресту, отправилъ знаки царскаго достоинства съ тѣми же лицами въ Успенскій соборъ. Такими знаками были теперь: крестъ, діадима или бармы, царскій вѣнецъ или шапка Мономаха, цѣпь «аравійскаго злата», скипертъ и держава. Несли эти знаки на золотыхъ блюдахъ тѣ же лица, которыя ходили за ними на «казенный дворъ» или въ царскую сокровищницу.

Когда же пришедшіе изъ собора царскій духовникъ и бояринъ Морозовъ извѣстили государя, что тамъ все уже готово, то онъ отправился туда въ предшествованіи и сопровожденіи бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей.

По установившемуся порядку, царскій духовникъ, идя впереди этого торжественнаго шествія, кропилъ царскій путь святою водою.

При входѣ въ соборъ митрополитъ казанскій и митрополитъ ростовскій, а также всѣ архіепископы, епископы и архимандриты встрѣтили государя. Митрополитъ Ефремъ далъ ему поцаловать крестъ и окропилъ святою водою. Пѣвчіе дьяки пѣли многолѣтіе, а государь въ это время прикладывался къ иконамъ. Послѣ этого онъ сталъ на свое обыкновенное мѣсто, а первенствовавшій митрополитъ—у патріаршаго мѣста; тогда начался молебенъ, по окончаніи котораго митрополитъ подошелъ къ государю и возвелъ его съ обыкновеннаго мѣста на «чертожное», гдѣ государь и сѣлъ на свое «царское» мѣсто, а митрополитъ—на приготовленный для него «стулъ». Прочее духовенство помѣстилось на скамьяхъ. За царемъ

по правую сторону стали бояре, а по лѣвой сторонѣ расположились соборные старцы.

Посидѣвъ нѣсколько времени, царь и митрополитъ встали, и тогда государь, обратившись къ владыкѣ, произнесъ рѣчь историческаго содержанія, въ которой излагались обстоятельства, предшествовавшія его избранію на престолъ и самое избраніе, и въ заключеніе этой рѣчи онъ просилъ митрополита благословить его царскимъ вѣнцомъ и діадимою, согласно съ избраніемъ и «по прежнему чину и достоянію».

Когда царь умолкъ, митрополитъ, осѣнивъ его крестомъ, произнесъ «отвѣтную» рѣчь отъ лица духовенства и всего народа. Послѣ этого Ефремъ возложилъ руки на голову царя и прочелъ соотвѣтствующую настоящему священнодѣйствію молитву. Затѣмъ, когда архимандриты поднесли митрополиту сперва бармы, а потомъ Мономахову шапку, то онъ возложилъ эти знаки царскаго сана на Михаила и прочелъ молитву о благополучномъ царствованіи новаго государя. Въ такомъ царскомъ облаченіи митрополитъ, поставивъ его на престолѣ, поклонился ему, и царь отвѣчалъ ему также поклономъ, приподнявъ немного вѣнецъ.

Когда митрополитъ ростовскій Кириллъ поднесъ, со всѣми присутствовавшими при этомъ архіереями, митрополиту Ефрему скипетръ и державу, то Ефремъ далъ царю въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую державу и произнесъ при этомъ краткую рѣчь. При принятіи скипетра, царь поклонился митрополиту, уже не приподнимая вѣнца. Послѣ того митрополиты и архіепископы вошли на чертожное мѣсто и, по очереди, благословляли царя своими руками; сходя же съ помоста, они отдавали ему по поклону, на что̀ царь отвѣтствовалъ имъ «малымъ поклономъ». Здѣсь встрѣчается нѣкоторое различіе въ обрядности, сравнительно съ обрядностію, принятою въ этомъ случаѣ католическою церковью, такъ какъ католическіе государи при благословеніи ихъ представителями церкви, обнимаютъ одною рукою благословляющихъ и цалуютъ ихъ въ щеку.

Посадивъ послѣ того государя на престолъ, Ефремъ сѣлъ на свой стулъ, и въ это время послѣдовало чтеніе большой эктеніи и провозглашеніе государю многолѣтія съ прочтеніемъ его полнаго царскаго титула. Послѣ того всѣ присутствовавшіе принесли царю поздравленіе троекратнымъ поклоненіемъ, а митрополитъ Ефремъ обратился къ нему съ «поучительнымъ словомъ», въ которомъ онъ внушалъ ему блюсти царскія добродѣтели, а также и «беречь бояръ по ихъ отчеству».

«Поучительное слово» первенствовавшаго іерарха не было исключительною принадлежносностію коронованія русскихъ государей; его произносили въ такихъ случаяхъ и передъ католическими государями, и прелаты латинской церкви внушали императорамъ римско-

нѣмецкимъ, а также королямъ французскимъ и польскимъ, между прочимъ, ихъ обязанность не только защищать церковь вообще, но и истреблять заводящіяся въ ней ереси. Въ ознаменованіе первой изъ этихъ обязанностей короли польскіе дѣлали передъ распятіемъ три взмаха государственнымъ мечемъ, которымъ опоясывалъ ихъ первенствовавшій архіепископъ, примасъ государства.

Послѣ возложенія на Михаила Ѳедоровича царскаго «сана», началась литургія, впродолженіи которой государь, при положеніи земныхъ поклоновъ, снималъ съ себя царскій вѣнецъ и отдавалъ его держать своему сроднику Ивану Никитичу Романову. Послѣ великаго выхода, митрополитъ Ефремъ осѣнилъ предстоявшихъ крестомъ, а государь подошелъ къ царскимъ вратамъ, и митрополитъ возложилъ на него цѣпь изъ «аравійскаго злата». Царь отошелъ послѣ этого на свое царское мѣсто. Когда же духовные пріобщились въ алтарѣ, то посланные Ефремомъ архидіаконъ и протодіаконъ подошли къ царю и поклонились ему «ниже пояса», а архидіаконъ заявилъ государю, что преосвященный митрополитъ и весь освященный соборъ призываютъ его на помазаніе святаго великаго мѵра и ко причастію святыхъ и божественныхъ таинъ. «Гряди къ намъ о Святѣмъ Дусѣ съ миромъ» — заключалъ архидіаконъ свое извѣщеніе.

Царь пошелъ къ царскимъ вратамъ и тамъ, ставъ на посланномъ постельничимъ золотисто-бархатномъ коврѣ на колѣни, снялъ съ себя вѣнецъ. Митрополитъ Ефремъ стоялъ въ царскихъ вратахъ, и когда митрополитъ Кириллъ со всѣми прочими архіереями поднесли ему мѵро, влитое въ «крабійцу», то Ефремъ взялъ изъ этого сосуда золотымъ «сучцомъ» мѵра и помазалъ имъ Михаила на челѣ, ушахъ, персяхъ, плечахъ и обѣихъ сторонахъ рукъ, говоря при каждомъ помазаніи, по стариннымъ книгамъ: «печать и даръ Святаго Духа». Крупныя капли мѵра митрополитъ отеръ бумагою, которая потомъ была сожжена въ алтарѣ, въ «сокровенномъ мѣстѣ». По мѵропомазаніи митрополитъ пріобщилъ государя, но по чину ли мірскому или священнослужительскому—объ этомъ ни въ «чинѣ постановленія и мѵропомазанія», ни въ описаніяхъ коронаціи свѣдѣній не встрѣчается. О причащеніи по послѣднему чину упоминается только при коронаціи царя Ѳеодора Алексѣевича, который принялъ отъ патріарха особо тѣло и особо кровь. По всей, однако, вѣроятности, это соблюдалось и прежде. Такой чинъ пріобщенія составляетъ общій уставъ христіанской церкви, потому что и католическіе коронованные государи пріобщаются такъ же, какъ и священнослужители латинской церкви подъ обоими видами «sub utrâque», т. е. принимаютъ не одинъ только хлѣбъ, какъ міряне вообще, но и вино.

По окончаніи обѣдни, митрополитъ Ефремъ только одинъ пошелъ къ государю по царскому пути, весь же священный соборъ

шелъ по правой сторонѣ этого пути. Митрополитъ поднесъ государю просфору, а государь позвалъ его и присутствовавшее духовенство къ своему царскому столу.

Въ сопровожденіи бояръ и всякихъ чиновъ людей, Михаилъ, слѣдуя установившемуся обычаю, отправился въ соборы Архангель-

Герольдъ въ уборѣ.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Елизаветы Петровны».

скій и Благовѣщенскій, и при выходѣ изъ нихъ былъ осыпаемъ съ головы золотыми и серебряными деньгами. По возвращеніи во дворецъ, царь пришелъ въ Грановитую Палату, гдѣ былъ торжественный обѣдъ. Такіе обѣды повторились на другой и на третій день, при чемъ замѣчательно, что на послѣднемъ изъ этихъ обѣдовъ присутствовали и боярыни, сидѣвшія за столомъ противъ своихъ мужей.

VI.

Слѣдовавшія коронаціи царей Алексѣя Михайловича и сыновей его Ѳедора, а потомъ Ивана и Петра Алексѣевичей, хотя и были отправлены согласно соборной грамотѣ и установившимся обычаямъ, но тѣмъ не менѣе, отличались нѣкоторыми частностями, на которыя мы считаемъ нужнымъ указать.

Коронаціи всѣхъ этихъ государей совершали патріархи московскіе и всероссійскіе. Коронація царя Алексѣя Михайловича была, однако, уже второю, совершонною патріархомъ, такъ какъ въ первый разъ патріархъ Іовъ короновалъ царя Бориса Ѳедоровича Годунова. Надъ Алексѣемъ Михайловичемъ обрядъ этотъ совершилъ, 28-го сентября 1645 года, патріархъ Іосифъ; надъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ—патріархъ Іоакимъ и надъ Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами—онъ же. Несмотря на то, что патріархи пользовались—особенно послѣ одного изъ нихъ Филарета Никитича—особеннымъ почетомъ, они при коронованіи упомянутыхъ государей не отличались ни чѣмъ отъ митрополитовъ. Изъ описаній коронацій не видно, чтобы они имѣли торжественный ходъ въ Успенскій соборъ въ преднесеніи креста, и чтобы впереди ихъ въ это время шли иподіаконы, разметавшіе передъ ними дорогу и посыпавшіе ее пескомъ. Мало того, въ описаніи коронаціи Ѳедора Алексѣевича замѣчено, что государь, встрѣтивъ пришедшаго къ нему на торжественный обѣдъ патріарха «не целовалъ его ни въ руку, ни въ клобукъ». Значитъ, въ этомъ отношеніи послѣдовала нѣкоторая перемѣна, конечно, подъ вліяніемъ понятій о томъ политическомъ значеніи, какимъ пользовался патріархъ Филаретъ, родитель государя, «смѣшавшій суды церковные и гражданскіе».

Царь Алексѣй Михайловичъ, во время своего коронованія, какъ бы выразилъ мысль о превосходствѣ царства надъ священствомъ, сказавъ, что его, царя, уже благословилъ его отецъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ тремя великими княженіями и тремя царствами. Самое помазаніе Алексѣя происходило, противъ прежняго, съ тою разницею, что патріархъ, вдобавокъ къ прежнимъ помазаніямъ, помазалъ еще царя «и на брадѣ и подъ брадою». Мы объясняемъ эту добавку тѣмъ, что въ ту пору стало проявляться въ Москвѣ своего рода вольнодумство. Русскіе люди, въ подражаніе жившимъ въ Москвѣ иноземцамъ, и преимущественно полякамъ, начали было брить бороды, и патріархъ Іосифъ, вѣроятно, желая предотвратить это новшество, помазалъ царскую браду и подъ брадою, и тѣмъ какъ бы освятилъ ея неприкосновенность въ поученіе московскимъ людямъ всякихъ чиновъ, рѣшавшимся бритіемъ бородъ искажать подобіе Божіе.

Коронація царя Ѳедора Алексѣевича происходила 16-го іюня 1676 года. Она замѣчательна тѣмъ, что, какъ сказано въ подлин-

номъ ея описаніи, состоялась по челобитію патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, игуменовъ, царевичей сибирскаго и касимовскаго, бояръ, окольничихъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ, дѣтей боярскихъ, гостей и всякихъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ людей.

Трудно рѣшить положительно, почему именно явилась такая челобитная, и появленіе ея можно объяснить развѣ тѣмъ, что въ ту пору начались уже раскольничьи смуты, и что, быть можетъ, царь колебался, не рѣшаясь, по какимъ именно книгамъ исполнить этотъ обрядъ и соединенную съ нимъ литургію—по старымъ или по новопечатнымъ? Вѣроятно, въ виду этого патріаршая церковь, стараясь рѣшить этотъ вопросъ въ пользу новшествъ, и вызвала челобитную, при появленіи которой, за подписями патріарха и другихъ лицъ, церковь какъ бы уполномочивалась совершить это торжество по новымъ книгамъ и тѣмъ самымъ утвердить силу книжныхъ поправокъ въ глазахъ народа. Этимъ объясняется еще и другая, не встрѣчающаяся въ прежнихъ описаніяхъ особенность, состоявшая въ томъ, что, прежде возложенія на царя знаковъ царской власти, патріархъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

«Великій государь, царь и великій князь Ѳедоръ Алексѣевичъ, како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ государь громогласно прочиталъ символъ вѣры, по новоисправленнымъ книгамъ, тогда какъ пропускъ по нимъ въ символѣ вѣры буквы «а», бывшей передъ словомъ «несотворенна», и послужилъ однимъ изъ первыхъ и главныхъ поводовъ къ возникновенію старообрядческаго раскола.

Третьею особенностію этого коронованія было то, что государь въ самомъ храмѣ надѣлъ на себя новую одежду, принесенную туда однимъ изъ стряпчихъ. Затѣмъ все прочее было исполнено по прежнему чину, безъ малѣйшей отмѣны.

Такое же замѣчаніе должно сдѣлать и относительно другой слѣдовавшей за тѣмъ, 25-го іюня 1682 года, коронаціи, хотя въ этомъ случаѣ встрѣтилось небывалое еще условіе, такъ какъ приходилось вѣнчать на царство одновременно двухъ государей Ивана и Петра Алексѣевичей. Для этой коронаціи былъ приготовленъ, вдобавокъ къ прежнему царскому «сану», новый такой же «санъ», по образцу стараго, т. е. былъ сдѣланъ второй заводъ «царской утвари». При этомъ новая мономахова шапка, скипетръ и держава были такъ искусно поддѣланы подъ прежніе, что ихъ трудно было отличить отъ старыхъ. Сдѣлано было также для обоихъ государей одно общее серебряное кресло.

Успенскій соборъ на этотъ разъ былъ точно такъ же устроенъ и убранъ, какъ и при предшествовавшихъ коронаціяхъ, съ тою только разницею, что для царской утвари были поставлены не три, какъ прежде, а шесть богато-убранныхъ столовъ. При совершеніи

коронаціи первенство, конечно, отдавалось старшему изъ братьевъ. Священнодѣйствовалъ патріархъ Іоакимъ, и это была послѣдняя царская, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣдняя коронація, совершонная патріархомъ. Надобно также замѣтить, что коронація царей Ивана и Петра произвела сильное смущеніе среди раскольниковъ. Передъ началомъ торжества толпы ихъ со своими вожаками пытались вломиться въ Кремль и пробраться въ соборъ, чтобы подать патріарху старопечатные «служебникъ» и «чиновникъ», по которымъ должно было быть исполнено вѣнчаніе царей; но стрѣльцы и плотная толпа народа препятствовали старовѣрамъ осуществить ихъ намѣреніе, такъ что когда они съ большими усиліями добились до собора, то обрядъ коронаціи былъ уже оконченъ по новымъ книгамъ.

VII.

7-го мая 1724 года, совершилось въ Москвѣ небывалое событіе — если только исключить коронацію невѣсты Лже-царя Димитрія — коронація особы женскаго пола, Екатерины Алексѣевны императрицею Всероссійскою. Эта коронація — помимо вопроса о самомъ священнодѣйствіи — происходила приблизительно по тѣмъ церемоніаламъ, которыхъ при подобныхъ торжествахъ придерживались на Западѣ. Коронаціи Екатерины предшествовало всенародное объявленіе или манифестъ, изданный императоромъ Петромъ 15-го ноября 1723 года. Въ манифестѣ своемъ Петръ, не объясняя цѣли такого обряда, объявлялъ о подвигахъ и самоотверженіи Екатерины впродолженіи двадцатиоднолѣтней войны со Швеціею и о спасеніи ею русскаго войска на берегахъ Прута. «Того ради—писалъ въ манифестѣ Петръ — данною намъ отъ Бога самовластіею за такія супруги нашея труды рѣшились мы короновать ее императорскимъ вѣнцомъ».

Предполагая совершить этотъ обрядъ, Петръ нисколько не нарушалъ обычая православной восточной церкви, на что̀ онъ и указывалъ въ своемъ манифестѣ, приводя имена тѣхъ «благовѣрныхъ греческихъ царей», которые короновали своихъ супругъ.

Кромѣ манифеста о коронованіи Екатерины, за два дня до наступленія этого торжества, было оповѣщено о немъ герольдами, читавшими объявленія на торгахъ и площадяхъ Москвы «при играніи на трубахъ и при битіи въ литавры». Убранство Успенскаго собора на этотъ разъ отличалось отъ убранства, бывшаго въ прежнихъ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ, что среди храма, надъ «чертожнымъ» мѣстомъ былъ укрѣпленъ бархатный балдахинъ малиноваго цвѣта, подъ которымъ находился тронъ или помостъ, не обитый, какъ прежде, краснымъ сукномъ, но весь украшенный живописью и позолотою. На этомъ помостѣ были поставлены два престола ста-

Мvропомазаніе императрицы Екатерины II-й.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Екатерины II-й».

ринной работы. Въ соборѣ же были устроены особыя мѣста для лицъ царскаго семейства и для пребывавшаго въ Россіи герцога голштинскаго, а также для придворныхъ дамъ, и галлерея для знатныхъ особъ обоего пола и иностранныхъ министровъ.

При торжествѣ этой коронаціи на Ивановской площади были расположены войска: семеновскій и преображенскій полки, а также и гренадеры. Вмѣсто прежнихъ бояръ и окольничихъ, при этой коронаціи появились генералъ-фельдмаршалы, генералы, тайные совѣтники, бригадиры, камергеры, камеръ-юнкеры, маршалы, церемоніймейстеры, кавалергарды, ассистенты и т. д. Теперь между царскимъ «саномъ» не было уже ни «мономашескихъ» бармъ, ни «шапки»; первыя вовсе не были употреблены, а вторая была замѣнена ново-сдѣланною императорскою короною, по образцу коронъ византійскихъ императоровъ, и осыпана 2,564 драгоцѣнными камнями. Особенно замѣчателенъ былъ въ ней рубинъ, на которомъ былъ утвержденъ крестъ.

Въ числѣ новыхъ регалій была и порфира изъ золотаго штофа, подбитаго горностаемъ; ее несли на двухъ подушкахъ двое изъ первыхъ сановниковъ. Изъ старинныхъ знаковъ царской власти въ настоящемъ случаѣ были употреблены только скипетръ и держава.

Во время шествія явилось небывалое новшество: играла военная музыка, и били въ барабаны.

Объявивъ въ соборѣ, съ трона, еще разъ о намѣреніи своемъ короновать Екатерину, Петръ подозваннымъ къ нему верховнымъ маршаломъ архіереямъ приказалъ совершить коронованіе «по чину церковному». Тогда первенствовавшій архіерей—Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій — предложилъ императрицѣ «вслухъ исповѣдать православную каѳолическую вѣру», что она и исполнила, прочитавъ символъ вѣры. Послѣ того онъ возложилъ крестообразно руки на ея голову и прочелъ соотвѣтствующую молитву. Тогда архіереи подали императору коронаціонную мантію, и онъ, держа въ правой рукѣ скипетръ, возложилъ эту мантію на Екатерину. Послѣ того императрица стала на колѣни, и Ѳеодосій прочиталъ другую коронаціонную милитву, а два архіерея поднесли императору корону, которую онъ, продолжая держать въ правой рукѣ скипетръ, возложилъ на Екатерину. Затѣмъ онъ вручилъ ей державу или «глобусъ», но скипетра ей не передавалъ, какъ бы знаменуя тѣмъ, что этотъ повелительный жезлъ еще не принадлежитъ ей. Тогда началось провозглашеніе многолѣтія, поздравленія и пушечная и ружейная пальба, которой не бывало при предшествовавшихъ коронаціяхъ.

При совершеніи литургіи, въ положенное для того время, императрица стала на колѣни передъ царскими вратами, и Ѳеодосій помазалъ ее мѵромъ на челѣ, на персяхъ и на обѣихъ рукахъ, а за тѣмъ пріобщилъ ее святыхъ таинъ по чину мірянъ.

Обрядъ коронованія заключился поздравительною рѣчью архіепископа псковскаго Ѳеофана Прокоповича. По выходѣ Екатерины изъ Успенскаго собора для шествованія въ соборъ Михаила Архангела, на Ивановской площади загремѣли барабаны, литавры и музыка, а также начался колокольный звонъ съ пушечною и ружейною пальбою. При этой коронаціи не былъ соблюденъ старинный обычай осыпать коронованную особу деньгами на папертяхъ всѣхъ кремлевскихъ соборовъ. Взамѣнъ этого, шедшій за императрицею генералъ Ласси металъ въ народъ выбитые нарочно по случаю коронаціи золотые и серебряные жетоны. Кромѣ того, по этому же случаю были вычеканены медали, розданныя знатнымъ особамъ.

Послѣ коронаціи, въ Грановитой Палатѣ былъ обычный торжественный обѣдъ, а для народа было устроено угощеніе, состоявшее изъ жареныхъ быковъ, начиненныхъ птицами, и изъ винъ, бѣлаго и краснаго, пущенныхъ въ видѣ фонтановъ. Дворъ и знатныя персоны потѣшались различными празднествами.

Коронація Екатерины I-й имѣла впослѣдствіи весьма важное политическое значеніе. Когда послѣ смерти Петра I-го, нарушившаго прежній порядокъ престолонаслѣдія и не назначившаго себѣ премника, возникъ вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ получить послѣ него престолъ, сторонники Екатерины, и между ними преимущественно Ѳеофанъ Прокоповичъ, настаивали, что императрицею должна быть вдова покойнаго государя, которую онъ еще при своей жизни короновалъ съ тѣмъ, чтобы она замѣнила его на русскомъ престолѣ.

Императорская коронація въ обще-принятомъ порядкѣ, т. е. коронація царствующаго государя, была въ первый разъ совершена 25-го февраля 1728 года. Въ этотъ день былъ вѣнчанъ на царство императоръ Петръ II-й. Коронаціи этой предшествовалъ его торжественный въѣздъ въ Москву. Кромѣ того, коронація Петра II-го не представляетъ ничего особеннаго, о чемъ-бы намъ приходилось упоминать.

По прибытіи 22-го февраля 1730 года въ Москву призванной на императорскій престолъ герцогини Курляндской Анны Ивановны, она издала манифестъ о своей коронаціи, назначенной на 28-е апрѣля того же года. По случаю этой коронаціи Успенскій соборъ былъ убранъ точно такъ же, какъ и при коронаціи Екатерины I-й. Къ числу же прежнихъ императорскихъ регалій на этотъ разъ была прибавлена цѣпь ордена Андрея Первозваннаго. Такую прибавку легко объяснить, если вспомнить, что верховники, по пріѣздѣ герцогини курляндской въ Москву, поднесли ей отъ себя знаки андреевскаго ордена, какъ бы въ видѣ пожалованія, между тѣмъ, какъ императрица хотѣла показать, что право на этотъ орденъ соединено непосредственно съ императорскимъ саномъ. Съ этого времени орденская цѣпь перваго русскаго ордена является всегда

въ числѣ коронаціоныхъ императорскихъ регалій, и ее возлагаетъ на себя самъ государь при исполненіи торжественнаго обряда.

Въ коронаціонномъ шествіи, кромѣ прежнихъ лицъ, участвовали теперь пажи съ ихъ гофмейстеромъ, а также депутаты отъ городовъ Лифляндіи и Эстляндіи и тамошніе ландраты. Императрица шествовала въ Успенскій соборъ, а потомъ и въ другіе соборы подъ богатымъ балдахиномъ. Обрядъ коронаціи совершалъ архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, который и надѣлъ на государыню мантію и корону, а также вручилъ ей скипетръ и державу. Императрица Анна, первая изъ русскихъ государей, послѣ помазанія была введена въ алтарь и тамъ пріобщена по царскому чину, т. е. особо тѣла и особо крови.

Хотя значеніе коронаціоннаго обряда сохранило свою прежнюю неизмѣнную силу, но совершавшій его святитель уже не пользовался тѣмъ особеннымъ почетомъ, какой въ подобныхъ случаяхъ предоставлялся ему въ былую пору. Для него не устроивалось на тронѣ особаго сѣдалища. Государи уже не обращались къ нему съ просьбою «благословить на царство», называя его «отцомъ». «Поучительное слово» митрополита обратилось въ прошломъ столѣтіи въ похвальную рѣчь, а потомъ—въ краткое поздравительное привѣтствіе.

Мѵропомазаніе надъ Анной Ивановной, какъ надъ царствующей уже государыней, было совершено съ большими прибавками противъ помазанія Екатерины I-й, такъ какъ Анна Ивановна была помазана «на челѣ, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на ушесѣхъ, на рамѣ, на персѣхъ и по обую сторону на рукахъ». Такое обильное помазаніе было соблюдено и при послѣдующихъ коронаціяхъ двухъ царствовавшихъ императрицъ—Елизаветы и Екатерины II-й, но число помазаній супругъ государей ограничивается только помазаніемъ на челѣ. Помазаніе Анны происходило при «великомъ звонѣ» и «стрѣльбѣ изъ пушекъ и отъ полковъ бѣглымъ огнемъ».

Шествіе по соборамъ сопровождалось и теперь метаніемъ въ народъ золотыхъ и серебряныхъ жетоновъ. Послѣ того, въ теченіи семи дней въ Москвѣ продолжались самыя разнообразныя празднества.

Первымъ торжественнымъ празднествомъ былъ обычный коронаціонный обѣдъ въ Грановитой Палатѣ, которая на этотъ разъ была убрана великолѣпно.

Стѣны ея были обиты въ двѣ полосы, изъ которыхъ одна была изъ кармазиннаго бархата, а другая изъ китайской золотой парчи съ разными узорами. Полъ былъ устланъ богатыми персидскими коврами. По правой сторонѣ входныхъ дверей было устроено высокое мѣсто, внутри обитое богатымъ штофомъ и украшенное золотою бахромою и такими же кистями—отсюда на коронаціонное пиршество смотрѣли цесаревны. Около столба, находящагося среди

палаты, были поставлены императорскіе золотые и серебряные сосуды «превысокой работы». На правой сторонѣ былъ устроенъ балдахинъ изъ кармазиннаго бархата, съ богатымъ золотымъ позументомъ, кистями и бахромой. На внутренней стѣнѣ балдахина былъ вышитъ золотомъ двуглавый орелъ; а отъ балдахина и до самаго пола стѣна была убрана бархатомъ, съ вышитымъ на немъ русскимъ государственнымъ гербомъ; бархатомъ же было обито и все мѣсто, на которомъ были поставлены столъ и кресло для императрицы. По лѣвую сторону отъ этого мѣста были накрыты столы для первыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, участвовавшихъ въ церемоніи. На той же сторонѣ, у дверей былъ построенъ «великой театръ», обитый весь кармазиновымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ, и на этомъ «театрѣ» помѣщалась императорская музыка.

Подобное устройство и убранство залы было и при всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ, конечно, съ увеличеніемъ утонченной роскоши и съ бо̀льшимъ проявленіемъ изящнаго вкуса.

Императрица сидѣла за особымъ столомъ въ коронѣ и порфирѣ. На этотъ столъ носили кушанья по повелѣнію государыни, передаваемому верховнымъ маршаломъ оберъ-церемоніймейстеру. Кушанья вносили въ палату полковники, по сторонамъ которыхъ шли два кавалергарда съ карабинами въ рукахъ. Поставка кушаній и питей на столъ и снятіе ихъ со стола императрицы сопровождались колѣнопреклоненіемъ тѣхъ, которые ей прислуживали. Обычай, выражать подобнымъ образомъ величіе государя передъ его подданными въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, было перенято нами съ запада, такъ какъ у насъ до Петра Великаго падали передъ государемъ ницъ и били челомъ. Изъ описаній старинныхъ коронацій не видно, однако, чтобы такой обычай соблюдали при коронаціонныхъ обѣдахъ царей. На западѣ прислуживали государю, въ день коронаціи, подвластные ему владѣтельные князья. Такъ, первенствующіе послѣ императора владѣтели въ бывшей священной римской имперіи—курфирсты или «электоры» преклоняли передъ императоромъ колѣно, прислуживая ему на коронаціонномъ пирѣ, происходившемъ обыкновенно въ Ахенѣ. Въ королевствѣ прусскомъ установилось право старѣйшаго представителя одной изъ древнѣйшихъ графскихъ фамилій—подавать королю умываться утромъ слѣдующаго послѣ коронаціи дня, и когда при коронаціи нынѣшняго прусскаго короля право это было почему-то забыто, то старшій представитель этой фамиліи напомнилъ о наслѣдственно-принадлежащемъ ему правѣ. Въ королевской Франціи считалось всегда особеннымъ почетомъ позволеніе подать королю сорочку, при его одѣваніи, а если таковой почетъ доставался кому либо въ утро дня, слѣдовавшаго за коронаціей, то такой почетъ составлялъ вѣковую гордость той фамиліи, представитель которой его удостоился.

Особенностью коронаціи Анны Ивановны были, такъ называемыя «аудіенціи», т. е. принятіе поздравленій отъ духовенства, «шляхетства» и другихъ лицъ. Коронація эта сопровождалась великолѣпными празднествами въ Москвѣ; давались обѣды, балы, и на одинъ изъ нихъ были приглашены, между прочими гостями, и архіереи. Въ Москвѣ, въ теченіе трехъ ночей зажигали великолѣпныя иллюминаціи, былъ устроенъ народный праздникъ и сожженъ роскошный фейерверкъ.

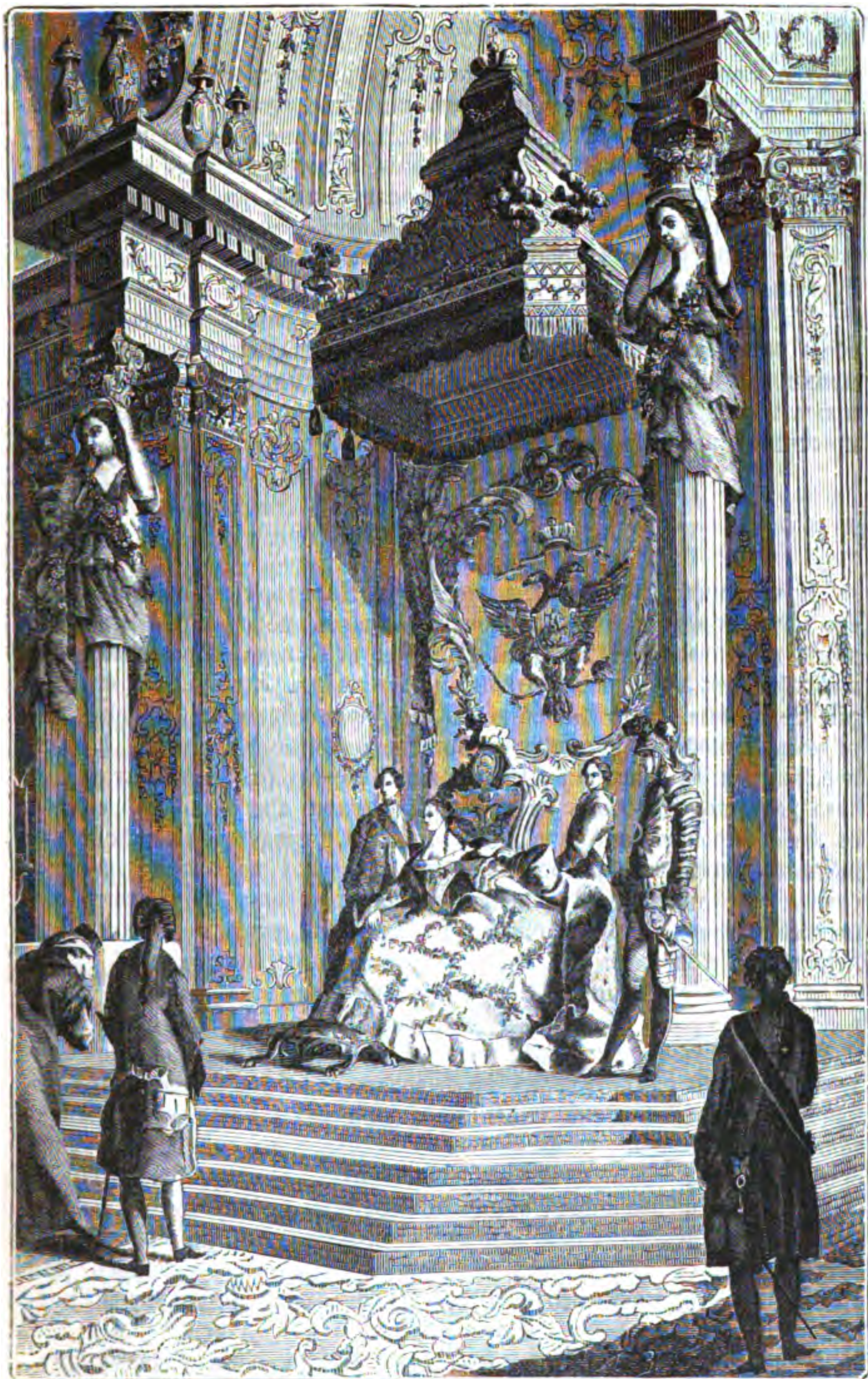
26-го февраля 1742 года, пріѣхала для коронаціи въ Москву, по низверженіи, въ ноябрѣ предшествовавшаго года, съ престола Брауншвейгской фамиліи, новая государыня—Елизавета Петровна. Коронація ея, происходившая 25-го апрѣля того же года, была совершена архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ Юшкевичемъ, и разница въ этомъ случаѣ противъ прежняго заключалась въ томъ, что порфиру и корону возложилъ на нее не архіерей, какъ это велось прежде, но сама императрица надѣла на себя ихъ. Употреблена была при этомъ та же самая корона, которую носили уже Петръ II и Анна Ивановна. Пріобщалась Елизавета Петровна въ алтарѣ по царскому чину, какъ и ея предшественница, и вообще, какъ церковное, такъ и государственное торжество, совершалось по установившемуся уже порядку и, въ общихъ чертахъ, при прежней обстановкѣ. Наиболѣе замѣтная разница заключалась теперь въ прибавкѣ къ регаліямъ государственнаго знамени, государственной печати и государственнаго меча. Сановникъ несъ этотъ мечъ обнаженнымъ, держа его остріемъ вверхъ, а ассистентъ его несъ ножны на подушкѣ, на которой прежде лежалъ мечъ.

По случаю коронаціи Елизаветы Петровны, упоминается въ первый разъ объ убранствѣ Москвы не только тріумфальными воротами и арками, но и елками, которыя были разставлены по обѣимъ сторонамъ улицъ, въ видѣ «зеленой аллеи», а также и объ убранствѣ домовъ сукномъ, коврами и «прочими преизрядными шелковыми и шерстяными матеріями». Изъ празднествъ наиболѣе выдавались многолюдные маскарады, повторившіеся девять разъ. На каждомъ изъ нихъ было по билетамъ отъ 800 до 1,000 человѣкъ обоего пола.

По случаю коронаціи, императрицею былъ изданъ милостивый манифестъ; и потомъ такого рода манифесты издавались при каждой изъ послѣдующихъ коронацій.

Послѣ смерти Елизаветы Петровны, быстро промелькнуло царствованіе Петра III, и 22-го сентября 1762 года происходила коронація Екатерины II-й.

Обрядъ коронованія былъ исполненъ митрополитомъ новгородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ по установленному чину. Коронаціонный нарядъ императрицы былъ слѣдующій: золотая парчевая порфира, усѣянная вышитыми двуглавыми орлами; серебряное пар-



Пріемъ императрицей Екатериной II-й поздравленій послѣ коронованія.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Екатерины II-й».

червое платье—сшитое, по тогдашней французской модѣ, на длинный и узкій корсетъ и черезчуръ широкія фижмы—изъ серебряной парчи, также затканной орлами; платье по юбкѣ и по шлейфу было оторочено золотымъ позументомъ, а по рукавамъ обшито богатѣйшимъ брабантскимъ кружевомъ въ пять рядовъ. На императрицѣ были серебряные парчевые башмаки съ чрезвычайно высокими каблуками. Императорская корона была передѣлана петербургскимъ ювелиромъ Позье.

Послѣ коронаціи происходилъ обѣдъ въ Грановитой Палатѣ, затѣмъ былъ пріемъ поздравленій. Балы, театральныя представленія, иллюминаціи, фейерверки и народный праздникъ, слѣдовали обычнымъ порядкомъ, только во всемъ этомъ было, сравнительно съ прежнимъ, болѣе роскоши и вкуса.

VIII.

Преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ, спѣшившій, какъ и его мать, освятить свою верховную власть коронаціоннымъ обрядомъ, вѣнчанъ на царство 5-го апрѣля 1797 года. При этомъ торжествѣ была коронована одновременно съ нимъ и супруга его Марія Ѳедоровна. По отношенію къ ней руководствовались тѣмъ обрядомъ, какой былъ принятъ при коронаціи Екатерины I, и на нее, какъ и на Екатерину I, возложилъ корону самъ императоръ, съ тою разницею, что онъ сперва прикоснулся къ ея головѣ снятою съ себя короною, которую потомъ, молча, продержалъ нѣсколько времени надъ императрицею, и затѣмъ уже возложилъ на свою супругу предназначенную для нея малую корону. При этомъ онъ не имѣлъ, какъ Петръ I, скипетра въ правой рукѣ, но, облачая императрицу, положилъ его на поднесенную ему подушку.

Для коронаціи Павла Петровича была сдѣлана большая императорская корона ювелиромъ Дювалемъ, отличавшаяся еще большею стоимостью украшеній, нежели прежняя. Былъ также сдѣланъ и новый скипетръ, въ видѣ золотого жезла, осыпаннаго алмазами и драгоцѣнными каменьями, при чемъ главнымъ замѣчательнымъ украшеніемъ былъ цѣнимый нынѣ въ 2.500,000 рублей брилліантъ въ 200 каратовъ, купленный у армянина Лазарева Орловымъ и поднесенный этимъ послѣднимъ императрицѣ Екатеринѣ. Этотъ драгоцѣнный камень былъ вставленъ на концѣ скипетра. Была сдѣлана также и новая держава, съ яблокомъ для креста, изъ драгоцѣннаго синяго яхонта и обдѣланная превосходными брилліантами.

Императоръ, шедшій до Успенскаго собора подъ балдахиномъ, имѣлъ подлѣ себя императрицу. Онъ былъ одѣтъ въ военный мундиръ прусскаго покроя, съ напудренною головой и косою. Но въ

соборѣ, передъ коронованіемъ, первенствовавшій въ служеніи митрополитъ новгородскій Гавріилъ, возложилъ на него поверхъ мундира такъ называемый «далматикъ» изъ малиноваго бархата—древнюю одежду византійскихъ императоровъ, сходную по покрою съ архіерейскимъ саккосомъ. Послѣ мvропомазанія, митрополитъ пріобщилъ императора по чину священнослужителей, а императрицу по чину мірянъ. Разсказываютъ, впрочемъ—но это недостовѣрно—будто Павелъ Петровичъ, войдя въ алтарь не принялъ даровъ изъ рукъ архіерея, но причастился надъ престоломъ самъ, какъ причащаются архіереи и священники, совершающія литургію. Причащался Павелъ Петровичъ безъ шпаги, хотя во время совершенія коронаціи и имѣлъ ее на себѣ, по тогдашней формѣ, сзади на поясницѣ. При шпагахъ короновались и послѣдующіе императоры, снимая оружіе только тогда, когда приступали къ таинству мvропомазанія.

Коронація Павла Петровича сопровождалась одною замѣчательною особенностью: императорская корона, которую онъ надѣлъ на себя самъ, была поднесена первенствовавшему митрополиту не такъ, какъ она была подносима прежде—всѣми архіереями, но однимъ только свѣтскимъ сановникомъ, графомъ Безбородкою. Послѣ коронаціи, императоръ прочиталъ съ трона составленный имъ законъ о порядкѣ престолонаслѣдія, и по прочтеніи положилъ этотъ актъ въ серебряный ковчегъ, поставленный на престолѣ, въ алтарѣ Успенскаго собора. Замѣтимъ кстати, что при коронаціи Павла Петровича, въ Успенскій соборъ были допущены лица только первыхъ двухъ классовъ; всѣ же остальныя ожидали окончанія церемоніи внѣ храма.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что впослѣдствіи императоръ Павелъ Петровичъ возложилъ на себя въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, еще и другую корону, съ соблюденіемъ церковно-католическихъ обрядовъ, а именно корону великаго магистра державнаго рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, которая была привезена съ острова Мальты въ Гатчину и поднесена ему рыцарями мальтійскаго ордена. Въ царствованіе его, корона эта изображалась и на русскомъ государственномъ гербѣ, но послѣ его кончины, она безъ всякаго церемоніала была вынесена изъ Зимняго дворца гофъ-фурьерами и отправлена въ Москву для храненія въ Оружейной Палатѣ.

По случаю коронаціи императора Павла, въ Москвѣ было устроено небывалое еще зрѣлище: въ день Преполовенія императоръ дѣлалъ войскамъ парадъ. На этомъ парадѣ онъ присутствовалъ въ далматикѣ и коронѣ, а митрополитъ Гавріилъ помѣстился на особо-устроенномъ помостѣ и кропилъ святою водою императора, знамена и войска.

Коронація Павла Петровича, кромѣ разныхъ увеселеній, сопровождалась необыкновенно щедрыми пожалованіями и наградами, при чемъ свыше 100,000 душъ крестьянъ обращены были въ крѣпостное состояніе.

IX.

Послѣ того, что̀ мы сказали о предшествовавшихъ коронаціяхъ, намъ приходится уже весьма немного говорить о послѣдующихъ, такъ какъ церковный обрядъ отправлялся по прежнему чину, а торжественная обстановка соблюдалась согласно прежнимъ церемоніаламъ, съ небольшими лишь измѣненіями при въѣздахъ государей въ столицу. Александръ I короновался 15-го апрѣля 1801 года, а Николай I—22-го августа 1826 года. Въ первомъ случаѣ священнодѣйствовалъ митрополитъ московскій Платонъ, а во второмъ—митрополитъ новгородскій Серафимъ. Оба государя при короновании не надѣвали «далматика», но оставались при совершеніи обряда въ генеральскихъ мундирахъ. Въ такомъ же одѣяніи короновался и императоръ Александръ II.

Что касается послѣдней коронаціи, т. е. коронаціи императора Александра II, Николаевича, то въ общихъ чертахъ она происходила въ слѣдующемъ порядкѣ.

Послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву императора и его супруги было въ этой столицѣ торжественное объявленіе о днѣ коронованія ихъ величествъ. Для этого назначены были подъ командою одного генералъ-адъютанта, въ чинѣ полнаго генерала, два генералъ-адъютанта генералъ-маіорскаго чина, два коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстера, два герольда, четыре придворныхъ церемоніймейстера, два сенатскихъ секретаря, всѣ верхами, и два въ конномъ строю эскадрона, одинъ отъ кавалергардскаго ея величества, другой отъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, съ литаврщиками и полными хорами трубачей. При каждомъ изъ этихъ эскадроновъ было по два трубача (отдѣльно отъ хоровъ) съ трубами, украшенными золотою парчею, съ изображеніемъ государственнаго герба. Всѣ означенныя лица, за исключеніемъ герольдовъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ эскадрона, имѣли по мундиру, черезъ правое плечо, шелковые шарфы трехъ цвѣтовъ имперіи, обшитые по концамъ золотою бахромою. Герольды, оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры были съ жезлами. Герольды въ особой, званію сему для торжествъ присвоенной одеждѣ.

По прочтеніи объявленія, герольды раздавали печатные его экземпляры, а хоры трубачей играли народный гимнъ. Объявленія о коронаціи читались на площадяхъ Москвы три дня сряду.

Убранство Успенскаго собора при коронаціи императора Александра Николаевича отличалось большимъ блескомъ. Оно со-

Шествіе императора Александра II-го въ Успенскій соборъ для коронованія.

Съ современнаго рисунка.

стояло въ слѣдующемъ: въ соборѣ былъ устроенъ балдахинъ малиноваго бархата, съ подборами изъ золотаго глазета, украшенный золотымъ позументомъ, бахромою, шнурами и кистями, сѣнь его была обита золотою парчею, а карнизъ былъ золоченый съ рѣзными украшеніями; по угламъ карниза золоченыя императорскія короны, посреди каждой изъ четырехъ сторонъ карниза золоченые орлы, а на верхнихъ рѣзныхъ украшеніяхъ строусовыя перья по цвѣтамъ имперіи; на срединѣ каждой стороны подзора — золотые щиты съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества, украшенные коронами, на углахъ подзора золоченые орлы, а на его фестонахъ кресты изъ золотаго глазета. На плафонѣ балдахина, въ серединѣ — шитый государственный гербъ, по угламъ вензелевое имя императора, подъ короною, а вокругъ каждаго вензеля цѣпь ордена Андрея Первозваннаго.

Подъ балдахиномъ былъ устроенъ тронъ о 12-ти ступеняхъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ. Ступени трона раздѣлены были двумя уступами или площадками; вокругъ трона и по бокамъ ступеней, до самаго низу, шли золоченыя перила; вверху и внизу ступеней четыре золоченые орла на тумбахъ. На особомъ возвышеніи среди трона, обитомъ также малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, были поставлены: престолъ царя Ивана III для государя и престолъ царя Михаила Ѳедоровича для государыни, а по лѣвую сторону престоловъ столъ для императорскихъ регалій, обитый малиновымъ бархатомъ съ бахромою и позументомъ и покрытый золотою парчею съ такою же бахромою.

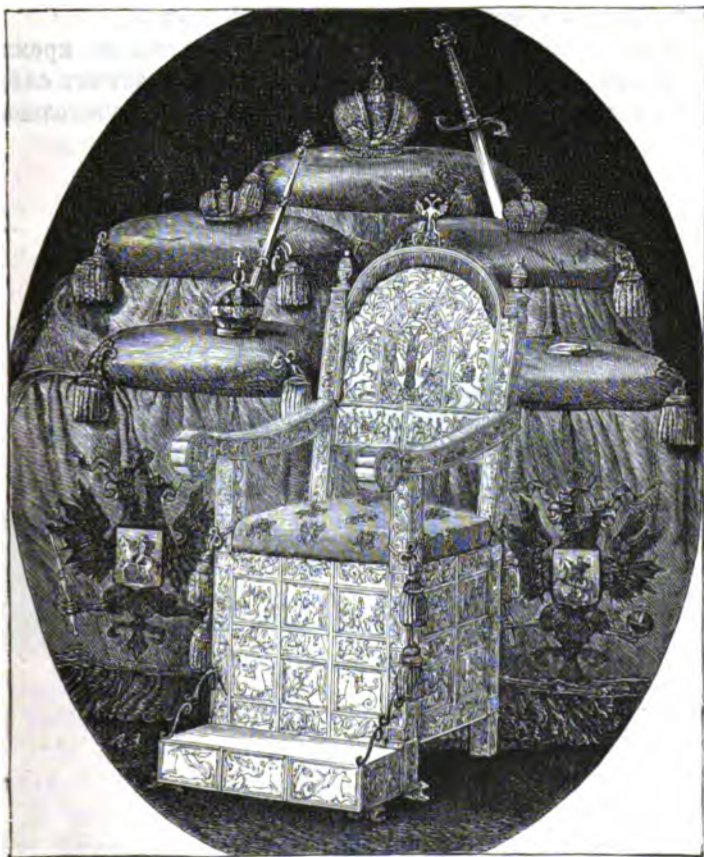
Вправо отъ трона было устроено особое подъ балдахиномъ мѣсто для вдовствующей императрицы, съ престоломъ царя Алексѣя Михайловича, изъ малиноваго бархата, а сѣнь его, надъ которою была утверждена императорская корона, была обита золотою парчею, на углахъ балдахина строусовыя перья по цвѣтамъ имперіи; подзоры были украшены вензелями императрицы подъ короною и цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго. Плафонъ изъ золотой парчи съ вышитымъ малымъ государственнымъ гербомъ.

Обыкновенное императорское мѣсто въ соборѣ было снаружи обито малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ и бахромою, а внутри — золотою парчею съ малымъ императорскимъ гербомъ.

Два столба въ соборѣ, между которыми былъ устроенъ тронъ, были драпированы бархатомъ, съ золотымъ карнизомъ, и бахромою и украшены золочеными чеканными орлами. У двухъ другихъ столбовъ собора было устроено мѣсто для высочайшихъ особъ, съ особеннымъ всходомъ и золочеными перилами, обитое малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, а у столба съ лѣвой стороны были мѣста для почетныхъ особъ, расположенныя нѣсколько ниже описаннаго сейчасъ мѣста; они были обиты алымъ сукномъ съ золотымъ позументомъ и обведены золочеными перилами.

У стѣнъ, внутри собора, были мѣста для иностранныхъ пословъ и посланниковъ, придворныхъ дамъ и прочихъ особъ, обитыя алымъ сукномъ, съ золотымъ позументомъ и багетами.

Мѣста для духовныхъ особъ и пѣвчихъ, ступени передъ алтаремъ и полъ церкви были также обиты алымъ сухномъ.



Императорскія регаліи при коронованіи императора Александра II-го.
Съ современнаго рисунка.

Церковный обрядъ былъ исполненъ по установленному чину.

Вотъ та молитва, которую читалъ колѣнопреклоненный императоръ:

«Господи Боже мой, Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ и премудростію Твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ. Ты избралъ мя еси царя и судію людемъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о мнѣ смотрѣніе и, благодаря, величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Вла-

дыко и Господи мой, настави мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ дѣлѣ сёмъ. Да будетъ со мною пресѣдящая престолу Твоему премудрость, посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ руку Твоею, яже все устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово».

По окончаніи литургіи было обычное шествіе въ кремлевскіе соборы. Потомъ обѣдъ въ Грановитой Палатѣ, и затѣмъ слѣдовали блестящія коронаціонныя празднества и народныя увеселенія.

ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ [1].

(Разсказъ изъ семейной хроники).

XXIX.

Вскорѣ по отъѣздѣ господъ, дворовые и мужики опять выбрались на барскій дворъ и опять принялись за Макарку. Всѣ сразу высказали ему крайнее свое неудовольствіе, всѣ упрекали и ругали его.

— Да какъ же ты посмѣлъ супротивъ міра! — началъ староста.

— Тебѣ, вѣдь, какъ было наказано,—а ты по-своему!..

— Ахъ, ты безтолочь-малый! ахъ, ты своевольникъ!

— Нѣту, не безтолочь, а словно лиходѣй всѣмъ!

— Да мы за тебя во-какъ примемся!..

Такъ кричала и грозила толпа. Но, разумѣется, всего болѣе доставалось отъ Елизарьевны. Лихая умница нетолько ругала малого непрерывно самыми оскорбительными для него выраженіями, но и готова была въ волоса ему вцѣпиться.

А Макарка, все еще находившійся въ мрачномъ настроеніи духа, рѣшился-было отмалчиваться, тѣмъ болѣе, что и староста, послѣ перваго своего попрека, ни слова уже не вымолвилъ и тѣмъ какъ бы поощрялъ малого къ молчанію; но когда Елизарьевна, через-чуръ расходившаяся, крикнула сборищу, что «не стоитъ, молъ, ругать его больше, а вотъ, надо спрыснуть хорошенько роз-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII. Стр. 28—56.

гачами»,—Макарушка не захотѣлъ уже терпѣть и самъ напустился на ругательницу.

— Бѣлены ты объѣлася!—закричалъ онъ въ свою очередь:—ты съ-чего это много про себя вздумала? Съ какой стати пристала ко мнѣ? Да нешто тебѣ я долженъ отвѣчать? И кто это тебя въ барыни-сударыни пожаловалъ!.. А вотъ, погоди маленько; къ-ночи баринъ вернется, съ нимъ пріѣдетъ и Михайло Николаичъ; чай, оба потачки тебѣ не дадутъ!.. Теперича, здѣсь порядки-то иные пойдутъ, смотришь, лафа твоя и совсѣмъ отошла... Ну, и не потаю тоже, чтобы знала ты и вѣдала: про тебя-то я и сказывалъ Михайлѣ Николаичу какъ ты всѣхъ сбивала идти супротивъ барина.

— Ахъ ты!.. ахъ ты!.. начала-было Елизарьевна, но, видимо струсивъ отъ послѣднихъ словъ разобиженнаго ею малаго, не нашлась сказать еще что-нибудь и даже отодвинулась отъ толпы, словно вдругъ захотѣла спрятаться.

Деревенскіе мужики, увидавъ, что староста посмотрѣлъ на Елизарьевну да и покачалъ головою, засмѣялись. На ту пору, рознь мужиковъ съ дворовыми, и безо всякихъ споровъ и вздоровъ, выразилась очень замѣтно. Попрёки Макаркѣ разомъ прекратились, и именно потому, что мужики стали расходиться всѣ уже на деревню; глядя на нихъ, и смущенная Елизарьевна ушла въ хоромы; вслѣдъ за нею, расползлись по людскимъ и дворовые.

Но староста остался.

— Ловокъ-то ловокъ ты, малый, сказалъ онъ Макаркѣ: а я хочу тебѣ поговорить: и́ впрямь, нехорошо ты сдѣлалъ супротивъ всѣхъ, взялъ да и проѣхалъ въ Коломну прямехонько, несказавшись міру, не спросясь у него...

— А какъ же, отвѣчалъ Макарка:—мнѣ, вѣдь, было приказано отъ Михайлы Николаича: въ случаѣ что у насъ выдетъ, тотчасъ же подать ему вѣсть.

— Диковину сказываешь! Вишь, онъ приказалъ... Такъ, напередъ, что-ли, онъ зналъ, что баринъ безпремѣнно начнетъ тутъ куралесить?

— Я и самъ тому дивлюсь. А ужь такъ дѣло было,—повѣрь, дядя Селифонтычъ.

— Ну, можетъ, было, можетъ, сдогадался насчетъ пріѣзду барыни... Только зачѣмъ же ты на насъ-то ему наплелъ? Самъ ты слышалъ, какъ питерскій молодецъ напустился—и пуще всѣхъ на меня. А я въ чомъ-такомъ причиненъ? Баринъ меня же поколотилъ изъ-за соломы; да я супротивъ него а-никакого зла на сердцѣ не имѣю, потому, понимаю: съ-чего онъ такъ-то... Ну, и мужики наши тоже супротивъ не пойдутъ, хоша промежду ними есть и всякіе. Да и должонъ бы ты, малый, попомнить, какъ я тебя, вчерась, передъ міромъ допрашивалъ, кажись, на ту пору, ты смекалъ это самое... Такъ, за что-жь, про что вскинулся онъ на меня?

— Вотъ же, хоть сейчасъ умереть!.. Питерскому сказывалъ я про тебя и про нашихъ деревенскихъ, что всѣ, молъ, ничего, и не думаютъ и не гадаютъ съ жалобой доходить. Правда, насчетъ дворовыхъ я, точно, говорилъ, да и то больше обиняками. Это онъ самъ.. Знамо, человѣкъ горячій, да и питерскаго баловства больно нахватался...

— Нѣту, нето, малый. А вишь, человѣкъ онъ недобрый, ну, и думается ему, что и у другихъ только одно злое на умѣ.

Промолвивъ это, староста задумался.

— Заботы всѣмъ будетъ не мало, продолжалъ онъ невесело, строго озираясь:—Давненько, вотъ, тутъ, и онъ указалъ рукою на старыя барскія хоромы, давненько тутъ нетокма-что радости, инда и спокоя не видятъ, все, нѣтъ-нѣтъ, и растворяй настежь ворота для бѣды... А слышалъ ты... слышалъ ли, что старая барыня прокляла своего сына единаго, прокляла при всемъ мірѣ, при народѣ?..

— Слышалъ... отвѣчалъ Макарка, и, пуще давишняго, залился слезами.

— Охъ, забота чисто-горевая.. Такъ-то!.. началъ опять добрый и разумный мужикъ:—ну, да слушай ты, малый, потому говорю тебѣ, вижу хорошій, вѣрный ты слуга своему барину; слушай же: не пойдемъ мы, деревенскіе, супротивъ барина; намъ виднехонько, что тутъ на него насланье какое-то... можетъ, за его грѣхи тяжкіе, можетъ, за грѣхи его дѣдовъ, прадѣдовъ, вѣдь, старые люди-начетчики сказываютъ, что инда до седьмого колѣна такъ бываетъ, что все бѣда и бѣда... Такъ, значитъ, не пойдемъ мы сами а-ни-за-что, да и иныхъ-прочихъ на пущее зло не пустимъ! Ты и скажи про то Михайлѣ Николаичу да и барину, когда онъ совсѣмъ въ память войдетъ; скажи, чтобы твердо-на-твердо знали. А пожалуй, скажи и про то, что такъ мы будемъ, вовсе не изъ-за того, что убоялись...

— Создай тебѣ Господи, тебѣ и всѣмъ нашимъ мужичкамъ! радостно сказалъ Макарушка, но тутъ же, въ раздумьѣ, прибавилъ: А если барыня въ жалобу пустится, того-гляди, собьютъ ее, да если станутъ изъ-за того слѣдствіе наводить?.. Тутъ-то какъ?..

Задумался опять и староста.

— Насчетъ насъ-то, совсѣмъ-таки безъ сумлѣнія, началъ онъ, послѣ раздумья; но хотя говорилъ успокоительныя слова, а лицо его было пасмурно и на немъ отражалась сильная тревога: мы, деревенскіе, еще въ прошлую ночь промежъ себя обо всемъ обстоятельно переговорили, да вотъ и недавнышко, какъ Михайло Николаичъ, съ лекаремъ этимъ, ушелъ въ хоромы, тоже разумомъ пораскинули, ну, и порѣшили на-крѣпко, что, во всякомъ разѣ, станемъ стоять за барина. Оно точно, что и говорить, старую барыню жаль, а ея руку мы никакъ не потянемъ: больно ужь она растревожилась, больно неладно повѣрила, что сынъ родной хотѣлъ

сжечь ее вмѣстѣ съ хоромами!.. Ну, и статочное ли дѣло!.. А мало-ль она на своемъ вѣку всего видѣла, и не молоденькая тоже, а не разсудила же, и передъ церковью, у могилокъ родительскихъ, при чужомъ народѣ, взяла да и стала сына клясть!.. Нешто такъ можно?.. Это ужь, какъ-есть, послѣднее дѣло, на-чистоту бабья блажь!.. Нѣтъ! мы будемъ за барина! Мы разсудили, что хоша онъ и хотѣлъ въ горячности, да-чего: просто, во безуміи, хоша и хотѣлъ сжечь хоромы, а на мысли у него вовсе и не было, на ту пору, о барынѣ... И насчетъ хоромъ теперича мы обнадежены: горячка-то, должно-быть, прошла, а тутъ и питерскій молодецъ не допуститъ... Все бы это ладно, а есть-таки и еще одна статья, и тутъ ужь Богъ-вѣсть какъ дѣло выдетъ...

— Да что-жь такъ? спросилъ Макарушка.

— А то, малый, отвѣчалъ староста, а то, что баринъ, по домекамъ моимъ, поѣхалъ къ Маринкѣ. И ужь какъ не удержалъ его питерскій, инда и не разберу.

— Что тутъ разбирать! Питерскій-то и наговорилъ, чтобъ ѣхать къ ней... и Макарушка подробно разсказалъ, какъ Михайло Николаичь «заставилъ» брата ѣхать къ Маринкѣ, и именно для того, чтобы Іоасафъ Николаевичъ не вспомнилъ о томъ, что было вчера въ Михѣевѣ и въ Макшеевѣ.

— Такъ вотъ оно что! вскричалъ староста, ну, ужь тутъ дѣло совсѣмъ плоховато, и безъ большой бѣды наврядъ обойдется. Только вотъ, малый, и опять смекается мнѣ, что ты тоже въ этомъ разѣ проштрафился, какъ же ты мнѣ не сказалъ, вчерась, гдѣ осталася Маринка? а это нужно бы знать.

— Никакъ нельзя было говорить при всѣхъ. Теперича же, скажу тебѣ безо всякой опаски, отвезъ я Маринку по ея приказу въ лѣсъ къ угольщикамъ, этакъ версты три-четыре въ сторону отъ Волчьихъ Воротъ.

— На правой рукѣ будетъ отсель?

— Да, на правой.

— Такъ и есть! Двѣ избушки стоятъ на полянкѣ, угольщики живутъ, Степовичка колдунья тамъ же, мѣсто во всемъ околоткѣ извѣстное, прямо сказать, притонъ разбойничій. Мы, вѣдь, и то знаемъ, что у Маринки есть братъ родной, Шохинымъ прозывается, солдатъ онъ бѣглый. Еще куда бы ни шло, колибъ онъ бѣгалъ, укрывался, да приворовывалъ что подъ руку попадетъ, а то, сказываютъ грабежемъ и разбоемъ съ товарищами занимается. Слышно тоже, былъ у нихъ пристанодержатель, мельникъ коломенскій какой-то, да засадили его въ острогъ, ну, а теперича пошелъ слухъ, что Шохинъ, да двое его товарищей, въ нашъ уѣздъ перебралися и чуть-ли не у тѣхъ угольщиковъ притонъ имѣютъ. А Есафъ-то Николаичь туда вонъ и поѣхалъ! Да это малый, какъ есть бѣда!

— Павелъ Селифонтьичъ, родимый! я ужъ все тебѣ скажу. Какъ мы ѣхали сюда изъ Коломны, Михайло Николаичъ съ чего-то выдумалъ заѣхать къ угольщикамъ, навѣдаться что-ли хотѣлъ о Маринкѣ, а какъ догналъ насъ, сказывалъ, что у Степовички, гдѣ лежитъ больная Маринка, какой-то мужчина, надо быть самъ Шохинъ, напалъ было на него, да онъ припугнулъ его пистолетомъ. Питерскій нашъ молодецъ строго-на-строго велѣлъ, чтобы тотъ разбойникъ тамъ не проживалъ и глазъ не показывалъ, да и Степовичкѣ о томъ же наказалъ.

— Поди-кась, послушаются они его. Хорошо еще, что баринъ туда съ питерскимъ поѣхалъ. А ты что-ль сказалъ барину, что Маринка пріютилась у Степовички? Я все еще въ толкъ не возьму.

— Ну, какъ таки! Ни за что ему не сказалъ бы, а это питерскій. «Маринка, молъ, твоя больна при смерти, увидитъ, молъ, тебя возрадуется». И для того, вишь, сказано, чтобъ память у барина поотшибло! О томъ-то и съ лекаремъ всю дорогу сговаривались.

— Ужъ и придумано! Чѣмъ бы помолиться—воздохнуть, да и къ матери ѣхать съ повинной головою, чтобы клятву поскорѣе сняла, а отецъ бы Осипъ могъ бы отчитать, сказываютъ, такія молитвы есть, чѣмъ бы такъ-то, а его сердечнаго къ любовницѣ, къ распутной бабёнкѣ повезли! Самъ то онъ не въ умѣ теперича, да какъ-же тотъ братецъ питерскій?.. Охъ, грѣхи тяжкіе! Вотъ и жди тутъ добра!

— Что-жь дѣлать теперича? говорилъ со слезами Макарушка: Научи родимый! Ужь не поѣхать ли намъ туда на выручку?

— Нѣтъ, не надо, твердо отвѣчалъ староста, знамо никакой выручки тутъ не требуется и бояться за барина покудова на сей-то разъ нечего: питерскій молодецъ не выдастъ брата, какъ и самъ не дастся въ руки. А вотъ, какъ вернутся домой, надо будетъ переговорить съ питерскимъ. Переговорить-то переговоримъ, а все-же... Охъ, заботы будетъ не мало! Ну, да загадывать насчетъ того, что впереди, неслѣдъ. Смотри-же, малый, не моги и словечка сболтнуть инымъ прочимъ про что говорено теперича; до поры до времени, надо, чтобы никто окромя насъ не зналъ, гдѣ пріютилась Маринка. Вишь ты оказія! вчерась-то приставалъ я къ тебѣ все на счетъ Маринки, вотъ ужъ, какъ на грѣхъ, чуть было не промахнулся.

На томъ совѣщаніе кончилось. Староста отправился на деревню, а Макарушка разсчитывая, что напуганная имъ Елизарьевна уже не станетъ къ нему привязываться, пошелъ въ хоромы пріискать себѣ мѣстечко, гдѣ бы соснуть хорошенько, до возвращенія господъ.

Но, не смотря на сильнѣйшее утомленіе отъ всѣхъ вчерашнихъ тревогъ и отъ безсонной прошлой ночи, Макарушка не скоро успокоился, мѣшала ему все-таки Елизарьевна, не попречными рѣчами,

а возней, которую вмѣстѣ съ женой младшаго Леонтьича, да съ одной изъ горничныхъ, подняла она на барышниной половинѣ дома, вытаскивая оттуда въ дѣвичью и въ задніе сѣни какіе-то сундуки, сундучки и укладки. «Лихая баба все на своемъ стоитъ, хочетъ показать, что боится какъ-бы опять баринъ не вздумалъ спалить хоромы», не совсѣмъ-то основательно подумалъ малый и нѣсколько разъ подмывало его покинуть найденный имъ уголокъ для спанья и подразнить чѣмъ-нибудь Елизарьевну, но онъ не смогъ приподняться, сонъ одолѣлъ его окончательно.

Спалъ онъ, какъ оказалось послѣ, очень долго, почти до полуночи, когда возвратился Михайло Николаевичъ Г-въ, онъ-то и разбудилъ его.

— Ну, Макарка! сказалъ онъ, когда малый приподнялся и очувствовался отъ глубокаго сна, спишь ты, шельмецъ, хуже всякаго медвѣдя съ первозимья, насилу я тебя добудился. Ступай въ людскую, на кухню же и не толкайся, тамъ при порядкахъ у васъ ничего не добудешь, такъ изъ людской принеси ты мнѣ хорошій ломоть чернаго хлѣба, да и соли захвати. А Елизарьевнѣ прикажи, у ней надо быть ключи отъ кладовой, чтобы прислала графинъ наливки, какая подольше стоитъ.

Макарушка пошелъ-было, но вдругъ вспомнилъ про своего барина и тотчасъ вернулся.

— А Есафъ Николаичъ, нешто ужъ почивать легли? спросилъ онъ.

— Есафъ Николаичъ не вернулся, отвѣчалъ Г-въ сквозь зубы неохотно, какъ бы сердясь.

— А гдѣ-жь онъ? Ну, да какъ-же это?

— А вотъ какъ болванъ михѣевскій!—вскричалъ Михайло Николаичъ и вытолкалъ его изъ комнаты.

Макарка побѣжалъ въ людскую. Онъ торопился исполнить данныя приказанія, какъ можно скорѣе; ему страхъ какъ хотѣлось узнать, гдѣ остался баринъ? почему онъ не пріѣхалъ домой? Не случилось ли чего съ нимъ? Онъ смутно боялся раздумывать о томъ, что̀ могло бы случиться съ бариномъ, и ожиданіе новой какой-то бѣды опять стало томить его.

Хлѣба и соли онъ добылъ легко, а насчетъ наливки вышла «оказія».

Елизарьевны не оказалось во дворѣ. Пока Макарушка спалъ въ хоромахъ, Елизарьевна наскоро уложивъ на телѣгу кое-какіе пожитки барынины и всѣ свои, въ сопровожденіи повара и выѣзднаго лакея Надежды Ивановны, уѣхала въ село Макшеево. Вскорѣ послѣ того, отправились туда же пѣшкомъ и налегкѣ двѣ сѣнныя дѣвушки и та дѣвченка, которая помогала Маринѣ Прокофьевнѣ разматывать нитки. Наконецъ, жены обоихъ Леонтьичей перетащили всѣхъ своихъ ребятишекъ, а также и пожитки на деревню

къ сродственникамъ, а сами тоже ушли въ Макшеево. Затѣмъ, въ цѣлой дворнѣ остались только двѣ старухи, бездѣтныя женщины, да бывшій пчелинецъ Мокѣичъ, уже ни къ какой работѣ негодный старикъ. Впрочемъ, въ господскомъ дворѣ было все-таки довольно людно, кромѣ двухъ человѣкъ изъ деревенскихъ, что караулили у воротъ (они-то и приняли лошадь отъ Михайлы Николаича), староста и четверо мужиковъ лежали по лавкамъ въ людской, гдѣ Макарушка раздобылся хлѣбомъ и солью.

Угрюмо и даже съ большимъ озлобленіемъ передалъ Макаркѣ староста про всѣ эти переселенія дворовыхъ въ село Макшеево.

— На грѣхъ меня тутъ не было, отлучился къ себѣ на гумно, сказалъ онъ, а они и распорядилися. Знамо, не позволилъ бы я Елизарьихѣ такъ самовольничать и другихъ-то къ самовольничанью подбивать. Попалась мнѣ на глаза ихъ телѣга, какъ ужъ рѣчку они переѣхали, я и кричалъ имъ во весь голосъ, индо крѣпко ругался, да не послушались озорники, по лошади ударили, ну, я еще въ слѣдъ имъ крикнулъ, что коли баринъ только словечко скажетъ, такъ мы деревенскіе выемкою возьмемъ ихъ изъ села и волокомъ притащимъ домой. Что имъ потакать-то, на мысли у нихъ нехорошее дѣло. А вотъ, малый, оказія, питерскій молодецъ вернулся одинъ, гдѣ-жь баринъ остался?

— Ужъ и подлинно оказія! отвѣчалъ Макарушка, сейчасъ спрашивалъ я у питерскаго про барина, а онъ понахмурившись пробурчалъ, что, молъ, не вернулся, да и только. Охъ, боюсь, не случилось ли чего! Побѣгу теперича, стану приставать безотвязно, авось скажетъ. Да я добьюся!

Но бѣдный малый добился на ту пору не многаго. Сначала Михайло Никалаичъ сильно разсердившійся при извѣстіи объ отъѣздѣ Елизарьевны и о переселеніи въ Макшеево чуть не всей дворни, не хотѣлъ было и словечка промолвить въ отвѣтъ на жаркіе и непрерывные разспросы Макарушки объ Іоасафѣ Николаевичѣ; но, наконецъ, онъ таки смилостивился.

— Есафъ Николаичъ остался тамъ, у старой колдуньи съ Маринкою, сказалъ онъ коротко и опять съ видимымъ раздраженіемъ.

— Да вѣдь тамъ притонъ разбойниковъ! вскричалъ Макарушка, про то вся наша округа знаетъ. Бѣглый тамъ! И сами угольщики, и старая та колдовка.

— Ну, и что-жь такое! Бѣглые, это ничего. А старуха пускай колдуетъ.

— Они ограбятъ барина! убьютъ! Ахъ, я сейчасъ къ старостѣ. Вотъ, мы со старостой...

И Макарушка заметался въ чрезвычайномъ волненіи, то подбѣгалъ онъ къ двери звать что-ли старосту, то опять быстро возвращался къ Михайлѣ Николаичу, должно быть для новыхъ раз-

спросовъ о баринѣ, но языкъ ему какъ-то не повиновался. Жалокъ былъ тогда этотъ вѣрный слуга Іоасафа Николаевича.

Г-въ смотрѣлъ на него нѣсколько времени молча и даже съ усмѣшкою; потомъ, вдругъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Перестань ты мыкаться! сказалъ онъ строго, но безъ всякой грозы, простофиля ты, ужъ это какъ есть, безъ сумлѣнія. И поколотить бы тебя хотѣлось, и иное приходитъ на сердце. Ну, а все-же простофиля! Какъ же ты могъ подумать, что я покину тамъ Есафа Николаевича на пагубу или на какую-нибудь опасность? Не людоѣды же тѣ угольщики, а старуха Степовичка не Яга-Баба, не сунетъ она твоего барина въ печь на лопатѣ, чтобы изжарить. Есафъ Николаичъ тамъ цѣлехонекъ, такимъ и останется. Пришло тебѣ дураку въ голову, что его ограбятъ, а чтò у него грабить? орѣховой скорлупы и той въ карманѣ нѣту. Одно слово, не бойся за барина! Ложись спать сейчасъ же, а завтра на утѣшеніе твое, свезу тебя въ ту трущобу, самъ увидишь, что барину твоему вовсе не худо, а на теперешнее время даже гораздо лучше, чѣмъ въ здѣшней трущобѣ.

Макарушка, выслушавъ все это, пересталъ мыкаться и даже совсѣмъ угомонился: по природѣ своей онъ былъ весьма воспріимчивъ ко всякимъ впечатлѣніямъ, особенно же, если являлись ѳни передъ нимъ въ формѣ приказанія со стороны лица, имѣвшаго право ему приказывать—не даромъ же родился и воспитался онъ крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ. Впрочемъ, всего болѣе успокоило его обѣщаніе Михайлы Николаича: завтра же свезти его къ барину.

XXX.

Сельцо Михѣево расположено въ пограничныхъ мѣстахъ Егорьевскаго, Зарайскаго и Коломенскаго уѣздовъ, а въ описываемое мною время, когда Маливское имѣніе князя ......скаго поступило уже въ казенное вѣдомство, это имѣніе П—выхъ было крайнимъ помѣщичьимъ пунктомъ въ здѣшнемъ углу Егорьевскаго уѣзда, углу всего болѣе обильномъ помѣщиками. Отъ сельца Михѣева, въ глубь нашего уѣзда, верстъ на восемь, на пятнадцать даже, шли, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, дворянскія усадьбы, и все, чтò называется, средней руки. Тутъ постоянно проживали помѣщики не очень-то значительные по состоянію (одинъ только тогдашній егорьевскій предводитель дворянства, Андрей Ивановичъ Повалишинъ, могъ считаться богатымъ, да и то, говоря относительно). Кстати еще замѣчу, что изъ этихъ помѣщиковъ, сосѣдей Надежды Ивановны и Іоасафа Николаевича П—выхъ, половина происходила отъ старыхъ русскихъ родовъ, а другая половина были неродовитые, впрочемъ, уже довольно окрѣпшіе въ дворянствѣ.

Въ пору моего дѣтства, я еще засталъ всѣ эти дворянскія усадьбы въ нашемъ сосѣдствѣ, и хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ стояли, во главѣ семей, уже новыя лица, тѣмъ не менѣе, общій характеръ нашихъ помѣщичьихъ семействъ и тогда былъ таковъ, какъ при дядѣ моемъ Іоасафѣ Николаевичѣ (печальная судьба котораго, кстати же опять замѣчу, совершилась передъ нашимъ переселеніемъ на житье въ сельцо Михѣево только за шесть лѣтъ).

Родовитые и неродовитые сосѣди наши сохраняли во всей силѣ своей цѣльныя, коренныя черты стариннаго русскаго быта. Помню твердо, съ живымъ и доселѣ съ пріятнымъ въ высшей степени чувствомъ, патріархальный образъ жизни этихъ простыхъ, почти сплошь все добрыхъ людей; образъ жизни широко-удобный, добродушно-веселый, гостепріимный, преисполненный, притомъ, искренней, теплой набожностью, искреннею же любовью къ старооте-ческимъ завѣтамъ и истинно-доброй сочувственностью къ бѣднякамъ, потерпѣвшимъ на жизненномъ поприщѣ. Помню чрезвычайную почтительность и полнѣйшее повиновеніе младшихъ членовъ семей къ родителямъ и къ старшимъ родственникамъ; и эти качества существовали не по причинѣ раболѣпія, укоренившагося отъ домашняго деспотизма, ибо здѣсь не было, вообще, деспотизма даже въ сферѣ крѣпостныхъ отношеній, а на основаніи старыхъ, такъ сказать, религіозныхъ преданій еще нераспавшагося рода и неискаженной семьи. Помню, что въ нашемъ помѣщичьемъ сосѣдствѣ одно общественное явленіе очень рано заинтересовало меня: большинство здѣшнихъ дворянскихъ семей, и именно тѣхъ, которыя принадлежали къ стариннымъ русскимъ родамъ, не дѣлилось родовымъ недвижимымъ имѣніемъ... Помню, наконецъ, особенную солидарность всей этой помѣщичьей среды, ту прекрасную солидарность, при которой истинное горе и истинная радость въ каждой семьѣ были далеко нечужды, по искреннему сочувствію, и для всѣхъ прочихъ сосѣднихъ семей. Черты быта (вѣроятно, согласятся въ томъ со мной)—истинно-почтенныя.

Между людьми можно найти всего, всего — конечно, были и темныя стороры въ тогдашнемъ бытѣ нашихъ сосѣдей-помѣщиковъ: такъ, напримѣръ, почти всѣ наши помѣщики и помѣщицы были очень недостаточно образованы, даже для тогдашняго времени; нѣкоторые изъ ихъ предразсудковъ были странны и дики; нѣкоторыя забавы — слишкомъ грубы; но, вообще, ихъ нравы уже отличались замѣтной мягкостью, что̀, по всей вѣроятности, зависѣло какъ отъ близости мѣстопребыванія здѣшнихъ дворянъ къ Москвѣ и къ другимъ городамъ со смягченными уже тогда въ нихъ условіями общественной жизни, такъ и потому еще, что въ нашей сторонѣ не было барщинныхъ имѣній. Все доброе, простое, здоровое и даже чистое, что̀ я отмѣтилъ въ сосѣдской нашей старинѣ, съ дѣтства мнѣ извѣстной, существовало дѣйствительно,—и повѣ-

рять ли, не повѣрять ли мнѣ, я говорю объ этомъ, по твердымъ моимъ воспоминаніямъ, какъ о самой сущей правдѣ.

Впрочемъ, мнѣ довелось здѣсь упомянуть въ общихъ чертахъ про прежній бытъ помѣщиковъ нашего сосѣдства — недаромъ: характерныя черты его,- тѣ именно, которыя я поминаю добромъ, имѣли, однако, тяжкое, пагубное вліяніе на судьбу моего дяди.

Вѣсти о происшествіяхъ въ Михѣевѣ и Макшеевѣ, вѣсти поразительныя, ужасающія (особенно объ этомъ проклятіи матери, произнесенномъ надъ единственнымъ сыномъ, у храма Божьяго, при чужомъ народѣ) съ необыкновенной быстротою разнеслись во всемъ околоткѣ. Макшеевскій «набатный бой», заслышанный въ сосѣднихъ съ Макшеевымъ сельцахъ: Аѳанасьевѣ и Нестеровѣ и привлекшій оттуда множество народу, который поспѣлъ въ село хоть и послѣ отъѣзда Іоасафа Николаевича, но тотчасъ же узналъ отъ макшеевцевъ о дѣйствительной причинѣ набата, чрезвычайно поспособствовалъ такому распространенію поразительныхъ вѣстей.

Конечно, впечатлѣніе повсюду было громадно.—Но, на первыхъ же порахъ, оказалось, что помѣщики съ одной стороны, а крестьяне съ другой, смотрятъ на дѣло очень различно. И хотя, до нѣкоторой степени, обусловливалось это и отношеніями обѣихъ сторонъ къ главнымъ участникамъ, то-есть, къ матери и сыну, — тѣмъ не менѣе, разница та, по самой сущности ея, была настолько замѣчательна, что о ней слѣдуетъ сказать довольно подробно.

Помѣщики, всѣ безъ исключенія, были «возмущены» въ высшей степени поступкомъ Іоасафа Николаевича П—ва. Негодованіе ихъ противъ него слишкомъ скоро превозмогло даже тотъ ужасъ, который поразилъ ихъ сначала. Безпощадная оцѣнка поступка началась уже подъ вліяніемъ этого только негодованія. Но, на бѣду, скоро примѣшался тутъ и духъ корпораціи. Сосѣди-помѣщики находили, что Іоасафъ П—въ «опозорилъ дворянство всей нашей округи». По общему взгляду ихъ, никакихъ оправданій для него рѣшительно не было и не могло быть. Возмутительную, позорную «исторію» такъ истолковывали: молодой человѣкъ, весьма дурно учившійся въ кадетскомъ корпусѣ, а потому и выпущенный оттуда съ низшимъ гражданскимъ чиномъ, развратился еще въ Петербургѣ и домой вернулся развращеннымъ; дома онъ былъ непочтителенъ къ матери, ибо не слушался ее ни въ чемъ, не помогалъ ей вовсе въ хозяйствѣ; въ отношеніи всѣхъ сосѣдей, ни съ того, ни съ сего, держалъ себя дико, грубо и обидно, всячески избѣгая добраго съ ними знакомства; и, наконецъ, велъ себя, вообще, развратно и непристойно, потому что кутилъ въ Коломнѣ съ первымъ встрѣчнымъ, а главное—связался съ непотребной бабенкой-солдаткой, у которой и мужъ, и братъ въ бѣгахъ (обо всемъ этомъ по сосѣднимъ дворянскимъ усадьбамъ давно было извѣстно по наслуху): ну и вотъ дошелъ онъ до крайняго разврата, до

крайняго злодѣйства — посягнулъ на жизнь матери, посягнулъ сознательно, ради отмщенія за свою гнусную любовницу (о позорномъ изгнаніи которой изъ Михѣева теперь тоже всѣ знали)... Соображенія сосѣдей-помѣщиковъ дальше этого отнюдь не пошли. Каждый помѣщикъ, и самъ по себѣ, былъ какъ будто оскорбленъ этой «михѣевской исторіей», и каждый рѣшительно склонялся къ той мысли, что подобные поступки не могутъ быть терпимы въ ихъ сосѣдствѣ, гдѣ все было такъ мирно, ладно и пристойно, что подобные поступки, нарушающіе миръ въ цѣлой дворянской «округѣ», непремѣнно должны быть наказаны самымъ строгимъ образомъ, что, наконецъ, преслѣдованіе за нихъ должно послѣдовать даже не по почину оскорбленной матери, а по почину самого дворянства, черезъ его представителя, Андрея Ивановича Повалишина. Затѣмъ, уже ничего больше не принималось въ разсчетъ. Какъ-то странно была позабыта тогда всѣми роковая болѣзнь Николая Михайловича П—ва и весьма возможная связь съ нею тѣхъ поступковъ его сына, въ которыхъ умственное разстройство выражалось въ чрезвычайно рѣзкихъ чертахъ.

Чтожъ! и нынѣ, чуть ли не обо всемъ, выходящемъ изъ предѣловъ обыкновенной жизни, судятъ и рядятъ лишь подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства. Часто и много говорятъ теперь у насъ про общественное мнѣніе; но оно должно быть основано на внушеніяхъ, соображеніяхъ и выводахъ разума, постепенно и твердо воспитавшагося на многостороннемъ знаніи, которое сдѣлалось, наконецъ, и общественнымъ достояніемъ... Я не обвиню нашихъ сосѣдей-помѣщиковъ, хотя безпощадное предубѣжденіе ихъ противъ несчастнаго моего дяди повело къ ужаснымъ для него послѣдствіямъ: они были люди своего времени, своей среды; ихъ покой былъ нарушенъ; ихъ честь сословная была оскорблена; до нѣкоторой степени и нравственное ихъ чувство было возмущено... Впрочемъ, могъ бы тутъ явиться и другой руководитель для ихъ дѣйствій, но что же дѣлать, когда онъ не явился?..

Простые люди, именно крестьяне (но не дворовые разныхъ помѣщичьихъ усадьбъ), отнеслись къ михѣевской «оказіи» совсѣмъ иначе, хотя и весьма неравнодушно (ибо всѣхъ ужаснуло проклятіе матери, послѣдовавшее при такой выразительной обстановкѣ), но зато и гораздо осторожнѣе, и гораздо милосерднѣе. Они много жалѣли добрую михѣевскую барыню, извѣстную во всемъ околоткѣ потому, особенно, что она всегда принимала всякихъ больныхъ и помогала имъ постоянно имѣвшимися въ ея домашней аптечкѣ медицинскими средствами, причемъ, не брезгала обмывать и перевязывать собственными руками самыя запущенныя, гнойныя язвы; но они не торопились, даже и на первыхъ порахъ, осуждать проклятаго сына. Разсказывали мнѣ Михѣевцы, что, въ первое время послѣ происшествія, крестьяне изъ окольныхъ селе-

ній, сообщавшихся съ Коломною и селомъ Дѣдновымъ чрезъ нашу деревню, заѣзжали, въ базарные дни, къ знакомымъ и незнакомымъ для нихъ нашимъ крестьянамъ и много ихъ разспрашивали:

«Что это, молъ, такое подѣялось у васъ на барскомъ-то дворѣ?.. Изъ-за чего, молъ, такой грѣхъ вышелъ?.. И ужли молодой баринъ хотѣлъ мать родную спалить въ своихъ хоромахъ?..»

На это Михѣевцы, по наученію умнаго своего старосты, такъ отвѣчали:

«Потаить, молъ, нельзя: поприключилось, чтоли съ бариномъ,— можетъ и оттого, вотъ какъ бывало съ покойникомъ, старымъ бариномъ,—ну, и хотѣлъ, словно, подпалить хоромы... А онъ, допрежь того все раздумывалъ ставить хоромы новыя, знать, и померещилось ему, что эдакимъ-то больно простымъ манеромъ скорѣй можно будетъ очистить мѣсто для постройки».

«Статочное ли дѣло! нешто можно?.. Ужь не ради ли смѣху такъ-то сказываете?»—возражали спрашивающіе.

«Какой тутъ смѣхъ!.. А нешто — не бываетъ? Всяко бываетъ! Мало-ль чего ни втемяшится въ голову грѣшнымъ дѣломъ... бываетъ и горами качаетъ, а нето что человѣкомъ...» — опять отвѣчали Михѣевцы, покрывая передъ чужими людьми дѣло, которое самимъ имъ казалось очень-очень мудренымъ, чтобы разобрать-то его, какъ есть, на чистоту.

«Да вѣдь, сказываютъ: изъ-за бабенки какой-то вышло?»

«Эка, сказываютъ! Наболтать про все можно съ три короба, а пожалуй, и побольше того. Одно только ужь совсѣмъ вѣрно: баринъ нашъ молодой, — грѣхъ супротивъ него молвить, — добрый-распредобрый, николи и никого изъ насъ не обижалъ, да и родительницу свою, кажись, почиталъ завсегда. Про все это мы сами такъ разумѣемъ, а инымъ прочимъ до сего самого и дѣла-то нѣтъ...»

На томъ, обыкновенно, разговоры эти и кончались.

Объясненія Михѣевцевъ, по всей вѣроятности, хорошо дѣйствовали: недаромъ, у окольнаго народа установилась «осторожная» точка зрѣнія на михѣевскую «оказію»; въ концѣ-концовъ, сторонніе простые люди практически порѣшили: «не нашъ, молъ, возъ, не намъ его и везти». Но, кромѣ такого практическаго вывода, существовало въ этой же средѣ довольно твердое убѣжденіе, что михѣевскій молодой баринъ — человѣкъ больной, что начудесилъ онъ, должно быть «съ порчи», что мать его (знамо: женщина), не разобравши дѣла толкомъ, прокляла своего сына...

Какъ мнѣ кажется, въ этомъ взглядѣ простыхъ людей общественная совѣсть выразилась гораздо цѣльнѣе, а стало быть и правдивѣе, чѣмъ у тогдашней мѣстной интеллигенціи. Впрочемъ, у интеллигенціи, въ основаніи мнѣнія ея о михѣевской исторіи легло особое—сословное чувство.

XXXI.

Интеллигентные люди, тотчасъ же, начали дѣйствовать противъ своего брата—дворянина, совершившаго, по убѣжденію всѣхъ ихъ, преступное дѣло, «поносное для всего мѣстнаго дворянства». Но я долженъ сказать, что къ этому побуждало ихъ и положеніе Надежды Ивановны, по истинѣ, страдальческое; какъ «добрые сосѣди», они были сильно озабочены этимъ положеніемъ.

Надежда Ивановна была тяжко больна, и, конечно, по причинѣ душевнаго ея состоянія на ту пору. Къ несчастью, всѣ послѣднія событія: окончательно буйная непокорность сына, съ столь явнымъ намѣреніемъ оскорбить мать поселившаго въ домѣ, во время ея богомолья, свою гнусную любовницу, — этотъ ужасный поводъ, по которому она, мать, столь любившая сына, должна была навсегда покинуть свой домъ, — это проклятіе надъ сыномъ, невольно вырвавшееся у нея, — не поразило ея совершенно, не уничтожило въ ней сознанія; напротивъ того, она, съ страшной силой памяти, все, все помнила и безпрестанно о томъ вспоминала. Даже мельчайшія подробности послѣднихъ событій представлялись ей въ ужасающемъ видѣ,—и отъ всего этого она металась и мѣста себѣ нигдѣ не находила. И это въ буквальномъ смыслѣ. Несмотря на то, что болѣзнь почти приковывала ее къ постели, она не могла оставаться дольше одного, много двухъ дней, у ближайшихъ сосѣдей, которые наперерывъ старались пріютить, успокоить ее у себя,—и все требовала, чтобы перевезли ее въ село Макшеево, въ домъ отца Осипа, непросторный и неудобный для ея помѣщенія. Мысль горемычной старушки постоянно вилась вокругъ роднаго гнѣзда и надъ головою проклятаго сына. И эти требованія ея сопровождались такими порывами чрезвычайной тоски, что сосѣди по-неволѣ должны были исполнять ихъ немедленно.

Конечно, къ страданіямъ злополучной, этой матери сосѣди ея, люди дѣйствительно добрые, относились весьма неравнодушно. Но, жалѣя ее ото всей души, они въ той же мѣрѣ возненавидѣли ея сына, столь виновнаго въ этихъ страданіяхъ, — и тѣмъ болѣе возненавидѣли, что поведеніе его послѣ событій въ Михѣевѣ и Макшеевѣ доказывало «совершенную закоренѣлость въ злодѣйствѣ». Въ глазахъ сосѣдей, молодой П—въ былъ даже чудовищный злодѣй. Вотъ, мать его прокляла (такое проклятіе внушало тогда къ проклятому ужасъ и отвращеніе), вотъ, она, съ младшей дочерью, навсегда покинула свой домъ,—а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, не пытается испросить прощенія у матери, которая, можетъ быть, и сняла бы съ него клятву, не хочетъ тоже освѣдомиться на счетъ ея положенія, не изволитъ полюбопытствовать: гдѣ она находится, у какихъ чужихъ людей нашла себѣ она пріютъ, что̀ съ нею теперь происходитъ? И мало того: по свѣдѣніямъ, полученнымъ со-

сѣдями отъ дворовыхъ своихъ людей, которые нарочно и очень часто посылались въ Михѣево, оказывалось, что Іоасафъ Николаевичъ неизвѣстно куда скрылся, а въ имѣніи полновластно распоряжается незаконнорожденный Мишка Г—въ, который, какъ уже давно предполагалось, сбилъ съ пути молодого П—ва еще въ Петербургѣ. Это отсутствіе, на ту пору, Іоасафа Николаевича чрезвычайно интересовало помѣщиковъ; они всячески старались разузнать: куда онъ дѣвался, чтò побудило его уѣхать изъ дому и чтò теперь онъ дѣлаетъ. Но тайна отсутствія Іоасафа Николаевича, извѣстная въ Михѣевѣ, кромѣ Г—ва, только Макаркѣ да старостѣ, сохранялась ненарушимо—и предположеніямъ на счетъ ея, конечно, все не въ пользу дяди, не было конца.

А тутъ и Елизарьевна подлила много масла въ огонь преувеличенными разсказами обо всемъ происшедшемъ въ Михѣевѣ за послѣдніе дни. Сосѣди, за недостаткомъ свѣдѣній объ Іоасафѣ Николаевичѣ, съ особеннымъ вниманіемъ прислушивались къ разсказамъ о Макаркѣ и о неожиданномъ появленіи въ Михѣевѣ Г—ва. За Макаркою посылали, чтобы немедленно онъ явился въ сельцо Аѳанасьево (гдѣ тогда находилась Надежда Ивановна), но Г — въ на-отрѣзъ отвѣчалъ посланному, что Макарку онъ не пуститъ, что Макаркѣ дома есть дѣло, что, наконецъ, у этого малаго есть свой баринъ и только его онъ долженъ слушаться.

Сосѣди были, по истинѣ, безпощадны, къ обоимъ П—вымъ, къ сыну и къ матери. Конечно, причины для такой безпощадности были совершенно различныя, но одинаково гибельны вышли послѣдствія.

О Надеждѣ Ивановнѣ заботились съ величайшимъ усердіемъ, утѣшали ее постоянно; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, никто изъ этихъ добрыхъ сосѣдей не воздержался передъ нею въ ожесточенномъ осужденіи ея сына. О немъ говорили безпрерывно, и не иначе, какъ о закоренѣломъ, нераскаянномъ злодѣѣ, для котораго невозможно подъискать ни малѣйшаго оправданія. Особенно же, поведеніе его послѣ происшествія представлялось опаснымъ; по мнѣнію всѣхъ, на бѣду отнюдь нескрываемому передъ Надеждой Ивановной, явно было, что этотъ «злодѣй» затѣваетъ и еще чтò-то ужасное, или же чрезвычайно вредное. Изъ того обстоятельства, что Іоасафъ Николаевичъ скрылся неизвѣстно куда, а въ Михѣевѣ распоряжается Г—въ, догадывались: «вѣроятно, П—въ отправился въ Коломну хлопотать о запродажѣ или о залогѣ имѣнія, которое въ бòльшей части принадлежитъ ему, и это дѣлается по наущенію именно Г—ва». Затѣмъ, пріѣздъ Г—ва въ Коломну, куда ему вовсе не зачѣмъ было пріѣзжать, пребываніе его тамъ, передъ «исторіей», вмѣстѣ съ Іоасафомъ Николаевичемъ (о чемъ уже какъ-то дознались), наконецъ, теперешнее его хозяйничанье въ Михѣевѣ — все это ставилось въ прямую связь съ покушеніемъ на поджогъ дома

и на жизнь Надежды Ивановны; и хотя такому соображенію противорѣчилъ фактъ (тоже извѣстный) встрѣчи П — ва съ Маринкою, послѣ чего и совершилось то покушеніе, однако, всѣ хотѣли вѣрить, что къ этому страшному дѣлу Мишка Г—въ «ужъ какъ нибудь, а приложилъ свою руку», ибо не даромъ же, тотчасъ послѣ «исторіи», Макарка «обманно» съѣздилъ въ Коломну, откуда вернулся въ Михѣево вмѣстѣ съ тѣмъ «рыжимъ выродкомъ». Крайній выводъ изъ этихъ тонкихъ соображеній былъ тотъ, что Г—въ, для своихъ темныхъ и злонамѣренныхъ цѣлей, подъучилъ разбѣсившагося своего брата запродать на скоро всю свою часть имѣнія, либо пріискать подъ залогъ ея денегъ, чтобы, затѣмъ, скрыться отъ позора изъ родныхъ мѣстъ куда нибудь подальше; скрыться, взявъ съ собою и любовницу свою, Маринку.

Эти соображенія были развиты и объяснены Надеждѣ Ивановѣ во всей подробности. Считали необходимымъ такъ сдѣлать и притомъ настоятельно посовѣтовать на счетъ того, что слѣдуетъ ей самой предпринять для охраны и даже для спасенія послѣдняго имущества П — выхъ, съ потерею котораго младшая дочь Надежды Ивановны могла остаться совсѣмъ неимущею. И опять таки, на пущую бѣду, несчастная старушка, и при тяжкой болѣзни своей, была въ состояніи вникнуть во всѣ внушенія усердныхъ радѣтелей.

Не дальше, какъ черезъ недѣлю послѣ происшествія, Надежда Ивановна уже заявила уѣздному предводителю дворянства (впрочемъ, по особому его вызову) о покушеніи сына на жизнь ея—и просила принять надлежащія мѣры какъ для огражденія ея отъ дальнѣйшихъ преступныхъ его дѣйствій, такъ и объ охраненіи недвижимаго имѣнія и движимаго имущества, принадлежащаго совмѣстно ему, сыну, ей самой и двумъ ея дочерямъ. Кстати, слѣдуетъ замѣтить, что жалоба эта, сочиненная нарочно выписаннымъ изъ Егорьевска какимъ-то тогдашнимъ дѣльцомъ, по сложности и запутанности ея содержанія, могла до нѣкоторой степени задерживать дѣло собственно по обвиненію Іоасафа Николаевича въ уголовномъ преступленіи, и тѣмъ болѣе, что разбирательство по этому предмету предполагалось начать съ существовавшаго тогда особаго учрежденія, «Совѣстнаго суда».

Зато, по разсчетамъ предводителя дворянства и всѣхъ сосѣдей-помѣщиковъ, тѣмъ скорѣе и энергичнѣе надлежало повести дѣло объ огражденіи нераздѣльнаго имѣнія и имущества П — выхъ отъ расточительности Іоасафа П—ва, а особенно отъ всякихъ его дѣйствій въ ущербъ правамъ и интересамъ прочихъ съ нимъ владѣльцевъ. И вотъ, немедленно былъ командированъ въ Михѣево участковый засѣдатель Егорьевскаго земскаго суда, которому поручалось: во-первыхъ, дознать подъ рукою куда и ради какой именно цѣли скрылся Іосаафъ П—въ; во-вторыхъ, обстоятельно допросить дво-

роваго человѣка Макарку обо всемъ, что ему можетъ быть извѣстно относительно поступковъ какъ его помѣщика, такъ и именующагося петербургскимъ купцомъ нѣкоего Михайлы Николаева Г—ва, который нынѣ проживаетъ въ Михѣевѣ и распоряжается тамъ неизвѣстно по какому праву; въ-третьихъ, этого самого Г—ва немедленно удалить изъ имѣнія П—выхъ, а если онъ не имѣетъ узаконеннаго письменнаго вида, удостовѣряющаго его личность, то, заарестовавъ его, какъ бродягу, препроводить, за строгимъ карауломъ, въ земскій судъ, для надлежащаго съ нимъ распоряженія; и, наконецъ, двороваго человѣка Макарку выслать для прислуги къ Надеждѣ Ивановнѣ П — вой. Въ этомъ именно заключалось, главнѣйшимъ образомъ, порученіе участковому засѣдателю, но, разумѣется, не забыты были, при томъ, указанія на счетъ приведенія въ извѣстность и описи имѣнія и имущества П—выхъ, а также на счетъ «принятія надлежащихъ мѣръ къ огражденію всего этого отъ расхищенія и всякаго ущерба».

Инструкція дана была подробная, «обстоятельная»; надъ составленіемъ ея даже очень потрудились. Къ тому же, самъ предводитель—человѣкъ шумливый и державшій, какъ ему казалось, въ ежевыхъ рукавицахъ всѣхъ уѣздныхъ чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ выборовъ, особенно же такихъ мелкихъ, каковы были тогдашніе участковые засѣдатели, лично и строго разъяснилъ командируемому въ Михѣево всю важность даннаго ему порученія. Но, тѣмъ не менѣе, ловкость Михайлы Николаича Г—ва, ловкость, впрочемъ, тогда общеупотребительная и дѣйствительная только при извѣстныхъ пріемахъ, отвратила отъ него самого и отъ Макарки всякія непріятности и, вообще, привела «командировку» къ весьма незначительнымъ результатамъ.

Одно неважное обстоятельство много поспособствовало такому окончанію командировки: участковый засѣдатель пріѣхалъ въ Михѣево какъ разъ къ обѣду, изобильному у Михайлы Николаича не столько яствами, сколько разными питіями, винами изъ Коломны и домашними наливками, заготовлявшимися въ михѣевской усадьбѣ, какъ и вездѣ у помѣщиковъ, для наѣздовъ гостей на святкахъ, на масляницѣ, во время храмовыхъ и семейныхъ праздниковъ (наливки же эти были добыты, по распоряженію теперешняго хозяина въ имѣніи, прямо черезъ взломъ замка у кладовой). На первыхъ же порахъ, участковый засѣдатель былъ принятъ и угощенъ отлично. Притомъ весь видъ, вся собственная обстановка Михайлы Николаича: его питерскій нарядъ, его питерскій ларецъ съ блестящимъ дорожнымъ приборомъ, въ особенности же, его шутливо-развязное, безцеремонно-смѣлое обращеніе, внушили въ уѣзднаго чиновника не малое къ нему уваженіе. А въ концѣ-концовъ, господинъ Г—въ употребилъ непреодолимо-дѣйствительный пріемъ для обузданія административнаго рвенія: засѣдатель данной ему

взяткою былъ удовлетворенъ даже «свыше своего чаянія». Онъ выѣхалъ изъ гостепріимной михѣевской усадьбы, не исполнивъ и того, что̀ касалось до огражденія интересовъ совладѣлицъ по нераздѣльному имѣнію и имуществу П—выхъ, «поелику, за отсутствіемъ главнаго владѣльца, невозможно было произвести описи». Затѣмъ, «о мѣстопребываніи, въ настоящее время, помѣщика Іоасафа Николаева сына П—ва, и о томъ, по какому поводу отлучился онъ изъ имѣнія, тоже невозможно было дознать по совершенной о семъ неизвѣстности въ сельцѣ Михѣевѣ»; «дворовый человѣкъ Макаръ Петровъ былъ неоднократно разспрашиваемъ, но отозвался обо всемъ полнымъ незнаніемъ, а относительно высылки его къ госпожѣ П—вой явилось препятствіе, ибо отъ главнаго владѣльца приказано ему, Макару Петрову, безотлучно находиться въ господскомъ домѣ и за всѣмъ тамъ надсматривать, что̀ и необходимо, такъ какъ бо̀льшая часть дворовой прислуги самовольно отлучилась изъ имѣнія»; наконецъ, «петербургскій третьей гильдіи купецъ Михайло Николаевъ Г—въ оказался, по предъявленному имъ законному виду, дѣйствительно «лицомъ именно сего наименованія и званія», а въ сельцѣ Михѣевѣ проживаетъ онъ потому, что имѣетъ дѣла и денежныя счеты съ помѣщикомъ П—вымъ, возвращеніе коего, по сей причинѣ, и долженъ онъ непремѣнно выждать, имѣніемъ же П—вымъ онъ, купецъ Г—въ, нисколько не распоряжается, да и распоряжаться тамъ не чѣмъ, такъ какъ имѣніе это—оброчное».

Обо всемъ этомъ участковый засѣдатель еще изъ Михѣева донесъ Егорьевскому земскому суду, а самъ отправился въ свой участокъ для исполненія другихъ своихъ порученій, — и поступилъ онъ такимъ образомъ весьма предусмотрительно, именно ради избѣжанія первыхъ и самыхъ грозныхъ порывовъ гнѣва шумливаго предво̀дителя дворянства.

Такъ затянулось дѣло по михѣевской «исторіи» еще слишкомъ на недѣлю. А тѣмъ временемъ, случилось важное по послѣдствіямъ обстоятельство. Какъ-то одинъ изъ крестьянъ деревни Поповки побывалъ въ селѣ Макшеевѣ и разсказалъ своимъ знакомцамъ тамошнимъ, что михѣевскій баринъ проживаетъ у угольщиковъ, у колдуньи Степовички, гдѣ лежитъ больная его полюбовница Маринка-солдатка, а мѣсто-то, дескать, больно не хорошее, такъ такъ слышно, что тамъ завелся притонъ разбойничій.

Извѣстіе это тотчасъ же дошло до сосѣдей-помѣщиковъ и произвело среди ихъ сущую бурю.

XXXII.

Михайло Николаичъ Г—въ сдержалъ свое слово, данное Макарушкѣ; на другой день по возвращеніи своемъ въ Михѣево онъ повезъ его во временное мѣстопребываніе Іоасафа Николаевича.

Собираясь къ отъѣзду, Г—въ былъ очень не въ духѣ. Повидимому, онъ разсердился на Макарку, который, увидавъ его пистолеты, приготовленные въ дорогу, замѣтилъ вслухъ, что «напрасно пистолеты не были оставлены Есафу Николаичу, такъ какъ ему-то въ томъ мѣстѣ опасномъ они нужны, а вотъ здѣсь на что они? здѣсь у барина въ спальнѣ висятъ два ружья, да и во дворнѣ у прикащика Леонтьича есть тоже ружьецо».

— Болванъ ты михѣевскій, деревенщина безтолковая! гнѣвно возразилъ Михайло Николаичъ, вѣдь говорилъ же я тебѣ, что за Есафа Николаича бояться нечего; стало быть, пистолеты ему не нужны. Ну, а мнѣ возвращаться оттуда въ глухую, темную ночь, да частымъ мелколѣсьемъ... Ничего, какъ есть, ты не понимаешь! Ну, еще разъ досталось малому.

Онъ непремѣнно хотѣлъ взять съ собою одно изъ ружей Іоасафа Николаевича, говоря, что барину ружье очень пригодится, если не для обороны отъ лихаго человѣка, отъ хищнаго звѣря, то, по крайней мѣрѣ, «скуки ради», и не смотря на возраженія, даже на брань Михайлы Николаевича, настоялъ таки на своемъ потому, что присталъ, наконецъ, со слезными упрашиваніями. Но, затѣмъ, когда онъ сталъ заряжать ружье рублеными кусками свинца, такъ называемыми въ нашей сторонѣ «жеребьями», Михайло Николаичъ опять пришелъ въ большее раздраженіе.

— Ну, какъ истый сумасшедшій! закричалъ онъ на Макарушку; возится-возится съ этимъ дурацкимъ ружьемъ, которое въ томъ мелколѣсьѣ, пожалуй, тебя же угоститъ жеребьёмъ либо въ лобъ, либо въ спину. Да это еще не важность, а вотъ что: изъ за твоей хамской трусости мы можемъ взбудоражить весь нашъ околотокъ, а Михѣево, михѣевскіе теперича и такъ на заприметѣ у всѣхъ. Мы, вѣдь, верхами поѣдемъ, а охотничьихъ собакъ за нами не будетъ, ну, и станутъ смекать: «куда, молъ, это отправились съ ружьемъ?» и пожалуй, услѣдитъ какой-нибудь шельмецъ.

Впрочемъ, онъ позволилъ таки взять ружье. Дорогою же, благо осенній день былъ ясенъ, тихъ, легко прохладенъ, а раздражительность его совсѣмъ исчезла, онъ весело шутилъ, смѣялся, все пугалъ Макарушку, что колдунья Степовичка на этотъ разъ ужъ непремѣнно его околдуетъ и заставитъ на себѣ жениться.

— Я изъ ружья ее хвачу! храбро вскричалъ малый, принявшій дѣло вовсе не въ шутку, потому, что ему вдругъ припомнился баринъ, который такъ несчастно привязался къ распутной солдаткѣ,

ужъ, конечно, не спроста, а вслѣдствіе какой нибудь колдовской порчи.

— Бабень ты, бабень, возразилъ Михайло Николаичъ, ружье твое заговорить она можетъ. Нешто не слыхивалъ про это?

На такой сильный доводъ Макарушка не нашелся, что отвѣтить. Онъ даже струсилъ до того, что хоть въ пору бѣжать съ дороги въ Михѣево. Но возвращаться было некогда, уже своротили на дорожку по мелколѣсью къ угольщикамъ. Скоро послышался и вблизи и въ дали частый стукъ топоровъ: должно быть, то рубили дерево и хворостъ на обжижку угольевъ.

А вотъ и знакомая полянка, на которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ курились прикрытыя землею большія кучи пережигаемыхъ пней, вершиннику и хворосту.

При выѣздѣ изъ мелколѣсья на полянку, Михайло Николаичъ и Макарушка, оба разомъ, воззрились и увидали: на порогѣ одной изъ избенокъ, стоявшихъ у опушки большаго лѣса, сидѣлъ какой-то человѣкъ, въ накинутой на плечи солдатской шинели, а изъ окна той же избенки выглядывала коротко остриженная голова другого человѣка. Люди эти, конечно, были не угольщики, что замѣчалось по ихъ лицамъ незапачканнымъ сажею, да и по одежѣ сидѣвшаго на порогѣ.

Михайло Николаичъ тотчасъ-же поскакалъ къ избёнкѣ; устремился за нимъ и Макарушка. Очень быстро примчались они къ мѣсту; но подозрительные люди не стали ихъ поджидать, мигомъ, куда-то скрылись. Въ избенкѣ оказался какой-то дряхлый старикъ.

Г—въ напустился на него грозно и шумно.

— Ты это какихъ людей у себя прячешь? Ахъ, ты, старый чертъ, вѣдь, это навѣрнякъ бѣглые! Говори: куда они подѣвались! Подавай ихъ сюда! кричалъ онъ неистово.

Но старикъ, уставясь на него потухшими глазами, ничего не отвѣчалъ. Впрочемъ, и Г—въ не сталъ долго добиваться отвѣта.

Онъ вышелъ изъ избушки и нѣсколько минутъ простоялъ опершись на свою лошадь, видимо стараясь успокоиться.

— Это я напрасно такъ, самъ понимаю. Ты Макарушка смотри не зашуми съ дуру. Теперича тише, тише надо—вдругъ сказалъ онъ, тревожно озираясь и прислушиваясь.

Но вездѣ, и на полянкѣ и по всему лѣсу, стояла тишина глубокая. Стихъ и стукъ топоровъ, какъ будто о прекращеніи рубки разомъ отдано было приказаніе. И вотъ это, казалось, особенно тревожило Михайлу Николаича.

— Слишишь? Вдругъ перестали рубить. Вотъ они, угольщики-то эти! промолвилъ онъ опять и, подумавъ, добавилъ: надо подождать. Можетъ, самъ выйдетъ. Нето старая колдовка надумается. Вѣдь, нельзя же, чтобъ не видали.

Такъ прошло еще нѣсколько времени въ безпокойномъ ожиданіи. Но напрасно ждали, ни Степовичка, и никто не вышелъ. Наконецъ, Михайло Николаичъ приказалъ привязать лошадей къ колышку, вбитому у порога колдуньиной избушки, и затѣмъ, въ сопровожденіи своего спутника, тихо и осторожно вошелъ въ эту избушку.

Имъ представилась мрачная сцена, которую не вдругъ могли они вполнѣ разсмотрѣть, такъ какъ въ избушкѣ, закоптѣлой отъ топки «по черному» и освѣщенной только однимъ оконцемъ, было очень темно.

Въ переднемъ углу на двухъ сдвинутыхъ скамьяхъ было устроено ложе просто изъ мху, покрытое рваной, но бѣлой и тонкой простынею, съ изголовьемъ изъ одежи обвитой холстиною. На ложѣ этомъ навзничь лежала Марина Прокофьевна. Глаза ея были закрыты потемнѣвшими вѣками, блѣдное лицо осунулось, черты его рѣзко обострились; по этимъ признакамъ, а особенно по совершенной неподвижности тѣла, можно было подумать, что страданія больной уже кончились, что она умерла. У стола, придвинутаго къ изголовью, Степовичка, высокая, худощавая женщина, одѣтая не по-крестьянски, а какъ одѣвались тогда дворовыя старухи помѣщичьихъ домовъ (смолоду она принадлежала къ дворнѣ князя ....скаго), готовила какое-то лекарство, переливая его по деревяннымъ чашечкамъ. Въ ногахъ ложа больной, сидѣлъ на обрубкѣ, согнувшись и склонивъ голову, Іоасафъ Николаевичъ и, должно быть, онъ дремалъ отъ истомы: когда Г—въ и Макарушка вошли въ избушку, онъ нисколько не перемѣнилъ своего положенія.

Не обернулась къ вошедшимъ и Степовичка. Минуты двѣ-три она занималась все прежнимъ своимъ дѣломъ. Но она знала кто къ ней вошелъ.

— Что-жь долго въ хату не шли?—сказала она довольно громко, какъ видно не опасаясь безпокоить больную, ни пробудить Іоасафа Николаевича: — я, вѣдь, такъ и думала, что нынче безпремѣнно пріѣдете.

— Врёшь ты все, колдовка! — возразилъ Г—въ шопотомъ, но такъ громко, что старуха проворно подскочила къ нему и стала махать руками на передній уголъ, показывая тѣмъ, чтобы сердитый гость унялся и не тревожилъ больную.

Но гнѣвъ Г—ва пуще разгорѣлся. Онъ даже занесъ надъ головою старухи огромный свой кулакъ.

— Шутить, что-ли, вздумала?—яростно шепталъ онъ: — отвѣчай-ка мнѣ: а зачѣмъ тутъ Шохинъ?.. Опять что́-то у васъ затѣяно!.. Да и другого я видѣлъ! А нешто не помнишь что̀ я тебѣ приказывалъ? Ты у меня будешь въ отвѣтѣ, а не кто другой.

Она схватила его за плечо костлявой рукой и, къ изумленію Макарушки, мигомъ вытолкнула за порогъ избушки, въ сѣнцы, но

и оттуда все толкала даже за мѣсто, гдѣ стояли лошади. Застигнуть былъ врасплохъ питерскій молодецъ, или же на послушаніе старухѣ была его добрая воля, только онъ ни однимъ движеніемъ не отмахнулся отъ ея толчковъ.

— Вотъ такъ-то лучше будетъ! начала Степовичка, отойдя нѣсколько въ сторону отъ обѣихъ избушекъ. Здѣсь бѣсись сколько хочешь, для того и протолкала сюда. Тамъ рычать-то нельзя!.. Мой голосъ имъ привыченъ, хоть и громко заговорю, то — ничего, не всполошатся, ужъ такъ говорить умѣю... А ты и шепоткомъ твоимъ бѣды надѣлаешь.

— Ну, да хорошо, хорошо это все едино, гдѣ отвѣтъ мнѣ дашь, возразилъ Г—въ: а знай, зло большое меня разбиваетъ! Я все про то же самое: вѣдь, строго-на-строго было приказано! И ты еще смѣешь говорить, что ждала меня! А коли ждала и все-таки тѣхъ разбойниковъ сюда пустила, стало быть ни во чтó мой приказъ поставила!.. Да какъ же ты посмѣла, чортова колдовка!.. Не знаешь что ли, меня?..

— А что такое знать-то мнѣ? отвѣчала старуха очень спокойно и даже пренебрежительно: ты инымъ прочимъ грозись, а мнѣ грозить не годилось бы... Ну, и разсуди тоже, чѣмъ такимъ я провинилася? Шохинъ, вишь, на глаза попался, еще другой тамъ какой-то, а нешто у меня въ хатѣ они были? У меня-то они не будутъ: пристанутъ у другихъ, а тѣ другіе самихъ себя слушаются, и ты имъ не указъ... Барину же никто худа не сдѣлаетъ, ужъ въ этомъ-то положись крѣпко на мое слово. А то, вишь, больно осерчалъ! Я тебѣ говорю, и ты оченно въ толкъ возьми, грозить-то мнѣ не годится.

Твердая рѣчь старухи вдругъ расхолодила Г—ва.

— Чортъ бы тебя побралъ, умничаешь ты больно много... сказалъ онъ уже вовсе не гнѣвно и какъ будто со смущеніемъ. А я на твои слова положиться не могу... Мало-ль чтò говорится, да не такъ-то, не по слову дѣлается... Я все одно: ты у меня смотри!.. Я грозить не стану... а только... а коли, помилуй Богъ, чтò выдетъ тутъ!.. Мнѣ больно одно, ты знаешь, ну, изъ того я на все пойду!.. Больше о томъ нечего растолковывать, только—смотри и смотри!.. А теперича скажи-ко мнѣ въ сущую правду: какъ Маринка-то? скоро-ль выздоровѣетъ?.. А то не помретъ ли? Вотъ, это право-слово, было бы лучше...

— Маринушка не помретъ — отвѣчала старуха. И зачѣмъ ей помирать? Тебѣ, что-ль, нужно?.. Маловато ты смыслишь, такъ-то сбывая бѣднягу со бѣла-свѣта: безъ нея ли, съ ней ли — ровнехонько одно и тоже будетъ... Это ты напрасно, кажись, самъ бы долждонъ знать. Такъ, вѣдь?..

Г—въ ничего не отвѣтилъ. Но вопросъ должно быть ему не понравился: онъ отошелъ отъ старухи на нѣсколько шаговъ, и все

теръ себѣ лобъ, какъ будто стараясь прогнать какую-то непріятную мысль.

— Оставайся-ко ты здѣсь. Не ходи ужь туда, незачѣмъ больше, пожалуй и опять вздуришь. Баренка я къ тебѣ вышлю, хоша врядъ ли пойдетъ онъ съ охотою... Ну, да я вышлю! — добавила она повелительно и пошла было въ свою избенку, но Михайло Николаичъ остановилъ ее.

— Постой, сказалъ онъ въ раздумьѣ: выслать еще успѣешь, и я подожду... А вотъ что̀: нѣтъ ли у тебя еще кого нибудь, тамъ, на полатяхъ, что ли?

— Ну, кому тамъ быть? все пустяки придумываешь, возразила она, засмѣявшись. Разсуди-ко: ужь для больной никого не пущу. По мнѣ и баренку не годилось бы быть, да больно умаливалъ, чтобы при ней остаться.. Ты не сумлѣвайся, при нихъ я одна.

— Ты не сказала: скоро-ль выздоровѣетъ?

— Ну, что пристаешь?.. Не о Маринушкѣ бы тебѣ спрашивать... Эхъ! да ужь это твое дѣльцо̀... А пожалуй, скажу: Маринушка отъ теперешней огневицы выздоровѣетъ, черезъ два дня, навѣрнякъ, очнется, незадолго, но недѣльки черезъ двѣ, и приставать будетъ съ постели... Только боюсь, охъ! боюсь: зачахнетъ, сердешная, опосля-то, какъ горячка-то пройдетъ...

Спѣшно, чуть не бѣгомъ, пошла къ себѣ Степовичка, а Михайло Николаичъ вслѣдъ ей погрозилъ кулакомъ и что̀-то проворчалъ очень сердито.

Прошло еще съ полчаса. Г — въ и Макарушка, молча и не спуская глазъ съ Степовичкиной избушки, ждали появленія Іоасафа Николаевича. Наконецъ, онъ вышелъ, оторопѣло остановился на порогѣ сѣнцевъ и закрылъ глаза рукою: можетъ, безпокоилъ его этотъ ласковый свѣтъ тихаго осенняго дня, а можетъ, не хотѣлось ему глядѣть на тѣхъ людей, что его поджидали.

Онъ былъ страшно истомленъ, это такъ и бросалось въ глаза при первомъ же взглядѣ на него: лицо было такъ блѣдно и тускло, «какъ будто землей перекрылся», да и съ трудомъ онъ стоялъ, хотя и придерживался другой свободной рукой за косякъ сѣнной двери.

Михайло Николаичъ быстро подошелъ къ нему и, схвативъ подъ руку, отвелъ его довольно далеко отъ обѣихъ избушекъ явно для того, чтобы Макарушка, которому онъ велѣлъ остаться подлѣ лошадей, не могъ слышать ихъ разговора.

Но разговора собственно и не было. Говорилъ только одинъ Г—въ, и крайне возбужденно, съ особенной какой-то горячностью. Онъ что̀-то растолковывалъ и объяснялъ брату; о чемъ-то очень просилъ его, и на этотъ разъ, обращался съ нимъ не съ прежней столь привычной ему вообще повелительностью, а какъ бы «жалостно» и даже униженно, такъ, по крайней мѣрѣ, замѣтилъ из-

дали Макарушка. Но Іоасафъ Николаевичъ упорно молчалъ. Онъ изрѣдка покачивалъ головою, и лишь такимъ образомъ выражалъ несогласіе свое на жаркія упрашиванья брата. Наконецъ, онъ вдругъ оторвался отъ Михайлы Николаевича и, шатаясь отъ слабости, побрелъ къ степовичкиной избушкѣ.

Михайло Николаевичъ остался было тамъ, гдѣ стоялъ, но лишь на минуту. Онъ догналъ брата, когда тотъ еще недалеко отошелъ.

— Макарка? бѣги сюда! — вскричалъ Г — въ, опять схвативъ Іоасафа Николаевича подъ руку: Макарка! ты не упросишь ли взбалмошнаго своего барина?.. Можетъ не вѣритъ мнѣ, ну, такъ скажи ему, какихъ молодцевъ мы сейчасъ видѣли... Да кстати разскажи, какая молва въ околоткѣ... И проси, проси, вѣдь онъ тебя любитъ, проси, чтобъ уѣзжалъ съ нами!..

Вѣрному малому нечего было и приказывать.

Жалость великая обхватила его, но и не одна жалость: ужасъ внезапно напалъ на него, словно, вотъ сейчасъ же, должна была разразиться тутъ гибель смертная, неизбѣжная. Гдѣ ужъ было ему разсказывать о томъ, что̀ онъ видѣлъ, о томъ, что̀ слышалъ объ опасномъ здѣшнемъ мѣстѣ, онъ бросился къ барину опрометью и, обнимая его колѣни, все твердилъ одно, что ѣхать надо, бѣжать, бѣжать отсюда немедленно... И эти короткія, прерывистыя, неразборчивыя мольбы, казалось, произвели на его барина гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ долгія и многорѣчивыя упрашиванья Г—ва.

Іоасафъ Николаевичъ наклонился къ вѣрному своему служителю и обнялъ его голову.

— Бѣдный ты мой!.. Какъ родной ко мнѣ, пожалѣлъ меня,— пожалѣлъ... О, я такъ и надѣялся!.. тихо проговорилъ онъ.

А Макарушка, еще тѣснѣе сжимая колѣни барина, повторялъ со слезами прежнія свои мольбы.

— Братъ!—сказалъ наконецъ и съ замѣтной твердостью Іоасафъ Николаевичъ: я самъ не смогу... ты ему прикажи пустить меня... А насчетъ того, чтобы уѣхать отсюда, и ты знай, и пусть онъ знаетъ: ни зачто не поѣду!.. Я такъ рѣшилъ. Я передъ Господомъ Богомъ всей душой моею поклялся въ томъ!.. Да и развѣ я злодѣй... Какъ бы я могъ покинуть... покинуть, когда она умираетъ... О, я ни объ чемъ теперь не могу думать... Братъ! помоги же ему отстать отъ меня...

— Постой!.. Съ Макаркой недолго возиться... возразилъ Г—въ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: постой!.. ты знаешь ли что я еще могу сказать?.. Ты знаешь ли, что̀ тамъ...

Но онъ не докончилъ. Онъ быстро подскочилъ къ Макаркѣ, раза два-три ударилъ его въ спину, а затѣмъ, оторвалъ его отъ барина, что̀ удалось ему однако, не безъ усилія.

— Прощай братъ... Прощай и ты, Макарушка, тихо и печально проговорилъ Іоасафъ Николаевичъ и опять направился къ Степовичкиной избушкѣ; но Г—въ еще разъ задержалъ его.

— Я ужь не стану больше тебя уламывать и умаливать, сказалъ онъ. Иди себѣ, иди!.. Но я кое-что не договорилъ, объ этомъ подумай, можетъ и самъ вспомнишь... А мнѣ гдѣ уже теперича сладить съ тобою... Засилье взяла тутъ судьба твоя!.. А то... Охъ, нѣтъ же, нѣтъ! не вымолвлю... Ну, пошли ты ко мнѣ, по-крайности, проклятую колдунью эту... Слышишь? пошли безпремѣнно, и чтобы сейчасъ выходила!

Іоасафъ Николаевичъ отвѣчалъ, что вышлетъ Степовичку и ушелъ не оглядываясь. Когда же онъ скрылся за дверью избушки, Г—въ спѣшно спросилъ Макарушку:

— А тѣлежка братнина гдѣ?

— Здѣсь, сударь, не пропала, отвѣчалъ малый: я-то покинулъ ее, вотъ, гдѣ лошади стоятъ, а теперича, какъ замѣтилъ, оттащили ее за уголъ, вонъ, другой избушки.

Съ большимъ нетерпѣніемъ поджидалъ Г—въ старуху, но прошло довольно времени, а она все не выходила. Макарушка, тоже поджидавшій ее съ тоскливой надеждой, что, вотъ-вотъ, явится она и «все уладится для спокоя барина», наконецъ, не выдержалъ, предложилъ сходить и «поневолить хорошенько» Степовичку.

— Нѣту! не надо. Я уже передумалъ, отвѣчалъ Михайло Николаичъ.

— Съ вами, со всѣми, съ панталыку собьешься, продолжалъ онъ послѣ короткаго, но замѣтно было тяжелаго раздумья: вѣдь и точно: чего еще было тутъ ждать?.. Видишь ли Макарка: пришло было мнѣ въ голову, не согласится ли Степовичка перевезти Маринку нынче же, ну, хоть въ Коломну, что-ль... Можно бы тамъ найти укромное мѣстечко, и ужь конечно, было бы такъ-то гораздо поспокойнѣе. Да вижу, несбыточное дѣло... Поѣдемъ-ко, поѣдемъ назадъ!

— Ахъ, сударь! и я вотъ придумалъ... съ ума инда нейдетъ... Не остаться ли мнѣ съ бариномъ?.. Ужь я бы со всею радостью... Коли вы прикажите... сказалъ Макарушка, и замѣтно было по его вдругъ поблѣднѣвшему лицу, по его дрожащему голосу, что это рѣшеніе: «остаться съ бариномъ» стоило ему не малой борьбы съ своей трусостью.

— А для чего-жь бы ты остался?

— Какъ же, сударь, барину не такъ бы было боязно... Послужилъ бы тоже въ чемъ надобно... А на всякъ случай, ружье-то ловко заряжено.

Михайло Николаичъ засмѣялся, но какимъ-то отрывистымъ горькимъ смѣхомъ.

— Надумался и ты, сказалъ онъ. Ахъ ты, олухъ деревенскій! Ну, какая теперича служба твоя можетъ понадобится твоему ба-

рину? Ему ничего не надобно, окромя лишь одного, сидѣть возлѣ той, что можетъ душу его загубила... Что ему до всего бѣла свѣта? Онъ ничего таки не видитъ, ни о чемъ не заботиться, всей бѣды своей не помнитъ, просто на просто не пьетъ, не ѣстъ, и не тѣшится. Ну, и на счетъ страху этаго, отъ котораго у тебя душенка въ пятки уходитъ, вѣдь, барину-то твоему не боязно, онъ ни на единую минутку не вздумаетъ о томъ, что тутъ есть таки чего бояться. Онъ не можетъ, ты пойми-ко это всѣмъ своимъ смысломъ, онъ не можетъ теперича ни о чемъ думать, окромя только Маринушки своей: что вотъ страхъ какъ больна, томится, помираетъ словно совсѣмъ. Я такъ и разсчиталъ тогда, что изъ за этого всю память потерялъ, а все же въ попыхахъ тогдашнихъ не обдумалъ я и еще кое-что.

— Коли и взаправду баринъ. Ахъ нѣтъ, сударь! никакъ я сего въ толкъ не возьму. Я все про одно, вѣдь, убить могутъ! Да вы и сами словно опасаетесь.

— Да! я опасаюсь, только не того, про что ты думаешь. Нешто не помнишь, я ужъ говорилъ тебѣ, Есафа Николаевича никто здѣсь не тронетъ, цѣлехонекъ останется. На счетъ этого,—онъ здѣсь все равно, какъ у себя дома. Не того я боюся! Ну, да про это покуда не слѣдуетъ знать. Ѣдемъ же, ѣдемъ скорѣе!

Но добрая мысль Макарушки все вилась надъ бариномъ, и онъ не торопился исполнять приказанія Михайлы Николаича.

— Я сбѣгаю туда, покрайности, ружье барину оставлю, сказалъ онъ.

— Вотъ, дуракъ-то! прикрикнулъ на него Г—въ. Да, вѣдь, Есафъ на твое ружье и не взглянетъ. Нешто ты хочешь, чтобы оно попало въ руки тѣхъ, кого мы съ тобою здѣсь видали? Не моги больше и словечка вымолвить! Живо садись на лошадь!

На этотъ разъ Макарушка понялъ и не сталъ уже возражать.

Осторожно и печально отправились отъ избушекъ угольщиковъ навѣщавшіе ихъ гости, и лишь только выѣхали они въ глубь мелколѣсья, какъ вдругъ съ разныхъ сторонъ раздался стукъ топоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ послышались вдали голоса о чемъ-то перекликавшіеся.

— Ого! опять заработали! промолвилъ Михайло Николаичъ, остановивъ лошадь свою на минуту и прислушиваясь. А замѣчаешь, Макарка, словно по приказу, разомъ начали топорами постукивать. Обрадовались, надо быть, что непремѣнные гости собрались въ обратный путь. Ну, и пускай радуются, только зачѣмъ это перекликаются? не разберешь, нето провожаютъ, нето встрѣчаютъ.

Макарушка не отвѣтилъ на это замѣчаніе, оно даже не встревожило его. Онъ былъ очень печаленъ оттого, что не пришлось остаться съ бариномъ, что не удалось какъ-нибудь обезопасить его

положеніе; но всего болѣе терзали его крайне неспокойныя мысли и соображенія. Все, все казалось ему какъ-то подозрительнымъ и страннымъ. Онъ опять-таки думалъ много объ этомъ питерскомъ молодцѣ, который ѣхалъ теперь впереди его, громко иногда посвистывая и въ правой рукѣ держа пистолетъ на готовѣ. И какъ было не думать, какъ не запутаться въ заключеніяхъ о немъ, вотъ, хоть бы по поводу отношеній его къ простой старухѣ Степовичкѣ? Она обращается съ нимъ такъ «вольно», словно ровному себѣ говоритъ ему ты, нисколько не боится его угрозъ, сама на него покрикиваетъ, и явно, что она съ нимъ давнымъ-давно знакома. А онъ-то, этотъ смѣлый человѣкъ, любившій на всѣхъ напускать грозу, присмирѣлъ предъ старушонкой до того, что немного и рѣчей супротивъ нея находилъ. Чѣмъ же такимъ усмирила она его? Вѣдь, не колдовства же ея онъ боится. Да и замѣтно, что онъ боится не за себя, а какъ будто за Іоасафа Николаевича.

И во всю дорогу не покидало Макарушку это тяжелое раздумье. Вдругъ, Михайло Николаичъ обратился къ нему съ такими рѣчами:

— Макарушка! сказалъ онъ лѣниво и притомъ, улыбаясь, а знаешь ли что приходитъ мнѣ теперича въ голову о твоемъ этомъ баринѣ, котораго, кажись, ты и впрямь любишь? Думается такъ, что инда съ ума нейдетъ. Вотъ въ старину бывало, когда солдаты приступомъ чужіе, знамо вражьи, города брали, ну и тутъ, какъ водится, всяко случалось, такъ насчетъ махонькихъ робятокъ тогда, сказываютъ, запросто распоряжалися: «за ножку, да и объ сошку». Съ тѣхъ-то поръ, и живетъ эта поговорка, шутя съ ребятами, инда за ласку, такъ же приговариваютъ. Ну, и право слово, нехудо было бы, коли-бъ покойникъ баринъ Николай Михайлычъ, когда народился у него этотъ сынокъ Есанюшка, взялъ бы его за ножку, да и объ сошку! Лучше было бы! Многихъ бѣдъ избавились бы многіе. Такъ-то!

Отъ этихъ истинно-жестокихъ словъ такъ захолонуло на сердцѣ у Макарушки, что онъ чуть было съ лошади не свалился.

XXXIII.

Между описанной выше поѣздкой Г—ва и Макарушки и тѣмъ случаемъ, когда чрезъ неумышленную болтовню мужика изъ деревни Поповки сдѣлалось извѣстно во всемъ михѣевскомъ околоткѣ, гдѣ находится Іоасафъ Николаевичъ, прошло слишкомъ двѣ недѣли. Про это время, очень спокойное, относительно говоря, для несчастнаго моего дяди, я долженъ тоже разсказать, хоть только и мимоходомъ.

Макарушка все-таки постоянно заботился о своемъ баринѣ; ему хотѣлось бы навѣдываться о немъ ежедневно и, конечно, не изъ пустого любопытства. Однако, ѣздить къ барину въ одиночку, какъ именно и хотѣлось малому, никакъ не удавалось; грѣха таить нечего, ночью-то, когда сдѣлать это было легко, онъ боялся пускаться въ опасный путь, а днемъ ѣхать нельзя было по той причинѣ, что Михайло Николаичъ, словно догадавшійся о намѣреніи Макарушки, рѣшительно воспрещалъ ему даже и думать объ одиночной поѣздкѣ къ Іоасафу Николаевичу. Впрочемъ, Г—въ сказалъ при этомъ, хотя и безъ особенныхъ разъясненій, что на такое съ его стороны воспрещеніе есть достаточная причина: «поѣдешь, молъ, одинъ, ужъ на вѣрное надуришь тамъ что-нибудь, а то, пожалуй, другіе постараются черезъ тебя набѣдокурить. Да и не все ли равно—вмѣстѣ со мной навѣдываться?»

Г—въ и навѣдывался о своемъ братѣ довольно часто. Въ указываемый промежутокъ времени, онъ побывалъ у угольщиковъ четыре раза. Въ первые три поѣздки, ничего такого не приключилось, чтò можно было бы считать замѣчательнымъ, хотя одно обстоятельство было и тутъ нѣсколько странно, именно то, что Г—въ ни разу не повидался тогда съ Іоасафомъ Николаевичемъ. Впрочемъ, можетъ быть, такъ вышло и помимо его собственной воли.

Обыкновенно, какъ только Михайло Николаичъ и Макарушка, всегда его сопровождавшій, выѣзжали изъ мелколѣсья на поляну, гдѣ стояли избушки угольщиковъ, Степовичка, словно уже подкарауливавшая гостей, тотчасъ же выходила, встрѣчала пріѣхавшихъ шагахъ въ пятидесяти отъ своего жилья и тутъ пускалась съ Михайлою Николаевичемъ въ очень оживленную, продолжительную бесѣду, которую Макарушка, къ крайнему своему сожалѣнію, никакъ не могъ слышать, потому, что старуха всегда приказывала ему отойти далеко въ сторону и Г—въ не противорѣчилъ такому распоряженію.

Но въ четвертую поѣздку, именно послѣ посѣщенія сéльца Михѣева участковымъ засѣдателемъ земскаго суда, распоряженіе это Г—въ отмѣнилъ и Макарушка былъ свидѣтелемъ замѣчательнаго разговора, который пораскрылъ ему много новаго.

— Что ужь тамъ изловчаться теперича изъ пустяковъ, сказалъ настойчиво и сердито Г—въ, когда Степовичка подошла къ нему и стала-было по-прежнему отсылать Макарушку въ сторону: пускай и малый слышитъ. Ему то же нужно знать кое-что... И коли я такъ хочу, стало быть, это нужно. Слышишь ли, разумѣешь ли, старая ты колдовка?

Старуха подумала и махнула только рукой, какъ бы въ знакъ своего согласія на присутствіе малаго при разговорѣ.

— Какъ же дѣлишки тутъ идутъ, то-есть, знамо спрашиваю насчетъ теперешнихъ твоихъ приживальцевъ? продолжалъ затѣмъ Г—въ.

— А ничего, идутъ,—какъ идутъ, отвѣчала старуха, все-таки покосившись на свидѣтеля бесѣды: у насъ жалиться покудова, ка-бы, не на что, день да ночь и сутки прочь, и завсегда опосля сегодня завтра, а не вчера бываетъ.

— Не беззубому твоему рту шуточки шутить! Говори ты мнѣ толкомъ!..

— Ну, вотъ, баренокъ повеселѣлъ, оттого теперича и ѣду сталъ принимать; посмотрико-ся: уплетаетъ не давится щи наши пустыя да кашу безъ масла... А харчи у меня про иего неважные, пущай не взыщетъ, чѣмъ богата, тѣмъ и рада... А повеселѣлъ баренокъ для того, что Маринушка оздоравливаетъ, съ постели ужъ привстаетъ, вотъ онъ и радуется, на нее глядючи...

— И ты, небось, больно возрадовалась? какъ-то зло спросилъ про это Г—въ.

— Нѣтъ! я не дуже... не дуже радуюсь... отвѣчала она печально: хиба-жь я не знаю? Знаю: заслабѣла и худо-худесенько оправляется... Вправду молвить, боюсь... какъ бы...

— Эхъ, да и чортъ же съ ней, съ твоей Маринушкой! Пропадай она пропадомъ!..

Старуха выпрямилась, и заговорила протяжнымъ, строгимъ-строгимъ голосомъ.

— Знаю я и то, каковъ ты человѣкъ, даромъ что, не изъ жидовы... Для тебя Маринушка—пропади она пропадомъ, а для меня, охъ! не такочки!.. Вотъ и не кровная, ты сочтешь, и ни на что мнѣ не нужная, а я полюбила... И сама того не разберу... Въ той сторонкѣ моей, немножко тамошнихъ словечекъ помню, иной разъ сами съ языка просятся... въ той сторонкѣ, въ хаткѣ, гдѣ жила, припечекъ завсегда бѣлесенькій, крейдой вымазанъ, тамъ видала такихъ малюсенькихъ... Съ той поры, какъ Маринушку увидала, сердце встрепыхнулося... Одна-одинехонька я на бѣломъ свѣту, ну, и словно дочка нашлася... Завсегда я жалѣла ее... жалѣла!..

Странны и непонятны были эти рѣчи для Макарушки, да и старуха показалась ему такою диковинною: глаза ея, большіе, черные, горѣли, какъ раскаленные уголья, а говорила она прерывистымъ голосомъ, торопясь, задыхаясь, но такъ говорила, «словно многимъ людямъ приказывала», и въ то же время дрожала, едва держась на ногахъ, какъ женщина совсѣмъ изнемогшая отъ внезапнаго испугу, или же отъ чрезмѣрнаго перезлобу.

— Ахъ ты, вѣдьма кіевская! закричалъ на нее Г—въ. Комедію, что-ль, хочешь ломать передо мной!.. Вишь, разжалобилась, инда насчетъ своихъ хохлацкихъ словечекъ, а пуще всего о той дочкѣ... А если и впрямь разжалобилась, мнѣ-то на что знать про твою эту жалость?.. Полюбила, за дитятку родную приняла!.. А по мнѣ, полюби хоть сухую осину, іудино древо... И не говори ты мнѣ объ этихъ самыхъ пустякахъ! Слышишь? не говори!

— А что ты мнѣ за указъ! возразила Степовичка, сначала тоже съ окрикомъ; но вдругъ твердая рѣчь ея подкосилась, стала слабою, жалобною. Охъ, и повѣрь же ты мнѣ! говорю про то, что на сердцѣ камнемъ лежитъ... Хиба-жъ не вижу всего, всего?.. Вижу: не нарадуется онъ на нее, а меня и объ немъ жаль беретъ... Да! вотъ онъ не нарадуется, а она-то на радость его плачетъ, горючими слезьми обливается... И я знаю... знаю объ чемъ она плачетъ!.. Тутъ-то и есть самая лихая бѣда...

Она замолкла. Молчалъ и Г—въ, понахмурившись и отвернувшись отъ нея.

— Жила я, продолжала старуха, все также тоскливо: жила я на свѣтѣ не мало, натерпѣлася вдоволь, ну, и какъ же мнѣ не знать, какъ бѣда подходитъ-ползетъ?.. Знаю и то, что и меня она прихватитъ... Охъ! какъ бы не пришлось старой старухѣ похоронить свою голубоньку желанную во темнôмъ лѣсу... А ты, ты, какъ есть, безжалостный, злющій человѣкъ!

И за послѣднимъ словомъ тяжко она простонала.

Михайло Николаичъ, съ чего-то, очень сердито посмотрѣлъ на Макарушку, какъ будто собирался его выбранить. Потомъ, вдругъ, онъ провелъ лошадь свою нѣсколько въ сторону и сталъ оправлять сѣдло на ней. Замѣтно было, что онъ не въ духѣ, и даже смущенъ.

— Полно тебѣ, Гарпина! Право, все это некстати, да и не зналъ я, что на тебя эдакая блажь находитъ, сказалъ онъ Степовичкѣ тихо и ласково. Полно! я только пошутилъ неладно... Ну, и то еще сказать: ты про свое думаешь, а я про свое. И у меня есть коечто на сердце, и вовсе не злющій, не безжалостный я человѣкъ... Ну, да не объ этомъ теперича рѣчь. Ты скажи-ко мнѣ въ сущую правду: можно ли было бы твою Маринушку перевезти отсюда въ ино-мѣсто?

— Какъ перевезти! да куда-жъ это? вскричала старуха, опять чрезвычайно растревожившись: Охъ, нѣтъ! и не думай... и не моги... Да я ни за что не допущу! Нешто убьешь меня, ну, тогда... Ахъ, и привыкъ же ты выдумывать затѣи непутевыя, вотъ, дохтура того привозилъ, а я таки-сладила, прогнала его!.. И что онъ смыслитъ дохтуръ этотъ и всѣ-то они... Только я одна и могу лечить Маринушку!..

— Ну и лечи ее. Никто тебѣ не мѣшаетъ. Поѣзжай и ты съ нею. А къ здѣшнимъ мѣстамъ привязана ты, что ли?

— Здѣшнія мѣста!.. Да! не привязана, и не то, чтобы привыкла. А все же тутъ я узнала теперича гдѣ какую травку найти и такъ это близехонько, на полянкахъ, на лѣсной опушкѣ. Да и лѣсъ хорошъ... тутъ, на случай, не даромъ же про похороны въ лѣсу говорила... Лѣсъ дремучій, хорошій, въ лѣсу такомъ хорошемъ просторно будетъ старымъ костямъ...

— Вотъ и про старыя кости, и какъ есть ты старая вѣдьма, иначе не стала бы думать о спокоѣ костямъ не на кладбищѣ. Да кинь ты, пожалуйста, пустяшныя твои пѣсни! Толкомъ я спрашиваю, ну, и отвѣчай мнѣ толкомъ же.

— Нѣтъ! ты мнѣ прежде отвѣть: а для чего это понадобилось тебѣ—перевезти отсюдова куда-то Маринушку?

— Надобно ли, не надобно ли мнѣ, не въ томъ дѣло. Со стороны, пожалуй, понадобится, и того гляди, скорехонько.

— Словно загадки загадываешь...

— Какія тутъ загадки! Живучи здѣсь, могла бы понять и безъ лишнихъ рѣчей... А ты съ ней и поѣзжай. Травушки-муравушки свои, чай, вездѣ найдешь.

— А баренокъ какъ же? Навѣрнякъ, не захочетъ.

— Захочетъ! У меня такое слово есть.

— Да ты не разлучить ли задумалъ?.. Тогда ужъ... пропадетъ, пропадетъ голубка твоя!.. Безъ него она жить не сможетъ!.. Ахъ, и злющій ты, презлющій человѣкъ!

При этомъ новомъ упрекѣ, лицо Г—ва мгновенно побагровѣло, исказилось и, точно стало грозное и злое. Но опять онъ сдержался и проговорилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ.

— Врать пустяки разные я не люблю да и пробалтываться не умѣю. Опять скажу: у тебя свое на умѣ, и у меня тоже свое. Можетъ, въ чемъ и разминуемся, а можетъ,—ну, посойдемся, тамъ какъ нибудь... Только про одно ты, Гарпинушка, потверже запомни: въ случаѣ, коли супротивъ меня пойдешь, и я супротивъ нашенской пословицы пойду, инда съ жерновами на печь полѣзу.

Она поглядѣла на него пристально и покачала головою.

— Съ жерновами на печь полѣзешь... протяжно повторила она и такъ же продолжала, словно все обдумывая свой отвѣтъ,—еще отродясь не слыхивала такой пословицы, а понять ее, кажись, смогу: стало быть, изъ-за того, что у тебя на умѣ, на проломъ ты пойдешь... Ну, и чтожь, по вашей же кацапской пословицѣ, набивайся со своимъ ковшомъ на чужую брагу! А брага-то выйдетъ забористая, не одинъ тутъ варилъ, помѣшивалъ... А можетъ, молодецъ бойкій, питерскій, можетъ, и уймешь свою злость, и передумаешь?

— Неохочь передумывать. Не изъ таковскихъ.

— Ну, такъ тому дѣлу и быть!.. Вотъ, сговориться не сговорилися, только пословицами обошлись... А все же, я-то передъ тобой, какъ есть, вся на виду, ничего-таки не утаено, а ты, все кругомъ да около, инда и не намекнулъ, что̀ на умѣ у тебя... А отчего бы не молвить?..

— Некогда мнѣ больше калякать съ тобой! разомъ прервалъ Г—въ странный разговоръ этотъ. Затѣмъ, онъ Макарушкѣ молча указалъ рукою на его лошадь, самъ быстро вскочилъ въ сѣдло и, не оглянувшись даже на старуху, пустился въ обратный путь.

XXXIV.

Въ иное время, при иныхъ обстоятельствахъ, простыхъ, обыкновенныхъ, а не столь тревожнаго и загадочнаго свойства, Макарушка, хотя и очень побаивавшійся «питерскаго оборотня», заговорилъ бы теперь съ нимъ непремѣнно, сталъ бы приставать съ распросами обо всемъ; странный разговоръ, который онъ только что выслушалъ, возбудилъ въ немъ любопытство до высшей степени. Но изъ этого же разговора оказывалось, уже навѣрное, что «питерскій оборотень» очень хорошо и какъ бы съ давнихъ поръ знаетъ старую колдунью Степовичку, что между ними были и даже теперь есть какія-то тайныя дѣла, что у этого питерскаго «бойкаго» молодца, котораго Степовичка, конечно, недаромъ называетъ злющимъ, безжалостнымъ человѣкомъ, есть что-то такое на умѣ, чего старуха боится чрезвычайно, боится не за себя одну, не за Маринушку свою любимую, но еще за кого-то другого, либо другихъ («дѣло темное: ну, кто ихъ тамъ разберетъ»). «И въ такомъ-то котлѣ кипитъ теперича Есафъ Николаичъ, кипитъ, самъ того не примѣчаетъ, да тутъ-то и радуется, сердешный, на выздоравливающую свою полюбовницу, на бѣднягу эту, тоже горемычную...» (Макарушка и ее очень, очень жалѣлъ). Молодое, сильное любопытство молодого малаго вдругъ замерло передъ смутными и тяжко печальными соображеніями. Въ тоскѣ своей, онъ не смогъ бы заговорить съ Г—вымъ, даже отъ скуки во время ѣзды.

Зато самъ Г—въ разговорился, и именно о томъ, что такъ занимало малого.

— Ты что это сгорбился и носъ опустилъ, спать, что ли, захотѣлъ? спросилъ онъ Макарушку, когда выбрались изъ мелколѣсья на торную дорогу.

Малый выпрямился, но не отвѣчалъ.

— А ты не задумывайся, не то, пожалуй, съ-ума сойдешь, продолжалъ Михайло Николаичъ. Да, Макарушка, и не тебѣ чета тутъ мало что хорошаго придумаютъ... Но ты и не сумлѣвайся. Можетъ, съ толку сбиваешься изъ-за моего калякания со старухою? Ну, я знаю ее давно, годовъ пять-шесть тому назадъ сознакомился съ нею. Тогда она на картахъ, на гущѣ кофейной бобы разводила, дуръ обманывала и другими дѣлишками занималась, только не въ темномъ лѣсу, и какъ легка была на все, какъ услужить умѣла!.. Да вдругъ, запропала, словно сквозь землю провалилась! И я понять не могу съ чего это поселилась она у этихъ проклятыхъ угольщиковъ, чтобъ имъ пусто было.

— Охъ, и боязно же за барина!.. пролепеталъ Макарушка.

— Боязно! боязно! А самъ и не знаешь чего надо бояться... Вонъ, откуда можетъ бѣда приплыть! и Г—въ указалъ въ ту сторону, гдѣ было село Макшеево.

Любопытство малаго опять разгорѣлось.

— Господомъ Богомъ прошу васъ, сударь, скажите: чтожъ тамъ такое? вскричалъ Макарушка.

— А вотъ что, отвѣчалъ Г—въ: помнишь ли, какъ пріѣзжалъ къ намъ, въ Михѣево, этотъ мордастый засѣдатель? Онъ пріѣзжалъ не даромъ: добрые люди, сосѣдушки, больно обрадовались, что можно изъ-за дурацкихъ дѣловъ воду помутить, ну, и успѣли подбить блажную михѣевскую барыню на жалобу. На первый разъ не больно трудно было умаслить мордастаго, я и умаслилъ. Да того гляди, онъ опять припожалуетъ! И хорошо, коли пріѣдетъ все изъ-за прежнихъ дурацкихъ дѣловъ, а я боюсь какъ бы тутъ и другая статья не подошла. Боюсь того, чтобы не дознались, какъ нибудь добрые сосѣдушки, гдѣ Есафъ Николаичъ проживаетъ... Вотъ что оченно боязно, Макарушка!

— А чтожъ! коли-бъ и дознался, кажись, тутъ еще ничего такого нѣту, возразилъ малый, на ту пору, какъ бы утратившій обычную свою смѣтливость.

— Но ты забылъ, что у угольщиковъ притонъ для бѣглыхъ! Ужъ не думаешь ли, что хорошо это будетъ, если Есафа найдутъ при обыскѣ въ такомъ мѣстѣ?... Да и Маринка-то, вѣдь, то же бѣглая!..

Слова эти до того поразили малого, что онъ разъахался непутемъ.

— Полно ахать по бабью, лучше послушай-ко, что скажу, продолжалъ Г—въ: малый ты уменя прыткой и ужъ навѣрнякъ изъ дворовыхъ красныхъ дѣвушекъ какая нибудь ласкова до тебя, и я говорю про это вовсе не въ шутку, а ради самаго дѣла. Ну, такъ черезъ ласковую-то дѣвицу постарайся быть на слуху обо всемъ, что затѣвается тамъ по ту сторону Михѣева. Иаловчившись, про все можно узнать и это оченно нужно. Коли во время провѣдаемъ, ладно и распорядимся. Ты понимаешь ли насчетъ чего надо будетъ распорядиться? Да не надрывайся придумывать будто понимаешь, я самъ тебѣ все, и толкомъ скажу... Къ угольщикамъ того гляди, съ обыскомъ нагрянуть, и повторяю, коли тамъ найдутъ Есафа ли, Маринку ли одну, изъ-за которой взбалмошный твой баринъ готовъ хоть въ огонь кинуться, бѣда можетъ выйти большая, совсѣмъ-таки непоправная!... Постарайся же безпремѣнно, и тотчасъ же, какъ пріѣдешь домой, подвернуться и подладиться къ сѣннымъ дѣвицамъ. Только, смотри, малый, никому какъ есть не моги пробохтаться, объ этомъ пуще всего приказываю!

Макарушка обѣщалъ въ точности исполнить эти приказанія. Онъ обѣщался даже отъ всего сердца. Онъ понялъ теперь, что Михайло Николаичъ «дѣло говоритъ». Подозрительность его въ отношеніи «питерскаго оборотня», какъ-то разомъ унялась. Тутъ помогло и довѣріе, оказанное ему Г—вымъ и польстившее ему чрез-

вычайно. Онъ повѣрилъ тоже вполнѣ объясненію Г—ва насчетъ знакомства его со Степовичкою. «Ну, и что-жъ, молъ, такое? Очень могло статься: старуха-то, какъ видно, была на всѣ руки, угодила молодцу хлопотами насчетъ купчихи или мѣщаночки какой, а больше тутъ ровнехонько ничего нѣту!..»

Но порученіе къ «ласковой дѣвицѣ», какая имѣлась на примѣтѣ у Макарушки, не такъ-то легко было исполнить. Отправившись на развѣдки туда, гдѣ временно проживала Надежда Ивановна, можно было попасться на глаза Леонтьичамъ, а особенно этой глазастой, лихой Еливарьевнѣ, и тогда пришлось бы за все про все отвѣчать передъ разгнѣванной барыней, а въ Михѣево ужъ наврядъ ли можно было бы вернуться.

Впрочемъ, недаромъ поуспокоился Макарушка отъ своей тоскливой подозрительности: бойкая его смѣтливость ожила въ полной силѣ, и онъ способенъ былъ уладить все какъ нельзя лучше. Онъ очень ловко, на первыхъ же порахъ, принялся за свое порученіе (кстати замѣтить, и лично ему пріятное), успѣлъ скорехонько устроить надежнымъ способомъ сношенія съ «ласковой дѣвицей», успѣлъ уговорить ее, чтобы она избавила его отъ опасности быть пойманнымъ въ чужомъ имѣніи (въ сельцѣ Афанасьевѣ, гдѣ, въ это время, Надежда Ивановна опять проживала уже нѣсколько дней сряду), а лучше сама побезпокоилась бы и жаловала по ночамъ къ нему, въ Михѣево. Молодая, здоровая, пылкая и довольно смѣлая на похожденія дѣвица, согласилась на это тѣмъ охотнѣе, что михѣевская господская усадьба, покинутая почти всѣми дворовыми, представляла тогда необычныя въ ней удобства для ночныхъ свиданій.

И вотъ отъ этой-то дѣвицы Макарушка въ самую пору, узналъ: во-первыхъ, что уже дошла до «аѳанасьевскихъ господъ» вѣсть о «проживательствѣ» Іоасафа Николаевича въ лѣсу, у угольщиковъ, именно у колдуньи Степовички, и при больной своей любовницѣ солдаткѣ Маринкѣ; и во-вторыхъ, что афанасьевскіе господа, какъ только прослышали о томъ, тотчасъ кинулись къ дворянскому предводителю, вернувшись же отъ него, проговорили, что «теперь-то, дескать, пойдетъ михѣевское дѣльцо совсѣмъ настоящимъ манеромъ». На другой день свиданія и ранехонько поутру, Макарушка обо всемъ этомъ подробно доложилъ Михайлѣ Николаевичу.

Похваливъ малого за расторопность въ исполненіи порученія, Г—въ немедленно сталъ распоряжаться.

— Накормилъ ты меня до бороды, накорми же и до усовъ, сказалъ онъ своеобразной своей рѣчью: отправляйся-ко теперича въ Коломну да скачи туда, не жалѣя михѣевскую клячу... семкинскому Егоркѣ моимъ именемъ прикажи, чтобы на тройкѣ лучшихъ лошадей, въ самой просторной и наглухо закрытой повозкѣ, выѣзжалъ по дорогѣ къ намъ и наровилъ бы попасть къ Волчьимъ-

Воротамъ, эдакъ, часокъ что ли спустя послѣ городскихъ обѣдовъ, да чтобы отнюдь не смѣлъ опоздать... Постой! вели дожидаться меня за полверсты отъ Волчьихъ-Воротъ, и съ той стороны, что отъ Коломны; туда я къ нему и выѣду, а случилось бы, что онъ раньше меня подъѣдетъ, пускай подождетъ, стоитъ на одномъ мѣстѣ.

— Дорога-то, сударь, очевно проѣзжая, и хоша нынче день не базарный, а все могутъ наѣхать сторонніе люди, наѣдутъ же, безпремѣнно станутъ спрашивать: зачѣмъ, молъ, стоишь на дорогѣ?.. Да и то: мѣсто больно опасное... замѣтилъ Макарушка.

— Егорка умнѣе тебя, возразилъ Михайло Николаичъ: ужъ конечно, онъ догадается такъ сдѣлать, чтобы подъѣхавшіе люди видѣли, что у него какая нибудь неисправка въ повозкѣ или въ упряжи. Все это придумываешь ты по несмышлености своей, по трусости глупой, охъ, и трусъ же ты у меня, Макарка! Ну, да на всякъ случай, вели Егоркѣ, чтобъ у него тамъ, гдѣ будетъ ждать меня на виду, была причина для остановки на дорогѣ. А кстати вели тоже захватить съ собой два топора.

— Топоры-то... два топора... зачѣмъ сударь?.. осмѣлюсь спросить...

— Ты, вѣдь, съ Егоркой пріѣдешь, ну, такъ я дамъ тебѣ въ руки по топору, и велю нарубить дровъ на уголья, для того и оставлю тебя въ лѣсу... Эхъ, и дуракъ же ты со своими распросами!.. Скажи моимъ же именемъ самой старухѣ Сёмкиной, чтобы горницу попокойнѣе приготовила: гостей привезу.

Макарушка не угомонился, и рѣшился опять на распросы, по поводу именно послѣдняго приказанія, всего болѣе его заинтересовавшаго.

— Это, сударь... можетъ, барина перевеземъ? спросилъ онъ.

— Догадался! знамо, барина твоего сумазброднаго. Пожалуй, утѣшу и еще: съ бариномъ же твоимъ перевеземъ и Маринку и старую колдунью. Вотъ будетъ компанія! И довелось же мнѣ возиться со всей этой дуростью!..—Да! продолжалъ онъ какъ-то сердито: барину твоему все надобятся новыя квартиры, и самъ онъ много о томъ хлопочетъ... Но догадываешься ли изъ-за чего намъ-то съ тобой приходится хлопотать? Я тебѣ, на-дняхъ, объ этомъ намекалъ и изъ-за того, по моему приказу, раздобывался ты вѣстями черезъ ласковую твою дѣвицу, а знай и то, что теперича, по милости медвѣдя этого, дворянскаго предводителя, ужъ навѣрнякъ, уѣздные чиновники собираются съ обыскомъ къ угольщикамъ... Только, кажись, мы успѣемъ такъ распорядиться, что они грибъ скушаютъ. Ну, валяй, Макарка, живо въ Коломну!

И это порученіе Макарушка исполнилъ во всей точности, наилучшимъ образомъ. Когда Г—въ пріѣхалъ верхомъ къ Волчьимъ-Воротамъ, онъ уже нашелъ, какъ разъ въ назначенномъ мѣстѣ,

ямщика Егорку, только-что подъѣхавшаго. Притомъ, все обошлось очень ладно: по дорогѣ отъ самой Коломны, никого изъ проѣзжающихъ не попадалось, да и въ то время, какъ Егорка, по приказанію Г—ва отпрягалъ пристяжныхъ лошадей, то же никто не надъѣхалъ.

Съ пристяжными и верховыми лошадьми, Михайло Николаичъ велѣлъ ямщику и Макарушкѣ отойти въ густой кустарникъ, въ которомъ и размѣститься такъ, чтобы нельзя было замѣтить ихъ съ дороги, а затѣмъ, самъ, усѣвшись на повозку за кучера, приготовился ѣхать куда было нужно ему. Впрочемъ, какъ замѣтилъ Макарушка, Г—въ пускался въ путь не безъ сомнѣнія.

— Въ этой тѣлегѣ да еще съ проклятой этой кибиткою проберусь ли я тамъ, по узенькой стежкѣ? спросилъ онъ ямщика.

— А ужъ не знаю, Михайло Николаичъ, отвѣчалъ Егорка: ну, да коли, что поломается, такъ это въ одной лишь кибиткѣ, вы же, сударь, не постоите, заплатите хозяину за поломку... На всякъ же случай и топоръ есть: гдѣ будетъ тѣсновато, можно подрубить сучья, для того Макарку, сударь, захватите съ собой.

— Ну, его! коротко возразилъ Г—въ и, взявъ съ собой топоръ, одинъ уѣхалъ.

Въ густой чащѣ мелколѣсья, неловко было стоять съ лошадьми, которыя, чуя, должно быть, гдѣ-то по близости, звѣря, пугались и метались иногда; но Макарушку, даже ямщика Егорку, сильная оторопь мучила, тѣмъ болѣе, что они опасались разговаривать. Жутко, томительно прошло для нихъ время поджиданія Михайлы Николаича Г—ва. И оттого ли, что проѣздъ къ угольщикамъ, въ большой и высокой повозкѣ, при томъ запряженной въ одну лошадь, былъ очень затруднителенъ, или же по другой какой причинѣ, Г—въ заставилъ прождать себя долго: надвинула уже темнять не сумерекъ вечернихъ, а осенней чуть проглядной ночи, когда егоркина повозка загромыхала при выѣздѣ изъ ущелья Волчьихъ-Воротъ. Вмѣстѣ съ громыханьемъ, послышался громкій свистъ Г—ва, вызывающій Макарушку и ямщика.

Макарушка, первымъ дѣломъ, кинулся было къ повозкѣ, наглухо закрытой полостью, чтобы посмотрѣть, сидитъ ли тамъ его баринъ, но Михайло Николаичъ не допустилъ его до этого.

— Нечего тебѣ тамъ досматривать, сказалъ онъ: знамо тутъ живьемъ всѣ за кѣмъ ѣздилъ... Да! вотъ съѣздилъ благополучно, а пожалуй, лучше бы цѣлыя сутки камни ворочать, чѣмъ тамъ возиться, инда совсѣмъ измучился... Ну, да по крайности, то хорошо, что полицейскіе теперича, ужъ точно, грибъ съѣдятъ, пташки-то всѣ улетѣли.

О. Славутинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ЕКАТЕРИНИНСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

I.

Отзывъ Екатерины о своей государственной дѣятельности. — Участіе въ этой дѣятельности французскихъ мыслителей и г-жи Жоффрэнъ.—Положеніе тогдашнихъ государственныхъ людей въ Россіи.—Секретари императрицы. — Ихъ обязанности. — Смѣшеніе понятій о государственныхъ людяхъ и «знатныхъ особахъ».

«ВСѢ ПОРЮТЪ, одна только я крою»—говаривала императрица Екатерина II, примѣняя эти слова не къ женскимъ рукодѣльямъ, которыми она, какъ извѣстно, вовсе не занималась, а къ устройству и управленію русскаго государства, надъ чѣмъ она трудилась въ теченіе слишкомъ тридцати - четырехъ - лѣтняго своего царствованія. Эти горделивыя, отзывающіяся самовосхваленіемъ слова, она повторяла и въ своихъ письмахъ къ современнымъ иноземнымъ мудрецамъ, когда поставляла имъ на видъ все то, что̀ было сдѣлано въ Россіи во время ея правленія. Разумѣется, нельзя оспаривать, что въ своей державѣ Екатерина II была главною государственною закройщицей, чему, конечно, способствовалъ ея быстрый и обширный умъ, а впослѣдствіи и навыкъ къ веденію государственныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ, однако, признать, что этой, вѣнчанной «закройщицѣ» присылались государственныя выкройки преимущественно оттуда, откуда шли въ Россію модные фасоны, т. е., изъ Франціи. По крайней мѣрѣ, такъ было до послѣднихъ годовъ ея царствованія, когда начавшаяся во Франціи революція побудила государыню измѣнить ея прежнюю

и внѣшнюю, и внутреннюю политику. Извѣстно, что знаменитый «Наказъ» былъ составленъ Екатериною подъ прямымъ вліяніемъ смѣлыхъ французскихъ мыслителей, а къ составленію «греческаго проекта» побудилъ ее Вольтеръ, вызывавшій въ ней сочувствіе къ древней Греціи. Такимъ образомъ, къ числу «русскихъ» государственныхъ людей екатерининскихъ временъ, слѣдуетъ присоединить: Вольтера, Дидро, д'Аламбера и, въ особенности, извѣстнаго барона Гримма, оракула тогдашнихъ европейскихъ кабинетовъ, мнѣніемъ котораго преимущественно дорожила Екатерина. Лица эти, хотя и безчиновныя, по «табели о рангахъ», были, однако, въ сущности, «тайными», а, пожалуй, даже и «дѣйствительными тайными совѣтниками» ея величества императрицы всероссійской, и въ значительной степени руководили ея начинаніями. При ней, въ государственныя дѣла Россіи вмѣшивались, по временамъ, даже иностранныя особы женскаго пола, какъ, напримѣръ, г-жа Біельке и слывшая во Франціи въ свое время отъявленною умницею госпожа Жоффрэнъ. Эта госпожа, напримѣръ, приставала въ своихъ письмахъ къ императрицѣ съ докукою, чтобы въ Россіи, по образцу Франціи, было учреждено среднее сословіе, представляя надлежащіе по сему предмету соображенія и доводы. Поэтому, когда государыня издала «Городовое Положеніе», то она поспѣшила увѣдомить госпожу Жоффрэнъ, что желаніе ея исполнено, такъ какъ въ Россіи изъ городскихъ обывателей учреждено особое, самостоятельное среднее сословіе, соотвѣтствующее французскому «tiers-état».

При указанныхъ выше условіяхъ, т. е. при кройкѣ государственныхъ дѣлъ самою Екатериною и при доставкѣ фасоновъ и даже подкладки изъ-чужа, для самостоятельной дѣятельности коренныхъ русскихъ государственныхъ людей оставалось иногда не слишкомъ много простора, хотя они, вопреки словамъ императрицы, не только пороли, но еще и сметывали то и другое на живую нитку или сшивали въ строчку. Работа эта, предоставлялась собственно ея секретарямъ, которые частію переводили съ французскаго что̀ либо написанное императрицею, исправляли ея крайне неправильный русскій языкъ, или на этомъ языкѣ развивали ея мысли, изложенныя въ общихъ словахъ. Но такія дѣла, бывшія на рукахъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины, нельзя назвать дѣлами государственными въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, такъ какъ, по существу, они должны считаться только дѣлами канцелярскими. Секретарямъ ея не было предоставлено права ни почина, ни совѣщательнаго голоса, хотя косвеннымъ образомъ они могли имѣть и тотъ, и другой. Собственно же они были только тѣмъ, чѣмъ были, въ старину, царскіе дьяки, и по кругу опредѣленной для нихъ дѣятельности были равносильны современнымъ директорамъ департаментовъ, правителямъ канцелярій и

дѣлопроизводителямъ, не имѣющимъ личной самостоятельности по направленію поручаемыхъ имъ дѣлъ. Такъ это предполагалось, но на дѣлѣ выходило порою нѣсколько иначе.

Что касается сановниковъ, стоявшихъ, какъ выражались нѣкогда, у кормила правленія, то, конечно, и они не могли пользоваться такою достаточною самостоятельностію, при которой вполнѣ обнаруживались бы ихъ способности и дарованія, такъ какъ всѣ ихъ предначертанія и предположенія по общимъ государственнымъ дѣламъ, зависѣли исключительно отъ благоусмотрѣнія самой государыни, не говоря уже о томъ, что имъ приходилось очень часто приноровляться къ воззрѣніямъ Монтескье, Вольтера и т. д., и согласоваться преимущественно съ вѣяніями Запада. Они были исполнителями ея воли, полезными, въ иныхъ случаяхъ, совѣтниками, передатчиками на бумагѣ ея личныхъ воззрѣній, но никто изъ нихъ не имѣлъ достаточной самостоятельности и, тѣмъ еще менѣе, преобладающаго—въ смыслѣ общаго государственнаго управленія—надъ нею вліянія. Они оставались только на степени ея помощниковъ, такъ что ихъ никакъ нельзя назвать «государственными людьми», не смотря на всѣ усилія ихъ жизнеописателей, біографовъ и панегиристовъ.

II.

Школы государственной мудрости.—Значеніе такихъ школъ.—Условія ихъ преемственности.—Вліяніе государственныхъ переворотовъ.—Случайные люди.—Государственные люди при Петрѣ Великомъ.—Безцвѣтность нашихъ государственныхъ людей прежняго времени.—Вліяніе женскаго правленія.

Извѣстно, что въ области разныхъ наукъ и искусствъ, признаётся существованіе такъ называемыхъ «школъ», т. е. преемственность знаній и направленій, установившихся подъ вліяніемъ или подъ непосредственнымъ руководствомъ личностей, особенно выдавшихся на ученомъ или художественномъ поприщѣ. Существованіе такихъ «школъ» допускается, обыкновенно, и по веденію государственныхъ дѣлъ, т. е. допускается подготовка какимъ нибудь государственнымъ дѣятелемъ, если и не прямого себѣ преемника, то хоть такого, который заступитъ его мѣсто въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и станетъ дѣйствовать въ духѣ своего наставника. Такъ какъ занятіе той или другой высокой должности въ системѣ государственнаго управленія зависитъ не отъ чьего либо личнаго къ тому предрасположенія или стремленія, а отъ различныхъ случайностей, то подготовка въ школахъ госу-

дарственной мудрости очень рѣдко ведетъ къ предположенной цѣли. Тогда какъ ученый писатель, живописецъ, актеръ, можетъ совершенно свободно слѣдовать и подражать повліявшимъ на него образцамъ—если только собственное его дарованіе не откроетъ ему новаго самостоятельнаго пути—въ кругу государственной дѣятельности являются иныя условія. Здѣсь уже не можетъ быть полной свободы, такъ какъ нерѣдко рядъ уступокъ, необходимыхъ для того, чтобъ сохранить иногда хоть нѣкоторую долю вліянія, заставляетъ государственнаго человѣка не только уклоняться отъ намѣченной имъ заранѣе цѣли, но и отъ того образа дѣйствій, который онъ желалъ бы себѣ усвоить. Положеніе въ такомъ случаѣ бываетъ очень шаткое и болѣе обыкновеннымъ его послѣдствіемъ оказывается или окончательное, или временное удаленіе извѣстнаго лица отъ государственныхъ дѣлъ. Такая участь, почти всюду и во всѣ времена постигала видныхъ государственныхъ дѣятелей, и потому существованіе той или другой ихъ «школы», какъ существованіе несамостоятельное, а только случайное, не можетъ продолжаться въ правильной и устойчивой преемственности.

Если замѣчаніе это можетъ быть примѣнено ко всѣмъ странамъ и ко всякой порѣ, то оно, въ особенности, примѣнимо къ Россіи и, при томъ, къ Россіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, когда династическіе перевороты имѣли такое сильное и неизбѣжное вліяніе на личный составъ высшаго государственнаго управленія. При подобныхъ переворотахъ о духовной преемственности въ упомянутомъ составѣ не могло быть и рѣчи. Все зависѣло отъ случая, и потому въ ту пору люди «случайные» являлись у насъ въ образѣ людей государственныхъ. Возможна ли была правильная преемственность по управленію государственными дѣлами, если даже верховная власть нечаянно и быстро переходила отъ одного лица къ другому. При чемъ вновь водворявшееся правительство непріязненно смотрѣло на предшествовавшее, а представители его внушали къ себѣ недовѣріе и часто даже злобу въ тѣхъ, которые неожиданно становились могучею силою. Вслѣдствіе этого при дворѣ являлись новыя лица, которыя и распредѣляли различныя отрасли государственнаго управленія между своими родственниками, любимцами, близкими людьми и, болѣе или менѣе, преданными сторонниками.

Петръ Великій какъ будто создалъ около себя какую-то новую школу государственныхъ людей, которыхъ въ недавнее время у насъ, воспользовавшись однимъ стихомъ Пушкина изъ поэмы «Полтава», стали называть его «птенцами», но совсѣмъ не въ томъ похвальномъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ это слово нашъ знаменитый поэтъ. Возникновеніе такой школы было необходимымъ послѣдствіемъ преобразованій, предпринятыхъ, а отчасти и исполненныхъ Петромъ. Крутой переворотъ въ общемъ государствен-

номъ управленіи неизбѣжно долженъ былъ вызвать особыхъ представителей новаго порядка. При этомъ, помимо вопросовъ объ ихъ достоинствахъ, способностяхъ, пригодности и подготовкѣ, замѣчается одна особенность, обусловленная силою обстоятельствъ того времени. Въ средѣ государственныхъ людей, окружавшихъ Петра, бросается прежде всего въ глаза своего рода странная смѣсь личнаго состава. Въ этой средѣ были представители стариннаго московскаго боярства—князь Ромадановскій и Стрѣшневъ; какъ бы перешагнувшій черезъ рубежъ московской старины — малтійскій кавалеръ и графъ Шереметевъ, потомокъ древняго боярскаго рода. Отрасли Рюриковичей — князья Долгорукіе и князь Рѣпнинъ; отрасль Гедиминовичей — европейски образованный для той поры князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ; обрусѣвшій потомокъ древнихъ королей шотландскихъ—Брюсъ; бывшій нѣкогда сторонникъ Милославскихъ, злѣйшихъ враговъ царя Петра — Петръ Толстой, отличавшійся обширнымъ умомъ, а во главѣ всѣхъ ихъ стоялъ первый любимецъ государя, взятый изъ простонародья и сдѣлавшійся княземъ и герцогомъ Ижорскимъ — Александръ Меншиковъ. На менѣе видныхъ мѣстахъ при Петрѣ Великомъ были: сынъ нѣмецкаго заграничнаго пастора, Остерманъ; сынъ органиста лютеранской церкви въ Москвѣ, Ягужинскій, и выдвинувшійся изъ сѣрыхъ русскихъ людей, кабинетъ-секретарь государя Макаровъ.

Разумѣется, что въ такомъ пестромъ составѣ правительственныхъ силъ не могло быть желаемаго объединенія. Да въ немъ, при жизни Петра, пожалуй, и не представлялось крайней необходимости. Петръ лично и непосредственно не только управлялъ всѣми государственными дѣлами, но и входилъ во всѣ подробности и даже мелочи такихъ дѣлъ, которыя, повидимому, не имѣли первенствующаго значенія. Отъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ онъ требовалъ только неутомимой, строгой исполнительности. Кромѣ того, основаніемъ высшаго коллегіальнаго учрежденія—«правительствующаго сената», и установленіемъ отъ этого учрежденія особыхъ ревизій по всѣмъ отраслямъ управленія, Петръ надѣялся предотвратить тѣ злоупотребленія, которыя могли бы происходить вслѣдствіе личнаго произвола сильныхъ вельможъ и царедворцевъ.

Послѣ смерти Петра Великаго, во главѣ тогдашнихъ «государственныхъ» русскихъ людей, явился одинъ изъ самыхъ неудачныхъ его «птенцовъ» — князь Меньшиковъ, прикрывавшій весьма слабо свое неограниченное самовластіе именемъ возведенныхъ имъ на престолъ: императрицы Екатерины I, а потомъ Петра II, а также именемъ учрежденнаго имъ верховнаго тайнаго совѣта, которому онъ, по безграмотности государыни, посылалъ указы по собственному своему усмотрѣнію. Послѣ паденія Меншикова, началось господство князей Долгорукихъ подъ именемъ императора Петра II. Затѣмъ, послѣ неудачной попытки верховниковъ и одолѣнія ихъ

челобитчиками, установилась власть Бирона, отзывавшаяся, однако, на внутреннемъ управленіи государства вовсе не такъ сильно, какъ это обыкновенно предполагаютъ. Быстро, послѣ того промелькнуло время регентства герцога курляндскаго и великой княгини Анны Леопольдовны и, наконецъ, наступило двадцатилѣтнее царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

Частыя и, въ добавокъ къ тому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, насильственныя смѣны представителей державной власти не давали возможности упрочиться государственнымъ людямъ на тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ они, такъ или иначе, примощались. Большая ихъ часть быстро падали съ той высоты, на которую они успѣвали взобраться, и затѣмъ они отправлялись въ изгнаніе или въ ссылку, а одинъ изъ нихъ—кабинетъ-министръ Волынскій — даже поплатился головою. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что, за исключеніемъ Остермана и Бестужева-Рюмина, у насъ за все время этихъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, династическихъ переворотовъ, не выдвинулся никто, справедливо заслужившій названіе государственнаго человѣка.

Воцареніе императрицы Елизаветы Петровны, выдвинуло на поприще государственной дѣятельности нѣсколько новыхъ, вовсе неизвѣстныхъ до того времени лицъ. Эти новички были тоже люди случайные: одни—безъ всякихъ ручательствъ за ихъ способности къ веденію государственныхъ дѣлъ, а другіе даже съ несомнѣнными признаками непригодности къ занятіямъ этого рода. Такія условія не воспрепятствовали имъ, однако, стать на высокихъ ступеняхъ государственой службы, но они были безцвѣтны и не сдѣлали ровно ничего существеннаго для своего отечества, такъ что имена ихъ записаны въ исторіи, какъ записываютъ въ церковныя и монастырскія поминанія имена знатныхъ покойниковъ для того, чтобы молиться объ отпущеніи ихъ прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ. Изъ государственныхъ дѣятелей елизаветинскихъ временъ, не смотря на всѣ свои недостатки, выдвинулся болѣе замѣтно графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, составитель нѣкоторыхъ «прожектовъ», имѣвшимъ важное для государства значеніе въ томъ или другомъ направленіи.

Вообще же должно сказать, что Екатерина II, вступившая такъ неожиданно на императорскій престолъ, не могла найти хорошо подготовленныхъ государственныхъ людей и потому ей самой приходилось или отыскивать или даже подготовлять ихъ. Среди представителей тогдашняго нашего государственнаго управленія не было упрочено никакихъ честныхъ преданій и твердыхъ убѣжденій, да и общій ходъ событій препятствовалъ этому потому, что, какъ мы уже говорили, все зависѣло отъ случайностей, а не отъ личныхъ достоинствъ. Въ упомянутыхъ представителяхъ господствовали духъ интригъ и

происковъ и жажда наживы; каждый, стоявшій близко къ верховной власти, старался смести съ дороги другого не только потому, что онъ заграждалъ ему ее, но и въ видахъ корысти. Въ ту пору паденіе «государственныхъ» людей сопровождалось обыкновенно конфискаціею ихъ имуществъ, и потому каждый вельможа надѣялся поживиться чѣмъ нибудь послѣ падшаго сановника. Понятно, какой страшный омутъ страстей и зложелательствъ кипѣлъ въ средѣ представителей высшей правительственной власти, къ которой пробирались прежде всего отважные и пронырливые царедворцы. Главныя въ государствѣ должности доставались не способнымъ, не нравственнымъ людямъ, а ловкимъ проходимцамъ, искателямъ фортуны, и этимъ объясняется недостатокъ или, вѣрнѣе сказать, совершенное отсутствіе истинно-государственныхъ даровитыхъ людей во время, близкое къ воцаренію Екатерины II.

Повидимому, на нашихъ государственныхъ дѣятелей той поры долженъ былъ бы отразиться особый отпечатокъ. Въ промежутокъ времени, отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II, судьбами Россіи правили, въ общей сложности, въ продолженіи тридцати трехъ лѣтъ, женщины, но вліяніе ихъ правленія не отозвалось, какъ этого можно было бы ожидать, на лицахъ, окружавшихъ представительницъ верховной власти. За исключеніемъ, отличавшейся женственностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпечностію, правительницы Анны Леопольдовны, ни Екатерина I, ни Анна Ивановна, ни даже «кроткая Елизаветъ» не имѣли такихъ качествъ ума и сердца, свойственныхъ ихъ полу, которыя необходимы державнымъ женщинамъ для того, чтобы благотворно повліять на развитіе новыхъ чувствъ и новыхъ стремленій среди ихъ подданныхъ.

Вообще, по отношенію къ дѣловымъ людямъ, Екатерина II составляетъ рѣдкую противоположность съ своими предшественницами. Ея умъ, ея прилежаніе къ занятію государственными дѣлами, ея обращеніе съ сановниками и ея маккіавелизмъ совершенно измѣнили прежнюю колею дѣятельности нашихъ государственныхъ людей, и они весьма замѣтно оттѣнились отъ тѣхъ, которые въ былое время несли на себѣ государственную службу, или какъ представители высшаго управленія въ имперіи, или какъ ближайшіе сотрудники царствовавшихъ лицъ. Въ числѣ такихъ оттѣнившихся личностей былъ и Александръ Андреевичъ Безбородко.

III.

Происхожденіе свѣтлѣйшаго князя Безбородки.—Его польскіе предки.—Объявленіе его фамильнаго прозвища.—Малороссійская шляхта. — Участіе поляковъ въ освобожденіи Малороссіи изъ-подъ власти Польши.—Отношеніе малороссовъ къ Великой Россіи.—Возвышеніе Разумовскаго. — Уклончивость малороссовъ отъ сношеній съ великоруссами. — Замѣчательные уроженцы Малороссіи: святые угодники, іерархи, фельдмаршалы, канцлеры, министры, писатели и ученые.

Не очень давно появилась заслуживающая полнаго уваженія, какъ долголѣтній и старательный трудъ, книга г. Григоровича, подъ заглавіемъ «Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени». Она начинается обычнымъ пріемомъ жизнеописателей, а именно упоминаніемъ о предкахъ и родителяхъ свѣтлѣйшаго князя Безбородки. Такой пріемъ, хотя уже и слишкомъ устарѣлъ, но все-таки нельзя отрицать его безусловно вообще и въ особенности въ примѣненіи къ такой личности, какъ Безбородко, безвѣстное имя котораго и притомъ не съ чисто-русскимъ прозвищемъ, появилось впервые въ нашихъ историческихъ сказаніяхъ только при немъ самомъ. Кромѣ того, самое происхожденіе Безбородки, какъ природнаго малоросса или, попросту, хохла, попавшаго въ число первѣйшихъ русскихъ сановниковъ, требуетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыхъ дополненій и поясненій, не встрѣчающихся въ изслѣдованіи г. Григоровича. Упомянувъ о книгѣ г. Григоровича, мы замѣтимъ, что она при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣетъ и неизбѣжный недостатокъ. Книга эта писалась на премію, учрежденную графомъ Кушелевымъ-Безбородко, и потому ей свойственна односторонность изслѣдованій, разработываемыхъ при такомъ условіи. Никто, конечно, не упрекнетъ г. Григоровича ни въ сокрытіи, ни въ переиначиваніи фактовъ, но нельзя не видѣть, что на нихъ, такъ сказать, наведенъ оправдательный лоскъ, и потому намъ придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ взглянуть на эти факты съ нѣсколько иной точки зрѣнія, а не съ той, съ которой смотритъ на нихъ уважаемый авторъ.

«Безбородки, какъ и многіе другіе, стяжавшіе себѣ славу на Руси—говоритъ г. Григоровичъ — не богаты родовитостію. Происхожденіе ихъ прикрывается какими-то полубаснословными преданіями. Офиціальный источникъ о дворянскихъ родахъ «Общій Гербовникъ Россійской Имперіи», производитъ фамилію Безбородковъ отъ польскаго рода Ксенжницкихъ, но о родѣ этомъ дошли до насъ самыя незначительныя извѣстія. Въ «Korona Polska» упоминается, что Księznicki, подъ которыми извѣстны были предки Безбородковъ герба Ostoja и Książencki, когда находились въ Польшѣ, жили въ воеводствѣ Серадзскомъ и въ Подгорьѣ, а о Ксёнженскихъ упомянуто также и въ книгахъ Остржетовскихъ подъ 1595

и 1598 годами. Обѣ эти фамиліи составителемъ «Korona» отмѣчены астериками, т. е. условнымъ знакомъ угасшихъ въ Польшѣ фамилій, причемъ послѣдняя изъ нихъ значится прекратившеюся уже послѣ брестской уніи. Въ отечественныхъ памятникахъ встрѣчается имя Демьяна Ксенжницкаго въ первые годы гетманства Богдана Хмельницкаго. Въ это именно время, Демьянъ Ксенжницкій владѣлъ помѣстьемъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Онъ служилъ въ малороссійскомъ войскѣ и участвовалъ въ походѣ противъ Польши. Существуетъ разсказъ, что въ одной схваткѣ Демьяну Ксенжницкому отрубили подбородокъ и съ тѣхъ поръ стали его называть «безбородымъ». Впослѣдствіи это прозвище перешло къ его потомкамъ, что — въ духѣ Малороссіи, «гдѣ, по словамъ г. Григоровича, постоянно давали другъ другу прозвища, заимствуя ихъ изъ случайныхъ обстоятельствъ ежедневной жизни».

Въ такомъ происхожденіи Безбородковъ отъ Ксенжницкихъ мы не видимъ никакихъ «полубаснословныхъ преданій». Теперь извѣстно—не изъ польскихъ, а изъ русскихъ источниковъ, а именно изъ донесенія думнаго дьяка Григорія Кунакова царю Алексѣю Михайловичу, что въ войскѣ гетмана Богдана Хмельницкаго было 6,000 банитовъ, т. е. польскихъ шляхтичей, приговоренныхъ по суду къ изгнанію изъ отечества за разные проступки, преимущественно же за своеволіе и буйство. Люди эти были отчаянные головорѣзы и храбро дрались противъ своихъ соотчичей, защищая Украйну отъ ихъ господства. Такимъ образомъ оказывается, что Малороссія своимъ освобожденіемъ изъ-подъ власти Польши обязана въ весьма значительной степени самимъ же полякамъ. Эти поляки остались въ Малороссіи, служили въ тамошнемъ войскѣ и за походы и военныя заслуги противъ поляковъ и турокъ, получали на Украйнѣ «маетности», т. е. помѣстья, такъ что Малороссія, по присоединеніи ея къ Россіи, гораздо болѣе ополячилась, нежели она ополячивалась въ то время, когда находилась подъ верховною властью Рѣчи-Посполитой. Сражавшіеся за освобожденіе Малороссіи, польскіе баниты-шляхтичи обращались въ мѣстныхъ «пановъ» и казаковъ. Они приняли православіе, нѣкоторые изъ нихъ удержали свои старинныя польскія фамиліи, а другіе перемѣнили ихъ на малороссійскія прозвища, но вообще почти все старинное малороссійское шляхетство или нынѣшнее дворянство—не туземнаго, а польскаго происхожденія. Къ числу такихъ польскихъ родовъ принадлежалъ и угасшій нынѣ родъ Безбородковъ.

Что касается малороссійскаго происхожденія Безбородки по отношенію къ его необычайному возвышенію, какъ русскаго сановника, то по поводу этого мы считаемъ не лишнимъ сказать слѣдующее:

Тотъ способъ освобожденія Малороссіи изъ-подъ власти поляковъ, о которомъ мы упомянули выше, долженъ былъ указывать, что при водвореніи тамъ такой безпокойной примѣси, какою были баниты-шляхтичи, тѣсное и прочное соединеніе Малой Руси съ Великою не было надежно. Въ 1654 году, малороссы присягнули на вѣрность царю московскому, а спустя только четыре года послѣ этого, они бились уже съ царскою ратью подъ Конотопомъ. Вообще, Украйна, по тогдашнему выраженію, «шаталась», и царь Алексѣй Михайловичъ не надѣялся удержать ее въ своемъ подданствѣ, намѣреваясь снова уступить полякамъ.

Измѣны гетмановъ возбуждали въ Москвѣ сильное недовѣріе къ малороссамъ или «черкасамъ» какъ ихъ прежде называли въ Москвѣ. Въ добавокъ къ этому, до второй половины прошлаго столѣтія, великоруссы смѣшивали ихъ съ поляками. Судя, однако, по прежнимъ временамъ, можно было предвидѣть, что малоруссы, въ свою очередь, рано или поздно, но проберутся въ Великую Русь на государственныя верхушки. Уже въ XIII-мъ столѣтіи туда стали пробираться разные инозeмцы, и изъ нихъ образовалось ядро русскаго боярства, потомки котораго нынѣ составляютъ коренное великорусское дворянство. Это ясно изъ того, что въ «Бархатной книгѣ» дворянскихъ родовъ не встрѣчается, за исключеніемъ Рюриковичей, ни одного чисто-русскаго рода, а всѣ роды значатся происходящими отъ выѣзжихъ въ Русь иноземцевъ. Въ XVI-мъ столѣтіи въ Москвѣ оказывали особый почетъ татарской знати. Иванъ IV, при раздѣленіи государства на опричнину и земщину, поставилъ для послѣдней въ цари крещенаго татарина, а царь Борисъ Годуновъ былъ потомокъ татарскаго мурзы Чета. Въ половинѣ XVII-го вѣка самыя видныя мѣста среди боярства занимали потомки недавно крещеныхъ татаръ, удачно мѣстничествуя съ давнишними московскими боярскими родами. Со временъ Петра Великаго, на высшихъ государственныхъ должностяхъ стали у насъ являться между прочими иноземцы преимущественно нѣмецкаго происхожденія, но до малороссовъ такая череда еще не доходила. Петръ вообще, а за измѣну Мазепы въ особенности, не любилъ ихъ и не довѣрялъ имъ, а князь Меншиковъ самовластно и жестоко распоряжался въ Малороссіи, да и вообще великорусское начальство давило малороссовъ, но тѣмъ не менѣе они успѣли найти для себя пути, пробравшись въ бѣлое и черное духовенство и даже на святительскіе престолы въ Великой Россіи. Достаточно сказать, что въ прошломъ столѣтіи въ одной только Сибири перебывали три митрополита изъ малороссовъ.

При Петрѣ Великомъ самыми видными представителями православной церкви были малороссы: Өеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Бужинскій и Надаржинскій—царскій духовникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, лихой царскій собутыльникъ. Въ послѣдующее время

такое положеніе малороссовъ въ великороссійскомъ церковномъ управленіи продолжалось: Ѳеодосій Яновскій и Амвросій Юшкевичъ, вѣнчавшій на царство императрицу Елизавету, были представителями древней новгородской епархіи; отецъ Дубянскій находился при Елизаветѣ духовникомъ и имѣлъ на государыню огромное вліяніе. Мало того, даже въ древней великорусской исторической святынѣ — въ Троицко-Сергіевской лаврѣ монахи изъ малороссіянъ взяли первенство надъ монахами изъ уроженцевъ Великой Россіи. Объясненіе такого перевѣса очень просто: представители малороссійскаго духовенства были, по ихъ образованію, несравненно выше представителей великорусскаго, такъ какъ разсадникомъ перваго была извѣстная въ то время своею ученостію кіевская духовная академія, да и кромѣ того, многіе изъ малороссовъ, вступавшихъ въ монашество, обучались заграницею, гдѣ они, кромѣ обширныхъ какъ общихъ, такъ и богословскихъ познаній, пріобрѣтали еще и мірскую ловкость и внѣшній лоскъ католическаго духовенства.

По мѣрѣ сближенія Малой Россіи съ Великою, первая доставляла послѣдней замѣтныхъ лицъ изъ числа своихъ уроженцевъ. Такъ, она доставила великорусскому духовенству многихъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, а церкви—достойныхъ іерарховъ, изъ которыхъ двое: Дмитрій, архіепископъ ростовскій, и Иннокентій, архіепископъ сибирскій, причислены къ лику святыхъ. Изъ малороссіянъ были два генералъ-фельдмаршала: графъ Гудовичъ и князь Паскевичъ, стяжавшіе этотъ высокій санъ военными доблестями, и четыре, если присоединить къ нимъ двухъ графовъ Разумовскихъ, людей случайныхъ, не бывавшихъ не только на войнѣ, но и на войсковыхъ парадахъ. Изъ малороссіянъ вышли двое государственныхъ канцлеровъ: свѣтлѣйшій князь Безбородко и князь Кочубей. Не мало было представителей этой народности и въ числѣ доблестныхъ русскихъ военоначальниковъ, какъ, напримѣръ: прославившійся графъ Милорадовичъ, Котляревскій, Капцевичъ, Лисаневичъ и многіе другіе. Изъ малороссіянъ были министры: графъ Завадовскій, Трощинскій и Вронченко, а также не мало разныхъ второстепенныхъ сановниковъ; графъ Сперанскій, сынъ священника Владимірской губерніи, притязалъ, на словахъ, на происхожденіе изъ малороссійскаго шляхетства. Къ извѣстнымъ русскимъ литераторамъ изъ малороссіянъ принадлежатъ: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Хмельницкій и Гоголь-Яновскій, а изъ первостепенныхъ ученыхъ, пользовавшихся славою и въ Европѣ— знаменитый математикъ Остроградскій. Нельзя сдѣлать, однако, обратно такой же посылки по отношенію Великой Россіи къ Малой, такъ какъ въ отдѣльности государственныхъ людей собственно для этой послѣдней первая не доставляла. Съ нѣкоторымъ, впрочемъ, уклоненіемъ отъ такого обобщенія, можно, пожалуй, указать

на фельдмаршала графа Румянцева, управлявшаго, въ теченіе нѣскольких лѣтъ, Малороссіею и оставившаго тамъ послѣ себя добрую память. Что же касается литературы, то изъ великоруссовъ никто не только не сдѣлалъ никакого вклада въ литературу малорусскую, но даже и не занимался ею, и обыкновенно относились къ ней съ пренебреженіемъ и, пожалуй, съ чувствомъ враждебности.

Первымъ по времени замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ въ Россіи изъ украинскихъ уроженцевъ былъ Безбородко.

IV.

Родитель Безбородки.—Его «сентименты» и взяточничество.—Дѣтство будущаго князя.—Его воспитаніе.—Кіевская духовная академія.—Вступленіе въ службу.—Покровительство Румянцова.—Участіе въ турецкой войнѣ.—Назначеніе его полковникомъ кіевскаго малороссійскаго полка.—Опредѣленіе ко двору Екатерины.—Сообщеніе маркиза Палеро.—Благосклонность Екатерины къ Безбородкѣ. — Желаніе его получить ранговыя деревни.—Ихъ значеніе.—Литературные труды Безбородки. — Занятіе винокуреніемъ. — Пожалованіе крестьянъ. — Доклады императрицѣ.

Демьянъ Ксенжницкій, который, какъ мы уже говорили, получилъ прозвище «безбородаго» или «Безбородко», передалъ это прозвище единственному сыну своему Ивану, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, наслѣдовалъ и отцовское имѣніе въ Переяславскомъ повѣтѣ.

Андрей Безбородко былъ человѣкъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень не глупый и ловкій и умѣлъ заискивать благорасположеніе тогдашнихъ правителей Малороссіи, которые, между прочими похвалами въ его пользу, свидѣтельствовали, что онъ отличался «благонамѣренными сентиментами» и, благодаря этому, успѣлъ занять важную въ Малороссіи должность «генеральнаго писаря», которая приблизительно соотвѣтствуетъ должности государственнаго секретаря.

Андрей Безбородко, отецъ будущаго государственнаго канцлера и свѣтлѣйшаго князя, отличался, впрочемъ, непомѣрнымъ взяточничествомъ. Онъ раздавалъ должности за деньги, и чтобъ усилить свои доходы по этой статьѣ, придумалъ множество новыхъ должностей. Хотя, вслѣдствіе отправленнаго доноса, Безбородко и лишился своего мѣста, но, благодаря заступничеству гетмана Разумовскаго, дѣло кончилось въ пользу обвиняемаго: ему была предоставлена прежняя должность, а доносчикъ, по словамъ «Записокъ», Я. Марковича, «былъ лишенъ сотничьяго чина, чести и 100 ударовъ кіями взялъ», т. е. получилъ сотню палокъ. Не смотря,

однако, на такое оправданіе Андрея Безбородки и наказаніе его противника, чрезмѣрное его взяточничество, по свидѣтельству «Очерковъ малороссскихъ фамилій», А. М. Лазаревскаго, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. При покровительствѣ Разумовскаго, Безбородко достигъ еще высшей должности — должности генеральнаго судьи, соотвѣтствующей званію министра юстиціи, но императоромъ Петромъ III былъ отъ этой должности уволенъ въ отставку. Отъ брака съ Евдокіею Михайловной Забѣло, дочери генеральнаго судьи, Безбородко имѣлъ трехъ сыновей и трехъ дочерей. Старшимъ изъ сыновей былъ Александръ, родившійся въ Глуховѣ 14-го марта 1747 года, по опредѣленію г. Григоровича, хотя означенное число и годъ могутъ считаться спорными, и, на основаніи другихъ указаній, сдѣланныхъ самимъ же авторомъ, время рожденія Безбородки можетъ быть отнесено къ 17-му марта 1745 года.

О дѣтствѣ будущаго сановника никакихъ извѣстій не сохранилось. «Когда же — говоритъ г. Григоровичъ — настало время садить (?) мальчика за букварь, отецъ, мало занятый службою, обратилъ все вниманіе свое на воспитаніе сына. Слѣдуя древнему правилу воспитанія, онъ самъ началъ учить его славянской грамотѣ, переходя отъ букваря къ «Часослову» и, наконецъ, къ «Псалтырю». «Какъ скоро—говоритъ нѣсколько далѣе г. Григоровичъ,— научилъ Безбородко своего сына хорошо читать, онъ преимущественно сталъ занимать его чтеніемъ библіи. Говорятъ, что молодой Безбородко долженъ былъ три раза прочитать отцу всю библію сначала до конца». Не выдавая этого факта за несомнѣнный, должно замѣтить, что изъ писемъ А. А. Безбородко видно дѣйствительно близкое знакомство съ библіею, такъ какъ нерѣдко и всегда кстати, онъ приводилъ тексты священнаго писанія въ своихъ письмахъ, но съ другой стороны не видать, чтобы онъ гдѣнибудь вспомнилъ самъ о такомъ тщательномъ изученіи библіи, какъ, напримѣръ, писалъ онъ къ отцу, вспоминая о полученныхъ отъ него наставленіяхъ въ «отечественной исторіи».

Мѣстомъ для усовершенствованія въ наукахъ своего сына Безбородко избралъ кіевскую академію, которая въ то время была средоточіемъ умственнаго образованія не только для малороссіянъ, но даже и многихъ великоруссовъ. Составители исторіи этого учрежденія, для поддержанія его знаменитости, утверждаютъ, что Безбородко окончилъ полный курсъ академіи, но въ архивѣ этой академіи нѣтъ о томъ никакихъ свѣдѣній, и потому, какъ надобно полагать, Безбородко не былъ настоящимъ воспитанникомъ кіевской академіи, а только въ качествѣ бурсака, посѣщалъ тамошнія лекціи.

Въ 1765 году, Безбородко оставилъ академію и поступилъ на службу въ званіи «бунчуковаго товарища». Званіе это, предостав-

лялось обыкновенно молодымъ людямъ изъ извѣстныхъ малороссійскихъ фамилій. Пожалованный этимъ званіемъ долженъ былъ находиться въ военное время при гетманѣ, а въ мирное время жилъ дома безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій; но отецъ Безбородки, пользуясь своими отношеніями къ графу Румянцову, управлявшему тогда Малороссіею, опредѣлилъ своего сына въ его канцелярію.

Румянцевъ вскорѣ замѣтилъ способности молодого чиновника, приблизилъ его къ себѣ и не оставлялъ безъ занятій. Здѣсь Безбородко пріобрѣлъ впервые навыкъ къ служебной дѣятельности, а отчасти и къ дѣловой перепискѣ. Онъ обращалъ на себя особенное вниманіе своею необыкновенною памятью, которая для дѣлового человѣка составляетъ, конечно, одну изъ главныхъ способностей.

Въ 1768 году, по случаю разрыва Россіи съ Турціею, Безбородко, сопровождая Румянцева, отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій, и послѣдній предоставилъ Безбородкѣ начальство надъ однимъ изъ двухъ малороссійскихъ полковъ, входившихъ въ составъ второго корпуса, предводимаго Румянцевымъ. Во время войны онъ, по выраженію, встрѣчающемуся въ его письмахъ, жилъ «благополучно и здорово», при тысячѣ способовъ, удобныхъ въ меньшихъ чинахъ «производиться далѣе». О службѣ своей въ это время самъ Безбородко писалъ впослѣдствіи императору Павлу слѣдующее: «Командуя сперва малороссійскимъ нѣжинскимъ полкомъ, а потомъ имѣя подъ начальствомъ лубенскій малороссійской и компанейскіе полки, находился въ походахъ на Бугѣ и между Буга и Днѣстра».

Состоя въ эту войну при войскахъ, Безбородко, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствовалъ и по письменной части, такъ какъ Румянцевъ ввѣрилъ ему переписку и особенно «многія секретныя и публичныя дѣла и коммиссіи».

Не смотря на свою близость къ Румянцеву и на десятилѣтнюю службу, Безбородко подвинулся въ чинахъ очень мало. Хоть онъ и командовалъ разными полками, но имѣлъ только чинъ коллежскаго ассесора, т. е. состоялъ не болѣе, какъ въ маіорскомъ рангѣ. Это было ему прискорбно, и онъ, желая подкрѣпить ходатайство о немъ Румянцева, обратился къ Потемкину, прося о пожалованіи его въ полковники въ малороссійскій кіевскій полкъ. Ходатайство это было уважено, и, 22-го марта 1774 года, Безбородко получилъ желаемые чинъ и должность.

При празднованіи Кучукъ-Кайнарджинскаго мира, Румянцевъ, въ «полномъ признаніи усердія» близкихъ ему людей, а между ними и Безбородки, испрашивалъ «отъ высочайшихъ матернихъ щедротъ ея императорскаго величества воздаянія ихъ заслугамъ».

Между тѣмъ, императрица, съ одной стороны, имѣя нужду въ способныхъ и дѣловыхъ людяхъ, съ другой стороны, какъ раз-

сказываетъ въ своихъ «Запискахъ» Грибовскій, замѣтивъ въ донесеніяхъ Румянцева болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ семилѣтней войны Бестужева и Апраксина, просила фельдмаршала порекомендовать ей нѣсколько человѣкъ способныхъ къ занятію должности секретарей.

Есть свидѣтельство, добавляетъ г. Григоровичъ, что графъ Румянцевъ, представляя императрицѣ Безбородку, сказалъ: «представляю вашему величеству алмазъ въ корѣ: вашъ умъ дастъ ему цѣну».

Изъ числа находившихся въ 1775 году при императрицѣ секретарей, бывшихъ «у принятія челобитенъ», тайный совѣтникъ Стрекаловъ получилъ новое назначеніе, а колежскій совѣтникъ Козицкій былъ уволенъ въ отставку. На ихъ мѣста были опредѣлены: Завадовскій и Безбородко.

Совершенно противоположный разсказъ объ опредѣленіи Безбородко ко двору встрѣчается въ депешѣ сардинскаго посланника маркиза де-Пальеро, который находился въ Россіи съ конца 1783 по 1789 годъ.

«Первый шагъ Безбородки на поприщѣ службы—пишетъ маркизъ—былъ въ штатѣ фельдмаршала Румянцева, въ должности секретаря; по заключеніи мира въ Кайнарджи, этотъ великій полководецъ, зная, что никто лучше Безбородки не былъ въ состояніи исполнить трудное порученіе, послалъ его въ Петербургъ, отъ своего имени, для отчета въ огромныхъ суммахъ, которыми располагалъ во время войны. Исходъ оправдалъ этотъ выборъ: г. Безбородко не только окончилъ это важное дѣло къ удовлетворенію всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, но, имѣя случай работать лицомъ къ лицу съ ея величествомъ въ продолженіи этой трудной очистки счетовъ, онъ успѣлъ такъ понравиться государынѣ, что она, желая приблизить его, назначила его въ число своихъ секретарей по особымъ дѣламъ и по прошеніямъ. Прежде чѣмъ идти далѣе, не оставлю сказать, что въ совѣщаніяхъ, ознакомившихъ царицу съ этимъ ловкимъ человѣкомъ, не всегда, какъ говорилось, дѣло шло о денежныхъ разсчетахъ. Но этотъ фактъ ничѣмъ не доказанъ и если онъ вѣренъ, то это будетъ новымъ доказательствомъ своеправія любви, ибо Безбородко далеко не красивъ собою».

Есть еще и третье объясненіе успѣховъ Безбородки при дворѣ. Сослуживецъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Малиновскій, въ рукописныхъ своихъ замѣткахъ говоритъ, что товарищъ Безбородки, П. В. Завадовскій, будучи въ случаѣ, помогалъ ему, и сей, сдѣлавшись секретаремъ императрицы, пріобрѣлъ ея довѣренность и уваженіе.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но нельзя не признать, что первый шагъ на будущей своей блестящей службѣ Безбородко сдѣлалъ не въ силу своихъ только личныхъ достоинствъ, но и при благопріятствовавшей ему придворной обстановкѣ того времени.

Первою заботою ловкаго хохла въ Петербургѣ было научиться пофранцузски, такъ какъ французскій языкъ господствовалъ при дворѣ императрицы Екатерины. Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ 30-ти лѣтъ, не зная никакого иностраннаго языка, кромѣ

латинскаго, но въ два года выучился сперва по-французски, потомъ по-нѣмецки, а потомъ по-итальянски. По замѣчанію А. И. Тургенева, «Безбородко изучилъ французскій языкъ превосходно, но говорилъ не хорошо и съ запинаніемъ; онъ поздно началъ изучать сей языкъ». Да и по-русски онъ всю жизнь говорилъ съ малороссійскимъ выговоромъ, обыкновенно весьма забавнымъ для великорусскаго уха.

Занявъ видное мѣсто при дворѣ, Безбородко, по словамъ его жизнеописателя, началъ со всѣмъ усердіемъ заботиться о томъ, чтобы быть достойнымъ этого положенія какъ въ глазахъ императрицы, такъ и всего столичнаго общества, или, говоря, яснѣе, сталъ думать о томъ, какъ бы не только упрочиться на настоящей своей должности, но и подвигаться далѣе. Самъ г. Григоровичъ по поводу такихъ заботъ замѣчаетъ: «нѣтъ сомнѣнія, что для достиженія этого предстояло употребить много усилій, заботъ и всевозможныхъ изворотовъ, доходящихъ порою до мелочныхъ разсчетовъ». Какъ человѣкъ практическій, Безбородко понялъ, что въ его положеніи прежде всего нужны денежныя средства и онъ принялся хлопотать о сохраненіи за нимъ, какъ за полковникомъ кіевскаго полка, деревень и объ увеличеніи ихъ новыми пріобрѣтеніями.

Почтенный изслѣдователь жизни канцлера не говоритъ ничего о значеніи деревень, которыя хотѣлъ удержать за собою Безбородко, а между тѣмъ, оно было чрезвычайно важно, потому что владѣніе такими деревнями объусловливало главнымъ образомъ не только экономическій, но и государственный бытъ страны, хотя политически и не самостоятельной, но удерживавшей свой прежній, обособившійся строй. Съ своей стороны мы сдѣлаемъ на счетъ этого нѣкоторыя поясненія.

При гетманскомъ правленіи въ Малороссіи, всѣ власти, начиная съ главы этого правленія, были выборныя и всѣ служившія лица, какія бы должности они не занимали, входили въ составъ войсковаго управленія. Послѣ лицъ общаго или «генеральнаго» управленія, первыми лицами были полковники. Они завѣдывали полками, въ которыхъ состояли не одни только военно-служащіе чины и казаки, но и все мѣстное населеніе; такой полкъ назывался по мѣсту пребыванія полковника такимъ-то «полкомъ». Такъ, были полки: кіевскій, нѣжинскій, стародубскій и другіе. Общее число населенія простиралось въ каждомъ полку до 150.000 душъ мужскаго пола. Полковникъ завѣдывалъ не только военною частью, но и рѣшалъ окончательно гражданскія и уголовныя дѣла. Подъ ближайшимъ начальствомъ полковника, какъ бы въ качествѣ его помощниковъ, находились сотники, завѣдывавшіе особыми участками, въ которыхъ населеніе простиралось обыкновенно свыше 10.000 душъ. Способъ вознагражденія за войсковую службу въ Малороссіи былъ сходенъ съ помѣстною системою въ Великой Россіи. Денеж-

наго вознагражденія за службу не полагалось, а предоставлялись служащему, временно «за урядъ» мѣстечки, слободы, деревни или «маетности» и грунты, называвшіеся въ послѣдствіи ранговыми, т. е. предназначенными въ извѣстномъ размѣрѣ на содержаніе лицъ того или другаго ранга. По своей значительности послѣ маетностей, предназначенныхъ на гетманскій «урядъ», первыми были полковничьи. Онѣ въ нѣкоторыхъ полкахъ состояли изъ 500 крестьянскихъ дворовъ, разныхъ угодій, мельницъ и шинковъ, и давали большіе денежные доходы, независимо отъ снабженія временнаго ихъ владѣльца всевозможнымъ хозяйственнымъ продовольствіемъ. При уничтоженіи Екатериною гетманскаго правленія, эти «ранговыя маетности», сдѣлались предметомъ самыхъ усиленныхъ исканій.

Изъ письма Безбородки видно, какъ онъ зарился на полковничьи маетности и на прибавку къ нимъ еще новыхъ.

Въ первый годъ своего пребыванія при дворѣ императрицы, Безбородко, при разнообразныхъ занятіяхъ и заботахъ, находилъ время заниматься и литературнымъ трудомъ. Памятникомъ этого рода остались: 1) «Картина или краткое извѣстіе о россійскихъ съ татарами войнахъ и дѣлахъ наченшихся, т. е. начавшихся, въ половинѣ десятаго вѣка и почти безпрерывно чрезъ восемьсотъ лѣтъ продолжающихся» и 2) «Лѣтопись Малыя Россіи». Кромѣ того, онъ въ это же время занимался особымъ трудомъ, который можно озаглавить: «Хронологическая таблица замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II-й».

Къ исходу 1778 года, положеніе Безбородки при дворѣ окончательно упрочилось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ для разживы началъ заниматься винокуреніемъ.

Несмотря на близость Безбородки къ государынѣ, онъ въ продолженіи трехлѣтняго пребыванія при дворѣ оставался лицомъ малочиновнымъ и только 1-го января 1779 года былъ произведенъ изъ полковниковъ въ бригадиры. Теперь главною заботою Безбородки было: удержать за собою ранговыя имѣнія и расширить предпринятое имъ винокуреніе. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня производства Безбородки въ бригадиры, какъ ему пожаловала императрица въ Бѣлоруссіи за его «ревностную службу» 1222 души «кромѣ жидовъ», жившихъ въ этихъ волостяхъ.

Между тѣмъ значеніе Безбородки, какъ человѣка дѣловаго, усиливалось. По словамъ Гельбига: «никто изъ государственныхъ министровъ не могъ, даже въ труднѣйшихъ случаяхъ и по какой-бы то ни было отрасли государственнаго управленія, представить государынѣ такого яснаго доклада, какъ Безбородко. Однимъ изъ главнѣйшихъ его дарованій было искусство въ русскомъ слогѣ. Когда императрица давала ему приказаніе написать указъ, письмо или что̀ либо подобное, то онъ уходилъ въ пріемную и, по разсчету самой большой краткости времени, возвращался и приносилъ

сочиненіе, написанное съ такимъ изящиествомъ, что ничего не оставалось желать лучшаго».

Мало по малу Безбородко получилъ такое значеніе, что княгиня Дашкова въ своихъ «Запискахъ» обыкновенно называетъ его «первымъ» секретаремъ Екатерины.

V.

Поѣздки Безбородки съ императрицею въ Бѣлоруссію.—Вступленіе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. — Составленіе инструкціи сенаторамъ. — «Меморіалъ по дѣламъ политическимъ». — Записка о Молдавіи.—Званіе «полномочнаго для всѣхъ негоціацій». — Возвышеніе Безбородки. — Завѣдываніе почтовымъ департаментомъ.—Конвенціи и трактаты. — Непріязнь Павла Петровича къ Безбородкѣ. — Поступленіе въ его вѣдѣніе театровъ.—Мнѣніе Безбородки о своихъ трудахъ по финансовой части. — Дѣла татарскія. — Награды. — Избраніе членомъ академіи.

Мы не будемъ слѣдить за отдѣльными, не важными случаями въ жизни Безбородки и указывать на частности его служебной дѣятельности. Мы останавливаемся лишь на такихъ свѣдѣніяхъ, которыя, по ихъ исключительности, могутъ заслуживать вниманія или очерчивать духъ того времени, когда жилъ Безбородко.

Въ 1780 году, Безбородко, оставаясь въ должности секретаря ея величества, былъ, кромѣ того, опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, какъ говоритъ г. Григоровичъ, принималъ дѣятельное участіе при выполненіи знаменитаго въ свое время проекта, принадлежавшаго императрицѣ и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ «вооруженнаго морскаго нейтралитета», которымъ призывались къ союзу, для защиты нейтральнаго флага, всѣ европейскія державы, не принимавшія участія въ продолжительной борьбѣ Англіи съ ея сѣверо-американскими колоніями.

Сверхъ этихъ занятій по части дипломатической, государыня поручила Безбородкѣ, составить инструкцію, которою должны были руководствоваться сопровождавшіе ее въ поѣздкѣ по Бѣлоруссіи сенаторы графъ Брюсъ и графъ Строгоновъ, самъ Безбородко и полковникъ Турчаниновъ при освѣдомленіи въ каждомъ городѣ, губернскомъ или уѣздномъ, о порядкѣ въ управленіи, о нуждахъ и пользахъ всякаго мѣста.

Безбородко не былъ доволенъ личнымъ составомъ свиты окружавшей государыню въ этомъ путешествіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу А. Р. Воронцову писалъ: «Вы знаете изъ какихъ людей составлена вся компанія, знаете и мое съ ними положеніе и, выспавшись довольно, поминутно дремлю и зѣваю».

Путешествіе по Бѣлоруссіи еще болѣе приблизило Безбородку къ императрицѣ, которому она съ этого времени стала поручать важнѣйшія дѣла. Такъ, между прочимъ, онъ былъ производителемъ дѣла объ отправкѣ несчастной брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Данію. Съ своей же стороны Безбородко началъ втягиваться во внѣшнюю политику, а въ сентябрѣ 1780 года подалъ государынѣ записку, извѣстную подъ заглавіемъ «Меморіала по дѣламъ политическимъ». Покойный историкъ Соловьевъ относительно этой записки говоритъ, что она имѣла весьма важное дипломатическое значеніе. Въ авторѣ, замѣчаетъ онъ, высказался тонкій и дальновидный дипломатъ; она почти слово въ слово была переслана въ Вѣну, въ формѣ предложенія нашего двора.

Вѣроятно, въ это же самое время Безбородко представилъ государынѣ и записку: «Сокращенныя историческія извѣстія о Молдавіи», заключающую въ себѣ краткія біографическія свѣдѣнія о господаряхъ и воеводахъ Дакіи, съ древнѣйшихъ временъ до Петра I, а также извѣстія о первоначальной независимости Молдавіи и подчиненіи ея Турціи, Польшѣ и Россіи.

Увидѣвъ въ такихъ трудахъ способности Безбородко къ дипломатіи, Екатерина предоставила ему, причисливъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, званіе «полномочнаго для всѣхъ негоціацій» и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день, 24-го ноября 1780 года, произвела его въ генералъ-маіоры.

Положеніе, занятое Безбородкою, вскорѣ доставило ему извѣстность въ дипломатическихъ сферахъ Европы: о немъ заговорили иностранные послы, бывшіе при петербургскомъ дворѣ. Такъ, англійскій посланникъ Гаррисъ сталъ заискивать у Безбородки и писалъ къ лорду Стормонту, завѣдывавшему иностранными дѣлами Англіи, слѣдующее:

«Единственный человѣкъ, отъ кого я могъ надѣяться получить нѣкоторую выгоду, былъ частный секретарь императрицы, и только потому, что эта личность честная и незараженная предразсудками, и съ нимъ, съ однимъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ лицъ (т. е. Потемкина и графа Панина), императрица разсуждаетъ объ иностранныхъ дѣлахъ. Безбородко ежедневно возвышается въ ея уваженіи, и я вчера (18-го января 1781 года) зашелъ къ нему утромъ съ цѣлію распространиться о томъ, что я уже говорилъ ему недѣли двѣ тому назадъ, и тѣмъ поставить его въ возможность — при разговорѣ съ государыней сообщить ей вѣрныя и точныя свѣдѣнія».

Съ своей стороны и князь Потемкинъ сообщилъ Гаррису объ усилившемся вліяніи Безбородки на императрицу и совѣтовалъ ему быть внимательнѣе къ царедворцу, входившему въ силу, а въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ писемъ Гаррисъ сообщаетъ, что Безбородкѣ «ввѣрено почти исключительно внутреннее управленіе имперіей и, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принимаетъ большое участіе въ веденіи иностранныхъ дѣлъ».

«Теперь лицо—продолжаетъ англійскій посолъ—пользующееся величайшимъ вліяніемъ и внушающее зависть своимъ возвышеніемъ — Безбородко. Поддѣлываясь подъ всѣ капризы государыни, онъ пріобрѣлъ ея довѣріе и доброе мнѣніе, а вслѣдствіе своихъ рѣдкихъ способностей и необыкновенной памяти, онъ ей чрезвычайно полезенъ».

Даже могущественный Потемкинъ, по словамъ Гарриса, «къ Безбородкѣ и его партіи еще менѣе расположенъ былъ и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ величайшею завистью и безпокойствомъ».

Прошло съ небольшимъ два мѣсяца со времени назначенія Безбородки «полномочнымъ» при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ онъ занялъ въ ней слишкомъ видное мѣсто. 4-го января 1782 года, императрица повелѣла ему присутствовать въ этой коллегіи по секретной экспедиціи и, «кромѣ того, поручила въ его точное вѣдѣніе и наблюденіе почтовый департаментъ». Въ коллегіи же иностранныхъ дѣлъ Безбородко оказался первымъ лицомъ, такъ какъ ни канцлеръ, ни вице-канцлеръ не считались ея членами. Въ свою очередь и чужестранные послы, находившіеся въ Петербургѣ, отдавали Безбородкѣ первенство передъ вице-канцлеромъ, графомъ Остерманомъ, котораго они считали «простымъ министромъ», передающимъ свои планы и мысли императрицѣ только при посредствѣ Безбородки.

При дѣятельномъ участіи Безбородки во время занятія имъ должности «полномочнаго для всѣхъ негоціацій» были заключены съ иностранными державами три конвенціи по вооруженному нейтралитету. Во время же присутствованія его въ секретной экспедиціи были заключены три трактата: одинъ торговый съ Даніей и два по упомянутому нейтралитету.

Между тѣмъ наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ, весьма неблагосклонно отзывался о Безбородкѣ. Изъ письма герцога Тосканскаго къ брату его императору Іосифу видно, что въ 1782 году Павелъ, при свиданіи съ герцогомъ, разгорячился и сталъ говорить, что ему, великому князю, извѣстно, какіе изъ петербургскихъ чиновниковъ куплены вѣнскимъ дворомъ, сколько и когда каждый получилъ изъ нихъ. Наслѣдникъ разсказывалъ объ этомъ съ большими подробностями, и когда герцогъ сталъ говорить, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, то Павелъ отвѣчалъ ему: «Такъ я знаю и могу назвать вамъ ихъ имена. Это — князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ, оба графа Воронцовы, Семенъ и Александръ, и Марковъ, который теперь министромъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ; пускай знаютъ, что мнѣ извѣстно, что они за люди, и какъ только будетъ у меня власть, я ихъ накажу (ich werde sie ausruthen, т. е. просто выпорю), уничтожу и выгоню».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Екатерина считала Безбородку, «приноровлявшагося, по словамъ его хвалителя Гарриса,

къ ея капризамъ», человѣкомъ пригоднымъ ко всякому дѣлу. Такъ, когда въ 1782 году обнаружилось разстройство въ дѣлахъ императорскихъ театровъ, то императрица поручила Безбородкѣ привести эти дѣла въ лучшій порядокъ. Въ этомъ же году императрица, «желая изъявить предъ свѣтомъ» свое вниманіе и милость Безбородкѣ, сама возложила на него звѣзду и ленту св. Владиміра, учрежденнаго въ память ея двадцатилѣтняго царствованія на основаніи статута, составленнаго Безбородкою.

Въ слѣдующемъ, 1783 году, императрица дала Безбородкѣ чрезвычайно важное порученіе по финансовой части. Обширныя предпріятія Екатерины, какъ по распространенію предѣловъ Россіи, такъ и по внутреннимъ учрежденіямъ, истощали государственные доходы, которыми не покрывались расходы. Государственный дефицитъ правительство, обыкновенно, покрывало новыми выпусками ассигнацій; но уже въ концѣ 1782 года было замѣчено, что ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажа, что̀ возбудило опасеніе и принудило изыскивать другія, болѣе разумныя мѣры для улучшенія финансовъ.

Съ этою цѣлью была назначена особая коммисія, въ составъ которой вошелъ и Безбородко.

Пользуясь вниманіемъ императрицы, Безбородко сталъ просить Екатерину о предоставленіи ему 2,000 душъ въ ранговыхъ помѣстьяхъ, которыми онъ продолжалъ еще временно владѣть, считаясь попрежнему полковникомъ кіевскаго полка. Онъ по поводу этой просьбы говорилъ императрицѣ, что «сіе не дѣлаетъ и шестой доли того, что̀ законы опредѣляютъ за промыслы барыша коронѣ, а онъ мало ли что придумалъ». Сообщая объ этомъ въ письмѣ къ Потемкину, Екатерина добавляетъ: «мнѣ кажется, что это разсужденіе довольно справедливо, однако же мнѣ хотѣлось бы знать, что̀ вы объ этомъ думаете».

Безбородко получилъ желаемое.

Не успѣла еще финансовая коммисія окончить свои занятія, какъ Безбородко былъ призванъ къ новой работѣ—объ изысканіи лучшихъ средствъ къ переселенію ногайскихъ татаръ въ Россію.

Близость Безбородки къ государынѣ, какъ необходимаго ей дѣльца, выражалась, между прочимъ, и въ томъ, что онъ въ числѣ 12-ти лицъ сопровождалъ ее въ Фридрихсгамъ, куда она ѣздила для свиданія съ шведскимъ королемъ Густавомъ III.

Кромѣ наградъ отъ государыни, Безбородко въ томъ же 1783 году удостоился еще и другаго почета: онъ былъ избранъ членомъ россійской академіи, но замѣчательно, что онъ не только не принималъ никакого участія въ ея трудахъ, но и ни въ одномъ изъ засѣданій ея не присутствовалъ кромѣ перваго, происходившаго по случаю торжественнаго открытія этого учрежденія. Тѣмъ не менѣе, высокое его служебное положеніе побудило академію поста-

вить въ конференцъ-залѣ портретъ Безбородки, нарисованный извѣстнымъ живописцемъ Лампе.

VI.

Пожалованіе деревень въ Малороссіи.—Желаніе быть вице-канцлеромъ. —Полученіе графскаго достоинства.—Насмѣшки и пасквили по этому случаю. —Приглашеніе на «приватные» вечера императрицы.—Подчиненность Потемкину.

По смерти, въ 1783 году, графа Н. И. Панина, первое мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ занялъ графъ И. А. Остерманъ, съ званіемъ вице-канцлера. Онъ былъ совершенное ничтожество. Всѣ иностранные агенты видѣли въ немъ «только занимаемое имъ мѣсто». Австрійскій министръ Кауницъ называлъ его «автоматомъ», а императоръ Іосифъ II — «соломенной чучелой, ничего не дѣлающей и не имѣющей никакого вѣса». Въ слѣдующемъ году Безбородко былъ назначенъ первымъ присутствующимъ членомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ оставленіемъ при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ самый день такого назначенія, императрица пожаловала ему 3,000 душъ въ Малороссіи изъ ранговыхъ имѣній. Такимъ образомъ, онъ не только присвоилъ себѣ числившіяся за нимъ прежде «урядовыя маетности», но успѣлъ получить еще новыя въ вѣчное владѣніе. Кромѣ того, ему было назначено 6,000 рублей жалованья въ годъ и по 500 рублей въ мѣсяцъ на столъ.

Не смотря на такія щедрыя награды, онъ, однако, не былъ вполнѣ доволенъ ими и въ письмѣ своемъ къ Потемкину высказывалъ желаніе получить званіе вице-канцлера. Въ томъ же 1784 году, 12-го октября, Екатерина написала Безбородкѣ слѣдующее: «Труды и рвеніе привлекаютъ отличіе. Императоръ даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь comes! Не уменьшится твое усердіе ко мнѣ. Сіе говоритъ императрица. Екатерина же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсивиться».

Въ дипломѣ, данномъ императоромъ Безбородкѣ на графское достоинство, сказано было, что «Безбородко во всѣхъ должностяхъ и чинахъ усердіемъ своимъ къ славѣ и благу отечества, къ исполненію намѣреній своея монархини, къ утвержденію добраго согласія съ державами, дружествомъ и союзомъ съ Россійскою имперіею связанными, вѣрнымъ своимъ радѣніемъ и разными достославными подвигами получилъ многіе отличные знаки государевой милости и своими почетными свойствами украсилъ себя и свой родъ, а чрезъ то пріобрѣлъ и наше отмѣнное благоволеніе». Графское достоинство было распространено и на брата его, бригадира Илью Андреевича, и ихъ потомство и при томъ такъ, «яко

бы они уже отъ четвертаго колѣна съ отцовской и матерней стороны природные были графы и графини священныя Римской имперіи».

Пожалованіе Безбородко въ римско-нѣмецкіе графы вызвало въ петербургскомъ обществѣ остроты и насмѣшки и, между прочимъ, по рукамъ сталъ ходить пасквильный рисунокъ. На немъ былъ изображенъ новопожалованный графъ съ книгою въ рукахъ, а подъ этимъ изображеніемъ была подпись: Le conte nouveau relié en veau». Здѣсь была игра словъ, такъ какъ слова «conte» и «comte» произносятся одинаково. Въ этомъ пасквилѣ была затронута и императрица. Составители пасквиля были открыты случайно. Изъ нихъ фрейлина баронесса Эльмптъ была, въ присутствіи гофмейстерины, высѣчена розгами и отправлена къ отцу въ Лифляндію, графъ Бутурлинъ, адъютантъ Потемкина, отставленъ отъ службы, съ запрещеніемъ въѣзжать въ мѣсто пребыванія государыни, а сестра его, Давыдова, съ мужемъ выслана изъ Петербурга.

Осыпанный наградами, Безбородко удостоился еще особой чести: императрица пригласила его разъ на всегда бывать на ея вечернихъ «приватныхъ собраніяхъ».

Всѣ распоряженія государыни по коллегіи иностранныхъ дѣлъ исключительно шли черезъ Безбородку: онъ объявлялъ вице-канцлеру или коллегіи высочайшія повелѣнія по дипломатическимъ дѣламъ; препровождалъ въ коллегію, при своихъ запискахъ, бумаги, полученныя чрезъ иностранную или внутреннюю почту, и въ то же время, занимая должность секретаря императрицы, ближе и раньше вице-канцлера могъ знать о существѣ дѣлъ и прежде всѣхъ могъ слышать мнѣніе государыни о нихъ, а потому и направлять ихъ согласно со взглядами Екатерины. Перевѣсъ его надъ вице-канцлеромъ въ послѣдующіе годы былъ такъ замѣтенъ, что сдѣлался извѣстенъ самой Екатеринѣ, которая и изъявляла на счетъ этого не разъ свое неудовольствіе, но не удаляла отъ себя Безбородку.

Не мало, конечно, высокому положенію Безбородки содѣйствовало и его умѣнье постоянно ладить съ Потемкинымъ.

Около этого времени, т. е. въ 1785 году, Россія подготовилась къ новой войнѣ съ Турціею и, по дѣламъ съ нею, Безбородко былъ однимъ изъ главныхъ дипломатическихъ дѣятелей, равно какъ и по заключенію торговаго трактата между Россіею и Испаніею. Къ концу этого года былъ возбужденъ вопросъ о возобновленіи такого же договора съ Англіею, въ разрѣшеніи котораго Безбородко принималъ также большое участіе.

VII.

Устройство почтовой части. — Устройство нашей почты по образцу французской. — Участіе Безбородки въ финансовой коммисіи. — Предположеніе его объ учрежденіи секретной коммисіи.—Назначеніе его членомъ «коммисіи о дорогахъ въ государствѣ». — Пожалованіе 1,200 душъ въ Малороссіи. — Путешествіе въ Крымъ.—Переговоры съ королемъ польскимъ. — Іосифъ II въ гостяхъ у Безбородки.—Дѣятельность Безбородки. — Вліяніе на него графа А. Р. Воронцова.—Пожалованіе дома въ Москвѣ.—Дѣла внѣшнія.

Намъ уже извѣстно, что въ числѣ многоразличныхъ обязанностей, возложенныхъ на Безбородку, было, между прочимъ, управленіе почтовымъ департаментомъ. Безбородко сталъ въ близкое отношеніе къ почтовымъ дѣламъ еще въ 1776 году; съ этого времени онъ докладывалъ почтовыя дѣла Екатеринѣ, которая съ своей стороны весьма внимательно слѣдила за ними. Главнымъ препятствіемъ къ улучшенію въ ту пору почтовой части въ Россіи была ея подвѣдомственность коллегіи иностранныхъ дѣлъ и, въ виду этого, Безбородко исходатайствовалъ у государыни указъ, въ силу котораго почтовый департаментъ или экспедиція была поставлена на ряду съ прочими мѣстами, «установленными для внутренняго благоустройства» подъ вѣдѣніе сената и подъ отчетомъ, въ казенныхъ дѣлахъ и издержкахъ. Онъ произвелъ по этой части весьма важныя измѣненія и улучшенія, на которыя указывало тогдашнее развитіе потребностей разнаго рода. Безбородко устроилъ правильныя международныя почтовыя сношенія, установилъ пенсіи для служившихъ по почтовой части. Онъ, занявшись ознакомленіемъ съ устройствомъ этой части въ западной Европѣ, принялъ за образецъ французскую почту. Съ цѣлью же увеличенія прогонныхъ денегъ — правда, не безъ нѣкотораго надувательства проѣзжихъ,—почтовыя версты были уменьшены противъ ихъ прежняго протяженія, такъ какъ въ каждой верстѣ полагалось уже не 700, а только 600 саженъ. Не смотря, однако, на таковыя засвидѣтельствованія о дѣятельности Безбородки по почтовой части, она была въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, такъ что въ 1784 году Екатерина, по поводу нерадѣнія объ ея письмахъ, писала Безбородкѣ слѣдующее: «Подобное пропущеніе безъ вниманія оставить не можно; вѣдь по реестру, чаю, раздаютъ письма; буде же мои письма для употребленныхъ (т. е. служащихъ) на почтовомъ дворѣ безъ уваженія болѣе недѣли оставляются, каково можетъ быть прочее почтовое дѣло».

Мы уже упоминали однажды объ учрежденіи финансовой коммисіи, въ составѣ которой находился и Безбородко, считавшій себя въ правѣ получить за свои труды особенное громадное вознагражденіе, которое, если перевести на деньги, должно было бы пред-

ставлять ежегодный доходъ до 36,000 тогдашнихъ рублей. Государственный дефицитъ продолжался, однако, и по окончаніи занятій этой коммисіи, о чемъ генералъ-прокуроръ подалъ въ 1785 году государынѣ записку, а съ своей стороны Безбородко написалъ къ ней особыя примѣчанія. Главная мысль, проводимая въ примѣчаніяхъ Безбородки, заключалась въ томъ, что «большая часть способовъ для увеличенія доходовъ состоитъ въ отнятіи у городовъ доходовъ, у провинцій же, имѣющихъ привиллегію—въ сложеніи части губернскихъ штатовъ на общество и убавки половины суммъ, отпускаемыхъ на губернскія строенія; наконецъ, въ наложеніи на купцовъ двухъ процентовъ, вмѣсто одного съ капитала». Для устройства финансовъ Безбородко предлагалъ учредить секретную коммисію, умолчавъ, однако, о сокращеніи такихъ расходовъ и, можно даже сказать, такого мотовства, какими вообще отличалось царствованіе Екатерины II и ея собственная пышная обстановка съ чрезвычайными затратами на личности, обращавшими на себя милостивое ея вниманіе.

Съ наступленіемъ 1786 года, почти одновременно, Екатерина назначила Безбородку членомъ «коммисіи о дорогахъ въ государствѣ» и членомъ совѣта при ея императорскомъ величествѣ; но труды этой коммисіи, существовавшей слишкомъ десять лѣтъ, остались почти неизвѣстны.

Когда въ совѣтѣ окончилось разсмотрѣніе проекта по учрежденію государственнаго ассигнаціоннаго банка, противъ чего такъ основательно возставалъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, Безбородко въ письмѣ своемъ къ Потемкину, заявляя о своихъ долгахъ, выражалъ желаніе, чтобы ея величество благоволила пожаловать ему, Безбородкѣ, изъ недвижимыхъ имѣній въ Малой Россіи «нѣкоторое количество прилегаемыхъ къ его деревнямъ и кои хотя разсѣяны, состоятъ въ разныхъ частяхъ самыхъ мелкихъ и приносятъ самые же мелкіе доходы, но для него тѣмъ выгоднѣе, что его маетности оными поправятся». При этомъ случаѣ Безбородко «ввѣрилъ свой жребій благодѣтельному старанію» Потемкина и просилъ, чтобы отстранить сомнѣніе государыни на счетъ значительности имѣнія «по множеству названій деревень малороссійскихъ». Безбородко получилъ желаемое и ему было дано 1,200 душъ.

Со времени опредѣленія Безбородки въ совѣтъ, сношенія его съ императрицею стали еще чаще, и онъ, 20-го августа 1786 года, былъ пожалованъ въ гофмейстеры.

Въ новой своей должности — впрочемъ, какъ это было еще и прежде при поѣздкѣ Екатерины въ Бѣлоруссію—Безбородко распоряжался на счетъ предстоявшаго путешествія государыни въ новопріобрѣтенный Россіею Крымъ. Но видно распоряженія его не имѣли особой силы. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ, что «мебели»

въ путевыхъ дворцахъ должны быть «простые, нужные для одной только необходимости», а не къ украшенію, между тѣмъ это путешествіе Екатерины было обставлено на каждомъ шагу изумительною роскошью и всевозможными удобствами.

Во время этого путешествія, Безбородко привезъ въ Кіевъ изъ Канева на галерѣ, для свиданія съ Екатериною, короля Станислава-Августа Понятовскаго, съ которымъ онъ предварительно окончилъ переговоры по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ. Впрочемъ, переговоры эти не сопровождались никакими послѣдствіями, такъ какъ въ сущности всѣ они сводились только къ слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ королю Безбородкою: «будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся; только не нужно разславлять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобы не возбудить противъ себя сосѣдей».

Положеніе Станислава-Августа, при свиданіи съ императрицею, было крайне-затруднительно. Понятовскій, пользовавшійся нѣкогда чрезвычайною ея благосклонностью, былъ теперь ей въ тягость и она хотѣла спровадить его отъ себя какъ можно скорѣе.

На третій день послѣ своего отъѣзда, король прислалъ Безбородкѣ свой портретъ, украшенный брилліантами.

При совершаемомъ государынею путешествіи въ Крымъ, съ нею былъ долженъ встрѣтиться еще и другой гость — императоръ Іосифъ II. На встрѣчу ему она поѣхала въ сопровожденіи Безбородки, у котораго, вмѣстѣ съ императоромъ, обѣдала въ его слободѣ Бѣлозерскѣ, находящейся въ 15-ти верстахъ отъ Херсона.

Императрица, между тѣмъ, продолжала являть Безбородкѣ новыя милости. Она заѣхала къ нему въ гости въ слободу Анновку, а затѣмъ, въ бытность свою въ Москвѣ, пожаловала ему домъ бывшаго великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина, приказавъ надстроить и перестроить этотъ домъ на казенный счетъ по плану данному отъ Безбородки.

Теперь Безбородко главнымъ образомъ дѣйствовалъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, во внѣшнихъ отношеніяхъ начинались тревожныя обстоятельства.

Война съ Турціею, не смотря на то, что у насъ къ этой войнѣ, по словамъ Безбородки, все было готово, началась неудачно. Тогда Безбородко, одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ и внутренняго управленія, и внѣшней политики Россіи, началъ, въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. Воронцову, роптать на систему веденія у насъ государственныхъ дѣлъ. Такъ, онъ писалъ, что «у насъ не легко отгадать чего мы желаемъ, теперь же еще, къ сожалѣнію, и больше оказывается, что и во внѣшнихъ дѣлахъ думаютъ такъ точно править, какъ во внутреннихъ». Замѣчаніе это объясняется слѣдующими строками: «у насъ считаютъ, что всѣ по нашей дудкѣ плясать должны и если бы не привычка иногда и съ огорченіемъ

переносить все и выдерживать первую пыль съ твердостію, то, Богъ знаетъ, какъ бы оное и пошло». Въ особенности жаловался Безбородко на то властвующее положеніе, какое въ эту пору занималъ Потемкинъ, къ которому, однако, онъ очень усердно подделывался, когда это нужно было изъ личныхъ выгодъ.

Е. Карновичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

XLIII.

Цензурный терорь 1848—1854 гг., или комитеть 2-го апрѣля.

ВЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШИХЪ моихъ статьяхъ я коснулся образованія, въ 1848 году, комитета 2-го апрѣля, который вызванъ былъ страхомъ, наведеннымъ революціоннымъ движеніемъ этого года въ Европѣ. Нынѣшнюю главу я посвящаю тѣмъ оффиціальнымъ документамъ, которые дошли до меня о дѣятельности этого комитета. По словамъ императора Николая Павловича, сказаннымъ членамъ комитета, когда они представлялись ему по своемъ назначеніи, такъ «какъ его величеству нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печати, то они будутъ его глазами, пока это дѣло иначе устроится», комитетъ 2-го апрѣля 1848 года былъ негласнымъ, дѣлалъ свои доклады, по улучшеніямъ цензуры и о направленіи печати, непосредственно императору и уже сообщалъ высочайшія резолюціи министру народнаго просвѣщенія для исполненія. Эти резолюціи передавались министромъ цензурнымъ комитетамъ въ «конфиденціальныхъ» сообщеніяхъ, причемъ никогда не упоминалось, что они исходятъ отъ комитета 2-го апрѣля. Такимъ образомъ, комитетъ 2-го апрѣля имѣлъ высшій надзоръ въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. Первымъ его предсѣдателемъ былъ дѣйствительный

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. VIII, стр. 338.

тайный совѣтникъ Бутурлинъ, директоръ императорской публичной библіотеки. Послѣ его смерти на эту должность былъ назначенъ директоръ канцеляріи военнаго министра, генералъ-адъютантъ Анненковъ, бывшій въ послѣдствіи новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и государственнымъ контролеромъ. Когда онъ уѣхалъ по дѣламъ службы изъ Петербурга, предсѣдателемъ комитета былъ сдѣланъ директоръ императорской публичной библіотеки, статсъ-секретарь баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ (въ послѣдствіи графъ, главноуправлявшій II Отдѣленіемъ собственной канцеляріи), по всеподданнѣйшему докладу котораго, 6-го декабря 1855 года, комитетъ 2-го апрѣля былъ закрытъ.

Комитетъ во время своей наибольшей дѣятельности, какъ при Бутурлинѣ, такъ и при Корфѣ, обращалъ особенное вниманіе не на «видимую цѣль» автора, какъ то предписывалось цензурнымъ уставомъ 1828 года, сохранившимъ свою силу, но на «предполагаемую», преимущественно же на междустрочный смыслъ печатнаго произведенія. При предсѣдательствѣ Бутурлина, комитетъ входилъ во всѣ мелочи, придирался къ разнымъ пустякамъ; находя нѣкоторыя статьи благонамѣренными, нисколько не нарушающими цензурныхъ постановленій, комитетъ временъ Бутурлина все-таки указывалъ на нихъ въ своихъ докладахъ императору, потому что, по его мнѣнію, ихъ слѣдовало «не печатать», а «представлять высшему начальству», для его соображеній и соотвѣтственныхъ тому правительственныхъ распоряженій. Хотя въ Россіи законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, однако комитетъ 2-го апрѣля, при своемъ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, обратилъ свое вниманіе даже на сочиненія, напечатанныя до 1848 года и по многимъ изъ нихъ требовалъ у министра народнаго просвѣщенія сдѣлать цензорамъ, дозволившимъ ихъ къ печати, строгія замѣчанія. Комитетъ 2-го апрѣля, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, выхлопоталъ высочайшее повелѣніе, въ силу котораго отъ редакцій потребованы были списки всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ сотрудниковъ, участвующихъ въ періодическихъ изданіяхъ. Время дѣятельности комитета 2-го апрѣля останется въ русской литературѣ памятнымъ, какъ «эпоха цензурнаго террора».

Главною жертвою комитета 2-го апрѣля сдѣлался одинъ изъ лучшихъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, болѣе пятнадцати лѣтъ управлявшій этимъ вѣдомствомъ. Отличавшійся до 1848 года своею самостоятельностію, онъ, подъ вліяніемъ замѣчаній комитета 2-го апрѣля, до того растерялся и утратилъ личный свой починъ, что не рѣшался самъ, даже при содѣйствіи продолжавшаго свое существованіе главнаго управленія цензуры, разрѣшать или запрещать статьи и посылалъ ихъ на предварительное разсмотрѣніе шефа жандармовъ, графа Орлова.

Но и всемогущее тогда вліяніе графа Орлова не сохранило его на его посту. Поводъ къ выходу изъ министровъ народнаго просвѣщенія графу Уварову данъ былъ статьею «О значеніи русскихъ университетовъ», появившеюся въ мартовской книжкѣ «Современника» 1849 года. Со времени учрежденія комитета 2-го апрѣля 1848 года, графъ Уваровъ вскорѣ пересталъ имѣть личные доклады у императора. Комитетъ 2-го апрѣля объявлялъ министру высочайшую волю по дѣламъ цензуры. Шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, также безпрерывно сообщалъ ему высочайшія повелѣнія, касавшіяся цензурнаго вѣдомства. Форма такихъ объявленій, принятая комитетомъ 2-го апрѣля, была въ большинствѣ случаевъ слѣдующая: по изложеніи сущности дѣла, присовокуплялось: «О таковомъ заключеніи комитета, удостоенномъ высочайшаго утвержденія, имѣю честь сообщить вашему сіятельству для зависящаго распоряженія». Получивъ увѣдомленіе такого же рода о статьѣ «О значеніи русскихъ университетовъ», которую комитетъ нашелъ неприличною, графъ Уваровъ, до этого времени, молча переносившій подобныя замѣчанія по цензурѣ, подалъ докладную записку императору Николаю Павловичу. Въ ней онъ объяснилъ, что «статья эта написана съ благонамѣренностью, съ нелицемѣрною преданностью правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части, съ любовію къ просвѣщенію истинному и благотворному. Комитетъ 2-го апрѣля самъ принужденъ былъ сказать то же самое и говорить, что статья эта, по ея изложенію, ничего не имѣетъ предосудительнаго, что, напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности государю, о любви къ Россіи и проч. При всемъ томъ, комитетъ, вникнувъ во внутренній смыслъ ея, видитъ въ ней неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства. Какой цензоръ или критикъ можетъ присвоить себѣ даръ, недоставшійся въ удѣлъ смертному, даръ всевидѣнія и проникновенія внутрь природы и человѣка, даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ, совершенно тому противный? Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе, что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и къ несправедливымъ обвиненіямъ». Изложивъ затѣмъ содержаніе статьи «Современника», графъ Уваровъ, сказалъ, что «комитетъ 2-го апрѣля не отрицаетъ мыслей автора, но находитъ только, что онѣ, вмѣсто того, чтобы заявлять ихъ въ печати, могли бы быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства. Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная, и комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою, не можетъ

отъ того только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется... Государь, статья въ «Современникѣ» была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность, по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня». Изобразивъ въ заключеніе щекотливыя отношенія свои къ комитету 2-го апрѣля, графъ Уваровъ окончилъ свою докладную записку слѣдующимъ предложеніемъ: «не благоугодно ли будетъ вашему величеству вовсе отдѣлить цензуру отъ министерства народнаго просвѣщенія, подчинивъ ее исключительно комитету 2-го апрѣля, или же комитету этому совмѣстно съ III Отдѣленіемъ собственной вашего величества канцеляріи».

Перемѣны въ устройствѣ цензуры, а равно въ положеніи министра народнаго просвѣщенія относительно къ комитету 2-го апрѣля, не послѣдовало, и графъ Уваровъ былъ смѣненъ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, который всецѣло подчинился комитету 2-го апрѣля. По отзывамъ лицъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, онъ былъ отъ природы человѣкъ умный, но не получилъ никакого образованія, такъ что, кажется, даже не зналъ ни одного иностраннаго языка. Совершенную противоположность съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ составлялъ замѣнившій его потомъ товарищъ его, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, который не обладалъ природнымъ умомъ, но пополнилъ этотъ недостатокъ образованіемъ. А. С. Норовъ также подчинился верховной власти надъ нимъ въ цензурномъ отношеніи комитета 2-го апрѣля.

До учрежденія этого комитета, министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Уваровымъ и одновременно съ нимъ предсѣдателемъ особой комиссіи (назначенной для разсмотрѣнія дѣйствій цензуры и согласно ли съ программами издаются журналы и газеты), адмираломъ княземъ Меншиковымъ, сообщено было, 12-го марта 1848 года, слѣдующее высочайшее повелѣніе цензурнымъ комитетамъ: «вслѣдствіе обстоятельствъ, обратившихъ вниманіе государя императора на направленіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: 1) начальству цензуры созвать цензоровъ, объявить имъ, что правительство обратило вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, и предупредить ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, хотя бы оно выражалось въ косвенныхъ намекахъ, цензура, сіи статьи пропустившая, подвергнется строгой отвѣтственности; 2) главному управленію цензуры строго взыскивать, по предоставленной начальству власти, за упущенія цензоровъ въ этомъ случаѣ; 3) теперь же поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность не пропускать въ печать выраженій, за-

ключающихъ въ себѣ намеки на строгость цензуры; 4) пояснить, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заключаетъ въ себѣ запрещеніе и говорить объ ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ».

Такимъ образомъ, съ установленіемъ крайне строгой цензуры для произведеній печати, воспрещено было даже намекать на подобное положеніе литературы, чтобы масса публики не знала о томъ. Но содержаніе литературныхъ произведеній изъ эпохи цензурнаго террора выдавало само собою эту строгость. Сверхъ того, большинство образованнаго и читающаго класса знало, хотя и не вполнѣ, о строгости цензуры. Съ 1848 года по цензурному вѣдомству неоднократно подтверждалось, чтобы въ печати не появлялись не только сѣтованія на строгость цензуры, но даже косвенныя указанія или намеки на то.

По докладу министра народнаго просвѣщенія состоялось вслѣдъ затѣмъ слѣдующее высочайшее повелѣніе, объявленное 24-го марта: «запретить русскимъ газетамъ и журналамъ переводить изъ «Revue étrangère» и «Messager» повѣсти и романы, отдѣльно еще не одобренные. Государь императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ изволилъ выразить, что и въ этихъ двухъ журналахъ лучше было бы дозволять печатать только тѣ романы и повѣсти, которые уже въ цѣломъ извѣстны».

Журналы «Revue étrangère» и «Messager» издавались въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ съ одобренія и просмотра петербургской цензуры и занимались перепечаткою романовъ, повѣстей, анекдотовъ. Переводы изъ этихъ французскихъ петербургскихъ журналовъ подлежали вторичному цензурному пересмотру.

27-го марта 1848 года, графъ Уваровъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе цензурному комитету въ Петербургѣ: «государь императоръ изволилъ обратить вниманіе на появленіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ статей, въ которыхъ авторы переходятъ отъ сужденій о литературѣ къ намекамъ политическимъ, или въ которыхъ вымышленные разсказы имѣютъ направленіе предосудительное, оскорбляя правительственныя званія, или заключая въ себѣ идеи и выраженія, противныя нравственности и общественному порядку. Въ слѣдствіе сего, по высочайшему повелѣнію, созваны были редакторы издаваемыхъ въ Петербургѣ періодическихъ изданій, и имъ объявлено, что долгъ ихъ не только отклонять всѣ статьи предосудительнаго направленія, но содѣйствовать своими журналами правительству въ охраненіи публики отъ зараженія идеями, вредными нравственности и общественному порядку. Его императорское величество повелѣлъ предупредить редакторовъ, что за всякое дурное направленіе статей ихъ журналовъ, хотя бы оно

выразилось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры».

6-го апрѣля, цензурнымъ комитетомъ было сообщено слѣдующее высочайшее повелѣніе, объявленное генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ: «не запрещать періодическимъ изданіямъ, не смотря на то, что нѣкоторыя заключали въ себѣ число листовъ болѣе опредѣленнаго программою, оставаться при теперешнемъ ихъ объемѣ, съ тѣмъ только, чтобы цензура была какъ можно осмотрительнѣе при пропускѣ статей въ печать. Цензоры отнюдь не должны участвовать въ редакціи періодическихъ изданій. Статьи, назначенныя для какого бы то ни было повременнаго изданія, подвергать непремѣнно общей гражданской цензурѣ, независимо отъ предварительнаго разсмотрѣнія особыми вѣдомствами тѣхъ статей, которыя, по содержанію своему, касаются ихъ спеціально. Пропускъ какой-либо статьи въ книгѣ или иностранной газетѣ не подразумѣваетъ права перепечатывать ту же статью въ брошюрахъ или въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, безъ особаго разсмотрѣнія, но цензоръ обязанъ дѣлать различіе между тѣми и другими, вслѣдствіе различія самаго класса читателей того или другого рода изданій».

«Отечественныя Записки», а за ними и «Библіотека для Чтенія», стали выходить толстыми книжками, чтобы быть разнообразнѣе и быть въ состояніи передавать, какъ можно скорѣе, переводы новыхъ романовъ. Нѣкоторыя книжки «Отечественныхъ Записокъ» содержали въ себѣ болѣе сорока печатныхъ листовъ. На замѣчанія цензорамъ за пропускъ ими тѣхъ или другихъ статей въ ежемѣсячныхъ журналахъ, они объясняли въ свое оправданіе, что значительный объемъ ежемѣсячныхъ книжекъ, обременяя ихъ чрезмѣрною срочною работою, не даетъ имъ возможности внимательно и тщательно просматривать цензируемыя ими статьи. Въ слѣдствіе того возникъ вопросъ объ ограниченіи ежемѣсячныхъ книжекъ извѣстнымъ числомъ листовъ. Съ этого времени ежемѣсячныя періодическія изданія пріобрѣли себѣ въ публикѣ названіе «толстыхъ журналовъ». Высочайшее повелѣніе 6-го апрѣля рѣшило возбужденный вопросъ въ пользу издателей ежемѣсячныхъ журналовъ, тѣмъ болѣе, что было предложеніе запретить изданіе тѣхъ изъ нихъ, которые выпускали въ мѣсяцъ большее число листовъ, чѣмъ сколько было заявлено въ программѣ. Что касается до запрещенія цензорамъ быть редакторами, то въ 1848 году, сколько помнится, только Александръ Васильевичъ Никитенко (профессоръ петербургскаго университета) былъ одновременно редакторомъ «Современника» и цензоромъ. Онъ предпочелъ остаться цензоромъ и отказался отъ редакторства. Амплій Николаевичъ Очкинъ былъ также одно время редакторомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», когда онѣ издавались императорскою ака-

деміею наукъ и цензоромъ. Но періодическія изданія, бывшія подъ редакціею цензоровъ, цензировались не ими, но другими членами цензурнаго комитета.

7-го мая, графомъ Уваровымъ сдѣлано было слѣдующее предложеніе цензурному комитету, вызванное сообщенною ему высочайшею резолюціею на докладѣ комитета 2-го апрѣля. «Въ № 91-мъ фельетона «Сѣверной Пчелы» (26-го апрѣля) помѣщенъ слѣдующій анекдотъ: «Одинъ чиновникъ въ донесеніяхъ начальству нерѣдко дозволялъ себѣ ироническія замѣчанія касательно дурнаго теченія дѣлъ и ошибочныхъ учрежденій. Начальникъ полушутя, полусерьезно сказалъ ему: любезный другъ, не пишите такимъ острымъ перомъ, не то мы его должны будемъ притупить. «Что же», отвѣчалъ чиновникъ, «тогда я буду писать грубо». Государь императоръ, выразивъ замѣчаніе, что подобные мнимоострые разсказы могутъ дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности, и въ такомъ случаѣ должны быть почитаемы прямо предосудительными, высочайше повелѣть изволилъ, принять надлежащія мѣры, дабы впредь ничего подобнаго не могло повторяться».

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, объявленнаго 14-го мая графу Уварову шефомъ жандармовъ, генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ, въ тотъ же день министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету: «высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ мартѣ 1831 года [1]), о которомъ предписано было петербургскому цензурному комитету 31-го марта, вмѣнено комитетамъ въ обязанность, когда бы представлены были кѣмъ-либо, на разсмотрѣніе цензуры, книга или художественное произведеніе, клонящееся къ распространенію безбожія, или обнаруживающее въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго, и показывающее духъ неблагонамѣренный, извѣщать о томъ немедленно высшее начальство, для учрежденія за виновнымъ надзора и преданія его суду по законамъ. Нынѣ г. генералъ-адъютантъ графъ Орловъ отнесся ко мнѣ, что писатели нерѣдко представляютъ къ разсмотрѣнію сочиненія самаго преступнаго содержанія и цензоры часто воспрещаютъ вполнѣ такія сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ весьма многія мѣста. Поставленные въ затруднительное положеніе въ отношеніи къ писателямъ, которые ропщутъ и негодуютъ на строгость цензоровъ, послѣдніе иногда какъ бы принуждены бываютъ пропускать сочиненія съ сомнительными мѣстами. Цензоры объясняютъ, что если бы правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ напечатанію, то оно, усмотрѣвъ сколько вредныхъ книгъ и мыслей оста-

---

[1]) Оно было сообщено тогдашнимъ шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену.

новлено, отдало бы еще похвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ. Объясненія эти показываютъ, что дѣйствіе цензоровъ ограничивается единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей. Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ, высочайше повелѣть изволилъ, дабы тѣ изъ воспрещенныхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, направленіе, были представляемы отъ цензоровъ, негласнымъ образомъ, въ III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало бы за нимъ наблюденіе».

Это распоряженіе, разгласившись въ журнальномъ мірѣ, побудило многихъ, въ огражденіе своей личности, прекратить свои литературныя занятія до наступленія болѣе благопріятнаго для того времени. Нѣкоторыя лица выдержали подобное отшельничество отъ міра литературы и журналистики до новаго царствованія.

Вслѣдствіе сообщенія комитета 2-го апрѣля, графъ Уваровъ сдѣлалъ, 11-го іюня, слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету: «Въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ вышла повѣсть подъ заглавіемъ: «Похожденія и приключенія гостинодворскихъ сидѣльцевъ или проваливай! наши гуляютъ!» О появленіи этой книжки дошло до свѣдѣнія государя императора и его императорское величество изволилъ замѣтить, что она, будучи по своей дешевизнѣ доступна низшему классу народа, для котораго естественно и содержаніемъ своимъ и самымъ заглавіемъ предназначена, не только не можетъ приносить никакой пользы по нелѣпому и безнравственному ея содержанію, но даже и можетъ почитаться вредною по нѣкоторымъ встрѣчающимся въ ней неумѣстнымъ выходкамъ. Для отвращенія на будущее время подобныхъ неумѣстностей, государь императоръ высочайше повелѣть изволилъ: предписать цензорамъ обращать самое строгое вниманіе на мелкія сочиненія сего рода, не допуская въ нихъ ничего безнравственнаго и особенно могущаго возбуждать непріязнь или завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ».

29-го іюня 1848 года министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было слѣдующее предложеніе цензурѣ, также въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля: «Въ № 20-мъ (17-го мая) издаваемой въ Дерптѣ газеты «Inland», при описаніи происходившаго въ Валкѣ собранія лифляндскаго провинціальнаго синода, приведена рѣчь, произнесенная генералъ-суперинтендентомъ

при открытіи собранія. Какъ въ приведенныхъ словахъ заключаются сѣтованія о какихъ-то претерпѣнныхъ будто-бы скорбныхъ испытаніяхъ, нигдѣ въ рѣчи ближе необъясненныхъ, сѣтованія, могущія, по самой неопредѣлительности своей, породить тревожное чувство въ многочисленномъ классѣ читателей этой газеты, то государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ предписать по вѣдомству цензуры, не пропускать впредь въ печать подобныхъ статей, которыя своею таинственностью могутъ лишь наводить на одни ложныя или произвольныя предположенія и догадки».

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, 16-го сентября, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету: «Въ № 169-мъ «Вѣдомостей С.-Петербургской городской полиціи» (2-го августа) и въ № 188-мъ (22-го августа) помѣщено окончаніе отчета «Общества посѣщенія бѣдныхъ». При изложеніи дѣйствій Общества по доставленію бѣднымъ работы и изслѣдованію о причинахъ, почему эта мѣра, повидимому, столь благодѣтельная, не имѣла на самомъ дѣлѣ тѣхъ успѣшныхъ послѣдствій, какихъ отъ нея ожидали, сказано, между прочимъ: «это явленіе показываетъ, что въ Петербургѣ до сихъ поръ милостыня выгоднѣе работы». Причиною сему явленію поставляется неразборчивость и небрежность, съ какою милостыня раздается частными лицами, и въ подтвержденіе приводится далѣе нѣсколько примѣровъ плутовства, коими ложные бѣдные исторгаютъ, такъ сказать, подаяніе. Не останавливаясь на томъ, что въ дѣлаемыхъ Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, для самого себя и для правительства, замѣчаніяхъ и изслѣдованіяхъ можетъ заключаться благонамѣреннаго, справедливаго и полезнаго, едва ли полезно печатать въ газетахъ, обращающихся во всѣхъ классахъ народа, всѣ безъ изъятія упомянутыя замѣчанія и наблюденія. Такъ, напримѣръ, между простолюдинами, держащимися болѣе буквы, нежели внутренняго смысла, упомянутое выше выраженіе, что въ Петербургѣ милостыня выгоднѣе работы, легко можетъ породить ложныя понятія и направленія и приведенные въ отчетѣ Общества примѣры замысловатыхъ и легкихъ обмановъ, употребляемыхъ ложными бѣдными, для полученія помощи, точно также могутъ служить вреднымъ указаніемъ и завлеченіемъ для людей легкомысленныхъ и недобросовѣстныхъ. Во исполненіе высочайшей воли, по сему предмету послѣдовавшей, покорнѣйше прошу предложить петербургскому цензурному комитету, чтобы впредь въ статьяхъ подобнаго рода цензоры поступали со всею осмотрительностью, дабы въ печать не могло прорываться ничего, могущаго имѣть даже косвеннымъ образомъ вредное на общественную нравственность вліяніе».

Это предложеніе комитету, сдѣланное вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля, подтверждаетъ сказанное выше, что онъ вмѣшивался во все и придирался къ мелочамъ.

Строгость цензуры, послѣ шестимѣсячной практики комитета 2-го апрѣля, дошла до такой степени, что въ печати стало мало появляться произведеній, заслуживавшихъ почему либо справедливыхъ замѣчаній притязательнаго высшаго надзора, а потому необходимость заставляла его обращать вниманіе на малозначущія упущенія, чтобы только показать, что онъ не дремлетъ и продолжаетъ усиленно дѣйствовать для охраны общества отъ зловредныхъ вліяній. Цензоры не позволяли печатать, что такое-то кушанье слѣдуетъ готовить въ печи «въ вольномъ духѣ», или что въ Россіи по статистическимъ свѣдѣніямъ считается «60 милліоновъ свиней», утверждая, что это число совпадаетъ съ числомъ всего населенія въ имперіи и проч.

24-го октября 1848 года, графъ Уваровъ писалъ предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета: «представленное, отъ 30-го сентября, объясненіе исправляющаго должность цензора коллежскаго совѣтника Лангера, о пропущенномъ имъ въ № 174-мъ «Вѣдомостей С.-Петербургской городской полиціи» увѣдомленіи, «что статьи нѣкоего г. Покорклинскаго не могутъ быть напечатаны по причинамъ, независящимъ отъ редакціи», было доведено до высочайшаго свѣдѣнія. Въ слѣдствіе сего, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: сдѣлать г. Лангеру надлежащее вразумленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить по всему цензурному вѣдомству, чтобы впредь не были допускаемы къ напечатанію такія объявленія или статьи, которыя двусмысленною формою своего выраженія могли бы подать поводъ къ толкованію ихъ въ видѣ намека на строгость цензуры. Къ сему его императорское величество собственноручно прибавить соизволилъ, что отказы, подобные вышеприведенному, не слѣдуетъ печатать, такъ какъ это дѣло частное между редакторомъ и сочинителемъ и отнюдь не касается до публики».

Въ слѣдствіе отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ министру народнаго просвѣщенія, 6-го ноября 1848 года, состоялось слѣдующее распоряженіе по цензурному вѣдомству: «въ газетахъ не должны быть дозволяемы къ печати похвалы изобрѣтеніямъ, прежде нежели оныя будутъ изслѣдованы по правиламъ науки и признаны вполнѣ основательными (для предохраненія публики отъ обмана)».

Миновалъ 1848 годъ, тяжелый для русской печати, но замѣнившій его 1849 годъ остался такимъ же памятнымъ въ нашей литературѣ. Распоряженія по цензурѣ, послѣдовавшія въ продолженіе его, безъ всякихъ поясненій, подтвердятъ справедливость моихъ словъ. 2-го февраля, министръ народнаго просвѣщенія препроводилъ петербургскому цензурному комитету слѣдующее предложеніе: «Въ № 1-мъ «Современника» за 1849 годъ помѣщена историческая статья, въ которой описано состояніе Россіи въ царствованіе Васи-

лія Ивановича Шуйскаго и бѣдственныя событія, совершившіяся при народномъ возстаніи за самозванца Лжедимитрія. Не входя въ критическій разборъ самой статьи, и не встрѣчая въ ней ничего предосудительнаго по духу ея изложенія, нельзя, однако, не остановиться на слѣдующихъ помѣщенныхъ въ ней цитатахъ: «мы видѣли, какой былъ характеръ возстанія сѣверной страны и кто стоялъ подъ знаменемъ Болотникова; пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ объявилъ цѣль и характеръ своего возстанія; въ столицѣ явились отъ него листы съ воззваніями къ самому низшему слою народонаселенія: «и велятъ, пишетъ московское духовенство къ областному, боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины ихъ и помѣстья ихъ сулятъ; и шпынямъ и безъимяннымъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и животы ихъ грабить; и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давать боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Далѣе: «послѣ этого успѣха, самозванецъ и Лисовскій пошли далѣе, приближаясь къ столицѣ, и вездѣ находили союзниковъ; они находили ихъ въ черни, объявивъ крестьянамъ, что они вольны захватывать земли господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны даже жениться на дочеряхъ господскихъ». Подобныя подробности, составляя достояніе исторіи, могутъ, конечно, въ такомъ смыслѣ входить въ составъ спеціальныхъ трудовъ по сей части, имѣющихъ свой особый кругъ читателей, но помѣщеніе ихъ въ журналѣ, расходящемся въ большомъ количествѣ и во всѣхъ классахъ народа, нельзя не признать ни полезнымъ, ни соотвѣтствующимъ цѣли подобныхъ изданій. Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу сдѣлать пропустившему означенную статью цензору соотвѣтственное вразумленіе».

Вышеприведенное предложеніе цензурѣ сдѣлано было въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля, который 16-го марта объявилъ министру народнаго просвѣщенія еще слѣдующее высочайшее повелѣніе: «никакое произведеніе книгопечатанія, въ какомъ бы объемѣ и съ какою бы цѣлію оно ни проявлялось, не должно быть дозволяемо къ выпуску изъ типографій, безъ означенія на немъ мѣста и года напечатанія и дозволенія цензора; само собою разумѣется, что сіе не должно распространяться на пригласительныя записки, частныя повѣстки, визитныя карточки и тому подобныя частныя извѣщенія».

Это распоряженіе вызвано было ироническими замѣчаніями въ публикѣ о появленіи подписей цензоровъ подъ транспарантами, свадебными и похоронными приглашеніями. При тогдашней строгости, ничего не было удивительнаго, что содержатели типографій предпочитали посылать въ цензуру на одобреніе этикеты для винъ и

лекарствъ, выпускаемыхъ изъ аптекъ, тѣмъ подвергаться въ послѣдствіи взысканіямъ и отвѣтственности.

24-го марта, по высочайшему повелѣнію, объявленному министромъ народнаго просвѣщенія, послѣдовало такое распоряженіе по поводу статьи «О значеніи русскихъ университетовъ»: «впредь не должно быть ничего пропускаемо на счетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаяхъ недоумѣній должно быть испрашиваемо разрѣшеніе». По высочайшему же повелѣнію, объявленному комитетомъ 2-го апрѣля послѣ предшествовавшаго распоряженія, «всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати» [1]).

Тѣмъ же комитетомъ было объявлено 23-го апрѣля и слѣдующее высочайшее повелѣніе: «по поводу напечатанной въ Дерптѣ диссертаціи на степень магистра, по предмету дѣйствующаго въ остзейскомъ краѣ слѣдственнаго судопроизводства, не должно быть пропускаемо къ напечатанію никакихъ разборовъ и порицаній существующаго законодательства».

31-го мая 1849 года, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля, министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету: «въ майской книжкѣ журнала «Отечественныя Записки», хотя и не находится ничего прямо противнаго цензурнымъ правиламъ, однако нельзя не обратить вниманія на нижеслѣдующія мѣста. Въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣчаются слѣдущіе афоризмы: «Человѣкъ, не рѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ надеждою истинною, утѣшеніемъ несомнѣннымъ. Хотя онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властью уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное совершенствованіе — вотъ его обязанность и его величіе». Очевидно, что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи, и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи сего журнала, дававшей преднамѣренно неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы, напримѣръ, «человѣкъ вооруженъ врожденною ему властью уничтожать зло», или «постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ—вотъ его обязанность и величіе», — фразы сіи не могутъ ли, въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ, или въ понятіяхъ неопытныхъ юношей, сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ? При раз-

---

[1]) См. выше о поводѣ къ выходу изъ министровъ графа Уварова.

борѣ дѣтской книжки «Колокольчикъ», критикъ разсуждаетъ объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и къ сему приводитъ мѣсто изъ другой книги [1]), гдѣ сочинителемъ, г. Булгаринымъ, описывается, какъ, пріѣзжая съ родителями своими къ старой бабушкѣ, они должны были преклонять предъ нею колѣни, цѣловать ей ноги, садиться не иначе, какъ по ея приказанію и проч. Затѣмъ критикъ пишетъ: «неужели чувство должно выражаться подобнымъ поклоненіемъ? Неужели самое вліяніе родителей, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ и власть, должно выражаться какимъ-то чванствомъ передъ сыномъ? Согласны, что при этихъ отношеніяхъ довѣренности быть не можетъ, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны дѣтей: первые будутъ представляться чѣмъ-то недоступнымъ для послѣднихъ, а послѣднія непремѣнно будутъ лукавить и обманывать первыхъ; вмѣсто того, чтобы чтить память ихъ, дѣти, и по смерти родителей, будутъ, не стѣсняясь ничѣмъ, не краснѣя, разсказывать о нихъ вещи, о которыхъ внутреннее ихъ чувство должно было бы заставить ихъ молчать. И все отъ того, что сами родители болѣе всего обращали вниманіе на соблюденіе внѣшняго уваженія къ нимъ, на форму, а форма ничего не значитъ, если одушевляющее ее чувство утрачено». Эту выходку трудно признать приличною. Во-первыхъ, при патріархальномъ образѣ мыслей и дѣйствій, господствующихъ еще во многихъ у насъ семействахъ, подобныя разсужденія всѣми получаемаго журнала, попавъ въ руки молодыхъ читателей, могутъ внушить имъ такія новыя понятія, которыя послѣ легко поведутъ къ разстройству мира семейнаго. Во-вторыхъ, возстаніе, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вообще противъ внѣшней формы, легко также можетъ способствовать къ отнесенію сего понятія и на другой кругъ вещей, который, при нашемъ общественномъ устройствѣ, долженъ быть неприкосновененъ частнымъ разсужденіямъ. Въ предметахъ сего рода двусмысленность нерѣдко столь же опасна, какъ и прямо выраженная предосудительная мысль, иногда даже и болѣе, потому что прямо вредному не даетъ мѣста цензура. Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу поставить цензорамъ, разсматривающимъ журналъ «Отечественныя Записки», въ обязанность дѣйствовать, при пропускѣ статей въономъ, съ самою величайшею осмотрительностью, не допуская ничего двусмысленнаго, а тѣмъ болѣе могущаго имѣть смыслъ предосудительный».

Того же числа, было объявлено комитетомъ 2-го апрѣля слѣдующее высочайшее повелѣніе: «самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещаются, на какомъ бы языкѣ ни было, критики, какъ бы благонамѣренны онѣ ни были, на иностранныя книги и сочиненія запрещенныя, и потому не должныя быть извѣстными».

---

[1]) Воспоминанія Ѳаддея Булгарина.

Послѣдствіемъ всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля, было слѣдующее распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, отъ 27-го января 1850 года, по цензурному вѣдомству: «Въ № 45-мъ газеты Rigasche Stadtblaetter», за 1849 годъ, перепечатана изъ гамбургскихъ періодическихъ листовъ статья отчета тамошняго библейскаго общества. Въ статьѣ этой описываются случаи, въ которыхъ люди низшихъ сословій съ презрѣніемъ и насмѣшкою отвергали святость Божьяго слова. Хотя, по видимой цѣли и намѣренію, не находится въ этомъ ничего неблагонамѣреннаго со стороны издателей газеты, но, во всякомъ случаѣ, осторожнѣе и соотвѣтственнѣе слабости природы человѣческой, людей, незнакомыхъ со зломъ, оставлять въ прежнемъ о немъ невѣдѣніи, нежели знакомить съ онымъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій. Напечатаніе означенной статьи представляется неумѣстнымъ, потому еще болѣе, что она помѣщена въ такой газетѣ, которая, по самой формѣ и дешевизнѣ ея изданія, какъ будто бы назначена предпочтительно для низшаго сословія, болѣе податливаго, по невѣжеству, къ воспріятію соблазнительныхъ мыслей и правилъ, нежели способнаго понимать нравственные доводы и убѣжденія. Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу предложить петербургскому цензурному комитету о должномъ наблюденіи, чтобы впредь, въ перепечатываніи извлеченій изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ, и вообще въ статьяхъ подобнаго рода, цензура поступала со всею возможною осмотрительностью, дабы въ печать не могло прорываться ничего, могущаго имѣть, даже косвеннымъ образомъ, вредное вліяніе на общественную нравственность».

29-го марта 1850 года, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ, объявлено было цензурному вѣдомству слѣдующее высочайшее повелѣніе: «не дозволять впредь изданія на финскомъ языкѣ романовъ, въ подлинникѣ или переводахъ, и всякихъ другихъ новыхъ сочиненій, кромѣ тѣхъ, которыя, по духу и изложенію, имѣютъ исключительною цѣлью назиданіе религіозное или хозяйственное, первое безъ преній о догматахъ, а послѣднее чисто практическое, безъ теорій политико-экономическихъ. Подъ именемъ новыхъ книгъ, однако же, не разрѣшаются ни новыя тисненія сочиненій на финскомъ языкѣ, бывшихъ уже въ печати, ни печатаніе старинныхъ лѣтописей, сагъ, народныхъ поэмъ или старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Изданія, цензурою въ Россіи пропущенныя, въ Финляндіи вторичной цензурѣ не подвергаются».

Это распоряженіе состоялось во время преобладанія шведскаго языка и шведской партіи въ Финляндіи. Въ слѣдующее царствованіе убѣдились, что не шведоманія составляетъ оплотъ Россіи въ Финляндіи, а потому финскій языкъ и въ цензурномъ отношеніи былъ сравненъ въ своихъ правахъ со шведскимъ.

Распоряженіемъ по цензурѣ, 31-го мая 1850 года, «въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» «должны быть помѣщаемы только тѣ изъ заграничныхъ политическихъ извѣстій, которыя печатаются въ русскихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ».

Слѣдующее распоряженіе, отъ 5-го іюня 1850 года, состоялось по высочайшему повелѣнію, объявленному комитетомъ 2-го апрѣля: «редакторы газетъ, въ которыхъ помѣщаются частныя объявленія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда присылаемыя для напечатанія частныя извѣстія заключать будутъ въ себѣ что̀ либо замѣчательное, должны останавливаться напечатаніемъ оныхъ, представляя о томъ на разрѣшеніе непосредственнаго своего начальства».

24-го октября 1850 года, министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету: «сочиненія, заключающія въ себѣ описаніе военныхъ дѣйствій россійской арміи, въ отношеніи военномъ или политическомъ, кромѣ однако же стихотворческаго описанія битвъ въ эпической поэмѣ, равно статьи о современныхъ военныхъ событіяхъ, назначаемыя для помѣщенія въ журналахъ и вѣдомостяхъ, должны быть, предварительно дозволенія къ печатанію, разсмотрѣны и одобрены г. военнымъ министромъ. Притомъ наблюдать должно, чтобы извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ войскъ нашихъ не были помѣщаемы въ газетахъ и журналахъ, доколѣ не будутъ напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ». Между тѣмъ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Сѣверная Пчела» перепечатали изъ №№ 4-й и 5-й газеты «Кавказъ» нѣсколько приказовъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ семъ краѣ. Доставить свѣдѣнія: кто имъ позволилъ».

Подобныя распоряженія по цензурѣ о порядкѣ печатанія статей и извѣстій о нашей арміи состоялись еще прежде, именно 1-го декабря 1833 года и 18-го іюля 1835 года. Распоряженіе 1850 года воспретило перепечатку приказовъ, которые отдавались по кавказскому корпусу намѣстникомъ, княземъ М. С. Воронцовымъ, потому что изложеніе военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ этихъ приказахъ разнились часто въ своей редакціи отъ реляцій о тѣхъ же событіяхъ, объявлявшихся въ «Русскомъ Инвалидѣ». Приказы князя бывали иногда подробнѣе и интереснѣе реляцій. Такъ какъ оповѣщенія военныхъ событій на самомъ Кавказѣ, вслѣдствіе усиленія наступательныхъ дѣйствій противъ Шамиля, сдѣлались необходимыми для того, чтобы мѣстное населеніе своевременно съ ними ознакомливалось, а между тѣмъ, для остальной читающей публики почему-то находили необходимымъ передавать извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ другой редакціи, то двумъ петербургскимъ газетамъ, «Сѣверной Пчелѣ» и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», запрещена была перепечатка подобнаго рода статей изъ газеты «Кавказъ». «Московскія Вѣдомости» продолжали, однако, заимствовать ихъ изъ этой тифлисской газеты, но въ послѣдствіи и имъ предпи-

сано было въ этихъ случаяхъ ограничиваться однимъ «Русскимъ Инвалидомъ». Желанію князя Воронцова не хотѣли воспротивиться, но парализировали его относительно публики, не выписывавшей газету «Кавказъ». Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія столкновеніе съ цензурою, по подобному отчасти случаю, другаго вліятельнаго лица въ администраціи царствованія императора Николая Павловича. Офицеръ Н. Анненковъ, участвовавшій въ персидской войнѣ, доставилъ, въ 1827 году, Булгарину для напечатанія въ «Сѣверной Пчелѣ» стихотвореніе «Война въ Персіи». Петербургскій цензурный комитетъ, на разсмотрѣніе котораго поступило это стихотвореніе, не рѣшился одобрить его къ напечатанію собственною властью, и препроводилъ его «на заключеніе» азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ на стихотвореніи написано было рукою Булгарина, что оно одобрено шефомъ жандармовъ, генераломъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ. Послѣдній, узнавъ объ отсылкѣ стихотворенія г. Анненкова въ азіатскій департаментъ, препроводилъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, адмиралу Шишкову, слѣдующее письмо: «Государю императору благоугодно было высочайше повелѣть мнѣ перечитывать всѣ стихи, присылаемые нашими офицерами г. Булгарину для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ журналахъ. На семъ основаніи я просматривалъ стихи г. Анненкова, подъ заглавіемъ «Война въ Персіи», и, не найдя въ нихъ ничего противнаго правиламъ цензурнаго устава, возвратилъ оныя къ г. Булгарину для напечанія. Нынѣ увѣдомленъ я, что цензура, несмотря на то, что г. Булгаринъ объявилъ мое одобреніе, не только не пропустила сихъ стиховъ, но позволила себѣ даже не уважить моего имени и отнести разрѣшеніе сего вопроса на уваженіе азіатскаго департамента». Но цензурный комитетъ не повѣрилъ надписи рукою Булгарина, что стихотвореніе одобрено Бенкендорфомъ, потому что вовсе не зналъ о высочайшемъ повелѣніи, данномъ этому шефу жандармовъ просматривать стихотворенія, присылаемыя изъ нашей арміи, двинутой противъ персидскихъ войскъ.

31-го января 1851 года, комитетомъ 2-го апрѣля объявлено было слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Въ помѣщаемыхъ въ нашихъ изданіяхъ отзывахъ о публичныхъ установленіяхъ и сословіяхъ не должны быть допускаемы неприличныя выраженія, могущія нарушить въ читателяхъ должное къ правительственнымъ учрежденіямъ уваженіе». 15-го февраля, министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было слѣдующее предложеніе цензурному комитету: «въ нѣкоторыхъ изъ выходящихъ у насъ повременныхъ изданіяхъ замѣчены статьи и разсужденія, заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ и сочиненій, заключающія въ себѣ большею частью повтореніе тѣхъ утопій, которыя проповѣдывались на мирныхъ конгрессахъ, парижскомъ 1849 года и франкфуртскомъ 1850 года. Въ

предупрежденіе распространенія у насъ предосудительныхъ мыслей и понятій, которыя могутъ быть возбуждены изложеніемъ вреднаго и ложнаго ученія такъ называемыхъ мирныхъ конгрессовъ, покорнѣйше прошу предложить петербургскому цензурному комитету не допускать въ повременныхъ изданіяхъ и сочиненіяхъ никакихъ статей и разсужденій, относящихся къ мирнымъ конгрессамъ и ихъ ученію».

Замѣчательно въ особенности слѣдующее предложеніе, отъ 30-го марта 1851 года, министра народнаго просвѣщенія петербургскому цензурному комитету: «въ здѣшнихъ повременныхъ изданіяхъ помѣщаются иногда статьи по высочайшимъ повелѣніямъ или разрѣшеніямъ, объявляемымъ генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ, и притомъ по такимъ предметамъ, или въ такихъ выраженіяхъ, на дозволеніе которыхъ цензурный комитетъ не имѣлъ бы права по общимъ правиламъ цензуры. Для избѣжанія могущаго въ такихъ случаяхъ встрѣтиться недоразумѣнія, при наблюденіи за дѣйствіями цензуры со стороны министерства, я нахожу нужнымъ покорнѣйше просить о всѣхъ таковыхъ высочайшихъ разрѣшеніяхъ, объявляемыхъ цензурному комитету не чрезъ посредство министерства народнаго просвѣщенія, доводить немедленно до моего свѣдѣнія».

18-го іюля 1851 года, сдѣлано было слѣдующее распоряженіе по цензурѣ, въ силу отношенія военнаго министра: «Высочайшія конфирмаціи по военносуднымъ дѣламъ, печатаемыя обыкновенно въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», не должны быть перепечатаемы на будущее время въ газетахъ литературнаго и политическаго содержанія, издаваемыхъ частными лицами». Наконецъ, 15-го декабря 1851 года, состоялось высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ народнаго просвѣщенія, чтобы «главному управленію цензуры доводить до высочайшаго свѣдѣнія о важнѣйшихъ по внутренней цензурѣ упущеніяхъ, на которыя обращено будетъ вниманіе главнымъ управленіемъ цензуры».

Послѣднимъ повелѣніемъ былъ возстановленъ нѣсколько авторитетъ главнаго управленія цензуры и министра народнаго просвѣщенія, какъ высшаго его начальника, поколебленный въ 1848 году учрежденіемъ комитета 2-го апрѣля, но такъ какъ эти оба высшія цензурныя установленія дѣйствовали независимо одно отъ другаго, то упущенія по дѣламъ печати и цензуры стали уже поступать на высочайшее имя, въ видѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ изъ двухъ учрежденій. Въ то же время дѣйствовала въ полной силѣ при III Отдѣленіи собственной канцеляріи особая экспедиція, управлявшій которою старшій чиновникъ, вмѣстѣ со своими помощниками-чтецами, также составлялъ ежедневныя обозрѣнія, или доклады, о всѣхъ замѣченныхъ имъ упущеніяхъ въ печати и цензурѣ, также заслуживающихъ быть доведенными до высочайшаго свѣдѣнія или

быть предметомъ отношенія отъ шефа жандармовъ къ министру народнаго просвѣщенія. Можно ли обвинять послѣ этого тогдашнихъ цензоровъ, что они безъ милосердія употребляли красныя и иныя чернила для уничтоженія статей, фразъ, словъ, которыя могли бы навлечь на нихъ немилость или кару начальства?

5-го января 1852 года, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля, министромъ народнаго просвѣщенія, объявлено было такое предложеніе петербургскому цензурному комитету: «12-го сентября 1850 года, по поводу изданной въ Москвѣ книги, подъ названіемъ «Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй», было сообщено высочайшее повелѣніе объ усугубленіи надзора за содержаніемъ вновь издаваемыхъ сего рода книгъ. Нынѣ, по дошедшимъ до государя императора свѣдѣніямъ о новомъ изданіи означенной книги, въ которомъ замѣчены отчасти тѣ же самыя неисправности, какъ и въ прежнемъ, и по случаю представленія на высочайшее усмотрѣніе соображенія о мѣрахъ къ ограниченію, на будущее время, изданія вздорныхъ и питающихъ суевѣріе книгъ, подобныхъ вышеозначенной, 30-го декабря минувшаго года, послѣдовала собственноручная резолюція его императорскаго величества: «Не вижу препятствія подобныя сочиненія впредь вовсе запрещать». Увѣдомляя о сей высочайшей волѣ, предлагаю, чтобы книги «Магазинъ всѣхъ увеселеній» и подобныя ей гадательныя книги не были впредь разрѣшаемы къ напечатанію».

20-го іюля того же года, министромъ народнаго просвѣщенія сообщено было цензурному вѣдомству, слѣдующее высочайшее повелѣніе, объявленное ему III Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи: «на представляемыя къ одобренію, для изданія въ свѣтъ, сочиненія въ духѣ славянофиловъ, должно быть обращаемо особенное и строжайшее вниманіе со стороны цензуры».

Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля, послѣдовало, 25-го апрѣля 1853 г., такое распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія по цензурѣ: «въ неоффиціальной части «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщаются матеріалы для описанія Курской губерніи. Въ № 11-мъ вѣдомостей за 1853 годъ напечатана двѣнадцатая статья матеріаловъ, подъ заглавіемъ «Народныя игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанскаго и Рыльскаго уѣздовъ». Собраніе и обнародованіе подобныхъ матеріаловъ, живыхъ памятниковъ старины и преданій, — весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ томъ едва ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора, и тѣмъ болѣе въ губернскихъ вѣдомостяхъ, всего, что̀ сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же если ими нарушаются добрые нравы и можетъ

быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о священныхъ предметахъ. Въ сихъ видахъ, при чтеніи вышеупомянутой статьи, вниманіе остановилось на слѣдующихъ загадкахъ:

Родился — не крестился
Умеръ — не спасъ
Богоносцемъ—былъ (Разгадка: оселъ).
На свѣтѣ жилъ
И Богу служилъ
А умеръ—ни въ святыхъ, ни въ грѣшныхъ (Разгадка: оселъ).
Вышелъ дѣдъ
Семидесяти лѣтъ
Вынесъ внучку
Старше себя (Разгадка: евангеліе).

«Хотя эти загадки дѣйствительно въ народѣ существуютъ и собираются съ полезною цѣлію, но, по неприличію ихъ, въ 15-й день сего апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе: принять зависящія мѣры къ отклоненію на будущее время пропуска цензурою преданій подобнаго рода, которыхъ, конечно, нѣтъ ни какой пользы сохранять въ народной памяти чрезъ печать».

25-го ноября 1853 года, комитетомъ 2-го апрѣля было объявлено цензурѣ слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Государь императоръ, по разсмотрѣніи замѣчаній, послѣдовавшихъ на изданные въ текущемъ году въ Москвѣ почетнымъ гражданиномъ Гарелинымъ «Старинные акты, служащіе преимущественно дополненіемъ къ описанію города Шуи», изволилъ признать полезнымъ, чтобы, при изданіи на будущее время вообще всякихъ такого рода старинныхъ актовъ, означаемо было всегда, откуда именно каждый изъ нихъ взятъ».

23-го апрѣля 1854 г., вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада комитета 2-го апрѣля, министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ предложеніе цензурному комитету: «въ № 6-мъ «Москвитянина» 1854 года напечатана статья М. Дмитріева «Мелочи изъ запаса моей памяти», въ которой описываются, между прочимъ, подробности удаленія отъ службы покойнаго графа Сперанскаго. Во исполненіе послѣдовавшаго по сему случаю, въ 11-й день апрѣля, высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе по цензурѣ, чтобы вообще не было допускаемо въ печать ничего касающагося сего событія».

Въ это время предсѣдателемъ комитета 2-го апрѣля былъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, издавшій, чрезъ нѣсколько лѣтъ, при новомъ царствованіи жизнеописаніе графа Сперанскаго. Другія времена, другіе нравы!

Отъ 29-го мая 1854 года послѣдовало слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія цензурѣ, вызванное также соотвѣтственнымъ докладомъ комитета 2-го апрѣля: «въ нынѣшнемъ году вышла въ Москвѣ книга: «Русскія пословицы и поговорки,

собранныя и объясненныя Ѳ. Буслаевымъ». Въ этомъ, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія, трудѣ, найдены, однакоже, совершенно неумѣстными въ печати слѣдующія пословицы: «Дѣти отца бьютъ — въ запасъ пасутъ»; «Мила жена, какъ къ вѣнцу ведутъ, да какъ вонъ несутъ»; «Слава Богу! батюшку съ матушкою схоронилъ, какъ съ поля убралъ». Во исполненіе объявленнаго мнѣ по этому случаю высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 20-й день сего мая, я покорнѣйшу прошу вмѣнить въ обязанность цензорамъ, чтобы впредь они не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ, которыя, едва ли имѣя какое-нибудь общее къ народу распространеніе, столь противны общему патріархальному чувству нашего народа и которыя, если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь отдѣльной мѣстности, не можетъ, конечно, быть полезнымъ оглашать и вводить чрезъ печать какъ бы въ общее употребленіе».

22-го іюля 1854 года, сдѣлано было слѣдующее распоряженіе по цензурѣ, вызванное также комитетомъ 2-го апрѣля: «во всѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ-либо сочиненіи, издаваемомъ въ имперіи и царствѣ Польскомъ, дѣлаются выписки мѣстъ или текстовъ изъ св. книгъ ветхаго и новаго завѣта, на какомъ бы-то языкѣ ни было, должно быть означаемо, подъ каждою такою выпискою, указаніе на книгу, главу и стихъ, откуда она заимствована».

Министромъ народнаго просвѣщенія, 5-го августа того же года, прислано было слѣдующее предложеніе петербургскому цензурному комитету, вызванное всеподданнѣйшимъ докладомъ комитета 2-го апрѣля: «циркулярнымъ предложеніемъ, отъ 25-го апрѣля 1853 года, сообщилъ я, по высочайшему повелѣнію, къ руководству по цензурному вѣдомству, соображенія касательно недопущенія въ печать безъ разбора изустныхъ народныхъ преданій, въ особенности же, если ими нарушаются добрые нравы и можетъ быть поданъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ. Однако, въ нѣкоторыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ все еще встрѣчаются народныя преданія, не согласующіяся съ изложенными требованіями. Такъ, напримѣръ, «Заговоры, наговоры и заклятія», напечатанныя въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній» г. Калачова. По сему поводу покорнѣйше прошу подтвердить по цензурному вѣдомству о строгомъ исполненіи вышеозначеннаго высочайшаго повелѣнія, въ особенности же при разсмотрѣніи повременныхъ популярныхъ изданій, съ изъясненіемъ притомъ, что подобные вышеназваннымъ наговоры и волшебныя заклятія, какъ остатки вреднаго суевѣрія, не имѣющія и въ ученомъ отношеніи ни какого значенія, вовсе не должны быть допускаемы къ печати, не только въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже въ сборникахъ и въ книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлію, и предназначаемыхъ для образованнаго класса публики».

24-го сентября, по высочайшему повелѣнію, объявленному министру народнаго просвѣщенія комитетомъ 2-го апрѣля, было предписано, что «народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; не должны быть пропускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати, въ особенности въ губернскихъ вѣдомостяхъ».

7-го октября 1854 г. состоялось вновь слѣдующее распоряженіе по цензурному вѣдомству: «сочиненія и статьи, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то, ко временамъ Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ, не умѣстны и оскорбительны для народнаго чувства и отъ того должны быть подвергаемы строжайшему разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ».

Это распоряженіе вызвано было наступившею для Россіи тяжелою севастопольскою годиною, перенесенною ею терпѣливо, какъ бы въ чаяніи предстоящаго обновленія.

Изъ дѣятельности комитета 2-го апрѣля въ 1855 году до меня не дошло свѣдѣній. Надобно полагать, что кончина императора Николая Павловича, напряженіе всѣхъ силъ имперіи въ борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ, а также восшествіе на престолъ императора Александра Николаевича, не дали комитету 2-го апрѣля возможности вмѣшиваться, попрежнему, въ дѣла печати, или вѣрнѣе устранили необходимость его существованія. Баронъ М. А. Корфъ не выпустилъ бы изъ своихъ рукъ такого учрежденія, если бы не увидалъ на опытѣ, что дни послѣдняго сочтены. Вслѣдствіе того и состоялся всеподданнѣйшій его докладъ, 6-го декабря 1855 г., о закрытіи этого комитета.

Въ этой статьѣ я не могъ собрать всѣхъ документовъ, относящихся къ дѣятельности комитета 2-го апрѣля и привелъ только тѣ, которые мнѣ сдѣлались извѣстны. Желательно, чтобы архивъ, хранящій въ себѣ дѣла комитета 2-го апрѣля, сдѣлался доступнымъ. Исторія этого комитета, несмотря на широкое полномочіе, данное ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ, несмотря на вниманіе его ко всѣмъ докладамъ комитета, которые, какъ видно по резолюціямъ, прочитывались тщательно императоромъ,—убѣдительно доказала, что подобная цензура пережила сама себя.

XLIV.

Къ біографіи А. Ѳ. Писемскаго.

Повѣсть А. Ѳ. Писемскаго «Фанфаронъ» появилась впервые въ августовской книжкѣ «Современника» 1854 года и вызвала замѣчанія министра народнаго просвѣщенія петербургскому цензурному комитету, пропустившему эту повѣсть въ печать. Замѣчанія эти вызваны были «сатирическими выходками» противъ должностей и служебныхъ лицъ, хотя министръ и признавалъ, что повѣсть «имѣетъ литературныя и нравственныя достоинства». Но эти выходки, обратившія на себя вниманіе высшей цензуры, были невиннаго свойства. Такъ о судебныхъ мѣстахъ было сказано: «нельзя же, могутъ случиться дѣлишки по судамъ; лучше, какъ позакормишь»; также обратилъ на себя вниманіе отзывающійся ироніею разсказъ исправника о губернаторѣ, который посѣщаетъ мота-помѣщика, въ благодарность за подаренную имъ губернаторской женѣ дорогую собачку. Въ замѣчаніи цензурному комитету было сказано, что «въ литературныя произведенія не слѣдуетъ вводить ничего могущаго вредить тому уваженію, которымъ должны быть облечены въ общемъ мнѣніи правительственныя мѣста и лица».

XLV.

„Сѣверная Пчела“ и извозчичья такса.

Въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы», 2-го іюня 1848 года, было помѣщено, между прочимъ, извѣстіе, что для недѣльныхъ концертовъ Гунгля въ павловскомъ вокзалѣ учреждены отдѣльные поѣзды на царскосельской желѣзной дорогѣ, которые дали возможность петербургскимъ жителямъ часомъ долѣе оставаться на музыкѣ и возвращаться домой позже прежняго. «Слово возвращаться (писалъ фельетонистъ), производитъ всегда какое-то галваническое потрясеніе. Пріѣзжать въ Петербургъ ночью, въ дурную погоду и предаться на жертву легковымъ извозчикамъ—это ужасно! Мы часто сравнивали прекрасное учрежденіе таксы въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ съ произвольною цѣною петербургскихъ извозчиковъ, но надняхъ убѣдились, что и тамъ, гдѣ такса существуетъ, надобно торговаться! Въ случаѣ дурной погоды, въ особенности, царскосельскіе извозчики, точно также неумолимы, какъ и столичные. Мы видѣли примѣръ, что отъ станціи желѣзной дороги до дворца должно было заплатить 40 к. с. Это были женщина и дѣти, застигнутыя дождемъ; что имъ было дѣлать? Уступить необходимости!»

Комитетъ 2-го апрѣля нашелъ, что подобная замѣтка объ извозчичьей таксѣ составляетъ неприличную выходку противъ существующихъ распоряженій установленныхъ властей и сдѣлалъ объ этомъ фельетонѣ докладъ императору Николаю Павловичу. Какъ было сообщено издателямъ газеты, вслѣдствіе предложенія министромъ народнаго просвѣщенія цензурному комитету, «государь императоръ изволилъ замѣтить, что цензурѣ не слѣдовало пропускать этой выходки. Каждому скромному желанію лучшаго, каждой умѣренной жалобѣ на неисполненіе закона или установленнаго порядка, каждому основательному извѣщенію о дошедшемъ до чьего либо свѣдѣнія злоупотребленіи, указаны у насъ законные пути. Косвенные укоризны царскосельскому начальству, а отчасти петербургскому, содержащіяся въ приведенномъ фельетонѣ, сами по себѣ, конечно, не важны; но важно то, что онѣ изъявлены не предъ подлежащею властью, а переданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства. Впрочемъ, какъ означенная статья напечатана въ журналѣ, вообще отличающемся благонамѣренностью и направленіемъ, совершенно соотвѣтственнымъ цѣли и видамъ правительства, то его императорское величество, приписывая и эту статью одному только недостатку осмотрительности, высочайше изволилъ повелѣть, сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, чтобъ впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ, порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія не принадлежали».

XLVI.

Цензура и патріотизмъ.

Николай Ивановичъ Гречъ мнѣ разсказывалъ, что когда въ 1812 году онъ задумалъ изданіе журнала «Сынъ Отечества», у него было всего 300 или 400 руб. ассигн. Ему помогъ бумажный фабрикантъ Завѣтный, давшій ему въ долгъ бумагу на первыя книжки журнала. Онѣ были тоненькія, небольшого формата. Бумажная фабрика Завѣтнаго, значительно расширенная, уже послѣ смерти его, лѣтъ двадцать тому назадъ, перешла въ собственность акціонерной компаніи, подъ названіемъ «Покровской бумажной фабрики», нынѣ ликвидировавшей свои дѣла. Названіе журналу Н. И. Гречъ далъ вслѣдствіе письма своего брата, Александра Ивановича, который, находясь въ арміи, писалъ къ нему, что если ему придется умереть за отчизну, то онъ умретъ какъ истинный «сынъ отечества». Эта фраза

произвела такое впечатлѣніе на Н. И. Греча, что онъ назвалъ свой журналъ «Сынъ Отечества». Александръ Ивановичъ Гречъ палъ подъ Бородинымъ. Правительство, видя вліяніе журналовъ на публику въ тяжелую годину борьбы съ Наполеономъ I, въ особенности патріотическихъ ихъ статей, нашло необходимымъ поддержать издателей и даже поощрять къ новымъ патріотическимъ повременнымъ изданіямъ. Поэтому, въ самомъ началѣ изданія «Сына Отечества», императоръ Александръ Павловичъ, выдалъ Гречу 1,000 руб. ассигн. Въ письмѣ тайнаго совѣтника Оленина къ министру народнагó просвѣщенія, графу Разумовскому, было сказано, что императоръ, «узнавъ, что издатель недостаточенъ, повелѣлъ выдать ему изъ кабинета 1,000 руб.». За десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1802 году, адъюнктъ московскаго университета, Боккаревичъ, предлагалъ издавать въ обширномъ видѣ, въ качествѣ органа правительства, «Правительственный журналъ», но, вслѣдствіе доклада по этому предмету министра народнаго просвѣщенія, графа Завадовскаго, императору Александру I, не послѣдовало согласія на такое предложеніе. Въ подобномъ органѣ правительство въ то время не нуждалось.

При императорѣ Николаѣ Павловичѣ, по поводу патріотизма и патріотическихъ статей, въ разное время состоялось нѣсколько распоряженій по цензурному вѣдомству. Такъ, 6-го мая 1847 года, по петербургскому цензурному комитету обращено было особое вниманіе его цензоровъ «на журнальныя и другія статьи объ отечественной исторіи, для предотвращенія въ оныхъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особою осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то, по крайней мѣрѣ, неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть».

Въ главѣ IX [1]) «Изъ моихъ воспоминаній», я передалъ нѣкоторыя подробности появленія, въ 1854 году, патріотическихъ стихотвореній, вызванныхъ войною съ Англіею, Франціею, Турціею, а также о стихотвореніи «Вотъ въ воинственномъ азартѣ», напечатаннаго по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича. Представленіе въ цензуру въ огромномъ числѣ патріотическихъ стихотвореній побудило тогдашняго министра народнаго просвѣщенія войти съ особымъ докладомъ къ императору, вслѣдствіе чего, 11-го февраля 1854 года, по цензурному вѣдомству состоялось слѣдующее распоряженіе: «по случаю настоящихъ событій, представ-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1882 г., томъ VII, стр. 349.

ляется въ цензуру множество различныхъ сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ, съ изъявленіемъ патріотическихъ чувствъ. Всѣ они выражаютъ троякое направленіе умовъ: глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости, готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывъ негодованія противъ посягательствъ чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи. Уважая столь возвышенныя и прекрасныя начала, и имѣя въ виду настоящую потребность общества въ ихъ обнаруженіи, я (министръ народнаго просвѣщенія) долгомъ почелъ испросить высочайшее указаніе, до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій. Государь императоръ, въ 8-й день сего февраля, высочайше соизволилъ разрѣшить безпрепятственное печатаніе вышеизложенныхъ сочиненій съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось брани».

Вскорѣ послѣ этого распоряженія по цензурѣ, вышла мартовская книжка «Современника», въ которой было помѣщено извѣстное стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева, съ слѣдующимъ прорицаніемъ:

И своды древнія Софіи,
Въ возобновленой Византіи
Вновь осѣнитъ Христовъ алтарь.
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Императоръ Николай Павловичъ, прочитавъ это стихотвореніе, зачеркнулъ двѣ послѣднія строки (напечатанныя съ разбивкою) и написалъ: «подобныя фразы не допускать».

23-го апрѣля того же 1854 года, состоялось слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія цензурѣ: «въ текущемъ году напечатана въ Петербургѣ брошюра, подъ заглавіемъ «Паденіе Турціи», содержащая въ себѣ: 1) пророчество, найденное на гробѣ Константина Великаго, 2) предсказанія султана Солимана и арабскаго астролога Муста-Эддына, и 3) предсказанія Мартына Задеки. Въ прежнее время, подобныя статьи, какъ не содержащія въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры, проходили не замѣтно, не останавливая на себѣ вниманія. Нынѣ же, по возникшему недоразумѣнію, можно ли и должно ли, по видамъ правительства, статьи сего рода, предназначаемыя, разумѣется, болѣе для простонароднаго чтенія, пропускать въ печать и при настоящихъ обстоятельствахъ, упомянутая брошюра была повергнута на благоусмотрѣніе государя императора, съ испрашиваніемъ высочайшихъ по сему предмету указаній. По сему послѣдовала собственноручная его императорскаго величества резолюція: «Лучше избѣгать, ибо пользы отъ сего нѣтъ».

28-го апрѣля 1854 года, вслѣдствіе послѣдовавшаго высочайшаго повелѣнія, по цензурному вѣдомству сдѣлано было распоряженіе: «отклонять впредь отъ печатанія похвалы будущимъ, то-есть

не состоявшимся еще, дѣйствіямъ нашего флота, и положительно не допускать похвалы и одобренія дѣйствіямъ и намѣреніямъ его императорскаго высочества генералъ-адмирала».

Наконецъ, по вопросу о политическихъ каррикатурахъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія, предписано было по цензурѣ, 30-го декабря 1854 г., «каррикатуры комическаго содержанія, направленныя противъ враждебныхъ намъ государствъ и народовъ, допускать къ печати въ такомъ только случаѣ, если онѣ представляютъ смѣшную сторону предмета, съ соблюденіемъ приличія и не заключаютъ въ надписяхъ брани».

XLVII.

Императоръ Николай Павловичъ и графъ Орловъ.

Шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ (пожалованный княземъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ послѣ заключенія мира въ Парижѣ, въ 1856 году), принадлежалъ къ числу немногихъ лицъ, приближенныхъ къ императору Николаю Павловичу. Въ дворянскомъ собраніи, въ Петербургѣ, былъ данъ парадный балъ, по случаю бракосочетанія одной изъ великихъ княженъ, на которомъ присутствовала вся императорская фамилія. Николай Ивановичъ Гречъ, отъ котораго я слышалъ нижеслѣдующій разсказъ, находился въ числѣ приглашенныхъ и стоялъ на галлереѣ за колоннами, окружающими бальную залу. Императоръ Николай Павловичъ ходилъ по этой галлереѣ вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ и разговаривалъ съ нимъ. Поравнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ Гречъ, императоръ оставилъ графа Орлова, обратился къ другому лицу и пошелъ съ нимъ далѣе. Графъ Орловъ, увидавъ Греча, подошелъ къ нему, съ восклицаніемъ:

— Уфъ!

— Что съ вами, графъ? спросилъ Гречъ, устали? душно?

— А вы думаете, что съ «нимъ» легко говорить, отвѣчалъ графъ Орловъ и головою показалъ по тому направленію, по которому направился императоръ.

XLVIII.

Дозволеніе помѣщать въ газетахъ театральныя рецензіи.

Разрѣшеніе газетамъ и журналамъ печатать разборы театральныхъ пьесъ дано было въ началѣ 1828 года. Я слышалъ, что такое разрѣшеніе выхлопоталъ Ѳ. В. Булгаринъ у шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Бенкендорфа. Оффиціальное разрѣшеніе на

помѣщеніе въ періодическихъ изданіяхъ подобныхъ статей послѣдовало на основаніи слѣдующей собственноручной отмѣтки генералъ-адъютанта Бенкендорфа на подлинномъ корректурномъ листѣ одного нумера «Сѣверной Пчелы»: «позволяется печатать, и впредь можно писать о театрахъ, показывая мнѣ». Поэтому всѣ театральныя рецензіи посылались на предварительное разсмотрѣніе въ III Отдѣленіе собственной канцеляріи, а уже потомъ цензировались и одобрялись къ печати общею цензурою. Въ 1843 году, высочайшимъ повелѣніемъ предоставлено было статьи объ императорскихъ театрахъ просматривать и министру императорскаго двора, послѣ просмотра ихъ въ III Отдѣленіи, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ онѣ цензировались общею цензурою. 13-го іюня 1845 года по цензурному вѣдомству сдѣлано было распоряженіе, относившееся только до редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (въ то время еще не поступавшихъ въ аренду частныхъ лицъ), а именно, что «всѣ журнальныя статьи, въ какомъ либо отношеніи до театровъ касающіяся, должны быть сообщаемы, прежде напечатанія ихъ въ газетахъ, директору императорскихъ театровъ для предварительнаго прочтенія, какъ это дѣлается по театральнымъ статьямъ, поступающимъ въ III Отдѣленіе собственной канцеляріи».

Это распоряженіе распространено было на всѣ журналы. Въ 1849 году, я засталъ такой порядокъ, что статья въ оригиналѣ, не въ наборѣ, посылалась изъ редакціи въ III Отдѣленіе, гдѣ ее просматривалъ старшій чиновникъ театральной экспедиціи этого Отдѣленія и со своими помѣтками, одобреніемъ или запрещеніемъ, отправлялъ самъ къ директору императорскихъ театровъ. Послѣдній подписывалъ разрѣшеніе къ печати статьи, послѣ чего она посылалась къ обыкновенному цензору. Въ самомъ скоромъ случаѣ отчетъ о спектаклѣ могъ появиться въ газетѣ на четвертый или пятый день. При мнѣ болѣе всего статьи залеживались у директора театровъ. Такъ продолжалось до 1862 года, когда отмѣнена была театральная цензура, вмѣстѣ съ прочими остальными спеціальными цензурами, и отчеты о спектакляхъ, новыхъ пьесахъ, подлежавшіе только общей цензурѣ, стали появляться въ газетахъ чрезъ день. Директоръ театровъ, Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, деспотически распоряжался съ представляемыми ему театральными рецензіями. Авторы ихъ должны были согласоваться съ его убѣжденіемъ, вкусомъ, мнѣніемъ. Напримѣръ, авторъ писалъ, что «такой-то актеръ съигралъ свою роль дурно», Гедеоновъ зачеркивалъ слово «дурно» и писалъ «хорошо» или «удовлетворительно» и т. п. То же самое творилось А. М. Гедеоновымъ относительно отзывовъ объ актрисахъ. Я помню много случаевъ, гдѣ онъ вписывалъ въ текстъ статьи красными чернилами похвалы любимымъ имъ артисткамъ, если авторъ не находилъ нужнымъ упомянуть о нихъ. Такимъ же образомъ измѣ-

нялъ онъ отзывы о новыхъ пьесахъ, если находилъ это необходимымъ по своимъ соображеніямъ. Статьи возвращались отъ А. М. Гедеонова сильно измѣненными и или надобно было отказываться отъ помѣщенія въ газетѣ отзыва о новой пьесѣ, о новомъ актерѣ, о бенефисѣ, или печатать то, что̀ желалъ директоръ театровъ. Апелляціи на такой судъ тогда не было. Нѣкоторые изъ общихъ цензоровъ, получивъ съ корректурою статьи для подписи также оригиналъ, одобренный А. М. Гедеоновымъ, сличали съ нимъ корректуру и поправляли текстъ, если онъ въ чемъ либо малѣйшемъ разнствовалъ отъ подписаннаго директоромъ театровъ оригинала.

Пав. Усовъ.

КИШИНЕВСКІЯ ПРЕДАНІЯ О ПУШКИНѢ.

ИШИНЕВСКАЯ старина во многихъ отношеніяхъ имѣетъ не только мѣстный, провинціальный или, такъ сказать, губернскій интересъ, но и болѣе общій: именно сначала южнорусскій, а затѣмъ и общерусскій. Напримѣръ: первоначальные насадители просвѣщенія въ Кишиневѣ, когда онъ сдѣланъ былъ главнымъ городомъ новоприсоединенной Бессарабіи, были малороссы и большею частію кіевляне. Ихъ труды, ихъ судьба, безъ сомнѣнія, могутъ заинтересовать не только историка мѣстнаго, но и того, кто слѣдитъ за историческими фактами и болѣе общаго свойства, именно выкапываетъ черты старины малорусской. Но есть въ исторіи Кишинева и такія преданія и такіе факты, которые имѣютъ живой общерусскій интересъ, способный возбудить вниманіе во всякомъ русскомъ образованномъ человѣкѣ. Таковъ напримѣръ фактъ—жизнь въ Кишиневѣ величайшаго русскаго поэта Пушкина. Мы еще на половину въ долгу передъ этимъ важнымъ фактомъ въ исторіи русской литературы, и вотъ въ уплату этого долга въ настоящій разъ соберемъ во едино преимущественно такія преданія изъ кишиневской старины, которыя имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ личности Пушкина.

Пушкинъ былъ въ Кишинѣ не проѣздомъ и видѣлъ его не мимоходомъ, а жилъ въ немъ, по волѣ судебъ, въ качествѣ осѣдлаго иногороднаго обывателя, около трехъ лѣтъ (1820—1822 г.). Этотъ трехлѣтній періодъ жизни поэта имѣлъ весьма важное значеніе въ развитіи его человѣческой и поэтической личности, о чемъ уже достаточно у насъ писано. Изъ наиболѣе обширныхъ и цѣнныхъ трудовъ, посвященныхъ кишиневской жизни Пушкина, можно ука-

зать на сочиненіе Бартенева: Пушкинъ въ Южной Россіи [1]) и на монографію Анненкова: Пушкинъ въ Александровскую эпоху [2]). Трудъ Бартенева изобилуетъ больше фактическими подробностями и особенно драгоцѣненъ приложенными къ нему въ высшей степени интересными «Воспоминаніями» кишиневскаго пріятеля Пушкина Липранди; въ изслѣдованіи же Анненкова поставлено главной задачей осмыслить характеръ и обстановку кишиневской жизни Пушкина. Въ общихъ взглядахъ на эту жизнь и на ея значеніе въ исторіи личности поэта гг. Бартеневъ и Анненковъ нѣсколько расходятся между собою, и намъ кажется, что ихъ взгляды страдаютъ нѣкоторою односторонностію. Лучше всего, по нашему мнѣнію, понялъ и оцѣнилъ эту жизнь Я. К. Гротъ въ статьѣ своей: Первенцы лицея и его преданія [3]). Всѣ эти общіе взгляды на кишиневскую жизнь нашего поэта мы уже имѣли случай подробно разбирать и оцѣнить въ статьѣ, написанной къ открытію въ Москвѣ памятника Пушкину и помѣщенной въ одесской газетѣ «Правда» [4]). Здѣсь мы хотимъ дополнить нашу работу сообщеніемъ собранныхъ нами на мѣстѣ преданій о кишиневской жизни Пушкина, доселѣ еще неизвѣстныхъ въ печати.

На сколько мы могли узнать изъ разспросовъ и наблюденій, имя Пушкина очень популярно въ Кишиневѣ, среди старожиловъ города. Видно, что память о поэтѣ, созданная его собственною здѣсь жизнію и поддержанная затѣмъ дальнѣйшею его громкою литературною славою, довольно глубоко заронилась въ кишиневскомъ обществѣ. Всякій мало-мальскій образованный старожилъ кишиневскій непремѣнно разскажетъ вамъ что̀ нибудь про Пушкина: укажетъ на мѣсто, гдѣ жилъ поэтъ, на такъ называемую здѣсь Инзову Гору; передастъ какой нибудь анекдотъ изъ его похожденій и шалостей, припомнитъ что̀ нибудь остроумное и часто непечатное изъ его стиховъ и каламбуровъ, назоветъ женскую личность кому онъ писалъ въ альбомъ, и проч. и проч. Но все это большею частію заимствовано уже изъ вторыхъ рукъ и, конечно, передается иногда съ такими варіянтами и комментаріями, которымъ нужно довѣряться осторожно... А такихъ старожиловъ кишиневскихъ, которые лично помнятъ Пушкина, видѣли его, разговаривали съ нимъ,

---

[1]) Напечатано сначала въ соединенной газетѣ «Русская Рѣчь и Московскій Вѣстникъ», 1861 г. №№ 85—104, а затѣмъ перепечатано въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., тетр. 8 и 9. Л. М.

[2]) Напечатана сначала въ «Вѣстникѣ Европы» 1873 и 1874 г., а затѣмъ вышла и отдѣльной книгою. Л. М.

[3]) Помѣщена въ сборникѣ «Складчина» 1874 г. Кстати замѣтимъ, что въ появившихся недавно въ «Русскомъ Архивѣ» (1882 г. кн. 2), воспоминаніяхъ (мужа извѣстной чрезъ Гоголя «Калужской губернаторши») Н. М. Смирнова очень вѣрно и мѣтко съ психической стороны обрисованъ нравственный обликъ Пушкина какъ человѣка и поэта. Л. М.

[4]) См. №№ 133, 134 и 137 за 1880 годъ.

принимали его у себя дома, такихъ уже мало остается: разъ, два, и обчелся... Но и таковымъ не во всемъ можно довѣряться. Иные изъ нихъ въ своихъ разсказахъ о знакомствѣ съ Пушкинымъ любятъ прихвастнуть. Это сдѣлалось извѣстнымъ даже въ печати объ одномъ изъ таковыхъ старожиловъ, именно о бессарабскомъ дворянинѣ Скарлатѣ Ивановичѣ Прункулѣ. Онъ умеръ въ декабрѣ 1876 года; но мы еще застали его въ живыхъ и намъ указывали, какъ на близкаго знакомаго и даже пріятеля Пушкина, на этого старика, низкаго росту, гладко выбритаго, въ высокой шляпѣ, въ золотыхъ очкахъ, съ толстою суковатою палкой. Когда умеръ Прункулъ, то мѣстный листокъ печати почтилъ его между прочимъ слѣдующими строками въ некрологѣ: «13 декабря въ 10 часовъ утра скончался въ Кишиневѣ всѣмъ извѣстный въ Бессарабіи многоуважаемый Карлъ (по молд. Скарлатъ) Ивановичъ Прункулъ, послѣдній потомокъ древней молдавской боярской фамиліи, игравшей въ прошломъ столѣтіи видную роль въ исторіи Молдавіи. Несмотря на свой преклонный возрастъ, Карлъ Ивановичъ до самыхъ послѣднихъ минутъ сохранялъ всю живость ума и характера, былъ все тѣмъ же тихимъ, веселымъ, гостепріимнымъ и сообщительнымъ старикомъ, къ которому съ полнымъ уваженіемъ и симпатіей относилась вся Бессарабія. Особеннаго удивленія заслуживала память покойнаго: съ мельчайшими подробностями Карлъ Ивановичъ часто разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ незабвеннымъ А. С. Пушкинымъ, о характерѣ и шалостяхъ поэта, и цитировалъ цѣлыя строфы изъ произведеній, написанныхъ Пушкинымъ въ Кишиневѣ [1])»... Такъ вотъ этотъ-то лично знавшій Пушкина К. И. Прункулъ въ 50-хъ годахъ, когда начали обильно появляться воспоминанія о Пушкинѣ и въ частности о кишиневской его жизни, рѣшился напечатать и свои воспоминанія о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ. Но что же? другіе кишиневскіе пріятели Пушкина, не изъ мѣстныхъ молдавскихъ бояръ, а изъ тогдашнихъ военныхъ, именно Ив. П. Липранди и В. П. Горчаковъ очень строго отнеслись къ К. И. Прункулу, по поводу его литературной попытки о Пушкинѣ. Вотъ чтò пишетъ Липранди въ своихъ собственныхъ воспоминаніяхъ о поэтѣ: «Членъ верховнаго совѣта Иванъ Константиновичъ Прункулъ имѣлъ четырехъ сыновей: Алеко, Пананти, Скарлата и Костаки. Изъ нихъ Скарлатъ, лѣтъ семь тому назадъ, вздумалъ было напечатать свои воспоминанія о Пушкинѣ, давая какъ бы понимать о его близкомъ знакомствѣ съ нимъ (знакомство это ограничивалось тѣмъ только, что они встрѣчались тогда на вечерахъ: въ клубѣ у Варѳоломея, иногда въ бильярдной Антонія), но В. П. Горчаковъ опроверхъ эту наглую ложь [2])».

[1]) «Бессар. Губерн. Вѣд.» 1876 г. № 99.
[2]) «Русскій Архивъ» 1866 г. стр. 1234.

Отзывъ Липранди слишкомъ уже, кажется, рѣзокъ. Въ немъ какъ будто слышатся какіе-то старые кишиневскіе счеты, какое-то личное раздраженіе... Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая читать печатныхъ воспоминаній Прункула, указываемыхъ Липранди, а лично познакомиться съ нимъ намъ тоже какъ-то не пришлось... Слышали мы только отъ одного учителя (Стоянова), бывшаго въ близкомъ знакомствѣ съ Прункуломъ, что на разспросы его о Пушкинѣ, старикъ всегда повторялъ: «э, мальчуганъ, мальчуганъ!» и больше ничего не хотѣлъ разсказывать. Одно мы можемъ сказать въ заключеніе эпизода о Прункулѣ, что на старости онъ дѣйствительно пользовался вниманіемъ бессарабскаго дворянства, которое въ виду того, что онъ служилъ рѣдкимъ представителемъ стариннаго здѣшняго боярства, умѣвшимъ довольно занимательно повѣствовать о разудалой прошлой жизни, имѣло къ нему, какъ мы слышали, и кое какія филантропическія отношенія.. Ибо старый холостякъ еще въ молодости прожилъ свои богатыя отцовскія имѣнія... Похоронили его на общественный счетъ...

Къ нашему счастію и удовольствію, мы познакомились съ другою личностью, еще хранимою Богомъ отъ того времени, когда и Пушкинъ жилъ въ Кишиневѣ, и имѣвшею возможность знать лично великаго поэта. Это—вдова учителя кишиневской духовной семинаріи Пелагѣя Васильевна Дыдицкая, глубокая, но еще бодрая старушка. Она родная сестра здѣшняго каѳедральнаго протоіерея Василія В. Пуришкевича, 85-лѣтняго старца, уже праздновавшаго 50-лѣтній юбилей своего священства въ Бессарабіи [1]). Братъ и сестра родомъ изъ кіевской губерніи и представляютъ послѣдніе остатки тѣхъ колонистовъ духовнаго званія, которые вызваны были изъ Кіева и вообще изъ Малороссіи первыми устроителями Бессарабіи, блаженной памяти экзархомъ Гавріиломъ Бодони-Банулéско (бывшимъ до этого митрополитомъ кіевскимъ) и его викаріемъ, а затѣмъ и преемникомъ—архіепископомъ Димитріемъ Сулúмою. Эта колонизація Бессарабіи выходцами изъ Малороссіи, какъ умственная, интеллигентная, церковная, шедшая большею частію путемъ вызова родственныхъ связей, такъ и поземельная крестьянская, шедшая большею частію путемъ ухода, побѣга отъ помѣщиковъ, эта, говоримъ, колонизанія представляетъ собою очень интересную мѣстную историческую тему, и мы когда нибудь разработаемъ ее нарочито и подробно. Теперь же обратимся къ современницѣ Пушкина, П. В. Дыдицкой. Много, много она намъ разсказывала про кишиневскую старину. Въ настоящей статьѣ мы хотѣли было передать читателямъ главнымъ образомъ только то изъ ея разсказовъ, что̀ относится къ Пуш-

[1]) Наша настоящая статья была уже написана, когда прот. Пуришкевичъ умеръ, именно 10 февраля 1882 года. Л. М.

кину. Но дѣло вотъ въ чемъ: воспоминанія П. В. Дыдицкой о Пушкинѣ имѣютъ тѣсную, непосредственную связь съ ея воспоминаніями о тогдашнемъ ректорѣ кишиневской семинаріи архимандритѣ Иринеѣ Нестерòвичѣ. Это былъ родной дядя ея по матери. Онъ принадлежалъ къ числу первыхъ птенцовъ митрополита Гавріила, вызванныхъ имъ въ Бессарабію изъ Кіева. Это тотъ самый Ириней Несторòвичъ, который впослѣдствіи, сдѣлавшись архіереемъ, и особенно въ качествѣ архіепископа иркутскаго, оказался такимъ оригинальнымъ горячимъ защитникомъ церковной независимости въ борьбѣ съ нѣкоторыми притязаніями гражданской администраціи; защитниковъ какихъ уже мало было въ XIX-мъ вѣкѣ, а въ настояще ебѣдное живою оригинальностію и почином время какъ будто уже и немыслимымъ... О немъ много писано въ послѣдніе годы въ «Русской Старинѣ», гдѣ также помѣщенъ и портретъ его, правду сказать, совсѣмъ непохожій... Такъ какъ личность Иринея Несторòвича довольно замѣчательна въ исторіи русской церкви, то поэтому мы считаемъ не лишнимъ разсказать о немъ не только то, чтò связываетъ его съ Пушкинымъ, но и вообще все то, чтò передала намъ о немъ его племянница. Воспоминанія П. В. Дыдицкой мы постараемся передать по возможности собственными ея словами. Напередъ замѣтимъ, что это душа честная и чистая, и каждое ея показаніе дышетъ прелестью наивной исторической правды.

Разсказъ П. В. Дыдицкой.

«Родомъ я изъ Кіевской губерніи. Отецъ мой былъ священникомъ въ селѣ Оксанинѣ, въ Уманщинѣ. А сюда — въ Кишиневъ, я попала чрезъ своего дядю Иринея. Онъ сюда почти всю свою родню вызвалъ. Помогалъ онъ своей роднѣ. Меня онъ особенно любилъ еще съ дѣтства. Онъ вѣдь у насъ въ домѣ почти и выросъ. Его звали прежде Иванъ Гавриловичъ Нестерòвичъ. Онъ былъ родной братъ моей матери. Отецъ его Гавріилъ былъ священникомъ въ селѣ Дмитрушкахъ, тоже возлѣ Умани. А мать его называлась Агафія. У нихъ, кромѣ дяди были еще двѣ дочери: одна—это моя мать—была за Порушкевичемъ, а другая—за Коцюбинскимъ. Отецъ дяди скоро умеръ и приходъ его занялъ зять Коцюбинскій. По смерти отца, дядя оставался безъ воспитанія. Тогда бабушка наша Агафія просила моего отца взять мальчика къ себѣ на воспитаніе. Вотъ отецъ мой воспитывалъ и училъ дядю. Онъ послѣ отдалъ его въ кіевскую академію. Тамъ дядя окончилъ курсъ и былъ въ академіи учителемъ. Но его скоро вызвалъ митрополитъ Гавріилъ въ здѣшнюю семинарію учителемъ. Помню я хорошо—мнѣ тогда было уже лѣтъ 10, какъ дядя, ѣдучи

въ Кишиневъ, заѣхалъ намъ въ Оксанино — попрощаться. Это было вечеромъ—мы были въ кухнѣ и лѣпили варенники [1]: онъ вошелъ въ кухню, долго разговаривалъ, а потомъ сказалъ: «Я не буду другихъ варенниковъ кушать, только тѣ, что Пелагія (т. е. я) дѣлала». Подарилъ мнѣ ленту голубую, а отцу моему оставилъ много книгъ. Мы — помню—всѣ его провожали далеко по дорогѣ, и отецъ и мать мои, и бабушка, и прочіе Дмитрушковскіе родичи. Скоро и бабушка Агафія переѣхала къ дядѣ въ Кишиневъ. Онъ тогда былъ еще свѣтскимъ. Но она непремѣнно хотѣла, чтобы онъ былъ монахомъ. Все слѣдила за нимъ, не позволяла ему жениться. «Не умру—бывало говоритъ ему — до тѣхъ поръ, пока ты не будешь монахомъ. У насъ много родныхъ — бѣдныхъ; ты долженъ помогать имъ». И дядя поступилъ въ монахи! А сколько онъ здѣсь невѣстъ имѣлъ—богатыхъ, помѣщицъ! Молдованки волочились за нимъ. Онъ былъ очень красивый и умный. Говорилъ такъ пріятно, краснорѣчиво, когда въ церкви проповѣдывалъ. И въ обществѣ былъ такой веселый, разговорчивый, обходительный. Но вотъ видите — долженъ былъ поступить въ монахи! Постригалъ дядю митрополитъ Гавріилъ и сдѣлалъ его префектомъ семинаріи. Скоро и бабушка Агафія постриглась въ монахини. Она этого давно желала. «Сначала ты—говорила она сыну — постригись въ монахи, а тогда уже и я». Она была очень богомольная. Постоянно въ церковь ходила—въ митрополію [2]. Тогда утреня бывала не такъ какъ теперь—съ вечера—вмѣстѣ съ вечернею, а утромъ, въ 4 часа. Осенью и зимою въ это время еще совсѣмъ ночь; а она бывало уже стоитъ возлѣ воротъ митрополіи и ждетъ, пока отопрутъ. Тогда митрополія была не такъ, какъ теперь, открытою: домъ архіерейскій не былъ видѣнъ на улицу и этого нынѣшняго круглаго палисадника предъ нимъ не было. Это уже такъ перестроилъ Иринархъ [2]. А прежде была высокая ограда на улицу, она шла отъ флигеля, гдѣ жилъ покойный викарій Петръ, до самой консисторіи. Вотъ бабушка бывало—говорю—и стоитъ на улицѣ ночью, прислонившись у воротъ, и ждетъ, пока привратникъ отопретъ на утреню. Чуть только отворятся двери, она сейчасъ же быстро вскакиваетъ мимо привратника въ церковную ограду и бѣжитъ въ церковь. Пугала этимъ привратниковъ, ибо, знаете, ночь. «Насъ по-

---

[1]) Вареники — особый родъ малороссійскаго кушанья — любимое блюдо украинцевъ.

[2]) Митрополіею называлась, какъ и до селѣ называется, архіерейская домовая церковь въ Кишиневѣ, ибо ее построилъ первый кишиневскій архіерей Гавріилъ, имѣвшій титулъ митрополита. Эту-то митрополію разумѣлъ и Пушкинъ въ стихахъ: «Дай, Никита, мнѣ одѣться: въ митрополіи звонятъ». Л. М.

[3]) Иринархъ Поповъ—третій кишиневскій правящій архіерей съ 1844—1858 годъ.

стоянно — говорили привратники — пугаетъ мать префекта. Не успѣешь отворить—она сейчасъ бросается къ намъ». Митрополитъ Гавріилъ бывало и говоритъ дядѣ шутя: «вотъ мать твоя все пугаетъ привратниковъ—не лучше ли ей поступить въ монахини»? Здѣсь все молдавскіе монастыри, а она не знаетъ по молдавски— говоритъ дядя. «Да у меня въ Речулѣ есть русскія монахини—я туда ее опредѣлю» — сказалъ Гавріилъ [1]). Бабушка очень обрадовалась, когда услышала объ этомъ. Гавріилъ самъ и постригъ ее и нарекъ Аполлинаріей. Но не долго она жила монахиней—всего только годъ. Какъ постриглась на Введеніе, такъ и умерла на Введеніе же. Дядя поѣхалъ и засталъ ее уже мертвою. Тамъ и похоронили ее въ Речулѣ. Скоро дядя вызвалъ къ себѣ двухъ племянницъ изъ Дмитрушекъ, а когда умеръ зять Коцюбинскій, то и сестру свою, мою тетку, забралъ со всѣми дѣтьми. Племянницъ выдалъ здѣсь замужъ: одну—за Сѣрикова, а другую—за Гербановскаго. Это были тоже кіевляне. Каленика Сѣрикова Гавріилъ сдѣлалъ своимъ протодіакономъ, но Димитрій послѣ произвелъ его въ протоіереи въ городъ Рѣни. Сѣриковы и теперь есть въ Бессарабіи. Исидоръ же Гербановскій былъ сначала учителемъ въ кишиневской семинаріи, потомъ сдѣланъ здѣсь каѳедральнымъ протоіереемъ, а затѣмъ перешелъ въ Одессу къ Куницкому. Ибо сначала и Одесса сюда къ Кишиневу принадлежала. Протоіерей Петръ Куницкій былъ первымъ ректоромъ кишиневской семинаріи, а когда онъ перешелъ въ Одессу, то ректоромъ семинаріи сталъ мой дядяИриней. Гербановскій имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: одинъ сынъ Николай—этотъ «писатель»—кончилъ курсъ въ кишиневской семинаріи, но пошелъ не удачно. Что̀ тамъ пользы съ его этого писательства [2])? А вотъ другой, Христофоръ—былъ хорошъ: кончилъ курсъ въ Петербургѣ и былъ послѣ учителемъ въ Одессѣ. Дочери Гербановскаго—одна вышла замужъ за Арсенія Лебединцева, что теперь каѳедральнымъ протоіереемъ въ Одессѣ, и уже умерла, а другая еще, кажется, жива, гдѣ-то въ Москвѣ, вдова, была за какимъ-то военнымъ. Наконецъ, дошла очередь и до меня. Дядя и обо мнѣ думалъ — все ждалъ, пока я выросту. Списывался съ моимъ отцемъ и все обѣщалъ привезти мнѣ изъ Кишинева жениха. Наконецъ, дѣйствительно пріѣхалъ и привезъ жениха. Это былъ учитель кишиневской семинаріи Михаилъ Осиповичъ Дыдицкій. Насъ въ Оксанинѣ при дядѣ же и обвѣнчали—и затѣмъ мы поѣхали всѣ трое

---

[1]) Речула или Речульскій женскій скитъ въ Бессарабіи.

[2]) Николай Гербановскій — мѣстный писатель—1840 и 1850 гг. помѣщалъ свои статьи и стихотворенія въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ «Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» и др.; издавалъ и отдѣльно нѣкоторыя свои поэмы, сюжеты для которыхъ бралъ большею частію изъ молдавскихъ преданій. Л. М.

въ одномъ экипажѣ. Мнѣ было тогда всего 17 лѣтъ. Грустно мнѣ очень было разставаться съ родиной и ѣхать въ далекую сторону— въ Бессарабію. Кромѣ дяди у меня въ Кишиневѣ уже не было родныхъ; ибо Сѣриковы и Гербановскіе уже выѣхали изъ Кишинева. Дорòгою я все задумывалась, грустила... Помню я сказала тогда дядѣ: «Не будетъ ли и со мною такъ, какъ это въ одной нашей пѣснѣ поется:

Оженывся, зажурывся,
Не пішло рукою...
Пішла жінка за борщòмъ,
А мужъ за мукòю...

Но дядя все старался успокоивать и развлекать меня. Все говорилъ, что тамъ мнѣ будетъ жить хорошо. Вотъ наконецъ мы пріѣхали въ Кишиневъ и стали жить въ семинаріи. Мужъ мой былъ учителемъ нѣмецкаго языка и кромѣ того экономомъ въ семинаріи. Онъ былъ родомъ изъ Галиціи и тоже былъ вызванъ митрополитомъ Гавріиломъ. По прибытіи въ Кишиневъ, Гавріилъ первымъ дѣломъ спѣшилъ устроить семинарію, «Семинарію мнѣ скорѣе, семинарію!» — говорилъ онъ. Ибо никакихъ училищъ еще не было. Вотъ и сталъ онъ вызывать отовсюду ученыхъ людей. Пріѣхалъ и мой мужъ. На имянины митрополита Гавріила онъ написалъ и произнесъ стихи по нѣмецки. «Намъ такого и нужно» — сказалъ Гавріилъ. Когда я пріѣхала въ Кишиневъ — это было, кажется, въ 1822 или 1823 г., — Гавріила уже не было. А все, чтò я говорю о немъ — это мнѣ разсказывали мужъ или дядя. Гавріилъ, говорили они, былъ очень веселый, привѣтливый, гостепріимный. Послѣ него насталъ архіереемъ Димитрій. По пріѣздѣ нашемъ, дядя повелъ меня съ мужемъ на другой день къ Димитрію — съ визитомъ. Онъ принялъ насъ очень ласково, успокойвалъ меня; сказалъ, что тутъ есть женатый секретарь консисторіи Монастырскій — у него жена хорошая, я познакомлюсь съ ней—и не буду скучать. На прощаньи благословилъ насъ иконою Успенія Пресвятой Богородицы. Отъ Димитрія мы зашли еще къ жившему въ митрополіи греческому архіерею Григорію Іерапольскому. Въ митрополіи тогда жило много греческихъ духовныхъ — изъ-за границы, изъ Турціи: два архіерея или митрополита — Григорій Іерапольскій и Григорій Иринепольскій, нѣсколько архимандритовъ и др. Настоящій былъ монастырь, не такъ какъ теперь. Такъ мы, говорю, пошли къ Іерапольскому. Онъ сидѣлъ на диванѣ и курилъ пребольшую трубку. Когда замѣтилъ, что я пристально смотрю на него, что онъ трубку куритъ, — то сказалъ обращаясь ко мнѣ: «у меня есть жена; — вы думаете, что у меня нѣтъ жены?»—Гдѣ же она, ваше высокопреосвященство?—«Она еще спитъ...»—Мы всѣ начали смѣяться. Онъ былъ большой шутникъ. Сталъ разсказывать разные смѣшные анекдоты, и при томъ, боль-

шею частію малороссійскіе. Былъ грекъ, а между тѣмъ очень хорошо говорилъ по нашему — по малороссійски. Подчивалъ насъ турецкимъ кофе — въ какихъ-то особенныхъ, странныхъ маленькихъ приборахъ, какихъ я никогда прежде не видала; показывалъ, какъ надо брать, наливать и пить. Чрезъ нѣсколько дней всѣ пришли къ намъ на обѣдъ — поздравлять съ новосельемъ: и преосвященный Димитрій, и Іераполоскій, и Иринопольскій, и другіе. Было много гостей. Дядя еще раньше подговорилъ меня: «вотъ и ты пошути надъ Іерапольскимъ». И вотъ когда онъ пришелъ и поздравляетъ меня: съ новосельемъ васъ!, — я и говорю ему: «Ваше высокопреосвященство! А вы сами пришли? Почему же не съ женою?» А онъ: «Она поѣхала съ визитами». А если спросишь, бывало, его вечеромъ, то отвѣчаетъ: «да ее пригласили на чай». Смѣшной такой!—Бывало уже послѣ—пріидетъ къ намъ въ семинарію — на кухню и сидитъ тамъ по нѣсколько часовъ. Ибо у насъ въ семинарской кухнѣ, поваромъ былъ тоже грекъ Николаки, служившій еще у Гавріила. Такъ онъ этого Николаки очень любилъ. Вотъ, бывало, и приду чего-нибудь въ кухню. Іерапольскій хвалитъ меня: «вотъ хорошая хозяюшка! Сама ходитъ въ кухню! Люблю! люблю!» Сидитъ себѣ и трубку куритъ. И Николаки тоже сидитъ и трубку куритъ. И такъ долго сидятъ себѣ и разговариваютъ. Тогда было общее дружество, не такъ, какъ теперь... Бывало у архіерея Димитрія обѣдаетъ каждый день по нѣсколько человѣкъ—то Іерапольскій и Иринопольскій, то секретарь и казначей, то ректоръ, инспекторъ, или кто-нибудь изъ профессоровъ семинаріи, — и передъ каждымъ стоитъ пол-ока вина въ графинчикѣ. Келейникъ разсказывалъ, что послѣ обѣда, бывало, борются, кто кого сильнѣе... Димитрій не любилъ самъ обѣдать. Мнѣ всегда послѣ такъ странно казалось, что архіерей самъ обѣдаетъ. А у Димитрія всегда обѣдаютъ то нѣсколько изъ консисторскихъ, то изъ семинарскихъ; столъ былъ всегда накрытъ человѣкъ на 15, и никогда онъ самъ не обѣдалъ. Добрый такой онъ былъ, доступный, любилъ во всемъ общественность. А уже большіе обѣды имѣлъ обычай давать непремѣнно на 2-й день Пасхи на Рождество, на Новый годъ. Тутъ уже къ нему собиралась кромѣ духовенства, и вся знать, всѣ высшіе чины. Тутъ бывалъ и Инзовъ губернаторъ, и Пушкинъ съ нимъ.

Мужъ мой, будучи экономомъ семинаріи, завелъ при ней отличный садъ. Мужъ самъ хорошо зналъ ботанику, только не имѣлъ разсады. Тогда онъ обратился къ французу Дипòну, который имѣлъ здѣсь садъ наилучшій, и теперь, кажется, онъ еще есть. Дипонъ имѣлъ школу и продавалъ деревья. Вотъ мужъ мой покупалъ у него на свой счетъ и насадилъ при семинаріи садъ: развелъ прекраснѣйшія груши, яблони, абрикосы, разные цвѣты дорогіе. Устроилъ лабиринтъ—т. е. по плану провелъ сюда и туда

разные ходы, обсадилъ ихъ плотно акаціею — кустами, какъ стѣною. А цвѣты у этой акаціи не бѣлые, какъ у обыкновенной, а розовые-розовые, чудо — какіе. Такъ вотъ кустами этой акаціи, съ широкими розовыми верхушками, какъ горшки, были оплетены кругомъ всѣ ходы и дорожки... Это и назывался лабиринтъ. Бывало въ немъ можно было заблудиться съ непривычки. Ходишь-ходишь, и не знаешь куда выйти... Хорошо тогда было въ семинарскомъ садѣ! А когда насталъ ректоръ Филадельфъ, то все начало приходить въ запустѣніе. А теперь и сама не знаю, куда это все дѣлось... Бывало къ дядѣ Иринею, къ ректору, пріѣзжали въ садъ гости, гуляли, пили въ саду чай. Бывало пріѣзжалъ и Инзовъ съ Пушкинымъ. Ходятъ по саду, любуются. Инзовъ очень уважалъ дядю и часто у него бывалъ, совѣщался съ нимъ на счетъ Бессарабіи. А когда ѣдетъ къ дядѣ, то и Пушкина беретъ съ собою. Вотъ я скоро съ ними и познакомилась. Инзовъ былъ полный старикъ, низенькаго росту, лѣтъ 70-ти. Пушкинъ былъ еще совсѣмъ молодъ. Былъ онъ не то что чорный, а такъ-смуглый, загорѣвшій. Былъ добрый, хорошихъ правилъ, а только шалунъ. Я бывало говорю ему: «вы настоящее дитя!» А онъ меня называлъ розою въ шиповникѣ, Бывало говорю ему: вы будете ревнивы. А онъ: «нѣтъ, никогда, никогда!» Говоритъ намъ бывало стихи экспромтомъ. Тутъ въ городскомъ саду бывало гулянье, но только до 4-хъ часовъ, а вечеромъ гулять было не принято, не такъ, какъ теперь — гуляютъ и ночью. Бывало и Пушкинъ тутъ часто гуляетъ. Но всякій разъ онъ переодѣвался въ разные костюмы. Вотъ уже смотришь—Пушкинъ сербъ или молдованъ, а одежду ему давали знакомые дамы. Издали нельзя и узнать, встрѣтишь—спрашиваешь: что это съ вами, Александръ Сергѣевичъ?—«А вотъ я уже молдованъ:» А они—молдованы тогда рясы носили. Въ другой разъ смотришь уже Пушкинъ турокъ, уже Пушкинъ жидъ, такъ и разговариваетъ, какъ жидъ. А когда же гуляетъ въ обыкновенномъ видѣ, въ шинели, то уже непремѣнно одна пола на плечѣ, а другая тянется по землѣ, это онъ называлъ: по генеральски. Въ Митрополію также часто пріѣзжалъ съ Инзовымъ на богослуженіе. Инзовъ станетъ впереди — возлѣ клироса, а Пушкинъ сзади, чтобъ Инзовъ не видѣлъ его. А онъ станетъ бывало на колѣна, бьетъ поклоны — а между тѣмъ дѣлаетъ гримасы знакомымъ дамамъ, улыбается, или машетъ пальцемъ возлѣ носа, какъ-будто за что-нибудь журитъ, или предостерегаетъ. Бывало въ большіе праздники, послѣ богослуженія, всѣ идутъ къ Димитрію на закуску— и Инзовъ и Пушкинъ и всякіе тамъ совѣтники и другіе свѣтскіе, кто по выше. Предъ закуской пили настойку — трофимовку. Я хорошо помню, какъ Димитрій бывало приглашаетъ: «не угодно ли вамъ, господа, трофимовки». Припоминается мнѣ по поводу этихъ закусокъ у Димитрія одинъ смѣшной случай, о которомъ долго

разсказывали въ городѣ. Въ Кишиневѣ жилъ тогда армянскій архіерей, большой шутникъ, еще лучше Іерапольскаго. Онъ дружилъ съ Димитріемъ и съ другими нашими духовными. Разъ пріѣхалъ въ Кишиневъ одинъ греческій архимандритъ, не знавшій ни слова по-русски. Онъ хотѣлъ представиться Димитрію и сказать ему привѣтствіе непремѣнно на русскомъ языкѣ. Обращается онъ къ тому армянскому архіерею и проситъ научить его. Тотъ съ удовольствіемъ согласился—говоритъ: я научу тебя хорошо сказать привѣтствіе. И сталъ его учить. Тотъ къ нему все ѣздилъ. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, послѣ богослуженія, всѣ пошли изъ церкви къ Димитрію; пошелъ и тотъ архимандритъ. Когда настала пора—онъ подходитъ ближе къ Димитрію, чтобы сказать свое привѣтствіе. Всѣ обратили на него вниманіе, желая услышать его слова. И что же онъ сказалъ? Онъ сказалъ: «Ваше высокопреосвященство! Пора водку пить!..» Всѣ страшно стали смѣяться... Но Димитрій отнесся къ этому спокойно, какъ будто ничего страннаго не произошло, только замѣтилъ какъ-то мимоходомъ, какъ будто вскользь: «Да, тамъ, кажется, уже приготовили»—и началъ по обычаю разговаривать съ гостями, желая этимъ замять необычайность дѣла и вывести изъ смущенія бѣднаго архимандрита.—Надолго послѣ было смѣху отъ этого случая.

ДядяИриней часто ѣздилъ къ Инзову въ домъ. Инзовъ просилъ дядю, чтобы онъ почаще бесѣдовалъ съ Пушкинымъ и наставлялъ его. Разъ, помню, случилось такъ. Пріѣзжаетъ дядя къ Инзову въ страстную пятницу. Поговорилъ съ нимъ немного и потомъ спрашиваетъ: а гдѣ же Александръ Сергѣевичъ? — «Да онъ тамъ—у себя въ своей комнатѣ — чѣмъ-то занимается».—Я пойду къ нему, поговорю съ нимъ—сказалъ дядя. — Входитъ дядя въ комнату Пушкина,—а онъ сидитъ и что-то читаетъ.—Чѣмъ это вы занимаетесь?—спросилъ его дядя, поздоровавшись.—«Да вотъ читаю исторію одной особы», или нѣтъ, помню, еще не такъ онъ сказалъ—не особы, а «читаю, говоритъ, исторію одной статуи» [1]). Дядя посмотрѣлъ на книгу, а это было Евангеліе! Дядя очень вспылилъ и разсердился, ибо онъ былъ, дѣйствительно, строгій и горячій. — «Что это вы сказали? Какъ вы смѣете такъ говорить? Вы безбожникъ! Я на васъ сейчасъ же бумагу подамъ — и васъ за это строжайше накажутъ». Много и сильно бранилъ Пушкина

[1]) Да, именно такъ передавала этотъ фактъ П. В. Дыдицкая. Въ продолженіи трехъ лѣтъ я, чрезъ длинные промежутки,—все просилъ ее повторить этотъ разсказъ и она все говорила одно: «Исторію одной статуи». Что хотѣлъ выразить этимъ Пушкинъ?! Да, впрочемъ, это и было время развитія въ Пушкинѣ несчастной манеры «кощунствовать»; это было время созданія имъ извѣстной кощунственной поэмы, которой онъ, по словамъ Анненкова, сообщилъ такую художественную отдѣлку и въ которой разрѣшилась вся обуявшая его въ то время чертовщина—(diablerie). Л. М.

дядя и уѣхалъ разсерженный. На другой день Пушкинъ пріѣзжаетъ въ семинарію — и ко мнѣ: «такъ и такъ, говоритъ, боюсь чтобъ вашъ дядя не донесъ на меня... Просите, просите вашего дядю». — Зачѣмъ же вы, говорю, такъ не хорошо сказали? — «Да такъ, говоритъ, само какъ-то съ языка слетѣло».—Тогда я начала его успокоивать.—Не бойтесь, говорю, я попрошу дядю. Дядя мой только горячій человѣкъ, а онъ очень добрый. И Пушкинъ успокоился. А то онъ очень-было испугался; онъ, дѣйствительно, боялся, чтобъ дядя не донесъ. Онъ все хотѣлъ, чтобы ему скорѣе срокъ вышелъ и все рвался выѣхать изъ Кишинева. Тутъ ему было скучно. «Не нравится мнѣ тутъ», говорилъ онъ. И, дѣйствительно, тогда не было тутъ столько русскихъ, какъ теперь. Его любили и уважали, а, все-таки, смотрѣли на него, что онъ сосланъ. Онъ тутъ ничѣмъ не занимался, потому и хотѣлъ онъ скорѣе выѣхать.— Вотъ и пошла я послѣ къ дядѣ. Зачѣмъ, говорю, вы будете доносить? Онъ хочетъ отсюда уѣхать, а вы ему еще бѣды надѣлаете.— «Ну, надо было постращать, сказалъ дядя, — а доносить я, разумѣется, не стану».

Инзовъ жилъ на горѣ, что теперь такъ и называется Инзова Гора. Оттуда видъ прекрасный на весь городъ. И садъ тамъ былъ отличный, съ верху до низу все мѣсто было обсажено виноградомъ, крыжовникомъ, малиною и разными фруктовыми деревьями. Инзовъ самъ очень любилъ садоводство. А домъ его былъ какъ дворецъ—хорошій, особенно внутри. На пасху тутъ на горѣ бывало гулянье. Мы ходили туда, когда Инзовъ уѣдетъ бывало въ Болградъ, то мы тоже соберемся и идемъ туда, чтобъ погулять въ саду и посмотрѣть домъ. Комнаты въ немъ были прекрасно отдѣланы: стѣны были выкрашены масляными красками, а на стѣнахъ нарисованы всякіе ландштафты, разныя деревья и проч. Очень, очень было красиво въ домѣ. Инзова всѣ уважали очень, но болгары особенно его любили. Когда онъ умеръ въ Одессѣ, то они перевезли тѣло его въ свой Болградъ и тамъ похоронили.

Дядя Ириней очень любилъ нашу семью и много помогалъ намъ. Всегда бывало приходитъ къ намъ ужинать. Когда бывалъ чего недоволенъ или сердитъ, то сейчасъ камилавку сдвинетъ на лобъ, ажъ до носа. Такую имѣлъ привычку. Бывало говоритъ мнѣ: «можетъ быть скучаешь, такъ я выпишу сюда брата». А братъ мой Викторъ Порушкевичъ кончилъ тогда курсъ духовной академіи въ Петербургѣ. Дядя списывался изъ-за него и просилъ комиссію, чтобы назначили его сюда, поближе къ родинѣ. Но его сначала назначили въ Казань профессоромъ, а за тѣмъ въ Каменецъ-Подольскъ и только послѣ этого уже, по просьбамъ дяди, въ Кишиневъ. Здѣсь онъ женился на племянницѣ архіерея Димитрія, дочери его сестры, на Прасковьѣ Петровнѣ, и поступилъ въ священники. Сдѣланъ былъ скоро протоіеремъ, а послѣ дяди—и

ректоромъ кишиневской семинаріи. Но скоро нашли почему-то неприличнымъ, чтобы ректоромъ былъ протоіерей, и назначили монаха—архимандрита Филадельфа, при которомъ произошла эта несчастная исторія съ профессоромъ Клим. Никитскимъ [1]). Тогда Виктора Димитрій сдѣлалъ каѳедральнымъ протоіереемъ на мѣсто Лончковскаго. Но скоро Викторъ захотѣлъ въ Одессу, тамъ заболѣлъ и умеръ. Послѣ Виктора пріѣхалъ сюда изъ кіевской академіи другой мой братъ — вотъ этотъ Василій, что̀ теперь каѳедральнымъ протоіереемъ. Былъ онъ сначала учителемъ семинаріи. У меня былъ еще братъ Даніилъ Порушкевичъ вотъ этотъ былъ прекрасный — умнѣйшій и добрѣйшій. Онъ кончилъ курсъ по медицинѣ въ Петербургѣ. Самъ государь Николай Павловичъ былъ на экзаменѣ и потрепалъ его по плечу: «Порушкевичъ у меня останется—при гвардіи». Объ этомъ онъ самъ писалъ намъ. И хорошо было бы, если бы онъ остался въ Петербургѣ. Но вотъ этотъ здѣшній братъ мой Василій посовѣтовалъ ему ѣхать на войну. Тогда война была съ Турціей, въ 1829 году, и вотъ тотъ братъ мой, Даніилъ, и сталъ спрашивать у этого, Василія, совѣта: ѣхать ли ему на войну, или нѣтъ. Василій и отписалъ ему: «ѣдь, говоритъ, тамъ даютъ двойное жалованье». Тотъ бѣдный и послушалъ этого совѣта. И умеръ отъ чумы въ Базарчикѣ. Одинъ товарищъ его (я видѣла его въ Одессѣ) разсказывалъ уже намъ послѣ: «не берегся, говоритъ, нисколько братъ вашъ, не вѣрилъ, что чума заразительна; я себѣ и смолою и прочими тамъ веществами окуривался, а онъ не хотѣлъ ничего — небоялся». Всего только два мѣсяца и былъ тамъ.

ДядяИриней уѣхалъ изъ Кишинева въ 1824 году. Его вызвали въ Петербургъ на чреду, чтобы архіереемъ сдѣлать. Хорошо помню я, какъ не задолго передъ выѣздомъ мы съ нимъ ужинали и онъ говоритъ мнѣ: «Знаешь, Пелагія, сколько мнѣ теперь лѣтъ? Мнѣ теперь какъ разъ 40 лѣтъ». Его торжественно провожали. Посъѣзжались протоіереи изъ Рени, изъ Измаила, проводить его. Послѣ, будучи уже архіереемъ, постоянно писалъ къ намъ — все

[1]) Это очень характерная исторія, не безъ трагизма, ярко обрисовывающая старинные нравы въ средѣ семинарской профессорской корпораціи... Кл. И. Никитскій умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кишиневѣ полупомѣшаннымъ и нищимъ... У него былъ великолѣпный басъ и былъ онъ собою, въ свое время, красавецъ. Будучи въ кіевской академіи, онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Аскоченскимъ въ качествѣ регента поднялъ академическій хоръ на небывалую дотолѣ высоту. Съ ихъ времени идетъ слава кіево-академическаго хора... Назначенный учителемъ въ кишиневскую семинарію, онъ, на одной изъ обычныхъ въ то время профессорскихъ пирушекъ, немножко выпивши, вступилъ какъ-то въ ссору съ ректоромъ Филадельфомъ, — былъ затѣмъ уволенъ отъ службы безъ прошенія, сошелъ отъ этого съ ума и — погибъ!.. Мы еще застали его въ Кишиневѣ. Жалко было видѣть погибшій—безвременно, по пустому—талантъ!..

Л. М.

называлъ моего мужа своимъ другомъ. Изъ Пензы прислалъ намъ на двѣ тысячи золота и серебра въ вещахъ: «пусть, говоритъ, будетъ для дѣтей Михаила Осиповича». Но мужъ мой былъ очень непрактичный человѣкъ. Все тратилъ деньги, одолжалъ другимъ. На садъ семинарскій много собственныхъ денегъ потратилъ. А вотъ теперь видите, какъ я живу — получаю всего 7 рублей въ мѣсяцъ пенсіи. Кого просить, чтобъ мнѣ пенсію увеличили?. Ибо мнѣ такъ трудно жить. Я уже старуха, а никто не хочетъ помочь мнѣ. А при мнѣ и дочь живетъ. А сынъ мой, священникъ, какъ вы знаете, боленъ—поврежденъ въ умѣ. А мужъ мой много трудился для семинаріи, все на нее тратилъ. Еслибы онъ былъ практикъ, то онъ могъ бы нажиться, будучи экономомъ, какъ другіе послѣ него наживались. А между тѣмъ ему даже и службы не засчитали до утвержденія семинаріи въ штатахъ. А онъ служилъ до этого 7 лѣтъ. Безвозмездно училъ нѣмецкому языку въ семинаріи и въ пансіонѣ [1]). А когда стали давать жалованье, то отобралъ Александръ Епифановичъ, который не такъ зналъ по-нѣмецки, какъ мой мужъ. Мой мужъ отлично говорилъ по-нѣмецки. И семинаристы при немъ говорили по-нѣмецки, ибо мой мужъ всегда съ ними разговаривалъ и училъ ихъ. А вотъ я теперь бѣдую. Ни тогда не обращали, ни теперь никто не обращаетъ вниманія на заслуги моего мужа...»

Кромѣ П. В. Дыдицкой, сообщила намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Пушкинѣ и другая почтенная кишиневская старожилка, многоуважаемая Вѣра Егоровна Бѣлюгова, вдова бывшаго профессора кишиневской семинаріи Ал. Ив. Бѣлюгова [2]). Она видѣла Пушкина еще дѣвочкой лѣтъ 8—10. «Разъ, помню, на Болгаріи, такъ называлась мѣстность гдѣ теперь Вознесенская церковь, въ которой священикомъ протоіерей Судакевичъ, были на Пасху

---

[1]) При кишиневской семинаріи—съ первыхъ годовъ—былъ учрежденъ Благородный пансіонъ—для образованія юношества мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ—съ цѣлью, главнымъ образомъ, приготовлять въ мѣстную государственную службу переводчиковъ на языкъ молдавскій и греческій, что было тогда очень необходимо. Этотъ пансіонъ былъ подъ непосредственнымъ веденіемъ семинарскаго начальства, но составлялъ учебное заведеніе, независимое отъ семинаріи. Въ немъ положено было 12 вакансій казенныхъ, а остальные воспитанники были своекоштные. Казенные обязательно должны были изучать молдавскій и греческій языки; а своекоштные освобождались отъ сего обязательства и изучали только языки нѣмецкій и французскій. Исторія этого учебнаго заведенія имѣетъ большой мѣстный интересъ. Л. М.

[2]) Письма къ нему товарища его по первому курсу кіевской академіи, знаменитаго Иннокентія Борисова, мы напечатали въ мартовской книжкѣ новаго историческаго журнала «Кіевская Старина» за 1882 г. Тамъ же сообщены нами свѣдѣнія о Бѣлюговѣ и объ его семействѣ. Л. М.

игры. Танцовали подъ волынку здѣшній мѣстный танецъ джокъ. Пріѣзжали смотрѣть на народъ въ каретахъ. Пріѣхалъ и Пушкинъ, помню въ фескѣ, обритый. Началъ смотрѣть, и я слышала, какъ говорили: «вонъ какъ Пушкинъ ломается». Помню, разсказывали про него еще и вотъ какой случай: на Золотой улицѣ былъ въ то время магазинъ модъ какой-то дамы, фамилію забыла. У нея была дочь, красавица. Вотъ какъ-то разъ Пушкинъ ѣдетъ верхомъ на улицѣ съ другими, а дочь эта стояла въ это время на крыльцѣ. Пушкинъ какъ завидѣлъ ее, то верхомъ такъ прямо на крыльцо и въѣхалъ. Уже другіе его вывели оттуда, совсѣмъ перепугалъ дѣвушку. За это Инзовъ продержалъ его день безъ сапогъ. Инзовъ поступалъ съ нимъ по-отечески».

Вотъ еще разсказы о Пушкинѣ записанные для насъ бывшимъ ученикомъ кишиневской гимназіи, а нынѣ студентомъ кіевскаго университета Вас. Вас. Тепловымъ, за что приносимъ ему и здѣсь глубокую благодарность.

1) Отъ Елены. Ѳед. Тепловой, рожденной Фези, дочери М. Е. Эйхвальдъ, вышедшей во второй разъ замужъ за Фези [1]).

«Какъ-то молдавская барыня любила снимать свои башмаки, садясь на широкій молдавскій диванъ. Пушкинъ подмѣтилъ эту наклонность барыни и стащилъ однажды ея башмаки, вытащивъ ихъ тростью. Когда нужно было встать, то барыня, не найдя башмаковъ и не желая поставить себя въ неловкое положеніе, прошлась въ чулкахъ до дверей, гдѣ Пушкинъ возвратилъ ботинки по принадлежности, извиняясь въ нечаянно совершенномъ имъ поступкѣ. Нужно замѣтить, что тогдашній башмакъ снимался легко. Это была скорѣе туфля, а не нынѣшній башмакъ, обхватывающій ногу плотно и далеко выше щиколотки».

2) Отъ М. Шонина, внука Стамати:

«Первыя строки «Цыганъ» были такъ написаны: Пушкинъ отправился гулять за городъ, по направленію къ нынѣшнимъ садамъ Рамандина (Лихневича), Катаржи и др. Въ то время здѣсь не было домовъ и весь скатъ былъ занятъ лѣсомъ. Здѣсь на опушкѣ расположились цыгане. Когда Пушкинъ подошелъ къ нимъ, то къ нему бросились нѣсколько взрослыхъ цыганъ или мальчишекъ, съ цѣлью или ограбить, или выпросить себѣ что-нибудь, что, впрочемъ, безразлично. Пушкинъ перепугался и повернулъ къ городу, а дошедши до дома Стамати, вбѣжалъ къ нему и быстро произнесъ: «пера и чернилъ! И здѣсь-то написаны первые стихи «Цыганъ». Таково преданіе. Вѣрно или нѣтъ,—не знаю».

---

[1]) Такимъ образомъ мать г. Теплова была дочерью той самой красавицы Эйхвальдъ, которою нѣкогда восхищался Пушкинъ. См. «Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ», «Вѣстникъ Европы», мартъ 1881 г. стр. 225—227. Л. М.

Извѣстно, что домъ, гдѣ Пушкинъ съ особенною пріятностію проводилъ время, былъ боярина Е. М. Вареоломея. У него была дочь красавица Пульхерія Егоровна. Вельтманъ въ своихъ воспоминаніяхъ, указанныхъ нами выше, говоритъ: «Магнитомъ, притягивавшимъ на вечера къ Вареоломею, была дочь его Пульхерица, въ честь которой сложилась въ городѣ пѣсня, гдѣ ее величали «Кишиневскій нашъ божокъ» (стр. 225-я). Пѣсня эта— просто стихи, въ которыхъ съ претензіею на юморъ описывались личности, фигурировавшія на вечерахъ у Варфоломея. Нѣкоторые приписывали стихи эти Пушкину. Но довольно топорная композиція ихъ едва ли достойна легкой и непринужденной музы нашего поэта. Одну редакцію ихъ сообщилъ намъ достопочтенный кишиневскій старожилъ Конст. Лавр. Трясцовскій, нынѣшній библіотекарь кишиневской публичной библіотеки, воспитанникъ того благороднаго при семинаріи пансіона, о которомъ упомянуто нами выше, Такъ какъ это издѣліе какого-то стариннаго кишиневскаго піиты имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ памяти Пушкина, то считаемъ умѣстнымъ стихи эти привести здѣсь. Вотъ они:

Музыка Вареоломея
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй скорѣе
И играй на славу джокъ!
Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой:
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Скиновой женой.
Ты жъ возьми его супругу,
Вицъ-Крупенскій отставной,
Руки за-поясъ другъ другу
И пляшите джокъ родной.
Въ первой парѣ Михалаки
Съ Богданясою пофтимъ [1]),
Во вторую Сандулаки
И мадамъ Кароя съ нимъ.
Въ пятой парѣ для красы
Худобашевъ съ Польхранисой—
Бекасинные носы.
Пульхерица-легконожка,
Устарѣлый нашъ божокъ
Стань—сударушка немножко
Оттанцуй съ бабакой [2]) джокъ.

Сохранился еще стихотворный портретъ упомянутаго выше Худобашева. Этотъ Худобашевъ, по словамъ К. Л. Трясцовскаго, былъ полковникъ въ отставкѣ, маленькій, низенькій, уродливый, съ предлиннымъ носомъ. Не извѣстно, составляетъ ли этотъ пор-

---

[1]) Пофтимъ молдавское слово, значитъ: прошу, милости просимъ, пожалуйте.

[2]) Т. е. съ папашей.

треть продолженіе прежнихъ стиховъ, или, судя по другому размѣру, имѣеть значеніе самостоятельное. Вотъ онъ:

...Но вдругъ Каплюшка быстроногій—
Пигмей откуда ни взялся,
И своротили всѣ съ дороги,
Чтобъ посмотрѣть на чудеса.
Но кто портретъ его представитъ
И въ точности изобразитъ,
Коль разсмотрѣть его весь видъ
Всѣмъ носъ преграду ставитъ?
Урода взять изъ обезьянъ,
Чтобъ сдѣлать съ нимъ сравненье ясно,
Надѣть парикъ, надѣть кафтанъ,
Приставить къ мордѣ носъ ужасный...

Вотъ пока все то, что мы могли выслѣдить и собрать изъ области еще неизвѣстныхъ публикѣ кишиневскихъ преданій и памятныхъ замѣтокъ о Пушкинѣ, хранящихся у той или другой личности, по тѣмъ или инымъ ея отношеніямъ къ исторіи поэта. Не будемъ и впредь прекращать своихъ поисковъ и разслѣдованій въ этой дорогой области... И если еще удастся намъ найти здѣсь что нибудь новое, неизвѣстное и характерное, будемъ очень рады подѣлиться своей находкой съ читателями «Историческаго Вѣстника».

Левъ Мацѣевичъ.

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

(Біографическій очеркъ.)

Между русскими писателями начала XIX-го вѣка есть одинъ, имя котораго почти неизвѣстно русской публикѣ. Это—князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, всѣ уцѣлѣвшія стихотворенія котораго, собранныя въ одномъ томикѣ, изданы теперь его товарищемъ, авторомъ извѣстныхъ «Записокъ декабриста», барономъ А. Е. Розеномъ. Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы напомнить о человѣкѣ, который, помимо своего поэтическаго дарованія, достоинъ воспоминанія и какъ типичный представитель русской молодежи царствованія императора Александра I-го, и какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ по уму и душевнымъ качествамъ участниковъ въ декабрьской смутѣ 1825 года, мы и написали настоящую статью. Князь Одоевскій никогда не видѣлялся блестящими, изъ ряда вонъ выходящими дѣяніями, но всегда, вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, съумѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе и любовь, благодаря своему развитому уму и высокимъ нравственнымъ качествамъ. На всѣхъ, близко знавшихъ его, онъ производилъ чарующее впечатлѣніе, и въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ эти люди всегда удѣляютъ ему мѣсто, съ искренней любовью припоминая поэта. По этимъ-то немногимъ и отрывочнымъ воспоминаніямъ, по его собственнымъ стихотвореніямъ, отражавшимъ его думы и волненія его пылкой и воспріимчивой души, по этимъ скуднымъ даннымъ мы и постараемся дать читателю понятіе о князѣ Одоевскомъ и какъ о писателѣ, и какъ о человѣкѣ, собравъ въ настоящей статьѣ все, что до сихъ поръ было о немъ печатано.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій происходилъ отъ древней княжеской фамиліи и родился въ 1803-мъ году. Его отецъ, князь Иванъ Александровичъ, горячо любилъ своего сына, и потому обратилъ особенное вниманіе на его воспитаніе. Не выходя изъ родительскаго дома, князь Александръ Ивановичъ получилъ очень хорошее образованіе. Отца онъ любилъ такъ же горячо, какъ и тотъ любилъ его. Такія отношенія между отцомъ и сыномъ поистинѣ заслуживаютъ удивленія. Рѣдко можно встрѣтить такую взаимную любовь, такое взаимное уваженіе и преданность. Впослѣдствіи, въ заточеніи, князь Одоевскій только и жилъ, что вос-

поминаніями о своемъ отцѣ, а о послѣднемъ и говорить нечего: для него его Саша былъ все, безъ него и жизнь была ему не мила. При такой любви къ своему сыну старый князь не могъ не обратить вниманія на его воспитаніе и, дѣйствительно, образовалъ его отлично.

1-го октября 1821 года, князь Одоевскій уже поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, 1-го мая 1822 г. мы его встрѣчаемъ эстандартъ-юнкеромъ, а 23-го февраля 1823 года онъ былъ произведенъ въ корнеты — чинъ, въ которомъ оставался до самаго 14-го декабря 1825 г. Жизнь въ Петербургѣ доставила князю Одоевскому много знакомыхъ и друзей изъ самыхъ передовыхъ людей того времени. Отъ природы надѣленный недюжиннымъ умомъ, блестящими способностями, даромъ слова, натурой,

хотя кроткой, но увлекающейся, чрезвычайно впечатлительной и пылкой, князь Одоевскій всегда и вездѣ обращалъ на себя вниманіе людей знавшихъ его. Неудивительно поэтому, что при честныхъ, молодыхъ стремленіяхъ князя, при его хорошемъ образованіи, онъ вошелъ въ кругъ передовой молодежи, среди которой блистали тогда имена Рылѣева, Бестужева, Грибоѣдова и др. Съ Грибоѣдовымъ сошелся Одоевскій особенно тѣсно. Эта была одна изъ самыхъ чистыхъ, глубокихъ привязанностей; это была искренняя, сердечная, крѣпкая дружба, на которую такъ способенъ былъ князь Одоевскій. Онъ полюбилъ Грибоѣдова сильно и отдался этой дружбѣ безпредѣльно. Не позадумался онъ подвергнуть опасности и жизнь свою ради своего друга, и въ наводненіе 1824 года «плылъ и тонулъ, чтобы добраться до него и спасти его [1])». Съ признательностью вспоминалъ потомъ объ этомъ Грибоѣдовъ, также душою полюбившій Одоевскаго. Да и какъ было ему не любить его, бывшаго ему настоящимъ «ангеломъ-хранителемъ». Біографы Грибоѣдова не обойдутъ молчаніемъ князя Одоевскаго и не станутъ отрицать того вліянія, которое имѣлъ онъ на своего друга, несмотря на десятилѣтнюю разницу въ лѣтахъ. Грибоѣдовъ, будучи, какъ извѣстно, страстнымъ театраломъ, увлекался тогдашними актрисами, а другъ его, знавшій, какія непріятности могъ бы получить отъ этого Грибоѣдовъ, всегда удерживалъ его словомъ благоразумія, которое было у него такъ увлекательно и потому обладало большой силой и убѣдительностью. Удерживая порывы друга, князь Одоевскій постоянно и серьезно заботился о немъ. Дружба ихъ была столь велика и горяча, что они всегда были вмѣстѣ [2]). Былъ ли одинъ въ театрѣ или у знакомыхъ, или еще гдѣ нибудь, тамъ былъ и другой. Грибоѣдовъ привязался къ Одоевскому такъ сильно, какъ прежде былъ привязанъ къ Бѣгичеву. Его любовь и дружба не остыла и впослѣдствіи, когда князь уже былъ сосланъ въ Сибирь по дѣлу 14-го декабря. Какъ извѣстно, Грибоѣдовъ самъ былъ арестованъ по этому дѣлу, но потомъ, просидѣвъ 4 мѣсяца, былъ выпущенъ изъ-подъ ареста. Долго скорбѣлъ онъ объ участи декабристовъ, среди которыхъ было столько его друзей и въ томъ числѣ князь Одоевскій. Онъ не забылъ объ этомъ послѣднемъ даже въ минуты славы и почести и, воротившись съ туркменчайскимъ договоромъ въ Петербургъ, осыпанный ласками императора Николая, онъ вспомнилъ о своемъ другѣ, заточенномъ въ далекихъ пространствахъ Сибири и отдѣленномъ отъ всего, что было ему дорого и близко. «Бѣдный другъ и братъ—писалъ къ нему Грибоѣдовъ—зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, еслибы видѣлъ меня въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели прежде;

---

[1]) «Русская Старина» 1874 г. т. X, стр. 295.
[2]) «Русская Старина» 1874 г. т. X, стр. 276.

но я тебя знаю: ты не останешься равнодушнымъ при полученіи этихъ строкъ и тамъ, вдали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними». «Кто завлекъ тебя въ эту гибель—вспоминаетъ онъ о 14-мъ декабря. Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя уму и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила; довольно объ этомъ [1])». Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Грибоѣдовъ, узнавъ о дозволеніи узникамъ пользоваться книгами, посылалъ своему другу книгъ. Кромѣ этого письма остался еще одинъ памятникъ дружбы Грибоѣдова съ Одоевскимъ. Это его посланіе къ послѣднему въ Сибирь, въ которомъ онъ пишетъ:

«Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ и о тебѣ терзался
О мой творецъ!.. Едва разцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь-ли, чтобы его могила
Живаго отъ любви моей сокрыла».

Опасенія Грибоѣдова оправдались. Не удалось ему болѣе увидѣть своего друга. Отъ злодѣйскихъ рукъ отуманенныхъ враждою къ русскимъ персіянъ Грибоѣдовъ погибъ въ 1829 году. Когда вѣсть о его смерти дошла до Сибири, безпредѣльное, глубокое горе объяло Одоевскаго и, какъ всегда это горе его, эта скорбь его души вылилась въ вдохновенныхъ стихахъ на смерть Грибоѣдова, гдѣ онъ такъ выражалъ свою печаль объ утратѣ друга:

«Гдѣ онъ?—Гдѣ другъ?—Кого спросить?
Гдѣ духъ?.. Гдѣ прахъ?.. Въ краю далекомъ!
О, дайте горькихъ слезъ потокомъ
Его могилу оросить,
Ее согрѣть моимъ дыханьемъ!
Я съ ненасытимымъ страданьемъ
Вопьюсь очами въ прахъ его;
Исполнюсь весь моей утратой
И горсть земли, съ могилы взятой,
Прижму, какъ друга моего
Какъ друга!.. Онъ смѣшался съ нею
И вся она родная мнѣ
Я тамъ одинъ съ тоской моею,
Въ ненарушимой тишинѣ,
Предамся весь порывной силѣ,
Моей любви, любви святой
И приросту къ его могилѣ
Могилы памятникъ живой».

Познакомившись съ Грибоѣдовымъ, князь Одоевскій узналъ въ то же время и часто бывавшаго у него Александра Бестужева, впослѣдствіи извѣстнаго подъ именемъ Марлинскаго, и закадычнаго друга послѣдняго декабриста-поэта, К. Р. Рылѣева. Это послѣднее

[1]) Собраніе стихотвореній князя Одоевскаго, 1883 г. стр. 187—188.

знакомство было роковымъ для Одоевскаго. Въ началѣ 1824 года князь Одоевскій былъ принятъ въ число членовъ тайнаго сѣвернаго общества, во главѣ котораго стоялъ тогда принявшій его Рылѣевъ. Это было тревожное время. Вся русская молодежь пришла въ движеніе; молодые умы работали, сердца бились сильнѣе. Это было время безпокойнаго ожиданія исполненія тѣхъ обѣщаній, которыя высказалъ императоръ Александръ, вступая на отцовскій престолъ и затѣмъ въ варшавской рѣчи 1818 года. Русская молодежь жаждала исполненія ихъ, сама потомъ, не дожидаясь, стала дѣйствовать, какъ могла, для великихъ идей братства, свободы, истины и добра. На знамени тайныхъ обществъ были начертаны эти великія слова, и они привлекали подъ знамена общества все молодое, полное жизни, увлеченія, страстнаго желанія принесть добро родинѣ. Мечтали о водвореніи въ Россіи гражданской свободы и работали на пользу ея; задавались общественно-политическими вопросами; собираясь вмѣстѣ, сообща трудились надъ ихъ разрѣшеніемъ, искали средствъ къ водворенію въ Россіи того, чего такъ страстно желали, къ чему стремились всѣ помыслы и мечты. Да, это было бурное, безпокойное время. Цвѣтъ русской молодежи былъ поглощенъ желаніемъ добра родинѣ, желаніемъ, чтобы она оказалось не ниже государствъ западныхъ, устройство которыхъ такъ понравилось русскимъ во время походовъ 1813, 1814 и 1815-го годовъ. Одоевскій хотя и не участвовалъ въ этихъ походахъ, много содѣйствовавшихъ тому общественно-политическому движенію, которое особенно ярко выразилось въ послѣдніе годы царствованія императора Александра І-го, хотя былъ гораздо моложе громаднаго большинства декабристовъ, но по уму, по сердцу, онъ стоялъ не ниже ихъ. Всеобщее движеніе не могло не захватить и его; не могли не волновать его умъ и душу только-что народившіеся тогда въ Россіи общественно-политическіе вопросы, занимавшіе тогда всю мыслящую русскую молодежь. Одоевскій былъ болѣе пылкимъ, болѣе увлекающимся, болѣе горячимъ человѣкомъ, чѣмъ многіе изъ будущихъ декабристовъ. Какъ же могъ онъ оставаться въ сторонѣ отъ движенія, какъ же могъ онъ равнодушно и холодно смотрѣть на него! Нѣтъ сомнѣнія, что идеи, вдохновлявшія тогдашнюю молодежь, не разъ заставляли и его задумываться, не разъ наполняли и его душу тѣмъ священнымъ огнемъ, тѣмъ благороднымъ пыломъ, который увлекъ въ пропасть цвѣтъ русской молодежи. Неудивительно поэтому, что когда не менѣе его пылкій и страстный Рылѣевъ предложилъ ему вступить въ общество, когда цѣлой струею полилась не краснорѣчивая, но вдохновенная, убѣдительная, полная жара молодости и воодушевленія рѣчь его—неудивительно, что не устоялъ Одоевскій и сталъ членомъ тайнаго общества. Грибоѣдовъ впослѣдствіи называлъ это время экзальтаціей. Да, это была экзальтація, это было увлеченіе, и какъ всякое увлеченіе, не

вѣчное. Впослѣдствіи Одоевскій самъ раскаявался въ своихъ дѣйствіяхъ, въ томъ, что великія идеи братства и свободы пытался онъ осуществить противузаконнымъ насиліемъ и цѣною крови, самъ просилъ онъ «солнышко-царя не помянуть его грѣшной юности въ царствѣ славы». Но тогда онъ весь предался волновавшимъ его думамъ и намѣреніямъ, безумно разрѣшилъ ихъ, рѣшившись дѣйствовать на площади 14-го декабря и потомъ понесъ тяжелую кару за свое преступное увлеченіе, за тотъ порывъ, которыми было полнопылкое сердце его.

Недолго пришлось Одоевскому быть членомъ сѣвернаго общества. Приближалось время, когда всѣ напряженныя силы русскихъ людей должны были найти себѣ исходъ и проявиться въ открытомъ возстаніи. Грозныя, темныя тучи нависали надъ Россіей; каждую минуту должна была разразиться гроза; всѣ ждали чего-то особеннаго и вотъ наступилъ достопамятный въ лѣтописяхъ русской исторіи день 14-го декабря 1825 года.

Участіе въ возстаніи князя Одоевскаго ограничилось тѣмъ, что онъ удержалъ конно-гвардейцевъ въ казармахъ, когда графъ Милорадовичъ, получивъ отъ императора Николая приказаніе идти съ конно-гвардейскимъ полкомъ противъ возмутившихся войскъ, явился въ казармы и велѣлъ сѣдлать лошадей и слѣдовать за нимъ на площадь. Князь Одоевскій, узнавъ объ этомъ, бѣгалъ— какъ разсказываетъ А. П. Башуцкій — по конюшнямъ и останавливалъ солдатъ говоря; что «это ложная тревога и что сѣдлать не должно» [1]). Милорадовичъ, выведенный изъ терпѣнія, поѣхалъ къ бунтовщикамъ одинъ и, какъ извѣстно, былъ убитъ Каховскимъ.

Кромѣ этого, А. П. Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что князю Одоевскому былъ обязанъ своимъ спасеніемъ великій князь Михаилъ Павловичъ, въ котораго стрѣлялъ Кюхельбекеръ, ночевавшій въ эту ночь у Одоевскаго. Этотъ послѣдній, зная фанатизмъ Кюхельбекера, насыпалъ въ его пистолеты песку, и благодаря этому великій князь былъ спасенъ [2]). Едва ли, однако, это вѣрно. Князь Одоевскій и самъ былъ человѣкомъ пылкимъ и увлекающимся и трудно предположить, чтобы онъ самъ, будучи энтузіастомъ и рѣшившись дѣйствовать, сталъ удерживать другихъ. Помимо этого есть извѣстіе, что великій князь Михаилъ Павловичъ спасся благодаря тому, что Бестужевъ отвелъ руку Кюхельбекера, когда тотъ приготовился выстрѣлить. Но какъ бы ни было, князь Одоевскій, послѣ того, какъ удержалъ свой полкъ въ казармахъ, отправился самъ на площадь и по окончаніи возстанія бѣжалъ въ домъ Андрея Андреевича Жандра, гдѣ и скры-

---

[1]) «Русская Старина», 1870 г., т. II, стр. 142.

[2]) «Воспоминанія декабриста» Бѣляева, 1882 г., стр. 172—173.

вался. Жандръ не выдалъ его явившимся сыщикамъ, почему впослѣдствіи былъ призываемъ къ допросу въ слѣдственную коммисію [1]). Потомъ уже Одоевскаго арестовали и онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и содержался до самой отправки въ Сибирь, въ 1827 году.

Одиночное заключеніе переносилъ Одоевскій очень тяжело. Трудно было ему при его общительномъ характерѣ оставаться одному впродолженіи цѣлаго года и видѣть на минуту только лица своихъ сторожей, да изрѣдка судей. Неудивительно, что онъ въ заточеніи приходилъ чуть не въ изступленіе, бѣсновался и приводилъ въ ужасъ всѣхъ сторожей, которыхъ угрозы, требованія и просьбы не имѣли никакого успѣха. Рядомъ съ нумеромъ Одоевскаго былъ нумеръ Рылѣева, а по другую сторону—Николая, а затѣмъ и Михаила Бестужева. Этотъ послѣдній въ своихъ запискахъ такъ описываетъ, какъ переносилъ заключеніе Одоевскій: «рядомъ съ нумеромъ брата сидѣлъ Одоевскій, молодой, пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ. Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ какъ угомонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ, какъ запертый львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы поднимались дыбомъ» [2]). Когда Бестужевъ захотѣлъ завести сношенія съ Рылѣевымъ посредствомъ изобрѣтенной имъ стѣнной азбуки и его братъ сталъ выстукивать ее Одоевскому, тотъ положительно пришелъ въ изступленіе, сталъ колотить въ стѣну и руками и ногами, такъ что Бестужевъ оставилъ его. Такъ проводилъ онъ свое время въ крѣпости, и памятниками этого времени у насъ остались его стихотворенія: «Полночь», написанная въ ночь свѣтлой седьмицы, «Сонъ поэта» и, наконецъ, «Дума узника». Помимо сочиненія стиховъ, Одоевскій, будучи истиннымъ христіаниномъ и глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, часто предавался въ крѣпости и молитвѣ, и молился пламенно и горячо.

Наконецъ, наступилъ день 12-го іюля 1826 года и Одоевскому, вмѣстѣ съ другими узниками, его сотоварищами, былъ прочтенъ приговоръ Верховнаго уголовнаго суда, конфирмованный императоромъ Николаемъ, по которому Одоевскій ссылался на 12 лѣтъ въ каторжныя работы. 13-го іюля, сентенція была приведена въ исполненіе. Надъ головою Одоевскаго сломали его шпагу, сняли съ него мундиръ, который тутъ же сожгли и, надѣвъ лазаретный халатъ, снова отвели его въ крѣпость. 26-го іюля, въ день коронаціи императора Николая, декабристамъ былъ убавленъ срокъ

---

[1]) «Русская Старина», 1874 г., т. X, стр. 157.

[2]) Записки М. А. Бестужева, «Русская Старина», 1870 г., т. I, стр. 364.

каторжной работы и Одоевскому, находившемуся въ 4-мъ разрядѣ, вмѣсто 12-ти лѣтъ было назначено 8 лѣтъ. 1-го февраля 1827 года, его позвали въ домъ коменданта крѣпости, откуда, вмѣстѣ съ М. М. Нарышкинымъ и двумя Бѣляевыми, онъ былъ отправленъ въ Сибирь. Разсаженные по одному въ сани въ сопровожденіи жандармовъ помчались декабристы въ далекую Сибирь изъ родного имъ Петербурга, который Одоевскому не суждено было болѣе видѣть. Проѣзжая мимо дома Кочубея, гдѣ давался балъ, Одоевскій сказалъ свое стихотвореніе «Балъ». По выѣздѣ изъ Петербурга, Одоевскаго посадили въ одни сани съ Нарышкинымъ; Бѣляевъ ѣхалъ съ братомъ, а впереди былъ фельдъ-егерь. Покороче познакомившись во время путешествія съ Одоевскимъ, Бѣляевъ восторженно отзывается о немъ въ своихъ запискахъ, по поэтическому дарованію ставя его на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ [1]).

Въ Читѣ Одоевскому было уже гораздо лучше, чѣмъ въ крѣпости. Здѣсь у него была масса товарищей—людей высокообразованныхъ, честныхъ и умныхъ, бесѣда съ которыми была истиннымъ наслажденіемъ. Едва успѣли декабристы сколько нибудь освоиться съ новымъ мѣстомъ своего заточенія, какъ уже составились общества, изъ нѣсколькихъ членовъ, которые собирались по извѣстнымъ днямъ вмѣстѣ, сообща читали свои сочиненія или выписанныя книги, которыхъ у нихъ было достаточно. Между прочимъ, было основано религіозное общество, прозванное «конгрегаціей». Здѣсь читались каждый разъ апостолъ, евангеліе, проповѣди и переведенныя барономъ А. Е. Розеномъ главы изъ «Stunden der Andacht». Это общество собиралось по воскресеньямъ и насчитывало въ числѣ своихъ членовъ П. Бобрищева-Пушкина, Басаргина, Бѣляева, Нарышкина и др., отличавшихся своимъ благочестіемъ и вѣрою. Одоевскій, какъ человѣкъ искренно вѣрующій, не могъ не примкнуть къ этому обществу. Помимо этого, каждую недѣлю два раза собирались на литературныя бесѣды, и здѣсь Одоевскій читалъ свои стихотворенія, которыя потомъ клались на музыку и хоромъ распѣвались на концертахъ и музыкальныхъ вечерахъ. На одномъ изъ такихъ литературныхъ вечеровъ было прочтено и капитальное произведеніе князя, поэма «Василько» въ 3-хъ частяхъ. Когда была устроена ручная мельница, князь Одоевскій сочинилъ пѣсню на голосъ «Во саду ли въ огородѣ» и эта пѣснь распѣвалась при работѣ. Работы были не трудныя: сперва клали фундаментъ для будущаго острога, потомъ работали на мельницѣ. Вообще же, какъ въ Читѣ, такъ и, впослѣдствіи, въ Петровскомъ острогѣ декабристамъ жить было недурно. Всѣ они были вмѣстѣ, полюбили другъ друга искренно и у многихъ эта дружба и любовь ушла съ ними въ могилу. Каж-

---

[1]) «Воспоминанія декабриста» Бѣляева, 1882 г., стр. 205—206.

дый охотно помогалъ другому въ его занятіяхъ. Устраивали лекціи, которыя пополняли образованіе многихъ, читали исторію, философію, чистую и прикладную математику, химію, физику, исторію русской литературы. Какъ знатокъ русскаго языка и русской словесности, Одоевскій взялъ на себя чтеніе лекцій по этому предмету. Баронъ Розенъ подробно описываетъ, какъ Одоевскій, начавъ свои лекціи съ похода князя Игоря, довелъ ихъ до 1825 года и все это безъ малѣйшаго пособія, по памяти. Тетрадь, которую онъ держалъ въ рукахъ оказалась потомъ совершенно чистой [1]). Къ Одоевскому часто обращались его товарищи съ вопросами по русскому языку, и онъ съ большою охотою и готовностью объяснялъ имъ. За его ласковое, привѣтливое обращеніе, за его веселый общительный характеръ, за его чистую душу, полную высокихъ стремленій и полюбили его всѣ товарищи, и нѣтъ ни одного, кто бы дурно о немъ отзывался. Скромный и застѣнчивый, Одоевскій съ его прекрасными большими голубыми глазами, съ звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, съ его живой, увлекательной рѣчью нравился всѣмъ, на всѣхъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Но не всегда оставался онъ веселымъ и беззаботнымъ. Часто находила на него серьёзная задумчивость, грустныя думы покрывали его чело и тоска отуманивала его обыкновенно живые и веселые глаза. Большая часть его стихотвореній, написанныхъ въ Сибири, носитъ элегическій оттѣнокъ. Нерѣдко его умъ волновали сомнѣнія и невеселыя думы о томъ, что лишній онъ на свѣтѣ, что вся его жизнь ни къ чему не повела и не сдѣлалъ онъ ничего изъ того, что хотѣлъ, что теперь ничего для него не осталось, незачѣмъ ему жить, нѣтъ у него цѣли въ жизни... Но въ такихъ думахъ онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ сознаніи, что и онъ, участвуя въ томъ движеніи умовъ, которое такъ печально проявилось 14-го декабря, принесъ свою лепту на алтарь отечества, будучи также однимъ изъ носителей тогда только-что народившихся и впослѣдствіи уже приведенныхъ въ исполненіе идей, ибо это движеніе было необходимо, его нельзя было обойти, и, имѣя свою худую сторону, оно, несомнѣнно, было даже полезно для будущаго поколѣнія, которое, видя въ декабристахъ печальный примѣръ людей готовыхъ на все для пользы отечества, но легкомысленныхъ и не имѣвшихъ положительныхъ научныхъ знаній, съумѣютъ воспользоваться этимъ примѣромъ. Такія мысли, такія думы нерѣдко приходили въ голову Одоевскаго и въ такія-то минуты и овладѣвала имъ тайная, тихая грусть. Его стихотворенія, написанныя въ острогѣ, даютъ намъ достаточное понятіе объ этой грусти, объ этой тоскѣ.

Такъ текло время темничной жизни Одоевскаго и насталъ 1832 годъ, въ которомъ, по случаю рожденія великаго князя Ми-

---

[1]) Собраніе сочиненій князя Одоевскаго, 1883 г., стр. 11—12.

хаила Николаевича, всѣмъ убавили срокъ работы, и 4-й разрядъ долженъ былъ отправиться на поселеніе. Въ немъ находился Одоевскій вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, Фонъ-Визиномъ, Бѣляевымъ, Мухановымъ, Бобрищевымъ-Пушкинымъ и др. Всѣ они отправились изъ тюрьмы въ началѣ 1833 года и съ ихъ отъѣздомъ опустѣлъ Петровскій острогъ.

Сперва Одоевскаго помѣстили въ Тельмѣ, близъ Иркутска, но онъ просилъ перевести его въ Курганъ, гдѣ были поселены его друзья, Розенъ и Назимовъ. Вслѣдствіе этой просьбы, онъ былъ переведенъ въ сосѣдній городъ Ишимъ, Тобольской губерніи, ибо въ Курганѣ было уже много поселенцевъ. Въ Ишимѣ Одоевскій оказался однимъ; тамъ не было ни одного изъ его товарищей по несчастію. Неудивительно, что жизнь на поселеніи была для него гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ острогѣ. Хорошо еще, что здѣсь нашелся человѣкъ очень образованный и много видавшій на своемъ вѣку, А. М. Янушкевичъ, сосланный за польское возстаніе, въ которомъ принималъ участіе, только-что вернувшись изъ Италіи. Съ этимъ-то Янушкевичемъ и познакомился князь Одоевскій; узнавъ его поближе, онъ полюбилъ его, и между ними образовалась прочная дружба, памятью которой у насъ осталось стихотвореніе «А. М. Янушкевичу, раздѣлившему со мною кипарисную вѣтку съ могилы Лауры». Янушкевичу же было написано и стихотвореніе: «Ты знаешь ихъ», послѣ того, какъ тотъ доставилъ Одоевскому извѣстіе отъ курганскихъ его товарищей. Но, несмотря на дружбу Янушкевича, скучно и грустно было Одоевскому въ Ишимѣ. Какъ всегда, какъ всякое впечатлѣніе, и эта грусть, снѣдавшая сердце Одоевскаго, вылилась въ вдохновенныхъ стихахъ. Немного дошло ихъ до насъ, но среди нихъ сохранилось одно: извѣстное его «Посланіе къ отцу», въ которомъ выразилась безпредѣльная, пламенная любовь князя къ его отцу, любовь, которая теперь въ одиночествѣ возгорѣлась съ новою силою.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.
Проснется-ль тайный сводъ небесъ,
Заговоритъ-ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ —
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Затѣмъ, выражая сомнѣніе въ томъ, что ему, изгнаннику, когда-нибудь придется войти въ отчій домъ, Одоевскій такъ продолжаетъ:

Съ тѣхъ поръ, займется-ли заря,
Молю я солнышко-царя
И нашу свѣтлую царицу:
Меня, о солнце, воскреси,
И дай мнѣ на святой Руси
Увидѣть хоть одну денницу!
Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы,
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы!

Это посланіе къ отцу имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшей участи князя Одоевскаго. Онъ и самъ надѣялся на это, надѣялся, что его мольба дойдетъ до царя и дастъ ему возможность снова увидѣть родныя мѣста. Такъ и сбылось. Какъ все, что посылалось декабристами въ Россію, и это посланіе попало въ III-е Отдѣленіе, а оттуда Бенкендорфъ передалъ его государю. Горячая, сыновняя любовь, тихое, скорбное сѣтованіе на судьбу и раскаяніе въ грѣхахъ юности, тронули сердце императора Николая, и онъ повелѣлъ зачислить Одоевскаго рядовымъ на Кавказъ.

Въ концѣ 1837 года, разстался Одоевскій съ Сибирью, проживъ въ ней одиннадцать лѣтъ — самую цвѣтущую пору своей жизни. Въ Тобольскѣ онъ и баронъ Черкасовъ нагнали Назимова, Лихарева, Фохта, Розена и Лорера, ѣхавшихъ также на Кавказъ рядовыми и отсюда продолжали путь вмѣстѣ. Скоро они были въ Казани; здѣсь Одоевскаго ожидала великая радость, которой болѣе ему уже не приходилось испытывать. Его 70-тилѣтній, дряхлый отецъ выѣхалъ въ Казань, чтобы повидаться со своимъ любимымъ сыномъ. Едва могъ дождаться старикъ, пока сынъ явился къ нему. «Сгорая весьма понятнымъ нетерпѣніемъ — разсказываетъ Н. И. Лореръ — дряхлый князь не выдержалъ и при входѣ своего сына побѣжалъ къ нему на встрѣчу по лѣстницѣ; но тутъ силы ему измѣнили, и онъ, обнимая сына, упалъ, увлекши и его съ собою. Старика подняли, привели въ чувство, и оба счастливца плакали и смѣялись отъ избытка чувствъ» [1]). Это свиданіе отца съ сыномъ было послѣднимъ. Отецъ не видался съ княземъ Александромъ Ивановичемъ съ самаго 1825 года, когда тотъ нарочно для свиданія съ нимъ ѣздилъ въ Москву. Можно себѣ представить, какъ радостно было свиданіе ихъ послѣ двѣнадцати-лѣтней разлуки. Но недолго пришлось старому князю любоваться на своего сына: 28-го августа, онъ выѣхалъ изъ Казани. До третьей станціи провожалъ его отецъ. При перемѣнѣ лошадей—говоритъ Н. И. Лореръ—готовясь черезъ нѣсколько минутъ разстаться съ своимъ Сашей, бѣдный отецъ грустно сидѣлъ на крылечкѣ почтоваго дома и почти

[1]) Записки Н. И. Лорера. «Русск. Архивъ». 1874 г. кн. 1, стр. 367.

машинально спросилъ проходившаго ямщика: «дружище, а далеко будетъ отсюда поворотъ на Кавказъ»? «Поворотъ не съ этой станціи, отвѣчалъ ямщикъ, а съ будущей»... Старикъ-князь даже подпрыгнулъ отъ неожиданной радости: еще 22 версты глядѣть, обнимать своего сына, и подарилъ ямщику 25 рублей [1]). Но скоро надо было разстаться имъ совсѣмъ и, обливаясь слезами, простился отецъ съ своимъ многолюбимымъ сыномъ. Разставаясь, князь Одоевскій умолялъ друга своего сына, М. А. Назимова, беречь и хранить его Александра. Послѣ онъ писалъ къ нему, повторяя свою просьбу.

Съ Назимовымъ Одоевскій ѣхалъ вмѣстѣ въ одной повозкѣ. Та грусть, та тоска, которая снѣдала его сердце и въ Сибири, часто прорываясь среди веселаго, звонкаго хохота и безпечныхъ шутокъ, и теперь овладѣла имъ послѣ свиданія съ отцомъ. Онъ ѣхалъ на Кавказъ, не надѣясь на свое будущее. Темнымъ и мрачнымъ представлялось ему оно. Когда, подъѣзжая къ Ставрополю, Назимовъ увидѣлъ направляющуюся къ югу стаю журавлей и сказалъ ему: «привѣтствуй ихъ», у Одоевскаго изъ глубины сердца вырвался грустный, полный глубокой, тихой скорби экспромтъ:

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?

гдѣ онъ, сравнивая себя съ птицами, говоритъ:

И насъ, и насъ далекій путь влечетъ...
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ
И свѣжій миртъ чело не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ-ли послѣ бурь намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью?

Дѣйствительно, впереди у поэта не было ничего отраднаго. Для него все было кончено. Онъ словно предчувствовалъ свою недалекую судьбу. И безъ ужаса, безъ содроганья думалъ онъ о смерти. Не красна была его жизнь и наскучила она ему. Его не пугалъ зловредный кавказскій климатъ. Увидѣвъ отца и родину, онъ добился того, чего такъ страстно желалъ. Больше ему ждать было нѣчего...

Пріѣхавъ въ Ставрополь, декабристы явились къ командовавшему войсками на кавказской линіи, А. А. Вельяминову. Онъ ласково ихъ принялъ и на другой день вечеромъ они были размѣщены по полкамъ. Князь Одоевскій, бывшій кавалеристъ, поступилъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, который стоялъ тогда недалеко отъ Тифлиса въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ Колодцевъ.

Въ Тифлисѣ Одоевскій имѣлъ возможность осуществить свое давнее желаніе: помолиться на могилѣ Грибоѣдова. Теперь онъ

[1]) Ibidem, стр. 367—368.

снова непритворными слезами оплакалъ своего друга, часто посѣщая его могилу. На Кавказѣ жизнь Одоевскаго не перемѣнилась; не перемѣнился и онъ. Веселый, до упаду смѣявшійся среди друзей, одинъ, тая свою тоску въ груди, онъ и здѣсь пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе среди новыхъ своихъ товарищей. Здѣсь онъ познакомился съ Лермонтовымъ и Львомъ Пушкинымъ. Лермонтовъ посвятилъ его памяти прекрасное, чрезвычайно ярко обрисовывающее нравственный обликъ Одоевскаго, стихотвореніе. Веселый, любившій погулять и посмѣяться Лёвъ Сергѣевичъ нашелъ въ немъ прекраснаго собесѣдника и часто пускался съ нимъ въ длинные споры о литературѣ и поэзіи, видя въ немъ знатока дѣла.

Казалось бы, что жизнь Одоевскаго сложилась на Кавказѣ недурно, что онъ могъ бы здѣсь позабыть свою грусть; ни во внѣшнихъ удобствахъ, ни въ друзьяхъ, ни въ сочувствіи онъ здѣсь не нуждался. Все это было у него въ избыткѣ, но не было самаго главнаго: не было цѣли жизни. Одоевскій жилъ только потому, что живется, равнодушно и холодно смотрѣлъ онъ на жизнь, отъ которой онъ когда-то такъ много ожидалъ и которая теперь ничего не представляла ему впереди, кромѣ развѣ грустныхъ сожалѣній. Вотъ гдѣ крылась истинная причина его тоски, не оставлявшей его нигдѣ надолго.

Такъ наступилъ 1839 годъ. На восточномъ берегу Чернаго моря предпринималась экспедиція съ цѣлью постройки форта на берегу и покоренія натухайцевъ. Въ этой экспедиціи приняли участіе почти всѣ декабристы бывшіе на Кавказѣ и, между прочимъ, Одоевскій. Здѣсь-то во время экспедиціи онъ получилъ извѣстіе о смерти отца. Передъ смертью старый князь велѣлъ подать себѣ портретъ сына и, крѣпко прижавъ его къ своей груди, сошелъ съ нимъ въ могилу. Эта утрата доканала Одоевскаго. Еще прежде сибирская жизнь отразилась на его здоровьѣ и говорили, что у него чахотка, теперь послѣ потери многолюбимаго отца князь почувствовалъ, что ему недолго жить. «Мой милый другъ, Михаилъ Александровичъ—писалъ онъ къ Назимову отъ 21-го іюня—я потерялъ моего отца: ты его зналъ. Я не знаю, какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ—кажется, послѣдній; другой, какой бы ни былъ, слишкомъ будетъ слабъ по сравненію... Я спокоенъ; говорить—говорю, какъ и другіе; но, когда я одинъ передъ собою или пишу къ друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горесть, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру... Прощай, мой другъ; обнимаю тебя отъ души и желаю тебѣ болѣе счастія, гораздо болѣе, нежели сколько меня ожидаетъ въ этомъ мірѣ». [1]). Тихою, безнадежною грустью вѣетъ отъ всего письма. Видно, что его писалъ человѣкъ, для котораго ничего болѣе не осталось. Сбы-

[1]) Собраніе стихотвореній князя Одоевскаго. 1883 г.

лись предчувствія поэта. Смерть не заставила себя долго дожидаться. Экспедиція кончилась удачно. Многіе уже разъѣхались, опасаясь дѣйствія заразительнаго воздуха этой мѣстности, гдѣ часто бывали случаи заболѣванія желтою горячкою; между прочими уѣхали товарищи Одоевскаго, Лореръ и Нарышкинъ. Уѣзжая, они уговаривали и его ѣхать вмѣстѣ, но онъ упорно отказывался, печально сказавъ: «je reste içi comme victime expiatoire» [1]). И онъ не ошибся. Онъ остался на жертву горячки, первые признаки которой были замѣчены 5-го августа во время всенощной, а на другой день Одоевскій уже лежалъ въ постели. Баронъ Розенъ, со словъ Н. А. Загорѣцкаго, принявшаго послѣдній вздохъ Одоевскаго, разсказываетъ, что сперва онъ лежалъ въ походной палаткѣ, потомъ по приказанію начальника экспедиціи, Н. Н. Раевскаго, перенесли его въ строющіяся казармы и здѣсь 15-го августа въ три часа пополудни, когда около него былъ одинъ только Загорѣцкій, онъ немного приподнялся, чтобы сѣсть на кровати и вдругъ, опрокинувшись на спину, испустилъ духъ. Когда онъ былъ уже на столѣ, на его лбу показался потъ. У всѣхъ возродилась надежда... но напрасно: Одоевскій былъ уже мертвъ [2]). Во время болѣзни онъ имѣлъ возможность убѣдиться въ любви къ нему его товарищей. Солдаты постоянно приходили справляться о ходѣ его болѣзни, а когда умеръ, всѣ: солдаты въ мундирахъ и офицеры въ полной формѣ, отдали ему послѣднюю почесть. Онъ былъ похороненъ у обрыва Чернаго моря, за только-что построеннымъ фортомъ Лазаревскимъ.

Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу унесъ онъ рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!
Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастья... Но безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ морѣ жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ и Богъ не спасъ!
Но до конца среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ,
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ
И звонкій дѣтскій смѣхъ и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

Въ этихъ прекрасныхъ стихахъ Лермонтова, Одоевскій весь, какъ живой. Такъ мѣтко обрисовываютъ они его чистую, прекрасную душу. Вотъ за эту-то чистоту души и былъ любимъ Одоев-

---

[1]) Записки Н. И. Лорера. «Русскій Архивъ». 1874. Кн. 2, стр. 649.
[2]) Собраніе стихотвореній князя Одоевскаго. 1883, стр. 18.

скій. Недаромъ существуетъ преданіе, будто горцы, узнавъ объ Одоевскомъ, почтили его могилу, разрывъ и уничтоживъ всѣ прочія. Если это даже и невѣрно, то все-таки ясно показываетъ, какую любовь, какое уваженіе внушалъ къ себѣ симпатичный образъ Одоевскаго у людей знавшихъ его. За эту-же чистоту души, за его высокіе помыслы, за его возвышенныя стремленія и достоинъ Одоевскій воспоминанія. Не одни блестящіе, громкіе подвиги уважаются потомствомъ: достойна уваженія и тихая, скромная, безъ выдающихся и видныхъ дѣяній, жизнь человѣка, всего себя посвятившаго другимъ, за другихъ, хоть и по своей винѣ, пострадавшаго и потомъ цѣлую жизнь скорбѣвшаго о томъ, что онъ не совершилъ и половины того, что̀ когда-то думалъ сдѣлать.

Но и то, что совершено Одоевскимъ отводитъ ему почетное мѣсто среди русскихъ людей царствованія императора Александра. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся декабристовъ не потому, чтобы старался объ устройствѣ и расширеніи тайнаго общества, или былъ его главою, а потому что былъ человѣкъ онъ хорошій во всѣхъ отношеніяхъ, страстный, увлекающійся, впечатлительный, съ честными, хорошими стремленіями. Онъ заблуждался — правда; его заблужденіе, какъ и заблужденіе всѣхъ декабристовъ, принесло государству вредъ. Но нѣтъ худа безъ добра: ошибки декабристовъ имѣли и свою хорошую сторону. Русскіе люди начала XIX-го столѣтія чувствовали и понимали неурядицы русской земли, но, не будучи подготовлены, какъ слѣдуетъ, къ общественно-политической дѣятельности, они во всемъ руководствовались чувствомъ, которое брало у нихъ верхъ надъ разсудкомъ. Съ горячею пламенною любовью къ отечеству, съ пылкимъ сердцемъ, они, начавъ дѣло, цѣль котораго была такъ возвышенна и свята, кончили 14-мъ декабря и оправдали извѣстную французскую пословицу: «l'enfer est pavé de bonnes intentions». Но примѣръ ихъ послужилъ на пользу слѣдующему поколѣнію. Оно съ неменьшей горячностью, только разумно, принялось за дѣло и съ содѣйствіемъ правительства законнымъ путемъ осуществило завѣтныя мечты декабристовъ. Не безплодна, значитъ, была дѣятельность послѣднихъ. Они участвовали въ этомъ движеніи умовъ, безъ котораго нельзя было обойтись, которое рано или поздно должно было возникнуть. Все молодое, свѣжее и честное участвовало въ этомъ движеніи—не одни декабристы. Одоевскій, какъ передовой человѣкъ своего времени, принялъ также участіе въ этомъ движеніи, но при его пылкой и страстной натурѣ трудно было удержаться въ извѣстныхъ границахъ. Онъ перешелъ и кончилъ такъ печально. Но тѣмъ не менѣе, повторяю, какъ участникъ въ сказанномъ движеніи, какъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ носителей великихъ идей свободы, истины и добра, онъ заслуживаетъ воспоминанія о себѣ. Нѣтъ сомнѣнія: такая симпатичная, свѣтлая, вы-

соко-нравственная личность, какъ онъ, не осталась безъ вліянія на окружающихъ. Одоевскій искренно раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и оплакивалъ ихъ всю свою жизнь, не отрѣшившись однако отъ тѣхъ великихъ идей, во имя которыхъ онъ дѣйствовалъ.

Какъ поэтъ, Одоевскій принадлежитъ къ числу второстепенныхъ или даже третьестепенныхъ поэтовъ пушкинскаго періода. Несомнѣнно, онъ обладалъ поэтическимъ дарованіемъ и можетъ быть изъ этого дарованія и выработалось бы чтò нибудь большее, но Одоевскій относился къ своему поэтическому дарованію слишкомъ небрежно, хотя любилъ поэзію сильно. Она, какъ онъ самъ говоритъ въ стихотвореніи «Поэзія», была для него «ангеломъ-утѣшителемъ». Онъ черпалъ въ ней

Всѣ радости, усладу скорбныхъ дней.

Находило-ли на него грустное чувство и оно выливалось въ вдохновенныхъ стихахъ и легче становилось Одоевскому. Почти всѣ его стихотворенія были написаны въ скорбное для него время заточенія въ Читинскомъ и Петровскомъ острогахъ, поселенія и службы на Кавказѣ. Поэтому-то всѣ они и имѣютъ элегическій характеръ, за исключеніемъ тѣхъ, которые написаны по поводу чисто внѣшнихъ событій, обратившихъ на себя вниманіе Одоевскаго. Таково, напримѣръ, его прекрасное, написанное въ народномъ духѣ, стихотвореніе на пріѣздъ къ Ивашеву его невѣсты, m-lle le Dantue. Рѣдко, рѣдко приходится встрѣтить стихотвореніе въ другомъ родѣ, какъ, напримѣръ, экспромтъ, посвященный Н. И. Лореру и сказанный, какъ видно, среди оживленной, веселой бесѣды.

Смотря на поэзію только какъ на свою утѣшительницу въ минуту горя и скорьби, Одоевскій не предназначалъ своихъ стихотвореній для публики, такъ что при его жизни было напечатано лишь одно: «Сенъ-Бернаръ», хотя, надо замѣтить, и не мѣшалъ ихъ распространенію среди товарищей. При такомъ взглядѣ на свое дарованіе, неудивительно, что Одоевскій не обращалъ вниманія на технику стиха, которая у него въ большинствѣ случаевъ страдаетъ, хотя нѣкоторыя стихотворенія поражаютъ гладкостью и легкостью стиха, особенно, если принять во вниманіе, что многія сказаны по обыкновенію экспромтомъ. Но если стихотворенія Одоевскаго и страдаютъ несовершенствомъ техники, то за то они дышатъ неподдѣльнымъ, горячимъ чувствомъ, и это неоспоримое достоинство въ значительной степени искупаетъ ихъ недостатки. Это-то чувство, а также и то обстоятельство, что все, о чемъ писалъ Одоевскій, чтò занимало и волновало его, было дорого и близко каждому изъ декабристовъ и объясняетъ намъ то высокое мнѣніе объ Одоевскомъ, которое имѣли многіе изъ его товарищей, считая его первокласнымъ поэтомъ. Это-же чувство, оживотворяющее сти-

хотворенія князя, главнымъ образомъ и заставляетъ насъ думать, что изъ него могъ бы выработаться недюжинный поэтъ, если бы онъ обратилъ на свое дарованіе большее вниманія. Теперь же, когда передъ нами всего только какихъ нибудь десятка два его стихотвореній, можно только сказать, что въ нихъ свѣтится искра вдохновенія, но они, не будь Одоевскій декабристомъ, забылись-бы совершенно. Тѣмъ не менѣе нельзя не отнестись сочувственно къ изданію сочиненій князя А. И. Одоевскаго, ибо, помимо нѣсколькихъ хорошихъ стихотвореній, оно даетъ возможность читателю представить себѣ хоть нѣсколько симпатичный образъ Одоевскаго, ни въ какомъ случаѣ не заслуживающій забвенія.

А. Н. Сиротининъ.

НАРОДНИКИ И РАСКОЛОВѢДЫ НА СЛУЖБѢ.

(Nota bene къ воспоминаніямъ П. С. Усова о П. И. Мельниковѣ).

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ Павла Степановича Усова о покойномъ Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ напечатанныхъ въ «Новомъ Времени» есть между прочимъ такой эпизодъ:

«Въ 1862 году, въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ о необходимости учрежденія для раскольниковъ особыхъ школъ отъ правительства. Въ августѣ того же года, я получилъ приглашеніе министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина, пріѣхать къ нему. Сообщивъ мнѣ о проектѣ подобныхъ школъ, министръ просилъ меня указать на сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», помѣщавшихъ въ ней статьи по расколу, которые могли бы, по его порученію, отправиться въ центры раскольничьяго населенія для собранія свѣдѣній о положеніи у нихъ школьнаго дѣла. Я указалъ на П. И. Мельникова, какъ на знатока раскола, какъ на человѣка, который лучше другихъ могъ бы заняться этимъ дѣломъ.

— «Мельниковъ состоитъ, кажется, на службѣ? былъ вопросъ министра.

— «Чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

— «Слѣдовательно необходимо снестись съ его начальствомъ. Это для меня неудобно. Нѣтъ ли другихъ у васъ лицъ?

«Тогда я назвалъ Н. С. Лѣскова, предупредивъ, что онъ въ знаніи раскола уступаетъ Мельникову. Но, повидимому, рекомендація Лѣскова понравилась министру; онъ записалъ его адресъ, и Н. С. Лѣсковъ отправился съ порученіемъ министра въ Ригу.

«Всѣ эти факты — мелочи, но мелочи иногда лучше освѣщаютъ житейскія событія. Проектъ о правительственныхъ школахъ для раскольниковъ не былъ приведенъ къ осуществленію, встрѣтивъ сильную оппозицію. Въ № 13-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1864 года, появилась противъ этихъ школъ сильная статья, въ которой доказывалось, что «можно только терпѣть расколъ», что «въ этомъ долженъ заключаться весь либерализмъ правительства». Я указываю на

эту статью по той причинѣ, что она была перепечатана по желанію П. А. Валуева, въ «Сѣверной Почтѣ» (№ 17, 1864 года), слѣдовательно вполнѣ согласовалась съ его мнѣніемъ по вопросу о раскольничьихъ школахъ. П. И. Мельниковъ былъ приверженцемъ отмѣны всѣхъ ограниченій для раскольниковъ, а изъ этой статьи видно, что взглядъ П. А. Валуева былъ совершенно противоположный, и потому онъ не находилъ удобнымъ или полезнымъ для себя пользоваться знаніями своего чиновника особыхъ порученій въ дѣлахъ раскола».

Обстоятельство это передано г-мъ Усовымъ не полно и оттого является большой поводъ думать, какъ будто бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Александръ Васильевичъ Головнинъ, послалъ для изслѣдованія извѣстнаго раскольничьяго вопроса меня, а не покойнаго Мельникова, не только потому, что о Мельниковѣ ему нежелательно было сноситься съ графомъ Валуевымъ, но и потому еще, что «П. И. Мельниковъ былъ приверженцемъ отмѣны всѣхъ ограниченій для раскольниковъ», а я какъ будто представлялъ собою на этотъ счетъ нѣчто иное—менѣе расположенное къ терпимости и тѣмъ болѣе отвѣчающее взглядамъ А. В. Головнина.

На самомъ дѣлѣ все сказанное было не совсѣмъ такъ, и, главнымъ образомъ, дѣло двигалось совсѣмъ не тѣми причинами, на которыя частію намекаетъ, а частію даже прямо указываетъ г. Усовъ. Вполнѣ вскрывать всѣ эти (какъ Павелъ Степановичъ называетъ) «мелочи» теперь разумѣется еще не настало время, но обстоятельства служебныхъ неудачъ Мельникова, о которыхъ упоминаетъ г. Усовъ, не только могутъ быть разъяснены, но даже непремѣнно требуютъ разъясненія. Мнѣніе будто «приверженность къ отмѣнѣ всѣхъ ограниченій для раскольниковъ» была причиною, что Александръ Васильевичъ Головнинъ лишилъ себя услугъ покойнаго Мельникова—весьма ошибочно. Покойный Мельниковъ зналъ дѣла раскола несравненно лучше меня—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что я тогда только учился этой матеріи, и Павлу Степановичу Усову всеконечно близко извѣстно, что Мельниковъ весьма долго былъ моимъ руководителемъ въ изученіи раскольничьей и «отреченной» литературы и поправлялъ меня въ первыхъ моихъ опытахъ по описанію бытовой стороны раскола. Взглядъ на расколъ я по убѣжденію принялъ мельниковскій, ибо взглядъ покойнаго Павла Ивановича, по моимъ понятіямъ, есть самый вѣрный и справедливый. «Расколъ не на политикѣ виситъ, а на вѣрѣ и привычкѣ» — таково было убѣжденіе покойнаго Мельникова—такъ и я убѣжденъ, сколько по литературѣ, столько же—если еще не болѣе по долговременнымъ личнымъ, искреннимъ и задушевнымъ сношеніямъ со многими раскольниками. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ писать о расколѣ—сначала въ газетѣ г. Усова—не иначе какъ подъ руководствомъ Мельникова, — я нигдѣ и никогда не смотрѣлъ на расколъ какъ на явленіе свойства политическаго, и за то много-

кратно и многообразно былъ порицаемъ и осуждаемъ послѣдователями мнѣній Аф. Пр. Щапова, который сколько извѣстно желалъ видѣть въ расколѣ «политико-демократическій смыслъ», будто бы только прикрытый религіознымъ покрываломъ. Мельникову, а послѣ и мнѣ, поставляли въ вину что мы писали иначе, и на насъ было тогда ожесточенное гоненіе, которое долго было въ большой модѣ и къ этому ополченію охотно приставали многіе, собственно никогда раскола неизучавшіе. Гонительство это сдѣлалось одно время такъ сильно, что ему подпадали даже люди сторонніе, имѣвшіе смѣлость или неосторожность какъ нибудь сослаться въ своихъ работахъ на мои наблюденія и выводы. Такъ, между прочимъ, за это въ очень сильныхъ и смѣлыхъ выраженіяхъ былъ порицаемъ профессоръ петербургской духовной академіи Ив. Ѳед. Нильскій, который въ этомъ проступкѣ гдѣ-то и оправдывался, и доказывалъ, что и на меня порою можно сослаться. Словомъ, я несъ одинаковое съ Мельниковымъ отверженіе, но у меня было и свое разномысліе съ Павломъ Ивановичемъ: мнѣ не нравилось и не казалось справедливымъ его обыкновеніе относиться къ чувствамъ старовѣровъ слишкомъ по-чепурински, — какъ говорится — «съ кондачка». Приведите себѣ на память Потапа Максимовича Чепурина (въ Лѣсахъ и на Горахъ), который «какъ начнетъ про скитское житіе разсказывать, то такъ разговорится, что женскій полъ вонъ, да вонъ». Въ мельниковскомъ превосходномъ знаніи раскола была непріятная чиновничья насмѣшливость и когда эта черта рѣзко выступила въ разсказѣ «Гриша» — я возразилъ моему учителю въ статейкѣ, которая была напечатана, и Павелъ Ивановичъ за нее на меня разсердился. Все это при тогдашнемъ оживленіи въ литературѣ и въ жизни не проходило безъотзывно и безслѣдно, а потому я думаю, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, интересовавшійся въ то время вопросомъ о раскольничьихъ школахъ, зналъ, что я по части раскола представлялъ собою по преимуществу человѣка той самой школы, которую «политиканы» называли «мельниковскою», но которую, по справедливости, можно бы назвать историческою, научною. Слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать, что министръ А. В. Головнинъ могъ ожидать отъ меня исполненія порученія въ иномъ духѣ какъ и отъ Мельникова. Я удостоивался многихъ обвиненій, начиная съ либеральнаго обвиненія въ «оклеветаніи молодежи» до консервативнаго привмѣненія мнѣ свойствъ самого коварнаго «потаеннаго нигилизма», но я никогда не давалъ никому никакихъ поводовъ считать меня врагомъ «приверженности къ отмѣнѣ ограниченій религіозныхъ». И я думаю, что А. В. Головнинъ вовсе этого не желалъ, и, во всякомъ случаѣ, онъ отъ меня этого не требовалъ. Напротивъ, посылая меня, А. В. Головнинъ не стѣснялъ меня ни какими указаніями и даже высказалъ, что ожидаетъ отъ меня

«только правды», а въ данномъ мнѣ письмѣ къ остзейскому генералъ-губернатору, барону Ливену, онъ просилъ предоставить мнѣ свободу дѣйствій, которою я и пользовался невозбранно и по отзыву генералъ-губернатора — не предосудительно. Работа же моя, — «Отчетъ о раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ» составлена такъ, кàкъ я хотѣлъ ее написать, и въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ мыслилъ Мельниковъ. Мнѣ давно очень досадно, что книга эта остается неизвѣстною русской литературѣ, но въ этомъ не моя вина. Книга эта, по распоряженію А. В. Головнина, была, въ 1862 году, отпечатана въ типографіи академіи наукъ, кажется, всего въ числѣ 80 экземляровъ и куда она дѣлась, и гдѣ находится — мнѣ неизвѣстно. Я имѣю только одинъ ея экземпляръ, данный мнѣ А. В. Головнинымъ какъ автору; но въ литературѣ нѣмецкой она весьма извѣстна, такъ какъ вся она почти цѣликомъ переведена и напечатана въ весьма распространенной книгѣ бывшаго дерптскаго профессора Юліуса Экгарта «Bürgerthum und Büreacratie» (моя записка составляетъ цѣлую треть этой книги). Какимъ образомъ она туда попала — я тоже не знаю, но знаю, что и дерптскій профессоръ и германскіе рецензенты его книги, выведшіе на свѣтъ мою записку, находили причины указывать на ея «безпристрастіе». Короче, безъ жеманства скажу—ее хвалили за ея терпимость, и еще кое за что. Кажется все это должно бы представлять ручательство, что А. В. Головнинъ, по волѣ котораго та записка напечатана, не желалъ избѣгать и «приверженности къ отмѣнѣ ограниченій» и изъ-за этого не могъ имѣть побужденій отстранять Мельникова.

Причиною того, что въ Ригу былъ посланъ я, а не Мельниковъ, были два дѣйствительныя неудобства—одно меньшее, а другое бòльшее. Павелъ Степановичъ Усовъ, при его превосходной памяти, все-таки немножко смѣшалъ, кàкъ шло это дѣло. Въ началѣ у господина министра не было плана посылать знающаго расколъ литератора въ Ригу, а была мысль иная: именно мысль выяснить, каковы вообще желанія великорусскихъ старовѣровъ по отношенію къ школамъ, о которыхъ они просили. Тутъ вниманіе г. министра и остановилось на Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ, но поѣздка самаго свѣдущаго человѣка съ такою общею цѣлію представлялась крайне щекотливою и едва ли полезною. Во-первыхъ, чтобы услыхать задушевныя желанія старовѣровъ—надо было скрывать свое посланничество и его цѣль; а это и тяжело, да и неудобно. У старовѣровъ есть своя тайная полиція, организованная во многомъ не хуже еврейской «пантофлевой почты». Во-вторыхъ же, мы недоумѣвали, что такое можно выяснять въ школьныхъ желаніяхъ людей, которые совсѣмъ не имѣютъ ни какихъ понятій о школѣ? Тутъ какъ разъ по пословицѣ,—можно было «проѣздить не по чтò, и привести ни чего». Павелъ Ивановичъ это предвидѣлъ и гово-

рилъ, что ему «навѣрно не придется ѣхать». Главная причина, почему онъ такъ думалъ, заключалась въ томъ, что «чиновнику особыхъ порученій министра маскироваться неудобно, а съ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ онъ ничего задушевнаго не узнаетъ». Притомъ Павелъ Ивановичъ самъ находилъ, что это посольство «не будетъ пріятно Петру Александровичу Валуеву», который, какъ явствуетъ изъ воспоминаній г. Усова, былъ сторонникомъ «ограниченія», тогда какъ Мельниковъ конечно хотѣлъ стоять за «отмѣну ограниченій»? Слѣдовательно, дѣйствуя по совѣсти и убѣжденіямъ, Мельниковъ непремѣнно долженъ былъ бы исполнить работу, поручаемую ему А. В. Головнинымъ, въ такомъ духѣ, котораго не одобрялъ его прямой начальникъ, графъ П. А. Валуевъ. Отсюда понятно, что самая простая деликатность могла удержать А. В. Головнина отъ того, чтобы ставить нашего писателя въ такое щекотливое положеніе къ его служебному начальнику. Если же бы П. И. Мельниковъ исполнилъ порученіе А. В. Головнина въ духѣ «ограниченій», которыя совсѣмъ не отвѣчали цѣлямъ этого министра просвѣщенія, то такая работа послужила бы не въ пользу дѣла, а во вредъ ему. И тогда зачѣмъ бы А. В. Головнину нуженъ былъ такой исполнитель?.. Вотъ, я думаю, въ какомъ родѣ были очень простыя и ни мало П. И. Мельникову не обидныя соображенія, которыми г. министръ, однако, могъ весьма основательно руководиться. А потому сказанное А. В. Головнинымъ П. С. Усову слово, что «Мельникова командировать неудобно», я думаю, дѣйствительно значило то самое, что оно и выражаетъ. Ничего страннаго, необъяснимаго и невнимательнаго къ литературнымъ заслугамъ П. И. Мельникова тутъ нѣтъ. Кромѣ же того, были, какъ я говорю, и другія причины, о которыхъ упоминаетъ самъ П. С. Усовъ. О Мельниковѣ ходили неблагопріятные слухи по его прежней службѣ... Это составляло маленькую эпопею, напечатанную въ «Колоколѣ» А. И. Герцена. Я точно такъ же, какъ и П. С. Усовъ, увѣренъ, что все насказанное на Мельникова со стороны его небезкорыстія по «наѣздамъ на расколъ», вѣроятно была сплетня, но тѣмъ не менѣе, въ самой раскольничьей средѣ противъ Павла Ивановича существовало сильное предубѣжденіе и ему не очень-то довѣряли, а всегда его побаивались — это правда. «Волкъ, говорили о немъ, такъ волчкомъ и глядитъ». А такое настроеніе старовѣровъ, конечно, не увеличивало удобства посылки къ нимъ Мельникова по такому дѣлу, для котораго нужно было стяжать полное довѣріе и вызвать самую искреннюю откровенность.

Дѣло на этомъ-было и остановилось, но тутъ подвернулось небольшое, но очень характерное событіе, которое стоитъ вспомнить и записать, какъ коррективъ къ интереснымъ воспоминаніямъ г. Усова.

Въ тѣ самые дни, когда вопросъ о посылкѣ меня или Мельникова колебался, петербургскіе старовѣры были непріятно поражены

одною близко ихъ касавшеюся литературною новинкою: Кожанчиковъ пустилъ въ продажу первый выпускъ сочиненія А. Щапова «Земство и расколъ» (Спб. 1862 г.). Авторъ книги и иные критики думали, что г. Щаповъ подноситъ этимъ сочиненіемъ самый милый даръ старовѣрію, но старовѣры, увидавъ, что ихъ предковъ хотятъ представить политическими неслухами и «умыслителями», смутились. Такое вышло «недоразумѣніе»—что кое мѣсто въ книгѣ автора всего болѣе радовало, то самое старовѣровъ наиглубже огорчало. Кто любитъ плакать или смѣяться тотъ нашелъ бы въ этомъ «недоразуміи» причины для одного и для другого. На 33-й страницѣ было напр. мѣсто такое: «въ Поморской области возникло демократическое ученіе не молиться за московскаго государя»—старовѣры обидѣлись этой «неправдой», и заговорили: «какіе мы дымократы? что это еще за глупость! мы въ его благовѣріи сомнѣваемся, но за его благочестивое житіе молимся». Часто тогда меня звали потолковать,—и вотъ разъ вечеромъ ко мнѣ пріѣхали два петербургскіе старовѣра Пикіевъ и Мартьяновъ (одинъ ѳедосѣевецъ, а другой поморецъ) и просили тотчасъ же ѣхать съ ними въ Толмазовъ переулокъ, гдѣ въ трактирѣ «Фениксъ» собралась «сходка разныхъ сословій» и желаютъ меня видѣть. Я нашелъ около сорока человѣкъ старовѣровъ, частію мнѣ знакомыхъ, но болѣе незнакомыхъ и между сими послѣдними одного купца изъ Москвы, который былъ въ Петербургѣ проѣздомъ изъ Риги .и здѣсь много и пространно разсказывалъ о видѣнныхъ имъ въ Ригѣ русскихъ старовѣрахъ «изряднаго обученія», а обученіе то, по его словамъ, «преподается въ Ригѣ, въ хорошо, по древнему образцу, устроенныхъ секретныхъ школахъ». Всѣмъ питерскимъ это очень нравилось, и всѣ здѣсь присутствующіе жарко выражали одно желаніе, чтобы «министерство тотъ древній уставъ школы просмотрѣло», и послѣ повсемѣстно дозволило бы «такія самыя школы, въ какихъ потаенно отъ власти подъучаются рижскіе старовѣры». И тутъ-то самими старовѣрами было высказано желаніе, чтобы г. министръ просвѣщенія «оповѣстился о тѣхъ потаенныхъ школахъ» черезъ меня. «Тебѣ, говорили, мы дадимъ вѣрныя письма къ такимъ людямъ, которые тебѣ все покажутъ и ты принеси министеру правду; а другаго, кого мы не знаемъ, того не хотимъ, и тотъ ничего не увидитъ». Тутъ совершенно въ иномъ видѣ выяснилась ясная цѣль, для которой стоило послать свѣдущаго человѣка, именно въ Ригу, да указанъ былъ и самый человѣкъ, которому сами старовѣры готовы были помогать, не принуждая его ни маскироваться, ни притворствовать,—человѣкъ этотъ и былъ я. И вотъ, тогда лишь А. В. Головнинъ и командировалъ меня въ Ригу, ибо я лично представлялъ въ себѣ для этой командировки такія удобства, которыхъ другіе не представляли. Вотъ почему и вотъ какъ образовалось это предпочтеніе меня передъ Мельниковымъ, безъ малѣйшаго же-

ланія г. министра унижать превосходныя знанія Павла Ивановича. Вышло это просто потому, что если я нѣсколько отвѣчалъ цѣлямъ министра, то еще болѣе отвѣчалъ желаніямъ тѣхъ людей, для пользы которыхъ все это предпринималось. Пренебречь этимъ г. министръ, очевидно, не видѣлъ никакой надобности, да сколько я могу судить — сдѣлать людямъ непріятное, когда можно сдѣлать пріятное — не было въ духѣ этого министра. Такъ я и поѣхалъ съ письмами отъ А. В. Головнина къ генералъ-губернатору Ливену; отъ сенатора М. Н. Турунова къ жандармскому полковнику (нынѣ генералу) Андреянову, и отъ старовѣровъ съ четырьмя письмами къ Никону Прок. Волкову, Захару Лаз. Бѣляеву, Іонѣ Ѳедот. Тузову и Петру Андр. Пименову. Самое вѣское изъ сихъ рекомендательныхъ писемъ было отъ неизвѣстнаго мнѣ рекомендателя и писано оно было на лоскуткѣ синей толстой бумаги, вырванной изъ переплетенной счетной тетради, а заключалось въ слѣдующей несложной редакціи: «Сему вѣрь» — а вмѣсто подписи «слово—титло» (Богъ знаетъ, что оно означало).

Порученіе министра А. В. Головнина было исполнено мною не причинивъ его высокопревосходительству никакихъ досажденій, а брошюра «Съ людьми древляго благочестія», которую я написалъ послѣ этой поѣздки, вдругъ была вся раскуплена и давно уже составляетъ библіографическую рѣдкость. Изъ этой брошюры, составляющей обрѣзки того, что значится въ отчетной запискѣ, напечатанной въ типографіи академіи наукъ, можно видѣть, что я относился къ дѣлу съ тою же цѣлію показать излишность «ограниченій», какъ постоянно мыслилъ и П. И. Мельниковъ. Но какъ записка эта, писанная 20 лѣтъ назадъ, до сихъ поръ еще не утратила своего интереса, а между тѣмъ правительственныя лица, которыхъ она касалась (главнымъ образомъ князь Суворовъ), уже сошли въ могилу и составляютъ сюжетъ исторіи, то я не вижу причинъ оставлять ее далѣе въ безвѣстности для общества и попытаюсь напечатать эту мою работу въ одномъ изъ русскихъ историческихъ изданій.

П. С. Усовъ передаетъ тоже какъ особый знакъ неблаговолѣнія къ Мельникову, то, что «П. А. Валуевъ, съ самаго вступленія своего въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, удалилъ Мельникова отъ раскольничьихъ дѣлъ и отъ себя». А какъ мнѣ извѣстно, и тутъ не Мельниковъ лично не годился, а въ эту пору вообще разборъ и разработка раскольничьихъ дѣлъ, въ настоящемъ научномъ направленіи, стали нежелательны или, точнѣе сказать, несовмѣстны съ цѣлями нѣкоторыхъ изъ правителей. П. С. Усову должно бы быть извѣстно, что прежде отстраненія Мельникова предполагалось учредить цѣлое «сотрудничество», которое бы дружно взялось и сразу покончило съ разборомъ и приведеніемъ въ извѣст-

ность всѣхъ раскольничьихъ дѣлъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ. Мысль эта едва ли не исходила отъ М. Н. Турунова, или покрайней мѣрѣ имъ поддерживалась, и тогда въ числѣ лицъ, сюда предназначавшихся, снова были Мельниковъ и я. Объ этомъ со мною, по порученію П. А. Валуева, велъ переговоры графъ Капнистъ, которому я въ чистосердечномъ разговорѣ высказалъ мой взглядъ на расколъ, и тѣ мои убѣжденія, съ которыми я могу приступить къ этой любопытной, важной и до сихъ поръ ни кѣмъ надлежащимъ образомъ не исполненной работѣ. Но вѣроятно и мои взгляды, безъ сомнѣнія, точно переданныя графомъ Капнистомъ г. министру, показались почему либо одинаково несовмѣстимы, и съ этой поры рѣчь о привлеченіи меня къ занятіямъ дѣлами раскола уже никогда болѣе не возобновлялась. А вмѣсто допущенія къ симъ заповѣднымъ дѣламъ П. И. Мельникова со мною, или меня одного, доступъ къ нимъ былъ открытъ покойному Θедору Васильевичу Ливанову, который раскола хотя не зналъ, но имѣлъ характеръ и взглядъ болѣе совмѣстные. Дѣлъ раскольничьихъ Θ. В. Ливановъ не привелъ въ ту ясность, какой предполагалось достичь обстоятельнымъ ихъ разборомъ, но плодомъ его знакомства съ министерскими архивами за то вышло злохудожное сочиненіе «Раскольники и острожники». Въ этой скандалезной и шельмовальной книгѣ были глубоко оскорблены и обезславлены многіе изъ достоуважаемыхъ людей въ московскомъ купечествѣ, начиная съ Морозовыхъ и Кузьмы Терентьевича Солдатенкова, а появленію этого сочиненія предшествовали еще болѣе скандалезныя исторіи вымогательства и шантажи, вскрывать которыя еще не наступило время.

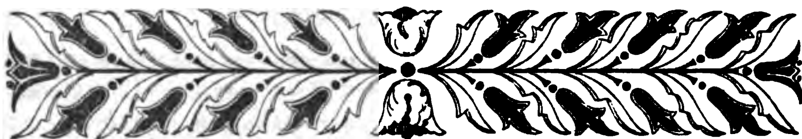
Личныя свойства Θ. В. Ливанова, который оказался всѣхъ насъ «совмѣстимѣе» достаточно извѣстны и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и среди старовѣровъ и среди монашествующей братіи, представители которой тоже тяжко испытывали неудобства всякаго личнаго съ этимъ человѣкомъ соотношенія. Небезъизвѣстенъ г. Ливановъ и семьѣ литературной, которая впрочемъ никогда не считала его своимъ и всегда бѣжала всякаго съ нимъ общенія. Кто рекомендовалъ Ливанова министру внутреннихъ дѣлъ, какъ знатока раскольничьей литературы и раскольничьяго быта—я не знаю, но это очень любопытно, и конечно когда нибудь выяснится. Но я знаю, что книги Ливанова, разсмотрѣнныя въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія при графѣ Дмитріѣ Андреевичѣ Толстомъ, были «отклонены», и что той же самой участи они подпали въ учебномъ комитетѣ Святѣйшаго Сѵнода, предсѣдатель котораго, покойный протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, бралъ у меня для соображеній мой обширный черновой докладъ о сочиненіяхъ Ливанова.

Такимъ образомъ, вотъ кто собственно былъ настоящимъ за-

мѣстителемъ Павла Ивановича Мельникова въ занятіяхъ дѣлами раскола научно-историческимъ путемъ. Это былъ Ѳ. В. Ливановъ, который въ одной изъ своихъ книжекъ «Золотая грамота» обнаружилъ такое многовѣдѣніе, что даже не зналъ, какъ надо перекреститься и указывалъ налагать на себя не крестъ, а треугольникъ (да, это буквально такъ!).

Что же касается затрудненій П. И. Мельникова въ издательствѣ книги, написанной по порученію министра, то и это едва ли можно приписывать личному неблаговоленію П. А. Валуева къ Мельникову. Совершенно такія самыя исторіи случались далеко не съ однимъ Мельниковымъ. Подобная вещь была, какъ мнѣ извѣстно, съ покойнымъ Алексѣемъ Ѳ. Писемскимъ и другими, а наконецъ, и лично со мною: въ моемъ столѣ до сей минуты лежитъ пропущенная духовнымъ цензоромъ рукопись съ страшною спѣшностію составленная мною по настоятельному и спѣшному требованію трехъ министровъ. Это приспособленный къ русскимъ простонароднымъ понятіямъ переводъ или пересказъ извѣстнаго сочиненія Боссюэта, пользовавшагося особымъ расположеніемъ императора Александра I. Работа эта, заключающая въ себѣ отъ 6 до 7 печатныхъ листовъ, четыре года тому назадъ была сдѣлана мною въ двѣ недѣли къ празднику Пасхи, процензурована архимандритомъ Арсеніемъ страстными днями и... осталась лежать у меня какъ вещь повидимому ни кому и ни на что ненужная. Приказана, сдѣлана и брошена... Почему же это такъ? А весьма просто! Причиной этого было предложеніе литературныхъ услугъ со стороны нѣкоего В. В. Кардо-Сысоева, который явился добровольцемъ и подалъ сочиненія отличавшіяся большею рѣшительностію. Онѣ были патронируемы однимъ учрежденіемъ, а министерствомъ народнаго просвѣщенія «отклонены» за ихъ крайнее несоотвѣтствіе приличіямъ и нравственности. Это и повело впослѣдствіи къ тому, что упомянутыя сочиненія г. Кардо-Сысоева перестали пользоваться особыми содѣйствіями къ ихъ распространенію черезъ акцизныхъ надзирателей по питейной части, но деньги на изданіе ихъ онъ получилъ.... Таковъ вообще невѣрный удѣлъ заказныхъ литературныхъ работъ, мнѣніе о совмѣстимости которыхъ часто измѣняется прежде, чѣмъ самая трудолюбивая рука въ состояніи ихъ исполнить, и Мельниковъ въ этомъ случаѣ не былъ исключеніемъ. А можно развѣ сказать то, что положеніе чиновниковъ изъ литераторовъ вообще часто бываетъ исключительнымъ и сугубо тяжкимъ среди чиновниковъ къ литературѣ не причастныхъ. Но это совершенно другой вопросъ, и въ немъ покойный Павелъ Ивановичъ тоже опять испыталъ далеко не самое обидное положеніе.

Николай Лѣсковъ.



СВИДАНІЕ ГЕНЕРАЛА БАЛАШЕВА СЪ НАПОЛЕОНОМЪ.

НАШИ историки, Михайловскій-Данилевскій, Богдановичъ, Соловьевъ, касаясь войны 1812 года и царствованія императора Александра Павловича, выводятъ поводы къ Отечественной войнѣ изъ подробностей выполненія тильзитскаго и шенбрунскаго договоровъ. Изъ нихъ Соловьевъ, въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ Первый», задавшись преимущественно политикою и дипломатіею этого царствованія, разсматриваетъ вопросъ о столкновеніи между Франціею и Россіею подробнѣе своихъ предшественниковъ, причемъ указываетъ, что лишь только Наполеонъ получилъ, въ январѣ 1810 года, чрезъ своего посла въ Петербургѣ, Коленкура, учтивый отказъ императора Александра на предложеніе его руки великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, то на другой же день приказалъ дать знать русскому правительству о своемъ несогласіи утвердить конвенцію о Польшѣ, которая была предварительно подписана въ Петербургѣ съ Коленкуромъ въ декабрѣ 1809 года. Въ іюлѣ 1810 года, уже состоялись первыя распоряженія Наполеона, имѣвшія отношеніе къ предстоявшей войнѣ съ Россіей: неудачное сватовство Наполеона на русской великой княжнѣ оскорбило самолюбіе императора французовъ. Но еще другая причина возстановляла Наполеона противъ Александра Павловича. Въ Петербургъ съѣхалась бо̀льшая часть политическихъ людей того времени, которые не скрывали своей вражды къ Наполеону и были убѣждены, что только одна Россія можетъ еще съ надеждою на успѣхъ бороться съ счастливымъ полководцемъ. Какъ многіе великіе люди, Наполеонъ былъ мелоченъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Присутствіе въ Петербургѣ его политическихъ враговъ, которыхъ онъ немедленно разстрѣлялъ бы, если бы они по-

пали къ нему въ руки, гостепріимство или убѣжище, имъ тамъ оказанное, ожесточало его еще болѣе противъ императора Александра. Онъ довольно рѣзко высказалъ все, что̀ накопилось у него на душѣ, воспользовавшись свиданіемъ съ министромъ полиціи Балашевымъ, отправленнымъ къ нему императоромъ Александромъ и изложившимъ свое свиданіе съ Наполеономъ въ особой запискѣ. Записка была въ рукахъ Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича, но первый сообщилъ изъ нея только слова императора Александра, сказанныя Балашеву, а второй—очень немногія фразы изъ разговора Наполеона. Соловьевъ не упоминаетъ о запискѣ Балашева, между тѣмъ она, нынѣ дословно обнародованная Н. Ѳ. Дубровинымъ въ его трудѣ «Отечественная война въ письмахъ современниковъ», составляетъ важный документъ для характеристики Наполеона и его отношеній къ императору Александру, особенно въ моментъ нахожденія императора французовъ въ Вильнѣ, когда ему нечего было изворачиваться дипломатическими условіями [1]).

«1812 года, іюня 13-го дня, пишетъ Балашевъ, въ пребываніе государя императора въ Вильнѣ, его величество, въ десять часовъ вечера, призвавъ меня, сказать мнѣ изволилъ, улыбаясь: «Ты, вѣрно, не ожидаешь, зачѣмъ я тебя призвалъ: я намѣренъ тебя послать къ императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прислана нота французскаго посольства, въ которой изъяснено, что такъ какъ нашъ посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, неотступно требовалъ, два раза въ день, паспортовъ ѣхать изъ Франціи, то сіе принимается за разрывъ и повелѣвается равномѣрно и графу Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи». Государь прибавилъ: «Итакъ я хотя весьма слабую, но вижу причину, въ первый еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны, но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собою, а отъ меня не имѣлъ повелѣнія. Онъ видѣлъ, что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ вытребовать себѣ и паспорта, и для того настоятельно требовалъ его прежде еще ихъ выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко мнѣ отъ Наполеона его генералъ-адъютанта, графа Нарбона, который и министромъ былъ военнымъ прежде, то, въ соотвѣтственность сего, и рѣшился я послать тебя. Хотя, впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей посылки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы». Присемъ государь изволилъ мнѣ дать нѣкоторыя словесныя наставленія и позволилъ поговорить съ графомъ Нессельроде и флигель-адъютантомъ Чернышe-

[1]) Весь разговоръ Наполеона съ Балашевымъ обнародованъ г. Дубровинымъ, безъ перевода, на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ происходилъ.

вымъ, бывшимъ довольно долгое время въ Парижѣ. Государь сказалъ мнѣ, что намѣренъ, сверхъ того, написать Наполеону письмо и чтобы я приготовился къ отъѣзду въ сію же ночь, а его величество пришлетъ за мною, когда оно будетъ готово.

«Во второмъ часу, государь прислалъ за мною, и, удостоивъ меня прочтеніемъ письма своего, вручилъ мнѣ его и дополнилъ, чтобы я не упустилъ сказать Наполеону словесно, что если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ условіемъ однимъ, но непремѣннымъ, т. е., чтобы арміи его вышли заграницу; въ противномъ же случаѣ, государь даетъ ему слово, покуда хотя одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принимать ни одного слова о мирѣ.

«Я отправился и на разсвѣтѣ былъ уже въ мѣстечкѣ Риконты, близъ котораго уже находились авангарды непріятеля. Взявъ лейбъ-казачьяго полка урядника, казака и трубача, чрезъ часъ доѣхали мы до французскихъ ведетовъ; два гусара, увидя нашихъ казаковъ, приложились пистолетами, но трубачъ нашъ затрубилъ, и одинъ изъ нихъ, подскакавъ ко мнѣ, приставилъ пистолетъ къ груди моей и требовалъ, чтобы мы остановились, а другой поскакалъ извѣстить своего начальника. Полковникъ Юльнеръ скоро пріѣхалъ и, освѣдомясь кто я, послалъ донесеніе къ Неаполитанскому королю, командовавшему всею кавалеріею. Король прислалъ ко мнѣ адъютанта, чтобы проводить меня къ маршалу Даву, корпусному командиру. Дорогою встрѣтила насъ большая свита королевская и, наконецъ, онъ самъ, отличавшійся отъ всѣхъ прочихъ своимъ костюмомъ, нѣсколько театральнымъ. Его величество сошелъ съ лошади и я сдѣлалъ то же. Его слова: «Очень радъ васъ видѣть, генералъ, среди насъ и познакомиться съ вами; но прежде всего надѣнемъ шляпы. Повидимому, здѣсь все принимаетъ видъ войны?» Мой отвѣтъ»: «Да, государь, повидимому, таковы намѣренія императора Наполеона».

— Вы не допускаете слѣдовательно, что войну начинаетъ императоръ Александръ?

— Навѣрное нѣтъ, государь, и доказательство у меня съ собою.

— Какъ такъ? а нота, вами присланная, съ повелительнымъ требованіемъ, чтобы Россія была оставлена нами прежде всего, прежде даже взаимнаго объясненія.

— На сколько мнѣ извѣстно, государь, это была одна изъ статей ноты, но не самая существенная.

— Но также и не такая, какая могла быть принята. Впрочемъ, я очень желаю, чтобы оба императора согласились между собою и не продолжали бы войны, которая началась совершенно вопреки моего желанія. Я не намѣренъ болѣе задерживать васъ, генералъ, продолжайте вашъ путь; увѣряю васъ, я не знаю въ настоящій

моментъ, гдѣ именно находится императоръ, но онъ не долженъ быть далеко.

«Мы поѣхали каждый въ свой путь.

«Пріѣхавъ въ корпусную квартиру маршала Даву, я нашелъ въ немъ менѣе учтивости, нежели видѣлъ отъ короля; такъ, напримѣръ, онъ мнѣ сказалъ: «Увѣряю васъ, я не знаю, гдѣ въ этотъ моментъ находится императоръ. Отдайте мнѣ, прошу васъ, ваше письмо; я его отправлю къ нему». Я вынулъ письмо, но, не отдавая еще ему, сказалъ: «Вотъ письмо, но я долженъ вамъ замѣтить, господинъ маршалъ, что императоръ, государь мой, поручивъ мнѣ отвезти его, предполагалъ, что я лично вручу его въ руки его величества императора Наполеона». Но онъ мнѣ съ нѣкоторымъ гнѣвомъ возразилъ: «Все равно, сударь, здѣсь вы у насъ; надобно дѣлать то, что̀ отъ васъ требуютъ». Я отдалъ ему письмо и также съ нѣкоторымъ негодованіемъ сказалъ: «Вотъ письмо, господинъ маршалъ; сверхъ того, прошу васъ забыть и мою личность и мою особу и принять во вниманіе только званіе генералъ-адъютанта его величества императора Александра, которое я имѣю честь носить».

— Милостивый государь, вамъ будетъ оказано всякое вниманіе, должное вамъ.

«Онъ при мнѣ же послалъ съ офицеромъ письмо и потомъ остались мы, довольно долгое время, одинъ противъ другаго, молча, какъ бы размышляя, о чемъ начать говорить (но я считалъ, что мнѣ ни самому болтать много, ни распрашивать неприлично). Первое слово, которое онъ вымолвилъ, состояло въ приказаніи адъютанту своему: «подать кушать!» Всѣ разговоры наши и сегодня и слѣдующаго дня за нимъ, не заслуживаютъ особеннаго вниманія и основаны были на недовѣрчивости и осторожности. На другой день, за обѣдомъ, сказалъ онъ мнѣ: «Я получилъ отвѣтъ относительно васъ», и потомъ велѣлъ закладывать свой вурстъ. По окончаніи обѣда онъ сказалъ мнѣ: «Я получилъ приказаніе выступить впередъ и вы должны ожидать здѣсь отвѣта на привезенное вами письмо. Мнѣ кажется, что это письмо имѣло одну цѣль, выиграть время. Когда посолъ требуетъ свои паспорты, это значитъ, что желаютъ вести войну. Если бы ея не желали, то Лористону позволили бы прибыть въ Вильну. Я очень желаю, чтобы битва произошла какъ можно скорѣе и тогда можно будетъ начать переговоры. Прощайте, генералъ; прошу васъ располагать моимъ домомъ; онъ къ вашимъ услугамъ; мой багажъ незамедлительно прибудетъ; приказывайте и все будетъ исполнено; но мы на войнѣ, генералъ, позвольте, чтобы соблюдались нѣкоторыя формальности. Я вамъ оставляю моего адъютанта, Декастри; онъ будетъ въ вашемъ распоряженіи; но я прошу васъ говорить только съ нимъ и не переходить за цѣпь часовыхъ».

«Такимъ образомъ мы разстались и въ семъ положеніи проводилъ я время до 18-го числа, въ которое получено было приказаніе при-

вести насъ въ Вильну, куда Наполеонъ уже вошелъ со своею арміею. Меня привезли прямо въ квартиру Бертье, котораго однакоже я не видалъ; мнѣ сказали, что онъ у Наполеона, а меня просить располагаться у него, какъ дома. Здѣсь все было порядочно, уважительно, прилично. На другой день, въ 10 часовъ утра, прислалъ за мною Наполеонъ камергера своего, графа Тюреня.

«Наполеонъ поспѣшилъ принять меня; это видно изъ того, что онъ былъ за завтракомъ и я слышалъ, какъ стулъ его отодвинулся и онъ вошелъ въ свой кабинетъ, куда ему уже при мнѣ принесли кофей. Кабинетъ сей была та самая комната, изъ которой, пять дней тому назадъ, императоръ Александръ изволилъ меня отправить.

«Онъ началъ разговоръ: «Очень радъ, генералъ, познакомиться съ вами; о васъ мнѣ отзывались хорошо; я знаю, что вы искренно преданы императору Александру, что вы одинъ изъ его самыхъ приверженныхъ друзей; я буду говорить съ вами откровенно и я вамъ поручаю въ точности передать мои слова вашему государю. Мнѣ очень жаль, но у императора Александра дурные совѣтники. Чего онъ ждетъ отъ этой войны? я уже властвую надъ одною изъ его лучшихъ провинцій, не сдѣлавъ ни одного ружейнаго выстрѣла, а между тѣмъ мы не знаемъ, ни одинъ, ни другой, изъ-за чего мы будемъ сражаться»?

«Я ему отвѣчалъ: «Ваше величество! Не императоръ, государь мой, желаетъ войны; не онъ начинаетъ ее; его войска донынѣ не выходили изъ предѣловъ своей страны; ваши, государь, прошли черезъ всю Европу, чтобы явиться на нашихъ границахъ; они, государь, перешли чрезъ эту границу, не предупредивъ насъ о томъ и не встрѣтили сопротивленія со стороны русской арміи. Для большей же убѣдительности, ваше величество, императоръ, государь мой, поручилъ мнѣ довести до свѣдѣнія вашего величества, что только въ день моей отсылки онъ узналъ какого рода доводы выставляются со стороны министерства вашего величества для веденія войны противъ Россіи. Утверждаютъ, что это произошло вслѣдствіе требованія съ особенною настойчивостію своихъ паспортовъ нашимъ посломъ, княземъ Куракинымъ; императоръ, государь мой, не одобряетъ подобнаго поступка со стороны князя Куракина; онъ никогда не получалъ на то дозволенія и подвергся строгому замѣчанію, лишь только его величество узналъ о томъ; поэтому подобный поводъ не имѣетъ значенія. Если ваше величество имѣете еще притязаніе быть недовольнымъ его величествомъ, то его величество готовъ войти въ соглашеніе, подъ однимъ условіемъ, но условіемъ непреложнымъ, чтобы ваша армія неотлагательно оставила нашу страну; сверхъ того, его величество поручилъ мнѣ увѣрить ваше величество, что, несмотря на все случившееся, до настоящаго момента не произошло ничего похожаго на сближеніе его двора съ дворомъ великобританскимъ, вашимъ врагомъ».

«Наполеонъ прервалъ мою рѣчь:

— О! это не замедлится; они только и ждутъ того; стоитъ послать только курьера и все моментально сдѣлается; но какъ императоръ Александръ можетъ говорить, что не онъ начинаетъ войну; развѣ я не просилъ въ продолженіе 18-ти мѣсяцевъ, чтобы со мною объяснились? Я не могъ добиться ни объясненія, ни даже отвѣта; развѣ не вашъ посолъ вручилъ мнѣ ноту министерства, въ которой было сказано, что если я желаю, чтобы со мною объяснились, то чтобы я началъ съ вывода всѣхъ моихъ войскъ изъ Пруссіи! Развѣ подобныя ноты пишутся къ государямъ, которыхъ уважаютъ, съ которыми не желаютъ вести войны? Я полагаю, что вы не писали подобныхъ нотъ даже самому небольшому двору въ Европѣ, даже шведскому двору. А французскій дворъ навѣрное никогда не получалъ подобныхъ! Развѣ я не говорилъ князю Куракину, чтобы онъ выкинулъ это требованіе, потому что его нельзя допустить; что даже если бы мнѣ предложили Петербургъ и Москву, то я и тогда не согласился бы на это требованіе и что я долженъ считать его объявленіемъ войны? Несмотря на все это, милостивый государь, онъ мнѣ представилъ это требованіе, чрезъ два дня, съ другими, поставивъ его въ началѣ. Развѣ не вы начали первыми вооружаться? Развѣ не вашъ императоръ первымъ прибылъ къ арміи? Я спроста подумалъ, что князь Куракинъ самъ выдумалъ эту ноту; это человѣкъ честный, но слишкомъ ограниченный; другой на его мѣстѣ, послѣ сказаннаго ему мною, не предъявлялъ бы подобнаго пункта! Все это могло бы сдѣлаться само собою послѣ объясненія; почему же нѣтъ? Я вывелъ же однажды мои войска изъ Пруссіи; я могъ бы сдѣлать это вторично, но требовать отъ меня того нотою, это ни на что̀ не похоже. По правдѣ сказать, для подобныхъ случаевъ надобно употреблять лицъ похитрѣе князя Куракина. Но я видѣлъ своими глазами инструкцію, ему присланную, и требованіе, отъ слова до слова включенное въ нее. Тогда я понялъ, что желаютъ войны. Я сообщилъ эту ноту всѣмъ дворамъ; всѣ мнѣ сказали, что это объявленіе войны.

«Въ сіе время форточка у окна отворилась отъ вѣтра. Наполеонъ подошелъ къ окну, потому что мы все ходили по комнатѣ оба, и ее наскоро затворилъ. Но когда она опять растворилась, а онъ былъ довольно въ разгоряченномъ видѣ, то, не заботясь ее болѣе затворять, вырвалъ ее изъ своего мѣста и бросилъ за окно. И продолжалъ:

— Я долженъ былъ отложить свою поѣздку въ Испанію, куда я намѣревался ѣхать; мой обозъ былъ уже туда отосланъ; взгляните на него на этомъ дворѣ; онъ только-что нынѣ прибылъ оттуда. Я долженъ былъ много израсходовать. Я знаю, что война Франціи съ Россіею не шутка ни для Франціи, ни для Россіи. Я сдѣлалъ большія приготовленія и у меня силъ втрое болѣе вашего.

Я знаю не хуже васъ сколько у васъ войскъ и можетъ быть даже лучше вашего. Всей пѣхоты у васъ 120,000 человѣкъ, кавалеріи отъ 60,000 до 70,000, словомъ всего менѣе 200,000. У меня втрое болѣе. У императора Александра очень дурные совѣтники. Какъ ему нестыдно приближать къ своей особѣ подлыхъ (vils) людей: Армфельда, погрязшаго въ порокахъ, интригана, изверга, развратника, извѣстнаго только своими злодѣяніями, врага Россіи. А Штейнъ, изгнанный изъ своей отчизны негодяй, злонамѣренный, осужденный на смерть, за выдачу котораго назначена награда. Бенигсенъ, какъ говорятъ, одаренъ отчасти военными талантами, которыхъ я у него не признаю, но руки его въ крови... Чего ему ждать отъ этихъ людей, которые самые злые его враги. Они его увлекутъ въ бездну, которую они роютъ для него. Я не знаю Барклая де-Толли, но, судя по началу кампаніи, я долженъ полагать, что у него небольшое военное дарованіе. Никогда ни одна изъ вашихъ войнъ не начиналась подобными безпорядками; до нынѣ нѣтъ опредѣлительности; сколько магазиновъ вы уже сожгли и для чего? Или ихъ вовсе не нужно было устроивать, или воспользоваться ими согласно съ ихъ назначеніемъ. Развѣ у васъ предполагали, что я пришелъ посмотрѣть на Нѣманъ, а не перешагнуть чрезъ него? Неужели вамъ не стыдно: со временъ Петра I-го, съ тѣхъ поръ какъ Россія сдѣлалась европейскою державою, никогда непріятель не вторгался въ ваши предѣлы, а между тѣмъ, я уже въ Вильнѣ; я безъ боя овладѣлъ цѣлою областью. Даже изъ уваженія къ вашему государю, который два мѣсяца имѣлъ въ ней свою императорскую квартиру, вы должны были защищать ее. Какимъ духомъ намѣрены вы воодушевить ваши войска, или лучше какой же духъ ихъ одушевляетъ? Я знаю, что они думали, выступая въ Аустерлицкую кампанію; они считали себя непобѣдимыми; но нынѣ они заранѣе увѣрены, что будутъ побѣждены моими войсками.

«Я прервалъ рѣчь и сказалъ:

— Могу увѣрить ваше величество, что слухи, дошедшіе до васъ, лишены всякаго основанія и что русскій солдатъ не только далеко не сомнѣвается въ своихъ силахъ, но ожидаетъ единственно момента, помышляетъ о немъ, когда ему придется одолѣть своихъ враговъ; особенно его нетерпѣніе усилилось непонятнымъ образомъ съ того времени, когда наши войска стали считать наши предѣлы въ опасности. Такъ какъ ваше величество позволяете мнѣ коснуться этого предмета, то я осмѣливаюсь формально предсказать, что вы, государь, предпринимаете ужасную войну. Она будетъ войною всего народа, составляющаго грозную массу: русскій солдатъ храбръ, а народъ привязанъ къ своей отчизнѣ и преданъ своему государю.

— Нѣтъ, милостивый государь, я знаю, что, за исключеніемъ

совѣтниковъ императора Александра, никто не желаетъ этой войны. Россія не желаетъ ея; ни одна европейская держава не одобряетъ ея; сама Англія не желаетъ ея, потому что она предвидитъ бѣду для Россіи и можетъ быть даже въ высшей степени. Англія разсчитываетъ, что Россія, въ томъ видѣ, въ какомъ она была до нынѣ, представляетъ очень великую державу, которая одна можетъ не уступать Франціи, но если Россія ослабѣетъ, то что останется въ Европѣ? Нѣтъ, милостивый государь, я не могу не одержать перевѣса; у меня хорошія свѣдѣнія; впрочемъ, я знаю, что ваши войска храбры, но и мои не менѣе того храбры и ихъ у меня несравненно болѣе вашего; у меня денегъ болѣе вашего и мои распоряженія будутъ лучше вашихъ. До сихъ поръ у меня 80,000 поляковъ; съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается и я сформирую ихъ до 200,000 человѣкъ. Во всѣхъ встрѣчахъ, уже бывшихъ, которыя по правдѣ были безъ большихъ послѣдствій, у васъ были дѣла только съ поляками. Боже мой! что это за народъ поляки; какой энтузіазмъ одушевляетъ ихъ; увѣряю васъ, они бѣшеные; они сражаются, какъ львы; нѣтъ ничего такого на свѣтѣ, чего они не желали бы предпринять, для завладѣнія своимъ прежнимъ отечествомъ. Чего можете вы ожидать отъ этой войны? Утраты польскихъ областей. Если вы будете продолжать войну, если вы продлите кампанію, вы ихъ непремѣнно лишитесь. Я двинулъ 50,000 человѣкъ на Волынь. Кто у васъ тамъ? Никто. Тормасовъ съ рекрутами? Это все равно что ничего. Что у васъ здѣсь? Одиннадцать дивизій пѣхоты и одиннадцать дивизій кавалеріи? и нѣсколько дивизій въ Ковно; я видѣлъ ваши баталіоны, состоящіе изъ 300, изъ 400 человѣкъ. Багратіонъ двигается, какъ во время мира, съ однимъ полкомъ, съ двумя полками; мои преслѣдуютъ ихъ. Увѣряю васъ, у васъ не было еще войны, которая начиналась бы при болѣе дурныхъ предзнаменованіяхъ.

— Государь, отвѣчалъ я, мы убаюкиваемъ себя надеждою хорошо ее кончить.

— Утративъ польскія области, продолжалъ онъ, вы начнете утрачивать ваши собственныя провинціи и до чего это дойдетъ? Я пойду до вашихъ степей. Я готовъ сдѣлать двѣ, три кампаніи, а вамъ трудно будетъ совершить то же самое.

— Я предвижу, государь, что если къ несчастію война не будетъ пріостановлена въ этотъ самый моментъ, то она не такъ скоро окончится, потому что, усматривая предположенія вашего величества изъ того, что вы сдѣлали мнѣ честь сказать, я имѣю честь увѣрить васъ, что наши предположенія сдѣланы на 4 года, на 5 лѣтъ и можетъ быть болѣе.

— Какъ вы будете вести войну, не имѣя союзниковъ, когда, и располагая ими, вы никогда ничего не могли сдѣлать; напримѣръ, когда Австрія была съ вами, я долженъ былъ готовиться

быть аттакованнымъ во Франціи на различныхъ пунктахъ; но нынѣ, когда въ моей свитѣ находится вся Европа, какъ вы можете сопротивляться мнѣ?

— Государь, мы сдѣлаемъ, что̀ въ силахъ.

— Гдѣ вы возьмете людей? Я знаю всѣ ваши средства; вы должны дѣлать наборъ, по 2 человѣка съ 500, для укомплектованія вашей арміи въ мирное время; я знаю, чего вамъ стоитъ Грузія, Турція, Финляндія. Я все это знаю; я все разсчиталъ; я знаю сколько вы набрали рекрутовъ и сколько можете еще собрать. Далеко вы не пойдете. А что толку въ вашемъ рекрутѣ? Это не солдатъ. Сколько вамъ нужно еще времени, чтобы сдѣлать его солдатомъ... Правда ли, что вы заключили миръ съ турками?..

— Правда, ваше величество, и императоръ, мой государь, ожидалъ только ратификаціи султана, чтобы васъ извѣстить о томъ.

— Какія условія мира?

— Государь! Я не умѣю вамъ сказать; они еще не обнародованы.

— Если вы имъ безусловно возвратите Молдавію и Валахію, султанъ ратификуетъ миръ; но если, какъ говорятъ, вы настаиваете имѣть границею Прутъ, то будьте увѣрены онъ не ратификуетъ. Впрочемъ, я очень мало уважаю и турокъ, и шведовъ; это народы, не имѣющіе значенія. Господи! Какая великолѣпная перспектива была у императора Александра въ Тильзитѣ и особенно въ Эрфуртѣ; я согласился отдать ему Финляндію, а послѣ того Молдавію и Валахію, и современемъ онъ имѣлъ бы герцогство варшавское, но не теперь, о нѣтъ! Но современемъ. Онъ самъ испортилъ свое лучшее царствованіе, или, вѣрнѣе сказать, онъ имѣлъ слабость слушаться людей, которые желаютъ ему зла. Я не могу допустить, чтобы эта нота была писана Румянцевымъ; я счелъ бы это невозможнымъ дѣломъ. Наконецъ, зачѣмъ вести войну, если не знаешь, для чего она начата. Императоръ Александръ знаетъ, что я не сдѣлалъ бы того, чего онъ не желаетъ, и я васъ увѣряю, что я сдѣлалъ бы все, чего онъ не пожелалъ бы; все, если бы онъ только пожелалъ войдти въ соглашеніе. Я согласился же въ Эрфуртѣ гарантировать ему Молдавію и Валахію, хотя я не обязался на то тильзитскимъ трактатомъ; я же человѣкъ разсчетливый. Я увидалъ, что мнѣ было выгоднѣе дать эту гарантію, чѣмъ разойтись съ Россіею и я согласился; то же могло случится и на этотъ разъ, кто знаетъ? Какъ не объясниться! Могло легко случиться также, что послѣ объясненія не пришли бы къ соглашенію; каждый остался бы при своемъ мнѣніи; и это дѣло возможное, и это случается; интересы моей страны, достоинство моей имперіи, моя собственная слава и проч., могутъ мнѣ то воспретить; но начинать войну, не сказавъ ни слова, увѣряю васъ, неслыханная вещь. Я уже въ Вильнѣ, а я еще не знаю, изъ-за чего мы воюемъ? Им-

ператоръ Александръ беретъ на себя всю отвѣтственность за эту войну передъ своимъ народомъ, и еще какъ! Онъ заключилъ со мною миръ, когда народъ того не хотѣлъ, а нынѣ народъ не желаетъ войны, а онъ ведетъ ее противъ меня. Какимъ образомъ императоръ Александръ, человѣкъ честный и праводушный, котораго всѣ чувства характеризуются благородствомъ и возвышенностью, какимъ образомъ можетъ онъ окружать себя людьми, которые не имѣютъ ни вѣры, ни нравовъ! Какимъ образомъ можемъ мы, я и другіе, которые дѣйствительно его любятъ, несмотря на всѣ обстоятельства, какимъ образомъ можемъ мы безъ отвращенія слушать, когда намъ говорятъ, что Армфельдъ и Штейнъ, люди, готовые затянуть петлю, которая можетъ прекратить его жизнь, свободно входятъ въ его кабинетъ и что онъ принимаетъ ихъ наединѣ... Пусть онъ окружаетъ себя русскими и я ничего не скажу противъ того. Какъ можно совѣтомъ управлять военными дѣйствіями! Всѣ войны подобнаго образа были бѣдственны. Я, посреди ночи, въ 2 или въ 3 часа, когда хорошая мысль родится у меня въ головѣ, въ четверть часа отдаю приказаніе, которое чрезъ полчаса приводится въ исполненіе аванпостами; между тѣмъ, какъ Армфельдъ предлагаетъ, Бенигсенъ разсматриваетъ, Барклай-де-Толли обсуждаетъ, а Пфуль сопротивляется, и всѣ вмѣстѣ ничего не дѣлаютъ и теряютъ время. Затѣмъ какого рода мѣры принимаются у васъ? У меня есть перехваченное письмо принца Ольденбургскаго, который пишетъ по русски, чтобы совратить офицеровъ и указываетъ имъ не знаю какого полковника, которому поручено принимать ихъ. Развѣ это пристойно принцу крови? И чего думаете вы этимъ достигнуть? Никто не согласится на эти предложенія, исключая мошенниковъ и даже если вамъ удастся переманить ихъ къ себѣ въ двойномъ числѣ, или даже всѣхъ, то что изъ этого выйдетъ? Императоръ Александръ будетъ виною послѣдняго бѣдствія короля прусскаго. Я присоединю Пруссію къ Франціи. Вотъ еще перехваченное письмо какого то Дивова къ военному министру; неужели ему не стыдно получать подобныя письма, когда его государь утверждаетъ, что онъ не желаетъ войны! Прочтите его, или лучше возьмите его съ собою, чтобы развлечься дорогою... Скажите императору Александру, что я увѣряю его моимъ честнымъ словомъ, что у меня вверху Вислы 550.000 человѣкъ, что война начата, но что я не противъ мира; что я искалъ всѣми способами случая объясниться съ нимъ и что меня не хотѣли выслушать въ продолженіе 18-ти мѣсяцевъ. Получивъ ноту, о которой я только-что говорилъ, я принялъ ее за объявленіе войны; но я человѣкъ разсчета, а не страстей; я готовился начать войну, но самымъ выгоднымъ для меня образомъ, а, между тѣмъ, до вступленія въ ваши предѣлы, я сдѣлалъ еще разъ попытку: я потребовалъ, чтобы вызвали Лористона и чтобы

его выслушали; мнѣ отказали въ томъ. Зачѣмъ не выслушать его? Можетъ быть, императоръ Александръ не желалъ выслушать его самъ; онъ могъ бы приказать выслушать его графу Румянцеву; можетъ быть, онъ не желалъ, чтобы это было въ Вильнѣ? Онъ могъ бы послать Румянцева въ Петербургъ. Словомъ, не желали. Я послалъ Нарбона, наиболѣе выдающагося изъ моихъ генералъ-адъютантовъ: это не сочли ничѣмъ, и даже Армфельдъ и другіе, какъ я полагаю, смѣялись надъ нимъ; наконецъ, я въ Вильнѣ и не могу же я выйдти отсюда безъ причины, но я не противъ переговоровъ, не противъ мира. Я не намѣренъ посылать къ нему кого либо; мой посланникъ можетъ быть задержанъ, но если императоръ Александръ желаетъ, пусть онъ сдѣлаетъ мнѣ вызовъ и я ему отвѣчу съ удовольствіемъ; или, если онъ не пожелаетъ писать мнѣ, то пусть онъ вызоветъ Лористона въ свою главную квартиру и сообщитъ мнѣ чрезъ него все, что̀ онъ пожелаетъ... Увѣрьте отъ меня императора Александра, что мои чувства къ его особѣ остались прежнія, какъ онъ ихъ могъ замѣтить во время нашихъ продолжительныхъ разговоровъ при нашихъ свиданіяхъ. Я его хорошо знаю и необыкновенно цѣню всѣ его превосходныя качества... Боже, ты мой, Боже, ты мой! какое дивное царствованіе его было бы, если бы онъ не разошелся со мною! Вы увидѣли бы, что̀ бы изъ этого вышло чрезъ десять лѣтъ... Графъ Румянцевъ все еще остается во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ?

— Такъ точно, ваше величество, онъ попрежнему канцлеръ имперіи.

— Слѣдовательно невѣрно, что Кочубею отданъ портфель?

— До моего отъѣзда, ваше величество, этого не было.

— Графъ Румянцевъ болѣнъ?

— Онъ чувствуетъ себя нездоровымъ.

— У него былъ апоплексическій ударъ?

— Можетъ быть очень слабый, или очень сильная простуда.

— Онъ слабаго сложенія. Скажите мнѣ, пожалуйста, почему удалили... того, кто у васъ былъ въ вашемъ государственномъ совѣтѣ... какъ онъ называется? Спи... Спер... я не могу вспомнить его фамиліи?

— Сперанскій?

— Да.

— Императоръ имъ не былъ доволенъ.

— Однако же не за измѣну?

— Я не полагаю, ваше величество, потому что подобныя преступленія, вѣроятно, были бы разслѣдованы и опубликованы.

— Слѣдовательно, тутъ какое нибудь злоупотребленіе, можетъ быть, воровство?.. Я не желаю далѣе отнимать у васъ время, генералъ. Въ теченіе дня я изготовлю вамъ письмо къ императору Александру.

«Я откланялся и вышелъ изъ кабинета въ другую комнату, гдѣ было множество генераловъ, изъ которыхъ Коленкуръ обошелся со мною какъ старый знакомый, Нарбонъ какъ знакомый же, и оба довольно ласково. Потомъ подошелъ ко мнѣ Дюрокъ и сказалъ, что императоръ Наполеонъ приглашаетъ меня къ обѣду въ 7 часовъ. Прочіе генералы, хотя и не очень привѣтливы были, но всѣ обошлись съ особеннымъ уваженіемъ и особливо графъ Сегюръ, который много убѣждалъ меня упросить государя отпустить брата его, попавшаго къ намъ въ полонъ.

«Я пришелъ къ обѣду въ назначенное время; черезъ четверть часа вошелъ и Наполеонъ, оконча смотръ какому-то пришедшему полку. Примѣтить надо, что тонъ, который Наполеонъ принялъ на себя во время обѣда, былъ уже не тотъ, который онъ имѣлъ въ кабинетѣ, а гораздо надменнѣе, и часто приходило мнѣ на мысль остановить неприличность сего тона какимъ нибудь отвѣтомъ не по его вкусу, чтобы онъ сіе замѣтилъ и воздержался, иначе мнѣ, бывъ одному посреди непріятелей, нечѣмъ было другимъ поддержать достоинство наложенной на меня должности.

«За столомъ было пять человѣкъ: Наполеонъ, Бертье, Бесіеръ, Коленкуръ и я. Въ другой комнатѣ за обѣдомъ было человѣкъ 40 генераловъ. Хотя Наполеонъ многое повторялъ, что̀ и наединѣ, но иногда въ различномъ видѣ и въ различномъ тонѣ, и для того и я здѣсь повторяю.

«Разговоръ во время обѣда.

«Наполеонъ спросилъ меня: у васъ есть киргизскіе полки?

— Нѣтъ, ваше величество, у насъ нѣтъ киргизскихъ полковъ, но у насъ, въ видѣ образца, находятся одинъ или два полка башкиръ и татаръ, которые походятъ на киргизовъ.

— Я знаю, потому что ко мнѣ являются дезертиры... Скажите мнѣ, у васъ перемѣнили губернатора въ Москвѣ?

— Такъ точно, ваше величество. Фельдмаршалъ графъ Гудовичъ просилъ уволить его по преклонности лѣтъ.

— Нѣтъ, императоръ Александръ смѣняетъ всѣхъ тѣхъ, которые хорошо расположены къ французамъ.

— Государь, смѣю увѣрить ваше величество, что графъ Гудовичъ держался только русскихъ.

— Вамъ необходимо англомана, а онъ не отталкивалъ также и другихъ иностранцевъ. Скажите мнѣ, Штейнъ обѣдалъ съ императоромъ Александромъ?

— Государь! всѣ знатныя особы имѣютъ доступъ къ большому столу его величества.

— Какъ можно допускать какого нибудь Штейна къ столу императора россійскаго? Если даже императоръ Александръ рѣшился слушаться его, онъ, все-таки, не долженъ былъ сажать его за свой столъ. Развѣ онъ могъ вообразить себѣ, что Штейнъ можетъ

быть преданъ ему; ангелъ и діаволъ никогда не должны быть вмѣстѣ.

— Коленкуръ! вы были въ Москвѣ?

«Онъ отвѣчалъ: точно такъ, ваше величество.

— Что это такое Москва? Большая деревня?

«Онъ отвѣчалъ: ваше величество! это громада большихъ и красивыхъ домовъ подлѣ небольшихъ плохихъ домишекъ.

«Оборотясь ко мнѣ: генералъ, сколько считается у васъ жителей въ Москвѣ?

— 300,000, ваше величество.

— А домовъ?

— 10,000, ваше величество.

— Церквей?

— Болѣе 240.

— Почему столь много?

— Нашъ народъ ихъ часто посѣщаетъ.

— Отъ чего это происходитъ?

— Потому что нашъ народъ набоженъ.

— Ба! Въ наше время нѣтъ набожныхъ.

— Прошу извинить меня, ваше величество, не вездѣ одно и тоже. Можетъ быть въ Германіи и Италіи нѣтъ набожныхъ, но въ Испаніи и въ Россіи набожность еще существуетъ.

«Помолчавъ немного, Наполеонъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ:

— Какая дорога ведетъ къ Москвѣ?

«Я отвѣчалъ ему: ваше величество, этотъ вопросъ немного затруднителенъ для меня: русскіе, подобно французамъ, говорятъ, что каждая дорога ведетъ къ Риму. Дорогу въ Москву избираютъ по вкусу. Карлъ XII пошелъ на нее чрезъ Полтаву.

«Тутъ мы встали изъ-за стола и пошли въ кабинетъ, но уже не двое, а всѣ пятеро, бывшіе за обѣдомъ.

«Наполеонъ началъ опять рѣчь: императоръ Александръ испортилъ самое блистательное царствованіе, которое когда либо было въ Россіи. Боже мой, чего же надобно людямъ? Послѣ разбитія подъ Ауэстерлицомъ, послѣ пораженія подъ Фридландомъ, словомъ, послѣ двухъ бѣдственныхъ войнъ, онъ пріобрѣтаетъ Финляндію Молдавію, Валахію, Бѣлостокъ и Тарнополь — и не былъ довольнымъ! Развѣ Екатерина могла когда либо разсчитывать на это! Онъ увлеченъ въ эту войну для своего несчастія, или вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ, или фатализмомъ своей судьбы. Но, несмотря на все, я не сержусь на него за эту войну. Новая война—однимъ тріумфомъ болѣе для меня. Впрочемъ, это право коронованныхъ головъ. Но необходимо вести ее приличнымъ образомъ, благороднымъ, возвышеннымъ. Для чего допускать въ свое общество какого-то Штейна, Армфельда, Винценгероде! Скажите императору Александру, что такъ какъ онъ собираетъ вокругъ себя моихъ

личныхъ враговъ, то это означаетъ, что онъ намѣренъ нанести мнѣ лично оскорбленіе, и, вслѣдствіе того, я долженъ сдѣлать ему то же самое. Я выгоню изъ Германіи всѣхъ его родственниковъ, виртембергскихъ, баденскихъ, веймарскихъ; пусть онъ имъ готовитъ пріютъ въ Россіи. Развѣ у васъ недостаточно русскихъ дворянъ, которые, нѣтъ сомнѣнія, будутъ преданнѣе императору Александру, чѣмъ эти наемники; развѣ онъ полагаетъ, что они влюблены въ его лице? Пусть онъ поручитъ начальство надъ Финляндіею Армфельду; я ничего не скажу, но приближать его къ своей особѣ—тфу!

«Помолчавши нѣсколько, онъ продолжалъ: на кого же вы разсчитываете? Англичане ничего не могутъ вамъ дать; что касается денегъ, то у нихъ самихъ недостатокъ въ деньгахъ, и вы окончательно раззорите ваши финансы, которые безъ того растроены. Шведы! Если имъ судьба быть всегда подъ управленіемъ съумасшедшаго, то они вовсе не могутъ быть для васъ полезны. Король шведскій сошелъ съ ума; озаботились послать къ нимъ другаго для управленія ими, но развѣ онъ не видитъ, что и Понтекорво [1]) начинаетъ терять умъ. Но, подождите немного, мы еще увидимъ, что предпримутъ шведы, когда вы очутитесь въ дурномъ положеніи. Турки сдѣлаютъ тоже. Обѣ эти державы не преминутъ напасть на васъ, лишь только представится къ тому удобный случай. У васъ нѣтъ хорошихъ генераловъ. Лучше всѣхъ еще Багратіонъ; это человѣкъ не обширнаго ума, но онъ хорошій генералъ. Что касается до Бенигсена, то увѣряю васъ, что я никогда не замѣчалъ въ немъ никакого таланта; какимъ образомъ онъ дѣйствовалъ при Эйлау, при Фридландѣ! А между тѣмъ, онъ состарился на пять лѣтъ; онъ всегда былъ слабъ; онъ дѣлалъ одну ошибку за другою; что же будетъ теперь? Сверхъ того, императоръ Александръ далъ ему понять, что онъ знаетъ о его преступленіяхъ... Какимъ образомъ пользоваться имъ послѣ того! Онъ не долженъ былъ дѣлать того или другого. Я узналъ, что императоръ Александръ принялъ на себя начальство надъ своими арміями, для чего? Слѣдовательно онъ оставляетъ за собою отвѣтственность пораженія. Война мое ремесло, я привыкъ къ нему. Дѣло другое для него; онъ императоръ по своему рожденію; онъ долженъ царствовать и назначить генерала въ главнокомандующіе: если онъ дѣйствуетъ хорошо, наградить его, если дурно, смѣнить его, наказать. Лучше, чтобы генералъ былъ отвѣтственнымъ передъ нимъ, чѣмъ онъ самъ передъ народомъ, потому что государи также отвѣтственны. Этого не слѣдуетъ забывать.

«Потомъ, походивъ немного, подошелъ онъ къ Коленкуру [2]) и,

---

[1]) Маршалъ Бернадоттъ, князь Понтекорво, бывшій въ то время уже наслѣднымъ принцемъ шведскимъ.

[2]) Коленкуръ былъ французскимъ посломъ въ Петербургѣ передъ Лористономъ.

ударивъ его легонько по щекѣ, сказалъ: «ну! что же! Почему же вы ничего не говорите, старый угодникъ петербургскаго двора? Лошади для генерала готовы? Дайте ему моихъ: ему придется сдѣлать длинный переѣздъ». Потомъ, оборотясь къ Бертье: «Александръ, вы можете дать прокламацію генералу, это не тайна».

«Этимъ окончилась моя поѣздка».

Современники войнъ императора Александра I-го и Наполеона разсказывали, что если главными побудительными причинами къ разрыву со стороны императора французовъ былъ отказъ въ его сватовствѣ и пріютъ его политическихъ враговъ въ Петербургѣ, то злокозненный, умышленно оскорбительный отзывъ Наполеона о кончинѣ императора Павла Петровича, послѣ отказа въ рукѣ великой княжны, окончательно возстановилъ противъ него и императора Александра Павловича.

Трудъ г. Дубровина (напечатанный въ 43-мъ томѣ «Записокъ Академіи Наукъ»), изъ котораго мы извлекли записку Балашева, заключаетъ въ себѣ массу любопытныхъ и впервые появляющихся въ свѣтъ документовъ объ Отечественной войнѣ 1812 года. Мы дадимъ о немъ подробный отчетъ въ слѣдующей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

У.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ МЫСЛИ [1].

(Историко-литературные очерки.)

II.

Значеніе буддизма.—Противодѣйствіе браманизму.—Ламаизмъ, какъ искаженіе ученія Будды.—Борьба противъ другихъ ученій.—Аравія до Магомета.—Основаніе и развитіе мусульманства.—Вражда Мекки съ Мединою.—Жизнь пророка.—Значеніе ислама и корана.—Поэзія и мусульманство.—Цивилизація арабовъ.—Турки и татары.—Туркменскіе поэты.—Запрещенныя турецкія сочиненія.—Армяне и грузины.—Кавказскія племена.—Развитіе мысли на востокѣ.—Идея божества и власти.—Невозможность протеста и борьбы во имя идеи.

САМАЯ распространенная въ Азіи, и въ цѣломъ свѣтѣ, религія — буддистская исповѣдуется самымъ многочисленнымъ племенемъ монголовъ и ихъ отраслями: манджурами, калмыками, киргизами, тибетцами, бирманами, корейцами, аннамитами, сіамцами и друг. Только въ недавнее время мусульманство вытѣснило буддистовъ изъ Индіи, Туркестана, Афганистана. Буддизмъ началъ распространяться въ VII-мъ вѣкѣ до Р. Х. Исторія основателя этой религіи, очищенная отъ чудесъ и легендъ, представляетъ, если не вполнѣ несомнѣнныя, то по крайней мѣрѣ правдоподобныя, историческія данныя: племя саковъ или шакіевъ, о которомъ знали и греки, перейдя изъ Туркестана въ сѣверную Индію, основало у подошвы Гималая небольшое владѣніе. Подвергаясь постояннымъ нападеніямъ со стороны болѣе сильныхъ сосѣдей, оно было наполовину уничтожено и покорено Вирудакой. Царь шакіевъ Сиддарта, потерявъ семью и царство, бѣжалъ въ пустыню и сдѣлался отшельникомъ (муни). Это званіе, считавшееся священнымъ, охраняло его отъ враговъ. Невольный отшельникъ, который по леген-

[1] См. «Историческій Вѣстникъ» 1883 г., т. XI, стр. 132—153.

дамъ отрекся отъ свѣта потому, что видѣлъ на землѣ господство зла и непостоянство счастія, основалъ монашеское братство нищихъ, поставивъ главнымъ правиломъ своего ученія—отреченіе отъ міра въ матерьяльномъ и нравственномъ смыслѣ. Монахи не должны имѣть ничего, никакихъ желаній, просить милостыню, но ровно столько, сколько нужно, чтобы насытиться одинъ разъ въ сутки. Жить они должны въ лѣсу, спать подъ деревомъ, одежду составлять изъ лоскутковъ, найденныхъ въ сору по дорогамъ. Высшимъ идеаломъ этой аскетической жизни должно быть—созерцательное погруженіе въ полное исчезновеніе—нирвану. Отшельникъ, достигшій этого, принимаетъ названіе будды, то-есть мудреца полнаго, вмѣщающаго въ себѣ всѣ умственныя и нравственныя совершенства. Такимъ является и Сиддарта, принявшій названіе Будды.

Первыя проповѣди его были неудачны, какъ у всѣхъ основателей религій. Съ первыхъ дней подвижничества онъ долженъ былъ упорно бороться за свои религіозныя учрежденія. Встрѣченный насмѣшками въ Бенаресѣ, Будда прибѣгнулъ къ адептамъ для распространенія своего ученія, для борьбы съ врагами, которыхъ у него было не мало и, въ первомъ ряду между ними, стояли брамины. Эта первая каста въ Индіи требовала, чтобы всѣ признавали ея превосходство передъ остальными смертными. Буддизмъ признавалъ абсолютное равенство всѣхъ людей. Буддистскимъ жрецомъ могъ сдѣлаться всякій, тогда какъ браминъ долженъ былъ родиться въ своей кастѣ. Величайшею добродѣтелью буддиста—было безбрачіе. Браминъ вѣрилъ въ верховное существо, буддистъ же только въ верховную силу, а не въ личнаго бога, отрицалъ всякое вмѣшательство провидѣнія въ дѣла міра, признавалъ вселенную громадною машиною, въ которой все неуклонно слѣдовало однажды установленнымъ законамъ, вызвавшимъ ея существованіе. Десять заповѣдей буддизма состоятъ въ томъ, чтобы не убивать живыхъ существъ, не красть, соблюдать цѣломудріе, не лгать, не пить вина, не употреблять духовъ и притираній, не сидѣть на высокомъ мѣстѣ, не ѣсть несвоевременно, не участвовать въ спектакляхъ и зрѣлищахъ, не прикасаться къ золоту и серебру. Главнымъ отличіемъ буддиста должно быть сохраненіе невозмутимаго спокойствія во всѣхъ случаяхъ жизни, даже по наружности. Будда остался спокоенъ передъ смертнымъ ложемъ своего отца, когда вокругъ всѣ рыдали. Когда же трупъ былъ сожженъ на кострѣ, отшельникъ только сказалъ: «на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго». Будда умеръ около 660 года до Р. Х., 80-ти лѣтъ, на рукахъ своего ученика. Послѣдніе слова его были: «ничто не долговѣчно».

Буддизмъ возникъ, какъ противодѣйствіе браманизму и постоянно боролся съ кастовыми и жреческими принципами. Онъ не отвергалъ перерожденія или переселенія душъ, но старался освобо-

диться отъ этого ученія, допуская стремленіе къ нирванѣ—уничтоженію. Догматы первоначальнаго буддизма заключались въ простыхъ правилахъ: вѣрить въ Будду, какъ въ человѣка достигшаго высшей степени разума и добродѣтели и стараться подражать ему въ чистотѣ жизни. Впослѣдствіи основанія этой религіи, какъ и всѣхъ другихъ, были искажены жрецами. Они сочинили и легенды о Буддѣ, и его чудеса, рожденіе отъ дѣвы, явленіе ученикамъ послѣ смерти, ввели въ догматы необходимое условіе: вѣрить въ духовенство и въ церковь, поклоняться зданіямъ, гдѣ хранятся клочки волосъ Будды, обрѣзки ногтей, частицы костей его. Жрецы же ввели и религіозные обряды: поклоненіе изображенію Будды, поднесеніе ему цвѣтовъ, сожиганіе благовоній, пѣніе молитвъ подъ музыку. Едва ли есть другая религія, которая могла бы похвалиться такою огромною литературою, какъ буддистская. На всемъ востокѣ только у буддистовъ встрѣчается преподаваніе логики.

Изъ буддизма вскорѣ развился ламаизмъ. Онъ образовался впервые въ Тибетѣ и распространился между монголами, калмыками, въ Манжуріи и Китаѣ. Сами ламаиты называютъ свою религію просто ученіемъ Будды. Ламою называютъ всякое духовное лицо этого ученія. Ламайскіе монастыри отличаются великолѣпіемъ—это цѣлые города съ тысячами монаховъ, множествомъ лавокъ, съ виноградниками, чайными плантаціями. Съ устройствомъ монастырей сдѣлалось излишнимъ предписаніе просить милостыню. Цари и богачи принесли въ даръ монастырямъ огромныя имущества; только и остался въ силѣ законъ — ѣсть одинъ разъ въ день, до полудня, но и его обходятъ, принимая и пищу, и вино по нѣскольку разъ, какъ лекарство отъ болѣзни. Прежніе лохмотья монаховъ также исчезли, ламы одѣваются богато и сдѣлались первыми торгашами. Будда думалъ найти средство спасти все человѣчество, а не одинъ свой народъ. Теперь его ученіе сдѣлалось религіею нетерпящею, преслѣдующею иновѣрцовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ламы превзошли даже католическихъ миссіонеровъ въ стремленіи къ прозелитизму. Ламы говорятъ, чѣмъ ихъ больше, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ религія, то-есть народъ болѣе бѣднѣетъ, тратя послѣдніе гроши на содержаніе тунеядцовъ. Каждый зажиточный лама имѣетъ свой домъ, свою свиту, свой храмъ. Особенно сильно вліяніе ламаизма въ Китаѣ, гдѣ буддизмъ привелъ къ положительному безвѣрію. Въ Японіи буддизмъ развился еще болѣе, чѣмъ въ Китаѣ. Къ національному характеру японцевъ какъ нельзя болѣе подходила это религія ничтожества и небытія—безъ бога и почти безъ обрядовъ. Бонзы, какъ жрецы всѣхъ религій, конечно стараются держать народъ въ невѣжествѣ, но японцы относятся равнодушно ко всякому вѣрованію, смѣются одинаково и надъ богами другихъ странъ и надъ Буддою и рисуютъ на нихъ остроумныя карикатуры, которыя открыто продаются по всей Японіи. Новую жизнь

ламайству придалъ Цзонггавъ, во второй половинѣ XIV-го столѣтія. Онъ въ особенности укрѣпилъ ученіе о перерожденіи. Въ XV-мъ вѣкѣ ученики его отыскали мальчика, въ котораго перешелъ Цзонггавъ и сдѣлали изъ него верховнаго владыку ламаизма. Монголы доставили ему власть надъ Тибетомъ, и богдыханъ призналъ его. Это былъ первый далай-лама, званіе котораго и преимущество, въ силу ученія о перерожденіи, поддерживается до нашего времени.

Болѣе молумилліона манджуровъ, живущихъ къ сѣверу отъ Китая, говорятъ особымъ нарѣчіемъ. Литература у нихъ развилась только въ XVII-мъ вѣкѣ. Несмотря на это, она довольно богата, хотя главныя произведенія ея — переводы съ китайскаго и татарскаго, или подражанія этимъ языкамъ. Монгольскій языкъ распространенъ по всей восточной и средней Азіи. Главныя нарѣчія его — бурятское и калмыцкое. Конструкція языка совершенно противоположна арійскимъ языкамъ, литература состоитъ большею частью изъ переводовъ буддистскихъ и тибетскихъ книгъ. Въ ней есть религіозныя сказки, поэмы, народныя пѣсни, историческія сочиненія. Въ книгѣ Алтанъ-тобчи (Золотое сокращеніе), монгольской лѣтописи, много сказаній и народныхъ легендъ, но мало собственно историческихъ данныхъ. Она оканчивается исторіею преемниковъ Чингисъ-хана до изгнанія ихъ и монголовъ изъ Китая, то-есть до начала XVII-го столѣтія; но въ этой книгѣ ничего не говорится о завоеваніяхъ Чингисъ-хана. Алтанъ-тобчи — не болѣе какъ житіе этого святого хана, наполненное разсказами о его чудесахъ и превращеніяхъ въ старика, льва, птицу даруду. Литература нагорья Тибета съ его шестью милліонами жителей сдѣлалась извѣстною только въ недавнее время. Она богата религіозными сочиненіями. Главное содержаніе этихъ книгъ—таже борьба буддистскаго ученія съ другими вѣрованіями. Ламаизмъ является господствующимъ вѣрованіемъ и у калмыковъ или ойратовъ западно-монгольскаго племени. Монгольскимъ нарѣчіемъ говорятъ такъ же и буряты, число которыхъ не превышаетъ 180.000.

Аравія въ доисторическія времена была населена южною отраслью семитическаго племени, къ которой принадлежали арабы и эѳіопляне, тогда какъ сѣверную отрасль составляли ассирійцы, арамейцы, евреи и хананеяне. Обѣ группы рѣзко отличались одна отъ другой языкомъ, религіею и преданіями. Такъ, у арабовъ не было вовсе преданія о потопѣ. Арабскій языкъ самый чистый изо всѣхъ семитическихъ нарѣчій. Въ Аравіи было два населенія: кочевое—бедуины и осѣдлое. Въ южной Аравіи рано образовались государства хиліаритовъ и сабеевъ, и просвѣщеніе было тамъ на довольно высокой ступени.

Но борьба южныхъ племенъ противъ сѣверныхъ помогла утвержденію и развитію мусульманства. Литература до Магомета была

тамъ народною. Кочевые бедуины были первыми поэтами Аравіи. Шанфари и Антаръ были вмѣстѣ степными разбойниками и импровизаторами. Въ коранѣ для мусульманина заключаются и религія и законъ и нравственныя правила жизни. Все это далъ арабамъ сынъ незначительнаго торговца изъ племени корейшитовъ—Магометъ (восхваляемый), вся жизнь котораго была долгой борьбой за свои идеи. Получивъ въ наслѣдство по смерти отца пять верблюдовъ и одну рабыню эѳіоплянку, Магометъ воспитывался у дяди, также незначительнаго торговца, и въ уединеніи рано пріучился вести созерцательную жизнь. Вскорѣ онъ поступилъ погонщикомъ верблюдовъ къ богатой вдовѣ Кадиджѣ. Видя его способности, она вѣрила ему управленіе своимъ хозяйствомъ и своей торговлей, а потомъ такъ увлеклась имъ, что вышла за него замужъ, хоть ей было сорокъ лѣтъ, а ему двадцать пять. Пятнадцать лѣтъ прожилъ онъ съ женою, оставивъ торговлю и ничѣмъ не занимаясь. Въ это время у него родились четыре сына и четыре дочери. Онъ былъ молчаливъ и не сообщителенъ, часто удалялся въ пещеру горы Хара и въ тиши уединенія обдумывалъ смѣлый планъ—соединить одною идеею, однимъ ученіемъ, разрозненныя и враждующія между собою племена аравитянъ. Въ глубинѣ страны жители поклонялись идоламъ. По берегамъ Краснаго моря, Индійскаго океана и Персидскаго залива, исповѣдывали сабеизмъ, іудейство, христіанство. Магометъ задумалъ сдѣлать изъ своей родины—Мекки центръ новаго государства, новой религіи. Однажды онъ сказалъ женѣ своей, что ангелъ Гавріилъ явился ему во снѣ, сдѣлалъ его апостоломъ и приказалъ проповѣдывать его соотечественникамъ открытыя ему истины. Кадиджа охотно повѣрила, что она жена пророка и разсказала объ этомъ своимъ родственникамъ. Магометъ началъ набирать приверженцовъ; первымъ изъ нихъ былъ Али, десятилѣтній мальчикъ, сынъ дяди Магомета, вторымъ—его рабъ Саидъ, получившій свободу. Потомъ явились болѣе значительныя лица—Абубекръ, одинъ изъ правителей Мекки, и Отманъ. Это были первые основатели ислама, хранимаго сначала въ тайнѣ, какъ всякое ученіе, подрывающее основы господствующаго порядка. Магометъ продолжалъ разсказывать о являющихся ему видѣніяхъ. На семейномъ собраніи, гдѣ сошлись всѣ родственники Магомета онъ объявилъ, что насталъ день, въ который Богъ повелѣлъ ему проповѣдывать гласно народу свое ученіе. Изложивъ его, пророкъ обѣщалъ своимъ послѣдователямъ счастіе въ этомъ мірѣ и въ будущемъ и спросилъ, кто хочетъ быть его братомъ и помощникомъ. Вызвался одинъ Али, что̀ было принято со смѣхомъ, точно такъ же какъ первая публичная проповѣдь пророка; но когда онъ началъ возставать противъ вѣрованій Мекки, осуждать нравы жителей, называть врагами бога всѣхъ, кто не приметъ его ученія, жители Мекки взволновались и назвали обманомъ сношенія Магомета съ

богомъ и ангеломъ Гавріиломъ. Число приверженцовъ пророка увеличивалось очень медленно. Черезъ пять лѣтъ проповѣди ислама, 120 человѣкъ, исповѣдующихъ новое ученіе, были изгнаны въ Абиссинію корейшитами, запрещавшими вступать членамъ своего рода въ брачные союзы съ мусульманами. Вскорѣ и самъ Магометъ долженъ былъ оставить Мекку, со своими приверженцами и удалиться на близъ лежащую гору, гдѣ провелъ еще три года. Новое ученіе прививалось очень туго; на десятомъ году проповѣди, по смерти Кадиджи, Магометъ долженъ былъ удалиться еще на тридцать миль отъ Мекки въ городокъ Тайефъ, но принятый дурно и тамъ, снова вернулся въ Мекку, гдѣ сталъ обращать въ исламъ уже не коренныхъ жителей, а чужеземцовъ. Шесть евревъ родомъ изъ Медины приняли новое ученіе и принесли его на родину. Медина издавна враждовала съ Меккою и, видя, что корейшиты преслѣдуютъ пророка, прислала депутацію звать его въ ихъ городъ, обѣщая защищать пророка оружіемъ. Магометъ отправилъ въ Медину всѣхъ своихъ приверженцовъ, кромѣ Али и Абубекра. Корейшиты рѣшили его убить и окружили его домъ. Пророкъ, чтобы спастись, переодѣлся въ платье Али и бѣжалъ изъ города. Три дня скрывался онъ въ пещерѣ и успѣлъ, накоиецъ, верхомъ на конѣ спастись въ Медину, хотя за нимъ гнались по пятамъ. Тамъ онъ окончательно организовалъ свое ученіе и день его вступленія въ этотъ городъ (16-го іюля 622 года) составилъ эру, съ которой мусульмане начинаютъ свое лѣтосчисленіе, называя его гиджрой (бѣгствомъ).

Въ Мединѣ Магометъ основалъ мечети, учредилъ постъ рамаданъ, установилъ молитвенные обряды. Здѣсь онъ женился во второй разъ на Аишѣ, дочери Абубекра, а свою единственную дочь, оставшуюся въ живыхъ, выдалъ за Али. Пріобрѣтя уже довольно значительное число приверженцовъ, онъ началъ дѣйствовать силою оружія, сталъ нападать на караваны своихъ враговъ корейшитовъ. Первая побѣда его надъ врагами ознаменовалась тѣмъ, что онъ убилъ у нихъ 70 человѣкъ и, взявъ двоихъ въ плѣнъ, велѣлъ имъ отрубить головы, а тѣла ихъ бросить въ колодезь. Проливъ кровь, новое ученіе, вслѣдъ затѣмъ, заявило себя нетерпимостью: изъ Медины были изгнаны всѣ евреи, не хотѣвшіе принять мусульманство. Но корейшиты рѣшились отомстить за свое пораженіе и въ числѣ 3000 пошли на Медину. Магометъ съ тысячнымъ отрядомъ встрѣтилъ непріятеля близъ города и былъ разбитъ на голову. Самъ онъ едва спасся отъ смерти. Если бы корейшиты съумѣли воспользоваться своею побѣдою и пошли на Медину, новая религія была бы задушена въ зародышѣ, но они остались на полѣ сраженія и занялись изувѣченіемъ труповъ своихъ враговъ. Неудача пророка поколебала довѣріе къ нему. Въ то же время и пропаганда ислама не имѣла успѣха. Изъ сорока шести миссіонеровъ, отправ-

ленныхъ имъ къ арабскимъ племенамъ, четверо были убиты, двое выданы корейшитамъ, которые замучили ихъ въ пыткѣ, остальные вернулись, не завербовавъ ни одного прозелита. Магометъ однако не падалъ духомъ; онъ принудилъ силою мелкія племена, кочевавшія близъ Медины, принять его ученіе. Въ 627 году корейшиты снова осадили Медину съ десятитысячнымъ войскомъ. Магометъ вышелъ изъ города. Десять дней враги стояли другъ противъ друга, не начиная сраженія. Поднялась буря и опрокинула лагерь осаждающихъ. Въ этомъ увидѣли чудо и корейшиты отступили отъ Медины. Магометъ пошелъ противъ кораидитовъ, возвѣстивъ, что ангелъ Гавріилъ приказалъ наказать ихъ за то, что они приняли сторону корейшитовъ. Онъ напалъ на ихъ кочевья, принудилъ ихъ сдаться, взялъ въ плѣнъ 400 человѣкъ и приказалъ убить ихъ, а женщинъ и дѣтей увелъ въ Медину, обративъ ихъ силою въ мусульманство. Довѣріе къ нему возрастало, но онъ видѣлъ, что не можетъ завоевать Мекки и просилъ, чтобы ему разрѣшили явиться въ городъ на поклоненіе его древней святынѣ Каабѣ. Корейшиты согласились допускать и мусульманъ въ Каабу. Вскорѣ послѣ этого пророкъ отправился противъ еврейскаго племени Хайбаръ, убилъ его вождя и женился на его вдовѣ. Сестра убитаго попыталась отравить Магомета, примѣшавъ яду къ баранинѣ. Одинъ изъ свиты пророка, поѣвши отравленнаго мяса, умеръ тутъ же за столомъ. Магометъ, ѣвшій меньше мяса, спасся, но страдалъ отъ отравы до конца жизни. Отравительница объявила, что подмѣшала ядъ, съ цѣлью узнать, дѣйствительно ли Магометъ пророкъ. Если бы онъ умеръ—это было бы достойнымъ наказаніемъ обманщика. Наконецъ, племена центральной Аравіи почти всѣ признали власть Магомета. Успѣхъ сдѣлалъ его самонадѣяннымъ; онъ написалъ къ персидскому шаху Хосру, чтобы тотъ принялъ его ученіе и призналъ его посланникомъ бога. Хосру разорвалъ посланіе и приказалъ своему намѣстнику въ Іеменѣ схватить возмутителя. Но шахъ былъ вскорѣ убитъ своимъ сыномъ, и намѣстникъ, видя въ этомъ руку божію, принялъ исламъ. Наконецъ въ 630 году Магометъ вступилъ въ Мекку завоевателемъ и былъ провозглашенъ свѣтскимъ и духовнымъ владыкою. Онъ не мстилъ своимъ врагамъ, освятилъ Каабу, оставивъ за нею значеніе мусульманской святыни, но разрушилъ идолы и разбилъ всѣ статуи. Черезъ два года онъ умеръ въ Мединѣ 62-хъ лѣтъ, оставивъ религію и власть свою—утвержденною и упроченною.

Магометъ былъ человѣкъ умный, но мало образованный, съ обыкновенными страстями и слабостями, твердо стремившійся къ своей цѣли, но не рѣшительный въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Жизнь онъ велъ скромную, довольно нравственную, хотя имѣлъ пятнадцать женъ, тогда какъ въ коранѣ позволяетъ мусульманину имѣть только четыре. Ревнивый до крайности, онъ запретилъ даже по

смерти своей оставшимся послѣ него девяти женамъ выходить за другихъ. Дѣятельный въ высшей степени, онъ преслѣдовалъ неутомимо свою цѣль, не падалъ духомъ при неудачахъ, хорошо зналъ людей и умѣлъ привлекать къ себѣ друзей до фанатизма; но, самолюбивый и властолюбивый; не терпѣлъ, чтобы они превосходили его краснорѣчіемъ или подвигами. Всѣмъ своимъ поступкамъ онъ придавалъ религіозный характеръ, всѣ свои планы приписывалъ архангелу Гавріилу. Говоря въ коранѣ, что онъ такой же слабый смертный, какъ и всѣ другіе, Магометъ не выдаетъ себя ни за сына божія, ни за чудотворца и упрекаетъ христіанъ въ томъ, что они вмѣсто Бога признали сына Маріи; тогда какъ имъ было повелѣно поклоняться единому Богу. Онъ возстаетъ и противъ поклоненія троицѣ. Послѣ еврейства и христіанства пророку было несравненно труднѣе основать новую религію, но успѣху ислама содѣйствовалъ много національный характеръ арабовъ. Коранъ составляетъ религіозный, гражданскій и военный кодексъ мусульманъ и, въ этомъ отношеніи, значеніе его обширнѣе библіи и евангелія, такъ какъ современныя общества не могутъ жить ни по Моисееву законодательству, ни на основаніи христіанскаго идеала, а магометанство распространилось только на законахъ и предписаніяхъ корана и въ немъ черпаетъ силы для своего существованія. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы коранъ представлялъ что нибудь цѣлое и стройное. Въ немъ нѣтъ ни единства, ни системы, ни послѣдовательности. Какъ въ священныхъ книгахъ другихъ народовъ, въ немъ множество противорѣчій, темныхъ мѣстъ, явныхъ несообразностей. Какъ всѣ подобныя книги, коранъ искаженъ вставками, испорченъ переписчиками, обезображенъ фанатическими поклонниками буквы, глубокомысленными толкователями, видящими таинственный смыслъ тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ никакого.

Что Магометъ не умѣлъ ни читать, ни писать въ началѣ своего поприща, въ этомъ онъ самъ сознается. Впослѣдствіи, конечно, онъ выучился грамотѣ, но проповѣди его записывались преимущественно учениками; только въ концѣ жизни онъ сталъ соединять свои предписанія, измѣняя и дополняя ихъ, смотря по обстоятельствамъ. При смерти его только часть корана была собрана, но не приведена въ порядокъ. Въ одно цѣлое собралъ коранъ Абубекръ, но каждая провинція обладала своею копіею корана. Стали говорить, что въ коранѣ не вездѣ сохраненъ истинный смыслъ словъ пророка. Одинъ изъ старыхъ сподвижниковъ Магомета—Ибнъ-Масуда утверждалъ, что у него сохранилась копія, одобренная самимъ пророкомъ. Ибнъ-Масуда за это высѣкли публично такъ, что онъ умеръ на третій день послѣ наказанія. Это, конечно, еще болѣе увеличило разногласія. У шіитовъ явились цѣлыя главы корана, не существующія въ суннитскихъ копіяхъ. Слово «коранъ» собственно значитъ разсказъ. Онъ писанъ прозою, въ которой однако соблюденъ

извѣстный метръ. Въ главахъ или суратахъ корана нѣтъ никакого порядка. Ученые напрасно старались ихъ классифировать. Магометъ говоритъ прямо, что коранъ сошелъ съ неба. Благочестивые мусульмане выучиваютъ его наизусть, но намъ трудно понять его литературное и эстетическое значеніе. Для насъ это скучная, безпорядочная и монотонная книга и между тѣмъ одна страница ея обратила въ мусульманство Омара, этого мусульманскаго апостола Павла, ревностнаго идолопоклонника, сбиравшагося убить Магомета и сдѣлавшагося его пламеннымъ приверженцомъ. Такъ какъ въ коранѣ—слова самого бога, переданныя пророку архангеломъ Гавріиломъ, то они не могутъ быть измѣнены, а между тѣмъ первые же халифы не признавали многихъ изъ предписаній корана и даже предавали казни тѣхъ, кто проповѣдовалъ строгое поклоненіе буквѣ корана. Въ многихъ мѣстахъ его Магометъ систематически отвергаетъ чудеса и не даетъ имъ вовсе мѣста въ мусульманствѣ. Двухлѣтній сынъ Магомета умеръ въ эпоху солнечнаго затмѣнія. Приверженцы пророка стали говорить, что солнце затмилось по причинѣ смерти ребенка. «Ни смерть, ни рожденіе кого бы то ни было, сказалъ Магометъ, не имѣютъ вліянія на затмѣнія луны и солнца». Догматическая часть корана состоитъ въ прославленіи доброты и всемогущества единаго бога. Коранъ признаетъ воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь, но о душѣ выражается очень не ясно. О раѣ говорится во многихъ мѣстахъ, но о гуріяхъ упоминается вскользь и весьма скромно. Пророкъ приглашаетъ даже вѣрующихъ войти въ рай вмѣстѣ со своими женами. Грѣшники пойдутъ въ вѣчный адъ, гдѣ будутъ мучиться въ цѣпяхъ, въ одеждѣ изъ смолы и въ огнѣ. Коранъ запрещаетъ пить вино, ѣсть свинину, изображать живыя существа и умерщвлять плоть. Онъ не проповѣдуетъ прямо безусловный фанатизмъ, а только исламъ—покорность волѣ божіей, но до того преувеличиваетъ всемогущество бога, что дѣлаетъ твореніе совершеннымъ автоматомъ въ рукахъ творца. Во всѣхъ событіяхъ Магометъ видитъ только божественное предначертаніе; судьба каждаго мусульманина опредѣлена заранѣе и измѣнить ее невозможно. Коранъ проповѣдуетъ и вѣротерпимость, говоря прямо, что мусульмане, евреи, христіане, сабеяне, которые вѣрили въ Бога, страшный судъ и дѣлали добро, получатъ награду и будутъ избавлены отъ мученій. Но въ той же самой главѣ говорится далѣе: «Правовѣрные! поражайте невѣрныхъ вездѣ, гдѣ найдете ихъ». Милостыня предписывается строже, чѣмъ молитва; попеченіе о сиротахъ ставится первымъ долгомъ. Темный, какъ всѣ священныя книги, коранъ имѣетъ множество коментарій. Но лучшія изъ нихъ составленныя Замахшари, жившимъ въ началѣ XII вѣка отвергаются мусульманами за то, что авторъ ихъ осмѣлился утверждать, будто коранъ не существовалъ отъ вѣка, а былъ составленъ въ извѣстную эпоху.

При появленіи корана въ Аравіи процвѣтала оригинальная ли-

рическая поэзія. Пророкъ не любилъ ея и не умѣлъ писать стиховъ. Онъ заставляетъ самого бога сказать въ коранѣ: «Мы не научили стихосложенію нашего пророка». Но коранъ убилъ не только поэзію, а произвелъ полную нравственную и политическую перемѣну во всемъ быту арабовъ. Даже въ храбрости не имѣлось болѣе нужды, такъ какъ всякая побѣда мусульманина одерживалась прямымъ содѣйствіемъ невидимой рати ангеловъ. Коранъ говоритъ, что дьяволы ходятъ къ безчестнымъ лжецамъ-поэтамъ, которыхъ слушаютъ только одни отступники. Поэта Лебида, обратившагося въ исламъ, Магометъ назвалъ преступникомъ за то, что Лебидъ назвалъ всякую радость преходящею. Когда послѣ смерти Магомета, Омаръ велѣлъ тому же Лебиду составить собраніе поэмъ, славившихся между арабами, поэтъ, уже проученный пророкомъ, объявилъ, что одна глава корана замѣняетъ для него всѣ поэмы. И Омаръ за это увеличилъ Лебиду жалованіе, отнявъ его у поэта Аглава, не перестававшаго писать стихи. Омаръ лишилъ такъ же пенсіона поэта Сулейму за то, что тотъ въ стихѣ: «сѣдые волосы и исламизмъ отвлекли меня отъ любви» поставилъ прежде слово— волосы, а потомъ—исламизмъ. При династіи оммійадовъ поэты не иначе могли заслужить милость халифа, какъ воспѣвая добродѣтели Магомета и его преемниковъ. Изо всѣхъ родовъ поэзіи остались одни похвальные стихи. Огромный отдѣлъ арабской литературы составляютъ романы и сказки. Всеміріную извѣстность въ этомъ родѣ пріобрѣлъ сборникъ «Тысяча и одна ночь.» До насъ эти сказки дошли въ передѣлкѣ XVII столѣтія. Происхожденіе ихъ большею частію индійское и персидское. Въ нихъ полная и вѣрная картина восточныхъ нравовъ—продажничество судей, лицемѣріе духовенства, мошенничество невольниковъ, хитрость женщинъ, неограниченное самовластіе халифовъ. Сказки эти издавались сотни разъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Вмѣстѣ со сказкой развилась у арабовъ и басня, но не самобытная, а передѣланная изъ другихъ, древнѣйшихъ источниковъ. Но гораздо болѣе чѣмъ въ литературѣ, арабы славились въ мірѣ науки; въ математикѣ они были учителями европейцовъ; алгебра и наши цифры изобрѣтены арабами; астрономія, химія, ботаника обязаны имъ множествомъ открытій и научныхъ терминовъ; они изобрѣли магнитную стрѣлку, выстроили первую обсерваторію, составили первыя астрономическія таблицы; въ географіи, въ естествознаніи—имена арабовъ знамениты. Историческія сочиненія ихъ огромны и многочисленны.

Но не прошло еще столѣтія со смерти Магомета, какъ различныя секты начали подкапывать основы его ученія. Одни признавали бога корана отвлеченнымъ существомъ, другія придавали ему тѣлесныя свойства. Были секты, открыто проповѣдывавшія невѣріе. Ученіе мотекалламиновъ признавало теорію атомовъ, безпрерывно создающихся и уничтожающихся. Алькапди отвергалъ личное

безсмертіе души. Съ Аверроэсомъ арабская философія достигла крайняго развитія, но богословы воздвигли такое гоненіе и на его ученіе и на философію вообще, что она исчезла изъ мусульманскаго міра. Владычество арабовъ въ Европѣ имѣло въ средніе вѣка огромное вліяніе на цивилизацію. Въ Сициліи и особенно въ Испаніи развилась богатая литература. Поэзія провансальскихъ трубадуровъ много заимствовала отъ испанскихъ мавровъ.

Къ монгольскому племени принадлежитъ обширная тюркская отрасль, раздѣляющаяся на восточную или джагатайскую, сѣверную, или татарскую, и западную, или турецкую. Турецкое могущество утвердилось въ концѣ XI-го вѣка съ основателемъ династіи Сельджукидовъ. Вскорѣ послѣ этого турки и татары соединились съ монголами при Чингисъ-ханѣ и основали обширную имперію. Османъ или Отманъ основалъ династію Османли и Отоманскую имперію. Османы замѣнили свою уйгурскую азбуку арабской, приноровивъ ее только къ своему языку. Въ литературѣ турецкой мало самобытнаго; слѣды персидскаго и арабскаго вліянія замѣтны почти во всѣхъ ея произведеніяхъ. Немногіе изъ султановъ покровительствовали ученымъ. Писатели эпохи Солимана I-го считаются классическими. Въ числѣ эпическихъ произведеній этой литературы одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ собраніе импровизацій поэта-разбойника Кёр-оглу изъ туркменскаго племени Тэкэ. Онъ грабилъ караваны на пути ихъ изъ Турціи въ Персію, велъ веселую жизнь въ своемъ притонѣ, любилъ музыку и самъ сочинялъ мелодіи къ своимъ стихамъ. Отецъ его былъ конюшимъ у султана Мурада, который приказалъ выколоть глаза старику и тотъ поручилъ сыну отмстить за него. На своемъ знаменитомъ конѣ Кератѣ Кёроглу совершалъ геройскіе подвиги и умеръ вслѣдъ за своимъ конемъ, считая себя за ничто. Турецкая литература богата историческими и географическими сочиненіями.

Татары вышли по преданіямъ изъ Алтайскихъ горъ; они вытѣснили аріевъ изъ многихъ мѣстностей. Въ Азіи они шли тѣмъ же путемъ, по которому слѣдовали аріи, покорившіе Индію. Тогрульбекъ основалъ династію сельджукидовъ. Первобытный татарскій типъ лучше всего сохранился въ равнинахъ Туркестана. Въ XV-мъ вѣкѣ Самаркандъ былъ центромъ татарской цивилизаціи. Еще и теперь племена туркменовъ отличаются бѣшеною храбростью, вовсе независящею отъ ихъ религіознаго настроенія, такъ какъ они вообще плохіе мусульмане. Между туркменами много поэтовъ. Встрѣчаются стихотворенія, выражающія неудовольствіе на вѣчные грабежи, которыми славились туркмены. Поэтъ говоритъ: «Стоитъ ли того роскошь, чтобы мы дѣлались бичомъ слабыхъ людей, чтобы пройти съ желѣзомъ въ рукѣ по печальной землѣ ислама? Для чего наполнять міръ горечью и, изнуривъ себя, умереть раньше времени?» Въ романтической эпопеѣ узбековъ, называющейся Ах-

мед-хосу, идеализированы набѣги и разбой. Въ преданіяхъ первобытныхъ жителей Алтайскихъ горъ ясно высказывается борьба съ природою, борьба за существованіе. Надо защищаться отъ ледяныхъ горъ, отъ рѣзкаго вѣтра. Часто встрѣчаются картины ужасающей бѣдности. Въ пѣснѣ Тектебеи-мергенъ, одно лицо, проигравъ все, даже свободу, отправляется въ путь. Онъ все шелъ и во время ходьбы говорилъ: «откуда этотъ шумъ? Онъ искалъ и ничего не нашелъ. Тогда онъ понялъ, что трещали его собственныя хрящи и кости». Къ главной сѣверной отрасли татаръ принадлежатъ и киргизы. Языкъ ихъ сохранилъ первоначальный, чисто тюркскій характеръ. Пѣсни и разсказы ихъ не искажены вліяніемъ ислама. Между киргизами были и поэтесы. Изъ всѣхъ турецкихъ нарѣчій самое обработанное—джагатайское. Самый извѣстный и плодовитый изъ всѣхъ джагатайскихъ писателей Мир-Али-Шир-Неваи. Онъ занималъ важныя должности въ царствованіе Гуссейна, собиравшаго при своемъ дворѣ въ Самаркандѣ ученыхъ и поэтовъ своего времени. Неваи былъ эмиромъ, губернаторомъ Герата, намѣстникомъ, но во всѣхъ своихъ званіяхъ стремился къ ученію и уединенію. Онъ писалъ одинаково свободно по-персидски и по-турецки.

Только на своей родинѣ — Азіи, въ столкновеніи съ грубыми религіозными вѣрованіями, какъ выродившійся браманизмъ, исламъ пріобрѣтаетъ еще новыхъ поклонниковъ. Но въ средѣ европейской цивилизаціи онъ сознаетъ въ лицѣ своихъ, болѣе развитыхъ представителей, что прошла пора его власти. Даже народныя преданія турокъ говорятъ, что скоро настанетъ конецъ ихъ владычеству въ Европѣ, какъ наступилъ онъ для ихъ братьевъ татаръ. И сыны Османа вернутся въ равнины средней Азіи тѣмъ же путемъ, которымъ, слишкомъ четыре столѣтія тому назадъ, шли они съ побѣдою черезъ Босфоръ и Константинополь. Въ турецкой литературѣ существуютъ два разряда запрещенныхъ сочиненій. Главную причину запрещенія ихъ составляетъ тривіальность выраженій и образовъ, замѣняющая у турецкихъ сатириковъ истинную иронію. Таковы сатиры Нефи, безусловно запрещенныя. Сатиры Сурури запрещены только въ извѣстной редакціи. Другую категорію составляютъ произведенія безнравственной дидактики, какъ сочиненія Фазиль-бея: «Зенан-Наме» (Книга о женщинахъ), въ которой описываются физическія качества женщинъ всѣхъ націй, и «Хубан-Наме» (Книга красавцовъ), содержащая въ себѣ подобныя же описанія мальчиковъ. Эти циническія сочиненія написаны очень хорошими стихами. Но верхъ цинизма представляетъ сочиненіе, подъ названіемъ «Баг-Наме», съ рисунками, соотвѣтствующими содержанію текста. Несмотря на запрещеніе, книга эта имѣла уже нѣсколько изданій—такъ великъ спросъ на нее въ турецкой публикѣ.

Къ племенамъ востока относятъ такъ же армянъ, грузинъ и кавказскихъ горцевъ. Армяне—одно изъ древнѣйшихъ арійскихъ племенъ, составляли въ древности обширное государство. Покоренная Александромъ Македонскимъ, Арменія зависѣла впослѣдствіи отъ Ассиріи, Вавилона, Персіи, арабовъ. Послѣ евреевъ это племя чаще всего переселялось въ другія земли. Теперь армянъ болѣе всего въ Турціи (до 2.000.000). Армянскій языкъ близокъ къ зендскому. Письмена изобрѣтены въ немъ Месробомъ въ 405 году. Литература армянская довольно богата, но не отличается самостоятельными произведеніями. Политическіе перевороты уничтожили много армянскихъ сочиненій. Нинъ, царь Ассиріи, желая, чтобы всеобщая исторія начиналась съ его царствованія, приказалъ сжечь всѣ существовавшія до его времени сочиненія. Святой Григорій для того, чтобы предохранить армянъ отъ заблужденій, также предалъ огню всѣ языческія книги. Мехружанъ Арцруни въ 381 году, отпавъ отъ христіанства и принявъ религію персовъ, въ свою очередь жегъ всѣ попадавшіяся ему книги на армянскомъ и греческомъ языкахъ и запретилъ даже армянамъ учиться по-гречески, чтобы отвратить ихъ отъ христіанства. Такое же истребленіе книгъ произведено персидскимъ шахомъ Аскертомъ въ 439 году. Сельджукскій султанъ Альп-Арсланъ II сжегъ, вмѣстѣ съ городомъ Ани, несмѣтное количество рукописей; множество драгоцѣнныхъ книгохранилищъ также уничтожено мусульманами. Тамерланъ по крайней мѣрѣ приказалъ перевезти всѣ армянскія книги въ свою столицу Самаркандъ. Чтобы спасти ихъ, армяне зарывали рукописи въ землю, гдѣ онѣ истлѣвали или, со смертью ихъ владѣльцовъ, погибали для потомковъ. Цѣлыя столѣтія, какъ VI, VII и VIII-е были безплодны для Арменіи въ литературномъ отношеніи; писали только о двойствѣ естества въ Іисусѣ Христѣ и единствѣ его лица. Въ XI-мъ вѣкѣ наука и просвѣщеніе въ Арменіи, какъ и въ западной Европѣ, укрылись въ стѣнахъ монастырей. XII вѣкъ считается самымъ цвѣтущимъ въ армянской литературѣ. Уничтоженная съ паденіемъ царства, литература возникла опять только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Въ Европѣ развитію армянъ много содѣйствовалъ Мхитаръ, основатель училища въ Мореѣ. Родившись въ Севастіи (Малой Арменіи), онъ не встрѣтилъ сочувствія на родинѣ и переселился въ Константинополь. Но и тутъ армянскій католикосъ обвинилъ его въ отступничествѣ и Мхитаръ едва спасся отъ казни, бѣжавъ въ Морею, потомъ въ Венецію, гдѣ организовалъ духовно-ученое братство, но долженъ былъ принять догматы латинской церкви. Академія мхитаристовъ — самое замѣчательное явленіе въ умственной жизни армянъ.

Болѣе трети населенія въ Закавказьи говоритъ грузинскимъ языкомъ, распадающимся на древній и новый, находящіеся между собою въ такомъ же отношеніи, какъ славянскій къ русскому. Въ

грузинской литературѣ много поэмъ, апологовъ, даже романовъ. Въ царствованіе Тамары, покровительствовавшей ученымъ, являются замѣчательные писатели. Ея казнохранитель Шота-Руставели былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтомъ; но по смерти царицы постригся въ монахи и умеръ въ Іерусалимѣ. Въ поэмѣ «Барсова Кожа» онъ воспѣлъ свою повелительницу, подъ именемъ Дареджани. Нашествіе Чингисъ-хана убило въ Грузіи все просвѣщеніе, возстановленіе котораго относится только къ началу прошлаго столѣтія. Распространенію просвѣщенія въ народѣ много содѣйствовали духовныя лица. Между этими дѣятелями выдается грузинскій католикосъ Антоній, вся жизнь котораго наполнена борьбою съ людьми и обстоятельствами. Сынъ царя карталинскаго, Александръ, былъ женатъ на княжнѣ Амилахваровой. Надир-Али-ханъ отнялъ ее у Александра и тотъ вступилъ въ монашество подъ именемъ Антонія. Царь Теймуразъ II подозрѣвалъ его въ наклонности къ католицизму и выслалъ изъ Грузіи. По смерти Теймураза Антоній вернулся на родину и занялъ прежній постъ католикоса. Царь Ираклій посылалъ его въ Россію, но потомъ, заподозривъ въ заговорѣ, сбросилъ съ башни. Почти всѣ грузинскіе писатели принадлежатъ къ высшему сословію этой страны. Князь Георгій Эристави былъ высланъ съ родины въ Польшу, за участіе въ смутѣ грузинскихъ царей. Но, возвращенный вскорѣ, написалъ первую комедію на грузинскомъ языкѣ «Раздѣлъ». Онъ писалъ также сатиры и былъ редакторомъ журнала. Грузинскій языкъ главный представитель отрасли кавказскихъ языковъ, рано отдѣлившейся вѣтви ирано-арійскаго племени. Литература другихъ горскихъ народовъ ограничивается пѣснями, сказками и легендами.

Таковъ, въ бѣглыхъ очеркахъ, главный ходъ развитія на востокѣ мыслей, которыми руководились первобытныя націи. Человѣкъ тамъ мало изучалъ самого себя. Онъ жилъ больше внѣшнею жизнью, не старался ни бороться съ враждебными ему явленіями природы, ни изучать ихъ свойства, примѣняя къ своимъ нуждамъ стихійныя силы. Какою-то стадною, инертною жизнью жили всѣ эти громадныя монархіи азіатскаго востока. Исторія рода человѣческаго съ колыбели его рожденія представляетъ однѣ тяжелыя, неутѣшительныя картины. Она начинается, по древней легендѣ, съ братоубійства и представляетъ почти сплошную лѣтопись злодѣйствъ всякаго рода, насилій, распутства, несправедливостей. О правѣ, о законности, о гуманности нѣтъ и рѣчи—вездѣ господствуетъ грубая, матеріальная сила. Рабство царитъ во всей его ужасающей несправедливости. Рабски преклоняется человѣкъ передъ созданными имъ идолами, передъ деспотами, произволу которыхъ онъ подчиняется добровольно, не позволяя себѣ даже оцѣнять ихъ поступки,

или возставать противъ деспотизма, какъ не пробуетъ онъ возставать и противъ стихійныхъ силъ. Человѣчество, позабывъ о самомъ себѣ, погружается только въ мысли о божествѣ и создаетъ себѣ боговъ такихъ же суровыхъ, непреклонныхъ, враждебныхъ какъ силы природы. Развитіе мысли на Востокѣ проявляется преимущественно въ религіозномъ направленіи. И напрасно противъ крайностей этой мысли борятся философы, находящіе, что въ этомъ мірѣ, гдѣ преобладаютъ интересы человѣчества, божество не должно надъ нимъ господствовать, не должно подавлять его. И первобытныя религіи Индіи, Китая, Ирана отводятъ самую незначительную роль этому божеству въ судьбахъ человѣческихъ. Первоначальный богъ этихъ первобытныхъ народовъ не имѣетъ почти никакой власти надъ людьми, едва признается его личное существованіе. Ему поклоняются больше въ видѣ силы природы; не воздвигаютъ ему алтарей, не приносятъ жертвъ. Только съ учрежденіемъ особыхъ кастъ, посвящающихъ себя служенію этому отвлеченному божеству, образъ его все болѣе принимаетъ человѣческія свойства и всего болѣе въ ихъ крайнихъ деспотическихъ проявленіяхъ. Жрецы смѣло ставятъ себя посредниками между богами и остальнымъ человѣчествомъ, провозглашаютъ ему ихъ волю. Именемъ бога предписываютъ законы людямъ. Угнетая ихъ, заставляя ихъ работать на жрецовъ и храмы, дѣлая множество несчастныхъ на землѣ, жрецы утѣшаютъ ихъ вѣрою въ будущую жизнь, въ загробное блаженство. Если рай народовъ миролюбивыхъ, какъ индійцы и китайцы, даетъ неопредѣленное понятіе о блаженствѣ въ будущей жизни, рай магометанъ и монголовъ переноситъ въ загробную жизнь всѣ здѣшнія наслажденія, еще въ болѣе привлекательныхъ чертахъ. Но созданіе боговъ грозныхъ, мстящихъ, воинственныхъ, дающихъ всѣ блага своимъ поклонникамъ обусловливаетъ и на землѣ господство такихъ же властителей. И всѣ ужасы насилія переносятся покорно массами племенъ, безропотно подчиняющихся гнетущимъ ихъ деспотамъ. И вмѣстѣ съ царствами этихъ деспотовъ гибнутъ десятки тысячъ человѣческихъ жизней, считаемыхъ ни во что и правителями этихъ царствъ, и самими управляемыми. Гибнутъ не во имя какой нибудь идеи, а только по прихоти другой, болѣе могучей силы—Немвроды, Нины, Семирамиды, Сезострисы, Сарданапалы, Нехао, Крезы, а еще болѣе гибнетъ съ ними невинныхъ жертвъ ихъ властолюбія. И жертвы эти не только не протестуютъ, но еще оказываются иногда презрѣннѣе своихъ властителей. Припомнимъ хоть такую картину древняго міра. Въ залѣ пиршество, раззолоченные, разрумяненные придворные ожидаютъ своего владыку Камбиза. Онъ входитъ въ залу съ порфировыми колонами, покрытую тканями, блестящими золотомъ и пурпуромъ. Царь садится на тронъ и подъ звуки музыки, подъ раскошныя пляски танцовщицъ, напивается до-пьяна. Онъ призываетъ къ себѣ перваго вель-

можу Прексаспа и говоритъ ему: «Ты проповѣдывалъ мнѣ, что изъ всѣхъ пороковъ для царя самый постыдный пьянство, что оно разслабляетъ владыку и дѣлаетъ его неспособнымъ ни мыслить, ни дѣйствовать».—«Да, я говорилъ это, отвѣчаетъ придворный.—«Такъ я докажу тебѣ, продолжаетъ монархъ, что мои глаза, мои руки и мои мысли остаются также тверды, несмотря на то что я пьянъ». И онъ велитъ привести сына Прексаспа, поставить его на одинъ конецъ залы и съ другого конца ея стрѣляетъ въ ребенка изъ лука, вскричавъ: «Я попаду ему прямо въ сердце!» Ребенокъ падаетъ, облитый кровью. Стража молча окружаетъ деспота, опасаясь отчаянія отца. Но тотъ низко склоняется передъ монархомъ и говоритъ: «Самъ Аполлонъ не могъ бы цѣлить вѣрнѣе!»

Подобныхъ картинъ можно найти немало въ исторіи восточныхъ монархій, не принесшихъ никакой гуманной мысли, никакаго благотворнаго учрежденія. Человѣчество было такъ принижено, что никто и не думалъ протестовать противъ злоупотребленій безграничною властью. Боролись только за религіозныя идеи, за поклоненіе тому или другому богу. Мы разсказали нѣсколько подробнѣе жизнь и ученіе основателей главныхъ религій востока. Изъ этого разсказа видно, какъ искажались впослѣдствіи самыя основныя положенія новыхъ ученій—ихъ послѣдователями, какъ шатки были вначалѣ убѣжденія этихъ основателей, какъ нерѣдко ученія ихъ проповѣди зависѣло отъ случайныхъ, ничтожныхъ обстоятельствъ, которыми могли бы воспользоваться ихъ враги, для подавленія новыхъ религій. И въ распространеніи ихъ, какъ во многихъ важныхъ событіяхъ исторіи, часто играли главную роль: случайность, удача, стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Невѣжество, суевѣріе, привычка къ личному рабскому повиновенію всякой внѣшней силѣ двигали масами человѣчества по прихоти властителей, безъ сознательнаго обсужденія своихъ поступковъ. Востокъ, апатично отстаивавшій даже свое матерьяльное существованіе, произвелъ мало руководителей человѣчества, ведущихъ его къ цѣли развитія и усовершенствованія. Вожди эти явились въ эпоху болѣе зрѣлой мысли, въ странѣ, гдѣ впервые родилась и укрѣпилась вѣра въ развитіе человѣчества, въ колыбели европейской цивилизаціи—Элладѣ.

Вл. Зотовъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Lucien Bonaparte et ses Mémoires (1775 — 1840) par Th. Jung. Paris. 1883 (Луціанъ Бонапарте и его записки. 2 тома. Парижъ. 1883).

ЗЪ ВСѢХЪ братьевъ Наполеона Луціанъ представляется болѣе симпатичною личностью. Постоянное и неизмѣнное предпочтеніе, оказываемое ему матерью ихъ, Летиціею, объясняется поразительнымъ сходствомъ его съ отцомъ—Карломъ Бонапарте, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Какъ его отецъ, онъ умеръ отъ болѣзни наслѣдственной въ ихъ же семействѣ — рака въ желудкѣ. Онъ былъ средняго роста, но съ чрезвычайно выразительной физіономіей. Сильная близорукость оставила слѣды въ его манерахъ и походкѣ, по временамъ нерѣшительныхъ и принужденныхъ. Онъ былъ остроуменъ, любилъ говорить и говорилъ хорошо. Подвижного характера, онъ не былъ настойчивъ въ своихъ планахъ, вообще не отличавшихся шириною замысла. Съ чрезвычайной легкостью переходилъ онъ отъ одного предмета къ другому. Его взгляды, работы, надежды, были довольно мелки. Онъ брался за все, но ничего не доводилъ до конца; занимался то поэзіей, то астрономіей, то археологическими раскопками, мѣняя безъ затрудненія свои привычки, какъ свои намѣренія. Въ пріобрѣтеніи состоянія онъ не останавливался на безукоризненно честныхъ средствахъ, но, пріобрѣтя ихъ, старался выказывать строгое безкорыстіе. Расточительный, какъ его отецъ, онъ любилъ, однако, пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, но ни однимъ изъ нихъ не занимался, какъ настоящій хозяинъ. Какъ всѣ его братья, онъ не любилъ правды, но, одаренный живымъ воображеніемъ, былъ великодушенъ и способенъ къ добрымъ и благороднымъ чувствамъ, хотя увле-

кался ими изъ тщеславія, а не изъ убѣжденія. Нуждаясь въ привязанности, онъ былъ вѣренъ женщинѣ, избранной имъ подругою жизни, и охотно признавалъ ея превосходство надъ собою. Каковъ онъ былъ въ частной жизни, такимъ же явился и въ политической роли, измѣнивъ, какъ его братъ Наполеонъ, убѣжденіямъ молодыхъ лѣтъ. Крайній якобинецъ, онъ сдѣлался приверженцемъ теоріи необходимости сильной власти въ тотъ день, когда, сдѣлавшись секретаремъ Совѣта Пятисотъ, увидѣлъ возможность управлять общественными дѣлами. Соперничая съ первымъ консуломъ, онъ вздумалъ играть вторую роль въ государствѣ и перешелъ въ опозицію, какъ только увидалъ, что его претензіи не осуществляются. Достаточно умный для того, чтобы понять своего брата и оцѣнить всѣ темныя стороны политической системы консульства и имперіи, онъ, однако, не умѣлъ во время бороться противъ нея, не зналъ какъ держать себя. Опасаясь мстительности Наполеона, съ которымъ онъ приходилъ въ ежедневныя столкновенія, Луціанъ не нашелъ лучше средства, какъ бѣжать отъ него и выжидать окончанія вѣчныхъ войнъ, затѣваемыхъ властолюбіемъ брата. Но найдя убѣжище у папы, онъ, въ то же время, находилъ превосходнымъ папское управленіе Церковною областью, гдѣ онъ игралъ роль поэта, непонятаго политическаго дѣятеля и демократическаго принца, требовавшаго, однаго, чтобы его величали свѣтлостью и оказывали ему почести, какъ принцу крови. Послѣ Ста Дней онъ надѣялся возвратить себѣ мѣсто, которое, по его мнѣнію, принадлежало ему по праву во Франціи. Видя, однако, какъ незначительна его роль, онъ исчезаетъ съ политической арены и появляется на ней снова, хотя также безплодно, по смерти Наполеона II-го, когда іюльская революція показалась ему удобнымъ моментомъ для осуществленія его честолюбивыхъ замысловъ. Убѣдившись вскорѣ въ невозможности ихъ осуществленія, онъ окончательно отказывается отъ всякой политической роли и умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ, недовольный людьми и самимъ собою, забытый всѣми.

Такова безпристрастная, неприкрашенная характеристика Луціана Бонапарте, подтверждаемая исторіей и авторомъ книги объ немъ — полковникомъ Юнгомъ. Книга эта очень любопытна, несмотря на ея неполноту и отрывочность. Составилась она слѣдующимъ образомъ: въ 1855 году, умерла въ Синигаліи вдова Луціана, принцеса Александрина Бонапарте, и ея душеприкащикъ передалъ, по ея завѣщанію, французскому посланнику въ Римѣ, бумаги ея покойнаго мужа, состоявшія изъ его записокъ, замѣтокъ и разнаго рода офиціальныхъ документовъ, относящихся къ политической дѣятельности Луціана. Посланникъ отправилъ бумаги въ Парижъ, въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда ихъ вскорѣ же потребовалъ Луи-Наполеонъ. Зная похвальную привычку императора уничтожать всѣ историческіе документы, рисующіе въ

невыгодномъ свѣтѣ семейство Бонапарте, начальникъ архива отправилъ любопытному цезарю далеко не всѣ бумаги, распредѣливъ дипломатическую переписку Луціана по соотвѣтственнымъ рубрикамъ посланническихъ депешъ, а его замѣтки и записки уложивъ въ картоны съ надписью: «Мемуары Луціана Бонапарте, уже изданные въ 1836 году». Между тѣмъ, въ одномъ томѣ изданія этого года заключается далеко не все, что̀ написалъ о своей жизни Луціанъ и что̀ сохранилось въ архивѣ. Эти-то бумаги разобралъ и издалъ теперь, съ разрѣшенія начальника архива, полковникъ Юнгъ. Остальныя 350 писемъ Луціана къ разнымъ лицамъ и отвѣты ихъ—такъ и не были возвращены въ министерство беззастѣнчивымъ императоромъ. Это—собственно не записки, а скорѣе отрывки изъ нихъ и отдѣльныя воспоминанія, начатыя Луціаномъ еще въ 1805 году, когда онъ принужденъ былъ отказаться отъ участія въ дѣлахъ правленія и поссорился со своимъ всемогущимъ братомъ, вмѣшивавшимся даже въ частную жизнь своихъ родныхъ. Это-то твердое отстаиванье своихъ семейныхъ и частныхъ интересовъ отъ посягательства на нихъ деспотическаго главы семейства, требовавшаго, чтобъ передъ его волею преклонялись даже чувства и привязанности, эта борьба за личное достоинство человѣка представляетъ самый интересный эпизодъ въ жизни Луціана и выставляетъ его въ привлекательномъ свѣтѣ. «И для чего было — говоритъ Луціанъ въ своихъ запискахъ — брату моему Наполеону спускаться съ высотъ своего политическаго положенія, чтобы вмѣшиваться въ частную жизнь своихъ братьевъ? Съ своей стороны, я не считалъ возможнымъ допускать это вмѣшательство и, хотя матерьяльная сила не могла быть на моей сторонѣ, но я употреблялъ всѣ силы моральнаго сопротивленія, чтобъ отражать безпрерывныя нападенія, въ теченіи пятнадцати лѣтъ». И Луціанъ былъ правъ, говоря это. Онъ потерялъ всякое политическое значеніе потому, что не хотѣлъ быть, какъ другіе братья его, коронованнымъ рабомъ Наполеона. Записки его, которыя онъ продолжалъ писать въ Англіи и Италіи, урывками, съ большими пробѣлами и промежутками, представляютъ, несмотря на ихъ неполноту, много любопытныхъ эпизодовъ. Имъ нельзя только вполнѣ довѣряться и слѣдуетъ провѣрять ихъ другими историческими документами. Такъ, извѣстія, относящіяся къ происхожденію фамиліи Бонапарте, завѣдомо искажены; изложеніе историческихъ событій до 18-го брюмера—блѣдно и безцвѣтно, да и роль, исполняемая Луціаномъ въ этомъ переворотѣ, преувеличена. Но въ замѣткахъ о консульствѣ, имперіи, Ста Дняхъ, о реставраціи—много новаго и интереснаго. Встрѣчаются нерѣдко замѣчательныя характеристики главныхъ дѣятелей этой эпохи и приводятся разговоры Наполеона съ братомъ, имѣющіе важное политическое значеніе. Книга Юнга еще не окончена. Въ первомъ томѣ разсказаны событія до назначенія Луціана послан-

никомъ въ Испанiю, въ 1800 году; второй томъ оканчивается разрывомъ Луцiана съ братомъ и отъѣздомъ его въ Италiю, въ половинѣ 1804 года; третiй будетъ заключать въ себѣ частную жизнь Луцiана до его смерти въ 1840 году. Мы возвратимся еще къ этому сочиненiю по выходѣ послѣдняго тома.

В. З.

Meier. Die Periode der Hexenprocesse. Hannovèr. 1882 (Мейеръ. Перiодъ процессовъ противъ вѣдьмъ. Ганноверъ. 1882).

Книжка Мейера посвящена изслѣдованiю одного изъ интересныхъ явленiй культурной исторiи новаго времени. Подъ конецъ среднихъ вѣковъ (во второй половинѣ XV-го вѣка) начинаютъ тянуться, въ теченiе почти трехъ столѣтiй, жестокiя преслѣдованiя «вѣдьмъ», т. е. женщинъ, относительно которыхъ предполагалось, что онѣ находятся добровольно въ преступныхъ сношенiяхъ съ дьяволомъ. Начинаются эти преслѣдованiя во Францiи, отсюда переходятъ въ Испанiю, распространяются около 1480 г. въ югозападной Германiи, въ Австрiи, южной Швейцарiи и Италiи, въ половинѣ XVI-го вѣка возникаютъ первые процессы въ протестантской части Германiи, Англiи и Шотландiи, во второй половинѣ XVII-го вѣка, въ Швецiи и Сѣверной Америкѣ. Какъ могло утвердиться въ сознанiи интеллигентнаго европейскаго общества, къ которому въ той или другой степени принадлежали власти, начинавшiя и ведшiя процессы, убѣжденiе въ возможности чувственныхъ сношенiй съ дьяволомъ, утвердиться въ такую эпоху, когда подъ влiянiемъ классической литературы и науки начало вырабатываться научное мiровоззрѣнiе; чѣмъ объясняется убѣжденiе въ дѣйствительности такихъ сношенiй у лицъ, являющихся жертвами безчисленныхъ процессовъ подобнаго рода—вотъ вопросы, разрѣшенiе которыхъ составляетъ ближайшую задачу автора. По отношенiю къ первому онъ ограничивается лишь нѣсколькими замѣчанiями. Произведенiя классической литературы давали европейскому обществу не однѣ научныя и философскiя истины; онѣ укрѣпили и расширили сумму суевѣрныхъ представленiй, находившихся въ сознанiи общества, дали этимъ суевѣрiямъ значенiе, какого онѣ не имѣли прежде, такъ какъ никто не осмѣливался подвергать сомнѣнiю то, что̀ освящено было авторитетомъ классической древности. Римское право въ эпоху процессовъ противъ вѣдьмъ, получившее широкое примѣненiе и вытѣснившее нацiональное право, заключало въ себѣ законы противъ чаровничества и выработанную процедуру, которыми поспѣшили воспользоваться европейскiя государства. Богословская литература эпохи—библейская экзегетика по преимуществу—съ своей стороны только укрѣпляла начавшееся заблужде-

ніе. Не такъ легко, по мнѣнію автора, разрѣшается вопросъ объ условіяхъ, благодаря которымъ создавалось это убѣжденіе у жертвъ судебнаго преслѣдованія. Были попытки доказать, что признаніе въ преступныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ вырывалось у жертвъ насильственно, ужасами пытки; въ пользу такого предположенія говоритъ вся судебная процедура: отъ жертвы добивались признанія во что̀ бы-то ни стало, свидѣтели не допускались, такъ какъ предполагалось, что вѣдьма въ союзѣ съ дьяволомъ можетъ нанести имъ какой-нибудь вредъ; если жертва мужественно выносила пытку, говорили, что чертъ помогаетъ своей подругѣ, и усиливали истязанія, если она не проливала ни одной слезы или засыпала на дыбѣ (гипнозъ)—это служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что судъ имѣетъ дѣло съ вѣдьмой. Но противъ подобнаго объясненія говоритъ то обстоятельство, что признанія въ сношеніяхъ съ дьяволомъ совершались не только подъ пыткой, но и добровольно; нѣкоторыя лица сами, безъ всякаго внѣшняго побужденія, обвиняли себя предъ судомъ, родственниками или духовными отцами въ связи съ дьяволомъ, хорошо зная послѣдствія, которыя влекло за собой подобное признаніе. Для объясненія подобныхъ случаевъ было сдѣлано новое предположеніе: лица съ нечистой совѣстью и болѣзненнымъ воображеніемъ, подъ вліяніемъ удручающаго сознанія грѣховности, сваливали свою вину на дьявола; являясь добровольно на судъ, они дѣйствовали подъ вліяніемъ желанія спокойно умереть, примириться съ церковью мученіями пытки; это были жертвы широко распространившейся и долгое время дѣйствовавшей духовной эпидеміи. Не подвергая надлежащей критикѣ этой послѣдней гипотезы, Мейеръ дѣлаетъ новое предположеніе. Онъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что во всѣхъ процессахъ противъ вѣдьмъ фигурируютъ ночныя оргіи, на которыя вѣдьмы слетаются, намазавшись предварительно волшебной мазью. Состоянію, при которомъ возникаетъ убѣжденіе въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, предшествуетъ употребленіе какого-то одуряющаго средства (внутрь или наружно). На это обстоятельство уже раньше обращалось вниманіе, но тогда предполагали, что неизвѣстное наркотическое средство употреблялось для того, чтобы вызвать данныя грезы, иллюзіи; Мейеръ старается доказать, что эти грезы являются не цѣлью, а слѣдствіемъ употребленія неизвѣстнаго одуряющаго напитка; дѣйствительной же цѣлью было опьяненіе, одинаковое съ тѣмъ, которое производится виномъ или пивомъ. Подтвержденіе своей гипотезы авторъ ищетъ въ экономическомъ положеніи той массы, которая наиболѣе поставляла лицъ, предполагавшихъ себя въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Къ началу XVI-го вѣка вино сдѣлалось только предметомъ потребленія богатыхъ классовъ, пиво встрѣчалось только въ зажиточномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, еще рѣже могъ употреблять то и другое городской пролетаріатъ, а между тѣмъ потреб-

ность въ опьяняющихъ средствахъ чувствовалась массами весьма сильно. Постоянныя кровопролитныя и опустошительныя войны, моръ, дороговизна жизненныхъ припасовъ, отсутствіе въ командующихъ классахъ гуманности и любви къ ближнему, ихъ эгоизмъ и жестокосердечіе — все это даже въ образованныхъ сферахъ вызывало безрадостное настроеніе, нѣкотораго рода отвращеніе къ современнымъ жизненнымъ отношеніямъ; тѣмъ сильнѣе эти условія вліяли на массу бѣдняковъ, тѣмъ сильнѣе возбуждали онѣ стремленіе вырваться хоть на нѣсколько часовъ изъ міра нужды и горя при помощи какого-нибудь наркотическаго средства. Если принять во вниманіе, что почти одновременно съ началомъ процессовъ противъ вѣдьмъ появляется въ Европѣ занесенная цыганами изъ восточной Индіи и Турана растеніе Datura Stramonium, изъ котораго въ Индіи приготовляется наркотическій напитокъ, возбуждающій въ потребителѣ необыкновенно радостное, веселое состояніе и такое ощущеніе, какъ будто онъ летитъ, что это растеніе распространяется по Европѣ въ томъ же географическомъ и хронологическомъ порядкѣ, какъ и процессы противъ вѣдьмъ, что цыгане знали тайну приготовленія наркотическаго напитка изъ этого растенія и могли сообщить ее европейскимъ бѣднякамъ, то, по мнѣнію автора, необходимо будетъ придти къ предположенію, что состояніе, ведшее за собой убѣжденіе въ связяхъ съ дьяволомъ, обусловливалось употребленіемъ напитка изъ Datura Stramonium, что «вѣдьмами» были женщины, употреблявшія этотъ напитокъ за неимѣніемъ другого съ цѣлью опьяненія. О гипотезѣ Мейера можно сказать только, что она правдоподобна, но и только, такъ какъ авторъ не приводитъ ни одного факта въ ея доказательство, ни одного указанія на существованіе предполагаемаго имъ напитка.

И. Смирновъ.

DIE WIRTHSCHAFTLICHEN HÜLFSQUELLEN RUSSLANDS UND DEREN BEDEUTUNG FÜR DIE GEGENWART UND DIE ZUKUNFT, VON FRIEDRICH MATTHAEI. DRESDEN, 1883 (Экономическія средства Россіи и ихъ значеніе для настоящаго времени и для будущности. Фридриха Маттеи. Дрезденъ, 1883 года, шесть выпусковъ).

Г. Маттеи, отставной офицеръ саксонской арміи, поселился, около двадцати лѣтъ тому назадъ, въ Россіи и съ замѣчательнымъ постоянствомъ занимается изученіемъ и описаніемъ природныхъ богатствъ и производительныхъ силъ нашего государства, по оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ русскимъ источникамъ. Послѣ мануфактурной выставки 1870 года, онъ издалъ, въ 1872—1874 годахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, въ двухъ объемистыхъ томахъ, ин-

тересный трудъ свой: «О промышленности Россіи въ ея настоящемъ положеніи» (Die Industrie Russlands etc., Leipzig, 1872—1874), достойный полнаго уваженія, а нынѣ является съ новымъ произведеніемъ, въ которомъ разсматриваются экономическія средства Россіи. Сверхъ того, имъ издано еще нѣсколько его изслѣдованій о Россіи. Новаго его труда до нынѣ вышло шесть выпусковъ; все же сочиненіе будетъ состоять изъ 15-ти; изданные выпуски составляютъ томъ въ 320 страницъ.

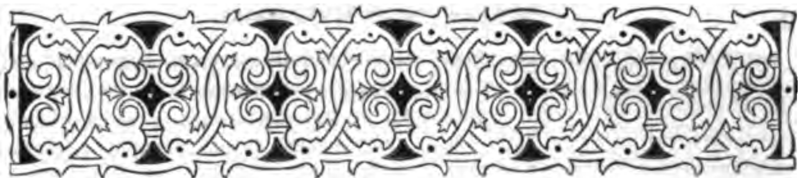
Въ своемъ новомъ трудѣ, г. Маттеи разбираетъ значеніе для Россіи сельскаго хозяйства, характеристику его въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, управленіе имѣніями, организацію статистики Россіи, затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію земледѣлія, луговодства, скотоводства, лѣсоводства, къ недостаткамъ и средствамъ русскаго сельскаго хозяйства и къ кустарной промышленности.

Г. Маттеи совершенно основательно убѣжденъ въ богатствѣ производительныхъ силъ Россіи, вслѣдствіе разнообразныхъ условій, частныхъ и общихъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, не получающихъ надлежащаго примѣненія, или неправильно эксплуатируемыхъ. Еще знаменитый французскій министръ Сюлли называлъ сельское хозяйство «кормилицею государства», потому что, какъ ни измѣняются окружающія насъ условія, но земля, или сельское хозяйство, составляетъ для государства главный источникъ его прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Государство, поощряя у себя сельское хозяйство, увеличиваетъ тѣмъ цѣнность земли, усиливаетъ ея производительность и доходность и тѣмъ возвышаетъ способность земли къ обложенію налогомъ. Такимъ образомъ, благосостояніе государства и сельскаго хозяйства находятся въ тѣсной связи между собою. Еще съ мѣсяцъ тому назадъ, современный французскій экономистъ, также бывшій министръ Франціи, Леонъ Сей, въ своей рѣчи въ ліонской коммерческой палатѣ объ экономическихъ вопросахъ Франціи, между прочимъ, предложилъ заключить особаго рода союзъ. «Промышленность, сказалъ онъ, должна войти въ союзъ съ земледѣліемъ. Интересы этихъ двухъ большихъ вѣтвей народнаго хозяйства должны совпадать между собою, потому что они и безъ того тождественны. Во Франціи не можетъ существовать благосостоянія, если земледѣліе не будетъ процвѣтать». Слова Сюлли, Леона Сея, какъ нельзя болѣе примѣнимы и къ Россіи. Сельское хозяйство не только кормило и кормитъ русскій народъ и государственную казну, но и доставляетъ избытокъ хлѣбныхъ товаровъ для отпуска заграницу. Многіе роды промышленности у насъ тѣсно связаны съ земледѣліемъ. Даже благосостояніе нашихъ фабрикъ и мануфактуръ находится въ зависимости отъ урожая: при обиліи денегъ въ народѣ идетъ успѣшно сбытъ фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій. Поэтому если для процвѣтанія нашей фабричной промышленности необходимы поощрительные таможенные

тарифы, то и для земледѣльческой промышленности необходимы законодательныя и другія поощрительныя мѣры.

Вопросъ о соотношеніяхъ сельскаго хозяйства съ промышленностью—вопросъ государственный, съ каждымъ годомъ рѣзче обозначающійся и рѣшить который не легко, особенно въ Россіи, при ея обширности, при разнообразіи ея климатическихъ условій, при различіи потребностей ея южныхъ, сѣверныхъ, восточныхъ и западныхъ областей. Всякое новое изслѣдованіе многообразной, громадной промышленно-земледѣльческой области Россіи вноситъ новый матеріалъ для лучшаго рѣшенія упомянутаго насущнаго вопроса, и къ подобнымъ добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ надобно также отнести и новый трудъ г. Маттеи.

П. У.



КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

В. А. Жуковскій и его произведенія. 1783 — 1883, сочиненіе П. Загорина, съ приложеніемъ 29-ти фотогравюръ, автографовъ и нотъ. Изданіе Льва Поливанова. Москва, 1883.

О ДНЮ столѣтняго юбилея нашего поэта, въ Петербургѣ вышла замѣчательная біографія Жуковкаго, составленная его другомъ Зейдлицемъ, и о которой «Историческій Вѣстникъ» далъ отчетъ въ мартовской книгѣ. Москва, въ свою очредь, приготовила къ празднованію дня рожденія поэта книгу объ немъ, превосходящую петербургское изданіе своимъ объемомъ, типографскою роскошью и прекрасными фотогравюрами и фотолитографіями, приложенными къ книгѣ. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ и фотографій не имѣютъ отношенія къ сочиненію, какъ портреты митрополита Филарета, Павскаго, Прокоповича и Антонскаго, факсимиле напечатаннаго романса «Пловцы»; но есть между ними и весьма замѣчательные, какъ пять портретовъ Жуковскаго въ разную эпоху его жизни, портретъ его жены, его отца, Бунина, Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Пушкина, великаго князя Александра Николаевича, императрицъ Александры и Марія Ѳедоровны и др. Что касается до текста книги, онъ заключаетъ въ себѣ самую подробную біографію поэта, въ связи съ событіями его времени и оцѣнку его произведеній. Къ жизни поэта неизвѣстный авторъ (имени его нѣтъ ни въ одномъ книжномъ каталогѣ) прибавилъ весьма немногія черты, о которыхъ не упоминалъ бы Зейдлицъ, что же касается до критическаго взгляда — онъ во многомъ неполонъ и съ нимъ далеко не всегда можно соглашаться. Самый языкъ книги отличается какою-то напыщенностью и, въ отвлеченныхъ сужденіяхъ, напускною туманностью. Можно ли безъ особеннаго умственнаго усилія, сразу понять, что̀ хотѣлъ сказать авторъ слѣдующими кудреватыми фразами первыхъ строкъ «введенія», выписываемыми нами цѣликомъ до слѣдующаго абзаца:

«Въ эпохи подъема умственныхъ интересовъ слѣдующія за сильнымъ напряженіемъ въ сферѣ дѣйствія, выражается несомнѣнный законъ жизни,

въ которомъ заявляетъ свои права человѣческій разумъ. Было бы крайне односторонне объяснять эти отливы энергіи общественной воли только насиліемъ и произволомъ лицъ, держащихъ въ рукахъ своихъ судьбы человѣческихъ обществъ. Самыя лица эти не порожденіе ли свободнаго, хотя порою и молчаливаго соглашенія умовъ, требующихъ покоя для удовлетворенія насущной потребности самоуглубленія и развитія идей, которымъ впереди предстоитъ новое проявленіе въ сферѣ практической?»

Самая жизнь Жуковскаго разсказана, впрочемъ, гораздо болѣе простымъ языкомъ, хотя мѣстами не безъ паѳоса. Необходимость разорвать оковы лже-классицизма въ эпоху, когда Жуковскій началъ свое литературное поприще, вѣрно подмѣчено авторомъ, но первыя попытки молодыхъ писателей того времени — создать новыя формы поэтическаго языка были очень шатки. Вспомнимъ, что даже такая выдающаяся личность, какъ Андрей Тургеневъ, одинаково восторгался Гете и Шписомъ, Шиллеромъ и Коцебу, а Карамзинъ въ 1780 году писалъ, что «русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи». Г. Загоринъ также вѣрно опредѣляетъ значеніе баллады, получавшей, въ превосходныхъ переводахъ Жуковскаго, право гражданства въ русской поэзіи—хотя прежде его Каменевъ и Карамзинъ уже писали въ этомъ родѣ. Англійская баллада, какъ испанскій романсъ, представляетъ лиро-эпическія произведенія, гдѣ разсказывается не одно внѣшнее событіе, но раскрывается и внутреннее состояніе дѣйствующихъ лицъ. Подобное ясное опредѣленіе имѣетъ свое значеніе, когда мы вспомнимъ, что профессора литературы, какъ Шевыревъ, видѣли въ балладѣ «улетученіе дѣйствительности, предстоящей намъ какъ видѣніе души, какъ явленіе таинственное внутренняго міра».

Въ конкурсной программѣ на лучшее сочиненіе о Жуковскомъ, приведенной въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», требуется, между прочимъ, сравненіе его переводовъ съ подлинниками. Г. Загоринъ дѣлаетъ это сравненіе по поводу «Леноры» Бюргера (говоря о первой переводной элегіи Греча, «Сельское кладбище», онъ не сравниваетъ ихъ—а это было бы гораздо интереснѣе). Но онъ сравниваетъ эту балладу не съ позднѣйшимъ переводомъ ея, близкимъ къ подлиннику, а съ неудачною передѣлкою на русскіе нравы въ балладѣ «Людмила», появившейся въ 1808 году. Къ чему же было приводить сравненіе, когда поэтъ самъ призналъ неудовлетворительность своей первой попытки? Болѣе вѣрно сдѣлано далѣе сравненіе «Кассандры» съ оригиналомъ и «Громобоя» съ романомъ Шписа. При разборѣ другого стихотворенія, авторъ рѣдко возвращается къ сравнительному методу, неиграющему основной роли въ оцѣнкѣ произведеній поэта. Но подробности жизни поэта, изложенныя параллельно съ разборомъ стихотвореній, возбуждаютъ интересъ. Таковы описаніе его деревенской жизни, любви къ Протасовой, жизни въ Дерптѣ, потомъ при дворѣ, отношенія къ «Арзамасу» и его членамъ, поѣздка заграницу, причемъ подробно разсмотрѣны его отношенія къ нѣмецкимъ романтикамъ и изложены философскія ученія Фихте, Шеллинга, послужившія источникомъ германскаго романтизма. Гуманный образъ Жуковскаго рельефнѣе выдѣляется въ печальную эпоху царствованія Николая I, когда поэту приходилось быть вѣчнымъ ходатаемъ за нарушеніе суровыхъ дисциплинарныхъ правилъ, которыми выравнивались въ одну шеренгу всѣ проявленія мысли и самосознанія. Интересны главы (XXXIV—XXXVI), посвященыя воспитанію и обученію великаго князя Александра Николаевича.

Вторая половина жизни Жуковскаго, его пребываніе заграницей и второй бракъ разсказаны съ меньшими подробностями. Его оптимизмъ, спиритуалистическій идеализмъ, его политическія воззрѣнія, свобода отъ всякаго доктринерства, независимость убѣжденій—оцѣнены довольно вѣрно. Общаго значенія поэзіи Жуковскаго, этой «мечты жизни», какъ онъ самъ называлъ ее, авторъ, однако, не представилъ. Онъ замѣчаетъ только вмѣстѣ съ Жуковскимъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ въ нашемъ обществѣ уже замѣтно «опасное отсутствіе поэзіи». Пушкинъ былъ послѣднимъ завершителемъ эпохи предшествующей «и испилъ до остатка ароматъ красоты ея». Фраза вычурная, и совершенно ложная. Одному человѣку не исчерпать ни красоты, ни аромата. Люди умираютъ, поэзія—вѣчна.

В. З.

О Богданѣ Хмельницкомъ. Сочиненіе П. Н. Буцинскаго. Харьковъ, 1882 г.

Имя г. Буцинскаго, сколько можемъ припомнить, впервые является въ исторической литературѣ; во всякомъ случаѣ, вышеозначенное «сочиненіе» его было счастливымъ дебютомъ молодого ученаго: на него обратили вниманіе — правда, не вездѣ благосклонное — во многихъ періодическихъ изданіяхъ, обратилъ на него вниманіе, очень лестное, по своей серьезности, и нашъ маститый историкъ, почтенный Н. И. Костомаровъ, посвятившій ему значительную критическую статью.

Въ «Недѣлѣ», въ «Голосѣ» и въ нѣкоторыхъ другихъ органахъ книжку г. Буцинскаго встрѣтили очень жестко и пренебрежительно, въ отношеніи какъ научныхъ, такъ и литературныхъ ея качествъ; но этотъ строгій судъ не можетъ быть названъ вполнѣ справедливымъ. Дѣйствительно, въ книжкѣ этой видна нетвердая рука еще малоопытнаго мастера какъ въ способѣ и манерѣ обработки историческаго матеріала, такъ и въ самомъ изложеніи, мѣстами весьма шероховатомъ и нерѣдко погрѣшающемъ противъ чистоты и правильности языка. Но, оставляя въ сторонѣ эти больше внѣшніе, извинительные въ начинающемъ писателѣ недостатки, нельзя отказать г. Буцинскому въ положительной даровитости и въ начитанности. Взгляды его отличаются свѣжестью, оригинальностью и мѣткостью; въ немъ ощутительно сказывается аналитическое чутье истиннаго историка, угадывающее правду въ запутанныхъ сказаніяхъ о прошломъ, и имъ, очевидно, движетъ тотъ молодой, страстный къ пытливости, трудолюбивый духъ изслѣдованія и критицизма, который особенно цѣненъ въ каждомъ серьезномъ ученомъ.

Всѣ эти задатки рельефно проглядываютъ въ книжкѣ г. Буцинскаго и въ самой ея задачѣ. Съ истинно-молодымъ задоромъ г. Буцинскій взялся, ни много, ни мало, какъ свалить съ пьедестала, воздвигнутаго народной признательностью и подкрѣпленнаго историками, знаменитаго малороссійскаго гетмана, «батька» Богдана Хмельницкаго! И нужно сказать, что это ему въ значительной доли удается, благодаря, впрочемъ, главнымъ образомъ предшествовавшимъ изслѣдованіямъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ г. Костомарова. Люди, знакомые съ этими изслѣдованіями, знаютъ, что ихъ талантливый авторъ всегда былъ далекъ отъ безусловнаго поклоненія передъ знаменитымъ

«объединителемъ» Малой Руси съ Великой, относится къ его личности весьма скептически, и что скептицизмъ этотъ въ каждомъ новомъ его изслѣдованіи по тому же предмету ростетъ и крѣпчаетъ. Спустя много лѣтъ послѣ своей образцовой книги: «Богданъ Хмельницкій», г. Костомаровъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ трудовъ сознался самъ, благодаря ознакомленію съ новыми архивными матеріалами, что онъ вынужденъ былъ коренным образомъ измѣнить свой взглядъ «на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи», и, конечно, не къ выгодѣ прославленнаго гетмана. Извѣстна также статья г. Костомарова о принятіи Хмельницкимъ турецкаго подданства, прямо изобличающая двуличность и коварство политики героя Желтыхъ Водъ вообще.

Словомъ, слава Хмельницкаго, какъ героя-патріота, имѣвшаго, будто-бы единую, завѣтную, всю жизнь его одушевлявшую миссію освобожденія родины отъ польскаго гнета для братскаго, исторіей предназначеннаго, слiянія ея съ Москвою, давно уже была изрядно помята и поколеблена. Оставалось, такъ сказать, подвести итогъ накопившимся сомнѣніямъ и, сгруппировавъ улики противъ Хмельницкаго въ стройный, логично аргументированный историческій обвинительный актъ, нанести ему послѣдній рѣшительный ударъ и снять съ него незаслуженный имъ ореолъ народнаго героя, освободителя родины.

Это, именно, и дѣлаетъ г. Буцинскій, по личнымъ національнымъ симпатіямъ, «щирый» малороссъ, а по политическимъ убѣжденіямъ «народникъ», демократическаго пошиба. Объ этомъ необходимо было упомянуть, чтобы предупредить, по отношенію къ г. Буцинскому, столь обычныя нынче, поспѣшныя и нецеремонныя заподозриванія почему-либо не нравящихся намъ писателей въ анти-національныхъ тенденціяхъ и партійныхъ пристрастіяхъ. Нѣтъ! Г. Буцинскаго никакъ нельзя упрекнуть ни въ «поляковаціи», въ чемъ, напр., пробовали иногда прозорливые патріоты-критики попрекать г. Костомарова, и тѣмъ менѣе въ какой-нибудь «лже-либеральной» наклонности къ отрицанію и умаленію славы родной страны, ея прошлаго и ея героевъ. Онъ стоитъ на строгой почвѣ историческихъ фактовъ и документовъ и безпощадно осуждаетъ Хмельницкаго съ точки зрѣнія, именно, народныхъ интересовъ и національныхъ задачъ единой Руси, безъ всякихъ къ тому-же украинофильскихъ, сепаративнаго свойства вожделѣній. Передъ нами, прямо сказать, серьезный изслѣдователь, которому прежде всего дорогà истина, посильно, въ потѣ лица, имъ отыскиваемая. Это-то и составляетъ достоинство труда г. Буцинскаго и придаетъ ему вѣскость.

Въ чемъ же, однако, состоитъ и въ какой степени убѣдителенъ обвинительный актъ противъ столь прославленнаго «батька», дождавшагося даже воздвигнутія ему «бронзовой хвалы», въ видѣ извѣстнаго эффектно-риторическаго монумента, сочиненнаго даровитымъ художникомъ, но весьма сомнительнымъ знатокомъ исторіи, г. Микѣшинымъ?

Г. Буцинскій обвиняетъ Хмѣльницкаго, во-первыхъ, въ томъ, что онъ былъ, въ сущности, полякъ въ душѣ, съ шляхетскими понятіями и симпатіями, и—такимъ всю жизнь оставался, рельефно выразившись, съ этой стороны, въ цѣломъ рядѣ поступковъ и дѣяній, противоположныхъ соціально-политическимъ стремленіямъ малороссійскаго народа (напр., учрежденіе и возвеличеніе малороссійской шляхты, закрѣпощеніе «хлоповъ», отчужденіе народнаго достоянія въ собственность свою и себѣ подобныхъ «пановъ» и пр.);

во-вторыхъ, что знамя восстанія противъ поляковъ онъ поднялъ вовсе не ради освобожденія народа и, тѣмъ менѣе — слiянія его съ московскимъ государствомъ, а чисто изъ личныхъ, своекорыстныхъ видовъ, сперва по чувству личной мести, потомъ—для своего обогащенія и удержанія въ своихъ рукахъ завоеванной народной кровью власти, съ которой онъ, однако, очень долго не зналъ что дѣлать, когда ее предстояло употребить на дѣло государственнаго творчества; въ третьихъ, наконецъ, что во все время своего гетманства онъ велъ въ высшей степени шаткую, лицемѣрную политику съ сосѣдними государствами попеременно съ легкимъ сердцемъ, то предаваясь имъ и предлагая подданство, навѣки нерушимое, то измѣняя имъ съ беззаботнымъ предательствомъ. Такъ поступалъ онъ съ Польшей, съ Портой и съ Москвою, неоднократно перебѣгая отъ одного къ другому изъ этихъ государствъ и, вслѣдъ затѣмъ, измѣняя каждому изъ нихъ порознь, а нерѣдко и всѣмъ вмѣстѣ, одновременно. Можно сказать, что Хмѣльницкій торговалъ подданствомъ и всегда торговалъ не чисто, потому что «товаръ» у него былъ постоянно фальшивый и съ изъянцемъ. Такимъ образомъ, уже въ послѣдніе дни свои, Хмельницкій, окончательно подчинившись царю Алексѣю Михайловичу и принявъ вѣрноподданническую присягу, тѣмъ не менѣе продолжалъ заигрывать и съ Турціей, и съ Польшей и даже съ Швеціей, маня ихъ соблазномъ предать въ ихъ руки Украину, и, на самомъ дѣлѣ, заключалъ съ ними въ такомъ смыслѣ договоры, причемъ, не разъ явно измѣнялъ московскому государству.

Сводя всѣ эти обвиненія, г. Буцинскій приходитъ къ рѣшительному заключенію, что Хмельницкій не былъ выразителемъ народныхъ стремленій и, слѣдовательно, не можетъ быть названъ народнымъ героемъ и стать наряду съ великими историческими дѣятелями, какими были, напр., Кромвель, Вашингтонъ, Гарибальди и др. Народъ дружно всталъ подъ выкинутое имъ знамя восстанія, свергнулъ польско-шляхетское иго, вручилъ своему гетману бразды правленія надъ собою и далъ ему всѣ средства, всю власть для выполненія исторической программы Малороссіи; но онъ ничего не сдѣлалъ, не возвысился до требованій этой программы и обманулъ народъ.

Уже въ тотъ моментъ, когда казаки одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ поляками, началъ «сказываться — говоритъ г. Буцинскій — коварный образъ дѣйствій Хмельницкаго и его дѣйствительное отношеніе къ народному дѣлу... Онъ поднялъ восстаніе изъ-за личныхъ интересовъ и обратился къ народу единственно для того, чтобы воспользоваться его силами для удовлетворенія своей мести. Теперь Хмельницкій личную месть удовлетворилъ: онъ наказалъ враговъ своихъ, награбилъ себѣ богатства и далѣе не хотѣлъ продолжать начатыхъ дѣйствій, потому что у него не было программы. Если бы Богданъ былъ истинный вождь народа, выразитель его стремленій, если бы онъ боролся за освобожденіе своихъ соотечественниковъ отъ польскаго ига, то ему нечего было-бы раздумывать и оставаться въ бездѣйствіи: программа дѣйствій должна была быть у него готова. Ему стоило только слушаться общаго голоса народа, который требовалъ идти въ Польшу и кончить ляховъ, чтобы обезпечить Украинѣ независимость и свободу. Между тѣмъ Хмельницкій уже начинаетъ подумывать о примиреніи съ поляками, старается предъ ними оправдать свой вооруженный бунтъ, выставить себя невинною жертвою враговъ, старается щадить нѣкоторыхъ пановъ, словомъ, болѣе заботиться о собственной судьбѣ, чѣмъ о народѣ».

Вообще, у Хмельницкаго постоянно лежало сердце къ Польшѣ, у него

не было идеала внѣ польско-шляхетскихъ порядковъ и, если онъ чего добивался, такъ только того, чтобы самому и своимъ единомышленникамъ изъ среды казацкой шляхетной старшины стать въ Украинѣ въ положеніе такой же полновластной, независимой магнатеріи, какую представляли собою польскіе паны.

Самъ народъ постигъ фальшь и коварство Хмельницкаго, предавъ проклятію его продажную политику.

«Хмельницкій тай,—говоритъ народное преданіе,—бувъ такий, що з туркомъ знавсь. Поіде було до турка, да й продасть одинъ, другий городъ, або село. То турки вше ти села разоряли і ящрь брали. Есть і пісня з таго часу:

«О бодай Хмеля Хмельницькаго
Перва пуля не минула,
Що веливъ брати порубки і дівки,
И моладиі молодиці.
Парубки йдуть співаючи,
А дівчата ридаючи,
А молодиі молодиці
Стараго Хмеля проклинаючи:
О бодай Хмеля Хмельницькаго
Перва пуля не минула,
А другая устрелила
У серденько уцелила».

Таковъ, по существу, обвинительный актъ противъ «стараго Хмеля», составленный и аргументированный г. Буцинскимъ! Нужно отдать справедливость, что авторъ много потрудился для подбора соотвѣтствующихъ его задачѣ фактовъ и документовъ, причемъ, въ его матеріалахъ много новаго, впервые являющагося въ печати, чѣмъ еще не пользовались другіе историки. Г. Буцинскій пользовался, между прочимъ, драгоцѣнными архивными данными «Польской коронной метрики», документами по сношеніямъ Польши съ Турціей и Крымомъ и проч.

Безпристрастная критика требуетъ, однако, принять во вниманіе и смягчающія вину подсудимаго обстоятельства. Совершенно вѣрно, положимъ, что Хмельницкій не имѣлъ опредѣленной національно-политической освободительной программы; но обвинитель его и самъ, кажется, имѣетъ смутное понятіе о томъ, въ чемъ же эта программа должна была состоять? Нужно помнить, что украинскому народу было тяжело отъ польскихъ пановъ, но онъ вовсе не возставалъ противъ польскаго короля: бунтъ его былъ бунтомъ противъ панской, но не противъ королевской власти и не во имя государственнаго сепаратизма съ польскимъ королевствомъ. Дѣло въ томъ, что Малороссія никогда не была независимымъ государствомъ, т. е., вовсе не была государствомъ и быть имъ не могла, въ силу историческихъ и территоріальныхъ условій. Поэтому, упрекать Хмельницкаго за то, что онъ не создалъ изъ своей родины такого государства, нѣтъ основаній. Г. Буцинскій, напр., утверждаетъ, что, будто-бы, Хмельницкій «сдѣлалъ Украину яблокомъ раздора и театромъ войны между сосѣдними державами»... Да, вѣдь, въ этомъ вся исторія Малороссіи! И до, и послѣ Богдана она постоянно служила яблокомъ раздора и должна была нести эту страдательную роль до тѣхъ поръ, пока одна изъ оспаривавшихъ ее сторонъ не взяла окончательный верхъ надъ другими и, вслѣдствіе того, не завладѣла и самимъ яблокомъ. Стороной этой оказалась Россія, но въ дни Хмельницкаго споръ далеко не былъ еще

рѣшенъ и нельзя было еще рѣшить, кто изъ борющихся сосѣдей Украины выйдетъ окончательнымъ побѣдителемъ. Въ этомъ, намъ кажется, лежитъ частію объясненіе и той шаткой, переметной политики, которой держался и Хмельницкій, и Мазепа, и другіе вожди казачества.

Мих. Н—евичъ.

„Женщина-врачъ въ Россіи". Проф. П. Сущинскаго. Спб. 1883.

Брошюра профессора Сущинскаго представляетъ, на основаніи оффиціальныхъ цифръ, оффиціальныхъ бумагъ и отчетовъ, очеркъ десятилѣтняго существованія въ Россіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, отъ 1872 года по 1882 годъ. Извѣстно, что въ 1872 году былъ учрежденъ въ видѣ опыта «четырехъ годичный» курсъ для образованія ученыхъ акушерокъ; но профессора преподавали слушательницамъ курсъ наукъ въ томъ объемѣ, въ какомъ они преподаютъ его медикамъ-врачамъ. Когда возгорѣлась война между Россіей и Турціей, слушательницы бросились на театръ военныхъ дѣйствій и показали себя на врачебномъ поприщѣ съ самой лучшей стороны. Отзывы оффиціальныхъ лицъ медицинскаго совѣта, преподавателей курсовъ, разныхъ корреспондентовъ, цѣлая книга д-ра Ильинскаго: «Русская женщина въ турецкую войну въ качествѣ врача, сестры милосердія и фельдшерицы» и т. д., наконецъ личное удостовѣреніе покойнаго государя, какъ была полезна дѣятельность женщинъ-врачей, привело къ тому, что къ четырехъ-годичному курсу былъ прибавленъ 5-й курсъ, и женщины-врачи сравнялись съ медиками при Академіи. Съ тѣхъ поръ печать, земство, общественное мнѣніе и ученые авторитеты не переставали свидѣтельствовать, что женщины-врачи находятся на лучшемъ поприщѣ для женщины — и сожалѣли лишь объ отсутствіи опредѣленныхъ закономъ правъ и обязанностей для окачивающихъ курсъ. Это ставило слушательницъ, еще во время прохожденія курса, въ полную неизвѣстность относительно будущаго и въ совершенно неопредѣленное положеніе по окончаніи курса. Только-что вышедшимъ съ ученической скамьи слушательницамъ приходилось, на первыхъ же шагахъ своей практической дѣятельности, сталкиваться съ различными воззрѣніями на права ихъ медицинской практики, что̀ и вызывало иногда разныя пререканія и тормазило возможность самаго проявленія дѣятельности женщинъ-врачей.

Изъ числа 221 окончившихъ курсъ женщинъ-врачей имѣются свѣдѣнія о 185.

Изъ нихъ находятся на службѣ въ земствѣ.	62
Состоятъ при клиникахъ и больницахъ	54
Занимаются частной практикой	46
При Женскихъ Врачебныхъ курсахъ состоятъ въ качествѣ ординаторовъ и ассистентокъ.	12
Не занимаются практикой	7
Умерли.	4
	185

Одна уже цифра 12 оставленныхъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, въ качествѣ ассистентокъ и ординаторовъ, образовавшаяся только изъ выпусковъ 5-ти лѣтъ, представляется весьма солидной. Эта солидность уве-

личивается еще тѣмъ, что онѣ не только исполняли свои непосредственныя обязанности, но продолжали заниматься наукой и напечатали цѣлый рядъ научныхъ трудовъ.

Денежныя средства курсовъ слагались:

1) Изъ % съ капитала, пожертвованнаго при самомъ ихъ учрежденіи дочерью полковника Лидіею Родственной (нынѣ женою генерала, Шанявской) въ размѣрѣ 50.000 руб.; 2) въ 1876 году при переходѣ курсовъ въ Николаевскій госпиталь отпущено было единовременно военнымъ министерствомъ 1.200 руб.; 3) въ 1877 году военный совѣтъ разрѣшилъ имъ ежегодную субсидію въ 8.200 руб. Впослѣдствіи къ этому прибавлено еще на жалованье почетной инспектриссѣ 2.500 руб.; 4) въ 1878 и 1879 гг. единовременно ассигновано было изъ запаснаго капитала военнаго министерства 3.600 и 5.500 руб.; 5) главный-же доходъ курсовъ, съ самаго основанія ихъ и до настоящаго времени, составлялъ ежегодный взносъ слушательницъ за слушаніе лекцій, до 1881 — 82 учебнаго года по 50 руб., а съ этого года по 70 руб. ежегодно и 10 руб. единовременно, на вознагражденіе приглашаемыхъ на повѣрочное испытаніе преподавателей. Никакихъ освобожденій отъ платы на курсахъ не допускалось. Значительную поддержку слушательницамъ курсовъ, кромѣ земствъ, имѣющихъ въ настоящее время 35 стипендіатокъ, оказывало еще «Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ», выдававшее ежегодныхъ пособій, въ видѣ взноса за слушаніе лекцій, безсрочныхъ и срочныхъ ссудъ отъ 3.500 до 5.000 рублей. Всего, по отчетамъ этого общества, выдано въ періодъ времени съ 1875 по 1880 годы — 28.387 руб. Эти разнообразные источники дохода доказываютъ филантропическое происхожденіе курсовъ, которое до сихъ поръ остается таковымъ: сложившись почти въ самостоятельное учрежденіе, курсы до сихъ поръ не взяты ни какимъ вѣдомствомъ подъ свое попеченіе, а поддерживаются безъ всякой регламентаціи, безъ опредѣленнаго устава.

Въ 1882 году 2 ноября курсы праздновали свой десятилѣтній юбилей, и священникъ при Николаевскомъ госпиталѣ, гдѣ находятся курсы, произнесъ прекрасную рѣчь, закончивъ ее словами: «Много есть у васъ враговъ, русская женщина, но лучшая часть общества, гласъ народа, за васъ!.. Многая лѣта вамъ, русская женщина!!» Вплоть до послѣдняго времени «лучшая часть общества» вѣрила, что курсы дѣйствительно будутъ прочно и долго существовать. Однако въ текущемъ году начальникъ курсовъ, докторъ Величковскій, получилъ оффиціальную бумагу, въ которой заявлено объ упраздненіи женскихъ врачебныхъ курсовъ и учрежденіи на ихъ мѣсто института ученыхъ акушерокъ съ соотвѣтственно измѣненной программой и съ ограниченіемъ правъ на практику. Такимъ образомъ, профессоръ Сущинскій горько ошибся, говоря въ концѣ своей брошюры: «Будемъ же надѣяться, что Женскіе Врачебные курсы, доказавшіе за десять лѣтъ существованія свою жизнеспособность и пользу обществу, «не отцвѣтутъ не успѣвши расцвѣсть».

А. И. Ф—въ.

Памятная книжка Западной Сибири. Омскъ. 1882 г.

Хотя эта книжка появилась въ Омскѣ еще къ сибирскому юбилею, но содержаніе ея имѣетъ не одно только юбилейное значеніе, а представляетъ также историческій мѣстный интересъ. Обзоръ трактатовъ Россіи съ Китаемъ, начиная съ Нерчинскаго (1689 г.) и кончая Петербургскимъ (1881 г.), помѣщенный въ началѣ книги, наглядно показываетъ, вопреки господствовавшему одно время мнѣнію, какъ оживленны и порою щекотливы были наши отношенія съ Дайцинскимъ государствомъ, какъ ревниво слѣдили за успѣхами Россіи въ южной Сибири и средней Азіи иные китайскіе государственные люди въ ту пору, когда Китай не страдалъ отъ внутреннихъ неурядицъ и междоусобій. Первоначально, мы въ изобиліи находимъ препирательства русскихъ пословъ съ китайскими сановниками изъ-за формъ и обрядовъ поклоненія богдыханамъ и т. п. Споры эти, по отношенію къ китайцамъ, должны были имѣть тѣмъ большее значеніе, что, по китайкимъ понятіямъ, поклоненіе пословъ означало подчиненіе чужеземныхъ варваровъ «сыну неба«». Но чрезъ эти обрядности просвѣчивало порою здравое пониманіе взаимныхъ интересовъ, не только со стороны Россіи, въ которой не переставали желать установленія правильной торговли съ китайцами, но и со стороны нѣкоторыхъ болѣе способнымъ китайскихъ богдыхановъ. Такъ, богдыханъ Канси, приказалъ передать Петру I, что «желаетъ сохранить съ нимъ миръ, что война между Россіей и Китаемъ сопровождалась бы только напрасною гибелью людей и что самыя завоеванія не принесли бы пользы, такъ какъ оба государства и безъ того уже имѣютъ множество земель».

Одинъ изъ самыхъ выдающихся пословъ Россіи у китайскаго двора, графъ Рагузинскій, въ своемъ отчетѣ московскому правительству, также выражалъ мнѣніе, что «единственную выгоду въ сношеніяхъ съ Китаемъ, можетъ представлять торговля, а война съ нимъ пользы не принесетъ».

Изъ сибирскихъ губернаторовъ, далеко не всѣ умѣли ладить съ китайцами и устранять пограничныя столкновенія. Замѣчательно, что наиболѣе успѣха въ этомъ отношеніи имѣлъ князь Матвѣй Гагаринъ, подвергнутый послѣ отъѣзда въ Петербургъ тюремному заключенію за лихоимство и казненный въ 1721 году. Пекинское правительство даже ходатайствовало о помилованіи Гагарина, говоря, что онъ «черезъ многіе минувшіе годы никакого озлобленія около рубежей ихъ не дѣлалъ и писемъ не задерживалъ». На непріязненные повороты къ Россіи богдыханскаго двора могли имѣть вліяніе и іезуиты, имѣвшіе туда доступъ около того же времени.

Особое напряженіе отношенія Россіи къ Китаю получаютъ два раза въ теченіе всей исторіи отношеній обоихъ государствъ—именно въ эпоху сравнительной силы китайской имперіи, тогда какъ въ періоды ея упадка, мирное положеніе было обезпечено даже во время присоединенія къ намъ Амура. Мы говоримъ объ эпохѣ борьбы за обладаніе Албазиномъ и другой, современной намъ распри изъ-за кульджинскаго вопроса. Значеніе тѣхъ и другихъ усложненій подтверждаетъ собою приведенное мнѣніе Рагузинскаго. Первое столкновеніе съ китайцами для насъ было непріятно, мы потеряли Албазинъ и лишь черезъ полтораста лѣтъ, въ эпоху внутреннихъ междоусобій Китая, пріобрѣли Амуръ. Что касается недавнихъ кульджинскихъ несогласій, то серьезной войной они угрожать не могли, такъ какъ Китай понимаетъ, что, въ военномъ отношеніи, положеніе Россіи уже не прежнее, но

даже въ случаѣ побѣды съ нашей стороны потребовались бы усилія и жертвы, несоотвѣтственныя съ ея возможными результатами. Авторъ разсматриваемой статьи, г. Балкашинъ, того мнѣнія, что нынѣшній, сравнительно-окрѣпшій Китай, не смотря на недавнія усложненія по кульджинскому вопросу, не будетъ затрачивать своихъ силъ на борьбу съ Россіей, такъ какъ торговая ея дѣятельность, по своимъ размѣрамъ, вовсе не угрожаетъ китайскимъ интересамъ. Возможность усиленія мирныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ авторъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, если китайское правительство будетъ выдворять избытокъ своего населенія за предѣлами великой стѣны, въ западномъ Китаѣ, чтобъ русскіе подданные могли вести торговлю съ ними около самыхъ границъ безъ непремѣнной необходимости имѣть дѣло со степными кочевниками. Для сухопутной торговли открылся уже просторъ, благодаря какъ послѣднему, петербургскому трактату, такъ и русскимъ пріобрѣтеніямъ въ средней Азіи. Отъ установленія спокойствія и отъ усиленія торговли въ этихъ пограничныхъ владѣніяхъ зависитъ и прочность сношеній съ западнокитайскими торговыми рынками. По мѣрѣ упроченія торговыхъ связей съ Китаемъ, проведенія къ его границамъ желѣзныхъ дорогъ и усиленія русской колонизаціи въ тѣ отдаленные края, вѣроятность непріязненныхъ столкновеній съ Китаемъ сократится до наименьшей степени.

Изъ прочихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ «Памятной книжкѣ», наиболѣе интереса представляютъ данныя объ освобожденіи горнозаводскихъ крестьянъ Алтайскаго горнаго округа. Размежеваніе земель Алтайскаго округа идетъ до того медленно, что поземельныя права приписныхъ къ заводамъ крестьянъ остаются все еще неопредѣленными, и крестьяне все еще въ положеніи временнообязанныхъ. Число подобныхъ крестьянъ можетъ даже неожиданно увеличиваться; такъ, изъ статей г. Ядринцева мы узнаемъ любопытную подробность, что иные русскіе самовольные переселенцы изъ крестьянъ, засѣвъ безъ всякаго вѣдома на заводскихъ земляхъ, гдѣ и свои крестьяне еще окончательно не устроены, тѣмъ самымъ иногда попадаютъ въ число временнообязанныхъ заводу и въ будущемъ должны нести всѣ повинности послѣднихъ. Но это только одна, дробная сторона изъ неутѣшительныхъ явленій современнаго сибирскаго быта. Другихъ, болѣе крупныхъ сторонъ «Памятная книжка», по понятнымъ причинамъ, не касается.

Н. С. К.

Маркъ Туллій Цицеронъ. Віографическій очеркъ. Составилъ Сергѣй Манштейнъ. Новочеркаскъ. 1883 г.

Педагогическіе книгодѣлатели, удивительно умѣютъ извратить всякую хорошую мысль. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Нѣкто г. Сергѣй Манштейнъ, очевидно, слѣдуя поговоркѣ «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней»,вздумалъ восполнить «недостатокъ въ хорошихъ русскихъ комментаріяхъ къ сочиненіямъ древнихъ авторовъ» и началъ это восполненіе съ Цицерона. Мысль, конечно, счастливая, хотя и не новая. Но какъ она приведена въ исполненіе? Авторъ сѣтуетъ на то, что «образованная часть нашего общества» весьма поверхностно знакома «даже съ лучшими представителями древности». О Цицеронѣ, напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ, знаютъ только, что это «былъ великій ораторъ». И вотъ, чтобы разсѣять

невѣжество публики, г. Манштейнъ «въ бытность свою еще студентомъ» составилъ сухой, отрывочный конспектъ біографическихъ свѣдѣній о Цицеронѣ и теперь издалъ въ свѣтъ этотъ конспектъ.

На пространствѣ 21 странички in 32, Маркъ Туллій Цицеронъ и подготовляется къ дѣятельности, и служитъ обществу и государству, и успѣваетъ удалиться отъ государственныхъ дѣлъ, посвятивъ себя «исключительно (?) литературной дѣятельности». Тутъ же опредѣлено значеніе Цицерона для римской литературы, какъ оратора, ритора и философа. А въ итогѣ невѣжество публики остается неисправимымъ, ибо г. Манштейнъ самъ очень смутно опредѣляетъ значеніе Цицерона. «Кому — говоритъ онъ (сохраняемъ изложеніе автора въ его неприкосновенности) — было предназначено воспринять въ свой здоровый организмъ духъ Греціи, начинавшей въ то время разлагаться и вырождаться и потому уже неспособной быть представительницей всесторонней человѣческой культуры; это-то предназначеніе (?) и осуществляетъ Цицеронъ!» (стр. 13). По нашему, лучше ужъ знать только, что «Цицеронъ былъ великимъ ораторомъ» (это, по крайней мѣрѣ, правда), нежели запастись такимъ мудрымъ выводомъ, едва ли понятнымъ и самому автору его. Словомъ, книжка г. Манштейна, предназначаемая, какъ гласитъ обертка, служить «пособіемъ при изученіи римской литературы и введеніемъ въ чтеніе сочиненій Цицерона для студентовъ филологовъ и гимназистовъ», просто никуда негодная печатная макулатура.

Ѳ. В.

Очерки новѣйшей исторіи (1815—1883) съ 456-ю портретами. Составилъ И. И. Григоровичъ; четвертое изданіе, Спб. 1883.

Разсказать на трехстахъ страницахъ исторію послѣднихъ семидесяти лѣтъ невозможно иначе, какъ въ самомъ сжатомъ видѣ, въ формѣ сухаго перечня событій или учебника. Книга г. Григоровича представляетъ дѣйствительно не болѣе какъ учебникъ, хотя мѣстами у автора замѣтно стремленіе освѣтить событія ихъ критическою оцѣнкою съ прогрессивнымъ направленіемъ. Но стремленіе это рѣдко достигаетъ своего полнаго осуществленія и оцѣнка историческихъ дѣятелей не идетъ далѣе общихъ фразъ шаблоннаго и уклончиваго характера. Строгое подчиненіе автора требованіямъ подцензурнаго учебника доказывается даже опечатками, весьма любопытнаго свойства. Такъ, говоря объ испанской революціи 1820 года, г. Григоровичъ говоритъ: «Россія высказалась противъ солдатской революціи», что совершенно вѣрно, потому что въ Испаніи почти всѣ революціи происходятъ вслѣдствіе «пронунсіаменто», то есть возстанія войска и генераловъ. Между тѣмъ, въ опечаткахъ помѣщена относящаяся къ этому мѣсту поправка: напечатано «солдатской», слѣдуетъ «народной» и далѣе, черезъ страницу, фраза: «испанцы съ дерзостью отвергли посредничество Франціи и дерзко отвѣтили на ноты другихъ державъ» смягчена такъ: «испанцы рѣшительно отвергли и рѣзко отвѣтили». Далѣе, упоминая о вліяніи коалиціонныхъ войнъ на Россію, авторъ прибавляетъ, что вернувшіяся изъ-заграницы войска наши «принесли въ Россію идеи незнакомыя ей, но тутъ онѣ получили болѣе правильное примѣненіе». Этотъ эпитетъ въ опечаткѣ замѣненъ другимъ, неимѣющимъ смысла: «болѣе слабое примѣненіе». Подобныя «опечатки» доказываютъ только, что

издатель книги г. Григоровича, напечатанной съ цензурнаго дозволенія, хотя по объему она, на основаніи закона еще не отмѣненнаго, могла явиться въ свѣтъ и безъ цензуры, напрасно старался придать этому учебнику серьезное научное значеніе и даже дополнилъ это новое изданіе цѣлымъ періодомъ, отъ крымской войны до конца царствованія Александра II. Правда, дополненіе это написано не г. Григоровичемъ, «не рѣшившимся взять на себя, по многосложности своихъ занятій въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, составленіе необходимаго дополненія», но книга отъ этого нисколько не выиграла, и г. Слонимскій, написавшій три послѣднія главы, представилъ на семидесяти страницахъ очень слабый очеркъ истекшаго двадцатипятилѣтія, богатаго такими крупными событіями въ политической жизни цивилизованнаго міра. До чего неполонъ этотъ очеркъ, видно уже изъ того, что въ немъ не говорится ни слова даже о такомъ событіи, какъ война за уничтоженіе невольничества въ Сѣверной Америкѣ. Вообще нельзя не замѣтить, что дополнительныя къ учебнику главы составлены очевидно на скорую руку. Къ книгѣ приложено 45 портретовъ, большею частью очень плохихъ и отпечатанныхъ съ очень старыхъ клише, потому что почти всѣ историческіе дѣятели изображены совершенно молодыми людьми.

В. З.

А. Ѳ. Бычковъ. Описаніе церковнославянскихъ рукописей императорской публичной библіотеки. Часть первая. Описаніе сборниковъ. I. Спб. 1882.

Пособія для изученія исторіи древнерусской письменности и литературы почти безпрерывно увеличиваются. Первое мѣсто между ними занимаютъ описанія рукописей. Не такъ давно вышло описаніе виленскихъ рукописей г. Добрянскаго, за нимъ—рукописей Соловецкой библіотеки, составленное профессорами Казанской духовной академіи, что вмѣстѣ съ описаніями Востокова, Горскаго и Невоструева, епископа Саввы, Попова, Строева, Ундольскаго, Викторова, Петрова, Барсукова и другихъ нашихъ ученыхъ, представляетъ серьезное научное богатство. Новое описаніе займетъ безъ сомнѣнія видное мѣсто среди всѣхъ этихъ изданій. Въ немъ описанъ 91 сборникъ древнехранилища Погодина, пріобрѣтеннаго публичной библіотекой въ 1852 году. Каждая рукопись описана строго научнымъ образомъ; приведены отрывки, а нѣкоторые небольшіе памятники напечатаны цѣликомъ; указано, было ли и гдѣ именно напечатано извѣстное сочиненіе и нѣтъ ли варіантовъ въ описываемомъ спискѣ; въ концѣ приложенъ подробный указатель. Изъ неизвѣстныхъ доселѣ памятниковъ любопытны посланія попа Терентія Лжедмитрію (стр. 462), посланіе 1484 года о хожденіи по-солонь (стр. 507), пѣсня о взятіи Смоленска (227) и пр. Да послужитъ этотъ огромный трудъ одного человѣка вызовомъ ученой корпораціи нашей духовной академіи, доселѣ не дающей намъ описанія рукописныхъ сокровищъ Кирилловской и Новгородско-софійской библіотекъ.

И. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Вышедшій третій томъ новаго изданія «Древней исторіи Востока» Франсуа Ленормана дополняетъ часть этого труда, излагающую исторію Египта, воспроизводя черты цивилизаціи и нравовъ и описывая памятники страны пирамидъ. Новое изданіе труда Ленормана (Histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres médiques, par François Lenormant.—9-e édition. T. III. Civilisation, moeurs et monuments de l'Égypte, contenant 241 gravures, 4 cartes, 2 planches en chromolithographie et 3 planches en noir tirées hors texte. — In 8°. A. Lévy. Paris. 1883) не представляетъ собою простой перепечатки прежнихъ изданій, такъ какъ авторъ сдѣлалъ значительныя измѣненія въ самомъ планѣ своего сочиненія, отведя широкое мѣсто до-исторической археологіи и перемѣстивъ исторію еврейскаго народа на конецъ своего труда. Нечего говорить, что Ленорманъ воспользовался для новаго изданія своего сочиненія всѣми сдѣланными за послѣднее время крупными работами въ области египтологіи.

Богатая литература исторіи крестьянскихъ войнъ въ Германіи пополнилась новымъ трудомъ Вильгельма Фохта о баварской политикѣ во время крестьянскихъ войнъ (Wilhelm Vogt. Die bairische Politik im Bauernkrieg und der Kanzler Dr. Leonard von Eck, das Haupt des Schwäbischen Bundes, Nördlingen, Beck, 1883. XVI и 489. 7 Mrk.). Работа В. Фохта основана на неизданныхъ матерьялахъ изъ богатыхъ архивовъ Мюнхена и Аугсбурга.

Такъ какъ первое изданіе двухъ-томнаго труда профессора Гардинера (I R. Gardiner) «Паденіе монархіи Карла I» (The Fall of the Monarchy of Charles I), уже вышло изъ продажи, то фирма Лонгманъ предпринимаетъ перепечатку цѣлой серіи историческихъ монографій того же автора, что со-

ставить непрерывную Исторію Англіи отъ вступленія на престолъ Іакова I до начала междоусобной войны. Все изданіе будетъ состоять изъ десяти томовъ (по 6 шил. за томъ) и начнетъ выходить съ 1-го іюля ежемѣсячно.

Изданіе Журналовъ-мемуаровъ Эстуаля (de l'Estoile), предпринятое Брюнэ, Лакруа и другими учеными (Librairie des bibliophiles), достигло уже одиннадцатаго тома. Этимъ томомъ заканчивается текстъ мемуаровъ, сообщающихъ множество интересныхъ подробностей о смутныхъ временахъ Лиги. Эстуаль, не довольствуясь тѣмъ, чтобы отмѣчать всѣ извѣстные ему факты, собиралъ всевозможныя политическія и сатирическія брошюры, изданныя въ его время или ходившія въ рукописяхъ. Часто, въ концѣ мѣсяца своей хроники, онъ помѣщаетъ списокъ подобныхъ изданій и даже краткую оцѣнку ихъ, помимо того, что многое изъ нихъ Эстуаль прямо вноситъ въ текстъ своей хроники.

Въ Парижѣ, у Шарпантье, вышелъ второй томъ большаго историческаго труда бернскаго профессора Мишо (Michaud) о Людовикѣ XIV и папѣ Иннокентіи XI.

Герцогъ Омальскій приступилъ къ печатанію двухъ слѣдующихъ томовъ своей Исторіи принцевъ Конде, обнимающихъ періодъ времени, когда это семейство достигло высшей точки своего могущества въ семнадцатомъ вѣкѣ. Надо замѣтить, что первые два тома труда герцога Омальскаго были заарестованы императорской полиціей, и только болѣе либеральное министерство 1869 года разрѣшило выпустить ихъ въ свѣтъ.

Образовавшееся, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ Парижѣ новое общество подъ именемъ «Историческое общество и клубъ Сенъ-Симона» (Société historique et Cercle Saint-Simon) стало издавать, съ прошлаго февраля, свои «Бюллетени», въ составъ которыхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ общества, входятъ и тѣ публичныя чтенія, которыя устраиваются его членами каждыя двѣ недѣли. Въ первомъ номерѣ помѣщено чтеніе Альберта Сореля «О вліяніи Франціи на Европу въ эпоху революціи»; въ слѣдующихъ выпускахъ печатаются чтенія Кордье, Гастона Париса, Мишеля Бреаля, Эрн. Ренана и Ипп. Тена. Въ нѣсколько мѣсяцевъ число членовъ «Общества» возрасло уже до пятисотъ; названіе «Историческаго» не исключаетъ участія спеціалистовъ другихъ отраслей науки—такъ, напр., въ числѣ членовъ много оріенталистовъ. Французскіе историки, принадлежащіе по своимъ воззрѣніямъ къ «правой», сторонятся отъ новаго центра ученой интеллигенціи, тяготѣя болѣе къ «Библіографическому обществу», издающему отличающійся по своему узко-католическому направленію журналъ «Polybiblion».

Извѣстный французскій политическій писатель Эдуардъ Буанвиллье (Boinvillier) издалъ недавно у Caleman-Lévy Историческій обзоръ собраній представителей французскаго народа (A quoi servent les parlements). Авторъ въ послѣдовательномъ порядкѣ описываетъ палату представителей 1815, 1830, 1848 г. и законодательнаго корпуса 1870 г. Останавливаясь на характеристикѣ собраній, преданныхъ тому правительству, при ко-

торомъ они были избраны, авторъ замѣчаетъ, что всѣ такія собранія, при всемъ желаніи поддержать свое правительство въ борьбѣ съ его противниками, оказывались неспособными защитить даже самихъ себя.

Вышедшій шестой томъ «Популярной исторіи Франціи» Анри Мартена (Histoire populaire de France, par Henri Martin. Paris, 1883. Turne, Jouvet et C°) излагаетъ исторію Франціи съ первыхъ годовъ іюльской монархіи и до мексиканской войны. Оффиціальный исторіографъ современной Франціи, въ своемъ популярномъ трудѣ, видимо старается избѣжать партіозныхъ взглядовъ и, передавая факты, по большей части уклоняется отъ обобщеній. Книга иллюстрирована интересными гравюрами и портретами выдающихся представителей изображенной историкомъ эпохи. Седьмой томъ «Исторіи» Анри Мартена также находится уже въ печати и въ скоромъ времени появится въ свѣтъ.

Фирма Caleman-Lévy выпустила въ свѣтъ девятнадцатый томъ Рѣчей Тьера, изданный подъ редакціей его друга Кальмона. Новый томъ доходитъ до 1872 года и содержитъ въ себѣ рѣчи Тьера по вопросамъ финансовымъ и о военной реформѣ.

Эженъ Гальфенъ издалъ шестьдесятъ восемь неизданныхъ писемъ короля Генриха IV-го къ его канцлеру Бельевру (Lettres inédites de Henri IV au chancellier de Bellièvre, publiées par Eugène Halphen.—1 vol. Paris, 1884, Librairie des bibliophiles). Большая часть этихъ писемъ представляютъ изъ себя коротенькія записки короля къ канцлеру и обнимаютъ 7-мимѣсячный періодъ времени втеченіи 1604 года. Тѣмъ не менѣе онѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя подробности относительно такихъ крупныхъ фактовъ всеобщей исторіи, какъ Нантскій эдиктъ. Интересны также нѣкоторыя свѣдѣнія объ изданномъ Генрихомъ IV-мъ законѣ противъ дуэлей. Извѣстно. что Генрихъ IV-й первоначально хотѣлъ наказывать дуэлистовъ смертной казнью, и только по совѣту Сюлли измѣнилъ такое жестокое наказаніе на конфискацію имущества. Надо замѣтить еще, что большая часть писемъ Генриха IV остается пока въ архивахъ.

Лучшій изъ французскихъ историческихъ журналовъ «Revue historique», съ января по мартъ мѣсяцъ, заключаетъ въ себѣ многія интересныя статьи. Такъ, напримѣръ, Fournier въ статьѣ «Отпущеніе на волю рабовъ съ V-го до VIII-го вѣка» (Les affranchissements du V au VIII siecle) выступаетъ противъ того общепринятаго мнѣнія, что средневѣковая церковь способствовала освобожденію рабовъ, и, опираясь на многочисленные факты, показываетъ, что только въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковь стремилась облегчить ихъ положеніе.

Авенель въ статьѣ Дворянскія богатства при Ришелье (La fortune de la noblesse sous Richelieu), исходя изъ того общеизвѣстнаго факта, что французское дворянство наканунѣ революціи было совершенно разорено, доказываетъ, что разореніе это началось задолго до революціи и что въ XVII-мъ вѣтѣ королевское казначейство уже должно было поддерживать самыя знатныя фамиліи.

Декрю (Decrue) въ статьѣ Политическія идеи Мирабо (Idées politiques de Mirabeau) возвращается къ не разъ затронутому вопросу по обвиненію великаго оратора въ плагіатѣ и въ томъ, что онъ произносилъ рѣчи, писанныя Рейбовомъ, Дюмономъ и другими его сотрудниками.

Во Франціи предпринимается въ высшей степени оригинальное ежемѣсячное изданіе, подъ редакціей барона де-Туртулона «Обозрѣніе романскаго міра» (Revue du monde latin). Въ программу журнала входитъ изученіе настоящихъ и прошедшихъ судебъ романскихъ странъ и народовъ. «Revue du monde latin» предположено выпускать въ пяти изданіяхъ (французское, испанское, итальянское, португальское и румынское). Эти изданія различаются только по языку, на которомъ написано стоящее въ началѣ каждаго номера политическое обозрѣніе. Весь остальной текстъ печатается на французскомъ языкѣ и на другихъ романскихъ языкахъ, но съ французскимъ переводомъ подъ чертой (en regard). Нельзя не замѣтить, что подобное изданіе будетъ примѣромъ достойнымъ подражанія для энергичныхъ представителей панславизма.

Недавно бельгійская королевская академія издала два очень интересные мемуара, профессора Кунцигера (Kunziger) и Франкота (Francotte), касающіеся одного и того же любопытнаго эпизода изъ исторіи энциклопедизма и журнализма во Франціи и Бельгіи. Вышесказанные мемуары заключаютъ въ себѣ исторію Пьера Руссо, который послѣ долгихъ поисковъ карьеры на поприщѣ адвокатуры, театра и литературы, оставилъ Парижъ и переселился въ Лютихъ, гдѣ съ 1756 года сталъ издавать въ духѣ французскихъ энциклопедистовъ литературный и энциклопедическій журналъ Journal enciclopédique. Вольтеръ, Жанъ-Жакъ-Руссо, д'Аламберъ и другіе энциклопедисты принимали участіе въ журналѣ Пьера Руссо, а подписка стекалась изъ Австріи, Германіи, Италіи и Франціи; но уже въ 1759 году, по проискамъ іезуитовъ и другихъ враговъ энциклопедіи, журналъ былъ арестованъ и прекращенъ. Энергичный издатель продолжалъ свое дѣло сначала въ Брюсселѣ, а затѣмъ въ небольшомъ городкѣ Бульонъ, и журналъ его подъ заглавіемъ Encyclopédie de Bouillon дожилъ до 1793 года. Предпріятіе обогатило Пьера Руссо, и основанная имъ издательская фирма Societé typographique существуетъ и до сихъ поръ. Пьеръ Руссо не имѣлъ дѣтей, а завѣщалъ свое состояніе брату своей жены Вейссенбрюку, который сдѣлался родоначальникомъ издательской фирмы. Не далѣе какъ въ 1880 году внучатный племянникъ Пьера Руссо выпустилъ большое четырехтомное изданіе, подъ заглавіемъ «Cinquante ans de liberté». Въ трудѣ этомъ группа писателей задалась мыслью представить умственное развитіе Бельгіи въ періодъ времени отъ 1830 до 1850 года.

Сборникъ журнальныхъ статей, рѣчей, записокъ и академическихъ докладовъ Эмиля Эггера (Emile Egger. La tradition et les réformes dans l'enseignement universitaire; souvenirs et conseils. Paris C. Masson, 1883. In-8, XII—368 p.) обнаруживаетъ въ авторѣ большую начитанность по самымъ разнообразнымъ вопросамъ отъ классической древности до китайской литературы включительно. Что касается статей по реформѣ университетскаго образованія, то здѣсь авторъ проводитъ мысль о необхо-

димости введенія въ кругъ преподаванія исторіи и языковъ занятій по археологіи.

Сынъ англійскаго историка Мак-Карти только-что выпустилъ небольшой томъ, заключающій въ себѣ «Очеркъ исторіи Ирландіи» (Outline History of Ireland, by Justin H. Mc. Carty). Самъ же Макъ-Карти - отецъ занятъ «Исторіей нашего времени для дѣтей» (Child's History of our own Times), представляющую извлеченіе изъ его извѣстнаго историческаго труда.

Въ первомъ нумерѣ «Merry England» (новый иллюстрированный журналъ, посвященный вопросамъ соціальной реформы), между прочимъ, помѣщена статья о партіи Молодой Англіи (The young England Movement, by M-r George Saintsburry). Статья эта представляетъ собой первую попытку дать этой политической партіи надлежащее мѣсто въ исторіи нашего времени.

Американскіе журналы отзываются въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ Исторіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Макъ-Мастера (History of the People of the United States, by M-r I. B. Mc-Master). Первый томъ этого труда (всѣхъ томовъ будетъ пять), обнимающій періодъ времени отъ 1784 до 1790 г., только-что изданъ фирмою Appleton.

Парижская фирма Ernest Leroux изготовила къ печати «Исторію Болгаръ» Иречека въ переводѣ Эрнеста Дени (Denis) и «Лѣтопись Нестора», переведенную на французскій языкъ извѣстнымъ знатокомъ русскаго языка Луи Леже (Louis Leger).

По распоряженію Александра, князя Болгарскаго, предпринято изданіе оффиціальнаго историческаго труда, содержаніемъ котораго будетъ участіе болгарскихъ волонтеровъ въ послѣдней русско-турецкой войнѣ.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца, лондонская фирма W. H. Allen & C°. предполагаетъ выпустить съ роскошными иллюстраціями новую книгу Марвина о Средней Азіи, подъ заглавіемъ «Русскіе въ Мервѣ и Гератѣ и ихъ силы для вторженія въ Индію» (The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India, by Charles Marvin). Трудъ Марвина состоитъ изъ пяти частей и заключаетъ въ себѣ: изслѣдованіе генерала Анненкова объ англо-русскихъ позиціяхъ въ Средней Азіи (съ примѣчаніями переводчика); сводъ всѣхъ мнѣній объ Афганской войнѣ, сдѣланный генераломъ Стаффомъ; отчетъ о приключеніяхъ двухъ русскихъ офицеровъ въ Мервѣ; изслѣдованія Лессара между Асхабадомъ и Гератомъ; рядъ статей объ измѣненіяхъ въ средне-азіатскомъ вопросѣ съ момента присоединенія къ Россіи Закаспійской территоріи; наконецъ, нѣсколько прибавленій по вопросу о послѣднихъ нашихъ операціяхъ въ Туркменской территоріи. Что касается иллюстрацій, то одна изъ нихъ, довольно большой величины, изображаетъ укрѣпленія Мерва, двадцать иллюстрацій представляютъ собой виды Мервскаго оазиса и Ахалъ-Текинской области, виды Красноводска и закаспійской желѣзной дороги. Кромѣ всего этого, приложено нѣсколько картъ.

Лондонское религіозное общество только-что издало очень интересную книгу миссіонера Джемса Гильмора (James Gilmore) подъ заглавіемъ «Среди Монголовъ». Авторъ провелъ послѣднія двѣнадцать лѣтъ среди монгольскихъ племенъ Средней Азіи. Его разсказъ объ ихъ жизни, обычаяхъ, привычкахъ, одеждахъ—есть результатъ личныхъ наблюденій, при условіи дружественныхъ отношеній. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на буддизмѣ и подробно говоритъ о томъ вліяніи, какое онъ оказываетъ на обыденную жизнь монголовъ. Къ книгѣ приложена карта и нѣсколько рисунковъ.

Не такъ давно мы сообщали, что въ Германіи предпринимается изданіе полнаго собранія сочиненій Лютера, по случаю 400-лѣтней его годовщины. Еще болѣе важный трудъ, предпринимаемый теперь нѣмецкими учеными, представляетъ собою пересмотръ Лютеровскаго перевода Библіи, для чего образована спеціальная коммисія, въ составъ которой вошли пользующіеся заслуженною извѣстностью теологи и лингвисты. Обзоръ трудовъ этой коммисіи, которой предстоитъ еще работа 3—4 лѣтъ, сдѣлалъ Эрнестъ Кюнъ въ небольшой, но обстоятельной брошюрѣ (Die Revision der Sutherishen Bibelübersetzung, von Lic. th. Ernest Kühn. Halle. 1883, 64 8°).

Современникъ Корнеля, поэтъ и драматургъ Ротру, нашелъ себѣ новаго комментатора и біографа въ лицѣ Феликса Гемона (Rotrou, théâtre choîsi, nouvelle édition avec une introduction et des notices, par M. Félix Hémon, illustrée de quatre gravures coloriées dessinées par M. Henri-Allourd. Paris. 1883, 3 fr. 50). Замѣчательно, что трудъ Гемона былъ представленъ имъ для соисканія преміи французской академіи, поставившей задачей для конкурса—похвальное слово Ротру. Но вмѣсто немногихъ краснорѣчивыхъ страницъ, какихъ въ подобныхъ случаяхъ требуетъ французская академія, авторъ представилъ солидное историко-литературное изслѣдованіе. Академія не могла выдать ему преміи, но, все-таки, присудила почетный отзывъ и медаль въ тысячу франковъ.

Иллюстрированное изданіе Шекспира осталось неоконченнымъ трудомъ Густава Доре. Художникъ успѣлъ отдѣлать двадцать большихъ иллюстрацій и, кромѣ того, заготовилъ довольно много рисунковъ для помѣщенія въ текстѣ. Французскія газеты сообщаютъ, что работа покойнаго художника будетъ издана, а недостающіе рисунки будутъ исполнены въ стилѣ Густава Доре.

Къ громадной литературѣ о Шекспирѣ, въ скоромъ времени прибавится критическое изслѣдованіе Киннера (B. G. Kinnear), подъ заглавіемъ Cruces Shakespearianae. Авторъ ставитъ себѣ задачей объяснить темныя и сомнительныя мѣста, сопоставляя ихъ съ мѣстами, сходными по замыслу и по выраженію, какъ въ собственныхъ твореніяхъ Шекспира, такъ и въ сочиненіяхъ его современниковъ.

Томъ «Американской поэзіи» (Poetry from America), изданный фирмой George Bell and Son, представляетъ полезное извлеченіе изъ «Столѣтія американскихъ поэтовъ» (1776—1876), изданнаго Линтономъ. Введеніе, написанное Линтономъ заключаетъ въ себѣ общій обзоръ американской поэзіи.

Одно изъ выдающихся произведеній Лонгфелло Эвангелина появилось въ французскомъ переводѣ, о которомъ французская критика отзывается съ большой похвалой (Évangéline, conte d'Acadie, par H. W. Longfellou, traduit de l'anglais, avec une introduction, par Godfroid Kurth, professeur à l'université de Liège. Liège, Librairie de la Societé bibliographique. Belge, 1883, in 62 de XXV—98 p.). Предисловіе переводчика заключаетъ въ себѣ обстоятельную характеристику американскаго поэта, къ сожалѣнію, только г. Куртъ не снабдилъ свой переводъ необходимыми примѣчаніями относительно нѣкоторыхъ вѣрованій и обычаевъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ поэмѣ.

Втеченіе предстоящаго лѣта будутъ изданы интересныя біографіи Лонгфелло и Натаніеля Готорна. Жизнь замѣчательного американскаго поэта написана его братомъ Самуиломъ Лонгфелло, а біографія Н. Готорна сыномъ его (Юліаномъ Готорномъ). Сочиненія этого писателя, умершаго уже въ 1864 году, пользуются въ настоящее время особеннымъ вниманіемъ со стороны американской публики и критики, и выходятъ теперь новымъ изданіемъ (лондонской фирмы Kegan Poul Trench and C°). Введенія къ первымъ томамъ этого изданія написаны зятемъ покойнаго писателя и сообщаютъ интересныя подробности относительно процеса творчества Готорна.

Нѣмецкія газеты сообщаютъ, что издательская фирма Брокгаузъ приготовила къ печати второй томъ «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича, въ нѣмецкомъ переводѣ.

Появился новый англійскій переводъ «Капитанской дочки» (The Captain's Daughter. From the Russian of Pushkin, by Mdme Jean Ingelström and Mrs. Percy Easton). Одно изъ классическихъ произведеній нашей литературы было переведено уже разъ на англійскій языкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-жею Buchan Telfer. Одинъ изъ лучшихъ критическихъ журналовъ «Academy» отзывается съ похвалой о новомъ переводѣ; пересказывая затѣмъ содержаніе повѣсти, англійскій критикъ замѣчаетъ, что интрига повѣсти самая простая, но Пушкинъ съумѣлъ превосходно разсказать ее (in his happiest manner).

Исторія изящныхъ искусствъ всѣхъ вѣковъ сжато, но обстоятельно и доступно для всякаго, изложена въ новомъ сочиненіи Рене Менара (Histoire de Beaux-Arts. Art antique; Moyen Age; Art moderne; par René Ménard. Paris, Delagrave, 1883, 3 vol. in-12 de 304, 322 et 396 p. Prix 6 fr.). Книга Менара замѣчательна еще тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ обозрѣніе луврскихъ галлерей, къ сокровищамъ которыхъ авторъ обращается въ заключеніи каждой главы.

Исторія англійской живописи показываетъ, что въ этой области англичане не создали ничего оригинальнаго по идеѣ, но за то всегда отличались и отличаются оригинальной манерой, доходящей иногда до рѣжущихъ глаза странностей. Съ этой точки зрѣнія написана и исторія англійской живописи Э. Шено (La peinture anglaise, par E. Chesneau. Paris, Quantin, 1883, 4 vol. petit in-8 anglais, avec de nombreuses gravures. Prix de chaque vol. broché 3 fr.).

Издатель «Gazette de Beaux-Arts», Луи Гонзъ (Louis Gonze) приготовляетъ къ печати большой трудъ о японскомъ искусствѣ; сочиненіе это будетъ представлять собою два роскошныхъ тома, напечатанныхъ на японской бумагѣ, съ приложеніемъ до тысячи хромолитографій, фотогравюръ и офортовъ. Всѣ виды искусства будутъ разсмотрѣны въ отдѣльныхъ главахъ съ исторической точки зрѣнія, но съ особеннымъ вниманіемъ будутъ разработаны главы о лакированіи и живописи.

СМѢСЬ.

Столѣтняя годовщина присоединенія Крыма къ Россіи.—Въ послѣднее время намъ приходится часто праздновать юбилеи разныхъ присоединеній: недавно была годовщина послѣдняго раздѣла Польши, завоеванія Сибири, а 8-го апрѣля отпраздновали столѣтній юбилей съ обнародованія манифеста Екатерины II-й о присоединеніи къ Россіи Крыма, Тамани и всей Кубанской стороны. Въ Симферополѣ произошла закладка памятника императрицѣ, и предводитель дворянства давалъ завтракъ представителямъ мѣстной администраціи и всѣхъ сословій, а также военнымъ и гражданскимъ властямъ. Въ Бахчисараѣ, бывшей станицѣ Крымскаго ханства, а въ настоящемъ — невообразимо грязномъ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ россійское городское неустройство превосходитъ татарскую неряшливость, устроено было также угощеніе войскамъ, школьникамъ розданы сласти, за городомъ, какъ извѣщаетъ телеграфъ, происходили скачки и гремѣлъ хоръ музыки при двадцати турецкихъ барабанахъ, а вечеромъ на горахъ жгли смоляныя бочки и пр. Но дѣло, конечно, не въ публичныхъ увеселеніяхъ, которыя вездѣ и всегда происходятъ «при всеобщемъ одушевленіи», свидѣтельствуемомъ телеграмами, а въ томъ, что̀ сдѣлано для такой благодатной страны, какъ Таврическій полуостровъ, въ теченіи столѣтія, прошедшаго со времени его присоединенія? Не появилось никакихъ официальныхъ сочиненій, изъ которыхъ было бы видно, въ какомъ положеніи приняли мы отъ татаръ принадлежавшій имъ край и въ какомъ видѣ оставляемъ его нашимъ потомкамъ. Жалкіе, уѣздные города полуострова, конечно, у всѣхъ на виду, также какъ роскошныя виллы южнаго побережья, но мы не знаемъ даже, на сколько уменьшилось туземное населеніе страны вслѣдствіе послѣднихъ татарскихъ эмиграцій, на сколько упала производительность ея садовъ и виноградниковъ. Цифры и данныя за время управленія нашего этимъ краемъ были бы очень любопытны, но гдѣ ихъ

искать? Въ исторіи Крыма была и блестящая эпоха — во время управленія имъ князя М. С. Воронцова, съумѣвшаго направить умное, трезвое и трудолюбивое татарское населеніе на развитіе въ краѣ винодѣлія и садоводства. Но отчего благосостояніе края вдругъ быстро упало со времени севастопольскаго погрома, а экономическое положеніе ухудшилось до послѣдней степени? Отчего не употреблены были разумныя средства для остановки выселенія татаръ, достигшаго огромныхъ размѣровъ не столько вслѣдствіе злоупотребленій низшей администраціи, сколько вслѣдствіе неопредѣленности земельныхъ отношеній и невозможности для татаръ пріобрѣтенія земельныхъ участковъ если не въ полное владѣніе, то хоть бы въ долгосрочную аренду? Отвѣта на подобные вопросы мы не находимъ нигдѣ.

Юбилей Рафаэля.—28-го марта минуло 400 лѣтъ со дня рожденія великаго живописца, родоначальника современнаго искусства. Мѣсто его рожденія, городъ Урбино, и столица итальянскаго королевства отпраздновали торжественно четырехсотлѣтнюю годовщину. Къ нимъ присоединился и Петербургъ, въ лицѣ своей академіи художествъ. Въ одной изъ залъ ея были собраны всѣ копіи съ картинъ художника, находящихся въ академіи. Тутъ были и огромные снимки съ именами Брюлова и Басина и множество другихъ, меньшаго размѣра копій. Передъ бюстомъ Рафаэля, увѣнчаннымъ лаврами, читались очень длинныя рѣчи гг. Петрова и Соловьева, стихи князя Цертелева и поздравительныя телеграмы, играла музыка, пѣлись отрывки изъ мессы Палестрины. Академія отправила въ Урбино серебряный вѣнокъ съ латинскою надписью, гласившею, что эти «почтительные лавры посвящаетъ тѣни божественнаго художника Рафаэля Санціо д'Урбино — Imperialis academia artium Petropolitana». Въ газетахъ явилось нѣсколько статей, толковавшихъ о значеніи Рафаэля въ живописи и о вліяніи этого искусства на развитіе эстетическаго чувства и смягченіе нравовъ. Что Рафаэль произвелъ громадный переворотъ въ живописи и поставилъ вмѣстѣ съ Микель Анджело искусство это на недосягаемую высоту—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и всѣ вылазки нашихъ самобытныхъ художественныхъ критиковъ противъ творца Мадоннъ и «Преображенія» не повредятъ его славѣ, упроченной вѣками и признанной цѣлымъ міромъ. Но чтобы живопись его, да и вообще всякое искусство могло «смягчать нравы» и чтобы эстетическое чувство могло подавлять даже въ развитыхъ натурахъ негуманные инстинкты—въ этомъ позволительно сомнѣваться. Стòитъ только вспомнить о томъ, въ какомъ положеніи находилась Италія въ эпоху Рафаэля, чтобы видѣть, какъ ничтожно было вліяніе искусства на тогдашніе нравы. Не говоря уже о папѣ Александрѣ Борджіа и его сынѣ Цезарѣ, считавшихся покровителями художниковъ, Рафаэль преимущественно пользовался покровительствомъ Медичисовъ: папы Льва X-го и герцога флорентинскаго Лоренцо. Но Левъ X-й, обязанный всѣмъ Пандольфу Петруччи, выгналъ его изъ Сіенны, а сына его велѣлъ удавить, хоть и далъ ему охранительную грамоту; онъ пытался отравить герцога феррарскаго, приказывалъ бить палками и кормить воронами поэтовъ, а индульгенціями да и вообще религіозными предметами торговалъ такъ нецеремонно, что вызвалъ реформацію. Лоренцо Медичи — о домашней жизни его мы уже не говоримъ — покровитель писателей, заставлялъ Людовика Пульчи и Франко перебраниваться сонетами на своихъ обѣдахъ. Да и сами писатели того времени, даже знаменитые, какъ Полиціано и Пульчи, только льстили меценатамъ и воспѣвали подвиги братьевъ Медичи — на турнирахъ.

Аріосто писалъ, что Лукреція Борджіа превзошла добродѣтелями древнюю Лукрецію. Въ Римѣ вѣнчали, послѣ Петрарки, такихъ ничтожныхъ писакъ, какъ Чимбріако и Перотти. Что касается наукъ, то главными изъ нихъ были въ то время астрологія, алхимія и кабалистика, а въ университетахъ—схоластическая философія и діалектическое богословіе; ученые писали по-латыни и занимались безплодными спорами. Какова была общественная и домашняя жизнь, видно изъ комедіи Макіавеля «Мандрагора». Художники вели жизнь не лучше своихъ покровителей, и если между ними выдается такой величавый образъ какъ Микель Анджело, или такая свѣтлая личность какъ Рафаэль—это было исключеніе.

† 26-го марта, въ Петербургѣ скончался Митрофанъ Ивановичъ Зарудный, 47-ми лѣтъ, одинъ изъ нашихъ лучшихъ юристовъ. Выйдя изъ Училища Правовѣдѣнія въ 1855 году, онъ прослужилъ въ министерствѣ юстиціи до 1881 года, когда неизлечимая душевная болѣзнь прервала его полезную дѣятельность. Въ 1860 году, послѣ продолжительнаго путешествія по Великобританіи, онъ изложилъ свои впечатлѣнія и наблюденія во многихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Журналѣ министерства юстиціи», «Русскомъ Вѣстникѣ» и другихъ изданіяхъ. Въ 1865 году, вышелъ его замѣчательный трудъ «Общественный бытъ Англіи. Очерки земства, города и суда съ характеристикою соотвѣтствующихъ учрежденій Франціи и современныхъ преобразованій въ Россіи». Въ 1873 году онъ былъ назначенъ членомъ комисіи для изслѣдованія волостныхъ судовъ и въ 1874 году издалъ «Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ», гдѣ высказывается рѣшительнымъ образомъ противъ упраздненія этихъ судовъ.

† 16-го марта, въ Каирѣ, скончался Евгеній Андреевичъ Краевскій, 42-хъ лѣтъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Голоса», работавшій, со времени основанія этой газеты, по всѣмъ ея отраслямъ. Получивъ образованіе въ петербургскомъ университетѣ, онъ вышелъ изъ него 20-ти лѣтъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета и посвятилъ себя исключительно журналистикѣ. Многосторонне образованный, знакомый со всѣми отраслями знаній и искусства, съ главнѣйшими живыми и мертвыми языками, обладавшій громадною начитанностью и такою же памятью, это былъ настоящій типъ журналиста, какихъ къ сожалѣнію немного въ нашей литературѣ. Въ первые годы существованія «Голоса», онъ писалъ статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ, составляя обозрѣнія петербургской и иностранной общественной жизни. Въ послѣдніе 15 лѣтъ исключительно завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ газеты. На похоронахъ его сошлись представители всѣхъ партій отдать послѣдній долгъ талантливому и честному журнальному дѣятелю.

† Въ Парижѣ, 9-го апрѣля, умеръ представитель клерикальнаго журнализма Луи Вельо, 70-ти лѣтъ. Съ 19-ти лѣтъ онъ уже жилъ литературнымъ трудомъ, но бойцомъ за папство явился только въ 1838 году, послѣ поѣздки въ Римъ. Съ 1843 года онъ сдѣлался главнымъ сотрудникомъ и руководителемъ газеты «Univers». За нападки на университетское преподаваніе и за обвиненіе правительства въ томъ, что оно развращаетъ нравственность подростающаго поколѣнія господствующею классическою системою ученія — Вельо былъ приговоренъ къ тюремному заключенію. Февральскую революцію онъ привѣтствовалъ, какъ «событіе, ниспосланное провидѣніемъ», но потомъ возставалъ противъ нея. Въ своей газетѣ онъ не щадилъ никого, ни министровъ,

ни ученыхъ, ни профессоровъ, ни писателей, ни революціонеровъ, ни соціалистовъ, но всего менѣе—епископовъ и священниковъ. Онъ не признавалъ надъ собой никакой власти, кромѣ папы. Онъ смѣшивалъ съ грязью всѣ знаменитости Франціи: Мольера, Жан-Жака Руссо, Жоржъ-Занда, Альфреда Мюссе. Онъ говорилъ, что ненавидитъ болѣе всѣхъ—трехъ историческихъ лицъ: Іуду, Марка Аврелія и Карла IX: Іуду за то, что онъ предалъ Христа, Марка Аврелія за то, что онъ не велѣлъ убить своего сына Коммода, Карла IX за то, что онъ мало истребилъ гугенотовъ въ Варѳоломеевскую ночь. О евреяхъ онъ гооврилъ въ 1875 году: «надо взять у нихъ нетолько ихъ золото, но и ихъ шкуру». И между тѣмъ этотъ ультрамонтанскій фанатикъ, сынъ простого деревенскаго бочара, писалъ свои памфлеты такимъ же блестящимъ языкомъ, какъ Поль-Луи Куррье. Съ 1861 по 1867 годъ газета его была запрещена Луи-Наполеономъ за то, что Велльо пригрозилъ императору «арміею въ 30,000 человѣкъ, которою папа располагаетъ во Франціи (духовенство) и которая будетъ сражаться за своего господина, если онъ это ей прикажетъ». Тогда онъ написалъ свой мастерской, хоть и грязный памфлетъ «Odeurs de Paris». Потомъ «Univers» запрещали еще нѣсколько разъ на короткое время, благодаря системѣ «предостереженій», но это, конечно, еще болѣе озлобляло неукротимаго врага всякаго прогреса. Онъ такъ и умеръ, ненавидя и проклиная всякое либеральное движеніе.

† 15-го апрѣля, скончался, отъ воспаленія легкихъ, владѣтельный великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ II, на 61 году. Нѣсколько времени тому назадъ великій герцогъ присутствовалъ на испытаніи новой пожарной трубы, подаренной имъ городу Шверину, и при этомъ схватилъ простуду, которая и свела его въ могилу. Фридрихъ-Францъ II родился 28-го февраля 1823 года и вступилъ на престолъ 7-го марта 1842 года. Первая его супруга, Августа, была дочерью Генриха LXIII Рейссъ-Шлейцкаго. Отъ этого брака родились три принца и великая княгиня Марія Павловна, супруга великаго князя Владиміра Александровича. Послѣ смерти великой герцогини (1861 года) Фридрихъ-Францъ вступилъ въ бракъ въ 1864 г. съ принцессою Анною, дочерью принца Карла Гессенскаго и Рейнскаго, но она умерла еще въ 1865 году. Третій бракъ былъ заключенъ въ 1868 году съ принцессою Маріей Шварцбургъ-Рудольштадтскою. Великій герцогъ игралъ видную роль въ военныхъ событіяхъ съ 1866 года. Въ 1842 году онъ былъ прусскимъ генераломъ, участвовалъ въ походѣ противъ датчанъ и командовалъ въ 1866 г. второю прусскою резервною арміей, съ которой вступилъ въ Баварію. Въ 1870 году онъ командовалъ сначала частію войскъ, предназначенныхъ для защиты береговъ, но въ августѣ получилъ начальство надъ 13-мъ армейскимъ корпусомъ и принималъ участіе въ осадѣ Меца. Затѣмъ онъ руководилъ изъ Реймса осадою Туля и Суассона. Онъ принималъ существенное участіе въ битвахъ подъ Орлеаномъ и командовалъ въ 1871 году правымъ флангомъ арміи, выступившей противъ Леманса. Послѣ битвы при Лемансѣ онъ занялъ Безансонъ, потомъ Руанъ и въ февралѣ возвратился въ Версаль. Онъ имѣлъ званіе генералъ-полковника всей прусской пѣхоты и, въ послѣднее время, занималъ важную должность генералъ-инспектора второй армейской инспекціи германской арміи. Покойный очень любилъ Россію, съ царствующимъ домомъ которой былъ связанъ родственными узами. Онъ имѣлъ званіе русскаго генералъ-фельдмаршала и состоялъ шефомъ 8-го московскаго гренадерскаго полка. Наслѣдный великій герцогъ Павелъ, которому теперь

32 года, состоитъ съ 1879 года въ бракѣ съ дочерью великаго князя Михаила Николаевича, великою княгинею Анастасіей Михаиловной.

† Въ Пештѣ зарѣзанъ четырьмя грабителями одинъ изъ самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Венгріи, отличавшійся горячимъ патріотизмомъ, твердостью убѣжденій и ясностью взглядовъ, Георгъ фон-Майлатъ. Потомокъ древней аристократической венгерской фамиліи, онъ родился въ 1818 г. и занималъ постъ предсѣдателя верховнаго суда. Какъ политикъ, Майлатъ имѣлъ много противниковъ, особенно со стороны радикаловъ и партіи Кошута, противъ котораго онъ, въ союзѣ съ лучшимъ другомъ, Сечени, сильно агитировалъ въ 1848 году. Онъ принадлежалъ къ школѣ, такъ называемыхъ, старыхъ консерваторовъ, видѣвшихъ въ стремленіяхъ мадьярской крайней лѣвой добиться полнаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи—гибель для Венгріи. Майлатъ, подобно многимъ мадьярскимъ «кровнымъ» магнатамъ, любилъ и охранялъ интересы своей родины съ мужествомъ, достоинствомъ и непоколебимой силой убѣжденій. Во время мрачнаго реакціоннаго періода, наступившаго вслѣдъ за подавленіемъ революціи 1848—1849 годовъ и продолжавшагося до 1859 года, онъ отказывался отъ всякаго участія въ политикѣ Баха и Туна, посвящая свое время серьезнымъ умственнымъ и научнымъ трудамъ. Въ 1860 году его назначили членомъ сейма, въ которомъ онъ, будучи хорошимъ ораторомъ, игралъ выдающуюся роль. Въ 1865 году онъ принималъ горячее участіе въ соглашеніи съ Австріей и въ выработкѣ и введеніи системы дуализма. Съ этого времени онъ сталъ занимать двѣ выдающіяся должности, будучи одновременно предсѣдателемъ верховнаго суда и верхней палаты.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Коварный пріемъ.

(Два слова «Вѣстнику Европы».)

«Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй
о злѣ; аще же добрѣ, что мя біеши».
Іоаннъ, XVIII, 23.

За двадцать слишкомъ лѣтъ моей литературной дѣятельности на мою долю выпало не мало такихъ порицаній, въ основательности которыхъ я имѣлъ достаточное право сомнѣваться; но за все это время я только однажды пытался опровергнуть возведенное на меня несправедливое обвиненіе, а нынѣ рѣшаюсь сдѣлать это во второй разъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» за апрѣль мѣсяцъ 1883 года сказано нѣсколько словъ объ увольненіи меня отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія «безъ прошенія»,—причиною чего послужила одна моя статья («Поповская чехарда и приходская прихоть») напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ». «Вѣстникъ Европы», играя этимъ дѣйствительно маловажнымъ обстоятельствомъ, представляетъ его страннымъ, двусмысленнымъ, непонятнымъ и положилъ ожидать еще какого-то выясненія. Въ сущности дѣло не стоило и такого вниманія, и я самъ не напечаталъ бы объ этомъ моего краткаго объясненія, если бы не былъ вынужденъ тѣмъ, что мою отставку, послѣдовавшую по винѣ хотя не служебной, но совершенно доказанной, тѣсно сблизили съ отставкою другого лица, ранѣе меня оставившаго службу въ томъ же министерствѣ по прошенію и (какъ разъяснялось московскою печатью) «по недоразумѣнію». Иначе я, конечно, не пожелалъ бы занимать собою

общественное вниманіе, особенно съ этой стороны. Но «Вѣстникъ Европы», будто бы не понимающій въ чемъ тутъ дѣло, касается самой инкриминированной статьи моей въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и обнаруживаетъ въ ней предосудительность не противъ начальства, а противъ идеи выборнаго начала въ духовенствѣ.

Такъ какъ я даже по снисходительному сужденію «Вѣстника Европы» не мало послужилъ церковно-исторической наукѣ и имѣю въ духовенствѣ друзей, расположеніе которыхъ мнѣ дорого и досталось не даромъ, то я не могу и не хочу оставить сказаннаго на мой счетъ «Вѣстникомъ Европы» безъ отвѣта.

«Вѣстникъ Европы» приписываетъ мнѣ стремленіе доказать, что выборъ пастырей приходами въ Россіи не годится и не возможенъ. По совѣсти я не говорилъ этого. Я сказалъ только, въ инкриминированной статьѣ моей, что сужденія приходовъ о достоинствѣ пастырей тоже бывали и могутъ быть погрѣшительны и недостойны уваженія. Случалось, что иногда наилучшій пастырь былъ понятъ ложно и оцѣненъ несправедливо, а въ другомъ случаѣ, недостойный потворщикъ дурныхъ наклонностей и страстей снискивалъ себѣ поддержку въ тѣхъ, которые въ приходѣ «громче каркаютъ» (какъ и было въ Москвѣ, въ приходѣ Спаса въ Наливкахъ). Знающіе церковную исторію хорошо знаютъ, что это такъ бывало, а знающіе несовершенство человѣческой природы не усумнятся, что это можетъ и повторяться. Это касается не одной Россіи, но всякаго иного мѣста. Выборъ хорошихъ духовныхъ всегда представлялъ трудную задачу.

Въ доказательство, каковы были эти трудности, я позволяю себѣ сдѣлать подходящую выписку изъ книги, которая въ редакціи «Вѣстника Европы», надѣюсь, должна быть хорошо принята, и по справедливости заслуживаетъ уваженія.

Вотъ это мѣсто: «Если изберемъ смиреннаго человѣка, его назовутъ ничтожнымъ; если мы предложимъ человѣка съ характеромъ гордымъ, его назовутъ надмѣннымъ; если мы возьмемъ человѣка малопросвѣщеннаго, онъ прослыветъ за свое невѣжество смѣшнымъ; если, напротивъ, то будетъ ученый, его ученость заставитъ говорить, что онъ надутъ чванствомъ; если онъ строгъ, его будутъ ненавидѣть какъ жестокаго; если онъ снисходителенъ, его обвинятъ въ излишней слабости; если онъ простъ, его будутъ презирать какъ скота (brutus); если онъ исполненъ проницательности, его отвергнутъ какъ хитреца; если онъ точенъ, его назовутъ мелочнымъ; если онъ поверхностенъ, его назовутъ небрежнымъ; если у него тонкій умъ, его объявятъ честолюбивымъ; если онъ спокоенъ, его будутъ считать лѣнивымъ; если онъ умѣренъ, его назовутъ скупцомъ; если онъ ѣстъ для того, чтобы жить, его обвинятъ въ обжорствѣ; если онъ постится, его обвинятъ въ ханжествѣ... И такъ, какъ бы кто ни жилъ, всегда хорошія качества будутъ жертвою злыхъ языковъ, клеветниковъ, подобныхъ крючкамъ двухконечнымъ» («Исторія среднихъ вѣковъ» М. М. Стасюлевича, Спб. 1862 г., стр. 208, письма Сидонія Аполлинарія).

Имѣя въ виду эти и другія неудобства въ старинной процедурѣ избранничества, я и позволилъ себѣ подумать, что избраніе по старинѣ можетъ быть тоже не самое лучшее изъ того, что̀ возможно. Мнѣ думалось, что позволительно желать чего нибудь такого, что̀ было бы совершеннѣе неудовлетворительныхъ нынѣшнихъ порядковъ и отнюдь не вызвало бы опять на свѣтъ того, что̀ было неудобнаго при порядкахъ прежнихъ. Другихъ мыслей у меня не было. А такъ какъ по древнехристіанскимъ правиламъ, содержимымъ нашею церковью, въ ней всѣ затрудненія положено выяснять и рѣшать соборне, то я и заключилъ тѣмъ, что «это дѣло соборное».

Если сейчасъ приведенныя слова мои содержатъ въ себѣ мысль дурную и предосудительную, то я за нихъ дѣйствительно подлежу отвѣту и, можетъ быть, осужденію. Но притягивать человѣка къ отвѣтственности за то, въ чемъ онъ не виноватъ,—это совсѣмъ недостойно литературной критики и напоминаетъ коварные пріемы «крючковъ двухконечныхъ».

Николай Лѣсковъ.

рый былъ непримиримымъ врагомъ принца Рупрехта и лучшимъ другомъ лорда Жермина, шталмейстера ея величества Генріеты Маріи. Послѣдній отправился вслѣдъ за королевою въ изгнаніе, и не только молва, но и оффиціальное донесеніе французскаго посланника гласило о немъ, что «ему не трудно было замѣнить короля для Генріеты Маріи».

Карлъ I вошелъ въ залу сквозь двойную шпалеру блестящихъ мундировъ и сверкающаго оружія; придворные привѣтствовали его громкимъ восклицаніемъ: «God save the king!» (Боже храни короля!).

Король былъ въ темнофіолетовомъ бархатномъ платьѣ, украшенномъ орденомъ Подвязки; на плечахъ былъ накинутъ синій плащъ; на груди была вышитая серебряная звѣзда; королевскій орденъ св. Георга, художественно сдѣланный изъ драгоцѣнныхъ камней, красовался на его лѣвомъ плечѣ. Большой кружевной воротникъ низко спускался по обоимъ плечамъ; въ одномъ ухѣ было продѣто кольцо съ жемчугомъ. Его тонкая худощавая фигура была въ высшей степени представительна; но на блѣдномъ лицѣ видны были слѣды глубокой душевной тревоги. Прекрасно очерченный лобъ, покрытый глубокими морщинами свидѣтельствовалъ о тяжелой вынесенной имъ борьбѣ. Но длинные, падающіе до плечъ, волосы все еще были каштановаго цвѣта и густая борода и усы, оттѣнявшіе нижнюю часть лица, сохранили прежній, слегка рыжеватый оттѣнокъ. Хотя ему было не болѣе сорока пяти лѣтъ, но въ глазахъ замѣтно было утомленіе жизни и какъ бы гнетъ преждевременной старости. Густые брови плохо гармонировали съ красноватыми опухшими вѣками; крѣпко сжатыя губы придавали меланхолическое выраженіе его длинному худощавому лицу, въ которомъ было нѣчто мрачное и печальное, точно предчувствіе ожидавшей его судьбы. Его называли «бѣлымъ королемъ» по цвѣту платья одѣтаго имъ во время своего королевскаго вѣнчанія и по таинственному преданію объ одномъ пророческомъ видѣніи. Сегодня, болѣе чѣмъ когда-нибудь, это названіе подходило къ нему. Онъ уже спалъ глубокимъ сномъ въ своей главной квартирѣ, близъ Льюбенгема, когда его подняли съ постели извѣстіемъ, которое привело его сюда въ такой поздній часъ ночи. Впослѣдствіи расказывали, что во время этого короткаго, неожиданно прерваннаго сна, ему явилась окровавленная тѣнь Страффорда, неотступно преслѣдовавшая его, какъ упрекъ совѣсти. Король дѣйствительно былъ склоненъ къ суевѣрію, но кто можетъ сказать, что собственно тяготило его душу въ это время.

Много страданій вынесъ этотъ человѣкъ; даже теперь, когда прошло болѣе двухъ столѣтій, послѣ трагической смерти Карла I, портретъ его возбуждаетъ въ насъ чувство глубокаго сожалѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣскія обвиненія тяготѣютъ на его

памяти. Но, вызывая его тѣнь на судъ исторіи, мы не должны забывать, что Карлъ I, съ своей точки зрѣнія, вѣрно служилъ дѣлу, котораго онъ былъ представителемъ. Если онъ и обманывалъ враговъ этого дѣла, слѣдуя іезуитской морали не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія цѣли, но онъ всегда держалъ слово данное друзьямъ и съ непоколебимою твердостью до конца жизни оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

Съ полнымъ достоинствомъ, неоставлявшимъ его даже въ повседневной жизни, раскланивался Карлъ I съ придворными дамами, кавалерами и командирами войскъ, которые почтительно привѣтствовали его. Онъ узналъ между ними сэра Гарри Слингсби, и темные печальные глаза его остановились на минуту на почтенномъ джентльменѣ, который былъ тронутъ этимъ до слезъ.

— Ваше величество, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, склоняя колѣно передъ королемъ и сдѣлавъ движеніе, чтобы поцѣловать его руку. Я пріѣхалъ изъ Франціи...

Мимолетная печальная улыбка появилась на лицѣ короля и тотчасъ же исчезла. Изъ Франціи, подумалъ онъ, отъ Генріеты Маріи, любимой жены, имя которой даже издали обаятельно дѣйствовало на него. Сердце его болѣзненно сжалось при этомъ воспоминаніи; онъ остановился и видимо хотѣлъ сказать что̀-то, но губы его произносили только неясные звуки. Всѣмъ было извѣстно, что онъ заикался, какъ и его отецъ, и въ минуты душевнаго волненія, долго не могъ справиться съ своимъ языкомъ. Онъ приходилъ въ особенное смущеніе, когда это случалось въ присутствіи придворныхъ. Богровая краска выступала на его блѣдномъ лицѣ. Принцъ Рупрехтъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ, чтобы увести короля изъ залы отъ ненавистнаго для него Слингсби.

Король поспѣшно удалился, не протянувъ руки сэру Гарри, который моментально всталъ на ноги и, отойдя въ уголъ залы, въ изнеможеніи опустился на стулъ. Слезы душили его.

— Вотъ пріемъ приготовленный мнѣ королемъ, проговорилъ онъ, съ сдержаннымъ рыданіемъ, закрывъ лицо руками.

Карлъ I вошелъ въ кабинетъ принца Рупрехта. Это была низкая комната; посреди стоялъ большой столъ, окруженный креслами, на которомъ горѣли зажженныя свѣчи. Король сѣлъ въ первое попавшееся кресло и пригласилъ жестомъ руки стоявшихъ въ углубленіи комнаты ганераловъ и начальниковъ различныхъ отрядовъ занять мѣста у стола. Затѣмъ двери въ залу были наглухо закрыты, такъ какъ начался военный совѣтъ. Король счелъ нужнымъ объяснить присутствующимъ причину своего неожиданнаго появленія въ такой поздній часъ ночи:

— Меня подняли со сна, сказалъ онъ, извѣстіемъ, что непріятель показался на высотахъ Незби. Говорятъ, что даже видѣнъ огонь его бивуаковъ.

Въ глазахъ принца Рупрехта сверкнулъ гнѣвъ. Держу заранѣе пари, что мы поколотимъ ихъ! воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Болѣе пожилые генералы съ сомнѣніемъ покачали головой и замѣтили, что прежде всего нужно познакомиться съ позиціей непріятеля.

Король потребовалъ карту Лейстершира и сосѣднихъ графствъ, которую принцъ Рупрехтъ тотчасъ же подалъ ему.

Холмъ и деревня Незби находились всего на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ аванпостовъ королевской арміи, расположенныхъ между Маркетъ-Герборо до Льюбенгема; остальное войско было протянуто внизъ по долинѣ, между обѣими цѣпями холмовъ. Вопросъ заключался въ томъ: можно ли было напасть на непріятеля, не имѣя точныхъ свѣдѣній объ его силахъ? Хотя было извѣстно, что Ферфаксъ занималъ высоты Незби, но никто не зналъ, гдѣ въ эту минуту находился Кромвель.

— Стоитъ ли такъ долго говорить объ этомъ слухѣ! Пусть онъ провалится ко всѣмъ чертямъ!—воскликнулъ принцъ Рупрехтъ.— Я рѣшительно не понимаю, почему всѣ такъ интересуются имъ?

— Въ распоряженіи Кромвеля цѣлая армія! замѣтилъ спокойнымъ голосомъ сэръ Мармадьюкъ Лангдаль, одинъ изъ самыхъ старыхъ и опытныхъ военачальниковъ.

Большинство было того мнѣнія, что армія Кромвеля еще не успѣла соединиться съ арміей Ферфакса.

— Въ этихъ случаяхъ нужно знать, а не предполагать! возразилъ тѣмъ же тономъ Лангдаль.

Лордъ Эстлей подтвердилъ слова стараго военачальника и поднялъ вопросъ о томъ, не лучше ли будетъ выманить непріятеля изъ его позиціи, нежели самимъ аттаковать его?

Лордъ Дигби нашелъ послѣднее слишкомъ рискованнымъ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что принцъ Рупрехтъ, по своему обыкновенію, будетъ отстаивать наступательный способъ дѣйствій.

— Я слышалъ, сказалъ онъ, мягкимъ и вѣжливымъ тономъ человѣка, усвоившаго придворные нравы, что сэръ Гарри Слингсби привезъ депеши отъ королевы. Мнѣ кажется, что необходимо узнать ихъ содержаніе, прежде чѣмъ остановиться на какомъ нибудь рѣшеніи.

— Какое значеніе могутъ имѣть для насъ эти депеши въ настоящую минуту?—возразилъ съ запальчивостью принцъ Рупрехтъ.

Лордъ Дигби, замѣтивъ, что поднятый имъ вопросъ крайне непріятенъ принцу, продолжалъ еще съ большею настойчивостью:

— Если будетъ угодно вашему величеству, то я приведу сюда почтеннаго сэра Гарри.

— Я рѣшительно протестую противъ этого, воскликнулъ принцъ. Мнѣ только что пришлось взять отъ него шпагу по приказанію

его величества, и слѣдовательно Слингсби не можетъ больше явиться передъ королемъ.

— А депеши? спросилъ лордъ Дигби, видя что противникъ его все болѣе и болѣе горячится.

— Я знаю, что нѣкоторые люди стараются посѣять раздоръ между истинными друзьями короля, пробормоталъ сквозь зубы принцъ Рупрехтъ; и затѣмъ добавилъ вслухъ: этотъ господинъ отказался вручить мнѣ привезенныя имъ депеши.

— Пусть потребуютъ ихъ отъ него моимъ именемъ, сказалъ король.

Лордъ Дигби вышелъ въ сосѣднюю комнату и тотчасъ же вернулся назадъ съ депешами.

Это были письма Генріеты Маріи. Въ глазахъ короля промелькнулъ мимолетный лучъ радости, когда онъ увидѣлъ знакомый почеркъ дорогаго для него существа; рука его замѣтно дрожала, когда онъ сорвалъ шнурокъ и печать съ поданнаго ему пакета.

«Мой дорогой другъ, писала королева своему мужу (письмо было изъ Парижа и написано болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ), тебѣ не зачѣмъ объяснять, почему я рѣшилась отправить тебѣ это письмо, которое передастъ мой посланный». Затѣмъ слѣдовали числа и шифрованныя буквы, съ оговоркой, что король пойметъ ихъ. Генріета Марія сообщала своему супругу, что послала особаго гонца къ Монрозу и что кромѣ того ея уполномоченные Гоффе и Кохране ведутъ дѣятельные переговоры съ Голландіей и Даніей. «Такимъ образомъ, добавла она, съ Божіею помощью, въ концѣ мая или въ началѣ іюня 6.000 ирландцевъ высадятся въ западныхъ графствахъ, гдѣ все дворянство поднимется на защиту короля. Посланные съ ними корабли будутъ блокировать Мильфордъ, голландцы уже готовы для этой экспедиціи, помимо испанцевъ, которые въ свою очередь выступятъ изъ Дюнкиркена». Королева не особенно разсчитывала на помощь Мазарена; «но вчера, добавляла она, я получила письмо отъ лотарингскаго герцога; онъ изъявляетъ готовность привести къ тебѣ на помощь 10.000 человѣкъ, если ты пожелаешь принять его услуги». Передъ нѣкоторыми фразами были кресты (†), которые королева ставила въ тѣхъ случаяхъ, когда выражала какое нибудь особенное желаніе или хотѣла обратить вниманіе короля на свои слова. Подобный крестъ былъ поставленъ передъ фразой: «умоляю тебя во имя твоей собственной чести, не вступай больше ни въ какія сдѣлки съ парламентомъ; если ты уступишь въ чемъ либо бунтовщикамъ, то черезъ это лишишь себя помощи Ирландіи и другихъ католическихъ государствъ». Затѣмъ слѣдовалъ еще крестъ передъ словами: «не забывай бѣдныхъ католиковъ, которые оказали тебѣ такія важныя услуги».

Въ другомъ письмѣ, написанномъ нѣсколькими днями позже,

Генріета Марія сообщала, что Монрозъ намѣренъ въ концѣ лѣта присоединиться къ королевской арміи съ 20,000 человѣкъ, и что, по донесеніямъ Гоффе и Кохране, Голландія и Данія готовы поддержать диверсію ирландцевъ, какъ только относительно этого состоится формальное соглашеніе, и что, наконецъ, герцогъ лотарингскій ждетъ только прибытія судовъ, чтобы переправить въ Англію 10,000-й отрядъ...

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ король, эти депеши весьма важны для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, а именно: должны ли мы сами атаковать непріятеля въ занятой имъ позиціи или принять иной способъ дѣйствій? Намъ сообщаютъ, что къ концу лѣта нашъ комплектъ войска, людей и оружія болѣе чѣмъ удвоится. Въ виду этого, мнѣ кажется, что мы вѣрнѣе достигнемъ цѣли, если отложимъ на время военныя дѣйствія и подвинемся еще дальше къ сѣверу для соединенія съ Монрозомъ.

— Неужели мы должны бѣжать отъ непріятеля, который только что былъ вынужденъ снять осаду съ Оксфорда, воскликнулъ съ досадой принцъ Рупрехтъ.—Врядъ ли ваше величество будетъ отстаивать подобное рѣшеніе!

«Король, на свое несчастіе», по вѣрному замѣчанію одного современника, отличался чрезмѣрнымъ упорствомъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ и въ то же время былъ всегда слишкомъ податливъ относительно своихъ друзей, такъ какъ считалъ ихъ мнѣнія лучше своего собственнаго, хотя это не всегда было въ дѣйствительности.

Карлъ былъ въ нерѣшимости и почти не обращалъ вниманія на происходившія около него пренія; но тутъ раздались рѣзкія звуки трубъ, возвѣщавшіе прибытіе гонца съ новыми извѣстіями. Принцъ Рупрехтъ послалъ узнать въ чемъ дѣло одного изъ своихъ адъютантовъ, который вернулся черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденіи раненаго офицера, покрытаго кровью и пылью.

— Что случилось? спросилъ король, вставая съ мѣста.

— Ваше величество, я пріѣхалъ сюда изъ нашихъ аванпостовъ, стоявшихъ у Незби. Непріятель напалъ на нихъ и принудилъ къ отступленію, у насъ есть убитые и раненые, многіе попали въ плѣнъ... Кромвель только что вступилъ въ лагерь Ферфакса.

— Король топнулъ ногой.—Кромвель!.. воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ—всегда и вездѣ Кромвель! Кто же, наконецъ, освободитъ меня отъ этого человѣка!

— Я доставлю его живаго или мертваго вашему величеству! отвѣтилъ торжественно принцъ Рупрехтъ.—Теперь мы не не можемъ отклонить битву, которую самъ непріятель предлагаетъ намъ! Мои кавалеристы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ея. Отступленіе въ настоящемъ случаѣ было бы хуже потери сраженія!

Король съ безпокойствомъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ, онъ остановился передъ столомъ и бросилъ разсѣянный взглядъ на карту.

— Такъ и быть! сказалъ онъ, положивъ свою костлявую руку на лежавшую около него высокую испанскую шляпу, украшенную перомъ и золотой пряжкой; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ длинныя кожаныя перчатки.

— Мы дадимъ сраженіе!.. Прошу васъ принцъ сдѣлать необходимыя распоряженія! Мы выступимъ завтра въ три часа утра... У насъ еще останется два часа для отдыха. Приготовтесь господа! наступаетъ рѣшительная минута! Доброй ночи!..

Король надѣлъ шляпу и перчатки.—До свиданія, сказалъ онъ, обращаясь еще разъ къ присутствующимъ.—Помните, что нашъ пароль: Богъ и королева Марія!

— Богъ и королева Марія! раздалось въ кабинетѣ принца Рупрехта.

Слуга отворилъ двери. Въ залѣ повторился тотъ же возгласъ; затѣмъ—по всему дому и на площади, гдѣ уже стали собираться кавалеристы изъ смежныхъ городскихъ улицъ.

Когда король проходилъ черезъ залу, отправляясь на кратковременный отдыхъ, Слингсби подошелъ къ нему.

— Сжальтесь надо мной, ваше величество! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.—Позвольте мнѣ принять участіе въ завтрашней битвѣ. Быть можетъ мнѣ удастся найти желанную смерть...

Король бросилъ грустный взглядъ на просителя, но такъ какъ рядомъ съ нимъ шелъ принцъ Рупрехтъ, то онъ покачалъ отрицательно головой и молча вышелъ изъ залы.

ГЛАВА II.

Въ лагерѣ парламентской арміи.

Король получилъ вѣрное извѣстіе: Кромвель дѣйствительно прибылъ въ лагерь нѣсколько часовъ тому назадъ. Ферфаксъ вызвалъ его изъ восточныхъ графствъ, гдѣ онъ находился съ войсками въ недалекомъ разстояніи отъ Эли, мѣста жительства его семьи. Незадолго передъ тѣмъ, Кромвель разбилъ три отдѣльныхъ корпуса роялистовъ и разсѣялъ ихъ въ разныя стороны, какъ хворостъ, который сбрасываютъ съ дороги. Послѣднія недѣли мая и начало іюня онъ провелъ въ кажущейся праздности; но это было бездѣйствіе льва, подстерегающаго добычу. Онъ проводилъ время то въ Гунтингдонѣ, гдѣ, съ его присутствіемъ, наступила какая-то торжественная тишина, то въ Кембриджѣ, гдѣ гремѣли барабаны, торчали копья и мушкеты. Быть можетъ, пользуясь досугомъ, онъ трудился надъ организаціей своей арміи и укрѣплялъ ея внутрен-

нюю связь сознаніемъ того значенія, которымъ она была обязана его личности? Человѣкъ имѣющій опредѣленную задачу въ жизни никогда не упускаетъ ее изъ виду, даже на одинъ день или часъ. Исключительная занимающая его идея всецѣло поглощаетъ его; онъ становится одностороннимъ эгоистомъ, нетерпимымъ и несообщительнымъ. Тысячи другихъ людей, отступили бы передъ тяжелой предстоящей работой, всевозможными противорѣчіями и ковами неизбѣжныхъ враговъ; но ничто не можетъ остановить его. Весь его первоначальный трудъ пропадаетъ даромъ; онъ начинаетъ его вновь, довольный тѣмъ, что пока никто не замѣчаетъ его. Но едва онъ обратилъ на себя вниманіе людей—на него со всѣхъ сторонъ начинаютъ сыпаться насмѣшки, невыносимыя для мелкихъ натуръ; но онъ равнодушно принимаетъ ихъ. Не тревожатъ его и болѣе серьезныя обвиненія, хотя враги, число которыхъ все увеличивается, упрекаютъ его въ непомѣрномъ честолюбіи и въ недостаткѣ искренности. Съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ относится онъ къ уловкамъ партій, интригамъ однихъ и честнымъ попыткамъ другихъ разубѣдить его. Наконецъ, наступаетъ день, когда всѣ начинаютъ замѣчать съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, что ничто на свѣтѣ не можетъ поколебать его; онъ знаетъ, что наступитъ и такой день, гдѣ люди будутъ нуждаться въ его помощи.

Онъ уже вытѣснилъ пресвитеріанскихъ предводителей войскъ, людей съ громкими именами и титулами, какъ графа Эссекса, маркиза Манчестера, хотя «онъ былъ неучъ и сынъ простаго крестьянина», какъ утверждали его противники. Въ дѣйствительности, отецъ Кромвеля былъ зажиточный арендаторъ, а его мать—дочь баронета; но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ вышелъ изъ народа, унаслѣдовалъ его силы и инстинкты и понималъ его чувства и стремленія. Пресвитеріане, люди съ узкимъ міровоззрѣніемъ и ограниченными способностями, составляли пока большинство въ парламентѣ. Мѣры принятыя къ устраненію Эссекса и Манчестера распространялись и на Кромвеля. Но услуги Оливера были необходимы; и хотя патентъ его находился въ рукахъ лицъ, враждебно настроенныхъ противъ него, тѣмъ не менѣе, срокъ его службы продлили еще на мѣсяцъ. Въ это время, король выступилъ изъ Оксфорда; Лейстеръ положилъ оружіе, и снова эскадроны принца Рупрехта начали грабить и опустошать страну. Численность арміи, собранной роялистами на границахъ соединенныхъ графствъ, увеличивалась съ каждымъ днемъ. Въ подобный моментъ, конечно, немыслимо было отнять команду у такого опытнаго человѣка, какъ Кромвель. Такъ, случайность, которую никто не можетъ предвидѣть, является на помощь человѣку, назначенному судьбой быть исполнителемъ ея повелѣній.

11-го іюня, Кромвель получилъ бумагу отъ главнокомандую-

щаго, который именемъ парламента предписывалъ ему выслѣдить непріятеля и принудить послѣдняго къ битвѣ.

Два дня спустя, бригады Кромвеля были сосредоточены въ нортемптонскомъ графствѣ и стояли на готовѣ, чтобы по первому приказу соединиться съ войсками Ферфакса.

Далеко, на огромномъ пространствѣ виднѣлись бивуачные огни, разсѣянные до высотъ Незби; весь юго-западный склонъ холма, по направленію къ Джильборо, былъ занятъ палатками, лошадьми, пушечными лафетами и обозомъ парламентской арміи. Уже начинало смеркаться, когда передовыя колонны кромвелевскихъ «желѣзныхъ панцырниковъ» сошлись съ аріергардомъ Ферфакса и радостно привѣтствовали другъ друга. Хотя здѣсь расположилась многочисленная парламентская армія, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ людей, но не слышно было ни дикихъ воплей, ни брани и шума, какой всегда бываетъ на бивуакахъ. Каждый солдатъ молча исполнялъ свою обязанность и велъ себя также чинно, какъ въ церкви или на «собраніи вѣрующихъ», какъ они называли свои митинги. Мысль о Всевышнемъ не оставляла его и среди лагеря; не нужно было алтаря или предписаній начальства, чтобы сдерживать его въ границахъ приличія; въ пѣсняхъ не было ни солдатской удали, ни напыщеннаго восхваленія военной славы или земной любви; онъ пѣлъ благочестивыя пѣсни, которыми израильтяне прославляли Бога наканунѣ своихъ битвъ. Серьезно и молча двигались между огней суровыя воинственныя фигуры; на нѣкоторыхъ были куртки изъ желтой буйволовой кожи, на другихъ красные мундиры или стальные панцыри. Тогда только что начинался переходъ отъ средневѣковаго способа веденія войны къ новѣйшему, который отражался въ вооруженіи людей того времени и въ конскомъ военномъ убранствѣ. Феодальная алебарда встрѣчалась на ряду съ карабинами и пистолетами кавалеріи, которая первая преобразилась сообразно новѣйшимъ требованіямъ военнаго искусства, равнымъ образомъ, несмотря на то, что съ изобрѣтеніемъ пороха явились мортиры, ручныя гранаты и «полевыя шланги» все еще тяжелое вооруженіе ландскнехта было въ общемъ употребленіи. По отзыву людей принимавшихъ непосредственное участіе въ тридцатилѣтней нѣмецкой войнѣ (такихъ было не мало въ числѣ офицеровъ) парламентская армія представляла многія черты сходства съ войскомъ протестантскаго героя Густава Адольфа, заслужившаго прозвище «сѣвернаго льва». Говорили, что Кромвель при сформированіи своего войска взялъ за образецъ этого короля, павшаго на полѣ сраженія при Люценѣ; въ его арміи была такая же строгая дисциплина, какъ и въ шведской, то же благочестіе, утренняя и вечерняя молитвы; его солдаты также никогда не производили грабежа, и всегда побѣда оставалась за ними. Сначала право говорить рѣчи (какъ назывались тогда проповѣди) принад-

лежало пресвитеріанскимъ священникамъ, принявшимъ ковенантъ, которые съ этою цѣлью послѣдовали за войскомъ и отличались отъ военныхъ людей особымъ коричневымъ одѣяніемъ и голубыми мантіями. Но вскорѣ, рядомъ съ этими, какъ бы оффиціальными проповѣдниками, явились «вдохновленные мужи» изъ среды служащихъ въ пѣхотѣ и кавалеріи, которые, въ свою очередь, начали говорить назидательныя рѣчи войску, оставаясь въ своихъ прежнихъ мундирахъ всевозможныхъ полковъ. Мало-по-малу священники по профессіи должны были уступить имъ свои права, и съ этимъ исчезло всякое различіе между ними и простыми солдатами, офицерами и частными людьми. Принято было въ принципѣ, что слово Божіе должно быть возвѣщено по наитію Св. Духа, а это, само по себѣ, должно было неизбѣжно привести къ полному отрицанію духовнаго сана не только черезъ рукоположеніе по обряду англиканской церкви, но и по свободному выбору, какъ у престиверіанъ.

На высотѣ холма, склоны котораго уже погружались въ ночной мракъ, стоялъ главнокомандующій всей парламентской арміи, сэръ Томасъ Ферфаксъ, окруженный офицерами своего штаба. Отсюда открывался широкій видъ на окрестность. Въ недалекомъ разстояніи отъ холма была деревня Незби, покрытая сѣроватой мглой. Въ узкихъ окнахъ хижинъ мелькали огни; изъ открытыхъ дверей виднѣлся огонь на очагахъ. Деревня эта, какъ тысячи другихъ деревень, была расположена среди огороженныхъ полей и лѣсовъ; громко стрекотали кузнечики; слышался лай собакъ; церковная башня, почернѣвшая отъ времени, казалась особенно высокой по контрасту съ низкими окружающими домами. Аисты свили себѣ гнѣздо подъ мѣднымъ шаромъ, украшавшимъ ея скромный шпицъ. У подножія башни въ тихихъ могилахъ подъ камнями, обросшими мохомъ, спали непробудныъ сномъ прежніе обитатели Незби. Это была мирная картина замкнутой сельской жизни, отчужденной отъ цѣлаго міра. Кого могло интересовать существованіе этой деревни, кромѣ ея собственныхъ обитателей и жителей сосѣднихъ деревень? Ферфаксъ, уроженецъ другого графства, впервые познакомился съ названіемъ деревни Незби на своей военной картѣ и узналъ объ ея выгодномъ мѣстоположеніи изъ словъ посланныхъ имъ лазутчиковъ.

— Такимъ образомъ, сказалъ Ферфаксъ, продолжая начатый разговоръ, мы очутились теперь въ центрѣ Англіи, и вдобавокъ оказывается, что это самая высокая мѣстность въ цѣлой странѣ! Главнокомандующій только что почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ стариннаго описанія, приложеннаго къ картѣ Лейстерскаго графства, и такъ какъ никто изъ офицеровъ не возражалъ ему, то онъ добавилъ: вотъ будетъ чудо, если здѣсь произойдетъ окончательная развязка всего дѣла!

Въ сущности Томасъ Ферфаксъ не вѣрилъ никакимъ чудесамъ и надѣялся только на свою шпагу и войско. Много разъ въ жизни приходилось ему вспоминать слова его дѣда: «Томъ, сказалъ однажды лордъ своему внуку, совѣтую тебѣ не пренебрегать войной! Твой отецъ хорошій человѣкъ, но онъ трусъ! На тебя одного я возлагаю всѣ мои надежды...»

Главнокомандующій парламентской арміи не подозрѣвалъ, какая великая истина заключалась въ его мимолетномъ замѣчаніи относительно выбранной имъ позиціи. Дѣйствительно, трудно было предугадать заранѣе странную судьбу, ожидавшую эту малоизвѣстную деревню. Погруженная въ мракъ тихаго существованія, она видѣла изъ-подъ своихъ соломенныхъ крышъ только естественную смѣну однихъ поколѣній другими, главная задача жизни которыхъ заключалась въ томъ, чтобы наполнить амбары благословенными продуктами земли. Но вотъ неожиданно наступаетъ день, которому суждено было навсегда обезсмертить этотъ уголокъ Англіи. Тысячи людей повторяютъ теперь имя Незби, которое останется навсегда памятнымъ въ исторіи, такъ какъ здѣсь произошла знаменитая битва, имѣвшая рѣшительное вліяніе на судьбу цѣлаго народа. Многіе великолѣпные и гордые города, въ свое время возбуждавшіе удивленіе всего цивилизованнаго міра, пали и исчезли безслѣдно; но вѣчно сохранится воспоминаніе о маленькой незначительной деревнѣ, съ именемъ которой связано одно изъ величайшихъ историческихъ событій.

Послышались удары деревенскаго колокола; звонъ его торжественно раздался въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

— Девять часовъ, сказалъ Ферфаксъ. Я желалъ бы, чтобы Кромвель былъ здѣсь...

За деревней плоская возвышенность кончалась оврагомъ, который отдѣлялъ парламентскую армію отъ королевской, расположенной на высотѣ Маркетъ Герборо.

Главнокомандующій задумчиво смѣрилъ разстояніе привычнымъ глазомъ.

Сэръ Томасъ Ферфаксъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ назначенный главнокомандующимъ парламентскою арміей, былъ сынъ Фердинанда Ферфакса, англійскаго пера. Хотя онъ былъ уроженецъ сѣверныхъ графствъ, которыя выказали трогательную преданность королевскому дому, и находился въ родствѣ со многими дворянскими фамиліями (между прочимъ, съ сэромъ Гарри Слингсби), но оба Ферфакса, отецъ и сынъ, съ самаго начала междоусобной войны открыто приняли сторону парламента и неуклонно служили ему. Сэръ Томасъ вступилъ молодымъ человѣкомъ въ парламентскую армію, такъ что ему было всего тридцать лѣтъ, когда онъ принялъ участіе въ большомъ сраженіи при Мастонмурѣ, гдѣ отецъ и сынъ сражались рядомъ. Старшій Ферфаксъ

былъ раненъ въ плечо; младшій остался живъ только благодаря тому, что снялъ съ шлема бѣлый значекъ, по которому непріятель могъ узнать его. Какъ извѣстно, эта битва, вѣроятно, кончилась бы полнымъ пораженіемъ парламентской арміи, если бы ее не выручили ошибка сдѣланная принцемъ Рупрехтомъ и распорядительность Кромвеля. Съ этого дня Ферфаксъ вошелъ въ такую же славу, какъ Кромвель, который безъ малѣйшей зависти отнесся къ этому факту, и, съ своей стороны, сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы парламентъ оцѣнилъ заслуги его младшаго товарища. Великій человѣкъ ясно видѣлъ, что молодой Ферфаксъ несравненно выше всѣхъ бывшихъ до этого полководцевъ, хотя далеко уступалъ имъ въ знатности, такъ какъ его родословное дерево не восходило далѣе времени первыхъ Тюдоровъ. Послѣднее, по мнѣнію Кромвеля, говорило въ пользу молодого дворянина, который, въ виду скромнаго ряда предковъ двухъ столѣтій, долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы прославить свое имя личными заслугами и остаться вѣрнымъ девизу на своемъ гербѣ «Fare, fac» (слово—дѣло). У молодаго Ферфакса слово всегда согласовалось съ дѣломъ, и не могло быть никакого сомнѣнія относительно его образа мыслей, потому что онъ выросъ въ пуританскихъ принципахъ и готовъ былъ пожертвовать для нихъ жизнью. Когда отецъ его, котораго старый лордъ называлъ трусомъ, хотя рана, полученная имъ при Мастонмурѣ, свидѣтельствовала о противномъ, окончательно поселился въ своемъ замкѣ, младшій Ферфаксъ не оставилъ военнаго поприща, какъ бы въ оправданіе пророческихъ словъ своего дѣда на этотъ разъ болѣе правдивыхъ.

Сэръ Томасъ женился незадолго до начала междоусобной войны на богатой и знатной дѣвушкѣ, урожденной Вересъ Тильбери, которая, кромѣ ума и образованія, отличалась твердостью характера. Добросовѣстный историкъ тѣхъ временъ, Кларендонъ, не могъ найти въ ней другихъ недостатковъ, кромѣ того, что она была воспитана въ Голландіи и не имѣла надлежащаго уваженія къ англиканской церкви. Этому обстоятельству онъ приписываетъ тотъ фактъ, что она, раздѣляя мнѣніе своего мужа, не помѣшала ему принять участіе въ возмущеніи, которое навлекло такія бѣдствія на государство.

Самъ Ферфаксъ, счастливый полководецъ, удостоенный неслыханными почестями, представлялъ собою рѣдкое соединеніе безусловной храбрости съ полнымъ отсутствіемъ собственной иниціативы и честолюбія. Хотя онъ былъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Англіи во время продолжительнаго пережитаго ею кризиса, но его ни разу не коснулись обвиненія и клевета его собственной партіи. Равнымъ образомъ и противная партія, паденію которой онъ всего болѣе способствовалъ, ничѣмъ не заклей-

мила его памяти, такъ что безпристрастное потомство могло составить о немъ вполнѣ вѣрное сужденіе.

Теперь онъ хладнокровно стоялъ въ виду непріятеля и съ невозмутимымъ спокойствіемъ ожидалъ прибытія Кромвеля. Пламя, горѣвшаго по близости костра, освѣщало его стройную, но худощавую фигуру, открытое привѣтливое лицо, съ плоскимъ лбомъ и выраженіемъ твердой рѣшимости въ губахъ. О глазахъ его трудно было судить въ эту минуту, такъ какъ они оживлялись только въ пылу сраженія и принимали особенное, свойственное имъ смѣлое выраженіе.

— Доложите мнѣ, если получится какое-нибудь извѣстіе съ нашихъ аванпостовъ, сказалъ онъ одному изъ стоявшихъ вокругъ него офицеровъ, направляясь къ своей палаткѣ, раскинутой на склонѣ холма, такой же низкой и неудобной, какъ и всѣ другія палатки, но только болѣе обширныхъ размѣровъ. На голой, ничѣмъ не покрытой, землѣ поставленъ былъ стулъ и столъ, на которомъ горѣла свѣча, плохо защищенная рѣдкимъ полотномъ отъ ночнаго вѣтра. Мерцающій огонь свѣчи тускло освѣщалъ лежавшія на столѣ карты Лейстершира и сосѣднихъ графствъ, планъ позиціи, чернильницу и зрительную трубу. У задней стѣны палатки стояла походная кровать, у которой сидѣла старая служанка на низкой скамейкѣ.

— Давно ли она заснула? спросилъ главнокомандующій, осторожно подходя къ постели.

— Около часу, если не больше, отвѣтила почтительно старуха.

На постели спала дѣвочка, лѣтъ шести или семи. Это была родная дочь генерала, Мери Ферфаксъ. Въ началѣ войны, жена также всюду слѣдовала за нимъ, но послѣ битвы при Брадфордѣ она вернулась въ замокъ, дѣвочка сопровождала отца въ дальнѣйшихъ походахъ. Она не хотѣла разстаться съ нимъ и съ такими горькими слезами умоляла его не оставлять ея, что онъ посадилъ ее къ себѣ на сѣдло, а для присмотра и ухода за ребенкомъ взялъ старуху, которая выняньчила его самого. Такимъ образомъ, это маленькое существо было неразлучно съ отцомъ при всѣхъ битвахъ, переходахъ арміи съ мѣста на мѣсто и въ лагерѣ. Нерѣдко жизнь ея была въ опасности; подчасъ послѣ утомительнаго длиннаго перехода, съ ней случались обмороки, и разъ, во время одного поспѣшнаго отступленія, она серьезно заболѣла, и смерть грозила прервать нить этой, только что разцвѣтающей жизни. Войскà переправлялись черезъ Трентъ съ барабаннымъ боемъ, между тѣмъ, какъ несчастный отецъ, самъ раненный въ кисть руки, не рѣшался отойти отъ любимаго существа; но вотъ приблизилась послѣдняя колонна и онъ долженъ былъ оставить умирающую дочь на дорогѣ въ первой попавшейся хижинѣ. Прошло нѣкоторое время, дѣвочка выздоровѣла и опять явилась съ своею служанкой

въ пуританскій лагерь; она была любимое и балованное дитя суровыхъ воиновъ, которые во время битвъ стояли стѣной между непріятельскимъ огнемъ и дочерью ихъ генерала.

Дѣвочка едва замѣтно вздохнула, когда отецъ наклонился къ ней. Благодаря трудной и утомительной военной жизни, лицо ея преждевременно приняло серіозное опредѣленное выраженіе, между тѣмъ какъ воздухъ и солнце придали смуглый оттѣнокъ кожѣ. Но теперь во время сна черты ея лица приняли миловидное дѣтское выраженіе; отецъ невольно любовался ея граціозной маленькой фигурой съ сложенными руками, фантастически освѣщенной мерцающимъ свѣтомъ свѣчи; сердце его было переполнено радостнымъ ощущеніемъ счастья и любви. Но вотъ она слегка вскрикнула и протянула руки какъ будто ловила какую-то тѣнь въ воздухѣ; губы ея совершенно ясно произнесли имя Бокингема. Затѣмъ опять все стихло и дѣвочка по прежнему погрузилась въ крѣпкій сонъ.

— Что это значитъ? спросилъ съ безпокойствомъ отецъ, обращаясь къ старухѣ.

— Не сердитесь на меня ваша милость! отвѣтила вѣрная служанка, никогда не лгавшая своему господину.—Леди Мери просила меня разсказать ей какую нибудь исторію передъ сномъ, но такую, которая дѣйствительно случилась когда-то. Тутъ я разсказала ей о знаменитомъ красавцѣ герцогѣ Бокингемѣ, любимцѣ короля, который былъ осыпанъ всевозможныти почестями и, наконецъ, былъ неожиданно убитъ въ одно прекрасное утро человѣкомъ пріѣхавшимъ изъ Портсмута. Это вѣроятно и приснилось нашей леди...

— Зачѣмъ ты набиваешь ей голову такими пустяками! замѣтилъ строгимъ тономъ Ферфаксъ.—Ты бы лучше разсказала ей какую нибудь сказку...

— Леди Мери знаетъ всѣ сказки наизусть, возразила старуха.— Какъ только я скажу: «жилъ былъ»... она прерветъ меня и велитъ разсказывать настоящую исторію. Она охотнѣе всего слушаетъ о короляхъ, которые несчастнымъ образомъ кончили свою жизнь, какъ напримѣръ Макбетъ или Ричардъ II, и всегда плачетъ, когда я разсказываю ей о судьбѣ Маріи Стюартъ или сыновьяхъ Эдуарда. Она даже сказала разъ, что еслибы ей пришлось жить въ тѣ времена, то она освободила бы несчастныхъ принцевъ изъ тюрьмы, и одинъ изъ нихъ вѣроятно поцѣловалъ бы ей руку, какъ это бываетъ въ сказкахъ и сдѣлалъ бы ее англійской королевой...

Ферфаксъ хотѣлъ объяснить старухѣ, что подобныя вещи не слѣдуетъ разсказывать его дочери, и вдобавокъ въ лагерѣ парламентской арміи; но въ эту минуту въ недалекомъ разстояніи отъ палатки раздался выстрѣлъ, за нимъ тотчасъ же послѣдовалъ другой.

Дѣвочка проснулась и торопливо приподнялась на постели въ своемъ бѣломъ ночномъ платьѣ; но видѣнныя ею сновидѣнія все еще проносились передъ ея глазами.—Гдѣ онъ? спросила она въ

полудремотѣ, машинально откидывая со лба свои длинные волосы.— Тутъ былъ сейчасъ герцогъ Бокингемъ, отецъ котораго...

Слова эти были прерваны третьимъ выстрѣломъ. Мери увидѣла отца и протянула ему обѣ руки. Теперь все помню, мнѣ снился сонъ... Непріятель близко; будетъ скоро битва?

Она вскочила съ постели босыми ногами и бросилась въ объятія отца, который съ нѣжностью прижалъ ее къ своему сердцу.— Вѣрно подаютъ лошадей? спросила она печальнымъ голосомъ; такъ передъ началомъ битвы, отецъ всегда отсылалъ ее вмѣстѣ съ служанкой въ аріергардъ.

— Нѣтъ, до этого далеко. Ложись опять спать Мери, сказалъ Ферфаксъ, подводя дочь къ постели.—Я сейчасъ вернусь къ тебѣ, только узнаю въ чемъ дѣло.

Онъ поднялъ занавѣсь закрывавшую входъ въ палатку и вышелъ на открытый воздухъ.—Вѣроятно пойманы шпіоны, которыхъ придется повѣсить, пробормоталъ онъ сквозь зубы, увидя при свѣтѣ горѣвшаго костра, трехъ оборванцевъ, окруженныхъ солдатами, которые сбѣжались со всѣхъ сторонъ, привлеченные любопытствомъ. Брань, угрозы, удары ружейныхъ прикладовъ сыпались на бѣдняковъ, хотя они не выказывали никакого сопротивленія и выносили оскорбленія съ покорностью людей, неожидавшихъ ничего лучшаго.

Присутствіе главнокомандующаго было тотчасъ же замѣчено; одинъ изъ солдатъ доложилъ ему, что приведены трое плѣнныхъ.

Ферфаксъ подошелъ ближе. Рѣдко приходилось ему видѣть картину болѣе ужасающей нищеты, нежели ту, какую представляли собой эти трое несчастныхъ людей. Голодъ и нужда рѣзко отражались на ихъ лицахъ; казалось, что можно было пересчитать ихъ кости, тѣмъ болѣе, что одежда ихъ была настолько изодрана, что во многихъ мѣстахъ виднѣлось голое тѣло. Волосы падали безпорядочными прядями на лобъ, такъ что, при неровномъ освѣщеніи костра, съ трудомъ можно было разглядѣть ихъ лица.

Главнокомандующій нѣкоторое время молча смотрѣлъ на нихъ, недоумѣвая, кому онъ обязанъ этимъ непрошеннымъ даромъ войны. Столько лицъ прошло передъ его глазами, и въ послѣднее время имъ отдано было столько различныхъ приказаній, что онъ не могъ или даже не хотѣлъ помнить имена и исторіи всѣхъ тѣхъ, надъ которыми ему приходилось произносить смертный приговоръ.

Читатель нашъ не находится при подобныхъ условіяхъ и, вѣроятно, не отречется отъ старыхъ знакомыхъ, когда, присмотрѣвшись ближе къ лицамъ этихъ трехъ кандидатовъ смерти, узнаетъ въ нихъ бывшаго актера Юргена и его двухъ товарищей, съ которыми онъ встрѣтился въ Чильдерлейскомъ замкѣ, а затѣмъ въ Лонгстовскомъ лѣсу.

Несчастный поклонникъ музъ теперь болѣе походилъ на остовъ,

нежели на живаго человѣка. Хотя и прежде онъ не отличался полнотой, но вынужденный постъ лишилъ его послѣднихъ признаковъ мяса и жира. Послѣ долгаго заключенія въ гунтингдонской тюрьмѣ онъ былъ отправленъ въ армію Ферфакса, гдѣ ему пришлось слѣдовать за обозомъ изъ деревни въ деревню, изъ графства въ графство, подъ вѣчнымъ страхомъ, что скоро наступитъ для него послѣдній день жизни. Онъ зналъ, что, такъ какъ кромвелевскій отрядъ взялъ его въ плѣнъ, то приговоръ военнаго суда долженъ быть подтвержденъ самимъ Кромвелемъ, и поэтому съ ужасомъ ожидалъ прибытія человѣка, который одинаково поглощалъ собою вниманіе друзей и враговъ. Юргенъ приходилъ въ трепетъ при одномъ имени Кромвеля; чувствовалъ какъ поднимались волосы на его головѣ отъ страха, когда слышалъ объ его приближеніи отъ приставленной къ нему стражи и дышалъ свободнѣе, когда узнавалъ, что Кромвель пошелъ другой дорогой. У него не могло быть никакого сомнѣнія относительно рѣшенія военнаго совѣта, потому что священники въ голубыхъ мантіяхъ ежедневно готовили его къ смерти, убѣждая его принять ковенантъ, какъ единственное средство спасенія отъ мукъ ада.

Юргенъ отвѣчалъ что онъ не видитъ никакой надобности торопиться и что на это всегда будетъ слишкомъ много времени.

— Закоснѣлый грѣшникъ! говорилъ въ этихъ случаяхъ досточтенный мистеръ Спригге, одинъ изъ капеллановъ самого главнокомандующаго. Я глубоко убѣжденъ, что ты попадешь на висѣлицу прежде, чѣмъ кончится полнолуніе.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Юргенъ; въ такомъ случаѣ мы простимся съ вами при лунномъ свѣтѣ, и мнѣ легче будетъ найти дорогу на небо.

— Пойми, что ты пойдешь прямо въ адъ, гдѣ будешь мучиться день и ночь во вѣки вѣковъ! объяснялъ священникъ, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ приговореннаго къ смерти бѣдняка.

Бывшій актеръ пожималъ плечами.

— Что дѣлать! возражалъ онъ, нужно быть на все готовымъ. Я надѣюсь и тамъ найти добрыхъ друзей!

Но въ дѣйствительности Юргенъ былъ далеко не такъ равнодушенъ къ ожидавшей его участи. Всѣ улики были противъ него. Онъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; въ его карманахъ были найдены подметныя письма угрожающаго свойства, къ которымъ военный судъ отнесется гораздо строже, нежели добродушный сэръ Товій Кутсъ. Кромѣ того, у несчастнаго агента нейтральной партіи оказались прокламаціи; въ нихъ говорилось о необходимости составить новые полки изъ членовъ клуба по всему королевству для соединенія съ возставшими графствами на югѣ. Изъ захваченныхъ бумагъ было ясно видно насколько планъ, составленный нейтральной партіей, былъ связанъ съ интересами короля, и если тутъ не было

того, что принято называть государственной измѣной, то было нѣчто—весьма близкое къ этому. Такимъ образомъ, самый смѣлый спортсменъ не сталъ бы держать пари за цѣлость головы Юргена и его товарищей; еще менѣе были увѣрены въ этомъ сами преступники.

Однако не смотря на то, что Юргенъ стоялъ передъ лицомъ смерти и былъ достаточно подготовленъ къ ней, все-таки жизнь представляла для него неотразимую прелесть, хотя въ сущности она ничѣмъ не заслужила подобной привязанности. Она попеременно его угощала голодомъ, всевозможными преслѣдованіями, муками неудачной любви и плѣномъ; наконецъ, дошло до того, что его посадили въ овечій хлѣвъ, гдѣ, сидя подъ стражей двухъ красныхъ мундировъ, онъ съ ужасомъ прислушивался къ каждому слову, которое могло служить предвѣстникомъ болѣе или менѣе близкаго конца его горестной жизни. Но не даромъ говорятъ, что дѣти, съ которыми обходятся всего строже, оказываются наиболѣе благодарными; такъ было и съ Юргеномъ; онъ всѣмъ сердцемъ любилъ жизнь и свѣтъ, которые всегда обращались съ нимъ, какъ самая суровая мачиха. Неопредѣленность будущности служила для него большимъ утѣшеніемъ. Мысль о Кромвелѣ проносилась въ его головѣ, какъ туча, предвѣщающая на вечеръ бурю; но онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что она пройдетъ мимо. «Можетъ быть»—стало его любимымъ словомъ, которымъ онъ подслащалъ горькій хлѣбъ плѣнника, воду служившую ему единственнымъ питьемъ; этимъ же словомъ убаюкивалъ онъ себя и на сонъ грядущій.

Но сегодня Юргенъ проснулся въ ужасѣ, услыхавъ роковую вѣсть о приближеніи Кромвеля, которая съ быстротою молніи пронеслась по всему лагерю парламентской арміи. Нѣкоторые утверждали, что еще наканунѣ видѣли его авангардъ близь Кетеринга.

Другой человѣкъ на мѣстѣ Юргена вѣроятно покончилъ бы свои счеты съ жизнью. Сначала и онъ самъ думалъ, что для него нѣтъ иного исхода, но вслѣдъ за тѣмъ перемѣнилъ рѣшеніе.

— Нечего приходить въ отчаяніе! воскликнулъ онъ мысленно, такъ какъ не смѣлъ громко выражать своего мнѣнія изъ боязни, что его могутъ услышать красные мундиры, стоящіе у дверей. Если меня посадили въ овечій хлѣвъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ идти на закланіе, какъ овца! Мнѣ уже разъ приходилось искать спасеніе въ бѣгствѣ при Фрейбургѣ, когда непріятель разбилъ насъ на голову; никто не мѣшаетъ мнѣ опять прибѣгнуть къ этому средству...

Юргенъ съ уныніемъ взглянулъ на свои сапоги, которые были въ самомъ жалкомъ состояніи. Онъ составлялъ различные планы бѣгства, одинъ другого несбыточнѣе, и давалъ странные обѣты. У него явилось твердое намѣреніе сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ; и въ сокрушеніи своего сердца онъ обратился къ небу съ

своеобразной молитвой, чтобы Господь не лишилъ его возможности послужить дѣлу и послалъ бы ему хорошую лошадь и пару пистолетовъ.

Въ этихъ печальныхъ размышленіяхъ прошелъ день для несчастнаго плѣнника, и наступили сумерки. Мало по малу на холмахъ зажглись огни.

Друзья мои, сказалъ Юргенъ шопотомъ, обращаясь къ двумъ товарищамъ, раздѣлявшимъ его печальную участь, какъ вы думаете, не выбраться ли намъ отсюда черезъ эту дыру въ углу стѣны. Разумѣется было бы удобнѣе и почетнѣе пройти въ дверь; но мы не первые и не послѣдніе будемъ искать себѣ спасенія этимъ путемъ! Если насъ поймаютъ, то хуже не будетъ! человѣкъ умираетъ одинъ разъ, а въ случаѣ удачи мы черезъ полчаса очутимся въ оврагѣ на другой сторонѣ деревни, гдѣ роялисты съ радостью примутъ насъ въ свою армію.

Юргенъ не подозрѣвалъ, что вдоль оврага была разставлена такая сплошная цѣпь постовъ парламентской арміи, что даже кошка не могла остаться незамѣченною, не только трое плѣнныхъ. Едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ надъ ихъ головами послышался выстрѣлъ, за которымъ слѣдовали два другихъ, бѣглецовъ окружили со всѣхъ сторонъ и привели къ главнокомандующему.

Въ это время у подножья холма парламентская армія радостно привѣтствовала появленіе Кромвеля и его многочисленной кавалеріи. Раздался громкій, протяжный крикъ, который, переходя отъ отряда къ отряду, пронесся по всему лагерю до вершины холма: Да здравствуетъ генералъ-лейтенантъ!.. Кромвель!..

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главнокомандующаго на взмыленной лошади появился молодой человѣкъ въ богатомъ красномъ мундирѣ, блестѣвшемъ отъ золота; за нимъ ѣхало еще нѣсколько всадниковъ и трубачъ.

— Друзья мои, сказалъ Юргенъ, обращаясь къ своимъ вѣрнымъ товарищамъ, которые подобно ему надѣялись найти спасеніе въ бѣгствѣ, теперь я признаю себя побѣжденнымъ, и намъ ничего не остается, какъ сложить оружіе. Вѣрьте мнѣ, что это тотъ самый полковникъ, который приказалъ арестовать насъ въ лонгстовскомъ лѣсу, и съ нимъ Макъ-Алистеръ.

Юргенъ не ошибся; это былъ Франкъ Гербертъ, въ своемъ богатомъ военномъ одѣяніи, которое казалось еще эффектнѣе при красноватомъ отблескѣ костра, нежели при дневномъ свѣтѣ. На его лицѣ не видно было и слѣда того душевнаго волненія, съ которымъ онъ простился съ своимъ другомъ Гевидомъ и замкомъ, гдѣ оставлялъ дорогое для него существо. Мысли его были поглощены предстоящей битвой и исполненіемъ возложенной на него обязанности.

Онъ быстро соскочилъ съ лошади и отдалъ честь главнокомандующему.

— Надѣюсь, вы съ хорошими вѣстями полковникъ? спросилъ Ферфаксъ съ привѣтливой улыбкой. Вѣроятно, вы сообщите мнѣ о прибытіи кавалеристовъ! Парламентъ не даромъ гордится ими; побѣда обратилась имъ въ привычку.

— Кавалеристы Кромвеля къ вашимъ услугамъ сэръ! возразилъ Франкъ Гербертъ. Они были въ недалекомъ разстояніи отсюда, когда генералъ-лейтенантъ откомандировалъ меня къ вашему превосходительству съ докладомъ. Съ послѣдняго поворота, откуда идутъ двѣ дороги—одна къ Несби, другая въ Бурлей, можно было замѣтить при наступающихъ сумеркахъ движенія непріятеля на противоположныхъ высотахъ. Генералъ-лейтенантъ отправилъ на рекогносировку одного изъ офицеровъ своего штаба съ отрядомъ кавалеристовъ.

— Какого офицера?

— Генерала Иретона.

— Жениха своей дочери Бришты?

— Да, сэръ! отвѣтилъ почтительно Гербертъ, недоумѣвая, какое можетъ быть отношеніе между помолвкой дочери Кромвеля и военной рекогносцировкой. Но, какъ намъ извѣстно, у самого Ферфакса была дочь, составлявшая предметъ его нѣжной заботливости, и, теперь наканунѣ битвы, онъ невольно вспомнилъ о дочери Кромвеля.

Въ это время Гербертъ замѣтилъ трехъ оборванцевъ, стоявшихъ у огня, и тотчасъ-же узналъ ихъ.

— Если память не обманываетъ меня, сказалъ онъ, то эти три джентльмена были отправлены въ главную квартиру съ послѣдней партіей плѣнныхъ?

— Рѣчь идетъ объ насъ, я не жду ничего хорошаго! шепнулъ Юргенъ своимъ товарищамъ, принимая плачевную позу кающагося грѣшника, въ слабой надеждѣ разжалобить суроваго кавалериста.

— Да, кажется! отвѣтилъ главнокомандующій, и я жалѣю, что до сихъ поръ не сдѣлано относительно ихъ никакого распоряженія. Они только что хотѣли бѣжать отсюда; но наши сторожевые посты успѣли во-время захватить ихъ. Не мѣшало-бы спровадить этихъ господъ до наступленія утра; завтра мы можемъ очутиться въ такомъ положеніи, что прійдется дорожить каждымъ солдатомъ и не кому будетъ охранять ихъ...

Тысяча плановъ, одинъ другого несообразнѣе промелькнули въ головѣ Юргена. Ему хотѣлось сказать: Вамъ нужны руки, зачѣмъ же вы хотите повѣсить меня! Дайте мнѣ ружье и я пойду вмѣстѣ съ вами. Разумѣется, человѣку съ добрымъ сердцемъ не легко рѣшиться убивать другихъ людей для спасенія собственной шкуры, но когда нѣтъ другого выбора...

Герберть прервалъ эти благочестивыя размышленія замѣчаніемъ, что Кромвель въ подобныхъ случаяхъ считаетъ достаточнымъ повѣсить для назиданія одного изъ приговоренныхъ и отпустить остальныхъ.

Трое товарищей молча переглянулись; каждый изъ нихъ чувствовалъ глубокое состраданіе къ двумъ остальнымъ, и втайнѣ надѣялся, что онъ самъ избѣгнетъ смерти.

— Я вполнѣ согласенъ съ этимъ, отвѣтилъ человѣколюбивый полководецъ парламентской арміи. Намъ приходится столько проливать крови въ этой войнѣ, что слѣдуетъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы пощадить чью нибудь жизнь. Пусть подадутъ барабанъ и кости.

Въ генералѣ Ферфаксѣ, несмотря на его строгій пуританизмъ, были нѣкоторыя черты, напоминающія солдата старой школы. Карточная игра и кости были строго запрещены въ его лагерѣ, но кости всегда выступали на сцену, когда дѣло шло о пощадѣ какого нибудь приговореннаго къ смерти.

Тотчасъ-же принесли стаканъ съ костями и поставили на барабанѣ передъ тремя бѣдняками.

Юргену много разъ въ жизни приходилось бросать кости, даже болѣе, нежели онъ самъ желалъ этого въ минуты хладнокровнаго размышленія. Эти демоны соблазнители съ множествомъ черныхъ глазъ были главной причиной гибели его карьеры; онъ проигралъ въ нихъ все, что заработалъ въ Англіи, Голландіи и Германіи. Если онъ сдѣлался актеромъ, имперскимъ солдатомъ, присталъ къ партіи нейтральныхъ и теперь очутился лицомъ къ лицу съ смертью, то во всемъ были виноваты кости, которыя теперь улыбаясь смотрѣли на него и точно поддразнивали своими черными нахальными глазами. Сладострастный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу; пальцы судорожно сжались.

— Если въ нихъ сидитъ чортъ, то онъ можетъ сыграть надо мной славную штуку? сказалъ онъ. Такъ и быть, товарищи я брошу первый.

Онъ подошелъ къ барабану, освѣщенному свѣтомъ костра, и всталъ передъ нимъ на колѣни. Кругомъ его столпились мрачныя фигуры въ шлемахъ и красныхъ мундирахъ.

Юргенъ встряхнулъ стаканъ; кости глухо застучали. Ну, крикнулъ онъ, сразу выкидывая ихъ на кожу барабана. Кажется я еще не совсѣмъ разучился играть!

Главнокомандующій наклонился, чтобы сосчитать очки.

— Дайте огня! сказалъ онъ я ничего не вижу; вѣтеръ гонитъ дымъ на барабанъ.

Зажгли смолистыя лучины сосноваго дерева и подняли надъ головами собравшейся группы; вершина холма освѣтилась красноватымъ свѣтомъ.

— Вы видите, воскликнулъ съ торжествомъ Юргенъ, стоя на колѣняхъ, рука не измѣнила мнѣ. Чередъ за мной. Я могу еще разъ попробовать счастья!

— Другъ мой, сказалъ Франкъ Грebертъ, ты кажется забываешь, что кости принесены сюда не для препровожденія времени.

— Но игра во всякомъ случаѣ должна быть честная! возразилъ Юргенъ.—Неужели въ главной квартирѣ парламентской арміи, на глазахъ главнокомандующаго, будутъ нарушены самыя обыкновенныя правила игры! Здѣсь мы не между шулерами и не въ какой нибудь пивной лавкѣ. Я бывалъ въ свѣтѣ сэръ!..

— Онъ правъ, сказалъ Ферфаксъ.—Теперь очередь его товарищей; онъ броситъ еще разъ кости послѣ нихъ.

Оба бѣдняка подошли одновременно къ барабану, дрожа всѣмъ тѣломъ. Но счастье слѣпо и не всегда отличаетъ искусныхъ игроковъ отъ неумѣлыхъ; они встряхнули стаканъ и бросили кости: у одного вышло двѣнадцать очковъ, у другого—пятнадцать.

— Тринадцать выигрышъ; мнѣ не разъ удавалось въ жизни выбросить бо̀льшее число очковъ! сказалъ Юргенъ и, встряхнувъ стаканъ, бросилъ кости. Вышло девять очковъ.

— Проигралъ!.. воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ больше слышно было досады и гнѣва, нежели страха. — Я всегда говорилъ, что нельзя довѣрять счастью въ игрѣ! Это мое послѣднее слово. Ну, ведите меня на висѣлицу!..

— Можетъ быть, судьба готовила тебѣ лучшую участь! сказалъ главнокомандующій.—Ты кажется не лишенъ мужества и спокойно идешь на смерть. Но ты приговоренъ къ ней по военнымъ законамъ и судомъ Божьимъ. Я даю тебѣ еще десять минутъ жизни...

Ферфаксъ вынулъ часы.—Жаль, очень жаль!.. пробормоталъ онъ и повернулъ голову, чтобы сдѣлать распоряженіе относительно немедленнаго исполненія приговора.

— Да, дѣйствительно жаль! повторилъ Юргенъ, бросая прощальный взглядъ на кости. Но чѣмъ согрѣшилъ тѣмъ и наказанъ. Началъ съ проклятой игры и кончилъ ею!

Увѣренность въ неизбѣжности близкой смерти дѣлала его почти героемъ.

— Вы не совсѣмъ хорошо поступили со мной сэръ, сказалъ онъ, подходя къ Франку Герберту, хотя разумѣется дѣлали то, что̀ вамъ приказывалъ долгъ. Не будемъ говорить объ этомъ... У меня слишкомъ мало времени... Я скоро покину театръ жизни, на которомъ каждый играетъ свою роль, пока Господь не прикажетъ убираться прочь!.. Скажите мнѣ на прощанье, что сталось съ дѣвушкой которую я оставилъ полумертвой въ Лонгстовскомъ лѣсу?

Грустью поразилъ Герберта этотъ вопросъ, сдѣланный человѣкомъ, которому оставалось нѣсколько минутъ жизни.

— Ты знаешь ее? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Бѣдный грѣшникъ готовъ былъ сдѣлать свое послѣднее признаніе; но въ этотъ моментъ среди ночной тишины раздался барабанный бой и на протяженіи всего лагеря пронеслось громкое ура. Слышенъ былъ топотъ быстро приближавшейся конницы; впереди ѣхалъ Кромвель. Пламя костра, раздуваемаго вѣтромъ, освѣтило на секунду его мощную фигуру. Герой столѣтія, человѣкъ избранный небомъ, чтобы измѣнить судьбу Англіи и даровать ей благо свободы, вступилъ на малоизвѣстный холмъ Незби, по которому до сихъ поръ проходили только плугъ и коса и, гдѣ вскорѣ подъ громомъ и огнемъ битвы долженъ былъ пасть послѣдній оплотъ насилія со всею его ложью, нетерпимостью и суевѣріемъ.

Великій Кромвель! какъ живо рисуешься ты въ моемъ воображеніи въ эту минуту при неровномъ освѣщеніи бивуачнаго огня Незби! Я вижу твое суровое угловатое лицо, окаймленное длинными каштановыми волосами, съ высокимъ прекрасно очерченнымъ лбомъ, и глазами полными непоколебимаго довѣрія и надежды на Бога. Долго странствовалъ я по деревнямъ и городамъ твоей родины, отыскивая слѣды твоего земнаго существованія. Я видѣлъ твою тѣнь на туманныхъ болотахъ Гунтигдона, среди лѣса мраморныхъ вестминстерскихъ памятниковъ, стоялъ передъ твоей пустой могилой, гдѣ ты покоился короткое время, пока не исторгли изъ нея твой прахъ, сожгли тѣло, а голову насадили на колъ. Но что̀ достигнуто этимъ? Твой подвигъ навсегда обезсмертилъ тебя. Избѣгаютъ произносить твое имя; нѣтъ даже доски, которая бы указывала на домъ, гдѣ ты родился. Палата общинъ, которую ты обезпечилъ отъ произвола, каменныя ступени, по которымъ раздавались твои шаги, зала съ темнымъ потолкомъ невольно напоминаютъ о твоемъ существованіи, хотя гордая Англія, щедрая на памятники своимъ великимъ людямъ, не сочла нужнымъ воздвигнуть тебѣ мавзолея. Но имя твое дорого для тѣхъ, кто любитъ свободу. Они идутъ на поклоненіе изъ дальнихъ странъ, чтобы подышать воздухомъ, который вѣетъ на холмахъ твоей родины, такъ какъ отъ тебя не осталось даже могилы среди воспоминаній великаго прошлаго. Сердце ихъ переполняется надеждой на лучшую будущность для всего человѣчества, вѣрой во все то, что̀ есть высокаго, чистаго и святаго на землѣ, когда твой образъ предстаетъ передъ ними, какъ олицетвореніе упорно преслѣдуемой идеи, во всемъ своемъ недосягаемомъ величіи.

— Очень радъ видѣть васъ! сказалъ сэръ Томасъ Ферфаксъ, дружески пожимая руку великому полководцу, такъ какъ безъ зависти признавалъ его превосходство надъ собой и въ это время еще не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго недовѣрія.

Ферфаксъ былъ человѣкъ великодушный по природѣ, но безъ высшаго полета; онъ ясно видѣлъ то, что̀ окружало его; но не отличался дальнозоркостью. Хотя онъ былъ главнокомандующій, но

добровольно преклонялся передъ военными доблестями, твердостью характера и талантами своего товарища, который по чину занималъ послѣ него второе мѣсто. Тѣмъ не менѣе, несмотря на постоянныя и близкія отношенія съ Кромвелемъ, онъ не понималъ ни его значенія, ни задачи, къ которой призвало его провидѣніе.

Кромвель отвѣтилъ на привѣтствіе главнокомандующаго молчаливымъ пожатіемъ руки.

— Ваше присутствіе важно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, продолжалъ Ферфаксъ.—Это даетъ намъ надежду, что особенная милость Господня, которая привела васъ сюда, не оставитъ насъ и на завтрашній день. Еще разъ отъ души привѣтствую васъ.

— Если Богъ даруетъ намъ побѣду, то мы будемъ обязаны этимъ вашему превосходительству, возразилъ Кромвель. — Ваше усердіе и преданность святому дѣлу не будутъ напрасны. Господь не оставитъ сыновъ своихъ и поразитъ войско филистимское.

Кромвель по усвоенной имъ привычкѣ положилъ лѣвую руку на рукоятку своей тяжелой кавалерійской сабли и воткнулъ ее остріемъ въ землю. Эта была та самая сабля, которая висѣла у его пояса въ сраженіи при Марстонмурѣ съ слѣдами двухъ мушкетныхъ пуль на лезвеѣ. Она составляла нѣчто неразлучное съ его сильной приземистой фигурой; широкія и мускулистыя плечи, грудь и руки, были какъ бы нарочно созданы для суроваго дѣла, которое ему суждено было выполнить на землѣ. На немъ былъ мундиръ его „краснаго полка», кожаныя рейтузы, высокіе кавалерійскіе сапоги и шлемъ украшенный перьями парламента.

Офицеры различныхъ полковъ, принадлежащіе къ его штабу, были такіе же люди изъ народа, какъ онъ самъ, бывшіе юристы, арендаторы, сыновья торговцевъ и различныхъ ремесленниковъ. Изъ тѣхъ же гражданъ состояла вся его армія; одни приняли участіе въ войнѣ убѣжденные въ правотѣ дѣла, и въ то же время не переставали участвовать въ выборныхъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ парламента, приказанія котораго они исполняли. Въ числѣ офицеровъ были два сына Кромвеля: Ричардъ и Генри: одинъ служилъ капитаномъ въ лейбъ гвардіи своего отца; другой—капитаномъ въ полку Гаррисона.

— Какая досада Клейполь, сказалъ Ричардъ, обращаясь къ стоявшему возлѣ него молодому офицеру изящной аристократической наружности, — кажется я напрасно разсчитывалъ на хорошій ужинъ! Тутъ никто и не думаетъ объ ѣдѣ! Клянусь честью, мнѣ до смерти надоѣла эта походная жизнь: стоитъ-ли переносить такія лишенія изъ-за небольшой частицы славы, которая быть можетъ выпадетъ на долю каждаго изъ насъ!

— Не говори такъ громко, возразилъ Клейполь, указывая на Кромвеля съ лукавой улыбкой. Твой отецъ можетъ услышать тебя!

— Пусть слышитъ; мнѣ все равно! Не всякій рожденъ для войны; и если ее нельзя избѣжать, то солдатъ все-таки долженъ время отъ времени пользоваться отдыхомъ, комфортомъ и ѣсть въ опредѣленные часы. Вотъ уже два дня какъ мы торчимъ на спинахъ лошадей; и меня нисколько не удивитъ, если мы наконецъ дойдемъ до того, что будемъ класть мясо подъ сѣдло по примѣру дикарей и найдемъ, что изготовленная такимъ образомъ пища лучше жареной и вареной.

— Ну братъ, изъ тебя никогда не выйдетъ такого знаменитаго полководца какъ твой отецъ! — возразилъ со смѣхомъ Клейполь.

— Я самъ убѣжденъ въ этомъ, сказалъ добродушно Ричардъ, такъ какъ предпочитаю спокойную жизнь и комфортъ славѣ пріобрѣтенной на войнѣ... Но посмотри, кажется готовится зрѣлище!

— Дѣйствительно, какого-то бѣдняка ведутъ на казнь! У него веревка на шеѣ.

— Во всякомъ случаѣ—это развлеченіе! подойдемъ ближе!

Они сошли съ лошадей и присоединились къ медленно подвигавшемуся шествію. Юргенъ совершалъ свой послѣдній путь въ обществѣ двухъ проповѣдниковъ. Съ правой стороны шелъ капелланъ главнокомандующаго въ голубой мантіи; съ лѣвой—капелланъ Кромвеля, по имени Гугъ Петерсъ, индепендентъ по убѣжденіямъ, служившій въ арміи въ качествѣ кавалерійскаго капитана. Этотъ почтенный джентльменъ былъ въ полномъ вооруженіи съ длинной саблей и въ высокомъ шлемѣ, и вообще отличался воинственнымъ характеромъ. Увидя издали пресвитеріанскаго священника, который намѣревался овладѣть душой, готовой переселиться въ вѣчность, онъ рѣшился предупредить его и поспѣшилъ къ преступнику, чтобы предложить ему свои услуги. Историки-роялисты разсказываютъ много дурного объ этомъ ученомъ богословѣ и утверждаютъ, будто-бы во времена своего студенчества онъ былъ постыдно изгнанъ изъ Кембриджа послѣ палочныхъ ударовъ, полученныхъ имъ отъ руки профоса, хотя разумѣется мы не можемъ безусловно вѣрить историкамъ, принадлежащимъ къ противной партіи. Во всякомъ случаѣ достопочтенный Петерсъ могъ также усердно работать языкомъ, какъ саблей, и теперь пустилъ въ ходъ всѣ стрѣлы своего краснорѣчія, чтобы достигнуть цѣли. Но бѣдный грѣшникъ напрасно надѣялся услышать слова утѣшенія отъ котораго либо изъ пастырей, такъ какъ оба вступили въ горячій споръ и вскорѣ совершенно забыли о душѣ, которую должны были напутствовать передъ ея переселеніемъ въ другую жизнь. Увлекаясь все болѣе и болѣе догматическими тонкостями, они машинально замедляли шагъ и наконецъ совсѣмъ остановились, чтобы высказать свои основныя положенія. Въ тотъ же моментъ остановилось и все шествіе.

— Пусть ихъ бесѣдуютъ! подумалъ Юргенъ. Мнѣ нечего торопиться, я могу подождать. Они теперь дошли только до восьмаго столѣтія и отправились изъ Обѣтованной земли въ Римъ; если имъ вздумается завернуть еще куда нибудь по дорогѣ, то пожалуй наступитъ день, пока они доберутся до полей Незби.

Надежда опять проснулась въ его легкомысленномъ сердцѣ подъ вліяніемъ этихъ размышленій. Стоя передъ мрачными воротами смерти, онъ еще разъ бросилъ взглядъ на міръ божій, глаза его встрѣтились съ глазами Ричарда Кромвеля, который пришелъ полюбоваться зрѣлищемъ его казни.

Они тотчасъ же узнали другъ друга. Ты-ли это Джоржъ изъ Темпля?—воскликнулъ Ричардъ. — Мнѣ-ли не помнить тебя? Почтенный Джойсъ вѣроятно не подозрѣваетъ какая участь готовится его сыну!

— Тише, не произноси фамиліи моего отца; я не хочу позорить этого джентльмена. Меня зовутъ Юргенъ и подъ этимъ именемъ, я хочу отправиться на тотъ свѣтъ.

Ричардъ Кромвель нерѣшительно улыбнулся. — Такъ и быть я буду называть тебя Юргеномъ! Но во всякомъ случаѣ объясни мнѣ, какъ ты очутился въ этомъ положеніи, имѣя почтеннаго отца, который всегда честно служилъ парламенту?

— Въ этомъ-то и штука! — возразилъ Юргенъ, я опозорилъ его имя!..

— Твой отецъ, продолжалъ Ричардъ, въ началѣ войны оказалъ величайшую услугу дѣлу англійскаго народа. Онъ привелъ въ Сити пятерыхъ заговорщиковъ, которые хотѣли самовольно захватить короля и заключить въ темницу.

— Знаю, возразилъ вполголоса Юргенъ, но это не поможетъ мнѣ...

— Вотъ отецъ мой! шепнулъ Ричардъ, указывая на Оливера Кромвеля, который до того разговаривалъ съ главнокомандующимъ и теперь приблизился къ толпѣ, такъ какъ диспутъ обоихъ пастырей становился все громче.

— Ты, кажется, не разъ видѣлъ моего отца? спросилъ Ричардъ.

— Да, и я узналъ бы его среди тысячи людей! отвѣчалъ Юргенъ взволнованнымъ голосомъ. Обычная самоувѣренность моментально оставила его передъ строгимъ всепрощающимъ взглядомъ этого человѣка.

— Сжальтесь надо мной! воскликнулъ онъ, бросаясь на колѣни передъ Оливеромъ Кромвелемъ.

— Кто ты и какъ тебя зовутъ? спросилъ Кромвель, вглядываясь въ лицо преступника своими серьёзными глазами.

— Къ несчастью имя, подъ которымъ я былъ приговоренъ къ висѣлицѣ не дѣлаетъ мнѣ особенной чести! возразилъ Юргенъ.

Ричардъ счелъ нужнымъ вмѣшаться, чтобы спасти стараго товарища.

— Это сынъ портнаго изъ Сити, сэръ, сказалъ онъ. Вы обѣдали у его отца, три года тому назадъ, вмѣстѣ съ депутатами совѣта, въ тотъ самый день, когда король выѣхалъ изъ Лондона, а Генріэту-Марію обвинили въ государственной измѣнѣ...

— Значитъ его фамилія Джойсъ! сказалъ Кромвель съ задумчивымъ выраженіемъ лица, припоминая событія послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Блудный сынъ все еще стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ съ веревкой на шеѣ. Ученый диспутъ почтенныхъ капеллановъ сдѣлалъ то, въ чемъ отказало ему счастье и игорныя кости; изъ деревни послышался громкій лай собакъ и топотъ лошадей.

— Они возвращаются съ передовыхъ постовъ, сказалъ Кромвель какъ бы про себя, затѣмъ, обращаясь къ Юргену, добавилъ: встань и жди моего рѣшенія!

На башнѣ деревенской церкви давно пробило двѣнадцать часовъ.

Отрядъ, посланный подъ предводительствомъ Иретона, привезъ съ собой плѣнныхъ и точныя свѣдѣнія о позиціи, занятой королевской арміей. Они овладѣли однимъ изъ непріятельскихъ постовъ; часть караула обратилась въ бѣгство по направленію къ Герборо, главную квартиру королевской арміи, оставивъ за собою убитыхъ и раненыхъ.

Никто не подозрѣвалъ такой непосредственной близости непріятеля; рѣшено было сдѣлать наступленіе съ восходомъ солнца.

— Джойсъ, сказалъ Кромвель, обращаясь къ Юргену, подойди ближе! Господъ вложилъ въ наши руки мечъ парламента на страхъ злодѣямъ и во славу тѣхъ, которые поступаютъ по Его святой волѣ. Ты видишь, смерть надъ твоей головой; но мы рѣшили пощадить тебя ради твоего отца! Мы не хотимъ заслужить упрека въ жестокости въ эту торжественную минуту, когда мы должны обратить сердца наши къ престолу Всевышняго и молить объ Его святомъ заступничествѣ. Господь да будетъ твоимъ судьей! Вотъ тебѣ шпага и мушкетъ; завтра ты будешь драться въ передовомъ отрядѣ; если Богу угодно будетъ сохранить тебѣ жизнь, тѣмъ лучше; кто стоялъ лицомъ къ лицу со смертью, какъ ты, тотъ возвращается къ жизни другимъ человѣкомъ.

Юргенъ былъ глубоко растроганъ этими словами; онъ упалъ на колѣни передъ Кромвелемъ и, проливая горькія слезы раскаянія, обнималъ его ноги.

— Жизнь моя принадлежитъ вамъ сэръ, проговорилъ онъ съ рыданіемъ, дѣлайте со мной, что хотите!..

Въ эту минуту у входа палатки Ферфакса показалась граціозная фигура маленькой Мери. Она проснулась отъ шума голосовъ, и, вскочивъ съ постели, сдѣлалась невольной зрительницей трогательной сцены прощенія преступника.

— Я люблю тебя за то, что ты простилъ его! сказала она, ласкаясь къ грозному полководцу, который въ эту минуту держалъ судьбу Англіи въ своихъ рукахъ.

— Пора Мери, собирайся скорѣе въ путь! Лошади готовы. Я буду недалеко отъ тебя; Богъ дастъ мы увидимся съ тобой послѣ битвы, сказалъ Ферфакъ, нѣжно прижимая дочь къ своему сердцу.

Дѣвочка молча повиновалась; врядъ ли она сознавала опасность, грозившую ея отцу во время каждой новой битвы.

Скоро прошла короткая лѣтняя ночь; погасли огни. Къ утру одинъ за другимъ подошли войска и заняли всю плоскую возвышенность холма. Восходящее солнце, отражаясь золотыми блестками на шлемахъ, пикахъ и ружьяхъ солдатъ, застало все войско за утренней молитвой.

Стоя на колѣняхъ они пѣли 149-й псаломъ:

Аллилуія! Пойте Господу пѣснь новую; хвала Ему въ собраніи святыхъ. Да веселится Израиль о Создателѣ своемъ; сыны Сіона да радуются о Царѣ своемъ. Да хвалятъ имя Его съ ликами; на тимпанѣ и гусляхъ да поютъ Ему...

Въ этотъ моментъ изъ оврага раздался боевой крикъ роялистовъ: Королева Марія!

Аллилуія! раздалось по всему протяженію холма занятаго парламентской арміей. Затѣмъ слышны были слова команды: «Впередъ!» и первый эскадронъ кромвелевской кавалеріи двинулся на встрѣчу непріятеля съ боевымъ крикомъ: «Господь наше прибѣжище!»

ГЛАВА III.

Между войной и миромъ.

День Незби также замѣчателенъ въ англійской исторіи, какъ и тотъ памятный іюньскій день, когда четыре столѣтія тому назадъ была написана Magna charta, этотъ краеугольный камень англійской свободы. Вся разница заключается въ томъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи знатные бароны находились въ враждебныхъ отношеніяхъ съ королемъ и стояли передъ нимъ-гнѣвные и угрожающіе съ мечемъ въ рукахъ, а въ семнадцатомъ вѣкѣ потомки этихъ самыхъ бароновъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ сгруппировались около падающаго королевскаго знамени, чтобы поддержать его цѣною собственной жизни. Стремленіе къ свободѣ осталось то же, только борцы перемѣнились. Явился новый могучій защитникъ старой идеи, имя котораго было неизвѣстно—народъ, въ лицѣ ан-

глійскихъ горожанъ и жителей селъ. Убѣжденные въ правотѣ своего дѣла, воодушевленные одинаковыми стремленіями, они смѣло выступили противъ короля и потомковъ старыхъ бароновъ тѣсно сплоченной и поэтому непобѣдимой массой подъ предводительствомъ своихъ избранныхъ вождей. Но прійдетъ время и, мало-по-малу, распадется и эта масса именуемая англійскимъ народомъ, поднимутся другіе легіоны и заявятъ о своихъ правахъ; и вѣчно будетъ продолжаться та же борьба, пока она не достигнетъ до послѣднихъ слоевъ общества и самый жалкій изъ смертныхъ почувствуетъ, что и онъ можетъ «назвать себя человѣкомъ».

Битва при Незби была рѣшительнымъ моментомъ въ англійской междоусобной войнѣ. Вечеромъ 14-го іюня 1645 года не существовало больше королевской арміи, остались однѣ разрозненныя шайки; король обращенный въ бѣгство думалъ уже не о защитѣ короны, а о спасеніи собственной жизни. Тысячи труповъ покрывали поле битвы; до сихъ поръ на нѣкоторыхъ мѣстахъ роскошнѣе растетъ трава, какъ бы указывая на тѣ пункты, гдѣ пало наибольшее количество жертвъ. Толпы роялистовъ переживпихъ этотъ день разсѣялись въ различныхъ направленіяхъ; небольшіе отряды ихъ бросились къ крѣпостямъ, расположеннымъ на югѣ и югозападѣ Англіи, и послѣ отчаяннаго сопротивленія сдавались одни за другими; при этомъ нѣкоторыя крѣпости были взяты штурмомъ и защитники ихъ пали подъ ударами парламентскихъ солдатъ. Принцъ Рупрехтъ и братъ его Морицъ заперлись въ Бристолѣ, который въ тѣ времена, благодаря своему торговому значенію и гавани, былъ вторымъ городомъ послѣ Лондона, и три мѣсяца мужественно защищали его противъ непріятеля. Наконецъ, палъ и Бристоль, и оба принца, предоставивъ короля на волю случая, бѣжали на континентъ, чтобы раздѣлить участь принца Уэльскаго и королевы, также лишенныхъ возможности вернуться въ отечество. Оксфордъ, послѣдняя резиденція короля, былъ взятъ безъ труда и очищенъ отъ королевскихъ приверженцевъ, изъ которыхъ многіе поплатились потерей жизни, свободы или имущества за свое легкомысліе и преданность проигранному дѣлу; другіе удалились въ изгнаніе. Замолкли веселыя пѣсни роялистовъ, звуки лютни въ лѣсу, исчезли Дафны и Хлои; вѣтеръ не развѣвалъ болѣе пестрыхъ перьевъ на шлемахъ кавалеровъ; но еще долго по каменнымъ плитамъ дворцовыхъ залъ и на изумрудныхъ лугахъ королевскихъ садовъ какъ будто слышался шелестъ длинныхъ дамскихъ шлейфовъ. Замолкъ беззаботный смѣхъ, шутливые разговоры, музыка, нескончаемые тосты на пирахъ. Королевскія знамена были вездѣ опущены, и вся Англія опять принадлежала народу и парламенту.

Большинство придворныхъ дамъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыхъ мы видѣли, наканунѣ битвы въ Маркетъ-Герборо, попались въ руки побѣдителей, а въ томъ числѣ и графиня Дизаръ. Ее при-

вели къ Кромвелю. Очаровательная женщина сохранила полное присутствіе духа и, несмотря на пораженіе, попыталась употребить въ дѣло чары своихъ глазъ. Она въ первый разъ увидала властелина, о которомъ ея друзья отзывались съ такимъ презрѣніемъ. Необъяснимое волненіе овладѣло ею при видѣ этого человѣка, въ рукахъ котораго была не только судьба Англіи, но и ея собственная участь. У ней явилось непреодолимое желаніе испытать на немъ силу своей красоты, ума и любезности. Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о первомъ свиданіи Кромвеля съ красивой плѣнницей; извѣстно только, что онъ дозволилъ ей вернуться въ Лондонъ и снова занять великолѣпный замокъ Гемъгаузъ близь Кингстона, нѣкогда подаренный ей Карломъ І-мъ, изъ котораго она должна была выѣхать въ началѣ войны и считала окончательно потеряннымъ для себя. Равнымъ образомъ ходили слухи, что Бокингемъ, взятый въ плѣнъ при Оксфорѣ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ, обязанъ былъ сохраненіемъ свободы и имущества ходатайству графини Дизаръ. Его обязали честнымъ словомъ не сражаться больше противъ парламента и, подъ этимъ условіемъ, дозволили вмѣстѣ съ братомъ жить въ Лондонѣ, гдѣ имъ возвращенъ былъ ихъ наслѣдственный дворецъ Іоркъ-гаузъ, на берегу Темзы. Оба юноши поспѣшили воспользоваться полученнымъ позволеніемъ и, не принимая никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, весело проводили время въ пьянствѣ и кутежахъ, въ кругу пріятелей, которые въ тайнѣ собирались у нихъ. Часто приходилось имъ платить штрафы за нарушеніе святости воскреснаго дня, такъ какъ, вопреки строгимъ постановленіямъ парламента, много разъ въ субботу послѣ полуночи заставали ихъ въ шинкахъ, которые они удостоивали своимъ посѣщеніемъ, и даже въ воскресенье кареты ихъ съ шумомъ разъѣзжали по улицамъ.

Само собою разумѣется, что плѣнъ графини Дизаръ и легкомысленное поведеніе молодаго Бокингема не могли особенно повредить интересамъ короля. Но на его несчастіе въ это время случилось обстоятельство, которое еще больше усилило общую къ нему ненависть и презрѣніе. Въ руки непріятеля попала его тайная переписка съ Генріэтой Маріей. Вся Англія читала письмо нѣкогда привезенное сэромъ Гарри въ королевскій лагерь; народъ проклиналъ измѣнниковъ, которые ради личныхъ выгодъ рѣшались призвать непріятеля на англійскую землю. Письмо тотчасъ же было напечатано вмѣстѣ съ другими компрометирующими документами, такъ что даже въ самыя отдаленныя хижины разнеслась вѣсть, что король велъ переговоры съ папой при посредствѣ нунція и намѣревался заключить договоръ, по которому, въ случаѣ содѣйствія со стороны Рима, бралъ на себя обязательство пожертвовать интересами протестантской церкви.

Въ это время, когда по всей Англіи шли оживленные толки о злополучной перепискѣ, много способствовавшей паденію короля, онъ странствовалъ изъ города въ городъ, изъ одного замка въ другой, пока, наконецъ, незадолго до сдачи Оксфорда, бѣжалъ изъ Англіи и, на удивленіе всего свѣта, отдался въ руки шотландцевъ. Трудно сказать, что собственно побудило его къ этому роковому шагу: интриги ли французскаго посланника, какъ утверждаютъ нѣкоторые, или собственный ошибочный разсчетъ. Всего вѣроятнѣе послѣднее. Между шотландцами и англичанами произошли недоразумѣнія и грозили перейти въ открытую ссору, изъ которой Карлъ I-й, быть можетъ, надѣялся извлечь пользу, чтобы во главѣ шотландцевъ идти противъ Англіи. Но, сверхъ его ожиданій, между англичанами и шотландцами скоро состоялся новый ковенантъ (договоръ), по которому послѣдніе обязались выдать короля, и въ точности выполнили это условіе. Такимъ образомъ, Карлъ I-й очутился въ рукахъ парламента и сидѣлъ подъ стражей въ замкѣ Голмби; хотя съ нимъ обращались со всѣми знаками внѣшняго уваженія; но онъ тѣмъ не менѣе былъ узникомъ въ прямомъ значеніи этого слова.

Парламентъ былъ тогда полнымъ властелиномъ Англіи, и на первое время одержала верхъ пресвитеріанская партія. Она высокомѣрно праздновала свою побѣду, не соблюдая никакой умѣренности относительно побѣжденной партіи, хотя пока относилась съ извѣстною осторожоостью къ партіи индепендентовъ, которая стояла за нею какъ бы въ ожиданіи, что скоро наступитъ и ея очередь владычествовать надъ страной.

Пресвитеріане, быть можетъ, смутно сознавая насколько было непродолжительно ихъ торжество, относились съ крайнею нетерпимость ко всякому религіозному убѣжденію, которое не согласовалось съ ихъ собственными воззрѣніями. Они неуклонно преслѣдовали свое намѣреніе ввести въ Англіи постановленія шотландской церкви и утвердить, такимъ образомъ, единство религіи и культа въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ. Они объявили свою религію господствующею въ государствѣ и воздвигли гоненіе на прежнюю церковь, доказавъ этимъ всю свою неспособность къ осуществленію новыхъ идей. Былъ составленъ совѣтъ изъ богослововъ, засѣдавшій въ Лондонѣ, который посылалъ коммисіи въ графства, чтобы смѣнять и наказывать епископальныхъ священниковъ и разрушать церкви. Имъ казалось богоугоднымъ дѣломъ срывать драгоцѣнные камни съ образовъ и уничтожать живопись въ прекрасныхъ англійскихъ соборахъ. Они отбивали головы и носы статуямъ, созданнымъ въ лучшія времена средневѣковой англійской скульптуры, разоряли алтари, вырывали мозаичныя плиты изъ полу и ломали стекла высокихъ стрѣльчатыхъ оконъ, украшенныя прелестной живописью. Слѣды этого разрушенія до сихъ поръ замѣтны во

многихъ соборахъ Англіи и грустно поражаютъ посторонняго посѣтителя. Многіе приписываютъ эти варварскіе поступки солдатамъ Кромвеля, но это совершенно несправедливо, такъ какъ въ нихъ виновны одни пресвитеріане, которые ознаменовали ими свое короткое господство. Запрещенъ былъ старый молитвословъ написанный на языкѣ шестнадцатаго столѣтія и освященный давнимъ употребленіемъ и замѣненъ новымъ, такъ-называемымъ «Служебникомъ общественнаго культа». Старую литургію преслѣдовали даже въ тѣсныхъ семейныхъ кружкахъ и наказывали тѣхъ, которые въ своемъ домѣ молились по старому молитвеннику. Всѣ духовныя особы должны были подписать ковенантъ подъ страхомъ изгнанія изъ ихъ приходовъ. Благодаря этому распоряженію, болѣе двухъ тысячъ церковнослужителей очутились безъ хлѣба и крова. Никто не станетъ защищать представителя абсолютизма прямо признающаго принципъ тиранніи, но въ тысячу разъ хуже его революціонеръ, который становится деспотомъ. Своимъ лицемѣріемъ онъ оскверняетъ дѣло свободы, которому служитъ на словахъ.

Однако, несмотря на всѣ насильственныя мѣры и жестокость, пресвитеріанамъ не удалось окончательно провести предписанную ими «господствующую церковь», такъ какъ скоро положенъ былъ конецъ ихъ нераздѣльной власти. Тѣмъ не менѣе они успѣли ознаменовать себя многими постыдными дѣяніями и причинить не мало несчастій, отъ которыхъ пострадали и наши чильдерлейскіе знакомые.

Въ первое время комитетъ лондонскаго «Собранія Теологовъ», какъ они оффиціально называли себя, преимущественно дѣйствовалъ въ большихъ городахъ, въ самомъ Лондонѣ, сосѣднихъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ графствахъ, и слѣдовательно маленькая деревня Чильдерлей была внѣ раіона его распоряженій. Но у сэра Товія Кутсъ былъ врагъ въ Лондонѣ, который хотя не былъ самъ облеченъ властью, но съумѣлъ воспользоваться могуществомъ господствующей партіи для своихъ цѣлей. Это былъ благочестивый Пикерлингъ, изгнанный изъ деревни по настоянію кавалерійскаго полковника Герберта, которому онъ также приписывалъ передачу мельницы ненавистному Бумпусу. Но такъ какъ несчастіе никогда не падаетъ каплями, но льется рѣкой и за одной неудачей слѣдуютъ другія, то Пикерлингъ скоро узналъ къ величайшему своему огорченію, что Бумпусъ женился на предметѣ его любви, Ганнѣ Грингорнъ. «Негодованіе иногда вдохновляетъ людей», говоритъ одинъ поэтъ; но во всякомъ случаѣ, нѣчто подобное случилось съ благочестивымъ мельникомъ, потому что, по свидѣтельству его друзей, никогда библейскіе тексты не лились изъ его устъ съ такою легкостью, какъ въ это время. Краснорѣчіе въ связи съ доносами проложили ему путь къ великому лондонскому синоду, который, на основаніи его показаній, отдалъ повелѣніе недавно учрежденному

кембриджскому комитету «поступить съ чильдерлейскимъ священникомъ какъ съ прочими, сообразно новымъ правиламъ».

Это былъ первый ударъ направленный Пикерлингомъ противъ своего бывшаго господина, которымъ онъ хотѣлъ поразить его въ самое сердце и доказать съ какимъ опаснымъ противникомъ онъ будетъ имѣть дѣло въ будущемъ.

Гевитъ не удивился полученному извѣстію, и даже отчасти былъ доволенъ, что ему придется раздѣлить участь своихъ товарищей. При своемъ трезвомъ умѣ онъ ясно видѣлъ положеніе вещей, и былъ убѣжденъ, что парламентъ или, вѣрнѣе сказать, пресвитеріанская партія воспользуется плѣномъ короля для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Хотя Карлу I-му оказывали всѣ знаки внѣшняго уваженія, но, въ то же время, не дѣлали ему ни малѣйшей уступки, которая бы несравненно болѣе утѣшила несчастнаго монарха, нежели пустой блескъ окружавшей его пышности. Онъ умолялъ прислать къ нему одного изъ своихъ придворныхъ капеллановъ, но ему отказали въ этой просьбѣ и приставили къ нему пуританскихъ проповѣдниковъ, которые вели съ нимъ нескончаемые диспуты, убѣждая его признать божественное право пресвитеріанства. Его называли «безбожнымъ княземъ тьмы, отвергшимъ ковенантъ Христовъ», и, въ то же время, держали подъ крѣпкой стражей, чтобы воспользоваться жалкими остатками его авторитета, распустить армію и заключить миръ цѣною порабощенія Англіи. Парламентъ боялся арміи, которая въ свою очередь относилась къ нему съ глубокимъ негодованіемъ, видя, что онъ хочетъ лишить ее плодовъ побѣды, достигнутыхъ кровью лучшихъ людей страны и вмѣсто терпимости и свободы совѣсти ввести полный нравственный и духовный гнетъ.

— Вотъ удобный моментъ, который можетъ не повториться, думалъ Гевитъ. Нужно попытаться связать интересы королевской власти съ арміей и содѣйствовать встрѣчѣ Карла I съ Кромвелемъ!

Хотя онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, какимъ образомъ произойдетъ это свиданіе, составлявшее его завѣтную мечту, но возлагалъ большія надежды на свое появленіе передъ пресвитеріанской инквизиціей, присвоившей себѣ права высшаго судилища. Поэтому сердце его переполнилось радостью, когда онъ получилъ приказъ явиться въ кембриджскій комитетъ, которому поручено было изслѣдовать образъ мыслей и сущность ученія, распространяемаго мѣстнымъ духовенствомъ. Этой радостной увѣренности много способствовало только что полученное имъ извѣстіе, что Франкъ Гербертъ находился въ это время въ Кембриджѣ съ своимъ эскадрономъ; остальная армія была расположена подъ самымъ городомъ, среди которой находился и самъ Кромвель.

Приказъ явиться въ комитетъ былъ полученъ священникомъ въ ясный весенній вечеръ, который вполнѣ согласовался съ ду-

душевнымъ его настроеніемъ. Первая зелень только что одѣла луга. Вѣтви были одновременно покрыты почками, молодыми листьями и цвѣтомъ, такъ что деревья казались издали то серебристо бѣлыми, то пурпуровыми. Воздухъ былъ пропитанъ тонкимъ ароматомъ цвѣтовъ и смолистымъ запахомъ распускающейся зелени.

Священникъ поспѣшилъ въ замокъ, чтобы сообщить своимъ друзьямъ о случившемся и проститься съ ними на нѣсколько дней.

Обѣ дѣвушки, Оливія дочь баронета и Мануэлла д'Акоста, случайно занесенная судьбой въ Чильдерлейскій замокъ, сидѣли въ паркѣ подъ тѣнью старой липы. Передъ глазами ихъ разстилались луга, перѣзанные извилинами рѣки. Оливія задумчиво смотрѣла на далекій горизонтъ, погруженный въ солнечное сіяніе, и на дорогу, по которой ушелъ Франкъ Гербертъ, въ тайной надеждѣ, что онъ опять вернется къ ней. Въ эту минуту юная обитательница стараго поросшаго дерномъ Чильдерлейскаго замка походила на заколдованную красавицу, которая терпѣливо, день за день, ждетъ появленія принца, назначеннаго судьбою быть ея освободителемъ. Мануэлла сидѣла рядомъ съ нею; ея большіе темные глаза были опущены на маленькую книгу въ бархатномъ переплетѣ съ золотомъ, которую она держала въ рукахъ. Это былъ томъ стихотвореній Мильтона, нѣкогда подаренный дочери баронета Франкомъ Гербертомъ. Мануэлла читала «сонетъ соловью», прелестное граціозное стихотвореніе, какъ будто нарочно написанное для этого солнечнаго весенняго дня, и гдѣ было все, что̀ въ дѣйствительности окружало ее—нѣжная зелень, благоуханіе цвѣтовъ, пѣніе птицъ...

Она подняла глаза. Воздухъ и небо приняли розоватую вечернюю окраску, которая отражалась и на листахъ книги; солнечные лучи свѣтили слабѣе; становилось прохладно.

— Мануэлла, сказала Оливія, не считая нужнымъ объяснить свою мысль, такъ какъ была увѣрена, что ее поймутъ и безъ этого, помнишь ли ты, тогда былъ такой же прекрасный весенній вечеръ, какъ сегодня!..

Мануэлла взглянула на свою подругу, и въ ея темныхъ грустныхъ глазахъ выражалась глубокая благодарность, которую она чувствовала къ ней. Оливія возвратила ей не только жизнь, но и душевное спокойствіе; она проводила цѣлые дни у ея постели во время болѣзни; затѣмъ неотступными просьбами убѣдила отца дать пріютъ въ замкѣ молодой иностранкѣ, къ которой баронетъ относился весьма неблагосклонно. Оливія съумѣла отклонить вопросы отца о происхожденіи и прошлой жизни загадачной дѣвушки, такъ что Мануэлла, противъ его воли, сдѣлалась постоянной гостьей въ Чильдерлейскомъ замкѣ. Но сэръ Товій, какъ намъ извѣстно, имѣлъ слишкомъ высокое понятіе о гостепріимствѣ, чтобы оскорбить словомъ или дѣломъ гостя, охотно или неохотно, принятаго въ его домѣ. Такимъ образомъ Мануэлла, хотя имѣла нѣкоторые поводы сомнѣ-

КНЯЗЬ А. А. БЕЗБОРОДКО.

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ XXVI тому «Сборника Императорскаго Историческаго Общества» рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 29 АПРѢЛЯ 1883 Г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

ПЛАВНЯ.

(Очеркъ уральской казачьей общины).

Живи вольный казакъ, пока Москва не провѣдала.
(Старинная казачья поговорка).

I.

Войсковой обозъ.

Въ ЗЕМЛѢ уральскихъ казаковъ, гдѣ старинная излюбленная русскимъ народомъ общинная форма быта ревниво отбивалась и бережно сохранилась, мнѣ привелось видѣть эту общину не только глазъ на глазъ, что называется «въ лицахъ» и «воочью», но и выразившеюся въ такой прелестной картинѣ, которая поразила и увлекла меня.

Наступила вторая половина сентября и стояли такіе ясные дни и теплыя ночи, какіе бываютъ въ Петербургѣ только въ іюлѣ. Возы съ арбузами на рынкѣ г. Уральска (по 50 коп.—1 р. возъ) уже исчезли; держались пока еще дыни, которыхъ въ этой сытой и благодатной землѣ насчитываютъ не одинъ десятокъ сортовъ и между ними самыми вкусными (очень сладкими) почитаютъ тополинскія, зеленевскія и сарайчиковскія. Уборка хлѣбовъ окончена уже цѣлый мѣсяцъ тому назадъ, и тянулось то досужее безработное время, которое всякаго заѣзжаго поражаетъ безжизненнымъ однообразіемъ и одолѣваетъ скукой.

Однако приходилось уже немного томиться и не долго ждать. На 20-е число сентября войску указано было войсковой канцеляріей начало «плавни» или «плавеннаго рыболовства». А такъ какъ оно начинается съ Каленовскаго форпоста въ 200 верстахъ отъ г. Уральска, почти на серединѣ теченія рѣки Урала отъ этого главнаго войсковаго города до Каспійскаго моря или Гурьева-городка, то казаки изъ-подъ Уральска давно уже потянулись къ этому завѣтному рубежу. Я поспѣшилъ за ними, чтобы поспѣть къ самому началу плавни («осенней», потому что бываетъ еще «севрюжья плавня» или, какъ проще говорится тамъ — «севрюги»).

Дорога не даритъ разнообразіемъ и не веселитъ неожиданностями: ѣдемъ глухой и гладкой степью. Голая земля на ней отъ лѣтняго зноя покрыта многочисленными трещинами и хотя на это осеннее время, на безплодныхъ солончакахъ, по закону природы тѣхъ мѣстъ, успѣла уже обнаружиться молодая жизнь въ видѣ свѣжихъ и разнообразныхъ солонцовыхъ растеній, все же чувствуется, что ѣдешь той степью, которая сродни киргизской, потянувшейся по ту сторону рѣки Урала въ неизмѣренную даль и глубь Средней Азіи. Самый Уралъ, силясь разнообразить впечатлѣнія, успокоиваетъ лишь небогатою зеленою растительностію, тщательно сберегаемой; но и побережныя ветлы, ивы и березы годятся только на жерди и колья, и выросли лишь на сырыхъ и низкихъ мѣстахъ самой рѣки. Воздухъ очень сухъ и едва справляешься съ жаждой при помощи дынь и арбузовъ, гостепріимно предлагаемыхъ въ селеніяхъ, которыя до сихъ поръ почему-то сохраняютъ чужое и ненужное, давно потерявшее всякій смыслъ, имя—форпостовъ (но не станицъ). Въ довершеніе бѣдъ передъ нами встало густое сѣрое непроглядно-громадное облако отъ исчезнувшаго изъ глазъ полотна дороги вплоть до недосягаемой выси ярко-голубаго и жаркаго неба. Мы уже чувствуемъ его близость въ томъ, что слои мелкой и тяжелой пыли покрываютъ платье, залегаетъ носъ, слабѣетъ зрѣніе и слухъ, усиливается жажда.

— Дайте воды вымыть лицо и руки. Дайте возможность отряхнуть платье.

— Напрасный трудъ: дальше еще хуже будетъ. Мы нагнали «войсковой обозъ».

Въ самомъ дѣлѣ изъ невиданнаго до тѣхъ поръ чудовищнаго пыльнаго облака долетаютъ до насъ скрипы немазаныхъ колесъ на телѣгахъ лѣнивыхъ казаковъ и вблизи колесъ смазанныхъ догадливыми свѣжимъ дегтемъ очень недавно, но уже успѣвшихъ набраться пыли. Слышатся сфыркиванья лошадей, и мы обязательно беремъ значительно въ сторону, съ трудомъ распознавая и отыскивая свободное мѣсто на широкомъ степномъ просторѣ, чтобы не врѣзаться въ самый обозъ и не запутаться и не заблудиться. Ѣдемъ точно во тьмѣ ночной, хотя не такъ давно любовались яркимъ свѣтомъ полуденнаго солнца.

Внезапно накрыла насъ глухая ночная тьма, — именно глухая, потому что, осиливая пыльное облако и объѣзжая войсковой обозъ, мы поражаемся необыкновенною тишиною. Какъ будто тамъ нѣтъ живыхъ людей, для которыхъ такъ обязательно живое слово и какъ будто все движенiе руководится невѣдомою силою, а люди крѣпко спятъ или вымерли. Это молчаливое шествiе войсковаго обоза въ строго-опредѣленномъ порядкѣ въ самомъ дѣлѣ поразительно и торжественно. Словно на чопорное масляничное катанье съ цѣлью себя показать выѣхало войско въ степь на прогулку, а не на работу, которая предполагаетъ неизвѣстность, и во всякомъ случаѣ заботу, нервное возбужденiе, подъемъ кое-какихъ мелкихъ страстей, торопливыхъ хлопотъ и безтолковой суетни. Видимо сытому человѣку нечего торопиться и безпокоиться: онъ идетъ расправить слежавшiяся кости и позабавиться, какъ сибаритъ, когда придетъ время, «укажутъ часъ».

— На нынѣшней плавнѣ — объясняютъ намъ — предполагается больше двухъ тысячъ «связокъ», т. е. больше четырехъ тысячъ бударъ. На каждую связку (двѣ плавныя сѣти или ярыги) приходится среднимъ числомъ до пяти телѣгъ обоза. Вотъ какая громада пылитъ и шевелится тутъ въ этомъ облакѣ — и молчитъ, потому что не объ чемъ разговаривать: все давно размѣрено, и всякiй знаетъ свое мѣсто. Тѣ, которые будутъ вмѣстѣ ловить, около другъ друга и телѣги держатъ: на однихъ будары лежатъ, на другихъ сѣти, на третьихъ овесъ для лошадей, съѣстные припасы про себя. Всякiй казакъ, не разсчитывая на дальныхъ сосѣдей и не имѣя въ виду ни сѣнныхъ базаровъ, ни мучныхъ лавокъ впереди, весь запасъ везетъ съ собой, чтобы съумѣть прокочевать вплоть до Гурьева, не возвращаться, за недостаткомъ прокорма, съ полпути, а стало быть больше наловить рыбы и больше получить барыша. Всякiй соображаетъ при этомъ, что въ среднихъ и нижнихъ форпостахъ хлѣбъ постоянно дорогъ, но за то, когда мимо нихъ пройдетъ войско, подымутся сверхъ того цѣны на яйца и на дыни.

— Нынѣшнiй войсковой обозъ—толкуютъ намъ далѣе — идетъ семью дорогами.

Семь дорогъ, т. е. семь хвостовъ изъ телѣгъ одна за другой по подобiю тѣхъ, какими осаждаются кассы столичныхъ театровъ, составляютъ цѣлый казачiй обозъ, на полверсты въ ширину, на двѣ версты въ длину; обозъ — величайшiй въ мiрѣ, не имѣющiй себѣ ничего подобнаго нигдѣ, на всемъ широкомъ пространствѣ Русской земли. Перекочевки киргизовъ отчасти походятъ на это зрѣлище, но, по величинѣ своей, съ уральскимъ кочевьемъ далеко не могутъ равняться. Семь, да хотя бы и двадцать дорогъ, не встрѣтятъ препятствiй и не потѣснятъ другъ друга на широкомъ степномъ раздольѣ, гдѣ на степи, гладкой, какъ доска, вездѣ дороги, до безконечности. И долго всматриваясь въ это шествiе ураль-

скаго войска, торжественное и молчаливое, я, не отходя сравненіемъ отъ перваго подвернувшагося представленія, все-таки былъ изумленъ тѣмъ порядкомъ въ движеніи, какое развернулось передъ моими глазами. Въ оперѣ «Пророкъ», въ шествіи Іоанна Лейденскаго, зазѣвавшійся статистъ можетъ сбиться съ ноги, другой опоздать и нарушить симетрію въ рядахъ; здѣсь, въ степи, на берегу Урала, режиссера не держатъ, кулачной расправы не требуется, полицейской палки и осаживанья назадъ не бываетъ. Кажется, появись то и другое и вѣрно налаженый и въ мѣру натянутый канатъ лопнетъ: одинъ возъ выѣдетъ въ бокъ, натолкнется на сосѣдній, остановитъ и собьетъ его; остановятся и спутаются другіе. Начнется шумъ, поднимется брань,—и дѣла самому опытному уставщику и урядинку не наладить. Ладитъ изумительный порядокъ шествія та живая, невидимая сила, которая, вмѣстѣ со многими прочими, заключается въ понятіи общины и въ ея практическомъ примѣненіи. На этотъ разъ войсковая казачья община съумѣла еще разбиться на отдѣльныя артели, и каждая является настоящимъ хозяиномъ какъ въ передвиженіи къ мѣсту лова, такъ и въ самой плавнѣ. Артель состоитъ изъ 7, и отъ 15 до 20 человѣкъ, между которыми съ поразительною справедливостью распредѣлены и равномѣрный трудъ и равная доля расходовъ, равные убытки и одинаковые барыши. Эта же равноправность каждаго передъ всѣми въ изумительной гармоніи разлита по всему, собственно казачьему обозу: всѣ наличные, вмѣстѣ взятые казаки, какъ одинъ человѣкъ.

Въ войсковой обозъ имѣетъ право въѣхать съ телѣгами всякій уралецъ, лишь бы былъ онъ коренной пріуральскій житель, а не илицкій и не сакмарскій казакъ, не съ бородинскаго форпоста и не изъ башкирскаго отдѣленія, хотя эти входятъ также въ общій составъ уральскаго казачьяго войска. Въ плавнѣ, какъ и во всѣхъ видахъ здѣшняго рыболовства, не имѣютъ права участвовать тѣ казаки, которые состоятъ на дѣйствительной службѣ во внѣшнихъ и внутреннихъ командировкахъ: будетъ ли то лейбъ-гвардіи уральская казачья сотня, или тѣ сотни, которыя посланы на кордоны, ушли въ степь, въ Ташкентъ, въ Хиву, въ Геёкъ-Тепе, и т. д. Не участвуютъ также и женщины, но за то какъ отставнымъ, такъ и малолѣткамъ, находящимся въ предѣлахъ войсковой земли, предоставено право участія, хотя и опредѣлена извѣстная доля съ ограниченіями. Здѣсь также нѣтъ тѣхъ, которые въ то же время занимаются рыболовствомъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ Уральской земли: разомъ въ двухъ рыболовствахъ, по общинному справедливому закону, участвовать нельзя ни лично, ни наемными рабочими, ни по довѣренностямъ. Кто собрался уйти на Чекальское морцо или въ Узени, на такъ называемые осенніе побочные ловы, тому нѣтъ мѣста и права на плавнѣ. На плавнѣ, какъ и на нѣкоторыхъ

другихъ ловахъ, не дозволяется найма постороннихъ рабочихъ изъ киргизъ или «иногороднихъ» русскихъ: чистокровный казакъ одинъ только вправѣ кататься на бударкахъ съ ярыгой на плавнѣ и рубить ледъ и подъ нимъ багрить и подбагривать рыбу на «багреньѣ». Коренные старики-казаки даже глубоко и стойко увѣрены въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ дозволили иногороднымъ купцамъ селиться въ городѣ и форпостахъ на казачьей землѣ, въ Яикѣ стало гораздо меньше рыбы. Нечистый духъ и чужой глазъ пришлыхъ людей испортилъ заповѣдную рѣку съ «золотымъ донушкомъ, съ крутыми бережками посеребреными», а за то ихъ и прозвали именемъ не хорошей дешовой рыбы «чехонью» и «церковными запирками» (за преслѣдованіе старой вѣры, общей всему войску; хотя, въ свою очередь, невѣсткѣ на отмѣстку, заѣзжіе русскіе люди зовутъ уральскихъ казаковъ «рàзиной породой»).

Когда величавое шествіе войсковаго обоза вновь открылось на нашихъ глазахъ передъ Каленовскимъ форпостомъ, мы замѣтили, что на хвостѣ его тянулся другой обозъ съ примѣтною цѣлью отъ него отдѣлиться и съ нимъ не смѣшиваться. Легко было распознать, что одни возы, увязанные крѣпко и накрытые кожами представляютъ собою обычный всей Россіи видъ возовъ съ товарами; на другихъ просто навалены были, ничѣмъ даже не укрытыя, бочки съ надписаніемъ на заднемъ днищѣ краткаго, но краснорѣчиво гласящаго слова «патентъ»: войско, стало быть, привыкло и любитъ поработать, т. е. половить рыбку и повеселиться, послѣ работы промочить горло по смыслу присловья, что рыба любитъ воду, а стало быть, рыбакъ долженъ выпить водки: одновременно согрѣться и обсушиться. Это уже тѣ иногородные, которыхъ казаки не любятъ, но безъ нихъ не могутъ обойтись (въ войскѣ еще сильно предубѣжденіе, по которому торговля — не казацкое дѣло, не аристократическій промыселъ, а торговля водкой во всякомъ случаѣ промыселъ гнусный и ремесло зазорное). Иногородные это смекнули давно и, пристроившись къ войсковому обозу, нагрѣваютъ руки: имъ тепло вокругъ и около, хотя водка ихъ согрѣваетъ другой стороной. За походными, кочующими кабаками, тянутся иные возы иногородныхъ, пока пустые, потому что назначены для клади выловленной казаками рыбы и для своза ее въ посоленномъ видѣ въ какую нибудь Елабугу, Казань и отсюда по всей Камѣ и до самой Вятки.

Когда левъ или тигръ вышли въ одиночку на охоту и въ чащобахъ тропическихъ лѣсовъ ищутъ овецъ и буйволовъ, не брезгуя и верблюдомъ, слѣдомъ за нимъ плетутся барсы и шакалы, и иной болѣе мелкій и менѣе сильный звѣрь попользоваться остатками сытой трапезы сильнаго и могучаго богатыря. Когда пеструшка— мышь морозныхъ тундряныхъ степей неисчислимыми миріадами

стадъ, тронется за пищей — ее сопровождаютъ также большими стадами соболи, куницы, горностаи и лисицы, чтобы поживиться прямо на ея счетъ, а не на оставленные объѣдки. Все это невольно пришло мнѣ на память, когда за кочевымъ казачьимъ таборомъ растянулся по степи торговый обозъ.

Этими иногородными возами увеличивается громадный казачій обозъ, который былъ малъ въ началѣ пути подъ городомъ Уральскомъ, когда выѣзжали телѣги съ подгородныхъ хуторовъ, но постепенно наросталъ за каждымъ попутнымъ форпостомъ, а подъ Каленовскимъ представлялъ собою уже такую громаду, которая и на представленія привычныхъ казаковъ производитъ подавляющее дѣйствіе. Это отразилось и въ обыденномъ языкѣ и въ выраженіяхъ.

Осенью, когда обнаженная степь покрывается зеленью и перелетная птица, находящая пищу въ разнообразныхъ породахъ солянокъ, наполняетъ шумомъ и звонкимъ говоромъ эти безмолвныя лѣтомъ пустыри, когда оживаютъ они всѣмъ этимъ судорожнымъ и торопливымъ движеніемъ птичьихъ стай, гусиныхъ и лебединыхъ артелей, казакъ говоритъ:

— На степи теперь птицы—в о з а!

Когда лѣтней порой оживляется базарная площадь города Уральска и круглолицыя, миловидныя и чопорныя уралки мѣшаются въ толпѣ со скуластыми и некрасивыми киргизами, иногородными торговцами и казаками въ разноцвѣтныхъ полосатыхъ бухарскихъ халатахъ, они же, подъ впечатлѣніемъ хлопотливой толпы, говорятъ дамашнимъ, возвратившись въ избу:

— Народу на базарѣ—воза.

На базарѣ всякій по обычаю рекомендуетъ себя своеобразно. Киргизъ пришелъ продать кошму и бараньи шкурки и купить табачку, уздечку, ремешокъ, либо нагайку. Казакъ привелъ возъ съ арбузами или дынями; старуха-казачка пріѣхала, сидя на возу, съ молокомъ, носящимъ свойственно только этому мѣсту названіе и видъ «мѣшотчатаго». Непосредственно въ самую телѣгу, въ подосланную холщовую простыню налила казачка это странное, полужидкое вещество, что-то въ родѣ молочнаго студня или простокваши съ комьями свернувшагося творога. Хотя такое кушанье и годится только для охотника и потребляется привычными людьми, тѣмъ не менѣе, его въ тѣхъ мѣстахъ любятъ и хвалятъ. Молочный студень, разбавленный водой, считается въ лѣтніе жары самымъ лучшимъ прохладительнымъ напиткомъ. Хотя на этотъ разъ и въ самомъ дѣлѣ на уральскихъ базарахъ «молока воза», однако, для уральскаго казака: и пыли въ степи—воза, и народа въ плавенномъ обозѣ воза, да и времени у уралокъ, цѣлые дни щелкающихъ сушеныя и каленыя арбузныя сѣмечки—тоже воза!

Настоящіе воза, послѣдніе на хвостѣ войсковаго обоза, на эту

ночь поспѣшать установиться по улицѣ Каленовскаго форпоста; воза же самаго обоза расположатся на степи въ нѣкоторомъ почтительномъ отдаленіи отъ селенія. На завтра, самымъ раннимъ утромъ—начало плавни и новое любопытное представленіе, даромъ предлагаемое уральскою казачьею общиной, но столь поразительное, поучительное и невиданное.

Пока казаки отдыхаютъ отъ дороги, набираясь свѣжими силами, такъ нужными для нихъ на завтрашній день, пока иногородные прилаживаются подперѣть кольями свои холщевыя, походныя лавки,— мы осмотримся также по ихъ примѣру, и сообразимся. Безъ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ не обойдешься.

II.

Казачій учугъ.

Войсковая уральская земля — какъ всѣмъ извѣстно — прорѣзается большой рѣкой Ураломъ, не широкой, не поражающей величественнымъ или царственнымъ теченіемъ, какъ Волга и Кама, но многоводной и сильной. Окрещена рѣка этимъ именемъ съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ (въ 1775 г.) послѣ раздѣлки съ Пугачевымъ и его публичной площадной казни, а до того времени рѣка Уралъ извѣстна была всѣмъ подъ именемъ Яика.

Вырвавшись изъ отрога Уральскихъ горъ, изъ не особенно высокаго «камня», Яикъ очень быстро и торопливо побѣжалъ по узкой холмистой долинѣ, по наклону ея прямо на югъ. Подъ Орской крѣпостью выбѣжала ему изъ степи, изъ тамошнихъ мокрыхъ мочаговъ и родниковъ, съ юга рѣка Орь, которая сбила Яикъ съ пути, и повернула его на западъ. За Орскомъ онъ набѣжалъ на Губерлинскіе холмы и, какъ удалая казачья рѣка, храбро пробился межъ нихъ по узкому ущелью въ 12 верстъ длиной. Набравшись здѣсь смѣлости, онъ еще похрабрился въ сжатой долинѣ своей, но за Оренбургомъ сталъ стихать и смиряться, такъ что съ 1,600 футовъ паденія при истокѣ здѣсь упалъ до 186 футовъ. Когда выбѣжалъ на встрѣчу Чаганъ, храбрый Яикъ повернулъ на югъ въ томъ направленіи, какъ приказалъ новый товарищъ, т. е. прямо къ Каспійскому морю.

Не сразу впрочемъ подчинился Яикъ злой судьбѣ, повелѣвающей течь въ опредѣленныхъ и законныхъ берегахъ, не вольнодумничая; но, выбѣжавъ, послѣ встрѣчи съ Чиганомъ, въ настоящую свободную степь, онъ попользовался кочевымъ правомъ: поигралъ на ней и немного посвоевольничалъ. Отъ степныхъ прогулокъ его, по узкой долинѣ и сейчасъ можно видѣть неисчислимое количество боевыхъ слѣдовъ: то озерко, то сухая протока, то глу-

бокій оврагъ, прозванные казаками приличными именами: прорановъ, ильменей, ериковъ, старицъ. Сухорѣчье или старое покинутое рѣкою русло стало «старицей»; такое же русло, но въ весеннія половодья заливаемое водой, застаивающейся въ длинныхъ ямахъ, названо «ерикомъ»; мокрыя, обросшія камышемъ, заросли или озерки, накопившія воду во время широкаго разлива Урала, превратились въ «ильмени», а протоки въ устьяхъ рѣки или побочныя русла ея назвались «прoранами». И теперь еще старый казакъ Яикъ иногда не прочь показать, что онъ еще не разлюбилъ вольной воли и не совсѣмъ согласенъ съ тѣмъ, чтобы улечься въ тѣсныхъ берегахъ по обычаю другихъ русскихъ рѣкъ, безропотнымъ плѣнникомъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и заспоритъ онъ со своими противниками, хотя нѣкоторые это правовое и естественное движеніе его готовы называть бунтомъ и обычно ставитъ лишь только раздражающія, но не успокоительныя препоны. Такъ напр., недальше 25-ти лѣтъ назадъ, подъ самымъ городомъ Уральскомъ, гдѣ произошелъ споръ и встрѣча рѣки съ Чаганомъ, Яикъ успѣлъ выкинуть такое шаловливое колѣно, что городъ въ одномъ мѣстѣ очутился на старицѣ, а сама рѣка перенесла свое русло далеко въ сторону, разстояніемъ на цѣлую версту. Другое колѣно рѣки осталось на прежнемъ положеніи, и городокъ Уральскъ, вторымъ краемъ своимъ, по старинѣ выходитъ на самый берегъ Урала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ знаменитое и знаменательное для всего войска сооруженіе, называемое «учугомъ». Объ немъ и поговоримъ, такъ какъ въ учугѣ коренная сила огромнаго значенія, самое живое и больное мѣсто всего Уральскаго казачьяго войска.

Учугъ самъ по себѣ штука не хитрая. Это—заборъ, выстроенный поперекъ рѣки съ одного берега до другаго самымъ обыкновеннымъ способомъ, какъ на Уралѣ и Волгѣ, такъ и на любой изъ рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море. Тамъ—для семги, здѣсь для севрюги, осетра и бѣлуги поперекъ рѣки вбитъ рядъ свай сплошнымъ частоколомъ, и затѣмъ, другой рядъ накось. Ряды этихъ свай связаны веревками (свистомъ), а въ промежутки закатаны бревна. Эти бревна или чигинникъ представляютъ мостъ, по которому можно ходить, но нельзя ѣздить. Подъ водой вся забойка покрыта рѣшетками или щитами изъ деревянныхъ дранокъ. Чтобы не размывала учугъ вода и забойка содержалась въ порядкѣ, приставлены особые сторожа. Это — водолазы — «баграчеи» ловкіе нырялы, способные долго оставаться и смотрѣть въ водѣ, отвѣтственные люди, обязанные чинить учугъ. Они могутъ подъ учугомъ и ловить рыбу, но только ту, которая въ весеннее половодье прошла вверхъ, а по установкѣ учуга возвратилась назадъ и встала подъ нимъ и выше ожидать времени и возможности для прохода на низъ и въ море. Но и эту рыбу баграчей имѣетъ право ловить только для почетныхъ и вліятельныхъ гостей въ

войскѣ, въ видѣ подарка на угощеніе и для атаманскаго стола. И опять-таки ему дозволяется ловъ не сѣтью, а ручнымъ желѣзнымъ крюкомъ «абрашкой», такъ какъ приткнувшаяся къ забору и остановившаяся выше учуга рыба даетъ себя нащупать рукой и подсѣчь крюкомъ.

Такая крѣпь, какъ учугъ, останавливаетъ, не пропуская дальше, всю ту рыбу, которая идетъ весною и осенью (непремѣнно два раза въ годъ) изъ моря въ рѣку Уралъ. Здѣсь конецъ ея путешествію. Здѣсь для кореннаго уральскаго войска, по привилегированному праву его, то мѣсто, съ котораго рѣка считается заповѣдною вплоть до чѐрней и Култука Каспійскаго моря. Пятьсотъ верстъ теченія Урала отъ центральнаго войсковаго города до Гурьева-городка считаются нераздѣльною войсковою собственностью и притомъ всего Уральскаго войска во всемъ его составѣ, цѣлой казачьей общины. Триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ рѣка сдѣлалась единственною кормилицею этихъ уральцевъ, зашедшихъ сюда съ Дона и Волги одновременно и вслѣдствіе одинаковыхъ причинъ, заставившихъ Ермака наняться къ Строгановымъ и загладить свои вины завоеваніемъ Сибири. Укрывшись на окраинѣ государства, въ дальней глуби Яицкой долины, эти казаки поспѣшили обезпечиться землянымъ городкомъ на урочищѣ Орѣшномъ, въ 40 верстахъ выше нынѣшняго Уральска. И живя въ старомъ городкѣ, и послѣ раззоренія его татарами, въ 1613 году, переселясь въ новый, яицкіе казаки основывали на рѣкѣ всѣ надежды къ пропитанію и существованію. Царь Михаилъ снабдилъ ихъ граматою (теперь затерянною), разрѣшавшею «владѣніе рѣкою Яикомъ, съ сущими при ней рѣки и притоки и со всѣми угодьями отъ вершинъ той рѣки и до устья». Хотя послѣднее и оспаривалось у казаковъ долгое время и сама же казна сдавала устья на откупъ, но съ разселеніемъ казаковъ по низовьямъ рѣки и поступленіемъ въ казачьи руки учуга въ Гурьевѣ-городкѣ, т. е. съ 1770 года, все низовое теченіе Урала сдѣлалось безраздѣльною казацкою собственностью. Гурьевскій учугъ былъ уничтоженъ, а сооруженный подъ Уральскомъ сталъ единственнымъ направителемъ рыболовнаго войсковаго хозяйства. Предоставленная казакамъ въ награду за образованіе укрѣпленной цѣпи постовъ, задержавшихъ «воровскіе перелазы» на Святую Русь степныхъ кочевниковъ—рѣка Уралъ стала заповѣдною, была, такъ сказать, запрещена и зачурована.

Ни одинъ казакъ единично не въ урочное время не осмѣлится опустить въ рѣку неводъ или крючковую сѣть и имѣетъ лишь право, въ успокоеніе соблазна рыбной рѣкой, бросить удочку на мелкую рыбу. Крупная рыба — вся собственность войска и все нижнее пятисотверстное теченіе Урала — мѣсто бережоное и щекотливое, и рѣка, въ этомъ отношеніи, единственная въ Россіи.

Еще до сихъ поръ здѣсь не только ни одной сваи не вбито въ «золотое донушко» и не глядѣлись въ рѣку бревенчатые накаты мостовъ, опираясь на его «круты бережки посеребреные». Въ заповѣдное время ни одинъ казакъ, ни какой киргизъ не дерзнетъ переплыть рѣку вплавь на конѣ и потревожить улегшуюся на отдыхъ красную рыбу въ «ятовяхъ», глубокихъ рѣчныхъ ямахъ, называемыхъ во всей остальной Россіи омутами. Ни одинъ казакъ не смѣетъ выстрѣлить на берегу изъ ружья, не затѣваетъ никакаго необычайнаго и тревожнаго шума, и только лишь лѣтомъ, когда зашедшая въ рѣку рыба плаваетъ по ней вверхъ и внизъ, отыскивая ятови, дозволяется въ рѣкѣ поить лошадей и переправляться на другой берегъ въ сѣнокосную пору. Съ начала осени, когда вода дѣлается холоднѣе, а рыба, залегающая въ ятови, пугливѣе, съ 1-го сентября надъ рѣкою учреждается строгая охрана: на берегахъ невозмутимая тишина и весь путь отъ города до Каленовскаго форпоста представляется поразительно-безмолвной пустыней. Въ это время укладывается по ямамъ вкусная и цѣнная хрящовая красная рыба (осетръ, севрюга, бѣлуга и шипъ), ложась ярусами одна на другую, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы на отдыхъ и спячку послѣ долговременныхъ прогулокъ въ Каспійскомъ морѣ и продолжительнаго плаванія по рѣкѣ Уралу. Сюда же приходитъ гостить и менѣе вкусная и цѣнная «черная» или «частиковая» рыба въ видѣ судаковъ, сазановъ, жереховъ, сомовъ, воблы, чехони и т. д. Въ угоду рыбѣ, и на свою пользу, казаки рѣку свою, удобную для судоходства, сдѣлали не судоходною, также единственною въ этомъ отношеніи на всемъ пространствѣ Русской земли. Плаваютъ по ней только тогда, когда разрѣшается ловля, но ни одно еще судно не поднималось съ моря до Уральска. На нашихъ глазахъ и намъ на встрѣчу везли на лошадяхъ, установленный на колесахъ, двѣнадцативесельный катеръ, сработанный въ астраханскомъ портѣ и доставленный удалымъ гурьевскимъ казакомъ, сплывшимъ на немъ изъ устьевъ Волги въ устья Урала. Вотъ почему и казаки изъ-за Уральска обязаны ѣхать больше двухъ сотъ верстъ на лошадяхъ и въ телѣгахъ до начальнаго рубежа плавни, въ увѣренности, что всѣ ятови соблюдены особыми охранителями и не только пересчитаны, но и опредѣлены опытными глазами старыхъ казаковъ съ такою точностью, какъ бы они были у нихъ на ладони. Ко всѣмъ капризамъ рѣки, дѣлающей ежегодные переметы песку и ила, ко всѣмъ обычаямъ рыбы, опытные «плавучи» и «баграчеи» отлично присмотрѣлись и приладились.

Читатель нашъ видитъ теперь, что уральскимъ учугомъ опредѣляются два основные рубежа на низовомъ теченіи Урала на то время, когда рыба остается на долгое время лежать въ рѣкѣ и совсѣмъ забываетъ о морскомъ раздольѣ, гдѣ ей слишкомъ теперь

холодно. Залегшую между моремъ или — лучше сказать — между Гурьевымъ-городкомъ и Каленовскимъ форпостомъ рыбу вылавливаютъ плавенными сѣтями (т. е. плавающими по теченію) съ послѣднихъ чиселъ сентября до первыхъ чиселъ ноября, когда начинаетъ замерзать рѣка. Къ концу этого мѣсяца и ретивые казаки, добравшіеся до Гурьева, успѣютъ вернуться подъ Уральскъ, отдохнуть дома и приготовиться къ зимнему лову, когда окрѣпнетъ ледъ на рѣкѣ. Съ 20-го или 22-го декабря начинается «багренье», начинаютъ разбагривать ту рыбу, которая улеглась въ ятовяхъ Урала отъ учуга до Каленовскаго форпоста, т. е. въ верхней половинѣ зачурованной казачьей части рѣки Урала.

Мнѣ остается прибавить, что по всему Уралу одновременно ловятъ рыбу, безъ опредѣленныхъ рубежей, а сплошь по всему теченію его отъ учуга до моря также плавенными сѣтями со вскрытіемъ льда. Этотъ ловъ носитъ названіе «севрюжьей плавни», и «на севрюгахъ» работаютъ казаки до лѣтней поры. Въ іюнѣ всѣ рыболовства оканчиваются и рыбу оставляютъ въ покоѣ во все время, пока продолжается вторичный ходъ ея изъ моря на долгій зимній сонъ. Извѣстно, что весной рыба входитъ въ теплую прѣсную воду метать икру и, исполнивъ этотъ законъ природы, спѣшитъ возвратиться обратно въ море. Тамъ ее уже и ловить невыгодно и очень трудно, а потому для севрюжьей плавни открываютъ все зачурованное, сбереженное и отгороженное пространство Урала, и ловятъ рыбу разомъ, безъ рубежей,—иначе она можетъ ускользнуть изъ рукъ. Нельзя медлить—надо поторапливаться.

III.

Община въ лицахъ.

Самымъ раннимъ утромъ, когда солнце успѣло немного поднятся и освѣтить передъ нами на противоположномъ «бухарскомъ» берегу Урала кучку жителей изъ любопытныхъ киргизовъ, мы также, вмѣстѣ съ прочими, для той же самой цѣли были на ногахъ, и на этомъ казачьемъ берегу или на «русской сторонѣ», за Каленовскимъ селеніемъ. Войско давно было въ сборѣ. На возвышенномъ, крутомъ и обсыпчатомъ яру праваго берега стояла стройными рядами живая стѣна ловцовъ, выжидающихъ сигнала, чтобъ начинать ловъ, по общинному правилу всѣмъ разомъ, что называется «съ удара». Весь передній рядъ этихъ молодцовъ выстроился по изгибу руки, какъ бы на парадѣ, стройно установившись грудью впередъ и глаза направо: на палатку рыболовнаго атамана, назначеннаго канцеляріею изъ войсковыхъ офицеровъ по очередному

списку или въ силу желанія начальства матеріально пособить ему. Около ловцовъ чернѣютъ ихъ небольшія и легкія лодки—бударки, и бѣлѣются сѣти—ярыги, у всѣхъ обязательно одинаковой величины: мѣшокъ въ 6 сажень длины, 4 сажени стѣной, спитый такъ, что остались два свободныхъ крыла—верхнее и нижнее. На верхней подборѣ навязаны поплавки (барбелки), по нижней хребтинѣ—тапи или грузила. Чтобы сѣть стояла въ водѣ стѣной, одинъ конецъ плаваетъ на пукѣ или пучкахъ, свитыхъ изъ рогожи или ситниковой травы. Пукъ привязанъ за пріухъ или за петлю на концѣ стѣны сѣти. Хребтина или бечева сѣти пойдетъ по дну и станетъ срѣзывать рыбу и вгонять ее въ мѣшокъ ярыги.

Со стороны, отъ атаманской палатки, намъ ясно видно, что казаки стоятъ «связками», потому что согласившіеся рыбачить вмѣстѣ тѣсно плотятся другъ къ другу и крѣпко ухватились за свои бударки. Мы видимъ натянутую прямую линію строя, но не замѣчаемъ, чтобы она ломалась отъ выпятившихся впередъ людей или отъ высунутыхъ дальше сосѣдей бударокъ. Чувствуемъ, однако, что движеніе въ этомъ смыслѣ и съ подобнымъ намѣреніемъ возможно и даже совершается, но невидимая и неизвѣстная намъ сила устанавливаетъ правила равенства каждой связки передъ сосѣднею и передъ всѣми другими, которыя сплотились въ тѣсную стѣну, потянувшуюся вверхъ рѣки, и конецъ которой едва досягаемъ глазомъ. Между тѣмъ, и на этотъ разъ мы не видимъ тѣхъ, которые обычно ровняютъ ряды и ломаютъ палкой загривокъ и спину тѣхъ, которые осмѣлились изломать прямую линію. Здѣсь каждый по себѣ и всякій за всѣхъ. Тѣмъ не менѣе видится и чувствуется, что эта живая, дышащая и временами вздрагивающая струна натянута до послѣдней возможности. Немного напряженія надо на то, чтобы она мгновенно лопнула на нѣсколько частей и изчезла изъ глазъ. Не лопается и не разрывается въ куски она потому, что еще не дано сигнала, но судорожно вздрагиваетъ эта живая стѣна изъ людей подъ тѣмъ электрическимъ токомъ, который можно переименовать въ жажду наживы и корысти. Всякому хочется поймать рыбы больше; всякій намѣревается напрячь свои силы, чтобы сильной греблей раньше и впереди другихъ дойти до ятови, а до того времени не зацѣпить бы бударки въ проклятыхъ кустахъ, не свалиться бы самому съ сыпучаго крутояра, гдѣ можно и запнуться, и соскользнуть, и на доморощенныхъ салазкахъ очутиться вмѣсто бударки подъ ней и въ холодной водѣ. Въ добавокъ къ этому не знаешь, какимъ манеромъ и какимъ знакомъ подастъ атаманъ сигналъ, чтобы хвататься за бударки и выплывать на рѣку. На багреньѣ обыковенно грохаетъ пушечный выстрѣлъ и разсыпается звонкимъ раскатомъ по улицамъ Уральска, по рѣкѣ и бухарской сторонѣ до самаго мѣноваго двора. Здѣсь либо тявкнетъ маленькая пушчонка, либо

пыхнетъ звонкимъ металлическимъ звукомъ винтовка или пистолетъ. Можетъ атаманъ выставить свое лицо изъ палатки и махнуть платкомъ, либо высунетъ свою шапку на палкѣ, либо опрокинетъ свою палатку или разберетъ ту ея стѣнку, которая глядитъ на казаковъ, и можетъ быть зычно крикнетъ. Меня, когда я помѣстился въ атаманской палаткѣ, убѣдительно просили не закуривать папироски, чтобы вспышку спички не приняли казаки за сигналъ. Самое появленіе головы нашей или атаманской, самый дымъ папироски съ несомнѣнною про себя увѣренностью примутъ ловцы за знакъ къ началу плавеннагѳ лова.

Опытный глазъ атамана все высматриваетъ тотъ удачный моментъ, когда напряженіе живой стѣны нѣсколько уменьшится и всѣ установятся такъ, что ни для кого изъ стариковъ не будетъ мѣста для сѣтованія и неудовольствія. Они строго блюдутъ за атаманомъ и зорко слѣдятъ за тѣмъ, какъ онъ исполняетъ рыболовныя правила и войсковыя постановленія, умѣетъ ли охранять порядокъ и на столько ли не уступчивъ, стоекъ и справедливъ, чтобы не допустить ни малѣйшихъ послабленій и злоупотребленій. Зорко блюдутъ также и за тѣмъ, на сколько атаманъ мудръ и опытенъ, чтобы умирять ссоры и разбирать жалобы, что всегда возможно и вѣроятно, гдѣ соперничаютъ люди удальствомъ и силой и руководятся бѣдовымъ чувствомъ корысти и страстью наживы. Рыболовный атаманъ все это очень хорошо знаетъ и помнитъ, что иногда хитрые старики съ серьёзнымъ видомъ являются съ просьбами, въ качествѣ депутатовъ, измѣнить какое нибудь коренное рыболовное правило:

— Все-де войско такъ желаетъ по тѣмъ-то и по такимъ-то причинамъ.

И причины приводятся вѣскія и убѣдительныя.

Податливый атаманъ вскорѣ убѣждается, что эта просьба была простой подвохъ, явное испытаніе совѣсти начальника. Опытные и бывалые атаманы знаютъ, что за умѣлыя распоряженія въ концѣ плавни войско высказываетъ свое удовольствіе и благодарность криками «ура»; въ противномъ случаѣ на лицепріятнаго и подкупнаго подадутъ жалобы по начальству.

Нашъ атаманъ разобралъ кибитку съ противоположной стороны отъ казаковъ, ползкомъ добрался до маленькой пушки и—пукнулъ. Я глазомъ мигнуть не успѣлъ, какъ величественно стоявшая живая стѣна, которою я не могъ налюбоваться, рухнула, разсыпалась по камушку и исчезла изъ глазъ. Пустъ оказался истоптанный берегъ на крутоярѣ, но за то чистая, до тѣхъ поръ, какъ зеркало, и молчаливая, какъ степная ночь, рѣка Уралъ также исчезла изъ глазъ: мы уже на ней не видимъ воды. Какъ степная саранча скрываетъ дневной свѣтъ, такъ измѣнилась голубая поверхность рѣки, посѣрѣла и почернѣла подъ тысячью бударокъ.

Зашевелилась она теперь и зажила тѣмъ особымъ движеніемъ, которое ей самой не обычно. Черезъ нее по бударкамъ, какъ по мосту, кажется, можно перейти на бухарскую сторону, если бы только лодки вздумали остановиться. Такого молодецкаго пріема и движенія казаковъ я и представить себѣ не могъ!

Однако гдѣ же видимые знаки проявленія заподозрѣннаго нами въ войскѣ чувства корысти и стяжанія наибольшихъ, сравнительно съ товарищами, барышей? Гдѣ эти непобѣдимые и неодолимые человѣческимъ сердцемъ толчки, изъ которыхъ нарождается отвага и удаль, вся эта теперь нестройная, но въ общемъ несомнѣнно цѣльная суетня на водѣ казачьяго разгула и представляемой въ лицахъ общины? Всматриваемся:

Какъ мухи сплошь усѣявшія столъ, на которомъ пролили каймакъ или медъ угощавшіяся казачки, усыпали казаки всю рѣку вплоть отъ одного берега до другаго. Всѣ гребутъ, налегая на весла и рьяно и учащенно всплескивая веслами, каждыя двѣ бударки или, по казачьему, каждая связка. Имъ нельзя отставать другъ отъ друга, потому что обѣ дѣйствуютъ заодно и не обращаютъ вниманія на то, что этимъ тѣснятъ другихъ, которые въ свою очередь мѣшаютъ плыть дальше третьимъ и десятымъ связкамъ. Однако, на этой гонкѣ съ препятствіями, совершаемой болѣе опытными и сильными руками, чѣмъ всякія картинныя яхтъ-клубныя гонки на такихъ же, какъ длинные и узкіе бударки, легкихъ гичкахъ— болѣе ловкія и сильныя руки выдвинули свои лодчонки далеко впередъ всѣхъ остальныхъ. Отсталыхъ очень много, и между передними и задними, стала обнажаться вода Урала большими плесами, или просвѣтами. Эти задніе тѣ, которые среди первоначальной суматохи не успѣли сладить съ бударками, ярыгами и сами съ собой—и опоздали. Двое выпустили изъ рукъ свою лодку: она поплыла внизъ одинокою, а они вплавь и вбродъ перебрались на бухарскую сторону и, стоя на другомъ берегу, отчаянными голосами молили о помощи. Сотни бударокъ проплыли мимо, не внимая мольбамъ и, видимо при сосредоточенной мысли о себѣ, не замѣчали несчастія другихъ, хотя, конечно, ихъ было жаль. Другой сорвался съ своей лодки въ воду и, не желая въ ней тонуть, хватается за край плывущей мимо бударки, его бьютъ по рукамъ весломъ; несчастный казакъ, опрокинувшись на животъ, начинаетъ плыть, мѣряя сажонками и наталкиваясь на встрѣчныя бударки, къ тому же несчастному и безнадежному берегу. Суматохи довольно, и видимо начинается тотъ безпорядокъ, который противорѣчитъ общему и съ начала такъ хорошо и согласно налаженному тону. Какъ тутъ быть: не всѣмъ же въ самомъ дѣлѣ быть удальцами и ловчаками?

Рыболовный атаманъ, который плыветъ впереди и ведетъ войско къ первой ятови, не доходя до нее, все, случившееся назади, ви-

дить и все, что по сторонамъ его кричитъ и плачется, слышитъ. Рьяныхъ и сильныхъ передовиковъ, подъемомъ веселъ, криками и приказаніями, онъ сдерживаетъ на столько, чтобы не могли задніе очень отстать. Однимъ строго приказываетъ поймать плывущую безъ хозяевъ бударку; другимъ принять мѣряющаго саженки казака. Все это неохотно, конечно, но на виду всѣхъ исполняется. Передніе все таки успѣваютъ оставаться впереди за право удальства и силы. Задніе уже не такъ безжалостно и безнадежно отстали: нельзя же всѣмъ выстроиться въ такую же стройную и прямую линію на узкой рѣкѣ, какъ это могло быть на широкомъ степномъ берегу. Вездѣ должны быть передніе и задніе: на ловкости и удальствѣ весь свѣтъ стоитъ и плавенное и багренное рыболовство неизбѣжно и обязательно должно было признать это явленіе за безспорный законъ. Распоряженіемъ атамана всѣ, конечно, довольны и, лишь на очистку совѣсти, поворчатъ на него тѣ, которые давно уже могли бы быть на первой ятови. Но дѣло не во времени: дѣло въ самой работѣ на ятови. Не страдать же казакамъ съ ловкой и сильной рукой, при могучихъ плечахъ и груди, изъ за того лишь, что бываютъ неповоротливые и слабосильные!

Начали облавливать и тѣ и другіе первую ятовь: два казака гребутъ, другіе два держатъ веревки на обоихъ концахъ ярыги. По мѣрѣ того, какъ двигаются бударки, тянется за ними и сѣть, по подобію мережи съ крыльями, столь всѣмъ рыбакамъ извѣстной, но на этотъ разъ не стоячей, а плавучей. Когда стали казаки лѣнивѣе опускать ярыги и, смотря въ вынутыя, покачивать головами, атаманъ повелъ на вторую ятовь, которую указываютъ ему ясно и точно тѣ старики, которые обязаны эти ятови замѣчать и оберегать. Какъ только атаманъ доведетъ ловцовъ до новой ямы, онъ на своей бударкѣ отплываетъ въ сторону и подаетъ знакъ. Весь этотъ ловъ перваго рубежа плавни отъ Каленовскаго до Антоновскаго форпоста производился войскомъ съ такой быстротой и ловкостью, что когда мы, на быстрой казачьей тройкѣ, снявшись съ мѣста тотчасъ послѣ того, какъ скрылся хвостъ «плавачей» за крутояромъ, прискакали въ Антоновскій форпостъ,—голова казачьяго поѣзда вскорѣ была уже у насъ на виду. Она медленно выплывала изъ за селенія, и ловцы суетливо забрасывали въ послѣднюю ятовь ярыги, и вытаскивали изъ воды выбирая и выбрасывая рыбу на бударки.

Когда мы усѣлись ожидать войско въ такой же кибиткѣ, которая была раскинута за Антоновскимъ селеніемъ и черезъ день должна служить такимъ же мѣстомъ для сигнала на второй рубежъ, плавенный атаманъ былъ уже тамъ. На рѣкѣ ему нечего было дѣлать, потому что первый рубежъ онъ прошелъ, и счастливъ, и въ барышахъ, потому что на его пай ловили рыбу впередъ другихъ, и ему самому не для чего было безпокоиться. У нижняго

рубежа для него разставляются «переставы» или переметы съ крючьями. Рыба, пробиваясь въ нихъ, поворачиваясь и взыгрывая плескомъ, обязательно запутывается и непремѣнно вязнетъ.

Когда подъ множествомъ бударокъ опять скрылась изъ нашихъ глазъ водная поверхность Урала и все войско закончило первый рубежъ, къ нашей кибиткѣ явилась депутація изъ пяти стариковъ. Съ нами былъ на плавнѣ, изъ любопытства, самъ наказной атаманъ (генералъ-маіоръ Вик. Дез. Дандевиль), и къ нему-то пришли старики поклониться отъ всего войска «презентомъ» (по нынѣшнему) или «атаманскимъ кусомъ» (по старинному казачьему выраженію). Принесли они живаго, самаго крупнаго и икрянаго осетра. Когда атаманъ поклонъ и подарокъ принялъ, одинъ старикъ быстрыми и умѣлыми руками, вскрылъ рыбу, вынулъ мѣшокъ съ икрой, съ такою же ловкостью и быстротою вскинулъ его на грохотъ и протеръ такъ тщательно, что пробились сквозь сѣтку одни только зерна, а пробойка или слизистая оболочка мѣшка, осталась на грохотѣ и отброшена. Свѣжую икру съ крупными зернами, разсыпчатую, какъ круто сваренная гречневая каша, на нашихъ же глазахъ старикъ просолилъ, перемѣшалъ деревянной ложкой, въ деревянной чашкѣ, и въ такомъ первобытномъ видѣ преподнесъ наказному атаману. По старинному казачьему обычаю, слѣдовало Виктору Дезидерьевичу принять стаканъ водки, поздравить войско съ началомъ лова, пожелать казакамъ удачнаго конца, и закусить икрой изъ деревянной чашки нижегородскаго дѣла, деревянной ложкой. Откуда ни взялся и кусокъ пшеничнаго хлѣба на заѣздку. На привѣтъ атамана старики депутаты глубоко поклонились въ поясъ, а вышедшее изъ бударъ на песчаный берегъ войско, у котораго все время ушки были на макушкѣ, грохнули «ура», въ благодарность за добрыя пожеланія. Попробовали и мы это незнакомое намъ, необычайно вкусное вещество, которое языкъ не поднимается назвать свѣжей икрой въ виду того подражанія ей, которое продается подъ этимъ почтеннымъ именемъ у Елисеева и Смурова, хотя бы по цѣнѣ и за 3 руб. 50 коп. фунтъ.

IV.

Послѣ рубежа.

Первый рубежъ пройденъ; остается еще больше десятка такихъ же рабочихъ рубежей плавенныхъ. Послѣ каждаго рубежа отдыхъ на цѣлыя сутки или «дневки». Завтра на ловлю не поѣдутъ. Сегодня выловленную рыбу выложили изъ бударокъ тутъ же на береговой песокъ, на подосланные холсты и рогожки. Начался рыбный базаръ на эту свѣжую, сейчасъ пойманную рыбу.

Явились покупатели изъ иногородныхъ: изъ Елабуги, изъ Казани и проч. Они уже давно поджидали ловцевъ, гораздо раньше забравшись въ форпостъ. Прошла по базару та невидимая сила, которую не уловишь и не распознаешь въ глаза, ни въ видѣ казака, ни въ видѣ бородатаго купца извѣстнаго облика, прошла та сила, которая устанавливаетъ цѣны. Не сразу она порѣшаетъ дѣло и здѣсь, но осторожно прислушивается, осматривается, переминается съ ноги на ногу, почесываетъ въ затылкѣ, упрямится и ломается. Два борца схватились пробовать силу на палкѣ, кто кого перетянетъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не перелетѣть черезъ голову и больно не ушибиться. Какъ бы не подсунулъ казакъ яловаго осетра вмѣсто икрянаго, какъ бы не обмануться купцу въ опредѣдѣленіи подлиннаго вѣса на глазъ. Однако поладили; ударили по рукамъ: казацкая рыба перешла въ руки купцовъ, которые тутъ же на берегу, тѣмъ же своеобразнымъ кочевымъ способомъ, ее пластаютъ, солятъ, очищаютъ отъ икры. Тешка (брюшко) отдѣляется отъ балыка (спинки); вынимается и просушивается на солнушкѣ плавной пузырь (рыбій клей), выдирается сильной рукой сухожилье, лежащее вдоль хребта (вязига). Для этихъ операцій на Волгѣ созидаются цѣлыя селенія подъ именемъ ватагъ, устраиваются большіе крытые плоты, цѣлые заводы; здѣсь все это, степнымъ обычаемъ, продѣлывается на пескѣ, рыба засаливается въ чанахъ и бочкахъ или складывается тутъ же прямо на телѣги.

Казаки вечеромъ — съ задатками, утромъ—съ полнымъ разсчетомъ наличными деньгами: кредитъ они не любятъ; онъ у нихъ не въ обычаѣ. Сказано на двое: хочешь бери, хочешь—нѣтъ; свеземъ домой, рыба станетъ дороже. А что казакъ сдѣлаетъ съ деньгами—это скажетъ ярмарка съ краснымъ товаромъ. Она уже открылась на улицѣ станицы, небольшая, очень тихая, но пестрая. Чтобы не выгорали на солнцѣ линючіе московскіе ситцы, купцы приладили навѣсы, столь густые съ боковъ и сверху, что въ лавкахъ у нихъ темно, а стало быть удобно и имъ ловить свою рыбу въ этой мутной водѣ. Казачки охочи до пестрыхъ и яркихъ цвѣтовъ въ особенности, какъ дочери яркаго юга и, какъ еввины дѣти, повадливо идутъ и на ленточки, пуговки и на тесемочки. Свѣтлыя красносельскія стеклянныя запонки такъ и бьютъ въ глаза обокъ и рядомъ съ зеркальцами, вставленными въ двухстворчатую жестяную рамку. Особенно много именно этихъ зеркальцевъ. Все это, конечно, выставлено для форпостныхъ лежебокъ-казачекъ. Для самихъ казаковъ у сметливаго торговаго люда найдутся и рыболовные высокіе личные сапоги, кожаные фартуки, суровый холстъ на рыбачьи штаны, широкіе, какъ Каспійское море. Привезено и желѣзо въ дѣлѣ на всякую потребу, и прядево и бечевки подчинить прорвавшуюся ярыгу. А главное, конечно, наиболѣе пріятное и любимое, очень любимое казачьимъ войскомъ:

— Вотъ, милости просимъ, подъ нашъ навѣсъ, выпить и закусить.

Читателю такимъ образомъ ясно теперь, что плавня искусно и практично привела за собою ярмарки во всякій изъ нижнихъ форпостовъ, гдѣ кончаются плавенные рубежи. Обнаружилось на Руси новое явленіе, нигдѣ уже больше не повторяющееся, въ своемъ родѣ единственное, которое любознательный человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ замѣтить и запомнить. Подвижное кочевое хозяйство потребовало и вызвало «подвижные и кочевые торжки». Войско пробуетъ свою молодецкую удаль, катается на бударахъ какъ на гонкѣ, сѣточкой-ярыгой, что ни кинетъ въ воду, вытаскиваетъ изъ нея чуть не полный мѣшокъ рыбы. И за то, какія у него славныя пѣсни про удалыхъ отцовъ и дѣдовъ, и какъ онъ ихъ охотно хотя монотонно поетъ! Можно ко всему этому прислушаться и присмотрѣться на той же скороспѣлой и скоропреходящей форпостной ярмаркѣ, затѣянной именно для даннаго форпоста. Ярмарка въ Уральскѣ отъиграла тотчасъ передъ плавней, точно также, какъ въ концѣ этаго рыболовства она начнется въ Гурьевѣ—унылымъ и скучномъ во всякое время года.

Купилъ казакъ женѣ въ подарокъ платочекъ отъ себя и того, что наказывала дома изъ мелочи,—и себя не забылъ: завернулъ къ патентованной бочкѣ справиться о томъ, не фальшивую ли бумажку далъ проклятая «чехонь», купецъ за рыбу (дряни этой забирается въ войско, особенно съ мѣноваго двора, гдѣ торгуютъ степными баранами, очень много, можно сказать по-уральски,—воза). Зашелъ казакъ къ бочкѣ и настоящую бумажку размѣнять: крупна очень, а въ войскѣ мѣнялъ не полагается, даже трехрублевую «разбить» трудно. Словомъ сказать, къ вечеру, къ концу дневки, у рѣдкаго казака держится на головѣ шапка,—надо идти спать, надо выполнить очень трудную на этотъ разъ задачу: отыскать свои воза.

Вонъ стоятъ воза громаднымъ таборомъ въ степи, за селеніемъ: сгрудились и скучились такъ, что къ среднимъ и въ трезвомъ видѣ не скоро пролѣзешь и съ великимъ трудомъ до своего воза доберешься; а попробуй-ка его теперь отыскать. И всякія мѣры приняты: у однихъ на возахъ вздернуты на высокихъ шестахъ рѣзные деревянные пѣтушки, клочки сѣна, тряпки, рваная шапка, и другіе издалека видные и условные знаки. Возы охраняются подростками, называемыми «малолѣтками», а на этотъ разъ «станичниками», такъ какъ они обязаны пускать лошадей изъ возовъ въ степь, кормить ихъ тамъ и стеречь, конечно, гдѣ захотятъ, въ любомъ мѣстѣ: степь, какъ и рѣка, безспорная общая собственность. Звонкіе голоса мальчишекъ, призывающіе запоздалыхъ отцовъ, раздаются тамъ, лишь только стемнѣетъ. Но, несмотря на всѣ мѣры предусмотрительности, не всякій казакъ, возвращающійся съ ярмарки, ночуетъ на своемъ возу, а спитъ, раскидавши, по-запорож-

ски и по казачьему, руки на сырой землѣ тамъ, гдѣ приспѣлъ часъ и отвинтились ноги. Пѣтушиная перекличка ребятокъ, примолкаетъ однако скоро, сколько по безнадежности и усталости, столько же и потому, что казакамъ надо рано ложиться и на завтра опять слѣдуетъ вставать со свѣтомъ, строиться въ длинный рядъ, нетерпѣливо выжидать неизвѣстнаго сигнала и снова начинать барышную прогулку вдоль рыбнаго Урала.

Послѣ завтра опять дневка съ тѣми же картинами рыбнаго базара и красноряжской ярмарки, такъ почти до самаго Гурьева: день прогулки съ ярыгой, день отдыха съ покупной водкой и даровыми угощеніями у знакомыхъ казаковъ на форпостахъ, въ крѣпостяхъ: Кулагинской, Калмыковской, Сахарной, Горской, Тополинской, Баксайской и Сарайчиковской и въ Гурьевомъ городкѣ. Пока ловцы отдыхаютъ на дневкахъ, на ихъ слѣдахъ по рѣкѣ производится другой ловъ на ускользнувшую рыбу сѣтями и неводами. На этотъ разъ попадается лишь черная рыба, а иногда какъ рѣдкость, и красная.

На Кандауровскомъ форпостѣ, не доѣзжая 15 верстъ до Гурьева, кончается первый участокъ ловли въ концѣ октября. На этомъ мѣстѣ ярыга оказывается непригодной по свойству рѣчнаго русла: требуются невода, сѣти, гораздо крупнѣе, до 32 саженъ. Они состоятъ изъ двухъ полотенъ съ рѣдкими ячеями на переднемъ, туго натянутомъ и съ частыми ячеями на заднемъ, гораздо слабѣе натянутомъ. Здѣсь въ этомъ мѣстѣ самая плавня утрачиваетъ свое имя и ловъ носитъ названіе «осенняго неводного». Отъ Гурьева до моря на конецъ октября и начало ноября, опять осенняя плавня. Кто приплылъ въ Гурьевъ, тотъ имѣетъ право поставить сѣти по ильменямъ и проранамъ, по правую и лѣвую сторону трехъ оставшихся изъ 19-ти прошлаго столѣтія устьевъ рѣки, и запереть ихъ, на двухъ участкахъ, неводами или волокушами, т. е. неводами безъ мотни (середняго мѣшка), но длиною отъ 50 до 100 саженъ, а въ ширину (или стѣною) до 4 саженъ. За то и самый ловъ носитъ названіе «запорнаго» (прибрежнаго морскаго), а общинное начало сказывается здѣсь тѣмъ, что рыбу обметываютъ по очереди, которую опредѣляетъ, конечно, безобидный и справедливый жеребій. Тянутъ невода втеченіи двухъ-трехъ сутокъ, потомъ одни сутки отдыхаютъ, т. е. дѣлятъ уловъ по артелямъ и солятъ рыбу.

Когда осенняя плавня развертывается по рубежамъ своими красивыми и оживленными картинами, за кулисами происходятъ тотъ матеріальный разчетъ и денежныя сдѣлки, которыя составляютъ самую сущность дѣла. Общинное пользованіе водами есть, конечно, матеріальная основа казачьихъ государственныхъ повинностей, по образцу владѣнія землею въ сельскихъ общинахъ. Не забыты ни тѣ, которые по болѣзни не могутъ принимать участія въ ловѣ; ни бѣдняки, ни лица, оказавшія какія либо особенныя услуги войску,

ни тѣ служилые казаки, которымъ мѣшаетъ участвовать въ ловѣ служба. Въ пользу этихъ лицъ установленъ особенный сборъ съ участниковѣ въ ловляхъ, изъ котораго составляется капиталъ, а изъ него выдаются пособія. Участники снабжаются изъ войсковой канцеляріи билетами, которые носятъ своеобразное названіе «печатокъ» (взрослые за 3 руб., малолѣтки за 2 руб.). Отъ сбора освобождаются только состоящіе на службѣ по выбору, также священники, и сторожа при церквахъ, но пополняютъ хозяйственный капиталъ войска, сборомъ съ морскихъ рыболовствъ (также по 3 руб.). За войскомъ, вмѣстѣ съ нами ѣдетъ священникъ, тоже получившій на плавни «печатку», которую продалъ за 15 руб. Самъ священникъ (обыкновенно изъ казачьяго же сословія) въ то же время, хотя и сопровождаетъ обозъ подъ видомъ исправленія требъ, а собственно ѣдетъ для сбора съ прихожанъ судаковъ, и мы видѣли его незавидное угнетенное положеніе, какъ бы лишняго и ненужнаго человѣка. Судаковъ онъ получаетъ приправленными и круто просоленными солью насмѣшекъ отъ тѣхъ казаковъ, которые не приняли единовѣрія, не ходятъ въ единовѣрческую церковь и называются «никудышными».

— Молился ли ты объ удачномъ-то ловѣ?

— Благословилъ ли ты своихъ-то, а мнѣ твоего благословенія не надо: проходи мимо! и т. д.

Съ печатками набирается священнику въ годъ рублей до сорока, а дома у него человѣкъ десять дѣтей и все дѣвки. Пономарь и дьячки ловятъ иногда рыбу сами.

Въ концѣ плавни, въ виду приближающихся заморозковъ, рыбачатъ уральцы, обыкновенно безъ дневокъ, идутъ такъ называемыми «обыденками». Въ этомъ отчасти и та выгода, что ослабляется вліяніе неблагопріятныхъ осеннихъ непогодъ и казаки меньше болѣютъ лихорадками и ревматизмами, столь нерѣдкими «ломотными» болѣзнями именно на этой плавнѣ, въ этой счастливой странѣ, гдѣ вообще разлито здоровье и выростаетъ рослое, красивое и сильное племя.

V.

Послѣ плавни.

Наступила зима, которая въ Уральской Землѣ вообще бываетъ суровая. Сухой морозъ твердымъ и толстымъ слоемъ льда заковалъ Уралъ, и по степи залегли тѣ глубокіе снѣга, которые обыкновено не предвѣщаютъ ничего хорошаго: слѣдуетъ ожидать безкормицы съ падежомъ въ табунахъ скота или копытной болѣзни у овецъ, что тоже не лучше. По обычаю успѣли уже и пошалить бураны: сильный сѣверный вѣтеръ столбами снѣжной пыли, густыми

снѣжными облаками застилалъ свѣтъ Божій, мѣшалъ эти столбы и сверху, набиралъ ихъ и снизу, срывалъ съ поверхности земли, вздымалъ и крутилъ, заметывалъ дороги, засыпалъ хутора и форпосты. Вѣдокурили бураны, по своему обычаю, по нѣсколько сутокъ къ ряду, стихая лишь на короткое время подъ вечеръ, днемъ и передъ разсвѣтомъ ночью. Прошли послѣ нихъ заурядные недобрые слухи и вѣсти, что у гурьевскихъ казаковъ большія отавы овецъ загнало въ море, а у калмыковскихъ попали они въ хаки (степныя грязи), завязли тамъ, а съ ними погибли и пастухи-киргизы. Про бѣды въ «ордѣ» (по ту сторону Урала, въ киргизской степи) казакамъ-сосѣдямъ и вздумать страшно. А Яикушко, казачій батько, баловникъ и кормилецъ, спитъ себѣ подо льдомъ, словно забылъ онъ о дѣткахъ, и нельзя ему выглянуть посмотрѣть на людскія бѣды. Да небылъ ли, въ самомъ дѣлѣ, да и найдется ли на бѣломъ свѣтѣ другой такой попечительный отецъ и неизмѣнный другъ, который тотчасъ же, какъ стряслась бѣда, бѣжитъ на помощь и искусно и скоро залечиваетъ раны? Спитъ Яикъ тихимъ и мирнымъ сномъ, спятъ въ немъ съ самой ранней осени, по глубокимъ ямамъ, цѣлые ярусы красной рыбы. Оболоклись въ свою теплую шубу осетры (прикрывшись твердымъ слоемъ слизи). Такими же пластами, другъ на дружкѣ или бокъ-ó-бокъ лежатъ по рѣчнымъ ямамъ бѣлуги и шипы, поджидая выстрѣла изъ казачьей пушки съ уральскаго берега. Дошла и до этой рыбы очередь, и ей пощады не будетъ съ того самаго дня, какой объявитъ войсковая канцелярія для начала «багренья» или «багреннаго рыболовства».

Всякій казакъ давно запасся купленными у иногородныхъ купцевъ: желѣзной пѣшней и багромъ. Багоръ ему выковали такъ, что оказывается одинъ только крюкъ съ трубкой для деревяннаго (еловаго) гибкаго шеста, называемаго багровищемъ; прямого острея не имѣется. Крюкъ въ кузницѣ насталенъ, а казакомъ остро наточенъ и насаженъ на жидкую жердь сажени въ 3—4, а для ятовнаго багра, и глубокихъ мѣстъ, имѣются запасы жердей на десять саженъ. На нижнемъ концѣ багра привязана тяжесть. Про всякій случай не забыли ловцы захватить съ собой на ледъ и коротенькіе багры, называемые подбагрениками. Всѣ эти орудія сложены въ сани, всѣ эти сани, съ веселымъ шумомъ и крикомъ, въ скачь и перегонку, выбѣжали на берегъ Урала и остановились подъ самымъ учугомъ, на окраинѣ города. Святое правило дорогой казачьему быту общины и на этотъ разъ установило ловцовъ стройными рядами, а теперь лишь съ той разницей, что казаки выстроились на обоихъ берегахъ рѣки и нападеніе на ятови производится разомъ со всѣхъ сторонъ, опять таки «съ-удару», всѣми вмѣстѣ. Ятовь огорожена сѣтями «переставами» со всѣхъ сторонъ, и рыба, запутавшаяся въ нихъ, принадлежитъ, какъ награда, рыболовному

атаману. Ловцамъ достается лишь та рыба, которую ухватятъ они на багоръ.

Опять грохотъ пушки изломалъ ловецкіе стройные ряды и сбилъ ихъ въ одну громадную темную кучу, опять войско начало пробовать силу, расправлять мощныя плечи, и другъ передъ другомъ хвастаться ловкостью. Здѣсь также личныя способности даютъ преимущество, а случай и удача его увеличиваетъ. Скорѣе другихъ проломаешь пѣшней прорубь, большее число разъ придется багрить, т. е. опускать багоръ въ свою прорубь, и больше натаскать въ сани рыбы. Старый отставной полковникъ, натянувши на форменные панталоны кожаные ловецкіе штаны, ломитъ пѣшней ледъ рядомъ съ простымъ казакомъ молодымъ человѣкомъ, словно для того, чтобы похвастаться передъ нимъ и показать ему, какъ багривали въ старину. Водя багромъ внизъ и вверхъ по проруби, старикъ опытной и сильной рукой борется съ тягой теченія воды и не позволяетъ багру относиться сильно въ сторону. Полусонная рыба испугалась и поднялась отъ шума на льду къ верху и въ сторону его такъ, что попала на багоръ и вытащена на вольный свѣтъ. Здѣсь полковничій сынъ успѣлъ ее во время подбагрить, т. е. пособить своимъ короткимъ багромъ выхлеснуть на ледъ крупнаго икрянаго осетра. А тѣмъ временемъ стариковскій багоръ опять бродитъ и мотается по проруби за другими осетрами, хотя бы и «яловыми» (не икряными), кое кто забагрился до бѣлужки; другой забагрилъ соменка, третій набагрилъ трехъ осетриковъ, на четвертомъ сорвалось: зацѣпилъ, потащилъ, надо бы подбагрить, да зазѣвался товарищъ и былъ за то осыпанъ съ сердцовъ крупной солью брани съ головы до пятокъ. Побагрили еще немного, разбагрили всю ятовь; сталось начало «малому» багренью, потому что впереди будетъ «большое»: первое полагается на конецъ декабря, второе на январь.

Первые ловы рыбы предназначаются на «царскій кусъ» по старинному обычаю и имени, зачѣмъ-то теперь переиначенному въ названіе «презентъ». Опытные багрильщики отбираютъ лучшую рыбу и протираютъ икру, избѣгая ту, которая блѣдновата цвѣтомъ и называется бѣлою. Въ боченкахъ, замотанныхъ въ войлокъ и обвязанныхъ веревками, «презентную» икру и свѣжую рыбу, на быстрыхъ тройкахъ повезутъ казаки съ офицеромъ въ Петербургъ къ царскому столу, а сами поѣдутъ за царскимъ подаркомъ. Вѣрное и преданное казачье войско бьетъ челомъ своимъ богатствомъ и проситъ высокой чести и великой милости.

Само оно тѣмъ временемъ подвигается внизъ по рѣкѣ до Каленовскаго форпоста, день за день, и опять по участкамъ или рубежамъ, и снова бросается разомъ на ледъ. Послѣ каждаго рубежа обычныя выпивки съ пѣснями и плясками на удалой казачій манеръ. Пробагрятъ пять дней, т. е. пройдутъ пять рубежей, тѣмъ кончатъ

малое войсковое багренье. Десять дней затѣмъ отдыхаютъ, т. е. продаютъ наѣхавшимъ покупателямъ ту икру и рыбу, которая и является въ Петербургѣ и Москвѣ какъ разъ передъ масляницей, къ блинамъ. Черезъ десять дней втеченіи слѣдующихъ восьми идетъ ловъ на послѣднихъ 8-ми рубежахъ, и это время носитъ названіе «большаго багренья» (презентное бываетъ также малое и большое и войско очень хлопочетъ о ранней посылкѣ къ высочайшему Двору икры и рыбы). У Каленовскаго форпоста на точно опредѣленное время казаки отбагрились, и тѣ, которые на саняхъ завлеклись сюда, поѣхали обратно въ Уральскъ и разбрелись по форпостамъ и хуторамъ.

Здѣсь, на этихъ хуторахъ, засѣли главные радѣтели и блюстители древняго благочестія, и охранители и направители старинныхъ казачьихъ обычаевъ и общиннаго строя, который такъ красивъ и снаружи и цѣленъ и ненарушимъ, въ одинаковой степени на плавнѣ, и на багреньѣ. На хуторахъ живутъ и профессора женскаго пола, «мастерки грамоты», обучающія премудрости чтенія часослова, псалтыря (больше дѣвочекъ); здѣсь укрывались въ строгія времена и попы австрійскаго (бѣлокриницкаго) посвященія. Отсюда же смотритъ и тотъ ревнивый зоркій глазъ, который строго блюдетъ за тѣмъ, чтобы не обижало начальство, и казакъ не рушилъ завѣтнаго закона старой общины, по которому одному страшно, а всѣмъ не страшно, и святого правила: «что міръ порядилъ, то самъ Богъ разсудилъ».

И въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ этихъ правилахъ рыболовства видно одно, что уральцы хлопочутъ (и удачно достигаютъ) основнаго исхода, заключающагося въ равномѣрномъ распредѣленіи труда и равновѣсіи долей прибытка, въ одинъ условный моментъ совершенно одинаковыми орудіями лова по цѣнѣ доступными для каждаго, т. е. дешевыми, безразлично для рядовыхъ и чиновныхъ казаковъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. Однако удача и случай на багреньѣ могутъ счастливить однихъ и обездоливать прочихъ: противъ этого установлена дѣлежка добычи по артелямъ. На аханныхъ рыболовствахъ, гдѣ богатый можетъ поставить больше сѣтей (дорогихъ ахановъ), запрещенъ наемъ рабочихъ и силы бѣдняка сравнены съ силами богачей: зачѣмъ они будутъ схватывать большіе куски изъ общаго имущества, когда оно принадлежитъ всѣмъ безраздѣльно и безспорно. На ловлѣ въ черхальскомъ морцѣ, производимой одновременно съ багреньемъ подледными неводами, закидываемыми съ середины озера, казаки натолкнулись на бѣду, которую и обошли тѣмъ же закономъ справедливости и равенства. Рыбаки тянутъ тамъ невода лошадьми и въ трое сутокъ едва вытаскиваютъ одинъ неводъ длиною до $2^1/_2$ верстъ, и больше могутъ захватить рыбы тѣ невода, надъ которыми ледъ стоитъ гладко. Какъ уравняться тутъ, и какъ разобраться? Г. Данилевскій вотъ

что разсказываетъ объ этомъ: «Ловцы обмѣриваютъ веревками вокругъ озера тѣ мѣста берега, противъ которыхъ ледъ гладокъ. Всѣ эти удобныя мѣста дѣлятъ такъ, чтобы на каждые сто саженъ совокупной длины всѣхъ неводовъ приходилось по участкамъ равной длины, и мечутъ жребій о мѣстахъ для каждаго невода».

Натолкнулись казаки въ неводныхъ ловахъ на другія препятствія, но и здѣсь правдиво и счастливо успѣли выпутаться все при помощи тѣхъ же общинныхъ законовъ и правилъ, которыми проникнуто поголовно все войско. Въ неводныхъ ловахъ возможность участія каждаго усложняется дороговизною самыхъ орудій, въ особенности снастей. Выручаетъ то же артельное начало, или дѣлежъ добычи по паямъ, каждому члену артели у каждаго невода. Принято въ разсчетъ и то правило, что неводному хозяину слѣдуетъ бо́льшая доля (на осеннемъ неводномъ напр. 5 паевъ): простымъ казакамъ по одному паю и столько же нанятому рабочему изъ иногородныхъ или киргизовъ. Далѣе, на зимнемъ неводномъ ловѣ всѣ снасти пускаются на воду и тянутся разомъ въ запорныхъ рубежахъ. Одни невода попадаютъ на ближайшія къ берегу болѣе мелкія и удобныя мѣста, другія всплываютъ на глубинѣ и рыбы захватываютъ меньше, или совсѣмъ на нее не попадаютъ. Какъ уравняться всѣмъ, какимъ образомъ сдѣлать такъ, чтобы богатый казакъ и здѣсь не ломалъ основъ общины, но участіемъ своимъ все-таки приносилъ бы ей обязательную пользу, словомъ чтобы все войско не страдало подъ гнетомъ капитала и общій трудъ былъ бы по обычаю уравновѣшенъ? Выручаютъ на этотъ разъ «урсы», т. е. просто кучки, сложенныя изъ выловленной всѣми неводами рыбы. Дѣлежъ идетъ сообща. На каждый неводъ поступаетъ равное число кучъ, и изъ нихъ-то уже на каждаго рыбака приходятся тѣ условные паи, о которыхъ мы разсказали выше. Когда запираютъ старицы Урала и ловятъ въ нихъ тѣми же неводами, лишній пай въ общей дѣлежкѣ достается на долю того, кто хлопоталъ запереть воду и охранилъ для войска рыбу.

До какой степени дороги и милы казакамъ эти равносильныя и равномѣрныя общинныя права служатъ доказательствомъ два вида морскихъ промысловъ: курхай весенній и осенній и аханное рыболовство. Оба требуютъ большихъ ставныхъ сѣтей, которыя прикрѣпляются къ морскому дну кольями и бываютъ неодинаковой велины: курхайскія меньше, аханныя больше. Аханы своими переставами работаютъ на глубинѣ, ставятся стѣною на кольяхъ, отвѣсно къ берегамъ въ то время, когда рыба идетъ метать икру и также прижавшись въ полотно ахана съ рѣдкими ячеями, упирается въ стѣну, повертывается, взыгрываетъ плесомъ и за свою рѣзвость, конечно, наказывается, т. е. запутывается. Такъ какъ эти сѣти выставляются въ открытомъ морѣ верстъ за 50 отъ берега, то рыболовство этого вида доступно лишь гурьевскимъ ка-

закамъ. При этихъ ловахъ требуется большое терпѣніе на жгучихъ морозныхъ вѣтрахъ и вѣроятной опасности уплыть на оторвавшейся льдинѣ въ неизвѣстную даль, и тамъ погибнуть. Стало быть отъ ловцовъ требуется, кромѣ искусства и удали, та особая снаровка моряковъ, которая пріобрѣтается съ самыхъ малыхъ лѣтъ и переходитъ въ поразительный опытъ въ возрастѣ среднихъ лѣтъ. Гурьевскіе казаки въ самомъ дѣлѣ отличные мореходы и такіе удальцы, что про ихъ смѣлость въ морѣ и находчивость въ бѣдахъ и напастяхъ разсказываютъ сотни примѣровъ. Эта благопріобрѣтенная привилегія казаковъ нижнихъ станицъ уральцами верхнихъ въ разсчетъ не принимается. Хотя они и говорятъ, что «въ аханщики идутъ о двухъ головахъ», однако на морскіе ловы гурьевскихъ казаковъ смотрятъ косо и недолюбливаютъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ завелись эти аханы и курхаи, по опредѣленіи войсковой канцеляріи, въ 1816 году. Казаки уральскіе тогда же стали жаловаться, требовать отмѣны новаго постановленія. Собирали депутатовъ, толковали на двое: простые казаки за отмѣну, торговые и богатые—за сохраненіе новыхъ лововъ. Богатые одолѣли. Остальное войско оставалось недовольнымъ и продолжало усердно и настойчиво хлопотать о сохраненіи равномѣрности общихъ правъ на свою рыбу, во всей ея цѣлости, идущую въ рѣку изъ моря. Въ 1846 году, послѣ того, какъ къ весеннему курхаю прибавили еще и осенній, казаки принуждены были начать примиряться съ тѣмъ зломъ, которое имъ казалось прямымъ нарушеніемъ общиннаго строя ихъ жизни и экономическаго быта. Однако совсѣмъ они не примирились: недовольство осталось, хотя глухимъ и придавленнымъ. Недовольство это отразилось между прочимъ на тѣхъ войсковыхъ шкунахъ, которыя употребляются въ видѣ маяковъ, на границахъ морскихъ водъ, принадлежащихъ уральскому войску. Ремонтъ этихъ судовъ долженъ производиться на деньги, получаемыя войскомъ отъ тюленьяго боя. Но въ пятилѣтней сложности онъ далъ всего тысячу рублей, стало быть производился въ ущербъ войску. Войсковая канцелярія не внимала жалобамъ гурьевскаго атамана и сама ничего не придумывала. Я видѣлъ эти шкуны на взморьѣ съ рваными парусами и разорваннымъ такелажемъ, въ такомъ состояніи, что ихъ нельзя было отправить на службу въ море. Сидя у знакомаго казака или пріятеля гурьевца въ Гурьевѣ-городкѣ, казакъ изъ-подъ города Уральска, угощаясь выставленнымъ для него балыкомъ, думаетъ про себя: «вѣдь мой бы балыкъ-то былъ, кабы въ култукахъ рыбу ловить не позволяли». Онъ впрочемъ забываетъ при этомъ, что самъ сидитъ на плодородной черноземной землѣ, а у гурьевскихъ земля солонцы и притомъ весенная вода заходитъ дальше Сарайчиковскаго форпоста, когда сообщеніе производится на лодкахъ, однако до сихъ поръ все еще ворчитъ но нововведеніе. Въ самомъ дѣлѣ гурьевскіе казаки побогаче: аханы ста-

новятся въ одно время съ багреньемъ и снимаются во всякомъ случаѣ рыболовныя сливки и портятся цѣны на багрянную икру и рыбу. Богаты и сыты гурьевскіе казаки даже до такой степени, что рыбу сазана, которою кишатъ въ неисчислимомъ и неисчерпаемомъ количествѣ черни (камыши), около устьевъ Урала, они не вылавливаютъ вовсе. Говорятъ, что аханы пугаютъ рыбу, идущую въ рѣку, и думаютъ, что этимъ ослабляется движеніе денегъ въ войскѣ, такъ какъ на морскія рыболовства допускаются иногородные люди, которые и вывозятъ деньги изъ предѣловъ войска. А оно все-таки денежными капиталами не богато. На курхаяхъ же богатые казаки умѣютъ выставлять за глазами общиннаго контроля, лишнее количество сѣтей; нанимаютъ подъ видомъ рабочихъ и общаго товарищества бѣдняковъ, которые бываютъ участниками только по имени и получаютъ не часть добычи, а условную плату. Хотя и существуетъ жеребьевый порядокъ и прилаживаются правила, ограничивающія особыя права, но тѣмъ не менѣе богатые имѣютъ возможность выставить болѣе длинный рядъ неводовъ и дорогихъ ахановъ, и больше наловить рыбы. Для нихъ доступнѣе и заведеніе большихъ лодокъ, покупка здоровыхъ и сильныхъ лошадей, наемъ рабочихъ, а бѣднымъ приходится на своихъ маленькихъ лодкахъ подбирать тѣ крохи, которыя остались между крупными и длинными рядами ахановъ, на весьма ограниченномъ и стѣсненномъ пространствѣ водъ. Эти-то преимущества морскихъ промысловъ и лежатъ темнымъ и непріятнымъ пятномъ на прелестно организованномъ строѣ общинныхъ порядковъ, на плавняхъ и багреньѣ, какъ самыхъ древнихъ и самыхъ любопытныхъ рыболовствахъ. Впрочемъ уральскимъ казакамъ уже во многомъ изъ завѣтнаго пришлось поступиться.

Конечно очень естествененъ былъ простой способъ примѣненія общиннаго хозяйства въ то время, когда рѣка кишѣла рыбой, которая вся попадала въ казачьи руки, тогда уничтоженъ былъ Гурьевскій учугъ. Съ этими искуственными учугами, устраиваемыми въ морѣ изъ курхайскихъ неводовъ и ахановъ, стало въ Яикѣ меньше рыбы: есть о чемъ пожалѣть и похлопотать. Въ утѣшеніе себя въ бѣдѣ, суевѣрнымъ людямъ даже легко было оправдывать это печальное явленіе тѣмъ, что на казачьей землѣ дозволили селиться постороннимъ иногороднымъ пришельцамъ, еретикамъ. Думаютъ, что по той же самой причинѣ стало и птицы меньше въ прибрежныхъ лѣсахъ и по степнымъ камышамъ, что отъ поселенія иногородныхъ и хромота у овецъ стала появляться чаще, и неурожаи хлѣба успѣли проявиться. Послѣдняя жалоба стала слышаться лишь недавно, потому что уральская община исключительно существовала рѣкою Ураломъ и, сидя на плодородной землѣ, представляла, среди другихъ русскихъ земель, новое и поразительное исключеніе: войско не занималось вовсе хлѣбопа-

шествомъ. Хлѣбъ оно покупало на сторонѣ, на волжскихъ пристаняхъ и въ самарскихъ степяхъ—стало быть и дома было сыто.

VI.

Сытые люди.

На такой же точно благодатной по плодородію землѣ, благодаря которой позднѣе приселившіеся въ сосѣдство казаковъ вольные «сходцы» изъ Великой Россіи, вызвали такія сильныя хлѣбныя пристани по Волгѣ, какъ Балаково, Сызрань и Самара,—уральцы забыли о плугѣ. Сперва вынуждала къ тому бѣдовая жизнь на самомъ рубежѣ государства и тревоги отъ кочевыхъ племенъ; потомъ удачно прислужился и обезпечилъ жизнь рыбный Яикъ. Рыбу можно было вымѣнивать на хлѣбъ, а свой къ тому же и нѣкогда было сѣять за обычными казачьими «промыслами» въ степи да и не къ чему: придутъ кочевники, стравятъ конями или потопчутъ верблюдами. Самую рыбу можно было ловить только до нынѣшняго начальнаго рубежа «плавни», на багренномъ пескѣ. Дальше ждалъ киргизскій арканъ; ордынскіе татары были въ самомъ щекотливомъ мѣстѣ казачьей линіи, гдѣ въ Индерскихъ горахъ, въ 12-ти верстахъ отъ крѣпости Горской наливается соленымъ разсоломъ изъ нѣсколькихъ источниковъ самосадочное соленое Индерское озеро [1]. Самый берегъ нижняго теченія Урала надо было защитить семью земляными крѣпостями, чтобы не разрываться съ Гурьевымъ, ниже котораго у ордынцевъ были также перелазы: угоняли скотъ, грабили имущество, опустошали селенія и жгли все, что годилось на кочевой вкусъ и хищную руку.

За хлѣбомъ ѣздили казаки даже въ Сызрань и въ Самару — по словамъ ихъ челобитья—«многолюдствомъ и съ пушками, но и тутъ непріятели нападали», и не только пашни пахать, но и скота своего изъ городка выпустить было невозможно. Съ хлѣбомъ покупали кстати и вино. Такъ было въ 1734 году и только черезъ сто лѣтъ, съ холернаго (1831) года, «открылась Самара», какъ гово-

---

[1] Когда я посѣтилъ Индеръ, изъ крутой плитной скалы выбивалось наружу и видимо только два ключа. Прежде, говорятъ, было шесть. Съ тѣхъ поръ не стали пускать сюда женщинъ, приписывая ихъ недоброму глазу обычное періодическое изсякновеніе подобныхъ соленыхъ источниковъ. Говорятъ, искупалась тутъ жена какого-то форпостнаго начальника и оставшійся изъ шести ключъ сталъ меньше шумѣть и сильнѣе разливаться. По казачьимъ правиламъ ломка соли безплатная, но въ Горахъ (или Горскомъ форпостѣ), въ сплетенныхъ изъ ивняку высокихъ цилиндрахъ продавалась соль по 6—7 коп., и въ иные годы не дороже 10 коп. готовою за пудъ. Эта плата производилась лишь за труды при добываніи и перевозкѣ соли прямо на берегъ и на плавенную дорогу, такъ сказать подъ руку.

рятъ казаки, т. е. началась торговля уральскимъ хлѣбомъ. Зерно оказалось крупнымъ, полнымъ, янтарнаго цвѣта, почетнымъ по цѣнѣ сравнительно съ другими хлѣбами даже и на самой нижегородской ярмаркѣ въ началѣ 60-ти-десятыхъ годовъ. Выгоды отъ хлѣбной торговли заставили обратить на эту отрасль хозяйства наибольшее вниманіе, конечно около Уральска (главнымъ образомъ выше его и немного ниже). Жителямъ дальнихъ форпостовъ, напр. Чижинскихъ и Пріобщинскихъ, возведенныхъ въ 1832 году по склонамъ Общаго Сырта, въ настоящее время пришлось даже совсѣмъ отказаться отъ рѣки Урала и, вмѣсто багра и сѣтей, ухватиться за сабанъ, плугъ и воловъ, какъ за надежнѣйшихъ помощниковъ и выгодныхъ друзей. Они казаковъ дальнихъ дистанцій не обманули, и казаки стали такими же опытными пахарями, какъ и тѣ, которые ихъ тому выучили. А учили сначала дворовые люди войсковыхъ чиновниковъ, которые, въ видѣ дачъ, завели около города, по Чагану и рѣчькѣ Таловой хутора съ садами и пашнями. По милости ихъ давно уже, при въѣздѣ въ Уральскъ съ самарскаго тракта, машутъ крыльями многочисленныя вѣтряныя мельницы. Доучивала же уральцевъ выдѣлыванію земли та переселенская бѣдность, которая вышла изъ внутреннихъ губерній Россіи искать «Дарьи-рѣки» съ медовой сытой и кисельными берегами, и, обезсилѣвъ отъ долгаго пути и заголодавши сильно, стала охотно и за дешевыя цѣны наниматься къ уральскимъ казакамъ. Съ той поры они перестали гнушаться земледѣліемъ и торговлею.

Относительно земли, годной для хлѣбопашества, казачья община сказалась въ томъ, что на свободной и годной землѣ подъ Уральскомъ и на Общемъ Сыртѣ можетъ пахать и гурьевецъ и калмыковскій казакъ съ одинаковымъ правомъ. Конечно, гурьевцу далеко ѣхать точно также, какъ съ Чижевской дистанціи не доберешься поставить аханныя сѣти въ морѣ, такъ за то тѣ, которымъ близко и удобно пахать землю, пользуются ею только пока растетъ на ней хлѣбъ. Чтобы богачи не обижали бѣдныхъ, послѣднимъ предоставлено право пахать тѣ залоги или старыя залежи, которые находятся ближе къ селеніямъ. Если нѣсколько человѣкъ поохотятся на одинъ и тотъ же участокъ, мечутъ жребій. Если около форпоста нѣтъ удобной земли, бѣднаго казака вознаграждаютъ полями, ближайшими къ рѣкѣ. Поднятая плугомъ земля принадлежитъ каждому до тѣхъ только поръ, пока онъ ею пользуется; если онъ ее броситъ, черезъ годъ она поступаетъ въ общину. Въ первый годъ распахивается то количество десятинъ, какое окажется по силамъ и тамъ, гдѣ будетъ удобно, во второй годъ онъ можетъ запахать залежей только половинное количество, а остальную половину—на поднятой въ прошломъ году. Передать участокъ постороннимъ лицамъ войсковаго сословія нельзя (исключая отцами сыновьямъ, братьями братьямъ, да и то съ разрѣшенія канцеля-

ріи). Не имѣютъ права казаки отдавать земли иногороднымъ даже и изъ-полу, или продавать хлѣбъ на корню или вывозить снятый хлѣбъ за границу войсковой земли и тамъ его складывать на храненіе. За всѣ эти нарушенія положены высокіе денежные штрафы, которымъ рѣдкій казакъ рѣшится подвергнуться. Точно также и при сѣнокошеніи разрѣшается пользованіе лугами тамъ, гдѣ кто пожелаетъ: занялъ мѣсто прежде другихъ, значитъ и получилъ право на траву, но не можешь воспретить косьбу рядомъ съ собою тѣмъ, кто придетъ на это незанятое мѣсто. Дѣйствуютъ въ этихъ случаяхъ лишь по указанію канцеляріею сроковъ и времени, когда начинать работу на лугахъ (луговое), на обволькахъ (на сухой степи, ранній покосъ обволечный), и затѣмъ съ 10-го мая ковыль (ковыльное сѣнокошеніе). На сѣнокосъ, какъ и на рыбную ловлю, уральцы выходили той же «лавой» казачьей, что на Руси называется «міромъ». Въ назначенный день и часъ каждый начинаетъ обкашивать вокругъ такое мѣсто, на которое хватитъ его силъ отъ восхода до заката солнца. Когда онъ отбилъ свой участокъ косой, т. е. захвативши, обкосилъ—это мѣсто его безспорное: онъ можетъ выкашивать затѣмъ, когда успѣетъ. По такой причинѣ эти мѣста и называются «обвольками», т. е. такими, на которыя нѣтъ запрету и всякій «воленъ» ими пользоваться. Опредѣлено число рабочихъ, но допускаются они не сразу: въ первые три дня каждый казакъ долженъ косить самъ; потомъ можетъ поставить помощь себѣ, но лишь изъ иногороднихъ; по прошествіи же 10-ти дней имѣетъ право допустить рабочихъ изъ киргизовъ. Уралъ, съ притоками, и на этотъ случай казакамъ помогаетъ тѣмъ, что, по заливнымъ мѣстамъ, даетъ лучшія луговыя травы. Сильныя половодья—великое счастіе.

Это общинное право, по которому на всякомъ клочкѣ земли уральскій казакъ—полноправный хозяинъ, а главнымъ образомъ положеніе земли между киргизами и русскою торговою Волгою породило въ войскѣ новый родъ промысла, который сначала нынѣшняго столѣтія въ особенности началъ быстро разростаться. Это — скотоводство или лучше сказать — промыселъ баранами. Въ ордѣ, т. е. у киргизовъ, ихъ скупаютъ цѣлыми гуртами, на своихъ обширныхъ солончаковыхъ пастбищахъ ихъ нажировываютъ и нагуливаютъ, въ Уральскѣ продаютъ русскимъ купцамъ. На наличныя деньги казаки тотчасъ же покупаютъ новые гурты этихъ степныхъ животныхъ, здѣсь замѣчательно крѣпкихъ, незнакомыхъ съ повальными болѣзнями и круглый годъ довольствующихся подножнымъ кормомъ. На несчастія отъ степныхъ буруновъ, около кочевокъ гуртовъ строятся загоны или куры, плетеные курени для овечьихъ атаръ. Въ атарные чабаны или атарщики поступаютъ къ казакамъ киргизы или такъ называемые «байгуши», т. е. тѣ изъ нихъ, у которыхъ прирожденная безпечность характера, кочевыми

условліями быта, доведена до крайнихъ предѣловъ. Выродились нищіе, неимущіе пролетаріи до такого отчаяннаго состоянія, что худшаго представителя безнадежной бѣдности невозможно придумать. Ихъ рваныя кибитки, по нѣсколько вмѣстѣ пристроившіяся къ каждому форпосту, трудно отличать отъ кучъ навоза; на три кибитки приходится одна коза. Когда одинъ гурьевскій начальникъ, обладавшій необычайною крѣпостію тѣла, вздумалъ объявить за собою чахотку и, для излеченія себя, наложилъ на байгушей оброкъ по козѣ съ кибитки (до 40 руб. въ годъ), киргизы завыли: «мы натурой дешевле дадимъ. Онъ козу въ рубль ставитъ, да у насъ хоть и одна коза на три кибитки, а все-таки дороже 30 коп. не бываетъ». У наименѣе достаточнаго и немнолюднаго форпоста такихъ кибитокъ стоитъ не меньше десяти; въ Антоновскомъ форпостѣ приходилось на каждаго казака не менѣе 8 человѣкъ этихъ самыхъ дешевыхъ рабочихъ, которые являлись именно новымъ видомъ крѣпостныхъ людей въ войскѣ. Они все дѣлаютъ: лошадей и барановъ пасутъ, избы мажутъ глиной и подбѣливаютъ, и рыбу пластаютъ, и ходятъ за верблюдами, которыхъ стали много и охотно разводить въ нижнихъ селеніяхъ войска, гдѣ преимущественно приселились байгуши, и гдѣ вообще бойчѣе идетъ торговля баранами. За одногорбаго дромадера, почитаемаго за болѣе крѣпкаго и сильнаго, чѣмъ двугорбый, казакъ готовъ отдать лучшаго своего иноходца или рысака, но пріобрѣтеніе этихъ дорогихъ степныхъ животныхъ идетъ все еще медленно. Въ послѣднія времена изъ конокрадовъ наиболѣе ловкіе и умные байгуши стали превращаться въ маклеровъ и сводчиковъ на мѣновыхъ дворахъ въ Калмыковѣ, Уральскѣ и Гурьевѣ. А насколько выгоденъ здѣсь баранъ въ покупкѣ, можно видѣть изъ того, что обмѣненный на залежалую и скверную муку въ куляхъ у киргиза онъ обходится въ 6 руб. асс., нагулявшій жиръ поступаетъ уже болѣе, чѣмъ за 5 руб. сер. Иногородные покупатели платятъ акцизъ, а лица войсковаго сословія, безъ акциза, могутъ имѣть: штабъ-офицеры 1.500 головъ барановъ и 210 штукъ рогатаго скота, оберъ-офицеры — 1.000 барановъ и 140 головъ рогатаго скота, простые казаки и малолѣтки, несущіе повинности, по 500 барановъ и по 70 головъ рогатаго скота. Однако, на этихъ мѣновыхъ дворахъ и въ степныхъ отавахъ войсковой общинѣ привелось натолкнуться на новое испытаніе и подводные камни, которые на этотъ разъ не удается имъ осилить. Какъ сладить съ богатыми и повѣрить имъ въ томъ, что выпущенные бараны, сверхъ дозволеннаго числа не его, а тѣхъ киргизовъ или линейныхъ казаковъ на которыхъ они ссылаются? Какъ повѣрить и устыдить того монополиста, который раздаетъ свои билеты для безплатнаго пользованія войсковою землею богатому киргизу, тогда какъ положительно всѣмъ извѣстно, что эти бараны всѣ принадлежатъ не первому, а

послѣднему? Да такихъ случаевъ и довольно много,—и это явленіе одно изъ болѣе печальныхъ нарушеній общинной заповѣди войска. Однако не только при покупкахъ на этихъ мѣновыхъ дворахъ барановъ, но и на городскомъ базарѣ съѣстныхъ припасовъ, нерѣдко соблюдается такой пріемъ, который отзывается также стариной и общимъ правомъ. Приходитъ покупатель, торгуется много и долго, слаживается. Надо отдавать деньги, а толпа сзади кричитъ: «жеребій метать!» И заговоренная и выторгованная вещь поступаетъ другому, а приторговавшій ее получаетъ отъ этого, выметавшаго жеребій, отступное. Особенно этотъ общинный базарный обычай практикуется надъ новичками, которые, такимъ образомъ, являются какъ бы пришлымъ и лишнимъ звѣномъ, и въ базарный счетъ не ставятся.

Что же видимъ въ результатѣ всего войсковаго общиннаго хозяйства, которое оберегаютъ казаки на столько ревниво, что отбивались отъ нарушителей и посягателей довольно энергическимъ образомъ и въ исторіи ихъ записано нѣсколько бунтовъ?

Уголовныя преступленія въ войскѣ—величайшая рѣдкость, какъ несомнѣнный признакъ общественнаго благосостоянія.

Нѣтъ ихъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда слаживалась изъ сброднаго народа казачья община, дозволявшая грабить чужихъ, но за мелкое воровство у своихъ налагавшая на шею камень и спускавшая съ нимъ въ воду. Нынѣшнія преступленія казаковъ заключаются лишь въ томъ, что они укроютъ и продержатъ у себя бѣглаго попа и другаго безпаспортнаго бродягу, повѣнчаются тайно у этаго попа; выпустятъ арестанта изъ-подъ стражи, да притомъ изъ такихъ тюремъ, которыя есть ничто иное, какъ ветхія полусгнившія мазанки. Кардонные линейные казаки попадаются на пикетахъ съ крючковыми сѣтями во время хода въ Уралѣ рыбы. Странное дѣло въ томъ, что войсковая канцелярія на штрафахъ, взимаемыхъ за прегрѣшенія, основала святое дѣло обученія дѣтей. Ставитъ казакъ крючковую снасть—форпостный атаманъ видитъ и молчитъ: «ставь-де ставь, пожалуйста!» Образованіе, подчиненное случайностямъ преступленій, да и вообще начатое съ горяча неумѣлыми руками, не задалось. Школы казенныя остались пусты.

— Въ Уральскѣ сказано, что дѣтей насильно въ школу брать не велѣно, а мы сами не желаемъ отдавать,—говорили казаки учителямъ по форпостамъ и мальчиковъ уводили домой.

Я проѣхалъ отъ самарской границы черезъ Уральскъ до Гурьева и обратно посѣтивши до сорока селеній (вообще немногочисленныхъ въ войскѣ) и не встрѣтилъ ни одного нищаго, не попалось на глаза даже ни одного признака такой нищеты, которая была бы вынуждена протягивать руку за подаяніемъ. Хотя мнѣ и подсказывали, что самая бездольная сирота, случайно попавшая въ несчастіе, днемъ никогда не выйдетъ за помощью (просить въ су-

мерки и въ потемкахъ), однако этотъ гоноръ и гордость могли развиться только общимъ довольствомъ. Христарадничанье и тасканье по подворьямъ старообрядцы умѣютъ ослаблять тайною милостынею, которую приносятъ съ закрытыми лицами или прямо въ лачугу бѣдняка или выставляютъ въ своихъ избахъ на полочки за окнами.

За сиротъ и вдовъ заступилась община и въ рыболовныхъ, и въ земледѣльческихъ, и въ сѣнокосныхъ постановленіяхъ. Круглыя сироты получаютъ всѣ вмѣстѣ полный отцовскій пай до совершеннолѣтія при земельномъ надѣлѣ. Бездѣтныя вдовы защищены половиннымъ паемъ и такимъ же паемъ обезпечены тѣ изъ нихъ, у которыхъ дѣти или достигли совершеннолѣтія или вышли замужъ, а до того времени они пользуются полнымъ паемъ. При крайней бѣдности вдовъ и сиротъ, при увѣчьѣ и дряхлости нарушается коренное правило, воспрещающее передавать земельные участки полностію въ чужія руки, и т. д. Женщины вообще на столько безпечны и мало заняты видимымъ трудомъ, что это рѣзко бросается въ глаза, какъ признакъ той же обезпеченности, невызывающей даже обычнаго домашняго труда, въ виду того, что все нужное можно купить готовымъ и сшитымъ.

Сибаритство и довольство показывалось намъ въ широкихъ разноцвѣтныхъ бухарскихъ халатахъ, къ которымъ примѣтна у казаковъ страсть, послѣ того, какъ узкій и легкій нарядъ, удобный для верховой ѣзды въ набѣгахъ, пересталъ надобиться. Халатъ дома сдѣлался національнымъ костюмомъ; даже маленькіе ребятишки одѣты въ халаты. Какъ новый результатъ сытости и довольства—замѣчательно гостепріимство съ крайнею и нескрываемою обидчивостью на случай предложенія платы. Чтобы больше напоить гостя каймакомъ и чаемъ, для пущаго насыщенія, имѣютъ обыкновеніе пускать впередъ застрѣльщиковъ въ видѣ разныхъ соленостей: балыка, икры, кавардака (послѣдній—вяленые ломти, въ видѣ ремня, красной рыбы; въ походахъ казакъ пропускаетъ его въ рукавъ, ѣдетъ и грызетъ). Бездѣлье и кутежи, пиры и гульба, и взаимныя угощенія настолько часты, что кажутся обычнымъ бытовымъ явленіемъ, при чемъ пьянство молодежи не почитается у стариковъ предосудительнымъ порокомъ, а пожалуй даже и похвально. Между тѣмъ глава семейства вообще строгъ, рукавицы его въ самомъ дѣлѣ ежевыя, а нагайка хотя и со шлепкомъ на концѣ, но все-таки такая же ременная, короткая и круглая плеть, которая бьетъ одинаково больно и зашалившую жену и непокорнаго сына. Съ пріѣзжихъ по войсковымъ нуждамъ въ нумерахъ гостинницъ не берутъ денегъ и пользуются очень умѣренною платою съ тѣхъ, которые являются по казенной надобности. Нерѣдки случаи долголѣтія: меня познакомили съ однимъ (въ Уральскѣ), у котораго были уже правнуки. На низу, около Гурьева, не только

старухи, но и старики доживаютъ до ста лѣтъ; долголѣтній дѣдъ имѣетъ многолѣтнихъ сыновей, а иногда и таковыхъ же внуковъ. Вообще, не имѣю въ наблюденіяхъ своихъ достаточныхъ основаній, чтобы не присоединиться къ показаніямъ В. И. Даля и П. И. Небольсина и не сказать, что дѣйствительно уральцы, благодаря умной и справедливой системѣ пользованія естественными богатствами своего края,—самые зажиточные обитатели въ русскомъ царствѣ. Однако богачами у нихъ считаются тѣ, у которыхъ торговые обороты превышаютъ 15 — 20 тысячъ, а у бѣдняка уральскаго, какими признаютъ казаковъ, отправляющихъ линейную службу, имѣется изъ воздушнаго кирпича изба, больше десятка овецъ во всякомъ случаѣ двѣ лошади и корова. На уральской землѣ везетъ въ торговыхъ операціяхъ саломъ, шкурами, и проч. и иногороднымъ, не смотря на множество препятствій со стороны войсковыхъ обычаевъ. Иной придетъ изъ Россіи съ коробкомъ, офеней; черезъ 15—20 лѣтъ, онъ сидитъ уже въ собственномъ каменномъ домѣ и ворочаетъ отсюда хорошими дѣлами на петербургской биржѣ. Плохой торговецъ въ 10 лѣтъ не становится богатымъ, но конечно при этомъ торговыми добродѣтелями не похвастается.

Вообще, уральское войско по видимому достигло до той степени общественнаго благосостоянія, когда оно находитъ удовлетвореніе всѣмъ нравственнымъ потребностямъ, очень долгое время не нуждалось въ постороннихъ сношеніяхъ и сближеніяхъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ изъ опасенія, по указу предковъ, «чтобы Москва не провѣдала». Не богаты и не широки казацкія потребности, но тѣмъ не менѣе это явленіе—одна изъ причинъ упорнаго противодѣйствія всякой новизнѣ. Старикъ полковникъ, разбивающій ледъ на багреньѣ въ мелкую пыль и не нуждающійся въ подбагриваньи, подсмѣивается надъ сыномъ, для котораго зачѣмъ-то выстроили на городской площади гимнастику или, какъ называютъ казаки, висѣлицы. Они знаютъ, однако, сколько удальства, смѣлости и ловкости у тѣхъ малолѣтковъ, которые бросаются съ крутаго яра за серебряной монетой, кинутой подъ самымъ учугомъ— для забавы. Съ какимъ искусствомъ и молодечествомъ берутъ они снѣжныя крѣпости и рвы, которые нагребаютъ сами съ пущей охоты. Сколько взрослымъ казакамъ въ то же время надо ловкости скользить и выравниваться въ бударкахъ на плавнѣ, и т. д. Громко распѣваетъ старикъ завѣтную пѣсню про Яикъ Горыновичъ, который «изрылъ всѣ горы и долушки, добѣжалъ до устьеца и до острова, гдѣ живутъ старцы старые, по девяносто лѣтъ, въ ладу съ ордою покорною, съ золотой ордой». Распѣваетъ онъ и искоса и сердито поглядываетъ на музыкальную школу, откуда вырываются звуки кадрили-фолишонъ и думается: «хорошо бы ее прочь убрать, чтобы и духу ея не было».

Большинство нововведеній водворялось неумѣлыми, хотя и твердыми руками и приложенное во множествѣ случаевъ, при неблагопріятныхъ случайныхъ обстоятельствахъ, успѣло возбудить недовѣріе. Выработалась на это время реакціи скрытность и пущая замкнутость даже до крайности. Такъ, между прочимъ, ни одинъ не скажетъ истинной сущности выгодъ отъ своего промысла и торговли и, получивши барыша не одну тысячу, съ сердечнымъ воздыханіемъ попечалится на тяжесть обстоятельствъ и укажетъ на какія нибудь сиротскія сотняги рублей. Деньги, готовыя и охотливо приносимыя прямо въ руки, выучили въ то же время, по стариковскому обычаю, сильной бережливости, которая даже отзывается въ нерѣдкихъ примѣрахъ и случаяхъ скупостью. Деньги крѣпко приколачиваются алтыннымъ гвоздемъ. Подъ каждымъ домомъ уцѣлѣла неизбѣжная «палатка» или кладовая и павловскіе желѣзные сундуки съ отцовскимъ и дѣдовскимъ добромъ нажитымъ бережливостью или добытымъ на войнахъ.

Во всякомъ же случаѣ уральская страна—благодатная, и населяющій ее народъ живетъ сыто.

VII.

Старина и новое.

Уральской старинѣ, какъ и сибирской, въ настоящее время исполнилось ровно триста лѣтъ.

Три столѣтія тому назадъ, когда Ермакъ, съ товарищами по найму и на средства богатыхъ промышленныхъ людей Строгоновыхъ, разрушалъ татарскій городъ Сибирь (въ 1581 г.), незначительная горсть другихъ вольныхъ казаковъ, для своихъ промысловъ и на свои средства, успѣла уже разрушить (въ 1580 г.) другую татарскую столицу, нѣкогда страшную для всей Руси, городъ Сарайчикъ: «воевали его и сожгли». Разрушеніемъ Сарайчика (какъ и взятіемъ сибирскаго городка) обезпечивалось съ тылу занятіе всего побережья Урала, никѣмъ не занятаго и русскимъ людямъ до той поры невѣдомаго, тѣми казаками, которые выплыли сюда изъ камышей Каспійскаго моря съ Волги и Дона и натолкнулись по пути вблизи самаго устья Урала на такое грозное препятствіе. Такъ какъ опасно было двигаться дальше за рѣку, а на ней оказалось полное приволье въ рыбѣ и богатыхъ травяныхъ степяхъ, то казаки, своимъ завѣтнымъ обычаемъ, стали здѣсь укрѣпляться и промышлять. Провѣдавъ про богатую и торговую Хиву, съ атаманами Нечаемъ и Шамаемъ, успѣли сходить туда: набрали добычи, раздуванили и запировали. Этою безпечностью воспользовался хивинскій ханъ, напалъ на отступавшихъ казаковъ

съ Нечаемъ и перебилъ всѣхъ. Казаки же, ходившіе съ Шамаемъ, были захвачены въ плѣнъ еще въ степи и Хивы не видали.

Тѣмъ же временемъ на новомъ мѣстѣ уряжались завѣтные казачьи порядки, гдѣ всякій самъ большой и всѣ равны, потому что одинаковы и неизбѣжны опасности отъ голодной смерти и отъ набѣговъ дикихъ сосѣдей. Надо стоять всѣмъ за одно, и сбиваться въ общину плотнѣе, чтобы изъ-за одного всѣмъ не было худо, и каждому доставались равныя съ другими части во всякомъ дѣлежѣ и отъ всякаго прибытка. Если и рѣка Яикъ, со впадающими притоками и прилежащими землями—добыча, взятая съ бою, то и онъ принадлежитъ всѣмъ на одинаковыхъ и равныхъ паяхъ. Пригодился и удачно приладился и здѣсь на новыхъ мѣстахъ тотъ казачій кругъ, который всегда выручалъ и въ опасностяхъ при набѣгахъ, и гдѣ всякому предоставлялось право свободнаго мнѣнія и рѣшительнаго голоса. Кругъ—эта столь извѣстная всѣмъ душа казачьяго самоуправленія, общественный судъ грозный, справедливый и неподкупный, съ зоркимъ наблюдательнымъ окомъ за личными и общественными правами. Выбранный кругомъ, на мірской сходкѣ, всѣмъ казачьимъ обществомъ, на одинъ годъ, походный войсковой атаманъ съ помощниками его наказными атаманами (двумя или тремя) и эсаулами не представляли собою неограниченныхъ властей, а были лишь исполнителями коренныхъ обычаевъ и временныхъ постановленій круга. Они сбирали, считали и охраняли войсковыя деньги, ежегодно отдавали въ нихъ отчетъ кругу, раздавали жалованье деньгами, хлѣбомъ и виномъ. Ихъ во всякое время могли смѣнить, а растраты взыскать съ имущества. Въ самомъ дѣлѣ, они были у войска приказчиками, а главнымъ хозяиномъ рѣки и земли былъ все-таки кругъ.

Когда по звону колокола (кажется Казанской или—по казачьему—Бѣлой церкви, наиболѣе древнѣйшей и въ особенности почитаемой казаками) или въ заранѣе условленный срокъ собирался кругъ, эсаулы, выходя изъ войсковой избы впереди прочихъ старшинъ клали передъ народомъ свои жезлы. Атаманъ, шедшій сзади, преклонялъ булаву. Затѣмъ всѣ снимали шапки и кланялись кругу въ поясъ (самъ кругъ снималъ шапки только въ то время, когда читались царскіе указы).

— Позвольте рѣчь держать, атàманы—мóлодцы!—спрашивалъ атаманъ разрѣшенія, когда смолкала толпа, тѣмъ нетвердымъ голосомъ, какимъ начинаютъ говорить молодые актеры на бенефисныхъ спектакляхъ и съ тѣмъ тономъ въ голосѣ, когда говоришь сквозь зубы, болѣе владѣя языкомъ, чѣмъ челюстями—столь привычнымъ и общимъ для уральцевъ способомъ. Недаромъ казаковъ производятъ отъ картавой или гугнивой, говорившей въ нёбо, бабушки Гугнихи, въ память которой (мифическая праматерь ка-

заковъ) сохранялась въ войскѣ долгое время здравица: «за здоровье бабушки Гугнихи!»

— Держи!—смѣло и твердо отвѣчалъ атаману кругъ, по большей части зная, что атаманъ ихъ чтитъ и боится и поведетъ словесную рѣчь къ войску, либо о срокѣ, когда начинать багренье или косьбу сѣна, либо о выборѣ новыхъ старшинъ и всѣхъ 3 или 4 атамановъ.

— Любо ли вамъ, атàманы-мòлодцы? — спрашивалъ войсковой атаманъ съ тѣмъ же пѣвучимъ переливомъ въ голосѣ.

— Любо!—кричалъ кругъ, если срокъ для начала рыболовства опредѣлялся правильно, цѣна за наемку охотниковъ на службу въ походъ оказывалась справедливою и согласовалась съ опредѣленною заранѣе самимъ кругомъ. Это старинное учрежденіе свое казаки охраняли также съ особенною бережливостью, такъ какъ оно отвѣчаетъ вполнѣ завѣтному общинному праву, какъ основанное на круговой порукѣ. При назначеніи цѣны наемки принималось въ разсчетъ время и мѣсто похода: она возвышалась отъ дальнихъ разстояній и отъ долгаго отсутствія казака изъ дому. Выработанная сумма раскладывалась по ровну между служащими казаками, отдавалась на руки атаманамъ, которые и дѣлили ее на части или «подмогу» и раздавали охотникамъ, т. е. или холостымъ и бездѣтнымъ, или молодымъ и храбрымъ, или желающимъ поправить свои денежныя обстоятельства. Казакъ-охотникъ долженъ явиться вооруженнымъ и одѣтымъ на свой счетъ.

— Не любо!—отвѣчалъ казачій кругъ въ тѣхъ случаяхъ, когда напр. хотѣлъ выбора новыхъ атамановъ и старшинъ, которые за тѣмъ становились такими же простыми казаками и кричали въ слѣдующіе разы на сходкѣ, наравнѣ со всѣми: «любо» и «нелюбо». Никакихъ личныхъ правъ и преимуществъ войсковыя должности не давали.

Такъ жили яицкіе казаки, по своимъ старымъ обычаямъ, до тѣхъ поръ, пока (говоря ихъ же выраженіемъ) не провѣдала про то Москва. Провѣдала она про ихъ своеволія, про то, что къ нимъ бросились бездомовные, утѣсненные и вольные люди, и, увеличивъ число казаковъ, еще больше увеличили число недовольныхъ правительствомъ. Стали разбивать торговые караваны; по Каспію, нападать на прибрежные персидскіе города, вынудивъ шаха принесть московскому царю жалобу (въ 1655 г.). Многіе изъ казаковъ примкнули къ громаднымъ шайкамъ лихихъ людей изъ бродягъ и бѣглыхъ, собранныхъ въ цѣлое ополченіе Стенькою Разинымъ; наконецъ всѣ пристали къ нему и его самого приняли къ себѣ. Съ нимъ ходили грабить и опустошать Волгу и принимали участіе въ завладѣніи южнымъ берегомъ Каспійскаго моря. Не угомонились и послѣ казни Разина, а продолжали воевать приморскія персидскія земли. Затихли они лишь на короткое время, когда черезъ ихъ

земли стали прорываться киргизскія орды и потребовали усиленныхъ и чрезмѣрныхъ заботъ дома. Однако, когда Петръ Первый, припомнивъ старыя казацкія вины и сообразивъ свои общегосударственныя цѣли, велѣлъ произвести ревизію и рекрутскій наборъ и между казаками, вольный Яикъ вновь возмутился до такой степени, что едва не изсякъ и незапустѣлъ совсѣмъ. Первая ревизія, имѣвшая своимъ результатомъ по всей Россіи громадное увеличеніе числа побѣговъ съ мѣстъ жительства, яицкимъ казакамъ, какъ и вообще всѣмъ старовѣрамъ, была ненавистна по тому религіозному убѣжденію, что самъ Богъ, въ лицѣ наказаннаго царя Давида, воспретилъ счисленіе людей. Боязнь потерять бороду и народный нарядъ съ поступленіемъ въ солдатскій строй усилила недовольство, особенно когда и внутреннее управленіе казачьей общины подчинено было чуждой казакамъ военной коллегіи. Казаки рѣшились, въ цѣломъ составѣ войска, уйти куда-нибудь въ степь, и тамъ поселиться нà-ново. Петръ по своему нраву и обычаямъ, сурово раздѣлался съ виновными: главныхъ толкователей и зачинщиковъ казнилъ, другихъ сослалъ послѣ жестокаго наказанія кнутомъ. Утвержденіе атамана, выбраннаго войскомъ, царь предоставилъ себѣ. Въ войскѣ начало организоваться и развиваться новое сословіе—войсковыхъ чиновниковъ, въ средѣ которыхъ выработались и желавшіе прислужиться правительству, чтобы занять извѣстную должность и получившіе должность, но изъ личныхъ корыстей, злоупотреблявшіе ею. Начались незаконные поборы и воровство войсковыхъ суммъ съ одной стороны, жалобы и борьба за свои вольныя права—съ другой стороны. Раздраженіе въ войскѣ дошло до такой степени, что, когда неудались самыя мирныя и спокойныя требованія, поднялся открытый и ожесточенный бунтъ съ печальными и тяжелыми послѣдствіями народнаго самосуда. Когда, въ видѣ возмездія за преступленія противъ порядка управленія, отмѣнены круги и введено военное комендантское управленіе, недовольство яицкихъ казаковъ высказалось пугачевскимъ бунтомъ, въ которомъ уральцы принимали самое дѣятельное участіе: извѣстные Чика, Перфильевъ и Шигаевъ, вмѣстѣ съ Пугачевымъ, были казнены въ Москвѣ. Яикъ названъ Ураломъ; Яицкій городокъ Уральскомъ. Круги совершенно отмѣнены вмѣстѣ съ правомъ назначенія атамана. Это случилось въ 1775 году, по указу сената отъ 15-го января. Въ томъ же году и вскорѣ предано вѣчному забвенію все происшедшее. Висѣлицы и эшафоты разобраны; тѣла казненныхъ погребены. Начались новыя преобразованія и нововведенія: войско раздѣлено на сотни. Одна изъ нихъ три года должна была находиться на службѣ въ Петербургѣ и три года оставаться въ войскѣ на льготѣ. Учреждена на новыхъ основаніяхъ войсковая канцелярія; отмѣнена наемка, положены штаты и учреждены форменные мундиры. Это новое положеніе состоялось въ

1803 году и естественно вызвало въ войскѣ ропотъ и неудовольствіе, особенно усилившіеся съ учрежденіемъ новаго вида рыболовствъ (морскихъ).

Для предупрежденія открытаго бунта приведены были войска, и казаки снова устрашены суровымъ наказаніемъ зачинщиковъ; однако наемка охотниковъ была вновь дозволена. Впрочемъ новыя реформы исполнялись только для вида и вводились очень медленно: искра недовольства продолжала тлѣть подъ пепломъ и вновь вспыхнула въ 1837 году. Казаки, воспользовавшись пребываніемъ въ Уральскѣ въ бозѣ почившаго государя императора, бывшаго въ то время наслѣдникомъ престола, подали жалобу, остановивъ за городомъ его коляску. Виновныхъ чиновниковъ, на которыхъ жаловались казаки, выслали на житье въ отдаленныя губерніи; подававшихъ просьбу подвергли тѣлесному наказанію и сослали въ Сибирь на поселеніе. Вмѣсто атамана назначавшагося изъ лицъ войсковаго сословія, учреждена должность наказнаго атамана изъ лицъ военнаго сословія имперіи. Бородинъ, умершій въ 1829 году, былъ послѣднимъ атаманомъ изъ казаковъ и среди нихъ осталось преданіе объ немъ, какъ объ изнѣженномъ и облѣнившемся человѣкѣ. Разсказываютъ, что гдѣ-то въ верховьяхъ Урала, въ одномъ форпостѣ, выстроилъ онъ каменное зданіе въ родѣ холодника. Здѣсь онъ лежалъ на коврахъ въ то время, когда передъ нимъ плясали и пѣли дѣвушки, разодѣтыя въ парчевые и глазетовые сарафаны, съ пуговками отъ ворота до подола, и по обѣимъ сторонамъ обшитыя въ два ряда галуномъ. Кокетство ихъ—говорятъ—иногда доходило до того, что онѣ, чтобы смыть загаръ, намачивали лица крѣпкой водкой.

Такимъ нехорошимъ преданіемъ завершилась у казаковъ память о выборныхъ атаманахъ. Уже больше ста лѣтъ не собираются въ кругъ казаки въ своихъ короткихъ стеганыхъ на ватѣ пестрыхъ халатахъ, въ широкихъ синихъ шароварахъ и въ высокихъ остроконечныхъ бараньихъ шапкахъ съ малиновымъ суконнымъ верхомъ. Не видать перекинутыми черезъ плечо: ни ятагановъ, ни винтовокъ, ни ружей, пикъ и пистолетовъ—всей той случайной и безпорядочной смѣси орудій, какія когда-то попались подъ руку и добыты отцами или самими въ набѣгахъ. Измѣнился наружный видъ и отчасти внутренній: круги не толпятся у квартиры наказныхъ атамановъ на лицо и во очію, но духъ ихъ существуетъ невидимо, измѣнившись, превратившись неуловимо въ то общественное мнѣніе и обычное неписаное право, которыя мы имѣли случай указать въ своемъ мѣстѣ и въ опредѣленномъ видѣ. Настоящей казачьей общинѣ «любо», что бухарская или зауральская страна не отдана киргизамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рыбное Черкальское морцо не принадлежитъ имъ и кочевники не смѣютъ его сдать съ торговъ и на откупъ иногороднымъ русскимъ (какъ навѣрное и случилось бы). Не любо казачьей старинѣ то, что поз-

волили иногороднимъ покупать въ Уральскѣ дома съ землей и дозволили записываться въ казачье сословіе (особенно бывшимъ дворовымъ) и разрѣшили выходъ кореннымъ казакамъ (чиновникамъ) изъ войсковаго сословія. Кое съ чѣмъ успѣли помириться и кое къ чему привыкнуть, къ общественному бульвару и клубу, къ офицерскимъ кокардамъ, которыя не очень давно принимали за печать антихристову, ту самую, о чемъ писано въ старыхъ книгахъ, и наконецъ къ наказнымъ атаманамъ. А впрочемъ отчего же имъ и не быть, по старому, выборными, когда это право широко распространилось и повсюду примѣнилось во всей земской Россіи?

Съ другой стороны, отчего же и не поступиться другими правами въ особенности въ настоящее время, когда воинствовавшая община превратилась въ мирную, обезпеченную и осѣдлую? Валъ, окружающій городъ Уральскъ съ двумя воротами, давно уже разсыпается и, если развести на немъ аллеи деревьевъ, онъ могъ бы служить мѣстомъ беззаботной прогулки, которая обыкновенно не боится нечаяннаго выстрѣла. Киргизы лѣтъ пятьдесятъ уже не грабятъ вблизи города и лѣтъ тридцать не захватываютъ въ плѣнъ казаковъ тамъ, гдѣ кипитъ теперь въ 7 верстахъ отъ города мѣновой спокойный торгъ на особомъ дворѣ и производится мѣна барановъ на русскія деньги. Баранта или отгонъ скота безъ остраго оружія, но съ обухами и нагайками, на Уралѣ превратилась въ мелкое конокрадство, такое же, какое, къ несчастію, развивается по всей Россіи и обычно во всѣхъ мѣстахъ. Теперь киргизъ спокойно, какъ гость, разъѣзжаетъ по городу Уральску, забавно возсѣдая на двугорбомъ верблюдѣ, а за городомъ, во время уральской ярмарки, является единственнымъ соревнователемъ на баламыкѣ: въ эту смѣсь воды съ мукой и отрубями, налитую въ котлы окунаетъ онъ свое плоское, широкое и курносое лицо, доставая зубами, языкомъ и губами брошенныя въ этотъ баламыкъ мелкія серебряныя монеты. Къ общему искреннему и самодовольному смѣху эти нѣкогда опасные люди, умѣвшіе выходить въ степи на честный бой, на нашихъ глазахъ и на общее посмѣяніе, вынимали свои некрасивыя лица, до безобразія перепачканныя, до невѣроятія самодовольныя и улыбающіяся въ то время, когда, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ зубахъ, мы видѣли у нихъ свѣтящійся гривенникъ. Выходили они тамъ же за городомъ, во время ярмарки и на борьбу: ходили, ухватившись за поясъ съ «мужиками» (торговцами изъ русскихъ губерній по преимуществу симбирской, отчасти нижегородской и самарской). Ходили правда долго, но все-таки валились на землю и прижимались къ ней, какъ побѣжденные, желающіе одной лишь пощады. Выросшая на степномъ раздольѣ и вспоенная чудодѣйственнымъ кумысомъ сила не выдерживала передъ ловкостью изворотливаго и ухватливаго молодца изъ проворныхъ русскихъ.

Та русская способность, которая признается за народный геній и называемая геніемъ колонизаціи, въ уральскихъ казакахъ не исчезла, но лишь нѣсколько запоздала. Задержалась также въ значительной степени и ассимиляція, такъ какъ по старой вѣрѣ, нельзя старообрядцу выдавать дочь за иногородняго или православнаго (и въ самомъ дѣлѣ случаи такаго рода — замѣчательная рѣдкость). Осталась еще у казаковъ ихъ старая вѣра по книгамъ до-никоновской печати, но особенно по обычаямъ и обрядамъ допетровской Руси,—и не столько вѣра, сколько обрядъ и не столько фанатическая, сколько безразличная въ мужскомъ населеніи, исключая конечно женскаго, наиболѣе склоннаго къ религіи и обрядности. Мужское поколѣніе вообще безграматно: какой-то доточникъ на одномъ изъ верхнихъ форпостовъ нажилъ большія деньги лишь за то, что умѣлъ писать полууставомъ, какъ въ Уральскѣ иногородный Елкинъ пріобрѣлъ также хорошія деньги отъ продажи церковныхъ старопечатныхъ книгъ. Здѣсь съумѣютъ также запастись особой посудой, изъ которой поятъ лишь собакъ и киргизовъ, да кстати и православныхъ изъ торговаго люда. Пуская, по нуждѣ, щепотниковъ и табачниковъ, казаки завѣшиваютъ образа, чтобы они не окуривались табакомъ послѣ того, какъ были окурены ладаномъ изъ ручной кадильницы. Моя хозяйка въ Гурьевѣ, за время моего отсутствія изъ комнаты, провѣтривала ее и предоставляла значительно охлажденной въ октябрѣ мѣсяцѣ, однако не ворчала и не оговаривала. Въ Уральскѣ я видѣлъ покойниковъ, которыхъ сопровождали одни лишь женщины. Имъ же принадлежитъ, кромѣ права отпѣванья, обученіе дѣтей граматѣ по старопечатнымъ псалтырямъ и успѣшное противодѣйствіе школамъ, заводимымъ наказными атаманами. Они же отчитывали вернувшихся изъ Россіи казаковъ съ бритыми усами и бородами и налагали исправу на всѣхъ, кому судьба указывала наемку въ охотники. Умершаго полковника, почти весь вѣкъ проходившаго съ кокардой, хоронили все-таки закутаннымъ въ саванъ и положеннымъ въ долбленую изъ цѣльнаго дерева колоду, а не въ дощатый гробъ. Женщины же спѣшили мыть и скоблить полъ, и читать по требнику очистительныя молитвы, когда вбѣгала въ избу собака, которыхъ вообще въ войскѣ примѣтно мало, и т. д. Впрочемъ, казацкая борода имѣетъ уже свою исторію. Значеніе ея хорошо понималъ Емельянъ Пугачевъ, считая бороду казачьимъ правомъ наравнѣ съ осьмиконечнымъ крестомъ. Когда въ Москвѣ, по желанію Потемкина, формировался особый казачій легіонъ и легіонеры обязывались брить бороды, Уралъ заволновался: казаки отказались идти преслѣдовать калмыковъ. Когда ихъ обрили и отправили, то они бѣжали съ дороги и тайкомъ явились въ Яицкій-городокъ. Екатерина простила, снизойдя на ихъ просьбу: «чѣмъ одну бороду, ужь лучше всю буйну голову». Казакъ Марушка, со-

сланный за Пугачева въ Нерчинскіе каторжные заводы, не позволялъ прикасаться къ своимъ волосамъ, которые, по арестантскому праву, у него должны быть обриты какъ на головѣ, такъ и на подбородкѣ. Онъ три раза ложился подъ кнутъ, но ни брить волосъ на головѣ, ни стричь бороды не позволилъ.

Еще издавна, при царѣ Алексѣѣ, коренное населеніе Урала удержалось за старую книгу и начало принимать старую вѣру по толкованію протопопа Аввакума, между прочимъ изъ-за того, что эта вѣра была гонимою. Они ухватились за нее потомъ, при наплывѣ новыхъ порядковъ, какъ за такую, которая требуетъ старыхъ обрядовъ и щадитъ древніе обычаи. Придерживаются и до сихъ поръ не столько старой вѣры, сколько стараго церковнаго обряда и по привычкѣ, да и потому, что вся коренная основа казачьяго быта выродилась изъ древнихъ порядковъ и зиждется на нихъ. На р. Уралѣ не старая вѣра, а именно старообрядство, укрѣпленное и осмысленное аввакумовымъ толкомъ, застигнутое имъ въ готовомъ видѣ. Старая вѣра не помѣшала уральцамъ выдерживать всегда и до дня сего общинный строй всякаго крупнаго войсковаго начинанія, не помѣшала думать за единую думу и творить многое на общинную пользу и выгоду. Зачѣмъ мѣнять вѣру?

Когда опять-таки провѣдала про все это Москва, т. е. Перовскій началъ закрывать часовни и скиты, ловить и наказывать наставниковъ вѣры и усиленно вводить единовѣріе по правиламъ митрополита Платона — уральскіе казаки растерялись. Часть ихъ — наибольше чиновники — согласно принимала единовѣріе и начала ходить въ единовѣрческія церкви, съ большой охотой, именно потому, что старой вѣры здѣсь не укрѣпилось. Пропаганда вообще шла вяло, натолкнувшись на людей, въ умахъ которыхъ крѣпче сидѣла мысль о степномъ баранѣ и уральской рыбѣ, чѣмъ о монастырѣ. Въ мужской монастырь и монахи подобрались было, да не давали пожертвованій ни на постройки, ни въ запасной капиталъ. Единовѣрческія церкви строила сама казна и таковыхъ въ одномъ Уральскѣ, въ одинъ годъ (1837), соорудила новыхъ три. Наибольшая часть, рядовые казаки, перестали посѣщать всякія церкви и объявились подъ своеобразнымъ именемъ «никудышныхъ». Въ новую такъ-называемую «паленовскую церковь» также казаки не пошли, а тѣ немногіе, которые на нее согласились, запретили ее для всѣхъ. Ее оставили за собою самые рьяные изъ поповщины, и въ церковь никого не пускаютъ. Когда объявилась австрійская вѣра и прибыли, крадучись, «попы бѣлокриницкаго посвященія», казаки, отбившіеся отъ церквей, ихъ приняли, прятали въ подъизбицахъ, скрытыхъ, въ видѣ подвала, съ подъемной на кольцѣ крышкой. Тайнымъ попамъ платили за требы хорошія деньги; возбудили между ними зависть и соперничество и имѣли случай видѣть взаимныя ихъ доносы и предательства и слышать

объ нихъ смѣшные анекдоты. До тѣхъ поръ всѣ казаки г. Уральска ходили въ двѣ церкви; но въ одну изъ нихъ (петропавловскую) въ 30-хъ годахъ пустили для исповѣди батальонныхъ солдатъ: казаки возгнушались и ушли въ никудышные. И до сихъ поръ перекрещенцевъ у нихъ очень мало; другихъ толковъ незамѣчено, а молоканство, ближній сосѣдъ по николаевскому уѣзду самарской губерніи, еще не нашло въ войскѣ ни одного прозелита. Казаки, пожалуй, готовы и отъ войсковой суммы отказаться, лишь бы не рушили ихъ коренныхъ вѣрованій, связующихъ вѣру съ общиной. Однако и здѣсь случилось такъ, что шкафикъ съ образами у каждаго свой: у мужа и у жены; оба молятся порознь и оба по своему. Въ то же время единовѣрческія церкви по форпостамъ сильно завѣтшали; въ единовѣрческихъ церквахъ въ Уральскѣ я видѣлъ почти только однихъ женщинъ. Обновляютъ, украшаютъ и поправляютъ эти церкви одни лишь иногородные купцы, которые и состоятъ при нихъ въ званіи церковныхъ старостъ. На этотъ разъ совершилось замѣчательное явленіе: иногородные изъ православныхъ обратились въ единовѣрцевъ, удержались отъ употребленія табаку и нѣмецкаго костюма съ бритьемъ бороды по недавнему московскому купеческому обычаю, чтобы въ концѣ угодить и уладиться съ казаками. Сдѣлалось такъ сначала по необходимости, когда не было православной церкви съ попомъ и по привычкѣ къ единовѣрческимъ, когда выстроился на концѣ города православный александровскій соборъ. Казаки же во всякомъ случаѣ въ дѣлахъ вѣры не показываютъ озлобленія и нетерпимости, а скорѣе—равнодушіе и холодность: долговременныя командировки за предѣлы войска, въ русскіе города, сдѣлали свое дѣло вѣрнѣе и тверже, чѣмъ плети и нагайки и другія насилія черезчуръ усердныхъ водворителей православія.

Новая заря въ войскѣ уже давно занялась надъ тѣмъ сословіемъ, которое всегда было болѣе подвижнымъ и передовымъ въ войскѣ: завело впервые земледѣліе, расширило торговлю, ознакомило съ садоводствомъ и огородничествомъ, развело въ Гурьевѣ отличный виноградъ, приступило къ раціональному хозяйству, заботится объ эксплуатаціи почвенныхъ богатствъ и для этого учится не только въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ университетахъ и въ техническихъ училищахъ. Казачье чиновное сословіе, въ его молодомъ поколѣніи, успѣло дать уже и нѣкоторыхъ представителей литературнаго труда и ученыхъ знаній, имѣя во главѣ и въ починѣ даровитаго и несчастно погибшаго I. И. Желѣзнова. Словомъ — въ уральское захолустье давно потянула сильная тяга свѣжаго воздуха, и дѣла тамъ должны принять иной видъ — хорошій, если поведутъ ихъ лучшіе изъ своихъ, и опасный, если чужіе и незнакомые будутъ при этомъ дѣйствовать съ энергіей и слѣдовательно только раздражать. Впрочемъ, теперь едва ли при-

дется долго ждать того времени, когда истинный свѣтъ цивилизацiи не будетъ безслѣдно блуждать и мерцать среди суевѣрiй и предразсудковъ до-петровской эпохи, не нарушая такъ хорошо и согласно налаженнаго общиннаго строя казачьяго быта.

С. Максимовъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ЕКАТЕРИНИНСКИХЪ ВРЕМЕНЪ [1].

VIII.

Приготовленіе къ войнѣ со Швеціею.—Предложеніе Безбородки о мѣрахъ на случай нападенія со стороны Пруссіи.—Предложеніе о сформированіи «охочихъ казаковъ» и о вызовѣ иностранныхъ офицеровъ въ русскую службу. — Обвиненіе Безбородки въ притѣсненіи китайцевъ. — Надежда на Потемкина.—Участіе его въ дѣлахъ турецкихъ и австрійскихъ.

ОЙНА съ Турціею поглощала все вниманіе и государыни и представителей тогдашняго высшаго правительства въ Россіи, тѣмъ болѣе, что и Швеція стала принимать относительно насъ угрожающее положеніе. Въ виду этого, 28-го марта 1788 года, Безбородко предложилъ въ совѣтѣ соображенія свои о «нужныхъ мѣрахъ къ огражденію и обезпеченію границъ нашихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ», и составилъ записку изъ прежнихъ плановъ и росписаній на случай диверсіи со стороны шведской.

Кромѣ того, Безбородкѣ передано было государынею на разсмотрѣніе «Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ». Положеніе это было составлено надворнымъ совѣтникомъ Капнистомъ. Независимо отъ этого, возникло предположеніе о привлеченіи въ русскую службу опытныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ. Хотя съ «Положеніемъ» Капниста Безбородко и согласился, но какъ находившійся «въ услугахъ» князя

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII, стр. 326—352.

Потемкина, призналъ необходимымъ спросить мнѣніе его свѣтлости. Въ свою очередь и Потемкинъ согласился съ предположеніями Капниста, но не извѣстно, почему они не были приведены въ исполненіе.

Не смотря на то положеніе, какое занималъ при государынѣ Безбородко, онъ изведалъ, въ пору своей блестящей службы, не мало огорченій. Такъ онъ, по одному доносу, былъ замѣшанъ по дѣлу сибирскаго губернатора Якобія и, вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, обвинялся «въ намѣреніи вымучить у китайцевъ знатную сумму». Средствомъ же для этого были придуманы «притѣсненія» китайцевъ и то, «чтобъ они учинили на границы наши нападенія». Главный по этому дѣлу обвиняемый, Якобій, былъ оправданъ, что, конечно, заставляетъ предполагать неосновательность обвиненій, выставленныхъ противъ Воронцова и Безбородки. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но Безбородкѣ приходилось туго. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ, между прочимъ, писалъ:

«Я теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ разные происки противу князя Потемкина, но когда сей послѣдній засвидѣтельствовалъ, что онъ мною доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣетъ, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовскимъ (Воронцовымъ) образомъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали; но клевета на насъ была явная, а оправданіе безъ явной репараціи, можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца войны, и тѣмъ кончивъ время свое, не втунѣ употребленное, примуся за собственныя дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ».

Онъ надѣялся-было, что въ Петербургъ пріѣдетъ Потемкинъ, который «обуздалъ бы многихъ неистовство», и подозрѣвалъ, что интрига удерживала князя подъ Очаковомъ.

Въ это время, Безбородко былъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, выражалъ надежду на «благоволѣніе» къ нему со стороны Потемкина и подробно сообщалъ ему о ходѣ и самыхъ дѣлъ со Швеціею, по которымъ онъ принималъ дѣятельное участіе не только въ дипломатическомъ ихъ направленіи, но и въ готовившихся вооруженіяхъ, представляя на счетъ этихъ послѣднихъ свои стратегическія соображенія. Изъ переписки же Безбородки съ Потемкинымъ оказывается, что этотъ послѣдній былъ главнымъ руководителемъ по дѣламъ шведскимъ. «Въ разсужденіи шведовъ—писалъ ему Безбородко,—мы, конечно, держимъ тотъ голосъ, который ваша свѣтлость въ запискѣ своей почитаете пристойнымъ».

Помимо занятій по дѣламъ шведскимъ, Безбородко въ то же время участвовалъ, вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, въ составленіи «Записки, изъясняющей ихъ мнѣніе по содержанію учиненнаго нынѣ отъ вѣнскаго двора сообщенія», и про-

ектъ договора вѣчнаго мира между имперіею Всероссійскою и Портою Оттоманскою.

Съ наступленіемъ 1789 года, Россія пыталась разомъ покончить свои затрудненія какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. На сѣверѣ собственно, кромѣ войны со Швеціею, императрицу озабочивали финны, которые изъявили Россіи готовность «отторгнуться отъ короля шведскаго». Въ добавокъ къ этому, по словамъ Безбородки «требованія и затѣи польскія превосходили наше чаяніе, а положеніе Франціи возбуждало опасеніе на счетъ предстоявшихъ переворотовъ въ Европѣ». Сообщая Потемкину о польскихъ требованіяхъ и затѣяхъ, Безбородко присовокуплялъ: «но я надѣюсь, что твердостію противъ всякихъ затрудненій, добрыми аргументами и разными уловками можно будетъ опровергнуть нескладныя притязанія, а вмѣсто того присоединить Польшу къ намъ другими способами, изъ коихъ главнѣйшіе указаны въ вашей секретной запискѣ. Я осмѣливаюсь приложить на усмотрѣніе ваше мои по симъ бумагамъ примѣчанія, прося вашу свѣтлость по особливому вашему благоволенію, подать мнѣ въ семъ случаѣ совѣты и наставленія, дабы ими руководствуяся, могъ я пособствовать и въ дальнѣйшихъ графу Штакельбергу предписаньяхъ».

Къ сожалѣнію, примѣчанія Безбородки на записку Потемкина г. Григоровичемъ не отысканы.

Въ это же время приходилось Безбородкѣ хлопотать и о заключеніи коммерческаго трактата съ Англіею, которая однако уклонялась отъ подобнаго договора съ Россіею.

Вообще, въ ту пору политическія дѣла въ Европѣ были крайне запутаны.

Отдѣляясь такимъ образомъ отъ Австріи, у насъ разсчитывали на Францію, когда вспыхнувшая тамъ революція положила конецъ такимъ разсчетамъ.

IX.

Появленіе при дворѣ Зубова.—Его вліяніе на положеніе Безбородки.—Сравненіе Мамонова съ Ланскимъ.—Отзывъ Безбородки о вице-канцлерѣ графѣ Остерманѣ и Зубовѣ.—Подавленность сановниковъ временщиками.—Непріязненныя отношенія Мамонова къ Безбородкѣ.—Робость послѣдняго предъ фаворитомъ. — Подготовка императрицею государственныхъ людей.—Ея воспитанникъ князь Зубовъ.—Соперникъ Зубову, выставленный Безбородкою.

Между тѣмъ положеніе при дворѣ Безбородки, постоянно умѣвшаго пользоваться благоволѣніемъ Потемкина, должно было измѣниться. Храповицкій въ «Дневникѣ» своемъ упомянулъ, 19-го іюня

1789 года, о 22-хъ-лѣтнемъ караульномъ офицерѣ, секундъ-ротмистрѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, съ подозрѣніемъ на счетъ будущихъ близкихъ его отношеній къ императрицѣ. Вскорѣ послѣ того, а именно 9-го іюля того-же года, Безбородко писалъ графу А. Р. Воронцову слѣдующее:

«Происшедшую у насъ перемѣну не описываю пространно, считая, что графъ Александръ Романовичъ объ ней васъ извѣщаетъ. Она, конечно, была нечаянна, потому что Мамоновъ всѣмъ столько уже утвердившимся казался, что, исключая князя Потемкина, всѣ предмѣстники его не имѣли подобной ему власти и силы, кои употреблялъ онъ не на добро, а на зло людямъ. Ланской, конечно, не хорошаго былъ характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ. Онъ имѣлъ друзей, не усиливался слишкомъ вредить ближнему, а многимъ старался, а сей ни самимъ пріятелямъ своимъ, никому ни въ чемъ помочь не хотѣлъ».

Строки эти замѣчательны въ томъ отношеніи, что онѣ очень наглядно рисуютъ господствовавшія тогда понятія о временщикахъ среди высоко-поставленныхъ лицъ и притомъ съ такимъ свѣтлымъ умомъ, какимъ, несомнѣнно, отличался Безбородко. Съ его точки зрѣнія пріятельская помощь если и не искупала совершенно позорность и вредиость для прочихъ положенія, занятаго любимцемъ престарѣлой Екатерины, то все же оправдывала его.

«Я не забочусь о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично—продолжалъ Безбородко — но жалѣю безмѣрно о пакостяхъ, отъ него въ дѣлахъ происшедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобы только мнѣ причинить досады».

Описывая далѣе «пакости» Мамонова и сообщая, что Мамоновъ распространялъ слухъ, будто снова возвратится править дѣлами, Безбородко прибавляетъ:

«Вице-канцлеръ доказалъ при семъ случаѣ, что онъ презлой скотъ; искалъ вкрасться въ милость сего бывшаго фаворита, жалуясь на меня, а иногда успѣвалъ, но то бѣда, что когда за руль брался, худо правилъ, и надобно было всегда ко мнѣ же обращаться. Онъ забывалъ, что онъ, по слову покойнаго Верженя, былъ une tete de paille. Вѣрьте, что Вяземскій, который на насъ золъ, не дѣлалъ подобныхъ исканій, какъ сей глупый человѣкъ. Перемѣною пораженъ онъ былъ одинъ изо всего города, который вообще не хвалами превозноситъ уѣхавшаго».

Что же касается новаго, вступившаго въ силу фаворита, то Безбородко писалъ:

«О вступившемъ на мѣсто его (Мамонова) сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ».

Съ такимъ же равнодушіемъ отзывался Безбородко о Зубовѣ и въ письмѣ къ племяннику своему Кочубею, добавляя «чтобъ ни было, но новые хуже не будутъ. А, впрочемъ, мнѣ ни до чего и дѣла нѣтъ».

Такое равнодушіе было, однако, напускнымъ, такъ какъ Безбородко въ письмахъ своихъ къ Воронцову жаловался еще и прежде на Мамонова, слѣдовательно доброе расположеніе или недоброхотство лицъ, слишкомъ близкихъ къ государынѣ, могли чувствительно отзываться на положеніи Безбородки.

Говоря о непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ Дмитріева-Мамонова, г. Григоровичъ высказываетъ слѣдующія соображенія. Онъ пишетъ: «трудно отыскать источникъ, изъ котораго проистекали такія отношенія. Быть можетъ, что милости, оказанныя императрицею Екатериною II, еще во время путешествія въ Крымъ, роднѣ Безбородки, Милорадовичу и Миклашевскому, которые слыли за красавцевъ, встревожили подозрительность фаворита государыни. Несомнѣнно только, что вскорѣ послѣ возвращенія двора изъ путешествія въ Петербургъ, насталъ рядъ непріятныхъ выходокъ Мамонова противъ Безбородки».

Мамоновъ, должно быть, сильно вредилъ Безбородкѣ, если Гарновскій сообщалъ Попову слѣдующее:

«Говорятъ, что Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) и довольно силенъ, и опасенъ графу Александру Андреевичу, и что послѣдній много лишился бы довѣренности, если бы теперь не былъ подкрѣпляемъ его свѣтлостію».

На другой день Гарновскій писалъ:

«Александръ Матвѣевичъ имѣетъ къ графу-докладчику враждебную антипатію и даже имени графскаго не терпитъ; напротивъ того, графъ усиленно старается пріобрѣсти дружбу его превосходительства. Графъ-докладчикъ хотя и не кажется самъ собою быть опаснымъ, однакожь, въ хитрости рѣдко кому уступитъ, и притомъ связанъ тѣсною дружбой съ такими людьми, которые всегда были, есть и пребудутъ его свѣтлости вредными».

Отношенія такого высокаго сановника и лица столь довѣреннаго государыни, какимъ былъ Безбородко, были крайне тяжелы для послѣдняго. Это видно изъ словъ Гарновскаго, писанныхъ въ концѣ апрѣля 1787 года: «Графъ-докладчикъ бываетъ весьма рѣдко у государыни, и притомъ старается бывать только тогда, когда Мамоновъ не бываетъ. Если же ему случится придти въ то время къ государынѣ, когда графъ докладываетъ, то графъ, тревожась присутствіемъ Мамонова, всегда уходитъ».

Вотъ какимъ образомъ велись въ это время дѣла въ рабочемъ кабинетѣ государыни. Поступающія туда бумаги диктовалъ Воронцовъ, писалъ же и подносилъ ихъ къ подписанію Безбородко. Сообщая объ этомъ, Гарновскій прибавляетъ: «Александръ Матвѣевичъ, будучи, впрочемъ, сильнѣе ихъ всѣхъ, не входитъ почти ни въ какія дѣла». Очевидно, однако, что если бы онъ только пожелалъ вмѣшиваться, то сила его одолѣла бы и Воронцова и Безбородко.

Непріязненныя отношенія Мамонова къ Безбородкѣ продолжали существовать, и государыня однажды вынуждена была сказать

своему любимцу: «ты видишь, что князь (Потемкинъ) пишетъ Александру Андреевичу дружески. Это неправда, чтобъ они князю были злодѣи. Какъ бы то ни было, а князь уважаетъ ихъ, какъ людей умныхъ, государству полезныхъ и мнѣ необходимыхъ. Для чего же тебѣ себя не такъ вести?»

Вскорѣ послѣ этого заговорили, что графъ Безбородко сдѣлался «по комнатѣ», попрежнему, силенъ, а 22-го октября 1788 года Гарновскій писалъ: «Графъ Александръ Андреевичъ опять немножко понравился для того, что дѣлъ исправлять некому». Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Мамонова, нельзя было избрать къ употребленію въ государственныя дѣла вреднѣйшихъ людей, какъ графа Воронцова, Заводовскаго и графа Безбородку.

Оказывалось, однако, что могли являться въ ту пору люди еще вреднѣйшія, какими становились быстро возвышавшіеся молодые любимцы императрицы. Въ предпослѣдніе годы Екатерина занялась мыслью подготовлять изъ нихъ будущихъ государственныхъ дѣятелей. Она чувствовала въ нихъ недостатокъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ барону Гримму выражала удовольствіе по случаю пріѣзда въ Россію, для вступленія въ службу, Канкрина— отца будущаго министра финансовъ и графа—добавляя, что для Россіи нужно «выуживать» добрыхъ людей изъ Германіи. Въ виду такого недостатка, Екатерина сама подготовляла въ будущіе государственные дѣятели: сперва Ланскаго, потомъ Мамонова и, наконецъ, Зубова. Но, разумѣется, что такая школа была очень ненадежною для означенной высокой цѣли.

Въ началѣ іюля 1789 года, въ замѣнъ Мамонова, явился при дворѣ, какъ мы видѣли, Зубовъ, и Безбородко, въ письмахъ своихъ прикидывался равнодушнымъ и даже радовался паденію ненавидившаго его любимца. Между тѣмъ, возвышеніе Зубова росло каждый день, и новый фаворитъ относился не слишкомъ благосклонно къ графу-докладчику. Считая Зубова какимъ-то геніемъ, Екатерина полагала, что, возвышая его, она тѣмъ самымъ оказываетъ услугу Россіи. «Я дѣлаю государству пользу, воспитывая молодыхъ людей», говорила она Салтыкову, когда рѣчь заходила о Зубовѣ. Для противодѣйствія Зубову, Безбородко вызвалъ и поселилъ въ своемъ домѣ родственника своего Милорадовича, конечно, съ цѣлью пристроить его въ разсадникъ будущихъ государственныхъ людей. Въ Милорадовичѣ, чрезвычайно красивомъ молодомъ гвардейскомъ офицерѣ, на котораго, однажды, государыня уже обратила свое вниманіе, Зубовъ, по словамъ г. Григоровича, не могъ не видѣть сильнаго себѣ соперника при поддержкѣ и вліяніи Безбородки, который теперь хотѣлъ упрочить свое положеніе не слишкомъ благовиднымъ способомъ. Это естественно не могло не раздражить и не страшить за свою судьбу не утвердившагося еще на своемъ постѣ юнаго Зубова.

По поводу всего этого, г. Григоровичъ пишетъ: «Нельзя здѣсь не припомнить разсказа о томъ, что Безбородко будто бы хлопоталъ, по удаленіи Мамонова, о «представленіи случая» своему племяннику, Григорію Петровичу Милорадовичу, еще въ Нѣжинѣ. Милорадовичъ, какъ свидѣтельствуетъ портретъ его, былъ красавцемъ. Это обстоятельство, будто бы, и послужило одною изъ главнѣйшихъ причинъ ненависти Зубова къ Безбородкѣ».

X.

Интриги.—Занятія Безбородки.—Его записки и политическія письма.—Неудача этихъ послѣднихъ. — Бѣдственное положеніе Россіи. — Стараніе о сближеніи съ Англіею.—Записка объ улучшеніи флота.—Переговоры со Швеціей.—Верельскій миръ.—Награда Безбородкѣ.—Его миролюбивыя наклонности.

Хотя тѣ интриги, которыя окружали Безбородку, и которыя, въ свою очередь, онъ велъ и самъ, отнимали у него не мало времени и, кромѣ того, не могли не раздражать его, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ усердно заниматься не только текущими дѣлами, какъ докладчикъ, но еще находилъ досугъ для составленія особыхъ записокъ, которыя представлялъ государынѣ, конечно, не безъ цѣли—поддержать въ ней мнѣніе о своей дѣловитости. Такъ, въ то время, когда для Россіи представлялась необходимость заключить миръ, съ одной стороны, съ Турціей, а съ другой — со Швеціею, и когда дворы вѣнскій и берлинскій весьма чувствительно затрогивали наши интересы въ Польшѣ, Безбородко подалъ императрицѣ двѣ записки. Въ первой изъ этихъ записокъ онъ указывалъ на возможность заключить миръ со Швеціей и Турціей при посредствѣ берлинскаго двора, а во второй высказывалъ свое мнѣніе о томъ, какимъ путемъ должны быть ведены переговоры съ берлинскимъ дворомъ относительно прекращенія войны. Господствующею у него мыслью было то убѣжденіе, что «для усыпленія ненавиствующихъ намъ дворовъ, надобно главнѣйше негоцировать въ Берлинѣ». Между тѣмъ, Екатерина имѣла неодолимое отвращеніе къ сближенію съ прусскимъ королемъ и убѣжденіе въ пользу связи съ императоромъ. Въ этомъ случаѣ ей долженъ былъ уступить даже Потемкинъ.

Проектъ Безбородки о посредничествѣ Пруссіи не могъ состояться еще и потому, что вскорѣ «открылись прямыя намѣренія короля прусскаго, отъ имени котораго былъ предложенъ Турціи оборонительный союзъ съ гарантіею ея цѣлости за Дунаемъ и съ

выраженіемъ готовности дѣйствовать противъ насъ, если бы мы перенесли наше оружіе за эту рѣку». Начавъ противъ насъ военныя дѣйствія, прусскій дворъ условливался продолжать ихъ до тѣхъ поръ, пока Порта не успѣетъ возвратить потерянныя ею земли и не заключитъ выгоднаго для себя мира со включеніемъ въ такой договоръ Швеціи и Польши. Для противодѣйствія Польшѣ, которая, такимъ образомъ, присоединилась къ враждебнымъ намъ Пруссіи, Швеціи и Турціи, Безбородко полагалъ «самымъ надежнымъ средствомъ возбудить польскую Украйну, гдѣ народъ не доволенъ и храбръ, но тутъ—замѣчаетъ онъ—надобны деньги, коихъ у насъ нѣтъ».

Какъ бы, впрочемъ, то ни было, но, очевидно, что Безбородко не былъ слишкомъ проницательнымъ дипломатомъ, если онъ намѣревался повернуть союзъ въ ту сторону, откуда Россіи не приходилось ждать ни малѣйшей поддержки и гдѣ противъ нее строились самыя зловредныя козни.

Потерпѣвъ неудачу въ прусскомъ проектѣ, Безбородко старался теперь о сближеніи Россіи съ Англіей при посредствѣ тамошняго нашего посла, графа Р. Р. Воронцова:

«Бога ради—писалъ онъ ему—постарайтесь связать насъ съ Англіей и по торговлѣ, и по политикѣ. Вамъ великое спасибо и слава будетъ за столь важную услугу».

Воронцову не удалось исполнить такое пламенное желаніе Безбородки.

Въ февралѣ 1790 года, Безбородко представилъ совѣту новую записку, въ которой указывалъ «главные предметы для военныхъ дѣйствій нашего корабельнаго и галернаго флотовъ, съ надлежащею къ первому резервною эскадрой и нашей сухопутной арміи въ наступающую кампанію противъ шведовъ». Семь пунктовъ записки опредѣляли мѣры къ дальнѣйшему подкрѣпленію мореходнаго вооруженія. «Совѣтъ, соображая мѣстное положеніе и прочія, до войны касающіяся, обстоятельства, находилъ распоряженіе о производствѣ военныхъ дѣйствій по тому плану весьма приличными».

Вопреки всѣмъ прежнимъ предвидѣніямъ, посредницею при заключеніи нами мира со Швеціей явилась «Гишпанія» въ лицѣ бывшаго въ Петербургѣ ея посланника, кавалера Гальвеца, но интриги Пруссіи замедляли успѣхъ начатыхъ переговоровъ и довели Екатерину до того, что, несмотря на все тягостное положеніе Россіи, пришлось образовать еще третью армію, чтобы выставить ее для защиты отъ пруссаковъ границъ нашей и австрійской.

Успѣхи шведской войны клонились то на нашу, то на враждебную намъ сторону, но была пора, когда намъ приходилось очень плохо. Въ 1790 году былъ слышанъ пушечный громъ сраженія,

происходившаго при островѣ Сексарѣ. Екатерина была въ тревожномъ состояніи, а Безбородко, по словамъ Храповицкаго, «плакалъ», такъ что императрицѣ пришлось утѣшать и ободрять своего секретаря, совѣтуя ему «взять примѣръ съ покойнаго прусскаго короля, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ».

Надежда на Англію въ это время рушилась. Воронцовъ сообщилъ Безбородкѣ, «что нечего уже считать на пособіе Англіи въ развязкѣ нынѣшнихъ дѣлъ» и что король совершенно преданъ берлинскому двору, который желаетъ насъ «изнурить». Тогда Безбородкѣ пришлось прямо отъ имени Россіи писать договорные пункты со Швеціей.

За труды во время шведской войны, когда Безбородко дѣйствительно являлся дипломатомъ, хотя и неудачнымъ, а отчасти и руководителемъ военныхъ, какъ сухопутныхъ, такъ равно и морскихъ дѣйствій, Екатерина наградила его слѣдующимъ чиномъ. Въ росписи наградъ, подписанной имератрицею 8-го сентября 1790 года, между прочимъ, сказано: «Гофмейстеру графу Безбородкѣ, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему отъ ея императорскаго величества дѣлъ, кои ея величество ежедневно сама видитъ, всемилостивѣйше жалуетъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оставаться ему при его должностяхъ».

По заключеніи верельскаго мира, Безбородко говорилъ: «мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое кончитъ».

Блестящее съ видимой стороны царствованіе Екатерины II-й сопровождалось, однако, внутреннимъ истощеніемъ государства. Вотъ что по поводу этого въ особенной запискѣ, поданной императрицѣ, писалъ—Безбородко.

«Что война съ Портою и нынѣ продолжающаяся, а другая недавно съ шведскимъ королемъ оконченная, привели государство въ большое истощеніе какъ и людьми, такъ и деньгами—въ томъ не можетъ быть ни малѣйшее сомнѣніе. Число рекрутъ, въ теченіе десяти лѣтъ взятыхъ изъ всякихъ состояній народныхъ, простирается до 400,000 человѣкъ. Что же касается до денегъ, то недостатокъ въ нихъ такъ великъ, что и самые налоги не могутъ удовлетворить нуждамъ нашимъ. Вексельный курсъ съ начала турецкой войны и до сихъ поръ упадать продолжаетъ. Займы внѣшніе отъ часу становятся затруднительнѣе. Въ такомъ положеніи не можно не признаться, чтобъ не было опасно и бѣдственно отваживаться на новую войну, прибавляя противъ себя столь нелѣпыхъ непріятелей, каковы король прусскій и его союзники. Ко внутреннему положенію надлежитъ присовокупить и внѣшнее. Мы не имѣемъ союзниковъ. Король прусскій воспользовался разстройствомъ австрійской монархіи и слабостью нынѣ владѣющаго императора, поставилъ его въ совершенное недѣйствіе, которое, повидимому, а по собственнымъ изъясненіямъ вѣнскаго двора, не прервется и при самомъ на насъ нападеніи, по крайней мѣрѣ, на первый годъ. Между тѣмъ, никто ручаться но можетъ, что если дѣйствія прусскія въ теченіе сего года будутъ сильны и успѣхомъ сопровождаемы, императоръ не от-

важился бы вмѣшаться въ войну. Данія совсѣмъ на дѣлѣ выведена изъ системы нашей и отъ нея никакой помочи ожидать нельзя. Союзъ съ Швеціею еще сомнителенъ».

XI.

Непріятное положеніе Безбородки.—Поддержка его Потемкинымъ.—Смерть Потемкина. Отъѣздъ Безбородки въ Яссы.—Вмѣшательство въ переговоры Зубова.—Столкновеніе Безбородки съ М. С. Потемкинымъ.—Обвиненіе его въ нечистыхъ дѣлахъ.—Заключеніе Ясскаго мира.—Награды Безбородкѣ и его заслуги.

Безбородко, продолжая заниматься дѣлами внѣшней политики «при запутанномъ—по его выраженію—нашемъ состояніи», хлопоталъ о сближеніи Россіи съ Агліею, имѣя при этомъ въ виду и «предилекцію» къ ней князя Потемкина, который настоялъ, чтобы всѣ трудности для окончанія такого дѣла «были совлечены съ пути».

Въ это время положеніе Безбородки при дворѣ было крайне непріятно и пріѣхавшій, 28-го февраля 1791 года, изъ арміи Потемкинъ доставилъ ему, можетъ быть «хоть минутное облегченіе», что̀ видно изъ письма его къ графу С. Р. Воронцову. Въ этомъ письмѣ Безбородко сообщалъ:

«Уже ненавидящій меня (князь П. А. Зубовъ) до того простиралъ свои происки, чтобы меня привести въ ничтожество и по части политической. Колобродства, нерѣдко выходившія, и недоумѣнія въ трудныхъ случаяхъ заставили, по необходимости, за насъ браться; а я, рѣшившись настоящее, трудное для государства время перенести, не уважая никакими особыми огорченіями, и потомъ все бросить, никогда не отъ чего не отказывался и противу всѣхъ нападеній твердо и смѣло воевалъ. Князь Потемкинъ, пріѣхавъ, не инако, какъ со мною по дѣламъ работалъ и чрезъ меня во всемъ относился и, по крайней мѣрѣ, я имъ лично доволенъ, зная, что онъ отдаетъ мнѣ справедливость во всякомъ случаѣ. Знаю, что по отъѣздѣ его и паки за меня примутся; но никто же имъ такъ тяжелъ не былъ, какъ я; ибо я, конечно, не нагнулся и никому больше цѣны какъ онъ стоитъ, не дамъ».

Въ то же время, онъ писалъ своему племяннику Кочубею, что вслѣдствіе пріѣзда въ Петербургъ Потемкина онъ «облегченъ со стороны нападокъ злыхъ людей». Что тогда вообще всѣмъ прежде близкимъ къ императрицѣ людямъ жилось, по милости Зубова, не легко, можно заключить изъ того, что, по разсказу Безбородки, самъ Потемкинъ умеръ отъ «необычайнаго разлитія желчи, раздраженный разными непріятностями въ послѣднюю его бытность въ Петербургѣ».

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о смерти Потемкина, Безбородко изъявилъ свою готовность отправиться въ Яссы для веденія переговоровъ съ Турціею и онъ 16-го октября 1791 года поѣхалъ въ этотъ городъ. Дѣла, которыми завѣдывалъ Безбородко, были переданы Трощинскому, а доклады бумагъ и дѣлъ, поступавшихъ къ Безбородкѣ, императрица поручила князю Зубову. Съ своей стороны Екатерина вступила въ почти безпрерывную переписку съ Безбородкою, нетолько по дѣламъ дипломатическимъ, но и относительно состоянія арміи, воевавшей противъ турокъ.

Пріѣхавшій въ Яссы Безбородко выказалъ тамъ, по словамъ Гельбига, «роскошь владѣтельнаго восточнаго сибарита». Несмотря на то, что Безбородко былъ снабженъ на поѣздку въ Яссы 10,000 рублей золотомъ и серебромъ—суммою по тому времени огромною—онъ сѣтовалъ на издержки, соотвѣтственныя его первенствующему положенію. Онъ писалъ графу А. Р. Воронцову:

«Здѣсь очень дорого. Вы знаете, что меня отправили на посольство не богатою рукою; а я принужденъ держать столъ на 24 куверта всякій день, а особливо для офицеровъ на ордонансѣ и для секретарей на 12, освѣщать домъ большой, поить множество народа чаемъ и кофеемъ, давать порціонныя деньги караулу и прочее. Но мнѣ не жаль будетъ издержекъ, лишь бы дѣло благополучно кончилось».

Зубовъ съ своей стороны вмѣшивался въ переговоры, которые велъ теперь Безбородко, а послѣдній сообщалъ ему отчеты о ходѣ негоціацій и представлялъ свои соображенія насчетъ ихъ исхода. Иногда Зубовъ писалъ Безбородкѣ отъ имени императрицы, которая была довольна своимъ уполномоченнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ безпокоился, выражая, что «отличному человѣку, какъ бы онъ ни былъ обезпеченъ нельзя быть безъ заботъ, чтобъ сплетни и тому подобное ему не повредили».

Безпокойство было ненапрасно и ему пришлось за ранѣе просить графа А. Р. Воронцова и графа П. И. Салтыкова, въ случаѣ надобности, заступиться за него. Дѣло заключалось въ томъ, что М. С. Потемкинъ потребовалъ отъ Попова, правителя канцеляріи князя Таврическаго, вѣдомостей объ экстро-ординарной суммѣ и сдѣлалъ при этомъ Безбородкѣ «великую непріятность». Онъ найдя, что въ двухъ вѣдомостяхъ, написана заплата за поставленное имъ для госпиталей и на порціи вино, сказалъ: «гдѣ оно? Я чаю ничего не бывало, онъ, т. е. Безбородко, затѣялъ дружбу съ Поповымъ». Неизвѣстно насколько былъ тутъ болѣе или менѣе нечистъ Безбородко, но, передавая этотъ случай, онъ писалъ Воронцову:

«Быть можетъ, что сей коварный человѣкъ начнетъ меня марать. Но вы знаете, что я пользовался прибылью, какъ всякому помѣщику, частному хозяину, или частному человѣку дозволено и свойственно. Ставилъ я продуктъ свой изъ выслуженныхъ своихъ имѣній и гораздо совѣстнѣе тѣхъ барышей, которыми родня его (т. е. Потемкина) за подряды провіантскіе корыстовалась. Неужели

тутъ найдутъ чѣмъ меня упрекать. Пусть спросятъ у меня объясненія, а не спрося не винятъ».

Разумѣется, трудно опредѣлить насколько Безбородкѣ прилично было—даже и по тогдашнимъ понятіямъ—пользоваться «прибылью» отъ поставки въ армію вина въ томъ исключительномъ служебномъ положеніи, въ какомъ онъ находился, и, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого «въ интригѣ противъ него, еще до выѣзда его изъ Петербурга въ Яссы, императрица, по словамъ г. Григоровича, принимала дѣятельное участіе, снабдивъ Потемкина указомъ, съ крѣпкимъ предписаніемъ, не давать никому сбивать себя».

29-го декабря 1791 года, Безбородкѣ послѣ множества «дификультетовъ» удалось наконецъ заключить съ турками миръ, получившій названіе «Ясскаго».

30-го января 1792 года Екатерина наградила Безбородку 50,000 рублей и орденомъ Андрея Первозваннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица изъявилу желаніе, чтобы онъ поскорѣе пріѣзжалъ въ Петербургъ для переговоровъ съ польскими уполномоченными.

XII.

Перемѣна въ положеніи Безбородки при императрицѣ. — Зубовъ и Марковъ. — Надменность Зубова. — Вредныя для Безбородки послѣдствія его поѣздки въ Яссы.—Неудачный его разсчетъ.—Его жалобы на свое положеніе. — Неудовольствіе противъ него императрицы.—Поѣздка въ Москву.—Сравненіе силы Потемкина и силы Зубова.—«Дискредитированіе» Безбородки.—Его записки императрицѣ.—Отвѣтъ императрицы.—Отъѣздъ въ Москву.

Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ 10-го марта 1792 года и на другой же день почувствовалъ неловкость своего положенія, такъ какъ Екатерина въ тотъ день поручила ему написать указъ о производствѣ Зубова въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты. Изъ замѣтки, встрѣчающейся въ «Дневникѣ» Храповицкаго должно заключить, что такое порученіе было своего рода щелчкомъ прибывшему ко двору миротворцу. Между тѣмъ всѣ дѣла, которыя прежде производились черезъ него, шли черезъ Зубова, который явился теперь, не смотря на свои 26 лѣтъ и ограниченность своего ума, могущественнымъ совѣтникомъ государыни. Самъ же, онъ находился подъ вліяніемъ А. И. Маркова, одного изъ сослуживцевъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Относительно Безбородки, Завадовскій писалъ графу Воронцову въ Лондонъ слѣдующее:

«Безбородко, разжигаясь честолюбіемъ, равно и легкомысленностію захватить весь кредитъ, когда не стало князя, кинулся въ Яссы. При отъѣздѣ, изъ трусости врожденной, поручилъ внутренній портфель Зубову, а внѣшній—Маркову, разумѣя себѣ послѣдняго другомъ, а у перваго думалъ найти тѣмъ связь. Возвратившемуся послѣ мира, въ голубой лентѣ, при первой встрѣчѣ дало было почувствовать, что дѣло уже не въ его рукахъ. И такъ съ тѣхъ поръ безъ изъятія Зубовъ управляетъ всѣми внутренними дѣлами, Маркова имѣя подъ собою, для письма иностраннаго. Ни одинъ изъ фаворитовъ, даже самъ всемогущій князь Потемкинъ, не имѣлъ столько обширной сферы, ибо владычество его простиралось на одинъ только департаментъ, а къ настоящему всѣ придвинуты... Александра Андреевича роль препостыдная. Всякъ на его мѣстѣ, стяжавши доходу 150 тысячъ, удалился бы, но онъ еще пресмыкается въ чаяніи себѣ лучшаго, а наипаче корыстнаго, не имѣя духа на шагъ пристойный. Низкимъ терпѣніемъ и гибкостію многіе дождались своей погоды. Онъ послѣдуетъ этому правилу. Развѣ вытолкають въ зашеи. Безъ того не уклонится, чуждъ былъ нравственныхъ побужденій».

Сдержанная довольно уже старая вражда между молодымъ фаворитомъ и прежнимъ секретаремъ усиливалась и вскорѣ перешла въ открытую борьбу.

Самъ Безбородко объяснялъ свое настоящее положеніе своему лондонскому другу въ слѣдующихъ строкахъ:

«Когда я, изъ единаго, конечно, усердія къ отечеству напросился на поѣздку въ армію, я и тогда думалъ, что моя отлучка дастъ поводъ къ раздѣленію дѣлъ многочисленныхъ и силы человѣческія, паче же въ моихъ лѣтахъ и здоровьѣ, превышающихъ, то былъ спокоенъ, полагая, что успѣхъ моей коммисіи дастъ мнѣ способъ поставить себя такъ, что ежели угодно, я буду отправлять только самыя важнѣйшія дѣла и найду для себя превеликое облегченіе, сходное съ чиномъ, съ состояніемъ и службою моими».

Затѣмъ Безбородко упоминаетъ, что онъ, исполняя волю государыни, поспѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ, продолжаетъ:

«Но что сдѣлалъ я? Нашелъ я идею сдѣлать изъ Зубова въ глазахъ публики дѣловаго человѣка. Хотѣли, чтобъ я по дѣламъ съ нимъ сносился; намѣкали, чтобъ я съ нимъ о томъ, о другомъ поговорилъ, т. е. чтобъ я пошелъ къ нему. Но вы знаете, что я и къ покойному не учащалъ, даже и тогда, когда обстоятельства насъ въ самое тѣсное согласіе привели. Вышло послѣ на повѣрку, что вся дрянь, какъ-то: сенатскіе доклады, частныя дѣла, словомъ сказать все непріятное, заботы требующее и ни чести, ни славы за собою не влекущее на меня взвалено, а напримѣръ, дѣла нынѣшнія польскія, которыя имѣютъ связанныя съ собою распоряженія по арміямъ, достались г. Зубову».

Разсказавъ о запутанности этихъ дѣлъ, Безбородко добавляетъ: «Много я потерпѣлъ непріятностей, борясь съ сею конфузіею, и много надобно было выдержать баталій, чтобъ хотя нѣсколько дѣло исправить, не зная еще, какъ кончится».

Другая непріятность для Безбородки состояла въ томъ, что когда умеръ князь Потемкинъ, то надѣялись, что можно будетъ поправить зло имъ сдѣланное, но, какъ выразился Безбородко, «боятся

нарушить тестаменты покойника, которые выдаетъ Поповъ», а между тѣмъ всѣ непорядки ставились на счетъ Безбородки и близкихъ къ нему людей—графовъ А. Р. Воронцова и Н. И. Салтыкова. Въ письмѣ своемъ къ С. Р. Воронцову, Безбородко жалуется, между прочимъ, на то, что заслуга его по заключенію Ясскаго мира «мало примѣтна при дворѣ» и что его хотятъ поставить на одинъ уровень съ Турчаниновымъ, Державинымъ и Храповицкимъ.

Попытки Безбородки возстановить свое прежнее значеніе не удавались и противъ него зародилось неудовольствіе у самой императрицы. Подъ 20-мъ числомъ декабря 1792 года Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ» записалъ: «По окончаніи разбора почты, спросили нѣтъ ли еще чего? Догадало меня не легкое сказать, что есть доклады графомъ Безбородкою оставленные. Tourmentez moi si vous avez envie (мучьте меня, коли вамъ хочется). А по выслушаніи трехъ докладовъ, Екатерина отозвалась: «c'est bien ennuyeux, mais il faut passer par lá» (это очень скучно, но нужно вытерпѣть)».

Дошло даже до того, что Безбородкѣ, напримѣръ, по поводу его записки объ іезуитахъ, пришлось получать отзывъ, не прямо отъ государыни, а чрезъ ея секретарей, а другой случай убѣдилъ Безбородку, по собственнымъ его словамъ, въ томъ, что «нынѣ императрица смотритъ на людей уже не его глазами».

Наступившій 1793 годъ Безбородко намѣревался провести въ Москвѣ, убѣжищѣ недовольныхъ вельможъ того времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился въ Петербургѣ слухъ, что Безбородко намѣренъ уѣхать за границу, о чемъ, впрочемъ, онъ и самъ говорилъ Храповицкому, обусловливая свой отъѣздъ положеніемъ военныхъ дѣйствій въ Германіи. Поѣздка въ Москву была не удачна, тамъ онъ больной прожилъ четыре недѣли и возвратился въ Петербургъ, едва оправившись. Здѣсь Безбородко ясно увидѣлъ, что онъ находится, по его выраженію, «въ весьма непристойной роли, которую онъ составляетъ публикѣ». Неудовольствіе свое на такую роль Безбородко выразилъ въ письмѣ своемъ къ С. Р. Воронцову въ слѣдующихъ строкахъ:

«Хотятъ, чтобъ мы работали, но чтобъ въ публикѣ считали, что одинъ юный человѣкъ все самъ дѣлаетъ и я могу вамъ признаться, что въ пущее время силы князя Потемкина, онъ сильнѣе нынѣшняго, а я уже несравненно болѣе нынѣшняго значилъ».

«Дискредитированіе» по отношенію Безбородки перешло въ молву объ его неспособности вести дѣла и о допущенныхъ будто бы имъ громадныхъ промахахъ, въ родѣ непредохраненія казны отъ расхищенія и т. п.

Въ такомъ печальномъ положеніи Безбородко прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія отношеній, которыя появились между Екатериною и ея старѣйшимъ секретаремъ. Онъ рѣшился изложить свои мысли по поводу «тѣсно ограниченной сферы дѣлъ»,

въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлью Безбородко представилъ государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ ея листѣ: «Къ собственному вашего императорскаго величества прочтенію».

Напомнивъ государынѣ, что онъ почти восемнадцать лѣтъ продолжалъ службу при ея особѣ и поставлялъ себѣ за правило итти путемъ правымъ и быть передъ императрицею вполнѣ откровеннымъ, Безбородко изъяснялъ, что всякое насчетъ его порицаніе «было только клевета, завистію и злостію на него воздвигнутая».

Записка заключалась какъ бы слѣдующимъ возваніемъ къ императрицѣ:

«Всемилостивѣйшая государыня! Если служба моя вамъ уже не угодна, и ежели по несчастью лишился я довѣренности вашей, которую вяще послѣднимъ моимъ подвигомъ заслужить уповалъ, то, повинуяся достодолжно волѣ вашей готовъ отъ всего удалиться, но если я не навлекъ на себя такого неблаговоленія, то льщу себя, что сильнымъ вашимъ заступленіемъ охраненъ буду отъ всякаго уничиженія и что, будучи членомъ совѣта вашего и вторымъ въ иностранномъ департаментѣ, имѣя подъ личнымъ начальствомъ департаментъ почтъ, и нося при томъ на себѣ одинъ изъ знатныхъ чиновъ двора вашего, не буду я обязанъ принятіемъ прошеній и тому подобными дѣлами, которыми я на службѣ вашей пользы, ни вамъ угодности сдѣлать не въ состояніи. Готовъ я, впрочемъ, всякое трудное и важное препорученіе ваше исправлять, не щадя ни трудовъ моихъ, ниже самого себя».

Записка эта была передана императрицѣ въ Царскомъ Селѣ 30-го іюня 1793 года черезъ каммердинера ея Зотова. На другой день Храповицкій записывалъ: «По утру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана и къ графу Безбородко возвращена. Зотовъ сказывалъ, что, ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта, не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа записку, уѣхалъ въ городъ».

Отвѣтъ Екатерины г. Григоровичемъ не отысканъ, но содержаніе занесено въ «Дневникъ» Храповицкаго подъ 5-мъ іюля 1793 года. «Нездоровы—пишетъ Храповицкій. Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитать упомянутый на записку его собственноручный ея величества отвѣтъ. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія. Писано въ оправданіе противъ графской записки со включеніемъ слѣдующаго: «Всѣ дѣла вамъ открыты, польскій сеймъ отправляется публично и отвѣты Сиверсу или у васъ заготовляются или вамъ и вице-канцлеру показываются, а я, при подписаніи, всегда спрашиваю. Но что сама пишу, въ томъ отчетомъ не обязана. Вы сами говорили о слабости здоровья своего и отъ нѣкоторыхъ дѣлъ отклонялись, челобитчиковыми же думаю, дѣлами никто не занимается; ибо всѣ просьбы присылаются ко мнѣ черезъ почтамтъ, какъ и всѣмъ извѣстно. Конечно, тѣмъ, что когда вы не столь об-

ременены дѣлами, то можете имѣть время смотрѣть, чтобъ исполнялись мои повелѣнія». «Графъ, добавляетъ Храповицкій, мнѣ сказалъ, что послѣ сего, никакого разговора съ нимъ не было».

Разумѣется, что послѣ такого отвѣта Безбородкѣ, котораго по словамъ Ростопчина, на службѣ удерживали «единственно страсть и привычка къ пышности», не оставалось ничего болѣе какъ только совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ.

10-го іюля 1793 года, Безбородко былъ уже въ Москвѣ, гдѣ для него строился великолѣпный домъ.

XIII.

Возвращеніе изъ Москвы.—Награда за Ясскій миръ.—Раздача «душъ». — Пожалованіе грамоты и масличной вѣтви. — Вражда къ нему Маркова. — Назначенія шаферомъ при бракосочетаніи великаго князя Александра Павловича и оберъгофмейстеромъ.—Податливость передъ Зубовымъ.—Занятіе дѣлами турецкими и польскими.—Универсальный министръ.—Денежныя награды.—Дѣла персидскія и уніатскія.—Отстраненіе Зубовымъ Безбородки отъ политическихъ дѣлъ.—Забота Безбородки о полученіи деревень.—Неудача по дѣламъ Малороссіи.—Слѣдствіе о похищеніи денегъ изъ заемнаго банка.—Несостоявшійся бракъ Густава IV-го съ великою княжною Александрою Павловною.

По возвращеніи изъ Москвы, Безбородко вступилъ въ отправленіе дѣлъ по назначенію наградъ за Ясскій миръ. По поводу назначенной ему въ этомъ случаѣ награды, онъ писалъ графу А. Р. Воронцову:

«Мой удѣлъ довольно огроменъ. Кромѣ того, число душъ по дѣлающейся нынѣ ревизіи гораздо превосходитъ въ росписи назначенное, ибо съ чиншевою шляхтою и жидами почти семь тысячъ составляетъ; доходъ показанъ хорошій около сорока тысячъ рублей, да въ 205 верстахъ отъ Кіева».

Любопытно и продолженіе этого письма, въ которомъ встрѣчаются нѣкоторыя замѣчанія о раздачѣ въ ту пору «душъ».

«Маркову пишетъ Безбородко — досталось имѣніе очень хорошее, особенно лѣсами и мельницами; но онъ весьма золъ, что не дали ему просимыхъ 4.800 душъ, ниже въ Курляндіи огромныхъ деревень. Надобно знать, что государыня первоначально назначила мнѣ то же, что опредѣлила, было, вице-канцлеру, только 3.500 душъ, а Маркову 2.300 душъ и надобны были большія усилія со стороны графа Зубова, чтобъ тутъ доставить перемѣну. Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) тѣмъ паче долженъ былъ быть доволенъ, что когда онъ всего не болѣе 700 или 800 душъ желалъ, ея величество сама назначила ему 1.700 душъ, оставивъ ему выбрать, въ чемъ онъ не ошибся, ибо его деревни приносятъ болѣе двѣнадцати тысячъ рублей. Всего имѣнія роздано 110.000 душъ. Рѣдко кому изъ государей удастся въ одинъ день подарить капиталъ одиннадцати

миллiоловъ, еще остаются въ Литвѣ и старбства, кои мало-по-малу въ казну поступають до 250.000 душъ, а сверхъ того, положено и у архiеревъ унiатскихъ восемь деревень для раздачи, наипаче, малыми частями. Я весьма доволенъ своимъ жребiемъ».

Милости Екатерины не ограничились только «огромнымъ удѣломъ», такъ какъ 2-го сентября 1793 года, въ день празднованiя Ясскаго мира, объявлено было, что «дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородко» за службу его въ заключенiи мира, всемилостивѣйше жалуется: «похвальная грамота и масличная вѣтвь, да при томъ деревня». Вѣтвь эта цѣнилась въ 25.000 рублей и была предназначена для ношенiя на шляпѣ.

Вниманiе государыни къ Безбородкѣ не уняло, однако, его враговъ, которые очень хорошо понимали, что, несмотря на награды, Безбородко не имѣлъ уже прежней силы. Въ числѣ недруговъ особенно выдавался Марковъ, который, увидѣвъ Безбородку, не только не поклонился ему, но и вздумалъ еще «самымъ подлымъ образомъ въ дворцѣ съ крикомъ о немъ ругательно отзываться и твердилъ, что онъ Безбородкѣ теперь явный непрiятель и что онъ себя ему покажетъ». Кромѣ того и сама государыня приняла Безбородку на представленiяхъ холоднѣе противъ обыкновеннаго».

Теперь Безбородко старался о томъ, чтобы выбрать тысячи три-четыре душъ, такъ чтобъ онѣ, по словамъ его были «значущiя, а не дрянныя».

Такъ какъ графъ Безбородко — по отзывамъ даже близкихъ и доброжелательныхъ людей—дорожилъ внѣшними отличiями, то при бракосочетанiи великаго князя Александра Павловича, императрица назначила его шаферомъ къ нему, тогда какъ у невѣсты шаферомъ былъ великiй князь Константинъ Павловичъ. Это очень польстило Безбородкѣ, который, въ добавокъ къ тому, былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ, благодаря содѣйствiю Зубова. Кажется, однако, что въ такомъ пожалованiи было скорѣе приниженiе служебной дѣятельности Безбородки, такъ какъ онъ поступилъ на мѣсто И. П. Елагина, человѣка, хотя и близкаго Екатеринѣ въ ея домашней обстановкѣ, но вовсе не числившагося на ряду съ Безбородкою въ числѣ государственныхъ сановниковъ. Кромѣ того, такое—исключительно лишь придворное—повышенiе прiобрѣталось сближенiемъ съ Зубовымъ и весьма чувствительнымъ для Безбородки приниженiемъ, такъ какъ онъ «не рѣдко былъ принужденъ ходить къ Зубову съ бумагами, который иногда дѣлалъ въ нихъ поправки». Но Безбородко съумѣлъ воспользоваться своимъ шаферствомъ и сошелся, какъ онъ самъ выражается—«съ новобрачнымъ дворомъ».

Теперь Безбородкѣ по его «полезности» передавались на разсмотрѣнiе дѣла турецкiя, которыя «онъ лучше зналъ, и велъ по нимъ переписку». Не удавалось, однако, Безбородкѣ получить графское достоинство россiйской имперiи и онъ оставался только

иностраннымъ, а не былъ русскимъ графомъ. Государыня совѣщалась съ нимъ и по дѣламъ польскимъ, для чего Безбородко являлся только по особому призыву.

Въ это время Безбородко такъ описывалъ свои отношенія къ государынѣ и ея фавориту:

«Собственно обращеніемъ со мною государыни и ея довѣренностію я весьма долженъ быть доволенъ, но вѣдаете, сколько она привыкла менажировать близкихъ своихъ, кои ко мнѣ, конечно, не лучше расположены. Изъ сего выходитъ, что я, видя какъ нашъ универсальный министръ (графъ Зубовъ) многое на себя исключительно захватываетъ, когда уклоняюсь отъ дѣла, то она жалуется, что отъ нея устраняются, что не хотятъ ей пособлять и прочее. Я всѣ способности употреблялъ, чтобъ для пользы самой службы быть сколько возможно въ тѣсномъ согласіи, но по скрытности сего юнаго человѣка, при внушеніи многихъ его близкихъ, кромѣ самой наружности не могъ этого достигнуть. Теперь когда дѣла доходятъ до развязки готовятъ предувѣрить публику и внушеніями и награжденіями, что онъ все то сдѣлалъ, что въ другой разъ дѣла поворотилъ въ пользу и славу государства. Богъ съ нимъ. Я не завидую и увѣренъ, въ публикѣ точнѣе знаютъ».

Какъ оберъ-гофмейстеръ, Безбородко былъ употребляемъ при разныхъ торжествахъ. Такъ, по случаю взятія Суворовымъ Варшавы, онъ, прочелъ въ церкви «объявленіе о причинѣ войны съ Польшею», послѣ чего было отправлено благодарственное молебствіе.

Болѣе существенная дѣятельность по польскимъ дѣламъ заключалась со стороны Безбородки въ посылкѣ виленскому генералъ-губернатору князю Репнину наставительнаго письма. Сообщая о причинахъ, побудившихъ насъ дѣйствовать противъ Польши, и о положеніи отнятаго у нея сѣверо-западнаго края, Безбородко писалъ, «что тутъ представляется та невыгода, что образъ мыслей въ полякахъ, наипаче молодыхъ, сдѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ; что вольность крестьянъ и тому подобное тѣмъ удобнѣе можетъ раздразнить и нашихъ поселянъ, одинъ почти языкъ и нравы въ сосѣдствѣ имѣющихъ». Въ силу этихъ и другихъ соображеній, «сочтено у насъ — писалъ Безбородко — что поставя сію землю однажды верхъ дномъ, ниспровергнувъ ея правленіе и (отнявъ) почти всю оружіемъ, заставимъ и другихъ по неволѣ съ нами соображаться».

Участіе Безбородки въ польскихъ дѣлахъ не обошлось безъ награды. Не смотря, что онъ имѣлъ уже около 200.000 рублей годоваго дохода и на то финансовое разстройство, какое испытывало государство, Екатерина пожаловала ему 50.000 руб. единовременной и 10.000 рублей въ годъ ежегодно пожизненной пенсіи «въ сравненіи отличнаго ея благоволенія къ усердной его службѣ и ревностнымъ трудамъ въ исправленіи разныхъ дѣлъ и должностей по особой довѣренности на него возлагаемыхъ, споспѣшествующихъ пользѣ государственной и приращенію доходовъ».

Покончивъ съ дѣлами польскими, Безбородко послалъ Екатеринѣ записку по дѣламъ персидскимъ, чѣмъ онъ занимался по словамъ его и день и ночь, и, по порученію императрицы работалъ надъ «устройствомъ уніатовъ» въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ.

Въ эту пору, т. е. въ исходѣ 1795 года, Безбородко писалъ А. Р. Воронцову:

«Часъ отъ часу труднѣе становится дѣлать дѣла, а мое положеніе весьма было бы непріятно, ежели бы я не принялъ систему удаляться отъ всего, кромѣ того, чѣмъ уже насильно меня обременить хотятъ».

Независимо отъ этого, Безбородко совершенно исчезалъ передъ Зубовымъ, о которомъ онъ писалъ:

«Всѣ дѣла, наипаче внутреннія, захвачены симъ новымъ и всемочнымъ господиномъ. Кромѣ иностранныхъ дѣлъ, я не видалъ уже съ полгода ни одной реляціи ни графа Румянцева, ни Суворова, ни Репнина, хотя воля государыни и теперь есть, чтобъ я былъ въ связи дѣлъ, а хотя она, меня трактуя изрядно, часто оказываетъ желаніе, чтобъ я и по другимъ дѣламъ трудился: какъ-то при распоряженіяхъ губерніи Минской, она мнѣ точно поручила планъ ихъ начертить по разности того края и по сравненію съ малороссійскими губерніями».

Когда же Безбородко донесъ государынѣ, что бумаги и вѣдомости по всѣмъ этимъ дѣламъ находились у Зубова; дѣло сіе кончилось комплементами, что скоро все учредится къ удовольствію интересованныхъ.

Безбородко, хотя и видѣлъ свое ложное, приниженное положеніе, но не удалялся отъ двора. Вотъ какъ въ письмѣ къ А. Р. Воронцову онъ объяснялъ свое долготерпѣніе.

«Моя теперь вся забота, чтобъ получить пожалованныя мнѣ за миръ деревни, хотя сама государыня провокируетъ къ объясненію съ нею, вызываяся, что она не знаетъ, для чего я примѣтнымъ образомъ уклоняюся отъ дѣлъ, не смотря, что она меня всякій день свободно и охотно допускаетъ. Получа деревни, спустя нѣсколько времени, объяснюся съ нею о прямыхъ причинахъ, и ежели не понравится ничто, то и остальныхъ дѣлъ избавлюся, ограничa себя на нѣкоторое время въ дворскомъ и министерскомъ моемъ качествѣ».

Если вникнуть въ суть такихъ разсказовъ, то они окажутся очень просты, рѣчь шла теперь, чтобы выбрать «не дрянныя» души, а для успѣха въ такомъ выборѣ нужно было, такъ или иначе, поддержать свое значеніе положеніемъ при дворѣ, потому что безъ этого можно было получить не только «дрянныя», но, пожалуй, въ значительномъ числѣ и «мертвыя души».

Пожалованіе деревень, которымъ былъ такъ озабоченъ Безбородко состоялось 19-го августа 1795 года. Онъ получилъ въ Брацлавской губерніи 4.981 душу.

Теперь, повидимому, наступило время, когда Безбородко могъ исполнить свое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что съ нимъ приключилась

новая непріятность. Желая отстоять свою родину, Малороссію, отъ рекрутскихъ наборовъ, онъ, по его словамъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи «сильный твердый шагъ представленіемъ весьма сильнымъ и подробнымъ, но г. Зубовъ умѣлъ, видно, заблаговременно такъ пріуготовить, что мои представленія—говоритъ Безбородко—не принесли много плода, кромѣ неудовольствія, хотя и не оказаннаго, а со стороны сего молодаго человѣка, пріобрѣли мнѣ не мало недоброжелательства. По крайней мѣрѣ, видѣлъ онъ, что я всегда болѣе скажу, чѣмъ всѣ тѣ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, но видно, что онъ то и знаетъ, когда всякіе способы употребляетъ дѣло держать отъ меня по далѣе».

Оставаясь на службѣ, Безбородко долженъ былъ заняться, по порученію государыни, изслѣдованіемъ о пропавшихъ изъ заемнаго банка деньгахъ. Похитилъ ихъ одинъ кассиръ болѣе чѣмъ на 600.000 рублей. Безбородко хотѣлъ было по словамъ его уклониться отъ дѣла «находя, что въ нынѣшнемъ положеніи полезнымъ онъ быть не можетъ, а отправлять дѣла en subalterne ни съ чиномъ, ни съ службою его прежнею не сходно».

«Вы не можете себѣ представить—писалъ онъ Р. С. Воронцову—какъ всѣ люди, кои прежде что нибудь значили, авилированы, или, паче сказать, сами себя унижаютъ».

Говоря, однако, по правдѣ, нельзя не замѣтить, что къ числу такихъ людей принадлежалъ и самъ Безбородко.

Вскорѣ на долю Безбородки выпало чрезвычайно трудное порученіе. Въ исходѣ 1795 года пріѣхалъ въ Петербургъ король шведскій Густавъ IV-й, для бракосочетанія съ одною изъ внучекъ императрицы Екатерины, великою княжною Александрою Павловною. Когда же придворные и сановники собрались для этого торжества во дворецъ и сама императрица находилась въ тронной залѣ, король заявилъ, что онъ несогласенъ на условія, написанныя въ брачномъ договорѣ. Усовѣщевать короля были посланы многіе русскіе вельможи, а въ числѣ ихъ и Безбородко. Посольство это было безуспѣшно и доложившаго объ этомъ императрицѣ Маркова, злѣйшаго врага Безбородки, она два раза ударила тростью, потомъ сбросила съ себя мантію и, полумертвая опустилась въ кресло.

XIV.

Смерть Екатерины. — Встрѣча Безбородки съ новымъ государемъ. — Сожженіе бумагъ. — Завѣщаніе Екатерины. — Образъ дѣйствій Безбородки. — Разсказы по этому поводу Державина, Грибовскаго и примѣчаніе Тургенева. — Сочиненіе «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ». — Устныя преданія. — Мнѣніе г. Григоровича. — Отчаяніе Безбородки. — Обращеніе его къ покровительству Ростопчина. — Благосклонность Павла къ Безбородкѣ.

5-го ноября 1786 года Екатерину поразилъ апоплексическій ударъ. Въ 8½ часовъ вечера того же дня прибылъ изъ Гатчины въ Зимній дворецъ великій князь Павелъ Петровичъ. Здѣсь онъ нашелъ собравшихся уже членовъ синода и сенаторовъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ. Безбородко, какъ первый секретарь Екатерины, ожидалъ наслѣдника престола въ кабинетѣ императрицы, прочіе сановники—въ другихъ комнатахъ. Узнавъ отъ медиковъ, что всѣ пособія будутъ напрасны, Павелъ отправился въ кабинетъ государыни и тамъ съ Безбородкою «дѣятельно занимался сженіемъ бумагъ и документовъ, чтò возбуждало въ придворныхъ страхъ и всѣ говорили о томъ, что новый государь занятъ съ графомъ Безбородкой разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ». Князь Зубовъ находился въ то время въ кабинетѣ императрицы только какъ случайное лицо и настолько былъ пораженъ неминуемою кончиною государыни, что растерялся совершенно. Пользуясь случаемъ, Безбородко старался посвятить Павла Петровича въ дѣла его матери, которыми онъ такъ долго завѣдывалъ, и, разумѣется, для новаго императора такой человѣкъ былъ какъ нельзя болѣе пригодною находкою; ловкому же Безбородкѣ легко было поддѣлаться съ перваго же разу къ императору, объясняя ему дѣла въ томъ смыслѣ, который долженъ былъ ему придтись по душѣ. Взаимныя отношенія матери къ сыну настолько были извѣстны при дворѣ, что не трудно было угодить Павлу Петровичу тѣми или другими отзывами насчетъ окончившагося царствованія. Отзывы съ непохвальнымъ оттѣнкомъ были даже со стороны Безбородки вполнѣ искренни по отношенію къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины, такъ какъ онъ еще и прежде, въ своей частной, дружеской, перепискѣ отзывался крайне неблагопріятно о существовавшихъ въ ту пору государственныхъ и придворныхъ порядкахъ.

Въ добавокъ къ этому, по сохранившимся свѣдѣніямъ, встрѣтилось еще особое обстоятельство, которое Безбородко не замедлилъ употребить, какъ въ пользу наслѣдника умиравшей государыни, такъ равно и въ свою собственную.

Дѣло въ томъ, что Екатерина не была вовсе расположена къ своему сыну и нѣкоторые изъ приближенныхъ къ ней лицъ были посвящены въ тайну предположеннаго ею устраненія его отъ пре-

стола и о предоставленіи короны любимому внуку императрицы, Александру Павловичу. Когда же, въ противность такого предположенія, вступилъ на престолъ Павелъ, то при дворѣ составилось убѣжденіе, что виновникомъ такой перемѣны былъ никто иной, какъ только Безбородко.

Въ первоначальной редакціи одного стихотворенія Державина высказывается это обстоятельство въ слѣдующихъ словахъ, будто бы произносимыхъ Екатериною:

«Назначивъ внука вамъ въ царя».

Кромѣ того, Державинъ разсказываетъ, что Безбородко, отпросясь въ отпускъ въ Москву, и откланявшись императрицѣ, вышелъ изъ ея кабинета, и вызвалъ его, Державина, за темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что императрица приказала отдать ему, Державину, нѣкоторыя бумаги, касающіяся великаго князя; что онъ пошлетъ за нимъ, Державинымъ, послѣ обѣда и передастъ ему эти бумаги. Неизвѣстно, однако, почему Безбородко не прислалъ за Державинымъ и уѣхалъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ объ этихъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ по вступленіи на престолъ императора Павла, Безбородко осыпанъ былъ отъ него благодѣяніями и пожалованъ княземъ: «Впрочемъ— добавляетъ Державинъ съ достовѣрностію о семъ говорить здѣсь не можно; а иногда другіе, имѣющіе лучшія основанія, о томъ всю правду откроютъ свѣту».

А. И. Тургеневъ, въ своихъ замѣткахъ на поляхъ «Записокъ Грибовскаго», по поводу устраненія Павла Петровича отъ престола, написалъ: «Здѣсь нельзя согласить того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хотя и не въ опалѣ, однакожъ внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему. По кончинѣ ея, гнусный Безбородко обнаружилъ всю подлость и коварство свойствъ совроженныхъ малороссамъ: онъ не сенату, а Павлу, наслѣднику Екатерины, предъявилъ завѣщаніе».

Къ разсказываемымъ теперь обстоятельствамъ относится также и ходившій въ рукописи, сочиненный въ концѣ прошлаго столѣтія разговоръ подъ заглавіемъ: «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ». Неизвѣстный авторъ изображаетъ царство мертвыхъ, куда прилетаютъ души умершихъ русскихъ людей, чтобы здѣсь, по волѣ Зевеса, поступить подъ начальство Екатерины, сопричисленной богами къ ихъ сонму. Екатерина требуетъ къ себѣ Безбородку и напоминаетъ этому «недостойному рабу» своему, что ему была поручена тайна кабинета, что чрезъ него должно было осуществиться важное намѣреніе государыни, восшествіе на престолъ внука ея, императора Александра Павловича, и что относящійся къ тому актъ

былъ подписанъ ею и соучастниками упомянутой тайны. «Ты измѣнилъ моей довѣренности, упрекаетъ Екатерина Безбородку—не обнародовалъ его послѣ моей смерти». Въ свою очередь Безбородко въ такихъ словахъ оправдывается передъ Екатериною. «Еще до пріѣзда въ Петербургъ изъ Гатчины наслѣдника, я собралъ совѣтъ, прочелъ актъ о возведеніи внука твоего. Всѣ, которые о семъ знали, стояли въ молчаніи; а кто въ первый разъ о семъ услышалъ, отозвались невозможностію исполненія. Первый, подписавшійся за тобою къ оному, митрополитъ Платонъ, подалъ голосъ въ пользу Павла и прочіе ему послѣдовали». «Правда, объясняетъ далѣе Безбородко,—ежели судить строго, я долженъ былъ умереть, исполняя твою волю. Знаю и то, что дѣла мои и совѣсть мою судить будетъ Великая Екатерина, которой человѣколюбивое сердце умѣетъ отличить невольное преступленіе отъ умышленнаго». Несмотря на такое льстивое оправданіе, Екатерина отослала однако отъ себя Безбородку, приказавъ прислать къ себѣ митрополита Платона. Выслушавъ отъ него указанія «на время, обстоятельства, и свойства Павла», она удалила и его, приказавъ, чтобъ онъ ей никогда на глаза не показывался.

Существуютъ и устныя преданія о томъ, какъ Безбородко поступилъ съ завѣщаніемъ Екатерины о престолонаслѣдіи. Одно изъ этихъ извѣстій гласитъ, передаетъ г. Григоровичъ, что когда Павелъ и Безбородко разбирали бумаги въ кабинетѣ Екатерины, то Безбородко указалъ Павлу на пакетъ, перевитый черною лентою, съ надписью: «Вскрыть послѣ моей смерти въ совѣтѣ». Павелъ, предчувствуя, что въ пакетѣ заключается актъ объ устраненіи его отъ престола, актъ который будто бы былъ написанъ рукою Безбородки и о которомъ, кромѣ его и императрицы, никто не зналъ, вопросительно взглянулъ на Безбородку, который, въ свою очередь, молча, указалъ на топившійся каминъ. Эта находчивость Безбородки, который однимъ движеніемъ руки отстранилъ отъ Павла тайну, сблизила ихъ окончательно.

Сомнительно, впрочемъ, чтобы Павелъ бросилъ этотъ пакетъ въ огонь, не полюбопытствовавъ узнать его содержаніе, такъ какъ вложенный въ него актъ не только былъ интересенъ самъ по себѣ, но и могъ до извѣстной степени служить Павлу руководительнымъ указаніемъ.

Другое устное извѣстіе подтверждаетъ, что Безбородко, узнавъ о безнадежномъ положеніи Екатерины, сію же минуту поѣхалъ въ Гатчину, гдѣ и подалъ запечатанный конвертъ Павлу, котораго встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы.

Наконецъ, есть преданія, идущія отъ самого Безбородки, о томъ, что будто бы бумаги по манифесту о престолонаслѣдіи подписаны были важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ. Немилость Павла къ пер-

вому и внезапная кончина втораго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто-бы именно вслѣдствіе этого.

«Вотъ всѣ данныя, какія, говоритъ г. Григоровичъ, удалось мнѣ собрать о дѣятельности графа Безбородки въ отношеніи духовнаго завѣщанія Екатерины. Въ нихъ есть противорѣчія, но они касаются только разныхъ подробностей, а сущность фактовъ одинакова. Такимъ образомъ въ настоящее время, пока не откроется какихъ нибудь новыхъ документовъ, которые снимутъ съ Безбородки обвиненіе въ нарушеніи воли покойной императрицы, приходится допустить, что онъ, уступая силѣ обстоятельствъ, доставилъ Павлу возможность получить актъ устраненія его отъ престола и вступить на престолъ въ слѣдъ за нежелавшей этого покойною его родительницею».

Въ архивѣ церемоніальныхъ дѣлъ о кончинѣ Екатерины хранится слѣдующая записка:

«6-го ноября, основываясь на донесеніи докторовъ, что уже не было надежды, государь великій князь наслѣдникъ отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру, графу Безбородкѣ, и государственному генералъ-прокурору, графу Самойлову, взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ, великихъ князей Александра и Константина, всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ императрицы, потомъ, запечатавши, сложить ихъ въ особое мѣсто».

Въ день смерти Екатерины, Безбородко, по словамъ Ростопчина, болѣе 30-ти часовъ не выѣзжалъ изъ дворца и былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго государя и живое воспоминаніе благодѣяній умирающей императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два, пишетъ Ростопчинъ, говорилъ онъ мнѣ умилительнымъ голосомъ, что онъ надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, болѣнъ, имѣетъ 250,000 рублей дохода и единой проситъ милости быть отставленнымъ отъ службы, безъ посрамленія.

Вышло, однако, на оборотъ: Ростопчинъ получилъ отъ Павла повелѣніе увѣрить Безбородку, что наслѣдникъ, не имѣя противъ него никакого особаго неудовольствія, проситъ забыть все прошлое и разсчитываетъ на его усердіе, зная его дарованія и способность къ дѣламъ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ приказалъ лично Безбородкѣ заготовить манифестъ о восшествіи его на престолъ, а въ 5 часовъ велѣлъ спросить нѣтъ ли у него какихъ нибудь дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, и хотя обыкновенныя донесенія, приходящія по почтѣ, не требовали спѣшнаго исполненія, но Безбородко воспользовался ими, чтобъ войти первому съ докладомъ къ новому императору: «Павелъ, разсказываетъ Ростопчинъ, былъ удивленъ чрезвычайною памятью Безбородки, который по надписямъ не

только узнавалъ откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. По выходѣ Безбородки изъ кабинета, Павелъ, указывая на находившагося при докладѣ Ростопчина, сказалъ Безбородкѣ: «Вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня нѣтъ ничего скрытнаго». Когда же Безбородко вышелъ изъ кабинета, то Павелъ былъ въ удивленіи отъ Безбородки и, отозвавшись весьма лестно на его счетъ, прибавилъ: «Этотъ человѣкъ для меня—даръ Божій. Спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ».

XV.

Тягость службы для Безбородки.—Сближеніе его съ лицами, окружавшими государя.—Прежняя ея искательность.—Пожалованіе его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса.—Участіе въ финансовой коммисіи.—Молва о силѣ Безбородки у императора.—Мальтійскій орденъ.—Пожалованіе бриллiантовой звѣзды.—Желаніе уйти со службы.—Назначеніе сенаторомъ.—Торговая конвенція съ Англіею.—Коронація Павла Петровича.—Пожалованіе вотчинъ, земли и княжескаго достоинства.—Милости къ его семейству.—Излишнія похвалы Безбородкѣ.—Почетные титулы, пожалованные Павломъ I-мъ.

Несмотря на благоволеніе, оказанное Павломъ Безбородкѣ, послѣднему служба становилась въ тягость. При Екатеринѣ она шла легко и свободно: доклады начинались въ 10 часовъ утра. Теперь приходилось любившему выспаться Безбородкѣ вставать съ 5-ти часовъ утра и быть готовымъ явиться къ государю по первому зову. Чтобъ облегчить Безбородку, Павелъ уволилъ его отъ вице-канцлерской должности. Разумѣется, что Безбородко, какъ и всѣ прочія приближенныя къ государю лица, не могъ разсчитывать на продолжительность расположенія, оказываемаго ему Павломъ, и чтобъ обезпечить себя онъ постарался войти въ добрыя отношенія съ тѣми, которые окружали Павла.

Еще и при Екатеринѣ онъ заискивалъ въ нужныхъ ему людяхъ и Грабовскій разсказываетъ, что Безбородко имѣлъ въ комнатахъ государыни сильную партію, состоявшую изъ Маріи Савишны Перекусихиной, ея племянницы Торсуковой, Марьи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ дни рожденія и именинъ графъ твердо помнилъ и никогда въ эти дни безъ хорошихъ подарковъ не оставлялъ.

При воцареніи Павла онъ въ «комнатахъ» государя имѣлъ уже надежнаго друга въ лицѣ Ростопчина, и поспѣшилъ вступить въ связь съ любимцемъ государя Кутайсовымъ, который, какъ разсказываетъ Гельбигъ, убѣжденный въ томъ, что имъ руководитъ

человѣкъ болѣе умный, нежели онъ самъ, дѣлалъ только то, что совѣтовалъ ему Безбородко. Онъ сблизился и съ Нелидовой, имѣвшей большое вліяніе на Павла Петровича.

9-го ноября Павелъ пожаловалъ Безбородку дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса, въ чинъ, который соотвѣтственно въ военной службѣ считается въ фельдмаршальскомъ рангѣ и давался всегда, да и нынѣ чрезвычайно рѣдко. Въ тотъ же день онъ возложилъ на Безбородку труды по финансовому комитету, учрежденному Екатериною въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни. О Безбородкѣ заговорили, что онъ теперь «первый министръ, что государь къ нему чрезвычайно милостливъ и представленіямъ его внемлетъ отлично».

Безбородкѣ, между прочимъ, поручилъ Павелъ Петровичъ дипломатическую работу по мальтійскому ордену, судьбѣ котораго онъ такъ горячо сочувствовалъ. При учрежденіи же этого ордена въ Россіи, Безбородкѣ былъ присланъ большой мальтійскій крестъ, осыпанный бриллiантами.

Новый 1797 годъ принесъ Безбородкѣ новыя царскія милости: 2-го января государь подарилъ ему «пребогатую» звѣзду и крестъ, бриллiантовые ордена св. Андрея, которые онъ самъ со времени своей первой свадьбы носилъ.

Несмотря на все это, Безбородко, какъ всегда, если и не думалъ, то, по крайней мѣрѣ, на словахъ собирался оставить службу.

19-го января 1797 года, Павелъ пожаловалъ Безбородкѣ важное, въ то время, званіе сенатора. По поводу этого, въ именномъ указѣ сказано было: «Графу Безбородкѣ повелѣваемъ присутствовать въ сенатѣ нашемъ, когда онъ отъ прочихъ возложенныхъ дѣлъ время имѣть будетъ». Безбородко воспользовался даннымъ ему правомъ и ни на одномъ изъ засѣданій сенатскихъ не присутствовалъ.

Онъ былъ теперь, между прочимъ, занятъ по заключенію торговой конвенціи съ Англіей, которая и состоялась окончательно 10-го февраля 1797 года.

Приближалось время коронаціи. Торжество это Павелъ Петровичъ хотѣлъ отпраздновать, какъ можно скорѣе.

Къ марту мѣсяцу все было готово и 1-го числа этого мѣсяца, передъ отъѣздомъ въ Москву, императоръ переѣхалъ на нѣкоторое время въ Павловскъ. Государя сопровождали немногіе самые близкіе къ нему люди, причемъ Безбородко былъ приглашенъ ѣхать въ одной съ нимъ каретѣ. Въ концѣ марта, дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ петровскаго дворца въ Кремль совершался въ вербное воскресенье.

«За недѣлю до коронаціи—писалъ Безбородко матери—когда ихъ величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: его величество портретъ на голубой лентѣ, а ея величество государыня императрица—перстень съ ея портретомъ».

На коронаціи, происходившей 5-го апрѣля, въ первый день пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ чинѣ дѣйствія коронованія сказано: «Его императорское величество соизволилъ указать—подать императорскую корону, которую дѣйствительный тайный совѣтникъ, 1-го класса, графъ Безбородко подалъ митрополитамъ, а они поднесли ее его величеству на подушкѣ».

Относительно наградъ, полученныхъ Безбородкою въ этотъ день, онъ писалъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову:

«Что до меня касается, то милости, при семъ случаѣ, на меня отъ его величества столь избыточно изліялися, что я признаюсь въ моемъ смущеніи, ибо они превосходятъ всякую мѣру».

Въ письмѣ къ матери онъ сообщалъ слѣдующее:

«По крайней усталости, въ которую привели меня заботы, какъ по пріуготовленіямъ, такъ и въ самый праздникъ, не въ состояніи я былъ писать и увѣдомить васъ о всѣхъ тѣхъ милостяхъ и щедротахъ, которыми государю угодно было взыскать весь домъ нашъ. Учиненнымъ съ трона въ грановитой палатѣ провозглашеніемъ о сдѣланныхъ по сему случаю разнымъ особамъ награжденіяхъ, пожалована мнѣ въ потомственное владѣніе, въ Орловской губерніи, вотчина Дмитровская, покойнаго князя Кантемира, записанная блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ, въ которой десять тысячъ душъ слишкомъ, и тридцать тысячъ десятинъ земли въ Воронежской губерніи, по рѣкѣ Битюгу. Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ я и предваренъ не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ сенату, коимъ его величество возводитъ меня въ княжеское Россійской Имперіи достоинство, присвояя мнѣ титулъ «свѣтлости», и жалуя, сверхъ того, еще шесть тысячъ душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу».

Милости Павла распространились и на родственниковъ Безбородко. Мать Безбородки была пожалована статсъ-дамою и дамою большаго креста ордена св. великомученицы Екатерины. Знаки эти были доставлены г-жѣ Безбородкѣ или, по-малороссійски, Безбородчикѣ, при собственноручномъ письмѣ императрицы.

Такимъ образомъ, за Безбородкою считалось теперь, въ общей сложности, 40,000 душъ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ, выбранныхъ около Москвы, предназначались исключительно для содержанія его московскаго дома. Въ добавокъ къ этому, императоръ повелѣлъ при составленіи «Общаго Гербовника» внести родъ графовъ Безбородко въ число графскихъ родовъ Россійской Имперіи, чѣмъ исполнилось давнишнее желаніе Безбородки быть «русскимъ» графомъ—желаніе лично для него нѣсколько запоздалое, такъ какъ онъ былъ уже свѣтлѣйшимъ княземъ Россійской Имперіи и въ силу этого титула стоялъ выше природныхъ русскихъ князей, происходившихъ отъ Рюрика.

Побужденія государя къ пожалованію Безбородкѣ такихъ щедрыхъ наградъ, отъ которыхъ онъ, по собственнымъ его словамъ, приходилъ въ «смущеніе», заявлялись въ указахъ, данныхъ 5-го апрѣля въ такихъ выраженіяхъ: «во всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды»; въ другомъ — «въ изъявленіе къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ графа Безбородко, въ пользу государственную намъ въ благоугодность подъемлемыхъ»; въ указѣ же о пожалованіи екатерининскаго ордена его матери было сказано: «Отмѣнное его императорскаго величества, нашего любезнаго супруга и государя, благоволеніе къ усердію и доброй службѣ вашего сына, графа Александра Андреевича, даетъ вамъ право на особое благоволеніе наше».

Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ указахъ говорилось о подвигахъ Безбородки очень глухо и выставлялись лишь тѣ заслуги, которыя давали и теперь даютъ право на награды даже низшимъ заурядным чиновникамъ и, конечно, это заставляетъ предполагать, что Безбородкою были оказаны государю такія заслуги, которыя должны были оставаться безгласными и, по всей вѣроятности, здѣсь, главнымъ образомъ, принимался въ соображеніе поступокъ его относительно завѣщанія Екатерины о престолонаслѣдіи.

Безбородко воспользовался расположеніемъ къ нему Павла Петровича, чтобы доставить награды и близкимъ себѣ лицамъ. Такъ, Ростопчинъ постоянно съ самымъ дружелюбнымъ чувствомъ относящійся къ Безбородкѣ пишетъ: «По просьбамъ негодяевъ, его окружающихъ, онъ выхлопоталъ чинъ тайнаго совѣтника нѣкоему мерзавцу, далъ великолѣпное имѣніе въ 850 душъ и орденъ св. Екатерины своей любовницѣ Л***, распутной женщинѣ, а мужъ ея получилъ орденъ св. Александра Невскаго».

Безбородко хлопоталъ также о дѣлахъ Львова и о Яншинѣ, желавшемъ состоять на службѣ подъ начальствомъ князя Куракина.

Разумѣется о такихъ относительныхъ мелочахъ не стоило бы и вовсе упоминать, если бы почтенный изслѣдователь, обращая на нихъ вниманіе читателей, не сопровождалъ ихъ такимъ указаніемъ: «Великое нравственное значеніе имѣютъ эти письма, которыми государственный сановникъ, стоящій на самой вершинѣ счастія и силы, какія только доступны подданному, охотно проситъ о другихъ лицахъ нетолько родныхъ, но даже и постороннихъ».

Такое краснорѣчіе, встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ книги, придаетъ жизнеописанію Безбородки тотъ несовсѣмъ удачный оттѣнокъ, о которомъ мы уже упоминали прежде, да и вообще въ подобныхъ ходатайственныхъ письмахъ никакъ нельзя искать «великаго нравственнаго значенія», тѣмъ болѣе, что иногда посторонніе люди бываютъ ближе, чѣмъ родные. Такъ, въ данномъ случаѣ, къ одному изъ тѣхъ лицъ, о которыхъ ходатайствовалъ Безбородко,

онъ имѣлъ особыя отношенія, а другой, Яншинъ, былъ извѣстный откупщикъ, съ которымъ свѣтлѣйшій князь, будучи виннымъ поставщикомъ, могъ имѣть, да почти навѣрное имѣлъ общія дѣла.

Что касается пожалованія Безбородкѣ княжескаго достоинства и притомъ съ титуломъ свѣтлости, то на мысль объ этомъ Павелъ Петровичъ былъ наведенъ доброжелателемъ Безбородки—Ростопчинымъ. До Безбородки было только два рускихъ свѣтлѣйшихъ князя, такъ какъ до него имѣли этотъ титулъ только Меньшиковъ и Кантемиръ. Потемкинъ же и Зубовъ имѣли титулъ свѣтлости какъ князья римской имперіи. Вообще Павелъ Петровичъ былъ очень щедръ на почетные дворянскіе титулы и въ непродолжительное свое царствованіе роздалъ ихъ не мало. Въ отношеніи титула княжескаго и титула свѣтлости его превзошелъ нѣсколько только императоръ Николай Павловичъ, царствовавшій, впрочемъ, почти тридцать лѣтъ, тогда какъ Павелъ I-й въ четыре съ небольшимъ года пожаловалъ князьями съ титуломъ свѣтлости Безбородко и П. В. Лохунина и безъ титула свѣтлости армянскаго патріарха Долгорукаго-Аргутинскаго и графа Суворова съ наименованіемъ его Италійскимъ. Кромѣ того, онъ позволилъ одному изъ Ладыжскихъ принять потомственно фамилію князей Ромодановскихъ, угасшую полвѣка тому назадъ. 14 лицъ онъ возвелъ въ графское достоинство и повелѣлъ причислить къ русскимъ фамиліямъ восемь фамилій, имѣвшихъ титулъ графовъ римской имперіи. Онъ же первый сталъ жаловать графское достоинство лицамъ женскаго пола съ распространеніемъ этого достоинства и на ихъ потомство. Не мало пожаловалъ онъ и баронами. Титулъ этотъ былъ данъ: Васильеву, Кутайсову и Аракчееву, а также придворнымъ банкирамъ: Вельо, Раллю и московскому купцу Роговикову.

XVI.

Пожалованіе Безбородки канцлеромъ. — Пожалованіе пустопорожней земли въ Москвѣ. — Покупка императоромъ у Безбородки дома.—Поѣздка въ Литовскую область. — Упадокъ силъ Безбородки. — Интриги противъ него.—Его болѣзнь.— Пожалованіе астраханскихъ рыбныхъ ловлей.

Когда 21-го апрѣля 1797 года, 72-хъ-лѣтній графъ Остерманъ, только-что пожалованный въ канцлеры, былъ уволенъ отъ этой должности съ полнымъ «трактаментомъ», то сенату былъ данъ указъ о пожалованіи канцлеромъ князя Безбородки.

Государь не ограничился и этими милостями, такъ какъ 26-го числа того же мѣсяца онъ пожаловалъ Безбородкѣ обширное пусто-

порожнее мѣсто въ Москвѣ на Яузѣ и приказалъ пріобрѣсти для себя его московскій домъ за 670,000 рублей, причемъ, конечно, Безбородко не остался въ убыткѣ.

Послѣ коронаціи, Безбородко сопровождалъ императора въ его поѣздкѣ въ Литовскія области и затѣмъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ какъ будто затмился. Хотя непостоянство въ привязанностяхъ было рѣзкою чертой въ характерѣ Павла, но измѣненія его отношеній къ канцлеру Ростопчинъ приписываетъ вліянію придворныхъ интригъ, которыя вели тогда двѣ дамы, прежде враждовавшія, и потомъ сдружившіяся между собою. Онѣ хотѣли устранить отъ дѣлъ Безбородку и замѣнить его княземъ Александромъ Куракинымъ, котораго Ростопчинъ называетъ глупцомъ и пьяницею.

Въ это время Безбородко былъ болѣнъ «рюматизмомъ» и рожею на лицѣ, и жестокою артретическою болью въ правой ногѣ, и въ письмахъ къ роднымъ жаловался на упадокъ силъ.

Выздоровѣвъ и явившись ко двору, Безбородко занялъ свое мѣсто среди самыхъ довѣренныхъ лицъ государя, у котораго онъ пользовался опять большимъ значеніемъ, но, какъ замѣчаетъ Ростопчинъ, старался, по обыкновенію своему, какъ можно меньше заниматься дѣлами. Несмотря на то, награды продолжали сыпаться на Безбородку и иногда при обстановкѣ весьма странной. Такъ, послѣ смерти послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа, императоръ нашелъ «сходственнымъ съ человѣколюбіемъ нашимъ призрѣть оставшихся послѣ Станислава-Августа разныхъ чиновъ и служителей», и поручилъ Безбородкѣ, вмѣстѣ съ государственнымъ казначеемъ, барономъ Васильевымъ, заняться этимъ дѣломъ· и когда оно было окончено, то, 1-го марта 1798 года, Павелъ пожаловалъ Безбородкѣ «въ вѣчное и потомственное владѣніе земли и состоящія при нихъ, изъ числа астраханскихъ ловлей, воды»— пожалованіе это было неистощимымъ источникомъ богатства.

Если вообще Безбородко является лицомъ замѣчательнымъ по своей государственной дѣятельности, то онъ еще болѣе замѣчателенъ по тому богатству, какимъ онъ былъ за нее вознаграждаемъ. Разумѣется, что, въ свою очередь, замѣчателенъ и государь, приводившій наградами въ «смущеніе» своего вѣрноподданнаго.

Какъ ни былъ молостивъ Павелъ къ Безбородкѣ, но все же послѣдній побаивался за себя и въ одномъ изъ своихъ дружескихъ писемъ писалъ:

«Я уже было началъ учреждать планъ, какъ бы убраться, въ чемъ я ни послѣдовалъ бы ни графу Остерману, ни графу Салтыкову, которымъ всегда казалось лучше быть выгнанными, чѣмъ самимъ выйдти».

Когда Павелъ отправился изъ Петербурга черезъ Москву въ Ярославль, то приказалъ Безбородкѣ оставаться въ Москвѣ, какъ

ближайшемъ пунктѣ отъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ предполагалась поѣздка государя. По возвращеніи изъ Москвы, здоровье Безбородки разстроивалось все замѣтнѣе. Независимо отъ этого, Безбородко чувствовалъ подъ собою «зыбь» и ту дрожь, которая,—по словамъ современника той поры, Лубяновскаго,—происходила не отъ стужи. Вообще можно сказать, что относительно придворной храбрости, Безбородко представляется какимъ то сановнымъ зайцемъ.

XVII.

Посредничество Лопухина.—Письма Безбородки.—Причина, удерживавшая Безбородку на службѣ.—Обрученіе великой княжны Александры Павловны.—Денежная награда.—Болѣзнь и смерть Безбородки.—Его похороны.—Отзывъ о немъ Павла.—Заключеніе.

Болѣзнь и едва ли еще не болѣе придворная «зыбь» заставляли Безбородку рѣшительно подумать объ отставкѣ. Получить ее въ это время было затруднительно вообще, а въ особенности послѣ тѣхъ милостей, какія были оказаны Безбородкѣ государемъ. Въ ту пору самымъ близкимъ лицомъ въ Павлу Петровичу былъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ и къ нему-то, около 10-го декабря 1798 года, и обратился Безбородко съ письмомъ, которое можно назвать какъ бы исповѣдью.

Въ этомъ, очень длинномъ письмѣ канцлеръ, между прочимъ писалъ:

«Два года, протекшіе, были для меня исполнены болѣзней. Лѣченіе нынѣшняго года разслабило меня до самой крайности, такъ что вѣрьте мнѣ — я не привыкъ вещей черными видѣть — ощущаю я часто такіе симптомы, которые мнѣ весьма неотдаленный конецъ предвѣщаютъ. Скоростью работы и понятіемъ награждалъ я прежде природную лѣнь свою; но теперь природное только и осталось, а память и другія дарованія совсѣмъ изчезаютъ. Хотя стыдно, но долженъ признаться, что работая иногда длинныя пьесы, впадаю я часто въ повторенія и другіе недостатки, каковые, по преданіямъ Жилблаза, подъ конецъ ощущены были въ сочиненіяхъ преосвященнаго Гренадскаго. Мнѣ кажется, что полная свобода, свѣжій воздухъ умѣреннѣйшаго климата и леченіе у водъ могли бы еще поддержать безвременную старость, не по лѣтамъ еще меня постигшую. Пускай сіе почтете и воображеніемъ, но простительно человѣку для сохраненія своего, отвѣдать разные опыты. Для сего намѣренъ я принести его величеству формальную просьбу, а васъ, милостивый государь мой, прошу въ то время употребить ваше ходатайство, чтобъ я желаемое мною увольненіе и дозволеніе выѣхать на нѣкоторое время въ чужіе края получилъ. Вы за меня легко поручиться можете, что я великій неохотникъ не только до интригъ, гдѣ много бываетъ безпокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно, я не

заслуживаю никакого сомнѣнія или подозрѣнія, и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія, ни о чемъ не намѣренъ помышлять. По дружбѣ ко мнѣ, не оставляйте отдалять всякія непріятности, которыя клеветами злыхъ людей на томъ и счастіе свое основывающихъ или воображеніемъ противъ меня наилѣнивѣйшаго, преспокойнѣйшаго въ свѣтѣ существа воздвигнуты быть могутъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Безбородко испросилъ отпускъ въ Москву, на что и послѣдовало согласіе государя.

Не смотря на всѣ эти уважительныя причины къ увольненію отъ службы, Безбородко просьбы объ отставкѣ все-таки не подавалъ и Ростопчинъ, приверженецъ его, по поводу этого замѣтилъ, что Безбородко такой просьбы не подастъ «ибо одно управленіе почтою составляетъ статью, не дозволяющую оставленія службы, когда нельзя дать отчета въ милліонахъ».

По пріѣздѣ изъ Москвы, Безбородкѣ, какъ тогда говорили: «были подстрижены крылья» и для него снова настало «моральное несчастье», а Ростопчинъ писалъ: «князь Безбородко дѣйствительно боленъ тѣломъ, но еще болѣе воображеніемъ, считая себя въ опасности».

Между тѣмъ Безбородко занимался дѣлами по обрученію великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ австрійскимъ, палатиномъ венгерскимъ, и когда обрученіе это состоялось, то ему, въ видѣ награды, отпущено было изъ кабинета 100,000 рублей. На торжество обрученія больной Безбородко явился черезъ силу. Онъ страдалъ теперь одышкой, у него по временамъ шла горломъ кровь, а въ груди онъ чувствовалъ непрерывную боль и жаръ. Безбородко получилъ отъ государя разрѣшеніе ѣхать за границу, но усилившаяся болѣзнь не дозволяла ему это сдѣлать. Его разбилъ параличъ: онъ потерялъ память и лишился употребленія правой руки и языка, такъ что только съ трудомъ могъ произносить отдѣльныя слова, но послѣ втораго удара не могъ даже сдѣлать и этого.

16-го апрѣля 1799 года Безбородко скончался въ Петербургѣ въ своемъ домѣ, въ которомъ нынѣ помѣщается почтовый департаментъ.

Извѣстіе о смерти его императоръ Павелъ получилъ въ то время, когда онъ показывалъ одному изъ иностранныхъ пословъ лѣпныя работы, производившіяся въ Михайловскомъ замкѣ.

— Россія лишилась Безбородки! вздумалъ провозгласить торжественно-печально адъютантъ, посланный государемъ, чтобъ навѣдаться о состояніи канцлера.

«У меня всѣ Безбородки!» съ досадой отозвался Павелъ на такое извѣстіе.

13-го апрѣля Безбородку похоронили съ чрезвычайною пышностію, на кладбищѣ Александро-невской лавры, но впослѣдствіи могила его вошла въ переходъ между церковью благовѣщенія и цер-

ковью св. духа. Императоръ при погребеніи его не присутствовалъ, но только приказалъ похоронить Безбородку «по его высокому сану»; не смотря на желаніе Безбородки, чтобъ похороны его были безъ всякой пышности.

Ознакомясь съ личностію Безбородки по изслѣдованію г. Григоровича и другимъ источникамъ и не усвоивая защитительныхъ пріемовъ жизнеописателя по отношенію къ Безбородкѣ, должно сказать, что первый секретарь Екатерины, а потомъ первый министръ и канцлеръ Павла, былъ несомнѣнно человѣкъ чрезвычайно способный какъ дѣлецъ, но все же не геній и даже не тотъ государственный умъ, который провидитъ вдаль и можетъ направлять событія если и не по своимъ видамъ, то по крайней мѣрѣ поражать вѣрностію своихъ воззрѣній, а также обширною и высокою цѣлью государственныхъ стремленій. Несомнѣнно, что, слѣдуя народному повѣрію, приходится сказать, что Безбородко прежде всего родился подъ счастливою «планидой», и къ нему очень удобно примѣняются слова его земляка и его современника Паскевича, отца князя Варшавскаго. Тотъ, когда заходила рѣчь о томъ, что сынъ его возвышался все болѣе и болѣе и когда нѣкоторые прославляли молодаго Паскевича какъ генія, добродушно отклонялъ такія неумѣстныя похвалы, замѣчая по хохлацки: «що геній—то не геній, а що везе то везе». Такъ точно «везло» и Безбородкѣ, который самъ не надѣялся на свои силы поставить себя выше неблагопріятствовавшихъ ему порою обстоятельствъ. Онъ смѣло, какъ и другіе счастливцы, могъ ввѣриться судьбѣ, которая устроивала его дѣла гораздо лучше, нежели онъ самъ. Такъ, онъ совершенно упалъ духомъ при воцареніи Павла и думалъ только объ удаленіи отъ службы «безъ посрамленія», а между тѣмъ случайность, которою онъ лишь ловко воспользовался, вознесла его на такую вершину почестей и перевела его за тѣ предѣлы богатства, о которыхъ онъ самъ вовсе не думалъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что Безбородко отличался, сравнительно съ царедворцами, вообще однимъ прекраснымъ качествомъ: изъ всѣхъ даже самыхъ неблагопріятныхъ о немъ отзывовъ не видно, чтобъ онъ когда нибудь рылъ яму другому, отъ того онъ, быть можетъ, и не попадалъ въ нее, хотя и часто находился почти на самомъ ея краю.

Другимъ хорошимъ общечеловѣческимъ качествомъ Безбородки была его незлобивость. Даже противъ самого главнаго своего врага Маркова, публично обзывавшаго его и лгуномъ и воромъ, онъ не имѣлъ ожесточенной злобы.

Чуждаясь интригъ, онъ въ то же время былъ весьма искателенъ: онъ старался угодить каждому. Заискивалъ себѣ покровителей и покровительницъ въ «комнатахъ» императрицы и въ близ-

кихъ къ императору Павлу Петровичу людяхъ. Онъ былъ «на услугахъ» Потемкина и принижался предъ Зубовымъ, очень хорошо понимая всю неумѣстность такой уступки при его высокомъ служебномъ положеніи, въ силу котораго слѣдовало или не уступать первенства или же, сознавъ невозможность борьбы, удалиться какъ человѣку, цѣнящему свою нравственную самостоятельность. Сохранилось извѣстіе, что онъ, входя въ кабинетъ государыни, клалъ передъ Екатериною земной поклонъ—пріемъ для выраженія почтительности въ то время уже не обязательный, и придававшій чувству уваженія раболѣпный оттѣнокъ.

Одинъ изъ несомнѣнно преданныхъ Безбородкѣ людей, который, по его собственнымъ словамъ, чувствовалъ къ Безбородкѣ «уваженіе и признательность», писалъ о немъ:

«Я встрѣтилъ въ немъ ненасытную страсть къ наживѣ и пріобрѣтенію. Онъ не брезгалъ никакимъ добромъ. Онъ набралъ картинъ и бронзъ отъ мошенника Вута, пріѣхавшаго разворять нашу страну своими проектами, которыхъ достойнымъ образчикомъ служитъ послѣдній банкъ. Князь получалъ всѣ припасы для своего дома отъ раскольниковъ, которыхъ обнадеживалъ въ своемъ покровительствѣ. Онъ выписывалъ множество запрещенныхъ товаровъ не платя никакихъ пошлинъ и раздѣляя пополамъ барыши съ Самойловымъ, достойнымъ висѣлицы. Онъ промѣнялъ бы всю Россію за какой нибудь брилліантъ. Наконецъ, всѣ эти налоги, которые возбудили такой сильный ропотъ въ народѣ и нисколько не уменьшили государственныхъ долговъ, придуманы имъ, а у него одинъ эполетъ стоитъ 50.000 рублей. Судите и произнесите приговоръ».

Самъ г. Григоровичъ не отвергаетъ нѣкоторыхъ изъ заявленій Ростопчина. Онъ признаётъ, что Безбородко дѣйствительно бывалъ въ сношеніяхъ съ людьми сомнительной честности и постоянно заботился объ увеличеніи своего состоянія. Другія сообщенія Ростопчина почтенный изслѣдователь жизни Безбородки отвергаетъ, говоря, что ему не удалось отыскать въ архивахъ никакихъ относящихся къ тому указаній и подтвержденій. Разумѣется, что такіе доводы весьма шатки, особенно если принять въ соображеніе, что приведенные выше не лестныя къ Безбородкѣ строки заимствованы нами изъ письма Ростопчина къ искреннему другу Безбородки графу А. Р. Воронцову, такъ что при этомъ трудно допустить возможность голословныхъ наговоровъ, вступленіемъ къ которымъ служили бы слѣдующія слова: «Вы будете горевать о князѣ Безбородкѣ. Онъ васъ любилъ и былъ къ вамъ привязанъ. Вы тоже любили его потому, что цѣнили его умъ и сердце, но вы потеряли его изъ виду».

Въ заключеніе можно сдѣлать такой общій вопросъ: желательно ли, чтобы въ наши дни являлись государственные дѣятели на складъ свѣтлѣйшаго князя Безбородки? Думаемъ, что на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно...

Е. Карновичъ.

ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ. [1]

XXXV.

Въ числѣ разлетѣвшихся пташекъ былъ и самъ Михайло Николаичъ Г—въ. Онъ тоже скрылся тогда и изъ Михѣева, и изъ Коломны. Передъ тѣмъ же, онъ опять распорядился, — успѣлъ ловко замести слѣды, какъ свои собственные, такъ и всѣхъ, кого хотѣлъ онъ предохранить отъ грозящей опасности.

Съ помощью знакомаго ему ямщика Семкина, на другой же день по переѣздѣ въ городъ, Степовичка и Марина Прокофьевна были помѣщены въ свободную отъ жильцовъ, отдѣльную на большомъ дворѣ, избу какой-то одинокой старухи-мѣщанки, и помѣщеніе это можно было считать довольно надежнымъ убѣжищемъ отъ розысковъ полицейскихъ, потому что усадьба хозяйки квартиры находилась на самомъ концѣ города; а Іоасафъ Николаевичъ былъ припрятанъ еще лучше; въ ночь того же дня, Г—въ совсѣмъ увезъ его изъ Коломны.

Но послѣднее распоряженіе трудно далось Г—ву, и не столько со стороны самого Іоасафа Николаевича, сколько со стороны Марины и Степовички. Марина такъ и обмерла, когда услыхала, что ея «дружокъ темноглазенькій» уѣдетъ съ этимъ «страшеннымъ, чужимъ человѣкомъ» (такимъ показался ей, съ перваго же разу, Михайло Николаевиичъ Г—въ); а Степовичка долго-долго упрашивала Г—ва смиловаться, не увозить добраго баренка, не губить

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII, стр. 291—325.

этимъ ея хворую «голубоньку»; когда же онъ на-отрѣзъ объявилъ ей, что такъ надо безпремѣнно, что не оставитъ онъ брата здѣсь даже на нѣсколько часовъ, но что черезъ недѣлю-другую самъ привезетъ его къ Маринѣ на кратковременную побывку, старуха, съ неистовымъ воплемъ, уцѣпилась за Іоасафа Николаевича и никакъ не пускала его изъ избы. Г—въ съ трудомъ могъ оттащить ее, и, затѣмъ, тотчасъ же увелъ брата къ ожидавшей на дворѣ, у затворенныхъ воротъ, семкиной тройкѣ, не давъ ему и проститься съ обезпамятѣвшей Мариной. Много подивился тогда Макарушка, что баринъ его, и при всей тоскѣ своей, все-таки, безпрекословно исполняетъ братнюю волю, и горемычную Марину жаль было ему чрезвычайно...

Тутъ же, Г—въ приказалъ Макарушкѣ проживать у ямщика Семкина подъ видомъ вновь нанятаго работника; но съ тѣмъ еще, чтобы ѣздилъ онъ въ дорогу какъ можно рѣже и не далѣе Бронницъ или Зарайска.

— Жди меня постоянно — сказалъ онъ малому вдобавокъ: — я, и точно, понавѣдаюсь сюда черезъ недѣльку-другую, можетъ и раньше. А теперича, больше ни слова, не приставай ко мнѣ съ дурацкими твоими разспросами. Да смотри тоже, не смѣй выходить на базары и никому съ вашей стороны отнюдь на глаза не попадайся! Слышишь, это всего важнѣе... Ну, и языкъ твой бабій на привязи крѣпко держи, не то разсчитаюсь съ тобой!.. А что нужно будетъ намъ знать, мы и безъ тебя узнаемъ.

Отдавъ это приказаніе, онъ все еще не садился въ повозку, въ которой уже сидѣлъ Іоасафъ Николаевичъ, а стоялъ и, понуривъ голову, думалъ.

— Егорка!—вдругъ крикнулъ онъ ямщику: — продвигай-ко за ворота да полость опусти,—а я тамъ, на улицѣ, сяду.

И, затѣмъ, быстро прошелъ онъ къ незакрытому ставней окну избы, въ которой помѣщались Марина и Степовичка. Макарушка послѣдовалъ за нимъ.

Изба освѣщена была довольно ярко восковыми свѣчами, въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, оставленными Михайлою Николаевичемъ, вмѣстѣ съ ларцомъ его, въ квартирѣ Степовички (вѣроятно, для пущаго убѣжденія старухи въ томъ, что онъ непремѣнно воротится). Но и при гораздо меньшемъ освѣщеніи, легко было бы разсмотрѣть ту часть избы, гдѣ находились, на ту пору, обѣ жилицы.

Въ углу, между наружной стѣною и досчатой перегородкой, за которою была каморка съ русскою печью, лежала на кровати Марина, блѣдная, неподвижная, съ закрытыми глазами, — и опять, какъ въ избушкѣ степовичкиной, показалась она Макарушкѣ совсѣмъ уже умершею. Припавъ головою къ ногамъ Марины, стояла на колѣняхъ Степовичка. Тяжко колыхалось тощее ея тѣло отъ рыданій,—но не слышно было какъ она рыдала.

Г—въ очень недолго смотрѣлъ на эту сцену, отъ окна же отошелъ медленно, позадумавшись сильно и печально, какъ замѣтилъ Макарушка.

— Видѣлъ?.. видѣлъ ты? — вдругъ обратился онъ къ малому, какъ будто только теперь замѣтивъ тутъ его присутствіе:—Да, не отвѣчай!—я самъ все разсмотрѣлъ. Старуха не мыкается и не причитаетъ, стало быть, не померла же Маринка...

Онъ остановился посередь двора и опять задумался.

— Какъ ни раскидывай умомъ-разумомъ, а до всего недомекнешься—проговорилъ онъ, наконецъ, сквозь зубы и какъ бы про себя одного, а затѣмъ, тревожно добавилъ:—Макарка! ты все о баринѣ, ты, пожалуй, и о той жалѣешь,—а нельзя тутъ охаять тебя!.. Ухъ! и обуза же досталась! Теперича, инда про всякой пустякъ на мысль приходитъ: вотъ, хоша бы о томъ, что промахнулся я, самъ зажогъ мои восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ,—а это, вѣдь, неладно. Завтра, по утру, возьми у Семкина жестяные подсвѣчники и отнеси старухѣ, да вели, чтобы мои прибрала. Неровенъ часъ, бросятся кому-нибудь въ глаза и изъ-за этого, пожалуй, голову оттотрутъ... Кстати: окромя завтрашняго разу, больше сюда не ходи—и про то на-строго тебѣ приказываю!

Затѣмъ, уже садясь въ повозку, онъ громко заохалъ, или лучше сказать, простоналъ,—и вдругъ, со смѣхомъ, но какимъ-то хриплымъ, рѣзко-отрывистымъ, промолвилъ: — вотъ, теперь, на путь дорогу эту, — разомъ бы хватить три-четыре стакана чего-нибудь оченно хмѣльнаго!..

На другой день къ вечеру, вернулся домой Егорка-ямщикъ, отвезшій куда-то Г—ва и Іоасафа Николаевича. Макарушка тотчасъ же присосѣдился было къ нему съ разспросами; но Егорка на-отрѣзъ и коротко ему отвѣтилъ: — и ничевохонько я тебѣ не скажу! Ты, братъ, лучше не приставай: одно слово, не велѣно сказывать, такъ тому дѣлу и быть!

А тѣмъ временемъ, въ нашей сторонѣ происходили дѣла немаловажныя.

Добрые сосѣди уже не хотѣли опять «обезпокоить» Надежду Ивановну сообщеніемъ ей извѣстій о диковинномъ пребываніи Іоасафа Николаевича въ томъ мѣстѣ, которое считалось теперь навѣрное притономъ бѣглыхъ солдатъ, грабителей и разбойниковъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они признавали дворянскимъ своимъ долгомъ обсудить это дѣло промежъ себя наскоро и, затѣмъ, всѣмъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать къ быстрому раскрытію и прекращенію зла. А зло это, по мнѣнію всѣхъ, было очевидно. Ненависть къ михѣевскому помѣщику-сосѣду была уже такъ велика, что отнюдь не допускала объяснять пребываніе его у угольщиковъ простымъ, естественнымъ поводомъ, именно желаніемъ молодаго человѣка находиться при больной любимой женщинѣ; напротивъ того, тутъ

хотѣли видѣть нѣчто особенно злонамѣренное и опасное для общаго спокойствія. Іоасафъ П—въ прямо заподозрѣвался въ преступныхъ сношеніяхъ съ бѣглыми, а въ гораздо сильнѣйшей еще степени заподозрѣнъ былъ въ томъ же «этотъ рыжій выродокъ Мишка Г—въ». Послѣдняго считали даже чѣмъ-то въ родѣ атамана разбойничей шайки, и его-то вліянію приписывали сношенія П—ва съ бѣглыми солдатами. По разсчетамъ, внушеннымъ ненавистью, такъ хорошо объяснялось теперь все, все: и связь Іоасафа Николаевича съ солдаткой Маринкой, сестрой бѣглаго Шохина, «эсаула въ шайкѣ», и пребываніе Маринки въ п—скомъ домѣ во время поѣздки Надежды Ивановны на богомолье, и пріѣздъ выродка Г—ва въ Коломну, и свиданіе тамъ съ нимъ Іоасафа П—ва, а затѣмъ, и всѣ послѣдующія обстоятельства. Соображеніямъ, весьма тонкимъ и разительнымъ въ крайнихъ выводахъ, не было конца. По истинѣ, тутъ былъ полнѣйшій разгулъ помѣщичьихъ, сосѣднихъ соображеній!

Но соображеніями, конечно, не ограничились.

Тяжеловатая лѣнь егорьевскаго предводителя на этотъ разъ уже совершенно уступила передъ настойчивымъ желаніемъ всего мѣстнаго дворянства, чтобы михѣевской исторіи, странно перепутанной съ дѣломъ объ опасныхъ дезертирахъ, былъ данъ самый энергическій ходъ, и непремѣнно при личномъ направленіи и наблюденіи его, предводителя. Андрей Ивановичъ Повалишинъ растревожился настояніями дворянства тѣмъ болѣе, что ему, при томъ, тонко намекнули, какъ бы въ случаѣ бездѣятельности съ его стороны по дѣлу, въ которомъ такъ серьезно замѣшанъ дворянинъ его уѣзда, не досталось ему самому отъ суроваго генералъ-губернатора Балашова, проживавшаго тогда въ Рязани, стало быть, недалеко отъ мѣста скандально-важныхъ происшествій. Началъ свои дѣйствія Андрей Ивановичъ съ того, что опять напустился и теперь уже чрезвычайно напугалъ соблазненнаго Г—вымъ участковаго засѣдателя, пригрозивъ ему непремѣннымъ удаленіемъ отъ должности и преданіемъ суду; а вслѣдъ затѣмъ, объявилъ егорьевскому земскому исправнику, что, какъ предводитель дворянства, «вмѣняетъ ему въ строжайшую обязанность принять самолично поспѣшнѣйшія и дѣятельнѣйшія мѣры къ поимкѣ бѣглыхъ и къ открытію лицъ, какъ прямо виновныхъ въ пристанодержательствѣ, такъ и прикосновенныхъ къ тому». Въ концѣ концовъ, г. Повалишинъ доусердствовалъ было до того, что пообѣщалъ находиться при всякихъ обыскахъ и поимкахъ; впрочемъ, обѣщанія этого онъ не исполнилъ «по внезапно-случившейся болѣзни»!

Но въ присутствіи предводителя и не представлялось надобности: исправникъ «заинтересовался» дѣломъ вполнѣ, принялся за него быстро и энергически, и, казалось, всѣ его распоряженія были разсчитаны такъ хорошо. Онъ отправился на мѣсто предстоящихъ

дѣйствій съ цѣлымъ отрядомъ чиновниковъ, сотскихъ, десятскихъ и даже инвалидныхъ солдатъ.

Сначала, онъ нагрянулъ въ село Михѣево, но тутъ ждала его первая, отнюдь непредвидѣнная неудача: онъ не нашелъ ни «именующагося петербургскаго купца» Михайлы Николаевича Г—ва, ни двороваго человѣка Макара Петрова. Староста михѣевскій, тамошніе крестьяне, остававшіеся при помѣщичьемъ домѣ дворовые, отозвались рѣшительно незнаніемъ о томъ, куда и даже когда отлучились изъ имѣнія розъискиваемые люди. Исправникъ, какъ водилось въ то время, поколотилъ старосту и двухъ мужиковъ, что-то неловко ему отвѣчавшихъ, но и такимъ образомъ ни до чего не добился. Затѣмъ, пошумѣвъ еще крѣпко и погрозивъ всѣмъ михѣевцамъ Сибирью, исправникъ очень разсерженный и въ сильно-неспокойномъ настроеніи духа, вѣроятно, отъ предчувствія новой неудачи, переѣхалъ въ село Маливу.

Была уже ночь, но административныя дѣйствія продолжались безустанно; для того было достаточно и времени въ длинную осеннюю ночь и всякаго подчиненнаго люда, не пѣшаго, а загодя-снабженнаго одноконными и пароконными подводами изъ Макшеева, Михѣева и Зарудни.

Для облавы на разбойниковъ были «сбиты» поголовно въ село Маливу какъ тутошніе крестьяне, такъ весь взрослый народъ изъ всѣхъ сосѣднихъ и даже нѣсколькихъ несосѣднихъ деревень (одни только поповцы, проживавшіе въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ полянкою угольщиковъ, были не тронуты, потому что заподозрѣвались въ сношеніяхъ съ бѣглыми). Изъ Маливы, для обложенія со всѣхъ сторонъ разбойничьяго притона, во время были отправлены въ лѣсъ разные отряды, подъ надзоромъ разсыльныхъ и сотскихъ; при надежныхъ проводникахъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, предварительно и съ великой грозою распрошенныхъ самимъ исправникомъ насчетъ твердаго знанія мѣстности, служившей цѣлью ночнаго похода. Главное начальство надъ этой земской силой, снаряженной для очищенія мѣстъ, зараженныхъ разбойничествомъ, принялъ на себя исправникъ, а ему содѣйствовали: уѣздный стряпчій, одинъ изъ участковыхъ засѣдателей (разумѣется, не тотъ, который уже проштрафился по михѣевской исторіи) и еще нѣсколько мелкихъ чиновниковъ изъ земскаго суда; кстати сказать, хотя всѣ эти господа вооружились исправно для похода, однако, для пущей безопасности, находились при нихъ инвалидные солдаты, настоящіе воины, много разъ видавшіе смерть во очію и потому, послѣ тяжкихъ боевыхъ трудовъ, попавшіе въ инвалидныя команды!

Къ разсвѣту, отряды облавщиковъ сошлись довольно аккуратно, тѣсно обложивъ полянку угольщиковъ. Манёвръ былъ исполненъ удачно, и можно было надѣяться, что ни одинъ изъ бѣглыхъ ужъ никакъ неуйдутъ отъ поимки. Но на дѣлѣ вышло не такъ.

Одна изъ избушекъ, именно та, въ которой проживала Степовичка, оказалась совсѣмъ пустою; въ другой же найденъ былъ лишь дряхлый, глухой старикъ, отъ котораго, не смотря на всю грозу чиновничью, не добились ни малѣйшаго отвѣта. Поразительно было для поимщиковъ и то обстоятельство, что угольщики какъ сквозь землю провалились: ихъ не нашли ни въ лѣсу, ни въ родимой ихъ деревнѣ Поповкѣ, гдѣ тоже произведенъ былъ по всѣмъ дворамъ строжайшій обыскъ.

Неуспѣшность обысковъ, разспросовъ и развѣдываній бѣсила исправника особенно вслѣдствіе догадокъ его, что кто-то предупредилъ объ опасности и бѣглыхъ, и всѣхъ имѣвшихъ съ ними сношенія. Отъ бѣшенства онъ перешелъ было къ унынію. Но счастливая его звѣзда скоро послала ему утѣшеніе: къ концу дня обысковъ, въ какой-то трущобѣ, совершенно случайно, отыскались-таки всѣ угольщики.

Это имѣло большія послѣдствія собственно для Іоасафа Николаевича.

Въ отношеніи угольщиковъ исправникъ и бывшіе съ нимъ чиновники пустили въ ходъ всю суровость тогдашняго полицейскаго допроса: бѣднымъ лѣсовикамъ пришлось вынести немало всяческихъ истязаній. Втеченіе трехъ дней угольщиковъ допрашивали многократно, и показанія ихъ были важны, очень важны.

Изъ показаній этихъ «обнаружилось» (говоря приказническимъ тогдашнимъ языкомъ): что, назадъ тому недѣли четыре, къ проживавшей у угольщиковъ, для изготовленія имъ пищи, вдовѣ крестьянкѣ (бывшей дворовой дѣвушкѣ князя .....скаго) Аграфенѣ Курбатовой, по народному прозвищу Степовичкѣ, привезена была михѣевскимъ дворовымъ малымъ солдатка Маринка, больная огневицею, и Степовичка все время лечила ее, такъ какъ она—извѣстная во всемъ околоткѣ знахарка; что вскорѣ, пришелъ и тоже у Степовички «присталъ» какой-то неизвѣстный имъ, угольщикамъ, человѣкъ, по виду солдатъ, а сказывался онъ братомъ роднымъ Маринки; что человѣкъ этотъ проживалъ въ степовичкиной избушкѣ непостоянно, уходилъ куда-то иногда лишь на день, иногда и больше, а раза два, возвращаясь, приводилъ другаго какого-то солдата, и они, угольщики, не знали, не вѣдали, что тѣ люди бѣглые, и ни по чему тоже не замѣчали ихъ въ грабежахъ и разбояхъ; что, потомъ поселился у Степовички молодой баринъ изъ Михѣева, слышно, полюбовникъ солдатки Маринки и проживалъ онъ тутъ безотлучно; что наѣзжали еще нѣсколько разъ, должно быть тоже изъ Михѣева, тотъ дворовый малый, который привезъ къ Степовичкѣ Маринку да съ нимъ какой-то дюжій, рыжебородый молодецъ, по обличью купецъ, а по наряду словно баринъ, и отъ нихъ братъ Маринкинъ и другой солдатъ завсегда прятались (изъ-за этого показанія чуть-ли не всего болѣе досталось угольщикамъ, такъ какъ

оно, почему-то, крѣпко не нравилось исправнику) и, наконецъ, что, два дня назадъ, тотъ наѣзжавшій изъ Михѣева человѣкъ, «купецъ онъ что-ли», увезъ куда-то Маринку, Степовичку и михѣевскаго барина, усадивъ ихъ въ большую, троичную повозку, и то было имъ, угольщикамъ, въ диковину, такъ какъ большущая повозка была запряжена въ одну только лошадь, за кучера же былъ самъ тотъ неизвѣстный господинъ; а маринкинъ братъ и его товарищъ, при этомъ, не находились и послѣ того къ нимъ, угольщикамъ, не заходили; сами же они, угольщики, не были дома во время обыска и, точно, прятались, потому что стали домѣкаться про бѣду, хотя и не знали въ чемъ именно она состоитъ.

Повторяю: показанія эти были очень важны; они вполнѣ разъяснили и подтвердили все, о чемъ проболтался мужикъ изъ деревни Поповки, все, о чемъ догадывались добрые сосѣди-помѣщики, все, о чемъ хитроумно заключали чиновники егорьевскіе. Для послѣднихъ уже не было теперь ни малѣйшаго сомнѣнія, что дезертиры, имѣвшіе притонъ у угольщиковъ, дѣйствительно, занимались грабежами и разбоями; что угольщики, Степовичка и сама Маринка—прямо сообщники дезертирамъ во всѣхъ ихъ преступленіяхъ; и что помѣщикъ Іоасафъ Николаевъ, сынъ П—въ и особенно именующійся петербургскимъ купцомъ Михайло Николаевъ Г—въ—нетолько лица прикосновенныя къ дѣлу, но и виновныя въ сношеніяхъ съ дезертирами и въ укрывательствѣ ихъ.

Послѣ первыхъ слѣдственныхъ дѣйствій на мѣстѣ, чиновники вернулись въ Егорьевскъ, какъ побѣдители. Предводитель дворянства, прежде относившійся къ высшимъ чинамъ земской полиціи въ уѣздѣ,—не смотря на то, что они были выбранные,—крайне-пренебрежительно, теперь изъявилъ имъ все свое благоволеніе и торжественно обѣщалъ «доложить» о нихъ генералъ-губернатору, какъ объ отличныхъ чиновникахъ, вполнѣ заслуживающихъ награды за свои блистательныя дѣйствія по столь важному дѣлу.

Одобреніе и вышеупомянутое торжественное обѣщаніе предводителя весьма поощрили земскую полицію къ дальнѣйшимъ энергическимъ дѣйствіямъ: такъ, для поимки дезертировъ, вновь сдѣлана была облава, въ которой участвовало уже нѣсколько тысячъ крестьянъ; въ этотъ же разъ, опять безпощадно допрашивали угольщиковъ и, вслѣдствіе крайней путаницы новыхъ ихъ показаній, засадили ихъ, какъ уже явно изоблачаемыхъ въ пристанодержательствѣ, въ острогъ; наконецъ, съ нарочными посыльными, ради важности дѣла, было сообщено во всѣ сосѣднія земскія и городскія полиціи «о немедленномъ принятіи дѣйствительнѣйшихъ и строжайшихъ мѣръ къ розысканію скрывшихся изъ Егорьевскаго уѣзда бѣглыхъ солдатъ Шохина и товарища его, по прозванію неизвѣстнаго; уличаемыхъ въ сообществѣ съ сими дезертирами: солдатку Марину Прокофьеву, сестру Шохина, и вдовую женку Агра-

фену Курбатову; а также и прикосновенныхъ къ дѣлу, егорьевскаго помѣщика Іоасафа Николаева, сына П—ва и именующаго себя санктъ-петербургскимъ третьей гильдіи купцомъ Михайлы Николаева Г—ва.

Разумѣется, огромная облава на бѣглыхъ и «экстренныя» сношенія съ сосѣдними полиціями оказались совершенно безплодными; но не даромъ егорьевскій исправникъ говорилъ, что «михѣевская исторія» и дѣло о дезертирахъ «пущены шибкой ходою, и даже на славу». Правда, слава-то была тутъ не причемъ и врядъ ли на нее разсчитывалъ исправникъ, за то выгода чиновничья могла очень и очень восторжествовать: хотя съ угольщиковъ, что называется, взятки были гладки, хотя нельзя было разсчитывать на поживу отъ дворянина П—ва, имѣніе котораго состояло въ нераздѣльномъ владѣніи съ матерью и сестрами и должно было скоро поступить въ опеку; но тутъ былъ замѣшанъ петербургскій, по слухамъ, богатый купецъ, а кромѣ того, къ дѣлу притягивалась цѣлая деревня Поповка, къ которой принадлежали угольщики, пристанодержатели бѣглыхъ.

Усердствуя по дѣлу о «михѣевской исторіи» егорьевскіе чиновники, люди тогдашнихъ понятій насчетъ кормленія себя на службѣ, (конечно не всѣ) могли заранѣе разсчитывать, что ихъ энергическія дѣйствія вознаградятся...

XXXVI.

У сосѣдей-помѣщиковъ, по всей вѣроятности, не могло появиться, вслѣдствіе новаго фазиса (выражаясь по нынѣшнему) въ михѣевской исторіи, ни особенныхъ и ни какихъ личныхъ разсчетовъ; но тѣмъ неменѣе, и они новымъ этимъ фазисомъ чрезвычайно заинтересовались. Михѣевская исторія, въ теперешнемъ ея осложненіи, представляла для нихъ сущій кладъ. Внезапное и загадочное исчезновеніе главныхъ лицъ въ этой исторіи замѣшанныхъ, облавы на бѣглыхъ, приведенія въ сильное движеніе чуть не весь народъ Егорьевскаго уѣзда, энергическія дѣйствія чиновниковъ, даже виды и разсчеты чиновничьи, заставляли тяжеловѣсныхъ пожилыхъ помѣщиковъ и помѣщицъ, съ молодежью ихъ обоего пола, безпрерывно обмѣниваться посѣщеніями ради новостей, толковъ и всяческихъ пересудовъ. И тутъ не ограничивались удовлетвореніемъ одного любопытства, или желанія пообсудить дѣло «своего брата-дворянина» попавшагося въ «казусъ»: сосѣди шли гораздо дальше этого: они существенно вмѣшивались въ дѣло, «натравливали» и прямо и чрезъ предводителя дворянства, чиновниковъ къ тому, чтобы «утенетѣли и доканали» проклятаго Іоасафа П—ва и атамана разбойниковъ, выродка Мишку Г—ва. Такое вмѣшательство обус-

ловливалось теперь не тѣмъ чувствомъ негодованія на поступки Іоасафа П—ва въ отношеніи его матери, которое, и при сильномъ уклоненіи въ сторону сословныхъ предубѣжденій, все-таки имѣло въ основѣ своей нѣчто почтенное, но уже чѣмъ-то инымъ, какою-то злорадостностью самаго ехиднаго свойства, злорадостностью допускавшею даже глумленіе надъ послѣдствіями, какія ожидали лицъ безповоротно-осужденныхъ этимъ «общественнымъ мнѣніемъ». Впрочемъ, всему этому подобало быть; дивиться тутъ нечего; развѣ только одному можно нѣсколько подивиться: сосѣди-помѣщики,— люди, вообще, хорошіе,—знали, не могли не знать, изъ-за чего особенно усердствуетъ земская полиція по михѣевской исторіи и что усердіе это, прежде всего, съ страшной тяжестью отзовется на бѣдныхъ крестьянахъ,—но, и зная, что такъ именно будетъ, они, хорошіе люди, какъ я слышалъ мелькомъ, чуть не радовались предполагаемой удачѣ чиновничьихъ разсчетовъ на поживу, по крайней мѣрѣ, съ шуточками и прибауточками объ этомъ разговаривали... Да! добрые сосѣди, изъ-за развлеченія своего скандальной исторіей, оживившей толками о ней все глухое помѣщичье захолустье, нагрѣшили тогда немало!..

Въ своемъ суетливомъ на ту пору движеніи, сосѣди, надо полагать, недолго оберегали бы спокойствіе Надежды Ивановны — и все-таки рѣшились бы «обезпокоить» ее сообщеніемъ новостей о полицейскихъ розыскахъ въ притонѣ бѣглыхъ солдатъ и о всѣхъ показаніяхъ угольщиковъ; но судьба пощадила отъ этаго несчастную старушку: быстро и слишкомъ замѣтно для всѣхъ подступила тогда къ ней великая утѣшительница страждущихъ, смерть.

Послѣдніе дни жизни довелось Надеждѣ Ивановнѣ провести не у близкихъ, очень любимыхъ ею сосѣдей, Змѣевыхъ. Предводитель дворянства, почему-то, счелъ необходимымъ пріютить у себя «выжитую изъ дому злодѣемъ-сыномъ помѣщицу предводимаго имъ уѣзда» — и успѣлъ-таки склонить ее, чтобы она къ нему окончательно переѣхала. Какіе бы разсчеты ни руководили тутъ Андрея Ивановича Повалишина (а разсчеты, кажется, дѣйствительно были), но, во всякомъ случаѣ, онъ поступилъ хорошо: домъ его въ селѣ Раменкахъ, просторный и даже очень обширный, представлялъ гораздо болѣе удобствъ для спокойнаго во всѣхъ отношеніяхъ помѣщенія больной старушки, чѣмъ домъ Змѣевыхъ, тѣсный и переполненный дѣтьми и приживальцами.

Впрочемъ, Надежда Ивановна умирала спокойно. По крайней мѣрѣ, такъ казалось окружавшимъ ее людямъ, да и не могло показанныя иначе въ виду того, какъ подготовлялась она къ смерти.

Богъ помогъ ей пересилить то чувство раздраженія, которое побудило ее проклять сына. Тайной осталось, какъ разсудила она въ душѣ о поступкѣ своемъ, воспоминаніе о которомъ мучило ея страшно и непрестанно; но она старалась со всей, доступною для нея тогда

силою, облегчить свою возмущенную душу. Дня за три, за четыре до кончины, она призвала къ себѣ духовника своего, священника села Макшеева, исповѣдалась у него и раскаялась въ томъ, что, по чрезмѣрному и неразумному раздраженію противъ сына, прокляла его; принявъ же Святыя Тайны,—глубоко умиленная этимъ, слезно стала просить отца Осипа, дабы онъ въ точности и сколь возможно скорѣе исполнилъ предсмертную ея просьбу, передалъ бы сыну Іоасафу, что она во всемъ его прощаетъ и сама проситъ у него христіанскаго прощенія, молитвы за нее, передъ нимъ согрѣшившую, и обычнаго о упокоеніи души ея поминовенія.

— Матушка Надежда Ивановна, сказалъ на это священникъ: не осмѣлюся поперечить вамъ ни въ чемъ и радъ бы съ радостью выполнить, а все же дозвольте напередъ слово молвить. Можетъ статься, нашелъ бы я очень скоро Есафа Николаича, вѣдь, не за горами же онъ, хотя и отлучился изъ дому неизвѣстно куда. Все-конечно, весьма многимъ, почитай, всѣмъ неизвѣстно, гдѣ онъ теперича пребываетъ, а уповательно кто-нибудь про то и свѣдомъ,— да вотъ, хоша-бы староста вашъ Павелъ Селифонтовъ, мужичокъ онъ толковый, разумный... Коли сказать ему, что вы, матушка, гнѣвъ на милость преложили и клятву съ сынка вашего сняли, то смотришь — Селифонтычъ помогъ бы мнѣ розыскать Есафа Николаича, и я тогда привезъ бы его къ вамъ... Охъ, матушка, во истину, было бы хорошо, ангелы Господни возрадовались бы!..

— Нѣтъ, отецъ Осипъ! отвѣчала старушка, подумавъ: нѣтъ!.. слишкомъ тяжко было бы намъ обоимъ... Да и не надѣюся, чтобы вы успѣли... Я простила сыну отъ всей души, онъ тихъ и добръ сердцемъ, и тоже проститъ, а Господь Богъ тамъ все разсудитъ.. Нѣтъ! не надо свиданія передъ моей смертью, да послужитъ это послѣднею мнѣ карою за грѣхи, что въ жизни содѣяла...

Старушка много тутъ плакала, но этотъ плачь не разстроилъ, а какъ бы успокоилъ ее. Умиренная мысль подсказала ей и еще одно распоряженіе на пользу сыну.

— Батюшка! сказала Надежда Ивановна, въ заключеніе послѣдней бесѣды своей съ макшеевскимъ священникомъ: я и еще прошу васъ, не скрывать ни передъ кѣмъ, даже всѣмъ разсказывать какъ я каялась на исповѣди, что согрѣшила тяжко безумною той клятвой на сына... Вы молчите, можетъ, сомнѣваетесь: можно ли будетъ вамъ говорить о томъ, что слышали на исповѣди... Такъ, постойте же, я сама помогу вамъ въ этомъ, пусть исповѣдь моя будетъ открытая... позовите сюда дочь Любашу, Елизарьевну и человѣкъ двухъ-трехъ изъ повалишинскихъ!

Священникъ тотчасъ же исполнилъ ея повелительное приказаніе—и передъ всѣми присутствующими Надежда Ивановна вновь покаялась въ тяжкомъ грѣхѣ своемъ и твердо, затѣмъ, сказала, что сыну она все простила, что священнику села Макшеева, духовнику своему, поручила испросить у сына прощеніе ей.

— Попомните же, ради самаго Спаса-Многомилостиваго!..—добавила она:—попомните—и всѣмъ сказывайте, что сняла я клятву грѣшную!.. простила, простила!.. А вы, батюшка, вы Андрею Иванычу скажите... чтобы не мучили... не мучили больше Есаню!.. Поклянитесь, что все... все о чемъ просила, исполните!.. Поклянитесь именемъ божіимъ!..

Онъ поклялся, и съ послѣднимъ словомъ его клятвы, душевная скорбь, физическое изнеможеніе совершенно одолѣли старушку; съ ней сдѣлался продолжительный нервный припадокъ. Но, несмотря на хлопоты при этомъ, весь домъ перетревожившія, особенно потому что, на ту пору, Андрей Ивановичъ и жена его были въ отсутствіи,—впечатлѣніе, произведенное сценою «открытой исповѣди», было чрезвычайно велико: всѣ присутствующіе разжалобились и плакали, даже ехидная Елизарьевна плакала: и жалость эта была не объ одной умирающей въ тяжкихъ душевныхъ страданіяхъ, но и о несчастномъ ея сынѣ.

Андрей Ивановичъ возвратился домой еще до кончины Надежды Ивановны. Ему тотчасъ же передали, что умирающая и на исповѣди у макшеевскаго священника, и передъ созванными по приказанію ея людьми простила своего сына, поручила священнику испросить у него ей самой прощеніе, и подъ конецъ все твердила, чтобы сына ея больше не мучили. Неизвѣстно какъ отнесся Андрей Ивановичъ и къ прощенію матери, и къ порученію ея священнику; но желаніе, чтобы «не мучили больше ея сына» крѣпко ему не понравилось, какъ и выразилось это по послѣдствіямъ. Онъ хотѣлъ было немедленно «объясниться» съ Надеждой Ивановной, разсказать ей уже «обо всѣхъ злодѣйствахъ» Іоасафа Николаевича и убѣдить ее, что онъ отнюдь не заслуживаетъ ея прощенія: съ большимъ трудомъ, удалось его женѣ и принятой имъ на воспитаніе дочери Николая Андреевича Берсенева отговорить его отъ этого, по истинѣ, недобраго объясненія. Но упрямый, взбалмошный старикъ, всетаки, не отказался отъ внезапно осѣнившей его мысли о необходимости воспользоваться порученіемъ Надежды Ивановны священнику именно такъ, чтобы оно послужило къ развязкѣ михѣевской исторіи, къ той развязкѣ, которая уже была твердо намѣчена въ его головѣ.

Вызвавъ къ себѣ макшеевскаго священника, Андрей Ивановичъ долго допрашивалъ его насчетъ порученія даннаго ему госпожой П—вою, и, послѣ путаннаго, крайне придирчиваго допроса этого, прямо потребовалъ, чтобы священникъ, исполняя то порученіе, оказалъ бы всяческое содѣйствіе къ поимкѣ укрывающагося отъ слѣдствія и суда, «недостойнаго имени дворянина», Іоасафа П—ва, а также и его незаконнорожденнаго брата Мишки Г—ва, атамана разбойниковъ».

— Да какъ бы возможно было мнѣ впутаться въ сіе мудреное

дѣло—возразилъ довольно строптиво священникъ:—помилосердуйте, Андрей Иванычъ!.. Не возлагайте на меня бремени неудобоносимаго... Я готовъ бы отстрониться и отъ сего претяжкаго порученія, чтобы повидаться съ Есафомъ Николаичемъ и передать ему что̀ наказано родительницею, да клятвою связанъ...

— Какъ возможно тебѣ!—грозно вспыхнулъ предводитель:—А не хочешь подъ началъ, въ монастырь?.. Я нимало немедля къ преосвященному обращусь. Чай, уважитъ предводителя дворянства, не промѣняетъ его на безтолковаго попа, потакающаго въ разбойномъ дѣлѣ. А меня вздумалъ бы преосвященный не уважить, такъ во всемъ послушается генералъ-губернатора... Я тебя допеку! я тебя доканаю!..

Угрозы и даже брань текли изобильно въ устрашеніе непокорливому отцу Осипу. Но онъ «не возмутился духомъ» и ни въ чемъ-таки не уступилъ, можетъ быть, нестолько по твердости своего характера, сколько потому, что близкій родственникъ его уже и тогда стоялъ на значительной ступени въ духовной іерархіи.

— Воля ваша, милостивѣйшій государь,—отвѣчалъ онъ, наконецъ, разбушевавшемуся представителю дворянства:—воля ваша, а я въ соглядатаи и въ доносители, ни въ какомъ случаѣ, не пойду: сіе недостойно есть сана моего священническаго. Прошеніе дочери моей духовной, на одрѣ смертномъ данное, я выполню въ точности, а во всемъ прочемъ имѣйте меня отрѣченна... Касательно же угрозъ вашихъ прямо скажу: отнюдь ихъ не устрашуся, ниже усумнюся, ибо въ таковой я увѣренности, что владыка нашъ разсудитъ все дѣло благоприлично, нелицепріятно и никакъ не выдастъ меня головою мнящимъ истязать совѣсть мою... Да и небезъизвѣстно должно быть вамъ, милостивѣйшій государь, что я и инымъ вѣрнѣйшимъ путемъ имѣю возможность довести истину весьма далеко...

Послѣдній намекъ былъ ясенъ для Андрея Ивановича, хорошо знавшаго о родственныхъ связяхъ отца Осипа. Андрей Ивановичъ не сталъ больше приставать къ несговорчивому священнику, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ отнюдь не отказался отъ намѣренія воспользоваться по своему теперешнимъ случаемъ,—дознать во что̀ бы то ни стало о мѣстопребываніи Іоасафа П—ва и быстро повести михѣевскую исторію къ развязкѣ въ желанномъ для него, предводителя, смыслѣ. Планъ для этого какъ разъ созрѣлъ въ головѣ его. Макшеевскій священникъ «измѣнилъ», не захотѣлъ, по поповскому упрямству своему, содѣйствовать, ни какіе резоны и угрозы не повліяли на него; за то михѣевскій староста остался подъ рукою, онъ-то ужъ не заупрямится, а дерзнетъ супротивничать, такъ его можно будетъ всячески понудить къ обнаруженію всѣхъ секретовъ его барина.

Впрочемъ, планъ этотъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, сначала, попрепятстовали тутъ хлопоты

вслѣдствіе кончины Надежды Ивановны и погребенія тѣла ея, по ея предсмертной волѣ, на макшеевскомъ кладбищѣ, а во-вторыхъ, и это главнымъ образомъ подѣйствовало на Андрея Ивановича Повалишина, къ тому времени существенно измѣнился взглядъ егорьевскихъ помѣщиковъ на михѣевскую исторію.

Слухъ о томъ, что Надежда Ивановна, передъ смертью, сняла клятву свою съ сына, простила его и даже поручила отцу Осипу испросить у Іоасафа Николаевича прощеніе ей самой, быстро разнесся по всему помѣщичьему околотку, и отрезвилъ чувство если не всѣхъ этихъ людей, еще недавно такъ неспокойно относившихся къ дѣлу, то, по крайней мѣрѣ, довольно значительнаго большинства. Какъ-то разомъ пришли на мысль многимъ иныя теперь истолкованія михѣевской исторіи, конечно, еще неясныя и нетвердыя, но все же совсѣмъ несходныя съ тѣми, которыя побуждали къ страстному вмѣшательству въ полицейскія преслѣдованія, направленныя противъ Іоасафа П—ва: оттого именно весь «планъ» Андрея Ивановича не встрѣчалъ въ дворянскомъ обществѣ уже ни малѣйшаго сочувствія.

— Помилуйте!—отзывались въ одинаковыхъ выраженіяхъ почти всѣ, кому только ни сообщалъ предводитель и про свое объясненіе съ макшеевскимъ священникомъ и про свой планъ:—да, вѣдь, отецъ Осипъ совершенно правъ: ну, какъ ему, священнику, впутываться въ такое дѣло? Наконецъ, теперь вся эта «несчастная» исторія принимаетъ иной видъ: мать сама порѣшила ее, затѣмъ, одному Богу подлежитъ судъ... Какъ можно вмѣшиваться въ семейное дѣло!

Андрей Ивановичъ несразу сдался. Онъ соглашался, что собственно михѣевская исторія порѣшена теперь прощеніемъ матери; но долго настаивалъ, что дѣло о бѣглыхъ солдатахъ, о какихъ-то подозрительныхъ сношеніяхъ съ ними Іоасафа П—ва и его незаконнорожденнаго брата — это дѣло, столь важное и, можетъ быть, уже извѣстное высшему начальству, конечно, не подлежитъ прекращенію, и тѣмъ болѣе, что начато оно съ большой оглаской.

— Ну, и чтожъ такое! возражали предводителю: — мали ли изъ-за чего бываетъ огласка? поговорятъ и перестанутъ. Пускай и чиновники со своими приказными потѣшатся, а уѣздному дворянству и вамъ, его представителю, впутываться тутъ не слѣдуетъ. Да неужто вы серьёзно думаете, что П—въ былъ въ сношеніяхъ съ бѣглыми, укрывалъ ихъ? Вся вина его — увлекся бабёнкой, изъ-за того и всѣ бѣды вышли...

Сосѣди судили-рядили теперь уже съ легкимъ сердцемъ. Андрей Ивановичъ, въ концѣ-концовъ, согласился съ ними, что уже не слѣдуетъ ему впутываться въ дѣло — хотя «по секрету», кажется, онъ не переставалъ натравливать чиновниковъ на Іоасафа Николаевича; что̀, можетъ быть, дѣлалъ изъ-за страха отвѣтственности передъ высшимъ начальствомъ...

Впрочемъ, и перемѣна взглядовъ егорьевскаго дворянства на михѣевскую исторію уже не могла вліять на слѣдствіе о поступкахъ Іоасафа П—ва: дѣло было слишкомъ хорошо направлено къ его погубленію.

XXXVII.

Отецъ Осипъ недаромъ разсчитывалъ на помощь михѣевскаго старосты при исполненіи порученія Надежды Ивановны. Хотя староста и не могъ сообщить никакихъ положительныхъ свѣдѣній о мѣстопребываніи своего барина, но, пораскинувъ разумомъ, онъ догадался-таки до способа къ развѣдкамъ о немъ: онъ вспомнилъ, что прикащикъ Леонтьичъ видѣлъ барина, при первомъ его кутежѣ въ Коломнѣ съ Г—вымъ, у тамошняго ямщика Сёмкина, и изъ этого сообразилъ, что, должно быть, Сёмкинъ же, на лошадяхъ котораго два раза пріѣзжалъ Г—въ въ Михѣево, перевозилъ съ полянки угольщиковъ всѣхъ, кого не нашелъ тамъ исправникъ—и потому знаетъ, гдѣ теперь находится Іоасафъ Николаевичъ.

— Весьма разсудительно соображено, похвалилъ священникъ старосту:—а все же сомнѣніе меня беретъ: ямщикъ Сёмкинъ, коего я вовсе не знаю, можетъ-статься, не пожелаетъ откровенно поговорить со мною. Такъ, не лучше ли было бы тебѣ, Селифонтычъ, отправиться въ Коломну и разспросить кого подобаетъ?

— Нѣтъ, батюшка, не годится, возразилъ староста: — со мною Сёмкинъ не пустится въ разговоры — заподозритъ: изъ-за чего, молъ, человѣкъ разспрашиваетъ, не подосланъ ли отъ кого; а васъ, священника, на-врядъ станетъ подозрѣвать. Да и вотъ что̀ смекаю: коли вы прямёхонько скажете Сёмкину, что, молъ, послѣ исповѣди у васъ, барыня просила розъискать Есафа Николаича безпремѣнно—ну, и нечего скрывать отъ него про всѣ наши дѣла горегорькія — онъ досконально повѣритъ и, надо быть, не станетъ ни въ чемъ таиться.

— И сіе разсужденіе преизрядно. Да! одарилъ тебя Господь хорошимъ разумомъ! опять похвалилъ священникъ старосту:—Значитъ, теперича я знаю куда слѣдуетъ первѣе всего толкнуться, и безбоязненно обращусь къ тому ямщику Сёмкину. Промедлять же отнюдь не стану—да успокоится симъ душа покойницы!

Въ первый же базарный день, отецъ Осипъ собрался въ Коломну. Пора была позднеосенняя, уже больше недѣли шли непрерывно дожди и дороги сдѣлались почти непроѣздными; но это не охладило усердія почтеннаго старика-священника. Перемокъ и иззябъ онъ въ пути и, съ чувствомъ большаго удовольствія, добрался до домика родной сестры своей, старухи-просвирни, гдѣ и рѣшился, сначала, отдохнуть, обогрѣться хорошенько и лишь передъ вечеромъ пуститься на предположенные поиски; что̀, впрочемъ,

сподручнымъ оказывалось, такъ какъ сестринъ дворъ находился въ близкомъ разстояніи отъ дома ямщика Сёмкина.

На дворѣ уже было темновато, нестолько отъ надвигавшихся сумерекъ, сколько отъ непогоды, когда отецъ Осипъ отправился къ Сёмкину. Но онъ былъ доволенъ этою темью и безлюдностью улицъ, какъ будто шелъ на секретное какое нибудь дѣло: такъ ужь настроенъ былъ онъ на ту пору, занятый единственно мыслью въ точности выполнить порученіе несчастной старушки.

Подходя къ сёмкинскому дому, онъ увидалъ, что улица, однако, несовсѣмъ пустынна: у воротъ, необычно затворенныхъ, должно быть, по причинѣ непогоды, на обрубкѣ дерева, сидѣлъ какой-то человѣкъ, который спалъ, что ли тутъ, такъ съёжился онъ, закутавъ все лицо себѣ высокимъ откиднымъ воротникомъ смураго своего армяка.

Отецъ Осипъ подошелъ къ нему близехонько, но и тогда онъ не приподнялъ низко опущенной головы, не выглянулъ изъ-подъ воротника, даже не пошевельнулся.

— Вишь, чудакъ, разоспался, подумалъ священникъ и рѣшился разбудить «чудака» на тотъ конецъ, чтобы онъ проводилъ его къ Сёмкину во дворъ, гдѣ могли быть лихія собаки. И лишь притронулся онъ къ плечу сящаго, какъ тотъ быстро вскочилъ съ мѣста, сталъ испуганно озираться и какъ будто намѣревался бѣжать куда-то. Но отецъ Осипъ схватилъ его за руку и удержалъ. Тутъ-то и увидалъ онъ, что человѣкъ этотъ очень знакомый ему прихожанинъ его: то былъ приближенный служитель михѣевскаго барина Макаръ Петровъ.

— Ты, любезненькій, куда же это бѣжать хочешь отъ меня, отца твоего духовнаго? началъ священникъ:—Прятаться отъ меня-то не подобаетъ, а коли у тебя и имѣется для того нѣкая причина—нетаковскій же я человѣкъ, чтобы выдавать, засаду устраивать. Нѣтъ, любезненькій, ты ровно-таки ничего не опасайся—а мнѣ до тебя дѣльцо есть немаловажное...

Но не успѣлъ Макарушка отвѣтить что нибудь, какъ изъ-за угла улицы, на которомъ стоялъ сёмкинскій дворъ, показался человѣкъ верхомъ.

— Ты! ты!.. И въ такую непогодь выползъ!.. Съ кѣмъ тамъ разтабарываешь?.. грозясь плетью, еще издали закричалъ подъѣзжавшій человѣкъ.

Шумный вой бури мало заглушалъ этотъ зычный и грозный голосъ, походившій на какой-то дикій ревъ.

— Братъ бариновъ... Михайло Николаичъ!.. едва слышно промолвилъ Макарушка, чрезвычайно перепугавшійся, какъ показалось священнику.

Всадникъ этотъ подъѣхалъ къ воротамъ неспѣшно, перегибаясь на сѣдлѣ во всѣ стороны, разминая закоченѣвшіе члены. Онъ си-

дѣлъ на большой, сильной, но замѣтно измученной дорогою, лошади. Одѣтъ былъ онъ въ длинный кожанъ, спускавшійся пòлами на высокіе сапоги и перетянутый широкимъ ремнемъ; голову его покрывалъ огромный клеенчатый картузъ; изъ-за пазухи торчала большая рукоять ножа или кинжала. Вся дюжая его фигура рѣзко, колосально выступала сквозь тусклый свѣтъ надвигавшихся сумерекъ.

То былъ, дѣйствительно, Михайло Николаевичъ Г—въ.

Отецъ Осипъ тоже узналъ подъѣхавшаго всадника, хотя не видалъ его давнымъ-давно, такъ какъ Г—въ, въ послѣдніе свои пріѣзды въ Михѣево, ни разу не былъ у обѣдни въ селѣ Макшеевѣ; онъ узналъ его нестолько по шопотному возгласу перепуганнаго Макарушки, сколько по какому-то предчувствію, что это, точно, тотъ странный человѣкъ, про котораго такъ много говорили и говорятъ въ макшеевскомъ околоткѣ, про котораго какъ-то недобромъ отзываются всѣ, и помѣщики-сосѣди, и даже свои, михѣевскіе, и чужіе крестьяне.

— А! такъ вотъ съ кѣмъ ты бесѣдушку ведешь на досугѣ!.. Такъ-то ты помнишь, чтò было наказано тебѣ строго-на-строго!.. Ну, погоди-жь!.. обратился къ Макарушкѣ, опять съ грозою, Михайло Николаичъ.

— Государь мой милостивый! важно и строго возразилъ отецъ Осипъ; — напрасно вы изволите гнѣваться на сего малаго: хоша я подошелъ къ нему, но для него не нарокомъ и, какъ есть, невзначай, въ чемъ ужь довѣрьте мнѣ, яко священнику. Притомъ же доложу вамъ, напрасно и меня изволите считать за нѣкоего соглядатая, какъ сіе очевиднымъ мнѣ представляется!

— А зачѣмъ вы сюда? отрывисто спросилъ Г—въ.

— Всеконечно, ради весьма уважительной причины; инако что могло бы побудить меня на поѣздку въ такую непогоду и бездорожицу, по истинѣ, многоопасную?.. отвѣчалъ священникъ:— Поелику же полагаю, что вы, милостивѣйшій государь, — сродственникъ Іоасафа Николаевича господина П — ва, такъ, посему самому, я даже обрадованъ встрѣчею съ вами: опять-таки полагаю, что вы поможете мнѣ повидать Іоасафа Николаевича, къ коему препорученіе имѣю отъ его родительницы.

— Вотъ что!.. Но здѣсь не мѣсто разговаривать, погодите, сейчасъ распоряжусь... промолвилъ какъ бы съ неохотою и сердито Михайло Наколаевичъ:—Макарка! продолжалъ онъ:—вишь, у васъ порядки дурацкіе завелися... ворота, и эти и на тотъ переулокъ, раствори настежь, какъ надо, лошадь мою не разсѣдлывай, привяжи ее, вонъ, у того окна,—и онъ указалъ на крайнее окно въ семкинскомъ дому, очень длинно и наискось протянувшемуся посередь огромнаго двора, насупротивъ конюшень, хлѣвовъ и са-

раевъ, выходившихъ наружными стѣнами на другой переулокъ. А нѣтъ ли гостей у Семкина?

— Никого нѣту, окромя старенькаго странничка, что повчера зашелъ, отвѣчалъ вполголоса Макарушка.

— Лошадь я самъ проведу, а ты вели Семкину, чтобы подалъ огня въ мою горницу... Да странничка надо бы поскорѣе уложить... приказалъ Г—въ Макарушкѣ.

Черезъ грязный дворъ, онъ провелъ отца Осипа за уголъ дома, гдѣ оказалась малая, незапертая дверь. Когда Макарушка отворилъ эту дверь, Михайло Николаевичъ сдалъ ему свою лошадь и вошелъ въ небольшую жарко натопленную горницу, которая своей чистотой и довольно нарядныхъ убранствомъ, съ двумя столами, покрытыми клеенкою, съ хорошими стульями, обитыми кожею, съ коврами на полу и на стѣнѣ у приготовленной «по господски» постели, очень удивила макшеевскаго священника, ужь никакъ не ожидавшаго найдти такую обстановку въ домѣ простаго ямщика.

Хозяинъ Семкинъ — преземистый, широкоплечій, но съ лица худощавый человѣкъ, среднихъ лѣтъ — видно, очень обрадовался гостямъ, освѣтилъ горницу ярко: на столахъ горѣло по двѣ свѣчи— роскошь немалая, хотя свѣчи были сальныя, въ мѣдныхъ и жестяныхъ подсвѣчникахъ. И не понравился отцу Осипу этотъ хозяинъ, который, однако, прежде всего, чинъ-чиномъ подошелъ къ нему подъ благословеніе и уже потомъ обратился къ Михайлѣ Николаевичу съ большими поклонами. Въ самомъ дѣлѣ, во всей физіономіи Семкина было много странныхъ и рѣзкихъ противуположностей. Такъ, по выраженію сѣрыхъ глазъ его, то сурово-проницательному, то задорно-веселому, такъ, по улыбкѣ его, то быстро насмѣшливой и какъ бы язвительной, то черезчуръ смиренной и льстивой, нельзя было опредѣлить: жестокъ или добросердеченъ этотъ человѣкъ, и даже — дѣйствительно ли онъ веселаго отъ природы нрава.

— Все ли по-добру, по-здорову, батюшка, сударь, Михайло Миколаичъ?.. а мы-то васъ ждали-заждалися, да вотъ ужь съ недѣлю каждый день вашу горницу топимъ... заговорилъ хозяинъ проницательно, но очень осторожно, — все какъ-то сбоку и все урывками,—заглядывая въ мрачное лицо своего главнаго гостя, а притомъ, льстиво, подобострастно и какъ будто въ самомъ довольномъ и веселомъ расположеніи духа улыбаясь передъ нимъ.

Михайло Николаевичъ ничего не отвѣтилъ. Отсторонивъ отъ себя, порывистымъ движеніемъ руки, назойливаго хозяина, онъ быстро подошелъ къ занавѣшенному извнутри полостью, единственному окну горницы, въ которое еще не была вставлена двойная рама и попробовалъ отворить его. Но оказалось, что оно крѣпко забито, должно быть съ надворья.

— Это еще зачѣмъ? сердито обратился онъ къ Семкину:—придумываешь ты все съ большой своей хитрости!..

— Помилуйте!.. только для тепла, батюшка,—а чтобы, то-исьсырь небольно заходила въ горницу... А хитрости тутъ моей ровнехонько никакой... Помилуйте! возразилъ жалобнымъ тономъ Семкинъ.

— Ну, нечего болтать! перервалъ Г—въ:—ступай, сейчасъ же вели, на случай, осѣдлать хорошую лошадь, и пущай, замѣсто моей, стоитъ на-готовѣ, у самаго этого окна, — можетъ, скоро понадобится... Топоръ еще сюда... да нѣтъ! не надо, вотъ же молотокъ хорошій есть и годится... Самъ больше не мѣшай, а Макарку держи тамъ, пожалуй, и поближе отсюда, но такъ, чтобы не подслушивалъ... Самъ тоже отнюдь не моги!.. А я съ батюшкой переговорю.

Все это казалось отцу Осипу страннымъ и сомнительнымъ. Не то, чтобы онъ боялся тутъ чего-нибудь собственно для себя, а все же какъ-то очень жутко было ему. Онъ догадывался, что Михайло Николаевичъ Г — въ, человѣкъ со славой о немъ худою, чѣмъ-то смущенъ, чего-то страшится, а потому принимаются имъ мѣры— и даже прежде принимались — ко внезапному побѣгу, въ случаѣ какой-то опасности. Но откуда и по какой причинѣ грозитъ эта опасность? Невольно вопросъ объ этомъ сильно тревожилъ отца Осипа—и, въ тревогѣ своей, онъ самъ держался на-готовѣ уйдти, даже убѣжать отсюда немедленно, отчего не садился по двукратному отъ Михайлы Николаевича приглашенію, а все стоялъ неподалеку отъ выходной на дворъ двери.

— Что-же вы не садитесь батюшка? Аль чего опасаетесь? Кажись, вамъ-то не слѣдовало бы, сказалъ Г—въ.

— Признательно молвить, отвѣчалъ священникъ,—недоумѣніе есть у меня... и ради того именно, что вы-то, милостивѣйшій государь, словно страшитесь чего...

— До меня вамъ дѣла нѣтъ! возразилъ Г—въ отрывисто и повелительно,—прямо у васъ спрашиваю: зачѣмъ сюда пожаловали? Говорите безъ всякой утайки!

Рѣзкій тонъ Г—ва какъ будто обидѣлъ священника.

— Напрасно такъ преогорчаете! сказалъ онъ:—завсегда я тщился жить, если же путями ходилъ, было виднёхонько всѣмъ, и передъ вами такожде нечего мнѣ утаивать... А впрочемъ, государь мой, чтò намъ препираться? На прямой вашъ вопросъ прямо и отвѣчу: здѣсь я не по своей охотѣ, и ужь всеконечно не по подсылу, здѣсь я по волѣ бывшей воспитательницы вашей, Надежды Ивановны П—вой; а взялся, клятвенно обязавшись, передать сыну ея Іоасафу Николаевичу все чтò наказывала она передъ кончиною и считаю должнымъ совершить сіе самолично...

— Умерла?.. Умерла она?.! прошепталъ Г—въ, какъ бы требуя

отъ священника потвержденія словъ его о смерти Надежды Ивановны.

— Да! приказала долго жить; скончалась, и во-истину какъ христіанкѣ подобаетъ!.. отвѣчалъ отецъ Осипъ:—а засимъ, и прошу васъ...

Но, взглянувъ на собесѣдника, онъ разомъ перервалъ свою рѣчь. Г—въ былъ въ чрезвычайномъ волненіи: ярко-румяное лицо его вдругъ покрылось мертвенной блѣдностью и исказилось судорогами; несмотря на то, что не снималъ своего кожана и вообще былъ одѣтъ очень тепло, онъ весь дрожалъ, какъ въ сильнѣйшемъ припадкѣ лихорадки.

— Умерла!.. Умерла!.. повторилъ онъ много разъ.

— Господь съ вами, Михаилъ Николаевичъ, заговорилъ священникъ:—чтò же вы такъ духомъ смущаетесь? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, всѣ мы, человѣки смертные, кончина дней нашихъ, предѣлъ его же не прейдеши... А Надежда Ивановна... если разсудить, такъ и лучше, что Господь и прибралъ: жизнь-то была безрадостная и претяжкая, вотъ, хоша бы то одно, что должна была пріютиться въ чужомъ дому... А успокоилась она вѣчнымъ успокоеніемъ у нашего храма въ Макшеевѣ, рядомъ съ могилою супруга своего, злополучно-поживщаго Николая Михайловича.

И опять отецъ Осипъ долженъ былъ прекратить рѣчь свою, далеко не окончивъ всѣ утѣшенія, какіе приходили ему на умъ: Михайло Николаевичъ, въ изступленіи, отскочилъ отъ него къ окну, сорвалъ полость его закрывавшую, огромнымъ своимъ кулакомъ выбилъ раму, и высунулся въ отверстіе, сквозь которое, какъ показалось макшеевскому священнику, вдругъ мрачно и грозно глянула въ горницу черная ночь.

На стукъ и звонъ стеколъ стремглавъ вбѣжали хозяинъ и Макарушка, какъ видно, находившіеся до того близко.

— Господи!.. Взъѣхали, чтоль-ль, во дворъ?.. дрожащимъ голосомъ спросилъ у священника хозяинъ.

Но слышно было только, что дождь ливмя-ливщій обдаетъ наружную стѣну и потокомъ сбѣгаетъ изъ жолоба на камень, а иногда что Михайло Николаевичъ тяжело вздыхаетъ и притомъ словно стонетъ.

Такъ прошло, можетъ быть, съ четверть часа.

Горница, что-ли, совсѣмъ остыла черезъ отверстіе окна безъ всей рамы, но и отца Осипа охватила сильная дрожь. И тѣмъ болѣе жутко было ему, что въ горницѣ стало темно: порывами врывавшагося въ нее вѣтра задуло три свѣчи и лишь четвертая, подъ нагорѣвшей свѣтильней, тускло-тускло свѣтила.

Всѣ присутствующіе находились несомнѣнно подъ вліяніемъ тоскливаго страха. Но Михайло Николаевичъ, первый, пришелъ въ себя. Онъ очнулся и по своему распорядился.

— Вы зачѣмъ? грозно крикнулъ онъ на хозяина и Макарушку:— какъ вы смѣли войдти, когда я не звалъ?.. Вонъ отсюда!

И оба выскочили изъ горницы, хозяинъ дома даже проворнѣе Макарушки.

Михайло Николаевичъ самъ принялся тотчасъ же приводить въ порядокъ все, что̀ было разстроено въ горницѣ внезапнымъ порывомъ его изступленія: закрылъ со двора ставнею выбитое окно, опять навѣсилъ на него полость, приладивъ ее такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, вѣтеръ не проникалъ, зажегъ потухшія свѣчи и поправилъ нагорѣвшую. Все это онъ дѣлалъ неторопливо, старательно, и поэтому можно было бы счесть его совсѣмъ успокоившимся, еслибъ лицо его не было такъ блѣдно и мрачно по выраженію, еслибъ блуждающій взглядъ его синихъ глазъ не переносился безпрерывно съ предмета на предметъ.

— Значитъ, изъ-за этого вы... Да, да! кажись и еще... говорили... точно говорили,—наказывала она... не скрывайте!.. Можетъ, и думаютъ на меня, но какъ Богъ святъ!.. такъ заговорилъ онъ, наконецъ, глухимъ, прерывистымъ голосомъ, и очень медленно, а въ то же время какъ будто все прислушивался къ чему-то.

Отецъ Осипъ на этотъ разъ уже нисколько не былъ раздраженъ требованіемъ не скрывать ничего изъ даннаго ему порученія.

— Надежда Ивановна, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою торжественностью:—Надежда Ивановна долгъ христіанскій исполнила, исповѣдалась и пріобщилась святыхъ таинъ,—и Господь даровалъ ей милость Свою великую: успокоилась она духомъ своимъ, всѣмъ простила... простила тоже сына и благословила его... А за симъ,— Самъ Господь внушилъ ей благую мысль, что должна она испросить у сына прощеніе въ томъ, что во гнѣвѣ клятву произнесла на него... Вотъ, таковымъ-то немалымъ препорученіемъ и обязала она меня. И всеконечно, долженъ я все сіе выполнить самолично. По сему и прошу васъ, милостивѣйшій государь, открыть мнѣ, когда бы я могъ видѣть Іоасафа Николаевича.

Г—въ выслушалъ священника съ напряженнымъ вниманіемъ, но ничего не сказалъ въ отвѣтъ, а отошелъ въ сторону и предался глубокому раздумью, въ которомъ, казалось, совсѣмъ позабылъ о своемъ собесѣдникѣ.

— Я все-таки о томъ же самомъ, подождавъ нѣсколько, заговорилъ отецъ Осипъ:—и соизвольте разсудить милостиво, ну, какъ же мнѣ-то тутъ быть? Черезъ кого бы я могъ освѣдомиться о мѣстѣ пребыванія Іоасафа Николаевича? Всеконечно, вы только и можете сообщить мнѣ насчетъ сего самовѣрнѣйшія свѣдѣнія и указанія. Такъ я, увидавъ васъ, и вознадѣялся... А ежели — паче чаянія — сомнѣнія какія все имѣете касательно соглядатайства, яко бы подвоха съ моей стороны, то, ради важности дѣла, я го-

товъ великою клятвою завѣрить васъ... я и такъ уже единожды согрѣшилъ, поклялся Надеждѣ Ивановнѣ, что выполню въ точности ея предсмертную волю.

— Не въ томъ дѣло... отвѣчалъ наконецъ, Г—въ:—я не сумнѣваюсь въ васъ,—и еслибъ усумнился!.. (голосъ его грозно прозвучалъ при послѣднихъ словахъ).—Не въ томъ дѣло!.. Нешто вы не знаете?.. братъ Есафъ,—онъ болѣнъ,—онъ... и зачѣмъ вамъ самолично къ нему? Я могу все передать,—словъ тутъ немного,—«простила и благословила»... Словъ немного... ну, еще, пожалуй... Нѣтъ!.. и то: надо ли вовсе?.. Надо ли?.. Надо ли?..

— Какъ! вскричалъ священникъ:—да это жъ всяческаго удивленія достойно!.. духомъ возмущаюся!.. Какъ! ненадо, чтобы духъ его успокоился, чтобы не услышалъ, не узналъ онъ, что родительница сняла съ него страшное проклятіе, повязующее человѣка и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ!.. Я, вѣдь, такъ разумѣю конецъ рѣчи вашей... О, Господи Боже многомилостивый! да развѣ возможно такъ-то разсуждать?.. И если Іоасафъ Николаевичъ, воистину, болѣнъ, то, несомнительно, долженъ получить онъ немалое облегченіе и въ недугѣ своемъ тѣлесномъ, когда узнаетъ отъ меня, и именно отъ меня, поелику поклялся я въ томъ, — узнаетъ, что родительница его примирилась съ нимъ христіанскимъ примиреніемъ, что и сама она проситъ у него прощенія... Господи! я еще тогда сказалъ, что ангелы возрадуются, — вотъ, и паки скажу тоже!..

— Можетъ быть и такъ... промолвилъ почти шопотомъ Михайло Николаевичъ:—все же—подумаю... Но постойте!..

Онъ быстро подошелъ къ постели, вынулъ изъ-подъ подушки колокольчикъ и позвонилъ. Серебристый звукъ очень тихо раздался, и, почему-то отецъ Осипъ вздрогнулъ, испугался словно, заслышавъ его.

Другая дверь, ведшая внутрь дома, осторожно отворилась,—выглянула голова хозяина.

— Не тебя!.. Макарку!.. крикнулъ Михайло Николаичъ.

XXXVIII.

Макарушка вошелъ въ горницу черезчуръ тихо и робко, съ низко опущенной головою, какъ въ чемъ-то очень виноватый. «Ужь и боится же бѣднякъ жестоковыйнаго сего человѣка!..»—невольно и непріятно подумалось отцу Осипу.

Но смущеніе и оторопѣлость малаго сразу замѣтилъ и Г—въ.

— Что еще такое? Недаромъ ты... Да говори жь скорѣе! вскричалъ онъ—и внутреннее безпокойство еще сильнѣе выразилось на его блѣдномъ лицѣ.

— Тамъ... не благополучно... прошепталъ Макарушка.

— Умерла?.. Та, что-ль, — молодая? спросилъ Михайло Николаичъ, тоже вдругъ понизивъ голосъ до шопота.

Макарушка, однако, не отвѣчалъ — и все смотрѣлъ на отца Осипа, какъ видно, опасаясь говорить передъ человѣкомъ постороннимъ, хотя и хорошо ему знакомымъ.

— Болванъ ты михѣевскій! сердито прикрикнулъ на него Михайло Николаевичъ:—ну, что ротозѣемъ посматриваешь по сторонамъ? Коли самъ спрашиваю, и вотъ, здѣсь,—значитъ можно говорить. Говори все, все!.:

— Никто тамъ не померъ... отвѣчалъ Макарушка: только все жь не благополучно: теперича, обѣихъ тамъ уже нѣту...

— Какъ!.. Куда-жь, куда дѣвались?..

— Не могу знать-съ, вотъ, какъ сквозь землю провалились!..

— Разберешь ли тутъ что-нибудь? только въ головѣ все мутится... И какъ слухъ, разсказываетъ! Охъ! да надо же съ тобой!.. И Г—въ сдѣлалъ было два-три шага къ Макарушкѣ, вѣроятно, съ намѣреніемъ «расправиться» съ нимъ, но вдругъ пріостановился. Слушай ты!.. промолвилъ онъ, затѣмъ, глухимъ, хриплымъ голосомъ, въ которомъ очень слышалась сильная, хоть и сдержанная ярость: если ты не будешь разсказывать по порядку, все какъ было, — я тебя!..

И онъ погрозилъ ему огромнымъ своимъ кулакомъ.

— Дѣло было недавнышко... началъ напуганный малый, дрожа и заикаясь: назадъ тому, въ прошлое воскресенье было, въ самыя сумерки, пошелъ я туда навѣстить, и ничего такого не замѣтилъ, то-ись, насчетъ это отъѣзду ихняго... Только передъ самымъ моимъ уходомъ, старуха и говоритъ: «хорошо бы, молъ, хоша бы не сходить, а съѣздить въ Голутвинъ, что-ли, не то въ Бобреневъ монастырь, аль въ Хетьковъ...» А я такъ отвѣтилъ: «Нешто, молъ, годится теперече? Вишь, какъ разненастилось, а Марина Прокофьевна все нездорова, отъ поѣздки этой еще больше простудится...» Только и было нашихъ рѣчей объ этомъ...

— Только и было рѣчей! повторилъ Г—въ:—А сказалъ ли ты про нихъ Сёмкину? Что̀ заморгалъ? не говорилъ, значитъ!.. Ну, да хорошо... Продолжай, и все по порядку, подробно.

— Еще съ вечеру, продолжалъ Макарушка, въ большомъ смущеніи, а все-таки разсказывая довольно обстоятельно: и съ-вечеру, и во всю ночь, такъ и подмывало меня... Ранехонько, чуть разсвѣло, не вытерпѣлъ, побѣжалъ я провѣдать. Прихожу, хозяйка у себя ставни отворяетъ. «Къ кому? спрашиваетъ: коли къ тѣмъ, такъ онѣ съѣхали отъ меня...» А дальше разсказала, что еще въ понедѣльникъ, попрощалися съ ней, сказали что совсѣмъ уѣзжаютъ, и уѣхали съ какимъ-то старенькимъ мужичкомъ, изъ-за села Щурова онъ, что-ль... Опосля того, просилъ я здѣшняго хозяина развѣдать,

онъ и посылалъ по всѣмъ монастырямъ, и еще куда-то за Оку, только нигдѣ слѣда ихняго нѣтъ...

— Какъ сквозь землю провалилися... и слѣдъ простылъ... сгинули пропали!.. проговорилъ Михайло Николаевичъ, нето насмѣшливо, нето задумчиво: Да!.. ты, однако, не сказалъ мнѣ, когда именно ходилъ туда въ другой-то разъ понавѣдаться... Смотри, не вертись, не вздумай соврать, я вѣдь, таковскій: коли не хочу быть обманутымъ, никто меня не обманетъ.

— Кажись... ужь во вторникъ было...

— То-то денекъ пропустилъ и вышла оказія... Позови Семкина!

Вошелъ Семкинъ, разглаживая надъ довольно-низкимъ лбомъ кудрявые свои волосы. Онъ былъ какъ будто-бы смущенъ, хотя замѣтно было очень старался скрыть это подъ веселой и льстивой улыбкой.

— Ты ужь знаешь о чемъ рѣчь идетъ, навѣрнякъ подслушивалъ, началъ Г—въ: ну, и что-жь: слѣдъ совсѣмъ простылъ?

— Ка-быть, такъ точно, Михайло Николаичъ. А вотъ, ни слуху, ни духу, нивѣсть чтó и подумать... отвѣчалъ Сёмкинъ нѣсколько торопливо.

— А не приложилъ ли ты руки тутъ, по крайности, не помогъ ли, эдакъ, сторонкою?.. Смотри! и тебѣ говорю: лучше не лги!..

— Помилуйте! да на что жь бы мнѣ? Какъ-есть, я тутъ ни при чемъ!.. А вотъ, хоша бы и вещи ваши, весь ларецъ вашъ цѣлехонекъ, я еще загодя отобралъ его, все, нѣтъ-нѣтъ, а думалось... Ну, такъ сами извольте разсудить теперича...

— Резонъ! Значитъ: какая, молъ, выгодишка была бы мнѣ... Пожалуй, повѣрю... а впрочемъ, видно будетъ... Ну, а все-таки, вѣдь, ты у меня малый не только продувной, но и смышленый, неужли-то не смекнулъ до сихъ поръ про то, куда онѣ дѣлися? Вонъ, Макарка говоритъ, что мужичонко, который ихъ повезъ, сказывался изъ-за села Щурова...

— Что-жь, можетъ, и не совралъ; да эко-ся, сказывался изъ-за Щурова! За Щуровымъ многонько всякихъ селъ и деревень. Вотъ, примѣромъ будучи, есть тамъ, по ту и по другую сторону Оки-рѣки, села большущія: Ловцы, Бѣло-Омутъ, и не малая деревня Луховицы, а еще по-дальше, ужь за самымъ городомъ Зарайскимъ, есть село Карино; такъ, вотъ тамъ, слышно, водятся разно ихъ называютъ: кто—молоканами, кто—духоборцами, кто—хлыстами, сами-жь они величаютъ себя святыми: глядишь, не къ нимъ ли пробралися... Про это самое взбрело мнѣ на умъ, какъ только услышалъ про ихній отъѣздъ.

— Кажись, старуха, аль хоть-бы та, другая, кажись, не таковскія онѣ были завсегда, да ты и самъ долженъ объ этомъ знать... Впрочемъ, говори ужъ все что на умѣ у тебя, какъ это ты домекнулся. Только я то не совсѣмъ понимаю.

Хозяинъ покачалъ головою, слегка ухмыльнувшись. Но вдругъ лицо его стало очень серьезно, и сѣрые глаза вспыхнули яркимъ огнемъ.

— Еще не такъ-то много живу, а видалъ я... сказалъ онъ, нѣсколько понизивъ голосъ, протяжно и какъ-то строго: да! ужъ видалъ, что подъ конецъ-то оченно о душѣ помышляютъ... Какихъ-какихъ стариковъ знавалъ, а и тѣ... Охъ! тяжко воспомнить объ отвѣтѣ, и помоги Господь тутъ всякому!.. А старуха, да вѣдь, она на всѣ руки была, чай, на своемъ вѣку немало-таки нагрѣшила, и давно бы пора ей подумать о спасеньѣ... молодая-же, ну, та совсѣмъ больнехонька, на ладонъ дышетъ, для ней оно и подъ-стать.

— Съ ихней стороны, можетъ, и такъ... тихо промолвилъ Г—въ: но когда-жь-бы успѣли онѣ уладиться съ тѣми, у кого спасаться задумали?..

— Слаживаться-то напередъ и незачѣмъ. Слышно, тамъ всякаго принимаютъ, коли нѣту опаски, что выдаетъ; принимать всякаго, ради спасенья, это, вишь, по ихнему закону такъ слѣдуетъ. А похоронныхъ мѣстовъ у тѣхъ святыхъ много, вотъ, хоша бы и въ селѣ Ловцахъ: лѣса близехонько подходятъ, лѣса пребольшущіе съ мещерской стороны; и болота такія есть, что только знающій да знающій сможетъ тамъ пробраться... А въ селѣ Каринѣ, говорятъ, больно сторожко живутъ: караулы свои есть для ночнаго времени, слышно, и подземные хода вырыты... право-слово, Михайло Миколаичъ, думается такъ-то мнѣ, и про иное что̀ въ голову вовсе не приходитъ.

Михайло Николаевичъ ничего уже не возразилъ. Какъ замѣтно было, всѣ соображенія и доводы «продувнаго» Сёмкина сильно подѣйствовали на него. Онъ молча махнулъ рукою и хозяину и Макарушкѣ, чтобъ уходили немедленно.

— Да не подслушивать больше, вслѣдъ имъ проговорилъ онъ, но съ явнымъ усиліемъ, такъ уже занята была голова его тяжелымъ раздумьемъ.

Онъ очень долго и «неспокойно» думалъ.

Но это было даже и не безпокойство, причиненное какимъ-нибудь дурнымъ извѣстіемъ. Съ каждой минутой, все больше обнаруживалось, что Г—ва томитъ, подавляетъ чрезвычайно-сильная тоска, что онъ никакъ не можетъ преодолѣть эту тоску. Правда, онъ все молчалъ, и ни малѣйшаго вздоха не вырывалось изъ его груди; но лицо его было такъ разстроено и искажено внутренней борьбою, то онъ такъ «метался, мѣста себѣ не находилъ», то садился, и лишь на мигъ, то вскакивалъ и начиналъ ходить изъ угла въ уголъ, то останавливался посередь горницы, какъ будто прислушиваясь и не ко внѣшнему какому-нибудь шуму, а къ тому, что совершалось въ душѣ его.

«Что́-жь это онъ такъ встосковался?.. А вѣдь человѣкъ-то не

слабодушный!» подумалъ, не одинъ разъ, отецъ Осипъ, слѣдившій за проявленіями тоски въ Г—вѣ все съ бо̀льшимъ вниманіемъ, несмотря на то, что его глубоко интересовалъ только что выслушанный разговоръ.

Онъ понималъ, что это волненіе, эта тоска, не отъ извѣстія же о кончинѣ Надежды Ивановны. Отчасти онъ догадывался, что дѣло тутъ идетъ о внезапномъ, непредвидѣнномъ исчезновеніи, должно быть, полюбовницы Іоасафа Николаевича, что именно это происшествіе, отъ чего бы оно ни зависѣло, отъ блажной ли или благой воли самой полюбовницы, отъ невѣдомыхъ ли разсчетовъ какой-то тамъ старухи, или же отъ особой случайности, потрясло глубоко, даже поразило «жестоковыйнаго человѣка». Но если бы такъ было съ Іоасафомъ Николаевичемъ, «балованнымъ этимъ помѣщикомъ», (неиначе смотрѣлъ всегда на него отецъ Осипъ), оно было бы еще понятно; а вотъ, сей «жестоковыйный», онъ-то изъ за чего втосковался, духомъ смутился и, какъ замѣтно, не вѣдаетъ что̀ ему предпринять? Хоть бы то было, что бѣжавшія женщины похитили у него большія деньги или дорогія какія вещи, а то, судя по словамъ хозяина, и этого нѣтъ... Ужь не боится ли онъ, что онѣ явятся куда нибудь съ доносами на̀ него? Послѣднее предположеніе, осѣнившее макшеевскаго священника, показалась ему весьма вѣроятнымъ: онъ внезапно вспомнилъ темные слухи о томъ, что этотъ самый господинъ Г—въ, можетъ статься, атаманъ цѣлой разбойничьей шайки, да кстати еще сообразилъ всѣ обстоятельства, которыми такъ странно сопровождалась теперешняя встрѣча его съ господиномъ Г—мъ. И оторопь большая напала на него, такъ что въ пору было бы бѣжать и бѣжать отсюдова; онъ даже и очень задумывался было насчетъ этого побѣга.

Но, конечно, бѣжать никакъ не приходилось, уже потому, что въ глухую ночную пору, да въ такую темь и непогоду, онъ, человѣкъ пожилой и имѣвшій зрѣніе слабое, легко могъ бы сбиться съ дороги ко двору своей сестры. А главное, какъ по своей волѣ выбраться изъ этой горницы, обстановка которой казалась ему теперь такой мрачною, когда «жестоковыйный господинъ» тутъ же находится, когда, притомъ, онъ такъ разстроенъ, а можетъ быть, и особенно злобенъ въ эту самую минуту?

Отецъ Осипъ, наконецъ, рѣшился прервать это столь тягостное, внушавшее ему всяческія опасенія, молчаніе. Поводъ къ разговору у него былъ готовъ: надо же было добиться сколько нибудь положительнаго отвѣта насчетъ свиданія съ Іоасафомъ Николаевичемъ. Для подкрѣпленія себя въ этой рѣшимости къ разговору, макшеевскій священникъ нѣсколько разъ повторилъ про себя слова, съ которыми о томъ самомъ предметѣ хотѣлъ онъ обратиться къ Г—ву. Слова эти все и вертѣлись у него на языкѣ, но когда онъ заговорилъ, вышло какъ-то совсѣмъ иное, вышло нѣчто такое, о чемъ рѣшительно не думалъ до того.

— Я все думаю теперь, милостивѣйшій государь, началъ онъ:— я все думаю, на дворѣ чтò дѣется... буря что-ль, а то можетъ статься, послалъ Господь уже и выяснѣло.

Михайло Николаичъ, въ это время опять быстро сновавшій изъ угла въ уголъ, вдругъ остановился насупротивъ священника, вперилъ въ него, съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ, потускнѣвшіе отъ тяжкой думы синіе глаза свои, и ничего не отвѣтилъ, продолжая, однако, стоять на одномъ мѣстѣ, какъ бы въ ожиданіи чтò еще скажутъ ему.

Но, хоть и смущаемый упорнымъ дикимъ взоромъ Г—ва, отецъ Осипъ, все-таки, успѣлъ справиться съ самимъ собою.

— Ужь не взыщите, что эдакъ-то, во-истину, нелѣпо повелъ-было я рѣчь... продолжалъ онъ:—ибо предстоитъ мнѣ переговорить съ вами отнюдь не о погодѣ, а все о томъ, о чемъ уже было говорено. Прошу васъ весьма настоятельно объявить мнѣ: гдѣ и когда именно могъ бы я свидѣться съ Іоасафомъ Николаевичемъ, дабы передать ему про все наказанное чрезъ меня усопшею его родительницею? Прямо доложу, важный вопросъ сей предлагаю теперича въ послѣдній разъ, поелику мнѣ и быть-то здѣсь долѣе не приходится... Наконецъ, убѣдительнѣйше прошу васъ вникнуть повнимательнѣе въ мое вопрошеніе, коимъ, можетъ статься, и наскучаю вамъ.

— Я слышу, все понялъ... отвѣчалъ Г—въ глухимъ, прерывающимся голосомъ:—а чтò-жь отвѣтить-то вамъ?.. Вы съ той стороны, вы должны хорошо знать... да и какъ не знать — чѣмъ загубилъ себя Есафъ... чѣмъ и мать уложилъ въ могилу... Да! загубилъ себя... и все чрезъ ту свою любовницу!.. Но вы же знаете, нечего много толковать... И вотъ, она ушла, убѣжала неизвѣстно куда... вы тоже и про это сейчасъ слышали!..

— Ушла, убѣжала... да, вѣдь, «слава Богу!» надо говорить! возразилъ, съ большою горячностью, священникъ: — Во-истину, благое дѣло, что сошла, по своему изволенію, съ неправеднаго пути. И чего было бы ожидать, окромѣ самого наихудшаго конца, когда бы развратъ и еще продолжался?.. Возчувствовала та женщина, на грѣхъ свой тяжкій взглянула окомъ душевнымъ... помилосердуйте! по моему простому смыслу, чудо нѣкое совершилось на спасеніе погибавшихъ во тьмѣ грѣховной!

— Говорите вы... то-ись, такъ это по вашему... А тутъ совсѣмъ иное! Чтò будетъ... охъ! чтò будетъ, когда онъ узнаетъ?.. Чтò съ нимъ-то?.. Вотъ, я о чемъ... Въ головѣ все больше да больше мутится!.. И ничего, ничего не могу придумать...

И опять Г—въ поддался чрезвычайному волненію.

Минуты двѣ-три, молча смотрѣлъ на него отецъ Осипъ, но смотрѣлъ уже иначе, чѣмъ прежде, нетолько безо всякихъ подозрѣній, но и безъ недоумѣнія. Онъ начиналъ ясно понимать, что

этотъ господинъ Г—въ встосковался такъ именно о братѣ своемъ; «ну, и что-жъ! заключилъ онъ въ добромъ своемъ разумѣ: — дѣло это какъ есть настоящее, ибо на семъ свѣтѣ нѣтъ у него иныхъ кровныхъ». Поэтому, онъ вдругъ почувствовалъ большую жалость и къ самому «жестоковыйному человѣку».

— Михаилъ Николаевичъ? сказалъ онъ тихо и пріязненно: — выслушайте вы меня со всякимъ вниманіемъ и съ терпѣніемъ, поелику рѣчь моя, хоша и простая, а будетъ, какъ есть, по душѣ. Признаться, давича согрѣшилъ я мысленно—подумалось нѣчто неподобное о многомъ, такожде и о смятеніи вашемъ... ну, а теперича, уже твердо вижу, что брата вашего единокровнаго весьма и весьма вы жалѣете... Да воздастъ вамъ за сіе Господь премилосердый!.. Повѣрьте, что жалѣю и я...

Но онъ долженъ былъ прервать свою рѣчь: «жестоковыйный человѣкъ», обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, плакалъ на-взрыдъ.

«И хорошо это, что всплакнулъ—легче будетъ ему, сердечному!.. а все же, достойно удивленія...» такъ подумалось доброму священнику, и онъ рѣшился не мѣшать этимъ слезамъ, немало его удивившимъ.

Михайло Николаевичъ не долго, впрочемъ, плакалъ. Онъ какъ-то вдругъ успокоился и, усѣвшись поодаль отъ отца Осипа, не глядя на него, какъ будто стыдясь своего малодушія, проговорилъ почти шопотомъ:

— Вы, батюшка, не смотрите на это, бываетъ со всякимъ... А хоша я сейчасъ... но могу слушать, могу понять, и лучше давишняго. Вы ужъ сдѣлайте божескую милость, говорите опять... говорите все, что у васъ на сердцѣ. И напередъ вамъ скажу: послушаюсь васъ, надо быть, во всемъ—сдѣлаю, какъ велите! Что-жъ! видно, мой-то смыслъ... Эхъ, да и нечего о томъ!..

— А я на прежнее обращусь, началъ опять отецъ Осипъ:—очевидно теперича для меня, что жалѣете вы, по любви вашей, Іоасафа Николаевича, и я тоже весьма жалѣю его. И какъ же бы я иначе? въ селѣ-то Макшеевѣ священствую уже больше тридцати годовъ, всѣхъ помѣщиковъ моего прихода, какъ отецъ ихъ духовный, хорошо знаю, и весьма уважалъ я покойнаго Николая Михайловича и Надежду Ивановну, немало сострадалъ имъ въ тяготахъ и скорбяхъ ихнихъ... Однако, вотъ, въ теперешнемъ-то случаѣ, жалость жалостью, а разсужденіе отъ разума должно же имѣть свою силу, ибо оно нетолько не воспрепятствуетъ познать въ дѣлахъ, до ближнихъ нашихъ касающихся, самую ихъ сущность, а наипаче—волю Божію, но и весьма, таковому познанію, можемъ содѣйствовать. Сіе-то самое и хотѣлъ я предложить вниманію вашему. Затѣмъ, проще и ближе къ предмету скажу: твердо я увѣренъ, что надлежитъ просто же поступить съ Іоасафомъ Николаевичемъ: самолично передамъ я ему прощеніе и благословеніе родительницы и

о томъ передамъ, что, передъ христіанскою кончиною, сама она пожелала и у него испросить христіанскаго прощенія. Такъ быть должно, именно такъ, первѣе всего! И на то есть даже немалое указаніе свыше: не вотще же происшествія, о коихъ бесѣдуемъ мы и совѣщаемся, совершилися, почитай, единовременно и, такимъ образомъ, что вотъ, вскорѣ же по кончинѣ Надежды Ивановны, тамъ-то, въ другомъ-то мѣстѣ, какъ бы нѣкое внушеніе — безпремѣнно сокрыться отъ грѣха... Во-истину, тутъ воля Божія!

Глубокимъ убѣжденіемъ звучали слова добраго макшеевскаго священника и, какъ видно было, они сильно подѣйствовали на Г—ва.

— Да! вѣрю я вамъ,—сказалъ онъ и, какъ послышалось отцу Осипу, сказалъ очень твердо: — точно: чѣмъ проще, тѣмъ будетъ лучше... Но вслѣдъ же затѣмъ, онъ вдругъ тоскливо прибавилъ:— ну, а какъ же,—а что придетъ ему тогда-то въ голову?.. Думается, думается — и всего теперича боюся... Охъ, дума эта моя горькая-горькая: и напрасно считали другіе, и напрасно самъ я считалъ, что смогу завсегда и все разсудить, на-отрѣзъ порѣшить такъ; чтобы выходило—вотъ, молъ, лихую бѣду взялъ и отвелъ въ сторону, вотъ, молъ, устроилъ какъ хотѣлося... Анъ-нѣтъ! въ чужой бѣдѣ.. да нешто и чужая тутъ бѣда?.. И самъ я... то-то и есть: ихняго же рода-племени!..

Онъ замолчалъ, разомъ на чемъ-то еще недосказанномъ оборвавъ свою рѣчь, внушенную,—явно было,—очень тяжелою мыслію. Но и въ томъ, что было сказано имъ, особенно же въ послѣднихъ его словахъ, выражалось столько печали, какого-то сомнѣнія въ самомъ себѣ, какого-то безсилія воли, даже отчаянія, что отецъ Осипъ и опять подивился и, затѣмъ, опять стало ему жаль своего собесѣдника, этого сильнаго молодца по наружному его виду и обращенію, этого человѣка, сейчасъ столь властно и какъ-то буйно здѣсь же распоряжавшагося.

— Михаилъ Николаевичъ!—сказалъ онъ ему, нѣсколько подумавъ: — а я дивлюсь, наиболѣе же сожалѣю и о васъ, о васъ самихъ: очень ужъ вы прискорбны душою, даже совсѣмъ унываете... Зачѣмъ же такъ? уныніе—во истину, смертный грѣхъ! И знаете-ли по какой причинѣ грѣхъ сей можетъ преодолѣть человѣка, можетъ ввергнуть его въ конечную погибель? А все отъ страсти, коей такъ легко многіе и многіе поддаются,—именно отъ гордыни душегубительной... Но отчего бы ни возникла у васъ сія гордыня,— не стану допытываться, а прямо довожу до предмета предлежащаго намъ къ обсужденію. Вотъ, вы хотѣли бы напередъ все устроить такъ предусмотрительно, чтобы по вашей мысли какой-то все вышло, вы хотѣли бы тоже напередъ знать: что и какъ воспослѣдуетъ и послѣ разговора моего съ Іоасафомъ Николаевичемъ и далѣе; но развѣ это возможно? Сущность-то дѣла сего весьма важна, значи-

тельна многосторонне, но посему и нельзя предвидѣть ничего-таки положительнаго,—и я, по крайней мѣрѣ, только въ одномъ твердо увѣренъ, что мое объявленіе по завѣщанному мнѣ Надеждою Ивановною должно много умилить душу братца вашего...

— Умилить душу! умилить!.. —вскричалъ Г—въ: но у него и такъ душа-то словно у малаго ребенка!.. А тутъ,—тутъ нужно...

— Оставьте! оставьте: — перервалъ и священникъ: — Или не знаете, что сила Божія и вмалѣ совершается?.. Впрочемъ, Михаилъ Николаевичъ, я все-таки на томъ же стою: первѣе всего должно быть выполнено завѣщанное покойницы. И сему вы уже не препятствуйте болѣе.

— Хорошо... Я ужь сказалъ, что сдѣлаю по-вашему... Пусть будетъ что будетъ!..—ослабѣвшимъ голосомъ проговорилъ Г—въ и, подойдя ко внутренней двери, кликнулъ Семкина; но тотъ лишь послѣ повтореннаго зова явился, вѣроятно, въ знакъ того, что былъ далеко и не подслушивалъ.

— Лошадь въ тѣлежку... для батюшки... — сказалъ Михайло Николаичъ, еще съ большимъ усиліемъ выговоривъ эти немногія слова.

Когда лошадь была готова, Г—въ, уже отдохнувшій нѣсколько отъ своего волненія, предложилъ отцу Осипу съѣздить сейчасъ же туда, гдѣ онъ остановился въ городѣ, и сказать тамъ хозяевамъ, что ему надо немедленно отправиться—«ну, хоть въ село Дѣдново, откуда, молъ, и вернусь завтра же къ вечеру».—Священникъ ничего на это не возразилъ, но все-таки, подумавъ, нашелъ нужнымъ спросить:—«А куда-же мы поѣдемъ потомъ».

— Послѣ скажу. Я тоже съ вами поѣду, — коротко отвѣчалъ Г—въ.

XXXIX.

Отецъ Осипъ вернулся на семкинскій дворъ очень скоро. Онъ все-таки спѣшилъ пуститься въ поѣздку къ Іоасафу Николаевичу. поѣздку теперь для него совсѣмъ таинственную, о которой невольно уже думалось ему какъ-то смутно и жутко, хотя онъ и старался поддерживать въ себѣ то самое убѣжденіе, сейчасъ твердо высказанное передъ Г—вымъ, что свиданіе его съ Іоасафомъ Николаевичемъ произведетъ на него благодѣтельное вліяніе.—Господи помилуй! Господи помилуй насъ грѣшныхъ! часто твердилъ старый священникъ и про себя, и вслухъ.

Онъ нашелъ Г—ва, повидимому, совершенно успокоившимся. Лицо его опять было румяно, глаза свѣтились яркимъ огнемъ. Однако, всѣ движенія его были черезчуръ торопливы, онъ говорилъ очень много и какъ-то рѣзко съ хозяиномъ Семкинымъ и съ Макарушкою, хотя рѣчь шла о сущихъ пустякахъ; а притомъ, разговаривая такъ, все какъ будто прислушивался къ чему-то.

— Вотъ, это ладно, что проворно вернулись. Ну, и мы тоже отнюдь не замѣшкаемъ, — сказалъ онъ священнику.

И точно: скоро подъ окномъ раздались переливчатые звуки бубенчиковъ ямщицкой тройки. Семкинъ, съ поклономъ, доложилъ Михайлѣ Николаевичу, что тройка готова.

— Не берегомъ ли поѣдемъ? — опасливо промолвилъ отецъ Осипъ.

— А что жь?.. спросилъ Г—въ.

— Ужь куда темно... какъ-бы въ рѣку не свалиться!..

— Ничего... Доѣхать-то доѣдемъ...

На дворѣ было чрезвычайно темно. Замѣсто дождя, мокрый снѣгъ валилъ хлопьями. Только вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и это обѣщало, что подъ-утро морозъ стянетъ разступившуюся отъ дождей вязкую глинистую почву по берегу Оки-рѣки.

Михайло Николаичъ усѣлся въ повозку вмѣстѣ съ отцомъ Осипомъ, и имъ тамъ въ набитой сѣномъ небольшой тѣлегѣ, подъ низкой кибиткой съ полостью, было тѣсно и неспокойно. На облучкѣ съ ямщикомъ помѣстился и Макарушка.—«Его-то зачѣмъ беретъ?..» подумалъ священникъ, котораго опять стало разбирать какое-то сомнѣніе насчетъ «жестоковыйнаго человѣка».

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, сказалъ Г—въ, когда тронулись въ путь:—впрочемъ, съ вами я проѣду недалеко, только верстъ пять-шесть, а тамъ пересяду на пристяжную и перёдъ возьму: вамъ-то все время придется ѣхать шагомъ, а мнѣ надо гораздо скорѣе.

— Теперича же, и безъ спросовъ вашихъ, продолжалъ онъ, послѣ недолгаго молчанія: — скажу-таки вамъ, батюшка, какимъ путемъ-дорогою поѣдете и куда доѣдете. Сначала, точно, будетъ берегомъ Оки, да вы небойтесь, Егорка о своей головѣ позаботится, не захочетъ нырнуть со всей тройкой въ рѣку. А недоѣзжая до Дѣднова, съ версту, повернете вы вправо на село Городецъ, а тамъ еще верстъ пятокъ, и мы съ вами опять свидимся.

— Не бывалъ я въ тѣхъ мѣстахъ, но слыхивалъ, неспокойнымъ голосомъ отвѣчалъ священникъ:—слыхивалъ я, что за городецкою частью тотчасъ же пребольшой лѣсъ начинается и идетъ вплоть до Злобина, что-ль... пески тамъ сыпучіе, по нимъ же ѣхать скоро а-никакъ нельзя, и молва о томъ лѣсѣ въ народѣ нехорошая... Признаться, милостивѣйшій государь, сомнѣніе меня беретъ...

— Волка-то бояться, въ лѣсъ не ходить. А коли побаиваетесь, сумнѣваетесь о чемъ-то,—сидѣли бы дома. Право слово, такъ! Да я и проговаривалъ, что оченно можно бы обойдтись и безъ вашей поѣздки... Что жь: хотите, и оглобли назадъ повернемъ?

Грубый тонъ этого возраженія разогорчилъ отца Осипа; но онъ только произнесъ въ полголоса:—«Напрасно! во истину, напрасно!» и замолчалъ, рѣшившись, отнюдь уже не пускаться ни въ какія

объясненія съ этимъ «прегордымъ господиномъ Г—вымъ», а во всю дорогу «безотмѣнно бодрствовать и наблюдать за всѣмъ недремлющимъ окомъ».

Но «наблюдать» оказывалось рѣшительно невозможнымъ.

Непроглядная мгла наполняла пространство во всѣ стороны, даже вся ширина большой рѣки, по берегу которой пробиралась семкинская тройка, поглощена была мглою и никакимъ очертаніемъ не обозначалась для напряженнаго взора священника макшеевскаго; онъ только чувствовалъ, что, вотъ слѣва, рѣка очень-очень близко,—недаромъ иной разъ явственно слышались и всплески ея волнъ и шумъ сбѣгающихъ въ нее кой-гдѣ потоковъ съ косогорья.

Ѣхали чрезвычайно медленно, съ довольно частыми остановками, причемъ, ямщикъ и Макарушка, по его примѣру, привставали на облучкѣ и всматривались во тьму; ѣхали, значитъ, съ крайней осторожностью; отецъ Осипъ даже дивился, какъ хорошо разбираетъ дорогу ямщикъ Егорка; а, все-таки, несмотря на эту исправность Егоркину, ужасъ все больше и больше донималъ старика, и онъ уже громко и безпрестанно повторялъ:—«Господи помилуй! Спасе, спаси насъ!..»

А Г—въ, повидимому, спалъ преспокойно.

Но вдругъ онъ встрепенулся, высунулъ изъ-подъ кибитки огромную свою голову и спросилъ ямщика:—а что: верстъ пятокъ, аль поболѣ, проѣхали?

— Не разберешь, Михайло Миколаичъ, вишь, все темновато. А пора бы, кажись, и свѣту быть, отвѣчалъ ямщикъ.

Скоро и для незоркаго отца Осипа стало замѣтно, что край неба на восточной сторонѣ свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ, что мгла надъ Окою разомъ заклубилась: волнующаяся пелена предъутренняго тумана уже обозначила теченіе рѣки, хотя и скрывала самую поверхность ея.

— Егорка! сказалъ Г—въ:—отпрягай-ко лѣвую пристяжную да и осѣдлай проворно... Макарка, шельмецъ! не смѣй ты безъ толку усердствовать: ну, кто тебѣ велѣлъ обтирать лошадь? грязь не сало, помялъ, и отстало. А вы, батюшка, прощайте покудова, часика черезъ три, пожалуй, коли и еще хватитъ у васъ хотѣнья, да терпѣнья,—мы и увидимся.—А то и такъ, прибавилъ онъ насмѣшливо: — можете проѣхать прямо въ Дѣдново, оттуда же къ себѣ домой. Егорка довезетъ исправно, — сейчасъ, пожалуй, прикажу... Что вамъ, въ самомъ дѣлѣ, безпокоиться!

— И опять все это — напрасно! отвѣчалъ отецъ Осипъ: — напрасно, какъ будто издѣваться желаете надо мною, милостивѣйшій государь!.. Я, вѣдь, все время не на шутки шелъ,—а что, по слабости человѣческой, убоялся-было я, это-то, можетъ статься, и достойно посмѣянія... Только могу васъ обнадежить, что, несмотря

на слабость мою, твердо выполню все мнѣ предлежащее... Теперича, прикажите меня везть, куда вы тамъ знаете.

— Хорошо. Егорка знаетъ дорогу. А я встрѣчу, гдѣ нужно, коротко сказалъ Г — въ, и, переведя осѣдланную лошадь черезъ канаву, отдѣлявшую бечевникъ, по которому шла проѣзжая дорога, отъ далеко и широко покатившагося пространства луговъ, шибко поскакалъ и скоро скрылся изъ виду.

Ему можно было скакать: луговая дернина хоть и продавливалась кой-гдѣ, все-таки, легко выдерживала верховаго; но парѣ лошадей въ повозкѣ, съ тремя сѣдоками, приходилось пробираться по глубокимъ колеямъ глинистаго берега очень медленно. Затѣмъ еще подошла городецкая гать, еле-проѣздная. Всего какихъ-нибудь десять верстъ проѣхали, а времени протекло много и, по всей вѣроятности, не совсѣмъ-то далеко было уже до полденъ, когда выбрались съ гати къ большому лѣсу, стоявшему впереди неоглядной, темной стѣною.

— Теперича, все лѣсомъ поѣдемъ, оглянувшись на священника и чему-то ухмыляясь, сказалъ Егорка-ямщикъ.

— Вижу я это, милый человѣкъ, отвѣчалъ священникъ: — только... все ли благополучно будетъ? ты скажи мнѣ, не утай ничего...

— Не бойтеся! насъ никто не тронетъ.

Вся песчаная дорога лѣсомъ, по широкой просѣкѣ, шла нѣсколько въ гору. Очень можно было бы ѣхать тутъ и рысью, такъ какъ дожди скрѣпили, сдѣлали твердымъ сыпучій песокъ; но, почему-то ямщикъ не погонялъ лошадей. Страннымъ показалось священнику и то, что Егорка держится все лѣвой стороны, тогда какъ всѣ наѣзженыя колеи были справа; онъ хотѣлъ-было спросить о томъ, но не успѣлъ.

Вдругъ, съ лѣвой же стороны, выдвинулся изъ лѣсу Михайло Николаичъ Г—въ.

Онъ былъ не во вчерашней одеждѣ, а въ короткой поддевкѣ и въ низенькой шапкѣ; но, несмотря на отсутствіе длиннополаго кожана и большаго картуза, онъ, и подъ сѣнью высокорослыхъ сосенъ, казался чрезвычайно коренастымъ, огромнымъ и страшнымъ человѣкомъ. «Ну, какъ есть сущій разбойникъ... Вотъ, скажетъ: молись Богу!..» невольно подумалось отцу Осипу.

Но Г—въ не то сказалъ.

— Исправно я встрѣтилъ, да и ты, Егорка, исправенъ, сказалъ.—Выходите-ко, батюшка! Вы ужъ стареньки, такъ я бѣговыя дрожки для васъ приготовилъ, — шаговъ нѣсколько въ лѣсъ сдѣлаемъ, увидите. Править будете сами или Макарка, а я пойду подлѣ, ѣхать-то придется, все-таки, шагомъ. Да тутъ недалечко.

Отецъ Осипъ предпочелъ тоже идти пѣшкомъ—и углубился въ лѣсъ за Г—вымъ, твердо пробиравшимся по чуть замѣтному ко-

лесному слѣду. За ними ѣхалъ Макарушка. А ямщикъ Егорка остался одинешенекъ на большой дорогѣ, но, оставаясь такъ, онъ ни о чемъ не спросилъ у Г—ва, что немало удивило священника.

Въ такомъ-то порядкѣ по лѣсу пробирались, и недолго, съ полчаса, можетъ быть, только. Колесный слѣдокъ уперся въ малую ладно расчищенную полянку, съ одной избой на ней, съ какими-то навѣсцами подлѣ избы, и съ крохотнымъ огородцемъ, высоко и тѣсно обгороженнымъ жердями. У огорода привязана была осѣдланная лошадь, какъ замѣчалось, съ господской конюшни.

— Лѣсникъ живетъ. Но его нѣтъ дома и злющихъ собакъ своихъ увелъ, промолвилъ Михайло Николаевичъ.

Онъ приказалъ Макарушкѣ остаться при бѣговыхъ дрожкахъ, а самъ, съ отцомъ Осипомъ, вошелъ въ избу просторную, довольно свѣтлую, съ досчатымъ и чистымъ поломъ, усыпаннымъ мелкой сосновой и еловой хвоею.

На лавкѣ, за столомъ въ переднемъ углу, сидѣлъ Іоасафъ Николаевичъ.

Онъ вздрогнулъ и испуганно вскочилъ съ мѣста, когда вошли въ избу Г—въ и священникъ. И невольно отецъ Осипъ пріостановился у порога, чтобы получше вглядѣться въ человѣка, съ которымъ предстояло ему вести «немаловажный» разговоръ. Вся наружность человѣка этаго, съ перваго же раза, чрезвычайно поразила его.

Іоасафъ Николаевичъ всегда былъ блѣденъ, но теперь его блѣдность особенно выдавалась отъ долговременнаго небритья бороды, которая и облегла очень рѣзко продолговатое, истомленное, осунувшееся лицо; эта блѣдность походила уже на мертвенную, можно бы сказать, если бы большіе глаза, обыкновенно тускло-темные, не горѣли такъ ярко и не выражали, что несчастный живетъ еще, живетъ, сжигая жизнь во всю остальную свою душевную силу... Одѣтъ былъ онъ не такъ просто, какъ его побочный братъ, въ синемъ прекрасномъ казакинѣ, охваченномъ глянцевитымъ поясомъ; на вышитой шелками перевязи висѣлъ черезъ плечо небольшой охотничій рогъ; на ногахъ — высокіе сапоги съ голенищами изъ глянцевитой кожи; то былъ щеголеватый костюмъ молодаго барина, собравшагося весело поохотиться съ борзыми. Все это хорошо замѣтилъ отецъ Осипъ и, можетъ быть, очень не понравился бы ему такой нарядъ михѣевскаго помѣщика, зазнаемо выѣхавшаго, какъ предполагалъ онъ, для выслушанія отъ духовника его матери послѣдней ея воли, не будь передъ нимъ это страшно блѣдное, истомленное лицо, этотъ горящій взоръ со страдальческимъ выраженіемъ...

Ни отъ чего не охладѣло въ почтенномъ священникѣ постоянно-поддерживавшееся въ немъ чувство обязанности выполнить какъ можно достойнѣе предсмертную волю Надежды Ивановны; напро-

тивъ того, въ настоящую минуту вся эта странная, еще недавно такъ подозрительная ему обстановка, при которой устроилось свиданіе съ Іоасафомъ Николаевичемъ, совершенно исчезла изъ его соображенія, а то чувство укрѣпилось въ немъ еще болѣе. Но все таки и жалость, охватившая его при видѣ несчастнаго молодаго человѣка, была настолько сильна, что онъ какъ-то не находилъ словъ, чтобы заговорить съ нимъ.

Заговорилъ первый Михайло Николаевичъ.

— Что-жъ въ молчанку-то играть! сказалъ онъ: Есафъ! спроси же батюшку... Вѣдь не даромъ пожаловалъ.

— Вамъ въ утѣшеніе... началъ священникъ: во-истину, такъ... черезъ меня, родительница благословила васъ и... и простила... и сама проситъ...

— Погодите! тихо, но довольно твердо и какъ будто совсѣмъ спокойно перервалъ его Іоасафъ Николаевичъ: Зачѣмъ же прямо не говорите, что уже скончалась?.. И братъ не сказалъ!.. Но я знаю... знаю!.. А гдѣ похоронена она?..

— Въ Макшеевѣ, рядомъ съ могилою родителя вашего... отвѣчалъ священникъ и такъ изумленъ былъ онъ спокойствіемъ Іоасафа Николаевича при отвѣтѣ, удостовѣрявшемъ о кончинѣ матери, что вдругъ позабылъ всѣ витіеватыя рѣчи, какія столько разъ натверживалъ себѣ, какія придумалъ въ утѣшеніе сыну, горесть котораго, какъ представлялось ему, будетъ велика чрезвычайно.

Въ невольномъ смущеніи, онъ ничего болѣе не говорилъ, даже о томъ, что̀ еще вертѣлось на языкѣ, насчетъ испрашиванія Надеждою Ивановною у сына христіанскаго прощенія. И оба брата молчали. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— О, батюшка! вдругъ вскричалъ Іоасафъ Николаевичъ: теперь я все помню, хорошо помню!.. Но молчите, молчите, ради Бога! Еще будетъ время...

Онъ сѣлъ на прежнее свое мѣсто, и, откинувъ голову къ стѣнѣ, закрылъ глаза. Утомленіе ли одолѣло его, обдумывалъ ли онъ что-то, трудно было бы разобрать. Но блѣдность, мертвенность лица выдавались теперь еще рѣзче.

И, опять жалость сильно шевельнула сердце отца Осипа. Онъ внезапно и ясно почувствовалъ, что не спокойно, отнюдь не равнодушно выслушалъ Іоасафъ Николаевичъ вѣсть о кончинѣ матери, что напротивъ, смертной тоскою потрясена вся душа его, и не сможетъ онъ самъ совладѣть съ этой тоскою. Несмотря на запретъ, онъ рѣшился заговорить на утѣшеніе ему.

— Іоасафъ Николаевичъ! простъ я человѣкъ, но ей-ей отъ всего сердца уста мои возглаголятъ... сказалъ онъ,—и новыя рѣчи, вовсе не тѣ что придумывались прежде, свободно полились: вѣдь, и всѣмъ человѣкамъ таковъ предѣлъ положенъ, и всякъ, въ чреду свою,

долженъ будетъ упокоиться вѣчнымъ упокоеніемъ, и родительница ваша, когда пора для ней...

— Довольно, батюшка! развѣ я самъ не знаю? тихо перервалъ Іоасафъ Николаевичъ: И то еще знаю, ждать мнѣ недолго, упокоюсь и я въ сырой землѣ, всѣ тамъ рядышкомъ... — А теперь, продолжалъ онъ и всталъ, выпрямился, и словно какая-то сила вдругъ проблеснула въ немъ: теперь полно мыкаться! Туда, къ тому мѣсту, къ роду-племени надо поближе... Батюшка! я съ вами готовъ сейчасъ же, подвезите меня до Михѣева.

— Есафъ! съ ума ты спятилъ! грозно вскричалъ Г—въ.

— Нѣтъ, Миша! отвѣчалъ онъ: я сдѣлаю то, о чемъ уже вдоволь надумался, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ все припомнилъ.

— Надумался ты! это сейчасъ-то расчувствовался!.. Ну, мать простила и благословила, умерла тамъ, упокоилась—и Господь съ нею!.. Изъ-за чего же тебѣ-то на муку идти? Ты знаешь ли: какъ только пріѣдешь домой, тотчасъ нагрянетъ содомъ приказничій, станутъ пилить-допрашивать и передопрашивать, на очныя ставки ставить, станутъ по ихнимъ судамъ таскать да мытарить... Того ль тебѣ надобно?.. Посылалъ я справиться и навѣрнякъ узнано: обыски тамъ, облавы были, понасажали въ острогъ людей довольно, одно слово, приказные поусердствовали, сплели сѣть большущую да крѣпкую. И я жъ тебѣ про все это сказывалъ! Спроси, вотъ у батюшки, онъ тоже знаетъ.

— Напрасно этимъ-то пугаешь: не боюсь я ни обысковъ, ни слѣдствій, ни судовъ ихнихъ... Помню одно и за это отвѣтъ буду держать не передъ здѣшнимъ судомъ. Братъ! я рѣшился!

— Такъ-то! ты рѣшился!.. А забылъ что въ Коломнѣ осталось?

— О! не забылъ!.. И не забуду!.. Но жива ль еще?..

— Жива... да, да!..

— Жива... но все-таки скоро... Я еще тогда простился... Ты увезъ меня, и помнишь? я не поперечилъ... Степовичка не разъ говорила, что не долго жить, и сама она про то знаетъ, да и я... развѣ я не видѣлъ?.. Но если жива, братъ! не покинь ее!.. ты лучше меня съумѣешь распорядиться, а я, какъ пріѣду въ Михѣево, вышлю тебѣ денегъ...

— Да какой же ты человѣкъ-то? Безумный, что-ль... аль... и не знаю какъ сказать!.. Нѣтъ! не безумный!.. А нѣту, нѣтъ у тебя жалости ни къ кому... Вотъ, я—и нешто есть ко мнѣ жалость?.. А я-то грѣшилъ — наживалъ!.. Что-жь! пущай теперича все прахомъ идетъ!..

— Братъ!.. я умирать собрался... Пора къ роду-племени... проговорилъ шопотомъ Іоасафъ Николаевичъ, и пошелъ изъ избы.

Стремительно кинулся къ нему Макарушка и старался схватить его руку для облобызанія, но баринъ не допустилъ до этого и самъ обнялъ его.

— Скажи мнѣ правду сущую, спросилъ Іоасафъ Николаевичъ у вѣрнаго своего малаго: — передъ отъѣздомъ-то сюда, видѣлъ ты Маринушку?.. Какова теперь голубка моя бѣдная?.. дышетъ ли?.. долго-ль ей на бѣломъ свѣту жить-маяться?..

Макарушка жалобно посмотрѣлъ на подошедшаго, въ эту минуту, Михайла Николаевича: онъ не зналъ, что отвѣтить барину.

— Я тебѣ скажу всю правду, сурово и гнѣвно молвилъ Г—въ:— Назадъ тому дня три, что ли, Степовична и Марина покинули свою квартиру, о чемъ сказали, однакожъ, хозяйкѣ, и словно бѣжали — бѣжали никому неизвѣстно куда. Сёмкинъ говоритъ, что, должно быть, отправились къ духоборцамъ, ради спасенья, вишь, спасаться захотѣли... Слышишь, Есафъ? Слышишь?..

— Да, да!.. Навѣрное, онѣ... О, слава Богу! чуть слышно произнесъ Іоасафъ Николаевичъ и набожно перекрестился.

Поднялъ было руку для крестнаго знаменія и макшеевскій священникъ, но удержался, вдругъ вспомнивъ, что бѣглыя тѣ женщины, если и отправились искать спасенья, то, по всей вѣроятности, къ духоборцамъ, «этимъ злѣйшимъ врагамъ православной церкви».

Отойдя нѣсколько въ сторону, Іоасафъ Николаевичъ впалъ въ глубокую задумчивость, и, казалось, совсѣмъ забылъ, гдѣ и съ кѣмъ онъ и о предположенной имъ поѣздкѣ въ Михѣево. Г—въ смотрѣлъ на него, не сводя глазъ, какъ бы выжидая чего-то. Но онъ не смогъ дождаться, самъ хотѣлъ вызвать какое-то рѣшеніе, и быстро подошелъ къ брату.

— И оставишь такъ?.. Не станешь розыскивать?.. спросилъ онъ глухимъ голосомъ: — вѣдь, слѣды есть, можно найти. Есафъ! неужто и тутъ...

— Оставь, милый братъ! такъ быть должно... прервалъ тотъ:— такъ быть должно, потому что я и прежде рѣшился... А затѣмъ, помолчавъ съ минуту, продолжалъ онъ:—прощай, и можетъ быть... Но, просто, прощай!.. Будь во всемъ счастливъ... Меня-то не поминай лихомъ, нѣтъ! всегда помни, что любилъ я тебя истинно по-братски.

Онъ обнялъ Г—ва и нѣсколько времени такъ простоялъ, обхвативъ руками широкія его плечи, все заглядывая ему въ мрачное лицо и въ глаза, отведенные въ сторону. Но Г—въ не захотѣлъ вымолвить своего слова на прощанье.

Вздохнувъ, Іоасафъ Николаевичъ отошелъ, наконецъ, отъ брата, еще разъ промолвилъ ему, уже шопотомъ:—«прощай!» и тихо побрелъ по колесному слѣду, въ направленіи къ большой дорогѣ. За нимъ пошелъ и отецъ Осипъ. Макарушка хотѣлъ было тронуться на бѣговыхъ дрожкахъ, вслѣдъ за бариномъ, но Михайло Николаевичъ остановилъ его.

— Отпряги лошадь, сказалъ онъ: — она сёмкинская, и отведи ее къ тройкѣ. Да скажи Егоркѣ, чтобы везъ туда, куда прикажутъ. Ну, и прощай, Макарка!.. А коли ты и впрямь человѣкъ вѣрный, послужи твоему барину до конца...

И, не оглядываясь, онъ ушелъ въ избу.

С. Славутинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕКАТЕРИНА II И ЖАНЪ ЖАКЪ РУССО.

Отношенія императрицы Екатерины II и нѣкоторыхъ изъ ея приближенныхъ къ представителямъ французской литературы заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ сторонъ. Большинство такъ называемыхъ энциклопедистовъ, Вольтеръ, Гальяни, Гриммъ, Даламберъ, Дидро, Мармонтель, пользовались великими и богатыми милостями, посылаемыми имъ изъ Россіи, и на разные лады и тоны прославляли сѣверную Семирамиду и ея дѣянія. Но и между французскими писателями были люди независимые, которые держали себя въ сторонѣ отъ этого выгоднаго, но не всегда искреннаго кажденія. Къ числу таковыхъ принадлежалъ Руссо.

Вынужденный покинуть, въ 1762 году, вслѣдъ за запрещеніемъ его Эмиля, Францію, и лишенный убѣжища въ родной своей Женевѣ, Руссо перебрался въ Невшательскій кантонъ. Но и тамъ не удалось прожить ему покойно. Чрезъ Страсбургъ отправился онъ, въ 1765 году, въ Англію.

Въ это время въ Страсбургскомъ университетѣ слушалъ лекціи В. А. Полѣновъ, впослѣдствіи почтенный русскій законовѣдъ. «Очень радъ буду опять съ вами увидѣться, писалъ онъ 25 ноября 1765 года своему пріятелю Заутерсгейму въ Парижъ, и вѣроятно буду этимъ обязанъ вашему знаменитому другу Руссо [1]). По пріѣздѣ Руссо въ Страсбургъ, всѣ любопытствовали его видѣть, и всякій судилъ о немъ по себѣ. Про него много говорили глупостей и неправды. Одни считали его философомъ, другіе глупцомъ, нѣкоторые—мизантропомъ. Народъ принималъ его за колдуна, и это больше по его одеждѣ [2]).

[1]) О Заутерсгеймѣ Руссо упоминаетъ въ своихъ Confessions, кн. XII.

[2]) Руссо носилъ въ это время армянскій костюмъ.

На дняхъ давали его комедію съ музыкой его же сочиненія [1]). Онъ самъ былъ на этомъ представленіи. Я узналъ автора по пьесѣ. Въ ней много чувствъ, достойныхъ человѣка добродѣтельнаго и любящаго человѣчество. Но къ несчастію въ наше время надъ всѣмъ этимъ смѣются. Въ настоящую минуту стремленіе къ нему уже прошло и его оставляютъ въ покоѣ. Я видѣлъ его нѣсколько разъ, и, если вы сюда пріѣдете, то я надѣюсь, что, по дружбѣ вашей, доставите мнѣ случай поговорить съ нимъ, что я почту себѣ за особенную честь» [2]).

Этого случая не встрѣтилось Полѣновъ и не познакомился съ Руссо.

Въ концѣ того же 1765 года пріѣхалъ въ Страсбургъ графъ К. Г. Разумовскій, президентъ Петербургской академіи наукъ, для свиданія съ сыновьями, тамъ воспитывавшимися. Узнавъ, что Руссо еще въ Страсбургѣ, Разумовскій хотѣлъ на другой же день своего пріѣзда посѣтить его. Говорили, что онъ имѣлъ намѣреніе предложить ему въ подарокъ свою библіотеку, дать ему пенсію и мѣстопребываніе въ любомъ изъ своихъ многочисленныхъ помѣстій въ Малороссіи. Это намѣреніе Разумовскаго не исполнилось: Руссо выѣхалъ изъ Страсбурга въ тотъ самый день, какъ Разумовскій туда пріѣхалъ [3]).

Оставивъ Страсбургъ, Руссо поселился въ Англіи и тамъ, въ началѣ 1767 года, получилъ приглашеніе другаго русскаго барича, графа Орлова.

«Зная, что люди склонны къ странностямъ, вы не удивитесь, что я пишу вамъ, говоритъ Орловъ Руссо. У васъ есть свои странности, у меня мои, и причина, побудившая меня писать вамъ, да будетъ одною изъ таковыхъ». Выразивъ, затѣмъ, сожалѣніе видѣть Руссо давно странствующимъ съ мѣста на мѣсто, описавъ положеніе своего имѣнія близъ Петербурга, и несовсѣмъ прилично отозвавшись о русскомъ духовенствѣ, графъ Орловъ предложилъ Руссо свое гостепріимство. Въ отвѣтѣ Руссо на это приглашеніе сквозитъ едва скрытая иронія. «Вы говорите о своихъ странностяхъ, пишетъ онъ, и дѣйствительно странно благотворить такъ издалека, и человѣку, котораго совершенно не знаешь». Руссо отказался отъ убѣжища у графа Орлова.

До сихъ поръ не выяснено еще, которымъ именно изъ пяти братьевъ Орловыхъ сдѣлано было это приглашеніе Руссо. Хотя его приписываютъ Григорію Орлову [4]), но гораздо вѣроятнѣе, что

---

[1]) Le devin du village.

[2]) «Русскій Архивъ», 1865 г., № 5 и 6, стр. 703.

[3]) Ibid. стр. 706.

[4]) «Русскій Архивъ», 1869 г., № 3, стр. 583, и Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, Спб., 1878, томъ I, 19. Письмо гр. Орлова и отвѣтъ Руссо напечатаны были въ первый разъ въ «Journal Encyclopedique», іюль 1767 года.

оно принадлежитъ младшему изъ братьевъ — графу Владиміру. Этотъ, тогда еще молодой человѣкъ (р. въ 1743 г.), впослѣдствіи преемникъ графа Разумовскаго въ академіи наукъ, былъ большимъ почитателемъ Руссо. Княгиня Дашкова свидѣтельствуетъ, что Владиміръ Орловъ, человѣкъ ограниченный, вынесъ изъ своего пребыванія въ германскихъ университетахъ лишь увѣренность, совершенно, впрочемъ, лишенную основанія, въ томъ, что изучилъ тамъ всю премудрость. Это убѣжденіе придало ему необыкновенное самомнѣніе и педантическій тонъ: не было ни одного софизма Руссо, котораго онъ не принялъ бы за истину, усвоивъ себѣ всѣ рапсодіи этого писателя [1]).

Вернувшись, послѣ пребыванія въ Англіи, во Францію, Руссо, съ 1770 года, вновь поселился въ Парижѣ. Здѣсь познакомился съ нимъ графъ В. Г. Орловъ. По словамъ графа, онъ, въ маѣ 1772 года, видѣлъ Руссо раза четыре или пять; Руссо полюбилъ его, просилъ ходить къ нему почаще и много ласки оказывалъ [2]). Возвратясь въ Россію, графъ Орловъ вспомнилъ о Руссо и послалъ ему какія то сѣмена.

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1775 году, посѣтилъ Руссо И. И. Шуваловъ. Отдавая отчетъ объ этомъ посѣщеніи, Шуваловъ замѣтилъ, что Руссо былъ одѣтъ франтомъ и находился въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа [3]).

Наконецъ, въ сношеніяхъ съ Руссо находился и князь А. М. Бѣлосельскій, тогда еще восемнадцатилѣтній юноша, ѣздившій, для окончанія своего образованія, въ Парижъ и въ Ферней. Между ними была одна общая черта — любовь къ итальянской музыкѣ, о которой князь Бѣлосельскій издалъ небольшую брошюру [4]). Къ сожалѣнію не сохранилось ближайшихъ свѣдѣній о сношеніяхъ ихъ между собою, кромѣ письма Руссо къ Бѣлосельскому, 27-го мая 1775 года, въ которомъ первый благодаритъ князя за память о немъ, но проситъ, однако, болѣе не писать къ нему, выражая надежду побесѣдовать съ нимъ въ случаѣ вторичнаго пріѣзда его въ Парижъ [5]).

Любитель французской литературы, знакомый Вольтера, Мармонтеля, Делиля, самъ писавшій французскіе стихи, Бѣлосельскій былъ впослѣдствіи русскимъ посланникомъ въ Туринѣ. Здѣсь онъ навлекъ на себя неблаговоленіе за то, что писалъ идиллическія

[1]) Записки—Арх. кн. Воронцова, XXI, стр. 156.

[2]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, Спб., I, 255, и 268.

[3]) Charavay. Lettres autographes composant le cabinet d'un amateur russe, Paris, 1882, p. 38. Здѣсь посѣтителемъ Руссо названъ графъ А. П. Шуваловъ, но это очевидная ошибка. Графъ А. П. Шуваловъ, въ 1775 году, былъ въ Москвѣ.

[4]) De la musique en Italie. A la Hay. 1778.

[5]) Musset-Pathay. Histoire de la vie et des ouvrages de J. J. Rousseau. Paris. 1821. II, 539.

депеши о событіяхъ во Франціи [1]), за что, разумѣется, и былъ лишенъ должности.

Между тѣмъ, Руссо приступилъ (въ 1772 году), по приглашенію графа Михаила Вьельгорскаго, кухмистра великаго литовскаго, конфедерата барскаго, прибывшаго въ Парижъ искать покровительства Франціи въ пользу Польши, къ составленію проекта государственнаго ея переустройства [2]). Вьельгорскій, болѣе извѣстный какъ музыкантъ-любитель, чѣмъ какъ государственный человѣкъ, успѣлъ испросить денежное пособіе для Руссо, за совѣтами котораго обратился послѣ того, какъ его неудовлетворила работа, сдѣланная аббатомъ Мабли.

Занимаясь своимъ сочиненіемъ, Руссо изучалъ исторію польскаго народа и старался узнать его обычаи и нравы; въ продолженіи этихъ занятій онъ пріобрѣлъ доброе, полное сочувствія, мнѣніе о полякахъ и высказалъ, что скорѣе согласился бы жить въ Польшѣ, чѣмъ въ испорченномъ Парижѣ. Антоній Тизенгаузъ, подскарбій литовскій, услышавъ объ этомъ отзывѣ Руссо, вздумалъ, во время бытности своей въ Парижѣ, въ 1778 году, уговорить Руссо переѣхать въ Польшу. Зная о его ненависти къ обществу и любви къ уединенію, Тизенгаузъ предложилъ для будущаго пребыванія Руссо бѣловѣжскій лѣсъ, какъ мѣсто самое уединенное во всей Европѣ. Тизенгаузъ обязывался выстроить въ пущѣ домъ, по плану, составленному Руссо, предоставляя ему всѣ удобства обыденной жизни, прислугу, экипажъ, безъ всякихъ обязательствъ со стороны Руссо. Извѣстный въ польской литературѣ Ксаверій Богушъ, прелатъ виленской каѳедры, находившійся въ Парижѣ при Тизенгаузѣ, былъ употребленъ для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ. Въ началѣ это предложеніе понравилось Руссо; казалось онъ уже готовъ былъ принять его, какъ неожиданный случай разстроилъ планы и старанія Тизенгауза. Къ несчастію его соотечественниковъ, въ Парижѣ явился польскій авантюристъ Вяжевичъ, который, рѣшившись воспользоваться странностями Руссо, познакомился съ нимъ, возбудилъ къ себѣ его сочувствіе вымышленнымъ несчастіемъ и обманулъ его, послѣ того, наглымъ образомъ. Руссо, разсердясь, что полякъ обманулъ его довѣріе, прогнѣвался вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣхъ поляковъ и оставилъ намѣреніе переселиться въ Польшу [3]).

Не слѣдуетъ придавать особаго значенія этимъ попыткамъ приглашенія Руссо въ Россію и Польшу. Лица, ихъ дѣлавшія, слѣдовали указаніямъ моды. Мода того времени требовала являться на поклонъ къ Вольтеру въ Ферней,—та же мода предписывала пред-

[1]) Письмо Ростопчина къ Воронцову 28-го сентября 1792. Арх. кн. Воронцова VIII, 60.

[2]) Considérations sur le gouvernement de Pologne et sur sa réforme projetée.

[3]) Балинскій и Липинскій. Strozytna polska, 111,780, или День 1864, № 44, стр. 19.

лагать Руссо гостепріимство. Этотъ скиталецъ былъ осаждаемъ подобнаго рода предложеніями, и тѣ, о которыхъ мы упоминали, составляютъ лишь малую долю въ числѣ другихъ, иногда даже, если такъ можно выразиться, «курьезныхъ» приглашеній, которыми преслѣдовали женевскаго философа.

Въ томъ же 1778 году, фонъ-Визинъ, бывшій въ то время въ Парижѣ и вращавшійся въ тамошнемъ литературномъ кругу, пожелалъ познакомиться съ Руссо. Уже назначенъ былъ день ихъ свиданія, «но, разсказываетъ фонъ-Визинъ» [1]), наканунѣ того дня пришелъ ко мнѣ одинъ аббатъ, чрезъ котораго я добивался познакомиться съ Руссо, и сказалъ мнѣ новыя вѣсти, что онъ былъ въ домѣ у Руссо, и засталъ его жену въ слезахъ и отчаяніи, которая спрашивала его: не видалъ ли онъ, гдѣ мужъ ея? Онъ уже двѣ ночи дома не ночевалъ, и она боится, не посаженъ ли онъ въ тюрьму отъ правительства. Дня три прошли въ семъ безъизвѣстіи; наконецъ узнали, что онъ поѣхалъ къ одному своему пріятелю, человѣку знатному, въ деревню, отъ Парижа верстъ съ пятьдесятъ. Причина его удаленія вотъ какая: онъ сочинилъ записки своей собственной жизни, въ которыхъ весьма свободно описывалъ всѣ интриги здѣшнихъ вельможъ поименно. Сію книгу сочинялъ онъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ смерти жена его ее напечатала и имѣла бы отъ нея вѣрный и нарочитый доходъ. Онъ для нея сію книгу пишетъ и оставляетъ ей въ наслѣдство. Жена его—такая алчная къ деньгамъ, какой свѣтъ не производилъ. Ей показалось долго дожидаться мужней смерти. Она, уговорясь съ однимъ книгопродавцемъ, продала ему манускриптъ, позволяя его списывать тихонько, когда Руссо спалъ. Онъ не зналъ, не вѣдалъ этой напасти, какъ вдругъ получилъ письмо изъ Голландіи отъ одного книгопродавца, который пишетъ къ нему, что онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ его манускриптъ, купленный за сто луидоровъ, и спрашиваетъ его отъ добраго сердца, на какой бумагѣ и какими литерами совѣтуетъ онъ сдѣлать изданіе? Руссо жестоко испугался, увидя женино бездѣльство и писалъ къ книгопродавцу, чтобъ онъ Бога ради до смерти его не печаталъ книги, а самъ, бросивъ неблагодарную жену, поѣхалъ въ деревню къ своему пріятелю. Теперь уже видно, что книгопродавецъ его не послушалъ, ибо книга напечатана и появившіеся здѣсь экземпляры конфискованы, а бѣдный Руссо, видно отъ страха и негодованія, прекратилъ жизнь свою. Сегодня получено извѣстіе, что онъ умеръ [2]) и найдена на тѣлѣ его ранка въ самомъ сердцѣ. Сказываютъ, что онъ булавкою проткнулъ сердце, а иные говорятъ ножичкомъ. Какъ бы-то нибыло, но онъ самъ себя лишилъ жизни; по крайней мѣрѣ, сей слухъ разнесся теперь

[1]) Сочиненія, изд. подъ редак. Ефремова, стр. 446.
[2]) 3-го іюля 1778 года.

по всему городу. Пріятель мой Гудонъ поѣхалъ теперь къ нему снимать маску, ибо лицо, какъ слышно, точно еще такое, какъ было у живаго. Итакъ, судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо!.. Однакожь правда, что чуть ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка. По крайней мѣрѣ, безкорыстіе его было строжайшее. Я такъ золъ на жену его, что если бы былъ судья, то бы велѣлъ ее повѣсить»...

Извѣстіе о насильственной смерти Руссо, сообщаемое фонъ-Визинымъ, опровергается однакожь позднѣйшими изслѣдованіями. Сохранилось преданіе, что предчувствуя приближеніе смерти, онъ приказалъ открыть окно въ своей комнатѣ, желая въ послѣдній разъ насладиться зрѣлищемъ природы. Это преданіе послужило даже сюжетомъ для одной картины того времени.

Извѣстно, что многіе царственные особы XVIII-го вѣка считали въ числѣ своихъ обязанностей оказывать вниманіе выдающимся французскимъ писателямъ. Тоже было и съ Руссо. Фридрихъ II-й далъ ему убѣжище въ Невшательскомъ кантонѣ; король Англіи предлагалъ ему пенсію; герцогиня Саксенъ-Готская уговаривала его поселиться въ Готѣ; принцъ Евгеній Людвигъ Виртембергскій велъ съ нимъ переписку о воспитаніи своихъ дочерей, изъ которыхъ принцесса Софія-Доротея—императрица Марія Ѳеодоровна—прославила себя впослѣдствіи трудами по воспитанію и благотворительности [1]); лица, коимъ поручено было воспитаніе датскаго принца, впослѣдствіи короля, обращались къ нему за совѣтами. Какъ же смотрѣла на него Екатерина, покровительница такъ называемыхъ философовъ?

Въ то время, когда Руссо издавалъ своего Эмиля, взоры Европы обращены были на событія, театромъ которыхъ служила Россія. Въ союзѣ съ Франціею, Россія участвовала въ семилѣтней войнѣ, когда смерть императрицы Елисаветы Петровны круто измѣнила положеніе дѣлъ. Ея преемникъ, Петръ III-й, извѣстный партизанъ Фридриха II-го, немедленно пріостановилъ военныя противъ Пруссіи дѣйствія и, вѣроятно, принялъ бы его сторону, если бы вступленіе на престолъ Екатерины не положило конецъ его шестимѣсячному правленію.

Руссо имѣлъ тогда въ Петербургѣ корреспондента, секретаря французскаго посольства, извѣстнаго Рюльера, который, между

---

[1]) Принцъ, впослѣдствіи герцогъ Виртембергскій, долгое время жилъ частнымъ человѣкомъ въ Лозаннѣ. Тамъ же жили (1764 г.) графъ и графиня Головкины, воспитывавшіе своего ребенка по системѣ Руссо. J. J. Rousseau. Ses amis et ses ennemis. Paris. 1865. II, 132 и 172. Взглядъ самого Руссо на воспитаніе Головкиной по его началамъ изложенъ въ письмѣ его къ принцу Виртембергскому 21-го января 1764. Oeuvres et correspondance inédites de J. J. Rousseau par Streckeisen-Moulton. Paris. 1861, p. 406.

прочимъ, писалъ ему въ августѣ 1762 года, вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины, слѣдующее [1]): «для того, чтобы вы могли лучше судить о томъ, что здѣсь произошло, нужно только, чтобы вы знали, что такое былъ Петръ III-й. Въ продолженіе всей настоящей войны онъ измѣнялъ этой странѣ. Всѣ предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ, сообщенныя русскому двору и соглашенныя съ нимъ, онъ передавалъ прусскому королю. Онъ хвалился этимъ въ присутствіи всего двора, обращаясь съ рѣчью къ соучастнику его измѣны. Нужно быть Петроніемъ, чтобы изобразить его удовольствія, и Тацитомъ, чтобы изобразить его дворъ. Впрочемъ, онъ еще не выказывалъ жестокости, потому что мягкость предшествовавшаго царствованія не оставила въ немъ идеи пролитія крови, но онъ сдѣлался бы жестокимъ, ибо былъ человѣкъ запальчивый и трусливый (violent et lâche)».

Воцареніе Екатерины прекратило эти опасенія, но начало ея царствованія было таково, что могло заставить другого корреспондента Руссо, принца Виртембергскаго, «задуматься» надъ политическими шалостями, «которыми, какъ онъ выразился [2]), русскіе забавляли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ удивленную Европу и которыя такъ хорошо утверждаютъ превосходство этого вѣка философіи. Императрица, кончина которой подозрительна, императоръ, котораго заставляютъ умереть отъ колики, и принцъ (Іоаннъ Антоновичъ) рожденный на престолѣ и погибающій въ заточеніи, вотъ зрѣлище, возмутительное само по себѣ, потому что оно оскорбляетъ человѣчество; но зрѣлище это должно служить урокомъ царямъ, поразительнымъ образомъ доказывая имъ, что діадемы также подвержены неустойчивости человѣческихъ превратностей и бурямъ судебъ, и можетъ дать имъ почувствовать, что отъ величія до паденія и несчастія не такъ далеко, какъ они думаютъ. Я посылаю вамъ двѣ эпитафіи: одна изображаетъ предъ глазами царей ту великую истину, которую я только что выразилъ,—другое четверостишіе заключаетъ въ себѣ рожденіе, несчастіе и смерть бѣднаго Іоанна. Вотъ онѣ:

«Princes, qui présidez au sort de l'univers,
Apprenez combien peu l'éclat de la couronne,
Suffit pour dérober vos têtes aux revers:
Jwan, né sur le trône
A péri dans les fers.

Ses bourrelets furent des couronnes
Et ses jeux d'enfant des revers.
Roi, né sur le plus grand des trônes,
Pas moins, il mourut dans les fers».

---

[1]) J. J. Rousseau. Ses amis et ses ennemis. Paris. 1865, I, 306.
[2]) Письмо къ Руссо 11-го сентября 1764. Ibid. II, 186.

Но Руссо не нужно было этихъ, по его словамъ [1]), «прекрасныхъ мыслей, выраженныхъ въ очень дурныхъ стихахъ», для того, чтобы составить себѣ мнѣніе о Екатеринѣ:—онъ не принадлежалъ къ числу лицъ, которыя могли ей сочувствовать. Руссо не примкнулъ къ тому кругу энциклопедистовъ, къ которому принадлежали камеръ-юнкеръ Вольтеръ, непремѣнный секретарь французской академіи Даламберъ, библіотекарь Екатерины Дидро и ея коммисіонеръ Гриммъ. Эти послѣдніе не были революціонерами. Они ратовали противъ злоупотребленій, фанатизма, нетерпимости, но не желали обходиться безъ содѣйствія государей и въ нихъ искали опоры въ борьбѣ своей противъ церкви. Они уживались съ такъ называемымъ въ то время просвѣщеннымъ деспотизмомъ и добившись реформъ 1789 г., вѣроятно, ничего бы болѣе не потребовали отъ революціи. Но въ Руссо является второе поколѣніе французскихъ философовъ, являются демократы. Вольтера можно назвать монархистомъ-либераломъ;—Руссо былъ республиканцемъ; первый разыгрывалъ роль знатнаго барина, владѣльца замка Фернея,—второй былъ простымъ гражданиномъ Женевы. Вольтеръ поддерживалъ переписку съ царственными особами, Руссо самъ называлъ себя врагомъ царей [2]). Инстинктивно Екатерина ненавидѣла его.

Немедленно по воцареніи, Екатерина выразила свое сочувствіе энциклопедистамъ, державшимъ въ то время въ своихъ рукахъ общественное мнѣніе Европы. Она предложила издателямъ энциклопедіи, тогда запрещенной во Франціи, продолжать печатаніе ея въ Россіи, и пригласила Даламбера быть воспитателемъ ея сына, цесаревича Павла Петровича. Но, несмотря на очень выгодныя условія и на настоянія Екатерины, Даламберъ отказался отъ этого приглашенія, и, по мнѣнію Руссо, поступилъ хорошо, потому что онъ не сдѣлалъ бы изъ Павла Петровича ни завоевателя, ни мудреца, а сдѣлалъ бы только арлекина [3]). Какъ ни рѣзко это мнѣніе Руссо, но въ тогдашнемъ французскомъ обществѣ многіе выражали сомнѣніе въ пригодности Даламбера къ педагогической дѣятельности. «Даламберъ— это Діогенъ, котораго слѣдуетъ оставить въ его бочкѣ», записалъ въ своемъ дневникѣ Башомонъ [4]), повторяя, вѣроятно, отзывъ современнаго ему общества.

Заботы объ образованіи сына обратили вниманіе Екатерины на общій вопросъ воспитанія,—вопросъ, вновь подвергшійся горячему обсужденію по случаю появленія Эмиля. И вотъ секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ, Рюльеръ, ждетъ не дождется

---

[1]) Письмо его къ принцу Виртембергскому, 14 октября 1764 г. Oeuvres, XXXIV, 161.

[2]) Письмо къ Фридриху II, 30 октября 1762 г. Oeuvres de Frederic le Grand. Berlin. 1852. XX, 300.

[3]) Письмо Руссо къ Марешалю, 26 ноября 1762 г. Oeuvres, XXXIII, 413.

[4]) Mémoires secrets, 15 février 1763.

присылки этой книги, жалуясь на отсутствіе книгопродавцевъ и на слабость книжной торговли въ Россіи. Наконецъ, три экземпляра Эмиля привезены въ Москву «по случаю», но ихъ должны прежде всѣхъ прочесть сановники,—les grands de l'empire—и Рюльеръ успѣваетъ лишь пробѣжать эту книгу, почти что украдкою [1]). Вѣроятно больше трехъ ея экземпляровъ и не проникло въ Россію и никто, кромѣ сановниковъ, ее не читалъ, потому что, ознакомившись съ нею, Екатерина запретила привозъ ея въ Россію, наравнѣ съ «меморіями Петра III» [2]), «письмами жидовскими» и т. п. книгами, «которыя служатъ къ преобращенію (развращенію) нравовъ» [3]).

Въ Эмилѣ видѣла она причину дурнаго воспитанія, полученнаго датскимъ принцемъ. «Когда молодые люди дѣлаютъ глупости, говоритъ она [4]),—въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, но когда всюду встрѣчаются слѣды дурнаго сердца,—легко раждается отсюда общественное негодованіе. Признаюсь, я очень этимъ огорчена. Особенно не люблю я Эмильевскаго воспитанія:—не такъ думали въ наше доброе старое время, а какъ и между нами есть однако же удавшіеся люди, то я и держусь этого опыта и никогда не подвергну драгоцѣнные отпрыски (des rejetons précieux) сомнительнымъ или недоказаннымъ опытамъ».

Также неодобрительно отзывается Екатерина и о другомъ сочиненіи Руссо—Contrat social. Извѣстно, что въ сочиненіи этомъ Руссо высказалъ мысль, что реформа Петра была реформою слишкомъ крутою и вывелъ изъ этого довольно странное заключеніе о будущемъ развитіи Россіи [5]). На эту фразу обратилъ вниманіе недругъ Руссо—Вольтеръ. Онъ опровергаетъ ее въ письмѣ къ

---

[1]) Письмо его къ Руссо изъ Москвы 20 февраля 1763 г. J. J. Rousseau. Ses amis et ses ennemis. I, 308.

[2]) Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III, publiés par M. D. G*** Francfort. 1762. О запрещеніи этой книги см. Арх. кн. Воронцова, VII, 605.

[3]) Указъ Сенату 6 сентября 1763. Сборн. Императ. Русск. Историч. Общ. VII, 318.

[4]) Письмо къ г-жѣ Бьелке, 13 сентября 1770. Ibid. XIII, 37.

[5]) Приводимъ подлинные слова Руссо (livre II, мар. VIII). Les Russes ne seront jamais vraiment policés, parcequ'ils l'ont été trop tôt. Pierre avait le génie imitatif; il n'avait pas le vrai génie, celui qui crée et fait tout de rien. Quelques unes des choses qu'il fit étaient bien, la plupart étaient deplacés; il a vu que son peuple était barbare, il n'a point vu qu'il n'etait pas mûr pour la police; il l'a voulu civiliser quand il ne fallait que l' aguerrir. Il a d'abord voulu faire des Allemands, des Anglais, quand il fallait commencer par faire des Russes; il a empêché ses sujets de jamais devenir ce qu'ils pourraient être, en leur persuadant qu'ils étaient ce qu'ils ne sont pas, c'est ainsi qu'un precepteur français forme son éleve pour briller un moment dans son enfance, et puis n'etre jamais rien. L'empire des Russes voudra subjuguer l'Europe et sera subjuguè luimême. Les Tartars ses sujets ou ses voisins deviendront ses maitres et les notres: cette revolution me parait infalible. Tous les rois de l'Europe travaillent de concert à l' accelerer.

своему петербургскому пріятелю Пиктэ [1]. И Екатерина, которой это письмо Вольтера было представлено, задѣта была за живое мнѣніемъ Руссо. «Я отвѣчу на предсказаніе Жанъ Жака Руссо, давая ему, доколѣ буду жива, очень невѣжливое опроверженіе», писала она Вольтеру [2]. «Не такъ давно, писала она въ другомъ письмѣ къ нему же [3], новый Сенъ-Бернаръ проповѣдывалъ у васъ во Франціи духовный крестовый походъ противъ меня,—самъ, какъ я думаю, хорошенько не зная за что. Но этотъ Сенъ-Бернаръ ошибся въ своихъ пророчествахъ, совершенно также, какъ и первый. Изъ того, что онъ предсказывалъ, ничто не оправдалось; онъ только ожесточилъ умы. Если въ этомъ и заключалась его цѣль, то, надобно признаться, что онъ имѣлъ успѣхъ, но цѣль эта кажется очень мелочною (mesquin)».

Наконецъ, когда аббатъ Шаппъ, въ описаніи своего путешествія по Россіи, сослался, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на будущность Россіи, на мнѣніе Руссо, Екатерина не оставила безъ возраженія и это мѣсто въ книгѣ Шаппа, разобранной ею въ извѣстномъ ея Антидотѣ. «Вопреки ссылкѣ на Руссо, сказавшаго, что быть можетъ было бы желательно, чтобы русскаго народа никогда не коснулось просвѣщеніе, и вопреки аббату Шаппу, я, говоритъ Екатерина, рѣшаю, не боясь ошибиться, что онъ пошелъ бы и пойдетъ далеко».

Литературной дѣятельности Руссо Екатерина предоставляла большую долю участія въ революціономъ движеніи. Жалуясь на упадокъ словесности во Франціи (не до нея было въ эпоху великаго переворота), она желала знать, «что сдѣлаютъ французы съ лучшими своими писателями, которые всѣ, и самъ Вольтеръ, были роялистами; всѣ проповѣдывали порядокъ, спокойствіе, все противоположное системѣ гидры съ тысяча двумя стами головами [4]; не сожгутъ ли они ихъ творенія на площади, потому что произведенія эти нейдутъ къ глупостямъ, которые они теперь дѣлаютъ;— Руссо сдѣлалъ ихъ четвероногими» [5].

Даже драматическая смерть Руссо не внушила Екатеринѣ, не смотря на извѣстную ея «чувствительность», сожалѣнія. «Съ вашими опасеніями на счетъ потери писемъ, писала она Гримму [6], вы походите на покойнаго Жанъ Жака, сомнительной памяти, ко-

---

[1] Сентябрь 1763. Изд. Бёшо, т. 61, № 3929.

[2] 1763 г. Ibid., № 3942.

[3] 3 марта 1771 г. Ibid., т. 67, № 6114.

[4] Гидра съ тысяча двумя стами головами, — такъ Екатерина называла національное собраніе.

[5] Письма къ Гримму 1790—1791 гг. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. XXIII, 488, 493 и 521.—Rousseau les mis à quatre pattes—намекъ на комедію Палиссо «Les philosophes».

[6] Ibid., 17 декабря 1778, стр. 117.

торый воображалъ, что вся Европа занималась изобрѣтеніемъ противу него преслѣдованій,—тогда какъ никто объ этомъ и не думалъ». Только мѣсто могилы Руссо, на острову, среди озера, понравилось Екатеринѣ, и послѣ того какъ герцогъ Готскій похоронилъ такимъ же образомъ своего сына, она даже пожелала, чтобы подобный способъ погребенія вошелъ въ моду [1]).

И не смотря однако на эту нелюбовь къ Руссо, Екатерина нашла нужнымъ пріобрѣсти его бюстъ, сдѣланный Гудономъ. Бюстъ этотъ до сихъ поръ украшаетъ одну изъ залъ Эрмитажа [2]).

Понятно, что, когда Екатерина обратилась къ педагогической дѣятельности, принявъ на себя заботы объ образованіи двухъ старшихъ внуковъ, идеи Руссо о воспитаніи остались безъ всякаго вліянія на эту въ высшей степени практическую женщину. Мы думаемъ, говоритъ г. Лавровскій, въ своей рѣчи о педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины [3]), что воспитательная теорія Руссо, «какъ ни замѣчательна она по остроумію и оригинальности, противорѣча главнымъ началамъ общественной и частной жизни, не могла возбудить къ себѣ сочувствіе императрицы». Скажемъ болѣе:— разстояніе между взглядами самодержавной Екатерины и республиканца Руссо было такъ велико, что первая и не могла понимать втораго. Такъ, напримѣръ, она утверждала, что Руссо высказалъ однажды слѣдующую мысль: «если вы желаете быть свободными, будьте готовы переносить не только ужасныя несчастія, которыя приведутъ васъ къ свободѣ, но еще и тѣ, которыя сопровождаютъ свободу и составляютъ ея послѣдствія» [4]). Руссо нигдѣ не говорилъ, да, конечно, и не могъ выразить столь страннаго положенія. Въ указанномъ Екатериною мѣстѣ Руссо не говоритъ, что люди не способны къ пользованію свободою, онъ говоритъ только, что ея страшатся жалкіе (pauvres) и слабодушные люди, что—далеко не одно и то же.

Причину несчастій Руссо часто старались объяснить его болѣзненно развитымъ самолюбіемъ и гордостью. Любопытно, что тѣ же качества Екатерина думала видѣть и въ Радищевѣ. Разбирая его извѣстную книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», Екатерина говоритъ: «вѣроятно, кажется, что сочинитель родился въ необузданной амбиціи, и, готовясь къ вышнимъ степенямъ, до нынѣ еще не дошедъ, желчи нетерпѣніе разлилось повсюду на все установленное и произвело собою умствованіе, взятое однако изъ разныхъ полумудрецовъ сего вѣка, какъ-то Руссо, Аббе Рейналь и тому ипохондрику подобные» [5]).

---

[1]) Письма къ Гримму, стр. 167; письмо 2 января 1780 г.

[2]) Livret de la galerie de l'Ermitage. St. P—g. 1838, 270. Бюстъ этотъ доставленъ былъ Екатеринѣ въ 1784 г. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. XV, 15.

[3]) Харьковъ, 1865 г., стр. 40.

[4]) Письмо къ Гримму 12 мая 1791. Сборн. Русск. Ист. Общ. XXIII, 537—538.

[5]) Арх. кн. Воронцова V, 415.

Впрочемъ, независимо литературной дѣятельности Руссо, Екатерина неблаговолила къ нему и за сношенія его съ поляками. Хотя сочиненіе Руссо о нужныхъ для Польши преобразованіяхъ явилось въ печати только въ 1782 году, уже послѣ смерти Руссо, но сущность этого сочиненія конечно была извѣстна Екатеринѣ немедленно по его написаніи, такъ какъ Гриммъ разобралъ его тогда же въ своей литературной корреспонденціи [1]).

Не взирая на запрещеніе Эмиля и на нелюбовь Екатерины къ дѣятельности Руссо, переводы его произведеній появлялись въ Россіи довольно часто въ XVIII вѣкѣ. Но если на развитіе отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей мысли Руссо и могли имѣть полезное вліяніе, то въ массу русскаго общества они вовсе не проникали. Русское общество того времени было далеко не приготовлено къ воспріятію этихъ идей.

Если Радищевъ, человѣкъ высокообразованный, вполнѣ понималъ значеніе того переворота въ идеяхъ о воспитаніи, которымъ Европа обязана была Руссо [2]), то на сколько другіе, а въ томъ числѣ и сами русскіе переводчики Руссо, усвоили себѣ его идеи, лучше всего покажетъ примѣръ одного изъ нихъ, П. С. Потемкина.

Потемкинъ былъ человѣкомъ довольно близкимъ къ Екатеринѣ, водилъ дружбу съ французскими писателями и съ Тома состоялъ даже въ перепискѣ. Въ 1768—1770 годахъ перевелъ онъ четыре сочиненія Руссо [3]). Но черезъ двадцать лѣтъ, подъ вліяніемъ успѣховъ революціи во Франціи, взгляды его измѣнились и, говоря о французскихъ писателяхъ, онъ утверждаетъ, что Руссо—«умствуя упрямо, проповѣдывалъ вольность и равенство нравственное, когда его и въ природѣ не существуетъ; и подъ видомъ можетъ быть желанія ко благу человѣка, чаялъ управить милліонами сердецъ человѣческихъ, какъ управлялъ пылкимъ своимъ перомъ». Затѣмъ онъ проситъ И. И. Шувалова, главу русскихъ галломановъ, «вразумить его постигнуть, какъ могли сіи, столь знаменитые разумомъ люди, возбуждая народы къ своевольству, не предвидѣть пагубныя слѣдствія для народа» [4]). Въ этомъ случаѣ Потемкинъ едва ли не судилъ по самому себѣ; не идеи ли Руссо возбудили и его къ своевольству. Начальствуя надъ кавказскою областью, онъ позволялъ себѣ страшныя беззаконія. Въ 1795 году, шахъ персидскій прислалъ своего брата посломъ въ Петербургъ—просить покровительства Екатерины и сообщить ей о всѣхъ ужасахъ, производи-

---

[1]) Январь 1773 года.

[2]) Письмо къ гр. А. Р. Воронцову, 26 ноября, 1791 г. Арх. кн. Воронцова, V, 332.

[3]) «Русская Старина» 1871 г. ч. IV, № 11, стр. 574.

[4]) Письмо 28 октября 1794 г. ibid. 1872 г., ч. V, № 2, стр. 346. Первоначально въ Московск. Вѣстникѣ 1809 г. ч. I, стр. 90.

мыхъ Потемкинымъ въ то время, когда онъ былъ командующимъ войсками на Кавказѣ. «Жестокости испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ и англичанъ въ Индіи, говоритъ Ростопчинъ [1]), ничто въ сравненіи съ звѣрствами нашего военнаго философа, который занимался переводомъ Елоизы Руссо, а теперь обрекалъ гибели всѣхъ, владѣвшихъ предметами, могущими соблазнить его корысть. Императрица назначила, для разсмотрѣнія этого дѣла, особую коммисію. Потемкинъ пріѣдетъ сюда, но, прибавляетъ Ростопчинъ, ему вѣроятно, ничего не сдѣлаютъ, потому что онъ слишкомъ богатъ...»

По смерти Руссо, жена его, побуждаемая крайне стѣсненными обстоятельствами, обратилась къ Екатеринѣ II съ слѣдующимъ письмомъ:

Madame,

Ce n'est point au prix des éloges que Votre Majesté accorde ses bienfaits. La vraie gloire est au dessus de tout louange.

Depuis l'époque heureuse oû Vous êtes montée sur le trône, les sciences et ceux qui les cultivent ont été l'objet de Votre estime et de Votre bienveillance.

Semblable à Titus, Vos jours ont été marqués par des bienfaits; et la France a vu ses principaux savants prevenus par Vos libéralités, il en était un parmi eux, dont l'âme austère semblait se refuser à toute espèce de bienfait.

Mais il n'etait pas moins admirateur du vrai mérite; il le fut du Votre, Madame. Jean Jacques Rousseau paya le juste tribut, dû à cette grandeur d'âme qui Vous a fait travailler constamment au bonheur des Vos peuples, en Vous attachant par des honneurs et des largesses, tout les savants, dont les lumières pouvaient seconder Votre Majesté dans le noble dessein. Il en vit avec le plus vif interêt, éclore les fruits dans le chef-d'oeuvre immortel, l'Instruction qui trace un nouveau code de loix et dans tous les autres projets d'un gouvernement humain et philosophique.

Ce vertueux philosophe, auquel mon sort fut uni pendant plus de trente années, ne respirait que pour l'humanité et s'oubliait lui-même. Tant qu'il a vécu j'ai supporté cette généreuse abnégation. Heureuse de sa gloire je n'étais pas malheureuse de sa pauvreté.

Mais depuis qu'il m'a été ravi, seule, abandonnée, calomniée même, comme il le fut durant sa vie, je sens toute ma detresse. Un regard de Votre Majesté peut soulager mes maux. Permettez, Madame, que je l'invoque; je me flatte que ce ne sera point en vain.

Votre Majesté peut quelque fois porter ses régards sur les traits de celui qui fut mon époux; Vous avez donné place à son buste dans l'enceinte de Votre palais. Daignez, Madame, donner place à sa veuve

---

[1]) Арх. кн. Воронцова VIII, 117. Письмо къ гр. С. Р. Воронцову. 8 декабря 1795 года.

sur la liste de Vos protegés. Cette bonté de Votre part sera une leçon pour les souverains auquels Vous en avez données tant d'autres.

Je suis avec le plus profond respect
de Votre Majesté Impériale
la très humble et très obéissante servante
Marie Therèse Levasseur, veuve de J. J. Rousseau [1]).

Переводъ.

«Государыня!

«Не цѣною похвалъ получаются благодѣянія Вашего Величества. Истинная слава выше всякихъ похвалъ.

«Съ той счастливой эпохи, когда Вы вступили на престолъ, науки и труженики, ихъ разрабатывающіе, были предметомъ Вашего уваженія и благоволенія.

«Подобно Титу, каждый день Вашей жизни отмѣченъ благодѣяніями; своими щедротами Вы предупреждали желанія первостепенныхъ французскихъ ученыхъ; но между ними былъ одинъ, непреклонная душа котораго, казалось, была недоступна какому бы то ни было благодѣянію.

«Тѣмъ не менѣе, онъ былъ поклонникомъ истиннаго дарованія, и, разумѣется, Вашего, Государыня. Жанъ Жакъ Руссо платилъ должную дань тому величію духа, которое побуждало Васъ трудиться постоянно на благо своихъ народовъ, привлекая къ себѣ почестями и щедротами ученыхъ, знанія которыхъ могли содѣйствовать осуществленію великодушныхъ начинаній Вашего Величества. Съ живѣйшимъ интересомъ видѣлъ онъ плоды ихъ въ безсмертномъ твореніи—Наказѣ, начертавшемъ новое уложеніе законовъ, и во всѣхъ другихъ проектахъ гуманнаго и философическаго правительства.

«Этотъ добродѣтельный философъ, съ которымъ моя судьба была связана въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, жилъ только для человѣчества, забывая о самомъ себѣ. Пока онъ былъ живъ, я переносила это великодушное самоотверженіе. Счастливая его славою, я не чувствовала себя несчастною отъ его бѣдности.

«Но съ тѣхъ поръ, какъ смерть похитила его, одинокая, всѣми оставленная, даже оклеветанная, какъ и онъ былъ оклеветанъ при жизни, я сознаю свое бѣдственное положеніе. Одного взгляда Вашего Величества достаточно для облегченія моихъ страданій. Позвольте, Государыня, обратить на себя ваше вниманіе. Льщу себя надеждою, что это не будетъ напрасно.

---

[1]) Письмо это находится въ Государственномъ архивѣ, карт. XVII, № 123 и обязательно сообщено намъ Г. В. Есиповымъ.

«Взоры Вашего Величества могутъ иногда упасть на черты того, кто былъ моимъ супругомъ. Вы помѣстили бюстъ его въ Вашемъ дворцѣ. Соблаговолите же, Государыня, внести имя его вдовы въ списокъ Вами покровительствуемыхъ. Таковая благосклонность съ Вашей стороны послужитъ урокомъ для государей, которымъ вы уже дали ихъ такъ много въ иныхъ случаяхъ.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ пребываю,

«Вашего Императорскаго Величества

«нижайшая и покорнѣйшая слуга

«Марія Тереза Левассеръ, вдова Жанъ Жака Руссо».

Отвѣчала ли Екатерина на это письмо и оказала ли просительницѣ какую нибудь матерьяльную помощь, намъ неизвѣстно.

Д. Кобеко.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И НАЦІОНАЛЬНЫЕ ЦВѢТА.

Соединеніе у насъ, въ Россіи, трехъ государственныхъ цвѣтовъ: желтаго, чернаго и бѣлаго нельзя считать правильнымъ ни въ общепринятомъ геральдическомъ употребленіи, ни въ историческомъ отношеніи. По установившемуся во всѣхъ странахъ Европы правилу, государственные цвѣта заимствуются отъ цвѣта полей или щитовъ въ государственныхъ гербахъ и отъ цвѣта изображаемыхъ на нихъ геральдическихъ знаковъ. При этомъ металлы — въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ собственно употребляются только обыкновенныя, а не металлическія краски — принято замѣнять: золото — желтымъ или оранжевымъ, а серебро бѣлымъ цвѣтомъ, какъ, напримѣръ, на флагахъ, знаменахъ, шнурахъ, драпировкахъ и т. д. Такъ, Пруссія, на этомъ основаніи, соединяетъ, гдѣ нужно, два цвѣта—бѣлый и красный потому, что гербъ королевства прусскаго представляетъ изображеніе «чернаго» орла въ «серебрянномъ полѣ». Австрійская имперія, по ея гербу — «черный» орелъ въ «золотомъ» полѣ — употребляетъ цвѣта черный и желтый. Швеція, въ гербѣ которой изображаются три «золотыя» короны въ «синемъ» полѣ, употребляетъ — какъ государственные цвѣта — цвѣта желтый и синій. Государственные цвѣта царства или королевства Польскаго — бѣлый и красный, такъ какъ гербъ Польши — «бѣлый» орелъ въ «красномъ» полѣ. Италія еще отъ римлянъ наслѣдовала государственные или, вѣрнѣе сказать, національные цвѣта—бѣлый и красный, а зеленый цвѣтъ, какъ надобно полагать — былъ къ этимъ цвѣтамъ прибавленъ впослѣдствіи—какъ цвѣтъ «надежды». Страна порабощенная чужеземцами издавна хранила надежду на освобож-

деніе ея отъ этого ига и потому прибавка зеленаго цвѣта имѣетъ символическое значеніе. Въ королевской Франціи государственнымъ цвѣтомъ признавался бѣлый цвѣтъ. Онъ считался цвѣтомъ королевской фамиліи и былъ заимствованъ отъ «бѣлыхъ» или «серебрянныхъ» лилій, находящихся въ гербѣ дома Бурбоновъ, на «голубомъ» полѣ, почему иногда къ бѣлому цвѣту прибавлялся и голубой. Столь пугающій нынѣ Европу красный цвѣтъ появился впервые во Франціи, во время первой революціи, и былъ заимствованъ отъ краснаго поля, имѣющагося въ гербовомъ щитѣ города Парижа. Но вскорѣ къ этому единичному цвѣту былъ прибавленъ еще и другой, заимствованный тоже изъ упомянутаго герба «синій» цвѣтъ, такъ какъ геральдическимъ знакомъ въ гербѣ Парижа является корабль синяго цвѣта. Когда же, 14-го іюля 1789 года, послѣдовало временное примиреніе народа съ королевствомъ, то въ ознаменованіе этого былъ прибавленъ «бѣлый» цвѣтъ Бурбоновъ и такимъ образомъ нынѣшніе національные или государственные цвѣта Франціи были заимствованы изъ гербовыхъ красокъ. На позаимствованіи цвѣтовъ изъ государственныхъ гербовъ основывается употребленіе государственныхъ цвѣтовъ и во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ: въ королевствахъ саксонскомъ, виртембергскомъ, бельгійскомъ, датскомъ, баварскомъ, нидерландскомъ и бывшемъ ганноверскомъ. Въ Испаніи государственные цвѣта представляютъ чрезвычайную пестроту, такъ какъ въ тамошнемъ государственномъ гербѣ находятся разноцвѣтные поля и фигуры.

У насъ, во время существованія государства московскаго, государственныхъ цвѣтовъ въ употребленіи вовсе не было, хотя въ XVII-мъ столѣтіи самымъ употребительнымъ, въ торжественныхъ случаяхъ, цвѣтомъ считался вообще красный цвѣтъ. Цвѣтъ этотъ соотвѣтствовалъ и прирожденному вкусу русскаго народа, который, какъ извѣстно, предпочиталъ, да и теперь еще предпочитаетъ, красный цвѣтъ всѣмъ другимъ цвѣтамъ, и русскій человѣкъ для означенія того, что̀ ему нравится, употребляетъ слова: краса, красота, красна-дѣвица, красное-солнышко, прекрасно. Кромѣ того, красный цвѣтъ былъ бы правильно употребленъ и съ геральдической точки зрѣнія, такъ какъ онъ могъ бы считаться заимствованнымъ отъ краснаго поля московскаго герба. Разумѣется, что такое геральдическое соображеніе не приходило на мысль тогдашнимъ русскимъ людямъ, да и самой геральдики у насъ въ прежнее время вовсе и въ заводѣ не было. Такъ, государственный нашъ гербъ установился только во второй половинѣ XVII-го столѣтія потому, что до той поры двухглавый орелъ употреблялся отдѣльно самъ по себѣ, точно такъ же, какъ и старинное «знамя» московское—всадникъ или Георгій Побѣдоносецъ—изображалось отдѣльно отъ орла, и только во время царя Алексѣя Михайловича «знамя»

это стало появляться на груди орла. Добавимъ здѣсь кстати, что разсказы нашихъ историковъ будто великій князь московскій Иванъ III принялъ византійскій гербъ съ изображеніемъ двухглаваго орла, вслѣдствіе брака съ греческою царевною Софіею Ѳоминишною Палеологъ, ровно ничѣмъ не подтверждается: изображеніе двухглаваго орла стало являться у насъ, въ видѣ государственнаго герба, спустя двадцать шесть лѣтъ послѣ упомянутаго брака, да и кромѣ того, изображеніе это не было принято окончательно въ такомъ значеніи потому, что еще Иванъ IV употреблялъ иногда на своей печати, вмѣсто византійскаго орла, единорога, заимствованнаго изъ англійскаго герба. Всего вѣроятнѣе, что двухглаваго орла государи московскіе стали употреблять, какъ свой наслѣдственный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ государственный гербъ, вслѣдствіе распущеннаго въ началѣ XV-го столѣтія баснословнаго сказанія объ ихъ происхожденіи отъ Августа-Кесаря, «обладавшаго всею вселенною» — происхожденія, которымъ такъ гордился царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

За тѣмъ, когда, такъ или иначе, нашъ, заимствованный изъ-чужа, государственный гербъ установился въ видѣ чернаго двухглаваго орла въ золотомъ полѣ, то нашими государственными цвѣтами должны были бы сдѣлаться, по правиламъ геральдики, цвѣта черный и оранжевый или желтый, если бы при этомъ не было обращено вниманіе на другой болѣе древній гербъ великаго княженія московскаго, который пересталъ послѣ того существовать самостоятельно и который началъ помѣщаться на груди римско-греческаго орла. Вслѣдствіе этого, подъ вліяніемъ западно-геральдическихъ понятій, у насъ въ первой четверти XVIII-го столѣтія государственными цвѣтами явились цвѣта красный и желтый хотя относительно этого и не было и донынѣ еще нѣтъ никакихъ узаконеній въ «Сводѣ Законовъ». Тѣмъ не менѣе, въ разныхъ правительственныхъ, и въ особенности въ разныхъ распоряженіяхъ по церемоніальной части, упоминается, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, о «трехъ цвѣтахъ имперіи» — и третьимъ такимъ цвѣтомъ признается теперь бѣлый цвѣтъ. Такое сочетаніе цвѣтовъ, какъ цвѣтовъ государственныхъ, мы видимъ нынѣ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то на страусовыхъ перьяхъ, на драпировкахъ, на флагахъ, на лентахъ къ медалямъ, розданныхъ за усмиреніе послѣдняго польскаго возстанія, а также и въ обиходѣ, на кокардахъ, на окраскѣ нѣкоторыхъ казенныхъ построекъ, и даже въ такъ называемомъ «канцелярскомъ шнуркѣ». Но этотъ-то бѣлый цвѣтъ и составляетъ неправильную прибавку и не имѣетъ никакого историческаго значенія, а если и допустить съ большими натяжками такое значеніе, то оно окажется довольно страннымъ и, пожалуй, даже вовсе неумѣстнымъ.

Хотя при коронаціи Екатерины I и на шишакахъ у вновь сфор-

мированныхъ по этому случаю кавалергардовъ и на шляпахъ были бѣлыя кокарды, которыя при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ назывались «россійскимъ полевымъ цвѣтомъ», но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ цвѣту этому не придавалось значенія «государственнаго» цвѣта.

Въ настоящее время, правильное сочетаніе государственныхъ нашихъ цвѣтовъ можно видѣть лишь на лентѣ ордена св. Георгія, такъ какъ эта лента только въ два цвѣта: въ оранжевый и черный безъ прибавки къ нимъ бѣлаго. Эти два цвѣта и употреблялись въ прежнія времена на темлякахъ шпагъ и на офицерскихъ шарфахъ и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось означить государственные цвѣта Россіи. Бѣлый же цвѣтъ къ двумъ прежнимъ цвѣтамъ былъ прибавленъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Письменнаго объявленія о такой прибавкѣ намъ не удалось встрѣтить, но по старинному, слышанному нами разсказу, она была сдѣлана по ненависти Павла къ французскимъ революціонерамъ и по сочувствію его къ нашедшему въ Россіи убѣжище графу д'Артуа, впослѣдствіи королю французскому Людовику XVIII, такъ какъ фамильный цвѣтъ Бурбоновъ «бѣлый» былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цвѣтомъ королевской Франціи, какъ мы это замѣтили прежде. Вѣроятнѣе, впрочемъ, кажется намъ, что поводомъ къ присоединенію при Павлѣ I бѣлаго цвѣта къ двумъ прежнимъ русскимъ государственнымъ цвѣтамъ послужило принятіе императоромъ званія великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, или главы рыцарскаго мальтійскаго ордена. Бѣлый крестъ этого ордена былъ, по повелѣнію государя, внесенъ въ русскій государственный гербъ и помѣщенъ на груди орла, и такимъ образомъ, прежній московскій гербъ занялъ уже не второе, а третье мѣсто, будучи вставленъ по среди совершенно чуждаго Россіи мальтійскаго креста. Прибавленіе къ русскому государственному гербу новаго знака бѣлаго цвѣта служило, съ точки зрѣнія геральдики, вполнѣ правильнымъ основаніемъ и къ прибавкѣ къ прежнимъ русскимъ государственнымъ цвѣтамъ еще и бѣлаго цвѣта. Въ эти три цвѣта, при императорѣ Павлѣ, были между прочимъ окрашены караульныя будки, кордегардіи, верстовые и фонарные столбы, мосты, перилы, казенные склады и т. д.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра Павловича, мальтійскій крестъ былъ устраненъ изъ нашего государственнаго герба. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдовало бы устранить и бѣлый цвѣтъ изъ государственныхъ нашихъ цвѣтовъ, но этого почему-то тогда сдѣлано не было и, такимъ образомъ, существованіе бѣлаго цвѣта укрѣпилось—неизвѣстно, съ легкой ли руки Бурбоновъ или мальтійскихъ кавалеровъ.

Прибавилъ ли Павелъ Петровичъ бѣлый цвѣтъ по личному своему сочувствію къ Бурбонамъ или по сочувствію, еще болѣе

сильному, къ мальтійскому ордену, во всякомъ случаѣ ни тотъ, ни другой поводъ не представляютъ такой исторической важности, чтобы память объ этомъ постоянно сохранялась въ одномъ изъ главнѣйшихъ, и при томъ весьма употребительныхъ знаковъ нашей государственности, тѣмъ болѣе, что при невнесеніи послѣ императора Павла въ нашъ государственный гербъ мальтійскаго креста, бѣлый цвѣтъ оказывается совершенно не соотвѣтствующимъ этому гербу. Поэтому было бы правильнѣе устранить бѣлый цвѣтъ, какъ примѣсь, не имѣющую ни геральдическаго основанія, ни особеннаго историческаго значенія. Можно, впрочемъ, и сохранить его, но только съ прибавкою къ нему краснаго цвѣта и это дополненіе можетъ имѣть двоякое основаніе. Во-первыхъ, такое сочетаніе цвѣтовъ соотвѣтствовало бы общему составу государственнаго герба, такъ какъ на груди орла помѣщается въ «красномъ» полѣ всадникъ на «бѣломъ» конѣ, и во-второмъ, потому, что цвѣта московскаго герба имѣютъ не только предпочтительное значеніе, сравнительно съ цвѣтомъ дома Бурбоновъ или съ цвѣтомъ мальтійскаго креста, но имѣютъ еще полное право являться нашими государственными цвѣтами, такъ какъ Москва была создательницею нашей «государственности». Такимъ вниманіемъ къ «государственнымъ» заслугамъ Москвы былъ бы оказанъ ей, съ исторической точки зрѣнія, вполнѣ справедливый, хотя уже и слишкомъ запоздалый почетъ.

Что касается собственно придворнаго цвѣта, то онъ при императорско-русскомъ дворѣ долженъ считаться зеленымъ, по крайней мѣрѣ такъ велось прежде и вся такъ называемая «штатсъ-ливрея» и до нынѣ полагается этого цвѣта. Красную же, употребляемую при дворѣ, ливрею установилъ Павелъ Петровичъ, заимствовавъ этотъ цвѣтъ отъ цвѣта супервестовъ рыцарей мальтійскаго ордена, который, конечно, не имѣетъ повода гордиться сохраненіемъ о немъ такого рода памяти.

Если, какъ мы объяснили, нынѣшніе наши государственные цвѣта представляютъ нарушеніе геральдическихъ правилъ и, въ добавокъ къ тому, указываютъ на замѣтный историческій промахъ, то въ свою очередь, такъ называемые у насъ «національные» цвѣта оказываются, просто-на-просто, историческою несообразностію. На Руси никогда никакихъ цвѣтовъ не было; не были введены они и при Петрѣ Великомъ. Они явились спустя много времени послѣ него, хотя косвеннымъ образомъ, онъ и былъ виновникомъ ихъ появленія. Для учреждаемаго Петромъ Великимъ флота былъ нуженъ какой-нибудь флагъ, и такъ какъ въ его время существовали въ англійскомъ флотѣ адмиралы бѣлаго, синяго и краснаго флага, то онъ и заимствовалъ для русскаго флота эти цвѣта въ общей ихъ совокупности. Собственно для флота цвѣта эти имѣли свой относительный смыслъ, какъ бы показывая, что въ Россіи существуютъ

три степени высшаго морскаго званія, и что поэтому флотъ нашъ также значителенъ, какъ и англійскій. Тутъ можетъ выражаться своего рода простительное тщеславіе. Но дѣло въ томъ, что со временемъ флаги эти стали употреблять при торжественныхъ и другихъ случаяхъ, какъ наши, русскіе «національные» цвѣта, и намъ приходится улыбаться всякій разъ, когда читаемъ, что у насъ городъ или какое-нибудь зданіе были украшены «національными» флагами, не имѣющими въ сущности ни малѣйшаго отношенія къ «россійской національности».

По нашему мнѣнію, было бы гораздо основательнѣе завести русскій «національный» флагъ темносиняго цвѣта съ узкою красною поперекъ его полосою, и мы полагаемъ, что такой флагъ можно бы было считать не только «національнымъ», но и «народнымъ», и вотъ по какимъ соображеніямъ. Такъ называемые «національные» флаги выставляются у насъ преимущественно въ торжественныхъ случаяхъ и въ большіе праздники, а между тѣмъ въ такихъ случаяхъ и въ такіе дни, русскій народъ наряжается въ лучшее свое платье, которое обыкновенно состоитъ или, по крайней мѣрѣ, всюду состояло, изъ синяго кафтана, армяка или чуйки, опоясываемыхъ краснымъ кушакомъ. Такимъ образомъ, въ предлагаемомъ нами «національномъ» флагѣ проявилась бы одна изъ общихъ примѣтъ кореннаго русскаго народа. Кромѣ того, въ старинныхъ русскихъ сказкахъ встрѣчаются очень часто упоминанія о синемъ кафтанѣ и красномъ кушакѣ. Слѣдовательно, сочетаніе двухъ цвѣтовъ, синяго съ краснымъ, расположенныхъ въ томъ видѣ, какъ мы сказали, было бы, по крайней мѣрѣ, хоть отраженіемъ народныхъ понятій о торжествахъ и праздникахъ, а также и природнаго его вкуса. Теперь же оказывается чрезвычайно страннымъ, что англійскіе адмиралы, хотя сами по себѣ и весьма почтенные и храбрые моряки, являются у насъ въ торжественныхъ случаяхъ, ни съ того, ни съ сего, какъ бы представителями русской «національности...» Да и какъ вы, припутавъ и Нельсоновъ, и Кодрингтоновъ, и Сеймуровъ, объясните толково русскому человѣку, почему онъ такіе знаки отличія, пожалованные этимъ чуждымъ мореплавателямъ, долженъ считать своимъ народнымъ знаменемъ?...

К. Н. В.

ТРИ РУССКИХЪ ПОРТРЕТА ВЪ БЕРЛИНѢ.

ЕРЛИНСКОЕ «Verein für die Geschichte Berlins» издало недавно монографію г. Кёне: «Berlin, Moskau, St. Petersburg, 1649 bis 1763»,—сборникъ документальныхъ свидѣтельствъ о дружественныхъ отношеніяхъ между Россіей и Бранденбургскимъ прусскимъ домомъ, существовавшихъ въ теченіи 114-ти лѣтъ. За исключеніемъ періода семилѣтней войны, когда императрица Елизавета Петровна была на сторонѣ австрійскихъ интересовъ, во все означенное время дружба десяти русскихъ государей съ четырьмя прусскими оставалась неизмѣнной. Въ подтвержденіе этого, г. Кёне разсказываетъ о пребываніи и пріемѣ нашихъ посольствъ въ Берлинѣ, о пребываніи въ этомъ городѣ Петра Великаго, о дипломатическихъ сношеніяхъ Елизаветы Петровны съ Фридрихомъ Великимъ, о подаркахъ, присылавшихся нашимъ государямъ берлинскимъ дворомъ, а равно и о портретахъ русскихъ государей и пословъ, до сихъ поръ хранящихся въ Берлинѣ, какъ залогъ дружественныхъ связей русскаго и прусскаго дворовъ. Хотя въ сущности означенная монографія и не даетъ ничего новаго о политическихъ сношеніяхъ Пруссіи и Россіи, но матеріалъ въ ней такъ сгруппированъ, что получается довольно яркое освѣщеніе того періода. Описаніе его къ тому же снабжено рисунками и портретами. Такъ, мы находимъ здѣсь портреты: Порошина, изъ Гогенцоллернскаго музея въ Берлинѣ, царя Ѳедора Алексѣевича, изъ того же хранилища, Петра I-го, изъ берлинскаго королевскаго замка и рисунки: замокъ Монбижу въ Берлинѣ, въ царствованіе Петра Великаго, полтавская шпага, большая медаль Фридриха Вильгельма I-го въ честь войска и знаменитая коронаціонная колесница, подаренная Фридрихомъ Великимъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Мы весьма признательны берлинскому «Обществу», издавшему трудъ г. Кёне, за обязательное позволеніе редакціи «Историческаго Вѣстника» напечатать съ доставленныхъ клише портреты Порошина, царя Өедора Алексѣевича и Петра Великаго.

I.

Портретъ Порошина.

Портретъ этотъ поясной. Принадлежитъ онъ, повидимому, кисти одного изъ выдающихся художниковъ, состоявшихъ при дворѣ великаго курфюрста. Писанъ онъ на холстѣ, въ вышину имѣетъ 84 сантиметра, въ ширину 63¹/₄ сантиметра.

Слегка красноватое лицо Порошина смотритъ привѣтливо и добродушно, голубые глаза и окладистая бѣлокурая борода прида-

ютъ ему симпатичное выраженіе. Кафтанъ изъ розоваго атласа съ высокимъ мѣховымъ воротникомъ украшенъ спереди двумя собольими обшлагами. Кафтанъ этотъ застегнутъ двумя большими аграфами изъ драгоцѣнныхъ камней и стянутъ золотымъ шнуркомъ. Поддевка изъ бѣлаго атласа, съ золотыми пуговицами. На головѣ посла низенькая бархатная шапочка, опушенная мѣхомъ и украшенная жемчугомъ въ три ряда. Лѣвая рука покоится на доскѣ, на которой имѣется слѣдующая надпись: «Посолъ московскаго царя при дворѣ его курфюрстерскаго высочества въ Бранденбургѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Порошинъ, прибылъ сюда, въ Берлинъ, 7-го іюля 1654 г., получилъ первую аудіенцію 8-го, вторую 15-го, выѣхалъ 16-го іюля».

На заднемъ планѣ этого неоконченнаго портрета набросанъ ландшафтъ.

II.

Портретъ царя Ѳедора Алексѣевича.

Портретъ этотъ хранился прежде въ королевскомъ замкѣ въ кунсткамерѣ. Какъ и когда онъ привезенъ въ Берлинъ—неизвѣстно. Въ документахъ посольства не имѣется о немъ свѣдѣній. Въ реестрѣ картинъ, портретовъ и т. п. драгоцѣнностей, хранящихся въ кунсткамерѣ, упоминается только о портретѣ «Московскаго царя». Вѣроятно, рѣчь идетъ о данномъ экземплярѣ. Въ настоящее время портретъ Ѳедора Алексѣевича находится въ Гогенцоллернскомъ музеѣ.

Царь сидитъ на тронѣ разукрашенномъ рѣзьбой, въ видѣ завитковъ; надъ спиной возвышается стариннаго фасона царская корона. На немъ кафтанъ изъ затканной по бѣлому фону бѣлыми цвѣтами камки съ жемчужными пуговицами. Опоясанъ онъ золотымъ поясомъ. На шеѣ богатое жемчужное ожерелье. Дорогая соболья шуба съ широкими рукавами покрыта богатой красной парчей затканной золотыми листьями. На головѣ высокая шапка изъ такой же матеріи, также густо опушенная соболемъ. Въ лѣвой рукѣ царь держитъ скипетръ, на четвертомъ пальцѣ правой руки блеститъ кольцо, украшенное разноцвѣтными камнями. По обѣимъ сторонамъ головы чрезвычайно несоразмѣрныя по величинѣ: на-лѣво корона, на-право колоссальная держава, свѣтлосѣраго цвѣта съ золотыми полосками и такимъ же крестомъ.

Вышина портрета 3 аршина 6 вершковъ (2,40 метра), ширина $2^{61}/_{640}$ аршина (1,49 метра). Повидимому, портретъ писанъ въ первые годы правленія царя.

III.

Портретъ Петра Великаго и его копіи.

Портретъ Петра Великаго находится въ картинной галлереѣ королевскаго замка въ Берлинѣ. Императоръ изображенъ по-колѣна. На немъ чешуйчатый панцырь польскаго фасона, поверхъ

котораго надѣта мантія изъ золотой парчи, подбитая соболемъ, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и застегнутая аграфомъ изъ смарагдовъ и плоскихъ алмазовъ. Лѣвая рука покоится на рукояткѣ сабли, украшенной драгоцѣнными камнями, въ правой онъ держитъ золотой скипетръ. Направо же, на подставкѣ золотая корона. Въ глубинѣ видна желтая драпировка.

По всей вѣроятности, портретъ этотъ писанъ однимъ изъ нидерландскихъ живописцевъ. Не безъизвѣстно, что многіе изъ нихъ въ то время бывали въ Москвѣ. Портретъ въ старинной золотой рамѣ, украшенной наверху щитомъ съ короной, поддерживаемой двумя геніями. На красномъ полѣ щита, окруженнаго военными доспѣхами, изображенъ двуглавый золотой орелъ.

Въ 1820 г. разсматриваемый портретъ въ совершенно простой рамѣ, уменьшенный до поясного, находился вмѣстѣ съ другими портретами, въ сосѣднемъ помѣщеніи, рядомъ съ галлереей королевскаго замка. Тогда же нашли и раму къ портрету. Ее вычистили и снова вставили въ нее портретъ.

Берлинскій портретъ имѣетъ поразительное сходство съ восковымъ бюстомъ Петра I-го, который прислалъ онъ въ 1717 или 1718 году кардиналу Оттобуони. Голова этого бюста, лѣтъ 16 назадъ переданнаго въ Эрмитажъ, въ Петровскую галлерею, вылѣплена изъ воска. Туловище сдѣлано изъ дерева и покрыто рисованными латами чернаго цвѣта.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ I.

НѢСКОЛЬКО разъ случалось мнѣ видѣть императора Николая Павловича и въ столицѣ, и въ провинціи. Я хочу разсказать здѣсь все, что помню, а также и то, что мнѣ случалось слышать отъ другихъ объ этомъ замѣчательномъ государѣ.

I.

Отецъ мой и дядя имѣли тяжбу съ Б... за наслѣдство имѣніемъ по смерти двоюроднаго ихъ брата, артиллеріи генералъ-лейтенанта Костенецкаго. Тяжба была рѣшена сенатомъ въ пользу Б... Недовольные такимъ рѣшеніемъ отецъ мой и дядя подавали просьбу въ коммисію прошеній о переносѣ дѣла въ общее собраніе сената, но коммисія, найдя рѣшеніе сената правильнымъ, отказала имъ въ просьбѣ.

Тогда, пользуясь проѣздомъ императора Николая чрезъ Конотопскій уѣздъ, дядя мой рѣшилъ подать прошеніе лично его величеству, для чего, съ женой своей и невѣсткой, отправился на станцію Карабутовъ, гдѣ была перемѣна лошадей для государя.

Дядя мой былъ восьмидесятилѣтній старикъ, дряхлый, сѣдой и слѣпой. Долго ожидая на дворѣ проѣзда государя, онъ сильно озябъ и продрогъ, такъ какъ погода была холодная. Наконецъ, пріѣхалъ государь. Жена и невѣстка взяли подъ руки слѣпого старика, протолкались сквозь толпу къ самой коляскѣ государя и дядя, упавъ на колѣна, поднялъ вверхъ прошеніе и подалъ его государю.

— Встань, старикъ! сказалъ государь. Но дядя не могъ подняться и просилъ о правосудіи.—Встань! сказалъ еще разъ государь, велѣлъ взять у него прошеніе, и началъ что то говорить съ сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ сыномъ своимъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, а старика, чуть живаго, подняли съ земли и отвели отъ экипажа.

Прошеніе дяди было передано въ комиссію прошеній, которая вновь отказала въ просимомъ, на томъ основаніи, что она, отказавъ уже одинъ разъ въ просьбѣ, не можетъ отмѣнить своего рѣшенія.

II.

Проѣзжая въ Кіевъ, государь останавливался въ Батуринѣ, гдѣ на почтовой станціи обѣдалъ. Разные консервы были поданы изъ экипажа, но и батуринцы съ своей стороны предложили борщу и превосходную индѣйку. Погода была теплая, окна въ комнатѣ растворены, и было видно, какъ государь прежде чѣмъ сѣсть обѣдать, долго стоялъ передъ зеркаломъ и причесывалъ свою лысину.

Пообѣдавъ вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ, государь надѣлъ теплую шинель съ бобровымъ воротникомъ и вышелъ на крыльцо.

Народу около крыльца собралось множество и толпа, оставивъ широкій проходъ отъ крыльца къ двумѣстной открытой коляскѣ, безмолвно стояла съ обнаженными головами.

Государь съ крыльца взглянулъ на толпу, направо отъ входа, и толпа этой стороны начала пятиться назадъ, какъ будто кто нибудь её отталкивалъ. Онъ взглянулъ налѣво, и тамъ толпа тоже подалась. Странное дѣло! Я стоялъ въ толпѣ на правой сторонѣ и, когда государь взглянулъ въ нашу сторону, мнѣ показалось что онъ взглянулъ именно на меня, прямо мнѣ въ глаза и взглянулъ проницательно и пытливо. Потомъ многіе увѣряли, что государь также и имъ прямо взглянулъ въ глаза.

Величественно, но съ мрачнымъ видомъ, спускался государь по ступенькамъ крыльца. Внизу, какая то дама, какъ говорили потомъ, вдова убитаго въ сраженіи офицера, протянула поперекъ прохода руку съ бумагой, такъ что загородила рукой проходъ. Государь сказалъ ей: «отдайте графу!» но у бѣдной вдовы рука отъ страха окоченѣла... она уже не могла опустить ее. Графъ Орловъ взялъ прошеніе и бросилъ его въ ящикъ впереди коляски. Государь, обойдя коляску сзади, сѣлъ въ нее съ лѣвой стороны, а графъ Орловъ съ правой.

Съ Богомъ! сказалъ камеръ-лакей кучеру и коляска шибко покатилась по кіевской дорогѣ...

III.

Конотопскій помѣщикъ К... имѣлъ тяжебное дѣло съ своими единокровными братьями о трехстахъ десятинахъ земли, которыя отецъ ихъ, во время малолѣтства К... сверхъ слѣдуемой ему седьмой части изъ имѣнія умершей его жены, матери К... взялъ себѣ въ Путивльскомъ имѣніи, а К... обѣщалъ дать такое же количество земли въ Глуховскомъ уѣздѣ, для избѣжанія черезполосности, какъ выразился онъ въ прошеніи своемъ о томъ въ путивильскую опеку. Опека дозволила такой обмѣнъ, но К... не получилъ въ замѣнъ никакой земли.

Достигнувъ совершеннолѣтія уже по смерти отца своего, К... завелъ тяжбу съ наслѣдниками отцовскаго имѣнія объ этихъ трехстахъ десятинахъ и, несмотря на ясность и справедливость его иска, рѣшеніе даже сената состоялось въ пользу его противниковъ.

Тогда жена его, женщина молодая, энергическая, умная и очень красивая собой, желая побывать въ Петербургѣ, котораго она еще никогда не видѣла, рѣшилась подать лично прошеніе государю Николаю Павловичу о переносѣ дѣла въ общее собраніе сената.

Въ 1854 году, я жилъ въ Москвѣ и К... будучи со мной знакомъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ женой и упросилъ меня ѣхать съ ними въ Петербургъ. Я согласился и мы поѣхали по желѣзной дорогѣ. На К—ву заглядывались всѣ пассажиры и, едва она появлялась на платформѣ, какъ взоры всѣхъ на нее обращались, составлялись кружки изъ мущинъ, толковали объ ея красотѣ и многіе не вѣрили, чтобы бѣлизна ея тѣла, была натуральная. Она была высокаго роста, стройная, брюнетка съ черными глазами, тѣло—бѣлизны алебастровой и съ полными розовыми губами.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мы узнали, что государь находится въ Петергофѣ, куда я съ К—ой и отправился, а мужъ ея остался въ Петербургѣ. Остановясь въ гостинницѣ, начали мы искать знакомства съ придворными камеръ-лакеями, чтобы узнать отъ нихъ, когда и какъ можно будетъ подать прошеніе государю. Такъ какъ при этомъ мы не жалѣли цѣлковыхъ, то они и обѣщали намъ доставить самый благопріятный случай, котораго мы ждали цѣлыхъ три дня. Наконецъ, вечеромъ приходитъ къ намъ камеръ-лакей и объявляетъ, что завтра по утру, часовъ въ девять, государь изъ Александріи пріѣдетъ въ Петергофъ и, по обыкновенію своему, вѣроятно зайдетъ въ Монплезиръ полюбоваться моремъ и посмотрѣть на Петербургъ и Кронштадтъ и, что въ это именно время и можно будетъ подать ему прошеніе.

Тревожно провела ночь бѣдная К—а. Страхъ свиданія съ такимъ грознымъ государемъ, приводилъ ее въ трепетъ... но, быть

можетъ и пріятныя мечты приходили въ ея юную голову. Чего не можетъ предположить молодая и хорошенькая женщина, думая о свиданіи, хотя и съ грознымъ государемъ, но все же слабымъ человѣкомъ!..

На другой день она встала очень рано и, одѣвшись скромно, отправилась со мной въ Монплезиръ. Утро было пасмурное, даже шелъ дождикъ, отъ котораго она спряталась въ павильонъ, гдѣ обязательный камеръ-лакей предложилъ ей свои услуги, а я ушелъ на квартиру. Этотъ дождикъ могъ помѣшать прогулкѣ государя по набережной и, слѣдовательно, разстроить случай; но къ счастію дождикъ прошелъ и утро прояснилось. К—а, съ большимъ зонтикомъ въ рукахъ, предложеннымъ ей камеръ-лакеемъ, ходила по мраморной набережной Монплезира, какъ вдругъ раздался сигналъ, извѣщавшій о приближеніи государя, а вслѣдъ за тѣмъ государь вошелъ на набережную.

Бѣдняжка К—а до того испугалась, что опустивъ зонтикъ и даже не сложивъ его, стояла какъ окаменѣлая и, даже не поклонилась, когда государь, проходя мимо, взглянулъ на нее и сдѣлалъ ей подъ козырекъ.

Государь пройдя нѣсколько разъ по набережной, остановился и, задумчивый и мрачный смотрѣлъ то на Петербургъ, то на Кронштадтъ. Тогда происходила крымская война и ему было о чемъ задуматься. Возвращаясь назадъ и видя, что замѣченная имъ женщина продолжаетъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ подошелъ къ ней.

— Что вамъ угодно сударыня? спросилъ государь ее привѣтливо.

— Ваше императорское величество: я прошу вашего правосудія по моему дѣлу, которое неправильно рѣшено сенатомъ.

— Имѣете вы объ этомъ просьбу?

— Имѣю, ваше величество, отвѣчала она и вынула изъ кармана прошеніе, гдѣ оно, отъ женскаго равнодушія къ формальнымъ бумагамъ, измялось и почти сбилось въ комокъ. Въ такомъ видѣ она подала его государю, который, съ трудомъ развертывая бумагу, началъ ее разспрашивать, кто она и откуда, замужемъ ли, гдѣ воспитывалась и гдѣ теперь живетъ, на что она, вся сконфуженная, давала такіе дикіе и наивные отвѣты, что они вызывали улыбку государя. Въ этомъ разговорѣ, который мнѣ дословно передавала К—а, вотъ что, по моему мнѣнію, сказано было достопримѣчательнаго. Когда К—а сказала ему: довольно, государь, одного вашего слова и это дѣло рѣшится въ мою пользу, государь съ любезнымъ видомъ замѣтилъ:

— Это правда, сударыня, что одно мое слово можетъ все сдѣлать. Но есть такія дѣла, которыхъ я не хочу рѣшать по своему произволу—а по закону!

Однакожъ, обнадеживъ ее, что разсмотритъ дѣло и если оно справедливо, доставитъ ей удовлетвореніе, о чемъ извѣститъ ее, го-

сударь удалился, сѣлъ на дрожки и поѣхалъ шагомъ, читая дорогою прошеніе К—ой, какъ донесли ей услужливые камеръ-лакеи, поздравляя ее съ вѣрнымъ успѣхомъ, потому, какъ говорили они, что государь почти никогда не читаетъ подаваемыхъ ему прошеній, а если чье либо прочтетъ, то оно непремѣнно будетъ уважено. При этомъ они разсказали много случаевъ, когда государь гнѣвался на просителей и не принималъ ихъ просьбъ.

Такой благопріятный пріемъ прошенія, казалось обѣщалъ успѣхъ. Не говоря уже о томъ, что дѣло было правое и ясное какъ день, но и просили не о рѣшеніи дѣла, а о перенесеніи его на рѣшеніе въ общее собраніе сената.

Послѣ подачи прошенія, я и мужъ К—ой, уѣхали изъ Петербурга, а она осталась въ немъ ожидать рѣшенія. Государь передалъ прошеніе министру юстиціи, графу Панину, и велѣлъ представить ему объ этомъ дѣлѣ докладъ. Намъ потомъ говорили, что сначала министръ находилъ это дѣло правымъ со стороны К—ой, но его правитель дѣлъ, Топильскій, къ которому обратился противникъ ея, человѣкъ очень богатый, составилъ докладъ совершенно въ противномъ смыслѣ и когда этотъ докладъ былъ министромъ представленъ государю, то К—а получила отказъ на свое прошеніе, о чемъ ей и дано было знать чрезъ полицію.

Такой неожиданно худой оборотъ дѣла не смутилъ, однакожъ, моей героини. Она отправляется къ министру двора, графу Адлербергу, и проситъ его доложить о ней государю.

— Помилуйте, сударыня, говорилъ ей добрый и любезный графъ, при всемъ желаніи быть вамъ полезнымъ, я не могу служить вамъ. Государь такъ занятъ и озабоченъ войной, что я не осмѣлюсь говорить ему о васъ. Впрочемъ, посмотрю, развѣ какой либо особый случай поблагопріятствуетъ мнѣ доложить ему о васъ. Но это сомнительно и я не даю вамъ слова... Понавѣдайтесь ко мнѣ дня черезъ три, или четыре.

Чрезъ четыре дня, когда К—ва явилась къ графу, онъ встрѣтилъ ее словами:—Сударыня! вы необыкновенно счастливы! Я говорилъ о васъ государю и его величество назначилъ вамъ свиданіе тогда-то и въ такомъ-то часу.

Въ назначенный день К—а явилась во дворецъ и была приглашена въ кабинетъ государя.

— Ваше императорское величество! сказала она. Министръ юстиціи васъ обманулъ (буквально ея слова) и совершенно неправильно доложилъ вамъ мое дѣло! и тутъ начала она подробно разсказывать свое дѣло и опровергать докладъ министра и между прочимъ сказала:—не говоря уже о томъ, что опека не имѣла права дозволить подобный обмѣнъ земель одного уѣзда на земли другаго уѣзда, но пусть г. министръ покажетъ вашему величеству въ дѣлѣ документъ о томъ, что, въ замѣнъ взятыхъ у моего мужа трехсотъ

десятинъ, онъ получилъ другія триста. Въ томъ-то, ваше величество, и дѣло, что мужъ мой ничего не получилъ, а если г. министръ докажетъ это вашему величеству, тогда, разумѣется, дѣло мое не правое и просьба моя неосновательна.

Государь слушалъ ее благосклонно и обошелся съ ней до того ласково, что она не ощущала ни малѣйшей робости. Тутъ, говорила мнѣ впослѣдствии К—а, я начала разсказывать ему о плутняхъ чиновниковъ, о становыхъ приставахъ... что его необыкновенно смѣшило, и даже сказала, что всѣ его обманываютъ.

Ея наивность до того понравилась государю, что онъ пробесѣдовалъ съ ней около получаса и отпустилъ ее, приказавъ принести ему новое прошеніе, а когда она пришла къ государю въ другой разъ съ прошеніемъ, то онъ опять разспрашивалъ ее о разныхъ предметахъ, обѣщалъ непремѣнно уважить ея просьбу и, когда она разсказала еще и о другомъ своемъ дѣлѣ, тоже несправедливо производящемся еще въ низшихъ инстанціяхъ, то государь сказалъ ей, чтобы она и по этому дѣлу, когда надобность укажетъ, прямо къ нему писала и что онъ будетъ ея ходатаемъ.

Казалось бы, какой лучше протекціи и какъ, послѣ такого пріема государя, не ожидать благополучнаго конца своему дѣлу? Но судьба рѣшила иначе.

Въ концѣ января 1855 года, мужъ К—ой пріѣхалъ въ Петербургъ и взялъ ее домой. Проѣздомъ чрезъ Москву, они навѣстили меня и тогда я слышалъ всѣ подробности этого приключенія, которое тотчасъ и записалъ въ свой дневникъ. Но едва они пріѣхали домой, какъ получена была страшная вѣсть о смерти государя!.. Этимъ и кончилось дѣло.

Боюсь, чтобы при чтеніи этого разсказа не явилось у кого либо подозрѣніе, не имѣлъ ли покойный государь Николай Павловичъ интриги съ К—ой, что, признаюсь, и мнѣ приходило на мысль и поэтому я старался собрать объ этомъ обстоятельствѣ какъ можно болѣе вѣрныхъ свѣдѣній. Будучи хорошо знакомъ съ К—ой, я часто бесѣдовалъ съ ней объ этомъ происшествіи, о подробностяхъ котораго она всегда говорила съ увлеченіемъ и откровенностію... но ни однимъ словомъ, ни одной обмолвкой не подтверждались мои подозрѣнія. Положимъ, женская хитрость можетъ обмануть каждаго. Но, еслибы она имѣла такого рода интригу, то, безъ всякаго сомнѣнія, царская щедрость была бы очень замѣтна въ ея образѣ жизни въ Петербургѣ. Но она жила тамъ очень скромно. Нанимала комнату со столомъ, не въ гостинницѣ, гдѣ никто не вѣдалъ бы ея дѣйствій, а въ знакомомъ намъ семействѣ, зорко слѣдившемъ за ея образомъ жизни, дѣлала пѣшкомъ всѣ свои визиты къ знакомымъ, одѣвалась скромно, ни одна драгоцѣнная вещь не появлялась въ ея нарядѣ, ни тогда, ни въ послѣдствіи, и вообще жила, какъ только позволяли ей ея собственныя средства.

IV.

Не помню, въ которомъ году, проходилъ я въ Петербургѣ Лѣтнимъ садомъ. Вижу—вдали ѣдетъ верхомъ какой-то генералъ, въ которомъ я узналъ потомъ государя Николая Павловича. Онъ поворотилъ направо въ поперечную широкую аллею и остановился противъ Марсова поля, гдѣ въ то время происходила репетиція майскаго парада, подъ командою тогдашняго наслѣдника престола.

Я подошелъ поближе къ государю, около котораго начала собираться кучка зрителей, сначала небольшая, потомъ постепенно увеличиваясь. Появились и дамы. Замѣтивъ ихъ въ толпѣ, государь обратился къ нимъ съ разговоромъ. Передніе зрители тотчасъ подались назадъ, а дамы подошли къ самому государю.

Съ улыбкой на устахъ, свѣтлымъ и ласковымъ взоромъ, не такимъ грознымъ и отталкивающимъ, съ какимъ смотрѣлъ онъ на толпу въ Батуринѣ, и магически притягательнымъ, государь смотрѣлъ на всѣхъ насъ, спрашивалъ у молодыхъ дамъ, кто по ихъ мнѣнію лучше: гусары или кавалергарды, что имъ больше нравится: пѣхота, кавалерія или артиллерія—вообще шутилъ очень мило и дамы неробѣя, смѣло и улыбаясь, ему отвѣчали.

Во все это время, большая гнѣдая лошадь, на которой сидѣлъ государь, стояла неподвижно, вытянувшись впередъ и, словно окаменѣлая, не перемѣняла ногъ и даже не двигала ушами. Вдругъ она быстро подалась тѣломъ впередъ! Государь взглянулъ назадъ и замѣтилъ, что какой-то мальчишка дернулъ лошадь за хвостъ.

— Пошелъ прочь, мальчишка! сказалъ государь не сердясь и продолжалъ шутить съ дамами.

Мальчишка спрятался въ толпѣ, но черезъ нѣсколько времени опять незамѣтно пробрался къ лошади и опять дернулъ ее за хвостъ; лошадь снова сдѣлала движеніе.

— Прогоните этого мальчишку! кротко сказалъ государь, обращаясь къ публикѣ.

Мальчишку прогнали, а государь, не измѣняя своего веселаго настроенія духа, продолжалъ шутить съ дамами.

V.

У меня былъ дальній родственникъ, Александръ Максимовичъ Требинскій. Будучи съ отцомъ моимъ и другими сонаслѣдникомъ въ одномъ большомъ имѣніи, изъ котораго на его долю доставалось 80 ревизскихъ душъ, онъ продалъ свое право на это наслѣдство отцу моему и дядѣ за тридцать тысячъ ассигнацій и, уступивъ свое родовое имѣніе своимъ сестрамъ, самъ пошелъ служить по

таможенной части и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, получилъ, наконецъ, мѣсто управляющаго таганрогской таможней.

Министромъ финансовъ былъ въ то время графъ Вронченко, котораго главнѣйшимъ достоинствомъ было безкорыстіе, а главнѣйшимъ недостаткомъ—любовь къ женщинамъ. Разсматривая отчеты таможенъ, онъ замѣчалъ, что таганрогская таможня, одна изъ меньшихъ, давала сравнительно большіе доходы, нежели другія таможни, а бывшія ревизіи этой таможни показывали самый строгій въ ней порядокъ и замѣчательную дѣятельность ея управляющаго.

Вдругъ въ Петербургѣ открывается вакантное мѣсто управляющаго таможней. Началось усиленное искательство этого мѣста у министра, посыпались къ нему прошенія, рекомендательныя письма отъ самыхъ высокихъ особъ, говорили даже, что предлагали не министру, а вліятельнымъ на него лицамъ, сто и даже двѣсти тысячъ за это мѣсто—такъ оно было лакомо, но всѣ эти ходатайства и происки оказались напрасными. Министръ доложилъ государю, что онъ никого не находитъ достойнѣе занять это важное мѣсто, какъ управляющаго таганрогскою таможнею, коллежскаго совѣтника Требинскаго, извѣстнаго ему своею дѣятельностію и честностію. Государь согласился съ министромъ и Требинскій былъ переведенъ въ петербургскую таможню на мѣсто ея управляющаго.

Всѣ петербургскіе таможенные чиновники жили крезами, имѣли великолѣпныя квартиры, щегольскіе экипажи съ кровными рысаками, красивыхъ содержанокъ, которыхъ одаряли безпошлинными тканями, кружевами, золотомъ и брилліантами. Самый маленькій столоначальникъ ѣздилъ парой въ фаэтонѣ и не всегда являлся въ присутствіе... и вотъ поставленъ надъ ними строгій начальникъ, который требуетъ, чтобы всѣ чиновники были ежедневно на службѣ, постоянно осматриваетъ и учитываетъ пакгаузы, ни одно полученіе, ни одинъ отпускъ товаровъ, не дѣлается безъ его разрѣшенія и личнаго присутствія и чиновники пріуныли! Пришлось довольствоваться однимъ жалованьемъ, пораспродать экипажи, прогнать любовницъ и ходить пѣшкомъ... Въ первый же годъ управленія петербургскою таможней Требинскій далъ казнѣ дохода на четыре милліона больше противъ прежнихъ лѣтъ и—такъ какъ подчиненнымъ его нельзя уже было грабить казну, то они смертельно возненавидѣли такого управляющаго, да и высшіе его начальники, не получая отъ него прежде получаемой дани, тоже не очень къ нему благоволили. Но все это ничего незначило при покровительствѣ ему министра.

Требинскій не имѣлъ экипажа и ходилъ всегда пѣшкомъ. Однажды встрѣчаетъ его на Невскомъ проспектѣ государь Николай Павловичъ, который очень хорошо зналъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ, и спрашиваетъ:

— Ты, старикъ, какъ я часто вижу, все ходишь пѣшкомъ. Тебѣ это тяжело. Отъ чего ты не ѣздишь?

— Нѣтъ экипажа, ваше императорское величество! Получая жалованья четыре тысячи, нельзя имѣть въ Петербургѣ экипажъ.

— Ну! я дамъ тебѣ экипажъ.

И государь приказалъ отпускать ему изъ своего кабинета на экипажъ по полторы тысячи ежегодно.

Такъ служилъ Требинскій, кажется, болѣе десяти лѣтъ, годъ отъ году увеличивая доходъ казны. Наконецъ, волею Божіею, умираетъ министръ Вронченко, завѣщавъ государю скопившійся у него отъ жалованья и наградъ милліонъ рублей. Новый министръ финансовъ былъ уже не въ такихъ отношеніяхъ къ Требинскому, какъ первый, и десять лѣтъ накопляемая противъ него злоба и подчиненныхъ и начальниковъ обрушилась тогда на него со всею силою и заставила его выйти въ отставку, о замѣчательныхъ обстоятельствахъ которой онъ самъ разсказывалъ мнѣ въ 1860 году, а зная Требинскаго, я несомнѣваюсь въ справедливости его разсказа.

Когда начали его жать и съ низу и съ верху, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь призываетъ его и говоритъ:

— Ты, старикъ, подалъ въ отставку? Я знаю, тебя сильно жмутъ... но небойся! Послужи еще, возьми назадъ свое прошеніе.

Требинскій взялъ прошеніе назадъ и началъ опять служить вѣрой и правдой. Но злоба противъ него болѣе усилилась. Нарочно дѣлали пакости и упущенія по службѣ, которыя падали на него и заставили его опять подать въ отставку. Опять призываетъ его государь и говоритъ:

— Что, старикъ! Тяжело тебѣ! Жмутъ тебя со всѣхъ сторонъ! Ну, да ничего! Потерпи еще и послужи! Вотъ тебѣ рука моя— небойся!

Требинскій поцѣловалъ царскую руку, взялъ прошеніе назадъ и опять продолжалъ служить по прежнему. Но тутъ уже посыпались на него доносы, начались требованія объясненій, пошли дознанія, слѣдствія... все это опять заставило его подать въ отставку.

Тогда государь призываетъ его и говоритъ:

— Ну, старикъ! Съ этими **подлецами** и я **ничего не могу подѣлать!** Выходи въ отставку!

Ему дали отставку съ сохраненіемъ въ пенсію всего получаемаго имъ жалованья отъ казны и экипажныхъ изъ кабинета.

Требинскій, будучи мало образованъ, былъ очень высокаго мнѣнія о моихъ всесторонних знаніяхъ, особенно юридическихъ, которыми я въ то время, дѣйствительно, обладалъ въ значительной степени. Какъ человѣкъ бездѣтный и престарѣлый, онъ хотѣлъ,

на случай своей смерти, обезпечить свою жену, очень добрую женщину и мою родственницу, Катерину Петровну, урожденную Бачманову, изъ Таганрога, для чего и просилъ меня написать ему духовное завѣщаніе и, когда я узналъ, что все его состояніе заключалось лишь въ капиталѣ въ тридцать тысячь—то я, хотя и удивился такому ничтожному состоянію, но все же спросилъ его:

— При такой вашей, Александръ Максимовичъ, безкорыстной службѣ, о которой говорятъ всѣ и здѣсь, и въ Таганрогѣ, меня удивляетъ, отъ куда взялись у васъ эти тридцать тысячь?

— А это тѣ самыя деньги, которыя я получилъ отъ вашего отца и дяди за уступленное мною имъ право на наслѣдство слѣдуемой мнѣ части изъ имѣній Будлянскаго, что вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно.

Теперь уже нѣтъ въ живыхъ ни Требинскаго—этого рѣдкаго въ то время безкорыстнаго чиновника, ни добрѣйшей и хлѣбосольной его супруги...

Миръ праху ихъ.

VI.

Въ началѣ царствованія Николая Павловича, въ Полтавской губерніи, кажется, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, жилъ отставной офицеръ, нѣкто Карпинскій. Онъ имѣлъ проницательный умъ и, кромѣ основательнаго знанія законовъ, взглядъ его во всякомъ дѣлѣ быстро усматривалъ самую суть, самый подходящій къ дѣлу законъ. Онъ былъ, такъ сказать, природный юристъ, и при этомъ необыкновенно смѣлъ и за правду готовъ былъ даже пожертвовать собою.

Онъ узналъ, что государь почти никогда не читалъ подаваемыхъ ему прошеній, а отдавалъ ихъ для обсужденія въ коммисію прошеній, и такъ же зналъ, что коммисія прошеній никогда не докладывала ихъ государю, если не было какого либо особаго о томъ въ коммисіи ходатайства и поэтому понялъ, что, при личной подачѣ прошенія государю, нужно было какое либо особое обстоятельство, которое, рѣзко бросившись въ глаза государю, обратило бы его вниманіе на прошеніе и заставило бы прочитать его.

Одинъ помѣщикъ, окончательно потерявшій свой процесъ, а съ нимъ и все свое состояніе, обратился къ Карпинскому съ просьбой написать ему по его дѣлу прошеніе, которое онъ хочетъ подать лично государю въ предстоящій его проѣздъ. У Карпинскаго при этомъ родилась оригинальная мысль и онъ сказалъ помѣщику:

— Написать-то я напишу, да только достанетъ ли у васъ духу подать государю это прошеніе?

— Да отъ чего же не подать! Чтобы тамъ ни было, мнѣ теперь все равно... хоть бы меня повѣсили!.. Вѣдь все равно, прійдется самому повѣситься!

— Ну, хорошо, сей часъ же напишу, сказалъ Карпинскій и, взявъ со стола полулистъ толстой сѣрой бумаги, какая въ то время употреблялась для черновыхъ бумагъ, отодралъ отъ него съ угла на уголъ кусокъ и, на этомъ лоскутѣ написалъ прошеніе государю краснымъ карандашемъ и очень крупными буквами.

Помѣщикъ подалъ это прошеніе государю Николаю Павловичу, котораго необыкновенно поразилъ какъ самый безобразный лоскутъ сѣрой бумаги, такъ и большія красныя буквы. Онъ прочелъ прошеніе, помѣщикъ получилъ просимое, а Карпинскій, какъ сочинитель столь оригинальнаго прошенія, былъ посаженъ на нѣсколько недѣль въ тюрьму.

Вдова какого-то очень заслуженнаго офицера нѣсколько лѣтъ подавала прошенія въ разныя инстанціи о назначеніи ей, какъ неимѣющей средствъ для своего существованія, какой либо пенсіи. Но какъ пенсіи тогда давались очень рѣдко, то бѣдной вдовѣ вездѣ было отказано. Тогда она обратилась къ Карпинскому, разсказала ему свои обстоятельства, показала многочисленныя возвращенныя ей ея прошенія и просила его написать ей еще одно прошеніе къ государю—авось онъ, наконецъ, сжалится надъ ея бѣдственнымъ положеніемъ...

— Къ чему я напишу вамъ прошеніе, началъ говорить Карпинскій, оно вамъ безъ сомнѣнія будетъ возвращено какъ и всѣ прежнія. Государь нашъ — милостивъ, онъ не пожалѣлъ бы дать вамъ пенсіонъ, да бѣда, что онъ ничего не знаетъ о вашей бѣдности. Ни одно изъ этихъ вашихъ прошеній не было ему доложено.

— Боже мой, Боже мой! Что-жъ мнѣ дѣлать иесчастной? Хотя бы мнѣ возвратили документы моего покойника. Всѣ его патенты, напечатанные на пергаментѣ, съ большими печатями — висѣли у меня на стѣнкѣ въ рамочкахъ. Я ими всегда любовалась, потомъ повынимала и послала въ коммисію. Теперь висятъ на стѣнкѣ пустыя рамочки и только напоминаютъ мнѣ мое горе.

— Такъ вамъ не возвратили изъ коммисіи документовъ вашего мужа?—спросилъ Карпинскій.

— Не возвратили, батюшка, не возвратили! Пожалуйста, напиши мнѣ бумагу, попроси, чтобы возвратили мнѣ документы!

Карпинскаго осѣнила мысль и глаза его засіяли радостію.

— Ну, теперь я вамъ напишу бумагу и увѣренъ, что вы получите и документы и пенсію.

Онъ написалъ ей прошеніе къ государю, въ которомъ она, описывая заслуги мужа, долговременное и безуспѣшное ходатайство свое о полученіи пенсіи, въ заключеніе говорила: Всемилостивѣйшій Монархъ! Повели возвратить мнѣ документы моего мужа! Тогда я, взявъ въ одну руку патенты, данные моему мужу еще покойнымъ отцемъ твоимъ императоромъ Павломъ I-мъ,

а въ другую—данные покойнымъ братомъ твоимъ императоромъ Александромъ I-мъ — буду съ ними ходить по міру и просить у сострадательныхъ людей милостыни.

— Пошлите это прошеніе въ послѣдній разъ, сказалъ Карпинскій бѣдной вдовѣ. Я увѣренъ, что его доложатъ государю и вы получите пенсію.

Обрадованная вдова послала прошеніе и получила документы мужа и пенсію.

VII.

Кажется еще нигдѣ не была напечатана резолюція императора Николая Павловича по дѣлу объ убійцѣ одного генерала?

Молодой офицеръ, проѣзжая на почтовыхъ лошадяхъ по казенной надобности, вошелъ въ станціонную комнату. Курьерская тройка уже была для него подана, какъ вдругъ пріѣхалъ на станцію генералъ, который, когда станціонный смотритель доложилъ ему, что всѣ лошади въ разгонѣ, велѣлъ запречь въ свою коляску лошадей, уже поданныхъ для офицера.

— Ваше превосходительство! сказалъ ему офицеръ. Я ѣду по самой экстренной казенной надобности и, если не поспѣю къ сроку, буду сильно отвѣчать. Не велите брать себѣ уже готовыхъ для меня лошадей.

— Ахъ ты, мальчишка! закричалъ на него генералъ. Какъ ты смѣешь говорить мнѣ это!.. и съ этими словами ударилъ его пальцемъ по носу.

Оскорбленный офицеръ схватилъ свой заряженный пистолетъ, выстрѣлилъ прямо въ грудь генералу и положилъ его на мѣстѣ.

Высшая въ то время военная судебная инстанція, авдиторіатскій департаментъ, приговорилъ этого офицера за убійство генерала—къ лишенію жизни чрезъ разстрѣляніе.

Когда приговоръ представленъ былъ на конфирмацію государя, Николай Павловичъ велѣлъ доложить ему изъ дѣла, гдѣ въ то время находился пистолетъ, которымъ офицеръ убилъ генерала?

Когда ему доложили, что пистолетъ убійцы былъ заткнутъ во время убійства за кожаный его поясъ, то государь — простилъ убійцу!..

VIII.

19-го февраля 1855 года, императоръ Николай Павловичъ скончался, а 20-го февраля, часовъ въ 12 дня, при колокольномъ звонѣ всѣхъ московскихъ церквей, въ которыхъ присягали тогда новому императору — я выѣхалъ изъ Москвы въ Малороссію, на сдаточныхъ лошадяхъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда я въѣхалъ въ уѣздный городъ Чернь. Какой-то купецъ или мѣщанинъ, видя, что я ищу ночлега, предложилъ мнѣ переночевать у него, на что я и согласился.

Войдя въ домъ, я нашелъ, что указанная мнѣ комната—большая, чистая и теплая, изъ которой одна дверь шла въ хозяйское помѣщеніе. Обогрѣвшись и размявшись, попросилъ я подать мнѣ самоваръ и когда его подали, то, по обыкновенію своему, чтобы не было скучно, пригласилъ хозяина, человѣка среднихъ лѣтъ, и посадилъ его за столъ противъ себя. Я началъ пить чай, а онъ все только посматривалъ на свой стаканъ, какъ бы ожидая, чтобы чай простылъ и все какъ бы удерживалъ вздохъ и какъ будто былъ чѣмъ-то смущенъ.

— Что! вы вѣрно не любите пить чай горячимъ.

— Да-съ, такъ точно! Позвольте, я сичасъ.

И вышелъ въ смежную комнату, гдѣ разговаривая съ какими-то женщинами, твердилъ: охъ, боюсь! все какъ-то страшно...

— Да чего-жъ ты боишся?—Это, какъ видно, баринъ добрый, говорила одна изъ женщинъ; ступай, небойся, спроси!

Купецъ возвратился, налилъ чай въ блюдечко, началъ на него дуть и все какъ будто вздыхаетъ.

— Да что, говорю я, вы какъ будто не здоровы?

— Нѣтъ-съ, ничего-съ, слава Богу! Извините, вотъ я сичасъ!

И опять ушелъ въ смежную комнату.

— Экой ты трусъ этакой! говорилъ женскій голосъ, ну чего ты боишся? Послушай! Если ты не спросишь, то я сама выйду и спрошу его. Ступай!

Купецъ вошелъ.

— Да что вы, какъ будто хотите что-то мнѣ сказать, да нерѣшаетесь!

— Да, подлинно, ваше благородіе! Хочу да... боюсь... здѣсь всѣ говорятъ... вы ѣдете изъ Москвы... да нѣтъ, извините!.. и опять быстро ушелъ къ себѣ, гдѣ многіе женскіе голоса стали его уже ругать и вытолкали изъ комнаты ко мнѣ.

— Да что же это такое! сказалъ я уже разсердясь. Говорите, что такое? небойтесь!..

— Ваше благородіе! помилуйте! Ей Богу всѣ говорятъ... о нѣтъ, не могу выговорить...

— Да говорите, небойтесь!

— Ей Богу всѣ говорятъ... будто нашъ императоръ... скончался!..

— Да, это правда! Пожелайте ему царствія небеснаго—вся Москва уже присягнула новому императору.

— О Боже, Боже! воскликнулъ купецъ схватясь за голову и побѣжалъ въ свою комнату, гдѣ женщины, услышавъ мой отвѣтъ, уже подняли такой плачь и вой, какъ будто онѣ лишились самаго дорогого для нихъ существа!..

Приближаясь уже къ Малороссіи, вошелъ я тоже пообогрѣться на одну изъ почтовыхъ станцій. Въ довольно большой комнатѣ на диванѣ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ, судя по мундиру, студентъ, а по комнатѣ ходилъ, или почти бѣгалъ, какой-то сѣденькой старичокъ въ сюртукѣ учебнаго вѣдомства и теплой шинели, съ мрачнымъ и задумчивымъ видомъ. Я сѣлъ возлѣ стола; старичокъ выбѣжалъ въ сѣни, что-то приказалъ ямщикамъ, опять вошелъ въ комнату, побѣгалъ изъ угла въ уголъ наклонивши голову, не подымая даже глазъ, о чемъ-то сильно заботясь, и опять выбѣжалъ изъ комнаты, что продѣлывалъ нѣсколько разъ.

Наконецъ, бѣгая по комнатѣ, онъ внезапно остановился передо мною.

— Позвольте спросить васъ, милостивый государь, вы ѣдете изъ Москвы?

— Изъ Москвы, отвѣчалъ я.

— Извините меня великодушно! Осмѣливаюсь васъ спросить. Здѣсь распространился ужасный слухъ. Правда ли, что государя нашего уже будто бы нѣтъ въ живыхъ?

— Правда! съ грустію отвѣчалъ я ему. Уже вся Москва присягнула новому императору.

Старикъ, схватившись за голову, упалъ на диванъ и горько началъ рыдать, всхлыпывая и приговаривая: бѣдная, бѣдная Россія!.. Теперь мы погибли!..

Онъ лежалъ почти безъ памяти. Наконецъ, молодой человѣкъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Полно, папенька, вамъ убиваться! Лошади готовы, пора намъ ѣхать—и взявъ его подъ руки, почти бузчувственнаго вывелъ изъ комнаты и усадилъ въ сани.

Изъ книги для записки подорожныхъ я узналъ, что это былъ директоръ нѣжинскаго лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эксблатъ.

И далѣе по дорогѣ, до самаго Конотопа, я продолжалъ быть грустнымъ вѣстникомъ смерти государя Николая Павловича.

IX.

Вотъ что случилось съ покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, какъ разсказывалъ мнѣ очевидецъ... и происшествіе это такъ хорошо характеризуетъ этого добраго и благодушнаго государя, что мнѣ очень хочется сдѣлать его извѣстнымъ, а боясь чтобы не позабыть его въ послѣдствіи, или—не всегда кстати пріидется описать его, я рѣшаюсь помѣстить его въ концѣ этихъ разсказовъ объ императорѣ Николаѣ I-мъ.

Покойный государь Александръ Николаевичъ, проѣзжая однажды чрезъ Конотопъ, остановился на станціи желѣзной дороги и, выйдя

изъ царскихъ комнатъ на платформу, сѣлъ на одну изъ скамеекъ, поставленныхъ для публики и долго смотрѣлъ, то на народъ, то на окрестность, а возлѣ него лежала—всегдашній его спутникъ—огромная собака.

Вдругъ появились двѣ простыя дѣвушки, которыя, съ ведрами на плечахъ, хотѣли пробѣжать по платформѣ къ колодцу, но увидя государя—опрометью бросились назадъ. Государь, замѣтя это, велѣлъ воротить ихъ и подозвалъ къ себѣ.

— Зачѣмъ вы, дѣвушки, такъ скоро побѣжали отъ меня? кротко спросилъ ихъ государь.

— Мы зляkалисъ! потупя глаза, робко отвѣчали дѣвушки.

Надобно сказать, что государь понималъ малороссійское нарѣчіе, потому что когда былъ еще мальчикомъ, его обучалъ фронтовой службѣ гвардейскій унтеръ-офицеръ, малороссъ.

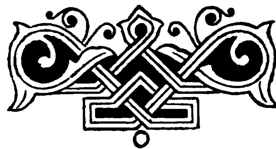
— Такъ вы испугались, спросилъ ихъ съ добрымъ взглядомъ государь. Кого-жъ вы испугались, меня или собаки?

Хотя наши хохлушки и простушки, но умомъ — вострушки. Онѣ тотчасъ смекнули въ чемъ дѣло и, смотря уже въ лицо государю, отвѣчали: собаки!

Государь улыбнулся... Ну, дѣвушки, чтобы прогнать вашъ испугъ, вотъ я подарю вамъ на сережки.

И, обратясь къ кому-то изъ придворныхъ, велѣлъ дать имъ по пяти рублей каждой.

Я. И. Костенецкій.



ПОГИБШАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Забытые и заброшенные города. — Противодѣйствіе истребительнымъ силамъ въ Европѣ. — Борьба съ варварскими инстинктами. — Царства, возрождающіяся изъ двадцатипятивѣковаго забвенія. — Что можно узнать изъ кирпичей съ клинообразными надписями. — Изслѣдователи ассиро-вавилонскаго міра. — Русскія сочиненія по этому предмету. — Г. Астафьевъ какъ ассиріологъ. — Геродотъ въ Вавилонѣ. — Разрушеніе этого города. — Ниневія, исчезнувшая изъ исторіи и съ лица земли. — Ассирійскіе дворцы и ихъ украшенія. — Сарданапалова библіотека. — Словари и граматики исчезнувшихъ языковъ. — Математическія и астрономическія свѣдѣнія ассиріянъ. — Договоры и контракты. — Сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ медицины. — Магическія заклинанія. — Преданія о мірозданіи и первобытныхъ временахъ человѣчества. — Эпопея Издубара. — Всемірный потопъ. — Вавилонское столпотвореніе. — Заботы ассирійскихъ царей о своей славѣ. — Исторія востока по новымъ изслѣдованіямъ. — Первые цари Ассиріи. — Туклатпаласаръ I. — Ассурнасиргабалъ. — Войны и казни древнихъ временъ. — Цари, поступающіе по волѣ боговъ. — Походы Салманасара и Биннирари. — Молчаніе лѣтописей о несчастныхъ событіяхъ. — Саргонъ. — Меродахъ Баладанъ и его преемники. — Синакхіерибъ. — Ассурахідинъ и Ассурбанипалъ. — Отчего погибла вавилоно-ассирійская цивилизація.

ЕЩЕ ВЪ ПЕРВЫЕ вѣка, послѣ открытія Америки, путешественники, описывавшіе этотъ новый міръ, какъ будто возникшій изъ волнъ океана по волѣ великаго Колумба, передавали разсказы, казавшіеся фантастическими, объ огромныхъ, но давно покинутыхъ и полуразрушенныхъ городахъ, встрѣчавшихся въ такихъ мѣстностяхъ центральной и южной Америки, гдѣ не было никакихъ слѣдовъ современной цивилизаціи. Могучая, роскошная растительность тропическихъ лѣсовъ съ трудомъ позволяла проникнуть къ этимъ заброшеннымъ и всѣми забытымъ развалинамъ, гдѣ природа употреб-

ляла всѣ усилія, чтобы подавить, истребить все, что создалъ, въ теченіи долгихъ вѣковъ, упорный трудъ человѣка. Когда сдѣлались извѣстны разсказы о безъименныхъ городахъ, открытыхъ въ лѣсахъ Юкатана, о столицѣ первобытныхъ жителей Мексики, Паленке, покинутой ими еще за тысячу лѣтъ до прибытія европейцевъ и гдѣ въ залахъ дворца, простиравшагося на 400 метровъ въ длину, росли вѣковыя деревья, въ нѣсколько саженъ вышиною, ученые нашего столѣтія подтвердили правдивость этихъ разсказовъ тѣмъ, что и въ старомъ свѣтѣ встрѣчаются полуразрушенные города, въ лѣсахъ Индіи и Цейлона, въ Персіи, въ степяхъ Средней Азіи, въ Египтѣ. Мемфисъ, засыпанный пескомъ, Ѳивы, Пальмира, множество азіатскихъ и африканскихъ городовъ, полуразрушенныхъ временемъ и войнами, представляютъ теперь только жалкіе остатки своего былаго величія. Но въ то время, когда города Азіи, Африки и Америки, подвергшіеся катастрофамъ, едва сохраняютъ тѣнь прежняго значенія, живучая цивилизація Европы упорно борется съ этими катастрофами и возстановляетъ все, что разрушаютъ враждебные ей элементы. И въ ней свирѣпствовали варвары, не разъ разрушавшіе центры цивилизаціи—Аѳины, Римъ, Византію, но города эти не погибли, какъ столицы вавилоно-ассирійскаго міра. Европейскіе города сохранились потому, что они были центрами народа, интеллигенціи, а не безсловесной массы рабовъ, не имѣвшихъ другой воли, кромѣ прихоти своего деспотическаго владыки. Современная цивилизація считаетъ невозможнымъ, въ наше время, повтореніе катастрофъ, погубившихъ Вавилонъ и Ниневію. Нашествіе варваровъ, еще тысячу лѣтъ тому назадъ наводнявшихъ Европу, теперь немыслимо. Цивилизаціи приходится, правда, бороться теперь съ варварами, возникающими среди ея рабочихъ элементовъ и употребляющими послѣднія открытія науки съ цѣлью истребить и науку, и цивилизацію. Но это проявленіе варварскихъ инстинктовъ въ наше время можетъ быть отвращено дружными и солидарными дѣйствіями интеллигенціи и улучшеніемъ положенія неимущихъ и необезпеченныхъ классовъ общества. Вандалы нашего вѣка могутъ разрушить памятники цивилизаціи, но они не уничтожатъ ни идеи, ихъ воздвигнувшей, ни національности, которой они принадлежатъ. Въ защиту ея поднимутся солидарныя съ нею европейскія національности. Погибель цѣлыхъ государствъ, хотя бы и не такихъ могущественныхъ, какъ Вавилонъ и Ассирія — невозможна въ наше время. Поэтому-то паденіе ихъ не можетъ не остановить вниманія всякаго мыслящаго человѣка.

Еще не прошло полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ наука открыла блестящіе слѣды погибшей вавилоно-ассирійской цивилизаціи, воскресшей изъ двадцатипятивѣковаго забвенія. Правда, языкъ этой эпохи, дошедшей до насъ въ клинообразныхъ письменахъ, начали разбирать еще въ первые годы нынѣшняго столѣтія, по слѣ-

дамъ знаменитаго филолога Гротенфенда; но матеріаловъ для изученія этого мертваго языка, имѣвшаго нѣсколько нарѣчій, было очень немного. Первые ученые, посѣщавшіе развалины Вавилона, Ричъ и Керъ-Портеръ, привезли оттуда немного кирпичей съ выжженными на нихъ странными буквами, въ формѣ гвоздей. Только Оппертъ по этимъ надписямъ опредѣлилъ положеніе вавилонскихъ стѣнъ, висячихъ садовъ и основаніе дворцовъ, а французскій консулъ въ Моссулѣ, Эмиль Ботта, открылъ дворецъ царя Саргона въ Ниневіи. За нимъ англійскій археологъ, въ послѣдствіи — посланникъ въ Константинополѣ, Лейярдъ отрылъ развалины двухъ городовъ Калаха и Ресена, а въ Ниневіи — дворецъ Сеннахерима, оконченный внукомъ его Сарданапаломъ. Послѣ Лейярда, Викторъ Пласъ, Раулинсонъ и рано умершій Джорджъ Смитъ сдѣлали не менѣе важныя открытія, описанныя въ сочиненіяхъ этихъ ученыхъ. Возникла цѣлая наука — ассиріологія, изданы граматика и лексиконъ клинообразнаго письма, даже ассирійская христоматія. Явились книги объ этомъ предметѣ и на русскомъ языкѣ. Нашъ ученый Д. X. Хвольсонъ нашелъ въ лейденской библіотекѣ три древневавилонскія сочиненія, переведенныя на арабскій языкъ. Онъ разобралъ ихъ въ статьѣ «Памятники древней вавилонской письменности», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1859 года (№№ 9, 10, 11). Въ томъ же журналѣ 1879 года, г. Никольскій написалъ «Очерки халдейской литературы», профессоръ Паткановъ, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1875 года—«Ванскія надписи»; г. В. Ш., въ томъ же журналѣ 1881 года, «Религіозные символы древнихъ вавилонянъ»; наконецъ, изданъ отдѣльной книгой переводъ сочиненія Сейса «Ассиро-вавилонская литература» 1879 года. Самымъ ревностнымъ ассиріологомъ явился профессоръ здѣшняго историко-филологическаго института Н. Астафьевъ, помѣстившій, съ 1876 года, много статей по этому предмету въ нашихъ журналахъ и, въ 1880 году, читавшій публичныя лекціи о «Вавилоно-ассирійскихъ древностяхъ по новѣйшимъ открытіямъ». Лекціи эти, въ болѣе полномъ видѣ, явились въ печати въ концѣ прошлаго года. На основаніи всѣхъ этихъ сочиненій, мы постараемся представить, въ главныхъ чертахъ, картину этого погибшаго міра съ его своеобразною культурой.

«Городъ лежитъ въ обширной равнинѣ и имѣетъ квадратную форму; каждая изъ его сторонъ длиною въ 120 стадій (стадія— шестая часть версты), такъ что цѣлая окружность его составляетъ 480 стадій (то-есть 80 верстъ). Широкій и глубокій ровъ, наполненный водою, окружаетъ городъ; сзади рва возвышается стѣна въ 50 локтей ширины и 200 локтей вышины. На стѣнѣ, по краямъ ея воздвигнуты въ два ряда башни, одна противъ другой, на такомъ разстояніи, чтобы въ промежуткѣ можно было повернуть четырехъ-конную колесницу. Въ стѣнѣ сто массивныхъ мѣдныхъ во-

ротъ. Набережныя Ефрата укрѣплены стѣнами, сложенными изъ кирпичей. Домы въ три и четыре этажа. Въ одной части города—царскій дворецъ, весьма обширный и укрѣпленный, въ другой—храмъ Ваала съ мѣдными воротами; посрединѣ массивная башня, имѣющая стадій въ длину и ширину; надъ этою башнею возвышается другая, надъ нею третья и такъ далѣе, всѣхъ восемь. Въ храмѣ золотые столы, жертвенникъ и статуя въ двѣнадцать локтей высоты. Городъ такъ великолѣпенъ, что мы не знаемъ другаго, ему подобнаго».

Такъ описываетъ Вавилонъ Геродотъ, видѣвшій его, когда городъ былъ уже во власти персовъ. Размѣры города, приводимые греческимъ историкомъ и превосходящіе Парижъ и Лондонъ вмѣстѣ взятые, подтверждены, найденною недáвно въ группѣ развалинъ, надписью Навуходоносора, хранящеюся въ лондонскомъ музеѣ. Извѣстно, что Александръ Македонскій хотѣлъ сдѣлать Вавилонъ столицею всемірной монархіи и велѣлъ возстановить полуразрушенный храмъ Ваала, но ранняя кончина завоевателя помѣшала осуществленію его намѣреній. Разрушенію Вавилона болѣе всего содѣйствовало то, что противъ города Селевкъ Никаторъ построилъ на Тигрѣ Селевкію, служившую столицею и его преемникамъ. Жители Вавилона стали выселяться въ новый городъ; зданія стараго, разбираемыя по частямъ, служили матерьяломъ для постройки Селевкіи, Ктезифона и другихъ сосѣднихъ городовъ. При Плиніи младшемъ, въ I-мъ вѣкѣ нашей эры, храмъ Ваала былъ еще цѣлъ, но во II-мъ—отъ Вавилона уцѣлѣли однѣ стѣны, считавшіяся въ числѣ чудесъ свѣта. Быстро разрушаясь, потому что весь былъ построенъ изъ кирпича, городъ скоро обратился въ груду развалинъ, гдѣ гнѣздились только хищные звѣри.

Нѣсколько лучше сохранились развалины Ниневіи, построенной на берегу Тигра, въ видѣ продолговатаго четыреугольника, длинныя стороны котораго имѣли 150 стадій, а короткія 90. Стѣны ея были во сто футовъ высоты, а широки такъ, что по нимъ проѣзжали рядомъ три колесницы. 1,500 башенъ, въ 200 футовъ каждая, служили прикрытіемъ стѣнъ. Населеніе Ниневіи было такъ велико, что пророкъ Іона нашелъ въ ней 120,000 дѣтей ниже трехълѣтняго возраста. Городъ былъ осажденъ мидянами и халдеями и разграбленъ послѣ трехлѣтней осады (въ 606 году до Р. Х.). Вторгнуться въ городъ позволило непріятелю наводненіе Тигра, разрушившее неожиданно часть неприступной стѣны, и послѣдній царь ассирійскій сжегъ себя во дворцѣ со своими женами и сокровищами. Мидяне захватили въ Ниневіи столько золота и серебра, что покрыли этими драгоцѣнными металлами зубцы внутреннихъ стѣнъ, окружавшихъ царскій дворецъ въ Экбатанѣ, а вавилоняне украсили награбленными сокровищами храмъ Ваала. Развалины города были скоро занесены землею и, чрезъ 200 лѣтъ послѣ его

разрушенія, Ксенофонтъ, проходя съ греческою арміей вверхъ по Тигру и тщательно описывая всѣ мѣстности по своему пути, даже не упоминаетъ о Ниневіи. Дворцы ассирійской столицы сохранились лучше вавилонскихъ, потому что были одноэтажные, только выстроенные на высокихъ терасахъ, окруженныхъ стѣной. Многихъ лѣтъ работы и трудовъ многихъ тысячъ рукъ требовали эти массивныя сооруженія изъ сырыхъ кирпичей, плотно прилегавшихъ одинъ къ другому. На терасу вели широкія ступени; у входа во дворецъ стояли колоссальныя фигуры быковъ и львовъ съ человѣческими головами. Внутри былъ рядъ огромныхъ квадратныхъ дворовъ, вокругъ которыхъ въ нѣсколько рядовъ шли анфилады длинныхъ залъ, до 180 футовъ длины и 60 ширины. Стѣны этихъ залъ покрыты каменными плитками съ барельефами, а вверху изразцами; на стѣнахъ другихъ комнатъ—штукатурка съ фресковою живописью; наконецъ, были комнаты, обложенныя кипарисомъ, кедромъ, чернымъ сандальнымъ деревомъ. Вокругъ внутреннихъ дворовъ тонкія колонны, чаще деревянныя, обитыя металломъ, образовали портики, раскрашенные яркими красками. Колонны оканчивались капителью въ завиткахъ прототиповъ іонійскаго ордена, съ металлическою фигурой животнаго на верху. Плоскія крыши окаймлены зубцами со ступенями, обращенными внутрь. Барельефы стѣнъ въ яркихъ краскахъ прославляли подвиги царствующаго государя. Онъ изображался въ богатой одеждѣ съ тіарою на головѣ, съ длинными волосами и бородою тщательно завитой. Евнухи держатъ надъ его головою зонтикъ—царскую принадлежность. Чаще всего барельефы представляютъ сраженія, взятіе приступомъ непріятельскаго города. Царь, стоя на колесницѣ, запряженной тройкою богато убранныхъ коней, стрѣляетъ изъ лука; одинъ воинъ прикрываетъ его щитомъ, другой погоняетъ коней вожжами. Ассирійцы въ остроконечныхъ шишакахъ, въ кольчугахъ, съ короткимъ мечомъ и круглымъ щитомъ лезутъ на стѣну. Евнухи вносятъ въ списки число отрубленныхъ вражьихъ головъ и добычу, провозимую мимо ихъ, быковъ и барановъ. Ведутъ скованныхъ плѣнныхъ; идутъ музыканты со струнными инструментами. И въ тѣ времена войско составляло, очевидно, предметъ главной заботливости царя. По барельефамъ можно прослѣдить постепенное развитіе военнаго искусства ассирійцевъ.

Послѣ битвы чаще всего встрѣчаются сцены охоты. Такими сценами и пояснительными подписями покрыты стѣны дворца Сарданапала. Рѣже изображаются пиры, прогулки царя въ саду, сцены казней бунтовщиковъ, сажаніе на колъ, сдираніе кожи, отрѣзываніе членовъ; иногда царь собственною рукою выкалывалъ глаза несчастнымъ. На пирахъ царь лежитъ съ бокаломъ въ рукѣ, подлѣ него царица съ закрытымъ лицомъ, евнухи съ опахалами, вдали многочисленный оркестръ. Встрѣчаются барельефы, изображающіе

постройку дворца, производимую плѣнниками въ оковахъ, на глазахъ надсмотрщика съ поднятой палкой. Перевозятъ огромныхъ колоссовъ, которые должны украшать входъ во дворецъ. Часто колесницу, на которой стоитъ царь, везутъ впряженные въ нее рабы. Но все эти рисунки, прекрасно исполненные, изображающіе предметы военной и частной жизни ассиріянъ и сдѣланные съ такимъ вкусомъ, что и теперь могли бы служить образцами, представляютъ только иллюстраціи къ важнѣйшему историческому матеріалу, заключающемуся въ подписяхъ, знакомящихъ насъ съ культурой, бытомъ и нравами народа, цивилизація котораго стояла на такой высокой степени. Исторія чтенія надписей этого мертваго языка въ высшей степени интересна и очень подробно и ясно изложена въ книгѣ г. Астафьева. «Древности вавилоно-ассирійскія», но мы не можемъ слѣдить за нею, а приведемъ только результаты ея изслѣдованій.

На мѣстѣ древней Ниневіи, въ холмѣ Куюнджикъ, Лейярдъ открылъ остатки дворца Ассурбанипала IV-го (Сарданапала) послѣдняго изъ ассирійскихъ завоевателей. Въ одной залѣ найдена была цѣлая библіотека, состоявшая изъ глиняныхъ плитокъ дюймовъ въ 9 длины и 6—ширины, толщиною въ дюймъ и покрытая съ обѣихъ сторонъ мелкимъ и сжатымъ клинообразнымъ письмомъ. Плитки эти, какъ видно изъ надписей, лежали столбиками на полкахъ библіотеки и составляли «листы книгъ». Текстъ одной плитки продолжался на другой, такой же величины и формы. Читались они и писались отъ лѣвой руки къ правой, но, при разрушеніи дворца, сброшенныя на полъ, большею частію разбились, покрывъ обломками полъ на пол-аршина. Библіотека эта, имѣющая и каталогъ для каждой серіи плитокъ, назначалась для всеобщаго пользованія, какъ объ этомъ говорятъ надписи, и состояла изъ десяти тысячъ плитокъ. Обломки ихъ, собранные въ корзины, доставлены были въ Британскій музей и тамъ разобраны и приведены въ порядокъ Коксомъ и Смитомъ. Оказалось, что это цѣлая ассирійская литература, къ сожалѣнію въ отрывкахъ, такъ какъ очень многихъ плитокъ недостаетъ по всѣмъ отдѣламъ библіотеки, состоящей изъ сочиненій по граматикѣ, исторіи, законовѣденію, религіи, естествознанію, математикѣ и астрологіи. Большая часть плитокъ заключаетъ въ себѣ отрывки обширной грамматической энциклопедіи, состоящей изъ семи отдѣловъ: халдеотуранскаго словаря съ объясненіемъ словъ по ассирійски, словаря синонимовъ ассирійскаго языка, граматики того же языка съ примѣрами спряженій, двухъ таблицъ знаковъ клинообразнаго письма, съ объясненіемъ ихъ фонетическаго и идеографическаго значенія, и указаніемъ іероглифовъ, отъ которыхъ они произошли, словаря выраженій встрѣчаемыхъ въ древнѣйшихъ надписяхъ и изъ сборника примѣровъ грамматическихъ конструкцій и равнозначущихъ выраженій. Математика и астро-

номія занимаютъ послѣ филологіи второе мѣсто въ сарданапаловой библіотекѣ. Нѣкоторые отрывки съ математическими фигурами и вычисленіями напоминаютъ Пиѳагорову таблицу умноженія, астрономическія плитки заключаютъ въ себѣ наблюденія надъ восходомъ планетъ Венеры, Марса и Юпитера, фазисами луны, ея суточнымъ движеніемъ, предсказаніе лунныхъ и солнечныхъ затмѣній и пр. Халдео-ассиріяне знали дѣленіе эклиптики на 12 частей и знаки зодіака, дѣленіе года на 12 лунныхъ мѣсяцевъ, круга на 360 градусовъ, градуса на 50 минутъ, минуты на 60 секундъ. Они знали употребленіе солнечныхъ часовъ, семь планетъ, именами которыхъ назвали семь дней въ недѣлѣ. Ассирійская метрологія перешла въ Грецію даже съ названіемъ мѣръ и монетъ, только немного эллинизированными.

Плитки, относящіяся къ законовѣдѣнію, заключаютъ въ себѣ административныя распоряженія, договоры между частными лицами, тяжебныя дѣла; контракты скрѣплялись тройнымъ оттискомъ печати, что напоминаетъ наше древнее «прикладываніе руки» къ документамъ за неграматностью. Употребляли и печати изъ полированныхъ драгоцѣнныхъ камней. Рабы по контрактамъ продавались за 20 драхмъ (около 5-ти рублей серебромъ) рабыни-дѣвицы по 16-ти драхмъ. Въ контрактахъ встрѣчаются имена египетскія и финикійскія, что доказываетъ равноправность иноземцевъ съ ассирійцами. Сохранились историческія плитки съ перечнемъ главныхъ событій каждаго года въ теченіи двухъ съ половиною столѣтій (отъ 889 по 664 годъ до Р. Х.). Одна плитка представляетъ краткую исторію Ниневіи и Вавилона съ параллельнымъ изложеніемъ сношеній этихъ городовъ въ разныя эпохи. Найдены отрывки географическаго словаря, гдѣ перечислены страны, города, горы, рѣки, извѣстныя ассиріянамъ, статистическія свѣдѣнія о провинціяхъ, входившихъ въ составъ монархіи, съ обозначеніемъ ихъ доходовъ и естественныхъ произведеній; списки завоеванныхъ городовъ Сиріи, Малой Азіи, Палестины, Аравіи, Египта съ указаніемъ платимыхъ ими податей; списокъ важнѣйшихъ сооруженій, храмовъ, крѣпостей, пирамидъ. По естественнымъ наукамъ, встрѣчаются плитки со списками извѣстныхъ растеній и животныхъ, минераловъ и камней; насѣкомые раздѣлялись на виды; у животныхъ—два названія: общеупотребительное и ученое. Только о медицинѣ, какъ наукѣ, не найдено никакихъ слѣдовъ въ Сарданапаловой библіотекѣ. У ассиріянъ не было врачей. Больныхъ выносили на площадь, гдѣ каждый прохожій распрашивалъ ихъ и давалъ совѣтъ, какое средство употребить противъ болѣзни. Средства эти состояли большею частью въ магическихъ заклинаніяхъ и амулетахъ, перешедшихъ и въ позднѣйшіе вѣка. Такъ, при заклинаніяхъ въ средніе вѣка употреблялись восклицанія «гилка, гилка! бета, бета», не принадлежащія ни къ какому языку. Теперь оказы-

вается, что это слова ассирійскія и значатъ: «прочь, прочь! злой, злой!» Плитокъ съ отрывками духовнаго содержанія очень немного: это—священные псалмы, описаніе главныхъ храмовъ, свѣдѣнія о богахъ и т. п. Но самая важная находка, сдѣланная Джорджемъ Смитомъ въ этой библіотекѣ, относится къ преданіямъ о первобытныхъ временахъ мірозданія, всемірномъ потопѣ, вавилонскомъ столпотвореніи, Немвродѣ. Преданія эти во многомъ напоминаютъ библейскія, хотя гораздо древнѣе ихъ и записаны вавилонянами за 2,000 лѣтъ до Р. X. Плитки съ этими преданіями найдены далеко не всѣ, и разбиравшій ихъ Смитъ умеръ въ 1876 году, издавъ передъ смертью «Халдейскій разсказъ о мірозданіи». Онъ подробно изложенъ въ книгѣ г. Астафьева. По вавилонскому преданію, океанъ былъ источникомъ всѣхъ существъ на землѣ. Мірозданію предшествовалъ водный хаосъ; міръ создался въ шесть дней главнымъ богомъ Хеа или Нинсику; но солнце и луна также боги. Человѣкъ, сотворенный богомъ Хеа «введенъ былъ въ общество боговъ и радовалъ ихъ сердце», но потомъ возбудилъ гнѣвъ бога, повредивъ свою чистоту и Хеа проклялъ его. Виновникомъ паденія человѣка былъ Тіаматъ, морской драконъ, олицетвореніе хаоса. Вавилонскія легенды упоминаютъ и о «деревѣ жизни» въ «рощѣ боговъ», но кромѣ того разсказываютъ о борьбѣ боговъ съ Тіаматомъ и заключеніи его, «окованнаго узами во тьму, полную печали». Далѣе легенда переходитъ въ эпопею о приключеніяхъ древняго національнаго героя Издубара, подъ названіемъ: «Несчастіе, постигшее Издубара». Это цѣлая Одиссея, герой которой—библейскій Немвродъ. Онъ правитъ городомъ Эрехъ и видитъ необыкновенный сонъ, разгадываемый отшельникомъ Хеабани. Вмѣстѣ отправляются они противъ Хумбабы, царя вавилонскаго, убиваютъ его во дворцѣ и Вавилонъ признаетъ Издубара своимъ царемъ. Въ него влюбляется богиня Истара, вавилонская Венера, и мстя за свою отверженную любовь, возбуждаетъ противъ героя чудовищнаго быка, котораго однако убиваетъ Издубаръ съ помощью Хеабани. Истара отправляется въ адъ, чтобы поднять противъ героя адскія силы, но ссорится тамъ съ богинею ада Нинкигалою; за это Истару удерживаютъ въ аду до тѣхъ поръ, пока богъ солнца Самасъ, не выпрашиваетъ у Хеа возвращеніе на землю богини любви, по которой тоскуютъ люди и животныя. Между тѣмъ, Хеабани погибаетъ въ борьбѣ съ звѣремъ, а Издубара поражаетъ проказа. Онъ отправляется искать совѣта у предка своего Хасисадры; по дорогѣ съ нимъ случается много приключеній. По «водамъ смерти» достигаетъ онъ до Хасисадры, передающаго ему преданіе о всемірномъ потопѣ, отъ котораго онъ спасся въ закрытомъ и осмоленномъ кораблѣ. Подробности о томъ, какъ Хасисадра выпускаетъ изъ ковчега голубя, ласточку и ворона—тѣ же, что въ библіи.

Въ развалинахъ «Немвродовой башни» въ Вавилонѣ Раулин-

сонъ нашелъ любопытную надпись разобранную Оппертомъ, затѣмъ Тальботомъ. Надпись говоритъ, что царь Набукудуррусуръ обновилъ и достроилъ башню, построенную Немвродомъ, возстановивъ ее въ первоначальномъ видѣ. Она состояла изъ семи этажей квадратной формы, съуживавшихся кверху. Первый этажъ представлялъ четыреугольникъ 272-хъ футовъ въ длину и 26-ти въ вышину, высота же всей башни была до 140 футовъ. Каждый изъ семи этажей раскрашенъ былъ особою краской: черной, оранжевой, красной, палевой, синей, золотой и серебряной. Преданіе о смѣшеніи языковъ также сохранилось у вавилонянъ.

Ассирійскіе цари употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы сохранить о себѣ память въ потомствѣ: они исписывали перечнемъ своихъ подвиговъ не только стѣны и колонны своихъ дворцовъ, но даже кирпичный полъ ихъ, барельефы и статуи, оттискивали свои имена на каждомъ кирпичѣ воздвигаемаго ими зданія, зарывали въ основаніе ихъ цилиндры со своими именами, титулами и подвигами, и несмотря на это, исторія, до послѣднихъ раскопокъ Ниневіи и Вавилона, знала имена и дѣянія только немногихъ царей, упоминаемыхъ греческими писателями и библіей. Цари эти призывали проклятіе боговъ на тѣхъ, кто «повредитъ мои письмена и мое имя». Несмотря на эти заклинанія, дворцы Вавилона разрушились, а о Ниневіи исчезла самая память и только недавно вышла изъ вѣковой могилы вся эта странная, забытая цивилизація, съ царями, считавшими себя богами, съ народами-рабами, безмолвно преклонявшимися предъ ничѣмъ не сдерживамою прихотью деспотовъ. Настоящая исторія Востока сдѣлалась хоть все еще не вполнѣ извѣстною всего лѣтъ 20 тому назадъ, когда начали появляться сочиненія Роулинсона: «Пять великихъ монархій древняго Востока» (1862—68 г.), Опперта: «Исторія халдейской и ассирійской имперіи» (1865 г.), Смита: «Исторія Ассурбанипала» (1871 г.), Ленормана: «Меродахъ-Баладанъ» (1874 г.), Менана: «Лѣтописи ассирійскихъ царей» (1874 г.), Масперо: «Древняя исторія народовъ Востока» (1875 г.).

Изъ гвоздеобразныхъ надписей мы узнаемъ, что древнѣйшій царь ассирійскій Исмидаганъ правилъ въ 1800 году до Р. Х. Сынъ его Самсибинъ—около 1763 года, въ первой столицѣ царства Эль-Ассуръ (городъ Ассура, библейская Элласара). Первые цари были въ то же время и жрецами главнаго бога страны—Ассура. Ассирія и Вавилонія составляли тогда одно государство и впослѣдствіи то раздѣлялись, то соединялись. До 1400 года извѣстны имена только четырехъ царей, но съ этой эпохи прочитанные доселѣ надписи представляютъ непрерывный рядъ царей. О первыхъ тринадцати изъ нихъ (отъ Ассурбельнисису до Ассурисиси 1400—1150 г.) найдены лишь краткія свѣдѣнія. Съ Туклатпаласара I-го надписи сообщаютъ уже обстоятельныя свѣдѣнія до самаго конца ассирійской монархіи. Это

былъ сынъ Адарпаласара, перваго организатора ассирійскихъ воинственныхъ армій, и самъ храбрый вождь, завоевавшій много странъ, на сѣверѣ и западѣ отъ Ассиріи. Въ четыре похода онъ покорилъ 42 области, разрушилъ и сжегъ множество непріятельскихъ городовъ, истребилъ множество дикихъ звѣрей, сильно размножившихся въ тѣ времена (надписи говорятъ о 120 львахъ, убитыхъ царемъ и 800 взятыхъ живыми). Кромѣ того, онъ построилъ и возобновилъ много городовъ и храмовъ, насадилъ деревья въ лѣсахъ. Въ память своихъ побѣдъ онъ велѣлъ изсѣчь въ скалѣ, у истоковъ Тигра, свое изображеніе. Этотъ древнѣйшій образчикъ ассирійской скульптуры найденъ по указанію Раулинсона, вмѣстѣ съ изображеніями на той же скалѣ преемниковъ его Туклатсамдана и Ассурнасиргабала. Послѣдній царь принадлежалъ уже къ другой династіи Белкатирассу, происходящей отъ Туклатпаласара. Онъ вступилъ на престолъ около 882 года до Р. Х. и перенесъ столицу въ Калахъ, отъ котораго и теперь еще остались развалины стѣнъ съ 58 башнями. Единственная ассирійская статуя, дошедшая до насъ, изображаетъ этого царя стоящимъ съ косою въ одной рукѣ и булавою въ другой. Во дворцѣ его найдена начертанная на полу огромная надпись, передающая исторію семнадцати первыхъ лѣтъ его царствованія, также полныхъ безчисленными походами, во время которыхъ была покорена вся сѣверная Сирія; Финикія платила ему дань. Надписи перечисляютъ множество взятыхъ и разрушенныхъ городовъ, очевидно небольшихъ, если при взятіи ихъ число убитыхъ непріятелей показывается въ 150, 162, 1160 до 2000 человѣкъ. Число убитыхъ ассирійцевъ нигдѣ не показано. Почти каждый городокъ имѣлъ отдѣльнаго, независимаго царя. О томъ, какъ обходились съ плѣнными ассирійскіе да и вообще восточные цари, видно изъ надписи, гдѣ Ассуранасиргабалъ говоритъ отъ своего лица: «Я воздвигъ стѣну передъ главными воротами города, я велѣлъ содрать кожу съ вождей возстанія, въ моемъ присутствіи, и обтянуть стѣну ихъ кожею; нѣкоторые замуравлены были въ самой стѣнѣ, другіе растянуты на стѣнѣ или посажены на колья... Я взялъ много плѣнниковъ: однимъ я отрубилъ ноги и руки, другимъ носы и уши, инымъ велѣлъ выколоть глаза; я воздвигъ пирамиду изъ головъ, я обезчестилъ ихъ сыновей и дочерей». Граждане выходили на встрѣчу царю, обнимали его колѣни, умоляя спасти ихъ жизнь, но онъ нерѣдко казнилъ многихъ, другихъ отправлялъ рабами въ Ассирію. При взятіи одного города онъ велѣлъ обезглавить 800 человѣкъ, а 700 распять на стѣнѣ. Надписи, упоминающія о письменныхъ донесеніяхъ и приказаніяхъ доказываютъ, что для ежедневныхъ сношеній употреблялся и другой матерьялъ, кромѣ кирпичей, на которыхъ вырѣзывалось только то, что хотѣли увѣковѣчить. Дань брали металлами, хлѣбомъ, скотомъ, бревнами, шерстяными и льняными одеждами, мебелью, посудой. Всѣ свои

поступки ассирійскій царь совершалъ по волѣ Ассура, «царя боговъ». Онъ ихъ «намѣстникъ и служитель»; они «благословляютъ его намѣренія, подаютъ ему помощь въ войнахъ; божьею милостью онъ правитъ страною, по волѣ Ассура нападаетъ на враговъ». «Все дѣлается во имя бога». Царь называетъ себя «я—сажающій на колъ враговъ Ассура».

Съ Салманасара III-го (857—822 г.) войны дѣлаются еще кровопролитнѣе. Царь переходитъ Пуратъ (Евфратъ) съ 120,000 войска; 12 сирійскихъ и приморскихъ царей выставляютъ противъ него армію въ 4,810 колесницъ, 8,200 конницы, 62,900 пѣхоты и 1,000 верблюдовъ; въ сраженіи погибаетъ уже 20,500 человѣкъ; плѣнниковъ казнятъ 14,000. Самъ царь уже не предводительствуетъ войскомъ, а поручаетъ начальство «великому тартану». Салманасаръ сдѣлалъ 31 походъ; израильскіе цари были его данниками. Въ концѣ его царствованія противъ него возсталъ его младшій сынъ. При Биннирари (809—781 г.) въ первый разъ, на статуѣ бога Набу, находящейся теперь въ британскомъ музеѣ, въ надписи, вмѣстѣ съ именемъ царя, является и имя жены его Саммураматы (Семирамиды). Изъ восьми лѣтъ царствованія Ассурнирари пять лѣтъ не было походовъ и «царь оставался дома»—выраженіе не встрѣчавшееся до сихъ поръ въ надписяхъ. При немъ, Арбакъ, вождь мидійскаго вспомогательнаго отряда въ ассирійской арміи, и Фулъ, по прозванію Балазу (грозный, у греческихъ писателей: Белезисъ), правитель Вавилона возстали противъ изнѣженнаго царя, (Сарданапала—у греческихъ историковъ), взяли Ниневію и сожгли, а Сарданапалъ сжегъ себя во дворцѣ, чтобы не попасться въ плѣнъ. Объ этомъ событіи ассирійскія лѣтописи, говорящія только о «подвигахъ» своихъ царей, не упоминаютъ ни слова, какъ о происшествіи, тяжеломъ для національнаго чувства. По разрушеніи Ниневіи, въ 744 году, вступилъ на престолъ Туклатпаласаръ II, неизвѣстной династіи, покорившій Персію, Мидію, Пареію, Сирію, сѣверную Аравію. Его преемникъ Салманасаръ V-й уничтожилъ израильское царство, взялъ Самарію, переселилъ израильтянъ въ Ассирію и мидійскіе города, а на мѣсто ихъ поселилъ вавилонянъ. По другимъ источникамъ, это событіе относятъ къ началу царствованія преемника Салманасара—Саркина (721—704 г.). Дворецъ этого царя, отрытый Боттою въ Хорсабадѣ, весь исписанъ подробностями его 15-ти походовъ противъ враговъ и возмутившихся данниковъ. Упорнѣе всего была война его съ Меродахъ—Баладаномъ, царемъ Халдеи, захватившимъ Вавилонъ. Саркинъ разбилъ союзниковъ Меродаха, арамейцевъ и эламитянъ, и взялъ въ плѣнъ 100,000 ихъ; Меродахъ бѣжалъ изъ Вавилона и укрѣпился въ Дуріакинѣ, въ устьѣ Евфрата. Но крѣпость была взята и сожжена, 80,570 человѣкъ уведены въ плѣнъ. Меродахъ бѣжалъ въ Эламъ, но черезъ пять лѣтъ по смерти Саркина, павшаго подъ ножомъ убійцы, возобновилъ борьбу за не-

зависимость Вавилона, при Синакхіерибѣ (704—681). И на этотъ разъ борьба была неудачна: разбитый при городѣ Кисѣ, вслѣдствіе измѣны, Меродахъ заперся въ Вавилонѣ и, снова собравъ войска, въ союзѣ съ эламитянами пошелъ противъ Синакхіериба, но былъ опять побѣжденъ. Новое возстаніе въ Вавилонѣ было подавлено, городъ разрушенъ, сынъ Меродаха казненъ. Надписи подробно описываютъ и войну его съ Езекіей, царемъ іудейскимъ, но не упоминаютъ ни слова о его пораженіи. Синакхіерибъ былъ убитъ своими сыновьями. Преемникъ его Ассуракхіидинъ (680—667) взялъ Сидонъ, покорилъ Египетъ (Мусури) и Эѳіопію (Куса), усмирилъ возстаніе другого сына Меродаха—Набузирсимата, занялъ Аравію и «на престолъ ея посадилъ Табуйю, женщину моего дворца», какъ говоритъ надпись. Впавъ въ тяжкую болѣзнь, онъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына Ассурбанипала въ 667 году. Этотъ царь прежде всего ставитъ себѣ въ заслугу — собраніе въ библіотекѣ «всѣхъ плитокъ царства». Военные подвиги его также блистательны. Онъ совершилъ два счастливые похода въ Египетъ, взялъ Тиръ, покорилъ Лидію, киммеріянъ, восточную Арменію, Эламъ, землю Гамбулъ, въ устьяхъ Евфрата и Тигра. Противъ него возсталъ братъ его, правившій Вавилономъ, но былъ побѣжденъ и сожженъ живымъ вмѣстѣ со своими приверженцами. Во время войны съ Умманаидасомъ, царемъ Элама, причемъ находился внукъ вавилонскаго патріота Меродахъ-Баладана—Набубейзикри, Ассурбанипалъ потребовалъ его выдачи, но тотъ, не желая попасть въ руки врага, велѣлъ своему оруженосцу заколоть его мечомъ. Оруженосецъ убилъ потомка героя, потомъ себя.

Исторіею этого царя, неизвѣстно когда умершаго, оканчиваются доселѣ прочтенныя лѣтописи Ассиріи. Почти всѣ подробности этихъ царствованій узнаются впервые, къ сожалѣнію, съ весьма немногими чертами, относящимися собственно до быта народа. Да и что̀ значилъ народъ въ деспотической монархіи? Кто думалъ объ немъ даже въ самую цвѣтущую эпоху ассирійской цивилизаціи? Не отъ того ли, однако, и погибла эта цивилизація, что въ ней преобладающую роль игралъ одинъ человѣкъ, окруженный льстивыми клевретами, а народъ не значилъ ровно ничего, не имѣлъ никакого понятія о своихъ правахъ, о своемъ значеніи?..

В. З.

ИЗЪ ИСТОРІИ „КУЛЬТУРКАМПФА" ВЪ ПРУССІИ.[1])

Исторія Европы въ XIX-мъ вѣкѣ съ отрицательной стороны характеризуется разрушеніемъ средневѣковыхъ соціальныхъ и политическихъ формъ, борьбой противъ тѣхъ идей и принциповъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились эти формы. Принявши наслѣдство великой революціи, XIX-й вѣкъ послѣдовательно разрушаетъ средневѣковую организацію труда, средневѣковыя формы сословныхъ отношеній, средневѣковый типъ государства. Хозяевами исторической сцены дѣлаются постепенно не тѣ искуственныя политическія единицы, которыя порождены были средневѣковымъ партикуляризмомъ, а единицы естественныя—народы. Втеченіи восмидесятилѣтія текущаго вѣка намѣтился идеальный типъ того государства, которому принадлежитъ будущее: это государство, заключенное въ этнографическихъ границахъ той или другой національности съ равноправностью всѣхъ составляющихъ его элементовъ, но равноправностью активной, а не пассивной. Препятствія, которыя встрѣтило развитіе народовъ на этомъ пути со стороны созданій средневѣковаго партикуляризма, устранены. Но средніе вѣка оставили въ наслѣдство новой Европѣ не однѣ партикуляристическія тенденціи: они создали папство съ его стремленіями къ всемірному господству, къ владычеству надъ совѣстью и волей короля и виллана. Этихъ тенденцій папство не утратило до сихъ поръ; онѣ составляютъ его сущность; во имя ихъ оно ведетъ въ настоящее время борьбу съ

[1]) Schulte. Geschichte des «Kulturkampfes» in Preussen. Essen. 1882. Hahn Gechichte des «Kulturkampfes» in Preussen. Berlin. 1881.

принципами націонализма и всемогущества государства. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ проявленій этого антагонизма между принципами XIX-го вѣка и универсализмомъ среднихъ вѣковъ служитъ борьба противъ римской куріи, начатая правительствомъ германской имперіи и продолжающаяся до сихъ поръ, борьба извѣстная подъ именемъ прусскаго «культуркампфа». Почва для этой борьбы была готова задолго еще до возникновенія германской имперіи. Нравственный разрывъ прусскаго правительства съ католическимъ населеніемъ страны совершился еще во время итальянской борьбы за національное единство. Католики съ неудовольствіемъ встрѣтили заявленіе прусской палаты депутатовъ, что противодѣйствіе объединенію Италіи не входитъ ни въ прусскіе, ни въ нѣмецкіе интересы; неудовольствіе возросло, когда Пруссія признала итальянское королевство. Протестанты тогда уже въ адресѣ, представленномъ палатой депутатовъ королю, выразили убѣжденіе въ необходимости обезпечить государство и школу отъ церковнаго произвола. Отношенія обострились во время австро-прусской войны. Католическое населеніе Пруссіи обвинялось въ симпатіяхъ къ Австріи. Обѣ партіи смотрѣли на борьбу между двумя государствами какъ на борьбу религіозную, но правительство держалось въ сторонѣ отъ этихъ внутреннихъ раздоровъ и старалось примириться съ католической партіей, торжественно заявляя, что существеннымъ условіемъ соглашенія Пруссіи съ Италіей является сохраненіе за папствомъ такого положенія, которое было бы признано достойнымъ со стороны нѣмецкихъ католиковъ. Ватиканскій соборъ и война 1870—71 годовъ произвели рѣзкое измѣненіе въ отношеніяхъ прусскаго правительства къ куріи. Еще въ энцикликѣ 1864 года Пій IX-й высказалъ убѣжденіе, что католическая церковь должна стремиться къ сохраненію своего вліянія на индивидуумовъ, на народы и ихъ правителей, и объявилъ, что римскій папа не примирится никогда съ либерализмомъ, который освобождаетъ человѣка отъ обязанности подчинять свой разумъ ученію божественнаго откровенія, свою волю божественнымъ заповѣдямъ. Тамъ, гдѣ гражданское общество находится внѣ вліяніи религіи, говорится далѣе въ этой энцикликѣ, теряется пониманіе справедливости и человѣческаго права; тамъ грубая сила становится на мѣстѣ справедливости. Уже въ этомъ посланіи папы было усмотрѣно открытое вторженіе въ правовую сферу государства, такъ какъ тѣ прицины, которые отвергла энциклика, гарантировались почти всѣми европейскими государствами. Когда еще до открытія собора 1870 года сдѣлалось извѣстнымъ, что на немъ будетъ обсуждаться вопросъ о папской непогрѣшимости, у нѣкоторыхъ правительствъ возникла мысль о необходимости европейской коалиціи противъ собора, который можетъ возвести на степень догмата идею о власти папы надъ правителями и народами въ свѣтскихъ дѣлахъ. Несмотря на то, что всѣ католическія государ-

ства Европы видѣли въ предполагаемомъ догматѣ силу, которая ниспровергнетъ основы гражданскаго и политическаго строя, вмѣшательство въ дѣла собора было признано неумѣстнымъ. Прусское правительство выразило увѣренность въ томъ, что оно можетъ привести къ надлежащимъ границамъ всякія чрезмѣрныя притязанія римской церкви, оставаясь на законодательной почвѣ и опираясь на общественное мнѣніе. На рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза 23-го мая 1870 года Бисмаркъ сдѣлалъ уже ясный намекъ на положеніе, которое правительство займетъ относительно католиковъ, если окажется, что они будутъ поддерживать партикуляризмъ противъ его объединительныхъ стремленій: «съ желѣзной строгостью будетъ сокрушено все то, что будетъ препятствовать возстановленію нѣмецкаго единства и могущества». Въ то время, какъ правительство держалось еще выжидательно, среди католическаго и протестантскаго населенія страсти бушевали уже на просторѣ. На протестантскомъ съѣздѣ въ Вормсѣ виновниками папскихъ притязаній были объявлены монашескіе ордена и іезуиты, на учительскомъ съѣздѣ было выражено убѣжденіе въ необходимости освободить школу отъ вліянія церкви, гейльдербергскій съѣздъ юристовъ требовалъ всеобщаго введенія гражданскаго брака въ виду слагавшихся отношеній между церковью и государствомъ. Католики съ своей стороны готовились воспользоваться всѣми предоставленными имъ конституціей правами для огражденія интересовъ церкви. Возникла мысль о необходимости образовать католическую фракцію въ парламентѣ. Сущность программы выяснилась уже тогда же: самостоятельность церкви, сохраненіе церковнаго вліянія на школу, самоуправленіе въ общинахъ, округахъ и провинціяхъ, сокращеніе военнаго бюджета. При такихъ условіяхъ началась франко-прусская война. На католиковъ, которые среди всеобщаго увлеченія войной не забывали о своихъ религіозныхъ интересахъ, посыпались обвиненія, что они примѣшиваютъ религію къ политическимъ вопросамъ. Католики съ своей стороны относились съ неудовольствіемъ къ индифферентному положенію, занятому прусскимъ правительствомъ въ то время, какъ пьемонтскія войска сдѣлали нападеніе на Римъ. Рѣшено было обратить вниманіе правительства на то, что оно, подобно другимъ, торжественно признало суверинитетъ св. престола, и избирать въ депутаты на ландтагъ только такихъ лицъ, которыя обладали бы смѣлостью и энергіей для обороны католическихъ интересовъ. На ландтагѣ католическая партія подверглась рѣзкимъ нападеніямъ со стороны членовъ партіи прогресса, обвинявшихъ ее въ антинаціональныхъ стремленіяхъ. Рейхстагъ 1871 года опредѣлилъ положеніе партіи въ государствѣ. Въ адресѣ палаты императору предполагалось выразить, что Германія предоставляетъ каждому народу тѣ или другіе пути для своего объединенія, такъ какъ времена вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ народовъ прошли и не

желательно, чтобы онѣ возвращались. Такимъ путемъ предполагалось устранить вмѣшательство прусскаго правительства въ пользу папы. Католики-депутаты были поставлены въ необходимость или согласиться на такую формулировку адреса и такимъ образомъ пожертвовать своими жизненными интересами (независимостью папы, которой угрожалъ Викторъ-Эммануилъ) или вотировать противъ адреса (въ данномъ видѣ) и быть объявленными въ качествѣ враговъ нѣмецкой имперіи: они избрали послѣдній выходъ. Императоръ, отвѣчая палатѣ, выразилъ удовольствіе по поводу ея настроенія, которое доказывало, по его мнѣнію, что депутаты правильно поняли смыслъ тронной рѣчи. Вильгельмъ высказался, такимъ образомъ, противъ тѣхъ воззрѣній, которыми была проникнута католическая партія центра. Бисмаркъ чрезъ баварскаго посланника, графа Тауфкирхена, поставилъ на видъ куріи антиправительственное поведеніе католической партіи въ германскомъ рейхстагѣ. Когда кардиналъ Антонелли отъ имени куріи объявилъ, что католическіе депутаты исполняли только свой долгъ, для протестантскихъ депутатовъ въ рейхстагѣ стало неоспоримымъ, что курія становится во враждебныя отношенія къ императору и Германіи; всѣ партіи слились въ убѣжденіи, что на нападки куріи слѣдуетъ отвѣчать такими же нападками на ея приверженцевъ внутри государства. Правительство имперіи, опираясь на общественное мнѣніе, вступило въ открытую борьбу съ Римомъ. Прежде всего оно рѣшило воспрепятствовать проведенію постановленій ватиканскаго собора въ Германіи. Законоучители, лишенные церковной властью своего званія, вслѣдствіе нежеланія подчиниться постановленіямъ собора, возстановлялись въ этомъ званіи свѣтской властью и ученики гимназій обязывались посѣщать уроки священника, отлученнаго отъ церкви за принадлежность къ ереси, т. е. въ данномъ случаѣ къ религіозному ученію, не признающему догмата папской непогрѣшимости.

23-го декабря 1872 года, министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ назначенъ докторъ Фалькъ—человѣкъ, проникнутый убѣжденіемъ, что отношенія между церковью и государствомъ должны разсматриваться только съ правовой точки зрѣнія, человѣкъ, съ именемъ котораго неразрывно связаны всѣ законы, послужившіе ближайшимъ поводомъ къ возникновенію, такъ называемой, культурной борьбы.

Первымъ шагомъ новаго министра было внесеніе въ прусскій ландтагъ законопроекта о предоставленіи надзора за школами общественными и частными правительственнымъ чиновникамъ. Задача законопроекта состояла въ устраненіи церковнаго вліянія на школы, вліянія, которое представлялось препятствіемъ для воспитанія народа въ національномъ духѣ. Принятіе его палатой раз рывало, по мнѣнію католиковъ, органическую связь между цер-

ковью и школой. Въ маѣ того же года, послѣ того, какъ папа отказался признать въ качествѣ германскаго посла кардинала Гогенлоэ (обстоятельство, которое Бисмаркъ предвидѣлъ, по убѣжденію католиковъ), Бисмаркъ представилъ этотъ фактъ рейхстагу, какъ оскорбленіе главы государства и, разсматривая различные способы соглашенія съ Римомъ, произнесъ извѣстные слова: «мы не пойдемъ въ Каноссу» (14-го мая 1872 году), слова, означавшія твердое рѣшеніе правительства охранять права государственной власти. На другой день (15-го мая) рейхстагъ рѣшилъ ходайствовать предъ союзнымъ совѣтомъ объ изданіи закона, запрещавшаго іезуитскому ордену пребываніе въ Германіи. Законъ этотъ былъ принятъ и распространенъ на всѣ родственныя съ обществомъ Іисуса ордена и конгрегаціи; немедленно затѣмъ закрылись засѣданія рейхстага. Борьба противъ куріи не ограничилась предѣлами одной Германіи. По окончаніи рейхстага, германское правительство заводить сношенія съ Италій, Австріей и Швейцаріей относительно совмѣстной борьбы противъ папы. Одновременно съ этими международными приготовленіями къ борьбѣ, подготовлялись новые законы, опредѣлявшіе отношенія церкви къ государству. Законы эти должны были поступить на разсмотрѣніе ближайшаго ландтага. Католическое населеніе Германіи знало объ этихъ приготовленіяхъ и концентрировалось для борьбы. Число членовъ католическаго союза въ Майнцѣ возросло до 200,000. Никто не хотѣлъ открытаго сопротивленія государственной власти; рѣшено было оказывать пассивное сопротивленіе всѣмъ законамъ, направленнымъ противъ церкви.

Въ январѣ 1873 года, министръ Фалькъ внесъ въ ландтагъ рядъ законопроектовъ, предоставлявшихъ государству контроль надъ духовно-учебными заведеніями въ видахъ національнаго воспитанія духовенства, ставившихъ подъ контроль государства карательную власть церкви по отношенію къ духовнымъ и міpянамъ, замѣщеніе (Anzeigepflicht) духовныхъ должностей.

Министръ и палата понимали, что для проведенія этихъ законопроектовъ и осуществленія ихъ нужна будетъ продолжительная и упорная борьба, борьба культурная, какъ выразился тогда впервые (17-го января 1873 года) депутатъ Вирховъ. Коммиссія, которой поручено было разсмотрѣніе законопроектовъ, нашла необходимымъ подвергнуть пересмотру и измѣненію соотвѣтствующія статьи прусской конституціи 1850 года: параграфъ 15-й, гласившій, что церковь управляется самостоятельно во всѣхъ своихъ дѣлахъ, дополнить прибавкой: «но при этомъ остается подчиненной государственнымъ законамъ и законному контролю государства», параграфъ 18-й, объявлявшій, что государство отказывается отъ права предлагать, избирать, утверждать и назначать кандидатовъ на церковныя мѣста, дополнить прибавкой «въ остальномъ законъ оп-

редѣляетъ функціи государства относительно назначенія и увольненія служителей церкви и ставитъ границы дисциплинарной власти церкви». Послѣ горячихъ преній рейхстагъ призналъ необходимымъ примѣненіе конституціи въ опредѣленномъ комиссіей смыслѣ; въ маѣ 1873 года были приняты обѣими палатами рейхстага и предложенные министромъ законопроекты (первые майскіе законы).

Самой существенной потерей, которую понесла католическая церковь отъ этихъ законовъ, было ограниченіе права отлучать отъ церкви. Дальнѣйшія ограниченія дисциплинарной власти церкви состояли въ томъ, что эта власть предоставлялась только нѣмецкимъ церковнымъ властямъ (папа устраняется), что удаленіе духовнаго лица отъ занимаемой имъ должности могло послѣдовать только послѣ судебнаго процесса, каждое наказанное духовное лицо могло апеллировать къ государственному суду по церковнымъ дѣламъ.

Майскіе законы были встрѣчены съ сильнымъ неудовольствіемъ со стороны католическаго населенія Германіи. Большая часть его рѣшилась вынести всѣ лишенія, соединенныя съ сопротивленіемъ этимъ законамъ, какъ докладывалъ Фалькъ новой сессіи ландтага 10-го декабря. Нѣмецкіе епископы выпустили общее пастырское посланіе, въ которомъ выяснили значеніе происшедшихъ измѣненій: «епископы отдѣляются отъ видимаго главы католической церкви, прусская церковь—отъ объемлющей весь міръ церкви богочеловѣка». 26-го мая, они представили министерству коллективное заявленіе, что не въ состояніи будутъ привести въ исполненіе только что опубликованные законы и не могутъ признать ученія, что государственные законы представляютъ послѣдній источникъ всякаго права, такъ какъ это принципъ языческаго государства и принятіе его равносильно поставленію христіанства подъ произволъ человѣка. Буквально почти тѣми же словами характеризовали новые законы и свое отношеніе къ нимъ депутаты центра: «Мы защищаемъ христіанскій принципъ государства противъ языческаго, свободу церкви противъ нападеній со стороны всемогущества государства, историческое право противъ революціонной неправды», говорилъ на рейхстагѣ депутатъ Малинкродтъ.

Съ іюня началось постепенное примѣненіе новыхъ законовъ. Духовно-учебныя заведенія католиковъ сначала были лишены матеріальной поддержки со стороны правительства, потомъ исподволь закрыты. Духовнымъ лицамъ, занявшимъ тѣ или другія должности помимо вѣдома государства, было воспрещено исполненіе связанныхъ съ должностью обязанностей; общинамъ предписано было считать невмѣняемыми служебныя дѣйствія такихъ лицъ. Ни епископы, ни священники не обращали вниманія на эти государственныя распоряженія и за это подвергались денежнымъ штрафамъ, которые по отношенію къ епископамъ простирались до нѣ-

скольких тысячъ талеровъ. Штрафы эти взимались насильственнымъ образомъ, такъ какъ никто не хотѣлъ уплачивать ихъ добровольно; лица, не имѣвшія возможности выплатить, подвергались тюремному заключенію. Общественныя собранія католиковъ подвергались самому тщательному надзору со стороны правительства, но этотъ надзоръ приносилъ впрочемъ мало пользы: народъ научился бороться за свои религіозные интересы, оставаясь въ границахъ закона. Когда начались выборы депутатовъ на ландтагъ и рейхстагъ, возбужденіе народа высказалось рѣшительнымъ образомъ: число членовъ партіи центра увеличилось почти вдвое. На ландтагѣ, открывшемся 12-го ноября 1873 года, число депутатовъ-католиковъ рѣшившихся на борьбу за охраненіе интересовъ церкви было болѣе 100. 10-го декабря, на обсужденіе ландтага поступило предложеніе партіи центра: для достиженія религіознаго мира возвратиться къ старымъ принципамъ отношенія церкви и государства. Предложеніе это не только было отвергнуто большинствомъ, но была принята противоположная ему мѣра: обезпечить исполненіе майскихъ законовъ посредствомъ изданія дополнительныхъ постановленій, опредѣляющихъ отношенія церкви къ государству. Слѣдующимъ шагомъ правительства было обязательное введеніе гражданскаго брака. Этотъ шагъ былъ обусловленъ тѣмъ, что за время внутреннихъ религіозныхъ раздоровъ были заключены браки, которые или съ церковной (если ихъ совершали священники, не подчинившіеся постановленіямъ ватиканскаго собора) или съ государственной (если ихъ совершали лица, не получившія утвержденія въ своемъ званіи со стороны государства) точки зрѣнія считались несуществующими. Новые майскіе законы (1874 года), при помощи которыхъ предполагалось гарантировать исполненіе уже изданныхъ, опредѣляли наказанія за передачу духовныхъ должностей безъ вѣдома оберъ-президента провинціи, за всякій актъ выполненія служебныхъ обязанностей, если онъ не согласенъ съ государственнымъ закономъ, условія замѣщенія епископскихъ каѳедръ посредствомъ выборовъ въ соборныхъ капитулахъ, если занимающее каѳедру лицо смѣщается съ своей должности свѣтской властью. Правительство не останавливалось предъ принудительными мѣрами, если онѣ требовались для того, чтобы заставить капитулы признать ту или другую каѳедру вакантной и прекратить сношенія съ смѣщеннымъ епископомъ. Такъ какъ во время отсутствія епископа въ діоцерѣ прекращалось церковное управленіе и удовлетвореніе религіозныхъ потребностей паствы—богослуженіе и совершеніе таинствъ, то для устраненія этихъ затрудненій правительство приняло на себя управленіе церковными обществами, а попеченія о душѣ возложило на общины, которыя, такимъ образомъ, ставились въ необходимость обращаться къ старо-католическимъ епископамъ и отъ нихъ принимать священниковъ. Законы

1874 года встрѣтили такое же сопротивленіе, какъ и предшествовавшіе. Суды и административныя учрежденія изнемогали подъ тяжестью труда, который возлагался на нихъ съ проведеніемъ этихъ законовъ и наблюденіемъ за ихъ исполненіемъ. Въ теченіи 1874 года подверглись тюремному заключенію епископы Позенскій, Трирскій, Кельнскій и Падерборнскій; число лицъ, принадлежащихъ къ низшему духовенству, въ тюрьмахъ росло съ каждымъ днемъ. Католическое населеніе при видѣ насилій надъ представителями церкви теряло постепенно свои симпатіи къ правительству; на западѣ имперіи религіозныя преслѣдованія усилили неудовольствіе, которымъ сопровождалось въ народѣ присоединеніе къ Пруссіи. Послышались рѣзкія жалобы на правительство.

Партія центра въ рейхстагѣ и все католическое населеніе страны съ неудовольствіемъ встрѣчали всякое увеличеніе военнаго бюджета, такъ какъ армія въ глазахъ правительственнаго большинства составляла главную опору государственнаго порядка и увеличеніе расходовъ на нее было связано съ ходомъ «культурной» борьбы. При такихъ условіяхъ произошло покушеніе Кульмана на жизнь Бисмарка въ Киссингенѣ 13-го іюля 1874 года. Правительство и протестантское населеніе страны усмотрѣло въ этомъ преступленіи дѣло всей католической партіи и іезуитовъ, разжигавшихъ страсти на сходкахъ и путемъ печати. Черезъ два дня послѣ покушенія вышли строгія постановленія, направленныя противъ сходокъ и католической печати; во многихъ мѣстахъ Германіи у высокопоставленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ католиковъ произведены были обыски съ цѣлью раскрыть связь между покушеніемъ Кульмана и католическими союзами съ одной стороны, партіей центра съ другой. Послѣ неудачныхъ попытокъ сдѣлать отвѣтственной за преступленіе цѣлую партію начались безчисленные процессы противъ католическихъ газетъ. Со времени киссингенскаго событія культурная борьба входитъ въ послѣдній фазисъ своего развитія и пріобрѣтаетъ высшую степень страстности. Посторонніе наблюдатели борьбы приходили къ убѣжденію, что совершенное уничтоженіе существующей церковной организаціи въ Пруссіи составляетъ только вопросъ времени. Ближайшей задачей становилось замѣщеніе римскаго клира въ Германіи національнымъ. Во множествѣ германскихъ приходовъ были поставлены священники независимо отъ католическихъ епископовъ, но эти государственные законно-поставленные священники не признавались населеніемъ и ограничивали свою дѣятельность собираніемъ доходовъ; за совершеніемъ требъ къ нимъ никто не обращался. Были случаи, что больные умирали безъ христіанскаго напутствія, такъ какъ община, въ которой они жили не имѣла священника, а священникъ сосѣдней общины могъ совершать безнаказанно требы внѣ своего прихода только въ случаѣ крайней необходимости. Если епископъ

лично совершалъ требы въ приходахъ, священники которыхъ были отставлены по распоряженію свѣтской власти, противъ него поднимались судебныя преслѣдованія. Католическое населеніе Пруссіи и остальной Германіи предоставило свой споръ съ государствомъ на разсмотрѣніе папы. 5-го февраля 1875 года появилось соборное посланіе, въ которомъ нѣмецкіе церковные законы были объявлены несостоятельными и противурѣчащими божественному установленію церкви, священники, принявшіе свои должности подъ защитой государственныхъ законовъ вопреки каноническимъ постановленіямъ—заслуживающими отлученія, населенію рекомендовалось воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ ними. Энциклика 5-го февраля поставила римскую церковь въ невозможность когда-либо придти къ соглашенію съ прусскимъ правительствомъ на почвѣ майскихъ законовъ. Антикатолическая партія въ Германіи объявила этотъ актъ папы призывомъ къ революціи. Германское правительство сдѣлало попытку, при помощи Италіи, произвести давленіе на папу, но президентъ итальянскаго министерства отвѣтилъ, что Италія не можетъ вмѣшиваться въ церковную политику, подобную нѣмецкой, такъ какъ будетъ имѣть противъ себя общественное мнѣніе. Внутри страны католическому духовенству предполагалось нанести рѣшительный ударъ, предоставивъ общинамъ широкое участіе въ управленіи церковными имуществами вытѣснивъ и здѣсь церковный элементъ при помощи свѣтскаго. Католики нашли, что эти мѣры представляютъ въ сущности секуляризацію церковныхъ имуществъ и демократизируютъ церковное управленіе. 3-го марта 1875 года, въ палату депутатовъ былъ внесенъ законопроектъ, который уполномочивалъ правительство прекратить выдачу изъ государственныхъ средствъ субсидій епископствамъ и принадлежащимъ къ нимъ учрежденіямъ до тѣхъ поръ, пока епископы не обяжутся повиноваться законамъ государства. 10-го апрѣля на обсужденіе ландтага предложенъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ 15, 16 и 18 статей конституціи, которыя даже при произведенныхъ въ нихъ измѣненіяхъ «не обезпечивали государства противъ пренебрегающаго его верховными правами духовенства подъ вліяніемъ импульсовъ, исходящихъ изъ Рима». Подъ вліяніемъ возбужденія, которое произвело среди сторонниковъ правительства возведеніе епископа Позенскаго, сидѣвшаго незадолго предъ тѣмъ въ тюрьмѣ за сопротивленіе майскимъ законамъ, въ санъ кардинала римской церкви, законопроектъ былъ принятъ и указанныя статьи конституціи отмѣнены. Католическое населеніе Германіи отнеслось къ измѣненію конституціи довольно равнодушно, такъ какъ фактически церковь уже не пользовалась правами, которыя предоставляли ей отмѣненныя статьи. Слѣдующіе законопроекты, принятые ландтагомъ, упраздняли всѣ монашескіе ордена и конгрегаціи католической церки въ предѣлахъ прусской монархіи; исключеніе было

сдѣлано только въ пользу учрежденій, задачей которыхъ было попеченіе о больныхъ, но они были подчинены государственному надзору; даже сестры милосердія были въ глазахъ прусскаго правительства послушными орудіями въ рукахъ римской іерархіи. Послѣ ряда этихъ репрессивныхъ мѣръ ландтагъ выразилъ надежду на возстановленіе внутренняго мира и успокоеніе «заблуждавшейся» временно части населенія. Иначе смотрѣли на дѣло католики. Число лицъ, которыя уступили давленію обстоятельствъ, было незначительно и состояло главнымъ образомъ изъ чиновниковъ, находившихъ борьбу съ такимъ могущественнымъ правительствомъ, какъ прусское, невозможной. Епископы, а за ними народная масса, не раздѣляли такихъ воззрѣній. Между большинствомъ католиковъ господствовало убѣжденіе, что при такихъ условіяхъ, какъ существующія, при такомъ напряженіи страстей для нихъ остается только два выхода: или эмиграція или открытая борьба съ враждебной партіей. Надежды протестантской партіи на внутреннее умиротвореніе одно время показались основательными— это было, когда епископы, съ согласія папы, признали возможнымъ принять совмѣстно съ государствомъ управленіе церковными имуществами, но при этомъ не принималось во вниманіе того, что епископы, по мнѣнію католиковъ, не оспаривали у государства права на совмѣстное управленіе церковнымъ достояніемъ, а затѣмъ сохраняли свое вліяніе на это управленіе даже въ тѣхъ общинахъ, гдѣ оно было поручено согласно съ законами выборнымъ лицамъ, такъ какъ общины избирали только лицъ, безусловно преданныхъ епископамъ. Что надежды на усмиреніе епископовъ были напрасны, показалъ рядъ низложеній послѣднихъ государственной властью. Одинъ за другимъ были низложены епископы Бреславльскій, Мюнстерскій, Кельнскій, Лимбургскій. Такъ же обманчива оказалась надежда на то, что католическое духовенство можно принудить къ покорности, лишивъ его матеріальной поддержки со стороны правительства. Общины приняли на себя заботу о содержаніи непокорнаго духовенства. Правительство преслѣдовало собранія, устроивавшіяся для этой цѣли, препятствовало собирать необходимыя средства для содержанія мѣстнаго духовенства путемъ обычнаго обложенія, но не могло остановить частной помощи отдѣльныхъ лицъ. Возбужденіе католическаго населенія не ослабѣвало; когда власти начали приводить въ исполненіе законы относительно монастырей, когда потянулись заграницу толпы монаховъ, лишенныхъ средствъ къ существованію, стали закрываться одинъ за другимъ содержавшіеся на монастырскій счетъ дѣтскіе пріюты и тысячи дѣтей лишены были крова, этимъ возбужденіе усилилось. Школьное дѣло также возбуждало глухое неудовольствіе католическаго населенія. Поставивъ задачей школы національное воспитаніе дѣтей, правительство подвергло строгому контролю преподаваніе закона божія, учеб-

ники, распредѣленіе учебнаго матеріала; частное, домашнее обученіе закону божію дѣтей школьнаго возраста при посредствѣ неподчинявшихся майскимъ законамъ священниковъ разсматривало какъ заслуживающее наказанія присвоеніе общественной должности. Католическіе родители и церковь вступились за свои права на воспитаніе дѣтей, но встрѣтили сильную оппозицію со стороны приверженцевъ правительства и поклонниковъ принципа индивидуальной свободы. Правительство не могло, однако, побѣдить возраставшаго недовѣрія къ государственной школѣ.

Возстановленіе внутренняго мира, желательное для правительства и его сторонниковъ, не состоялось. Борьба не прекращалась; но положеніе боровшихся партій измѣнилось. Правительство перешло изъ наступательнаго положенія, которое выражалось въ рядѣ репрессивныхъ законовъ, въ оборонительное: оно должно было идти на встрѣчу къ результатамъ примѣненія этихъ законовъ, къ страстнымъ упрекамъ, которыми осыпали его члены католической партіи. Со всѣхъ сторонъ сыпались безчисленныя петиціи, требовавшія возстановленія отношеній, существовавшихъ до 1870 года. Въ ландтагѣ и рейхстагѣ члены партіи центра обвиняли министерство, что оно поддерживаетъ законы, влекущіе за собою вредъ для страны, видитъ съ каждымъ годомъ увеличивающееся зло и не двигаетъ пальцемъ для его устраненія, разрываетъ связь между правительствомъ и народомъ. Положеніе правительства ухудшилось помимо необходимости отвѣчать на сыпавшіяся отовсюду нападки еще тѣмъ, что число его приверженцевъ въ парламентѣ по окончаніи законодательнаго фазиса культурной борьбы значительно порѣдѣло, а партія центра пріобрѣла себѣ союзниковъ. Протестъ противъ всемогущества государства, составлявшій существенный характеръ дѣятельности этой партіи, соединилъ ее съ другими партіями Германіи, находившими съ своей точки зрѣнія необходимой борьбу противъ чрезмѣрныхъ притязаній имперскаго канцлера. Партія центра составляла оппозицію имперскому канцлеру, когда онъ стремился усилить централизацію государства посредствомъ финансовыхъ реформъ, когда, создавая новое экономическое законодательство, онъ стремился усилить правительственную иниціативу на счетъ корпоративнаго элемента. Въ своей борьбѣ противъ «современнаго либерализма» оно нашло себѣ поддержку въ нѣмецко-консервативной партіи, когда экономическій упадокъ страны поставилъ на видъ необходимость пересмотра существующаго либеральнаго законодательства съ его покровительствомъ крупнымъ капиталистамъ. Обѣ партіи сошлись въ убѣжденіи, что необходима соціальная реставрація, и нѣмецко-консервативная партія сочла нужнымъ не противорѣчить католикамъ, когда тѣ утверждали, что предполагаемая реставрація возможна только при свободѣ церкви. Около католическаго центра стали такимъ образомъ группироваться всѣ

оппозиціонные элементы; въ партіи центра находили себѣ поддержку соціалисты, когда правительство стремилось провести такъ-называемый законъ о соціалистахъ, предоставлявшій полиціи полномочіе запрещать всѣ собранія, союзы, брошюры, имѣющіе цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка и разрушеніе единодушія и согласія въ народѣ. Католическіе депутаты оспаривали пользу предлагаемаго закона, указывая на то, что «вѣчный божественный законъ долженъ служить основой общественной и государственной жизни». Въ католическомъ центрѣ находили себѣ поддержку и поляки въ своей борьбѣ противъ угрожавшей имъ германизаціи; еще въ началѣ борьбы котолики связали дѣло сохранія въ польскихъ школахъ польскаго языка съ стремленіями сохранить вліяніе церкви на школу. Уничтоженіе этой партіи стало главной задачей нѣмецкаго правительства во время переговоровъ, послѣдовавшихъ съ римской куріей по смерти Пія IX-го. Предполагалось, что папа стоитъ въ тѣсной связи съ нѣмецкимъ центромъ и если эта связь будетъ разрушена, если папа объявитъ себя противъ него, то партія потеряетъ свой raison d'être. Въ этихъ видахъ германское правительство старается представить партію центра, которая во всѣхъ почти вопросахъ находится въ оппозиціи къ правительству, враждебной также и папѣ, такъ какъ она употребляетъ интересы церкви будто бы только въ качествѣ прикрытія своихъ политическихъ цѣлей и, стоя на принципіальной почвѣ, препятствуетъ соглашенію германскаго правительства съ куріей. Планъ этотъ не удался, какъ не удалась и вообще попытка придти къ соглашенію на почвѣ майскихъ законовъ. Уничтожить католическую партію центра не удалось, оставалась надежда смягчить ея оппозицію рядомъ болѣе или менѣе значительныхъ практическихъ уступокъ. Одной изъ первыхъ уступокъ была отставка министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Фалька и замѣна его въ 1879 году Путкаммеромъ. Новый министръ держался принциповъ своего предшественника и считалъ примиреніе съ церковью «возможнымъ только на почвѣ прусскаго законодательства», но въ примѣненіи этихъ принциповъ къ практикѣ онъ оказывалъ менѣе пунктуальности и настойчивости. Католическіе священники были допущены къ преподаванію закона божія, распредѣленіе учебнаго матеріала по этому предмету не всегда производилось правительственными школьными инспекторами. Необходимость смягчить примѣненіе майскихъ заковъ была признана и правительствомъ, и антиклерикальными депутатами. Съ 1880 года, входятъ въ дѣйствіе временные законы, удовлетворявшіе до извѣстной степени настоятельнымъ нуждамъ времени и ограниченные опредѣленнымъ срокомъ. Такъ-называемые іюльскіе законы, дѣйствіе которыхъ было разсчитано на періодъ до 1-го января 1882 года, даютъ возможность «законнымъ» священникамъ совершать требы внѣ своихъ

приходовъ въ общинахъ, не имѣвшихъ священниковъ (уступка эта становится понятной, если принять во вниманіе, что во всей Германіи было въ началѣ 1881 года болѣе 1,100 вакантныхъ священническихъ мѣстъ). 31-го мая 1882 г., изданъ былъ законъ, предоставлявшій новыя уступки католическому населенію. По параграфу 2-го этого закона, епископъ, лишенный сана по распоряженію суда (за противодѣйствіе майскимъ законамъ напр.) и помилованный королемъ, сохраняетъ свою должность въ качествѣ признаннаго государствомъ лица; по 3-му параграфу отъ государственнаго испытанія, предписаннаго майскими законами, при занятіи духовныхъ должностей освобождаются лица, представившія удостовѣренія о трехлѣтнемъ изученіи богословскихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ, замѣняющемъ богословскія штудіи въ университетѣ (майскіе законы этой замѣны не признавали). Практическое примѣненіе первой изъ этихъ статей можетъ возвратить на каѳедры всѣхъ изгнанныхъ епископовъ, не обязывая ихъ исполнять майскіе законы (такъ какъ помилованіе было бы излишнимъ при обязательствѣ того или другаго епископа подчиняться указаннымъ законамъ). 22-го декабря 1882 года, императоръ въ письмѣ къ папѣ обѣщалъ подвергнуть пересмотру на прусскомъ ландтагѣ майскіе законы, «бывшіе необходимыми въ эпоху борьбы за охраненіе правъ государства», если папа согласится на то, чтобы при назначеніи на духовныя должности прусскіе епископы увѣдомляли о назначаемыхъ лицахъ правительство (а не испрашивали уже его согласія). Отвѣтъ папы еще неизвѣстенъ, что касается католической партіи центра, то въ настоящихъ засѣданіяхъ рейхстага, она попрежнему настойчиво требуетъ возстановленія 15-го, 16-го, 18-го параграфовъ конституціи въ томъ видѣ, какъ они были до изданія майскихъ законовъ.

Положеніе, принятое германскимъ правительствомъ относительно куріи, въ послѣдніе годы, показываетъ, что германскій канцлеръ, гордо отказавшійся идти въ Каноссу, начинаетъ по немногу становиться на дорогу, которая ведетъ туда. Папство, съ его средневѣковыми универсальными тенденціями, выдержало съ успѣхомъ страстный натискъ враждебныхъ ему силъ, одушевленныхъ идеалами новаго времени. Событія культурной борьбы показываютъ, какая сила стоитъ на пути осуществленія государственнаго идеала XIX-го вѣка на германской почвѣ, какъ основательны были тѣ опасенія, подъ вліяніемъ которыхъ была начата эта борьба. Силы находящихся въ антагонизмѣ принциповъ опредѣлились; ихъ борьба войдетъ въ содержаніе исторіи Германіи и Европы въ ближайшемъ будущемъ.

И. Смирновъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

GIUSEPPE BARBARO. FRA GIROLAMO SAVONAROLA E I SUOI TEMPI. VENEZIA. 1882 (Джузеппе Барбаро. Саванарола и его время. Венеція. 1882).

АВТОРЪ брошюры, заглавіе которой означено выше, предположилъ на нѣсколькихъ страницахъ (39) ознакомить читателей съ дѣятельностью Джироламо Савонаролы. Онъ остановился на одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ эпохи Возрожденія, на дѣятелѣ, который вступилъ не только въ борьбу съ павшимъ католическимъ духовенствомъ, но, что̀ гораздо важнѣе, съ могущественнымъ вліяніемъ античной культуры на современное общество въ области практической дѣятельности, въ области морали. Въ эпоху разцвѣта европейской культуры, когда наслѣдство античнаго міра начало обнаруживать исключительное вліяніе на развитіе человѣчества и давать ему одностороннее направленіе, Савонорола открываетъ собою рядъ дѣятелей, стремленіе которыхъ заключается въ томъ, чтобы положить христіанскіе идеалы въ основаніе жизни и развитія современнаго общества. Онъ становится противъ теченія, останавливаетъ его и временно направляетъ сообразно своимъ идеаламъ жизнь флорентинскаго общества. Исторія его отношеній къ современному обществу представляетъ драгоцѣнный матеріалъ при изслѣдованіи вопроса о томъ вліяніи, которое можетъ оказать индивидуумъ на развитіе общественнаго организма. Въ популярной книжкѣ о подобномъ дѣятелѣ естественно ожидать указаній на элементы, изъ которыхъ слагалось его вліяніе на общество, на тѣ духовныя состоянія, которыя онъ возбуждалъ въ современникахъ и подъ вліяніемъ

которыхъ они измѣняли свою жизнь. Авторъ нашей брошюры, между тѣмъ, только мелькомъ касается всего этого и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на гибельномъ для Саванаролы состязаніи францисканцевъ и доминиканцевъ. Онъ подробно описываетъ обстановку состязанія, обозначаетъ точно разстояніе прохода, оставленнаго между кострами, порядокъ шествія состязающихся, костюмы участниковъ. Въ разсказъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за исходомъ состязанія, вплетается родословная фамиліи Валори, дѣлается указаніе на біографію одного изъ членовъ этой фамиліи, вышедшую въ XVII-мъ вѣкѣ. Казнь описывается съ такой обстоятельностью, что указывается мѣсто, гдѣ сидѣли папскіе послы. Изъ такого сложнаго соціальнаго явленія, какъ дѣятельность Савонаролы, авторъ беретъ, очевидно, только тѣ моменты, которые остановили на себѣ вниманіе флорентинской толпы и мемуаристовъ, стоявшихъ на одинаковой съ ней ступени развитія. Эти моменты онъ рекомендуетъ вниманію современной европейской толпы (допустимъ это выраженіе, устраняя его обидный оттѣнокъ, относительно всѣхъ тѣхъ, кто не занимается спеціально исторіей), думая заинтересовать ими болѣе, чѣмъ тѣми, которые имѣютъ научно-соціологическое значеніе. Такъ какъ популярныя брошюры съ такимъ характеромъ не рѣдкость въ современной исторической литературѣ, то мы считаемъ нужнымъ указать на то ненормальное направленіе, которое имѣетъ историческая quasi — популяризація. Въ области точныхъ наукъ, истины, составляющія предметъ популяризаціи и предлагаемыя вниманію публики, считаются главными, существенными и въ глазахъ спеціалиста; научное и популярное изложеніе извѣстнаго научнаго вопроса различаются главнымъ образомъ формально— степенью ясности и удобопонятности для неспеціалиста. Тѣ образчики исторической популяризаціи, о которыхъ мы говоримъ, стоятъ на совершенно иной почвѣ: ихъ составители также дѣлятъ содержаніе исторической науки на двѣ части, но предлагаютъ вниманію неспеціалистовъ такія явленія, которыя имѣютъ чрезвычайно незначительное значеніе въ глазахъ спеціалиста, изъ которыхъ онъ не можетъ сдѣлать никакого серьёзнаго вывода, предлагаютъ потому, что они когда-то остановили на себѣ вниманіе толпы, произведя на нее сильное впечатлѣніе, и, стало быть, обладаютъ способностью остановить на себѣ это вниманіе и теперь. Читатель согласится, конечно, что подобныя книжки не удовлетворяютъ требованіямъ, которыя ставитъ популяризаціи современная культура.

И. Смирновъ.

Die Umsegelung Asiens und Europas auf der „Vega", von Adolf Erik Freiherrn von Nordenshiöld. Leipzig. 1882 (Обходъ Азіи и Европы на „Вегѣ" барона Адольфа-Ерика Норденшильда. Лейпцигъ, 1882).

Полное описаніе этого замѣчательнаго въ лѣтописяхъ мореплаваній обхода, совершеннаго въ 1878—1879 годахъ, появилось въ двухъ томахъ на нѣмецкомъ языкѣ. Оно снабжено многочисленными рисунками, портретами, картами, или преимущественно оригинальными, или заимствованными изъ источниковъ, заслуживающихъ наибольшаго довѣрія. Изъ картъ замѣчательна карта сѣвернаго берега Стараго Свѣта отъ Норвегіи до Берингова пролива, составленная въ масштабѣ 1:400,000, и представляющая дополненное, провѣренное очертаніе географическаго образованія этихъ полуночныхъ береговъ и морей. При повѣркѣ на мѣстѣ трудовъ русскихъ мореплавателей по описанію сѣвернаго берега азіатскаго материка, Норденшильдъ убѣдился, что на русскихъ картахъ онъ представленъ вѣрно. При этомъ въ особенности Норденшильдъ возстановилъ честь штурмана Челюскина, обошедшаго и описавшаго, въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, самую сѣверную оконечность Азіи, названную въ честь его мысомъ Челюскинымъ. Послѣ него только Норденшильду удалось обогнуть эту окраину. Извѣстно, что нѣкоторые русскіе географы, въ томъ числѣ Беръ и баронъ Ф. П. Врангель, сомнѣвались, чтобы Челюскинъ дѣйствительно обошелъ на своемъ утломъ суднѣ вышеозначенный мысъ, а потому не придавали никакого значенія его подвигу и сводили дѣло на сочиненіе имъ карты мыса своего имени. Между тѣмъ Норденшильдъ, съ безпристрастіемъ истиннаго ученаго, доказываетъ, что Челюскинъ дѣйствительно обошелъ оконечность Азіи на сѣверѣ и что имъ составленная карта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть опорочена.

Точно также Норденшильдъ возстановилъ память другого своего предшественника, изъ русскихъ, забытаго на нашихъ картахъ. За 230 лѣтъ до Норденшильда, казакъ Дежневъ, сплывъ въ 1648 году на «кочѣ» (полупалубномъ суднѣ) по Колымѣ въ Ледовитый океанъ, обогнулъ сѣверовосточную часть Азіи и по Беринговому проливу прибылъ къ берегамъ Камчатки около мыса Олюторскаго, затѣмъ открылъ рѣку Анадырь. Такимъ образомъ Дежневъ ранѣе всѣхъ вошелъ въ Беринговъ проливъ съ сѣвера, потому что Берингъ открылъ его съ юга. Для увѣковѣченія памяти Дежнева, Норденшильдъ предложилъ назвать Восточный мысъ, вдающійся со своимъ полуостровомъ въ Беринговъ проливъ, «Дежневымъ» и это наименованіе сталъ употреблять въ описаніи своего путешествія и на своей картѣ.

Въ описаніи путешествія «Веги» собрано много очень интересныхъ рисунковъ, изъ которыхъ многіе представляютъ изобра-

женія мѣстъ, до нынѣ еще ни кѣмъ не переданныхъ. Таковы виды островов Преображенскаго, Столбоваго, Ляхова, Четырехъ-Столбоваго, находящихся у сѣверныхъ береговъ Азіи; интересны виды острововъ Беринга, Мѣднаго (изъ группы Командорскихъ острововъ), св. Павла (группа Прибылова) и другіе. Въ трудѣ Норденшильда представленъ также историческій обзоръ всѣхъ прежнихъ путешествій и плаваній около сѣверныхъ береговъ Стараго Свѣта, который сопровождается портретами Циволки, Павла Ивановича Крузенштерна, Анжу, Врангеля, Карасева, Іогансена, Тобизина, Виггинса, Шваненберга, Нумелина, плававшихъ въ этомъ направленіи. Жаль, что къ этой коллекціи не присоединены портреты Лаптевыхъ, Пронщичева, Челюскина, Беринга, Чирикова, Ѳедорова, Гвоздева и друг., описавшихъ и изслѣдовавшихъ сѣверный берегъ Азіи отъ Оби до Берингова моря. Вѣроятно Норденшильдъ не могъ добыть себѣ ихъ портретовъ, такъ какъ о ихъ плаваніяхъ упоминается въ его книгѣ.

Сверхъ этого двухъ-томнаго описанія собственно плаванія «Веги» по Сѣверному Ледовитому океану, вѣроятно вскорѣ появится новый трудъ Норденшильда: «Научные результаты экспедиціи «Веги», обработанные членами этой экспедиціи и другими учеными», въ которомъ будутъ сообщены подробныя свѣдѣнія о привезенныхъ изъ этого плаванія коллекціяхъ и о сдѣланныхъ впродолженіе его наблюденіяхъ.

П. У.

SCHLECHTA WSSEHRD. DIE REVOLUTIONEN IN CONSTANTINOPEL IN DEN JAHREN 1807 UND 1808. EIN BEITRAG ZUR REFORMGESCHICHTE DER TÜRKEI NACH GRÖSSENTHEILS EINHEIMISCHEN D. I. ORIENTALISCHEN QUELLEN DARGESTELLT. WIEN. 1882.

Событія, совершившіяся въ теченіе двухъ лѣтъ (1807 и 1808) въ турецкой столицѣ, образуютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Турецкой имперіи. Въ это время совершаются первыя кровавыя столкновенія между консервативной, азіатской партіей и прогрессивной, европеизированной, первыя проявленія антагонизма, который обнаруживаетъ такое сильное вліяніе на внутреннюю жизнь Турціи и на ея отношенія къ сосѣднимъ державамъ. До сихъ поръ этотъ предметъ затронутъ былъ болѣе или менѣе обстоятельно, только въ сочиненіи Iuchereau «Révolutions de Constantinople en 1807 et 1808» (Paris. 1819). Разсказъ Iuchereau при сличеніи съ туземными источниками, которые произвелъ нашъ авторъ, оказался не полнымъ, не вѣрнымъ. Шестнадцатилѣтнее пребываніе автора въ качествѣ толмача при австрійской интернунціатурѣ въ Константинополѣ, непрерывныя частныя и оффиціальныя сношенія съ туземцами всѣхъ сословій, дали ему возможность изучить страну и людей и подготовили къ пониманію того матеріала,

который дали ему тайные архивы Порты и записки современниковъ.

Всѣмъ извѣстно въ общихъ чертахъ содержаніе историческаго момента, который составляетъ предметъ изслѣдованія г. Wssehrd'a; это первыя попытки внести европейскую организацію въ государство, стоявшее въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій въ сторонѣ отъ общаго развитія — попытки, ближайшимъ образомъ ограничивававшіяся введеніемъ регулярной арміи вмѣсто неудовлетворявшаго потребностямъ времени янычарскаго корпуса. Реформа была потребностью правительства и вовсе не чувствовалась народомъ. Обладало ли турецкое правительство средствами провести ее независимо и вопреки желанію народа, какова была организація государства, каковы были политическія идеи, находившіяся въ обращеніи среди массы турецкаго народа — вотъ вопросы, разрѣшенію которыхъ посвящено изслѣдованіе автора. Г. Wssehrd выводитъ читателя за предѣлы столицы и показываетъ элементы, изъ которыхъ слагались провинціи и ихъ отношеніе къ центру государства. На первомъ планѣ выступаетъ турецкая родовая аристократія—ханеданы; она ведетъ свое происхожденіе изъ эпохи завоеванія, въ ея рукахъ сосредоточиваются богатства и крупныя поземельныя владѣнія. Подъ начальствомъ отдѣльныхъ членовъ этого сословія находятся толпы наемниковъ, которыхъ они содержатъ на свой счетъ и число которыхъ достигаетъ иногда до 20—30,000 человѣкъ. Съ этими наемными толпами являются они на помощь султану во время какой нибудь войны; чаще они употребляютъ эти силы другъ противъ друга, а иногда и противъ центральнаго правительства. Средства, которыми располагала центральная власть въ борьбѣ съ этимъ элементомъ населенія, заключались въ ядѣ и кинжалѣ; если не помогало ни то, ни другое, на опаснаго ханедана натравлялись другіе, которымъ обѣщались его владѣнія въ случаѣ удачи. За ханеданами идутъ айаны. Это ничто иное, какъ лица, въ рукахъ которыхъ по свободному выбору населенія сосредоточивалось управленіе городовъ и мѣстечекъ. Айаны представляли самый зажиточный элементъ городскаго населенія и завѣдывали дѣлами общинъ даже тогда, когда de jure управленіе провинціальными городами было поручено городскимъ интендантамъ, назначаемымъ правительствомъ. Съ конца XVIII-го вѣка они пріобрѣли почти независимое положеніе въ государствѣ и начали управлять провинціальными дѣлами обходя правительственныхъ намѣстниковъ. Какъ для ханедановъ, такъ и для айановъ, реформы, предполагавшіяся центральнымъ правительствомъ, были опасны; посредствомъ ихъ оно создавало силу, которую могло употребить для поддержанія своего авторитета въ провинціяхъ; отсюда ихъ сочувствіе къ янычарамъ. Если мы отъ провинцій обратимся къ столицѣ, то и здѣсь встрѣтимъ почти всеобщее противодѣйствіе реформѣ. На

сторонѣ янычаровъ стоятъ улемы (духовные, суды и законовѣды одновременно), которые видятъ въ нихъ хранителей вѣры и покровителей кастовыхъ привилегій духовенства; къ янычарамъ склоняются и гражданскіе чиновники, видѣвшіе въ нихъ противовѣсъ тираніи и деспотизму султана. Какъ смотрѣли послѣдніе на дѣло, видно изъ словъ, сказанныхъ однимъ изъ любимцевъ султана Махмуда II въ интимной бесѣдѣ: «было бы прекрасно найти средство, чтобы обезпечить насъ отъ насилій янычаръ, но, еслибы ихъ не было, кто бы защищалъ насъ отъ султана?» Если организація Турецкой имперіи ставила препятствія для осуществленія реформъ, исходившихъ отъ центральной власти, то въ политическихъ идеяхъ народа не было элементовъ, которые обезпечили бы не насильственное, а свободное подчиненіе новымъ порядкамъ. Съ этими идеями знакомятъ насъ письменные памятники эпохи и сцены, происходившія на улицахъ Константинополя. Турецкій посланникъ въ Испаніи, говоря о воинской повинности — «налогѣ на кровь», высказываетъ слѣдующее убѣжденіе: «Воинская повинность мыслима только подъ владычествомъ христіанскихъ государей, которые третируютъ своихъ подданныхъ, какъ рабовъ; съ достоинствомъ свободнорожденнаго мусульманина, съ братскими отношеніями, господствующими между правовѣрными, онъ стоитъ въ безусловномъ противорѣчіи. Коранъ предписываетъ участіе въ священной войнѣ по совѣсти и свободному побужденію, каждой отдѣльной личности предоставляется исполненіе или неисполненіе этого долга. Всякое матеріальное принужденіе въ этомъ отношеніи безусловно исключается». Когда вспыхнула революція и правительство выразило готовность отказаться отъ введенія предположенныхъ реформъ, на улицахъ раздавались крики, что теперь дѣло идетъ не о реформахъ, а «о процессѣ между народомъ и правительствомъ, который долженъ разрѣшиться на основаніи предписаній корана и этотъ процессъ подлежитъ рѣшенію шейхъ-уль-ислама». Въ присутствіи импровизированнаго на улицѣ трибунала одинъ изъ янычаръ кричалъ: «У кого должно каждому искать своего права, какъ не у васъ (улемовъ)!» Факты, приводимые г. Wssehrd'омъ, показываютъ, что турецкому обществу эпохи революціи чуждо было воззрѣніе на власть падишаха, какъ на абсолютный источникъ порядка и закона; по отношенію къ нему, народъ обладаетъ извѣстными правами, за нарушеніе которыхъ падишахъ отвѣтственъ; регуляторомъ отношеній между народомъ и правительствомъ, неизмѣннымъ критеріемъ для оцѣнки дѣйствій центральной власти, является коранъ. Если падишахъ требуетъ чего нибудь несогласнаго съ кораномъ, правовѣрный можетъ отказать ему въ повиновеніи. Возстаніе 1807 года началось манифестомъ (Fetma), въ которомъ султанъ изображался отступникомъ отъ религіи и правовѣрные приглашались отказать ему въ покорности. Положеніе дѣлъ было та-

ково, что реформы, предполагавшіяся правительствомъ, не пользовались сочувствіемъ общества, правительство не имѣло средствъ провести ихъ насильственно и сломить феодально-теократическую оппозицію, а народъ, вступая въ борьбу съ нимъ, не видѣлъ въ возстаніи ничего преступнаго, смотрѣлъ на революцію, какъ на законное, дозволяемое кораномъ средство для охраненія своихъ правъ. Для того, чтобы провести свои реформы, центральная власть чувствовала потребность войти въ соглашеніе или съ улемами, дававшими тонъ общественному мнѣнію, или съ провинціальнымъ дворянствомъ, если хотѣла провести свои реформы силой. Селимъ III всталъ на первый путь и пробовалъ склонить общественное мнѣніе на сторону реформы брошюрами, въ которыхъ необходимость преобразованій доказывалась богословскими аргументами. Махмудъ II и его сотрудникъ, великій визирь Байрокдаръ-паша, вошли въ соглашеніе съ нотаблями (ханеданы, айаны). Реорганизацію арміи предполагалось произвести на почвѣ добровольнаго соглашенія съ феодальными владѣтелями страны. Выдающіеся ханеданы и айаны приглашены были великимъ визиремъ въ столицу для совѣщанія. Приглашенные явились въ сопровожденіи своихъ войскъ и расположили ихъ около Константинополя. Столица и окрестности разомъ превратились въ воинскій лагерь. Великій визирь обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой излагались причины, побудившія правительство къ реформѣ арміи, и закончилъ ее слѣдующими словами: «насъ соединило желаніе отказаться отъ нашихъ личныхъ раздоровъ и совмѣстно поработать надъ перестройкою разрушающагося общественнаго зданія. Въ этомъ смыслѣ при предстоящихъ совѣщаніяхъ вы должны показать намъ пути и средства, которыя привели бы къ цѣлесообразнѣйшему разрѣшенію задачи». Собраніе нотаблей изложило результаты своихъ совѣщаній въ такъ называемомъ «союзномъ актѣ». Оно пришло къ заключенію, что главной причиной упадка Турціи являются раздоры между различными владѣтелями (феодальными) государства. Чтобы помочь сему, собраніе нашло необходимымъ прекратить раздоры и несогласія между органами центральнаго правительства и феодальными владѣтелями, и нотаблями провинцій съ одной стороны, взаимные раздоры послѣднихъ съ другой. Этого результата предполагалось достигнуть тѣмъ, что присутствующіе на собраніи: 1) обезпечили взаимно личную неприкосновенность и занимаемое общественное положеніе; 2) обезпечили другъ другу наличныя владѣнія и каждый поклялся не нападать на территорію своего сосѣда; 3) обязались соединенными силами производить расправу со всякимъ, кто будетъ нарушать принципы соглашенія; 4) приняли на себя заботу о томъ, чтобы привлечь совмѣстными усиліями къ союзу тѣхъ изъ членовъ своего сословія, которые остались еще въ сторонѣ. По отношенію къ центральной власти,

союзъ провинціальныхъ владѣтелей принялъ на себя обязанность, въ случаѣ возстанія въ столицѣ, явиться съ своими контингентами для подавленія его и наказанія зачинщиковъ, не дожидаясь спеціальнаго приглашенія. Если бы возстаніе произошло по иниціативѣ корпораціи (разумѣются янычары) договаривающіеся берутъ на себя обязанность уничтожить эту враждебную правительству корпорацію. Въ интересахъ государства провинціальные владѣтели обязуются въ областяхъ, находящихся подъ ихъ управленіемъ, ввести правильный рекрутскій наборъ и обучать по-европейски сформированные, такимъ образомъ, полки. Такіе полки должны считаться не провинціальной милиціей, а правительственной арміей. Если бы янычары осмѣлились противодѣйствовать реорганизаціи арміи, договаривающіеся обязуются поступить съ ними, какъ съ измѣнниками отечеству. Содержаніе «союзнаго акта» показываетъ, что Махмудъ II возстановлялъ противъ янычарства феодализмъ. Ни Селиму, ни Махмуду, не удалось осуществить своихъ плановъ, несмотря на попытку войти въ соглашеніе съ оппозиціонными элементами. Селимъ не привлекъ на свою сторону большинства улемовъ (такъ какъ только отдѣльныя единицы сдѣлались апологетами реформы), а, между тѣмъ, вооружилъ противъ себя провинціальное дворянство. При первыхъ попыткахъ ввести европейскую систему собиранія войска, въ Родосто и Адріанополѣ вспыхнуло возстаніе. Въ провинціяхъ началась борьба между дворянами—противниками реформы, и дворянами — противниками янычаръ, мотивами которой въ сущности были жадность и честолюбіе. Реакціонная партія въ Константинополѣ, во главѣ которой тайно находился исправляющій должность великаго визиря Мусса-паша, возбуждала къ возстанію такъ называемыхъ ямаковъ, составлявшихъ часть янычарскаго корпуса и занимавшихъ босфорскія батареи, слухами, что правительство одѣнетъ ихъ въ европейскіе мундиры и шапки, и заставитъ продѣлывать военныя экзерциціи. Когда почва была подготовлена, Мусса-паша отдалъ приказаніе инспектору босфорскихъ батарей въ одинъ день насильственно одѣть въ европейскіе мундиры подчиненныхъ ему ямаковъ. Согласно ожиданіямъ реакціонной партіи, при первой попыткѣ привести это приказаніе въ исполненіе, среди ямаковъ вспыхнуло возстаніе. Мусса представилъ его султану, какъ простое нарушеніе дисциплины. Пока правительство бездѣйствовало, небольшая кучка, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, увеличилась массой уличныхъ бродягъ, къ ней примкнули бывшіе въ столицѣ янычары, улемы; вспыхнула настоящая революція, заставившая Селима III сначала отказаться отъ задуманныхъ реформъ, а потомъ и отъ трона.

Реформаціонныя попытки Махмуда II, повидимому поставлены были въ болѣе благопріятныя условія для осуществленія. Онъ опирался при вступленіи на престолъ на отряды, приведенные про-

винціальными дворянами, но ни онъ, ни его визирь, не съумѣли воспользоваться этой силой. Большая часть провинціальныхъ дворянъ, съ согласія правительства, оставила столицу; самоувѣренность послѣдняго дошла до того, что Байракдаръ-паша отпустилъ изъ Константинополя свои собственные отряды и остался во главѣ 6—7000 человѣкъ, противъ цѣлаго янычарскаго корпуса и расположенной къ нему столичной черни. Когда реакціонная партія возбудила новое восстаніе янычаръ, Байракдаръ паша заплатилъ за свою самоувѣренность жизнью, а султанъ спасся только потому, что во-время умертвилъ своего возможнаго преемника—принца Мустафу.

Картина, нарисованная г. Wssehrd'омъ, показываетъ, что въ началѣ XIX-го вѣка, Турція находилась въ состояніи перехода отъ феодальной монархіи къ европейскому типу централизованнаго государства. Матеріалы, собранные авторомъ въ его книгѣ, ярко характеризуютъ взаимное отношеніе факторовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ возникаютъ событія эпохи.

И. Смирновъ.

Henri Wetschinger. La censure sous le premièr Empire avec documents inedits. Paris. 1882.

Книга г. Wetschinger'а можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ той, которая послужила предметомъ предыдущей замѣтки. Въ то время, какъ Селимъ III и Махмудъ II для того, чтобы создать постоянную армію по европейскому образцу, чувствовали необходимость войти въ сдѣлку съ феодальными элементами, расположить къ себѣ общественное мнѣніе, стараясь попасть въ его тонъ; событія, совершавшіяся на западѣ, на почвѣ революціонной Франціи, характеризируетъ всемогущество того централизованнаго государства, къ созданію котораго они стремились. Человѣкъ, управлявшій французской государственной машиной, не встрѣчалъ ни малѣйшихъ препятствій къ исполненію своихъ желаній, своихъ капризовъ. Самостоятельные феодальные элементы, подобные тѣмъ, которые стояли на пути повелителей Турціи, были уничтожены абсолютизмомъ бурбоновъ и революціей. Peuple souverain перенесъ всѣ свои права на перваго консула, превратившагося потомъ въ императора. Борьба, совершающаяся во Франціи и изображенная въ книгѣ Wetschinger'a, идетъ изъ-за того, чтобы завершить дѣло государственной централизаціи, подчинить мысль и чувство гражданина верховной власти. Дѣло начинается съ того, что ограничена была возможность высказывать сомнѣнія, несогласныя съ интересами правительства въ политическихъ вопросахъ. Изъ семидесяти

трехъ политическихъ журналовъ, 17-го января 1800 г. оставлено было только тринадцать; остальные шестьдесятъ были запрещены, такъ какъ они служили орудіемъ въ рукахъ враговъ республики. Уцѣлѣвшимъ тринадцати было объявлено, что ихъ постигнетъ такая же участь, если они будутъ помѣщать статьи противныя Souveraineté du peuple. Предписанія, посылавшіяся императоромъ Фуше, были постояннымъ memento mori для редакцій политическихъ журналовъ. «Заставьте редакторовъ помѣщать въ своихъ журналахъ, писалъ Наполеонъ Фуше, хорошія статьи; напомните имъ, что если эти журналы окажутся безполезными для меня, я прекращу ихъ наравнѣ съ другими и оставлю только одинъ». «Скажите редакторамъ, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, что въ настоящее время дѣло идетъ не о томъ, чтобы не быть только вредными, а чтобы быть вполнѣ благонамѣренными. Я буду имѣть въ виду при оцѣнкѣ не то злое, которое они скажутъ, а то хорошее, чего они не скажутъ». Для засвидѣтельствованія благонамѣренности назначался 3-хъ—4-хъ мѣсячный срокъ. Ревность, которую обнаружили журналы послѣ этого предписанія, скоро показалась Наполеону недостаточной и онъ потребовалъ, чтобы журналы раздѣляли его ненависть къ Англіи, ея модамъ, обычаямъ, литературѣ, конституціи. Въ 1806 году всѣмъ газетамъ, столичнымъ и провинціальнымъ, вмѣнено было въ обязанность статьи по политическимъ вопросамъ списывать съ тѣхъ, которыя помѣщались въ Moniteur'ѣ и пользовались одобреніемъ императора. Въ 1811 году императорское правительство обратило вниманіе на то, что до сихъ поръ упущены были изъ вида отчеты о гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ, которые «читались съ жадностью и въ теченіе нѣсколькихъ дней составляли предметъ разговора праздныхъ людей». Оказалось, что если давать общій тонъ подобнымъ отчетамъ, то можно будетъ овладѣть общественнымъ мнѣніемъ по судебнымъ вопросамъ и подготовлять рѣшенія присяжныхъ, согласныя съ интересами правительства въ будущихъ процессахъ. Лучшимъ средствомъ для этого, признано было поручить составленіе отчетовъ членамъ судебнаго персонала, обязать ихъ посылать свои отчеты въ одинъ какой нибудь журналъ, откуда должны были ихъ перепечатывать другіе безъ всякихъ собственныхъ разсужденій. Привилегію печатать оффиціозные отчеты по судебнымъ дѣламъ получила Gasette de France. Въ томъ же году произведено было новое сокращеніе числа журналовъ. Министръ полиціи нашелъ, что, такъ какъ французскіе журналы за границей считаются органами правительства, необходимо сдѣлать ихъ таковыми въ дѣйствительности и для этого подвергать строгому разсмотрѣнію ихъ содержаніе. Но то количество періодическихъ изданій, которое выходило въ Парижѣ, дѣлали эту мѣру невыполнимой и министръ предлагалъ сократить число ихъ до шести. Императоръ одобрилъ эту мѣру и сократилъ число политическихъ журналовъ

до пяти. Собственность запрещенныхъ журналовъ была конфискована въ пользу правительства (1.502,000 фр.). Послѣ того, какъ уничтожена была возможность высказывать мнѣнiя противныя правительству, вмѣнено въ обязанность высказывать мнѣнiя только угодныя, государственная обработка журналовъ направляется на то, чтобы заставить пишущихъ людей испытывать обязательныя эстетическiя впечатлѣнiя отъ произведенiй текущей литературы. Нѣкто Ружмонъ написалъ въ 1805 году поэму на случай возвращенiя Наполеона. «Журналы не воспользовались случаемъ по поводу этой поэмы прославить императора», жаловался онъ цензурѣ. Черезъ два дня вышло рѣшенiе: отослать по экземпляру поэмы каждому журналисту и поручить имъ сдѣлать одобрительный отзывъ. Кромѣ журналистовъ, возможностью высказывать свои чувства и мысли путемъ печати обладало неопредѣленное количество поэтовъ, беллетристовъ, драматурговъ, ученыхъ. Регулировать ихъ мышленiя и чувствованiя было невозможно потому, что «статистика и моральная географiя», какъ называлъ Наполеонъ свѣдѣнiя, доставляемыя администрацiей о текущей литературѣ въ столицѣ и провинцiи, не достигла еще той степени совершенства, при которой правительству извѣстны были бы всѣ возможности возникновенiя книги въ странѣ. Цензура направляется въ силу этого только противъ совершившихся фактовъ. Книги по исторiи римскаго права запрещаются потому, что могутъ дать поводъ въ вреднымъ сопоставленiямъ развитiя императорской власти во Францiи и Римѣ, историческiя сочиненiя посвященныя эпохѣ бурбоновъ—потому, что учащимся нужны другiя историческiя знанiя, и воспоминанiя прошлаго должны уступить славѣ настоящаго. Псалмы Давида во французскомъ переводѣ задерживаются на томъ основанiи, что переводчикъ выбралъ только тѣ, въ которыхъ выражаются жалобы на преслѣдованiя выносимыя церковью, мольбы объ освобожденiи народа изъ рабства; «на латынскомъ языкѣ все это неопасно, но въ переводѣ можетъ дать пищу злонамѣреннымъ». По поводу книги «Memoires d'une famille émigrée» задержавшiй ее цензоръ замѣчаетъ: «я думаю, что молчанiе, забвенiе и время, единственныя лекарства противъ перенесенныхъ несчастiй и поэтому нахожу благоразумнымъ воспрепятствовать изданiю романа, который, не имѣя возможности принести пользы, можетъ причинить много вреда». Что касается драматическихъ произведенiй, то императорское правительство находило возможнымъ опредѣлять ихъ общее направленiе: на сценѣ не должны были появляться такiя пьесы, которыя могли бы раздѣлять людей, питать ненависть, поддерживать печальныя воспоминанiя. Иногда полицiя рекомендовала драматургамъ сюжетъ для драматической обработки. Съ «обузданiемъ печати» разрѣшалась только часть громадной задачи, которую поставила себѣ первая имперiя. Кромѣ людей, выражающихъ свои

мысли и чувства въ формѣ литературныхъ произведеній, оставалась масса людей также думающихъ и чувствующихъ, но заявляющихъ о переживаемыхъ ими состояніяхъ въ формѣ разговора. Въ этихъ разговорахъ заключалась сущность задачи. Имперія хотѣла повелѣвать разговорами, точно опредѣлить ихъ содержаніе. Къ этому направлена была цензурная работа надъ печатью. Для того, чтобы устранить разговоры о политикѣ или дать имъ благопріятное направленіе, судебный и политическій отдѣлы журналовъ наполнялись статьями оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сотрудниковъ, но эта мѣра оказалась безуспѣшной. Журналы перестали возбуждать какой бы-то ни было интересъ. Этотъ фактъ оффиціально константировалъ одинъ изъ цензоровъ Lemontey. Политическіе разговоры тѣмъ не менѣе не искоренялись, но они не поддавались уже никакому контролю. Наполеонъ хотѣлъ отвлечь отъ политики театральными представленіями, но театры съ одобренными цензурой пьесами оставались пустыми, несмотря на то, что̀ ихъ осталось только нѣсколько въ Парижѣ. Журналы остались безъ читателей, театры безъ публики—вотъ результаты, къ которымъ привела наполеоновская цензура. Всего могущества императора было недостаточно для того, чтобы дать общественной мысли желательное направленіе, замѣнить логику фактовъ—логикой канцелярскихъ предписаній. Но это было еще не все. Для борьбы съ обществомъ власть нуждалась въ многочисленныхъ агентахъ-цензорахъ, чинахъ полиціи, и этихъ агентовъ должно было дать само общество. Какихъ же агентовъ дало оно своему повелителю? Это были по большей части подонки общества въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Одинъ изъ нихъ (Esménard) пользовался такой дурной нравственной репутаціей, что министръ полиціи долженъ былъ умалчивать о его сотрудничествѣ въ качествѣ цензора; другой сравнивалъ императора съ Цезаремъ и Августомъ, а потомъ послѣ его паденія восклицалъ, что небо слишкомъ долго терпѣло Бонапарта, чтобы внушить навсегда ужасъ къ нему. Неспособность цензоровъ понять истинные интересы власти составляетъ предметъ постоянныхъ жалобъ Наполеона. Одинъ изъ нихъ вычеркнулъ изъ репертуара «Французскаго театра» Тарттюфа подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ не понравится духовенству. Императоръ нашелъ цензора слишкомъ глупымъ и приказалъ немедленно перевести его въ базарные смотрители. Въ другой разъ онъ выразилъ убѣжденіе, что въ отношеніи театра цензоры ничего не дѣлаютъ кромѣ глупостей и кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что взялъ окончательную цензуру драматическихъ произведеній на себя. Цензурные отзывы о книгахъ привели его къ убѣжденію, что «цензура добровольная и оффиціальная никуда не годятся». Отъ необходимости взять всю цензуру на себя до убѣжденія въ ея ненужности оставался только одинъ шагъ и этотъ шагъ былъ сдѣланъ въ 1815 году. «Je veux... la liberté de la presse sur tout», говоритъ Наполеонъ

Бенжамену Констану, «l'etouffer est absurde, je suis convaincu sur cet article». Признаніе вырвавшееся у императора, составляетъ тезисъ, доказательству котораго посвящена книга.

И. Смирновъ.

EMILIO PENCO. FRANCESCO PETRARCA. MILANO. 1882 (Эмиліо Пенко. Франческо Петрарка. Миланъ. 1882).

«О Петраркѣ появилось въ теченіе нынѣшняго столѣтія безчисленное множество книгъ; прибавлять къ нимъ новую было бы, повидимому, безполезнымъ. Я готовъ уже былъ предать забвенію мой бѣдный этюдъ, когда Чезарь Канту, дружбой котораго я горжусь, далъ о немъ слѣдующій отзывъ: «вашъ Петрарка очень хорошъ; въ немъ есть идеи, которыя ускользнули у меня, когда я писалъ о томъ же». Этотъ приговоръ произвелъ на меня радостное и глубокое впечатлѣніе; я сказалъ себѣ—можетъ быть, я сказалъ что̀ нибудь новое о великомъ поэтѣ чистой любви — и позволилъ издателямъ выпустить въ свѣтъ мой трудъ».—Такъ мотивируетъ авторъ появленіе своей книжки о Петраркѣ. Что нашелъ въ ней новаго Канту — неизвѣстно. Слабый въ литературномъ отношеніи этюдъ Пенко посвященъ, главнымъ образомъ, исторіи любви Петрарки къ Лаурѣ по «Canzoniere». Отношеніе поэта къ политическому состоянію современной Италіи и культурному движенію, совершавшемуся въ странѣ, охарактеризовано немногими, но (и это составляетъ достоинство этюда) подлинными словами. Сопоставленіе двухъ отрывковъ, изъ которыхъ въ одномъ поэтъ говоритъ, что ему «не нравится вѣкъ, въ которомъ онъ живетъ и онъ лучше желалъ бы родиться во всякомъ другомъ, только не въ этомъ», съ другимъ, въ которомъ онъ обращается къ роднѣ съ такими пламенными словами: «Привѣтствую тебя, земля, любезная солнцу, обитель всякаго блаженства, властительница міра; къ тебѣ возвращаюсь постояннымъ обитателемъ. Я оставляю позади хмурыя тучи, чувствую вѣяніе зефира, сладкое дыханіе чистѣйшаго воздуха — вотъ моя родина. Прекрасная, славная мать, привѣтствую тебя!»—характеризуетъ поэта лучше, чѣмъ цѣлыя страницы авторскихъ разглагольствованій.

И. Смирновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815 гг.) **Н. Дубровина, члена-корреспондента императорской академіи наукъ. Спб. 1883 г.**

НАША историческая литература обогатилась новымъ цѣннымъ трудомъ. Подъ означеннымъ выше заглавіемъ Н. Ѳ. Дубровинъ издалъ сборникъ, состоящій изъ 451 письма, по большей части впервые появляющихся на свѣтъ и сообщающихъ много новыхъ данныхъ или новыхъ интересныхъ подробностей о «великой годовщинѣ». Письма эти извлечены Н. Ѳ. Дубровинымъ изъ разныхъ архивовъ и снабжены примѣчаніями, гдѣ они оказались необходимыми по содержанію обнародываемыхъ документовъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся письма и рескрипты императора Александра Павловича, Кутузова, Барклая-де-Толли, Бенигсена, Багратіона, адмирала Чичагова, графа Аракчеева, Балашева (министра полиціи), графа Ростопчина, англійскаго коммиссара при русской арміи, генерала сэра Роберта Вильсона и друг. Къ этому труду приложенъ библіографическій указатель книгъ и статей, относящихся до описанія Отечественной войны съ 1812 по 1815 годъ, именно тѣхъ, которые не вошли въ извѣстный «Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ объ Отечественной войнѣ» И. П. Липранди (1875—1876 гг.). Указатель г. Дубровина отличается своею полнотою, и въ этомъ онъ очень полезенъ для справокъ. Авторъ въ своемъ сборникѣ писемъ помѣстилъ также и такіе документы, впрочемъ весьма немногіе, которые почему либо до него не были вполнѣ обнародованы. Надобно ожидать продолженія труда г. Дубровина, потому что академія наукъ получила увѣдомленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ разрѣшилъ допустить г. Дубровина въ архивъ своего министерства, а равно и бывшаго Третьяго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи, для извлеченія матеріаловъ, относящихся къ эпохѣ 1812—1815 годовъ.

Трудъ г. Дубровина начинается съ собственноручнаго письма министра полиціи, Балашева, отъ 28-го января 1812 г., къ графу Ѳ. В. Ростопчину, съ извѣщеніемъ, что онъ получилъ его замѣчанія на книгу Стройновскаго и поднесъ ихъ императору Александру Павловичу, но отвѣта отъ его величества не получилъ. Это письмо важно въ томъ отношеніи, что оно подтверждаетъ авторство графа Ростопчина этихъ замѣчаній, между тѣмъ какъ М. Н. Лонгиновъ и сынъ графа Ростопчина отрицали, какъ извѣстно, этотъ фактъ своими печатными заявленіями. Графъ Ростопчинъ не былъ еще въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ, передъ назначеніемъ на каковую должность (указомъ 24-го мая 1812 г.) онъ изложилъ въ докладной запискѣ государю свои соображенія и условія относительно принятія на себя этой обязанности. Онъ писалъ, между прочимъ, чтобы, при назначеніи его въ Москву «жалованье ему опредѣлить очень большое, для того, что по первой почтѣ я напишу письмо къ министру полиціи съ просьбою, что на все время войны я служу безъ жалованья. Симъ я исполню долгъ признательности государямъ, наградившимъ предковъ моихъ и меня значительнымъ состояніемъ и подамъ примѣръ, полезный въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ». Ростопчинъ просилъ также о переименованіи его въ генералы отъ инфантеріи, о старшинствѣ съ 1798 года, со дня пожалованія его въ дѣйствительные тайные совѣтники, о дарованіи ему званія главнокомандующаго и эполетъ съ шифромъ «вашего императорскаго величества для вящшаго уваженія».

Сообщенныя въ сборникѣ г. Дубровина письма Барклая-де-Толли, Бенигсена (особенно писанныя ими къ своимъ женамъ чрезъ англійскаго посла въ Петербургѣ, лорда Карткарта), Багратіона, графа Шувалова, сэра Роберта Вильсона, выставляютъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ распоряженія главнокомандующаго, князя Кутузова-Смоленскаго, и сообщаютъ новыя данныя о тѣхъ страшныхъ интригахъ, которыя, какъ извѣстно, господствовали въ нашей главной квартирѣ въ 1812 году. Многія изъ обнародованныхъ нынѣ писемъ Вильсона появились впервые въ свѣтъ, потому что не вошли ни въ его дневникъ, ни въ его описаніе Отечественной войны, изданные въ Англіи въ 1860 и 1861 годахъ.

Хотя изслѣдованія А. Н. Попова о Верещагинѣ, повидимому, вполнѣ исчерпали это дѣло, однако въ книгѣ г. Дубровина сообщены, въ письмахъ Балашева и Ростопчина и въ другихъ документахъ, нѣсколько новыхъ данныхъ изъ этого любопытнаго политическаго процесса. То же самое относится и до дѣла московскаго почтъ-директора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ключарева, который, по словамъ Ростопчина, «находилъ полезнымъ на службѣ дарованія Верещагина и принималъ на себя за него ходатайство». Ключаревъ былъ отставленъ отъ должности, сосланъ въ Воронежъ, всѣ бумаги его были опечатаны и отправлены въ Петербургъ.

Понятно, что въ ту тревожную эпоху повсюду видѣли шпіоновъ Наполеона и старались ловить ихъ. Изъ многихъ писемъ Ростопчина видно, что онъ въ этомъ отношеніи иногда усердствовалъ не въ мѣру.

Но не одинъ Ростопчинъ розыскивалъ шпіоновъ; не подлежитъ сомнѣнію, что они существовали, потому что императоръ Наполеонъ I получалъ подробныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ въ Россіи. Подозрѣнія пали на нѣкоторыхъ военныхъ, оказавшіяся впослѣдствіи неосновательными, но лица эти, хотя на время, были удалены изъ арміи. Такъ Барклай-де-Толли писалъ Ростопчину, отъ 11-го августа 1812 г. изъ деревни Умолье: «Польза службы

е. и. в. требуетъ, чтобы в. с. изволили отправленнаго при семъ адъютанта моего маіора Левенштерна [1]) задержать до окончанія войны въ Москвѣ подъ благовидными какими предлогами и покорнѣйше прошу васъ приказать за всѣми его сношеніями и знакомствами имѣть строгій секретный надворъ».

Спустя десять дней, 21-го августа, Барклай-де-Толли прислалъ Ростопчину слѣдующее письмо изъ Колоцкаго монастыря: «Причина отношенія моего къ в. с., коимъ просилъ васъ приказать адъютанта моего Левенштерна задержать въ Москвѣ, состояла въ томъ, чтобы въ отсутствіе его открыть нѣкоторыя относящіяся до него обстоятельства, обратившія на него вниманіе. Нынѣ же, послѣ всѣхъ изслѣдованій не открывши ничего подозрительнаго, чтобы въ вину ему ставить можно было, покорнѣйше прошу в. с. возвратить его ко мнѣ обратно».

Подобно Левенштерну, подозрѣнію подвергся и полковникъ Влодекъ. Барклай-де-Толли отправилъ его къ Ростопчину въ Москву, 30-го іюля, съ письмомъ, въ которомъ было сказано, что «польза службы е. и. в. требуетъ, чтобы податель онаго былъ флигель-адъютантъ Влодекъ, который по разнымъ причинамъ отсюда отправляется. Покорнѣйше прошу в. с. задержать его подъ какими вамъ угодно будетъ предлогами сколько можно долѣе въ Москвѣ, чѣмъ меня чувствительно обяжете». Только 29-го августа Ростопчинъ писалъ Балашеву, что получилъ высочайшій рескриптъ объ отправленіи полковника Влодека къ арміи.

По приказанію главнокомандующаго князя Кутузова, Барклай-де-Толли, при письмѣ отъ 23-го августа къ Ростопчину, «отправилъ бывшаго витебскаго правленія совѣтника Красовскаго, обвиненнаго въ собираніи контрибуціи въ пользу французскихъ войскъ» и покорнѣйше просилъ «приказать его отправить для жительства къ какимъ либо мѣстамъ внутри Россіи, имѣя за поступками его строжайшій надворъ, впредь до полнаго изслѣдованія поведенія его».

Ростопчинъ писалъ Балашеву 23-го августа, что онъ «отправилъ въ Саратовъ на баржѣ сорокъ французовъ. Это выборная каналья изъ каналій. Французъ Мутонъ проповѣдовавшій вольность, уголовною палатою осужденъ къ наказанію кнутомъ и ссылкою въ Сибирь, а тому человѣку, который его изобличилъ и донесъ на него я выдалъ 1000 р. въ награжденіе. Въ числѣ зломыслящихъ людей, я открылъ бывшаго актера Сандунова, и взявъ его подъ караулъ, отослалъ въ Вятку. Изъ числа измѣнниковъ въ арміи пріѣхалъ ко мнѣ бывшій при князѣ Багратіонѣ подполковникъ Лезеръ. Я его сослалъ въ Пермь подъ присмотръ».

Сыскъ дѣйствовалъ въ 1812 году усердно, но бо̀льшая часть арестованныхъ оказывалась невинными.

П. У.

---

[1]) Этотъ Левенштернъ оставилъ послѣ себя записки о войнѣ 1812 года, подъ заглавіемъ: «Denkwaerdigkeiten eines Livlaenderi» («Замѣтки одного лифляндца»).

Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ (очерки изъ исторіи колонизаціи края). Изслѣдованіе г. Перетятковича. Одесса. 1882 г.

Книга съ приведеннымъ заглавіемъ составляетъ продолженіе труда того же автора «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ», вышедшаго въ Москвѣ въ 1877 году, и посвящена изслѣдованію важнаго историческаго вопроса — колонизаціи средняго Поволжья въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Для казанцевъ, говорящихъ въ послѣднее время такъ много о своей мѣстной исторіи, о своихъ мѣстныхъ общественныхъ потребностяхъ, книга одесскаго профессора, занявшагося исторіею Казанскаго края, должна представлять особо близкій интересъ. Но вопросъ о колонизаціи Поволжья далеко не ограничивается однимъ мѣстнымъ значеніемъ. Исторія колонизаціи Поволжья прежде всего есть одинъ изъ эпизодовъ распространенія великорусскаго племени на востокъ, что̀ составляетъ отличительную историческую особенность этого племени, и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательный фактъ всеобщей исторіи. Это распространеніе начинается съ XII вѣка, когда великорусское племя едва только стало образовываться, и—прерванное на два съ половиною столѣтія монгольскимъ завоеваніемъ—возобновляется съ большей энергіей и продолжается до нашихъ дней. Въ первой четверти XII вѣка великоруссы укрѣпляются на Окѣ, въ концѣ XVII вѣка останавливаются у береговъ Тихаго Океана, въ исходѣ XIX вѣка укрѣпляются въ Средней Азіи. Таково самое общее значеніе колонизаціи русскихъ въ Поволжьи; кромѣ того колонизація эта имѣетъ и болѣе частное историческое значеніе, являясь непосредственнымъ результатомъ побѣдъ русскаго народа надъ его поработителями—татарами. Покореніе царемъ Іоанномъ IV столицъ двухъ поволожскихъ татарскихъ царствъ, Казани и Астрахани, не подчинило еще окончательно этихъ царствъ московской державѣ. Возстанія инородцевъ казанскаго царства и постоянный притокъ въ Поволжье новыхъ азіатскихъ ордъ: калмыковъ, башкировъ, киргизовъ, ясно показывали, что русская власть еще не имѣетъ на Волгѣ должной устойчивости. Только къ началу XVIII вѣка власть русскихъ укрѣпляется на Волгѣ, главнымъ образомъ благодаря заселенію края русскими.

Заглавіе книги г. Перетятковича не совсѣмъ точно передаетъ ея содержаніе. Авторъ не слѣдуетъ тѣмъ хронологическимъ и географическимъ рамкамъ, которыя у него поставлены на заглавномъ листѣ. Относительно времени онъ не ограничивается XVII вѣкомъ и началомъ XVIII, а захватываетъ и вторую половину XVI, относительно территоріи—съуживаетъ свое поле наблюденій. Г. Перетятковичъ разсматриваетъ далеко не все Поволжье, а лишь территорію бывшаго казанскаго царства; онъ слѣдитъ за колонизаціею со второй половины XVI вѣка на пространствѣ отъ рѣки Цивиля (правый притокъ Волги между Сурою и Свіягою) до такъ называемой Самарской луки и Сызрани.

Главнымъ источникомъ г. Перетятковичу служилъ малодоступный, а потому и малоизслѣдованный, но въ высшей степени важный архивный матеріалъ. Это обстоятельство придаетъ большую цѣну книгѣ, ставя ее не столько въ число необходимыхъ пособій, сколько въ число первоисточниковъ по исторіи колонизаціи Поволжья. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не означилъ въ заглавіи своей книги, что она составлена «по архивнымъ источникамъ»; этимъ онъ до нѣкоторой степени снялъ бы съ себя возмож-

ный упрекъ въ недостаточно полномъ пользованіи литературой (весьма небогатой) по избранному имъ вопросу. Матеріалъ, положенный въ основу труда г. Перетятковича, хранится въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и состоитъ изъ писцовыхъ, переписныхъ, раздаточныхъ, отказныхъ и межевыхъ книгъ поволжскихъ городовъ съ ихъ уѣздами за XVI и XVII вѣка, и разныхъ грамотъ за то же время, касающихся Поволжскаго края. Весь этотъ матеріалъ не изданъ, за исключеніемъ извлеченія изъ писцовыхъ книгъ г. Казани и его уѣзда за 1566—1568 годы, сдѣланнаго К. И. Невоструевымъ и напечатаннаго казанской духовной академіей къ бывшему въ Казани въ 1877 году IV-му археологическому съѣзду.

Г. Перетятковичъ дѣлаетъ въ своей книгѣ обзоръ географическихъ и этнографическихъ условій всей территоріи бывшаго казанскаго царства и изслѣдуетъ вліяніе этихъ условій на русскихъ поселенцевъ и ихъ хозяйственные распорядки. Къ сожалѣнію, онъ дробитъ свой обзоръ на нѣсколько частей, начиная имъ каждый новый уѣздъ, вслѣдствіе чего не получается цѣльнаго впечатлѣнія и не усвоивается отчетливо важное значеніе названныхъ условій въ бытовой исторіи русскаго населенія Казанскаго края. Какъ извѣстно, русская колонизація въ Поволжьи выразилась главнымъ образомъ въ трехъ видахъ: 1) въ колонизаціи монастырской, 2) въ колонизаціи правительственной (построеніе городовъ, остроговъ и укрѣпленныхъ засѣчныхъ линій и помѣщеніе служилыхъ людей) и 3) въ колонизаціи вольной—притокъ поселенцевъ по собственной иниціативѣ. Каждый изъ этихъ видовъ разсмотрѣнъ г. Перетятковичемъ весьма обстоятельно. Онъ слѣдитъ постоянно за направленіемъ путей колонизаціи, за способами и средствами ея и за условіями хозяйственно-экономическаго быта поселенцевъ, какъ при началѣ поселенія, такъ и десятки лѣтъ спустя.

Остановимся на нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностяхъ изъ исторіи русской колонизаціи, находящихся въ книгѣ г. Перетятковича. Эти подробности весьма важны для мѣстной казанской исторіи.

Въ монастырской колонизаціи починъ принадлежитъ двумъ монастырямъ: извѣстной лаврѣ Радонежскаго подвижника Сергія, Троицко-Сергіевой, и вновь основанному въ Свіяжскѣ Богородицкому монастырю. Лавра владѣла большимъ количествомъ земель въ Свіяжскомъ уѣздѣ, а также землями и рыбными ловлями по Волгѣ ниже Казани и по Камѣ; а Богородицкій монастырь имѣлъ земли по рѣкамъ Волгѣ и Свіягѣ. Владѣнія Крутицкаго митрополита Сильвестра въ Свіяжскомъ уѣздѣ и монастырь близъ Тетюшъ являются дальнѣйшими узлами монастырской колонизаціи. Тетюшскій монастырь становится первымъ колонизаторомъ лѣваго берега Волги на югъ отъ Казани и закамскихъ земель, которыя почти до конца XVII вѣка опустошаются набѣгами степняковъ, главнымъ образомъ ногайцевъ и калмыковъ. Въ Казанскомъ уѣздѣ въ теченіе XVII вѣка монастырская колонизація распространяется изъ трехъ казанскихъ монастырей: Спасопреображенскаго, Раифскаго и Седміозернаго и кромѣ того изъ елабужскаго Преображенскаго монастыря и изъ вотчинъ перваго казанскаго митрополита Гермогена. Въ XVII вѣкѣ за Камою, по лѣвому берегу Волги владѣли землями костромской Богоявленскій монастырь и московская патріаршая каѳедра; тогда же на правомъ берегу Волги, въ Симбирскомъ уѣздѣ, являются владѣнія московскихъ монастырей: Чудова, Новоспасскаго, Новодѣвичьяго, Воскресенскаго (Новаго Іерусалима) и Саввина Сторожевскаго.

Матеріалъ, бывшій въ распоряженіи г. Перетятковича, сообщаетъ особенно много объ одномъ изъ способовъ правительственной колонизаціи, а именно: о построеніи городовъ и укрѣпленныхъ линій. До сихъ поръ сторожевыя и засѣчныя линіи въ Поволжьи XVII вѣка извѣстны были въ самыхъ общихъ чертахъ. Имѣя въ рукахъ книгу г. Перетятковича, мы можемъ не только совершенно ясно представить себѣ направленіе и протяженіе всѣхъ даже второстепенныхъ линій, но и познакомиться съ исторіею ихъ построенія и заселенія. Первой по времени, вскорѣ по взятіи Казани, является на правомъ берегу Волги, Тетюшская засѣчная линія, охранявшая русскія поселенія Тетюшскаго и Свіяжскаго уѣздовъ отъ вторженія степняковъ и соединившаяся впослѣдствіи съ возникшей въ 1636 году Ломовской чертой (въ предѣлахъ бывшаго Рязанскаго княжества). Въ 1648 году строятся Симбирскъ на Волгѣ и Инсаръ на притокѣ рѣки Мокши, служа началомъ двухъ новыхъ линій: Симбирской и Инсарской, которыя обезпечиваютъ поселенія русскихъ людей на правомъ берегу Волги. Въ 1683 году русская колонизація, задержанная на нѣсколько лѣтъ рязанскимъ повстаньемъ, подвигается еще южнѣе. Возникаетъ новая Сызранская укрѣпленная черта, а черезъ пять лѣтъ (въ 1688 г.) еще шагъ на югъ, въ видѣ Кашпирской черты. Чтобы наглядно представить себѣ, насколько эти укрѣпленныя линіи обезпечивали кочевья степняковъ русскому осѣдлому населенію и увеличивали такимъ образомъ русскую государственную территорію, достаточно сравнить число русскихъ городовъ на правомъ берегу Волги во второй половинѣ XVI вѣка съ концомъ XVII вѣка. Во второй половинѣ XVI вѣка, между правыми притоками Оки и правымъ берегомъ Волги находилось лишь 9 городовъ, къ концу XVII вѣка ихъ насчитывалось 24, причемъ самымъ южнымъ поселеніемъ былъ городъ Петровскъ, построенный уже на притокахъ Дона. Отъ Дона до Волги къ городу Царицыну была проведена въ 1719 году послѣдняя укрѣпленная черта праваго Волжскаго побережья—Царицынская. На лѣвомъ берегу Волги, за Камой, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ ногайцевъ и калмыковъ, возникаютъ въ 40-хъ годахъ XVII вѣка четыре острожка. Эти острожки съ 1652 по 1657 года дополняются цѣлымъ рядомъ новыхъ остроговъ: образовывается укрѣпленная Закамская линія, или Казанская черта. Она отодвигается на югъ уже позднѣе, при Петрѣ Великомъ, въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка, когда потребовались новыя средства для защиты отъ башкирцевъ, начавшихъ нападать на прикамскія поселенія русскихъ. Г. Перетятковичъ особенно подробно передаетъ исторію построенія Казанской черты, описывая внѣшній видъ каждаго острога, число въ немъ служилыхъ людей и количество ихъ помѣстной, земельной, хлѣбной и денежной дачи, количество оружія въ острогѣ и т. п. (см. стр. 140—165). Жалованье помѣстій и вотчинъ служилымъ людямъ разработано, сравнительно, менѣе обстоятельно; авторъ сознается, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма мало извѣстій о положеніи крестьянъ на помѣстныхъ земляхъ (стр. 183). Тѣмъ не менѣе и по этому вопросу г. Перетятковичъ представилъ немало любопытныхъ данныхъ, какъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ, такъ и вообще о состояніи хозяйства въ вотчинахъ и помѣстьяхъ служилыхъ людей. Г. Перетятковичъ совершенно правильно объясняетъ болѣе успѣшное хозяйство въ вотчинахъ, сравнительно съ помѣстьями, тѣмъ обстоятельствомъ, что вотчины были наслѣдственными, постоянными владѣніями, а помѣстья—временными; вслѣдствіе этого въ вотчинахъ было го-

раздо болѣе основанія и гарантіи для тщательнаго веденія хозяйства, чѣмъ въ помѣстьяхъ. Указано также нѣсколько новыхъ фактовъ о переводѣ поселенцевъ вотчинниками и помѣщиками внутреннихъ городовъ московскаго государства на вновь пожалованныя имъ земли въ Казанскомъ краѣ изъ ихъ прежнихъ вотчинъ и помѣстій (см. напримѣръ на стр. 214 о переводѣ крестьянъ въ Симбирскій уѣздъ изъ прежнихъ владѣльческихъ деревень, уѣздовъ Нижегородскаго и Углицкаго).

Г. Перетятковичъ отводитъ въ своей книгѣ всего болѣе мѣста такъ называемой вольной колонизаціи или, по терминологіи автора, крестьянской. Онъ весьма внимательно слѣдитъ за переселеніемъ охочихъ людей изъ крестьянскихъ общинъ внутреннихъ областей Россіи, съ Вятки и изъ Перми, и разныхъ гулящихъ охочихъ и голутвенныхъ людей на дворцовыя, черныя и на монастырскія земли. Однимъ изъ центровъ этой вольной колонизаціи была дворцовая Кукарская слобода на рѣкѣ Вяткѣ. Поселенія на рѣкѣ Чалтѣ, притокѣ Камы, и большинство поселеній на рѣкахъ Уткѣ, Майнѣ и Урени основаны тоже посредствомъ вольной колонизаціи.

Къ книгѣ приложены: 1) извлеченія изъ раздаточныхъ и отказныхъ книгъ по Казанскому уѣзду 1598, 1668 и 1679 годовъ, 2) карта средняго и нижняго Поволжья, съ обозначеніемъ русскихъ поселеній, основанныхъ во второй половинѣ XVI вѣка и въ теченіе XVII вѣка.

Д. К—овъ.

Описаніе неизданныхъ и малоизвѣстныхъ монетъ европейской Сарматіи, Таврическаго Херсонеса и Босфора Киммерійскаго, изъ собранія А. М. Подшивалова, съ тремя фототипическими таблицами. Москва. 1882.

(Beschreibung der unedirten und wenig becannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosphorus Kimmerius.)

Исторія Босфорскаго царства мало извѣстна и разработана и, для разъясненія многихъ темныхъ и неизслѣдованныхъ сторонъ ея, большую пользу приносятъ археологическія и, въ особенности, нумизматическія разъясненія. Въ этомъ отношеніи новое изданіе извѣстнаго нашего нумизмата А. М. Подшивалова оказываетъ большую услугу по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ, относящимся къ хронологіи Босфора Киммерійскаго и его царей. Къ сожалѣнію, при равнодушіи русской публики къ подобнымъ вопросамъ, русскій ученый составилъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе своей замѣчательной коллекціи босфорскихъ монетъ, и приглашаетъ не своихъ, а иностранныхъ нумизматовъ просмотрѣть его «описаніе» и провѣрить сдѣланные имъ выводы и замѣчанія, на основаніи имѣющихся у нихъ босфорскихъ монетъ и нумизматическихъ данныхъ. Въ изданіи г. Подшивалова описаны, въ хронологической послѣдовательности, 84 и изображены 57 рѣдкихъ монетъ его коллекціи: одна изъ Ольвіи, 24 изъ Таврическаго Херсонеса, изъ городовъ Нимфеи, съ изображеніемъ Артемиды, и изъ Пантикопеи—съ изображеніемъ львиной головы. Этотъ типъ имѣетъ большое сходство съ монетами, чеканенными на іонійскихъ островахъ и въ Самосѣ, что доказываетъ справедливость показанія Страбона объ основаніи Пантикопеи—нынѣшней Керчи—милетскими вы-

ходцами. Древнѣйшая монета этого города относится къ первымъ годамъ его основанія, т. е. къ концу VI вѣка до Р. X., послѣдующія къ эпохѣ Археанактидовъ V вѣка и Спартакидовъ—IV и III. Между монетами этого города любопытна въ особенности принадлежащая эпохѣ Митридата IV. Всѣ монеты этого отдѣла—очень рѣдки. Немногія изъ нихъ только описаны въ каталогахъ британскаго музея и Лемме, но изображенія ихъ впервые являются въ изданіи г. Подшивалова. Четыре фанагорійскія монеты этой коллекціи описаны подробнѣе и сохранились лучше, чѣмъ въ изданіи Кене. На второй и третьей таблицахъ помѣщены 57 монетъ босфорскихъ царей. Наконецъ, въ колекціи изображенъ предметъ, который нельзя принять за монету. Это какой-то стеклянный жетонъ, найденный на полуостровѣ Тамани; на одной сторонѣ изображена птица съ непонятною надписью вокругъ; другая сторона совершенно гладкая.

Изданіе г. Подшивалова вноситъ вообще богатый вкладъ въ археологію и исторію болгарскаго царства.

В. З.

Русская историческая библіографія за 1865—76 годы включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ III, VIII. Спб. 1888.

Въ прошломъ году, сообщая о выходѣ первыхъ двухъ томовъ почтеннаго труда нашего неутомимаго библіографа, «Историческій Вѣстникъ» говорилъ подробно о значеніи этого капитальнаго труда, необходимаго для всякаго, кто занимается русской исторіей. Нынѣ вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ перечень болѣе 10,500 книгъ (по общей нумераціи изданія: отъ № 26,250 по № 36,810), относящихся къ «исторіи духовной, умственной и матерьяльной жизни Россіи» (замѣтимъ, что эпитетъ «матерьяльный», съ большимъ основаніемъ можно было бы замѣнить словомъ «экономическій», такъ какъ ни соціальныя, ни юридическія науки нельзя отнести къ матерьяльной жизни). Исторія христіанскихъ исповѣданій и церквей въ Россіи занимаетъ главное мѣсто въ этомъ каталогѣ; ей принадлежитъ болѣе 7,000 нумеровъ, заключающихъ въ себѣ всеобщую и частную исторію церкви, церковное и каноническое право, исторію иновѣрческихъ исповѣданій и, особенно интересные, отдѣлы по исторіи раскола и уніи. 2,500 нумеровъ занимаетъ исторія цивилизаціи и народнаго просвѣщенія Россіи, подраздѣляющаяся на нѣсколько любопытныхъ отдѣловъ, между которыми выдѣляются: исторія умственнаго развитія вообще, массонства и мистицизма, нигилизма, ученыхъ обществъ и учрежденій, медицины, библіотекъ, книжнаго и частнаго дѣла, общественнаго и частнаго воспитанія и образованія: учебныхъ заведеній, университетовъ, гимназій, народныхъ, спеціальныхъ, техническихъ, женскихъ школъ и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ были включены въ прежній каталогъ г. Межова, вышедшій въ 1872 году подъ названіемъ «Библіографическій указатель исторіи русской и всеобщей словесности». Такъ, въ немъ были рубрики: книгопечатаніе, книжная торговля и издательская дѣятельность, библіотеки и архивы, общества ученыя и литературныя. Былъ также тамъ и отдѣлъ цензуры, который г. Межовъ не хотѣлъ, понятно, внести въ свой новый трудъ, въ рубрику исторіи цивили-

заціи, а отнесетъ его въ послѣдствіи, съ большею основательностью, къ исторіи полицейскихъ учрежденій. Третій отдѣлъ настоящаго труда посвященъ исторіи правовѣдѣнія, политико-экономическихъ, соціальныхъ и камеральныхъ наукъ. Сюда входятъ даже такія рубрики, какъ «исторія русской женщины, публицистика и злоба дня», хотя книгамъ этого рода принадлежитъ скорѣе мѣсто въ исторіи журалистики и литературы.

В. З.

Покажчикъ новоі украінськоі літератури (1798—1883 р.). **Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ.** 1883.

Наша литература такъ небогата библіографическими указателями, что каждый новый трудъ этого рода составляетъ для нея болѣе или менѣе цѣнное пріобрѣтеніе. Г. Комаровъ поставилъ своею задачею указать все, что было напечатано на малорусскомъ языкѣ какъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, такъ отчасти и въ разнаго рода сборникахъ и журналахъ, и при этомъ поименовать рецензіи и переводы малорусскихъ сочиненій и тѣ статьи, которыя заключаютъ въ себѣ данныя для біографіи и характеристики малорусскихъ писателей. Смѣемъ думать, что авторъ весьма удачно выполнилъ свою задачу. Можно пожалѣть лишь объ одномъ. Въ указатель г. Комарова не вошли очень многія изъ тѣхъ изданій на малорусскомъ языкѣ, которыя увидѣли свѣтъ въ Галиціи и вообще заграницей. Укажемъ для примѣра на болѣе или менѣе старыя, болѣе или менѣе извѣстныя, книги: «Русалка Днѣстрова», Якова Головацкаго (Будимъ, 1837), «Piesni ludu ruskiego w Galicyi», Жеготы Паули (Львовъ, 1839—1840), «Граматика русскаго языка», Якова Головацкаго (Львовъ, 1849), «Росправа о языцѣ южнорускомъ и его нарѣчіяхъ», его же (Львовъ, 1849), «Граматика руского языка», М. Осадцы (Львовъ, 1862), «Знадоби до словаря южнорускою», Ивана Верхратскаго (Львовъ, 1877), «Руська библіотека», Онышкевича (Львовъ, 1877); укажемъ также на такія періодическія изданія, какъ львовское «Слово», «Вечерницѣ», «Науковый Сборникъ» галицко-русской матицы и т. п. Сверхъ того, въ указателѣ встрѣчаются кое-какіе пробѣлы, относящіеся и до изданій чисто русскихъ. Такъ, напримѣръ, въ немъ не указанъ переводъ на литературный русскій языкъ стихотвореній: «Ода кн. Куракину», И. П. Котляревскаго, и «Панъ и собака», П. Гулака-Артемовскаго, помѣщенный при «Кобзарѣ» Шевченка, въ изданіи книгопродавца Лисенкова (Спб. 1867).

А. С—кій.

Исторія классическаго періода греческой литературы. Дж. П. Магафи; перев. А. Веселовской, т. I, Спб. 1882 г.

«Историческое обозрѣніе греческой литературы въ наше время стало слишкомъ значительною задачей для основательнаго выполненія ея одиночными усиліями отдѣльнаго лица». Этою мыслью начинаетъ предисловіе къ своему сочиненію профессоръ дублинскаго университета Магафи, научные труды котораго, посвященные древнему міру, извѣстны отчасти и русской

читающей публикѣ. Каждый, кто сколько нибудь основательно знакомъ съ исторіей греческой литературы, согласится, конечно, съ тѣмъ, что мысль ученаго профессора—какъ нельзя болѣе вѣрна. Огромное, ежедневно увеличивающееся накопленіе разнообразнаго матеріала, съ которымъ непремѣнно долженъ хорошо познакомиться каждый изслѣдователь, желающій, чтобы его трудъ стоялъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій—одно уже это обстоятельство дѣлаетъ въ наше время работу историка вообще, и въ частности историка греческой литературы, рѣшительно непосильною для одного спеціалиста. «Одна уже литература комментаріевъ», говоритъ профессоръ Магафи, «сдѣлалась столь обширною и сложною, что необходимы были бы усилія цѣлаго общества ученыхъ, для того, чтобы овладѣть ею и привести ее въ полный порядокъ». Но чѣмъ обширнѣе и сложнѣе въ наше время задачи историческаго изслѣдователя вообще, тѣмъ большую цѣну имѣютъ труды, стоящіе на высотѣ задачъ современной науки. Къ числу этихъ трудовъ относится безспорно и «Исторія классическаго періода греческой литературы», вышедшая въ настоящее время въ русскомъ переводѣ. Магафи, обладающій, заслуженною извѣстностью между европейскими эллинистами, пользовался для своего труда всѣмъ, что̀ было сдѣлано раньше его. Бернгарди и Бергка онъ скромно называетъ своими «постоянными руководителями и наставниками», приводя въ то же время цѣлый рядъ именъ ученыхъ, которыхъ труды служили ему пособіемъ въ его собственномъ. Первый, вышедшій въ настоящее время на русскомъ языкѣ томъ, заключаетъ въ себѣ исторію греческой поэзіи; онъ заканчивается очеркомъ развитія греческой комедіи отъ Аристофана до Менандра. Въ концѣ его приложена статья профессора Сейса о поэмахъ Гомера, спеціально трактующая о языкѣ греческаго эпоса, и въ частности о языкѣ Иліады и Одиссеи.

Д. Л—въ.

А. Царевскій. Посошковъ и его сочиненія. Обзоръ сочиненій Посошкова (изданныхъ и не изданныхъ) со стороны ихъ религіознаго характера и историко-литературнаго значенія. Москва. 1883 (IV+274+1) in 8°.

Личность самороднаго русскаго писателя, крестьянина Петровскаго времени, И. Т. Посошкова, до сихъ поръ не была еще всесторонне изслѣдована. Правда, о немъ написанъ рядъ статей профессоромъ Брикнеромъ, помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Русскомъ Вѣстникѣ» и изданныхъ потомъ отдѣльно, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ Лейпцигѣ; но Посошковъ разсматривается тамъ со стороны его политико-экономическихъ воззрѣній. Авторъ новаго сочиненія, доцентъ казанской духовной академіи, г. Царевскій, рѣшился пополнить этотъ пробѣлъ. Для своей работы онъ воспользовался всѣми доселѣ извѣстными сочиненіями Посошкова: «Книгой о скудости и богатствѣ» «Зерцаломъ» и другими болѣе мелкими сочиненіями, изданными Погодинымъ, «Завѣщаніемъ отеческимъ къ сыну», напечатаннымъ А. Н. Поповымъ, и, главное, рукописью «Зерцала очевиднаго», хранящеюся въ библіотекѣ казанской духовной академіи. Біографія Посошкова и обозрѣніе книги «О скудости и богатствѣ» не даютъ ничего

особенно новаго. Совсѣмъ другое—разборъ «Зерцала очевиднаго» по вышеупомянутой рукописи. Впервые на нее указалъ профессоръ Нильскій въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1875, I; но г. Царевскому принадлежитъ честь ученой ея разработки и сравненія съ подобными же сочиненіями патріарха Іоакима, Питирима Нижегородскаго и св. Димитрія Ростовскаго. Рукопись эта, помимо извѣстныхъ 22 главъ, заключаетъ еще 23-ю, противъ лютеранъ, бывшихъ, какъ извѣстно, въ большой силѣ при Петрѣ и имѣвшихъ своихъ ревнителей, въ лицѣ Дмитрія Тверитинова, Лубкина, а отчасти и въ самомъ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Обозрѣніе древнерусской противопротестантской полемики сдѣлано г. Царевскимъ не полно и нѣсколько поверхностно: такъ, авторъ не воспользовался памятниками этой полемики, изданными покойнымъ А. Н. Поповымъ въ его «Библіографическихъ розысканіяхъ», не коснулся польскаго протестантизма, вліянія московской нѣмецкой слободы и пр. Также не достаточно подробно обрисовано отношеніе Посошкова къ Ѳ. Прокоповичу и Стефану Яворскому. Разбирая, далѣе, завѣщаніе Посошкова, авторъ, пользуясь сравнительнымъ методомъ, прослѣдилъ развитіе завѣщательной литературы до Посошкова и обстоятельно указалъ, въ чемъ состоялъ прогрессъ идеаловъ послѣдняго сравнительно съ идеалами Домостроя. Рисуя личность Посошкова и указывая его религіозность и практичность, какъ двѣ выдающіяся черты его нравственнаго облика, г. Царевскій впервые выдвинулъ Посошкова, какъ представителя самобытнаго, не вызваннаго внѣшней силой стремленія къ реформѣ. Въ виду настоящихъ споровъ о самобытности русскаго народнаго духа, изслѣдованіе этой стороны простаго неученаго русскаго человѣка переходной эпохи является и своевременнымъ, и крайне любопытнымъ. Вообще, книга написана ясно, толково и читается легко. Можно только упрекнуть автора въ томъ, что онъ не вездѣ приводитъ точныя ссылки на источники и пособія.

И. Ш.

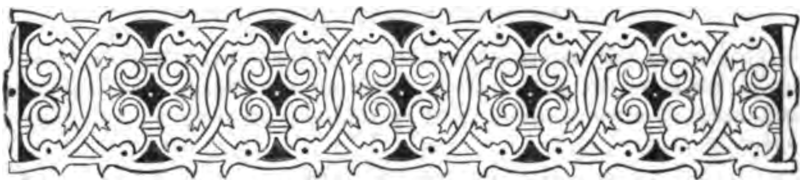
Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ I. Составили профессора университета св. Владиміра В. Антоновичъ и В. Бецъ, по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ 1883.

Профессоръ анатоміи кіевскаго университета св. Владиміра г. Бецъ задумалъ издавать портреты историческихъ дѣятелей юго-западнаго края съ ихъ біографіями. Мысль, безспорно, прекрасная; но, къ сожалѣнію, г. Бецъ приступилъ къ ея осуществленію крайне неумѣло, какъ это доказываетъ появившійся въ свѣтъ первый выпускъ, заключающій въ себѣ 9 біографій съ 19 портретами. Имѣя, очевидно, самое поверхностное понятіе о томъ дѣлѣ, за которое взялся, г. Бецъ «благодаря просвѣщенному содѣйствію» столь же невѣжественныхъ, какъ и онъ самъ, любителей, набралъ нѣсколько плохенькихъ портретовъ Хмельницкаго, Дорошенко, Сагайдачнаго и др. и, старательно фототипировавъ ихъ, наивно вообразилъ, что воспроизводитъ нѣчто «весьма рѣдкое» и тѣмъ оказываетъ услугу «наукѣ». Наивность почтеннаго анатома доходитъ до того, что онъ прилагаетъ даже, какъ рѣдкость, литографированную копію съ вымышленнаго портрета Хмельницкаго, прескверно вырѣзан-

наго на деревѣ и недавно напечатаннаго въ дешевой, иллюстрированной варшавской газетѣ «Kłosy» (въ родѣ нашей «Нивы»). Гравированный въ Антверпенѣ портретъ Петра Дорошенко, который можно найти въ любой лавченкѣ петербургскаго старьевщика, кажется г. Бецу такой драгоцѣнностью, что онъ считаетъ долгомъ указать, что эта «рѣдкая гравюра» составляетъ собственность любителя старины А. М. Лазаревскаго [1]). До какой степени странны понятія г. Беца о значеніи «достовѣрности» портретовъ историческихъ лицъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ императорской публичной библіотекѣ хранится извѣстная лѣтопись Величкн съ миніатюрными изображеніями малороссійскихъ гетмановъ; одинъ изъ кіевскихъ «любителей», г. Тарновскій, поручилъ учителю рисованію Васько сдѣлать для своей коллекціи портретовъ копіи съ этихъ миніатюръ масляными красками и въ настоящую величину. Ясно, что при такомъ оригинальномъ способѣ воспроизведенія миніатюръ получились не точныя копіи съ нихъ, а скорѣе искаженія; но наивный профессоръ анатоміи думаетъ иначе. Воспроизводя въ свою очередь копіи съ копій Васько, онъ говоритъ о нихъ въ предисловіи: «если въ этихъ портретахъ, въ чертахъ лица, есть нѣкоторое выраженіе характера каждой личности, которое, повидимому, отсутствуетъ въ миніатюрахъ Велички то въ этомъ нельзя упрекнуть покойнаго Васько, художественное око котораго могло прозрѣть такую черту въ миніатюрномъ рисункѣ, которая невидима глазу обыковеннаго зрителя; эти портреты можно считать наибѣе вѣрными съ ихъ старинными подлинниками; они составляютъ unica въ живописи». Послѣ такой нелѣпости, невольно вызывающей улыбку, каждый мало мальски понимающій человѣкъ можетъ оцѣнить достоинство портретовъ изданныхъ г. Бецомъ, который имѣетъ смѣлость не только назначить продажную цѣну за всю эту дрянь 6 р. 70 коп., но еще прибавляетъ на оберткѣ, что «рисунки настоящаго сочиненія составляютъ собственность издателя, а потому воспроизведеніе ихъ фотографіей и другими способами, въ какую бы то ни было величину, строго воспрещается?» Что это? невѣжество или спекуляція? Намъ прискорбно, что уважаемый знатокъ южно-русской старины, г. Антоновичъ, связалъ свое имя съ подобнымъ изданіемъ. Написанные имъ краткія біографіи настолько же хороши, насколько плохи приложенные къ нимъ портреты.

С. Ш.

[1]) Если г. профессоръ пожелаетъ, то редакція «Историческаго Вѣстника» можетъ во всякое время пріобрѣсть для него эту рѣдкость за двадцать копѣекъ.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

ЧРЕЖДЕННАЯ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Collège de France каѳедра по исторіи религій занята въ настоящее время Альбертомъ Ревилемъ, лекціи котораго привлекаютъ весьма многихъ слушателей, серьезно относящихся къ дѣлу. Два года тому назадъ, Альбертъ Ревиль выпустилъ «Введеніе къ исторіи религій» (Prolegomènes de l'histoire des réligions), а теперь напечаталъ «Исторію религій не цивилизованныхъ народовъ» (Histoire des religions des peuples non-civilisés. Paris, Fischenbacher). Вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ обозрѣніе религій африканскихъ негровъ, кафровъ, готтентотовъ, бушменовъ, туземцевъ сѣверной и южной Америки, народовъ Океаніи и Австраліи и, наконецъ, народовъ финно-татарской расы.

Въ майской книжкѣ «Macmillan's Magazine» помѣщена очень интересная статья извѣстнаго естествоиспытателя Гексли, подъ заглавіемъ «Неписанная исторія». Гексли сдѣлалъ необыкновенно остроумное примѣненіе естественныхъ, научныхъ знаній къ изученію исторіи Египта, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Геродотѣ, который впервые проложилъ путь въ эту обширную область историческихъ изслѣдованій.

Седьмымъ томомъ закончилось печатаніе «Исторіи древняго міра» Макса Дункера (Max Duncker. Geschichte des Alterthums. Leipzig, Duncker und Humblotz). Вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ исторію мидійскихъ войнъ, и, по отзыву «Revue historique», это одна изъ блестящихъ частей превосходнаго труда нѣмецкаго ученаго, причемъ вышеупомянутый журналъ выражаетъ сожалѣніе, что еще нѣтъ французскаго перевода сочиненія Дункера. Къ седьмому тому приложенъ общій указатель ко всѣмъ труду.

Второй томъ «Исторіи греческой скульптуры» Муррея (History of Greeck Sculpture, by A. S. Murray), посвященный Фидію и его послѣдователямъ, выйдетъ осенью этого года. Первый томъ этого сочиненія увѣнчанъ французской академіей.

Извѣстный англійскій историкъ Джемсъ Фроудъ въ своемъ сборникѣ «Краткихъ этюдовъ о большихъ сюжетахъ» (Short Studies on Great Subjects. By James Anthony Froude. Fourth Series.—Longmans) затрогиваетъ многіе вопросы самыхъ различныхъ эпохъ всемірной исторіи. Въ сборникѣ обращаютъ на себя вниманіе статьи объ Аполлоніи Тіанскомъ, а въ особенности о Ѳомѣ Векетѣ, изслѣдованіе, въ которомъ сведены и критически сопоставлены противорѣчивыя мнѣнія различныхъ историковъ объ этой замѣчательной личности.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новый трудъ Шарля Ленормана (A travers l'Apulie et Lucanie), заключающій въ себѣ результаты его недавнихъ путешествій и изслѣдованій въ южной Италіи. Рядъ статей его объ этомъ предметѣ напечатанъ въ «Revue de deux Mondes». По словамъ Ленормана, онъ открылъ настоящую terra incognita въ археологическомъ отношеніи, почти неизвѣстную самимъ итальянцамъ и весьма богатую памятниками греческаго, римскаго и норманскаго періода.

Джонъ Генри Паркеръ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Археологія Рима» (Archaeology of Rome), готовитъ къ печати новое значительно дополненное изданіе своего сочиненія о «Via sacra» въ Римѣ. Изданіе это будетъ заключать въ себѣ подробный отчетъ о всѣхъ раскопкахъ, произведенныхъ въ Римѣ съ 1438 по 1882 годъ и вмѣстѣ съ нимъ обзоръ литературы этого предмета у всѣхъ современныхъ писателей.

Итальянскій историкъ Квинто Филопонти выступилъ съ широко задуманнымъ сочиненіемъ «Всеобщая исторія и исторія Италіи въ частности», подъ громкимъ заглавіемъ—Sintese della Storia Universalee specialmente della Storia d'Italia (Quinto Filoponti;—Bologna, Azzaguisto). Вышедшіе пока два первые тома доходятъ только до паденія Западной Римской имперіи и отличаются сухостью изложенія и поверхностью общихъ разсужденій. Особенно слабъ оказался итальянскій историкъ въ критикѣ взглядовъ Нибура.

Изученіе кельтскихъ элементовъ составляетъ предметъ особенныхъ заботъ французской исторической науки. Уже два года, какъ въ Collège de France основана каѳедра кельтскихъ нарѣчій и кельтской литературы, и каѳедра эта занята извѣстнымъ знатокомъ своего дѣла, Арбуа де-Жюбенвилемъ, которому удалось освѣтить древнюю исторію галловъ, путемъ остроумныхъ сближеній съ бытомъ соплеменныхъ имъ ирландцевъ. Результаты долгихъ и кропотливыхъ изысканій на этой почвѣ почтенный ученый опубликовалъ въ новомъ своемъ трудѣ, подъ заглавіемъ «Введеніе къ изученію кельтской литературы» (Introduction à l'étude de la literature celtique, Paris, Torrain). Особенно важная заслуга Жюбенвиля состоитъ въ томъ, что онъ

далъ переводъ ирландскихъ текстовъ, чрезвычайно трудно понимаемыхъ, за неимѣніемъ хорошихъ словарей. Помимо того, книга его сообщаетъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о кельтскихъ учрежденіяхъ и общественной жизни въ статьяхъ о бардахъ, друидахъ и гадателяхъ. Наконецъ, изысканія Жюбенвиля указали на новый рядъ источниковъ и текстовъ, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными, вслѣдствіе чего является возможность иначе отнестись ко многимъ свѣдѣніямъ писателей классической древности.

Въ майской книжкѣ журнала «The Cornhill-Magazine» помѣщена статья Vernon Lee, подъ заглавіемъ «Портретное искусство въ эпоху возрожденія». Здѣсь имѣются въ виду по преимуществу скульптурныя изображенія на могильныхъ памятникахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ затронуто весьма много вопросовъ философіи искусства, при чемъ авторъ выясняетъ границы между идеализмомъ и реализмомъ въ искусствѣ.

Въ той же книжкѣ въ статьѣ «Біографія» (Biography) затронутъ вопросъ о крайней нескромности нѣкоторыхъ біографовъ, въ особенности по отношенію къ людямъ еще живымъ.

Вышелъ третій томъ «Исторіи христіанства» женевскаго ученаго Шастеля (Histoire de christianisme, par M. E. Chastel.—Paris, Fischenbacher). Въ этомъ томѣ авторъ вводитъ насъ въ замѣчательную эпоху церковной исторіи, наканунѣ реформаціи Лютера. Не поражая читателя богатствомъ выдвинутаго впередъ ученаго аппарата и не подавляя силой своихъ критическихъ разсужденій, авторъ отличается изложеніемъ яснымъ, безпристрастнымъ и изящнымъ.

Къ вопросу по исторіи развода сообщаетъ многія интересныя данныя статья Stoelzel'я въ Zeitschrift für Kirchenrecht (Bd. III, 1883). Штельцль излагаетъ взгляды на этотъ предметъ великихъ дѣятелей эпохи реформаціи и сообщаетъ подробности процедуры, какая въ ихъ время при этомъ практиковалась.

Gazette des Beaux-Arts помѣстила статью Бонаффе, разсказывающую курьезную исторію объ останкахъ кардинала Ришелье (Les restes d'un grand homme), который былъ погребенъ въ великолѣпномъ мавзолеѣ въ склепахъ Сорбоны. Во время большой революціи, Сорбона была разграблена и между прочимъ нѣкто Шеваль похитилъ лицевую часть набальзамированной головы кардинала Ришелье, мавзолей-же его уцѣлѣлъ, благодаря вмѣшательству Ленуара. Похититель не рѣшился однако сохранять у себя эту натуральную маску великаго человѣка и передалъ ее аббату Армезу, который отвезъ ее въ Бретань и отдалъ тамъ своему брату. Этотъ послѣдній покрылъ мертвенное лице лакомъ, и въ такомъ видѣ оно сохранялось около 60 лѣтъ и было затѣмъ передано Наполеону III, который распорядился возвратить останкамъ Ришелье ихъ мѣсто въ его склепѣ въ Сорбонѣ.

Нѣкто Vatel въ своей «Исторіи госпожи Дюбарри» (Histoire de madame du Barry.—Versailles, Bernard) задался цѣлью нѣсколько возстановить историческую репутацію знаменитой куртизанки. Авторъ этотъ доказываетъ, что она была главной виновницей паденія Шуазеля, содержаніе ея требовало

сравнительно умѣренныхъ расходовъ, и она пользовалась своимъ вліяніемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда бывало необходимо добиться королевскаго милосердія.

Шарль Анри (Charles Henry) издалъ «Неизданную переписку между Кондорсе и Тюрго» (Correspondance inédite de Condorcet et de Turgot), въ періодъ времени отъ 1770 до 1779 года. Въ письмахъ находятъ живой отголосокъ вопросы политики, литературы, науки и искусства того времени. Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ Кондорсе.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала Law Review and Magazine помѣщена статья Траверса Твисса (Sir Travers Twiss), подъ заглавіемъ «Записка Лейбница о Египтѣ». Тьеръ и другіе историки полагали, что эта записка внушила Наполеону идею его экспедиціи въ Египетъ. Сэръ Траверсъ Твисъ доказываетъ, что записка эта стала извѣстна Наполеону только въ 1803 году, когда ему копію съ нея передалъ генералъ Мортье, нашедшій интересное сочиненіе великаго ученаго въ архивахъ королевской библіотеки въ Ганноверѣ. На основаніи этого же документа, авторъ выше указанной статьи съ наглядностью показываетъ далѣе, что положеніе феллаховъ въ Египтѣ въ 1798 году представляло и для директоріи такую же трудную экономическую задачу, какую теперь должно разрѣшить правительство хедива.

Библіотекарь французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Массонъ (Frédéric Masson), издавшій лѣтъ шесть назадъ «Исторію министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 1787 до 1804 года» выпустилъ новый томъ своего труда подъ заглавіемъ «Дипломаты Революціи» (Dimplomates de la Revolution, изд. фирмы Charavay frères). Книга эта посвящена де-Бассвиллю (Hugon de Basseville), посланному въ 1792 году съ дипломатическимъ порученіемъ къ папѣ, и Бернадоту, который въ 1799 году былъ посланникомъ при дворѣ австрійскаго императора. Оба эти дипломата кончили тѣмъ, что Бассвиль былъ убитъ во время возмущенія, а Бернадотъ принужденъ былъ оставить Вѣну. Массонъ собралъ всѣ документы, относящіеся до этихъ эпизодовъ, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными. Въ книгѣ воспроизведены многія современныя гравюры.

Рѣдко кто изъ замѣчательныхъ людей новѣйшей исторіи пользовался такимъ вниманіемъ, какъ знаменитый Таллейранъ. Еще не далѣе, какъ два года тому назадъ французская академія увѣнчала преміей изданіе его переписки съ Людовикомъ XVIII. Но всѣ біографы Таллейрана почему-то сообщаютъ очень мало свѣдѣній о его жизни до 37-ми-лѣтняго возраста, періодъ его служенія церкви. Пробѣлъ этотъ восполненъ Огюстомъ Маркадомъ (Auguste Marcade), выпустившимъ очень изящный томикъ подъ заглавіемъ «Таллейранъ священникъ и епископъ» (Talleyrand prêtre et évêque, изд. Ed. Rouneyre et G. Blond). Оригинально то, что авторъ дополняетъ свое изслѣдованіе пикантными разоблаченіями о потомствѣ епископа Отенскаго.

Э. Вертеймеръ (Wertheimer) издалъ въ «Archiv'ѣ für Oesterreichische Geschichte» (Bd. LXIV) и затѣмъ отдѣльной брошюрой (Wien, Gerold) не-

большой этюдъ о бракѣ Наполеона I съ Маріей Луизой, для чего воспользовался неизданными документами изъ парижскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Оказывается, что идея этого брака возникла прежде всего въ головѣ Меттерниха, и что сама Марія Луиза узнала о предстоящемъ ей замужествѣ 13 февраля 1808 года, а мѣсяцъ спустя (11 марта) она уже была императрицей Франціи.

Въ первомъ выпускѣ «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» (Bd. XLVI, 1883) помѣщены извлеченія изъ бумагъ Кнезебека, интересныя для исторіи похода 1815 года и вѣнскаго конгресса.

Вышелъ пятый томъ Иллюстрированной исторіи второй имперіи Таксиль Делора (Histoire illustrée du Second Empire, par M. Taxile Délord, изд. Germer Boillière), съ портретами, исполненными Ferat и Régamey. Этотъ томъ обнимаетъ собой періодъ 3 лѣтъ отъ 1867 до 1869. Шестымъ томомъ заключится все это изданіе.

Фельдмаршалъ Мольтке своими личными трудами по военной исторіи, а также богатыми топографическими изысканіями, которыя совершаются подъ его руководствомъ, оказалъ весьма важныя услуги дѣлу изученія древности. Освѣтить съ этой стороны дѣятельность знаменитаго прусскаго полководца поставилъ своей задачей Belger въ своей статьѣ въ «Preussische Jahrbücher» (Bd. LI, 1883).

Извѣстный англійскій историкъ Фриманъ помѣстилъ въ «The Fortnightly Review» (1883, февраль) интересную статью, подъ заглавіемъ «Палата лордовъ». Обращаясь къ исторіи возникновенія этого высшаго законодательнаго учрежденія Англіи, Фриманъ указываетъ на древній англосаксонскій Витенагемотъ, въ составъ котораго входили de jure всѣ свободные люди, но на самомъ дѣлѣ только самыя важныя лица въ королевствѣ. Такимъ образомъ палата въ корнѣ своемъ представляетъ учрежденіе вполнѣ демократическое. Позднѣе, въ XIV вѣкѣ, благодаря наслѣдственному перству, она пріобрѣтаетъ болѣе аристократическій характеръ, и съ тѣхъ поръ въ верхней палатѣ только епископы остались представителями демократическаго элемента. Тѣмъ не менѣе палата лордовъ и теперь еще сохраняетъ нѣкоторыя черты своего древняго происхожденія. Наконецъ, по мнѣнію Фримана, наслѣдственное перство было благодѣтельно въ томъ отношеніи, что оно помѣшало дворянству въ Англіи образовать изъ себя такой же обширный привилегированный классъ, какъ это случилось на континентѣ. Только старшій въ родѣ пользуется привилегіями перства, мелкое же дворянство имѣетъ доступъ только въ палату общинъ. Во всякомъ случаѣ, палата лордовъ коренится въ нѣдрахъ страны; она можетъ преобразоваться, но невозможно прекратить ея существованіе безъ вреда для общественнаго строя.

Новый томъ статей и изслѣдованій Фримана выйдетъ въ скоромъ времени подъ заглавіемъ «Города и области Англіи».

Знаменитый англійскій историкъ Маколей, при жизни своей—предметъ общаго восторженнаго удивленія, послѣ смерти долго былъ мишенью

рѣзкихъ критическихъ нападокъ, и только въ самое недавнее время безпристрастную оцѣнку всѣхъ достоинствъ и недостатковъ Маколея сдѣлалъ Морисонъ въ одномъ изъ выпусковъ интересной колекціи отдѣльныхъ біографій литераторовъ и ученыхъ, издаваемой Джономъ Морли, подъ заглавіемъ «English Men of letters (Mc. Millan and C°).

Бернское историческое общество рѣшило издать «Сборникъ біографій» всѣхъ выдающихся людей своего кантона съ древнѣйшихъ временъ и до настоящихъ дней. За образецъ этого изданія будетъ принята «Всеобщая нѣмецкая біографія» (Deutsche Allgemeine Biographie), достигшая въ настоящее время до шестнадцатаго тома. Комитетъ завѣдующій этимъ изданіемъ пригласилъ къ участію весьма компетентныхъ сотрудниковъ.

Имѣя въ виду не такъ давно возникшее у насъ палестинское общество, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на почти одновременное появленіе двухъ замѣчательныхъ путеводителей по Сиріи и Палестинѣ. Одинъ изъ нихъ представляетъ собой томикъ знаменитой колекціи Бедекера; другой составленъ Chauvet'омъ для Collection Joanne (Paris, Hachette) и богаче перваго съ точки зрѣнія исторической, благодаря тому участію, какое принимали въ этой работѣ Рей, Вогюэ, Фавръ, Шантръ, Мауссъ и Масперо.

Въ настоящее время лекторъ англійскаго языка въ петербургскомъ университетѣ Чарльзъ Тернеръ находится въ Лондонѣ и втеченіе мая мѣсяца долженъ прочесть четыре лекціи подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской соціальной жизни» (Historical sketches of Russian Social Life). «The Academy» приводитъ слѣдующую програму этихъ четырехъ чтеній: «Русскій крестьянинъ», «Русское купечество», «Русская учащаяся молодежь» и «Русское дворянство».

Изданная въ концѣ прошлаго года на итальянскомъ языкѣ книга Степняка «Подпольная Россія», хорошо извѣстная русской публикѣ, благодаря подробному извлеченію сдѣланному «Русскимъ Вѣстникомъ», появилась въ настоящее время въ англійскомъ переводѣ, въ изданіи фирмы Smith, Elder and C°. (Underground Russia: Revolutionary Profiles and Sketches from Life; by Stepniak). Переводу предпослано предисловіе Петра Лаврова и на книгѣ значится, что авторъ ея—бывшій редакторъ «Земли и Воли».

Извѣстное сочиненіе Анатоля Леруа-Болье «Страна царей и русскіе» (L'empire des Czars et les Russes) появляется въ настоящее время отдѣльными выпусками въ нѣмецкомъ переводѣ Л. Пецольда (L. Pezold.—Berlin, A. Deubner). Все сочиненіе выйдетъ въ 12 выпускахъ, цѣною по 1 маркѣ за каждый.

Лондонская фирма Clarendon Press въ непродолжительномъ времени выпуститъ въ свѣтъ двухтомный «Сводъ сѣверной поэзіи» (Corpus poeticum Boreale, edited by G. Vigfusson and F. York Powell). Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ памятники сѣверной поэзіи съ древнѣйшихъ временъ до тѣхъ поръ, когда старые образы и формы скандинавской поэзіи исчезли подъ дав-

леніемъ внѣшнихъ вліяній. Первый томъ содержитъ въ себѣ пѣсни Эдды, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ и снабженныя прозаическимъ переводомъ на ряду съ текстомъ (en regard). Каждой поэмѣ предпослано введеніе, а обстоятельныя примѣчанія сообщаютъ всѣ необходимыя свѣдѣнія касательно критики текста. Второй томъ обнимаетъ пѣсни младшей Эдды съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ средневѣковыхъ исландскихъ поэмъ. Во введеніи къ этому тому приведена подробная библіографія всѣхъ прежнихъ изданій пѣсенъ Эдды и сдѣланъ сводъ взглядовъ различныхъ комментаторовъ.

Профессоръ Фолльмеллеръ (Vollmöller) предпринялъ изданіе цѣлой серіи «Памятниковъ англійской литературы и языка въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ». Вышедшій пока первый томъ заключаетъ въ себѣ старѣйшую англійскую трагедію «Gorboduc, or Ferrex and Porrex» (Heilbronn, Gebrüder Henninger. 2 Mrk.).

Извѣстный французскій историкъ литературы Оларъ (Aulard) открылъ весьма недурную драму, подъ заглавіемъ «Тиръ и Сидонъ, писанную въ 1608 году нѣкоимъ Шеландромъ (Jean Schelandre), совершенно въ родѣ шекспировскихъ драмъ. Г. Оларъ описываетъ этотъ любопытный памятникъ французскаго романтизма въ семнадцатомъ вѣкѣ въ своей книжкѣ «Un romantique en 1608» (par P. A. Aulard-Poitier 1883).

Библіотекарь парижскаго университета Шарль Анри (Charles Henry) готовитъ къ печати собраніе писемъ и неизданныхъ сочиненій Даламбера. Такъ какъ Даламберъ велъ очень обширную переписку, и письма его разсѣяны по всей Европѣ, то онъ проситъ всѣхъ обладателей рукописей знаменитаго энциклопедиста обращаться къ нему (Paris, rue Berthollet, 22).

G. T. Stokes помѣстилъ въ «The Contemporary Review» (1883, январь) статью о «Болландистахъ», трудами которыхъ по изданію житій святыхъ (Acta Sanctorum) не мало пришлось воспользоваться и русской наукѣ. Помимо оцѣнки заслугъ Болландистовъ на этомъ поприщѣ, авторъ статьи сообщаетъ интересныя подробности о возникновеніи этого кружка съ религіозно-учеными цѣлями и его дальнѣйшихъ успѣхахъ.

По поводу смерти вдовы Генриха Гейне, послѣдовавшей мѣсяца три тому назадъ, въ берлинской газетѣ Gegenwart нѣкто Карпельсъ (Gustav Karpeles) задался мыслью нѣсколько возстановить репутацію этой женщины, которую всѣ біографы Гейне рисуютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Карпельсъ поднимаетъ вопросъ о «Запискахъ Гейне», которыя, по его заключеніямъ, должны находиться въ Вѣнѣ у Густава Гейне, который твердо рѣшился никогда не издавать ихъ въ свѣтъ. Что же касается рукописей, оставшихся послѣ вдовы Гейне, то они заключаютъ въ себѣ только черновыя тетради, изъ которыхъ все цѣнное давно уже напечатано.

Въ апрѣльской книжкѣ «Westminster Review» напечатано изслѣдованіе о Пушкинѣ профессора оксфордскаго университета Морфиля, причемъ многія мелкія произведенія нашего поэта (напр., «Черная шаль», «Я помню

чудное мгновенье», «Талисманъ» и др.) переведены стихами, а болѣе крупныя, какъ «Евгеній Онѣгинъ», «Борисъ Годуновъ», «Цыгане», разобраны весьма обстоятельно. Мы еще вернемся къ этому изслѣдованію, такъ какъ оно заслуживаетъ болѣе подробной замѣтки.

Какъ мы слышали, замѣчательное произведеніе нашего маститаго поэта А. Н. Майкова «Три смерти» должно появиться въ скоромъ времени въ одномъ изъ лучшихъ американскихъ журналовъ. Переводъ сдѣланъ одной нашей соотечественницей, въ свое время принимавшей дѣятельное участіе въ русской журналистикѣ, а нынѣ навсегда поселившейся въ Нью-Йоркѣ.

Намъ приходилось уже говорить о выходящей въ настоящее время подъ редакціей Энгеля «Исторіи всемірной литературы въ отдѣльныхъ монографіяхъ». Пятый томъ этого изданія выйдетъ осенью этого года и будетъ заключать въ себѣ «Исторію венгерской литературы», написанную Густавомъ Генрихомъ, профессоромъ въ Буда-Пештѣ.

Леонъ Валле издалъ подробный каталогъ общихъ и частныхъ французскихъ библіографическихъ указателей, подъ заглавіемъ «Библіографія библіографій» (Bibliographie des bibliographies, par Léon Vallée. Paris. 1883). Кстати замѣтить, что впервые подобный указатель былъ изданъ итальянцемъ Тонелли въ 1782 году, затѣмъ нѣмцемъ Пецгольдтомъ въ 1866 и французомъ Сабеномъ въ 1872 году.

Гг. Gaidoz и Lébillot приготовляютъ къ печати «Библіографію народныхъ преданій и народной литературы во Франціи» (Bibliographie des traditions et de la literature populaires de la France). Часть этого труда, касающаяся Бретани, была напечатана въ Revue celtique (V, 3), а въ ноябрьскомъ номерѣ Polyblion'а за прошлый годъ помѣщены свѣдѣнія, относящіяся до Эльзаса.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Старая жалованная грамота.

Въ СУЩНОСТИ, грамота эта, данная въ 1614 году царемъ Михаиломъ Θедоровичемъ, одновременно и «жалованная» и «похвальная», по своему содержанію. Къ категоріи «жалованныхъ» она относится потому, что лицу, которому она была дана, жаловалось въ награду имѣніе, а «похвальной» она является вслѣдствіе хвалебнаго признанія въ ней совершоннаго подвига. Подвигъ этотъ заключался въ вѣрности государеву дѣлу и святой вѣрѣ, ради которыхъ пожалованное лицо во время знаменитаго «сидѣнія», при царѣ Василіѣ Шуйскомъ, «на Москвѣ въ осадѣ», отъ «польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ», «многое дородство, и храбрость и службу показало, и голодъ, и наготу и во всѣхъ оскудѣніе и нужду всякую осадную терпѣло»...

Такихъ грамотъ, вслѣдъ за эпохой «смутнаго времени», было роздано немало, но приводимая нами и впервые появляющаяся въ печати любопытна по нѣкоторымъ деталямъ, а также по личностямъ потомковъ лица, получившаго ее.

Грамота эта была дана Михаилу Васильевичу Крюкову. Крюковыхъ было два рода: одинъ происходилъ отъ Колычевыхъ (Колычевы-Крюки), другой—отъ выходца изъ Большой Орды Салахмира Мирославича, пріѣхавшаго во второй половинѣ XIV столѣтія къ рязанскому князю Олегу Іоанновичу и названнаго въ крещеніи Иваномъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ рязанскаго князя, Анастасіи, и получилъ за ней вотчины. Правнукъ его Тимофей Григорьевичъ, бывшій бояриномъ, получилъ прозвище Крюкъ и сдѣлался родоначальникомъ по сіе время существующихъ дворянъ Крюковыхъ, развѣтвленныхъ на нѣсколько линій.

Крюковы были служилые люди, многіе изъ нихъ состояли въ званіи воеводъ (какъ, напримѣръ, выше помянутый Михаилъ Васильевичъ), дьяковъ, царскихъ конюховъ и пр. Въ позднѣйшее время историческую извѣстность пріобрѣли—А. Крюковъ, бывшій нижегородскимъ губернаторомъ въ царствова-

ніе Александра I, и его два сына, Николай и Александръ Александровичи—оба декабристы, отнесенные верховнымъ судомъ къ первому разряду обвиненныхъ въ покушеніи 14-го декабря.

Объ А. Крюковѣ, нижегородскомъ губернаторѣ, упоминается въ запискахъ Вигеля и Домерга (воспоминанія послѣдняго напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», за 1881 г.). Оба они отзываются о Крюковѣ, съ которымъ лично были знакомы, съ наилучшей стороны. Это былъ безкорыстный, дѣятельный и разумный чиновникъ, и прекрасный человѣкъ—просвѣщенный, гуманный и гостепріимный. Онъ имѣлъ значительное родовое имѣніе. Сыновья его и дочь получили блестящее для своего времени образованіе. Первые два служили въ гвардіи, а дочь вышла замужъ за князя Черкасскаго и умерла бездѣтной.

Старшій сынъ, Александръ Александровичъ, лейбъ-гусаръ, состоялъ, въ моментъ открытія заговора, адъютантомъ при главнокомандовавшемъ южной арміей, князѣ Витгенштейнѣ, и принадлежалъ къ «южному обществу». Младшій, Николай Александровичъ, находился въ Петербургѣ. Сосланные въ Сибирь на каторгу, вмѣстѣ съ товарищами, они отбыли срокъ наказанія, послѣ чего были поселены въ Минусинскѣ, гдѣ обзавелись семьями, женившись на поселенкахъ. Николай Александровичъ умеръ въ Сибири, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, изъ коихъ въ настоящее время живъ только одинъ и находится въ Сибири.

Александръ Александровичъ дожилъ до полнаго прощенія, дарованнаго декабристамъ покойнымъ императоромъ Александромъ II въ 1856 году во время коронаціи, и, получивъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, выбралъ для жительства Кіевъ. Онъ пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ семействомъ и, получивъ наслѣдство послѣ смерти сестры, уѣхалъ въ 1865 году въ Брюссель, гдѣ и скончался, спустя два года, разоренный однимъ пройдохой-аферистомъ, которому имѣлъ несчастіе ввѣрить «для оборота» свое состояніе.

Отъ него осталось четверо дѣтей, изъ коихъ въ живыхъ въ настоящее время трое: Левъ Александровичъ, служащій на грязе-царицинской дорогѣ, Николай Александровичъ, оставшійся заграницей, гдѣ служитъ бухгалтеромъ на одной большой фабрикѣ, и Александра Александровна, получившая воспитаніе на казенный счетъ въ петербургскомъ Николаевскомъ институтѣ и занимающаяся нынѣ педагогіей.

Подлинникъ предлагаемой здѣсь грамоты находится у Л. А. Крюкова, отъ котораго и полученъ мною ея списокъ. Когда нибудь я подѣлюсь моими воспоминаніями о прекрасной и замѣчательной личности Александра Александровича Крюкова, какъ типичнаго представителя поколѣнія 20-хъ годовъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе близко быть знакомымъ.

«Божіею милостію Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ, всея русіи Самодержецъ, по своему Царскому милосердому усмотрѣнію пожаловали есмя Михаила Васильевича Крюкова за его многія службы, что онъ, памятуя Бога, и Пресвятую Богородицу и Московскихъ Чудотворцевъ, будучи у Насъ въ Московскомъ Государствѣ при Царѣ Василіѣ въ нужное и прискорбное время, за Вѣру Крестьянскую и за Святыя Божія церкви, и за Насъ и за всѣхъ Православныхъ Крестьянъ противъ враговъ Нашихъ—Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, которые до

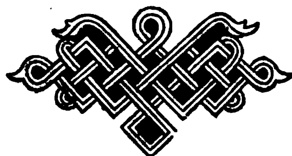
конца хотѣли разорити Государство Московское и Вѣру Крестьянскую попрати. А онъ, Михайло, будучи на Москвѣ въ осадѣ, противъ тѣхъ злодѣевъ нашихъ стоялъ крѣпко и мужественно и многое дородство и храбрость и службу показалъ, и голодъ, и наготу, и во всемъ оскудѣніе и нужду всякую осадную терпѣлъ многое время. А на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколѣбимо безъ всякія шатости, и со тоей службы и терпѣнія польскіе и литовскіе люди и русскіе воры отъ Москвы отошли. И за тѣ за всѣ великіе и нужные осадные службы Язъ, Царь и Великій Князь Михайло Өедоровичъ всея русіи, пожаловалъ изъ его, Михайлова, съ помѣстнаго окладу сошти сотъ съ пятидесяти четвертей со ста по двадцати четей, итого сто тридцать четей, и стараго его помѣстья въ Соловскомъ Уѣздѣ въ около-городномъ стану половиною ординаря подъ Подумчинымъ лѣсомъ въ водчину со всѣми угодіи, а по его Михайловѣ сказкѣ въ томъ ордпѣ Крюкове пашни и перелогу сто девяносто четей, и перешло у него въ томъ ордни за вотчиною пашни шесдесятъ четей, и тотъ переходъ велѣли есмя оставити за нимъ же, за Михаиломъ, въ помѣстье. А какъ на Соловскѣ суть наши писцы и большіе мѣрщики, и они его ту водчинную землю отъ помѣстные земли отмѣжуютъ опрочь, грани потѣшутъ, и ямы покопаютъ и всякія признаки учинятъ, чтобъ онъ, Михайло, къ той своей водчинной земли помѣстные земли не припущалъ, а на ту водчину сія наша Царская жалованная грамота за нашею красною печатью ему, Михаилу, и его дѣтямъ, и внучатомъ, и правнучатомъ и сродникомъ неподвижно, чтобъ наше Царское жалованье и его великое дородство, и крѣпость и храбрая служба за Вѣру и за свое Отечество послѣднимъ родомъ было на памятникъ бы службы и терпѣнья, воспоминая впередъ дѣти ихъ, и внучата, и правнучата и хто по нихъ роду ихъ будетъ такъ же за Вѣру Крестьянскую, и за святыя Божія Церкви и за свое Отечество противъ враговъ стояли мужественно бево всякого повыбанія. А въ той вотчинѣ онъ, Михайло, и его дѣти, и внучата и правнучата по Нашему Царскому жалованью вольны. А при Царѣ деи Василіе въ прошломъ въ 118 [1]) году на ту водчину Царя Василія жалованная грамота ему, Михаилу, дана была, и тажъ жалованная грамота въ Московское разорѣніе на Москвѣ згорѣла. Писана Нашего Государства въ Царствующемъ Градѣ Москвѣ лѣта 7122-е Декабря въ 13-й день. (7122—5508=1614 года).

При грамотѣ государственная печать краснаго сургуча.

Грамота написана на одной сторонѣ листа, а на оборотѣ на верху собственно-ручная подпись:

«Царь и Великій Князь Михаилъ Өедоровичъ, всея русіи Самодержецъ».

Сообщено **Вл. О. Михневичемъ.**



СМѢСЬ.

Памятникъ Екатеринѣ II-й въ Ирбитѣ. Незадолго до того времени, когда въ Крыму, въ память столѣтней годовщины его присоединенія къ Россіи, происходила закладка памятника императрицѣ, въ Ирбитѣ уже открыли монументъ той же государынѣ, въ память столѣтія со дня возведенія слободы ирбитской на степень города. Памятникъ изображаетъ Екатерину II, во весь ростъ. Величественная фигура исполнена изъ бронзы извѣстнымъ художникомъ М. О. Микѣшинымъ съ обычнымъ его искуствомъ. На памятникѣ помѣщены слѣдующія надписи, напоминающія заслуги, за которыя Ирбитъ былъ сдѣланъ городомъ. На задней мраморной доскѣ: «Жители бывшей Ирбитской слободы, подъ предводительствомъ проживавшаго въ слободѣ крестьянина Ивана Назаровича Мартышева, во время пугачевской смуты, охватившей край въ 1774 году, оставаясь вѣрными престолу и отечеству, побѣдоносно отразили нападеніе шаекъ Пугачева. За сей подвигъ жители Ирбитской слободы были облагодѣтельствованы императрицей Екатериною II, слобода Ирбитъ учреждена городомъ, а герой Иванъ Назаровичъ Мартышевъ освобожденъ былъ изъ крестьянства и податнаго оклада и затѣмъ возведенъ въ дворянство». На двухъ боковыхъ доскахъ помѣщены слѣдующія два извлеченія изъ указа императрицы Екатерины II, отъ 3-го февраля 1775 года, на правой сторонѣ: «Село Ирбитъ за непоколебимую вѣрность онаго жителей во время прошедшихъ замѣшательствъ по причинѣ бывшаго злодѣя самозванца Пугачева учредить городомъ, съ великими тѣмъ жителямъ преимуществами и выгодами». На лѣвой сторонѣ: «Ежели сенатомъ и впредь что полезное найдено будетъ для приведенія сего новаго города въ желаемое состояніе, то представленіе о томъ ея императорскому величеству будетъ пріятно».

Открытіе памятника произошло въ самый разгаръ ярмарки и потому было очень торжественно. Десятки тысячъ народа присутствовали при освященіи и потомъ весь день окружали памятникъ. Послѣ молебна и гимна городское начальство угощало народъ водкою и закускою на площадяхъ, а интелигенція обѣдала въ зданіи городскаго общества.

Залъ Императора Александра II-го. Во время празднованія въ 1879 году двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія императора Александра II-го, самар-

ской городской думѣ пришла благая мысль устроить, при самарской публичной библіотекѣ, также публичный музей общеобразовательнаго характера съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ средствомъ для изученія самарскаго края въ историческомъ, естественномъ, техническомъ, сельскохозяйственномъ и промышленномъ отношеніи. Въ томъ же зданіи дума предположила устроить особый «залъ императора Александра II-го», поставивъ изображеніе императора, окруженное портретами всѣхъ дѣятелей его царствованія, которые своими трудами способствовали созданію одной изъ блистательнѣйшихъ страницъ отечественной исторіи. Въ залѣ этомъ должны быть сосредоточены всѣ сочиненія, на всѣхъ языкахъ, объ этомъ царствованіи и всевозможныя произведенія рѣзца и кисти, имѣющія своимъ предметомъ жизнь императора и событія его времени. Къ составленію этой колекціи уже приступлено и, въ настоящее время, брошюра, изданная по этому поводу въ Самарѣ, перечисляетъ нѣкоторые предметы, уже поступившіе въ означенный залъ:—полное собраніе 44 золотыхъ, 204 серебряныхъ и 54 мѣдныхъ монетъ чекана всѣхъ годовъ царствованія императора со всѣми измѣненіями какъ въ наружности рисунка, такъ и въ пробѣ ихъ; полная колекція всѣхъ медалей того же времени въ бронзѣ 237 экземпляровъ; различныхъ рисунковъ — 479 экземпляровъ, въ томъ числѣ портретовъ Александра II-го гравированныхъ, хромо и литографированныхъ и фотографій — 74; портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей—28; 12 лицъ прислали свои фотографіи съ автографами, а извѣстный маринистъ Айвазовскій сдѣлалъ на своемъ портретѣ набросокъ карандашомъ морского вида. Изъ каталога сочиненій, подлежащихъ пріобрѣтенію и въ который внесено 362 сочиненія на разныхъ языкахъ, пріобрѣтено уже 81 сочиненіе (въ числѣ ихъ за описаніе коронованія на французскомъ языкѣ уплачено 350 рублей). Брошюра приглашаетъ желающихъ дѣлать пожертвованія для пополненія музея и такъ какъ ни Петербургъ, ни Москва не придумали устроить у себя подобнаго «Александровскаго музея», будемъ надѣяться, что хоть Самара пополнитъ этотъ пробѣлъ.

Уваженіе къ памяти русскихъ дѣятелей. Въ то время когда въ Петербургѣ давались блестящіе концерты, сборъ съ которыхъ назначался на сооруженіе памятника Глинкѣ, когда весь интелигентный міръ признаваль значеніе его огромнаго, самобытнаго дарованія, на родинѣ композитора, по словамъ «Смоленскаго Вѣстника», произошолъ варварскій разгромъ родового имѣнія Глинки, гдѣ онъ родился и провелъ первые годы. Имѣніе это, село Новоспаское, перешло сначала въ руки человѣка, сохранявшаго, хотя не особенно тщательно, въ прежнемъ видѣ комнаты, паркъ, даже мебель покойнаго и его библіотеку, гдѣ оставалось «нѣсколько рукописей и черновыхъ музыкальныхъ набросковъ». Въ послѣднее время село это перешло въ руки калужскаго купца Р.—газета почему-то не называетъ фамиліи этого вандала, вырубившаго весь паркъ и распилившаго на дрова деревянный домъ композитора. Что касается до библіотеки—судьба ея неизвѣстна. Вѣрнѣе всего, что бумаги, книги и ноты, какъ ненужный хламъ, были проданы на вѣсъ. Теперь усадьба Глинки представляетъ совершенный пустырь. Газета прибавляетъ, что, вѣроятно, глушь этой мѣстности, лежащей вдали отъ желѣзной дороги, могла служить препятствіемъ къ сохраненію колыбели нашего родного таланта. Но неужели никто изъ знавшихъ объ этомъ не могъ позаботиться о сохраненіи имущества Глинки или, по крайней мѣрѣ, его бумагъ? Такое самобытное отношеніе къ человѣку, которымъ мы можемъ гордиться, привело бы въ изумленіе гнилую Европу. Да едва ли и самый памятникъ, который сбираются поставить для чего-то въ Смоленскѣ—не будетъ обреченъ забвенію. Смоленскъ вовсе не такой городъ, чтобы нарочно пріѣзжать въ него, любоваться его памятниками. Мѣсто памятнику Глинкѣ—въ одной изъ столицъ—только не между Маріинскимъ и Большимъ театромъ, какъ

предлагаетъ одна газета. Тутъ проѣздъ очень неширокъ, а извощики, толпящіеся въ дни спектаклей въ этомъ пространствѣ, врядъ ли составятъ приличную обстановку памятнику композитора.

Годичное собраніе русскаго историческаго общества. 29-го апрѣля, происходило общее собраніе нашего историческаго общества, на которомъ предсѣдатель его А. А. Половцовъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества за 1882 и 1883 годы. Изъ отчета видно, что въ послѣднее время вышли только два тома «Сборника», имѣющіе важное значеніе для отечественной исторіи. Въ первомъ изъ этихъ томовъ (XXXVII) заключается дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ отъ 1767 по 1772 годъ. Слѣдующій затѣмъ XXXVIII томъ содержитъ въ себѣ памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Англіей. Эти документы началъ издавать Ю. В. Толстой, такъ рано погибшій для исторической науки, на поприщѣ которой онъ трудился такъ усердно. Послѣ его смерти печатаніе «памятниковъ» продолжалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Томъ этотъ обнимаетъ періодъ времени конца царствованія Іоанна IV-го и королевы англійской Елисаветы отъ 1581 по 1604 годъ. Отчетъ сообщаетъ далѣе извѣстіе, что слѣдующіе семь томовъ «Сборника» уже печатаются. Въ нихъ будутъ заключаться: памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами, Крымомъ, Казанью, ногайцами и Турціей при Іоаннѣ IV и Василіѣ IV (томъ XXXIX), продолженіе изданія дѣлъ екатерининской комисіи по составленію проекта Новаго Уложенія (томъ XL), планъ финансовъ Сперанскаго и росписи о государственныхъ приходахъ и расходахъ съ 1797 по 1816 годъ (томъ XLI), бумаги Екатерины II-й съ 1789 года по конецъ ея царствованія (томъ XLII), депеши великобританскаго представителя въ Россіи съ 1704 по 1762 годъ (томъ XLIII), донесенія нидерландскихъ посланниковъ въ Россіи въ 1630 и 1631 году (томъ XLIV), переписка австрійскаго посла съ вѣнскимъ дворомъ съ 1762 по 1763 годъ (томъ XLV). Сверхъ того готовится къ печати второй томъ писемъ Гримма къ Екатеринѣ II. Отчетъ сообщаетъ, что собраніе историческихъ матеріаловъ, относящихся къ Россіи и хранящихся въ иностранныхъ архивахъ успѣшно продолжается при содѣйствіи нашихъ дипломатическихъ чиновъ. Такъ, въ лондонскомъ государственномъ архивѣ снимаются копіи съ депешъ посланника Макензи 1714—1715 годъ, въ вѣнскомъ—донесенія пословъ съ 1779 года, въ парижскомъ донесенія, относящіяся къ царствованіямъ Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны, Петра III; списываются также кореспонденціи неаполитанскихъ посланниковъ; въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ разбирается переписка Екатерины II. Біографическій словарь русскихъ дѣятелей также подвинулся впередъ. Составлены списки на буквы В, Г, Д, Е, Ж, З и Н; отпечатаны списки на буквы А, Б и М, заключающіе въ себѣ до 4,000 именъ. Кромѣ того составленъ алфавитный перечень авторовъ по каталогамъ: Сопикова, Смирдина, Плавильщикова, Ольхина, Генкеля и Глазунова. «Такимъ образомъ, прибавляетъ отчетъ, составленъ общій сводъ по авторамъ всего напечатаннаго до 1881 года». Не можемъ не замѣтить, что приготовленія къ изданію, необходимаго для насъ, русскаго біографическаго словаря дѣлаются весьма медленно и что печатаніе отдѣльныхъ списковъ, только затягивая дѣло, врядъ ли принесетъ ему существенную пользу. «Сборникъ» разсылается безвозмездно, въ числѣ 371 экземпляра въ различныя мѣста и учрежденія. Пособіе въ двѣ тысячи рублей ежегодно, выдаваемое государственнымъ казначействомъ на изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній продолжено еще на пять лѣтъ. Капиталъ общества не великъ, всего 2,519 рублей.

† Въ Петербургѣ умеръ, 2-го мая, генералъ отъ кавалеріи Александръ Ѳедоровичъ Багговутъ, 76-ти лѣтъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ боевыхъ генераловъ. Выйдя, въ 1825 году, изъ перваго кадетскаго корпуса въ

московскій полкъ онъ вскорѣ же перешелъ въ кавалерію и въ 1831 году участвовалъ въ польской кампаніи. Получивъ уже нѣсколько ранъ, онъ при штурмѣ Варшавы былъ раненъ въ голову съ раздробленіемъ черепа. Рана потребовала мучительной, рѣдко удающейся операціи — выпиливанія части черепа (трепанаціи) и еще безъ хлороформа, который у насъ начали примѣнять только въ сороковыхъ годахъ. Храбрый офицеръ быстро шелъ впередъ, былъ полковникомъ 28-ми лѣтъ, а въ началѣ сороковыхъ годовъ — генералмаіоромъ. Турецкая война 1853 года сдѣлала имя его извѣстнымъ всей Россіи. Въ сраженіи при Баш-Кадык-Ларѣ, Багговутъ, какъ командиръ кавказской драгунской бригады, произвелъ одну изъ самыхъ блестящихъ въ военной исторіи кавалерійскихъ атакъ противъ непріятельской батареи, осыпавшей градомъ снарядовъ нашу пѣхоту, изрубилъ всю батарейную прислугу, захватилъ 19 орудій и этимъ рѣшилъ въ нашу пользу исходъ сраженія. Не менѣе отличился онъ и лѣтомъ слѣдующаго 1854 года въ сраженіи при Курюк-дара, за что получилъ Георгія 3-й степени и чинъ генерал-лейтенанта. Портреты статнаго генерала съ черной повязкой на лбу встрѣчались тогда во всѣхъ закоулкахъ Россіи и даже на лубочныхъ картинахъ. Въ концѣ восточной войны онъ былъ начальникомъ береговой обороны Одессы, затѣмъ служилъ въ царствѣ Польскомъ, а въ шестидесятыхъ годахъ былъ членомъ капитула орденовъ и оставался въ этой должности почти до самой смерти. Раны и преклонный возрастъ не позволили ему принять участіе въ послѣдней войнѣ съ Турціей.

† 4-го мая, умеръ, 70-ми лѣтъ, генералъ отъ инфантеріи, генерал-адъютантъ Александръ Карловичъ Баумгартенъ. Въ 1833 году онъ поступилъ изъ пажескаго корпуса въ измайловскій полкъ, потомъ слушалъ полный курсъ въ военной академіи и переведенный въ генеральный штабъ началъ свою боевую карьеру на Кавказѣ, затѣмъ участвовалъ въ венгерской войнѣ 1849 года. При началѣ восточной войны, за сраженіе при Четати, былъ произведенъ въ генерал-маіоры и получилъ Георгія 3-й степени, неимѣя этого ордена низшей степени—случай, необычайный въ военныхъ сферахъ. Участвуя въ сраженіи при Инкерманѣ, онъ до окончанія войны находился въ составѣ севастопольскаго гарнизона; по заключеніи мира состоялъ при вооенно-учебныхъ заведеніяхъ; въ 1858 году былъ начальникомъ николаевской академіи генеральнаго штаба, потомъ членомъ военногоспитальнаго комитета. Но еще болѣе боевыхъ подвиговъ будутъ памятны заслуги его на поприщѣ благотворительности и гумманности. Одинъ изъ учредителей общества «Краснаго Креста» онъ послѣдніе годы жизни почти исключительно посвятилъ этому обществу и содѣйствовалъ тому, чтобы «Красный Крестъ» распространилъ свою дѣятельность кромѣ пособія раненымъ на войнѣ и на другія народныя бѣдствія: чуму въ Ветлянкѣ, пожаръ въ Моршанскѣ, дифтеритъ въ Полтавской губерніи и пр. Послѣднимъ плодомъ его неутомимой, плодотворной дѣятельности на этомъ поприщѣ было учрежденіе, въ концѣ прошлаго года, эмеритальной кассы для сестеръ милосердія. Со смертью Баумгартена истинно гуманная филантропія потеряла въ высшей степени полезнаго дѣятеля.

† Въ Парижѣ умеръ, 71-го года, одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей и историковъ Эмиль де-Ла Бедольеръ. Литературное поприще его началось съ 1833 года, когда онъ издалъ «Политическую жизнь маркиза Лафайета». Съ тѣхъ поръ онъ участвовалъ во множествѣ журналовъ и написалъ огромное число книгъ во всѣхъ родахъ. Какъ беллетристъ онъ не особенно замѣчателенъ, какъ историкъ—хорошій компиляторъ. Изъ историческихъ трудовъ его лучшіе: «Побѣды и завоеванія французовъ», «Исторія нравовъ и частной жизни французовъ», «Исторія національной гвардіи», «Кинбурнъ, Черное море и мирный конгресъ» (1850), «Исторія Италіи», «Новый Парижъ» (1860), «Исторія мексиканской войны», «Франція и Пруссія» (1867), «Исторія войны 1870—71 года», «Базенъ и капитуляція Меца», «Все-

общая исторія древнихъ и новыхъ народовъ»—послѣдній трудъ 1879 года. Онъ перевелъ также Купера «Хижину дяди Тома» и др.

† Въ Парижѣ умеръ на 83 году замѣчательный художественный критикъ и писатель Луи Віардо. Онъ готовился быть адвокатомъ, но любовь къ искуству заставила его обратиться къ литературѣ. Изучивъ художественныя сокровища Испаніи, онъ посвятилъ нѣсколько сочиненій ея музеямъ, исторіи, писателямъ, живописи и пр. Въ 1841 году онъ основалъ вмѣстѣ съ Пьеромъ Леру и Жоржъ-Зандомъ журналъ «Revue indépendante», составившій эпоху во французской журналистикѣ, хотя и не пользовавшійся матеріяльнымъ успѣхомъ. Сочиненія его о французскихъ, итальянскихъ, бельгійскихъ и англійскихъ музеяхъ доставили ему почетную извѣстность. Онъ издалъ также описаніе музеевъ Германіи и Россіи (1844 г.) и, ознакомившись съ русскимъ языкомъ, перевелъ лучшія повѣсти Пушкина, Гоголя, Тургенева (1853—1860 г.). Съ послѣднимъ писателемъ онъ былъ въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ въ теченіи долгихъ лѣтъ и жилъ постоянно въ его семьѣ. Когда въ самое послѣднее время тяжко больного русскаго писателя надо было перевезти изъ парижскаго дома Віардо въ Буживаль, престарѣлый критикъ, уже нѣсколько времени не встававшій съ постели, велѣлъ вынести себя въ коридоръ, чтобы проститься съ своимъ другомъ, котораго также проносили въ креслахъ мимо умирающаго. Они пожали другъ другу руку—и это свиданіе было послѣднимъ. Вскорѣ послѣ этого Віардо умеръ и извѣстіе о его смерти произвело потрясающее дѣйствіе на И. С. Тургенева, за которымъ ходила съ такимъ же самоотверженіемъ какъ за своимъ мужемъ, съ которымъ прожила болѣе сорока лѣтъ, госпожа Віардо—Гарсіа, когда-то знаменитая пѣвица, приводившая въ восторгъ и Петербургъ. Віардо былъ директоромъ итальянской оперы въ Парижѣ, членомъ муниципальнаго совѣта, перевелъ Сервантеса и другихъ испанскихъ писателей, написалъ классическія сочиненія «Чудеса живописи» и «Чудеса скульптуры». Какъ философъ онъ извѣстенъ замѣчательными изслѣдованіями: «Апологія невѣрующаго» и «Знаніе и сознаніе», переработанными въ 1877 году въ капитальный трудъ, изданный подъ названіемъ: «Libre examen». Несмотря на преклонные лѣта, онъ до послѣдней болѣзни своей писалъ въ разныхъ журналахъ.

† Въ Багдадѣ умеръ, 43-хъ лѣтъ, турецкій генералъ Сулейманъ-паша. Онъ родился въ Константинополѣ и воспитывался въ тамошней военной школѣ. Въ 1867 году былъ отправленъ на островъ Критъ усмирить возстаніе грековъ и, вернувшись оттуда, былъ сдѣланъ, въ чинѣ полковника, професоромъ школы, гдѣ получилъ воспитаніе. Въ 1874 г. онъ былъ уже пашею и бригаднымъ генераломъ, затѣмъ директоромъ школы генеральнаго штаба, къ которой онъ присоединилъ артилерійское и инженерное училище. Принадлежа къ партіи «Молодой Турціи», онъ принялъ участіе въ заговорѣ, низвергнувшемъ съ трона султана Абдул-Азиса и былъ назначенъ дивизіоннымъ генераломъ Мурадомъ V. Во время турецко-сербской войны, онъ не разъ разбивалъ сербовъ и получилъ званіе командира отдѣльнаго корпуса (мушира). Въ 1877 г. при возстаніи герцеговинцевъ онъ двинулся со своимъ корпусомъ въ Черногорію, но въ іюлѣ долженъ былъ оставить свои укрѣпленныя позиціи и защищать Румелію. Въ августѣ, занявъ Эски-Загру, Казанлыкъ и деревню Шипку въ Балканскомъ проходѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы выбить русскія войска изъ горныхъ позицій. Защита балканскихъ проходовъ и въ особенности Шипкинскаго перевала прославили одного изъ лучшихъ нашихъ генераловъ въ восточную войну, Ѳ. Ѳ. Радецкаго, но и противникъ его Сулейманъ былъ опытный и образованный генералъ, принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ послѣднихъ реформахъ Турціи. Побѣдитель при Дьюнишѣ, авторъ «Военной Исторіи» и «Всемірной исторіи», онъ былъ честолюбивъ и энергиченъ, а его тридцатиты-

сячная армія превосходно дисциплинирована и закалена въ борьбѣ съ черногорцами. И изъ этой арміи Сулейманъ уложилъ почти двадцать тысячъ, порываясь взять гору св. Николая и опрокинуть четырехтысячный русскій отрядъ, чтобы прорваться черезъ Балканы къ Габрову и Тырнову. Въ декабрѣ, эта армія, хотя и получила подкрѣпленія, но сдалась Радецкому, а Сулейманъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто Мегмета-паши, отрѣзанный отъ Адріанополя и потерявшій всю свою артилерію, былъ отставленъ и въ февралѣ 1878 г. обвиненный въ измѣнѣ отданъ подъ судъ. Процесъ его кончился только въ декабрѣ того же года. Сулейманъ защищался самъ, выказалъ на судѣ гораздо больше военныхъ знаній, чѣмъ обвинявшіе его генералы, опровергнувъ всѣ 93 пункта обвиненій, но былъ приговоренъ къ пятнадцатилѣтнему заключенію въ крѣпости и отправленъ въ Багдадъ.

† Въ Берлинѣ умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, основатель рабочихъ товариществъ въ Германіи Шульце-Деличъ, 75-ти лѣтъ. Родившись въ небольшомъ городкѣ прусской Саксоніи, Деличъ, кончивъ курсъ въ Гальскомъ университетѣ, по юридическому факультету, онъ служилъ 18 лѣтъ судьею, сначала въ Берлинѣ, потомъ въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ пріобрѣлъ такое вліяніе на народъ и рабочихъ, что когда среди населенія возникли безпорядки по случаю дороговизны съѣстныхъ припасовъ, онъ прекратилъ ихъ рѣчью къ народу. Выбранный въ 1848 году представителемъ города Делича въ прусскій парламентъ, онъ сдѣлался предсѣдателемъ комисіи для изслѣдованія положенія рабочихъ классовъ и посвятилъ всю свою жизнь этому «четвертому сословію», которому суждено играть, въ концѣ XIX столѣтія, такую-же значительную роль, какую играло въ концѣ XVIII-го, третье сословіе, tiers-etat Сіейеса—или буржуазія. Близко ознакомившись съ бытомъ рабочихъ, Шульце скоро убѣдился, что освободить ихъ отъ гнета капитализма можно только не путемъ соціалистическихъ утопій или цеховою монополіею, а устройствомъ товариществъ и асоціацій, содѣйствующихъ развитію мелкой ремесленной промышленности. Такое товарищество онъ основалъ въ своемъ Деличѣ, куда удалился въ томъ же 1848 году, послѣ распущенія національнаго собранія реакціонернымъ министерствомъ. Эта первая асоціація сапожниковъ, закупавшая оптомъ сырой матеріалъ и отпускавшая его въ кредитъ и по дешевой цѣнѣ рабочимъ имѣла огромный успѣхъ. Въ 1849 году Шульце-Деличъ снова былъ выбранъ членомъ палаты депутатовъ, вскорѣ же распущенной. Онъ отданъ былъ подъ судъ по обвиненію въ мятежѣ, за то, что подалъ голосъ палатѣ въ пользу предложенія объ отказѣ въ уплатѣ податей. Онъ самъ защищался въ судѣ и, послѣ блистательной рѣчи, былъ оправданъ, но потерялъ мѣсто судьи и занялся устройствомъ въ Прусской Саксоніи рабочихъ асоціацій разнаго рода, народныхъ банковъ ссудосберегательныхъ кассъ и т. п. Сочиненія его по этимъ вопросамъ отличаются яспостью и неотразимою логикою. Въ 1861 году, съ наступленіемъ болѣе либеральной эры, онъ былъ избранъ въ Берлинѣ представителемъ въ прусскій сеймъ, а въ послѣдствіи и въ германскій рейхстагъ, гдѣ всегда принадлежалъ къ прогресистской партіи. Тогда же онъ вступилъ въ жаркую полемику съ Лассалемъ, ждавшимъ улучшенія быта рабочихъ отъ ихъ собственнаго почина, тогда какъ Шульце ставилъ товарищества подъ контроль правительства. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Германіи было уже 1600 товариществъ съ капиталомъ болѣе чѣмъ въ сто милліоновъ талеровъ. Теперь цифра эта болѣе чѣмъ удвоилась. «Рабочій Катехизисъ» Шульце останется навсегда памятникомъ его плодотворной дѣятельности и доказательствомъ какъ много можетъ сдѣлать на пользу своихъ собратій и одинъ человѣкъ, одушевленной гуманностію и либеральными стремленіями.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Еще о расколовѣдахъ.

Н. С. Лѣсковъ, въ своей замѣткѣ «Народники и расколовѣды на службѣ» (см. майскую книжку «Историческаго Вѣстника»), приписалъ мнѣ то, чего я вовсе не говорилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о П. И. Мельниковѣ», да, признаться, о чемъ и не помышлялъ. Я не говорилъ нигдѣ, чтобы Н. С. Лѣсковъ былъ иного образа мнѣній о расколѣ, чѣмъ П. И. Мельниковъ. Также моя замѣтка, что «П. И. Мельниковъ былъ приверженцемъ отмѣны всѣхъ ограниченій для раскольниковъ», была сопоставлена въ отношеніи къ П. А. Валуеву, по поводу статьи въ № 17 «Сѣверной Почты» 1864 года, но не къ А. В. Головнину, какъ угодно говорить Н. С. Лѣскову. О взглядѣ А. В. Головнина на расколъ мнѣ ничего неизвѣстно, потому что съ нимъ о томъ у меня рѣчи не было. И къ чему было ему приглашать меня и просить указать ему на лицъ, если имъ уже былъ рѣшенъ выборъ? При названіи же мною Н. С. Лѣскова, я долженъ былъ ознакомить министра нѣсколькими словами съ Н. С. Лѣсковымъ.

Я вовсе не смѣшалъ дѣла о посылкѣ Н. С. Лѣскова въ Ригу, потому что въ своихъ «Воспоминаніяхъ» не говорилъ ни о предшествовавшихъ этой командировкѣ соображеніяхъ по школьному дѣлу, ни объ исполненіи этого порученія Н. С. Лѣсковымъ. Чего я не знаю, о томъ не говорю и предположеній не дѣлаю. Я ограничился передачею моего разговора съ А. В. Головнинымъ и передалъ его почти стенографически, какъ у меня онъ записанъ. Моя память можетъ быть превосходна, по любезному замѣчанію Н. С. Лѣскова, но я избѣгалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» вообще основываться на одной памяти, и повѣрялъ факты или по документамъ, у меня имѣющимся, или по документамъ, открытымъ мнѣ другими лицами. Поэтому я утверждаю, что переданный мною разговоръ съ А. В. Головнинымъ о П. И. Мельниковѣ и Н. С. Лѣсковѣ совершенно вѣренъ и не нуждается въ «коррективахъ». Эпизодъ, давшій Н. С. Лѣскову поводъ написать свою замѣтку, былъ приведенъ мною, какъ одно изъ доказательствъ систематическаго устраненія знатока раскола, П. И. Мельникова, отъ этого дѣла, по тому или другому соображенію, и въ этомъ отношеніи это доказательство—фактъ.

Что касается «до учрежденія цѣлаго сотрудничества» относительно приведенія въ ясность раскола, то дѣйствительно оно мнѣ извѣстно, но имѣющіяся у меня «фактическія данныя» не совпадаютъ со словами Н. С. Лѣскова. Но объ этомъ нѣтъ мѣста въ моемъ краткомъ возраженіи.

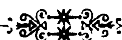
Пав. Усовъ.

КОРОНОВАНІЕ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА III

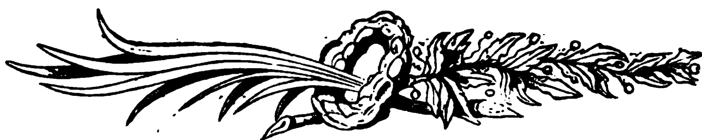
15 Мая 1883 года



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1883



Высочайшимъ манифестомъ отъ 24-го января нынѣшняго года возвѣщено было всѣмъ русскимъ подданнымъ объ имѣющемъ совершиться въ Маѣ священномъ короновании и установленномъ мѵропомазании ихъ величествъ, государя императора Александра Александровича и государыни императрицы Маріи Θеодоровны. Вслѣдъ за этой радостною вѣстію начались и закипѣли въ первопрестольной столицѣ Россіи работы и приготовленія къ великому торжеству. Всѣ культурные народы пожелали принять участіе въ величественномъ праздникѣ Русской Земли. Всѣ государи и правительства Европы, Соединенные Штаты, пограничныя и сосѣднія азіатскія государства, пожелали имѣть тутъ достойныхъ представителей, августѣйшихъ и высокопоставленныхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы присутствіе ихъ придало еще болѣе блеска этому историческому и національному торжеству. Все это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что великодушные помыслы государя, его чистосердечная политика, его стремленія, направленныя къ нравственному и матеріальному улучшенію народовъ, подвластныхъ его скипетру, оцѣниваются по достоинству всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Торжественный актъ коронованія, справедливо называемый иностранною печатью «празднествомъ мира въ высшемъ значеніи слова», состоялся 15-го мая. Ему предшествовалъ не менѣе торжественный въѣздъ ихъ величествъ въ Москву, изъ загороднаго Петровскаго дворца въ Кремлевскій, происходившій 10-го мая. Жители первопрестольной столицы, одушевляемые чувствомъ искренней радости, употребили всѣ усилія, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить столь желанныхъ и дорогихъ Гостей.

«Трудно передать, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, красоту Тверской улицы въ ея полномъ уборѣ; бархатные, золотомъ расшитые стяги

съ портретами государей дома Романовымъ, гигантскіе флагштоки, ковры, гирлянды живой и искуственной зелени, милліоны флаговъ, щиты и иллюминаціонныя декораціи придавали улицѣ видъ волшебной сказочной галлереи. Усиленное движеніе послѣднихъ дней на Тверской и въ прилегающихъ переулкахъ смѣнилось торжественною тишиной: ни шума экипажей, ни криковъ разнозчиковъ; магазины заперты, всюду образцовый порядокъ. Въ 8 часовъ утра устроенныя мѣста начали наполняться зрителями; на балконахъ, въ растворенныхъ окнахъ, на кронштейнахъ газовыхъ канделябровъ—всюду народъ. Въ 10 часовъ, на Большой Никитской и Малой Дмитровкѣ началось движеніе экипажей по направленію къ Петровскому парку; весь путь былъ усыпанъ пескомъ. Бульвары полны народомъ. Ровно въ 2 часа пополудни девять выстрѣловъ съ Тайницкой башни и, одновременно съ этимъ, благовѣстъ съ Ивана Великаго, подхваченный всѣми церквами, оповѣстили начало торжества. Народъ снималъ шапки и набожно крестился. Три отвѣтные выстрѣла конной батареи противъ Петровскаго дворца дали знать, что государь сѣлъ на коня; народъ, покрывавшій обочины петербургскаго шоссе, всколыхнулся. Появленіе кортежа изъ дворцовой ограды встрѣчено могучимъ перекатнымъ «ура», волненіе было настолько сильное, что многіе плакали, шапки летѣли вверхъ. Прохожденіе кортежа мимо тріумфальной арки заняло ровно полчаса. Впереди ѣхалъ полиціймейстеръ Огаревъ, за нимъ взводъ конныхъ жандармовъ, далѣе слѣдовали: конвой его величества въ красныхъ бешметахъ, съ винтовками, эскадронъ лейбъ-драгунъ, до сорока депутатовъ подвластныхъ Россіи азіатскихъ народовъ въ живописныхъ костюмахъ, многочисленныя казацкія депутаціи; дворяне верхомъ, предводительствуемые московскимъ уѣзднымъ предводителемъ, скороходы въ шляпахъ, убранныхъ разноцвѣтными перьями, арабы въ бѣлыхъ чалмахъ, черныхъ съ золотомъ курткахъ и красныхъ шароварахъ, государевы охотники въ парадной формѣ, коронаціонные верховный и оберъ-церемоніймейстеры въ парадныхъ экипажахъ, кавалькада камеръ-юнкеровъ и камергеровъ, нѣсколько золотыхъ каретъ со вторыми чинами двора, свитскими кавалерами иностранныхъ принцевъ, гофмаршалъ съ жезломъ въ рукѣ, въ открытомъ фаэтонѣ; затѣмъ снова золотыя кареты съ первыми чинами и членами государственнаго совѣта, оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ, въ открытомъ экипажѣ, эскадронъ кавалергардовъ, эскадронъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Центръ кортежа составлялъ государь императоръ на бѣломъ конѣ, въ обще-генеральскомъ мундирѣ, при андреевской лентѣ, въ черной барашковой шапкѣ. Далѣе слѣдовали наслѣдникъ цесаревичъ, великіе князья, иностранные принцы въ парадной формѣ при русскихъ орденахъ. Съ приближеніемъ государя императора народный гимнъ, исполняемый полковыми оркестрами, смѣнялся

барабаннымъ боемъ, который продолжался до приближенія кареты принцессъ Баденской и Ольденбургской, а затѣмъ снова замѣнялся гимномъ. Свита государя отдѣлялась отъ кареты императрицы кавалькадою генералъ-адъютантовъ и военной свитой иностранныхъ особъ. Государыня императрица была въ бѣломъ платьѣ русскаго покроя, расшитомъ золотомъ, и въ повязкѣ, украшенной жемчугомъ, бриллiантами и драгоцѣнными каменьями. Кромѣ перечисленныхъ въ высочайше утвержденномъ церемоніалѣ великихъ княгинь и принцессъ, приняла участіе въ торжествѣ въѣзда греческая королева. Поѣздъ встрѣчали у каждой попутной церкви духовенство съ крестами и иконами, у тріумфальной арки—московскій генералъ-губернаторъ, князь Долгоруковъ, съ адъютантами, у старыхъ Тріумфальныхъ воротъ — городской голова съ членами думы и управы, московская мѣщанская и ремесленная управы и представители цеховъ, у Страстного монастыря — московское губернское земство, противъ генералъ-губернаторскаго дома—московское дворянство, у Воскресенскихъ воротъ — губернаторъ, администрація, судебныя учрежденія. Здѣсь, у часовни Иверской Богоматери, поѣздъ остановился. Государь сошелъ съ коня, императрица, великая княжна Ксенія Александровна и великія княгини вышли изъ каретъ. На площадкѣ, залитой огнями, часовни встрѣтилъ ихъ величества викарный епископъ съ крестомъ и святою водой. Ихъ величества приложились къ иконѣ. Выходъ августѣйшей семьи изъ часовни вызвалъ неописанный народный восторгъ, клики заглушали звонъ, пушечная пальба глухо доносилась изъ-за кремлевской стѣны. Поѣздъ выдвинулся на Красную площадь къ Спасскимъ воротамъ, гдѣ его встрѣтилъ комендантъ. На паперти Успенскаго собора состоялась встрѣча синодомъ. Вступленіе въ соборъ возвѣщено было 85-ю выстрѣлами. Приложившись къ мощамъ и иконамъ, ихъ величества и ихъ высочества перешли въ Архангельскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ архіепископъ Тверской, затѣмъ посѣтили Благовѣщенскій соборъ, послѣ чего направились по устланнымъ алымъ сукномъ подмосткамъ къ Красному Крыльцу Большого дворца. На нижней ступени, верховной коронаціонный маршалъ встрѣтилъ ихъ величества хлѣбомъ-солью. Вступленіе во дворецъ возвѣщено было 101-мъ салютаціоннымъ выстрѣломъ. Къ пяти часамъ облачное небо расчистилось. Зажглась блестящая иллюминація, улицы наполнились празднично одѣтымъ, ликующимъ народомъ».

Это величественное зрѣлище, полное блеска и роскоши, видъ кортежа, проявленіе необычайнаго народнаго энтузіазма, при соблюденіи образцоваго порядка, не мало поразили иностранныхъ корреспондентовъ. Всѣ они свидѣтельствуютъ о чрезвычайной внушительности коронаціонныхъ торжествъ. Колоссальное необъятное богат-

ство русскаго двора, блестящая военная свита, фантастическіе костюмы азіатскихъ народностей, необыкновенно роскошно убранные дома—все это вмѣстѣ взятое сливалось въ блистательную картину. «Отчеты, получаемые нами изъ Москвы, замѣчаетъ по этому поводу одна изъ австрійскихъ газетъ, напоминаютъ намъ сказки изъ «Тысячи и одной ночи». Изъ каждой строки видно, каждое слово свидѣтельствуетъ, что мы стоимъ на рубежѣ Азіи, гдѣ сталкиваются волны двухъ культурныхъ морей, гдѣ Западъ соприкасается съ Востокомъ». Но особенно большую честь величію московскихъ торжествъ воздала англійская печать, заявляя о непринужденномъ проявленіи горячаго энтузіазма и преданности русскаго народа своему государю. Передъ этой непринужденностью, передъ этимъ восторгомъ падаетъ всякое предубѣжденіе и въ глазахъ Европы Россія предстаетъ объединенной любовью къ монарху, преданная царствующему дому и сознающая свое счастье въ томъ, что она можетъ засвидѣтельствовать это передъ лицомъ вселенной.

На слѣдующій день по вступленіи русскаго царя подъ сѣнь Кремлевскаго дворца, согласно росписанію празднествъ, происходило освященіе государственнаго знамени въ Тронной залѣ Оружейной палаты. Новое государственное знамя было утверждено на золоченой подставкѣ, за налоемъ, поставленнымъ для богослуженія. Древко и утвержденіе знамени деревянныя, раскрашенныя шахматами въ государственные цвѣта, черный, золотой и серебряный; самое знамя изъ чистаго шелка, по которому кистью нарисованъ государственный гербъ также въ три цвѣта; онъ заключенъ между дубовою и пальмовою вѣтьвями, знамя окаймлено широкой бахрамой, въ перемежку золотой, серебряной и черной; кисти такихъ же цвѣтовъ, на такихъ же шнурахъ висятъ рядомъ съ андреевскими лентами; оно заканчивается золотымъ яблокомъ съ орломъ.

Члены государственнаго совѣта, сенаторы и другіе чины, собрались въ смежной съ Тронной залой. Богослуженіе отправлялъ протопресвитеръ Бажановъ соборне съ придворнымъ духовенствомъ и хоромъ пѣвчихъ петербургской капеллы. Богослуженіе началось въ 12 часовъ, когда вступилъ въ залу государь императоръ подъ руку съ государыней и въ сопровожденіи великихъ князей и наслѣдника цесаревича. Богослуженіе это совершается по чину освященія воинскаго знамени. Въ эктеніи дьяконъ возглашаетъ о молитвѣ къ Богу, чтобы Онъ благословилъ это знамя небеснымъ благословеніемъ, чтобъ оно было страшно всѣмъ врагамъ нашимъ, чтобъ оно давало дерзновеніе, силу и крѣпость воинству нашему на утвержденіе мира и избавленіе отъ всѣхъ нуждъ и бѣдъ отечества нашего, чтобъ оно «перемѣнило всю скорбь и сѣтованія наши на радость и веселіе, и бѣдствованіе въ твердый миръ», чтобъ оно «сокрушило щитъ, оружіе и брань всѣхъ борящихся съ нами». Окропя

знамя святою водою изъ старинной чаши, взятой изъ Оружейной палаты, протопресвитеръ обратился къ государю съ краткою рѣчью, чтобъ эта хоругвь была явнымъ знаменемъ небеснаго благословенія, чтобъ Господь даровалъ государю крѣпость и силу на утвержденіе мира и на страхъ врагамъ. Приложившись къ кресту, государь вмѣстѣ съ августѣйшею семьею осматривалъ государственныя регаліи, расположенныя въ сосѣдней комнатѣ—корону, государственную печать, государственный мечъ, скипетръ, державу и большую и малую андреевскія цѣпи.

Послѣ освященія государственнаго знамени, ихъ величества отбыли въ Александровскій дворецъ Нескучнаго сада. Этотъ дворецъ великолѣпно реставрированъ, ограда, оранжереи и боскеты отдѣланы заново, ослѣпительный коверъ живыхъ цвѣтовъ спускается отъ дворцовой терассы къ рѣкѣ Москвѣ. Тутъ государь и государыня говѣли.

Послѣдующіе три дня, 12-е, 13-е и 14-е мая были посвящены торжественному объявленію о коронаціи и перенесенію регалій изъ Оружейной палаты въ Андреевскую залу Кремлевскаго дворца.

Наконецъ, 15-го мая насталъ вожделѣнный день священнаго коронованія. Знаменательное торжество это совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Внѣ дворца, отъ Святыхъ Сѣней до южныхъ вратъ Успенскаго собора, по обѣ стороны устроеннаго хода, стали шпалерами 4 оберъ-офицера, 4 унтеръ-офицера и 94 рядовыхъ отъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Далѣе, вдоль хода отъ сѣверныхъ вратъ Успенскаго собора до дворцовой рѣшетки, такимъ же порядкомъ размѣстились чины Кирасирскаго Его Величества полка. За дворцовою рѣшеткой, кругомъ колокольни Ивана Великаго, вдоль хода къ Архангельскому собору, стали шпалерами сначала чины Кирасирскаго Ея Величества полка, за ними лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества, Уланскаго Его Величества, и наконецъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полковъ. По обѣ стороны рѣшетки, примыкающей къ Архангельскому собору, шпалеры вдоль хода составляли чины 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка, а за ними, по направленію къ Красному Крыльцу, до шпалеръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, были расположены чины 4-го лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Величества полка. Шпалеры у сѣверной стѣны и вратъ Архангельскаго собора составили лейбъ-драгуны Чугуевскаго Ея Величества полка. Шпалерами, на ходахъ устроенныхъ отъ Архангельскаго собора къ Благовѣщенскому и къ Красному Крыльцу, стали чины собственнаго Его Величества конвоя. Во всѣхъ этихъ частяхъ было 18 офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ и 358 рядовыхъ.

За этими шпалерами, вдоль ходовъ, расположены были полуроты отъ пѣхоты и взводы отъ кавалеріи войскъ коихъ ихъ величества

изволятъ быть шефами, а также другихъ гвардейскихъ полковъ и баталіоновъ. Тутъ же расположилась музыка полковъ лейбъ-драгунскаго Московскаго, лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго, лейбъ-Казачьяго, лейбъ-гвардіи Литовскаго и лейбъ-Гусарскаго полковъ. Внутри дворцовой рѣшетки за шпалерами стали: полурота лейбъ-гвардіи Московскаго полка съ музыкой у сѣверныхъ вратъ Архангельскаго собора, вдоль сѣверной стѣны коего помѣстились лейбъ-егеря. Правѣе западныхъ вратъ Архангельскаго собора стала полурота Измайловскаго, лѣвѣе музыка Семеновскаго полка, а за нею вдоль хода къ Благовѣщенскому собору полурота этого полка и сводный взводъ гвардейской пѣшей артиллеріи. Вдоль хода Благовѣщенскаго собора къ Красному Крыльцу размѣстилась полурота преображенцевъ съ музыкой.

Чтобы доставить случай видѣть торжество коронованія нижнимъ чинамъ войскъ не находившихся въ этотъ день въ строю, приказано было составить особую команду изъ представителей, по одному человѣку, отъ каждой роты, эскадрона и батареи. Такая команда отъ войскъ округа вмѣстѣ съ нижними чинами Болгарской депутаціи была поставлена на площадкѣ у сѣвернаго входа въ Архангельскій соборъ, а отъ гвардейскихъ частей на Разводной площадкѣ. Сверхъ того, отъ войскъ Московскаго военнаго округа и Своднаго гвардейскаго отряда, у главной гауптвахты находилось 150 генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ. Тутъ же были офицеры Болгарской депутаціи и командиры находящихся въ Москвѣ шефскихъ полковъ. Остальные генералы и оберъ-офицеры находились въ Георгіевскомъ залѣ.

Внутри дворца стояли взводы: Кавалергардскаго Ея Величества полка въ Андреевской, Собственнаго Его Величества конвоя и лейбъ-гвардіи Коннаго полка въ Георгіевской; Кирасирскихъ Его Величества и Ея Величества полковъ въ Святыхъ Сѣняхъ. Владимірская зала была занята четырьмя взводами кадетъ Московскихъ корпусовъ и ротой Александровскаго военнаго училища.

Во всѣхъ частяхъ войскъ знамена и штандарты были поставлены предъ серединой полуротъ и взводовъ.

Караулы въ Кремлѣ въ этотъ день отъ Преображенскаго полка вступили послѣ шести часовъ утра. Часъ или полтора спустя, когда всѣ войска уже заняли мѣста, линіи обошелъ командующій собранными въ Москвѣ и окружностяхъ войсками, его высочество великій князь Владиміръ Александровичъ.

Съ 6 часовъ утра, толпы народа уже спѣшили въ Кремль. Всѣ улицы и бульвары были полны людьми; двигались длинные ряды экипажей по направленію отъ периферіи первопрестольной столицы къ ея сердцу, гдѣ въ то время бился пульсъ Россіи. Лица всѣхъ были бодрыя, радостно и празднично настроенныя. Чѣмъ ближе

къ Кремлю тѣмъ больше замѣтно было и движеніе массъ, всеобщее оживленіе. Улицы: Никитская, Воздвиженка, Знаменка, Моховая, пространство между Экзерцыргаузомъ и Александровскимъ садомъ, набережная Москвы-рѣки, все это наполнено было сплошною массой пѣшеходовъ и экипажей, направляемыхъ пѣшею и конною стражей къ различнымъ воротамъ Кремля.

Порядокъ былъ примѣрный; при этой торопливости—никакой суеты, отсутствіе натиска. Сознаніе святости событія умѣряло эгоистическіе порывы, вносило стройность движенія въ многотысячное сборище людей.

Въ 8 часовъ, вошелъ въ соборъ митрополитъ Исидоръ и началъ облачаться въ ризы къ служенію. Множество высшаго духовенства находилось въ алтарѣ; всѣ были облачены въ новыя блестящія ризы. Особыя мѣста наполнились дипломатическимъ корпусомъ, сановниками, придворными дамами и супругами пословъ. Русскія дамы были всѣ въ русскихъ костюмахъ, со множествомъ бриллiантовъ и драгоцѣнныхъ камней, которые ярко играли на солнцѣ. Прочтены часы и митрополитъ Исидоръ, соборне со всѣмъ высшимъ духовенствомъ, отслужилъ молебствіе о здравіи ихъ императорскихъ величествъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору, государынѣ императрицѣ, государю наслѣднику цесаревичу и всему царствующему дому. Въ 8 часовъ 45 минутъ, митрополитъ съ прочимъ духовенствомъ отправился на встрѣчу его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича. Въ 9 часовъ, раздался звонъ всѣхъ колоколовъ; въ соборѣ запылали переднія паникадилы, съ улицы послышалось «ура», которое наконецъ замолкло, когда въ соборъ вошелъ встрѣченный духовенствомъ государь наслѣдникъ цесаревичъ съ герцогиней Эдинбургской Маріею Александровною. За ихъ высочествами слѣдовалъ великій князь Георгій Александровичъ съ великою княжною Ксеніею Александровною. Государь наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ и великій князь Георгій Александровичъ были въ преображенскихъ мундирахъ, въ александровскихъ лентахъ и съ андреевскими цѣпями; затѣмъ слѣдовали герцогъ Эдинбургскій съ эрцгерцогиней Маріей-Терезіей, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ съ великою княгинею Маріею Павловною, греческая королева, великія княгини Александра Іосифовна, Ольга Ѳеодоровна, Екатерина Михаиловна съ дочерью Еленою Георгіевной, Вѣра Константиновна, принцесса Баденская Марія Максимиліановна, принцесса Ольденбургская Евгенія Максимиліановна; великіе князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи съ сыновьями; герцоги Лейхтенбергскіе князья Романовскіе; принцы Ольденбургскіе Александръ Петровичъ съ сыномъ; иностранные принцы, князь Николай Черногорскій, князь Болгарскій и эрцгерцогъ австрійскій, прусскій принцъ,—почти всѣ въ русскихъ мундирахъ и лентахъ; августѣй-

шіе фельдмаршалы, Николай и Михаилъ Николаевичи, въ георгіевскихъ лентахъ. Высочайшія особы заняли площадку, отдѣленную отъ трона золотою баллюстрадой. Послѣ этого духовенство приготовилось къ встрѣчѣ ихъ императорскихъ величествъ.

Въ 9 часовъ 30 минутъ, на терассахъ противъ Андреевской залы и выходящей къ Благовѣщенскому собору раздались звуки трубъ и литавръ.

Всѣ глаза обратились къ Красному Крыльцу. На верху его наконецъ, показались блестящія каски: это взводъ кавалергардовъ открываетъ шествіе, направляясь къ Успенскому собору. За ними въ раззолоченыхъ мундирахъ пажи и камеръ-пажи, далѣе волостные старшины и гминные войты. За ними снова длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій, сословій, въ блестящихъ мундирахъ, переливающихъ всѣми цвѣтами въ яркихъ лучахъ утренняго солнца.

Забилъ барабанъ, выходитъ дворцовый караулъ, на Крыльцѣ показываются императорскія регаліи, среди которыхъ высоко поднимается государственное знамя. При глубокомъ молчаніи тысячной толпы зрителей на площадкахъ и галлереяхъ, процессія медленно, торжественно спускается со ступеней направляясь къ Успенскому собору. Сейчасъ появится государь; всѣ какъ бы замерли устремивъ взоры на одно мѣсто, составлявшее въ данную минуту центръ всего—на Красное Крыльцо. Наконецъ, музыканты на дворцовыхъ терассахъ грянули Боже Царя храни, предъ крыльцомъ зарокоталъ барабанъ, на Иванѣ Великомъ зазвонили во всѣ колокола, и государь показался на Крыльцѣ. Громовое ура потрясло воздухъ; шапки полетѣли вверхъ. Это была торжественная минута: клики ура многотысячной массы, звонъ колоколовъ, повсюду громъ музыки и барабановъ, тѣ же клики ура доносящіеся изъ-за высокихъ зданій и зубцовъ Кремля, окруженнаго стотысячными толпами—все слилось въ одинъ оглушительный гулъ.

Ихъ величества медленными шагами, величественно и спокойно спускались съ Крыльца. На послѣдней ступени ихъ ожидалъ сіяющій золотомъ балдахинъ, окруженный высшими сановниками государства. Государь и государыня стали подъ балдахинъ, и, при томъ же оглушительномъ гулѣ музыки, колокольнаго звона и кликовъ ура, процессія направилась къ Успенскому собору.

У входа въ него, митрополитъ московскій, Іоанникій, привѣтствовалъ государя слѣдующей рѣчью:

«Благочестивѣйшій Великій Государь!

«Исполнилось завѣтное желаніе Твое и всѣхъ Твоихъ вѣрноподданныхъ. Въ царственномъ величіи торжественно вступаешь Ты въ знаменитый храмъ первопрестольной столицы Твоей воспріять, по примѣру благочестивыхъ предковъ Твоихъ, видимые знаки ве-

ликаго Богомъ предопредѣленнаго Тебѣ царственнаго служенія и священное помазаніе отъ Святаго, а съ нимъ и всѣ дары Духа Святаго, необходимые къ прохожденію великаго къ Богу служенія Твоего.

«Милліоны Твоихъ вѣрноподданныхъ по всѣмъ градамъ и весямъ обширнѣйшей въ мірѣ державы Твоей торжествуютъ и ликуютъ, сопровождая шествіе Твое молитвенными благожеланіями; святая церковь срѣтаетъ Тебя горячими молитвами о Тебѣ къ Царю царствующихъ.

«Вѣруемъ, что съ сими видимыми молитвами соединяются незримыя, но болѣе нашихъ дѣйствительныя молитвы Твоихъ благочестивѣйшихъ предковъ, собирателей и устроителей Земли Русской, и молитвы великихъ святителей,-издалеча очами вѣры прозиравшихъ и предсказывавшихъ величіе Богомъ ввѣренной Твоему водительству державы.

«Дерзаемъ со смиреніемъ уповать, что горячія и смиренныя молитвы такого сонма вѣрующихъ проникнутъ небеса, взойдутъ къ престолу Царя царствующихъ и низведутъ чрезъ таинственное священнодѣйствіе церкви благословеніе Всевышняго на Тебя и Богомъ ввѣренную Тебѣ державу.

«Господь Вседержитель, въ рукахъ Котораго судьбы царей и царствъ, да соблюдетъ Тебя и царство Твое въ мирѣ и безопасности; да изліетъ на Тебя Духа премудрости и разума, во еже судити людямъ Твоимъ въ правду, Духа крѣпости и мужества, во еже устроити вся къ пользѣ врученныхъ Тебѣ людей и къ славѣ пресвятаго имени Своего.

«Благословенъ грядый во имя Господне!

Заимствуемъ далѣе описаніе самаго коронованія изъ корреспонденціи А. С. Суворина («Новое Время» 18-го мая) который, находясь въ соборѣ, былъ очевидцемъ этого великаго событія.

«Вступивъ въ соборъ при пѣніи псалма «Милость и судъ воспою тебѣ Господи» государь и государыня колѣнопреклоненно прикладывались къ образамъ и молились. Затѣмъ они взошли на тронное возвышеніе и государь, поклонившись, сталъ передъ трономъ, а передъ другимъ, по правую его руку, государыня. На государѣ была общая генеральская форма, съ андреевской цѣпью; на государынѣ платье изъ серебряной парчи и красная екатерининская лента; два локона, отдѣляясь отъ высокой прически, падали назадъ какъ косы. По лѣвую сторону государя стали великіе князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи, по правую сторону государыни — великій князь Сергѣй Александровичъ и принцъ датскій Вольдемаръ. Когда пѣвчіе смолкли, то среди наступившей тишины митрополитъ Исидоръ обратился къ государю съ рѣчью—«въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ вашихъ исповѣдать православную

каѳолическую вѣру, како вѣруеши». Громкимъ, звучно раздавшимся въ храмѣ голосомъ государь прочиталъ символъ вѣры. Произнося «И въ духа святаго животворящаго», государь перекрестился и всѣ перекрестились за нимъ. Окончивъ, онъ перекрестился снова. Всѣ русскіе государи читали это «Вѣрую» въ этомъ храмѣ, какъ представители совѣсти своего народа и его вѣры, которая спасала Русь въ минуту величайшихъ бѣдствій и соединяла ее на борьбу со зломъ и врагомъ. Митрополитъ Исидоръ сошелъ съ троннаго возвышенія и началось молебствіе. Эта служба вся исполнена того смысла, который влагаетъ наша церковь въ обрядъ царскаго вѣнчанія. Правосудіе, мудрость, милость, попеченіе о подданныхъ, великость власти, освящаемой Богомъ, и великость обязанностей, лежащихъ на государѣ,—все тутъ напоминается. И это торжество и эта радость, о которомъ говорится въ читаемомъ тутъ пророчествѣ Исаіи, образно выраженномъ словами «да отверзутъ горы веселіе, и холми радость», все это во имя народнаго счастія. Чтеніе Апостола—«всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется» и «воздадите всѣмъ должная»; чтеніе Евангелія—фарисеи, искушающіе Христа словомъ своимъ, но Христосъ уразумѣлъ ихъ лукавство и посрамилъ ихъ отвѣтомъ своимъ. Послѣ Евангелія, государь облекся въ порфиру, которую помогли ему надѣть великіе князья Владиміръ и Алексѣй, снявъ съ него предварительно цѣпь ордена Андрея Первозваннаго. Государь наклонилъ голову. Митрополитъ Исидоръ перекрестилъ три раза верхъ головы государя и, сложивъ на ней крестообразно руки свои, прочиталъ молитву «Господи Боже нашъ, Царю Царствующихъ, и Господи Господствующихъ, иже чрезъ Самуила пророка избравый раба твоего Давида» и проч. Потомъ всѣ наклонили голову и митрополитъ прочиталъ вторую молитву «Тебѣ единому Царю человѣковъ, преклони выю Благочестивѣйшій Государь» и пр. Графъ Гейденъ подалъ на подушкѣ корону митрополиту, а онъ поднесъ ее государю. Государь тихо надѣлъ ее и поправилъ на головѣ своей. Онъ весь былъ волненіе. Поданы были держава и скипетръ. Онъ стоялъ передъ этимъ алтаремъ во всемъ величіи своего сана, во всей отвѣтственности передъ Богомъ и исторіей своего народа. Онъ источникъ обновленія государства. Онъ представитель лучшихъ преданій нашей исторіи, лучшихъ стремленій народа; знаки царской чести и славы, порфира и вѣнецъ, въ то же время символы багряницы Христа и Его терноваго вѣнца. Государственный разумъ, патріотизмъ, сохраненіе цѣлости Земли Русской, все великое и высокое въ народной жизни—всему этому онъ долженъ отвѣчать, все усвоить своимъ сердцемъ и умомъ. Слезы невольно бѣжали изъ глазъ государя и, положивъ на подушки скипетръ и державу, онъ тихо подозвалъ государыню и долго отиралъ слезы платкомъ; государыня стала передъ нимъ на

колѣни; онъ снялъ съ себя корону и, прикоснувшись къ головѣ государыни, снова надѣлъ ее. Поднесенную ему малую корону онъ возложилъ на голову государыни; четыре статсъ-дамы подошли въ это время и оправили ее; между тѣмъ развертывалась порфира государыни при помощи великаго князя Сергѣя Александровича и принца Вольдемара; возложивъ на государыню порфиру съ цѣпью ордена Андрея Первозваннаго, государь ожидалъ пока ее оправятъ. Обрядъ этотъ продолжался около десяти минутъ и государыня все время стояла на колѣняхъ. Когда она поднялась, лицо ея выражало необыкновенное волненіе, а глаза устремлены на государя; не спуская ихъ съ него, она подошла къ нему и поцѣловала его; государь отвѣчалъ ей поцѣлуемъ. Затѣмъ оба сѣли на троны. Протодьяконъ сталъ читать полный титулъ государя, это напоминаніе всей нашей исторіи, всего труда и крови народной, всего разума государей русскихъ. Въ это время великій князь Владиміръ Александровичъ сталъ передъ государемъ и низко ему поклонился. Государь подозвалъ его къ себѣ и поцѣловалъ. За нимъ подошелъ великій князь Алесѣй Александровичъ и прочіе члены императорскаго дома и иностранные принцы и владѣтельные князья Черногоріи и Болгаріи. Государь цѣловалъ ихъ или жалъ имъ руки. Двое хотѣли было поцѣловать руку государя, но онъ не далъ ее и поцѣловалъ ихъ. Поздравивъ государя, всѣ они поздравляли потомъ государыню, цѣлуя у ней руку, а она цѣловала ихъ въ лобъ. Между тѣмъ провозглашено было многолѣтіе. Послышались выстрѣлы, звонъ колоколовъ, крики ура и подъ эти-то торжественные звуки, приносились поздравленія государю и государынѣ. Когда стихли пушечные выстрѣлы и колокольный звонъ, государь, сложивъ съ себя регаліи, взялъ поданную ему митрополитомъ книгу, сталъ на колѣни и прочиталъ взволнованнымъ голосомъ молитву: благодаря Господа Вседержителя, государь молится о томъ, чтобъ онъ наставилъ его въ правленіи народомъ, послалъ мудрость и разумѣніе ему «къ пользѣ врученныхъ ему людей» и къ славѣ Божіей, чтобъ въ день страшнаго суда «непостыдно» дать Богу отвѣтъ; къ концу молитвы голосъ государя дрожалъ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ; вставъ, онъ утиралъ глаза свои, полные слезъ. Послѣ этого умилительнаго момента, всѣ стали на колѣни и митрополитъ прочелъ молитву и сказалъ госудаю привѣтственную рѣчь:

«Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный, Великій Государь Императоръ!

«Торжественно совершившееся Священное Вѣнчаніе Твое на прародительскомъ Престолѣ привѣтствуемъ какъ благодатный даръ свыше—отъ Отца свѣтовъ, вѣнчающаго Тя милостію и щедротами (Псал. 102, 4), славою и честію (Псал. 20, 6).

«Живъ Господь, изрекшій чрезъ пророка: Возставлю пастыря

овцамъ единаго, и упасетъ я,—раба Моего Давида, той упасетъ я и упокоитъ (Iезек. 34, 23).

«Въ лицѣ Твоемъ, Избранникъ Божiй, зримъ того Царя по сердцу Божiю, котораго Всевышнiй поставилъ надъ людьми Своими и облекъ видимыми знаками Высочайшей власти, чтобы врученные державѣ Твоей народы, подъ сѣнiю скипетра Твоего проводили тихое и безмолвное житiе во всякомъ благочестiи и чистотѣ, въ довольствѣ и радости, и чтобы возлюбленная Его церковь, искупленная цѣною дражайшей крови Его, подъ Твоимъ покровительствомъ, охраняемая ото всѣхъ навѣтовъ вражiихъ, мудростiю и силою Твоею восходила отъ силы въ силу и достигала въ мѣру возраста исполненiя Христова (Ефес.).

«Подвигъ великiй, для котораго, можно сказать, не довлѣютъ никакiя силы человѣческiя, никакая мудрость, никакая любовь, какъ бы онѣ велики ни были! Но когда Самъ Вышнiй, владѣющiй царствомъ человѣческимъ, внушаетъ Избранному Своему: Довлѣетъ ти благодать Моя (2 Корин. 12. 9). Предо мною еси присно. (Иса. 49, 16). Призови мя въ день скорби твоея и изьму тя (Псал. 49 15): вѣруемъ и уповаемъ, что по царственной молитвѣ Твоей и соединенной съ нею молитвѣ всѣхъ вѣрныхъ Твоихъ подданныхъ пошлетъ Тебѣ Господь обѣтованiе Отца Своего и облечетъ Тя силою свыше (Лук. 24, 49).

«Тобою, Господи, Царiе царствуютъ (Прич. 8, 15). Твоею благодатiю непоколебимъ Всероссiйскiй Престолъ. Твоею милостiю крѣпка Россiя.

«Слава Тебѣ Богу, Благодателю нашему во вѣки вѣковъ!»

Сказавъ эти слова, митрополитъ возгласилъ: «Слава Тебѣ Богу Благодателю нашему во вѣки вѣковъ». Хоръ пѣвчихъ пропѣлъ «Тебѣ Бога Хвалимъ».

«Этимъ окончилось коронованiе. Началась литургiя во время которой государь стоялъ безъ короны.

«Въ концѣ литургiи, послѣ причастнаго стиха, когда царскiя врата отворились, два архiерея съ протодьяконами вступили на тронное возвышенiе и архiепископъ Павелъ, экзархъ Грузiи, возвѣстилъ государю, что приблизилось время мvропомазанiя. Государь снялъ съ себя саблю и въ порфирѣ приблизился къ Царскимъ вратамъ; мvропомазанный митрополитомъ Исидоромъ на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ и персяхъ и по обѣ стороны на рукахъ, государь сталъ у иконы Спасителя; послѣ этого была помазана мvромъ только на челѣ государыня; она стала по лѣвую сторону Царскихъ вратъ, у иконы Богородицы. Митрополитъ Исидоръ ввелъ государя въ алтарь, гдѣ онъ причастился по чину священнослужителей. Затѣмъ уже вынесены были, какъ обыкновенно, святые дары и государыня приняла св. причастiе отъ рукъ митрополита. Государь и государыня возвратились на тронъ.

«Церковное торжество кончилось, началось торжество народное. Государь въ порфирѣ и вѣнцѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ, государыня въ порфирѣ и коронѣ, блистая золотомъ и драгоцѣнными камнями, подъ роскошнымъ балдахиномъ, который несли 32 генералъ-адъютанта, предшествуемые пышной процессіей, явились передъ народомъ. Солнце обливало своимъ горячимъ свѣтомъ оригинальныя фантастическія зданія этихъ дворцовъ и соборовъ, эти войска, эти пышныя одежды, эти пестрыя толпы. Балдахинъ медленно плылъ надъ толпою. Выстрѣлы изъ пушекъ, звонъ колоколовъ, музыка, игравшая «Боже Царя храни», крики народа, которые заливали весь Кремль и представляли собою море головъ, все это не поддается описанію. Къ вечеру весь городъ былъ залитъ огнями. На всѣхъ улицахъ несмѣтныя толпы народа и вереницы экипажей. Вся Москва была озарена великою народною радостью, выражавшеюся несмолкаемыми криками «ура!» въ Кремлѣ и по всему городу. Море свѣта, море ликованій!»

Такимъ образомъ совершилось коронованіе императора Александра III. Вѣнчаніе на царство русскихъ царей было всегда великимъ и священнымъ торжествомъ для русскаго народа, но нынѣ, послѣ недавнихъ испытаній, глубоко поразившихъ Россію, оно имѣетъ особое, благодатное значеніе, которое со всею силою чувствуется каждымъ, кто любитъ свою родину...

На слѣдующій день, при представленіи государю поздравленій отъ лица всего духовенства, митрополитъ Кіевскій и Галицкій Платонъ сказалъ прекрасную рѣчь, которая произвела на присутствующихъ сильное впечатлѣніе и которую мы приводимъ въ подлинникѣ:

«Благочестивѣйшій, Богомъ Вѣнчанный, Великій Государь Императоръ. Псалмопѣвецъ Давидъ въ одной изъ вдохновенныхъ своихъ пѣсней взываетъ: «Сынове Сіона возрадуются о Царѣ Своемъ» (Псал. CXLIX, 2). Внимая сему священному призыву къ радости и слѣдуя влеченію сердецъ нашихъ, мы, сыны Новаго Сіона, православной Россіи, отъ души радуемся нынѣ о Царѣ Своемъ, о Тебѣ, Возлюбленный Монархъ нашъ, и просимъ дозволенія выразить предъ Тобою причины нашей радости.

«Мы радуемся нынѣ потому, что видимъ въ Тебѣ Царя по сердцу нашему: Царя кроткаго и милостиваго, праводушнаго и благочестивѣйшаго, какъ это показываютъ безукоризненная жизнь, преданность волѣ Божіей и добрыя дѣла Твои.

«Мы радуемся и потому, что Ты сдѣлался Царемъ нашимъ не только по закону Царскаго Престолонаслѣдія, но и по особому дѣйствію Промысла Божія, которое видно изъ того, что по закону престолонаслѣдія надлежало быть Царемъ въ Россіи первородному Брату Твоему, бывшему до Тебя Наслѣдникомъ Всероссійскаго

Престола, но Богъ, Который, по выраженію Премудраго—содержитъ въ рукѣ Своей власть земли и потребнаго воздвигаетъ во время на ней (Сир. X, 4) судилъ иначе: Онъ призвалъ сего Брата Твоего въ свои горнія обители и чрезъ это законно открылъ Тебѣ путь къ Русскому Престолу; значитъ, Онъ хотѣлъ, чтобы Ты былъ Царемъ Россіи, и призналъ Тебя—потребнымъ для ней въ настоящее время.

«Мы радуемся и тому, что вчера благополучно совершилось священнѣйшее Коронованіе Твое, ибо это показываетъ, что оно угодно Господу и Богъ невидимо содѣйствовалъ совершенію его; въ противномъ же случаѣ оно, при всемъ нашемъ желаніи, не могло бы совершиться, потому что люди, по свидѣтельству Богопросвѣщенныхъ мужей—ничего не могутъ сдѣлать добраго безъ воли и помощи Божіей (Фил. II, 13; Псал. CXTVI, 3).

«Мы радуемся и тому, что въ таинствѣ Мѵропомазанія, совершенномъ при Коронованіи Твоемъ, Духъ Божій невидимо сошелъ на Тебя и будетъ носиться надъ Тобой, какъ нѣкогда носился надъ израильскимъ Царемъ Давидомъ (1 Цар. XVI, 1—13, XVIII, 12, 14). Значитъ, Ты вошелъ въ ближайшее общеніе съ Богомъ и находишься подъ особымъ покровомъ Господа Силъ,—Который, по слову Пророка—будетъ охранять вхожденіе и исхожденіе Твое отнынѣ и до вѣка. Если же Богъ за насъ, кто противъ насъ (Псал. CXX, 4—8; Римл. VIII 51).

«Наконецъ, мы радуемся нынѣ еще потому, что Духъ Божій, сошедшій на Тебя въ Св. Мѵропомазаніи, таинственно сообщилъ Тебѣ, по ученію нашей Церкви, различные дары Свои, потребные для Твоего великаго служенія, дабы Ты, при помощи благодатной силы Божіей, которая, по выраженію Апостола, совершается въ немощи нашей, могъ надлежаще исполнить трудныя Царскія обязанности ко благу Россіи. Изъ сего видно, что Господь печется не только о Тебѣ, Государь, но и о насъ, вѣрноподданныхъ Твоихъ, желаетъ устроить чрезъ Тебя благоденствіе нашего Отечества.

«Имѣя столько причинъ къ радости въ настоящее время, мы, Возлюбленный Монархъ, радостнѣйше привѣтствуемъ Тебя, отъ лица православной Церкви и духовенства ея, съ Священнымъ Вѣнчаніемъ Твоимъ на Царство, а купно поздравляемъ съ симъ вожделѣннымъ событіемъ и Благочестивѣйшую Супругу Твою, Которую Ты благоволилъ сдѣлать Причастницею совершеннаго надъ Тобою священнодѣйствія. При этомъ мы отъ души молимъ и не престанемъ молить Господа, да хранитъ Онъ Тебя и Вѣнценосную Супругу Твою въ совершенномъ здравіи и благоденствіи неисчетные годы и благословляетъ всѣ дѣла и начинанія Твои желаннымъ успѣхомъ, а за добрые подвиги Твои въ пользу Христовой Церкви и нашего Отечества даруетъ Тебѣ неувядаемый вѣнецъ

славы, не земной только, но и небесной. Господи, спаси Царя, а Ты, Царь Православный, уповай на Господа и мужественно неси крестъ, возложенный Имъ на Тебя съ царскимъ достоинствомъ: Ты не одинъ, съ Тобою Богъ и Россія».

Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, даннымъ 15 мая по случаю коронованія, излиты многія милости на бѣдствующихъ и страждущихъ. Кромѣ прощенія и облегченія участи совершившихъ преступныя дѣянія лицъ, которыя могутъ по самому свойству вины заслуживать снисхожденія, манифестъ распространяетъ милость и на многихъ изъ числа болѣе тяжкихъ преступниковъ «кои смиреніемъ въ наказаніи, поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе». Людямъ которые, отступивъ отъ святой клятвы, вѣрности престолу, закону и отечеству, впали въ преступленія государственныя, открытъ манифестомъ путь къ помилованію, при условіи проявленія ими искренняго раскаянія и возвращенія на стезю добра, закона и истиннаго долга. Опредѣленіе по скольку таковыя лица могутъ подходить подъ означенныя условія предоставлены министру внутреннихъ дѣлъ, частію по соглашенію съ министромъ юстиціи. Облегчая участь множества осужденныхъ, освобождая многихъ отъ тюремнаго заключенія, покрывая прощеніемъ и забвеніемъ многое содѣянное, слагая многоразличные штрафы, пени и начеты, манифестъ прежде всего и главнѣе всего даетъ важныя, существенныя облегченія массамъ трудящихся и нуждающихся населеній. Недоимки, накопившіяся къ январю 1883 года по подушной подати во всей имперіи прощены сполна. Почти то же можно сказать о недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ, платимымъ крестьянами всѣхъ разрядовъ; по оброчной подати и лѣсному налогу, платимыхъ бывшими государственными крестьянами; по лѣсному налогу, платимому населеніемъ горнозаводскихъ округовъ; по поземельному оброку, платимому крестьянами казенныхъ имѣній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и по половинно-оброчной подати, платимой переселенцами, ибо мало гдѣ размѣры таковыхъ недоимокъ превышаютъ годовой окладъ сборовъ за 1882 годъ. Эти великія облегченія, по мимо многихъ другихъ исчисленныхъ въ манифестѣ, дарованныя податнымъ сословіямъ, конечно, обойдутся казнѣ во много милліоновъ рублей, но эти милліоны—не ущербъ, не утрата, а усиленіе источниковъ государственнаго дохода: они дадутъ недоимщикамъ возможность стать исправными плательщиками налоговъ.

Не остались забытыми и интересы дворянъ-землевладѣльцевъ. Не малая, и въ иныхъ случаяхъ весьма тяжкая, жертва была потребована отъ многихъ изъ нихъ Положеніемъ 28 декабря 1881 года объ обязательномъ выкупѣ. Тяжесть этой жертвы, по возможности, облегчена. Помѣщикамъ, утратившимъ утвержденное

за ними Положеніемъ 19 февраля 1861 года право переоброчки, лишившимся затѣмъ возможности получать за поступившую въ крестьянскій надѣлъ земельную собственность дополнительные платежи, такъ-называемую дополнительную пятую копѣйку, даровано новымъ особымъ указомъ 15 мая получать изъ казны третью часть выше упомянутой «пятой копѣйки». Другая льгота тѣмъ же помѣщикамъ, дарованная тѣмъ же указомъ 15 мая, быть-можетъ еще существеннѣе: установлены правила, дозволяющія, при извѣстныхъ условіяхъ, не удерживать изъ выкупныхъ ссудъ числящіеся къ 1 января 1883 года долги по ссудамъ изъ бывшихъ кредитныхъ установленій, если остающіяся въ собственномъ владѣніи помѣщиковъ свободныя отъ другихъ залоговъ земли могутъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ этихъ долговъ, причемъ долги эти переводятся на земли оставшіяся за надѣломъ.

Въ заключеніе приводимъ программу московскихъ празднествъ, въ послѣдующіе дни, согласно высочайше утвержденному росписанію.

16 мая, поздравленіе отъ чиновъ сѵнода, высшаго духовенства, дипломатическаго корпуса, государственнаго совѣта, министровъ, сената, статсъ-секретарей, губернскихъ предводителей дворянства и съ ихъ ассистентами и знатнаго россійскаго дворянства, депутатовъ казачьихъ войскъ, азіатскихъ народовъ, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и городскихъ головъ губернскихъ городовъ. Балъ въ Грановитой палатѣ.

17 мая, поздравленіе отъ военныхъ, придворныхъ чиновъ и кавалеровъ и гражданскихъ чиновъ первыхъ 4-хъ классовъ, особъ (мужскаго пола) имѣющихъ пріѣздъ ко двору и волостныхъ старшинъ. Балъ у московскаго генералъ-губернатора.

18 мая, поздравленіе отъ придворныхъ дамъ и дамъ первыхъ 6-ти классовъ и супругъ и дочерей потомственныхъ дворянъ. Торжественный спектакль.

19 мая, перенесеніе регалій изъ Тронной залы въ Оружейную палату. Обѣдъ для духовенства и первыхъ 2-хъ классовъ особъ обоего пола въ Грановитой палатѣ. Балъ московскаго дворянства.

20 мая, обѣдъ для губернскихъ предводителей дворянства, депутатовъ казачьихъ войскъ и азіатскихъ народовъ, городскихъ головъ, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинъ, гофмейстеринъ, свитныхъ фрейлинъ ея величества, дежурныхъ городскихъ фрейлинъ и фрейлинъ ихъ высочествъ; дежурныхъ: генералъ-адъютанта, генералъ-маіора свиты его величества, флигель-адъютанта и адъютантовъ ихъ высочествъ, во дворцѣ. Балъ у германскаго посла.

21 мая, народный праздникъ. Обѣдъ для волостныхъ старшинъ въ Петровскомъ дворцѣ.

22 мая, поѣздка въ Св. Троицко-Сергіевскую лавру.

23 мая, празднованіе 200-лѣтняго юбилея лейбъ-гвардіи преображенскаго и семеновскаго полковъ. Балъ.

24 мая, обѣдъ для пословъ и посланниковъ съ ихъ супругами, членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, первыхъ и вторыхъ чиновъ двора, генералъ-адъютантовъ, статсъ-секретарей, генералъ-маіоровъ свиты его величества, флигель-адъютантовъ, адъютантовъ ихъ высочествъ, статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинъ, гофмейстеринъ и фрейлинъ.

26 мая, освященіе храма Христа Спасителя.

27 мая, обѣдъ для московскихъ: генералъ-губернатора, предводителей дворянства, городского головы и предсѣдателя земской управы.

28 мая, парадъ.

29 мая, отъѣздъ въ С.-Петербургъ.

ваться въ расположеніи баронета, но чувствовала себя равноправнымъ членомъ его семьи, тѣмъ болѣе, что была неразлучна съ Оливіей.

Читателю можетъ показаться страннымъ, что Мануэлла, еврейка по происхожденію, глубоко преданная религіи своихъ предковъ, могла такъ легко нарушить нравы, обычаи и законы своего народа, который до сихъ поръ избѣгаетъ всякаго общенія съ людьми другихъ вѣроисповѣданій и тѣмъ болѣе въ домашнемъ быту. Но для объясненія этого кажущагося противорѣчія мы должны упомянуть, что она принадлежала къ той отрасли своихъ единовѣрцевъ, которые уже нѣсколько столѣтій тому назадъ поселились въ солнечныхъ странахъ Испаніи и Португаліи и пользовались величайшимъ почетомъ при дворахъ этихъ государствъ. Такимъ образомъ, они, мало-по-малу, привыкли считать себя какъ бы привилегированными людьми среди еврейскаго народа—притязаніе, которое вполнѣ оправдывалось ихъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, богатствомъ, развитіемъ и образованіемъ. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, когда въ Испаніи начались жестокія и кровавыя преслѣдованія евреевъ, а въ Португаліи, нѣсколько раньше, многіе изъ нихъ спаслись отъ инквизиціи и сожженія внѣшнимъ принятіемъ христіанства и его обычаевъ и усердно посѣщали церкви, хотя втайнѣ оставались евреями, сохраняя горячую и искреннюю преданность къ своей преслѣдуемой религіи. Тѣ евреи, которые не могли примириться съ этимъ внѣшнимъ отступничествомъ отъ своей вѣры, были изгнаны изъ Испаніи во времена Торквемады. Между тѣмъ, варварскія преслѣдованія католической церкви и ея нетерпимость относительно другихъ религій все увеличивались и, наконецъ, достигли такой крайней степени, что даже тайные евреи, такъ-называемые «мараны» рѣшились покинуть свою прекрасную родину и берега Средиземнаго моря и прибѣгнуть къ гостепріимству протестантскаго сѣвера: Голландіи и Гамбурга. Англія, въ тѣ времена, еще была закрыта для нихъ. Въ Голландіи ихъ ожидала самая радушная встрѣча, потому что эта страна какъ тогда, такъ и теперь отличалась свободой и вѣротерпимостью. Но внѣшнее принятіе христіанства не прошло безслѣдно для марановъ; многіе изъ нихъ крещенные и воспитанные въ католицизмѣ только въ глубокой старости возвращались къ вѣрѣ своихъ предковъ и начинали изучать языкъ, на которомъ были написаны молитвы и священное писаніе еврейскаго народа. Они настолько отличались отъ своихъ нѣмецкихъ и польскихъ соплеменниковъ, что послѣдніе чуждались ихъ, а еврейскіе историки называли марановъ полуевреями и полукатоликами. Въ этомъ была извѣстная доля правды; такъ, ихъ Амстердамская община, достигшая высокой степени процвѣтанія по своему богатству и численности, долго сохраняла оттѣнокъ католицизма, такъ что даже ихъ раввины, подобно католическимъ священникамъ,

имѣли право разрѣшать грѣхи. Въ Гамбургѣ, гдѣ терпимость относительно выходцевъ съ юга была далеко не такъ велика, какъ въ Амстердамѣ, сенатъ отстранялъ ихъ отъ общественныхъ должностей, считая ихъ католиками, хотя они давно сбросили свою маску. Равнымъ образомъ въ одномъ эдиктѣ, изданномъ во Франціи, въ 1723 году, они прямо названы португальцами или «новыми христіанами».

Естественно, что Мануэлла, дочь одного изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ португальскихъ евреевъ, легче могла отрѣшится отъ исполненія различныхъ формальностей, предписанныхъ еврейскимъ закономъ, нежели большинство ея соплеменниковъ, тѣмъ болѣе, что дѣлала это она подъ давленіемъ чуждой обстановки, въ которую случайно бросила ее судьба.

Теперь она довольно хорошо понимала англійскій языкъ, которому выучилась благодаря стихотвореніямъ Мильтона. Она настолько сроднилась съ великимъ поэтомъ, что увлекалась благозвучіемъ его стиховъ, глубиною мысли, поэтическими образами, созданными его фантазіей и даже выражалась его языкомъ, когда ей приходилось говорить по-англійски. Между тѣмъ, бѣлокурая дочь баронета, хотя и дорожила книгой, подаренной ей Гербертомъ, но рѣдко читала ее, несмотря на то, что была способна понимать поэзію и внушить къ себѣ поэтическое чувство.

— Знаешь ли Оливія, сказала Мануэлла, отвѣчая на замѣчаніе своей подруги, когда я вспоминаю объ эт мъ времени, то оно представляется мнѣ какимъ-то страннымъ сномъ. Сознаніе на минуту проснулось во мнѣ; я видѣла чьи-то глаза устремленные на меня; надъ моей головой растилалась зелень лѣса и голубая лазурь неба. Затѣмъ, опять все исчезло; когда я опомнилась, то увидѣла себя на кровати и ты, моя дорогая Оливія, сидѣла возлѣ и смотрѣла на меня своими добрыми глазами.

Мануэлла поднесла къ губамъ руку своей подруги и робко поцѣловала ее.

— Значитъ ты совсѣмъ не помнишь его и не можешь представить себѣ его лицо? спросила Оливія.

— Я видѣла его мелькомъ, и поэтому онъ совершенно изгладился изъ моей памяти; но онъ спасъ мнѣ жизнь и этого достаточно для меня. Ты и онъ всегда неразлучны въ моемъ воображеніи...

Оливія покраснѣла при этихъ словахъ; но Мануэлла не замѣтила смущенія своей подруги и продолжала тѣмъ же тономъ:

— Когда я думаю о немъ, то не могу представить его себѣ иначе какъ прекраснымъ и благороднымъ, хотя у меня ничего не осталось отъ него, кромѣ шарфа, которымъ онъ перевязалъ мнѣ плечо, чтобы остановить кровь. Я желала бы никогда больше не встрѣчать его, потому что теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ думать о немъ. Ты можетъ быть назовешь меня неблагодарной Оливія?

— Нѣтъ, я вижу въ этомъ только извѣстную трусость.

— Она вполнѣ естественна во мнѣ! Несчастіе дѣлаетъ людей недовѣрчивыми.

— Развѣ ты можешь сомнѣваться въ моей привязанности Мануэлла? Я люблю тебя какъ сестру...

— О тебѣ не можетъ быть и рѣчи Оливія! Твоя любовь мое единственное утѣшеніе въ жизни. Ты знаешь мое прошлое и не приходишь въ ужасъ отъ моего необдуманнаго поступка! У тебя нѣтъ предразсудковъ противъ евреевъ...

— Тише, ради Бога! насъ могутъ услышать! сказала Оливія, боязливо оглядываясь.

— Знаешь ли ты, что всего больше мучитъ меня... Ты часто распрашивала о герцогѣ Бокингемѣ, я не могу простить себѣ, что довѣрила ему свою участь. Я не раскаиваюсь въ томъ, что покинула домъ моего отца, даже въ эту минуту, когда будущность представляется мнѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. По крайней мѣрѣ, я не связана на вѣки съ нелюбимымъ человѣкомъ! Совѣсть также ни въ чемъ не упрекаетъ меня; но не достаточно быть добродѣтельной; нужно и казаться такою. Люди осуждаютъ меня; всѣ мои родные и знакомые, вѣроятно, убѣждены, что я люблю герцога, и этого одного достаточно, чтобы вдвойнѣ возненавидѣть его. Ты часто совѣтовала мнѣ написать отцу, но онъ слишкомъ гордъ, чтобы простить меня. Я знаю, что онъ любитъ свою Мануэллу, хотя намѣревался насильно соединить ее съ нелюбимымъ человѣкомъ; но это происходило отъ желанія видѣть дочь богатой и счастливой. У меня былъ другъ дѣтства сынъ знаменитаго раввина Менассіи-бенъ-Израэля, въ домѣ котораго собирались ученые, государственные люди, поэты и художники. Менассія былъ также выходецъ изъ Португаліи, какъ и мой отецъ; они знали другъ друга съ ранней молодости и всегда были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Только отецъ мой посвятилъ себя торговлѣ и сдѣлался богатымъ банкиромъ, а Менассія выбралъ путь науки и занималъ скромную должность законоучителя, хотя былъ такого же знатнаго происхожденія, а жена его Рахиль была даже царскаго рода. Я выросла въ ихъ домѣ и училась вмѣстѣ съ дѣтьми Менассіи; но всегда чувствовала особенное сердечное влеченіе къ его второму сыну Самуилу; и мнѣ казалось, что и онъ любилъ меня. Отецъ мой замѣтивъ нашу дружбу былъ крайне недоволенъ ею, потому что почтенный раввинъ, несмотря на свою ученость и общее уваженіе, которымъ онъ пользовался въ нашей общинѣ, былъ очень бѣденъ. Въ его домѣ не было дорогаго мрамора и золота, которыми былъ разукрашенъ нашъ дворецъ и гдѣ даже своды въ залѣ были выложены дукатами. Потолокъ въ комнатѣ Менассіи былъ закопченъ дымомъ; его лампа горѣла далеко за полночь, потому что ему приходилось много трудиться, чтобы прокормить семью.

Тутъ не было смирнскихъ ковровъ, которые лежали даже въ нашихъ спальняхъ; не горѣли жирандоли на стѣнахъ и благоуханныя дрова въ каминахъ; не было венеціанскихъ зеркалъ и другихъ драгоцѣнностей, дамасскаго шелка и бархата у оконъ и на подушкахъ. Мебель въ домѣ бенъ-Израэля была деревянная; все было разсчитано для серіозной жизни, а не для однихъ наслажденій, хотя и здѣсь весело жили люди и были довольны своей судьбой. Что касается меня лично, то мнѣ даже больше нравилась эта бѣдность и борьба за существованіе, нежели избытокъ, который я видѣла въ нашемъ домѣ. Но мой отецъ считалъ богатство и роскошь неизбѣжными условіями для счастья; и, несмотря на всю свою дружбу къ раввину, былъ самаго невысокаго мнѣнія объ его профессіи, такъ какъ цѣнилъ ее по количеству получаемыхъ гульденовъ. На мое несчастіе ко мнѣ посватался Мигуэль Ривасъ Атласъ, представитель одного изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ еврейскихъ семействъ въ Амстердамѣ, прямой потомокъ древнихъ царей израильскихъ, такъ что мой отецъ считалъ для себя величайшей честью породниться съ нимъ. Когда я объявила отцу, что ненавижу Милуэля за его хвастливость и нахальство, то отецъ въ первую минуту онѣмѣлъ отъ удивленія. Какъ! воскликнулъ онъ, наконецъ, ты недовольна этимъ женихомъ! Не подождать ли пока посватается къ тебѣ самъ штатгальтеръ?

— Нѣтъ, онъ христіанинъ; и твоя дочь никогда не будетъ женой христіанина; но я никогда не выйду за нелюбимаго человѣка. Такъ вотъ въ чемъ дѣло! замѣтилъ иронически отецъ, можетъ быть ты желаешь имѣть мужемъ Самуила бенъ-Израэля сына этого несчастнаго учителя?.. Эти слова глубоко оскорбили меня. Я сказала отцу, что считаю неблагороднымъ съ его стороны ставить въ упрекъ человѣку выбранную имъ профессію, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего выше воспитанія юношества. Ты ничего не понимаешь въ этомъ! возразилъ отецъ, возвысивъ голосъ. Развѣ не достаточно, что мы имѣемъ пятно въ нашемъ роду! Онъ намекалъ на Уріэля д'Акоста, который лишилъ себя жизни. Ты вѣроятно слышала о немъ?

Оливія чистосердечно созналась, что никогда не слыхала этого имени. Могло ли быть иначе! Она была дочь англійскаго баронета, приверженца англиканской церкви! Между тѣмъ уже тогда существовали «письма» и «книги новостей», какъ назывались газеты, такъ какъ это было кромвелевское время, плодотворное въ смыслѣ нововведеній, и было впервые признано могущество ежедневной прессы, въ смыслѣ ея вліянія на массы. Помимо двухъ главныхъ газетъ: «Mercurius politicus», органа парламентской партіи, и «Mercurius aulicus» роялистическаго листка (который вскорѣ долженъ былъ умолкнуть), было еще много другихъ повременныхъ изданій, подъ различными названіями — «Шотландскій голубь»,

«Родная сова», не считая другихъ меркуріевъ, совъ, голубей, драконовъ, бульдоговъ и т. п. Но всѣ эти изданія были настолько переполнены разсказами и описаніями маршевъ, осадъ, битвъ, передвиженія войскъ, что въ нихъ не могъ найти отголосокъ одиночный выстрѣлъ, прекратившій жизнь амстердамскаго скептика, порвавшаго всякую связь съ еврейской общиной и вѣрой своихъ предковъ. Если бы даже газеты обратили особенное вниманіе на этотъ многознаменательный фактъ, то Оливія врядъ-ли узнала бы о немъ, такъ какъ она не читала этихъ, такъ называемыхъ, «книгъ новостей». Но разсказъ Мануэллы живо заинтересовалъ ее.

— Ну разсказывай дальше! сказала она подвигаясь еще ближе къ своей подругѣ.

— Отецъ хотѣлъ во что бы-то ни стало настоять на своемъ рѣшеніи, продолжала Мануэлла, и думалъ, что ему удастся переломить мое упрямство, такъ какъ онъ почему-то вообразилъ себѣ, что главная причина моего отказа любовь къ Самуилу бенъ-Израэлю.

— Можетъ быть отецъ твой былъ совершенно правъ относительно твоихъ чувствъ къ бенъ-Израэлю! замѣтила съ улыбкой Оливія.

Мануэлла отрицательно покачала головой.—Нѣтъ, сказала она, мнѣ никогда не приходило въ голову, что Самуилъ могъ сдѣлаться для меня чѣмъ либо другимъ, какъ товарищемъ и братомъ. Кротость его привлекала меня; нравилась мнѣ также настойчивость, съ которой онъ старался достигнуть цѣли, его безупречная честность и справедливость даже относительно нелюбимыхъ людей. Въ послѣднемъ онъ составлялъ совершенную противоположность со мной, такъ какъ я часто бывала несправедлива вслѣдствіе крайней вспыльчивости и несдержанности. Его присутствіе благотворно дѣйствовало на меня; всякій разъ, когда онъ былъ свидѣтелемъ какой нибудь выходки съ моей стороны, меня мучило раскаяніе. я постоянно слѣдила за собой; мой характеръ сдѣлался ровнѣе и уживчивѣе, такъ какъ его уваженіе было для меня дороже всего на свѣтѣ. Но вѣдь это не любовь Оливія? Какъ ты думаешь?

Оливія улыбнулась.—Если не любовь, сказала она, то чувство очень близкое къ ней.

Мануэлла недовѣрчиво покачала головой. — Въ такомъ случаѣ, возразила она, любовь совершенно не соотвѣтствуетъ тому идеалу, какой я составила себѣ о ней. Развѣ она должна развиваться постепенно шагъ за шагомъ? Я всегда думала, что это чувство сразу овладѣваетъ нашимъ сердцемъ, такъ что мы не въ силахъ противиться ему...

— Можетъ быть! отвѣтила задумчиво Оливія. Много разъ спрашивала она себя, какого рода чувство связываетъ ее съ Гербертомъ; хотя они видѣлись всего разъ въ жизни, но образъ его по-

стоянно представлялся ей во снѣ и на яву и заставлялъ радостно биться ея сердце. Въ желаніи увидѣть его не было ничего бурнаго; у ней даже никогда не являлось мысли, что она можетъ выйти за него замужъ противъ желанія отца. Въ ея сильной и честной натурѣ не было страстности; и сознаніе долга было у ней всегда на первомъ планѣ; строгая къ себѣ, снисходительная и всепрощающая къ другимъ, она способна была принести самую тяжелую жертву, не придавая этому никакого значенія. Она знала какая непроходимая пропасть отдѣляла ее отъ человѣка, къ которому привязалось ея сердце, и была убѣждена, что никогда не полюбитъ никого другого. Хотя Оливія никогда не говорила съ Мануэллой о своихъ чувствахъ къ Герберту, но они не были тайной для ея подруги. Послѣдняя болѣе рѣшительная и менѣе разсудительная, чѣмъ дочь почтеннаго баронета, не признавала препятствій, которыхъ бы не могла отстранить твердая воля, и готова была пожертвовать собственной жизнью, еслибы это оказалось нужнымъ для счастья Оливіи и Франка Герберта. По своему характеру она неспособна была относиться пассивно къ неудачамъ жизни и всегда шла неуклонно къ задуманной цѣли, если признавала ее хорошей и справедливой.

Много разъ болѣе или менѣе ясными намеками, старалась она убѣдить Оливію въ необходимости остановиться на какомъ-либо рѣшеніи. Но дочь сэра Товія упорно молчала въ этихъ случаяхъ или старалась перемѣнить разговоръ. Такъ было и теперь. Едва Мануэлла заговорила о печальномъ положеніи женщинъ и зависимости отъ окружающихъ, какъ Оливія прервала ее.

— Я желала бы знать, спросила она, неужели ты не сообщила другу дѣтства о своемъ намѣреніи бѣжать въ Англію?

— Я извѣстила его объ этомъ, но слишкомъ поздно, чтобы онъ могъ остановить меня. Онъ получилъ мое письмо въ то время, когда нашъ корабль удалился на значительное разстояніе отъ береговъ Голландіи. Я написала Самуилу, что бѣжала изъ родительскаго дома, чтобы избавиться отъ брака съ нелюбимымъ человѣкомъ, и клялась, что у меня для этого не было никакихъ другихъ поводовъ. Я знаю, что онъ повѣрилъ мнѣ, хотя бы всѣ окружающіе его и весь свѣтъ стали бы осуждать меня...

Мануэлла замолчала.

— Съ тѣхъ поръ ты не получала отъ него никакихъ извѣстій? спросила Оливія.

— Разумѣется нѣтъ! Онъ даже не знаетъ: гдѣ я...

— Почему ты не напишешь ему, зная какъ онъ обрадовался бы извѣстію о тебѣ!... А твой отецъ? Развѣ его не мучитъ полная неизвѣстность о судьбѣ дочери!

— Нѣтъ, теперь еще слишкомъ рано! возразила Мануэлла. Быть можетъ мнѣ открыли бы дверь изъ состраданія и приняли

какъ покаявшуюся грѣшницу, но мое присутствіе тяготило бы отца, такъ какъ ему постоянно приходилось бы краснѣть изъ-за меня. Прійдетъ время и люди убѣдятся, что Мануэлла д'Акоста осталась такою же какъ прежде и тогда всѣ съ радостью встрѣтятъ меня. Я добровольно рѣшилась на изгнаніе и должна терпѣливо выносить его! Увижу насколько справедливы слова, когда-то сказанныя моимъ другомъ, что «человѣкъ долженъ бояться только суда собственной совѣсти!» Къ тому же у меня явилось убѣжденіе, что мнѣ предстоитъ выполнить здѣсь одно дѣло, по окончаніи котораго я вернусь въ домъ моего отца.

ГЛАВА IV.

Наступаютъ сумерки.

Во время оживленнаго разговора двухъ дѣвушекъ, книга стихотвореній Мильтона, упала съ колѣнъ Мануэллы на землю. Между тѣмъ трели соловья становились все полнѣе и громче по мѣрѣ того, какъ солнце опускалось за деревьями парка. Ярко-красный свѣтъ распространился по всему небу и придалъ багровый оттѣнокъ разъсѣяннымъ облакамъ, которые принимали все болѣе и болѣе странныя и причудливыя формы. Воздухъ сдѣлался тяжелымъ и удушливымъ; среди глубокой тишины раздавалось безпокойное щебетанье птицъ и слышенъ былъ громкій шелестъ листьевъ отъ внезапныхъ порывовъ теплаго вѣтра.

Въ это время Чильдерлейскій священникъ и сэръ Товій вошли въ паркъ, продолжая начатый разговоръ.

Тяжелые удары судьбы, разразившіеся надъ королемъ и его партіей, не прошли безслѣдно для молодого священника. Давно задуманное имъ соглашеніе между монархомъ и арміей не представлялось ему особенно утѣшительнымъ, хотя бывали минуты, когда онъ предавался самымъ несбыточнымъ надеждамъ. Самое слово «соглашеніе» для такого искренняго роялиста, какъ онъ, заключало въ себѣ нѣчто оскорбительное для особы короля. Въ глубинѣ души онъ предпочиталъ гибель государства, признанію нелегальной власти, какою онъ считалъ всякую власть, кромѣ королевской: — была ли она въ рукахъ народа или парламента. По внѣшности онъ также замѣтно состарѣлся со дня встрѣчи съ Франкомъ Гербертомъ, такъ какъ душевныя волненія гибельно отразились на его слабомъ здоровьѣ; но по убѣжденіямъ онъ остался такимъ же непреклоннымъ роялистомъ и вѣрнымъ служителемъ англиканской церкви.

— Господь да сохранитъ васъ г-нъ докторъ! сказалъ сэръ Товій, пожимая руку священнику. Надѣюсь, что вы скоро опять вернетесь къ намъ! Помните, что каково бы ни было рѣшеніе этихъ негодяевъ, мой замокъ всегда къ вашимъ услугамъ; если они вздумаютъ запереть нашу церковь, то клянусь честью мы устроимъ капеллу въ рыцарской залѣ и будемъ придерживаться нашего стараго молитвенника, такъ какъ никто не можетъ помѣшать мнѣ распоряжаться домомъ моихъ предковъ!

— Дорогой другъ мой, возразилъ священникъ, эта партія деспотовъ, насилующихъ свободу совѣсти, будетъ скоро уничтожена, если только мы не оттолкнемъ руку примиренія, которую протягиваютъ намъ наши недавніе враги. Но для этого, а также въ виду интересовъ короля, мы должны соединиться съ арміей.

— Чортъ бы побралъ ее! воскликнулъ съ негодованіемъ баронетъ. Я не довѣряю этой толпѣ бунтовщиковъ; давно ли они разбили короля и храбрыхъ кавалеровъ!..

Сэръ Товій замолчалъ, потому что въ это время они подошли къ дѣвушкамъ, сидѣвшимъ подъ деревомъ.

Священникъ ласково поздоровался съ Мануэллой; онъ ничего не зналъ о ней, кромѣ того, что она одинока и по какой-то несчастной случайности заброшена на чужую сторону; но этого было достаточно, чтобы его сердце расположилось къ бѣдной дѣвушкѣ. Между тѣмъ, баронетъ чувствовалъ къ ней такое сильное отвращеніе и недовѣріе, что подчасъ не въ состояніи былъ пересилить себя, чтобы сказать ей два-три слова или поздороваться съ нею. На этотъ разъ онъ прямо обратился къ дочери.

Мануэлла спокойно встала съ мѣста и хотѣла удалиться, какъ всегда дѣлала въ подобныхъ случаяхъ. Она вообще избѣгала всякой встрѣчи съ баронетомъ, чтобы не раздражать его своимъ присутствіемъ, и рѣдко входила въ залу и въ тѣ комнаты, которыя пользовались его предпочтеніемъ. Все болѣе и болѣе тяготили ее натянутыя отношенія къ хозяину дома; горекъ казался ей хлѣбъ изгнанницы, но, не видя скораго исхода изъ своего тяжелаго положенія, она рѣшилась покорно выносить его.

Оливія, противъ своего обыкновенія, остановила ее.

— Зачѣмъ ты уходишь Мануэлла? спросила она.

Мануэлла робко опустила глаза. Что могла она отвѣчать на этотъ вопросъ! Причина, почему она хотѣла удалиться, была слишкомъ ясна для всѣхъ; но это еще больше увеличило неудовольствіе баронета.

Онъ дотронулся палкой до книги, лежавшей на землѣ:—Убери куда нибудь эту вещь, сказалъ онъ дочери строгимъ тономъ, я не желаю видѣть ее въ своемъ домѣ!

Мануэлла наклонилась, чтобы исполнить приказаніе хозяина замка.

— Я не нуждаюсь въ ея услугахъ! продолжалъ запальчиво баронетъ, и желаю говорить только съ моею дочерью.

Оливія покраснѣла и, съ трудомъ удерживая слезы, положила руку на плечо пріятельницы, какъ бы желая защитить ее отъ жестокости своего отца.

— Еще этого не доставало! проворчалъ баронетъ. Принимаютъ подарки отъ людей, которыхъ бы я никогда добровольно не впустилъ въ мой домъ... Если бы осталась капля чести въ душѣ, то эти вещи были бы выброшены за окно и даже имя этого господина давно забыто!

Оливія не привыкла противорѣчить отцу; его воля всегда была закономъ для молодой дѣвушки. Но сегодня у ней явилось мужество возражать ему.

— Честь никогда не помѣшаетъ мнѣ быть благодарной и помнить оказанную услугу! сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ. Не вы ли сами говорили сэръ, что постоянство и вѣрность— первыя качества въ человѣкѣ.

Сэръ Товій, въ первую минуту, онѣмѣлъ отъ удивленія, такъ какъ не ожидалъ подобной смѣлости отъ своей дочери; но даръ слова скоро вернулся къ нему.

— Ты толкуешь о вѣрности! воскликнулъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва. Надѣюсь, что дѣвушка изъ Чильдерлейскаго дома не забылась настолько, чтобы...

Онъ не кончилъ своей фразы; рѣдко кому приходилось видѣть почтеннаго кавалера такимъ взволнованнымъ, какъ въ эту минуту; до сихъ поръ онъ никогда не возвышалъ голоса, говоря съ дочерью.

Оливія замолчала; но на лицѣ ея не было замѣтно ни малѣйшаго смущенія; она спокойно смотрѣла на отца, не опуская глазъ.

— Ну говори прямо то, что думаешь, сказалъ онъ горячась все болѣе и болѣе. Я хочу знать, услышать отъ тебя самой: осмѣлится ли дочь кавалера говорить о какой-либо другой вѣрности, кромѣ той, которую всѣ мы обязаны соблюдать относительно короля!.. Да поможетъ мнѣ Господь, я не потерплю ничего подобнаго на этомъ клочкѣ королевской земли! Онъ останется чистымъ и неприкосновеннымъ для руки бунтовщиковъ, хотя бы вся Англія, весь міръ измѣнили королю! Прежде нужно взять приступомъ этотъ замокъ, разрушить эти стѣны и башни и меня самого похоронить подъ развалинами.

Священникъ прервалъ безсвязную рѣчь баронета:

— Я не знаю о чемъ вы говорите, сэръ! Война кончилась; Англія рада миру и не думаетъ нарушать его.

— Хорошъ миръ, когда король въ плѣну, войско уничтожено, всѣ крѣпости въ рукахъ этого властолюбца; страной управляетъ парламентъ! Наконецъ, вы сами, священникъ англиканской церкви, собрались въ Кембриджъ для принятія ковенанта. Дѣйствительно можно радоваться подобному миру!

Баронетъ, кончивъ свою рѣчь, захоталъ злобнымъ смѣхомъ.

— Если бы вы были въ болѣе спокойномъ состояніи духа, сэръ, то не позволили бы себѣ такихъ словъ, замѣтилъ кротко священникъ; я, кажется, ничѣмъ не заслужилъ ихъ.

Изъ всѣхъ друзей и знакомыхъ баронета никто не имѣлъ на него такого вліянія, какъ Гевитъ. Онъ тотчасъ же опомнился и, пожавъ руку священнику, сказалъ грустнымъ тономъ:—Меня, собственно, всего болѣе огорчаетъ то обстоятельство, что моя родная дочь стала дурно относиться ко мнѣ!

Оливія была болѣе поражена тономъ, съ какимъ были сказаны эти слова, нежели ихъ смысломъ.

Что вы говорите, сэръ! проговорила она съ смущеніемъ, бросаясь на шею отца.

Но сэръ Товій довольно холодно отвѣтилъ на ласки дочери.— Все это не то, что̀ было прежде! сказалъ онъ. Въ нашихъ отношеніяхъ явилась какая-то натянутость.

Въ этомъ упрекѣ была доля справедливости. Оливія невольно подумала о Франкѣ Гербертѣ. Несмотря на все свое желаніе быть откровенной съ отцомъ, она не смѣла упоминать въ его присутствіи имени Франка, зная, что ему будетъ непріятенъ всякій намекъ на услугу, оказанную его семьѣ солдатомъ парламентской арміи. До этой минуты она находила оправданіе своей любви къ Франку Герберту въ естественномъ чувствѣ благодарности; но теперь, подъ вліяніемъ искренняго сожалѣнія къ старому огорченному отцу, у ней явилась твердая рѣшимость бороться съ своей привязанностью. Поэтому она отвѣтила отъ чистаго сердца:

— Вы напрасно называете наши отношенія натянутыми, сэръ! Этого никогда не будетъ! Я люблю васъ попрежнему!

— Нѣтъ, это все не то! возразилъ баронетъ. Въ былыя времена ты всегда обращалась ко мнѣ за совѣтомъ; и была откровенна со мной. Теперь ты повѣряешь свои тайны другимъ...

Оливія не нашла, что отвѣтить на эти слова; но они глубоко задѣли Мануэллу, такъ какъ прямо относились къ ней. Много разъ и прежде, когда она замѣчала нѣкоторую холодность между отцомъ и дочерью, у ней являлось опасеніе: не она ли причина раздора между этими двумя существами, которыя до этого были всегда искренно привязаны другъ къ другу? Теперь это опасеніе обратилось въ увѣренность; она пришла въ ужасъ отъ мысли, что заплатила такимъ образомъ за оказанное ей гостепріимство: боже избави меня отъ этого! мысленно молилась она съ замираніемъ сердца. Пошли самыя тяжелыя испытанія, только отврати отъ меня эту бѣду!..

— Я говорю тебѣ, продолжалъ баронетъ раздраженнымъ голосомъ, что наши отношенія испортились и станутъ еще хуже, пока... эта... однимъ словомъ тутъ нечего ждать добра...

Оливія зажала рукой ротъ отцу и оглянулась, чтобы видѣть

какое впечатлѣніе произвели его слова на несчастную дѣвушку; но Мануэлла исчезла.

— Боже мой, гдѣ она? куда она дѣвалась! воскликнула Оливія.

— Отъ души радуюсь этому, и молю Бога чтобы она никогда больше не возвращалась къ намъ! отвѣтилъ баронетъ. Она ушла и я могу свободно говорить о ней! Она преслѣдовала тебя какъ тѣнь или какое-то проклятіе. Ты скажешь, что она никому не дѣлала зла! Дѣйствительно, я не могу ничего дурнаго сказать о ней; можетъ быть она добрая и честная. Но сердце мое не лежитъ къ ней. Я чувствую какое-то неопредолимое отвращеніе къ этой дѣвушкѣ и даже не знаю чѣмъ объяснить его... вопервыхъ, она католичка...

Оливія чувствовала себя виноватой передъ отцомъ и не рѣшалась глядѣть ему въ глаза.

— Впрочемъ, нѣтъ, даже не это! Но съ перваго дня, какъ я увидѣлъ ее переодѣтою въ мужское платье, мною овладѣвало неопредѣленное безпокойство, всякій разъ, когда она подходила ко мнѣ. Твоя дружба съ нею огорчала меня; разумѣется, я никогда не рѣшился бы выгнать ее изъ моего дома, но почувствовалъ бы большое облегченіе, еслибы она навсегда избавила насъ отъ своего общества...

Между тѣмъ, погода измѣнилась. Хотя до ночи было еще далеко и за деревьями виднѣлись пурпуровыя полосы вечерней зари, но дневной свѣтъ быстро смѣнялся сумерками, такъ какъ тучи покрывавшія небо становились все шире и темнѣе.

— Кажется будетъ гроза! замѣтилъ баронетъ. Не мѣшало бы вернуться домой заблаговременно! Посмотрите какъ нависли тучи; это вѣрный признакъ!..

Небольшое общество вышло на аллею, ведущую къ воротамъ парка; на встрѣчу имъ попался Джонъ, который значительно выросъ и возмужалъ съ того времени, какъ мы видѣли его въ послѣдній разъ.

Онъ торопливо поздоровался съ священникомъ и, кивнувъ головой сестрѣ, обратился къ баронету:

— Къ вамъ пришелъ крестьянинъ изъ деревни, сэръ! Онъ принесъ извѣстіе, что на дорогѣ видѣли отрядъ парламентской арміи съ толпой плѣнныхъ изъ Бристоля самого страннаго вида. Это какіе-то старики съ сѣдыми бородами, смуглыя женщины съ блестящими черными глазами и множество дѣтей; они говорятъ на совершенно непонятномъ языкѣ.

— Вѣроятно, цыгане, замѣтилъ баронетъ; они не въ рѣдкость у насъ.

— Нѣтъ, возразилъ Джонъ, они не похожи на цыганъ!

— Ну не все ли равно какіе плѣнные у парламентской арміи. Что намъ за дѣло до нихъ! Пойдемте скорѣе домой; такая духота, что пожалуй сейчасъ польетъ дождь.

ГЛАВА V.

Странники.

Мануэлла незамѣтно скрылась за деревьями и почти бѣгомъ бросилась къ замку и заперлась въ своей маленькой комнатѣ. Здѣсь никто не могъ видѣть ее; и она могла на свободѣ предаться своему горю, которое было тѣмъ тяжелѣе, что она должна была употребить всю силу воли, чтобы скрыть его въ присутствіи баронета. Глухія рыданія вырывались изъ ея груди; она въ изнеможеніи опустилась на полъ передъ кроватью.

Мануэлла жила здѣсь съ того момента, какъ ее внесли полумертвою въ замокъ. Это была небольшая круглая комната въ верхнемъ этажѣ башни, съ однимъ окномъ обращеннымъ на западъ. Днемъ въ ней было прохладно и царилъ полумракъ; но въ поздній послѣобѣденный часъ послѣдніе вечерніе лучи падали на раму и стѣны. Золотистый отблескъ заходящаго солнца наполнялъ комнату фантастическимъ свѣтомъ и придавалъ странныя очертанія желѣзнымъ трубамъ, головамъ рыцарей и изображеніямъ цвѣтовъ на карницахъ, драконамъ съ открытыми пастями по краямъ крыши, окрашенной багровой краской. Мануэлла чувствовала себя въ какомъ-то полуснѣ, ей казалосѣ, что всѣ эти баснословныя фигуры изъ желѣза и камня ожили и заговорятъ съ ней, что желѣзные цвѣты двигаются, а головы рыцарей и драконовъ глядятъ на нее и насмѣшливо улыбаются. Въ это время флюгеръ съ стоящей на немъ фигурой святаго Георга повернулся къ ней и послышался рѣзкій протяжный звукъ.

Мануэлла въ испугѣ вскочила на ноги и, закрывъ лицо руками, старалась припомнить, что̀ было съ нею. Мало-по-малу, сознаніе дѣйствительности возвратилось къ ней съ ужасающей ясностью. Она подошла къ окну и подняла раму. Но воздухъ былъ настолько удушливъ, что не освѣжилъ ея; большія темныя тучи тянулись по небу и собирались надъ замкомъ; на западѣ растилались облака самыхъ причудливыхъ очертаній сотканныя изъ золота и огня. Мануэлла съ слезами на глазахъ смотрѣла на призрачное великолѣпіе небеснаго ландшафта. Она видѣла пурпуровые потоки осѣненные пальмами, своеобразные куполы восточныхъ храмовъ и моленъ; мѣрно подвигались къ нимъ толпы богомольцевъ; вдали виднѣлся прекрасный городъ съ множествомъ крышъ и башенъ съ роскошными садами; надъ нимъ поднимались цѣпи голубоватыхъ горъ.

Молодая дѣвушка протянула руки какъ бы желая удержать чудное видѣніе, но оно начало блѣднѣть и, мало-по-малу, облака слились въ безформенную массу. Мануэлла печально наклонила

голову къ каменному подоконнику и впервые задумалась надъ бѣдственнымъ положеніемъ еврейскаго народа. Фантастическій образъ древняго Іерусалима, вызванный ея воображеніемъ, о которомъ она слышала столько разсказовъ въ дѣтствѣ, многое объяснилъ ей. Она поняла плачъ своихъ соотечественниковъ о потерянномъ Сіонѣ, такъ какъ вмѣстѣ съ этой утратой они были разсѣяны по всей землѣ и брошены среди чуждыхъ народовъ; многіе изъ потомковъ славныхъ еврейскихъ царей и первосвященниковъ стали нищими.

Она невольно сравнила собственную участь съ положеніемъ своихъ соотечественниковъ; она также, какъ они, была въ изгнаніи, лишена крова, брошена среди чужихъ людей, которые относились къ ней съ презрѣніемъ. Желаніе увидѣть родину и прежнихъ друзей проснулось въ ней съ новой силой; она преклонила колѣна и горячо молилась, чтобы Богъ Израиля возвратилъ ее въ отческій домъ.

Сильный ударъ грома прервалъ ея молитву и заставилъ подняться на ноги. Небо было мрачно, видѣніе на западѣ изчезло безслѣдно и замѣнилось черными тучами, изъ которыхъ ежеминутно сверкала молнія. Преждевременно наступила ночь.

Мануэлла, стоя у окна, могла еще различить ближайшіе предметы, хотя не совсѣмъ ясно. Видна была часть двора обращенная къ подъемному мосту; на послѣднемъ столпилось множество людей.

— Кто они такіе и зачѣмъ пришли сюда въ эту пору? подумала Мануэлла, слыша говоръ смѣшанныхъ голосовъ, заглушаемый чьимъ-то болѣе громкимъ голосомъ; но, несмотря на всѣ старанія, она не могла разобрать словъ. Вслѣдъ затѣмъ послышался громкій лай собакъ, которыя съ яростью бросились къ воротамъ.

— Боже милосердный! они спустили цѣпныхъ собакъ, воскликнула съ ужасомъ Мануэлла.

Въ это время продолжительный раскатъ грома потрясъ воздухъ и холмъ, на которомъ стоялъ замокъ; молнія, прорѣзавъ тучи, на минуту освѣтила землю яркимъ голубоватымъ свѣтомъ. Мануэлла совершенно отчетливо разглядѣла группу, стоявшую на мосту; ее особенно поразила наружность почтеннаго старика, который, поднявъ глаза къ небу озаренному молніей, громко произнесъ «Благословенъ ты, Господь, Богъ Израиля! Твое Господи царство и ты превыше всего, какъ владычествующій»!..

Слова эти прозвучали въ ушахъ Мануэллы какъ отголосокъ далекой родины; затѣмъ опять все погрузилось въ мракъ, и начался ливень, который, съ шумомъ падая на землю, образовалъ потоки воды и разомъ переполнилъ водосточныя трубы.

Ворота оставались закрытыми, но теперь кто-то громко стучался въ нихъ.

— Это не рука просителя! сказалъ баронетъ, который вышелъ на дворъ въ сопровожденіи слугъ. Если они думаютъ принудить меня къ гостепріимству, то я приму свои мѣры! Съ этими словами онъ указалъ рукой на ворота лающимъ собакамъ и тѣ съ удвоенною яростью бросились впередъ.

— Сэръ Товій, послышался голосъ на мосту, вы уже разъ оказывали мнѣ гостепріимство въ вашемъ замкѣ, когда я пришелъ къ вамъ въ такую же пору...

— Господь да поможетъ мнѣ! Я уже слышалъ этотъ голосъ! воскликнулъ баронетъ. Такой голосъ различишь между тысячами; но я, все-таки, желалъ бы знать: съ кѣмъ имѣю честь говорить.

— Многоуважаемый сэръ, отвѣтилъ проситель, мнѣ очень жаль, что я вынужденъ обезпокоить васъ въ такую пору, потому что считаю васъ лучше всѣхъ извѣстныхъ мнѣ кавалеровъ; но громъ и ливень могутъ служить оправданіемъ моей смѣлости. Я знаю, что ваша деревня недалеко; но если бы мнѣ пришлось выбирать между ею и вашимъ замкомъ, сэръ, то, разумѣется, вы не захотѣли бы, чтобы я выбралъ деревню. Ваше гостепріимство извѣстно мнѣ по опыту; я помню, какъ отлично угостили вы меня здѣсь. Не знаю, повѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ, но я страшно голоденъ.

— Ну, теперь я узналъ тебя! воскликнулъ баронетъ болѣе миролюбивымъ тономъ; ты Юргенъ, предводитель нейтральной шайки!

— Чортъ возьми! пробормоталъ бывшій актеръ, объ этомъ можно было бы умолчать теперь! Пожалуй онъ не захочетъ впустить меня, если узнаетъ, что я больше не служу нейтральной партіи. Во всякомъ случаѣ, нужно попытаться... Вы совершенно правы, сэръ, добавилъ онъ громко, меня зовутъ Юргеномъ. Сдѣлайте одолженіе, прикажите отворить ворота!

— Ты долженъ прежде объяснить мнѣ, какимъ образомъ ты попалъ къ бунтовщикамъ, чтобы ихъ... Баронетъ не окончилъ фразы вспомнивъ во-время, что вѣроятно передъ его воротами стоитъ отрядъ парламентской арміи, о которомъ докладывалъ крестьянинъ. Ты, конечно, въ плѣну у нихъ, и они дурно обошлись съ тобой, пожалуй, мучили тебя самымъ немилосерднымъ образомъ...

— Они все это дѣлали, сэръ, и даже хуже этого... Я могу разсказать цѣлую исторію о моихъ страданіяхъ. Они приговорили меня къ смертной казни, и я стоялъ у самаго преддверія смерти въ тяжеломъ ожиданіи, какъ стою здѣсь передъ вашими воротами... Впрочемъ, я не хочу лгать! добавилъ онъ, недовольный самъ собой... Впустите меня, сэръ Товій, прикажите отворить ворота! Вы знаете, я вашъ другъ, а друзей не оставляютъ мокнуть на дождѣ, когда по близости есть мѣсто, гдѣ они могутъ обогрѣться и высушить свое платье.

Этотъ аргументъ разсѣялъ послѣднія сомнѣнія владѣльца замка. Онъ правъ, подумалъ сэръ Товій, я не имѣю никакого основанія отказать ему въ такой невинной просьбѣ.

По приказанію баронета, слуги сдвинули тяжелые желѣзные засовы и отворили ворота. Вслѣдъ затѣмъ принесены были факелы и фонари.

Но кто въ состояніи описать испугъ и гнѣвъ почтеннаго баронета, когда онъ увидѣлъ Юргена въ мундирѣ унтеръ-офицера парламентской арміи.

— Несчастный! воскликнулъ сэръ Товій дрожащимъ голосомъ. Кто ты?

— Юргенсъ Джойсъ, корнетъ собственнаго полка Оливера Кромвеля, отвѣтилъ бывшій актеръ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гордости.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и объяснить нашимъ читателямъ, вслѣдствіе чего Юргенъ удостоился чести быть принятымъ въ полкъ самого Кромвеля съ чиномъ корнета. Судьба, пощадившая его на пути къ висѣлицѣ, оказалась не менѣе благосклонной къ нему въ кровавый день битвы при Несби, хотя онъ былъ посланъ съ отрядомъ трехъ сотъ мушкатеровъ, которые должны были первые вступить въ бой и подвергались наибольшей опасности. Многіе изъ его товарищей пали при первомъ натискѣ непріятельской арміи; другіе приставшіе къ нимъ полки отступили, когда появились эскадроны принца Рупрехта. Но Юргенъ остался съ отрядомъ въ оврагѣ и не сдвинулся съ мѣста назначеннаго Кромвелемъ. Жизнь моя принадлежитъ ему, думалъ онъ, я отдалъ ему ее и не измѣню своему слову! Оврагъ, выбранный имъ наканунѣ для постыднаго бѣгства, сдѣлался свидѣтелемъ его геройскаго непоколебимаго мужества. Великодушіе Кромвеля болѣе повліяло на него, нежели какое-либо другое событіе его непостоянной жизни. Теперь онъ видѣлъ своего покровителя въ пылу битвы съ обнаженной шпагой въ рукахъ, на взмыленной лошади. Битва колебалась. Сначала одержалъ верхъ Кромвель; но вслѣдъ затѣмъ принцъ Рупрехтъ прорвался сквозь лѣвое непріятельское крыло къ центру парламентской арміи; кавалерія отступила, а сзади, съ противоположнаго холма, надвигалась пѣхота. Юргену казалось, что Кромвеля несетъ какая-то неземная сила; лицо его было спокойно и неподвижно, какъ камень; волосы развѣвались по вѣтру; покрывавшая его сталь блестѣла какъ огненная при утреннемъ солнцѣ. Въ этотъ моментъ судьба битвы была въ его рукахъ. Королевскія войска гнали передъ собой кавалерію Ферфакса, осыпая ее градомъ картечи и пуль, Кромвель бросился впередъ съ громкимъ возгласомъ: «Господь наше прибѣжище!» Тысячи голосовъ повторили этотъ возгласъ; разстроенные полки парламентской арміи выстроились въ боевой порядокъ. Пали! раздалось по всей

линіи. Королевскія войска отступили въ безпорядкѣ; битва приняла новый оборотъ. Напрасно Карлъ I пытался остановить бѣглецовъ, умолялъ, уговаривалъ ихъ; напрасно взялъ на себя предводительство гвардіи, послѣдняго остававшагося у него резерва. Наконецъ, одинъ шотландскій дворянинъ, видя неминуемую опасность, грозившую королю, схватилъ его лошадь за узду и отвелъ въ сторону.—Ваше величество, воскликнулъ онъ, развѣ вы хотите, чтобы васъ убили! Карлъ I опустилъ поводья: онъ зналъ, что проигралъ битву и что все потеряно для него...

Между тѣмъ Юргенъ, осыпаемый градомъ пуль, выдержалъ битву на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ она была всего сильнѣе подъ заборами и среди кустовъ въ оврагѣ. Вездѣ текли ручьи крови; склоны холмовъ были покрыты мертвыми и умирающими. Изъ отряда, къ которому принадлежалъ Юргенъ, едва уцѣлѣло тридцать человѣкъ рядовыхъ. Всѣ офицеры были перебиты.—Друзья мои, сказалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ, выдержимъ до конца!—Разумѣется! отвѣтили въ одинъ голосъ кромвелевскіе солдаты. Въ это время въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ появилась разрозненная толпа кавалеристовъ, спѣшившихъ пробраться черезъ оврагъ. Впереди ѣхалъ молодой человѣкъ, незнакомый Юргену; предполагая, что это офицеръ парламентской арміи, онъ подошелъ къ нему, и, отдавъ честь, спросилъ: какъ идетъ битва, милостивый государь? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ кавалеристы подняли свои шпаги; раздались выстрѣлы карабиновъ и пистолетовъ. Это принцъ Рупрехтъ, крикнули товарищи Юргена, не успѣвшіе во-время предостеречь его. Юргенъ вернулся на прежнее мѣсто и приготовился къ бою. Но, на счастье маленькаго отряда, силы нападающихъ были истощены; принцъ Рупрехтъ не хотѣлъ рисковать жизнью и свободой, чтобы отнять позицію, потерявшую всякое значеніе, такъ какъ теперь битва происходила на другой сторонѣ холма. Онъ пришпорилъ свою лошадь; его примѣру послѣдовали другіе. Тѣмъ не менѣе, Юргенъ и его товарищи произвели сильное опустошеніе въ рядахъ бѣглецовъ: нѣкоторые были убиты на мѣстѣ; другіе обезоружены и взяты въ плѣнъ; при этомъ удалось овладѣть непріятельскимъ знаменемъ. Затѣмъ все стихло въ оврагѣ, и только слышенъ былъ шумъ удалявшейся битвы, который становился все слабѣе. Солнце начало склоняться къ западу; на деревенской башнѣ пробило два часа. Но тутъ раздались громкіе крики команды, и резервы скорымъ шагомъ вошли на возвышеніе, такъ какъ битва была кончена и побѣда осталась за парламентской арміей.

— Друзья мои, сказалъ Юргенъ, обращаясь къ товарищамъ, послѣдуемъ ихъ примѣру; намъ здѣсь оставаться нечего!

Они примкнули къ выступавшимъ полкамъ и, очистивъ холмъ отъ остатковъ непріятельской арміи, погнали ихъ передъ собой къ

Маркетъ Герборо. Въ это время Юргену удалось захватить карету, въ которой сидѣла графиня Дизаръ. Усердный поклонникъ слабаго пола разсыпался въ любезностяхъ передъ красивой женщиной; но она прервала его съ первыхъ же словъ и просила проводить ее къ Кромвелю. Юргенъ исполнилъ это желаніе и проводилъ графиню въ Маркетъ Герборо, гдѣ теперь расположился главный начальникъ кавалеріи. Они застали героя Несби въ той самой залѣ, которая наканунѣ была наполнена веселой нарядной толпой придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Кромвель обошелся вѣжливо, но крайне холодно съ прекрасной дамой, несмотря на то, что она употребила всѣ усилія, чтобы тронуть его сердце, и пустила въ ходъ цѣлую батарею огненныхъ взглядовъ и самыхъ обворожительныхъ улыбокъ.

— Миледи, сказалъ ей Кромвель на прощаніе; я охотно исполню вашу просьбу, если вы дадите мнѣ слово, что не будете участвовать ни въ какихъ заговорахъ!

Но могла ли графиня дать подобное обѣщаніе! Способна ли она была оставаться въ бездѣйствіи съ этими глазами, этой улыбкой, милымъ лицомъ и сердцемъ, исполненнымъ ненасытной жажды приключеній? Тѣмъ не менѣе, она дала слово; а Кромвель съ своей стороны не только позволилъ ей вернуться въ Лондонъ, но обѣщалъ поддержать ея искъ въ парламентѣ о снятіи секвестра, наложеннаго на ея замокъ близь Темзы. Графиня Дизаръ смиренно удалилась съ низкими поклонами, разсыпаясь въ изъявленіяхъ благодарности. Подойдя къ двери, она еще разъ бросила взглядъ на Кромвеля; но на этотъ разъ въ ея глазахъ сверкнулъ гнѣвъ, потому что онъ уже не смотрѣлъ на нее и повидимому забылъ объ ея существованіи.

Кромвель обратился къ Юргену и, принявъ собственноручно добытое имъ непріятельское знамя, похвалилъ его за храбрость, и въ видѣ награды назначилъ корнетомъ своего полка.

Юргенъ былъ въ высшей степени польщенъ этой честью, и, поблагодаривъ генерала, торжественно поклялся въ вѣрности парламенту. Затѣмъ первой его заботой было пріобрѣсти хорошій мундиръ, лошадь и оружіе, что не составило никакого затрудненія, такъ какъ все это можно было получить за безцѣнокъ послѣ битвы при Несби.

Такимъ образомъ Юргенъ, выражаясь его языкомъ, «опять вышелъ въ люди» и рѣшилъ присоединить къ присвоенному имени Юргенъ честную фамилію своего отца. Мы видѣли, что во время переговоровъ съ баронетомъ онъ съ нѣкоторою гордостью назвалъ себя: «Юргеномъ Джойсъ, корнетомъ кромвелевскаго полка».

Но баронетъ не обратилъ никакого вниманія на фамилію Джойсъ и отнесся крайне неуважительно къ мундиру Юргена.

— Я не желаю имѣть никакого дѣла съ такимъ негодяемъ, какъ ты! воскликнулъ съ гнѣвомъ владѣлецъ Чильдерлейскаго замка. Ты вполнѣ заслуживаешь висѣлицы, подлый измѣнникъ!

— Не напоминайте мнѣ о ней многоуважаемый сэръ! отвѣтилъ Юргенъ грустнымъ тономъ. Теперь это не производитъ на меня никакого впечатлѣнія. Но совѣтую вамъ быть осторожнымъ въ присутствіи моихъ людей; они не совсѣмъ охотно выслушиваютъ нѣкоторыя вещи. Что касается меня лично, то вы можете говорить, что вамъ угодно, если это доставляетъ вамъ удовольствіе, потому что Юргенъ Джойсъ, будь онъ двадцать разъ корнетомъ, никогда не забудетъ, что вы не погнушались имъ, когда онъ былъ въ бѣдности, и накормили его...

— Жаль что ты не подавился тогда моимъ ужиномъ, висѣльникъ! продолжалъ сэръ Товій съ возрастающимъ негодованіемъ. Если бы ты околѣлъ вò-время, то не сдѣлался бы бунтовщикомъ на позоръ своего народа!

— Такія рѣчи не совсѣмъ приличны для христіанина сэръ, не говоря уже о томъ...

— Тотъ, кто измѣнилъ королю какъ ты, въ моихъ глазахъ не человѣкъ и не христіанинъ!.. Объясни мнѣ пожалуйста, какую еще дрянь ты привелъ съ собой?

— На этотъ разъ вы совершенно правы сэръ. Видитъ Богъ, я предпочелъ бы что̀ нибудь лучшее. Но солдатъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему попадетъ подъ руку. Это плѣнные изъ Бристоля, сбродъ какихъ-то нищихъ! Будь они прокляты! Никто не пожалѣетъ о нихъ. Чѣмъ скорѣе посадимъ мы ихъ на корабли и отправимъ на табачные острова, тѣмъ лучше. Однимъ словомъ это жиды!

— Жиды! воскликнулъ баронетъ, не помня себя отъ ярости. Какъ осмѣлился ты осквернить землю моихъ предковъ этимъ отребьемъ человѣческаго рода. Я не потерплю этого! Такъ и скажи своему генералу! Если ему угодно онъ можетъ сжечь мой замокъ, разгромить стѣны, но эти люди проклятые самимъ Богомъ никогда не переступятъ порогъ моего дома. Прочь отсюда! Пиль! хватай ихъ! крикнулъ неожиданно баронетъ своимъ волкодавамъ, которые съ хриплымъ лаемъ бросились на беззащитную толпу плѣнныхъ евреевъ, стоявшихъ на дворѣ. Раздался визгъ и крикъ дѣтскихъ голосовъ, вопли матерей, глухой ропотъ негодованія со стороны мужчинъ, которые дѣлали напрасныя усилія, чтобы отогнать разъяренныхъ животныхъ. Тутъ среди этой дикой возмутительной сцены неожиданно раздался громкій звучный голосъ молодого человѣка.

«Величіемъ славы твоей Господи, ты низложилъ возставшихъ противу тебя. Ты послалъ гнѣвъ твой, и онъ попалилъ ихъ какъ солому! Да нападетъ на нихъ страхъ и ужасъ; отъ величія мышцы твоей да онѣмѣютъ они какъ камень, доколѣ проходитъ народъ

твой Господи, доколѣ проходитъ сей народъ, который ты пріобрѣлъ!»..

Слова эти прозвучали, какъ зловѣщее проклятіе среди ночнаго мрака и потоковъ дождя. Блеснула молнія, прорѣзавъ зигзагомъ черныя тучи, раздался оглушительный раскатъ грома; запахло сѣрой и дымомъ; показался огонь. Раздались крики; пожаръ! пожаръ!

Молнія ударила въ башню, въ которой жила Мануэлла. Но слуги, вбѣжавшіе въ ея комнату, чтобы остановить дѣйствіе огня, не нашли ее тамъ. Она вышла изъ башни за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ и, стоя у стѣны видѣла сцену травли людей собаками. Сэръ Товій не замѣтилъ ея присутствія; не помня себя отъ ужаса, онъ отдавалъ безсвязныя противорѣчивыя приказанія прислугѣ. Вскорѣ явились на помощь деревенскіе жители подъ предводительствомъ Бумпуса съ ведрами и баграми. Шумъ и крики все увеличивались. Въ это время Мануэлла, пользуясь общимъ смятеніемъ подошла къ своимъ соотечественникамъ. Ея граціозная фигура ярко освѣщенная огненнымъ отраженіемъ пылавшей башни, показалась имъ небеснымъ видѣніемъ. Они съ недоумѣніемъ переглянулись между собой.

— Не переступайте порога этого дома, до котораго коснулся перстъ Божій, сказала она имъ по португальски. Молитесь за враговъ вашихъ и уходите скорѣе отсюда; я пойду вмѣстѣ съ вами!

Толпа странниковъ молча направилась къ подъемному мосту, гдѣ стоялъ ожидавшій ихъ отрядъ.

Мануэлла шла за ними; багровый свѣтъ пожара еще нѣсколько минутъ освѣщалъ ея лицо, затылокъ, складки платья; затѣмъ она очутилась во мракѣ, среди своихъ соотечественниковъ, которые радостно привѣтствовали ее.

— Кто ты такая? какъ тебя зовутъ? спрашивали наперерывъ мужчины и женщины, тѣснясь около нея, какъ бы для того, чтобы убѣдиться что она живое существо и услышать ея голосъ.

— Не спрашивайте меня! Зачѣмъ вамъ знать мое имя! отвѣчала она.

Тутъ рука ея была крѣпко сжата рукой мужчины, и сильный голосъ шепнулъ ей:

— Я знаю тебя Мануэлла д'Акоста!

Это былъ тотъ самый молодой еврей, который передъ тѣмъ произнесъ проклятіе надъ Чильдерлейскимъ домомъ. Мануэлла не могла разглядѣть его во мракѣ, но узнала по звуку голоса, который не разъ слышала въ домѣ своего отца.

— Исаакъ де-Кастро! воскликнула она, радуясь встрѣчѣ съ близкимъ родственникомъ.

— Ты хорошо дѣлаешь, что умалчиваешь о своемъ имени, продолжалъ юноша. Большинство этихъ несчастныхъ принадлежитъ

къ нашей амстердамской общинѣ. Какъ ни бѣдны и жалки эти люди, но они постарались бы избѣгнуть всякихъ сношеній съ тобой, если бы знали, кто ты.

— Если то, что ты говоришь справедливо Исаакъ, то я жалѣю, что молнія, которая зажгла эту башню, не поразила меня вмѣсѣ съ нею!

— Да, это было бы лучше! замѣтилъ строго де-Кастро, какъ для тебя, такъ и для того человѣка, который нѣкогда назывался твоимъ отцомъ.

— Моимъ отцомъ! воскликнула Мануэлла.

— Тише! сказалъ де-Кастро. Горе тебѣ, если они узнаютъ твое имя. Всему Амстердаму извѣстно, что твой отецъ уже не считаетъ тебя своей дочерью! Восемь дней просидѣлъ онъ на скамейкѣ; четыре недѣли не брилъ бороды, зажегъ свѣчку за упокой души, читалъ молитвы и разодралъ на себѣ одежду, оплакивая тебя какъ мертвую. Онъ проклялъ тебя, какъ только узналъ, что ты убѣжала изъ его дома съ христіаниномъ, который соблазнилъ тебя...

— Нѣтъ, это неправда! прервала его съ живостью Мануэлла.

— Я предупреждалъ тебя, чтобы ты не говорила такъ громко!

— Выслушай меня Исаакъ! сказала молодая дѣвушка умоляющимъ голосомъ. Я все разскажу тебѣ. Ты убѣдишься, что я невинна! Клянусь моей жизнью...

— Ты умерла для насъ и для своего народа! возразилъ мрачно де-Кастро. Ты исключена изъ нашей общины!

Мануэлла молча опустила голову; крупныя слезы текли по ея щекамъ.

ГЛАВА VI.

Признаніе Юргена и его философія.

Такимъ образомъ, Юргенъ опять встрѣтилъ прекрасную еврейку, образъ которой глубоко запечатлѣлся въ его сердцѣ. Свиданіе съ нею и на этотъ разъ настолько воодушевило его, что онъ, несмотря на свой волчій апетитъ, отказался отъ намѣренія во что бы то ни стало поужинать въ замкѣ, и не счелъ нужнымъ помогать людямъ сэра Товія тушить башню.

— Не бѣда, если сгоритъ это гнѣздо! проборматалъ онъ себѣ въ утѣшеніе. Во всемъ виноватъ самъ баронетъ! Не слѣдовало обходиться такъ со старыми друзьями и травить ихъ собаками. Я лично нисколько не сержусь на него, но если бы мнѣ вздумалось помочь ему въ тушеніи пожара, то онъ въ состояніи вторично прогнать меня!..

Юргенъ, успокоивъ себя этой мыслью, быстрыми шагами направился къ подъемному мосту, гдѣ стояла Мануэлла, вдали отъ толпы плѣнныхъ, которые, перейдя мостъ, расположились на дорогѣ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ отрядомъ.

— Прелестная миссъ, сказалъ онъ обращаясь къ ней: Я знаю, кто вы, но будь я проклятъ, если изъ-за этого позволю себѣ нанести вамъ малѣйшее оскорбленіе. Надѣюсь, что вы также знаете, кто говоритъ съ вами?

Мануэлла вздрогнула при звукахъ его хриплаго голоса. Хрипота не оставляла Юргена среди самаго жаркаго лѣта. Онъ увѣрялъ своихъ товарищей, что это слѣдствіе сильной простуды, схваченной имъ въ Германіи, гдѣ, по его словамъ, зима и морозы продолжаются круглый годъ. Но въ дѣйствительности онъ охрипъ не отъ холода, а отъ непомѣрнаго количества вина и водки, выпитаго имъ во время его достохвальнаго участія въ тридцатилѣтней войнѣ.

— Я, кажется, испугалъ васъ, моя дорогая миссъ? спросилъ онъ, замѣтивъ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на нее своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Онъ старался смягчить голосъ и придать ему нѣжность, но это плохо удавалось ему при упомянутомъ недостаткѣ.

— Пожалуйста успокойтесь, продолжалъ Юргенъ, видя, что Мануэлла не отвѣчаетъ ему; вы не можете сомнѣваться въ моей дружбѣ. Я тотъ самый, который игралъ роль кормилицы на маленькомъ театрѣ вашего дома въ Амстердамѣ. Помните ли вы это? Послѣ того, я видѣлъ васъ въ Чильдерлейскомъ замкѣ, гдѣ насъ угостили такимъ славнымъ ужиномъ, и, наконецъ, въ Лонгстовскомъ лѣсу, всю въ крови и безъ чувствъ. Слава Богу, что вы опять живы и здоровы и на васъ нѣтъ этого отвратительнаго мужскаго платья! Оно совсѣмъ не шло къ вамъ, и это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Юргенъ Джойсъ! Теперь вы одѣты какъ слѣдуетъ, и я долженъ вамъ сказать, что вы стали еще красивѣе. Что же вы молчите? Скажите откровенно я вамъ не нравлюсь. Въ такую скверную погоду всѣ солдаты похожи другъ на друга! Впрочемъ красота не въ нашей власти; но тутъ есть сердце! добавилъ онъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь.

— Я не могу безусловно вѣрить вашей добротѣ, послѣ того, что вы позволили себѣ сказать объ этихъ несчастныхъ людяхъ! возразила Мануэлла указывая на своихъ соотечественниковъ.

— Дѣйствительно я не совсѣмъ почтительно выразился о нихъ! отвѣтилъ Юргенъ. Но, во-первыхъ, они плѣнные, а во-вторыхъ, не сердитесь, если я осмѣлюсь сказать въ вашемъ присутствіи... Впрочемъ, нѣтъ... леди изъ замка запретила мнѣ говорить объ этомъ...

— Можете сказать прямо, то, что думаете! они...

— Видите ли въ чемъ дѣло... я хотѣлъ сказать... началъ заикаясь Юргенъ, они жиды!..

— Развѣ я сама не жидовка!

— Конечно, я знаю это! пробормоталъ въ смущеніи Юргенъ. Клянусь честью, я никому не разскажу объ этомъ... Вдобавокъ, вы совсѣмъ не похожи на нихъ!

— Я не желаю быть лучше ихъ!

— Я не знаю лучше ли вы ихъ; но я сталъ другимъ человѣкомъ съ той минуты, какъ увидѣлъ васъ въ домѣ вашего отца. Въ сердцѣ моемъ проснулось странное чувство, котораго я никогда не испытывалъ прежде. Ѣда опротивѣла мнѣ; даже вино потеряло для меня свою прелесть. Тогда я отправился на войну; прежній апетитъ вернулся мало-по-малу; но боль въ сердцѣ не прекращалась. Подконецъ, не прогнѣвайтесь, я совсѣмъ забылъ васъ, и вспомнилъ только тогда, когда увидѣлъ въ замкѣ за ужиномъ. Тутъ опять все перевернулось во мнѣ; въ памяти всплыли старые грѣхи. «Такая красивая дѣвушка, думалъ я, и такой жалкій негодяй какъ ты...» Я далъ себѣ втайнѣ обѣщаніе сдѣлаться другимъ человѣкомъ изъ любви къ вамъ. Но вслѣдъ затѣмъ, меня захватили въ плѣнъ и приговорили къ смерти. Въ это время я также не переставая думалъ объ васъ и часто говорилъ, что нѣтъ вещи, которой бы не сдѣлалъ для такой дѣвушки, какъ вы. Съ этой мыслью пошелъ я на смерть; но тутъ спасся какимъ-то чудомъ и меня отправили въ битву при Несби. Я съ честью выдержалъ испытаніе и, по возможности загладивъ прежніе грѣхи, мечталъ только о томъ, чтобы снова увидѣть васъ... Теперь эта минута наступила!.. Да моя дорогая миссъ, Юргенъ всей душой любитъ васъ!... Я вполнѣ сознаю, что такой грубый и одичавшій человѣкъ, какъ вашъ покорный слуга, который столько времени шатался по бѣлому свѣту, не можетъ настолько исправиться, чтобы сдѣлаться достойнымъ такого существа, какъ вы, не говоря уже о томъ, что вы жидовка, а я христіанинъ и останусь имъ всю жизнь... Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать...

Въ голосѣ Юргена было столько искренности и задушевности въ эту минуту, что онъ тронулъ бы самое ожесточенное сердце.— Вамъ, продолжалъ онъ, я обязанъ моимъ исправленіемъ и той перемѣной, какая произошла во мнѣ. Вы никогда не услышите больше о моихъ чувствахъ къ вамъ; но будьте милостивы ко мнѣ, не откажите моей единственной просьбѣ... Позвольте мнѣ охранять васъ отъ тѣхъ опасностей, которыя будутъ угрожать вамъ, я буду безконечно счастливъ, если мнѣ придется умереть ради васъ...

Грубый искатель приключеній зарыдалъ при этихъ словахъ и не могъ продолжать отъ волненія.

Мануэлла, оскорбленная и опечаленная жестокостью своихъ родныхъ, была тронута до глубины души безкорыстною любовью этого совершенно посторонняго для нея человѣка, который ничего не требовалъ отъ нея кромѣ позволенія посвятить ей свою жизнь. Она

ласково протянула ему обѣ руки и пожала его жесткую мозолистую руку.

— Прикосновеніе вашихъ рукъ согрѣло мою душу, какъ весеннее солнце! воскликнулъ Юргенъ взволнованнымъ голосомъ. Скажите, что я могу сдѣлать для васъ! Я исполню все, что вы мнѣ прикажете.

— Прежде всего, я просила бы васъ не обходиться такъ грубо и жестоко съ моими единовѣрцами! сказала Мануэлла.

— Пусть меня повѣсятъ, если я не исполню этого!.. Друзья мои, крикнулъ онъ толпѣ евреевъ; мы отправимся въ деревню; здѣсь въ замкѣ врядъ ли намъ дождаться какого-нибудь угощенія! Вдобавокъ, всѣ они заняты пожаромъ!.. Стройся! скомандовалъ онъ своему небольшому отряду, который обыкновенно называлъ эскадрономъ, такъ какъ вообще любилъ употреблять громкія слова.

Кавалеристы выстроились насколько позволяла темнота и скользкая почва; плѣнные встали по срединѣ. Юргенъ хотѣлъ крикнуть: маршъ! но остановился, замѣтивъ, что Мануэлла исчезла.

Въ то время, какъ Юргенъ отдавалъ приказанія отряду и разставлялъ плѣнныхъ, Мануэлла вернулась къ замку. Припоминая короткій разговоръ съ Исаакомъ де-Кастро, она живо представила себѣ весь ужасъ своего положенія. Надъ нею тяготѣли всѣ проклятія написанныя въ книгѣ законовъ; имя ея было вычеркнуто изъ списка живущихъ; никто изъ ея единовѣрцевъ не смѣлъ оказать ей ни малѣйшей услуги, ни жить подъ одной кровлей, ни даже находиться на разстояніи четырехъ локтей отъ нея. Въ виду всего этого, Мануэллой овладѣло мучительное сомнѣніе: не разразился ли гнѣвъ Господенъ надъ домомъ баронета вслѣдствіе оказанныхъ ей благодѣяній? Проклятіе моего народа преслѣдуетъ меня куда бы я не пошла! думала съ отчаяніемъ несчастная дѣвушка. Каждый человѣкъ, сдѣлавшій мнѣ добро, долженъ быть наказанъ за него, какъ за преступленіе. Горе мнѣ! Не лучше ли покончить съ жизнью, которая ничего не можетъ принести мнѣ кромѣ мученій и вреда другимъ людямъ...

Башня, объятая пламенемъ, составлявшая для нея предметъ ужаса, теперь манила ее къ себѣ съ неудержимою силою. Упавшая сверху горящая балка могла въ нѣсколько секундъ прекратить ея ненужное существованіе. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Мануэлла остановилась: — Нѣтъ, сказала она; я не лишу себя добровольно жизни! Несмотря на проклятіе отца, ожидающую меня нужду и бѣдствія, я буду жить... Если справедливъ Богъ Израиля, то рано или поздно люди убѣдятся въ моей невинности.

Во время этихъ размышленій ей показалось, что она видитъ вдали Оливію въ красноватомъ отблескѣ поднимавшагося пламени.

— Прощай моя дорогая Оливія! крикнула она ей.

Дочь баронета услышала этотъ зовъ, несмотря на шумъ падающихъ бревенъ и камней, крики и говоръ людей тушившихъ пожаръ. Въ первую минуту на ея лицѣ выразился испугъ; она узнала отъ прислуги, что Мануэлла изъ саду прошла въ башню до начала пожара; никто не видѣлъ, чтобъ она вышла оттуда. Оливія колебалась между страхомъ и надеждой; она не рѣшилась сообщить своихъ опасеній отцу и умоляла Мартина Бумпуса подставить лѣстницу къ окну башни и посмотрѣть: нѣтъ ли тамъ несчастной дѣвушки. Въ это время она услышала зовъ своей подруги и подъ вліяніемъ страха вообразила, что ея голосъ раздался со стороны горѣвшаго строенія; но вслѣдъ затѣмъ она увидѣла Мануэллу и бросилась къ ней съ крикомъ радости.

— Слава Богу, ты жива, я такъ боялась за тебя! воскликнула Оливія, обнимая свою подругу; но тотчасъ же отступила въ ужасѣ, когда увидѣла лицо Мануэллы, покрытое мертвою блѣдностью. Глубокая печаль выражалась въ ея большихъ темныхъ глазахъ и углахъ рта; длинные мокрые волосы покрывали плечи; платье ее было смочено дождемъ; она была опоясана тѣмъ самымъ зеленымъ шарфомъ, которымъ нѣкогда Франкъ Гербертъ перевязалъ ея рану. Съ тѣхъ поръ она хранила эту вещь какъ святыню и, оставляя замокъ, надѣла ее на себя.

Оливія невольно обратила вниманіе на этотъ шарфъ, покрытый запекшейся кровью, который напоминалъ ей одну изъ лучшихъ и самыхъ мучительныхъ минутъ ея жизни.

Взглядъ Оливіи смутилъ несчастную дѣвушку.—Прости меня, проговорила она сквозь слезы, не поднимая глазъ; это все, что я беру съ собой изъ Чильдерлейскаго замка...

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь уйти отъ насъ? воскликнула Оливія. Останься съ нами; ты знаешь, какъ я люблю тебя!

— Не удерживай меня; я слишкомъ долго пользовалась твоимъ присутствіемъ; я не стòю такого счастья! Время испытаній еще не прошло для меня... Богъ отцовъ моихъ призываетъ меня. Прощай! Быть можетъ опять увидимся когда-нибудь...

— Ты не уйдешь отсюда! возразила Оливія, удерживая ее за руку. Я знаю, что отецъ мой былъ несправедливъ къ тебѣ...

— Нѣтъ, онъ былъ совершенно правъ. Разъединеніе началось въ вашей семьѣ изъ-за меня и неизвѣстно чѣмъ оно кончится, если я останусь здѣсь. Отпусти меня!

Но Оливія еще крѣпче обняла свою подругу. Нѣтъ, этого никогда не будетъ! Отецъ не проститъ мнѣ, если я отпущу тебя одну въ такую пору...

Обѣ дѣвушки, занятыя своими мыслями, не замѣтили грозившей имъ опасности. Стѣны башни трескались отъ жары; большіе камни падали сверху. Фигуры драконовъ и головы рыцарей, за

нѣсколько часовъ передъ тѣмъ освѣщенныя вечерней зарей, тонули въ морѣ огня, который, поднимаясь все выше и выше, растоплялъ олово на оконныхъ рамахъ. Баронетъ и его люди въ это время были заняты на другой сторонѣ башни, такъ что дѣвушки могли умереть никѣмъ не замѣченные, въ цвѣтѣ лѣтъ, той поэтической смертью, о которой мечтаетъ молодежь, и почему-то считаетъ достойной зависти.

Но судьба рѣшила иначе. Юргенъ, замѣтивъ отсутствіе Мануэллы, оставилъ свой отрядъ съ плѣнными и поспѣшилъ къ горѣвшей башнѣ, гдѣ увидѣлъ издали свою возлюбленную. Онъ явился во-время, чтобы спасти ее отъ неминуемой опасности: едва успѣлъ онъ столкнуть съ мѣста обѣихъ дѣвушекъ, какъ огромный камень сорвался съ высоты башни и съ глухимъ шумомъ упалъ на то мѣсто, гдѣ онѣ стояли за минуту передъ тѣмъ. Оливія хотѣла поблагодарить своего неожиданнаго спасителя, но въ это время Юргенъ схватилъ Мануэллу на руки и унесъ безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны. Оба исчезли во мракѣ ночи. Оливія съ громкимъ крикомъ бросилась къ подъемному мосту; но уже слышны были шаги толпы на покатой дорогѣ и мѣрный стукъ копытъ; затѣмъ все стихло.

Оливія упала на землю безъ чувствъ; но ея отсутствіе было тотчасъ же замѣчено. Молодую дѣвушку перенесли въ замокъ приписывая обморокъ испугу и усталости. Когда ее привели въ чувство, она разсказала о похищеніи Мануэллы отцу и Гевиту и умоляла обоихъ послать погоню за Юргеномъ.

Баронетъ, чувствуя себя не совсѣмъ правымъ, молчалъ; но священникъ успокоилъ встревоженную дѣвушку обѣщаніемъ навести самыя тщательныя справки о Мануэллѣ, въ Кембриджѣ, куда долженъ былъ отправиться транспортъ плѣнныхъ, такъ какъ въ этомъ городѣ расположилась армія.

ГЛАВА VII.

На разсвѣтѣ.

Небо, ниспославшее молнію на Чильдерлейскую башню, само помогло потушить ее проливнымъ дождемъ. Когда сгорѣли балки, полы, и все, что могло сдѣлаться жертвою пламени, пожаръ встрѣтилъ естественную преграду въ сырыхъ камняхъ, и мало по малу совсѣмъ потухъ благодаря потокамъ дождя. Хотя башня стала необитаемой и уцѣлѣли однѣ стѣны, но она, все-таки сохранила до

извѣстной степени свой прежній видъ, такъ что ея участь была лучше участи многихъ великолѣпныхъ зданій въ англійскомъ королевствѣ, которыя были разрушены до основанія и проданы какъ строительный матеріалъ для уплаты запоздалаго жалованья тому или другому полку, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ представлявшаго въ тѣ времена самое обыденное явленіе. При такихъ условіяхъ люди и парламентъ бываютъ безжалостнѣе самого неба. Одинъ авторъ современныхъ мемуаровъ, Томасъ Гербертъ (родственникъ Франка Герберта), который добровольно раздѣлилъ печальную участь и плѣнъ короля и вмѣстѣ съ нимъ переѣзжалъ изъ одного замка въ другой,—говоритъ по этому поводу, что «польза, принесенная междоусобной войной, не соотвѣтствовала огромнымъ сопряженнымъ съ нею расходамъ».

Мы могли бы возразить почтенному автору мемуаровъ что еще можно было бы помириться съ междоусобной войной, еслибы она не имѣла другихъ вредныхъ послѣдствій, кромѣ огромныхъ издержекъ.

Однако вернемся къ нашему разсказу.

Дождь прекратился передъ разсвѣтомъ. Наступило очаровательное утро; міръ казался какъ бы созданнымъ за-ново. На небѣ не видно было ни одного облачка; свѣжій воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ цвѣтовъ и травъ, живительнымъ запахомъ зелени и земли. Но вотъ первый солнечный лучъ окунулся въ серебро и пурпуръ плодовыхъ деревьевъ, озарилъ верхушки стараго лѣса, разсыпался золотистыми искрами по изумрудной зелени луговъ.

Небольшой отрядъ, которымъ командовалъ Юргенъ, медленно подвигался по дорогѣ съ толпой усталыхъ плѣнныхъ. Высоко кружились надъ ними жаворонки, вылетавшіе изъ окрестныхъ полей; въ лѣсу, мимо котораго они ѣхали, слышалось пѣніе и радостное щебетаніе птицъ.

Хотя всего прошла одна ночь съ того времени, какъ Мануэлла оставила Чильдерлейскій замокъ, но ей казалось, что цѣлая вѣчность отдѣляетъ ее отъ прошлаго и весь міръ сталъ не такимъ, какимъ былъ прежде. Юргенъ посадилъ ее на свою лошадь, когда они выѣхали изъ деревни, потому что она изнемогала отъ усталости и наотрѣзъ отказалась отъ ѣды, которую предлагала ей Ганна Бумпусъ, доказывая, что это подкрѣпитъ ея силы. Добрая женщина также радушно угощала и ея единовѣрцевъ; но послѣдніе довольствовались нѣсколькими кусками хлѣба и воды, часть которой они предварительно вылили на землю съ молитвой, по обычаю предписанному ихъ религіей.

Но Юргена никогда не безпокоили никакіе политическіе принципы и религіозныя сомнѣнія; поэтому онъ не задумываясь принялъ угощеніе, предложенное ему женой королевскаго приверженца, которое состояло изъ огромнаго куска жареной баранины и крѣп-

каго пива. Хорошій ужинъ тотчасъ же привелъ его въ наилучшее расположеніе духа; онъ честно раздѣлилъ угощеніе съ товарищами, и, утоливъ голодъ, поблагодарилъ хозяйку въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, какія только могъ придумать въ эту минуту. Затѣмъ, онъ отдалъ приказаніе солдатамъ выступить въ путь съ плѣнными; но самъ ни за что не захотѣлъ сѣсть на лошадь и, посадивъ на нее Мануэллу, пошелъ рядомъ. Дорогой онъ доказывалъ ей, что она навѣрно почувствуетъ себя лучше, если прокатится на его лошади, которая, въ обыкновенное время, была кротка и послушна, и становилась бѣшенной при видѣ непріятеля.

— Впрочемъ, я долженъ сказать, добавилъ Юргенъ, что это замѣчательная лошадь и никто лучше ея не умѣетъ примѣняться къ обстоятельствамъ; сначала она вѣрно служила приверженцамъ короля; но со времени битвы при Несби попала въ парламентскую армію и совершенно измѣнила свои убѣжденія. Однимъ словомъ, я нашелъ въ ней всѣ тѣ достоинства, какія порядочный человѣкъ можетъ требовать отъ своей лошади. Одно жаль, что я не знаю ея прежнее имя и мнѣ даже не къ кому обратиться съ этимъ вопросомъ, потому что ея бывшій хозяинъ убитъ при Несби. Между тѣмъ, каждый человѣкъ долженъ имѣть свое имя, также какъ и всякое животное! Какъ вы думаете, не назвать ли мнѣ ее Мануэллой? Превосходная мысль! по крайней мѣрѣ, у меня будетъ Мануэлла, которая всегда останется при мнѣ. Ну Мануэлла! крикнулъ онъ, хлопнувъ по головѣ лошадь, которая фыркнула въ отвѣтъ на такую неожиданную милость.

Благородное животное, какъ бы желая оправдать лестный отзывъ своего хозяина, осторожно выступало по скользкой луговой почвѣ, перерѣзанной холмами, такъ что молодая дѣвушка на этотъ разъ не подвергалась никакой опасности быть сброшенной на землю.

Уваженіе, съ какимъ относился къ ней начальникъ отряда, возвысило ее въ мнѣніи солдатъ надъ остальными евреями, которые шли попарно одни за другими. Это предпочтеніе тяготило Мануэллу, и она охотно отказалась бы отъ него, еслибы чувствовала въ себѣ достаточно силъ, чтобы вынести утомленіе продолжительнаго перехода. Но она не привыкла къ физической усталости и лишеніямъ; къ этому примѣшивалось также опасеніе, что если она сойдетъ съ лошади, то Юргенъ начнетъ всячески уговаривать ее, и по своей болтливости выдастъ ея тайну. Въ виду всего этого, она рѣшилась покориться необходимости, тѣмъ болѣе, что сознавала всю свою безпомощность. Чѣмъ могла она выразить свою симпатію бѣднымъ плѣнникамъ, кромѣ сострадательнаго взгляда, словъ утѣшенія, дружескаго пожатія руки!.. Но люди въ несчастіи дорого цѣнятъ и эти невещественныя проявленія сочувствія къ ихъ горю. Единовѣрцы Мануэллы довѣрчиво отнеслись къ ней сооб-

щали свои имена, разсказывали ей о своей прошлой жизни. Она слушала ихъ съ замираніемъ сердца и улыбалась, чтобы не измѣнить себѣ. Многихъ она знала по имени; другихъ встрѣчала въ Амстердамѣ на улицѣ и въ синагогѣ; во время одного разговора кто-то назвалъ ея отца по имени. Мануэлла вздрогнула, но старалась пересилить свое волненіе.

— У него была развратная дочь! замѣтила худощавая женщина съ печальнымъ выраженіемъ лица, положивъ руку на кудрявую головку своей маленькой дочери. Я не могу представить себѣ болѣе ужаснаго несчастія. Отецъ дѣвочки кивнулъ головой въ знакъ согласія и добавилъ: Да сохранитъ насъ всевышній отъ такого позора!..

Никто изъ плѣнныхъ евреевъ не узналъ Мануэллы; хотя многіе видѣли ее ребенкомъ. Но она сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ и развилась во всемъ блескѣ своей южной красоты; черты лица стали выразительнѣе и опредѣленнѣе. Де-Кастро избѣгалъ всякихъ сношеній съ нею, но остальные не придавали особеннаго значенія этому обстоятельству, приписывая его странному характеру молодаго человѣка.

Юргенъ сдержалъ слово; онъ перемѣнилъ обращеніе съ плѣнными евреями по просьбѣ Мануэллы, и сталъ относиться къ нимъ съ видимымъ участіемъ. Это были бо̀льшею частью португальскіе евреи изъ Амстердама; одна только семья стараго Авраама была изъ Вормса. Послѣдній наслѣдовалъ отъ своего отца большое состояніе и пользовался общимъ уваженіемъ за свою честность и умъ, но, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ въ Германіи, не носилъ никакой фамиліи, и всѣ знали его только по имени, данному ему при рожденіи. Во время тридцатилѣтней войны, онъ переселился въ Голландію, а затѣмъ въ Лондонъ. Пфальцкій курфирстъ Фридрихъ V, женатый на сестрѣ Карла I, рекомендовалъ Авраама своему зятю, какъ опытнаго финансоваго агента и совѣтовалъ воспользоваться помощью богатаго еврея, чтобы прекратить недоразумѣнія, возникшія между королемъ и парламентомъ. Недоразумѣнія эти начались по поводу финансоваго вопроса; парламентъ протестовалъ противъ произвольной подати, наложенной королемъ на купеческіе корабли. Гемпденъ принудилъ короля отмѣнить налогъ; никто еще не придавалъ тогда особеннаго значенія этому факту, но это были первые признаки приближающейся бури, которая должна была разразиться войной и революціей.

Авраамъ не могъ оказать большой помощи королю и вывести изъ затруднительнаго положенія, что же касается его лично, то онъ нетолько поплатился потерей всего состоянія за почетъ, оказанный ему королемъ, но ему не безопасно было оставаться въ Лондонѣ. Общая ненависть къ нему возросла до такой степени, что стоило ему показаться на улицѣ, чтобъ подвергнуться всевоз-

можнымъ оскорбленіямъ. Народъ собирался толпами около его дома и кричалъ, осыпая его бранью: «Королева привела въ страну іезуитовъ, а король—жидовъ!..»

Когда Карлъ I-й выѣхалъ изъ Лондона послѣ ссоры съ пятью членами парламента, въ числѣ которыхъ былъ Гемпденъ, отказавшій королю въ корабельной подати, Авраамъ переѣхалъ съ семьей въ Нью-Маркетъ, затѣмъ въ Іоркъ и, наконецъ, въ Оксфордъ, гдѣ оставался до битвы при Несби. Отсюда онъ отправился въ Бристоль, гдѣ находился тогда принцъ Рупрехтъ, который встрѣтилъ его ласково, какъ стараго знакомаго, хотя Авраамъ былъ теперь настолько бѣденъ, что никому больше не могъ давать взаймы денегъ. Въ сущности Карлъ I и принцъ Рупрехтъ были главными виновниками его разоренія, такъ какъ заняли у него столько денегъ, что еслибы они заплатили ему сполна свой долгъ съ процентами, то онъ сдѣлался бы самымъ богатымъ евреемъ въ свѣтѣ. Онъ не терялъ надежды, что ему рано или поздно возвратятъ домъ и клочокъ земли, нѣкогда пріобрѣтенные имъ въ Сити и которые были конфискованы парламентомъ, послѣ его отъѣзда изъ Лондона. Хотя принцъ Рупрехтъ сулилъ ему золотыя горы, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы вѣрить подобнымъ обѣщаніямъ, и отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, когда принцъ сталъ убѣждать его возобновить сношенія съ королевскими агентами въ Англіи и за границей. Такимъ образомъ Авраамъ прожилъ нѣкоторое время въ Бристолѣ, единственномъ городѣ, который еще оставался вѣрнымъ королю, пока не явились соединенныя войска Кромвеля и Ферфакса и осадили его.

Въ это время, а именно до окончанія блокады, когда рѣка и каналъ еще не были заперты и сообщеніе съ моремъ оставалось открытымъ, осажденные замѣтили приближеніе корабля подъ голландскимъ флагомъ. Принцъ Рупрехъ вообразилъ, что онъ везетъ провіантъ и подкрѣпленіе изъ Голландіи, и поэтому тоттасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы корабль былъ введенъ въ гавань. Приказаніе это было исполнено; но къ неописанному гнѣву и разочарованію принца Рупрехта и его приближенныхъ, вмѣсто ожидаемаго войска и провіанта на корблѣ оказались португальскіе евреи. Это были переселенцы изъ Амстердама, которые ѣхали въ Бразилію, гдѣ подъ покровительствомъ голландцевъ образовалась многочисленная еврейская община въ городѣ Пернамбуко.

Незадолго передъ тѣмъ вестъ-индская компанія голландскихъ купцовъ, имѣвшая свое собственное наемное войско, отняла отъ португальцевъ завоеванное ими прекрасное могущественное государство Бразилію и дала ей штаттальтера въ лицѣ принца Мориса Нассаускаго. Этому успѣху много способствовали евреи сосланные въ Бразилію португальскимъ правительствомъ. Они возстали противъ своихъ притѣснителей, и, сбросивъ цѣпи постыд-

наго рабства, съ радостью открыли ворота бразильскихъ крѣпостей войскамъ народа, пріютившаго ихъ португальскихъ единовѣрцевъ въ своихъ цвѣтущихъ городахъ. Съ этого времени начались дѣятельныя сношенія между Голландіей и Бразиліей; евреи стали переселяться цѣлыми семьями въ новую страну, гдѣ они приносили безусловную пользу своими богатствами и въ значительной степени способствовали культурѣ дѣвственной почвы. Но вскорѣ въ Бразиліи снова открылась война между голландцами и португальцами, одна изъ самыхъ ужасныхъ и кровавыхъ войнъ, которыя когда либо велись на землѣ. Евреи до конца честно поддерживали голландцевъ и вмѣстѣ съ ними отстаивали интересы республики.

Въ тѣ времена не существовало правильнаго сообщенія между государствами, а тѣмъ болѣе съ такой отдаленной страной, какъ Бразилія, лежащей за океаномъ. Проходили мѣсяцы, прежде чѣмъ въ Голландіи получались новыя извѣстія изъ колоніи. Поэтому послѣднія переселенцы, сѣвшіе на корабль, не имѣли никакого понятія о томъ положеніи, въ какомъ находились дѣла вестъ-индской компаніи, судьба которой была тѣсно связана съ участью ихъ единовѣрцевъ въ Бразиліи.

Переселенцы узнали о новой войнѣ голландцевъ съ португальцами въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ Англіи, гдѣ за ними погналось киперное португальское судно. Они искали спасенія въ Бристольскомъ каналѣ и съ радостью воспользовались дозволеніемъ принца Рупрехта войти въ гавань. Здѣсь, какъ было сказано выше, не особенно обрадовались неожиданнымъ гостямъ и охотно выпроводили бы ихъ изъ города; но это оказалось невозможнымъ. Кромвель окончилъ блокаду; выходъ изъ рѣки былъ запертъ, и городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ.

Несчастныхъ переселенцевъ заперли въ крѣпости, гдѣ, помимо голода и другихъ лишеній, имъ пришлось вынести много непріятностей отъ грубыхъ выходокъ солдатъ и непріязненнаго отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія. Ихъ участь была бы еще тяжелѣе если бы за нихъ не заступился Авраамъ, который воспользовался знакомствомъ съ принцемъ Рупрехтомъ и нѣкоторыми изъ наиболѣе вліятельныхъ гражданъ, чтобы выхлопотать возможныя льготы для своихъ единовѣрцевъ. Сначала амстердамскіе переселенцы какъ аристократы своего племени смотрѣли свысока на нѣмецкаго еврея и даже неохотно принимали его услуги; но вскорѣ среди общаго бѣдствія исчезло всякое различіе какъ между самими евреями, такъ между этими послѣдними и бристольцами. Всѣ соединились для общей защиты города; здоровые ухаживали за больными и ранеными, число которыхъ прибывало съ каждымъ днемъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря упорному сопротивленію жителей, непріятель принужденъ былъ вторично штурмовать городъ, и быть можетъ рѣ-

шился бы снять осаду, если бы принцъ Рупрехъ не сдался на капитуляцію, выговоривъ себѣ свободный пропускъ изъ города.

Военачальники парламентской арміи пощадили гражданъ Бристоля, сообразно основному принципу Кромвеля, что «побѣдитель ради собственной выгоды долженъ расположить къ себѣ сердца побѣжденныхъ кроткимъ и дружелюбнымъ обращеніемъ». Но этотъ принципъ не могъ быть примѣненъ къ несчастнымъ евреямъ, которые были взяты въ плѣнъ и объявлены нарушителями мира. По этому поводу даже сдѣлано было предложеніе разстрѣлять ихъ на мѣстѣ, какъ людей стоящихъ внѣ закона; но большинство возстало противъ такой жестокой мѣры, и рѣшено было отправить ихъ къ главнокомандующему, чтобы онъ произнесъ надъ ними приговоръ.

Мысль о смерти должна была неизбѣжно явиться у каждаго изъ нихъ, когда они двинулись изъ Бристоля, такъ какъ повидимому это былъ послѣдній путь, который приходилось имъ совершать въ этомъ мірѣ.

— Богъ далъ намъ жизнь и можетъ отнять ее! сказалъ при этомъ благочестивый Авраамъ.—Аминь! отвѣтили въ одинъ голосъ шедшіе съ нимъ мужчины и женщины, воодушевленные непоколебимой вѣрой въ правосудіе Бога Израиля.

Одинъ Исаакъ де-Кастро шелъ молча, погруженный въ мрачныя размышленія. Онъ отдѣлился отъ своихъ единовѣрцевъ, почти не говорилъ съ ними, отвѣчалъ на вопросы короткими отрывочными фразами. Хотя ему было не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ, но онъ уже достигъ до того развитія физическихъ силъ и красоты, которое такъ рано выпадаетъ на долю южныхъ уроженцевъ. Его пропорціональная изящная фигура и аристократическій профиль скорѣе напоминали представителей южно-европейской знати, среди которой родъ его занималъ видное мѣсто въ продолженіи столѣтій, нежели восточный типъ его соотечественниковъ. Гордая величественная осанка Исаака де-Кастро также мало соотвѣтствовала покрывавшимъ его лохмотьямъ, какъ суровое аскетическое выраженіе лица его молодости.

Предки Исаака долго жили въ Португаліи и подобно многимъ своимъ соотечественникамъ перешли въ католичество, сохраняя втайнѣ глубокую преданность традиціямъ своего народа. Но когда начались преслѣдованія противъ этихъ мнимыхъ христіанъ и евреи стали попадаться сотнями въ руки инквизиціи (которая вначалѣ сама принудила ихъ къ такому гнусному лицемѣрію, а вслѣдъ за тѣмъ воздвигла на нихъ неумолимое гоненіе), семья де-Кастро въ числѣ другихъ еврейскихъ семействъ переселилась въ Амстердамъ.

Исаакъ де-Кастро воспитывался въ талмудской школѣ ученаго Менассіи бенъ-Израэля, гдѣ сдѣлалъ быстрые спѣхи, благодаря

своимъ блестящимъ способностямъ и рвенію, съ которымъ онъ предался наукѣ. Въ то же время увлеченный ученіемъ гуманистовъ, жившихъ тогда въ Амстердамѣ, онъ сталъ изучать классиковъ, и не только могъ читать въ подлинникѣ латинскихъ авторовъ, историковъ и философовъ, но также Гомера, Платона и греческихъ драматурговъ.

Единовѣрцы Исаака возлагали на него большія надежды въ будущемъ, и относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, не столько за его ученость, сколько за горячую любовь къ еврейскому народу, которая съ возрастомъ перешла въ фанатизмъ. Въ послѣднія годы онъ особенно увлекался чтеніемъ мистической книги «Зогаръ», въ которомъ говорилось о вторичномъ пришествіи Мессіи. Въ тѣ времена книга эта еще не возбуждала никакихъ сомнѣній; и молодой де-Кастро безусловно вѣрилъ ей. Мечты о лучшей будущности еврейскаго народа туманили его фантазію; умъ терялся въ лабиринтѣ толкованій кабалистическаго таинственнаго ученія. Онъ читалъ съ замираніемъ сердца седьмую главу пророка Даніила о четырехъ царствахъ и, согласно мистическимъ вычисленіямъ, ожидалъ въ слѣдующемъ 1648 году явленія Мессіи, который долженъ былъ соединить евреевъ и возстановить въ Палестинѣ престолъ іудейскихъ царей. Предсказанія каббалистовъ имѣли тѣмъ большее значеніе, что они вполнѣ сходились съ словами ветхаго завѣта и особенно съ пророчествомъ Даніила о возстановленіи іудейскаго царства; но вѣрующихъ смущало то обстоятельство, что никто не зналъ о мѣстопребываніи десяти колѣнъ израилевыхъ, которые исчезли безслѣдно. Ихъ долго искали въ Китаѣ, затѣмъ въ Абиссиніи, но напрасно; между тѣмъ годъ пришествія Мессіи приближался, и онъ не могъ явиться, пока не будутъ отысканы затерянныя десять колѣнъ.

Но тутъ разнесся слухъ, что среди американскихъ дикарей найдены слѣды исчезнувшихъ израильтянъ. Еврейскій путешественникъ Монтециносъ торжественно клялся, что встрѣтилъ въ одной мѣстности Южной Америки своихъ одичалыхъ единовѣрцевъ, принадлежащихъ къ колѣну Рувима, которые сообщили ему, что люди изъ племени Іосифа живутъ на сосѣднемъ островѣ, а остальные переселились на сѣверъ. Исаакъ де-Кастро воодушевленный вѣрой въ пришествіе Мессіи, собрался въ Америку, чтобы провѣрить извѣстіе еврейскаго путешественника и воспользоваться его указаніями для достиженія давно желанной цѣли.

Онъ сѣлъ на корабль вмѣстѣ съ другими амстердамскими евреями, ѣхавшими въ Бразилію, но безпощадная судьба закинула ихъ въ Бристоль, гдѣ они были захвачены парламентской арміей въ качествѣ плѣнныхъ. Ударъ разразился внезапно надъ головой молодаго фанатика и грозилъ разрушить всѣ его надежды. Онъ